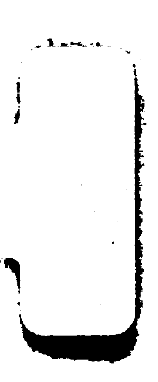

*QCA
Digitized by Google

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

НА 1840 ГОДЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

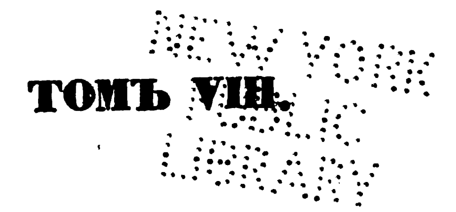
АНДРЕЕМЪ КРАЕВСКИМЪ.

—

Beatae plane aures, quae non vocem foris sonantem, sed intus auscultant veritatem docentem.

Gersonius.

ТОМЪ VIII.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ГУТЕНБЕРГОВОЙ ТИПОГРАФІИ.

—

1840.

Печатать позволяется. С. Петербургъ, 14 января 1840.

Ценсоръ *П. Корсаковъ.*
Ценсоръ *А. Фрейгангъ.*

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

I.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РОССІИ.

ПРЕКРАЩЕНІЕ УНІИ ВЪ 1839 ГОДУ. (*)

Призирая свыше на человѣчество, Божественный Промыслъ неизповѣдимыми судьбами благоуправляетъ царства и царей земныхъ. Все совершается по неизповѣдимой волѣ Творца всяческихъ, и благословеніе Его предшествуетъ на всѣхъ путяхъ благочестивому. Торжественно ознаменовалось сіе небесное благословеніе надъ царствованіемъ благочестиваго Царя русскаго; чудотворнымъ знаменіемъ подъялась изъ праха земнаго столѣтняя гробница, и нетлѣнные мощи святителя водворились въ богоспасаемой Россіи для изцѣленія вѣрныхъ чадъ церкви, для предстательства у престола Божія за Царя и народъ его. Но всемогущій промыслъ еще таилъ въ десницѣ своей новую радость для народа благословеннаго; еще должно было совершиться дѣло милосердія въ часъ назначенный. Долго медлило урочное время, тихо совершилось возрожденіе; но вотъ, святая воля изрекла свое велѣніе — и благочестивый Императоръ простеръ отеческія объятія дѣ-

(*) Обзоръ государственныхъ постановленій и событій *во второй половинѣ* 1839 года не можетъ еще быть составленъ, потому-что не всѣ постановленія правительства, состоявшіяся въ концѣ прошлаго года, напечатаны. Этотъ «Обзоръ» помѣстится во II-й и III-й книжкахъ «Отеч. Записокъ».

тямъ заблудшимъ, оплакиваннымъ церковію православною... Въ 12-й день февраля 1839 года Унія возвратилась на лоно древней матери своей, церкви всероссійской.

Единый Богъ вѣсть, что чувствовало сердце царево при изрѣченіи умилительныхъ словъ: *благодарю Бога и принимаю;* одному небу извѣстно, какія молитвы, благодаренія возносились изъ сердца царева къ престолу Всевышняго, во всемъ ему споспѣшествующаго!

Въ первое воскресенье великаго поста — недѣля православія, — собрались въ Полоцкъ всѣ грекоунитскіе въ Россіи епископы и вмѣстѣ съ прочимъ знатнѣйшимъ духовенствомъ подписали актъ, въ коемъ, изъяснивъ чистосердечное желаніе свое принадлежать къ прародительской церкви своей, положили просить августѣйшаго Государя о повелѣніи привести ихъ желаніе въ исполненіе; къ акту приложили они собственноручныя удостовѣренія подвѣдомаго имъ духовенства въ томъ, что и оно одушевлено тѣмъ же чувствомъ приверженности къ древнему православію. Сіе дѣяніе свое заключили они горячимъ моленіемъ въ полоцкомъ каѳедральномъ соборѣ, да Всевышній Глава церкви и Господь Іисусъ Христосъ подастъ успѣхъ твердому намѣренію ихъ— положить, во имя его святое, конецъ раздѣленію русскихъ церквей, и учиненный ими актъ, при всеподданнѣйшемъ прошеніи, предоставили старшему изъ нихъ, епископу литовскому Іосифу отвести въ столицу и повергнуть на высочайшее воззрѣніе Государя Императора, чрезъ завѣдывавшаго дѣлами ихъ исповѣданія, обер-прокурора Святѣйшаго Синода графа Протасова.

Государь, получивъ столь пріятное для Его благочестиваго сердца извѣстіе, съ глубокимъ чувствомъ благодарности къ Царю Царей, высочайше повелѣть соизволилъ представленный ему актъ съ приложеніями внести въ Святѣйшій Синодъ на разсмотрѣніе и сообразное съ правилами святой церкви постановленіе.

Радостно принявъ отъ августѣйшей десницы сіи драгоцѣнные залоги спасительной рѣшимости грекоунитскаго духовенства, и прославивъ небеснаго Пастыреначальника за новое умноженіе истиннаго стада его, Святѣйшій Синодъ опредѣлилъ: по правиламъ и примѣрамъ святыхъ отецъ, принять епископовъ, священство и всю паству бывшей доселѣ грекоунитской церкви въ полное и совершенное общеніе святой православно-каѳолической восточной церкви и въ нераздѣльный составъ церкви всероссій-

ской, и таковое синодальное дѣяніе поднести Государю Императору при всеподданнѣйшемъ докладѣ.

Въ 25-й день марта, въ праздникъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, и наканунѣ величайшаго изъ торжествъ церкви — Воскресенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, докладъ Синода удостоенъ высочайшаго утвержденія собственноручною Его Величества резолюціею: «Благодарю Бога и принимаю». — И тихо раздалось благовѣстіе, что многочисленное въ западныхъ областяхъ Россіи духовенство и народъ такъ-называвшагося грекоунитскаго обряда воскресли къ новой жизни въ тѣснѣйшемъ духовномъ соединеніи, для неба — съ древнею вселенскою церковью Христовою, и для земли — съ древнимъ своимъ русскимъ отечествомъ.

Высочайшее соизволеніе слушано въ 30-й день марта въ полномъ собраніи Синода, и когда за тѣмъ сдѣлано постановленіе о приведеніи монаршей воли въ дѣйство, обер-прокуроръ Святѣйшаго Синода ввелъ въ засѣданіе преосвященнаго литовскаго Іосифа. Первенствующій членъ, митрополитъ новгородскій и санктпетербургскій, Серафимъ, объявилъ о совершившемся, и отъ имени всероссійской церкви привѣтствовалъ представителя возсоединеннаго духовенства съ столь вожделѣннымъ событіемъ. Митрополитъ кіевскій и галицкій, Филаретъ, читалъ синодальную грамоту къ возсоединеннымъ епископамъ и духовенству, которая преосвященнымъ митрополитомъ Серафимомъ и вручена преосвященному Іосифу. Митрополитъ же московскій и коломенскій, Филаретъ, прочелъ высочайше-утвержденное положеніе Синода о переименованіи Грекоунитской Духовной Коллегіи въ Бѣлорусско-Литовскую, и о бытіи ему, Іосифу, предсѣдателемъ оной съ возведеніемъ его въ санъ архіепископа. Преосвященный Іосифъ съ своей стороны принесъ Святѣйшему Синоду благодареніе отъ лица возсоединенныхъ, и, по взаимномъ цѣлованіи, всѣ совокупно отправились въ синодальную церковь, гдѣ ожидало ихъ прочее духовенство, и гдѣ, немедля, совершено благодарственное Господу Богу молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтія боговѣнчанному защитнику всероссійской церкви, ея соборному правительству и православнымъ вселенскимъ патріархамъ. Въ сію торжественную минуту сонмъ архипастырей — Новагорода, Кіева, Москвы, Казани, Пскова, Литвы — изображалъ собою всероссійскую церковь, которая съ восторгомъ простирала объятія къ возсоединеннымъ чадамъ, и во свидѣтели радости своей призы-

вала самого Божественнаго Пастыреначальника, и всю его церковь небесную и земную.

Сіе утѣшительное зрѣлище въ престольномъ градѣ святаго Петра должно было повториться и среди возсоединенныхъ епархій, и первый случай къ тому представился въ проѣздъ преосвященнаго митрополита кіевскаго Филарета изъ столицы въ епархію свою, чрезъ городъ Витебскъ. Въ 14-й день мая, въ праздникъ Св. Троицы, тамошній Успенскій соборный Храмъ первый явилъ въ стѣнахъ своихъ торжественное братолюбное общеніе древлеправославнаго духовенства съ возсоединеннымъ. Литургію совершалъ преосвященный Филаретъ съ преосвященными: епископомъ полоцкимъ, Исидоромъ, и управляющимъ бѣлорусскою возсоединенною епархіею епископомъ оршинскимъ Василіемъ, и съ восемью священниками обѣихъ епархій, отъ каждой по четыре. Многочисленный, стекшійся на сіе духовное празднество народъ молился съ усердіемъ и великимъ вниманіемъ къ невиданному имъ дотолѣ священнодѣйствію, и когда, по окончаніи литургіи и вечернихъ молитвъ къ пресвятому Духу, прочтенъ указъ Святѣйшаго Синода о возсоединеніи, заключенный трогательными словами Монарха: «Благодарю Бога и принимаю», — глаза предстоящихъ оросились слезами радости и умиленія. Въ сіе время митрополитъ, стоя на амвонѣ между архіереевъ обѣихъ епархій, возгласилъ велегласно къ Богу: «Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ!» и подъ сводами храма раздалась хвалебная пѣснь: «Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе». На другой день, въ который продолжается православною церковью празднованіе Святому Духу, высокопреосвященный митрополитъ, по приглашенію гражданъ, принадлежащихъ къ возсоединенной епархіи, съ тѣми же епископами совершалъ божественную литургію и молебствіе въ возсоединенной соборной церкви Св. Верховныхъ Апостоловъ Петра и Павла. Скоро и другія мѣста западныхъ губерній: Полоцкъ, Велижъ, Суражъ, Орша, Минскъ, Вильна, Жировицы были свидѣтелями величественныхъ сослуженій обоего духовенства, которое изъ окрестныхъ мѣстъ нарочно для сего собиралось, въ числѣ 50, 80 и даже 150 однихъ священниковъ. И имъ вполнѣ сочувствовалъ народъ, напомнившій собою набожность и взаимную любовь первыхъ христіанъ. Вездѣ возсоединенная паства, подобно древлеправославной, тѣснилась принимать благословеніе отъ сослужащихъ архипастырей, которые должны были, выходя изъ

церквей, иногда по цѣлому часу идти пѣшкомъ, чтобы удовлетворять ея умилительному усердію.

Помѣщаемъ здѣсь всѣ акты, составляющіе исторію сего великаго событія, которое пребудетъ достопамятнымъ, доколѣ живетъ на землѣ истинное благочестіе и знаменуется слава Господня.

I.

Соборный актъ Греко-Унитской Церкви въ Россіи.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Мы, благостію Божіею, епископы и освященный соборъ Грекоунитской Церкви въ Россіи, въ неоднократныхъ совѣщаніяхъ приняли въ разсужденіе нижеслѣдующее:

Церковь наша отъ начала своего была въ единствѣ святыя, апостольскія, православно-каѳолическія церкви, которая самимъ Господомъ Богомъ и Спасомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ на востокѣ насаждена, отъ востока возсіяла міру, и доселѣ цѣло и неизмѣнно соблюла божественные догматы ученія Христова, ничего къ оному не прилагая отъ духа человѣческагѡ суемудрія. Въ семъ блаженномъ и превожделѣнномъ вселенскомъ союзѣ, церковь наша составляла нераздѣльную часть грекороссійскія церкви, подобно, какъ и предки наши, по языку и происхожденію, всегда составляли нераздѣльную часть русскаго народа. Но горестное отторженіе обитаемыхъ нами областей отъ матери нашей—Россіи, отторгнуло и предковъ нашихъ отъ истиннаго каѳолическаго единенія, и сила чуждаго преобладанія подчинила ихъ власти римской церкви, подъ названіемъ уніатовъ. Хотя же для нихъ и обезпечены были отъ нея формальными актами восточное богослуженіе на природномъ нашемъ русскомъ языкѣ, всѣ священные обряды и самыя постановленія восточныя церкви, и хотя даже возпрещенъ былъ для нихъ переходъ въ римское исповѣданіе (яснѣйшее доказательство, сколь чистыми и непреложными признаны были наши древніе восточные уставы!); но хитрая политика бывшей Польской Республики и согласное съ нею направленіе мѣстнаго латинскаго духовенства, нетерпѣвшія духа русской народности и древнихъ обрядовъ православнаго востока, устремили всѣ силы свои къ изглажденію, если бы можно было, и самыхъ слѣдовъ первобытнаго происхожденія нашего народа и нашей церкви. Отъ сего сугубаго усилія, предки наши, по принятіи уніи, подверглись самой бѣдственной долѣ. Дворяне, стѣсняемые въ своихъ правахъ, переходили въ римское исповѣданіе, а мѣщане и поселяне, не измѣняя обычаямъ предковъ, еще сохранившимся въ уніи, терпѣли тяжкое угнетеніе. Но скоро обычаи и священные церковные обряды, постановленія и самое богослуженіе нашей церкви стали значительно измѣняться, а на мѣсто ихъ вводились латинскіе, вовсе ей несвойственные. Грекоунитское приход-

ское духовенство, лишенное средствъ къ просвѣщенію, въ бѣдности и уничиженіи, порабощено римскимъ, и было въ опасности подвергнуться наконецъ совершенному уничтоженію, или превращенію, если бы Всевышній не прекратилъ сихъ вѣковыхъ страданій, возвративъ россійской державѣ обитаемыя нами области—древнее достояніе Руси. Пользуясь столь счастливымъ событіемъ, большая часть уніатовъ возсоединилась тогда же съ восточною православно-каѳолическою церковію, и уже по-прежнему составляетъ нераздѣльную часть церкви всероссійскія; остальные же нашли по-возможности въ благодѣтельномъ русскомъ правительствѣ защиту отъ превозможенія римскаго духовенства. Но отеческимъ щедротамъ и покровительству нынѣ благополучно царствующаго благочестивѣйшаго Государя нашего Императора Николая Павловича, обязаны мы нынѣшнею полною независимостію церкви нашей, нынѣшними обильными средствами къ приличному образованію нашего духовнаго юношества, нынѣшнимъ обновленіемъ и возрастающимъ благолѣпіемъ святыхъ храмовъ нашихъ, гдѣ совершается богослуженіе на языкѣ нашихъ предковъ, и гдѣ священные обряды возстановлены въ древней ихъ чистотѣ. Повсюду вводятся постепенно въ прежнее употребленіе всѣ уставы нашей искони восточной, искони русской церкви. Остается желать только, дабы сей древній боголюбезный порядокъ былъ упроченъ и на грядущія времена для всего уніатскаго въ Россіи населенія, дабы полнымъ возстановленіемъ прежняго единства съ церковью россійскою сіи прежнія чада ея могли на лонѣ истинной матери своей обрѣсти то спокойствіе и духовное преуспѣяніе, котораго лишены были во время своего отъ оной отчужденія. По благости Господней, мы и прежде отдѣлены были отъ древней матери нашей, православно - каѳолической восточной, и въ-особенности россійской церкви, не столько духомъ, сколько внѣшнею зависимостію и неблагопріятными событіями; нынѣ же, по милости всещедраго Бога, такъ снова приблизились къ ней, что нужно уже не столько возстановить, сколько выразить наше съ нею единство.

Посему, въ теплыхъ сердечныхъ моленіяхъ, призвавъ на помощь благодать Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, который единъ есть истинный Глава единыя истинныя церкви, и Святаго и всесовершающаго Духа, мы положили твердо и неизмѣнно:

1) Признать вновь единство нашея церкви съ православно-каѳолическою церковью, и посему пребывать отнынѣ, купно со ввѣренными намъ паствами, въ единомысліи со святѣйшими восточными православными патріархами, и въ послушаніи Святѣйшаго Правительствующаго Всероссійскаго Сvнода.

2) Всеподданнѣйше просить благочестивѣйшаго Государя Императора настоящее намѣреніе наше въ свое августѣйшее покровительство принять, и исполненію онаго, къ миру и спасенію душъ, высочайшимъ своимъ благо-

усмотрѣніемъ и державною волею споспѣшествовать, да и мы подъ благотворнымъ его скипетромъ, со всѣмъ русскимъ народомъ, совершенно едиными и неразнствующими устами и единымъ сердцемъ славимъ тріединаго Бога по древнему чину апостольскому, по правиламъ святыхъ вселенскихъ соборовъ и по преданію великихъ святителей и учителей православно-каѳолическія церкви.

Во увѣреніе чего, мы всѣ, епископы и начальствующее духовенство, сей соборный актъ утверждаемъ собственноручными нашими подписями, и въ удостовѣреніе общаго на сіе согласія прочаго грекоунитскаго духовенства, прилагаемъ собственноручныя же объявленія священниковъ и монашествующей братіи, всего тысячи трехсотъ-пяти лицъ (*).

Данъ въ богоспасаемомъ градѣ Полоцкѣ, лѣта отъ сотворенія міра седьмь тысячь-триста-сорокъ-седьмаго; отъ воплощенія же Бога Слова тысяча-восемьсотъ-тридцать-девятаго, мѣсяца февраля въ двѣнадцатый день, въ недѣлю православія.

Подлинный подписали:

Смиренный Іосифъ, епископъ литовскій.

Смиренный Василій, епископъ оршинскій, управляющій Бѣлорусскою Епархіею.

Смиренный Антоній, епископъ брестскій, викарій Литовской Епархіи.

Засѣдатель Грекоунитской Духовной Коллегіи, соборный протоіерей Игнатій Пильховскій.

Засѣдатель Грекоунитской Духовной Коллегіи, соборный протоіерей Іоаннъ Конюшевскій.

Засѣдатель Грекоунитской Духовной Коллегіи, соборный протоіерей Левъ Паньковскій.

Предсѣдатель Литовской Консисторіи, соборный протоіерей Антоній Тупальскій.

Предсѣдатель Бѣлорусской Консисторіи, ректоръ Семинаріи, соборный протоіерей Михаилъ Шелепинъ.

Вице-предсѣдатель Литовской Консисторіи, соборный протоіерей Михаилъ Голубовичъ.

Въ должности ректора Литовской Семинаріи, соборный протоіерей Ф. Гомолицкій.

Вице-предсѣдатель Бѣлорусской Консисторіи, протоіерей Константинъ Игнатовичъ.

Членъ Литовской Консисторіи и экономъ семинаріи, крестовый игуменъ Іосаѳъ Вышинскій.

(*) Въ-слѣдъ за тѣмъ сіе число возрасло до 1,607, такъ-что не осталось въ Россіи ни одного грекоунитскаго прихода, который бы не участвовалъ въ общемъ дѣлѣ возсоединенія.

Членъ Бѣлорусской Консисторіи, игуменъ Іосифъ Новицкій.

Инспекторъ Бѣлорусской Семинаріи, соборный протоіерей Ѳома Молишевскій.

Инспекторъ Литовской Семинаріи, крестовый іеромонахъ Игнатій Желязовскій.

Ключарь Полоцкаго Софійскаго каѳ. Собора, С. П. Михаилъ Копецкій.

Экономъ Бѣлорусской Семинаріи, соборный протоіерей Іоаннъ Щеснович.

Засѣдатель Литовской Консисторіи, соборный протоіерей Плакидъ Янковскій.

Засѣдатель Бѣлорусской Консисторіи, протоіерей Іоаннъ Глыбовскій.

Засѣдатель Литовской Консисторіи, Григорій Куцевичъ.

Засѣдатель Бѣлорусской Консисторіи, іерей Іоаннъ Сченсновичъ.

Засѣдатель Бѣлорусской Консисторіи, Ѳома Околовичъ.

Въ должности секретаря при литовскомъ преосвященномъ, крестовый іеромонахъ Фаустъ Миханевичъ.

Въ должности секретаря при преосвященномъ Антоніи, іеромонахъ Петръ Михалевичъ.

II.

Всеподданнѣйшее прошеніе епископовъ грекоунитской церкви въ Россіи.

Всеавгустѣйшій Монархъ,

Всемилостивѣйшій Государь!

Съ отторженіемъ отъ Руси, въ смутныя времена, западныхъ ея областей Литвою, и послѣдовавшимъ за тѣмъ присоединеніемъ оныхъ къ Польшѣ, русскій православный народъ подвергся въ нихъ тяжкому испытанію отъ постоянныхъ усилій польскаго правительства и римскаго двора отдѣлить ихъ отъ церкви православно-каѳолической восточной, и присоединить къ западной. Лица высшихъ состояній, стѣсняемыя всѣми мѣрами въ ихъ правахъ, совратились въ чужое для нихъ римское исповѣданіе, и забыли даже собственное происхожденіе и народность. Мѣщане и поселяне были отторгнуты отъ единенія съ восточною церковію посредствомъ уніи, введенной въ концѣ XVI столѣтія. Съ того времени сей народъ отдѣлился отъ матери своей, Россіи: постоянныя ухищренія политики и фанатизма стремились къ тому, чтобы сдѣлать его совершенно-чуждымъ древняго отечества его, и уніаты испытали, въ полномъ смыслѣ, всю тягость иноплеменнаго ига.

По возвращеніи Россіею древняго ея достоянія, большая половина уніатовъ восприсоединилась къ прародительской своей грекороссійской церкви, а остальные нашли покровительство и защиту отъ преобладанія римскаго ду-

ховенства. Въ благословенное же царствованіе Вашего Императорскаго Величества, при благодѣтельномъ воззрѣніи Вашемъ, Всемилостивѣйшій Государь, у нихъ уже по-большей-части возстановлены въ прежней чистотѣ богослуженіе и постановленія грековосточной церкви; ихъ духовное юношество получаетъ воспитаніе, соотвѣтственное своему назначенію; они могутъ уже быть и называть себя Русскими.

Но грекоунитская церковь, въ отдѣльномъ своемъ видѣ, среди другихъ исповѣданій, не можетъ никогда совершенно достигнуть ни полнаго благоустройства, ни спокойствія, необходимаго для ея благоденствія, и многочисленные принадлежащіе къ ней жители Западныхъ Губерній, Русскіе по языку и происхожденію, подвергаются опасности остаться въ положеніи, колеблемомъ перемѣнчивостію обстоятельствъ, и нѣсколько чуждыми своихъ православныхъ собратій.

Сія причина, наипаче же забота о вѣчномъ благѣ ввѣренной намъ паствы побуждаютъ насъ, твердо убѣжденныхъ въ истинѣ догматовъ святыя апостольскія православно-каѳолическія восточныя церкви, припасть къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, и всеподданѣйше молить Васъ, державнѣйшій Монархъ, упрочить дальнѣйшую судьбу уніатовъ дозволеніемъ имъ присоединиться къ ихъ прародительской православной всероссійской церкви. Въ удостовѣреніе же общаго нашего на сіе согласія, имѣемъ счастіе поднести составленный нами, епископами и начальствующимъ духовенствомъ грекоунитской церкви, въ городѣ Полоцкѣ, сего числа, соборный актъ, и приономъ собственноручныя объявленія 1305 лицъ остальнаго грекоунитскаго духовенства.

Подлинное подписали:

Іосифъ, епископъ литовскій.

Василій, епископъ оршинскій, управляющій Бѣлорусскою Епархіею.

Антоній, епископъ брестскій, викарій Литовской Епархіи.

Полоцкъ, 12 го февраля 1839.

III.

Высочайшій указъ Святѣйшему Синоду.

Епископы грекоунитской церкви имперіи Нашей представили Намъ чрезъ завѣдывающаго духовными дѣлами сего исповѣданія, оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода графа Протасова, прошеніе свое о дозволеніи имъ, вмѣстѣ съ ввѣренною имъ паствою, присоединиться къ ихъ прародительской православной церкви, отъ которой предки ихъ были отторгнуты въ смутное время преобладанія Польши въ обитаемыхъ ими западныхъ русскихъ областяхъ. Они съ тѣмъ вмѣстѣ поднесли Намъ и составленный ими съ прочимъ начальствующимъ духовенствомъ ихъ епархій, въ городѣ Полоцкѣ, 12-го февр

февраля, соборный актъ, коимъ изъявляютъ твердое намѣреніе признать единство ихъ церкви съ православно-каѳолическою восточною церковію, и быть въ послушаніи Святѣйшаго Всероссійскаго Сунода, а въ доказательство согласія на то и всего остальнаго ихъ духовенства, прилагаютъ къ акту собственноручныя объявленія 1305 священниковъ и монашествующей братіи.

Воздавъ изъ глубины души благодареніе всемогущему Богу, подвигнувшему сердца столь многочисленнаго, искони русскаго духовенства возвратиться вмѣстѣ съ ихъ паствою на лоно истинной ихъ матери—православной церкви, Мы повелѣли оберъ-прокурору Святѣйшаго Сунода означенный актъ и объявленія внести въ Святѣйшій Сунодъ на разсмотрѣніе и сообразное съ правилами святыя церкви постановленіе.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

НИКОЛАЙ.

Въ С. Петербургѣ,
1-го марта 1839 г.

IV.

Дѣяніе Святѣйшаго Синода.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Лѣта Господня 1839, марта въ шестый день, по державному изволенію благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича, самодержца всероссійскаго, въ присутствіе Святѣйшаго Правительствующаго Всероссійскаго Сунода внесенъ и въ ономъ слушанъ соборный актъ, постановленный въ 12 день прошедшаго февраля епископами и прочимъ духовенствомъ такъ именовавшейся донынѣ грекоунитской въ Россіи церкви, въ которомъ они, изложивъ свое древнее и первоначальное единеніе со святою апостольскою православно-каѳоличестою церковью вообще, и въ-особенности съ россійскою церковью, потомъ непроизвольное въ предкахъ своихъ отторженіе отъ сего единенія силою бѣдственнаго отторженія отъ державы россійскія, торжественно изъявили свою твердую и неизмѣнную рѣшимость признать вновь единство своея церкви съ православно-каѳолическою восточною церковью, и потому пребывать отнынѣ купно со ввѣренными имъ паствами въ единомысліи со святѣйшими восточными православными патріархами, и въ послушаніи Святѣйшаго Правительствующаго Всероссійскаго Сунода, и таковое намѣреніе свое представили въ августѣйшее покровительство благочестивѣйшаго Государя Императора.

Актъ сей подписанъ всѣми грекоунитскими въ Россіи епископами и старѣйшимъ по нихъ духовенствомъ, а въ удостовѣреніе общаго на сіе согласія прочаго грекоунитскаго духовенства, приложены собственноручныя же объявленія 1305 священниковъ и монашествующихъ.

По выслушаніи сего, первымъ и общимъ движеніемъ Святѣйшаго Сvнода было благодарственное прославленіе Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа, который неизслѣдимыми путями своего благодатнаго смотрѣнія, непрестанно приводя въ исполненіе свое непреложное обѣтованіе, яко и врата адовы не одолѣютъ истинной церкви его, и нынѣ многообразныя, продолжительныя и, по-видимому, даже успѣшныя усилія человѣческія отчуждить отъ православныя церкви россійскія немалое число единовѣрнаго и единоплеменнаго народа, содѣлалъ ничтожными, положивъ въ сердце благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича оградить грекоунитское священноначаліе отъ посторонняго вліянія, а потомъ невидимымъ мановеніемъ подвигнулъ сердца отчужденныхъ обратиться къ первоначальному и истинно-православно-каѳолическому единству, съ такимъ свободнымъ многочисленнаго духовенства единодушіемъ, которое должно составить достопримѣчательный примѣръ въ церковныхъ лѣтописяхъ.

Вступя въ ближайшее разсмотрѣніе предлежащаго предмета, Святѣйшій Сvнодъ принялъ во вниманіе слѣдующее:

Отторженіе такъ-именуемыхъ грекоунитовъ въ Россіи отъ православныя восточныя церкви произведено собственно чрезъ устраненіе ихъ отъ іерархическаго съ нею общенія, но такъ, что они сохранили древній восточный чинъ богослуженія и священныхъ обрядовъ, который, будучи проникнутъ духомъ православныхъ догматовъ и преданій, внутреннею силою противодѣйствовалъ совершенному уничтоженію прежняго единства, не взирая на то, что оно внѣшно расторжено было подчиненіемъ чуждой власти.

Хотя же въ-продолженіе времени чинъ сей постороннимъ вліяніемъ начиналъ быть измѣняемъ, чрезъ что̀ и примѣненіе мудрованій человѣческихъ къ древнему чистому ученію сдѣлалось сильнѣе; но когда лишь токмо чуждымъ усиліямъ поставлена была преграда, предстоятели грекоунитской церкви не замедлили пещись о возстановленіи онаго въ древней чистотѣ. Сіе въ-особенности усмотрѣно Святѣйшимъ Сvнодомъ въ 1834 году, когда всѣ грекоунитскіе архіереи единогласно опредѣлили заимствовать главнѣйшія богослужебныя книги отъ Святѣйшаго Сvнода, въ чемъ они тогда и были удовлетворены.

Торжественное нынѣ въ постановленномъ соборномъ актѣ исповѣданіе что Господь Богъ и Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ единъ есть истинная глава единыя истинныя церкви, и обѣщаніе пребывать въ единомысліи со святѣйшими восточными православными патріархами и Святѣйшимъ Сvнодомъ, не оставляютъ ничего требовать отъ грекоунитской церкви для истиннаго и существеннаго соединенія вѣры, а потому не остается также ничего, что̀ могло бы препятствовать единенію іерархическому.

По таковыхъ разсужденіяхъ, Святѣйшій Сvнодъ, по благодати, дару и власти, данной отъ Великаго Бога и Господа нашего Іисуса Христа и отъ Святаго и всесовершающаго Духа, постановилъ и опредѣлилъ:

1) Епископовъ, священство и духовныя паствы такъ-именовавшейся донынѣ грекоуніатской церкви, по священнымъ правиламъ и примѣрамъ святыхъ отецъ, принять въ полное и совершенное общеніе святыя православно-каѳолическія восточныя церкви и въ нераздѣльный составъ церкви всероссійскія.

2) Въ-особенности епископамъ и священству преподать соборное благословеніе Святѣйшаго Сѵнода съ молитвою вѣры и любви къ верховному Святителю исповѣданія нашего, Іисусу Христу, да утверждаетъ ихъ выну въ изреченномъ ими исповѣданіи, и да благоуправляетъ дѣло служенія ихъ къ совершенію святыхъ.

3) Въ управленіи ввѣренныхъ имъ паствъ поступать имъ на основаніи Слова Божія, правилъ церковныхъ, государственныхъ постановленій и согласно съ предписаніями Святѣйшаго Сѵнода, и утверждать ввѣренныя имъ паствы въ единомысліи православныя вѣры, а къ разнообразію нѣкоторыхъ мѣстныхъ обычаевъ, некасающихся догматовъ и таинствъ, являть апостольское снисхожденіе, и къ древнему единообразію возвращать оные посредствомъ свободнаго убѣжденія съ кротостію и долготерпѣніемъ.

Въ-заключеніе сего Святѣйшій Сѵнодъ положилъ принести благодареніе благочестивѣйшему Государю Императору и Самодержцу Всероссійскому, отъ лица всероссійскія церкви, за явленное споспѣшествованіе сему благому и душеспасительному начинанію, и затѣмъ исполненіе настоящаго синодальнаго постановленія смиренно представить въ его державное покровительство; возсоединеннымъ же преосвященнымъ епископамъ дать во извѣщеніе и благословеніе синодальную грамоту.

Писано въ богоспасаемомъ царствующемъ градѣ Святаго Петра, въ лѣто отъ сотворенія міра седмь-тысячъ-триста-четыредесять-седьмое, отъ воплощенія же Бога Слова тысяча-восемьсотъ-тридесять-девятое, марта въ двадесять-третій день.

Подлинное подписали:

Смиренный Серафимъ, митрополитъ новгородскій и санктпетербургскій.
Смиренный Филаретъ, митрополитъ кіевскій и галицкій.
Смиренный Филаретъ, митрополитъ московскій.
Смиренный Іона, митрополитъ.
Смиренный Владиміръ, архіепископъ казанскій.
Смиренный Наѳанаилъ, архіепископъ псковскій.
Духовникъ, протопресвитеръ Николай Музовскій.
Оберъ-священникъ, Василій Кутневичъ.

V.

Высочайше конфирмованный всеподданнѣйшій докладъ Святѣйшаго Синода.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«Благодарю Бога и принимаю»

НИКОЛАЙ.

С. Петербургъ.
25-го марта 1839 г.

Всепресвѣтлѣйшему, Державнѣйшему, Великому Государю, Императору и Самодержцу Всероссійскому

Всеподданнѣйшій докладъ Сѵнода.

Именнымъ высочайшимъ указомъ, отъ 1-го дня сего мѣсяца, Ваше Императорское Величество соизволили повелѣть Сѵноду войдти, по церковнымъ правиламъ, въ разсмотрѣніе соборнаго акта, постановленнаго епископами и прочимъ духовенствомъ грекоунитской въ Россіи церкви, для возсоединенія ея съ церковію всероссійскою.

Сѵнодъ входилъ въ разсмотрѣніе сего предмета со вниманіемъ, соотвѣтствующимъ важности онаго, и состоявшееся по сему постановленіе о принятіи грекоунитской въ Россіи церкви въ полное и совершенное общеніе святыя православно-каѳолическія восточныя церкви и въ нераздѣльный составъ церкви всероссійскія, изложенное въ подносимомъ при семъ синодальномъ дѣяніи, всеемиренно представляетъ на благоволительное Вашего Величества усмотрѣніе и въ державное покровительство исполненіе онаго.

Всемилостивѣйшій Государь! При семъ событіи, Сѵнодъ, исполненный духовнаго утѣшенія и благодаренія къ Богу, благодѣющему церкви своей и благословляющему царствованіе Вашего Величества, отъ лица всея церкви россійскія, благоговѣйно привѣтствуетъ Ваше Императорское Величество мирнымъ торжествомъ духовнаго возсоединенія съ нею многочисленныхъ сыновъ Россіи, столь благопріятнаго естественному и гражданскому между ими единству, вознося купно къ Вашему Императорскому Величеству благодареніе за предшествовавшее благопромыслительное устроеніе, которое открыло грекоунитской церкви свободный и ничѣмъ непреграждаемый путь возвращенія въ объятія древней и истинной своей матери — церкви всероссійской.

Обращаясь къ послѣдствіямъ возсоединенія, Сѵнодъ полагаетъ:

1) Управленіе возсоединенныхъ епархій и принадлежащихъ къ нимъ духовныхъ училищъ оставить на прежнемъ основаніи, впредь до ближайшаго усмотрѣнія, какимъ лучшимъ и удобнѣйшимъ образомъ оное можетъ быть соглашено съ управленіемъ древлеправославныхъ епархій.

2) Грекоунитскую Духовную Коллегію поставить въ отношеніи къ Святѣйшему Сѵноду по ерархическому порядку на степень Московской и Гру-

зино-Имеретинской Святѣйшаго Сунода Конторъ, и именоваться ей Бѣлорусско-Литовскою Духовною Коллегiею.

3) Iосифу, епископу литовскому, быть предсѣдателемъ Бѣлорусско-Литовской Духовной Коллегiи, съ возведенiемъ его въ санъ архiепископа.

Всемилостивѣйшiй Государь!

Сiи положенiя представляя на всемилостивѣйшее усмотрѣнiе Ваше, Сvнодъ всеподданнѣйше испрашиваетъ высочайшаго Вашего Величества указа.

Вашего Императорскаго Величества

Всеподданнѣйшiе:

Подлинный подписали:

Серафимъ, митрополитъ новгородскiй и санктпетербургскiй.

Филаретъ, митрополитъ кiевскiй.

Филаретъ, митрополитъ московскiй.

Iона, митрополитъ.

Владимiръ, архiепископъ казанскiй.

Наѳанаилъ, архiепископъ псковскiй.

Духовникъ, протопресвитеръ Николай Музовскiй.

Оберъ-священникъ, Василiй Кутневичъ.

No 2.

23-го марта 1839.

VI.

Грамота Святѣйшаго Синода къ епископамъ бывшей греко-унитской церкви въ Россiи.

Божiею Милостiю
Святѣйшiй Правительствующiй
Всероссiйскiй Сvнодъ

Боголюбезнѣйшимъ епископамъ: литовскому Iосифу, оршинскому Василiю и брестскому Антонiю, со священствомъ и духовными паствами.

Благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца и Господа Iисуса Христа и Святаго Духа.

Благословенъ Богъ, положившiй въ сердца ваши правыя, и благiя, и спасительныя помышленiя мира, и чрезъ то даровавшiй намъ утѣшенiе простирать къ вамъ словеса мира и любви.

По-истинѣ, сколь прежде болѣзненно было, что отъ вѣковъ соединенные съ нами единствомъ рода, отечества, языка, вѣры, богослуженiя, священноначалiя, горестнымъ отторженiемъ подверглись многимъ затрудненiямъ и бѣдствiямъ и опасности совершеннаго духовнаго отчужденiя, столь нынѣ вожделѣнно скрѣпленiе вновь древняго прерваннаго союза и возстановленiе совершеннаго единства.

Надежду сего вожделѣннаго событія мы полагали преимущественно въ томъ, что въ церквахъ вашихъ, по благодати Божіей, сохранился восточный священный чинъ богослуженія, проникнутый духомъ православныхъ догматовъ и преданій. По мѣрѣ, какъ вы, державнымъ покровительствомъ благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича, бывъ освобождены отъ посторонней зависимости, усугубляли ревность вашу о возстановленіи сего священнаго чина въ его древней чистотѣ, чаяніе наше возрастало, и наконецъ, боголюбезные братія, вы совершенно исполняете оное, обратясь къ древнему и истинному священному единству, съ такимъ многочисленнаго священства единогласіемъ, которое должно составить достопамятный примѣръ въ церковныхъ лѣтописяхъ.

Мы вняли вашему общему и торжественному обѣту признать вновь единство церкви вашея съ православно-каѳолическою восточною церковью, и пребывать отнынѣ, купно со ввѣренными вамъ паствами, въ единомысліи съ святѣйшими восточными православными патріархами и въ послушаніи Святѣйшему Всероссійскому Суноду: и пріемля отъ васъ обѣтъ сей предъ лицомъ Господнимъ, по благодати, дару и власти, данной намъ отъ Великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и отъ Святаго и всесовершеннаго Духа, послѣдуя священнымъ правиламъ и примѣрамъ святыхъ отецъ, пріемлемъ васъ и сущее съ вами священство и духовныя паствы въ полное и совершенное общеніе святыя православно-каѳолическія восточныя церкви и въ нераздѣльный составъ церкви всероссійскія, вознося молитву вѣры и любви къ Великому Архіерею, прошедшему небеса, Верховному Святителю исповѣданія нашего, Іисусу Христу, да утверждаетъ васъ выну въ изреченномъ вами исповѣданіи, и да благоуправляетъ дѣло служенія вашего къ совершенію святыхъ

Въ управленіи же ввѣренными вамъ паствами, какъ и вѣдаете, подобаетъ вамъ послѣдовать слову Божію, правиламъ святыхъ апостоловъ, святыхъ соборовъ седми вселенскихъ и помѣстныхъ и святыхъ отецъ, а также и государственнымъ постановленіямъ. Такъ утверждайте, боголюбезные братія, ввѣренныя вамъ паствы въ единомысліи Вѣры.— Къ разнообразію же нѣкоторыхъ мѣстныхъ обычаевъ, некасающихся догматовъ и таинствъ, мы положили являть апостольское снисхожденіе, и къ древнему единообразію возвращать оные посредствомъ свободнаго убѣжденія съ кротостію и долготерпѣніемъ.

Дано въ богоспасаемомъ царствующемъ градѣ Святаго Петра, въ лѣто отъ сотворенія міра семь-тысячь-триста-четыредесять-седьмое, отъ воплощенія же Бога Слова тысяча-восемь-сотъ-тридесять-девятое, марта въ тридесятый день.

Подлинную подписали:

Смиренный Серафимъ, митрополитъ новгородскій и санктпетербургскій.

Смиренный Филаретъ, митрополитъ кіевскій и галицкій.

Смиренный Филаретъ, митрополитъ московскій и коломенскій.
Смиренный Іона, митрополитъ.
Смиренный Владиміръ, архіепископъ казанскій и свіяжскій.
Смиренный Наѳанаилъ, архіепископъ псковскій и лифляндскій.
Духовникъ, протопресвитеръ Николай Музовскій.
Оберъ-священникъ, Василій Кутневичъ.

Теперь обратимся къ нѣкоторымъ чертамъ исторіи уніи, введенной въ западный край Россіи усиліями неправды, чуждой власти и хитрой политики.

Наитіемъ свыше надъ сердцемъ одного изъ первыхъ властителей русскаго народа, пріобщена была Русь къ православію восточному, и, сильная своимъ постоянствомъ, зрѣлостію сердечнаго убѣжденія и высокою вѣрою, свѣтлѣвшею въ нѣдрахъ ея, какъ ангелъ благодати, она болѣе шести вѣковъ, до конца XVI столѣтія, пребывала въ единой церкви. Никакія измѣненія, никакія волненія не нарушали правилъ ея, догматовъ, обрядовъ. Чинопоставленіе нашихъ святителей всегда подтверждалось византійскими патріархами; все продолжалось по древнему уставу и порядку, ни одно чуждое и новое мнѣніе не вторгалось въ священную область православія. Духовенство, крѣпкое единодушіемъ и единомысліемъ, блюло святость и неприкосновенность правилъ; даже самое владычество Татаръ, исполнившихъ Россію ужасомъ и разореніемъ, не колебало вѣры православной. Русскіе святители съ самопожертвованіемъ стояли за православіе, и рука завоевателей не сразила вѣры, хранимой десницею Всемогущаго. Русь, страдая подъ игомъ варваровъ, имѣла полную свободу преклоняться предъ Царемъ Царей, при звукахъ роднаго священнопѣнія, при утѣшительномъ благовѣстіи на родномъ языкѣ, среди храмовъ, сіявшихъ древнимъ благолѣпіемъ, среди обрядовъ и догматовъ, единодушно хранимыхъ во всѣхъ отдаленныхъ концахъ обширнаго государства. Повсюду русскій народъ взиралъ на церковь свою, какъ на единую во Христѣ, святую по своимъ обрядамъ, введеннымъ боговдохновенными мужами; потомки неукоснительно шли по слѣдамъ древнихъ предковъ своихъ, и какъ Божію заповѣдь соблюдали завѣщанную имъ любовь къ неколебленымъ правиламъ матери-церкви.

Такъ текли годы и вѣки, и всероссійская православная церковь процвѣтала тѣмъ же единодушіемъ, тою же нераздѣльною преданностію къ древнимъ правамъ своимъ; и кто бы подумалъ,

что посягательство на независимость ея давно уже таилось на западѣ, среди народа христіанскаго. Духовный Римъ давно искалъ средствъ подчинить православіе Руси своему вліянію, колеблемому въ Европѣ. Неразъ присылали папы своихъ легатовъ къ великимъ князьямъ русскимъ, съ убѣжденіями—предаться зависимости отъ папской тіары, обѣщая земныя и небесныя награды; неразъ старались они воздвигнуть крестовые походы, чтобъ Русскихъ, какъ новыхъ Сарацынъ, обратить силою въ латинство; былъ даже созванъ по сему поводу флорентійскій соборъ,—но все осталось тщетнымъ. Православная вѣра доблестно стояла среди крамолъ, возвышаясь своимъ православіемъ и единодушіемъ.

Не смотря на всѣ эти покушенія, столь рѣзко отвергнутыя, римская политика не прекращала своихъ преслѣдованій. Одаренная хитростію и изворотливостію, неотступная въ своихъ предпріятіяхъ и вынужденная самою потерею своего вліянія въ Европѣ, она внезапно одушевилась новымъ органомъ своего разрушавшагося самовластія: явились іезуиты, эти сѣти, проведенныя папами во всѣхъ концахъ міра для разпространенія власти новаго Рима. Обладая необыновеннымъ искусствомъ, вкрадчивостью, неутомимою ревностію, разсѣляясь по всѣмъ странамъ, участвуя въ дѣлахъ государства и совѣсти, — іезуиты вновь возстановили упадавшую силу папъ и повсюду водружали зависимость отъ римскаго духовнаго самодержавія.

Между-тѣмъ русская митрополія раздѣлилась на двѣ: на востокѣ —московскую, и на западѣ, въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ—кіевскую, однакожь съ неизмѣнною въ той и другой митрополіи зависимостью отъ патріарха византійскаго и съ неизмѣнными догматами и обрядами; между-тѣмъ обстоятельства, казалось, навсегда отторгли Литовское Княжество отъ Россіи и соединили его съ Польшею, а въ Польшѣ властвовала Рѣчь Посполитая, вѣчно-враждебная сосѣднему православію. Потомъ явились іезуиты, готовые на все, чтобъ только достигнуть главной цѣли своей — разпространенія латинства. Посему весьма-естественно, что литовское дворянство, желая сблизиться съ новыми союзниками и увлекаясь обычаями и вліяніемъ двора варшавскаго, мало-по-малу заносило изъ Польши въ свою отчизну нравы, языкъ и самую вѣру. Польское правительство и римское духовенство присоединили къ этому еще мѣры предосудительныя и насильственныя, дѣйствуя униженіемъ, страхомъ, коварствомъ. Такъ подготовлялся замыселъ, давно-задуманный, давно-назначенный. Но все еще бы-

ли одни только страданія, однѣ козни, а не добрая воля, не убѣжденіе; для сего нуженъ былъ особый случай, и онъ насталъ, ничтожный самъ-по-себѣ, но гибельный по своимъ послѣдствіямъ.

Въ концѣ XV столѣтія въ Польшѣ царствовалъ король Сигизмундъ III-й, поклонникъ Рима, преданный его клевретамъ. Въ это время въ Луцкѣ былъ епископомъ Кириллъ Терлецкій, человѣкъ, позорившій себя пороками и слабостями, еще болѣе разительными при высокомъ и важномъ санѣ его. Преступленія его столь были значительны, что даже судъ мірскій казнилъ бы ихъ со всею строгостію для примѣра. Его обвиняли, говоритъ исторія, въ двоеженствѣ, въ смертоубійствѣ, въ дѣланіи фальшивой монеты, въ покровительствѣ воровъ. Преступленія сіи вынудили наконецъ константинопольскаго патріарха Іеремію нарядить судъ. Виновному не предстояло никакого оправданія, слѣдовательно не было никакого спасенія. Тогда онъ обратился къ ковнямъ: успѣлъ вооружить противъ патріарха кіевскаго митрополита Рагозу, также двоеженца, и эти два человѣка, чувствуя свою виновность и предвидя неизбѣжное наказаніе, рѣшились, для прекращенія преслѣдованія, прибѣгнуть къ отчаянному средству: они предались покровительству папы. Къ сему присоединилось еще уничиженіе, которому подвергали польскіе короли православное литовское духовенство передъ римскимъ, почему подчиненіе папѣ казалось единственнымъ средствомъ уравнять права свои. Къ двумъ преступникамъ, замыслившимъ разъединеніе православной церкви, присталъ еще Ипатій Поцѣй, человѣкъ многоученый, одаренный умомъ великимъ, хитростію и предпріимчивостію. Митрополитъ Рагоза поставилъ его епископомъ во Владиміръ, и въ первый же годъ своего святительства Поцѣй созвалъ въ Брестъ четырехъ епископовъ, совершенно подъ другимъ предлогомъ, и тамъ, среди краснорѣчивыхъ жалобъ на старшее восточное духовенство, среди уреканій на поборы, предложилъ вступить въ *унію*, или соединеніе греческой церкви съ римскою на основаніи флорентійскаго собора, уже разъ отвергнутаго русскими государями и духовенствомъ: первое мгновеніе, въ которое явилась унія. Брестскій съѣздъ и не сдѣлалъ ничего рѣшительнаго, ибо три епископа отвергли нелѣпую мѣру, имъ предложенную; не смотря на это, Поцѣй никакъ не хотѣлъ отстать отъ своего предпріятія: онъ прошелъ всю литовскую Русь, повсюду разносилъ подозрѣніе и клеветы на патріарховъ, и, такимъ-образомъ сильно настроивъ умы, созвалъ второй соборъ, во Львовѣ. Когда же и здѣсь успѣ-

ха не было, онъ дерзнулъ на третій соборъ, опять въ Брестѣ. На семъ последнемъ соборѣ, 2 декабря 1594 года, подписано было соборное опредѣленіе объ уніи и положено: признать папу главою всего христіанства, оставивъ, однакоже, неприкосновенными всѣ обряды грековосточной церкви, священнодѣйствовать на русскомъ языкѣ и не требовать отъ папы ставленыхъ грамотъ на утвержденіе избираемыхъ епископовъ.

Исторія сохранила намъ имена подписавшихъ сіе опредѣленіе епископовъ; вотъ они: Михаилъ Рагоза митрополитъ, Ипатій Поцѣй, епископъ владимірскій и брестскій; Кириллъ Терлецкій, епископъ луцкій и острожскій; Діонисій, епископъ холмскій и бельзскій, Леонтій, епископъ пинскій и туровскій; не согласились же и не подписались: Наѳанаилъ, архіепископъ полоцкій и витебскій, Михаилъ, епископъ перемышльскій, и Гедеонъ, епископъ львовскій и каменецкій.

Такимъ-образомъ водворилась въ литовской Руси унія, порожденная кознями дворовъ римскаго и польскаго, введенная преступленіемъ и низкими внушеніями! Напрасно возстали противъ злаго начала будущихъ крамолъ и страданій православные епископы и знаменитый князь Константинъ острожскій; напрасно сторона вѣрныхъ древней православной церкви превышала сторону нововводителей: покровительство Сигизмунда все превозмогло. Унія простерла свою незаконную власть, и на литургіи провозгласилось имя папы въ-замѣнъ патріаршаго.

Отселѣ началось въ Литвѣ существованіе двухъ церквей, православной и уніатской, и каждая имѣла своего митрополита. Сначала унія была не что иное, какъ подчиненіе духовенства русскаго Риму только по одному имени; Римъ понималъ это, и исподволь приготовлялъ мѣры къ укрѣпленію и распространенію власти своей, къ прекращенію даже видимаго различія въ богослуженіи. Не были забыты никакія средства. Годъ отъ года, новопризванные увлекались въ разставленныя имъ сѣти, переходили отъ одной приманки къ другой, наполняли уніатскія обители подвижниками запада, наконецъ достигли того, что уніатское монашество вступило въ число орденовъ римской церкви, подъ названіемъ особаго ордена св. Василія или базиліанскаго. Симъ средствомъ латинство открыло себѣ путь на епископскія званія и учительскія каѳедры. Отсюда начались измѣненія уставовъ и обрядовъ: вмѣсто древней литургіи вводились краткія читанныя обѣдни; пѣніе замѣнялось звуками органовъ, самый видъ храмовъ терялъ свое бла-

голѣпіе. Наконецъ успѣли преобразовать и управленіе церкви по примѣру западной, и ввести въ общее употребленіе польскій языкъ.

За симъ возникаетъ страшная борьба тѣснимаго православія съ уніей, страшныя изтязанія, которымъ въ наше время трудно повѣрить. Подобныя мученія и неистовства, градомъ сыпавшіяся на священнослужителей и на народъ православный, на больныхъ и здоровыхъ, на живыхъ и на мертвыхъ, могли имѣть мѣсто только во времена язычества, въ вѣка варварства и богоотступничества. Права вѣры, права христіанства, права человѣчества безнаказанно попирались буйствомъ и злобою. Унія терзала церковь православную, какъ львица беззащитнаго агнца, и кровавыя страницы исторіи, какъ грозные призраки, возстаютъ страшнымъ свидѣтельствомъ происходившаго въ это горестное время.

Въ Малоросеіи это преслѣдованіе еще было ужаснѣе; тамъ поруганіе православія не вѣдало никакой мѣры; корыстолюбіе, неистовства и убійства носились кровожаднымъ тигромъ по весямъ и градамъ. Тщетны были всѣ усилія угнетенныхъ: Польша разливалась въ своихъ злодѣяніяхъ. Страхъ и трепетъ наводятъ на потомства картины, такъ ярко живописуемыя извѣстнымъ бѣлорусскимъ архіепископомъ Георгіемъ Коннисскимъ. «Народъ русскій» говоритъ онъ: «былъ объявленъ отступнымъ, вѣроломнымъ, бунтливымъ и осужденъ въ рабство, преслѣдованіе и всемірное гоненіе. Рыцарство русское названо холопами, а народъ, отвергавшій унію, схизматиками. Во всѣ правительственные и судебные уряды малороссійскіе посланы Поляки съ многочисленными штатами; города заняты польскими гарнизонами; а другія селенія ихъ же войсками; имъ дана власть все то дѣлать народу русскому, что̀ сами захотятъ и придумаютъ, а они изполняли сей наказъ съ лихвою, и что̀ только замыслить можетъ своевольное, надменное и пьяное человѣчество, дѣлали то надъ несчастнымъ народомъ русскимъ, безъ угрызенія совѣсти; грабительства, насиліе женщинъ и самыхъ дѣтей, побои, мучительства и убійства превзошли мѣру самыхъ непросвѣщенныхъ варваровъ. Они, почитая и называя народъ невольниками, или ясыромъ польскимъ, все его имѣніе признавали своимъ. Собиравшихся вмѣстѣ нѣсколькихъ человѣкъ для обыкновенныхъ хозяйскихъ работъ или празднествъ тотчасъ съ побоями разгоняли, на разговорахъ ихъ пытками изтязали, запрещая навсегда собираться и разговаривать вмѣстѣ. Церкви русскія силою и гвалтомъ обращали въ унію. Духовен-

ство римское, разъѣзжавшее съ тріумфомъ по Малой Россіи, для надсмотра и понужденія къ уніатству, вожено было отъ церкви до церкви людьми, запряженными въ ихъ длинныя повозки по двѣнадцати человѣкъ и болѣе; на прислугу сему духовенству выбираемы были Поляками самыя красивѣйшія изъ дѣвицъ. Русскія церкви несогласившихся на унію прихожанъ отданы Жидамъ въ аренду и положена за всякую въ нихъ отправку денежная плата отъ одного до пяти талеровъ, а за крещеніе младенцевъ и похороны мертвыхъ отъ одного до четырехъ талеровъ. Жиды, яко непримиримые враги христіанства, сіи вселенскіе бродяги и притча въ человѣчествѣ, съ возхищеніемъ принялись за такое надежное для нихъ скверноприбытчество, и тотчасъ ключи церковные и веревки колокольныя отобрали къ себѣ въ корчмы. При всякой требѣ христіанской повиненъ ктиторъ идти къ Жиду торжиться съ нимъ и по важности отправы платить за нее и просить ключи, а Жидъ притомъ, насмѣявшись довольно богослуженію христіанскому и перехуливши все христіанами чинимое, называя его языческимъ или по ихъ «гойскимъ», приказывалъ ктитору возвращать ему ключи, съ клятвою, что ничего въ запись не отказано.»—Такъ повѣствуетъ красворѣчивый святитель въ справедливомъ негодованіи своемъ, а лѣтописи присовокупляютъ къ словамъ его описаніе безчеловѣчныхъ казней, совершенныхъ въ Варшавѣ, казней, отъ которыхъ цѣпенѣетъ сердце и встаетъ дыбомъ волосъ. Тамъ несчастныхъ варили въ котлахъ, сжигали на угольяхъ, терзали желѣзными когтями, сажали на острыя спицы; не было пощады ни старому, ни малому; казалось, вся Малороссія должна была погибнуть, побиваемая и сожигаемая каждодневно; казалось, для ней не было на землѣ промысла... Но на стражѣ спасенія стояла держава царей русскихъ и съ любовію простерла къ бѣдствующей странѣ руку помощи.

Однакожь примѣръ Малороссіи не ослабилъ преслѣдованій Польши въ остальныхъ областяхъ Западной Руси: страданія ихъ не прекращались, потому-что политика Польши и козни римскаго духовенства не разъединялись. Но здѣсь являются, вмѣстѣ съ страданіями православія, страданія и самой уніи: въ свою очередь терпѣла она преслѣдованіе отъ церкви латинской, и вовсе не пользовалась благопріятствомъ Рѣчи Посполитой, для которой нужно было не вѣрованіе, а порабощеніе политическое. Такимъ образомъ, угнетая прежнихъ собратій своихъ и бѣдствуя въ самой-себѣ, унія заслужила отъ самихъ обольстителей ея названіе

вѣры холопской; какъ мать неразумная, съ каждымъ днемъ теряла она чадъ своихъ, отходившихъ къ латинству. Сиротство, жалобы и презрѣніе мрачною тучею носились надъ нею; скорбь напечатлѣвалась на челѣ ея, а сердце съ горестію вспоминало о нѣжной матери, столь легкомысленно покинутой. Праведное небо давно уже видѣло эту горькую скорбь, эти возраждающіяся сѣмена разкаянія, и готовило посредника для возвращенія разкаявающихся въ лоно отчизны.

Вступивъ на престолъ прародительскій, Екатерина-Великая, самодержица всероссійская, обратила сердце свое къ тайному воплю притѣсняемыхъ, вошла въ горестное положеніе ихъ и вновь пріяла подъ кровъ державы русской литовскій край, древнее достояніе нашего отечества. Уніатамъ объявлена была полная свобода безбоязненно возвращаться въ нѣдра ихъ прародительской церкви, и въ то же время большая половина ихъ возпользовалась дарованнымъ ей благомъ. Остальная часть, вмѣстѣ съ духовенствомъ своимъ, подъ управленіемъ благонамѣреннаго пастыря, митрополита Ираклія Лисовскаго, также готовилась къ сему вожделѣнному соединенію, но это отрадное соединеніе замедлилось на-время отъ особыхъ обстоятельствъ. Не смотря на то, состояніе уніи пріобрѣло уже великія улучшенія, и она спокойно, тихо приближалась къ материнскимъ объятіямъ православной церкви, съ благословеніемъ ожидавшей ее.

Первымъ дѣломъ царствующаго Государя Императора было полное сравненіе грекоунитской церкви въ преимуществахъ съ церковью Римско-Католическою. Высочайшимъ указомъ, 22 апрѣля 1828 года, по примѣру Духовной Коллегіи, управляющей дѣлами римско-католической церкви въ Россіи, учреждена Духовная же Коллегія Грекоунитская, подъ предсѣдательствомъ митрополита уніатскихъ въ Россіи церквей, Іосафата Булгака. Мысль о возсоединеніи укрѣпилась, и всѣ разпоряженія самихъ епископовъ и другихъ духовныхъ властей уніатскихъ устремились къ сей цѣли. Откровенно признаваясь во множествѣ нововведеній, вкравшихся въ ихъ церковь съ теченіемъ времени, они всѣ твердо положили возстановить повсемѣстное первобытное устройство храмовъ, и снабдить ихъ всѣми принадлежностями древняго богослуженія; вмѣсто ошибочныхъ разной печати церковныхъ книгъ, въ которыхъ давно изкаженъ былъ языкъ славянскій, ввести повсюду однообразныя книги новаго, тщательнаго изданія, и наконецъ никого не опредѣлять къ священно и церковно-служитель-

скимъ мѣстамъ безъ предварительнаго строгаго удостовѣренія въ достаточномъ знаніи обрядовъ и постановленій восточной церкви. И всѣ они сами съ неусыпнымъ рвеніемъ и рѣдкимъ успѣхомъ разпространяли сіе знаніе въ подвѣдомомъ духовенствѣ; съ другой стороны, все юное поколѣніе бѣлаго духовенства получило истинно-православное направленіе во вновь учрежденныхъ двухъ семинаріяхъ и двадцати уѣздныхъ и приходскихъ училищахъ. Справедливость требуетъ сказать, что такое направленіе не могло быть понятно нѣкоторымъ монахамъ, перешедшимъ въ унію изъ римскаго обряда. Чтобы не стѣснять ихъ въ дѣлѣ совѣсти, предоставлена была въ-теченіе пяти лѣтъ каждому изъ нихъ полная свобода возвратиться въ прежній свой обрядъ, и кто хотѣлъ, тогда же воспользовался ею. Тѣмъ усерднѣе дѣйствовали приверженные къ православію и отечеству, и скоро вся грекоунитская церковь въ свѣтло-преображенномъ видѣ явилась достойною своего древняго произхожденія: уже вездѣ въ алтаряхъ, правильно-устроенныхъ, совершалась божественная служба священниками въ приличныхъ одеждахъ, по книгамъ изправнымъ, съ соблюденіемъ величественныхъ обрядовъ, напоминающихъ церковь первобытную, и уніатскій народъ, съ удовольствіемъ внимая имъ, и уже слыша слово Божіе на своемъ родномъ языкѣ, не видалъ болѣе разницы между своими и православными храмами; онъ не удивлялся тому: ибо, не взирая на всѣ превратности судьбы, онъ и прежде никогда не отвыкалъ называть себя и вѣру свою — русскими.

Среди сихъ, почти неимовѣрныхъ въ такое короткое время успѣховъ грекоунитской церкви на пути къ прямому ея благоденствію, она лишилась главнаго своего архипастыря, высокопреосвященнаго Іосафата. Мѣсто его, въ Грекоунитской Духовной Коллегіи, занято старшимъ изъ уніатскаго духовенства, епископомъ литовскимъ Іосифомъ.

Между-тѣмъ, дѣло, начатое и продолжавшееся съ такимъ живымъ усердіемъ, съ такою дѣятельностію и быстротою, приближалось къ своей развязкѣ, и вотъ наступило 12 февраля 1839 года вѣчно незабвенное!

Такъ совершилось великое событіе, приготовлявшееся столькими вѣками, изкупленное столькими жертвами. День воскресенія Христова въ 1839 году былъ днемъ воскресенія для заблудшихъ чадъ православной церкви, которыя теперь возвратились въ ея материнское лоно и милосердіемъ небеснымъ призваны къ новому

счастливѣйшему бытію подъ мудрою державою христолюбиваго Монарха, подъ кроткимъ вліяніемъ единой, истинной вѣры православной. Счастливъ Царь, покоряющій сердца этимъ благотворнымъ оружіемъ кротости и убѣжденія! счастливъ народъ, могущій разпространять благодѣянія истинной вѣры тѣмъ, которые лишены были ихъ!

II.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

О ЛИТЕРАТУРНОЙ ВЗАИМНОСТИ МЕЖДУ ПЛЕМЕНАМИ И НАРѢЧІЯМИ СЛАВЯНСКИМИ.

Сочиненіе Іоанна Коллара (*).

§ 1. *Вступленіе.* — Литературная взаимность — вотъ одинъ изъ самыхъ прекрасныхъ и самыхъ примѣчательныхъ цвѣтовъ, который въ новѣйшія времена возникъ и разпустился на почвѣ многоплеменнаго славянскаго народа. Въ первый разъ послѣ многихъ столѣтій, разсѣянныя славянскія племена смотрятъ на себя опять какъ на одинъ великій народъ, и на различныя нарѣчія, какъ на одинъ языкъ; чувство національности пробуждается повсюду, и они усердно желаютъ знакомиться короче другъ съ другомъ. Облака заблужденія и ослѣпленія разносятся; Славяне утомились долговременною разпрей; имъ скучно стало въ этомъ пустомъ одиночествѣ, которое притупляетъ всѣ способности; имъ опротивѣло это изнурительное раздробленіе, и они сбрасываютъ съ себя цѣпи старыхъ предразсудковъ, хотятъ снискать себѣ утраченныя права природы и разума, возвыситься до той человѣческой и братской любви, которая одна можетъ преобразовать злополучные народы и доставить имъ счастіе. Славянскій народъ стремится опять къ своему первоначальному единству, какъ растеніе достигшее цвѣта и плода — къ своему сѣмени и зерну. Славяне, въ наше время, не только способны къ общему союзу, — котораго не

(*) Это лирическое разсужденіе одного изъ знаменитѣйшихъ ученыхъ славянистовъ нашего времени, недавно напечатано въ Австріи, на нѣмецкомъ языкѣ, отдѣльною книжкою (Пестъ, in-8°). Мы увѣрены, что каждый изъ русскихъ читателей прочтетъ его съ наслажденіемъ и оцѣнитъ его важность. За доставленіе сего перевода мы обязаны благодарностію М. П. Погодину.

могутъ разорвать ни моря, ни земли, и который невидимо обнимаетъ всѣ племена и нарѣчія, — Славяне не только способны къ такому литературно-духовному союзу, но онъ сдѣлался даже для ихъ большинства необходимою потребностью. Это понятіе и явленіе въ Европѣ совершенно-ново и не имѣетъ сходства ни съ какимъ другимъ; для совокупнаго славянскаго народа оно важно въ высокой степени и обѣщаетъ великія послѣдствія; вотъ, почему всякій образованный Славянинъ долженъ обратить на него все свое вниманіе, осмотрѣть и изслѣдовать со всѣхъ сторонъ, тѣмъ болѣе, что само-по-себѣ невинное, оно можетъ однакожь легко подать поводъ къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ и заблужденіямъ. Никакая великая, высокая мысль не входитъ въ общественную, народную жизнь безъ двоякой борьбы: съ одной стороны противъ враговъ мысли, которые хотятъ противиться ея распространенію, или уничтожить ее, съ другой стороны противъ ея друзей, которые объявляютъ себя за нее и дѣйствуютъ въ пользу ея, но, не постигая ея настоящаго смысла, дѣлаютъ ошибки и вредятъ доброму дѣлу больше первыхъ. Ибо не только люди мыслящіе, образованные, лучшіе и благороднѣйшіе въ народѣ, берутся съ высокимъ участіемъ за новую мысль, входящую въ общественную жизнь; но и грубая чернь, себялюбецъ, мечтатель, энтузіастъ бросаются въ ея защитники и распространители, не чувствуя, не понимая ея чистоты, значительности и высокости. Чѣмъ возвышеннѣе и важнѣе предметъ, чѣмъ больше часть человѣчества, къ которой онъ относится, чѣмъ богаче и значительнѣе слѣдствія, кои онъ имѣетъ для жизни, тѣмъ легче можетъ онъ быть употребленъ во зло; по этой причинѣ должно какъ-можно-чаще о немъ думать, говорить и писать, какъ-можно-прилежнѣе распространять о немъ правильныя понятія и свѣдѣнія. И вотъ именно цѣль настоящаго разсужденія. Сочинитель объявилъ эту мысль, хотя только вкратцѣ, въ изданномъ имъ за семь лѣтъ предъ симъ «Изслѣдованіи объ именахъ» (1830. с. 345). Съ-тѣхъ-поръ онъ безпрестанно думалъ о ней и читалъ относящіяся къ этому предмету сочиненія чужихъ народовъ съ цѣлію воспользоваться ихъ видами и снискать точку воззрѣнія европейскую, а не исключительно-славянскую.

§ 2. *Что такое взаимность.* — Литературная взаимность есть общее участіе всѣхъ племенъ въ умственныхъ произведеніяхъ ихъ народа; она предполагаетъ чтеніе Славянами книгъ, издаваемыхъ на всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Всякое нарѣчіе должно черпать

оттуда новую жизненную силу для собственнаго освѣженія, обогащенія и образованія; но не должно вступать въ чужія границы точно такъ же, какъ не пускать въ свои: а сохранять собственную свободную область, на-ряду со всѣми прочими. При взаимности всѣ племена и нарѣчія остаются безъ всякой перемѣны на своихъ прежнихъ мѣстахъ, но взаимнымъ дѣйствіемъ и соревнованіемъ содѣйствуютъ развитію общей народной литературы.

§ 3. *Что не можетъ назваться взаимностію.* Съ другой стороны взаимность не состоитъ въ политическомъ соединеніи всѣхъ Славянъ; въ какихъ-либо демагогическихъ проискахъ или революціонныхъ возмущеніяхъ противъ правительствъ и государей, откуда проистекаетъ только замѣшательство и несчастіе. Литературная взаимность можетъ быть и тамъ, гдѣ народъ находится подъ разными скипетрами, раздѣленъ на многія государства, королевства, княжества или республики. Взаимность возможна и тамъ, гдѣ въ народѣ есть разныя религіи, церкви и изповѣданія, разные письмена, климаты и страны, обычаи и обыкновенія. Она неопасна мірскимъ правительствамъ и государямъ, оставляя въ покоѣ границы и области, зависимость подданныхъ отъ того или другаго монарха, и прочія подобныя политическія обстоятельства; она довольна настоящимъ состояніемъ вещей, уживается при всѣхъ образахъ правленія, не касается законовъ и обычаевъ чужихъ земель, однимъ словомъ—она живетъ со всякимъ господиномъ въ мирѣ, со всякимъ сосѣдомъ въ дружбѣ. Это смирная, невинная овечка, которая принадлежитъ, правда, къ великому стаду, но пасется на своемъ особенномъ лугу. Государство есть соединеніе многихъ странъ и разныхъ народовъ подъ одною общею главою; цѣль его—безопасность, справедливость и содѣйствіе образованію всѣхъ составляющихъ его народовъ. Итакъ любовь къ нашему народу и языку, но вмѣстѣ и вѣрность, покорность государямъ, хотя бъ они были и изъ другаго народа.—При литературной взаимности не нужно питать желаній, ни дѣлать предложеній, подобно Лингарту въ его «Исторіи Крайна» (Лайбахъ, 1791, Ч. II, предис. с. 2), что между народами австрійской монархіи Славяне многочисленнѣе и сильнѣе всѣхъ; что еслибъ было въ обычаѣ у политики сумму соединенныхъ силъ, на коихъ основано величіе государства, называть по самой большой однородной силѣ, то Австрію должно бы, такъ же какъ и Россію, называть славянскимъ государствомъ. Слѣдующія благородно-скромныя чувства и выраженія одного славянскаго писателя, Копитара, изложенныя въ его грамматикѣ (с. XIX), достойнѣе одо-

бренія: «Щедроты его величества, императора Франца I, доставили Францисканцу-отцу Стулли нужныя средства къ обработыванію его Иллирійскаго Словаря». Дѣйствительно, славянскіе подданные австрійскаго императора имѣютъ нѣкоторое право на милостивое участіе правительства; изъ 20 милліоновъ человѣкъ, которые живутъ подъ его кроткимъ скипетромъ, считается 13 чистыхъ Славянъ, остальные 7 Нѣмцы, Мадяры, Жиды и т. д. (*). Нѣмецкій народъ раздѣленъ на большое количество племенъ и государствъ, находится подъ множайшими правительствами, нежели славянскій; въ Германіи считается теперь 38 различныхъ государствъ и княжествъ, кромѣ Даніи, Норвегіи, Швеціи, Голландіи, Бельгіи, Лотарингіи, Эльзаса, Бургундіи, Швейцаріи, Трансильваніи и Ципса. Славяне же живутъ въ 4 или 5 государствахъ, а именно: Россіи, Австріи, Пруссіи, Саксоніи и Портѣ. Если Нѣмцы вѣрно преданы одной національной литературѣ и разнымъ нѣмецкимъ и не-нѣмецкимъ правительствамъ, то точно также могутъ и Славяне, тѣмъ болѣе, что сіи послѣдніе отъ природы спокойнѣе и почтительнѣе къ начальству, хотя и нераболѣпнѣе, какъ говорятъ враги. Развѣ Англичане и новые Греки не повинуются королямъ, которые не отъ ихъ рода? Слѣдовательно, не должно бранить и называть мечтателями, фанатиками, возмутителями или врагами другихъ народовъ тѣхъ, которые любятъ свой народъ и желаютъ ему истиннаго счастія, не думая разстроивать настоящаго порядка вещей.

Эта взаимность не состоитъ также въ обобщеніи или насильственномъ смѣшеніи всѣхъ славянскихъ нарѣчій въ одинъ главный языкъ, или одно литературное нарѣчіе, какъ о томъ начинаютъ мечтать нѣкоторые славянисты. Славянскія нарѣчія частію такъ уже разлучились между собою грамматически, что не могутъ естественно сплавиться въ одинъ языкъ, частію нѣкоторые изъ нихъ такъ образовались филологически и обогатились такими отличными сочиненіями, что уже нельзя ожидать отъ человѣческой слабости, суетности и самолюбія, чтобъ какое-нибудь племя пожертвовало своею, какою бы то ни было, самостоятельностію, отказалось отъ своихъ доселѣ пріобрѣтенныхъ

(*) Этому примѣру высокаго монарха и просвѣщеннаго родителя послѣдовалъ и высокій нынѣ-царствующій сынъ, его величество императоръ Фердинандъ I, признавъ великія литературныя заслуги г. Юнгмана, сочинителя «Классическій Чешскій Словарь», и пожаловавъ автору драгоцѣнный бриліянтовый перстень съ своимъ вензелемъ.

сокровищъ, какъ-бы забыло ихъ, и совсѣмъ отъ нихъ отдѣлилось. Большинство Славянъ привержено наслѣдственною, въ-теченіи вѣковъ освященною любовію къ своимъ нарѣчіямъ, и такъ далеко уже ушло въ своемъ частномъ образованіи и литературѣ, что отступать невозможно.

§ 4. *Сколько и какія славянскія нарѣчія принадлежатъ ко взаимности.* — Славянинъ, невысоко-ученый, по-крайней-мѣрѣ стоящій *на первой степени* образованія и просвѣщенія, долженъ знать четыре нынѣшнія образованнѣйшія нарѣчія, на коихъ пишутся и печатаются книги: *русское*, *иллирійское*, *польское* и *чехословацкое*. Ученѣйшій и образованнѣйшій Славянинъ *втораго класса* познакомится и съ меньшими нарѣчіями или поднарѣчіями, на-пр. съ малороссійскимъ — въ русскомъ, кроатскимъ, виндскимъ, булгарскимъ—въ иллирійскомъ, лузацкимъ—въ польскомъ. Славянинъ *третьяго класса*, или ученый, филологъ и историкъ по званію, долженъ знать всѣ славянскія нарѣчія безъ изключенія, живыя и умершія, образованныя и еще необразованныя, чистыя и смѣшанныя съ другими языками, мало и далеко-разпространенныя, господствующія и подданныя, которыя пишутся глаголическими и кирилловскими, латинскими и швабскими буквами. Онъ долженъ остерегаться, чтобъ не подвергнуться упреку Тунмана (II, с. 171): «Историкъ и филологъ бываетъ часто столь же несправедливъ, какъ и обыкновенный человѣкъ: онъ презираетъ того, къ кому неблагосклонно счастье». Между мертвыми нарѣчіями первое мѣсто принадлежитъ древле или церковно-славянскому. Какъ зодчій, всякій чувствительный человѣкъ разсматриваетъ съ благоговѣніемъ древніе храмы въ развалинахъ, и изучаетъ оные пытливымъ умомъ своимъ: такъ поступай Славянинъ съ драгоцѣнными, отъ древнихъ вѣковъ оставшимися и въ наше время найденными отрывками разныхъ славянскихъ нарѣчій, на-пр. Краледворскою рукописью, Фрейзингенскими отрывками, Словомъ о Полку Игоревѣ, глаголическимъ кодексомъ Копитара, и др. польскою псалтирью. Настоящему Славянину полезно и нужно знать даже языки другихъ народовъ, кои сродственны болѣе или менѣе съ славянскимъ, какъ на-пр. леттскій, литовскій, курляндскій, валашскій (румунскій), албанскій, новогреческій. и т. д. Въ наше время недостаточно быть только добрымъ Русскимъ, пылкимъ Полякомъ, совершеннымъ Сербомъ, ученымъ Чехомъ, говорить только изключительно по-русски, по-польски, по-чешски. Эти одностороннія лѣта младенчества славянскаго народа уже прошли, духъ ны-

нѣшняго славянства возлагаетъ на насъ другую, высшую обязанность, а именно: смотрѣть на всѣхъ Славянъ, какъ на братьевъ одного великаго семейства, и сотворить всеславянскую взаимную литературу по слѣдующему правилу: Slavus sum, nihil slavici a me alienum esse puto. Познаніе славянскихъ нарѣчій было и есть еще теперь, даже у ученыхъ Славянъ, такъ рѣдко и ограниченно, что должно прибѣгать къ чужому, не славянскому языку, если хочешь сказать что-либо понятное о какомъ-нибудь важномъ предметѣ другимъ славянскимъ братьямъ: по этой причинѣ Добровскій писалъ свои всеславянскія сочиненія по-нѣмецки или по-латинѣ. По этой причинѣ настоящее разсужденіе, въ исполненіе требованія многихъ Славянъ, должно было перевести на нѣмецкій языкъ.

§ 5. *Примѣры взаимности у другихъ народовъ.*—Разительное сходство съ Славянами, въ этомъ отношеніи, представляютъ только древніе Греки. И тамъ былъ одинъ народъ и многія нарѣчія, кои не только жили одно подлѣ другаго, но обоюдно воздѣлывались и подкрѣплялись: іонійское, эолическое, дорическое и аттическое; всѣ они произошли отъ одного древле-эллинскаго языка, изъ Фтіотиды, въ Ѳессаліи. И эти четыре главныя нарѣчія приводятся къ двумъ: эоло-дорическому и іоно-аттическому, подобно славянскимъ, кои Добровскій раздѣляетъ также на двѣ отрасли: руссо-сербскую и польско-чешскую. На всѣхъ сихъ греческихъ нарѣчіяхъ писались и читались книги; во всѣхъ находимъ мы классиковъ.

На іонійскомъ нарѣчіи писали Гомеръ, Гезіодъ, Гиппократъ.

На эолійскомъ: Алкей, Сафо, (Гомеръ, Аристофанъ).

На дорическомъ: Ѳеократъ, Пиндаръ, Калимахъ, Біонъ, Мосхъ, Архимедъ.

На аттическомъ: Исократъ, Демосѳенъ, Ѳукидидъ, Ксенофонтъ, Платонъ, Эсхилъ, Софоклъ, Эврипидъ, Аристофанъ и др.

Въ Гомерѣ находимъ мы слѣды и отрывки почти изъ всѣхъ этихъ греческихъ нарѣчій, особенно изъ іонійскаго и эолійскаго. Аристофанъ мѣшалъ часто аттическое съ эолійскимъ. Еще въ древнѣйшихъ памятникахъ греческаго языка находимъ такое соединеніе. Въ греческой поэзіи представляется особенное свойство, что всякому нарѣчію принадлежалъ особый родъ: мягкому іоническому—эпопея, аттическому—драма. Всякій образованный Грекъ читалъ и понималъ безъ затрудненія всѣхъ этихъ разногласныхъ любимцевъ своего народа. На олимпійскихъ играхъ писатели всѣхъ колѣнъ и на всѣхъ нарѣчіяхъ читали свои сочиненія; вѣнцы

и награды раздавались всѣмъ безъ пристрастія, не смотря на нарѣчіе. Ѳукидидъ, рожденный и воспитанный въ Аѳинахъ, говорившій и писавшій по-аттически, плакалъ въ Олимпіи, слушая Геродота, который родился въ Галикарнассѣ и писалъ на іонійскомъ нарѣчіи. Аѳиняне въ Керамикѣ (особливомъ кладбищѣ) имѣли статуи всѣхъ знаменитѣйшихъ гражданъ, безъ преимущества и различія нарѣчій. Между-тѣмъ греческія нарѣчія отнюдь не были одно къ другому ближе, чѣмъ славянскія. Не только выговоръ, удареніе, но и окончаніе словъ, цѣлыя склоненія и спряженія различались значительно. Что Греки жили также подъ разными государями и скипетрами, жили въ разныхъ странахъ, раздѣлялись морями и островами, это извѣстно, и между-тѣмъ златой союзъ взаимности соединялъ весь народъ въ языкѣ, искусствахъ и наукахъ. Итакъ, что было возможно Грекамъ, почему невозможно и намъ, Славянамъ? Сходство и согласіе между Славянами и Греками вообще очень примѣчательно не только въ отношеніи къ нарѣчіямъ, но и въ другихъ вещахъ, на-примѣръ, въ музыкѣ народныхъ пѣсенъ, въ именахъ лицъ, на-примѣръ Гераклесъ—Ярославъ, Хариклесъ—Милославъ, Клеопатра—Властислава, и т. д. Уже Ульрикъ фон-Гуттенъ замѣтилъ это о Славянахъ въ App. ad Tacit. Germ.: «Ingenia Slavorum habent sane Graecum quiddam referentia».

§ 3. *Какъ и гдѣ прежде возникла мысль о взаимности между Славянами. У какого племени она осуществилась наиболѣе, у какого наименѣе.*—Всякій вѣкъ народа приноситъ, подобно растенію, свой собственный плодъ, и XV вѣкъ не могъ произвести какого-нибудь Добровскаго или Карамзина, такъ же, какъ и Камчадалъ собраніе сербскихъ пѣсенъ, или какъ терновникъ не можетъ произрастить ананасъ. Славяне, наученные несчастной судьбою и опытами долгихъ столѣтій, раздраженные насмѣшкой иноплеменниковъ, вразумленные собственной бѣдою, возбужденные любопытствомъ, изслѣдованіемъ языка, исторіи и другими учеными занятіями, ободренные открытіями драгоцѣнныхъ древностей, привлеченные обнародованіемъ славныхъ народныхъ пѣсенъ, Славяне начали въ послѣднее время присматриваться другъ къ другу, изучать себя самихъ, свои племена и нарѣчія, свои преимущества и недостатки, свое счастіе и несчастіе, свое прошедшее, настоящее и будущее, и прежнее темное чаяніе достигло у нихъ чрезъ это до степени яснаго сознанія: они узнали, что составляютъ одинъ народъ и имѣютъ одинъ языкъ. Славяне *сочли* себя, и увидѣли, что они въ Европѣ всѣхъ многочисленнѣе; это исчисленіе дало имъ знать

о ихъ силѣ; это знаніе возбудило въ нихъ врожденное человѣку чувство, и имъ стало стыдно втайнѣ, что они, сильнѣйшіе, стоятъ позади всѣхъ, слѣдуютъ за слабѣйшими. Малые народы — малая отвѣтственность; великіе народы — великая отвѣтственность на всемірномъ судилищѣ. Эти мысли и чувства, оживленныя невольно духомъ времени, настроили души постепенно къ тихимъ желаніямъ взаимной любви, довѣренности и взаимности, чтобъ сердца и души составляли по-крайней-мѣрѣ одно, если внѣшнимъ-образомъ народъ раздѣленъ и разсыпанъ, чтобъ духъ по-крайней-мѣрѣ въ этомъ священномъ единствѣ находилъ свое вознагражденіе и упокоеніе. Такъ отъ малыхъ движеній увеличивались постепенно волны, и тихія желанія возрасли наконецъ, въ-послѣднее время, вездѣ и единогласно, до настоятельной потребности. Духъ времени и потребность народа находятъ всегда органы для своего выраженія,—будетъ ли то Регулъ, Августъ, Аттила, Григорій VII, или Торквемада, Коперникъ, Колумбъ, Гуссъ, Пеннъ, Лютеръ. Если внѣшнее сопротивленіе препятствуетъ этимъ орудіямъ на одномъ мѣстѣ, то возстаетъ тысяча иныхъ на другомъ. Впрочемъ, и духъ времени и потребность народа, въ-слѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, можетъ возродиться раньше, и обнаруживаться сильнѣе у одного племени, чѣмъ у другаго. Кто имѣетъ уже что-нибудь, тотъ доволенъ обыкновенно тѣмъ, что у него есть, и не думаетъ разпространяться; но кто не имѣетъ ничего, тотъ хочетъ имѣть многое, хочетъ имѣть все. Карпатскіе Словаки до-сихъ-поръ не имѣли ничего собственнаго въ литературѣ; потому они первые протянули свои руки, чтобъ обнять всѣхъ Славянъ. Ихъ нарѣчіе въ грамматическомъ и географическомъ отношеніи находится въ средоточіи всѣхъ славянскихъ нарѣчій, ибо Карпаты или Татры — колыбель всѣхъ Славянъ. Посему мысль о взаимности, если не родилась и сперва между Словаками въ Венгріи, то по-крайней-мѣрѣ тамъ принялась живѣе, разпространилась скорѣе и глубже. Между теперешними молодыми славянистами очень-мало такихъ, которые бы не знали ничего о другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, и не могли бы совершенно читать на нихъ. Въ шафариковой «Исторіи Славянской Литературы», какъ въ зеркалѣ, Славяне увидѣли себя съ восторгомъ, удивленіемъ и яснымъ сознаніемъ въ первый разъ, въ систематическомъ порядкѣ, и публично предъ всей Европою, какъ одинъ народъ. Какъ прекрасно думаетъ и пишетъ Шафарикъ объ этомъ предметѣ въ журналѣ «Чешскій Музей» (1833. Ч. 1, С.

3—4). «Врожденная любовь связываетъ родственниковъ, членовъ одного семейства, не смотря на ихъ дальнюю разлуку; она побуждаетъ ихъ къ взаимному, дружескому сочувствію, при разныхъ опытахъ жизни, иногда гласно и дѣятельно, иногда въ тихихъ желаніяхъ сердца: точно такъ у родственныхъ народовъ есть стремленіе къ взаимной любви и почтенію,— и это стремленіе можно назвать драгоцѣннымъ даромъ природы и украшеніемъ человѣчества. Въ обоихъ случаяхъ обнаруживается неизслѣдимая премудрость божественнаго провидѣнія, которое съ этой сладкой внутренней симпатіей соединило самыя крѣпкія узы, кои составляютъ условія семейственной, а равно и общественной, гражданской жизни, а чрезъ нихъ образованности и счастія человѣческаго рода. Славянскія колѣна—чада единой праматери, разсѣянныя бурею временъ, утѣшаются и радуются при одной мысли о своемъ общемъ происхожденіи; благороднѣйшія души между ними наслаждаются взаимно успѣхами языка, литературы, нравственности, просвѣщенія и благосостоянія, а равно огорчаются при неудачахъ и несчастіяхъ собратій.» Послѣ Словаковъ и Чеховъ слѣдуютъ въ этомъ отношеніи Русскіе, Кроаты, Поляки, Сербы. *Добровскій* проложилъ дорогу, хотя безъ сознанія и намѣренія; его сочиненія — все славянскія, хотя онъ и не зналъ, что̀ такое славянская взаимность въ литературѣ. Послѣ Добровскаго, или вмѣстѣ съ нимъ, *Копитаръ, Шишковъ, Кеппенъ, Румянцовъ, Погодинъ* и др., сдѣлали прекрасные шаги къ взаимности, достойные подражанія. У Сербовъ она имѣетъ твердыя подпоры въ *Вукѣ* и *Павловичѣ*, у Хорватовъ въ *Гаѣ, Топаловичѣ, Курелацѣ.* Между Поляками *Кухарскій, Мацѣевскій, Росцишевскій, Медынскій* изучали другія славянскія нарѣчія, особенно чешское. Очень жаль, что трехъ знаменитѣйшихъ славянскихъ поэтовъ нашего времени, русскаго *Пушкина* (*), сербскаго *Милутиновича* и польскаго *Мицкевича*, не одушевилъ геній этой взаимности. Если бы они, стоя своими ногами на русской, сербской и польской почвѣ, носились главами въ славянскомъ эѳирѣ, и были видимы всѣмъ народомъ! Поэты являются цвѣтами націи; они всѣхъ глубже оживлены и проникнуты ея духомъ, они читаются наиболѣе и имѣютъ обширнѣйшій кругъ дѣйствія; имъ, слѣдовательно, принадлежитъ право, на нихъ обя-

(*) Странно, что автору этого сочиненія неизвѣстны ни переводы «Пѣсень Западныхъ Славянъ», ни «Къ клеветникамъ Россіи», ни другія творенія, въ которыхъ Пушкинъ такъ глубоко сознавалъ необходимость этой взаимности и такую высокую цѣль указывалъ ей. *Ред.*

занность образовывать народъ, обновлять его, сообразно съ временемъ. Духъ времени и расположеніе народовъ кратки, мимолетны и измѣнчивы, если ихъ не установлять. Счастливые случаи и обстоятельства для жизни народовъ то, что ясные лѣтніе дни для земледѣлія и жатвы: все тогда созрѣваетъ скоро и безъ труда, среди шутокъ и игръ убирается веселыми жнецами. Такъ бываетъ и съ цѣлыми народами, когда ихъ судьба въ хорошемъ расположеніи: всѣ сердца открыты, всѣ души возпріимчивы, тогда можно и должно дерзать на то, что въ другое время было бы слишкомъ-смѣло. Потому-то и не должно просыпать благопріятное время, когда счастіе улыбается. Одно поколѣніе промедлитъ post haec occasio calva, міръ принимаетъ тотчасъ другое направленіе, и никакой Архимедъ его не оборотитъ.

§ 8. *Невзаимность, національный эгоизмъ и литературная раздѣльность.*—Эгоизмъ и самолюбіе могутъ заражать и ослѣплять не только людей, но цѣлыя племена, нарѣчія и народы. Тщеславіе, гордость и кичливость обуяютъ такое племя; оно считаетъ себя квинтэссенціей человѣчества, образцовымъ произведеніемъ творенія, природнымъ обладателемъ всего земнаго шара, средоточіемъ міра. Гренландцы, которые ѣдятъ изъ одного корыта съ своими домашними животными, почитаютъ себя лучшею человѣческою породою, и сожалѣютъ о прочихъ народахъ, кои непохожи на нихъ видомъ. Караибы и другіе Американцы, у коихъ есть слова въ 10, 20 и даже 30 слоговъ, такъ, что одного дыханія не достанетъ для ихъ произношенія, считаютъ языкъ свой прекраснѣйшимъ и совершеннѣйшимъ въ мірѣ, и ненавидятъ всѣхъ, которые не говорятъ на немъ. И между Славянами этотъ злой духъ (чернобогъ) обладалъ искони многими племенами. Мы умалчиваемъ объ исторической ненависти между Мильцами и Оботритами, о разпряхъ Черезпѣланъ и Редаріевъ, о сраженіяхъ Поляковъ и Чеховъ: и въ наше время нѣтъ недостатка въ примѣрахъ подобныхъ чувствованій. Прочитайте безпристрастно и со вниманіемъ сочиненія, впрочемъ драгоцѣнныя, славянскихъ писателей прежняго времени: Велеславиныхъ, Коменскихъ, Ломоносовыхъ, Гундуличей, Кохановскихъ, Красицкихъ, Обрадовичей и проч.: какъ все у нихъ холодно, односторонно, противовзаимно. Если иногда и скажутъ они что-нибудь мимоходомъ о другихъ славянскихъ братьяхъ, то отталкиваютъ болѣе, чѣмъ привлекаютъ. Это были времена, когда одинъ Славянинъ едва считалъ другаго за брата и сына той же націи: Сербъ не называлъ даже Чеха и Словака ихъ собственными

славянскими именами, а перваго по-нѣмецки Немакомъ (Böhme), а послѣдняго по-мадярски Тотомъ; Хорватъ считалъ Поляка родственнѣе Готтентотамъ, чѣмъ себѣ; Чехъ, напротивъ, думалъ, что Руссkій и Москвичъ принадлежатъ чуть-ли не къ татарскому роду. Нѣкоторые Чехи влюблены, кажется, и до-сихъ-поръ въ свое нарѣчіе, и противятся всякой взаимности даже съ Словаками, отъ которыхъ требуютъ совершеннаго самоуничтоженія; но это дѣлаютъ только тѣ, которые любятъ болѣе себя, чѣмъ народъ, и изъ опасенія, чтобъ ихъ онѣмеченный языкъ чрезъ то не возвратилъ себѣ славянской чистоты, и авторское безсмертіе не подверглось опасности. Впрочемъ, не должно оставлять мать въ скорби за то, что она имѣетъ безразсудныхъ дѣтей, а развѣ крѣпче прижиматься къ ея сердцу. *Г. Левицкій*, ученый, сочинитель русинской грамматики, напечатанной въ Пржемыслѣ, 1834, спрашиваетъ съ удивленіемъ (на стр. 188): «какъ могъ Вацлавъ съ Олеска писать русинскія пѣсни польскими буквами?» О, Боже мой! почему же нѣтъ? Развѣ буквы прикрѣплены къ какому-нибудь нарѣчію привиллегіями, монополіями, присягами или заклятіями? Мало-того, что насъ раздѣляютъ страны, нарѣчія, ороографіи — и буквы хотятъ сдѣлать еще неприступными преградами? Какъ мелко, противовзаимно! Польскій писатель *Войцехъ Швейковскій*, въ своемъ разсужденіи о польской ороографіи (Варшава, 1830) пишетъ: «не училемъ сę обцыхъ діалектовъ славяньскихъ, не умѣмъ о нихъ сądзицъ». И между-тѣмъ, именно для изслѣдованія и основанія ороографіи какого-нибудь нарѣчія, познаніе прочихъ славянскихъ ороографій необходимо. Безъ всесторонняго познанія славянскаго языка вообще, славянскій литераторъ никогда не можетъ понять свое собственное отечественное нарѣчіе въ составныхъ его частяхъ и законахъ образованія. Въ польской газетѣ «Повшехны паментникъ наукъ а умѣёнтносьци» (Краковъ 1835) издатели предприняли переводить съ чешскаго отрывки изъ сочиненій нашего знаменитаго Шафарика и Палацкаго, коихъ содержаніе относится ко всему славянскому народу. Одинъ польскій рецензентъ выразился объ этомъ похвальномъ намѣреніи въ львовскихъ газетахъ вотъ какъ: «Хороша мысль о славянствѣ и намѣреніе извлекать пользу изъ трудовъ родственныхъ племенъ; но ради Бога, сжальтесь надъ нами! Для насъ пріятнѣе были бы собственныя отечественныя, польскія изслѣдованія, нежели чуждыя (мы спрашиваемъ: развѣ Славяне чужды другъ другу?), откуда бы то ни было переведенныя». Вотъ примѣръ малодушнаго уединенія и

отдѣльности, національной нетерпимости! Этотъ польскій рецензентъ не сказалъ бы ничего, или можетъ-быть даже похвалилъ бы переводчика, если бы сочиненіе было переведено съ французскаго, англійскаго или нѣмецкаго; но съ чехо-славянскаго!.. Вотъ, это славянская невзаимность! Поляки должны бы, напротивъ, ободрять и подкрѣплять подобныя начинанія; ибо ничто не содѣйствуетъ взаимности съ такимъ успѣхомъ, какъ именно переводы съ одного нарѣчія на другое. Поляки должны бы подумать о томъ, что еще въ 1819 году писалъ ихъ соотечественникъ *Ходаковскій* въ сочиненіи: «О Словяньщызнѣ» (Краковъ, 1835, стр. 40): «здѣшніе ученые сокрушаются о томъ, что между ими и Поляками стоитъ все еще стѣна древней недовѣрчивости, скрытности, однимъ словомъ, сѣверная ночь, между-тѣмъ, какъ съ отдаленнѣйшаго юга и запада Европы свѣтитъ имъ яркій свѣтъ.» Сколько Поляковъ говоритъ, читаетъ, пишетъ совершенно на чужихъ не-славянскихъ языкахъ, на-прим. на-французскомъ, и не имѣетъ никакого понятія о чешскомъ или сербскомъ! Сколько Чеховъ обладаетъ въ своихъ библіотекахъ всѣми нѣмецкими писателями, и не имѣетъ ни одной русской или польской книги! Сколько Русскихъ переводитъ безъ ошибки съ англійскаго, итальянскаго!.. По справедливости, казалось бы, надо узнать прежде свою кровь, свой родъ, чѣмъ чужой. Признакъ порчи народной, когда народъ презираетъ и забываетъ собственное, ближайшее, и стремится къ чужому, иностранному, отдаленному, а чрезъ то становится въ неестественное противорѣчіе съ самимъ-собою, работаетъ надъ самоистребленіемъ, которое горько ощущаетъ и языкъ: ибо когда народъ портится, то и зеркало его внутренней души, языкъ, долженъ также портиться. Впрочемъ, меня дурно поймутъ, если подумаютъ, въ-слѣдствіе вышесказаннаго, что я не расположенъ къ Полякамъ, — нѣтъ, я считаю ихъ прекраснымъ рыцарскимъ племенемъ нашего народа; точно также я высоко уважаю Русскихъ; талантливыхъ Чеховъ люблю я столько же, какъ и чувствительныхъ Сербовъ; не смотря на это, я не пощажу никакое племя, не умолчу никакого ихъ порока, когда зайдетъ рѣчь о счастіи и благѣ цѣлаго.

§ 9. *Отношеніе взаимности и любви къ отечеству у славянскихъ племенъ.*—Нѣкоторыя славянскія племена и нарѣчія имѣютъ собственное, независимое отечество, другія условное, общее съ другими народами и языками. Первыя легко подвергаются опасности влюбляться слишкомъ-сильно въ свое отечество, заниматься болѣе

патріотизмомъ, чѣмъ національностію, не обращаютъ вниманія на другихъ братьевъ отъ одной матери, довольствуются собою, и не радятъ о взаимности; отъ-того ихъ образованіе бываетъ слабо, языкъ одностороненъ, литература частна, подобно члену, отдѣленному отъ тѣла; національный характеръ не проявляется нигдѣ во всей своей силѣ. Отъ этого зла можетъ ихъ охранить только взаимность. Тѣ же племена и нарѣчія, напротивъ, кои не имѣютъ собственнаго отечества, по-крайней-мѣрѣ вполнѣ, найдутъ въ этой взаимности духовное убѣжище, обрѣтутъ въ этомъ присовокупленіи къ цѣлому народу и его литературному богатству сладкое возмездіе. Но развѣ нѣтъ возможности соединить національзмъ съ патріотизмомъ, водворить между ними прекрасное согласіе? И, въ случаѣ встрѣчи, не должно ли послѣднее чувство уступить первому? Ибо чтò долженъ любить болѣе разсудительный человѣкъ, землю или народъ? Землю можно найдти другую, но другаго языка и народа нигдѣ и никогда; земля сама-по-себѣ мертва; народъ — это наша кровь, жизнь, духъ. Любовь къ землѣ отечественной есть побужденіе естественное, любовь къ своему народу — есть плодъ образованія, явленіе разумное . . . Кому обязаны мы самыми лучшими, самыми благородными нашими наслажденіями? Не себѣ, не нашей землѣ, а нашимъ предкамъ и современникамъ . . . Кто унижаетъ свою націю, не уважаетъ и не любитъ ея языка, презираетъ ея духъ и характеръ, тотъ не можетъ питать и настоящей любви къ своей землѣ. Меньшее должно быть подчинено большему, возвышеннѣйшему: любовь къ своей землѣ — любви къ своему народу. Ручьи, рѣки, потоки изливаются въ море; такъ должны отдѣльныя страны, провинціи, племена, нарѣчія сливаться въ народъ. Всѣ Славяне имѣютъ одно отечество. Нѣмецкія колоніи живутъ и имѣютъ отечество въ Америкѣ, Россіи; Англичане въ Индіи, Австраліи и всѣхъ частяхъ свѣта; — и между-тѣмъ всѣ они составляютъ одинъ народъ, и имѣютъ одну литературу. Въ МариленДскомъ Обществѣ, въ Бальтиморѣ, на праздникѣ, были провозглашены недавно слѣдующіе тосты: нѣмецкому союзу въ Европѣ! Германъ... Блюхеръ . . . Тель ! . . Нѣмецкому языку и литературѣ! . . . Клопштокъ . . . Лессингъ . . . Гердеръ . . . Виландъ . . . Шиллеръ . . . Гёте, и т. д.

§ 10. *Всѣ славянскія племена должны равно заботиться о взаимности.* — Самое изящное изъ славянскихъ нарѣчій, если хочетъ быть и остаться изящнымъ, должно, подобно цвѣтку, не удаляться отъ своего корня, чтобъ не поблекнуть и не завянуть. Прекрасные

языки и нарѣчія невсегда имѣютъ хорошихъ писателей. Священныя книги написаны, по изволенію Божію, не на аттическомъ, а на эллинскомъ нарѣчіи. Русскіе и Поляки должны именно теперь познакомиться короче съ остальными Славянами, именно Чехами, Словаками, Иллирійцами и ихъ превосходною метрикой, чтобъ внѣшность (объективность) и количественность своихъ нарѣчій и просодій охранить, освѣжить, оживить посредствомъ взаимнаго соприкосновенія, и возстановить равновѣсіе между объективностію и субъективностію, или между количествомъ и удареніемъ, которое нарушено чрезъ подражаніе нѣмецко-французскому стихосложенію; короче, чтобъ внутренно и наружно, по формѣ и содержанію, ославянить свою поэзію, которая приняла европейскія формы. Надобно умѣть переноситься въ обстоятельства другихъ племенъ, чувствовать ихъ особливый національный образъ бытія, дѣйствія, разговора, цѣнить и съ любовію принимать въ немъ участіе. Люди, племена, народы, которые образовали себя только для извѣстныхъ положеній и отношеній одной-какой-либо страны, а не для всѣхъ возможныхъ положеній жизни, приходятъ въ совершенное смущеніе при всякой перемѣнѣ ихъ обстоятельствъ. Слава народа должна основываться на нравственно-умственномъ величіи, духовной дѣятельности и самостоятельности, всеобщей любви и почтеніи, и связи съ человѣчествомъ и всемірною исторіей: независимость какой-нибудь малой республики, политической или литературной, отдѣльность какого-нибудь малаго племени и нарѣчія, имѣетъ прелесть только для такихъ душъ, кои не знаютъ, и потому не понимаютъ чувства быть членомъ великаго цѣлаго. Чѣмъ тѣснѣе кругъ, чѣмъ отдѣльнѣе общество, въ коемъ мы живемъ, тѣмъ меньше, противнѣе, несноснѣе понятія, кои имѣемъ, книги, кои пишемъ, искусственныя произведенія, кои представляемъ, потому-что не имѣемъ ничего для благодѣтельнаго сравненія и соревнованія. Отъ выгодъ соревнованія не долженъ отказываться ни одинъ народъ, ни одно племя: ибо гдѣ нѣтъ соревнованія, тамъ нѣтъ никакихъ успѣховъ. Взаимность произведетъ благодѣтельное соревнованіе между славянскими писателями всѣхъ нарѣчій; каждое нарѣчіе захочетъ превзойдти другія, ни одно не захочетъ отстать, сдѣлаться послѣднимъ. Взаимное соревнованіе принесетъ прекрасные плоды для цѣлой націи, обогатитъ сокровищницу національной литературы и воздѣйствуетъ съ новою помьлою на каждое племя порознь. Если бы любовь къ народу привлекала не крѣпче любви къ роду, то люди какъ гусеницы остава-

лись бы на одномъ листу и вѣтви. Всѣ пороки и ошибки племени, всѣ недостатки нарѣчія стали бы увѣковѣчиваться, и племенное обличіе, какъ бы оно ни было отвратительно, сдѣлалось бы наконецъ національною физіономіею. Племена, отъ раздѣленія кастъ, тупѣютъ и никогда не облагороживаются. У племенъ и народовъ есть свои глупости и добродѣтели, кои должно пріобрѣтать обмѣномъ. Взаимность сдѣлается для цѣлой славянской націи банкомъ, въ коемъ каждое племя и каждое нарѣчіе, большое и малое, образованное и необразованное, имѣетъ свои акціи, и отъ коего можетъ требовать процентовъ. Самое презрѣнное нарѣчіе можетъ часто подать этимологическій ключь самому образованному, для объясненія многихъ темныхъ словъ. Какъ часто въ одномъ нарѣчіи какой-нибудь корень совершенно высохъ или пропалъ, а въ другомъ красуется въ полномъ цвѣтѣ, производитъ цѣлое живое семейство словъ, и распространяетъ яркій свѣтъ на весь славянскій языкъ. Писатель племени, который желаетъ, чтобъ его читали и понимали, бываетъ, разумѣется, популярнымъ, и пишетъ для народа, для толпы, для настоящаго, является издателемъ журнала, и его сочиненія носятся въ низшихъ слояхъ атмосферы, съ ежедневными брошюрами, альманахами и другими литературными бабочками и колибри. Но мы, Славяне, должны усердно желать, чтобъ великіе писатели научились уважать свой геній, чтобъ они возъимѣли силу творить для цѣлаго народа и долгой будущности, чтобъ они не заботились о чтеніи и славѣ отъ нѣсколькихъ сотенъ человѣкъ на нѣсколько мѣсяцевъ или лѣтъ, а производили сочиненія, коихъ содержаніе и форма проникли бъ во внутренность всего народа, сдѣлались бы его собственностію, переплелись бы со всѣми корнями жизни и остались бы въ наслѣдство будущимъ поколѣніямъ. Славянскіе писатели не должны быть только поденьщиками и ремесленниками особыхъ племенъ, но національными архитекторами при построеніи храма образованія человѣческаго. Малочисленные Словаки и лишенные всякаго образованія Лужичане, Сорбы не имѣютъ, конечно, многихъ блистательныхъ и поэтическихъ возпоминаній, кои одушевляютъ Русскихъ, Поляковъ, Чеховъ, Сербовъ и столь могущественно привлекаютъ въ ихъ пользу чувства прочихъ Славянъ, однакожь и у первыхъ есть Святоплугъ, а у вторыхъ Само, завидные предметы эпопеи; если же уничтожится раздѣленіе на колѣна и нарѣчія, то прекратится и зависть къ великимъ людямъ и преимуществамъ прочихъ племенъ, ибо мы сдѣлаемся ихъ участниками; славянская

исторія будетъ общимъ достояніемъ всѣхъ Славянъ и славянская литература уподобится, въ свѣтѣ взаимности, игривому алмазу, имѣющему много лучей и одинъ фокусъ, въ которомъ будутъ играть всѣ цвѣта. Отъ хорватскаго Црини упадутъ лучи на Русскихъ, Поляковъ, Чеховъ такъ же, какъ падали отъ спартанскаго Леонида на Аѳинянъ и всѣхъ Грековъ. Только одинъ злобный іезуитъ въ похвальномъ словѣ Св. Адальберту или Войтеху могъ воскликнуть съ прискорбіемъ: «какимъ-образомъ милосердый Богъ попустилъ такому великому Святителю родиться Чехомъ!» Поэтъ или ораторъ племени ограничиваетъ всѣ свои мысли самымъ тѣснымъ кругомъ, и отказывается отъ всѣхъ источниковъ высокаго. Славяне имѣли до-сихъ-поръ поэтовъ, которые часто пѣли только о себѣ и для себя; но они не имѣли и не могутъ имѣть ораторовъ, которымъ нельзя образоваться предъ малымъ кругомъ слушателей, и нѣчего почти говорить при недостаткѣ въ національныхъ предметахъ. По симъ причинамъ особенно поэзія и краснорѣчіе совершенно возродятся при взаимности, и получатъ такой полетъ, о которомъ наши предки не имѣли никакого понятія. Всѣ умственныя силы пріймутъ быстрое развитіе, когда взаимность исторгнетъ насъ изъ тѣсныхъ границъ нашего бытія на обширное поле національной жизни и проведетъ передъ нами разнообразные полки новыхъ явленій удивительныхъ и однакожь сродныхъ. Человѣкъ въ четырехъ стѣнахъ, племя въ предѣлахъ своей области не могутъ довершить свое воспитаніе; люди и народы, въ прекраснѣйшемъ смыслѣ этого слова, становятся людьми и народами чрезъ созерцаніе цѣлаго человѣчества; иначе люди остаются дѣтьми, а народы и племена варварами. Племена и народы, уклоняющіеся отъ сношеній, подобны комнатамъ, въ которыя не проникаетъ свѣжій воздухъ. Всякій Славянинъ долженъ стремиться ко всеобщности въ своемъ образованіи, не предпочитать одного племени, одного писателя другому, не любить чтенія книгъ на одномъ языкѣ болѣе, чѣмъ на другомъ. Нація, искусство, литература представляются тогда съ одной только стороны, не во всей полнотѣ своей. Цѣлое можетъ жить и преуспѣвать только въ такомъ случаѣ, когда всѣ его части находятся въ исправности. Славянская нація и литература должны уподобляться дереву, которое раздѣляется на четыре большія вѣтви; всякая вѣтвь цвѣтетъ и несетъ собственные плоды, и своими отраслями и листьями касается и обнимаетъ прочія вѣтви; всѣ онѣ ростутъ на одномъ корнѣ и составляютъ вмѣстѣ одинъ

вѣнецъ; ни одна не можетъ засохнуть безъ того, чтобъ не пострадало и не изказилось все дерево.

§ 11. *Отношеніе взаимности къ изученію другихъ языковъ, древнихъ и новыхъ.* — Ученыя и высшія учебныя заведенія должны заниматься славянскими нарѣчіями какъ однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ въ образованіи Славянъ, въ-отношеніи къ наукѣ и къ народности. Классическіе языки ничего не потерпятъ при изученіи славянскихъ нарѣчій; они останутся въ томъ уваженіи, которое заслужили, и всегда будутъ твердымъ краеугольнымъ камнемъ всякаго образованія. Изученіе классиковъ особенно-важно потому-что они весьма-часто передаютъ намъ въ первобытной, дѣвственной силѣ идеи, которыя въ-послѣдствіи часто повторяются и облекаются въ другія формы, такъ-что наконецъ производятъ въ насъ отвращеніе. Если баня, какъ говоритъ Гуфеландъ, молодитъ тѣло, то классики молодятъ духъ. — Англичане и Нѣмцы ушли дальше всѣхъ въ изученіи греческихъ и латинскихъ классиковъ, и вообще всѣхъ языковъ новыхъ (за изключеніемъ славянскаго): при всемъ томъ, они могутъ гордиться своею самобытною словесностью. И есть ли въ Европѣ хотя одинъ языкъ, способнѣе славянскаго (мы разумѣемъ совокупность всѣхъ его нарѣчій) къ тѣсной дружбѣ съ языками древними? Есть ли между всѣми новыми языками вообще хотя одинъ, представляющій болѣе выгодъ для перевода классиковъ? Парафразировать или подражать въ общихъ очеркахъ могутъ всѣ, но переводить, въ собственномъ смыслѣ слова, т. е. пересаживать на свою почву слогъ и характеръ подлинника, свободу въ расположеніи словъ и построеніи періодовъ, прозаическій тактъ (numerus oratorius) и метръ поэтическій, со всѣми отличительными его свойствами, — имъ никогда не удастся въ той степени, въ какой удается языку славянскому, котораго грамматика, синтаксисъ и стихосложеніе поразительно соотвѣтствуютъ духу и формамъ языковъ греческаго и латинскаго. Въ какомъ жалкомъ видѣ Гомеръ, Виргилій, Горацій являются въ переводахъ французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ! И, напротивъ того, какъ духъ древности и форма сохраняются во всей чистотѣ въ богемско-славянскомъ переводѣ! Изъ этого можно объяснить, почему Вольтеру могли опротивѣть въ переводахъ французскихъ герои литературы классической. Извѣстное презрѣніе Байрона къ древне-греческой словесности, которую онъ считалъ преградою для оригинальности и свободы творческаго духа, можетъ-быть, произтекало и изъ дру-

гаго источника, который можно назвать эстетическою непокорностью; Байронъ, какъ романтикъ, былъ діаметрально-противоположенъ древне-классической стихіи образованія. Напротивъ того, знаніе языковъ славянскихъ ни отъ чего столько не выигрываетъ, какъ отъ изученія древнихъ. По-этому, въ школахъ нашихъ изученіе языковъ славянскихъ и языковъ древнихъ должно вести рядомъ. Гердеръ давно сказалъ: «хвалимъ языки славянскіе за то, что они легко подражаютъ чужимъ нарѣчіямъ, всевозможнымъ оборотамъ и оттѣнкамъ». Для насъ, Славянъ, изученіе древности и преимущественно древности греческой важно, потому-что она сообщитъ намъ свидѣтельства о нашемъ существованіи въ исторіи, о нашей народности въ жизни. Не смотря на это, закоснѣлые, безусловные поклонники древности могутъ принести и значительный вредъ. Задача нашего образованія состоитъ не въ томъ, чтобы намъ наслаждаться, какъ эклектикамъ, экзотическими произведеніями, не въ томъ, чтобы заложить у насъ музеумъ всѣхъ изящныхъ произведеній, какія только можно собрать: надобно способствовать естественному развитію нашей индивидуальности. Похвально говорить на многихъ языкахъ, или даже понимать многіе; но эти языки должны оставаться средствомъ, не должны быть цѣлію. Ясно, если завалить свой языкъ кучами чужихъ идей и языковъ, біеніе жизни въ немъ замедлится. Исключительное изученіе образцовыхъ произведеній Грековъ, Римлянъ или другихъ народовъ, не родитъ славянскихъ ораторовъ, поэтовъ, историковъ и т. д.; оно даже перестанетъ быть необходимымъ условіемъ, если будетъ замѣнено другими средствами, т. е. если литературная взаимность укоренится во всѣхъ племенахъ и произведетъ всеобщее развитіе всѣхъ душевныхъ силъ. Одинъ разъ навсегда, или перестанемъ называться Славянами, забудемъ свой языкъ, промѣняемъ свой народный духъ на чуждый, уступимъ другимъ наше мѣсто въ ряду народовъ, или, — если мы на это несогласны, — пусть литература и поэзія пріимутъ у насъ самобытную форму, разовьются въ духѣ чисто-славянскомъ, безъ всякой примѣси греческой и латинской или нѣмецкой, французской, англійской; иначе мы приготовимъ урода, о которомъ говоритъ Горацій въ началѣ своей «de Arte poëtica». Образованіе, гдѣ-нибудь занятое, принесенное извнѣ, успѣхи и улучшенія, неимѣющіе историческаго основанія въ народѣ и слишкомъ-быстро и насильно къ нему прилагающіеся, отрываютъ народъ отъ его прошедшаго; они не послу-

жать основой дальнѣйшему, прочному развитію, ибо сами коренятся въ топкой почвѣ настоящаго. Новые языки останутся у насъ тѣмъ же, чѣмъ бываютъ у другихъ народовъ, — предметами частнаго преподаванія для тѣхъ , которые находятъ въ нихъ потребность , или ищутъ въ нихъ наслажденія , или видятъ только предметъ роскоши; ни въ какомъ случаѣ они не могутъ войдти въ кругъ школьнаго преподаванія. Часто , отъ пустой прихоти сдѣлаться настоящимъ Французомъ , Англичаниномъ , Нѣмцемъ или Венгерцемъ, многіе Славяне во всю жизнь свою не учатся ничему славянскому, и уважаютъ, любятъ, поощряютъ несравненно-болѣе то, что получили отъ людей, нежели дары, которыми наградилъ ихъ самъ Богъ для пути жизненнаго. Изъ памяти нашей не должны изглаживаться вѣщія слова Бальбина (Boh. Doct. 1): «Ad peregrinas linguas condiscendas totius Slavicae gentis tanta est docilitas, ut haec ipsa universae genti exitium allatura videatur et in terris quam plurimis jura attulerit». За эстетическое и филологическое образованіе, которымъ мы обязаны были долговременному изученію многихъ языковъ новыхъ , славянскія нарѣчія изъ благодарности къ намъ вѣрно вознаградятъ насъ съ избыткомъ.

§ 12. *Чѣмъ были Славяне до-сихъ-поръ безъ взаимности.*—Если мы, сложивъ съ себя всякое пристрастіе, пройдемъ мысленно всю исторію , то конечно не согласимся съ новыми односторонними историками нѣмецкими, незнающими ни самихъ Славянъ, ни языка ихъ, ни исторіи, непостигающими ихъ значенія. Эти историки, какъ на-примѣръ, Гебгардій, Роттекъ, Пёлицъ, Менцель и другіе, утверждаютъ наобумъ , что Славяне на поприщѣ міра или вовсе не играли никакой роли, или играли роль второстепенную, всегда стояли на послѣднемъ мѣстѣ, не имѣли прямаго назначенія, а всегда служили средствомъ для другихъ, и по-этому почти не заслуживаютъ вниманія историка. Въ-слѣдствіе сего, эти господа, въ своихъ сочиненіяхъ, говорятъ о Славянахъ мимоходомъ , какъ о бездѣлицѣ, или говорятъ о нихъ оскорбительно, грубо. У каждаго народа на носу очки самолюбія , и въ нихъ онъ смотритъ на всемірныя событія; но заносчивость всегда идетъ рядомъ съ невѣжествомъ (*). Покоясь въ своемъ незнаніи славянскаго языка, пись-

(*) Японцы, Татары и другіе отдаленные азіатскіе народы имѣютъ о языкѣ и литературѣ Славянъ вѣрнѣйшія понятія, судятъ о нихъ лучше, нежели ближайшіе сосѣди наши и собратья— Нѣмцы. Ода «Богъ», Державина, переведена на языки японскій , китайскій , татарскій, и , вышитая золотомъ по

менныхъ произведеній, обычаевъ и особности народовъ славянскихъ, Нѣмцы, съ высоты своей, привыкли смотрѣть на Славянъ вообще съ какимъ-то видомъ сожалѣнія, презирать то, чего не знаютъ. Они въ этомъ случаѣ смѣшны, какъ Китайцы, которыхъ христіанскіе миссіонеры никакъ не могли увѣрить, что и Европейцы имѣютъ своихъ великихъ людей, своихъ героевъ, философовъ, поэтовъ, законодателей; они даже не хотѣли допустить въ нихъ умѣнія читать и писать. Замѣчательно, что писавшіе въ древности о дѣяніяхъ и обычаяхъ Славянъ, даже враги ихъ и гонители, не могли скрыть своего къ нимъ удивленія. Что же касается до Германцевъ, имъ бы не слѣдовало много величаться своимъ мужествомъ, своими войнами, побѣдами, завоеваніями, и искать въ нихъ народной славы. Иная побѣда несравненно постыднѣе пораженія, иное пораженіе славнѣе побѣды. Еслибъ даже Славяне оказали человѣчеству одну только услугу, что своею кротостію, своимъ терпѣніемъ сокрушили дикій, грубый, исторически-извѣстный вандализмъ и готизмъ древнихъ Германцевъ, своею кровью, трудолюбіемъ и однимъ своимъ безмолвнымъ, тихимъ присутствіемъ посреди Германцевъ смягчили, очеловѣчили нравы ихъ и довели до настоящаго положенія, то одинъ этотъ великій подвигъ могъ бы стяжать имъ безсмертіе (*). Вотъ что говоритъ первокласный нѣмецкій

шелку, виситъ въ ихъ храмахъ и палатахъ: въ Германіи не знаютъ ни оды, ни поэта!

(*) Глубокомысленные изслѣдователи нѣмецкаго языка признаютъ съ чувствомъ благодарности произхожденіе нынѣ употребительнаго, образованнаго литературнаго нѣмецкаго языка отъ саксонскаго, именно отъ мейссиійскаго нарѣчія (См. Adelung, über den deutschen Styl, Бременъ 1800, стр. 43). «Начиная съ того времени, когда положено ему первое основаніе въ Южной Саксоніи, различныя обстоятельства совокупились въ пользу этого нарѣчія, которому суждено было въ-послѣдствіи сдѣлаться языкомъ литературнымъ, народнымъ. На первоначальной его почвѣ обитали Венды (Славяне), извѣстные по своему утонченному, мягкому произношенію. Они смѣшались съ колонистами изъ Нижней Саксоніи, Франконіи и Сѣверной Германіи. Здѣсь всѣ эти нарѣчія сливались, смягчались и очищались вліяніемъ утонченнаго вендскаго произношенія, и изъ этого весьма-рано вышелъ средній языкъ, въ которомъ менѣе, нежели во всѣхъ другихъ, сохранились слѣды суровости и грубости прочихъ нарѣчій. Этимъ объясняется то, что уже около половины тринадцатаго столѣтія поэты швабскіе хвалили сладкій напѣвъ древняго мейссиійскаго языка; а Гуго фон-Тримбергъ хвалитъ чистое и ясное произношеніе Мейссиійцевъ. Отъ Вендовъ ведетъ свое начало и такъ-называемое «произношеніе съ напѣвомъ», въ саксонскомъ нарѣчіи.

писатель (Велькеръ): «Нѣмцы рады бы скрыть отъ самихъ-себя и отъ чужихъ народовъ свои недостатки, даже хотѣли бы обратить ихъ въ добродѣтели». — Нельзя обвинять Славянъ ни въ томъ, что они онѣмечились, ни въ томъ, что они находятся въ зависимости на пространствѣ цѣлой половины Германіи, ни даже въ томъ, что они существуютъ такъ-сказать отрицательно: это было неминуемымъ слѣдствіемъ враждебнаго вліянія Нѣмцевъ. Ни одинъ прямой Славянинъ, даже ни одинъ Германецъ, одушевленный идеею человѣчности Гердера, не вспомнитъ безъ горести объ участи Славянъ. Высоко и прекрасно возносилось это разкидистое древо; но гордые сосѣди насильно оборвали вѣнецъ его; они не дали рости ему, ощипали плоды его. Славянамъ Германія обязана настоящимъ бытіемъ своимъ; ими она увеличилась, усилилась. Пусть подумаютъ только о томъ, во сколько уменьшилась бы Германія, еслибы отдѣлить отъ нея всѣхъ онѣмечившихся Славянъ, отъ острова Рюгена и Помераніи, до Мейссена, Лаузица, Бамберга и т. д. Гельмольдъ и Адамъ Бременскій насчитываютъ болѣе тридцати племенъ и отраслей славянскихъ, принявшихъ обычаи германскіе. Тридцать-два императора нѣмецкіе, начиная съ Карла-Великаго до Генриха IV, безчисленное множество королей и князей съ 800 до 1190 годовъ работали надъ перерожденіемъ Славянъ, пока наконецъ не лишили ихъ народности. Нѣмецкій писатель Вольтманнъ, въ своей «Исторіи Германцевъ», (въ Гёттингенѣ 1798, ч. I) говоритъ: «Жалка участь Славянъ; Нѣмцы, Мадяры и Норманны не дали въ нихъ совершиться образованію, которое такъ самобытно начало - было въ нихъ развиваться». Говорятъ, Греки, эта смѣсь племенъ и нарѣчій, при всей раздробленности и малочисленности своей, принесли же человѣчеству богатую и чистую дань искусствомъ и добродѣтелями государственными, поэзіею и краснорѣчіемъ. Конечно! Но Греки имѣли общаго не одну взаимность литературную: у нихъ былъ одинъ храмъ дельфійскій, одно судилище амфиктіонское, однѣ игры олимпійскія, одинъ ахейскій союзъ, который, въ случаѣ нужды, могъ соединить всѣ племена: наши дельфійскіе храмы, *Ретра* и *Аркона*, разрушены, нашъ ахейскій союзъ—при Само и Святополкѣ разорвали толпы варваровъ, Европейцевъ и Азіатцевъ. Нельзя, при безконечномъ разнообразіи временъ и образованностей, требовать повторенія тожественныхъ явленій въ области исторіи или искусства. Ни въ Греціи, ни въ Римѣ не возродится минувшее. Не годится народамъ говорить другъ другу: гдѣ ваши Шекспиры, Воль-

теры, Расины, Кювье, или гдѣ ваши Виланды, Шиллеры, Гёте, Фихте и т. п. Мы отвѣчаемъ смѣло: у насъ ихъ нѣтъ; но за-то гдѣ у васъ наши Коперники, Коменскіе, Гундуличи, Державины, Вороничи, Добровскіе и т. д., и т. д. Назначеніе всеобщей исторіи не въ томъ, чтобы разсказать намъ рядъ сраженій, походовъ, кровопролитій, завоеваній—оно выше этого: оно должно представить судьбы Божіи, т. е. показать, какъ человѣчество, развиваясь подъ вліяніемъ безконечной воли Творца, всегда идетъ и должно идти къ лучшему, т. е. къ нравственно-доброму; она должна подтвердить примѣрами, что все злое и несправедливое, совершаемое временно людьми или народами, всегда обращается имъ же во вредъ. Этимъ объясняется возможность нравственно-добраго, совершаемаго волею человѣка.

Изучая полезные подвиги и мирныя искусства, законы, нравы, игры и пѣсни, мы вѣрнѣе и глубже проникаемъ въ характеръ народа, нежели когда изучаемъ его на полѣ битвы, среди неумолкнаго грома, или на обманчивомъ пути политики. При всемъ томъ мы, Славяне, должны признать истину, истину горькую; но безъ этой откровенной изповѣди нельзя согласиться, нельзя приступить къ улучшенію, къ изкорененію недостатковъ. На ландкартахъ и въ географіяхъ мы великаны, въ искусствѣ и словесности—карлы. До-сихъ-поръ на Славянахъ лежали два яркія пятна: во-первыхъ, касательно внѣшнихъ отношеній, они почитали себя совершенно изолированнымъ народомъ, оторваннымъ отъ общаго движенія, между-тѣмъ, какъ ни одинъ народъ не имѣетъ столько правъ и удобствъ тѣсно соединяться съ огромнымъ семействомъ народовъ европейскихъ и принимать дѣятельное участіе въ общемъ развитіи высшихъ элементовъ духовной жизни; во-вторыхъ, въ-отношеніи къ самимъ-себѣ, племена и нарѣчія Славянъ между собою (конечно нерѣдко это было слѣдствіемъ вліянія чуждаго) не имѣли никакихъ самобытныхъ, народныхъ связей, не имѣли взаимности, но каждое племя, какъ-бы оно мало ни было, почитало себя отдѣльнымъ народомъ. Уже Іосифъ Вольтигги жаловался на это въ своемъ «Ricoslownik» стр. 11 (Hoc esse Slaviae exitiale fatum videtur, quod unusquisque ex ejus populis se a reliquis et a genere primigenio prorsus sejunctum, et omnem dialectum esse linguam falso putet). Поэтому, собственно исторія у насъ не существуетъ, а есть исторіи и исторійки отъ сорока до пятидесяти различныхъ славянскихъ племенъ. Только тогда, когда посредствомъ взаимности мы положимъ основаніе національной словесности, будемъ имѣть и

исторію. Изъ этой запутанной ткани нашихъ исторій выйдетъ одна неразрывная нить, которая всѣ отдѣльныя части соединитъ въ одно цѣлое. По-этому между Славянами встрѣчается столько людей, праздныхъ зрителей хода событій современныхъ, которые предоставляютъ имъ идти обыковеннымъ порядкомъ, ибо отрицаютъ въ себѣ всякое призваніе, всякое право участвовать въ многосложной европейской жизни; отсюда у нѣкоторыхъ племенъ это ограниченное воззрѣніе на вселенную, на жизнь, воззрѣніе, невозходящее до идеи; ибо воззрѣніе благороднѣйшее, высокое образуется только на извѣстной высотѣ, среди высшихъ отношеній, когда отдѣльныя племена и лица умѣютъ мысленно вознестись надъ потребностями частной жизни, и живо берутся за общественные интересы своего народа. Низкій эгоизмъ, изтекающій изъ задорливой племенной жизни и всесторонней ограниченности въ мысляхъ, не могъ не задушить всякой высшей идеи, всякой силы жизненности; ибо члены отдѣльныхъ племенъ всюду вносили только то немногое, то ничтожное, что̀ имъ принадлежало, какъ изключительная собственность. Если бъ всѣ эти отдѣльныя, мелкія государства и племена соединились въ одинъ народный союзъ, если не политическій, какъ на-прим. союзъ германскій при императорахъ, то по-крайней-мѣрѣ въ союзъ духовный, національный, какъ то было у Грековъ, тогда всѣ явленія совершались бы у нихъ въ несравненно-большемъ видѣ, производили бы живѣйшее впечатлѣніе, и слѣдовательно сильнѣйшее вліяніе на Европу. Народъ проходитъ по исторіи, а не ее пропускаетъ черезъ себя: но когда раздроблены силы—это невозможно. Великій народъ живетъ не одною только физическою жизнью, проявляется не въ одномъ земледѣліи и промышлености, но и въ высшей жизни, въ образованности. По-этому вотъ какъ, приблизительнымъ образомъ, можно бы опредѣлить мѣсто, доселѣ нами занимаемое во всеобщей исторіи: «Живетъ въ Европѣ съ незапамятныхъ временъ великій народъ, изъ 70-ти мильйоновъ слишкомъ, — отличающійся отъ всѣхъ прочихъ кроткими нравами и любовью къ своей національной независимости, трудолюбіемъ и усердіемъ, склонностію къ земледѣлію и горнымъ промысламъ; свѣтлыхъ головъ въ немъ не мало, на войнѣ никому не уступитъ въ храбрости; къ-несчастію этотъ народъ дѣлится и дробится на безчисленные атомы; онъ не знаетъ себя и не сознаётъ своихъ силъ; въ нѣдрахъ его — безконечныя междоусобія, племена, живущія въ столѣтней враждѣ между собою, и всему народу остает-

ся только безпрестанно излечивать тѣ раны, которыя онъ самъ себѣ наноситъ; онъ хвалитъ и покупаетъ одно чужое, только чужому подражаетъ; дивится всему не-славянскому, читаетъ и переводитъ однихъ лишь писателей не-славянскихъ, съ своими дѣтьми обходится холодно, какъ мачиха.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

МЕНЦЕЛЬ,

Критикъ Гёте.

Главный недостатокъ критики Менцеля, какъ мнѣ кажется, состоитъ въ подчиненіи поэзіи и вообще словесности, политикѣ, или даже понятіямъ и духу политической партіи. Менцель депутатъ оппозиціонной стороны. Этимъ объясняются его строгіе приговоры Іоанну Мюллеру, Гегелю, Гёте и др.; отъ этого же происходитъ оппозиціонный духъ его книги, и пр.

В. К., переводчикъ книги Менцеля.

Менцель есть собственное имя одного человѣка, сдѣлавшееся нарицательнымъ, каковы, на-примѣръ, имена Ира, Ѳирсиса, Креза, Зоила и т. п. Это обстоятельство придаетъ большую и важную значительность Менцелю, какъ представителю цѣлаго разряда людей, которые были и до него, есть еще и теперь, и, къ-сожалѣнію, будутъ всегда. Такъ, на-примѣръ, какое-нибудь пошлое, ничтожное, пустое лицо дѣлается многозначительнымъ и реальнымъ въ художественномъ произведеніи, какъ выражающее собою цѣлую сторону дѣйствительной жизни, представляющее своею индивидуальностію цѣлый разрядъ, цѣлую толпу индивидуумовъ одной и той же идеи. Это подало намъ поводъ поговорить о Менцелѣ, какъ о представителѣ критиковъ извѣстнаго рода, не обращая вниманія на частности и подробности, относящіяся къ его лицу, или исключительно къ нѣмецкой литературѣ. Года съ-полтора назадъ тому, сочиненіе Менцеля о нѣмецкой литературѣ явилось въ прекрасномъ русскомъ переводѣ, съ выпускомъ всего, собственно неотносящагося къ литературѣ. Такъ-какъ, говоря о Менцелѣ, мы хотимъ говорить о критикѣ, имѣя въ виду собственно-русскую публику, — то и возьмемъ этотъ переводъ за фактъ, за данную для сужденія, чтобы каждый изъ нашихъ читателей самъ могъ быть судьею въ этомъ дѣлѣ. Во вся-

комъ случаѣ, предлагаемая статья отнюдь не есть разборъ книги Менцеля, но скорѣе разсужденіе или трактатъ объ отношеніяхъ критики вообще къ искусству, по поводу извѣстнаго рода критическаго направленія, котораго представитель Менцель.

—

Слава — вещь обольстительная, и къ ней одинъ путь. Но многіе смѣшиваютъ *славу* съ *извѣстностію*, и съ этой точки зрѣнія пути къ ней умножаются до безконечности. По-настоящему, слава есть видовое понятіе извѣстности, а извѣстность относится къ славѣ, какъ родъ къ виду. Гомеръ извѣстенъ человѣчеству своимъ творческимъ геніемъ, Зоилъ — ограниченностію и низостію своего духа въ дѣлѣ творчества, Крезъ — богатствомъ, Иръ — бѣдностію, Парисъ — красотою, Ѳирсисъ — безобразіемъ. Можно сдѣлаться извѣстнымъ всему свѣту — умомъ и глупостью, благородствомъ и подлостью, храбростію и трусостью. Чтобъ обезсмертить себя въ потомствѣ, великій художникъ, на диво міру, создалъ въ Эфесѣ великолѣпный храмъ «златолуной» Артемидѣ; чтобъ обезсмертить себя въ потомствѣ, Геростратъ сжегъ его. И оба достигли своей цѣли: имена обоихъ безсмертны, но съ тою только разницею, что одно и *извѣстно* и *славно*, а другое только *извѣстно*. Слава есть патентъ на величіе, выдаваемый цѣлымъ человѣчествомъ одному человѣку, великимъ подвигомъ доказавшему свое величіе; *извѣстность* есть внесеніе имени въ полицейскій реестръ, въ которомъ записываются вседневныя событія, выходящія изъ порядка обыкновенности и ежедневности. *Слава* всегда есть награда и счастіе; *извѣстность* часто бываетъ наказаніемъ и бѣдствіемъ.

Къ числу *извѣстныхъ* людей, претендующихъ на *славу*, принадлежитъ Нѣмецъ *Менцель*. Имя его извѣстно въ Германіи, Англіи, Франціи, Россіи, и еще недавно почитался онъ главою партіи, однимъ изъ представителей Германіи, имѣлъ послѣдователей, хвалителей, даже враговъ, безъ которыхъ слава — не слава, и извѣстность — не извѣстность. Конечно, теперь этотъ славный господинъ-Менцель не больше, какъ жалкій представитель устарѣвшихъ мнѣній, который на ихъ развалинахъ, съ ожесточенною дерзостію, отстаиваетъ свое эфемерное и мишурное величіе, символъ эстетическаго безвкусія, человѣкъ, имя котораго — литературное порицаніе, какъ имя какого-нибудь Зоила, но тѣмъ не менѣе у него все-таки была своя апогея славы.

Какимъ же образомъ пріобрѣлъ онъ эту славу? Видите ли: онъ издавалъ журналъ, а журналъ есть вѣрное средство прославиться для человѣка дерзкаго, безстыднаго и ловкаго. Представься только ему случай захватить въ свои руки журналъ,—и слава его сдѣлана. Путей и средствъ много, и они разнообразны до безконечности; но главное тутъ — хорошо-начерганный планъ и неукоснительная вѣрность ему во всѣхъ дѣйствіяхъ, до малѣйшихъ подробностей. Основою же непремѣнно должна быть *посредственность*, которая всѣмъ по плечу, всѣмъ нравится, всѣмъ льститъ и, слѣдовательно, овладѣваетъ массами и толпами, возбуждая негодованіе только въ нѣкоторыхъ—не званыхъ, а избранныхъ. Но какъ этихъ «избранныхъ» можетъ удовлетворить только сила, основывающаяся на талантѣ, геніи, умѣ, знаніи, и какъ число этихъ «избранныхъ» такъ ограниченно, что не можетъ принести обильную жатву подписки,—то о нихъ нечего и думать; толпа любитъ посредственность, и посредственность должна угождать толпѣ. Для этого *ловкій* журналистъ долженъ исключительно выбирать только посредственность. Этого народа много, да онъ и сговорчивъ. Мнѣнія журнала, который имъ хорошо платитъ и еще лучше ихъ хвалитъ — всегда будутъ ихъ кровными и задушевными мнѣніями — до первой ссоры, которая всегда бываетъ при первой кости. Смотрите же, не жалѣйте похвалъ: надо, чтобы въ вашемъ журналѣ все участвовали геніи да великіе таланты — иначе вашего журнала не будутъ ни уважать, ни покупать. Въ выборѣ не затрудняйтесь: чѣмъ безталаннѣе, тѣмъ лучше для васъ — лишь бы не былъ чуждъ нѣкотораго внѣшняго смысла, лоска, блеска, которые толпа всегда принимаетъ за геніальность, потому-что ей они по-плечу, и она ихъ понимаетъ, — а что̀ для нея понятно, то и велико. Вотъ идетъ къ вамъ «поэтъ», который можетъ вдохновляться на подрядъ и къ каждому нумеру журнала, съ точностію и аккуратностію, поставить какое вамъ угодно число элегій, одъ и даже мистерій; хватайтесь за него обѣими руками: это для васъ кладъ, и скорѣе кричите, что этотъ «юный геній», произведеніями котораго «постоянно» украшается вашъ журналъ, счастливо избралъ себѣ дорогу близехонько, обокъ дорогѣ, на-примѣръ, какого-нибудь Гёте и совершенно можетъ замѣнить для *вашихъ читателей* великаго германскаго поэта, котораго *ваши* читатели бранятъ за «непонятливость». Ежели въ твореніяхъ *вашего* Гёте часто будетъ недоставать даже и внѣшняго смысла—не бѣда: поправляйте сами, обглаживайте и сгла-

живайте; это ремесло нетрудное. Является молодой талантикъ, или юное дарованьице съ драмою, или другимъ чѣмъ, и обращаетъ на себя нѣкоторое вниманіе публики: захваливайте его въ-пухъ, не жалѣйте чернилъ и гиперболъ, кричите: «я упалъ на колѣни передъ N. N, возкликнулъ: великій Гете! великій N N!» Если этотъ NN вздумаетъ послѣ вздернуть носъ, забывши, что онъ сталъ великимъ черезъ васъ, и это не бѣда: напишите притчу, апологъ объ отогрѣтой за пазухою змѣѣ, о «человѣкѣ съ умомъ на двѣ страницы», который, для потѣхи, кинулъ въ форточку окна славу первому прохожему... Будьте увѣрены, что г. N. N. снова будетъ въ вашихъ ежовыхъ рукавицахъ и самъ прійдетъ съ поклономъ: тогда скажите, что вы пошутили, или что вы говорили совсѣмъ не о немъ, а о другомъ. Толпа разсмѣется, найдетъ васъ не пошлымъ, а только забавнымъ; а кто ее забавляетъ, тому она не скупится платить. Чтò касается до повѣстей, не забывайте одного: заказывайте «забавныя», такія, которыя не всѣми читаются явно, о которыхъ не при всѣхъ говорится вслухъ, да велите доставлять себѣ ихъ рукописи съ большими полями и пробѣлами между строкъ, чтобы вамъ было гдѣ подбавлять своего «юмора» и своихъ «забавныхъ» картинъ; благословясь, черкайте, крестите, вписывайте свое, а главное — не робѣйте ни отъ какой плоскости, ни отъ какой неприличности, помня, что у Поль-де-Кока несравненно больше читателей, чѣмъ у Вальтера Скотта. Кстати; чтобъ авторитетъ Вальтера Скотта не помѣшалъ успѣху вашихъ «забавныхъ» повѣстей, объявите, что историческіе романы великаго Британца дурны и пошлы, потому-что они—незаконный плодъ отъ соединенія исторіи съ вымысломъ, или выразитесь какъ-нибудь этакъ, позатѣйливѣе и «позабавнѣе». Если кто-нибудь изъ вашихъ абонированныхъ нувелистовъ будетъ такъ смѣлъ и дерзокъ, что осмѣлится издать всѣ свои повѣсти, помѣщавшіяся въ вашемъ журналѣ, въ ихъ первобытномъ видѣ, безъ вашихъ поправокъ и передѣлокъ, и черезъ то лишитъ ихъ многаго «забавнаго», разругайте ихъ безпощадно; а для тѣхъ, которые помнятъ, что читали ихъ въ вашемъ журналѣ, скажите, что въ немъ онѣ были «отлично-хороши», хотя написаны и дурно, и что это отъ-того, чтò у васъ есть волшебная машина, въ которую вы положите дурную повѣсть, а, повернувъ ключикомъ, вынимаете оттуда хорошую, т. е. «забавную». Толпа разхохочется, ибо найдетъ это объясненіе «забавнымъ», а слѣдовательно и вполнѣ удовлетворительнымъ для себя. Въ вашемъ журналѣ непремѣнно должна быть и

критика, потому-что критику любятъ и требуютъ отъ журнала. Истинная критика требуетъ *мысли*, а толпа любитъ «забавляться», а не мыслить, и потому, вмѣсто «истинной» критики, создайте «забавную» критику. Для этого объявите, что изящное есть понятіе совершенно-условное и относительное, а отнюдь не абсолютное (ужасное слово *для толпы!*), что оно зависитъ отъ условій климата, страны, народа, каждаго человѣка, его пищеваренія, здоровья и подобныхъ «непредвидѣнныхъ» обстоятельствъ. Скажите, что въ искусствѣ хорошо то, что̀ *вамъ* нравится, и худо то, что̀ *вамъ* не доставляетъ удовольствія. Вамъ замѣтятъ: какое же вы имѣете право называть превосходнымъ произведеніемъ то, что̀, по условію личности каждаго, многимъ покажется совсѣмъ не превосходнымъ, а для иныхъ и совершенно-дурнымъ? Отвѣчайте: я правъ и они правы, у всякаго-де барона своя фантазія. Такая критика очень-легка и нравится толпѣ, которая вообще любитъ все, что̀ въ-ровень съ нею и не оскорбляетъ ея маленькаго самолюбія своею «непонятливостію». Побольше фразъ отъ себя, и еще больше выписокъ изъ будто-бы критикуемаго вами сочиненія, и у васъ въ одинъ вечеръ готово десять «забавныхъ» критикъ, которыя понравятся тысячамъ и оскорбятъ десятки, тогда-какъ иногда мало десяти вечеровъ, чтобы написать «истинную» критику, которая удовлетворитъ десятки и оскорбитъ тысячи. Тонъ «забавной» критики непремѣнно долженъ быть рѣзкій, наглый, нахальный: иначе толпа не будетъ вамъ вѣрить. Когда разбираете книгу автора чужаго прихода, или человѣка, котораго вы не любите, боитесь или другое что̀, дѣлайте изъ его книги выписки такихъ мѣстъ, какихъ въ его книгѣ нѣтъ, приписывайте ему такія мнѣнія, которыхъ онъ и не думалъ имѣть, словомъ, клевещите, но только смѣлѣе и рѣшительнѣе: толпа того и слушаетъ, тому и вѣритъ, у кого горло широко и замашки наглѣе. Не забывайте при этомъ чаще говорить о своей добросовѣстности, благонамѣренности, объ уваженіи къ собственной личности, недопускающихъ васъ до неприличныхъ браней и полемики, о своихъ талантахъ и другихъ похвальныхъ качествахъ вашего ума и сердца; о своихъ соперникахъ кричите, что они и глупы, и безталанны, и недобросовѣстны, а главное, что они завидуютъ вамъ, какъ всѣ посредственные люди завидуютъ генію. Возьмите девизомъ своимъ «смѣлость города беретъ»— и будьте увѣрены, что всѣ карманы̀ съѣдаутся вашей «смѣлости».

Есть еще другой способъ къ пріобрѣтенію журнальной славы, котораго частію можно держаться и при первомъ, но который иногда и одинъ доводитъ до цѣли: это нападать на утвержденныя понятія, на утвержденные авторитеты и славы. Толпу иногда можно запугать, чтобъ заставить удивляться себѣ. Скажите толпѣ дикую рѣзкость и, не дожидаясь ея отвѣта и не давая ей придти въ себя отъ первой рѣзкой нелѣпости, говорите другую, третью, и говорите съ увѣренностію въ непреложности своихъ мыслей, смотрите на толпу прямо, во всѣ глаза, не мигая и не моргая. На-примѣръ, слава Пушкина въ своей апогеѣ и все передъ нимъ на колѣнихъ: начните «ругать» его въ буквальномъ значеніи этого слова, и говорите, что его произведенія мелки и ничтожны, хотя и не лишены блестокъ таланта, внѣшней отдѣлки и т. п. Вы думаете, это трудно сдѣлать? Ничего не бывало, только больше смѣлости. Разверните, на-примѣръ, хоть «Полтаву»: выпишите слова измѣнника Мазепы о Петрѣ-Великомъ и воскликните: «каковъ портретъ Петра!», какъ-будто его такимъ изобразилъ самъ поэтъ, отъ своего лица; слова Мазепы же о Карлѣ XII тоже выдайте за портретъ, начерченный самимъ поэтомъ, и рѣшите, что всѣ характеры въ поэмѣ лишены всякаго величія. Толпа не будетъ справляться и повѣритъ вамъ на-слово. Выкуйте себѣ какой-нибудь странный, полуславянскій дикій языкъ, который бросался бы въ глаза своею калейдоскопическою пестротою и казался бы вполнѣ оригинальнымъ и глубоко-таинственнымъ: она, пожалуй, сдѣлаетъ видъ, что и понимаетъ его, стыдясь сознаться въ своемъ невѣжествѣ. Вотъ вы уже и поколебали авторитетъ Пушкина; идите дальше, и утверждайте, что Байронъ и Гёте не истинные художники, ибо-де они на алтарь чистыхъ дѣвъ (т. е. *музъ*, которыхъ Тредьяковскій называлъ *мусами*) неомовенными руками возлагали *возгребія нечистыя* и *умсты поганые*, которые доставали они изъ воскрайй лужи, и т. п. Но вотъ проходитъ время, а съ нимъ и ложь: образъ Пушкина является въ новомъ и еще лучезарнѣйшемъ свѣтѣ; Байрона и Гёте уже никто не ругаетъ,—а вамъ что? вы свое сдѣлали, карманъ вашъ обезпеченъ, а притомъ вы изъ-подъ-тишка искусно можете запѣть новую пѣсню,—старая забыта, и вы уже на кредитъ пользуетесь славою «отлично-умнаго человѣка»...

А вотъ чудесное средство противъ враговъ; оно въ большомъ употребленіи въ Парижѣ, этомъ городѣ партій и подкоповъ всякаго рода. Мы говоримъ о публичныхъ лекціяхъ. Это одно изъ надежныхъ средствъ уронить репутацію даже жур-

нала, не только писателя. О чемъ больше всего и вездѣ читаются публичныя лекціи? — Разумѣется, о словесности и языкѣ, потому-что ни объ одномъ предметѣ нельзя такъ много говорить *общихъ мѣстъ* и учить другихъ, не учась ничему и ничего не зная. Извѣстно, что Парижане большіе охотники до всего публичнаго и любятъ позѣвать на всякое зрѣлище; вотъ они отъ нечего-дѣлать и идутъ посмотрѣть фокусовъ-покусовъ какого-нибудь говоруна, на кредитъ пользующагося извѣстностію «отлично-умнаго человѣка». Зала публичнаго чтенія не университетская аудиторія: въ ней собираются не *слушать*, а *слышать*, чтобъ потомъ не *подумать*, а *поболтать* въ обществѣ. Посему, *ловкій* «лекторъ» избѣгаетъ всего, въ чемъ есть мысль, и хлопочетъ только о словахъ. Вотъ онъ беретъ книгу непріязненнаго ему писателя, выбираетъ изъ нея нѣсколько фразъ, которыхъ не понимаетъ, потому-что эти фразы состоятъ не изъ общихъ мѣстъ, составляющихъ насущный хлѣбъ цѣлой его жизни, и выражаютъ собою мысль, требующую, для своего пониманія, ума и чувства. Сверхъ-того, въ фразахъ могутъ встрѣтиться слова, которыхъ не слышалъ лекторъ, учившійся какъ-нибудь и чему-нибудь на желѣзные гроши, — и вотъ онъ читаетъ эти фразы, какъ образецъ галиматьи и изкаженія языка. Толпа вездѣ весела, въ Парижѣ особенно, — и вотъ она смѣется и рукоплещетъ своему лектору. Но горе книгѣ, если въ вырванныхъ изъ нея фразахъ заключается не только *мысль*, но еще и *новая мысль*, выраженная *новымъ* словомъ или *новымъ* терминомъ!... Какое ей дѣло до того, что въ языкѣ и образѣ выраженія осмѣянной болтуномъ книги можетъ-быть уже занимается заря новой эпохи литературы, новыхъ понятій объ искусствѣ, новаго взгляда на жизнь и науку? Какое дѣло до того, что тотъ, чью литературную репутацію силится запятнать лекторъ, приносилъ людямъ плодъ горячаго возторга, безкорыстной любви къ истинѣ—то, что перечувствовалъ и перемыслилъ онъ, чѣмъ живетъ его душа, чѣмъ бьется его сердце?... Болтунъ прочелъ двѣ-три фразы изъ его статьи, прочелъ, разумѣется, съ изкаженіемъ смысла, съ фарсами и гримасами, и въ заключеніе прибавилъ: «право, божусь вамъ, это галиматья!»—и толпа рада вѣрить ему: она было-заснула отъ одной необходимости *слушать*, и ее вдругъ будятъ такимъ милымъ и забавнымъ фарсомъ: какъ же ей не смѣяться!.. Да, ей надо смѣяться уже изъ одной благодарности, что ее выводятъ изъ тяжелаго и страннаго положенія дѣлать серьёзную мину... Въ Парижѣ всѣ говорятъ bons-mots, даже за-

писные глупцы; через bons-mots там пріобрѣтают славу, через bons-mots и теряют ее. Нерѣдко честь и доброе имя зависят там от bon-mot какого-нибудь записнаго бонмотиста.. Таков уж город Париж!...

Менцель перепробовал всѣ эти способы добывать журналом и «лекціями» славу себѣ и дѣлать вред своим врагам. Он сочинял выписки из разбираемых книг, приписывал своим противникам мнѣнія, которых они и не думали имѣть, раздавал вѣнцы славы и безсмертія людям бездарным, гаерствовал и клеветал на генія, талант и всякаго рода заслугу, всякаго рода силу и всякаго рода достоинство. Но главная причина его позорной извѣстности—дерзкіе и наглые нападки на Гёте. Он прицѣпил свое маленькое имячко к великому имени поэта, как в баснѣ Крылова паук прицѣпился к хвосту орла — и мощный орел вознес его на вершину опоясаннаго облаками Кавказа... Но с ним кончилось, как с пауком: пахнул вѣтер—и бѣдный паук опять очутился на низменной долинѣ, а орел, взмахнув широкими крылами, с горных громад гордо и отважно ринулся в знакомыя ему безбрежныя пространства эѳира... Менцель теперь явился в Россіи в прекрасном переводѣ, за который русская литература должна быть весьма - благодарна переводчику. В-самом-дѣлѣ, пора нам взглянуть прямо в лицо этому пресловутому мужу, котораго имя еще обаятельно дѣйствует у нас на нѣкоторых, и к которому еще недавно кто-то простер братскія объятія за то, что он нападает на Гегеля, Гёте и Мюллера... Les beaux ésprits se rencontrent!... Всѣ другіе русскіе журналы холодно и грубо приняли незванаго гостя, хотя и сами-себѣ не могли отдать отчета в своей враждебности к нему. Пора перестать основываться на безотчетном чувствѣ, пора мыслить сознательно.

Разумѣется, что в Менцелѣ нельзя отрицать и нѣкоторой заслуги, которая состояла в преслѣдованіи пошлой нѣмецкой сантиментальности и других дурных сторон нѣмецкой литературы, которыя он преслѣдовал рѣзко и дерзко. Но побить нѣсколько дрянных романов и хотя множество глупых книжонок, еще не великое дѣло,—и если бы подобные хорошіе рецензенты плохих книг могли претендовать на геніальность, то Европа не обобралась бы геніями, как грибами послѣ дождя. Чтобы хорошо писать о дурных книгах, нужна начитанность, нѣкоторая литературная образованность, нѣсколько вкуса и из-

опpенной навыкомъ способности владѣть языкомъ; но чтобы хорошо писать о книгахъ умныхъ и сочиненіяхъ ученыхъ, нужно имѣть глубокую натуру, развитую ученіемъ и мыслію, и даръ слова отъ природы. Но натура Менцеля очень-мелка, умъ ограниченъ, а учился онъ на мѣдныя деньги, почерпнувъ свои свѣдѣнія изъ журналовъ,—а между-тѣмъ пустился судить и рядить о предметахъ, выходящихъ изъ ограниченнаго круга доступныхъ ему идей,—именно объ искусствѣ и наукѣ, о Гёте и Гегелѣ. Въ маленькихъ дѣлахъ онъ былъ великъ, а на великія его не стало. Нашлись люди, которые указали ему его мѣсто; онъ разсердился на нихъ и сталъ вымѣщать на Гёте и Гегелѣ. Къ оскорбленному и раздраженному самолюбію присоединились нѣкоторыя одностороннія убѣжденія, которымъ ограниченные люди всегда предаются фанатически, не столько по любви къ истинѣ, сколько по любви и высокому уваженію къ самимъ-себѣ. Это явленіе общее — и вотъ съ какой точки зрѣнія имя Менцеля есть имя нарицательное, понятіе родовое. Взглянемъ на эти одностороннія убѣжденія ограниченнаго человѣка.

Есть особый родъ сердобольныхъ людей, которые болѣе занимаются другими, нежели самими-собою, а потому всегда несчастны, всегда обременены хлопотами и заботами. Имъ кажется, что и въ мірѣ все идетъ худо, что и отечество ихъ вотъ-сейчасъ готово погибнуть жертвою превратнаго хода дѣлъ, а въ-слѣдствіе такого взгляда на вещи, имъ кажется, что они призваны и міръ исправить и отечество спасти,—для чего тому и другому нужно только повѣрить ихъ мудрости и неуклонно выполнять ихъ совѣты. Для этихъ маленькихъ-великихъ людей, государство не есть живой организмъ, котораго части находятся въ зависимомъ другъ отъ друга взаимнодѣйствіи, котораго развитіе и жизнь условливаются непреложными законами, въ его же сущности заключенными; для нихъ государство не есть живая, индивидуальная личность, сама-по-себѣ и сама-для-себя сущая, имѣющая свою свободную волю, которая выше воли частныхъ лицъ; для нихъ государство не имѣетъ ни почвы, ни климата, ни географіи, ни исторіи, ни прошедшаго, ни настоящаго; для нихъ оно не есть живое осуществленіе довременной божественной идеи, ставшей изъ возможности явленіемъ и стремящейся развиться изъ самой-себя во всей своей безконечности; для нихъ не существуетъ міродержавнаго Промысла, который управляетъ судьбами царствъ и народовъ и, въ разумно-свободной необходимости, указываетъ на путь, *его же не*

прейдеши. . . Нѣтъ! для этихъ маленькихъ-великихъ людей государство есть искусственная машина, которою по-произволу можетъ вертѣть всякій маленькій-великій человѣчекъ. Они осуждаютъ Петровъ и Наполеоновъ, съ важностію указывая на ихъ ошибки и не шутя давая знать, что на мѣстѣ этихъ, впрочемъ, дѣйствительно-великихъ людей, они бы не сдѣлали такихъ промаховъ. Они говорятъ: Петръ сдѣлалъ тогда-то вотъ то-то, между-тѣмъ, какъ ему слѣдовало бы въ то время сдѣлать вотъ это; они говорятъ, что Наполеонъ палъ потому - что не стоялъ за права человѣчества, а думалъ только о своей личной власти. Жалкіе слѣпцы! Петръ сдѣлалъ именно то, для чего послалъ его, что поручилъ ему Богъ,—ему, своему посланнику и помазаннику свыше; онъ угадалъ волю духа времени, — и не свою, а волю пославшаго его выполнилъ онъ, — потому-то онъ и великій человѣкъ. Только маленькіе-великіе люди таращатся выполнить свою случайную волю: воля великихъ людей всегда совпадаетъ съ волею Божіею, которою и сильны они, которою и удаются имъ дѣла ихъ. Наполеонъ палъ потому же, почему и возсталъ: та же могучая десница низвергла, которая и вознесла его. Онъ совершилъ свою миссію—и палъ не отъ слабости, а отъ тяжести своей силы, которая уже не находила болѣе для себя дѣла. Смѣшны и жалки эти великіе-маленькіе люди!... Вообразите себѣ сумасшедшаго, котораго разстроенному воображенію представляется, что—вотъ облака упадутъ на землю и подавятъ ее, вотъ огнедышащее солнце спалитъ своими лучами все живущее на ней, вотъ зима истребитъ его своимъ губительнымъ хладомъ... Напрасно солнце *утромъ* возходитъ въ такомъ торжественномъ величіи и пробуждаетъ къ ликованію все твореніе, отъ былинки до человѣка; *въ полдень* такъ роскошно осіяваетъ нетлѣннымъ золотомъ лучей своихъ и голубой куполъ неба, и свою любимую дочь, многодарную землю; а *вечеромъ*, въ новой торжественности, какъ побѣдитель, утомленный побѣдою, сходитъ съ своей вѣчно-неизмѣнной дороги и блѣдными лучами даетъ послѣдніе замирающіе поцалуи своей любимицѣ, и скрывается за розовымъ занавѣсомъ мерцающей зари, высылая на смѣну и блѣдноликую луну, и миріады лучезарныхъ звѣздъ... Да! напрасно, съ того незапамятнаго довременнаго мгновенія, какъ творящее «да будетъ!» воззвало небытіе къ бытію, до нашего времени, напрасно солнце ни раза не взошло вечеромъ и не скрылось утромъ, ни раза не вышло съ запада и не закатилось на востокѣ; напрасно за успокоительною смертію зимы слѣдуетъ

всегда воскрешающая весна, за весною знойное лѣто, за лѣтомъ богатая дарами плодовъ осень, которой послѣдніе, запоздалые желтые колосья и листья наконецъ покрываются серебристымъ и алмазнымъ инеемъ зимы... Напрасно океанъ, скованный берегами, не можетъ вырваться изъ своего бездоннаго ложа, и его громадныя волны, грозящія землѣ и небу, съ воемъ и ревомъ, въ безсильной ярости, разбиваются о несокрушаемую твердыню гранитныхъ скалъ... Напрасно рѣки, какъ обычную дань, несутъ къ морю волны свои, и не текутъ вспять.... Напрасно все!... Не слышна ему музыка сферъ и міровъ; глухъ онъ къ гармоническому хору, который образуетъ своимъ стройнымъ чиномъ, своими неизмѣняемыми законами, своимъ несмущаемымъ теченіемъ къ предустановленной отъ вѣка цѣли, твореніе предвѣчнаго Художника!... Нѣтъ, ему слышатся только диссонансы, мерещется одинъ раздоръ: тучи грозятъ отнять свѣтъ, громъ—разбить землю, молнія—испепелить все живущее на ней,—и, бѣдный сумасбродъ, онъ хватается за топоръ, обтесываетъ свои колышки и тычинки, и хлопочетъ подпереть ими съ трескомъ разрушающееся зданіе вселенной.. . . . . . .

Такое же зрѣлище представляютъ собою и эти маленькіе-великіе люди, о которыхъ мы говоримъ. Добровольные мученики,— имъ нѣтъ покоя, для нихъ нѣтъ радости, нѣтъ счастія: тамъ гаснетъ свѣтъ просвѣщенія, тутъ гибнетъ добродѣтель и нравственность, здѣсь подавляется цѣлый народъ;—и съ воплемъ указываютъ они на виновниковъ такого ужаснаго зла, какъ-будто бы люди, или человѣкъ, въ состояніи остановить ходъ міра, измѣнить участь народа; какъ-будто бы нѣтъ провидѣнія, и судьбы земнородныхъ предоставлены слѣпому случаю или слѣпой волѣ одного человѣка. Сумасброды! внимательнѣе заглядывайте въ священную книгу судебъ человѣчества, въ вѣчную «книгу царствъ» — въ исторію, по которой поверхностно скользятъ ваши взоры, отуманенные предубѣжденіями и заранѣе-заготовленными произвольными понятіями вашей ограниченной личности. Умираетъ прекрасная Греція, отчизна Гомеровъ и Платоновъ, опустѣли ея дивные храмы, сброшены съ пьедесталовъ ея мраморныя статуи; храмы сокрушились и ихъ развалины заросли травою, а статуи взяла желѣзная рука варвара-побѣдителя;—но развѣ умерла для насъ она, эта прекрасная Греція? Развѣ развалины ея храмовъ и обломки ихъ колоннъ не свидѣтельствуютъ намъ о гармоніи ихъ размѣровъ, о первобытной красотѣ роскошныхъ ихъ формъ? Развѣ эти

чудныя статуи, пережившія тысячелѣтія, не предстали Винкельману во всемъ очарованіи вѣчной юности, и не открыли ему сокровенныхъ тайниковъ исчезнувшей жизни свѣтлыхъ чадъ Эллады, и не повѣдали ему дивныхъ тайнъ творчества? Развѣ для насъ «Иліада»—мертвая буква, нѣмой памятникъ навѣки-умершаго и навсегда-потерявшаго свой смыслъ и свое значеніе прошедшаго, а не источникъ живаго блаженства, величайшаго разумнаго наслажденія изящнѣйшимъ созданіемъ общеміроваго искусства? Развѣ жизнь Грековъ не вошла въ нашу, какъ элементъ? развѣ не получили мы ее, какъ законное наслѣдіе?... Кто же говоритъ, что Греція умерла навсегда, падши отъ натиска варварства и невѣжества? — Пережитые человѣчествомъ моменты не исчезаютъ въ вѣчности, какъ звукъ, теряющійся въ пустынѣ; но навсегда дѣлаются его законнымъ владѣніемъ въ сознаніи, которое одно дѣйствительно, одно есть истинная жизнь духа, а не призракъ. Не только для возмужалаго человѣка,—и для старца, если только его старость ясна, какъ вечеръ прекраснаго весенняго дня, воспоминаніе о свѣтломъ утрѣ своего младенчества, о знойномъ полуднѣ своей юности, составляетъ одно изъ отраднѣйшихъ наслажденій его старости; но человѣчество выше человѣка, моменты его жизни есть высшая, разумнѣйшая дѣйствительность, чѣмъ моменты жизни человѣка,—такъ оно ли забудетъ греческую жизнь, этотъ роскошный цвѣтъ своего младенчества, или средніе вѣки, этотъ роскошный цвѣтъ своей юности, изъ которыхъ образовался роскошный плодъ его мужества?... Омаръ сжегъ Александрійскую Библіотеку: проклятіе Омару—онъ навѣки погубилъ просвѣщеніе древняго міра! Погодите, милостивые государи, проклинать Омара! просвѣщеніе чудная вещь — будь оно океаномъ и высуши этотъ океанъ какой-нибудь Омаръ, — все останется подъ землею невидимый и сокровенный родникъ живой воды, который не замедлитъ пробиться наружу свѣтлымъ ключомъ и превратиться въ океанъ. Просвѣщеніе безсмертно, ибо оно не имѣетъ внѣ себя никакой цѣли, обыкновенно-называемой «пользою», но есть само-себѣ цѣль, и въ самомъ-себѣ заключаетъ свою причину, какъ внутренняя жизнь сознающаго себя духа. Удовлетвореніе духа, стремящагося къ сознанію, есть внутренняя причина и цѣль просвѣщенія; а его внѣшняя польза для человѣчества есть уже его необходимый результатъ. Не уже ли солнце есть не самостоятельная планета, символъ Божіей славы, а фонарь для освѣщенія нашей маленькой земли, хотя оно и свѣтитъ намъ и грѣетъ?... Омаръ

сжегъ Александрійскую Библіотеку, но не сжегъ Гомера и Платона, Эсхила и Демосѳена, которыхъ мы знаемъ. Но вотъ, варвары разрушили Западную Римскую Имперію — погибла цивилизація, исчезла мудрая гражданственность? Нѣтъ, не погибла она: въ вѣчномъ городѣ, столицѣ политическаго міра, снова явился вѣчный городъ, столица духовнаго міра. Потомъ нашелся затерянный варварствомъ и вѣками кодексъ Юстиніана — и жизнь древняго міра сдѣлалась нашимъ законнымъ наслѣдіемъ, вошла въ нашу жизнь, какъ элементъ. Но вотъ самый разительный примѣръ. Народъ нашего времени, особенно-богатый маленькими - великими людьми, забывъ, что у него есть исторія, есть прошедшее, что онъ народъ новый и христіанскій, вздумалъ сдѣлаться Римляниномъ. Явилось множество маленькихъ-великихъ людей и, съ школьными тетрадками въ рукахъ, стало около машинки, названной ими la sainte guillotine, и начало всѣхъ передѣлывать въ Римлянъ. Поэтамъ *приказали* они, во имя свободы, воспѣвать республиканскія добродѣтели, думая, что *искусство должно служить обществу;* мыслителямъ *повелѣли,* тоже во имя свободы, доказывать равенство правъ, а кто бы изъ поэтовъ или мыслителей, слѣдуя свободѣ вдохновенія или мысли, осмѣлился воспѣвать и доказывать противное,—тѣмъ, во имя свободы, рубили головы. Искусство и знаніе погибли — нѣтъ больше развитія идей, остановленъ навсегда ходъ ума... Но погодите отчаяваться: та же воля, которая попустила возстать злу, та же невидимая, но могучая воля и истребила зло, — и чудовище пало жертвою самого-себя, какъ скорпіонъ, умертвивши себя собственнымъ жаломъ; затѣя школьниковъ не удалась, тетрадки осмѣяны, кровавая комедія освистана—и кѣмъ же?—сыномъ революціи, однимъ человѣкомъ, сотворившимъ волю пославшаго его... Кто могъ предвидѣть, кто могъ предсказать это? Вѣдь ужь все погибало... Но маленькіе-великіе люди не понимаютъ этого, и отъ всей души убѣждены, что если міръ еще какъ-нибудь держится, то не иначе, какъ ихъ мудростію и усердіемъ къ общему благу.

Къ числу такихъ-то маленькихъ-великихъ людей принадлежитъ и Менцель. Ему не нравится порядокъ дѣлъ въ Германіи, и онъ придумалъ на досугѣ свой планъ для ея благосостоянія; но какъ она не осуществляетъ этого благодѣтельнаго плана, не будучи въ-состояніи отрѣшиться отъ своего историческаго развитія, ни отъ своей національной индивидуальности, да еще, какъ кажется, не будучи въ-состояніи постичь всей премудрости г. Менцеля, и не

вѣритъ ей, а на самого-его смотритъ, какъ на журнальнаго крикуна и политическаго полишинеля, то онъ и возстаетъ на нее со всѣмъ ожесточеніемъ фанатика и представляетъ собою отвратительное и возмутительное зрѣлище сына, бьющаго по щекамъ родную мать свою. Другими словами: ему досадно, за-чѣмъ Германія есть то̀, что̀ она есть, а не то̀, чѣмъ бы ему хотѣлось ее видѣть—требованіе, столь же справедливое, какъ и то, зачѣмъ у васъ волосы русые, а не черные, когда *мнѣ* именно хочется, чтобы у васъ были черные волосы!... И по-этому, ему все не нравится въ Германіи, и ея книжность, и ея ученость, и ея патріархальные обычаи и нравы. Но болѣе всего онъ возстаетъ на нее въ лицѣ ея геніальныхъ представителей, которыми она гордится, и которые доставили ей умственное владычество надъ всею просвѣщенною частію земнаго шара. Философія Гегеля признала монархизмъ высшею разумною формою государства, и монархія, съ утвержденными основаніями, изъ исторической жизни народа развившимися, была для великаго мыслителя идеаломъ государства. Менцель думаетъ объ этомъ совершенно иначе, и потому онъ объявилъ, что Гегель сумасбродъ, дикій фанатикъ, и его философія — бѣснованіе полоумнаго человѣка. Еще бо̀льшему ожесточенію съ его стороны подвергся Гёте. Великій поэтъ жилъ при веймарскомъ дворѣ, пользовался благосклонностію многихъ вѣнценосныхъ особъ и даже гордился дружбою къ себѣ многихъ изъ нихъ. Вотъ первое преступленіе германскаго поэта Гёте противъ добродѣтельнаго Римлянина Менцеля, который по одному этому предмету разродился двумя глупостями. Во-первыхъ, жить при дворѣ, или не жить при немъ — это рѣшительно все равно, потому-что въ обоихъ случаяхъ можно быть равно великимъ и равно добродѣтельнымъ человѣкомъ. Во-вторыхъ, не только несправедливо, но и справедливо нападая на *человѣка*, отнюдь не должно смѣшивать его съ *художникомъ*, равно какъ, разсматривая художника, отнюдь не слѣдуетъ касаться человѣка. У искусства есть свои законы, на основаніи которыхъ и должно разсматривать его произведенія. Мысль, выраженная поэтомъ въ созданіи, можетъ противорѣчить личному убѣжденію критика, не переставая быть истинною и общею, если только созданіе дѣйствительно-художественно: ибо человѣкъ, какъ ограниченная частность, можетъ заблуждаться и питать ложныя убѣжденія, но поэтъ, какъ органъ общаго и міроваго, какъ непосредственное проявленіе духа, не можетъ ошибаться и гово-

рить ложь. Конечно, платя дань своей человѣческой натурѣ, и онъ можетъ впадать въ заблужденія, но это тогда, когда онъ измѣняетъ своей творческой натурѣ, становится невѣрнымъ самому-себѣ и перестаетъ быть поэтомъ, допуская своей личности вмѣшиваться въ свободный процессъ творчества, и впадая въ резонёрство, символизмъ и аллегорію. Слѣдовательно, чтобы узнать, вѣрна ли мысль, выраженная поэтомъ въ его произведеніи, должно сперва узнать дѣйствительно ли художественно его созданіе. Но этотъ вопросъ рѣшается непосредственнымъ впечатлѣніемъ созданія на непосредственное чувство критика (разумѣется, если его чувство доступно изящному, глубоко и всеобъемлюще), повѣрснымъ потомъ діалектикою мысли на непреложныхъ основаніяхъ искусства; а отнюдь не полицейскими справками о трезвости поведенія и аккуратности поэта въ платежѣ долговъ, или освѣдомленіями о томъ, какъ отзывалась о немъ бабушка, довольна ли была имъ тетушка, и хорошо ли онъ жилъ съ женою, а еще менѣе произвольными убѣжденіями случайной личности критика. Основная идея критики Менцеля есть та, что искусство должно служить обществу. Если хотите, оно и служитъ обществу, выражая его же собственное созданіе и питая духъ составляющихъ его индивидуумовъ возвышенными впечатлѣніями и благородными помыслами благаго и истиннаго; но оно служитъ обществу не какъ что-нибудь для него существующее, а какъ нѣчто существующее по-себѣ и для-себя, въ самомъ-себѣ имѣющее свою цѣль и свою причину. Когда же мы будемъ требовать отъ искусства споспѣшествованія общественнымъ цѣлямъ, а на поэта смотрѣть, какъ на подрядчика, которому можно заказывать въ одно время— воспѣвать святость брака, въ другое — счастіе жертвовать своею жизнію за отечество, въ третье—обязанность честно платить долги, то вмѣсто изящныхъ созданій наводнимъ литературу рифмованными диссертаціями объ отвлеченныхъ и разсудочныхъ предметахъ, сухими аллегоріями, подъ которыми будетъ скрываться не живая истина, а мертвое резонёрство; или, наконецъ, угарными исчадіями мелкихъ страстей и бѣснованія партій. То и другое было во французской литературѣ. Сперва ея произведенія были декламаторскимъ резонёрствомъ, которое, въ звучныхъ и гладкихъ стихахъ, то разплывалось пошлыми сентенціями, какъ въ сочиненіяхъ Корнеля, Расина, Буало, Мольера, Фенелона (автора «Телемака»), то разсыпалось мелкимъ бѣсомъ въ пошлыхъ остротахъ и нагломъ кощунствѣ надъ всѣмъ святымъ и завѣтнымъ для человѣчества,

какъ въ сочиненіяхъ Вольтера; теперь ея произведенія — буйное безуміе, которое, обоготворивъ неистовство животныхъ страстей, выдаетъ, подобно Гюгò, Дюмà, Эжену Сю, мясничество за трагедію и романъ, а клеветы на человѣческую натуту за изображеніе настоящаго вѣка и современнаго общества. Въ-самомъ-дѣлѣ, чтò представляетъ нынѣшняя французская литература? Отраженіе мелкихъ сектъ, ничтожныхъ системъ, эфемерныхъ партій, дневныхъ вопросовъ. Г-жа д'Юдеванъ, или извѣстный, но отнюдь не славный, Жоржъ Зандъ, пишетъ цѣлый рядъ романовъ, одинъ другаго нелѣпѣе и возмутительнѣе, чтобы приложить къ практикѣ идеи сен-симонизма объ обществѣ. Какія же это идеи? О, безподобныя! — именно: индюстріальное направленіе должно взять верхъ надъ идеальнымъ и духовнымъ: должно распространиться равенство не въ смыслѣ христіанскаго братства, которое и безъ того существуетъ въ мірѣ со времени первыхъ двѣнадцати учениковъ Спасителя, а въ смыслѣ какого-то масонскаго или квакерскаго сектанства; должно уничтожить всякое различіе между полами, разрѣшивъ женщину на *вся тяжкая* и допустивъ ее, наравнѣ съ мужчиною, къ отправленію гражданскихъ должностей, а главное— предоставивъ ей завидное право мѣнять мужей по состоянію своего здоровья... Необходимый результатъ этихъ глубокихъ и превосходныхъ идей есть уничтоженіе священныхъ узъ брака, родства, семейственности, словомъ, совершенное превращеніе государства сперва въ животную и безчинную оргію, а потомъ — въ призракъ, построенный изъ словъ на воздухѣ. Альфредъ де-Виньи, другой маленькій-великій человѣчекъ, ударился въ другую крайность: онъ изъ всѣхъ силъ хлопочетъ о возстановленіи французской монархіи въ томъ видѣ, въ какомъ она была до кардинала Ришильё — Франціи феодально-монархической. Для этого онъ *поправляетъ* исторію, выдумыя никогда-несуществовавшіе факты, клевещетъ на Наполеона, заставляя какого-то глупаго пажа подслушивать его небывалый разговоръ съ папою Піемъ VII, а чтобы унизить кардинала Ришельё, ненавидимаго имъ какъ врага выродившейся феодальной аристократіи, противопоставляетъ ему, въ своемъ романѣ, пустаго и ничтожнаго Сен-Мара, дѣлая его героемъ и великимъ человѣкомъ. А между-тѣмъ, «идеальный» Ламартинъ хлопочетъ, въ водяныхъ медитаціяхъ, приторно-чувствительныхъ элегіяхъ и надуто-реторическихъ поэмахъ воскресить католицизмъ среднихъ вѣковъ, котораго онъ не понимаетъ. Вышелъ во Франціи новый уголовный законъ, а завтра является сотня

дюжинныхъ романовъ, въ которыхъ *примѣромъ* рѣшается справедливость или несправедливость закона; вышло новое постановленіе хоть о налогахъ, о рекрутствѣ, акціяхъ — опять завтра же длинная вереница романовъ, которая нынче читается съ жадностію, а завтра забывается. Не такова истинная поэзія: ея содержаніе не вопросы дня, а вопросы вѣковъ, не интересы страны, а интересы міра, не участь партій, а судьбы человѣчества. Не таковъ художникъ: въ дивныхъ образахъ осуществляетъ онъ божественную идею для ней-самой, а не для какой-либо внѣшней и чуждой ей цѣли. Толпа *менцелей* не смутитъ его дикими воплями и укорами въ безполезности его существованія — онъ гордо отвѣтитъ ей:

Подите прочь: какое дѣло
Поэту мирному до васъ!
Въ развратѣ каменѣйте смѣло;
Не оживитъ васъ лиры гласъ!
Душѣ противны вы, какъ гробы,
Для вашей глупости и злобы
Имѣли вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры;
Довольно съ васъ, рабовъ безумныхъ!
Во градахъ вашихъ съ улицъ шумныхъ
Сметаютъ соръ — полезный трудъ!
Но, позабывъ свое служенье,
Алтарь и жертвоприношенье,
Жрецы ль у васъ метлу берутъ?
Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ —
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ!

Вдохновеніе художника такъ свободно, что самъ онъ не можетъ повелѣвать имъ, но повинуется ему, ибо оно въ немъ, но не отъ него. Онъ не можетъ выбирать тэмъ для своихъ созданій, ибо безъ его вѣдома возникаютъ въ душѣ его таинственныя явленія, которыя показываетъ онъ потомъ на диво міру. Онъ творитъ не когда хочетъ, но когда можетъ; онъ ждетъ минуты вдохновенія, но не приводитъ ея по волѣ своей, и потому-то

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ;
Молчитъ его святая лира;

Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межь дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть-можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.
Но лишь божественный глаголъ
До слуха чуткаго коснется —
Душа поэта встрепенется,
Какъ пробудившійся орелъ;
Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра,
Людской чуждается молвы,
Къ ногамъ народнаго кумира
Не клонитъ гордой головы;
Бѣжитъ онъ, дикій и суровый,
И звуковъ и смятенья полнъ,
На берега пустынныхъ волнъ,
Въ широкошумныя дубровы....

Менцель поставляетъ Гёте въ великую вину и тяжкое преступленіе, что онъ молчалъ во время французской революціи и ни однимъ стихомъ не выразилъ своего мнѣнія объ этомъ событіи, потрясшемъ весь міръ. Въ-самомъ-дѣлѣ, великое преступленіе! Такъ точно, въ одномъ русскомъ журналѣ, кто-то ставилъ Пушкину въ вину, что онъ, воротясь изъ-за Кавказа, гдѣ былъ свидѣтелемъ славы русскаго оружія, напечаталъ VII-ю главу «Онѣгина», а не собраніе «торжественныхъ одъ»: подлинно — les beaux ésprits se rencontrent!... И какая легкая, удобопонятная піитика: во время революціи, поэтъ непремѣнно долженъ или хвалить или хулить ее въ своихъ стихахъ, а во время войны — прославлять подвиги соотечественниковъ!.. И какъ для «менцелей» понятно, что Пушкинъ, возвратясь съ Кавказа, привезъ съ собою «Кавказскаго Плѣнника», и какъ непонятно для нихъ, что Грибоѣдовъ съ того же Кавказа привезъ «Горе отъ Ума» — злую сатиру на современное московское (а не кавказское) общество... Бѣдные люди!...

Каждое слово Гёте принималось какъ изрѣченіе оракула; но онъ никогда не начиналъ рѣчи, чтобы напомнить Германцамъ о народной ихъ чести, либо чтобы одушевить ихъ на какой-нибудь благородный помыселъ или подвигъ. Равнодушно пропускалъ онъ мимо себя событія всемірной исторіи, или только сердился, что военныя тревоги подъ-часъ нарушали сладкія минуты поэтическихъ его наслажденій. До французской революціи дремала Германія. Это грозное событіе пробудило наше отечество ужаснымъ-образомъ. Какія чувствованія должно было оно породить въ сердцѣ перваго нашего поэта? Новая эра возбудила восторгъ въ Шиллерѣ; Гёррєсъ, сгорая стыдомъ отъ измѣны отчизнѣ и отъ глубокаго ея униженія, напоминалъ соотечественникамъ про прежнюю честь и прошлое величіе Германіи. Что́ же сдѣлалъ Гёте? Написалъ нѣсколько легкомысленныхъ комедій. Потомъ явился Наполеонъ. Что́ дол-

женъ былъ думать о немъ, сказать про него первый германскій поэтъ? Онъ долженъ былъ, какъ Арндтъ и Кёрнеръ, проклинать губителя своей отчизны и сдѣлаться главою союза добродѣтели, или, ежели по привычкѣ Нѣмцевъ онъ былъ больше космополитъ, чѣмъ патріотъ, то, по-крайней-мѣрѣ, какъ Байронъ, долженъ бы уразумѣть глубоко-трагическое значеніе великаго героя и его дивной судьбы (*Ч. II стр.* 408—409).

Сколько лжей и пошлостей въ немногихъ словахъ этой ограниченной нѣмецкой головы! У каждаго народа необходимо двѣ стороны: дѣйствительная, сущная, и, какъ конечное ея отраженіе, пошлая и смѣшная; по-этому и Нѣмцевъ можно раздѣлить на *Германцевъ*, каковы Лессингъ, Кантъ, Фихте, Шеллингъ, Гегель, Шиллеръ и Гете, и на *Нѣмцевъ*, каковы: Клауренъ, Коцебу, Августъ Лафонтенъ, Фан-дер-Фельде, Баумейстеръ, Кругъ, Бахманъ и пр. Къ этимъ-то достопочтеннымъ и достополезнымъ *Нѣмцамъ-филистерамъ*, отъ которыхъ попахиваетъ кнастеромъ и пивомъ, принадлежитъ и нашъ сердитый господинъ Менцель. Спросите его, съ чего онъ взялъ, что Гете равнодушно пропускалъ событія всемірной исторіи? Не уже ли, какая-нибудь кумушка-старушка, которая съ своими сосѣдками день и ночь колотила языкомъ по зубамъ, толкуя о реляціяхъ наполеоновскихъ походовъ и побѣдъ, или какой-нибудь фельётонистъ по копейкѣ со строки, надсаживавшій себѣ грудь громкими фразами о томъ же предметѣ, не уже ли они больше интересовались и глубже понимали эти великія событія, нежели великій поэтъ, который, по словамъ самого Менцеля, былъ полнѣйшимъ отраженіемъ, вѣрнѣйшимъ зеркаломъ своего великаго вѣка? Кто сказалъ ему, что Гете не останавливался въ безмолвномъ созерцаніи, полномъ любви, мысли и благоговѣнія, передъ таинственными судьбами, въ такомъ величіи совершавшимися въ его глазахъ, онъ, въ которомъ все жило и который во всемъ жилъ, который все въ себѣ ощущалъ и на все откликался струнами своего духа, этой звучной арфы вселенной, этого гармоническаго органа міровой жизни?....

С природой одною онъ жизнью дышалъ:
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье;
Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна!

Не уже ли изъ того, что Гете не воспѣвалъ великихъ современныхъ событій, слѣдуетъ, чтобы они не касались его, что онъ не чувствовалъ ихъ? Развѣ Гомеръ въ своей «Иліадѣ» воспѣлъ совре-

менное ему событіе, а не за два столѣтія до него совершившееся? Развѣ Шекспиръ, въ своихъ драмахъ, представилъ тоже современный ему міръ? Помилуйте, господа менцели, только какой-нибудь школьникъ, съ тетрадкою въ рукѣ, какой-нибудь Сен-Жюстъ могъ расписать по мѣсяцослову вдохновеніе поэта, заставивъ его въ апрѣлѣ возпѣвать дружбу, въ маѣ любовь, въ іюнѣ бракъ, а въ іюлѣ добродѣтель!,,. Мы этимъ отнюдь не хотимъ сказать, чтобы поэту нельзя было отзываться пѣснію на современныя событія; нѣтъ, это значило бы впасть въ противоположную крайность, а каждая крайность есть нелѣпость, плодъ ограниченности ума и мелкости духа. Вдохновеніе не справляется съ календаремъ. Оно часто молчитъ, когда всѣ ожидаютъ его. Но мы однако думаемъ, что поэтъ всего менѣе способенъ отзываться на современность, которая для него есть начало безъ середины и конца, явленіе безъ полноты и цѣлости, закрытое туманомъ страстей, предубѣжденій и пристрастія партій, и потому его вдохновеніе больше любитъ жить въ вѣкахъ минувшихъ и пробуждать исполинскія тѣни Ахилловъ и Гекторовъ, Ричардовъ и Генриховъ, или изъ нѣдръ собственнаго духа возпроизводить свои гигантскіе образы, каковы — Гамлетъ, Макбетъ, Отелло . . . Менцель говоритъ, что новая эра, начатая французскою революціею, пробудила возторгъ въ Шиллерѣ: зачѣмъ же онъ такъ безсовѣстно умолчалъ, что если Шиллеръ съ возторгомъ привѣтствовалъ начало французской революціи, то съ отвращеніемъ смотрѣлъ на ея продолженіе и конецъ, и съ негодованіемъ отвергнулъ дипломъ на гражданина Французской Республики, который предлагалъ ему Конвентъ за его трагедію «Фіеско»—очень-плохенькое твореньице въ художественномъ отношеніи?.. Или разсказать фактъ въ-половину иногда необходимо, чтобы поддержать ложь?.. И какъ понятно, что Гёте не могъ поступить подобно Шиллеру, ибо Гёте былъ геній несравненно-высшій, геній чисто-художническій, а потому неспособный увлекаться никакими односторонностями, но обнимавшій все въ оконченной цѣлости, на все смотрѣвшій не снизу вверхъ, а сверху внизъ. Вся цѣль стремленій самого Шиллера была — достигнуть мірообъемлющей объективности Гёте; только при концѣ своего поприща онъ болѣе или менѣе достигъ этого, и отъ-того послѣднія его произведенія и выше и глубже, чѣмъ произведенія его юности, полной пожирающаго пламени, а вмѣстѣ съ нимъ и дыма, и чада, и угара... Чтò могло дѣлать честь Шиллеру, тò унизило бы Гёте. Съ чего взялъ *госпо-*

динъ Менцель, что Гёте долженъ былъ, подобно *господамъ* Арндту и Кёрнеру, проклинать Наполеона, какъ губителя своей отчизны?. Это еще что за новость?.. Когда Менцель заставляетъ Гёте подражать Шекспиру — въ этомъ еще есть немножко смысла, потому что Шиллеръ все-таки былъ великій духъ, если не такой же художникъ; но заставлять орла дѣлать то, что дѣлали комары?.. Для выполненія временныхъ требованій и цѣлей какой-нибудь ограниченной эпохи, есть маленькіе-великіе люди, есть Арндты и Кёрнеры, а у истинно-великихъ людей, исполиновъ человѣчества — другое время и другія цѣли — міръ и вѣчность... Съ чего взялъ Менцель, что Гёте долженъ былъ сдѣлаться главою Тугендбунда, составившагося изъ школьниковъ и духовно-малолѣтныхъ дѣтей, и смѣшнаго для людей взрослыхъ и возмужавшихъ духомъ?..

Все это показываетъ только, что Менцель не понимаетъ ни значенія, ни сущности искусства, а, взявшись говорить о томъ, чего не смыслишь, невольно будешь говорить вздоръ; если же къ этому присоединится духъ партіи и оскорбленное самолюбіе, то, вмѣсто истины, будешь изрыгать ругательства и проклятія... Изъ всего этого видно одно: Менцель золъ на Гёте за то, что тотъ не хотѣлъ быть ни крикуномъ, ни начальникомъ какой-либо политической партіи, что онъ не требовалъ невозможнаго сплоченія раздробленной Германіи въ одно политическое тѣло. У генія всегда есть инстинктъ истины и дѣйствительности: что есть, то для него разумно, необходимо и дѣйствительно, а что разумно, необходимо и дѣйствительно, то только и есть. По-этому, Гёте не требовалъ и не желалъ невозможнаго, но любилъ наслаждаться необходимо-сущимъ. Для него необходимость раздробленности Германіи было такимъ же убѣжденіемъ и такою же вѣрою, какъ у Пушкина было убѣжденіе и вѣра, что не русское море изсякнетъ, а «славянскіе ручьи сольются въ русскомъ морѣ». Только какой-нибудь Мицкевичъ можетъ заключиться въ ограниченное чувство политической ненависти и оставить поэтическія созданія для рифмованныхъ памфлетовъ; но это-то и достаточно намекаетъ на «міровое величіе» его поэтическаго генія: Менцель вѣрно на колѣняхъ передъ нимъ, а это самая злая и ругательная критика для поэта.

Наконецъ, Менцель положительно и окончательно обнаруживаетъ свой взглядъ на Гёте, переводя противъ него слѣдующія слова Платона о Гомерѣ:

«Мнѣ должно наконецъ высказать мою мысль, хотя *по какой-то нѣжности къ Гомеру и застѣнчивости передъ нимъ, которыя питаю съ самой молодости*, мнѣ трудно рѣшиться говорить объ этомъ поэтѣ: ибо онъ, кажется, глава и предводитель всѣхъ хорошихъ трагическихъ стихотворцевъ. Но какъ не должно человѣка ставить выше истины, то и принужденъ высказать, что̀ думаю. Итакъ, любезный Главконъ, если ты встрѣтишь людей, превозносящихъ Гомера, которые говорятъ, что этотъ поэтъ былъ наставникомъ цѣлой Греціи, и что онъ сто̀итъ тщательнаго изученія, потому-что отъ него можно научиться хорошо управлять дѣлами человѣческаго рода, и хорошо обращаться съ ближними; что, по этой причинѣ, должно располагать и вести свою жизнь сообразно съ его предписаніями: то на такихъ людей, конечно, нельзя сердиться; имъ, безъ-сомнѣнія, должно оказывать всякую любовь и дружбу. Они, сколько могутъ, стараются всемѣрно быть людьми честными; нельзя также не согласиться съ ними, что Гомеръ есть геній, въ высшей степени поэтическій и глава трагическихъ поэтовъ. При этомъ надлежитъ, однако, замѣтить, что въ государствѣ не должно допускать никакихъ твореній поэзіи, кромѣ пѣснопѣній въ похвалу боговъ и въ славу доблестныхъ подвиговъ. Коль скоро ты допустишь туда нѣжную и сладостную лиру какого бы ни было рода, лирическаго или эпическаго: то произвольныя волненія веселія или печали станутъ тамъ царствовать вмѣсто закона и ума (*Ч. II, стр.* 442 — 443).

Итакъ — долой Гомера, долой Шекспира, долой искусство: они вредятъ обществу! Давно бы такъ! Въ такомъ случаѣ не для чего было нападать на Гете и писать цѣлую вздорную книгу: сказать бы прямо, коротко и ясно: долой искусство! Тогда всякій понялъ бы, что бѣдному Гете нечего дѣлать на бѣломъ свѣтѣ. Менцель, въ простотѣ ума и сердца, думаетъ, что онъ сошелся съ Платономъ, не видя въ словахъ величайшаго философа-поэта древности противорѣчія съ самимъ-собою, и не понимая причины этого противорѣчія. Платонъ первый открылъ своимъ геніемъ причину красоты въ самой красотѣ, назвавъ все сущее воплощеніемъ божественныхъ идей, отъ вѣка въ себѣ пребывавшихъ и въ себѣ заключающихъ свою причину, — и тотъ же Платонъ уничтожаетъ міръ искусства, который есть міръ красоты!.. Отъ-чего это противорѣчіе? — Отъ-того, что въ древнемъ мірѣ общество уничтожало въ себѣ людей, и частнаго человѣка признавало не какъ существующаго самого по себѣ и *для* себя, а какъ только своего члена, свою часть и своего слугу. Тогда *гражданинъ* былъ выше *человѣка;* а какъ поэзія есть удовлетвореніе внутренней потребности духа, сознающаго и себя и міръ, — то Платонъ, при всемъ своемъ геніи, и не могъ примирить этого противорѣчія, которое было примирено христіанствомъ и дальнѣйшимъ разви-

тіемъ человѣчества въ исторіи. Всякая философія, въ своемъ началѣ, есть противорѣчіе, и только, свершивъ свой полный кругъ, дѣлается примиреніемъ, какъ философія нашего времени, философія Гегеля. Хотя Платонъ понималъ существующее больше какъ поэтъ, нежели какъ философъ, т. е. не діалектикою мысли, а полнотою внутренняго созерцанія, но онъ уже *мыслилъ*, а не *творилъ*, и потому разрушающая сила разсудка необходимо вошла въ его мірообъемлющія воззрѣнія, какъ начало разрушенія полной и гармонической жизни Грековъ. Это разрушеніе въ Сократѣ проявилось уже рѣзко, какъ философія разсудка, противоположная поэтическому взгляду народа-художника, за что великій мудрецъ и погибъ жертвою оскорбленнаго имъ національнаго духа, еще немогшаго сознать въ Сократѣ начало новой для себя жизни. И посмотрите, съ какимъ уваженіемъ, съ какою любовію и какою благородною скромностію вооружается противъ Гомера этотъ великій духъ! Смотрите, какъ боится онъ обаятельной силы нѣжной и сладостной лиры: о, онъ знаетъ, что не устоялъ бы противъ ея чародѣйственнаго обольщенія, онъ въ самомъ-себѣ чувствовалъ своего предателя, ежеминутно готоваго измѣнить ему! Такъ противорѣчатъ себѣ умы геніальные: только посредственность и ограниченность способны фанатически предаться какой-нибудь односторонности и упрямо закрывать глаза на весь остальной Божій міръ, противорѣчащій исключительности ихъ тѣснаго убѣжденія...

Нашъ Менцель не Платонъ: что не подходитъ подъ его маленькую идею — онъ подгибаетъ подъ нее, а не гнется — онъ ломаетъ. Искусство не далось ему, не подошло подъ тѣсныя рамки его идеальнаго построенія — долой искусство — оно грѣхъ, преступленіе, безнравственность!.. Вотъ такъ-то: что долго думать! А другой какой-нибудь чудакъ готовъ уничтожить общество, разрушить промышленость, торговлю, словомъ, всю практическую сторону жизни, чтобы обратить людей къ исключительному служенію искусству и подѣлать изъ нихъ художниковъ и аматёровъ. Дайте имъ только возможность и силу приложить къ жизни свою теорію.—Одинъ завопитъ: «общество! все погибай, что не служитъ къ пользѣ общества!», а другой зарычитъ: «искусство! все погибай, что не живетъ въ искусствѣ!..» Но истинно-мудрый кротко и безъ крика говоритъ: «Да живетъ общество и да процвѣтаетъ искусство: то и другое есть явленіе одного и того же разума, единаго и вѣчнаго,—и то и другое въ самомъ-себѣ заключаетъ свою необходимость, свою причину и свою цѣль!»

Да! общество не должно жертвовать искуеству своими существенными выгодами, или уклоняться для него отъ своей цѣли. Искусство не должно служить обществу иначе, какъ служа самому-себѣ. Пусть каждое идетъ своею дорогой, не мѣшая другъ другу.

Дѣло Питтовъ, Фоксовъ, О'Конелей, Талейрановъ, Кауницевъ и Меттерниховъ — участвовать въ судьбѣ народовъ и изпытывать свое влiянiе въ политической сферѣ человѣчества. Дѣло художниковъ — созерцать «полное славы творенье» и быть его органами, а не вмѣшиваться въ дѣла политическiя и правительственныя. Иначе прiйдется возкликнуть:

Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ,
А сапоги тачать пирожникъ!

Все велико на своемъ мѣстѣ и въ своей сферѣ, и всякiй имѣетъ значенiе, силу и дѣйствительность только въ своей сферѣ, а заходя въ чуждую, дѣлается призракомъ, иногда только смѣшнымъ, иногда отвратительнымъ, а иногда смѣшнымъ и отвратительнымъ вмѣстѣ, подобно Менцелю. Можетъ-быть, Менцель былъ бы хорошимъ чиновникомъ при посольствѣ, или даже и депутатомъ города или сословiя, потому-что, можетъ-быть, онъ въ этомъ и знаетъ что-нибудь и способенъ ка что-нибудь; но онъ не можетъ быть дома и посредственнымъ критикомъ, потому-что ровно ничего не смыслитъ въ искусствѣ, не имѣетъ никакого органа для принятiя впечатлѣнiй изящнаго. Онъ судитъ объ искусствѣ, какъ слѣпой о цвѣтахъ, глухой о музыкѣ. Воду нельзя мѣрять саженями, а дорогу ведрами: нельзя по политикѣ судить объ искусствѣ, ни по искусству о политикѣ, но каждое должно судиться на основанiи своихъ собственныхъ законовъ.

Есть еще и другая фальшивая мѣрка для искусства — тоже принятая Менцелемъ, который, въ-отношенiи къ ней, имѣлъ, имѣетъ и всегда будетъ имѣть еще болѣе подражателей. Мы говоримъ о *нравственной точкѣ зрѣнiя на искусство.*

Это вопросъ глубокiй и важный. Сколько позволяютъ предѣлы статьи, намекнемъ на его безконечное значенiе.

Нравственность принадлежитъ къ сферѣ человѣческихъ дѣйствiй, и въ-отношенiи къ волѣ человѣка есть то же самое, что̀ истина въ мышленiи, что̀ красота въ искусствѣ. Основанiе нравственности лежитъ въ глубинѣ духа — источника всего сущаго. Все, что̀ выходитъ изъ одного начала, изъ одного общаго источника—все то родственно, единокровно и нераздѣльно въ своей

сущности, хотя и различается средствомъ, путемъ и формою своего проявленія. Слѣдовательно, отдѣлить вопросъ о нравственности отъ вопроса объ искусствѣ такъ же невозможно, какъ и разложить огонь на свѣтъ, теплоту и силу горѣнія. Но по-этому-то самому и должно раздѣлить эти два вопроса. Когда вамъ сказали, что въ каминѣ разведенъ огонь — вы вѣрно не спросите, обожжетъ ли этотъ огонь ваши руки, если вы положите ихъ на него, — и будутъ ли вамъ видны предметы, освѣщенные имъ. Такой вопросъ приличенъ только или ребенку, едва-начинающему говорить, или человѣку сумасшедшему. Когда вамъ говорятъ, что женщина родила дитя—вы вѣрно не спросите, есть ли у этого дитяти тѣло, или есть ли у него душа: когда онъ живъ, у него есть и душа и тѣло, ибо онъ самъ есть не что иное, какъ явившійся или воплотившійся духъ. Но вы можете сдѣлать вопросъ — объ огнѣ, разведенъ ли онъ въ каминѣ, чтобы могъ и грѣть и освѣщать, или еще только разводится; а о младенцѣ — живъ ли онъ, или родился мертвымъ, или умеръ родившись. Итакъ, видите ли: вы раздѣляете два вопроса именно потому-что они нераздѣлимы, что отвѣтъ на одинъ есть уже необходимо и отвѣтъ на другой, хотя бы вы другаго и не дѣлали. Такъ и въ искусствѣ: что̀ художественно, то уже и нравственно; что̀ нехудожественно, то можетъ быть не безнравственно, но не можетъ быть нравственно. Въ-слѣдствіе этого, вопросъ о нравственности поэтическаго произведенія долженъ быть вопросомъ вторымъ и вытекать изъ отвѣта на вопросъ— дѣйствительно ли оно художественно. Произведеніе искусства, художественность котораго не выдержитъ высшей пробы вкуса и критики, можетъ быть положительно-безнравственно, какъ оскорбляющее нравственность, и можетъ быть отрицательно-безнравственно, какъ только неоскорбляющее нравственности; но всякое истинно или дѣйствительно-художественное произведеніе не можетъ не быть положительно-нравственнымъ. Доказать, что произведеніе искусства положительно-безнравственно—значитъ, доказать, что оно положительно-нехудожественно, а для этого сперва должно разсмотрѣть его въ его собственной сферѣ, т. е. въ сферѣ искусства, и доказать, изъ него же самого, что оно нехудожественно, или, по-крайней-мѣрѣ, прежде вопроса о нравственности, принять это за утвержденное и очевидное. Единосущное не противорѣчитъ единосущному, и истина не раздѣляется на самое же себя, чтобы уничтожать самое же себя.

Намъ возразятъ, что наше воззрѣніе противорѣчитъ опыту,

ибо есть множество произведеній искусства, которыя цѣлыми вѣками и народами признаны за художественныя, но которыя тѣмъ не менѣе безнравственны, и наоборотъ, есть множество произведеній, слабыхъ съ художественной стороны, но въ высшей степени нравственныхъ.

Для отвѣта на подобное возраженіе, имѣющее всю силу *внѣшней* очевидности, должно условиться въ значеніи словъ «художественное» и «нравственное». Но какъ рѣшеніе подобнаго важнаго и глубокаго вопроса повело бы насъ слишкомъ-далеко, то и ограничимся только тѣмъ, что слегка поговоримъ о значеніи «нравственнаго», оставляя безъ разрѣшенія «художественное», какъ-будто опредѣленное и всѣмъ извѣстное.

Не все то принадлежитъ къ сферѣ «нравственнаго», что называютъ «нравственнымъ» (Sittlichkeit), смѣшивая съ нимъ понятіе «моральнаго» (Moralität). Нравственность относится къ моральности, какъ разумный опытъ жизни къ житейской опытности, какъ высокое къ обыкновенному, трагическое къ повседневному, какъ разумъ къ разсудку, мудрость къ хитрости, искусство къ ремеслу. Жизнь человѣческая раздѣляется на будни, которыхъ въ ней много, и праздники, которыхъ въ ней мало. Въ жизни человѣка бываютъ торжественныя минуты, въ которыя все — побѣда, или все — паденіе, и нѣтъ середины. Это минуты борьбы его индивидуальной особности, требующей личнаго счастія, или личнаго спасенія, съ долгомъ, говорящимъ ему, что онъ въ-правѣ стремиться къ счастію, или спасенію, но не на-счетъ несчастія или погибели ближняго, имѣющаго равное съ нимъ право и на счастіе, если оно ему представляется, и на спасеніе, если ему грозитъ бѣда. Воля человѣка свободна: онъ *въ-правѣ* выбрать тотъ, или другой путь, но онъ *долженъ* выбрать тотъ, на который указываетъ ему разумъ. Если онъ послушается голоса своей личности, требующей всего *себѣ,* и останется спокоенъ въ духѣ своемъ—онъ будетъ правъ въ-отношеніи къ самому-себѣ, хотя и виноватъ въ-отношеніи къ разуму, котораго законовъ онъ не въ-состояніи постигать: тогда не будетъ осуществленія *нравственнаго* закона, за нарушеніе котораго кара *внутри* человѣка, но тогда, можетъ-быть, осуществится только *моральный* законъ, за нарушеніе котораго наказаніе *внѣ* человѣка, какъ возмездіе гражданскаго закона, или какъ личное мщеніе со стороны оскорбленнаго. Объяснимъ это примѣромъ, который сдѣлалъ бы нашу мысль осязаемою очевидностію. Молодой человѣкъ увлекся мимо-

летнымъ и скоропреходящимъ чувствомъ любви къ дѣвушкѣ, которая могла только доставить ему нѣсколько минутъ блаженнаго упоенія, но не удовлетворить вполнѣ всѣхъ потребностей его духа, но не быть половиною души его, жизнью сердца,—словомъ, которая могла быть только его любовницею, но, не женою. Теперь положимъ, что эта дѣвушка, не имѣя такой глубокой натуры, какъ онъ, и будучи ниже его и своими понятіями, чувствованіями, потребностями, и образованіемъ, тѣмъ не менѣе была бы существомъ, достойнымъ всякаго уваженія, могла бы составить счастіе цѣлой жизни равнаго себѣ по натурѣ и образованію человѣ[illegible]ыть вѣрною, любящею женою и матерью, уважаемою въ об[illegible]вѣ женщиною. Дѣвушка эта, не видя и не понимая своего ду[illegible]аго неравенства съ этимъ молодымъ человѣкомъ, однакожь [illegible]его страстно, предана ему до самоотверженія, до безумія, [illegible]ать его дитяти. Она не подозрѣваетъ и возможности конца своему счастію, ея любовь все сильнѣе и сильнѣе; а *онъ* уже просыпается отъ сладкаго упоенія страсти, онъ уже съ ужасомъ не находитъ въ себѣ прежней любви, онъ уже не въ-силахъ отвѣчать на ея горячія лобзанія, на ея ласки, прежде столь обаятельныя, столь могучія для него... Она вся любовь, упоеніе, нѣга; онъ весь тяжелая дума, тревожное безпокойство. Наконецъ, ему нѣтъ больше силъ притворяться, тяжело ее видѣть, страшно о ней вспомнить. А между-тѣмъ, какъ-бы на зло самому-себѣ, какъ-бы для усугубленія своихъ страданій, онъ понимаетъ всѣ ея достоинства, цѣнитъ всю ея любовь и преданность къ нему, даже видитъ въ ней больше, нежели что̀ она есть въ-самомъ-дѣлѣ. Онъ проклинаетъ и презираетъ себя, не видитъ въ мірѣ никого гнуснѣе и преступнѣе себя; онъ называетъ себя обманщикомъ, воромъ, подло укравшимъ любовь и честь женщины; о прошлыхъ своихъ увѣреніяхъ и клятвахъ любви онъ возпоминаетъ какъ объ умышленномъ, обдуманномъ вѣроломствѣ, забывъ, что, въ то время восторговъ и упоеній, онъ говорилъ и клялся искренно, горячо вѣрилъ дѣйствительности своего чувства. Отъ-чего же этотъ внутренній раздоръ, отъ-чего это внутреннее раздвоеніе съ самимъ-собою, этотъ жгучій огонь въ груди, эта мука, эта пытка души?... Вѣдь эта дѣвушка только тихо плачетъ, безмолвно изнываетъ въ безотрадной тоскѣ отвергнутаго и оскорбленнаго чувства? Вѣдь она не грозитъ ему законами, не преслѣдуетъ его упреками, не безпокоитъ его требованіями, и потому страшная тайна останется между ими, и ему нечего страшиться ни мщенія гражданскаго закона,

ни даже суда общественнаго мнѣнія?—Но отъ всѣхъ этихъ *утѣшеній* его страданія только глубже и мучительнѣе: безропотное страданіе жертвы возбуждаетъ въ немъ только большее уваженіе къ ней и большее презрѣніе къ себѣ; а безопасность внѣшняго наказанія только больше увеличиваетъ въ его глазахъ собственное преступленіе. Отъ-чего же это? — Отъ-того, что сердце этого молодаго человѣка есть почва, въ которую законъ нравственнаго духа такъ глубоко пустилъ свои корни, что онъ можетъ ихъ вырвать только съ кровію и тѣломъ, а слѣдовательно и съ потерею собственной жизни. Онъ оскорбилъ не ход[illegible] нравственныя сентенціи: онъ оскорбилъ достоинство собст[illegible]наго духа, нарушилъ незримо, но ощутительно пребыва[illegible] въ его сущности законы его же собственнаго разу[illegible]о же ему останется дѣлать? Жениться на ней — скажет[illegible] для *такихъ* людей чувствовать подлѣ себя біеніе сердца, [illegible]щущаго любовію, чувствовать сжатіе чьихъ-то горячихъ объятій, и оставаться холоднымъ, мёртвымъ... ужасно!... Для трупа объятія живаго существа тò же, что̀ для живаго существа объятія трупа... Когда мы не связаны съ существомъ, на любовь котораго не можемъ отвѣчать, мы уважаемъ его, сострадаемъ ему, плачемъ и молимся о немъ; но когда мы связаны съ нимъ неразрывными узами брака и его страстная любовь вызываетъ нашу, которой въ насъ нѣтъ, мы отвѣчаемъ ему на нее ненавистію... Что̀ же тутъ дѣлать?... Иногда подобныя трагическія столкновенія разрѣшаются просто, во вкусѣ мѣщанской драмы: красавица пострадаетъ, а потомъ допуститъ утѣшить себя другому, который заставитъ ее забыть горе для радости; но что̀, ежели въ то время, какъ онъ борется съ собою и носитъ въ душѣ своей адъ, въ самомъ разгарѣ этой безвыходной борьбы, до слуха его дойдетъ страшная вѣсть, что она умерла, благословляя его, и его имя было ея послѣднимъ словомъ?... Неужели послѣ этого для него возможно счастіе на землѣ? А если и возможно, неужели на немъ не будетъ какого-то мрачнаго оттѣнка? Не уже ли въ часы упоенія любви, изъ-за того юнаго, прекраснаго и полнаго жизни существа, которое такъ роскошно осѣнило лицо его волнами длинныхъ локоновъ, ему не будетъ иногда являться какой-то блѣдный, страдальческій призракъ, съ любовію въ очахъ, съ благословеніемъ на устахъ?... Изъ той же возможности могла родиться и другая дѣйствительность: онъ могъ, идя по улицѣ, увидѣть толпу народа около какого-то трупа женщины, сейчасъ вытащеннаго изъ рѣки... Страшно!... Человѣ-

ческая природа содрогается передъ такимъ бѣдствіемъ... Что же значитъ это бѣдствіе? Вѣдь онъ могъ не признать трупа, могъ пройдти мимо, не боясь мщенія закона?... Нѣтъ, есть другой законъ, еще ужаснѣе закона гражданскаго, законъ *внутренній*, въ немъ-самомъ пребывающій, законъ *нравственности*,—и этотъ-то законъ караетъ его. Бывали примѣры, что преступники, убійцы являлись въ судъ и признавались въ преступленіяхъ, давно-совершенныхъ, давно-забытыхъ, въ которыхъ ихъ и тогда никто не подозрѣвалъ, и, какъ обличенія своихъ страданій, просили казни. Видите ли, какой страшный законъ, этотъ нравственный законъ, [illegible]акъ страшно его наказаніе: самая казнь, въ-сравненіи съ нимъ, [illegible] облегченіе, милость!.. Но, повторяемъ, онъ не для всѣхъ су[illegible]ствуетъ, потому-что онъ въ духѣ человѣка, а не внѣ его, и въ [illegible]лько глубокомъ и могучемъ... Обратимся къ нашей ис[illegible] Она могла бы кончиться и не такъ эффектно, но не менѣе [illegible]о. Молодой человѣкъ могъ бы рѣшиться пожертвовать собою для изкупленія своей вины,—страшная рѣшимость! Но что, если бы онъ услышалъ такой отвѣтъ на свое великодушное предложеніе: «я хочу любви, а не жертвы; я лучше умру, нежели быть въ тягость тому, кого люблю»?.. Вотъ тутъ уже совершенно нѣтъ выхода изъ двухъ крайностей: и себя погубилъ и ее погубилъ... А между-тѣмъ, эта погибель совсѣмъ не внѣшняя, не случайная, но есть осуществленіе возможности, которую онъ же самъ родилъ своимъ поступкомъ. Мы выше сказали, что дѣло точно такъ же могло кончиться очень-хорошо для обѣихъ сторонъ, какъ кончилось худо: изъ этого видно, что сущность дѣла не въ *совершеніи*, а въ *возможности совершенія*. Проступокъ оскорблялъ нравственный законъ; слѣдовательно, необходимо условливалъ возможность наказанія, хотя оно могло бы и миновать. Итакъ, въ «возможности» лежитъ внутренняя, дѣйствительная сторона событія, потому-что только внутреннее дѣйствительно, и только дѣйствительное велико. Отсюда важность и трагическое величіе осуществленія нравственнаго закона. Кончись эта исторія хорошо—и молодой человѣкъ счастливъ, и никто бы не осудилъ его, кончилось оно дурно — и всѣ голоса противъ него....

Но есть люди, которыхъ совѣсть сговорчивѣе, которые боятся суда уголовнаго, но не боятся суда духовнаго....

Главное и существенное различіе *нравственности* отъ *моральности* состоитъ въ томъ, что первая есть законъ разума, въ таинственной глубинѣ духа пребывающій, а послѣдняя всегда бываетъ

разсудочнымъ понятіемъ о нравственности же, но только людей неглубокихъ, внѣшнихъ, неносящихъ въ нѣдрахъ своего духа закона нравственности, а между-тѣмъ чувствующихъ его необходимость. По-этому, нравственность есть понятіе обще-міровое, непреходящее, безусловное (абсолютное), а моральность часто бываетъ понятіемъ условнымъ, измѣняющимся. Было время, когда воинъ, пролившій за отечество лучшую часть своей крови, покрытый ранами и честными знаками отличій, обнаружилъ бы себя въ глазахъ общества безчестнымъ человѣкомъ, еслибы отказался отъ дуэли съ какимъ - нибудь мальчишкою - негодяемъ и особенно, еслибы, по христіанскому чувству, простилъ [illegible] оскорбленіе. И такъ думали во имя нравственности, кото[illegible] по счастію, очень - удачно замѣнили французскимъ слов[illegible] moralité!... Моральность относится къ низшей или п[illegible] ской сторонѣ жизни, равно - какъ и вытекающее изъ не[illegible] тіе о чести; но тѣмъ не менѣе и она есть истина, когда не противорѣчитъ нравственности, — и кто нравственъ, тотъ необходимо и моралёнъ и честенъ, но не на-оборотъ, ибо иногда самые моральные, и честные, и благородные, въ силу общественнаго мнѣнія, люди, бываютъ самыми безнравственными людьми.

Тѣ, которые смотрятъ на искусство съ нравственной точки зрѣнія, обыкновенно смѣшиваютъ нравственность съ моральностію, а какъ моральныя понятія зависятъ отъ ограниченной личности и случайнаго произвола каждаго, то каждый и судитъ по-своему о произведеніяхъ искусства, требуя отъ нихъ то того, то другаго, но никогда не требуя именно того, чего должно отъ нихъ требовать. Изключительность и односторонность господствуютъ въ этомъ взглядѣ. Чего не понимаетъ господинъ моралистъ, или господинъ резонёръ, то и объявляетъ безнравственнымъ. Эти моралисты-резонёры хотятъ видѣть въ искусствѣ не зеркало дѣйствительности, а какой-то идеальный, никогда-несуществовавшій міръ, чуждый всякой возможности, всякаго зла, всякихъ страстей, всякой борьбы, но полный усыпительнаго блаженства и резонёрскаго нравоученія; требуютъ не живыхъ людей и характеровъ, а ходячихъ аллегорій съ ярлычками на лбу, на которыхъ было бы написано: умѣренность, аккуратность, скромность и. т. п. Въ-слѣдствіе такого прекраснаго взгляда на сущность жизни, романъ, поэма, драма непремѣнно должны кончиться счастливо для «добродѣтельныхъ», дабы всѣ видѣли, что «добродѣтель награждается», и несчастно для порочныхъ, дабы всѣ видѣли, что «порокъ наказывается». Близору-

кіе и косые, они не понимаютъ, что добродѣтель всегда награждается и зло всегда наказывается, но только *внутренно;* а *внѣшнимъ образомъ* торжество чаще остается за зломъ, нежели за добромъ. Они не понимаютъ, что добро есть лучшая награда за добро, и зло жесточайшее наказаніе за зло. Въ душѣ человѣка и его небо и его адъ. Прочтите, на-пр., высоко-художественное созданіе Вальтера Скотта «Ламмермурскую Невѣсту» — эту великую трагедію, достойную генія самаго Шекспира, эту высоко-поразительную картину, въ формѣ романа, осуществившую трагическую борьбу, разрѣшившуюся въ торжество нравственнаго закона. Мать губитъ [illegible]ственную дочь для удовлетворенія своей суетности и грѣхов[illegible]ъ побужденій холодной и изкаженной души; обманомъ и хи[illegible]стію разрываетъ она святой духовный союзъ юнаго дѣвственнаго [illegible]ва съ избраннымъ ея сердца, съ родною ей душою. Бѣдную, [illegible]ю дѣвушку увѣрили, что милый измѣнилъ ей, что жданный и желанный не придетъ уже къ ней, и указали безотвѣтной жертвѣ на чуждаго ей человѣка, какъ на жениха, а молчаніе ея умышленно приняли за согласіе. И вотъ коварство и злоба возторжествовали: брачный контрактъ уже подписанъ безотвѣтною жертвою, священникъ уже тутъ, а милый сердца далеко, далеко, за синимъ моремъ, на чужой землѣ, подъ чуждымъ небомъ ... Резонёры готовы вопіять противъ поэта, говоря, что онъ сдѣлалъ зло сильнымъ и торжествующимъ, а добро немощнымъ и погибающимъ ... Но вотъ раздается на дворѣ замка топотъ коня — и въ залу входитъ человѣкъ, закрытый плащомъ и шляпою... Вотъ онъ открываетъ лицо — и мать въ бѣшенствѣ бросается къ нему съ вопросомъ: какъ онъ осмѣлился нанести ихъ дому это новое оскорбленіе?... Видите ли: зло покарало зло — нравственный законъ осуществился; коварство, такъ глубоко обдуманное, такъ легко и непредвидѣнно разрушилось... Братъ Люсіи вызываетъ его на дуэль, женихъ тоже; онъ не отказывается, но спокойно проситъ у матери позволенія объясниться съ дочерью... «Ваша ли рука это, Люсія? безъ принужденія ли вы подписали этотъ контрактъ?,—Люсія блѣднѣетъ и умирающимъ голосомъ отвѣчаетъ: «Безъ принужденія»... Отъ-чего же она поблѣднѣла? Отъ-того, что и на ней совершилось осуществленіе нравственнаго закона, и она наказана за вину собственною виною, ибо въ миломъ сердца своего увидѣла своего грознаго судію. Она не имѣла права подписывать контракта и нести чуждому ей человѣку холодную душу, мертвое сердце, блѣдное лицо и потухшія очи, ибо и церковь,

освящающая своимъ благословенiемъ союзъ сердецъ, изрекаетъ его только на условiи свободнаго выбора сердца; повиновенiе волѣ родительской не есть причина для нарушенiя воли Божiей: Богъ выше родителей!... «Такъ возвратите же мнѣ половину моего кольца, Люсiя»... Она тщетно силилась дрожащею рукою вынуть шнурокъ, на которомъ хранилось на груди кольцо; мать помогаетъ ей и Равенсвудъ бросаетъ обѣ половинки переломленнаго кольца въ каминъ и тихо выходитъ... Долго ѣхалъ онъ шагомъ, но лишь исчезъ изъ глазъ смотрѣвшихъ на него враговъ, какъ молнiею помчался на своемъ конѣ. Леди Астонъ снова восторжествовала; вотъ конченъ и обрядъ; вотъ тянется отъ церкви къ замку блестя[illegible] поѣздъ, и три вѣдьмы, три нищiя толкуютъ между собою о[illegible] бытiи, а одна пророчитъ близкiя похороны. Вотъ начался и б[illegible] онъ уже во всемъ разгарѣ; но вдругъ въ спальнѣ новобр[illegible] раздается вопль... выламываютъ дверь: новобрачный леж[illegible] постели съ перерѣзаннымъ горломъ, а сумасшедшую новобрачную едва нашли въ каминѣ, и черезъ два дня новый поѣздъ отъ замка къ церкви, и отъ церкви къ замку... Поздравляемъ васъ, гордая и благородная леди Астонъ! вы побѣдили, вы торжествуете, вы поставили на своемъ; вы даже пережили и мужа, и всѣхъ дѣтей, и того, кто одинъ могъ сдѣлать счастливою дочь вашу, вы остались однѣ въ цѣломъ свѣтѣ, какъ надгробный памятникъ нѣсколькихъ вырытыхъ вами могилъ; говорятъ, что вы держали себя все такою же гордою, такою же непреклонною, какъ и прежде, что никто не слышалъ отъ васъ ни стона, ни жалобы, ни раскаянiя; но къ этому прибавляютъ, что на вашемъ благородномъ и гордомъ лицѣ читали что-то другое, нежели что хотѣли вы показать, и что ваше присутствiе оледеняло улыбку на лицѣ младенца, умерщвляло всякую радость, всякое чувство человѣческое, и оцѣпеняло души людей, какъ появленiе мертвеца или страшнаго призрака... И вотъ въ чемъ торжество нравственности, а не въ счастливой развязкѣ!.. Поэту нужно было *показать,* а не *доказать,*—въ искусствѣ что *показано,* то уже и *доказано.* Поэту не нужно было излагать своего мнѣнiя, которое читатель и безъ того *чувствуетъ* въ себѣ по впечатлѣнiю, которое произвелъ на него разсказъ поэта. Моральныя сентенцiи и нравоученiя со стороны поэта только ослабили бы силу впечатлѣнiя, которое одно тутъ и нужно и дѣйствительно. Да! въ дѣйствительности зло часто торжествуетъ надъ добромъ, но вѣчная Любовь никогда не оставляетъ чадъ своихъ: когда страданiе переполняетъ чашу ихъ терпѣ-

является успокоительный ангелъ смерти, и братскимъ цуемъ освобождаетъ «добрыхъ» отъ бурной жизни, и кротрукою смежаетъ ихъ очи, и мы читаемъ на просіявшемъ страдальцевъ тихую улыбку, какъ-будто уста ихъ, договая свою теплую молитву прощенія врагамъ, привѣтствуютотъ новый міръ блаженства, предощущеніе котораго они всеосили въ себѣ... И надъ ихъ могилою совершается торжество иренія: человѣчество благословляетъ ихъ память, и повѣстію ь страданіяхъ не возмущается противъ жизни, а мирится съ въ умиленномъ сердцѣ, и укрѣпляется въ силѣ великодушно ться съ бурями бѣдствій... А злые? Страшно ихъ торжество, ько безсмысленные могутъ завидовать ему... Но резонёры гоъ свое—ихъ ничѣмъ не увѣришь, потому-что они чужды духа уждъ ихъ; они понимаютъ одно внѣшнее и безсильны завъ таинственную лабораторію чувствъ и ощущеній; они ы любить добро, но за вѣрную мзду въ здѣшней жизни, и земными благами. Они громче всѣхъ кричатъ о Богѣ,—но побуй отъ нихъ Богъ жертвы, пошли на нихъ тяжелое испыта—они перейдутъ на сторону Ваала и поклонятся до земли тельзлатому...

Все, что есть, то необходимо, разумно и дѣйствительно. Посмоите на природу, приникните съ любовію къ ея материнской гру, прислушайтесь къ біенію ея сердца—и увидите въ ея безконечмъ разнообразіи удивительное единство, въ ея безконечномъ отиворѣчіи удивительную гармонію. Кто можетъ найдти хоть ну погрѣшность, хоть одинъ недостатокъ въ твореніи предвѣчто Художника? Кто можетъ сказать, что вотъ эта былинка нежна, это животное лишнее? Если же міръ природы, столь разнообразный, столь, по-видимому, противорѣчивый, такъ разумнодѣйствителенъ, то не уже ли высшій его—міръ исторіи есть не такое же разумно-дѣйствительное развитіе божественной идеи, а какая-то безсвязная сказка, полная случайныхъ и противорѣчащихъ столкновеній между обстоятельствами?... И однакожь, есть люди, которые твердо убѣждены, что все идетъ въ мірѣ не такъ, какъ должно. Мы выше сего указывали на этихъ людей, представителемъ которыхъ можетъ служить Менцель. Отъ-чего они заблуждаются? Отъ-того, что свою ограниченную личность противопоставляютъ личности Божіей; отъ-того, что безконечное царство духа мѣряютъ маленькимъ масштабомъ своихъ моральныхъ положеній, которыя они ошибочно принимаютъ за нравственныя. По-

смотрите, какъ они судятъ историческія лица: забывая въ нихъ
историческихъ дѣятелей, представителей человѣчества, они впи
ваются, подобно піявкамъ, въ ихъ частную жизнь, и ею силятс
опровергнуть ихъ историческое величіе. Какое имъ дѣло до лич
наго характера какого-нибудь Талейрана? можетъ-быть, этого че
ловѣка и во многомъ осудитъ его духовникъ — единственны
призванный и признанный судія его совѣсти; но они-то, эт
моральные-то люди, развѣ они сами свободны отъ этого суда?.
Не лучше ли имъ было бы судить Талейрана какъ государстве
наго человѣка, по мѣрѣ его вліянія на судьбу Франціи, оставив
частнаго человѣка, неимѣющаго права на мѣсто въ исторіи? У
вительно ли послѣ этого, что исторія у нихъ является то
сшедшимъ, то смирительнымъ домомъ, то темницею, наполненно
преступниками, а не пантеономъ славы и безсмертія,
ликовъ-представителей человѣчества, выполнителей судеб
ихъ. Хороша исторія!... Такіе *кривые* взгляды, иногда выдаваемы
за *высшіе,* происходятъ отъ разсудочнаго пониманія дѣйствитель
ности, необходимо соединеннаго съ отвлеченностію и одностороі
ностію. Разсудокъ умѣетъ только отвлекать идею отъ явленія
видѣть одну какую-нибудь сторону предмета; только разумъ по
стигаетъ идею нераздѣльно съ явленіемъ и явленіе нераздѣльн
съ идеею, и схватываетъ предметъ со всѣхъ его сторонъ, повидимо
му одна другой противорѣчащихъ и другъ съ другомъ несовмѣ
стныхъ,—схватываетъ его во всей его полнотѣ и цѣльности. И по
тому разумъ не создаетъ дѣйствительности, а сознаетъ ее, пред
варительно взявъ за аксіому, что все, что есть, все то и необхо
димо, и законно, и разумно. Онъ не говоритъ, что такой-то народ
хорошъ, а всѣ другіе, непохожіе на него, дурны, что такая-т
эпоха въ исторіи народа или человѣка хороша, а такая-то дурна
но для него всѣ народы и всѣ эпохи равно велики и важны, как
выраженія абсолютной идеи, діалектически въ нихъ развивающей
ся. Для него возникновеніе и паденіе царствъ и народовъ не сл
чайно, а внутренно-необходимо, и самая эпоха римскаго разврат
есть не предметъ осужденія, а предметъ изслѣдованія. Онъ не ск
жетъ съ какимъ-нибудь Вольтеромъ, что крестовые походы бы
плодомъ невѣжества и предпріятіемъ нелѣпымъ и смѣшнымъ, н
увидитъ въ нихъ разумно-необходимое, великое и поэтическое с
бытіе, совершившееся въ свою пору и свое время, и выразивш
моментъ юности человѣчества, какъ всякой юности, исполненно
благородныхъ порывовъ, безкорыстныхъ стремленій и идеальн

цательности. Также точно смотритъ разумъ и на всѣ явленія дѣйствительности, видя въ нихъ необходимыя явленія духа. Блаженство и радость, страданіе и отчаяніе, вѣра и сомнѣніе, дѣятельность и бездѣйствіе, побѣда и паденіе, борьба, раздоръ и примиреніе, торжество страстей и торжество духа, самыя преступленія, какъ бы они ни были ужасны, все это для него явленія одной и той же дѣйствительности, выражающія необходимые моменты духа, или уклоненія его отъ нормальности, въ-слѣдствіе внутреннихъ и внѣшнихъ причинъ. Но разумъ не остается только въ этомъ объективномъ безпристрастіи; признавая всѣ явленія духа равно необходимыми, онъ видитъ въ нихъ безполезную лѣстницу, не лежащую горизонтально, а стоящую перпендикулярно, отъ земли къ небу, и въ которой ступени прогрессивно возвышаются одна надъ другою.

Искусство есть возпроизведеніе дѣйствительности; слѣдовательно, его задача не поправлять и не прикрашивать жизнь, а показывать ее такъ, какъ она есть въ самомъ дѣлѣ. Только при этомъ условіи поэзія и нравственность тождественны. Произведенія неистовой французской литературы не потому безнравственны, что представляютъ отвратительныя картины прелюбодѣянія, кровосмѣшенія, отцеубійства и сыноубійства; но потому-что они съ особенною любовію останавливаются на этихъ картинахъ и, отвлекая отъ полноты и цѣлости жизни только эти ся стороны, дѣйствительно ей принадлежащія, исключительно выбираютъ ихъ. Но такъ-какъ въ этомъ выборѣ, уже ложномъ по своей односторонности, литературные санкюлоты руководствуются не требованіями искусства, которое само для себя существуетъ, а для подтвержденія своихъ личныхъ убѣжденій, то ихъ изображенія и не имѣютъ никакого достоинства вѣроятности и истины, тѣмъ болѣе, что они съ умысломъ клевещутъ на человѣческое сердце. И въ Шекспирѣ есть тѣ же стороны жизни, за которыя неистовая литература такъ исключительно хватается, но въ немъ онѣ не оскорбляютъ ни эстетическаго, ни нравственнаго чувства, потому-что, вмѣстѣ съ ними, у него являются и противоположныя имъ, а главное, потому-что онъ не думаетъ ничего развивать и доказывать, а изображаетъ жизнь, какъ она есть.

Искусство издавна навлекало на себя нападки и ненависть моралистовъ, этихъ вампировъ, которые мертвятъ жизнь холодомъ своего прикосновенія и силятся заковать ея безконечность въ тѣсныя рамки и клѣточки своихъ *разсудочныхъ*, а не *разумныхъ*

опредѣленій. Но изъ всѣхъ поэтовъ, Гёте наиболѣе возбуждалъ ихъ ожесточеніе. Геній и безнравственность — его неотъемлемыя качества въ ихъ глазахъ. Въ Менцелѣ эта моральная точка зрѣнія на искусство нашла полнѣйшаго своего выразителя и представителя. Причина очевидна: Гёте былъ духъ во всемъ жившій и все въ себѣ ощущавшій своимъ поэтическимъ ясновидѣніемъ, слѣдовательно — неспособный предаться никакой односторонности, ни пристать ни къ какому исключительному ученію, системѣ, партіи. Онъ многостороненъ, какъ природа, которой такъ страстно сочувствовалъ, которую такъ горячо любилъ и которую такъ глубоко понималъ онъ. Въ-само[illegible] дѣлѣ, посмотрите, какъ природа противорѣчива, а слѣдовате[illegible]о и безнравственна, по воззрѣнію резонёровъ: у полюсовъ она дышитъ хладомъ и смертію зимы, а подъ экваторомъ сожига[illegible]знурительною теплотою; на сѣверѣ она скупа на свои да[illegible]ставляетъ человѣка все брать трудомъ, кровавымъ потомъ и [illegible]чною борьбой съ собою, а на югѣ щедра дарами, но богата и смертоносными заразами, ядовитыми гадами и свирѣпыми звѣрями; въ срединѣ Африки она разметнулась безбрежною степью — цѣлымъ океаномъ песка, гибельнаго для путешественниковъ, а въ Голландіи явилась топкимъ болотомъ... Слѣдовательно, въ одномъ мѣстѣ она говоритъ одно, а въ другомъ утверждаетъ совсѣмъ-противное; какая, право, безнравственная! Таковъ и Гёте — ея вѣрное зеркало. Во дни своей кипучей юности, обвѣянный духомъ художественной древности и обаянный роскошью природы и жизни поэтической Италіи, онъ писалъ «Римскія элегіи», этотъ дивный апотеозъ древней жизни и древняго искусства, и въ то же время воскресилъ въ своемъ «Гёцѣ» жизнь рыцарской Германіи, свелъ съ ума всю Европу повѣстію о «Страданіяхъ Вертера» и создалъ въ «Вильгельмѣ Мейстерѣ» апотеозъ человѣка, который ничего полезнаго не дѣлаетъ на бѣломъ свѣтѣ, и живетъ только для-того, чтобы наслаждаться жизнію и искусствомъ, любить, страдать и мыслить. Потомъ, въ лѣта болѣе зрѣлыя, онъ въ «Прометеѣ» возпроизвелъ художнически моментъ возстанія сознающаго духа противъ непосредственности на-вѣру-призванныхъ положеній и авторитетовъ, а въ «Фаустѣ» — жизнь субъективнаго духа, стремящагося къ примиренію съ разумною дѣйствительностію путемъ сомнѣнія, страданій, борьбы, отрицаній, паденія и возстанія, но подлѣ него помѣстилъ Маргариту, идеалъ женственной любви и преданности, покорную и безропотную жертву страда-

нія, смерть которой была для нея спасеніемъ и искупленіемъ ея вины, въ христіанскомъ значеніи этого слова... Уловить Гёте въ какое-нибудь коротенькое опредѣленіе трудновато и не для Менцеля, Менцель и осердился на него и назвалъ его чѣмъ-то въ родѣ безнравственной безличности. Нашлось много людей, которые, въ простотѣ ума и сердца, воскликнули:

Ай, моська! знать она сильна,
Коль лаетъ на слона!

и промѣняли слона на моську...

Чтобы унизить Гёте, Менцель противопоставляетъ ему Шилле-ра, не какъ художника, а какъ человѣка «отличнѣйшаго поведенія». [illegible] *поздоровится отъ этакихъ похвалъ!..* Чтобы сдѣлать Гёте образцомъ безнравственности, Менцель призналъ въ Шиллерѣ о[illegible] нравственности. И Шиллеръ въ-самомъ-дѣлѣ былъ духъ [illegible]же великій, сколько и нравственный: величіе и нравственность нераздѣльны, какъ теплота и свѣтъ въ огнѣ. Кто грѣшилъ противъ нравственности, стремясь къ нравственности — тотъ нравственнѣе того, который родился и умеръ нравственнымъ; точно также, кто заблуждался въ истинѣ, стремясь къ истинѣ, больше любитъ истину, нежели тотъ, который родился и умеръ правымъ противъ нея. Какъ благородные порывы пламенной, неистощимой любви къ человѣчеству, первыя произведенія Шиллера, каковы: «Разбойники», «Коварство и Любовь», нравственны; но въ-отношеніи къ безусловной истинѣ и высшей нравственности, они рѣшительно-безнравственны. Въ нихъ онъ хотѣлъ осуществить вѣчныя истины,—и осуществилъ свои личныя и ограниченныя убѣжденія, отъ которыхъ потомъ самъ отказался. Такъ-какъ онъ въ нихъ задалъ себѣ задачу и назначилъ цѣль внѣ искусства, то изъ нихъ и вышли поэтическіе недоноски и уроды, явленія совершенно-ничтожныя въ области искусства, хотя и великія въ сферѣ феноменологіи духа. Истинно-художественное произведеніе возвышаетъ и расширяетъ духъ человѣка до созерцанія безконечнаго, примиряетъ его съ дѣйствительностью, а не возстановляютъ противъ нея,—и укрѣпляетъ его на великодушную борьбу съ невзгодами и бурями жизни. Искусство достигаетъ этого тогда только, когда въ частныхъ явленіяхъ показываетъ общее и разумно-необходимое, и когда представляетъ ихъ въ объективной полнотѣ, цѣлости и оконченности, замкнутыми въ-самихъ-себѣ. Если въ трагедіи гибель и смерть ея героевъ явилась какъ внутренняя необходимость изъ ихъ характеровъ и дѣйствій, какъ раз-

рѣшеніе ими же произведенной дизгармоніи въ гармонической сферѣ духа, для осуществленія нравственнаго закона, — мы примиряемся съ нею, и умиленною душою предаемся тихой и глубокой думѣ о поразительномъ урокѣ; но когда гибель и смерть героевъ трагедіи является въ-слѣдствіе страсти поэта къ ужаснымъ и поражающимъ эффектамъ, какъ у какого-нибудь Гюгò или по другой. внѣшней, случайной, а, слѣдовательно, и безсмысленной причинѣ, — это возбуждаетъ въ насъ отвращеніе и омерзѣніе, какъ зрѣлище казни или пытки. Такъ точно и страданія субъективнаго духа могутъ быть предметомъ искусства, а слѣдовательно и не оскорблять нравственности, если они изображены объективно, просвѣтлены мыслію, свидѣтельствующею о разумной необходимости ихъ явленія. Но когда они суть вопли самого поэта, то и не могутъ быть художественны, ибо кто вопи[illegible]ъ страданія, тотъ невыше своего страданія, — слѣдовательн[illegible] можетъ видѣть его разумной необходимости, но видитъ въ немъ случайность, а всякая случайность оскорбляетъ духъ и приводитъ его въ раздоръ съ самимъ-собою, слѣдовательно, и не можетъ быть предметомъ искусства. Гёте, въ своемъ «Вертерѣ», по собственному признанію, выразилъ моментальное состояніе своего духа; тяжко страдавшаго; «Вертеромъ», по собственному же его признанію, онъ и вышелъ изъ своего мучительнаго состоянія. И вотъ истинная причина, почему чтеніе «Вертера» производитъ на душу то же тяжкое, дизгармоническое впечатлѣніе, не услаждая, а только терзая ее; вотъ почему «Вертеръ» и представляется чѣмъ-то неполнымъ, какъ-бы неоконченнымъ. Это не художественное произведеніе, а рѣжущій, скрипучій диссонансъ духа. По-этому, если онъ не есть безнравственное произведеніе, то и нисколько не есть нравственное произведеніе; Гёте измѣнилъ въ немъ самому-себѣ, явился невѣрнымъ своей художнической натурѣ. Но кто же поставитъ ему въ вину то, что онъ на минуту не понялъ самого-себя и изъ *художника* явился *человѣкомъ*?.. И не уже ли одинъ неудачный опытъ можетъ затьмить такую богатую и обширную художническую дѣятельность?..

Никакой человѣкъ въ мірѣ не родится готовымъ, т. е. вполнѣ сформировавшимся; но вся жизнь его есть нечто иное, какъ безпрерывно-движущееся развитіе, безпрестанное формированіе. Истина не дается ему вдругъ: чтобы достичь ея, онъ будетъ сомнѣваться, впадать въ ложь и противорѣчіе, страдать и падать. *Дорого да мило, дешево да гнило!* говоритъ мудрая русская посло-

вица. Чѣмъ глубже натура человѣка, тѣмъ глубже и его паденіе и его заблужденіе, его противорѣчія и отрицанія, тѣмъ рѣзче его переходы отъ одного убѣжденія къ другому. Но есть люди, какъ-бы родящіеся съ готовыми понятіями, люди, которые въ старости думаютъ и понимаютъ точно такъ же, какъ думали и понимали въ дѣтствѣ. Это натуры бѣдныя и жалкія, равнодушныя къ истинѣ и чуждыя всякаго духовнаго движенія, умы мелкіе и ограниченные. Вотъ отъ этихъ-то «духовно-малолѣтныхъ» вы всегда и слышете забавно-самолюбивое возраженіе: «кàкъ, не вы ли тогда-то думали совершенно иначе, а теперь говорите совсѣмъ другое?—стало-быть, вы ошибаетесь». Къ такимъ-то натурамъ принадлежитъ и Менцель: онъ родился совершенно-готовымъ, и въ одномъ мѣстѣ своей книги съ препотѣшною гордостію ставитъ себѣ въ великую [illegible]слугу, что никогда не измѣнялъ своихъ убѣжденій. Для поэ[illegible]ой ходъ въ движеніи истины, чѣмъ для людей обыкновенны[illegible]: безъ борьбы и противорѣчій, руководимый полнотою своей ясновидящей натуры, переходитъ онъ съ лѣтами отъ низшихъ явленій жизни къ высшимъ, отъ «Руслана и Людмилы» доходитъ до «Бориса Годунова» или «Каменнаго Гостя». Менцель этого не понимаетъ,—и, посмотрите, кàкъ разтолковано это дивно-поэтическое признаніе великаго художника:

Die Feinde, sie bedrohen dich,
Das mehrt von Tag zu Tage sich,
Wie dir doch gar nicht graut!
Das seh ich alles unbewegt,
Sie zerren an der Schlangenhaut
Die jüngst ich abgelegt;
Und ist die nächste reif genug,
Abstreif'ich die sogleich
Und wandle neu belebt und jung
Im frischen Götterreich.

Тебѣ грозятъ твои враги, и съ каждымъ днемъ число ихъ увеличивается. Кàкъ ты не боишься! Я смотрю на все это хладнокровно; они терзаютъ ту кожу, которую я недавно сбросилъ съ себя; коль скоро замѣнившая ее достаточно созрѣетъ—я и эту сброшу немедленно; обновленный, помолодѣвъ опять, являюсь въ вѣчно-цвѣтущемъ царствѣ боговъ.

Менцель это объясняетъ тѣмъ, что для Гёте не было ничего святаго и завѣтнаго, что онъ всѣмъ забавлялся... Угадалъ!...

Менцель, впрочемъ, не до конца прогнѣвался на Гёте: онъ не отнимаетъ у него огромнаго таланта—внѣшней поэтической формы безъ всякаго содержанія... О, почтенный нѣмецкій филистеръ!

какъ пристала бы къ нему мандаринская шапка съ тремя желтенькими шариками, при его собственныхъ ушахъ!... Чтобъ быть критикомъ, надо родиться критикомъ, надо получить отъ природы обширное и глубокое созерцаніе, или внутреннее ясновидѣніе всего, что̀ составляетъ содержаніе искусства; надо получить инстинктъ и тактъ для пониманія изящнаго. Мы не можемъ понимать и знать ничего такого, что̀ не лежитъ, какъ возможность, въ сокровенныхъ тайникахъ нашего духа. Наука развиваетъ только данное намъ природою, и внѣ себя мы только узнаемъ находящееся въ насъ. Нѣсколько друзей пошло̀ въ картинную галлерею, и всѣ остановились передъ «Мадонною» Рафаэля, какъ вдругъ одинъ вскричалъ съ возхищеніемъ: «славная рама! я думаю, рублей пятьсотъ сто̀итъ!» Разтолкуйте же ему, что какъ-бы ни хороша была эта рама, хотя бы она стоила мильйоновъ, хотя бъ была сдѣлана изъ цѣльнаго алмаза—и тогда была бы грошовою [illegible]ю въ-сравненіи съ картиною, которая въ нее вставлена... Разтолкуйте Менцелю, или *менцелямъ,* что, какъ въ природѣ, такъ и въ искусствѣ, нѣтъ прекрасныхъ формъ безъ прекраснаго содержанія, т. е. мысли, которая есть духъ жизни, ставшій въ нихъ видимою, очевидною дѣйствительностію, и что ей-то и одолжены эти прекрасныя формы и своею обаятельною красотою, и своею вѣчно-юною жизнію, и своимъ неотразимымъ и сладостнымъ могуществомъ надъ душою людей!...

В. Бѣлинскій.

III.

СЛОВЕСНОСТЬ.

А. Д. Б.....СКОЙ.

Когда-то, помню съ умиленьемъ,
Я смѣлъ васъ няньчить съ восхищеньемъ,
Вы были дивное дитя.
Вы разцвѣли: съ благоговѣньемъ
Вамъ нынѣ поклоняюсь я.
За вами сердцемъ и глазами
Съ невольнымъ трепетомъ ношусь,
И вашей славою, и вами,
Какъ нянька старая, горжусь.

А. ПУШКИНЪ.

ВѢРНОЕ ЛЕКАРСТВО.

(Посв. П. С. Лебедянцеву.)

Воображеніе есть пружина, управляющая нашими дѣйствіями.

Новѣйшія Россійскія Прописи.

=

«Сначала мы вамъ пропишемъ легонькую микстурку; вы ее примете завтра утромъ. А до того прикажите сейчасъ же пустить изъ лѣвой руки фунта два крови, поставьте на затылокъ семь піявокъ и положите во всю спину гумозный пластырь; а потомъ...»

— Помилуйте, докторъ! Стоютъ ли мозоли, чтобъ такъ себя мучить?

«Зачѣмъ же прибѣгать къ помощи врача, если, по-вашему, это бездѣлица?»

— Бездѣлица; но меня они безпокоятъ, болятъ нестерпимо!

«То-то болятъ. Всякую болѣзнь должно лѣчить радикально. Смѣшонъ человѣкъ, который ощипалъ на растеніи засохшіе листочки и воображаетъ, что оно здорово, когда корень растенія точитъ червь. Убейте червя—и листья перестанутъ желтѣть. Такъ и ваши мозоли—надобно отъискать причину зла.»

— Я думаю, тѣсные сапоги.

«Да, вамъ такъ кажется, вѣрю. Но, соображая... А! мое почтеніе!»

И докторъ, оставя меня, кинулся къ какому-то вошедшему человѣку. Незнакомецъ на всѣ поклоны доктора довольно-холодно кивнулъ головою и протянулъ ему указательный палецъ, который докторъ пожалъ весьма-выразительно.

Согласитесь, мой добрый читатель, что нельзя вообразить ничего худощавѣе кулика въ апрѣлѣ мѣсяцѣ: сквозь перья этой бѣдной птицы можно пересчитать ея косточки; длинная шея, какъ

увядшій цвѣточный стебелекъ, гнется подъ тяжестію треугольной головки съ безконечнымъ носомъ; тоненькія ножки, точно соломенки, какъ-то нетвердо, шатко поддерживаютъ это созданіе, когда оно, оставя гнѣздо свое, станетъ гордо прохаживаться на тѣнистомъ берегу рѣчки. Кажется, подуетъ вѣтерокъ и унесетъ его какъ сухую вѣточку.

Худъ куликъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, но вошедшій посѣтитель, смѣю васъ увѣрить, былъ хуже всѣхъ возможныхъ куликовъ стараго и новаго свѣта. Платье на немъ сидѣло будто на палкѣ; кожа на лицѣ была желтовата, какъ пергаментъ въ старинныхъ грамотахъ, и немного сквозилась, какъ на сахарныхъ статуйкахъ. Онъ посмотрѣлъ на меня подозрительно и бросилъ на доктора вопрошающій взглядъ.

«Извините» сказалъ докторъ, подойдя ко мнѣ: «я васъ оставлю нѣсколько минутъ; мнѣ нужно переговорить съ барономъ. А тамъ мы бросимъ раціональный взглядъ на болѣзнь вашу.»

Я поклонился. Докторъ съ сухопарымъ барономъ вышли въ другую комнату.

Скучно сидѣть и дожидаться чего-нибудь одному въ комнатѣ. Въ передней ли, въ будуарѣ ли, въ комнатѣ ли, все равно, скука нестерпимая. Я скучалъ, а дѣлать нечего; надобно подождать, по-крайней-мѣрѣ узнаю, какъ раціонально и радикально лечатъ мозоли . . .

Въ кабинетѣ доктора царствовалъ какой-то полумракъ, вѣроятно отъ кенкета съ матовымъ колпакомъ; письменный столъ былъ заваленъ книгами и бумагами; въ углу стояла электрическая машина и водородное огниво; передъ столомъ широкое кресло. Я подошелъ къ столу и взялъ книгу—«Леченіе горячею водою», другую—«Леченіе холодною водою», третью—о пользѣ гомеопатіи, четвертую—о вредѣ гомеопатіи. Подлѣ книги о вредѣ гомеопатіи лежала тетрадь, писанная бойкимъ, четкимъ почеркомъ. Отъ нечего дѣлать я началъ ее перелистывать; далѣе почеркъ письма все дѣлался хуже, связнѣе, неразборчивѣе, хотя и крупнѣе; черезъ нѣсколько страницъ уже было писано по одной линѣйкѣ; еще далѣе по двумъ, самымъ крупнымъ дѣтскимъ письмомъ; подъ конецъ рукописи, не смотря на двѣ линѣйки, буквы стояли, какъ рекруты, наклоняясь во всѣ стороны, иногда самовольно переходя за начертанныя границы, иногда присѣдая въ пол-шрифта. Странная форма рукописи возбудила мое любопытство—я началъ читать.

Самыхъ первыхъ страницъ рукописи не было, но должно полагать, это были памятныя записки, не журналъ,—нѣтъ, а просто записки. Здѣсь были замѣчены кратко важныя эпохи въ жизни какого-то человѣка; на-примѣръ января 10 скончался мой родитель; марта 1 произведенъ въ титулярные совѣтники со старшинствомъ 7 мѣсяцевъ; мая 22 раздѣлили остаточную сумму (поздненько). Августа 30 родилась у моего начальника дочь Анастасія. Сентября 1 меня обокрали. Окт. 2 получилъ награду; 4 игралъ съ ея превосходительствомъ въ карты; 29 стала Нева, и тому подобное. Замѣчаніями въ этакомъ родѣ было исписано 2 страницы; далѣе крупными словами:

Вѣрное Лекарство.

1819 *года октября* 26 *дня.*

Сегодня чортъ-знаетъ-что̀ сдѣлалось со мною! Случай на[illegible] памятный въ моей жизни! Я проснулся поутру въ 8 часовъ. У моей постели стоялъ Ѳедотъ, преглупо улыбаясь. «Что̀ тебѣ надобно?» спросилъ я.

—Честь имѣю васъ поздравить, Дмитрій Ивановичъ.

«Съ чѣмъ?»

—Съ днемъ вашего ангела, съ именинами.

«А, да, я и забылъ. Ступай, принеси чая.»

.... Грустно я всталъ съ постели. Сегодня мнѣ стукнуло пятьдесятъ лѣтъ!.. Зеркало показало на лицѣ моемъ еще новую пару морщинъ... Потускнѣвшіе отъ работы глаза и сѣдина, которая очень хороша только на бобрѣ, все громко говорило мнѣ: *стукнуло пятьдесятъ!* Легко сказать, шутка ли пятьдесятъ лѣтъ? полстолѣтія!.. Далеко ли до гроба!.. А что̀ ты сдѣлалъ, Дмитрій Ивановичъ? какъ ты провелъ лучшія лѣта своей жизни? Давно ли я былъ молодъ, давно ли я мечталъ? Богъ знаетъ, о чемъ не мечталъ я!.. Жизнь кипѣла во мнѣ, а я трудился: дни въ департаментѣ, ночи на квартирѣ; другимъ отдыхъ, а я трудись! Надобно же чѣмъ-нибудь взять бѣдному человѣку... Бывало, утромъ, въ канцеляріи то-и-дѣло, что разсказываютъ товарищи: я былъ тамъ-то, танцовалъ съ такою-то; что̀ за глазки, что̀ за голосъ, талія!.. Хорошо, думаешь, бывало, что у васъ батюшки да дядюшки превосходительные; погодите, добьемся и мы до чиновъ, до крестовъ, погуляемъ и мы. Вотъ я и начальникъ отдѣленія, и крестъ у меня на шеѣ, и деньги есть. Можно бъ отдохнуть—оглянулся, а тутъ тебѣ пятьдесятъ лѣтъ, какъ гора сѣла на плечи — тяжело! по-неволѣ

согнешься!.. Что мнѣ въ деньгахъ? Придетъ тяжкая болѣзнь старость—а она не за горами,—никто не призритъ безроднаго холостяка, умрешь никѣмъ неоплаканный!.. Не успѣешь порядкомъ глазъ закрыть, — этотъ дуракъ Ѳедотъ все стащитъ. И для-чего я трудился, изъ чего мучился? Продавалъ лучшіе дни жизни, чтобъ какой нибудь глупецъ прокутилъ ихъ въ грязной харчевнѣ, съ подобными ему неумытыми рожами!.. Хорошо бы жениться! Моложенькая жена станетъ дѣлить со мною длинные, скучные вечера; меня окружатъ миленькія дѣточки... Полно такъ ли? Что ты, Дмитрій Ивановичъ! Кто пойдетъ за тебя-старика?.. Посмотришь, на любой вечеринкѣ, ихъ пропасть этихъ дѣвушекъ, да все такія полненькія, пухленькія, веселенькія, съ розовыми щечками, а возлѣ нихъ такъ и вьется молодежь, словно мотыльки; и вмѣшался бы туда, такъ совѣстно, будешь не въ своей тарелкѣ — идешь за..стъ... Такъ и вечеръ прошелъ, а ты еще днемъ постарѣешь, еще шагомъ ближе къ гробу!.. А если бы кто и пошелъ за меня, будетъ ли у насъ согласіе? не погублю ли я своего покоя и *ея* молодости? Смогу ли, съумѣю ли отвѣчать на *ея* ласки? Трудно держать въ одномъ мѣстѣ и ледъ и огонь: что-нибудь не выдержитъ. Поздненько спохватился, пріѣхалъ на балъ, а тамъ уже огни гасятъ!.. И какъ неожиданно подкрались эти пятьдесятъ лѣтъ! Шутка! полстолѣтія промаялся человѣкъ!.. Хотѣлъ бы я знать, къ-чему строятъ университеты, академіи и прочія заведенія, и отапливаютъ ихъ и освѣщаютъ на казенный счетъ? Не уже ли такъ, для красы? Быть не можетъ; тамъ люди живутъ да учатся, цѣлый вѣкъ учатся, и вѣрно что-нибудь знаютъ больше нашего; да вѣдь не скажутъ намъ! Хоть бы Пинетти—чего, говорятъ, не зналъ! захочетъ, сдѣлаетъ человѣка курицею или бараномъ, барана дрожками; и не бось, сказалъ кому? такъ и умеръ! Да и прочіе ученые люди вѣрно что-нибудь полезное выдумали. Глупо провелъ я жизнь; книгъ даже почти не читалъ никакихъ, кромѣ Адресъ-Календаря. Ничего не знаю!.. А вѣрно есть что-нибудь этакое... Пять лѣтъ жизни отдалъ бы за годъ молодости; все отдамъ, что ни выслужилъ, буду опять безчиновнымъ человѣкомъ, лишь бы воротить прошедшее!.. Долго разсуждалъ я и чѣмъ болѣе думалъ, тѣмъ становилось грустнѣе; чай давнымъ-давно простылъ, ударило 12-ть, я одѣлся и вышелъ прогуляться на улицу. Недоходя Палкина Трактира, вижу: идетъ навстрѣчу Николай Антоновичъ, идетъ и смѣется. Кажется, нечему бы и радоваться: день сѣрый, праздникъ небольшой, да и время такое скучное, ни снѣга нѣтъ, ни-

чего, только-что морозитъ,—а онъ смѣется! Такая натура глупая да и молодъ—всего подъ тридцать! Здравствуйте, кричитъ: Дмитрій Ивановичъ, поздравляю васъ со днемъ вашего ангела — и жметъ руку, и кланяется, и смѣется. Къ-чему такая радость? Хуже Ѳедота!

«Куда вы идете?» спросилъ меня Николай Антоновичъ.

— Такъ, иду проходиться.

«И прекрасно; я тоже.»

Не дастъ же покойно погулять, подумалъ я, и посмотрѣлъ на часы.

«А что, который?»

— Половина перваго.

«Ого! оно, знаете, пора бъ закусить. Зайдемте!»

Николай Антоновичъ человѣкъ нужный—секретарь директора, подумалъ я, да притомъ и мнѣ что-то скучно, и сказалъ: Вы, Николай Антоновичъ, очень-кстати выдумали; пойдемте, только мнѣ какъ имениннику позвольте разпоряжаться.

«Эхъ, Дмитрій Ивановичъ! а я хотѣлъ-было пустить въ ходъ свой имперіалъ: другая недѣля валяется у меня въ карманѣ, наскучилъ ужасно; ну, да дѣлать нечего — сегодня вашъ день.»

— «Честь имѣю поздравить васъ со днемъ вашего ангела!» проговорилъ сзади чей-то голосъ; оглядываюсь — мой столоначальникъ Биркинъ. — Покорно васъ благодарю.

— «Я сей-часъ былъ у васъ на квартирѣ, но къ-несчастію не засталъ васъ дома.»

— Напрасно безпокоились.

— «Помилуйте, пріятное безпокойство, Дмитрій Ивановичъ.»

— Пойдем-ка, лучше вмѣстѣ закусимъ.

Мы вошли въ трактиръ и приказали подать закуску.

За закускою мои гости пили сотернъ, а я спросилъ себѣ бутылку стараго портвейна и, рюмка за рюмкою, нечувствительно его окончилъ. Это меня немного освѣжило. Николай Антоновичъ разсказывалъ престранныя вещи о важности именинъ для человѣка: будто въ этотъ день есть минута, въ которую стоитъ только захотѣть чего бы то ни было, въ-мигъ оно явится; что въ Голландіи одна баба захотѣла въ декабрѣ мѣсяцѣ свѣжаго огурца, и огурецъ явился пребольшой, прездоровый. «Вотъ захотите, Димитрій Ивановичъ» сказалъ онъ послѣ этого: «шампанскаго, оно и явится.» Дѣлать нечего! подали шампанскаго. За послѣднимъ бокаломъ Иванъ Антоновичъ началъ разсказывать Биркину такую соблазнительную

исторію, что какъ мнѣ ни хотѣлось знать ея развязку, но я, сохраняя свое достоинство, счелъ неприличнымъ при подчиненномъ слушать такія вещи, вышелъ потихоньку въ переднюю, заплатилъ за завтракъ и ушелъ.

Пробило три часа. Во время нашего завтрака погода очень перемѣнилась, солнце выглянуло изъ-за облаковъ; Невскій Проспектъ кипѣлъ народомъ; пестрая толпа двигалась отъ Аничкина до Полицейскаго Моста. Господи, сколько прелестей!.. Щегольскіе мундиры, удивительныя бекеши, лакеи въ какихъ-то особенно-красныхъ ливреяхъ, смотрѣть даже нельзя, слезы мѣшаютъ; желтыя перчатки, бобровые воротники, черненькіе усики, а дамы! При одномъ взглядѣ на нихъ меня бросило въ жаръ: талія узенькая, будто выточенная, какъ игрушечка, какъ рюмочка, а кругомъ бархатное платье такъ и обвилось; лицо свѣженькое, разрумяненное холодомъ... Боже мой! идетъ легко, какъ кошечка, чуть дотрогивается до тротуара ножками!.. А ножки!.. такъ и хочется положить на тротуаръ свою руку, чтобъ мимоходомъ ступила на нее эта чудесная ножка; кажется, такъ скользнетъ, какъ вѣтерокъ, погладитъ—какъ атласомъ. Виноватъ, попуталъ грѣхъ: я и началъ самъ себѣ этакъ въ-тихомолку хотѣть: пусть посмотритъ на меня вотъ эта брюнеточка въ синемъ бархатномъ платьѣ; захотѣлъ, встряхнулъ бобра,поправилъ на шеѣ орденскую ленту и смотрю— не тутъ-то было: она зѣваетъ себѣ на Казанскій Соборъ,— вѣрно пріѣзжая. Ну, подумалъ я, вотъ эта блондиночка въ голубой шляпкѣ, равняется; я гляжу въ оба, даже языкъ чешется сказать ей что-нибудь пріятное, а она поправляетъ мѣховую шапочку своему братцу, что ли, а мальчишкѣ лѣтъ семи,—Азбуку бы ему учить дома, и прошла! Вотъ одна, кажется, на тебя и смотритъ такъ выразительно, будто говоритъ: «а,Дмитрій Ивановичъ! какъ я васъ давно не видала!» Сердце замретъ; оглянешься, а сзади тебя ей кланяется какой-нибудь гвардеецъ. Иная даже улыбнется, такъ въ жаръ и броситъ, смотришь—а у тебя съ боку ухмыляется ей какой-то щедушный франтъ, сущая треска-рыба, подъ бровь вправилъ себѣ лорнетку, и ухмыляется! Даже лицо изкривилось—что тутъ хорошаго? А другія большею-частію проходили мимо, не обращая на меня никакого вниманія. Опять стало грустно!.. Я перешелъ Полицейскій Мостъ. У магазина Юнкера собралась передъ окномъ кучка народа: какой-то старичокъ въ картузѣ съ назатыльникомъ, высокій офицеръ и босой мальчикъ въ пестрядинномъ халатѣ. Всѣ они почти неподвижно стояли, глядя на разныя картинки, разло-

женныя на окнѣ; только мальчикъ безпрестанно перемѣнялъ ноги, подгибая одну, стоялъ какъ журавль, потомъ становился на отогрѣтую, а другую отогрѣвалъ подъ халатомъ. Отъ нечего-дѣлать и я остановился передъ картинами. Хорошенькія головки всѣхъ націй лежали на окошкѣ; офицеръ дѣлалъ очень-рѣзкія замѣчанія на-счетъ профиля Гречанки, на глаза Итальянки, рѣсницы Испанки и прочее... Молодость! подумалъ я, для насъ *нѣтъ лекарства !* да послѣднія слова уже не подумалъ, а просто проговорилъ самъ себѣ. «Ступайте въ Семеновскій Полкъ» сказалъ стоявшій возлѣ меня высокій офицеръ. Я взглянулъ на него; онъ улыбнулся и пошелъ, только я и успѣлъ замѣтить, что у него голубой воротникъ. Мальчикъ тоже въ припрыжку побѣжалъ къ Малой Морской. У окна остался я да старикъ.—Вѣрно этотъ молодой человѣкъ помѣшанъ? сказалъ я. «Совсѣмъ нѣтъ» отозвался, покашливая, старичокъ. Я посмотрѣлъ на него пристальнѣе: онъ былъ въ тепломъ сюртукѣ гороховаго цвѣта съ стоячимъ воротникомъ, въ четвероугольномъ плисовомъ картузѣ съ длиннымъ козырькомъ и въ ботфортахъ. Странныя рѣчи, странный нарядъ и странные взгляды старика смутили меня. «Да знаете ли вы, что̀ я думалъ и что̀ сказалъ мнѣ г. офицеръ?»

— Разумѣется, отвѣчалъ старичокъ: онъ вамъ говорилъ, идите въ Семеновскій Полкъ, а я прибавлю: въ Госпитальную Улицу, часу въ десятомъ вечера; за Среднимъ Проспектомъ, направо, есть деревянный одноэтажный домъ, съ занавѣшенными окнами;—идите туда, скажите обо мнѣ, васъ пріймутъ прекрасно.

Я не вѣрилъ своимъ ушамъ. Между-тѣмъ старичокъ, лукаво улыбаясь, юркнулъ черезъ проспектъ, замѣшался между экипажами, и я не замѣтилъ куда онъ дѣвался, будто провалился сквозь землю, будто исчезъ въ воздухѣ. Долго стоялъ я въ раздумьи, не понимая, что̀ все это значитъ; мысли темнѣли въ головѣ моей, и на улицахъ темнѣло; въ магазинахъ начали зажигать лампы, въ воздухѣ стало сыро, пошелъ какой-то холодный дождикъ. Я продрогъ и вошелъ въ кондитерскую,—имениннику не грѣхъ покутить,—выпилъ рюмку, все холодно, я другую—согрѣлся, и за стаканомъ глинтвейна началъ разсуждать. Чѣмъ болѣе разсуждалъ, тѣмъ болѣе убѣждался, что именно я въ счастливую минуту именинного дня пожелалъ лекарства отъ старости, и когда ударило 8 часовъ, я рѣшился ѣхать за лекарствомъ.

Доѣхавъ на дрожкахъ до Семеновскаго Полка, я, чтобъ удобнѣе отъискать домъ, пошелъ пѣшкомъ въ Госпитальную Улицу. Боже

мой, какая мрачная улица! Вездѣ пусто, вездѣ тихо, темно; вдали то вспыхивалъ, то замиралъ потухающій фонарь, точно въ-просонкахъ мигая глазами; цѣпная собака, спущенная на ночь, рада свободѣ, выбѣжала на улицу, посмотрѣла во всѣ стороны, и ну лаять на мигающій фонарь. Пусто! ни души живой; грязно, темно. Я хотѣлъ уже воротиться, смотрю направо—ба! въ одноэтажномъ домикѣ свѣтится; окна задернуты красными занавѣсками. Нашелъ! подумалъ я, и шагнулъ черезъ порогъ, а сердце вотъ-такъ и застучало въ груди. Вхожу въ комнату; въ комнатѣ пахнетъ розовымъ масломъ; полъ устланъ коврами; у стѣны низенькій диванъ; передъ диваномъ столъ на трехъ ножкахъ; на столѣ горитъ сальная свѣча въ подсвѣчникѣ презродливой формы; за столомъ сидитъ человѣкъ и читаетъ книгу; брови у него густыя, голова бритая, чуть прикрыта пестрою шапочкою, бородка рѣдкая, какъ у молодаго козлика; на немъ надѣтъ шелковый халатъ краснаго цвѣта; на шеѣ висѣло что-то въ родѣ золотой медали. Красный человѣкъ, казалось, не замѣтилъ моего прихода и читалъ книгу.

«Милостивый государь» сказалъ я: «не имѣя чести знать васъ лично...»

— Что вамъ надобно? спросилъ меня незнакомецъ по-русски, иностраннымъ выговоромъ.

«Меня къ вамъ прислалъ извѣстный вамъ старичокъ... чтобы..»

— За лекарствомъ что ли?

«Точно такъ.»

— Хорошо, почтеннѣйшій, присядьте.

Я сѣлъ на диванъ; хозяинъ подалъ мнѣ трубку турецкаго табака, сѣлъ подлѣ меня и молчитъ. Вотъ я и начинаю разговоръ издалека.

«Вы вѣрно не здѣшній?»

— Да, почтеннѣйшій, казанскій Татаринъ.

«И вѣроятно изволите производить торговлю халатами?»

— Не отгадали. Это мы предоставляемъ простому народу, любезнѣйшій.

«А! вы стало-быть... я недавно читалъ въ газетахъ, что въ Казани произведенъ въ титулярные совѣтники, какъ-бишь его, Кази-Чикимъ или Чики-Казимъ.»

— Нѣтъ, я не титулярный, я не совѣтникъ, я мулла.

Ого! подумалъ я: такъ это голова! и продолжалъ: «Значитъ, вы недавно изволили сюда пріѣхать?»

— Я здѣсь съ восьми лѣтъ.

«Такъ вы вѣроятно окончили курсъ въ здѣшнемъ университетѣ?»

— Нѣтъ, я всѣ правила вычиталъ изъ книгъ самъ-себѣ.

«А, очень-пріятно, что имѣю честь познакомиться съ такимъ ученымъ!»

— Ничего, почтеннѣйшій.

«Слѣдовательно, у васъ кто вычитаетъ себѣ мудрость изъ книгъ, тотъ и мулла?»

— Какъ можно, любезнѣйшій! я держалъ экзаменъ.

«Вотъ видите! Здѣсь изволили держать?»

— Здѣсь никто ничего не знаетъ; я ѣздилъ за границу.

«Вѣроятно въ Карльсбадъ?»

— Нѣтъ, дальше, за Оренбургъ, въ киргизскія степи; тамъ есть народъ ученый, тамъ умѣютъ толковать Коранъ.

«Коранъ! а не Алкоранъ? Помнится, я читалъ гдѣ-то въ газетахъ— Алкоранъ?»

— Все равно, почтеннѣйшій, а лучше—Коранъ.

«А Коріоланъ?»

— Можетъ-быть, и такъ зовутъ туда дальше, къ Астрахани,—да это все равно.

«Вѣроятно вы его изволите читать.»

— Да.

«Позвольте посмотрѣть...Господи! какія странныя литеры, точно пауки да букашки ползаютъ по страницамъ!..»

— Лучше бы сказали—пчелы. Здѣсь всякая буква несетъ медъ, всякая буква несетъ сладость знанія, собранную отъ добра и зла, какъ пчелка несетъ медъ и отъ розы и отъ нечистаго растенія.

«Виноватъ, если не такъ назвалъ ваши буквы; это съ непривычки: я отъ-роду первый разъ вижу татарскую книгу, и не хотѣлъ ее обидѣть, дай Богъ ей здоровья...»

— Ничего, почтеннѣйшій; я вамъ еще больше скажу, говорилъ мулла, таинственно понижая голосъ: всякая пчела имѣетъ и медъ и жало; умѣй съ нею обращаться—тебѣ хорошо, не умѣй—укуситъ. Понимаете?

«Понимаю.»

— Такъ вотъ видите: азбука одна—хорошо; я возьму изъ нея буквы и напишу *мулла*. Видите?... Изъ той же азбуки возьму буквы, поставлю ихъ не въ томъ порядкѣ и выйдетъ *шайтанъ!*

Последнее слово онъ сказалъ почти шопотомъ, но такъ выразительно и такъ сверкнулъ своими узенькими глазами, что у меня душа ушла въ пятки.

—Такъ и книги, продолжалъ мулла: составляются изъ буквъ, науки изъ книгъ. Вездѣ своя пропорція. Умѣй съ ними обращаться—хорошо; не умѣй—худо, очень-худо! Я вамъ дамъ лекарство, о которомъ вы просили; выпей его въ мѣру—хорошо, больше—лучше, а еще больше—будетъ худо...

«Нѣтъ, уже вы, пожалуйста, сами дайте мнѣ лекарство, я у васъ здѣсь и выпью или съѣмъ, что̀ будетъ нужно.»

Тутъ мой Татаринъ засуетился, искалъ чего-то долго въ карманахъ и подъ столомъ; потомъ взялъ бутылочку, положилъ въ нее длинную красную ниточку и налилъ прозрачнымъ составомъ, взболталъ, приговаривая какую-то татарскую пословицу, вылилъ въ рюмку и далъ мнѣ выпить.

«Но прежде, нежели я употреблю ваше лекарство, позвольте спросить, какое будетъ его дѣйствіе?»

— Чудеснѣйшее, почтеннѣйшій!

«Нѣтъ, не то̀; то-есть возвратитъ ли оно мнѣ мою молодость вдругъ или постепенно?»

— Какъ?

«То-есть, моя молодость будетъ возобновляться относительно старости?»

— Не понимаю, почтеннѣйшій!

«То-есть, если я проживу годъ, такъ это будетъ, что я не прожилъ, а отнялъ годъ назадъ.»

— Разомъ десять съ плечъ долой.

«Прекрасно, и я постепенно дойду до лѣтъ отрочества, младенчества и даже до первой минуты своего существованія? А послѣ?»

— Послѣ опять все пойдетъ по-прежнему.

«И я, значитъ, начну мужать?»

— Да, пейте скорѣе; настаетъ время совершить омовеніе.

«Пью, пью, пью» сказалъ я въ восторгѣ, и разомъ осушилъ рюмку лекарства. Точь-въ-точь хорошее пѣнное вино, только немного оттоняетъ ниточкой. Я поклонился Татарину, бросилъ на столъ бѣленькую и вышелъ.

— Почтеннѣйшій! кричалъ мнѣ въ-слѣдъ Татаринъ: о лекарствѣ никому ни слова, а то потеряетъ силу.

«Слушаю, слушаю, мой благодѣтель» отвѣчалъ я: «никто не узнаетъ, ни самъ... ну, кто бъ ни былъ.»

Да и какую же я получилъ бодрость! въ минуту огонь разлился по всѣмъ моимъ жиламъ, глаза стали зорче, руки развязнѣе. У будки меня окликалъ часовой. «Что кричишь, оселъ, развѣ не видишь, кто?» сказалъ я такъ звучно, громко, отчетисто, такимъ сердитымъ голосомъ и тономъ, что будочникъ хоть бы слово!

Пришелъ домой, выгналъ изъ комнаты Ѳедота и записалъ подробно все, что случилось со мною сегодня. Да, великій день. Чортъ возьми, за 25 рублей купилъ коробъ счастья!.. Правда, иногда за 25 рублей люди покупаютъ вещи, сопутствующія имъ во всю жизнь, да самой жизни не хватитъ. Нѣтъ, господа, купите жизни, какъ я, да еще молодой жизни! Спасибо высокому офицеру съ голубымъ воротникомъ. Кути, Дмитрій Ивановичъ!...

—

27 октября.

Чудное лекарство! начинаю вполнѣ чувствовать его благодѣтельное дѣйствіе.

Какой прекрасный сонъ! подумалъ я, просыпаясь сегодня; но мнѣ было такъ легко, кровь такъ тепло переливается въ моемъ сердцѣ. Подхожу къ письменному столу: на немъ лежитъ эта тетрадь замѣчательныхъ дней моей жизни, и все вчерашнее записано съ поразительною вѣрностію. Да, это не сонъ; притомъ же и дѣятельность говоритъ въ мою пользу. Сокровище въ рукахъ: отъ меня зависитъ распорядиться этимъ сокровищемъ. Не бойсь, мы съумѣемъ, не ударимъ лицомъ въ грязь. Теперь я похожъ на путника, который сѣлъ въ лодочку, положимъ хоть въ истокѣ Волги, да и поѣхалъ внизъ по рѣкѣ. Онъ ѣдетъ,—а вокругъ красивые берега, зеленыя рощи, мирныя села, шумные города, все живетъ, все манитъ къ себѣ путника,—а онъ ѣдетъ, онъ спѣшитъ, ему некогда. Вода несетъ его быстро своимъ теченіемъ, а онъ еще веслами ускоряетъ бѣгъ своей лодочки, все дальше и дальше. Волга шире, крупнѣе накатываются волны, быстрѣе несутъ лодочку; веселые города и села далеко остались; впереди безплодная степь и по степи широко синѣетъ Волга... Далѣе море; горами ходятъ по немъ черные валы, туда мчитъ вода лодочку. Погибель неизбѣжна. Робко двигаетъ путникъ свои весла; напрасно — весла ломаются — и онъ, сложа руки, безмолвно ожидаетъ кончины... Вдругъ какая-то сила ставитъ парусъ на его лодочкѣ, съ моря дуетъ вѣтеръ, и путникъ летитъ обратно къ тихому истоку: опять передъ нимъ знакомые города, села, рощи, горы, луга; все веселится, все смѣется по-прежнему, опять тихая пристань, изъ которой онъ пу-

стился въ путь, опять родительскій домъ, съ густыми вербами надъ прудомъ... Нѣтъ, г. путникъ, если судьба прикажетъ опять ѣхать тебѣ внизъ по рѣкѣ, ты не станешь торопиться. Останавливайся отдохнуть у тѣнистой рощи, радуйся въ селахъ тихимъ радостямъ поселянъ, любуйся пышными городами. Ты уже знаешь, что за всѣмъ этимъ песчаная степь, а тамъ—вѣчное море...

Я—этотъ счастливецъ; благопріятный вѣтеръ дуетъ въ мой парусъ, и я лечу обратно. Полно, такъ ли? именно такъ; что̀ жь тутъ удивительнаго? я чувствую себя гораздо здоровѣе; въ одну ночь годомъ помолодѣлъ. Моя жизнь должна идти иначе. Иду въ департаментъ.

Вечеромъ того же числа.

Начало очень-хорошее. Я пришелъ въ департаментъ обыкновенно; раскланялся, подалъ, какъ водится, руку моему товарищу, Петру Ивановичу, начальнику 2-го отдѣленія, подалъ руку казначею, и сѣлъ.

Спустя десять минутъ, нанесли мнѣ кипу бумагъ; я прочелъ одну, другую, подписалъ да и сижу себѣ, посматриваю во всѣ стороны; потомъ вышелъ въ другую комнату, смотрю—Биркинъ что̀-то пишетъ; я подошелъ къ нему, спросилъ о здоровьи и подалъ руку; онъ немного смѣшался, однако ничего, поклонился и говоритъ: «покорно благодарю». Разумѣется, подать руку человѣку дѣло важное, тутъ надобно подумать да и подумать, — тѣмъ болѣе подчиненному: сейчасъ зазнается; да и люди такъ уже чудно устроены, что у всякаго на языкѣ вѣчно сидитъ просьба къ начальству. Ты подчиненному не успѣешь договорить ласковаго слова, а онъ уже и улыбается этакъ, знаете, почти по-пріятельски, и проситъ о чемъ-нибудь; гораздо лучше держать себя важно, однимъ видомъ отталкивать отъ себя сажени на полторы—это гораздо спокойнѣе. Ты мнѣ завѣщалъ эти правила, покойный бригадиръ Дутиковъ! Чувствую всю цѣну ихъ и благословляю прахъ твой! Но почему же мнѣ не подать руки Биркину? Лѣтъ черезъ пять мы будемъ съ нимъ ровесники,—достанется покутить вмѣстѣ. Я хорошо сдѣлалъ. Потомъ пошелъ посмотрѣлъ на термометръ — мороза мало; въ казначейскую — тамъ считаютъ деньги; зашелъ въ бухгалтерскую, понюхалъ табака. Душа радуется, такъ весело!... Мой товарищъ, Петръ Ивановичъ, — отъявленный лѣнивецъ: бывало, директоръ съ нимъ ссорится, ссорится, да и рукой махнетъ, а онъ все свое: сидитъ, читаетъ «Вѣдомости», да мо-

таетъ ногою. Вотъ Петръ Ивановичъ, увидя, что я такъ себѣ хожу самонадѣянно, очень обрадовался, подошелъ ко мнѣ и говоритъ «Кажется, вы намѣрены отдыхать, Дмитрій Ивановичъ?»—Почему же и не такъ? отвѣчалъ я; мнѣ, кажется, можно.—«Да» подхватилъ Петръ Ивановичъ: «вамъ никакъ пошелъ шестой уже десятокъ: въ такихъ лѣтахъ позволительно...» При этихъ словахъ я чуть-чуть не улыбнулся. Ну, да Богъ съ нимъ, у меня на лбу не написана моя тайна... Мы сѣли съ Петромъ Ивановичемъ около моего стола, и у насъ завязался длинный разговоръ о семъ, о томъ, о соленыхъ перепелкахъ, и проч... Ударило три часа. Я вышелъ изъ департамента и пришелъ домой гораздо-здоровѣе обыкновеннаго: грудь не болитъ, дышать легко... Не поѣду на вистъ къ Якову Ивановичу, лучше отдохну; пусть себѣ эти старички играютъ; мнѣ играть нѐ для чего, жалованье хорошее, да и въ ломбардѣ на черный день лежитъ тысячъ десятокъ другой; составлять партію нужнымъ людямъ не хочу: много я и такъ для другихъ дѣлалъ. Игра—трата времени; мы умѣемъ провесть время повеселѣе. Завтра зайду къ Ручу, одѣнусь щеголеватѣе, а тамъ... кути, Дмитрій Ивановичъ! Пора спать.

—

182... *окт.* 26.

«Фу, ты, Господи! какая разсѣянная жизнь! нѣсколько лѣтъ не бралъ въ руки своихъ записокъ. День за днемъ, день за днемъ, вотъ такъ и плывутъ, какъ утки. Съ-вечера на балъ, съ бала въ маскарадъ, тамъ на пикникъ, тамъ... и названія не приберешь всѣмъ удовольствіямъ. Николай Антоновичъ, спасибо, вездѣ пролѣзетъ, какъ игла, и меня проведетъ какъ ниточку. Сегодня я прокинулъ на счетахъ что̀ прожилъ, что̀ отжилъ, и вышло мнѣ около двадцати лѣтъ. Тѣ же страсти, склонности, желанія. Какъ себя помню, мнѣ въ 20 лѣтъ Богъ-знаетъ какъ хотѣлось крестика, хоть какого-нибудь въ петличку; а для-чего? чтобъ явиться къ Марьѣ Ивановнѣ! Дѣло прошлое; но что̀ это была за Марья Ивановна! сущее наливное яблочко; бывало, и смотрѣть на нее боишься: что̀ де-скать я такое? коллежскій регистраторъ! Оно, правда, чинъ; но произнесть его неловко передъ коллежскими ассессорами; хоть бы крестикъ отличалъ меня, иное дѣло. Ахъ, крестикъ, крестикъ! Что̀ жь? не дали, когда хотѣлось; Марья Ивановна меня не замѣтила, вышла за другаго, — вотъ и все. Послѣ получилъ и не-одинъ, получилъ и на шею, да все какъ-то хладнокровно... Теперь опять воскресаетъ старое: хочется звѣздочки, да какъ хочется: ни ѣсть,

ни спать не могу! Стою по часу передъ зеркаломъ въ мундирномъ фракѣ, да воображаю, ка̀къ бы пристала ко мнѣ звѣзда. А для чего? хотѣлось бы представиться въ такомъ видѣ тоже Марьѣ Ивановнѣ, не прежней,—той дѣти давно уже вышли въ отставку,— нѣтъ, у меня опять есть Марья Ивановна, такая же, какъ и прежняя, розовая, рѣзвая, веселая. Ка̀къ бы я удивилъ ее, явясь нечаянно со звѣздою! «У васъ, Дмитрій Ивановичъ, звѣзда?»—Точно такъ, Марія Ивановна, повергаю ее къ стопамъ вашимъ,—и пo̊шла потѣха... Она меня очень любитъ. Вчера, на-примѣръ, танцуя съ нею, я пожалъ ей руку, рѣшился, что̀ называется, очертя голову. Ка̀къ она весело взглянула на меня, какіе состроила глазки!... Ну, просто она влюблена въ меня по уши ... Я отъ возторга едва имѣлъ силы докончить кадриль, а она будто нарочно выдумывала новыя фигуры: вмѣсто шести, я полагаю, мы протанцовали двѣнадцать. Я былъ разтроганъ, сѣлъ, и во весь вечеръ не хотѣлъ и ногой ступить; все смотрѣлъ, какъ она порхала по паркету, словно ласточка ... Да, не худо бы звѣздочку! А тутъ чего-то косится директоръ; даже однажды сказалъ: въ ваши лѣта, я полагаю, вамъ тяжело управлять отдѣленіемъ. Это правда, подумалъ я; хорошо, что ты, пріятель, еще не догадался совершенно;—гдѣ видано, двадцатилѣтнему юношѣ управлять отдѣленіемъ? . . . У меня таки, нечего сказать, дѣла понакопились, да ну, ихъ, смотрѣть не хочется! Весьма-прискорбно, что мои писцы еще какъ-то меня чуждаются, а малые добрые, ребята молодые, надобно съ ними познакомиться. Столоначальники со мною уже давно на пріятельской ногѣ, да они очень-серьёзны, слишкомъ важничаютъ, стариковъ корчатъ, дураки! Узнали бы, что̀ значитъ старость, не торопились бы! Вотъ я, не бойсь, какъ начну опять выростать, не буду торопиться жить, не стану въ 13 лѣтъ скоблить усы перочиннымъ ножикомъ, чтобъ скорѣе чернѣли, чтобъ казаться взрослымъ ... Скучно! завтра поѣду въ танц-классъ.

—

27 октября.

Два часа сидѣлъ за туалетомъ, приглаживалъ голову, обдѣлывалъ прическу; теперь хорошо, волосокъ къ волоску подобранъ. Мои волоса день ото дня болѣе теряютъ свой темный цвѣтъ, не сѣдѣютъ и не блѣднѣютъ, отъ-чего я дѣлаюсь гораздо моложавѣе.

—

27 октября.

Третьяго-дня былъ въ танц-классѣ и тамъ успѣлъ наконецъ сойдтись покороче съ моими канцелярскими. Ихъ было трое, все премилые ребята. Они показывали мнѣ всѣ достопримѣчательности танц-класса; я съ ними, т. е. съ канцелярскими, говорилъ обо всемъ такъ, безъ церемоніи; они мнѣ разсказывали все свое, я имъ разсказалъ кое-что изъ своихъ похожденій; они меня спросили, отъ-чего я не женюсь, имѣя хорошее содержаніе: мы, говорятъ, и дня бы не думали переженились. А я, то-то молодость! чуть-чуть не выболталъ своей тайны. Какъ же мнѣ жениться, когда я все молодѣю, а жена моя будетъ старѣться? Со временемъ вышла бы завидная пара! Однако я ничего этого не сказалъ, только подумалъ, и отвѣчалъ: такъ, друзья мои, не пришла пора!...

—

4 декабря.

Меня вездѣ называютъ душею компаніи! Каково, Димитрій Ивановичъ? вотъ что̀ значитъ умѣть употреблять время сообразно возрасту. «Что̀ вы не поете?» недавно сказала мнѣ Марья Ивановна. Не умѣю, отвѣчалъ я.—«Вздоръ, вы обманываете» сказала она: «вы должны пѣть.» Слушаю, отвѣчалъ я: съ величайшимъ удовольствіемъ спою что-нибудь, когда выучусь. Дѣлать нечего, взялъ учителя и пою. Завтра удивлю Марью Ивановну: она будетъ на именинахъ у Савы Савича; я нарочно затѣю фанты и въ фантахъ запою романсъ, который выучилъ меня учитель:

Дѣдушка, дѣвицы
Разъ мнѣ говорили:
Нѣтъ ли небылицы
Иль старинной были.

—

5 декабря.

Былъ у Савы Савича, и рѣшительно своимъ романсомъ возхитилъ публику; съ-начала всѣ отъ удовольствія улыбались и поглядывали другъ на друга, а потомъ разтрогались, даже Сава Савична заплакала; только одинъ маленькій Савинька колотилъ деревянною куклою орѣхи и мѣшалъ немного пѣть. Какое это странное семейство: хозяинъ Сава Савичъ Савиновъ, его жена Сава Савична, и сынъ Савинька! Удивительный случай!... Полно писать, усталъ; а тутъ завтра нужно ѣхать въ три дома на именины; нѣтъ времени ни о чемъ подумать. Какой омутъ нашъ свѣтъ!

—

183... ноября 9.

Вотъ опять нѣсколько лѣтъ я не писалъ въ моихъ запискахъ, и съ-тѣхъ-поръ какъ измѣнило меня чудное мое лекарство! Сегодня поутру мой Ѳедотъ чистилъ что-есть-силы какой-то старый вицмундиръ, но никакъ не могъ надрать на немъ ворсы.

«Что это за фракъ?» спросилъ я Ѳедота.

— Вашъ, отвѣчалъ Ѳедотъ.

«Что же я его не помню?»

— Да онъ лѣтъ десять валялся въ шкапу; я его сегодня самъ нашелъ нечаянно.

«Это интересно; подай его сюда!»

Я примѣрилъ вицмундиръ, мой собственный вицмундиръ, который сидѣлъ когда-то на мнѣ очень-хорошо, и что же? онъ теперь и длиненъ, и широкъ. Видимо уменьшаюсь!

—

Ноября 10.

Мнѣ теперь по разсчету около 15 лѣтъ.

—

Ноября 12.

Въ середу былъ на вечерѣ у Ивана Петровича, рѣзвился, шумѣлъ, дурачился, какъ всегда. Марья Ивановна еще похорошѣла: у нея на лицѣ иногда вдругъ покажется какая-то милая важность; это ей очень пристало, такъ и хочется поцаловать. Начались танцы.

«А вы не танцуете?» спросила Марья Ивановна.

— Развѣ съ вами.

«Да я ангажирована, Дмитрій Ивановичъ!»

— Иначе не танцую, какъ съ вами.

Она побѣжала, переговорила съ своимъ кавалеромъ, т. е. просто отказала ему, профану, и подала мнѣ руку. Я очень помню, какъ меня учили танцовать, и учили именно въ этихъ лѣтахъ, какъ теперь; кажется, и стоишь, бывало, какъ люди, и ходишь какъ они, а пошелъ танцовать, ноги точно деревянныя: прыгъ, прыгъ по полу, собьешься, зацѣпишься за что-нибудь, и разтянешься на землѣ во весь ростъ. Такъ и теперь случилось. Мнѣ изъ головы мои лѣта! Заиграли кадриль: первую фигуру я еще кое-какъ путался, только раза два наступилъ кому-то на ногу; пришла вторая—ноги не несутъ, точь-въ-точь, какъ, бывало, въ старину, когда учился танцовать, шагнулъ впередъ, назадъ, вправо, влѣво, задѣлъ нога за ногу, бацъ объ полъ! Господи, какой срамъ! Понесла же меня не-

легкая. Меня подняли и посадили въ кресла; тутъ бы и оставить: кто изъ насъ не падалъ? Такъ нѣтъ: хлопочутъ, спрашиваютъ, не ушибся ли, суетятся... Раздосадовали до нельзя!... Я забился въ темный уголъ и заплакалъ, не отъ боли, а отъ досады, отъ огорченія. Марья Ивановна подошла ко мнѣ, съ участіемъ взяла меня за руку и почти сквозь слезы сказала: «бѣдненькій!» У меня такъ и растаяло сердце. «Чѣмъ пособить вамъ?» продолжала она.—Ничего, отвѣчалъ я, сжимая съ дѣтскою радостію ея нѣжную ручку: поцалуйте меня.—«Только-то? Извольте, хоть десять разъ.»—И она поцаловала меня!... поцаловала!... Я весь затрепеталъ отъ этого поцалуя, и уже плакалъ отъ радости. Всякій возрастъ имѣетъ свои неотъемлемыя права, свои прекрасныя привилегіи!

—

Ноября 13.

Слава Богу, начали падать зубы.

—

Ноября 14.

Сегодня въ департаментѣ я шелъ изъ казначейской по корридору; смотрю, на право въ темной комнаткѣ (гдѣ стоятъ чернила, лежатъ щетки и спитъ сторожъ) мои канцеляристы—экіе пройдохи! закурили коротенькую трубочку и затягиваются. Быстро пришла мнѣ на мысль прежняя молодость, когда, бывало, потихоньку отъ учителя, гдѣ-нибудь за угломъ, потянешь трубки, и страшно, и осматриваешься кругомъ, и дрожишь, глотая дымъ, будто какой нектаръ. Сущее наслажденіе!... Въ-послѣдствіи я имѣлъ возможность и способы курить трубку, но никогда не курилъ съ такимъ удовольствіемъ. Не трубка пріятна, а этотъ судорожный страхъ, невольный трепетъ отъ пустаго скрыпа двери; пріятны «сильныя ощущенія». Я вспомнилъ все это и не выдержалъ: шасть въ темную комнатку: канцеляристы сначала сробѣли, спрятали трубку за фалды вицмундира, и, будто не видя меня, начали громкій разговоръ о черновыхъ отпускахъ. «Полно, пріятели» сказалъ я: «не объ отпускахъ дѣло, а дайте-ка затянуться, пока не пришелъ директоръ.» Канцеляристы взглянулись между собою, одинъ досталъ трубку, другой набилъ ее, вытянувъ изъ жилетнаго кармана табакъ, завернутый въ газетную бумажку, третій вырубилъ огня, и въ-минуту все поспѣло. Да и затянулся же я великолѣпно!... Потомъ скорыми шагами прошелъ чрезъ канцелярію въ свою комнату; тамъ стоялъ директоръ. «Что у васъ въ канцеляріи будто табакомъ пахнетъ?» спросилъ онъ. — Не знаю, ваше

превозходительство; можетъ-быть, сторожа утромъ курили; впрочемъ я не слышу, отвѣчалъ я, а въ душѣ такъ и пошелъ морозъ. «Скажите экзекутору, чтобъ за ними хорошенько смотрѣлъ» продолжалъ директоръ и — ушелъ. Уфъ! какъ гора съ плечъ свалилась!... Вотъ какую штуку я ему выкинулъ!

—

183.. *мая* 23.

Мой Ѳедотъ ишкомъ состарѣлся: такой сталъ неповоротливой, иногда стаканъ воды подаетъ часа два. Нехорошо.

—

Іюня 2.

Сегодня ко мнѣ пресерьёзно подошелъ директоръ, совершенно мой бывшій учитель, также важно надулъ свой стриженый хохолокъ и также грозно заговорилъ со мною: «Дмитрій Ивановичъ, у васъ дѣла запущены, вы худо смотрите за отдѣленіемъ; вотъ другой годъ не рѣшается дѣло откупщика Медвѣдева; займитесь имъ исключительно, преимущественно займитесь имъ сегодня!» Пока кричалъ директоръ, то мнѣ и хотѣлось заниматься, я пришелъ въ свою комнату и началъ читать. Признаюсь, было отъчего ему лежать не два года, а двадцать лѣтъ: пресквернымъ почеркомъ писано, ничего не разберешь. Да и что̀ это за Медвѣдевъ? кто онъ такой? Мнѣ представилось, что это простой бурой медвѣдь во фракѣ стариннаго покроя и въ спальныхъ сапогахъ. Эта идея меня очень развеселила, я пошелъ и сообщилъ свою мысль въ канцеляріи, чѣмъ произвелъ всеобщій смѣхъ. Возвратясь въ комнату, я уже не взглянулъ на дѣло!—пропадай оно совсѣмъ, вещь прескучная! Смотрю—лазитъ по окну синяя муха, прекрасной породы; я вспомнилъ, что во время о̀но я забавлялся мухами, заперъ дверь изъ канцеляріи на замокъ, разшилъ дѣло Медвѣдева и досталъ изъ него ниточку шелка; потомъ поймалъ муху, оборвалъ ей крылья, привязалъ шелковинкою за ногу къ перу, и пустилъ на окно. Да какая рысистая попалась муха! Такъ и возитъ перо, только перо переваливается... Слышу, за дверьми говоритъ столоначальникъ: «Тише, господа; Дмитрій Ивановичъ занимается». Меня такъ смѣхъ и пронялъ, думаю: вотъ гуси! А въ канцеляріи стало тихо, тихо, даже было слышно, какъ моя муха шелестѣла перомъ по бумагамъ. Не увидѣлъ, какъ прошло время. Ударило три часа; я бросилъ муху съ перомъ за форточку и отворилъ дверь; на-встрѣчу мнѣ директоръ. «Ну, что̀, Дмитрій Ивановичъ, подвинулось дѣло?» — Подвинулось, ваше превозходительство.

Онъ взялъ дѣло въ руки и вдругъ посыпались изъ него листы.

«Это что?»

— Не знаю, ваше превосходительство; я самъ цѣлое утро подбиралъ листы: они перебиты, не сшиты, въ нихъ никакого толка нѣтъ.

«Кто сшивалъ дѣло?»

— Полагаю, канцеляристъ Финфирулькинъ — на немъ лежитъ эта обязанность.

«А вы не можете присмотрѣть за вашими подчиненными! Въ вашихъ лѣтахъ вы сущій ребенокъ, съ позволенія сказать.»

Къ-чему тутъ просить позволенія? подумалъ я, и улыбнулся.

«Что вамъ смѣшно!?» почти завопилъ его превосходительство и пошелъ ругать Финфирулькина. Пушилъ, пушилъ; тотъ бѣдный не знаетъ, откуда такая напасть приключилась, стоитъ ни живъ ни мертвъ, только запонка на манишкѣ трепещется... Славно сошло съ рукъ, подумалъ я, потирая отъ радости руки, поскорѣе за шляпу и махнулъ домой по черной лѣстницѣ.

—

Іюня 10.

И помина нѣтъ о дѣлѣ Медвѣдева! Отдали его разсмотрѣть столоначальнику. Директоръ, тоже какъ и всегда, поклонится холодно, и пройдетъ. Объ этомъ я ни мало не безпокоюсь: мнѣ съ нимъ не дѣтей крестить. Въ департаментѣ жарко, дѣлать ничего не хочется. Посидѣлъ часъ и ушелъ домой. Скучно!

—

Іюня 13.

Слава Богу, догадались! Я все думалъ, не уже ли я буду служить и ребенкомъ? Наконецъ сегодня получилъ увѣдомленіе, что по разстроенному здоровью увольняюсь въ отставку. Это маленькая ложь: мое здоровье здоровѣе всѣхъ ихъ; ну, спасибо, хоть догадались, а за пятидесятилѣтнюю службу дали пансіонъ полнаго жалованья. По настоящему и тутъ не такъ, я служилъ вѣрою и правдою тридцать лѣтъ, а остальныя двадцать ни то ни сё, а чаще портилъ порядки. Здѣсь, слава Богу, не догадались!

—

Іюня 14.

Итакъ я въ отставкѣ! Хорошо; больше не пойду и не поѣду въ департаментъ. Живи спокойно себѣ дома, Дмитрій Ивановичъ! очень-хорошо!

Я думаю, мнѣ не худо бы имѣть дядьку; въ моихъ лѣтахъ безъ присмотра не бываютъ, да и люди скорѣе бы слушали дядьки, нежели меня,—а то ни Ѳедотъ, ни кухарка знать меня не хотятъ: даютъ какой-то черствый хлѣбъ и твердое мясо—не укусишь. Какая теперь скверная дѣлаетая бумага: никакъ невозможно прямо писать; начнешь строчку, кажется, хорошо, а сведешь или внизъ или вверхъ вершка на два,—такъ перо и ѣздитъ въ стороны. Не уже ли мнѣ придется оставить свои записки? Чтò же я буду дѣлать? . . . Развѣ попробую разлинеевать; когда-то въ этихъ лѣтахъ я такъ писывалъ, а послѣ, пожалуй, можно карандашъ вытереть резинкою, чтобъ незамѣтно было.

—

Іюня 18.

«Проба пера и чернила, какая въ немъ сила!» Хорошо, недурно! Писать по линейкамъ и легко и пріятно. Я совершенно счастливъ; провидѣніе видимо печется обо мнѣ,—у меня есть дядька! Третій день какъ Богъ послалъ его. Утромъ въ четверкъ, была погода не такъ-то хорошая: шелъ дождикъ; я сидѣлъ въ кабинетѣ и дожидался чая; сижу и слышу—въ передней чтò-то стучитъ, будто скидаетъ калоши. «Кто тамъ?»—Отвѣта нѣтъ. Ну чтò, если это какой злой человѣкъ? Я подумалъ, что въ моемъ возрастѣ, когда при мнѣ нѣтъ никого, это опасно, и сижу ни живъ, ни мертвъ. Дверь отворилась; входитъ въ кабинетъ человѣкъ высокаго роста, въ поношенномъ военномъ сюртукѣ, съ воротникомъ—ни то малиновымъ, ни то апельсиннымъ; въ одной рукѣ онъ держалъ фуражку, а въ другой полосатый ситцевый кисетъ и деревянную трубку съ кривымъ чубукомъ, украшеннымъ красными снурками и кистями. Незнакомецъ поклонился мнѣ довольно-сурово, шевельнулъ длинными рыжими усами и спросилъ меня: «Не вы ли Дмитрій Ивановичъ?»

— Точно такъ.

«Очень-радъ. Честь имѣю рекомендоваться вашимъ родственникомъ.»

— Весьма-пріятно; но, сколько помню, послѣдняя сестра моя, дѣвица, умерла.

«Не уже ли вы не помните Алены Львовны?»

— Алены Львовны?—Да, помню, помню! Она приходилась мнѣ троюродною тетушкою, и часто драла за уши, называя безпутнымъ сахарникомъ, хотя я никогда не видѣлъ въ этихъ словахъ большаго смысла.

«Не о смыслѣ дѣло, Дмитрій Ивановичъ. Помните, у нея была дочь Любовь Андревна?»

— Какъ не помнить Любаньки! Она была такая добрая, но она поѣхала куда-то на западъ, я въ Петербургъ—и потерялъ ее изъ вида.

«Любовь Андревна уѣхала на западъ, потому-что слѣдовала за полкомъ, вышедъ замужъ за поручика Кашемирскаго Полка Кричимова.»

— Помню и Кричимова: такой толстенькій, черномазенькій, вѣчно, бывало, торопится и баситъ.

«Не угодно ли вамъ будетъ, милостивый государь, говорить о немъ повѣжливѣе, потому-что я его сынъ.»

— Извините меня, я это сказалъ такъ, на скорую руку, не могъ въ немъ припомнить ничего другаго, особеннаго . . . Итакъ вы сынъ Любаньки, доброй Любаньки, которая меня когда-то кормила конфетами.

«Никакъ нѣтъ. Любовь Андревна умерла бездѣтною отъ безпокойства на переходахъ и сыраго климата, впрочемъ записавъ моему родителю свое имѣніе. Онъ для развлеченія грусти вскорѣ по смерти жены женился на Полькѣ, паннѣ Юзефѣ; отъ этого брака произошелъ вашъ покорный слуга.»

— Дайте вашу руку, дражайшій родственникъ! Вы, значитъ, обладатель деревни Свистуновки? Славная деревенька! тогда въ ней числилось 73 души.

«Нѣтъ, изволите видѣть, я очень-несчастливъ; вы мой ближайшій родственникъ, я отъ васъ ничего не скрою.»

Это меня очень разтрогало. — Продолжайте! сказалъ я.

«У моихъ родителей только и было дѣтей, что я; мой батюшка любилъ селянку и бесѣды людей чиновныхъ, постарѣе себя, а маменька любила шеколадъ и общество молодыхъ людей; отъ этого различія во вкусахъ они какъ-то все расходились въ разныя стороны, такъ-что однажды утромъ, когда пришли къ моему батюшкѣ и сказали, что барыни нѣтъ, куда-то сбѣжала, онъ махнулъ рукою и сказалъ: «не ищите; соскучится, сама придетъ». Однако она до сего дня не возвращалась. Батюшка вышелъ въ отставку, самъ возпиталъ меня, опредѣлилъ въ уланы, и умеръ. Я служилъ, благодаря Бога, хорошо, дослужился до поручика, заложилъ имѣніе—нельзя же служить въ кавалеріи, не дѣлая долговъ. Я ихъ дѣлалъ—это ничего; но въ одинъ вечеръ ко мнѣ пришли человѣка четыре моихъ пріятелей; мы пили чай, играли въ карты, шутили,

смѣялись, просидѣли почти до свѣта, и моя Свистуновка какъ-то сошла у меня съ рукъ, и я на другой день подалъ въ отставку...»

— Значитъ, вы не имѣете Свистуновки?

«Ничего, любезнѣйшій Дмитрій Ивановичъ, ровно ничего, кромѣ этой трубки и кисета.»

— Вотъ, подумалъ я, будетъ мнѣ лихой дядька, и сказалъ: Если вы, почтеннѣйшій родственникъ,—извините, не имѣю чести знать вашего имени и отчества...

«Василій Кузьмичъ.»

— Да, почтеннѣйшій Василій Кузьмичъ, если вы ничего не имѣете, то прошу принять мое предложеніе: переѣзжайте ко мнѣ на квартиру, живите у меня. Вы этимъ докажете всю вашу родственную привязанность. Разумѣется, мы, люди статскіе, не можемъ оказать вамъ должнаго гостепріимства и доставить приличныхъ удовольствій; по-крайней-мѣрѣ, вы будете имѣть квартиру, столъ и все нужное; я одинъ, вы у меня ближайшій родственникъ, располагайте всѣмъ, что̀ мое — все ваше.

Боже мой, что̀ сдѣлалось при этихъ словахъ съ Васильемъ Кузьмичемъ! Въ первый разъ въ жизни я увидѣлъ на опытѣ всю силу, всю трогательную нѣжность родственной любви! Василій всею тяжестію своего тѣла повисъ на моей шеѣ и цаловалъ меня въ плечи... Добрый человѣкъ!...

—

Августа 5.

Мои волоса приняли блѣдножелтый цвѣтъ, какъ у младенцевъ. Я быстро иду къ своей цѣли, — возрожденіе не за горами.

—

Сентября 1.

Славная моя жизнь: я совершенно спокоенъ. Василій Кузьмичъ всѣмъ управляетъ, и заказываетъ обѣдъ, и поитъ меня чаемъ, и держитъ мои разходы. Спасибо ему! Что̀ бы я былъ безъ него? Я помню, очень давно, когда я былъ ребенкомъ, бывало къ моему отцу соберутся знакомые уѣздные чиновники, и пьютъ пуншъ, и цѣлый вечеръ играютъ въ карты, а тебѣ такъ спать хочется, и смотришь и не видишь, будто пухъ на рѣсницахъ; вотъ, пойдешь въ другую комнату, ляжешь на кровать, да и заснешь подъ пѣсни да хохотъ. Такъ и теперь: Василья Кузьмича любятъ добрые люди, частенько сходятся къ нему поиграть въ карты; тутъ подымается шумъ, крикъ, хохотъ, дымъ отъ трубокъ стелется какъ отъ паро-

хода; а я уйду въ кабинетъ, раздѣнусь да и въ постель,—простятъ гости моему возрасту — засыпаю, а черезъ двѣ комнаты шумятъ, хохочутъ, точно уѣздные чиновники у моего батюшки. Такъ станетъ спокойно, такъ пріятно... Кажется, вотъ придетъ батюшка и скажетъ матушкѣ: «пора бы, жена, на столъ накрывать». Того и ждешь, что матушка ласково возьметъ тебя за ухо и прошепчетъ: «встань, Дмитруша; не хорошо спать, сейчасъ будемъ ужинать». Слышишь, какъ старушка няня шелеститъ по комнатѣ своими суконными башмаками... Давнопрошедшее воскресаетъ и живетъ со мною... Засыпаешь и улыбаешься старымъ друзьямъ... Дай Богъ здоровье казанскому Татарину!...

—

Сентября 15.

Тѣмъ болѣе я цѣню заботы и попеченія Василья Кузьмича, что они рѣшительно безкорыстны. Охота же ему возиться съ мальчикомъ, зная, что онъ выростетъ и забудетъ его, не помянетъ его добрымъ словомъ,—это случается, по пословицѣ, сплошь да рядомъ,— а еще можетъ-быть за его попеченія отплатитъ неблагодарностію. Будь я старикъ, дѣло другое — по-неволѣ пришла бы на умъ черная мысль... Господи прости, какъ-то о людяхъ скорѣе подумаешь худое, нежели хорошее... Мое хозяйство поправилось, все идетъ быстро, проворно; одно мнѣ не нравится: Василій Кузьмичъ въ-продолженіе трехъ мѣсяцевъ перемѣнилъ шесть кухарокъ,—ни одна не уживется; да и Ѳедотъ часто является ко мнѣ съ измятою прическою. Мнѣ иногда жалко старичка; впрочемъ это все дѣлается для моего благополучія... Золотой Василій Кузьмичъ!...

—

1839. *Февраля* 3.

Я сегодня сказалъ въ защиту Ѳедота нѣсколько словъ Василью Кузьмичу; онъ на меня порядочно прикрикнулъ за это; я хотѣлъ было поспорить, но подумалъ, да и отошелъ молча къ окошку. Вотъ что̀ думалъ я: хорошо, если бы дѣти имѣли опытность взрослыхъ; сколько непріятностей, слезъ, неудовольствій избѣжали бы они! Я, бывало, до слезъ спорю съ батюшкою да съ матушкою за глупаго Ванюшку, спорю до-тѣхъ-поръ, пока мнѣ порядочно не выдерутъ ушей, и Ванюшкѣ не легче, и у меня цѣлый день горятъ уши, какъ языкъ, когда покушаешь перца. А подросъ, такъ самъ увидѣлъ, что мой дѣтскій умъ не постигалъ всей негодности Ванюшки. Выходитъ, что уши драли ни за то, ни за сё, и я един-

ственно своимъ характеромъ купилъ себѣ нѣсколько горькихъ минутъ. Отъ-того я не сказалъ ни слова Василью Кузьмичу.

—

Февраля 4.

Помирился съ Васильемъ Кузьмичемъ,—онъ добрѣйшій человѣкъ: для меня же ссорится съ людьми, для меня колотится съ утра до ночи, а я вздумалъ еще упрекать его! Вы не сердиты на меня, спросилъ я Василья Кузьмича, когда онъ возвратился съ прогулки по Невскому Проспекту. «Нѣтъ, Дмитрій Ивановичь, за что же на васъ сердиться? Вотъ я сегодня получилъ часть вашего пансіона и принесъ вамъ гостинецъ.»

Тутъ онъ опустилъ руку въ карманъ сюртука, вынулъ пребольшую грушу, и говоритъ: «возьмите, только не кушайте передъ обѣдомъ». — Хорошо, сказалъ я, ушелъ въ кабинетъ и сейчасъ же съѣлъ грушу. Вытерпишь, когда такой душистый сочный плодъ въ рукахъ!

—

Февраля 5.

Просилъ Василья Кузьмича купить мнѣ чижика. «Не нужно такой дряни, сказалъ Василій Кузьмичъ: въ ней ни цвѣта, ни голоса». А мнѣ очень хочется; попрошу кухарку купить, и поставлю у себя съ клѣткою на окошко.

—

Мая 10.

По двумъ линейкамъ писать гораздо-лучше: слова ровнѣе. Сегодня за обѣдомъ Василій Кузьмичъ приказалъ закрыть мнѣ грудь салфеткою. Это очень-полезно, и прежде въ дѣтствѣ меня завязывали.

—

Мая 11.

Обѣщали достать чижика.

—

Августа 19.

Выпалъ послѣдній зубъ. Скоро ли начнутъ рости новые? А чижика все нѣтъ!

—

Сентября 2.

Есть чижикъ! да какой миленькій, какой веселый! Самъ ѣстъ конопляное сѣмя и пьетъ воду — и все поетъ, все чиликаетъ. Заплатили гривенникъ.

—

Сентября 4.

Мнѣ очень хочется краснаго платка на шею. Скажу Василью Кузьмичу: какъ-бы онъ не разсердился? Скажетъ: вы ребячитесь, бросаете деньги.—Чижикъ здоровъ.

—

Сентября 20.

Уже меня водитъ человѣкъ подъ руки. Пріятно и легко. Чтò день, то я ближе къ цѣли.

—

Сентября 21.

Меня кормятъ молочною кашею. Кушанье мягкое и очень сладкое. Чижикъ тоже ѣстъ кашу.

—

Сентября 22.

Навязалъ на шею чижику зеленую бахромку; онъ сталъ еще красивѣе.

—

Сентября 24.

Хочу достать другаго чижика: моему будетъ веселѣе, у нихъ будутъ дѣти, маленькіе чижики,—и вдругъ всѣ запоютъ цѣлымъ семействомъ; то-то будетъ весело! Разведу полную комнату чижиковъ.

—

Сентября 25.

Сегодня цѣлый день провелъ, слушая играющую табакерку; играетъ весело, и внутри все перебѣгаютъ прутики, не насмотришься! — Чижикъ тоже пѣлъ.

—

Сентября 27.

Дастъ Богъ весну, я положу въ клѣтку зеленой травки — кàкъ обрадуется бѣдная тичка!

—

Октября 1.

Василью Кузьмичу представилось, что я скоро умру; онъ совѣтовалъ мнѣ написать духовную. Странно!

—

Октября 2.

Я сказалъ Василью Кузьмичу, что переживу всѣхъ, и кухарку, и Ѳедота, и его-самого; онъ пожалъ плечами и ушелъ.

—

Октября 3.

Былъ докторъ, не знаю зачѣмъ, прописалъ лекарство. Я сдѣлалъ для чижика прекрасную коробочку изъ карты.

—

Октября 4.

Лекарство вылилъ въ печку. Былъ докторъ, прописалъ другое.

—

Октября 5.

И то вылилъ . . . .

=

Этими словами, или почти этими оканчивалась рукопись, потому-что еще было тамъ нацарапано нѣсколько строчекъ, но такимъ почеркомъ, который очень похожъ на знаменитую гвоздеобразную грамоту: ни въ одной буквѣ нельзя было признать никакой извѣстной формы. Я нетерпѣливо ожидалъ окончанія переговоровъ высокаго барона съ докторомъ; наконецъ дверь отворилась, баронъ вышелъ и началъ разкланиваться.

«До свиданія, M. le Baron» говорилъ докторъ: «будьте благонадежны, покушайте еще эту зиму моихъ микстуръ, а весною, съ Богомъ, на воды въ Маріенбадъ — и вашъ курсъ оконченъ.»

—Вы думаете онѣ будутъ мнѣ полезны? спросилъ баронъ, отворяя дверь.

«Непремѣнно! онѣ укрѣпятъ когезію твердыхъ частей и умѣрятъ чувствительность нервной периферической системы; но, ради Бога, calmez vous, laissez toutes les affaires qui ...»

Баронъ захлопнулъ дверь, и фраза осталась неконченою.

«Чтò это?» спросилъ я у доктора, показывая ему тетрадь.

— Это, вотъ изволите видѣть, отвѣчалъ докторъ, спокойно опускаясь въ кресла: это одинъ изъ добрѣйшихъ людей, послѣдняя отрасль древняго, богатаго дома бароновъ Фейф-тобакъ. Весною будетъ три года, какъ я имѣю надъ нимъ практику. Удивительный субъектъ! Первоначальная болѣзнь его было просто tussis, кашель; но въ-продолженіе трехъ лѣтъ онъ изпыталъ поочередно всѣ, такъ-называемыя, кахетическія болѣзни. Удивительный субъектъ! все вынесъ, и теперь, кромѣ нѣкотораго рода дискразій, въ немъ ничего не осталось. Впрочемъ, надѣюсь, Маріенбадъ довершитъ начатое.

«Мы, кажется, докторъ, не понимаемъ другъ друга. Вы говорите о больномъ, который сей-часъ вышелъ?»

— Разумѣется!

«Напротивъ, я спрашивалъ объ этой тетради.»

— О тетради? стоитъ ли заниматься подобными глупостями! Это писалъ почти сумасшедшій, помѣшанный. Недѣли двѣ назадъ пришелъ ко мнѣ человѣкъ очень-хорошо одѣтый и просилъ навѣстить его дядю. Мы отправились; при первомъ взглядѣ я узналъ, что у больнаго marasmus, неизбѣжная участь старости, болѣзнь неизлечимая; однако я прописалъ легонькое укрѣпляющее лекарство; назавтра я навѣстилъ больнаго; племянникъ, со слезами, просилъ прописать еще лекарство; напротивъ, самъ больной смѣялся, увѣрялъ, что онъ здоровъ и просилъ меня не безпокоиться. Эта странность поразила меня; я совѣтовалъ племяннику не спускать глазъ съ больнаго и въ случаѣ перемѣны дать мнѣ знать. Черезъ день опять явился ко мнѣ племянникъ съ этою тетрадью, которую укралъ у дядюшки, замѣтивъ, что онъ что-то въ ней записываетъ и на ночь тщательно прячетъ ее подъ подушки. Смотрю — да это hypochondriasis! Вотъ твоя болѣзнь, голубчикъ! Вотъ откуда и anorexia, и aremor, и прочая и прочая!... И муллу-то этого я зналъ: онъ продавалъ нашъ невинный пѣнникъ вмѣсто какого-то восточнаго элексира отъ всѣхъ болѣзней. Не безпокойтесь, милостивый государь, сказалъ я племяннику: у насъ у самихъ на это есть вѣрное лекарство. Пойдемте.

—Приходимъ. Старичокъ сидитъ въ креслахъ возлѣ кровати и строитъ изъ картъ домикъ, и что-то шепчетъ и улыбается, глядя на свою шаткую работу, а на кровати стоитъ клѣтка съ чижикомъ. Я сдулъ со столика карточный домикъ и началъ говорить: Полно вамъ дурачиться, Дмитрій Ивановичъ! Всѣ мечты человѣка разлетятся какъ вашъ домикъ; стыдно забирать себѣ въ голову глупости на долгое время; лекарство муллы просто дрянь: оно не имѣетъ никакой силы, да и весь городъ о немъ знаетъ; вотъ ваша тетрадь, видите, она уже у меня?—Дмитрій Ивановичъ робко посмотрѣлъ на меня, торопливо заглянулъ подъ подушку, и тихо опустился на спинку кресслъ; ни слова, ни звука; по тѣлу пробѣжалъ легкій трепетъ, точно въ живой рыбѣ, когда ее тронешь рукою, и только. Теперь, говорю я племяннику: не надо зѣвать, открылъ кровь, на голову льда—и старикъ очнулся.

«Ахъ, Боже мой» прошепталъ онъ: «что со мною? не уже ли все это мечта?»

— Мечта, подхватилъ я: нелѣпая мечта! Посмотрите въ зеркало: глубокія морщины на лицѣ вашемъ, пожелтѣвшіе отъ време-

ня волоса, ваша дряхлость развѣ не обличаютъ, что вамъ пошелъ восьмой десятокъ?

«Правда, правда, возьмите его» едва слышно сказалъ Дмитрій Ивановичъ, и медленно отворотился отъ зеркала... Онъ закрылъ лицо длинными, высохшими кистями рукъ своихъ, и плакалъ какъ дитя; крупныя слезы, пробиваясь между пальцевъ, быстро скатывались по его мѣховому шлафроку...

— Ну, сказалъ я племяннику, выведя его въ другую комнату: мы возторжествовали; болѣзнь смята, прогнана... Только я долженъ сказать вамъ, что существованіе вашего дядюшки не можетъ быть продолжительно: сильныя потрясенія, при всей своей пользѣ бываютъ пагубны. «Благодѣтель мой» сказалъ племянникъ, обнимая меня: «хоть на два часа мой дядюшка здоровъ, и этого для меня довольно...» И, повѣрите ли, онъ плакалъ, говоря эти слова— благородный человѣкъ!...

Вчера я встрѣтилъ на Невскомъ племянника; онъ шелъ въ богатой бекешѣ и въ шляпѣ, обшитой флеромъ. «Что дядюшка?» спросилъ я.

—Ваша правда, докторъ, отвѣчалъ онъ, крѣпко сжимая мнѣ руку: дядюшка уже на Смоленскомъ Кладбищѣ... Заходите, докторъ, когда-нибудь ко мнѣ; у меня по пятницамъ вечера.

— Надобно будетъ, продолжалъ докторъ, когда-нибудь заѣхать отвезть ему эту тетрадь.

«Вы лучше отдайте ее мнѣ» сказалъ я: «она племяннику будетъ напоминать печальное произшествіе, а мнѣ напротивъ пріятный вечеръ, проведенный съ вами.»

—И то правда; пожалуй, возьмите...

«Прощайте, докторъ!»

—А мозоли? вы съ ними не шутите; полечите ихъ раціонально.

«Непремѣнно, но теперь мнѣ некогда; если позволите, я пріѣду въ другое время.»

—Какъ вамъ угодно; въ пять часовъ пополудни я всегда дома. Мой совѣтъ—не шутить!..

«До свиданья!»

Е. ГРЕБЕНКА.

ПОКАЯНІЕ И ВОЗЗРѢНІЕ.

«Вижу предъ собою Господа . . .»
(Псаломъ XV).

Я вижу Бога предъ собою
И каюся въ своихъ грѣхахъ;
«Владѣй, владѣй моей судьбою!»
Я Богу говорю въ слезахъ:
«Что̀ я? — Неопытный младенецъ
Играю жизнью какъ ножомъ;
Какой-то я переселенецъ
И здѣсь живу въ краю чужомъ.
Какъ незнакомы мнѣ, какъ чужды
Условья жизни сей людской!
То жаломъ змѣй терзаютъ нужды,
То жметъ желѣзною рукой
Убожество меня порою.
Взвился высокою горою
Сей странный человѣковъ бытъ:
Толпы взбираются на кручи; —
Но верхъ горы одѣли тучи,
А по стезямъ нога скользитъ.
Что̀ жь тамъ скрываютъ эти тучи,
Подъ черною своей полой?...
И тѣ лѣса, кругомъ дремучи?...
Звѣрей и бурь въ нихъ слышенъ вой...
Но есть минуты... Вдругъ заблещетъ
Далеко гдѣ-то... *Спаса ликъ*,
И сердце ярко затрепещетъ...
И край, кругомъ, не такъ ужь дикъ,
И я смѣлѣй спѣшу на кручу:
Мнѣ такъ тепло, мнѣ такъ свѣтло!
Прорѣзало густую тучу
Златое ангела крыло;
Пахнуло сладкимъ ароматомъ
И небо окатилось златомъ

И облилось румянцемъ розъ.
Душа разтаяла въ молитвѣ
И очи сыплютъ бисеръ слезъ.
Я вижу: не одинъ я въ битвѣ —
Кругомъ архангелы стоятъ,
Столпы небесъ, небесъ герои,
И златокрылыхъ воинствъ рои
Надъ человѣками кипятъ;
И шлютъ *своихъ* на битву бездны
И, полный силы и отвагъ,
Онъ высится, какъ столпъ желѣзный
Надъ безднoю, нашъ древній врагъ;
О, сколько копій изломалось
Объ это грозное чело,
И сколько разъ вотще касалось
Его архангеловъ крыло!
Завѣшанный своимъ покровомъ,
Изтканнымъ изъ густыхъ ночей,
Стоитъ въ молчаніи суровомъ,
Не смѣя вверхъ поднять очей;
Но къ намъ *такіе* мещетъ взоры
И такъ онъ смотритъ на земныхъ,
Что вѣковыя наши горы
Трясутся на осяхъ своихъ.
И смерть, какъ козлище, играя,
Съ своей губительной косой,
Убійцу жизни потѣшая,
Холмитъ могилы полосой...
О, какъ тутъ гибнутъ жизнь и младость,
И сколько класовъ и цвѣтовъ!
Въ тревогѣ цѣпенѣетъ радость,
Въ слезахъ и въ траурѣ любовь!...
Но что̀ погибельнѣй — *раздоры*,
Улыбкой подсластивъ уста,
Вошли въ народные соборы
И сѣли въ *первыя мѣста.*
Опрыскавъ ризы спиртомъ лести,
Чтобъ скрыть сердецъ ихъ смрадъ гнилой,
Подъ ложнымъ знаменемъ пользъ и чести,
Вошли съ кинжаломъ подъ полой!
Вошли — и бури заклубились,
Возстали разпри и борьба,
И древніе перемѣнились
Порядки, счастье и судьба.
Кипятъ, волнуютъ поколѣнья
И, землю обложивъ сѣтьми,

Вдувая въ души хладъ сомнѣнья
Отцовъ разсорили съ дѣтьми.
И пастырей срамятъ предъ стадомъ:
Однимъ и тѣмъ же пронятъ ядомъ
И тощій западъ, и востокъ;
И высоко, кичась, всплываетъ
На мятежахъ земныхъ порокъ.
Чего жь еще онъ ожидаетъ
Сей суемудрый, дерзкій родъ,
Какихъ мечей? какихъ невзгодъ?...
Довольно! Башню Вавилона
Не возвести до облаковъ!
Щадитъ борцовъ противъ закона
Долготерпящая любовь;
Но ужь смѣшалися языки:
Тамъ сѣчи, тутъ огни и клики,
И міръ пошелъ путемъ *инымъ!*
«Что жь будетъ?» жадно мы твердимъ, —
Но *будущность* и дни кончины,
Предъ нами завѣсомъ густымъ
Задернула рука судьбины.

Ѳ. ГЛИНКА.

ГРЕНАДИРЫ.

(Изъ Гейне.)

Обратно во Францію шли гренадиры
Изъ русскаго плѣна вдвоемъ;
И лишь добрались до нѣмецкой квартиры,
Ихъ вѣсть поражаетъ, какъ громъ, —

Что Франція гибнетъ, — она уступила,
Она проиграла войну,
И гвардія знамя въ бою опустила
И самъ императоръ въ плѣну.

Заплакали горько ихъ старыя очи.
— Товарищъ! одинъ говоритъ:
Мнѣ дальше пейдти ужь, товарищъ, нѣтъ мочи,
Горитъ моя старая рана, горитъ!

«Балъ конченъ, товарищъ» другой отвѣчаетъ:
«И я бы здѣсь умеръ съ тобой;
Но дома семейство меня поджидаетъ;
Что̀ будетъ съ дѣтьми и съ женой?»

— Какое мнѣ дѣло! пускай поджидаютъ...
Бросаю дѣтей и жену,
Голодною смертью пускай умираютъ:
Въ плѣну императоръ, въ плѣну!

Когда я умру здѣсь, ты тѣло съ собою
Возьми непремѣнно, камрадъ,
Пусть будетъ французской землею
Засыпанъ французскій солдатъ.

На ленточкѣ красной ты также положишь
Почетный мнѣ крестъ мой на грудь,
Ружье мое въ руки мнѣ вложишь
И штыкъ привинтить не забудь.

И буду лежать я неслышно, невидно
На стражѣ въ могилѣ моей,
Пока не раздастся громъ пушекъ призывный,
Да топотъ и ржанье коней:

То мой императоръ промчится съ полками,
Пора мнѣ изъ гроба вставать!
То мой императоръ промчится съ полками,
Я встану его защищать!

М. КАТКОВЪ.

КОСМОРАМА.

(*Пос. Гр. Е. П. Р—ой.*)

Quidquid est in externo est etia
in interno.

Неоплатоники.

═

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Страсть рыться въ старыхъ книгахъ часто приводитъ меня къ любопы пымъ открытіямъ; со временемъ надѣюсь большую часть изъ нихъ сообщит образованной публикѣ; но ко многимъ изъ нихъ я считаю необходимым присовокупить вступленіе, предисловіе, комментаріи и другія ученыя принад лежности; все это, разумѣется, требуетъ много времени, и потому я рѣшилс нѣкоторыя изъ моихъ открытій представить читателямъ просто въ томъ ви дѣ, въ какомъ они мнѣ достались.

На первый случай я намѣренъ подѣлиться съ публикой странною руко писью, которую я купилъ на аукціонѣ вмѣстѣ съ кипами старыхъ счетовъ домашнихъ бумагъ. Кто и когда писалъ эту рукопись, неизвѣстно, но главно то, что первая часть ея, составляющая отдѣльное сочиненіе, писана на по чтовой бумагѣ довольно-новымъ и даже красивымъ почеркомъ, такъ-что я, не переписывая, могъ отдать въ типографію. Слѣдственно здѣсь моего ничего нѣтъ; но можетъ случиться, что нѣкоторые изъ читателей посѣтуютъ на меня, зачѣмъ я многія мѣста въ ней оставилъ безъ объясненія? Спѣшу порадовать ихъ извѣстіемъ, что я готовлю къ ней до четырехсотъ комментарій, изъ которыхъ двѣсти уже окончены. Въ сихъ комментаріяхъ всѣ произшествія, описанныя въ рукописи, объяснены какъ дважды-два—четыре, такъ-что читателямъ не остается ни малѣйшихъ недоразумѣній: сіи комментаріи составятъ препорядочный томъ in-4° и будутъ изданы особою книгою. Между-тѣмъ я непрерывно тружусь надъ разборомъ продолженія сей рукописи, къ сожалѣнію, писанной весьма-нечетко, и не замѣдлю сообщить ее любознательной публикѣ; теперь же ограничусь увѣдомленіемъ, что продолженіе имѣетъ нѣкоторую связь съ нынѣ-печатаемыми листами, но обнимаетъ другую половину жизни сочинителя.

—

РУКОПИСЬ.

Еслибы я могъ предполагать, что мое существованіе будетъ цѣпью непонятныхъ, дивныхъ приключеній, я бы сохранилъ для потомства всѣ ихъ малѣйшія подробности. Но моя жизнь въ началѣ была такъ проста, такъ похожа на жизнь всякаго другаго человѣка, что мнѣ и въ голову не приходило не только записывать каждый свой день, но даже и вспоминать объ немъ. Чудныя обстоятельства, въ которыхъ я былъ и свидѣтелемъ, и дѣйствующимъ лицомъ, и жертвою, влились такъ нечувствительно въ мое существованіе, такъ естественно примѣшались къ обстоятельствамъ ежедневной жизни, что я въ первую минуту не могъ вполнѣ оцѣнить всю странность моего положенія.

Признаюсь, что, пораженный всѣмъ мною видѣннымъ, будучи рѣшительно не въ-состояніи отличить дѣйствительность отъ простой игры воображенія, я до-сихъ-поръ не могу отдать себѣ отчета въ моихъ ощущеніяхъ. Все остальное почти изгладилось изъ моей памяти; при всѣхъ усиліяхъ, вспоминаю лишь тѣ обстоятельства, которыя относятся къ явленіямъ *другой*, или, лучше сказать, *посторонней* жизни,—иначе не знаю какъ назвать то чудное состояніе, въ которомъ я нахожусь, котораго таинственныя звѣнья начинають съ моего дѣтскаго возраста, прежде, нежели я сталъ себя помнить и до-сихъ-поръ повторяются, съ ужасною логическою послѣдовательностію, нежданно и почти противъ моей воли; принужденный бѣжать людей, въ ежечасномъ страхѣ, чтобы малѣйшее движеніе моей души не обратилось въ преступленіе, я избѣгаю себѣ подобныхъ, въ отчаяніи повѣряю бумагѣ мою жизнь и тщетно въ усиліяхъ разума ищу средства выйдти изъ таинственныхъ сѣтей, мнѣ разставленныхъ. Но я замѣчаю, что все мною сказанное до-сихъ-поръ можетъ быть понятно лишь для меня, или для того, кто перешелъ чрезъ мои испытанія, и потому спѣшу приступить къ разсказу самыхъ произшествій. Въ этомъ разсказѣ нѣтъ ничего выдуманнаго, ничего изобрѣтеннаго для прикрасъ. Иногда я писалъ подробно, иногда сокращенно, смотря по тому, какъ мнѣ служила память — такъ я старался предохранить себя и отъ малѣйшаго вымысла. Я не берусь объяснять произшествія, со мной бывшія, ибо непонятное для читателя осталось и для меня непонятнымъ. Можетъ-быть, тотъ, кому извѣстенъ настоящій ключь къ гіероглифамъ человѣческой жизни, воспосреб-

зуется лучше меня моею собственною исторіею. Вотъ единственная цѣль моя!

—

Мнѣ было не болѣе пяти лѣтъ, когда, проходя однажды чрезъ тетушкину комнату, я увидѣлъ на столѣ родъ коробки, облѣпленной цвѣтною бумажкою, на которой золотомъ были нарисованы цвѣты, лица и разныя фигуры; весь этотъ блескъ удивилъ, приковалъ мое дѣтское вниманіе. Тетушка вошла въ комнату. «Чтò это такое?» спросилъ я съ нетерпѣніемъ.

— Игрушка, которую прислалъ тебѣ нашъ докторъ Бинъ; но тебѣ ее дадутъ тогда, когда ты будешь уменъ. Съ сими словами тетушка отодвинула ящикъ ближе къ стѣнѣ, такъ-что я могъ издали видѣть лишь одну его верхушку, на которой былъ насаженъ великолѣпный флагъ самаго яркаго алаго цвѣта.

(Я долженъ предъувѣдомить моихъ читателей, что у меня не было ни отца, ни матери, и я воспитывался въ домѣ моего дяди.)

Дѣтское любопытство было раздражено и видомъ ящика и словами тетушки; игрушка, и еще игрушка для меня назначенная! Тщетно я ходилъ по комнатѣ, заглядывалъ то съ той, то съ другой стороны, чтобы посмотрѣть на обольстительный ящикъ: тетушка была неумолима; скоро ударило 9 часовъ и меня уложили спать; однако мнѣ не спалось; едва я заводилъ глаза, какъ мнѣ представлялся ящикъ со всѣми его золотыми цвѣтами и флагами; мнѣ казалось, что онъ растворялся, что изъ него выходили прекрасныя дѣти въ золотыхъ платьяхъ и манили меня къ себѣ — я пробуждался; наконецъ я рѣшительно не могъ заснуть, не смотря на всѣ увѣщанія нянюшки; когда же она мнѣ погрозилась тетушкою, я принялъ другое намѣреніе: мой дѣтскій умъ быстро разсчелъ, что если я засну, то нянюшка, можетъ-быть, выйдетъ изъ комнаты, и что тетушка теперь въ гостиной; я притворился спящимъ. Такъ и случилось. Нянюшка вышла изъ комнаты—я вскочилъ проворно съ постели и пробрался въ тетушкинъ кабинетъ; придвинуть стулъ къ столу, взобраться на стулъ, ухватить руками завѣтный, очаровательный ящикъ—было дѣломъ одного мгновенія. Теперь только, при тускломъ свѣтѣ ночной лампы, я замѣтилъ, что въ ящикѣ было круглое стекло, сквозь которое виднѣлся свѣтъ; оглянувшись, чтобы посмотрѣть, нейдетъ ли тетушка, я приложилъ глаза къ стеклу и увидѣлъ рядъ прекрасныхъ, богато-убранныхъ комнатъ, по которымъ ходили незнакомые мнѣ люди, богато одѣтые; вездѣ блистали лампы, зеркала, какъ-будто

былъ какой-то праздникъ; но вообразите себѣ мое удивленіе, когда въ одной изъ отдаленныхъ комнатъ я увидѣлъ свою тетушку; возлѣ нея стоялъ мужчина и горячо цаловалъ ея руку, а тетушка обнимала его; однакожь этотъ мужчина былъ не дядюшка; дядюшка былъ довольно-толстъ, черноволосъ и ходилъ во фракѣ; а этотъ мужчина былъ прекрасный, стройный, бѣлокурый офицеръ съ усами и шпорами. Я не могъ довольно имъ налюбоваться. Мое возхищеніе было прервано щипкомъ за ухо; я обернулся— передо мной стояла тетушка.

«Ахъ, тетушка! какъ, вы здѣсь? а я васъ сейчасъ тамъ видѣлъ..»

— Какой вздоръ!...

«Какъ же, тетушка! и бѣлокурый, пребравый офицеръ цаловалъ у васъ руку...»

Тетушка вздрогнула, разсердилась, прикрикнула и за ухо отвела меня въ мою спальню.

На другой день, когда я пришелъ поздороваться съ тетушкой, она сидѣла за столомъ; передъ нею стоялъ таинственный ящикъ, но только крышка съ него была снята и тетушка вынимала изъ него разныя вырѣзанныя картинки. Я остановился, боялся пошевельнуться, думая, что мнѣ достанется за мою вчерашнюю проказу, но, къ удивленію, тетушка не бранила меня, а, показывая вырѣзанныя картинки, спросила: «Ну, гдѣ же ты здѣсь меня видѣлъ? покажи.» Я долго разбиралъ картинки: тутъ были пастухи, коровки, Тирольцы, Турки, были и богато-наряженныя дамы, и офицеры, но между ними я не могъ найдти ни тетушки, ни бѣлокураго офицера. Между-тѣмъ этотъ разборъ удовлетворилъ мое любопытство; ящикъ потерялъ для меня свое очарованіе и скоро гнѣдая лошадка на колесахъ заставила меня совсѣмъ забыть о немъ.

Скоро, въ-слѣдъ за тѣмъ, я услышалъ въ дѣтской, какъ нянюшки разсказывали другъ другу, что у насъ въ домѣ пріѣзжій, братецъ-гусаръ, и проч. т. п. Когда я пришелъ къ дядюшкѣ, у него сидѣли съ одной стороны на креслахъ тетушка, а съ другой мой бѣлокурый офицеръ. Едва успѣлъ онъ сказать мнѣ нѣсколько ласковыхъ словъ, какъ я вскричалъ:

«Да я васъ знаю, сударь!»

— Какъ знаешь? спросилъ съ удивленіемъ дядюшка.

«Да я ужь видѣль васъ...»

— «Гдѣ видѣлъ? что̀ ты говоришь, Володя?» сказала тетушка сердитымъ голосомъ.

«Въ ящикѣ» отвѣчалъ я съ простодушіемъ.

Тетушка захохотала:

—«Онъ видѣлъ гусара въ косморамѣ» сказала она.

Дядюшка также засмѣялся. Въ это время вошелъ докторъ Винъ; ему разсказали причину общаго смѣха, а онъ, улыбаясь, повторялъ мнѣ: «да, точно, Володя, ты тамъ его видѣлъ».

Я очень полюбилъ Поля (такъ называли дальняго братца тетушки), а особливо его гусарскій костюмъ; я бѣгалъ къ Полю безпрестанно, потому-что онъ жилъ у насъ въ домѣ—въ комнатѣ за оранжереей; да сверхъ-того онъ, казалось, очень любилъ игрушки, потому-что когда онъ сидѣлъ у тетушки въ комнатѣ, то безпрестанно посылалъ меня въ дѣтскую, то за тою, то за другою игрушкой.

Однажды, что̀ меня очень удивило, я принесъ Полю чудеснаго паяца, котораго только-что мнѣ подарили, и который руками и ногами выкидывалъ удивительныя штуки; я его держалъ за веревочку, а Поль между-тѣмъ за стуломъ держалъ руку у тетушки; тетушка же плакала. Я подумалъ, что тетушкѣ стало жаль паяца, отложилъ его въ сторону, и отъ скуки принялся за другую работу. Я взялъ два кусочка воска и нитку; одинъ ея конецъ прилѣпилъ къ одной половинѣ двери, а другой конецъ къ другой. Тетушка и Поль смотрѣли на меня съ удивленіемъ.

«Что̀ ты дѣлаешь, Володя?» спросила меня тетушка: «кто тебя этому научилъ?»

— Дядя такъ дѣлалъ сегодня поутру.

И тетушка и Поль вздрогнули.

«Гдѣ же это онъ дѣлалъ?» спросила тетушка.

— У оранжерейной двери, отвѣчалъ я.

Въ эту минуту тетушка и Поль взглянули другъ на друга очень странныиъ образомъ.

«Гдѣ твой гнѣдко̀?» спросилъ меня Поль: «приведи ко мнѣ его; я бы хотѣлъ на немъ поѣздить.»

Въ-торопяхъ я побѣжалъ въ дѣтскую; но какое-то невольное чувство заставило меня остановиться за дверью, и я увидѣлъ, что тетушка съ Полемъ пошли поспѣшно къ оранжерейной двери, которая, не забудьте, вела къ тетушкину кабинету, тщательно ее осматривали, и что Поль перешагнулъ черезъ нитку, приклеенную поутру дядюшкою; послѣ чего Поль съ тетушкою долго смѣялись.

Въ этотъ день они оба ласкали меня болѣе обыкновеннаго.

Вотъ два замѣчательнѣйшія произшествія моего дѣтства, которыя остались въ моей памяти. Все остальное не заслуживаетъ вниманія благосклоннаго читателя. Меня свезли къ дальней родственницѣ, которая отдала меня въ пансіонъ. Въ пансіонѣ я получалъ письма отъ дядюшки изъ Симбирска, отъ тетушки изъ Швейцаріи, иногда съ приписками Поля. Со-временемъ письма становились рѣже и рѣже, изъ пансіона поступилъ я прямо на службу, гдѣ получилъ извѣстіе, что дядюшка скончался, оставивъ меня по себѣ единственнымъ наслѣдникомъ. Много лѣтъ прошло съ-тѣхъ-поръ; я успѣлъ наслужиться, испытать голода, холода, сплина, нѣсколько обманутыхъ надеждъ; наконецъ отпросился въ отпускъ, въ матушку-Москву, съ самымъ байроническимъ расположеніемъ духа и съ твердымъ намѣреніемъ не давать прохода ни одной женщинѣ.

Не смотря на время, которое протекло со дня отъѣзда моего изъ Москвы, вошедши въ дядюшкинъ домъ, который сдѣлался моимъ, я ощутилъ чувство неизъяснимое. Надобно пройдти долгую, долгую жизнь, мятежную, полную страстей и мечтаній, горькихъ опытовъ и долгой думы, чтобъ понять это ощущеніе, которое производитъ видъ стараго дома, гдѣ каждая комната, стулъ, зеркало напоминаетъ намъ произшествія дѣтства. Это явленіе объяснить трудно, но оно дѣйствительно существуетъ, и всякій испыталъ его на себѣ. Можетъ-быть, въ дѣтствѣ мы больше мыслимъ и чувствуемъ, нежели сколько обыкновенно полагаютъ; только этихъ мыслей, этихъ чувствъ мы не въ-состояніи обозначать словами, и отъ-того забываемъ ихъ. Можетъ-быть эти произшествія внутренней жизни остаются прикованными къ вещественнымъ предметамъ, которые окружали насъ въ дѣтствѣ, и которые служатъ для насъ такими же знаками мыслей, какими слова въ обыкновенной жизни. И когда, послѣ долгихъ лѣтъ, мы встрѣчаемся съ этими предметами, тогда старый, забытый міръ нашей дѣвственной души возстаетъ предъ нами, и безмолвные его свидѣтели разсказываютъ намъ такія тайны нашего внутренняго бытія, которыя безъ того были бы для насъ совершенно-потеряны. Такъ натуралистъ, возвратясь изъ долгаго странствованія, перебираетъ съ наслажденіемъ собранные имъ и частію забытые рѣдкіе растенія, раковины, минералы, и каждый изъ нихъ напоминаетъ ему рядъ мыслей, которыя возбуждались въ душѣ его посреди опасностей страннической жизни. По-крайней-мѣрѣ, я съ такимъ чувствомъ пробѣжалъ рядъ комнатъ, напоминавшихъ мнѣ мою мла-

денческую жизнь; быстро дошелъ я до тетушкина кабинета.. Все въ немъ оставалось на своемъ мѣстѣ: коверъ, на которомъ я игралъ; въ углу обломки игрушекъ; подъ зеркаломъ каминъ, въ которомъ, казалось, только вчера еще погасли уголья; на столѣ, на томъ же мѣстѣ, стояла косморама, почернѣвшая отъ времени. Я велѣлъ затопить каминъ и усѣлся въ кресла, на которыя, бывало, съ трудомъ могъ вскарабкаться. Смотря на все меня окружающее, я невольно сталъ припоминать всѣ происшествія моей дѣтской жизни. День за днемъ, какъ китайскія тѣни, мелькали они предо мною; наконецъ я дошелъ до вышеописанныхъ случаевъ между тетушкою и Полемъ; надъ диваномъ висѣлъ ея портретъ; она была прекрасная черноволосая женщина, которой смуглый румянецъ и выразительные глаза высказывали огненную повѣсть о внутреннихъ движеніяхъ ея сердца; на другой сторонѣ висѣлъ портретъ дядюшки, дороднаго, толстаго мужчины, у котораго въ простомъ, по-видимому, взорѣ была видна тонкая русская сметливость. Между выраженіемъ лицъ обоихъ портретовъ была цѣлая бездна. Сравнивъ ихъ, я понялъ все, что мнѣ въ дѣтствѣ казалось непонятнымъ. Глаза мои невольно устремились на космораму, которая играла такую важную роль въ моихъ воспоминаніяхъ; я старался понять, отъ-чего въ ея образахъ я видѣлъ то, что дѣйствительно случилось, и прежде нежели случилось. Въ этомъ размышленіи я подошелъ къ ней, подвинулъ ее къ себѣ, и съ чрезвычайнымъ удивленіемъ въ запыленномъ стеклѣ увидѣлъ свѣтъ, который еще живѣе напомнилъ мнѣ видѣнное мною въ моемъ дѣтствѣ. Признаюсь, не безъ невольнаго трепета и не отдавая себѣ отчета въ моемъ поступкѣ, я приложилъ глаза къ очарованному стеклу. Холодный потъ пробѣжалъ у меня по лицу, когда въ длинной галлереѣ косм止ы я снова увидѣлъ тотъ рядъ комнатъ, который представлялся мнѣ въ дѣтствѣ; тѣ же украшенія, тѣ же колонны, тѣ же картины, также былъ праздникъ; но лица были другія: я узналъ многихъ изъ теперешнихъ моихъ знакомыхъ, и наконецъ въ отдаленной комнатѣ самого-себя; я стоялъ возлѣ прекрасной женщины и говорилъ ей самыя нѣжныя рѣчи, которыя глухимъ шопотомъ отдавались въ моемъ слухѣ... Я отскочилъ съ ужасомъ, выбѣжалъ изъ комнаты на другую половину дома, призвалъ къ себѣ человѣка и разспрашивалъ его о разномъ вздорѣ только для-того, чтобъ имѣть возлѣ себя какое-нибудь живое существо. Послѣ долгаго разговора, я замѣтилъ, что мой собесѣдникъ начинаетъ дремать; я сжалился надъ нимъ и отпустилъ его; между-тѣмъ за-

ря уже начала заниматься; этотъ видъ успокоилъ мою волнующуюся кровь; я бросился на диванъ и заснулъ, но сномъ безпокойнымъ; въ сновидѣніяхъ мнѣ безпрестанно являлось то, что̀ я видѣлъ въ космoрамѣ, которая мнѣ представлялась въ образѣ огромнаго зданія, гдѣ все — колонны, стѣны, картины, люди — все говорило языкомъ, для меня непонятнымъ, но который производилъ во мнѣ ужасъ и содроганіе.

По-утру меня разбудилъ человѣкъ извѣстіемъ, что ко мнѣ пришелъ старый знакомый моего дядюшки, докторъ Бинъ. Я велѣлъ принять его. Когда онъ вошелъ въ комнату, мнѣ показалось, что онъ совсѣмъ не перемѣнился съ-тѣхъ-поръ, какъ я его видѣлъ лѣтъ двадцать тому назадъ; тотъ же синій фракъ съ бронзовыми фигурными пуговицами, тотъ же клокъ сѣдыхъ волосъ, которые торчали надъ его сѣрыми, спокойными глазами, тотъ же всегда-улыбающійся видъ, съ которымъ онъ заставлялъ меня глотать ложку ревеня, и та же трость съ золотымъ набалдашникомъ, на которой я, бывало, ѣздилъ верхомъ. Послѣ многихъ разговоровъ, послѣ многихъ возпоминаній, я невольно завелъ рѣчь о космoрамѣ, которую онъ подарилъ мнѣ въ моемъ дѣтствѣ.

«Не уже ли она цѣла еще?» спросилъ докторъ, улыбаясь: «тогда это была еще первая космoрама, привезенная въ Москву; теперь она во всѣхъ игрушечныхъ лавкахъ. Ка̀къ разпространяется просвѣщеніе!» прибавилъ онъ съ глупо-простодушнымъ видомъ.

Между-тѣмъ я повелъ доктора показать ему его старинный подарокъ; признаюсь, не безъ невольнаго трепета я переступилъ чрезъ порогъ тетушкина кабинета; но присутствіе доктора, а особливо его спокойный, пошлый видъ меня ободрили.

«Вотъ ваша чудесная космoрама» сказалъ я ему, показывая на нее... Но я не договорилъ: въ выпукломъ стеклѣ мелькнулъ блескъ и привлекъ все мое вниманіе.

Въ темной глубинѣ космoрамы я явственно различилъ самого-себя и возлѣ меня доктора Бина; но онъ былъ совсѣмъ не тотъ хотя сохранялъ ту же одежду. Въ его глазахъ, которые мнѣ казались столь простодушными, я видѣлъ выраженіе глубокой скорби; всѐ смѣшное въ комнатѣ принимало въ очаровательномъ стеклѣ видъ величественный; тамъ онъ держалъ меня за руку, говорилъ мнѣ что-то невнятное и я съ почтеніемъ его слушалъ.

«Видите, видите!» сказалъ я доктору, показывая ему на стекло «видите ль вы тамъ себя и меня?» — Съ этими словами я приложилъ руку къ ящику; въ сію минуту мнѣ сдѣлались внятными

слова, произносившіяся на этой странной сценѣ, и когда докторъ взялъ меня за руку и сталъ щупать пульсъ, говоря: «что съ вами?» его двойникъ улыбнулся. «Не вѣрь ему» говорилъ сей послѣдній, «или лучше сказать не вѣрь мнѣ въ твоемъ мірѣ. Тамъ я самъ не знаю, что дѣлаю, но здѣсь я понимаю мои поступки, которые въ вашемъ мірѣ представляются въ видѣ *невольныхъ побужденій*. Тамъ я подарилъ тебѣ игрушку, самъ не зная для-чего, но здѣсь я имѣлъ въ виду предостеречь твоего дядю и моего благодѣтеля отъ несчастія, которое грозило всему вашему семейству. Я обманулся въ разсчетахъ человѣческаго суемудрія; ты въ своемъ дѣтствѣ случайно прикоснулся къ очаровательнымъ знакамъ, начертаннымъ сильною рукою на магическомъ стеклѣ. Съ той минуты я невольно передалъ тебѣ чудную, счастливую и вмѣстѣ бѣдственную способность; съ той минуты въ твоей душѣ разтворилась дверь, которая всегда будетъ открываться для тебя неожиданно, противъ твоей воли, по законамъ, мнѣ и здѣсь непостижимымъ. Злополучный счастливецъ! ты — ты можешь все видѣть, — все, безъ покрышки, безъ звѣздной пелены, которая для меня самого *тамъ* непроницаема. Мои мысли я долженъ передавать себѣ посредствомъ сцѣпленія мелочныхъ обстоятельствъ жизни, посредствомъ символовъ, тайныхъ побужденій, темныхъ намековъ, которые я часто понимаю криво или которыхъ вовсе не понимаю. Но не радуйся: если бы ты зналъ, какъ я скорблю надъ роковымъ моимъ даромъ, надъ ослѣпившею меня гордостію человѣка; я не подозрѣвалъ, безразсудный, что чудная дверь въ тебѣ разкрылась равно для благаго излаго, для блаженства и гибели.... и, повторяю, уже никогда не затворится. Береги себя, сынъ мой,—береги меня.... За каждое твое дѣйствіе, за каждую мысль, за каждое чувство я отвѣчаю наравнѣ съ тобою. Посвященный! сохрани себя отъ роковаго закона, которому подвергается звѣздная мудрость! Не умертви твоего посвятителя!»... Видѣніе зарыдало.

«Слышете, слышете?» сказалъ я: «что вы тамъ говорите?» вскричалъ я съ ужасомъ.

Докторъ Бинъ смотрѣлъ на меня съ безпокойнымъ удивленіемъ.

— Вы сегодня нездоровы, говорилъ онъ. Долгое путешествіе, увидѣли старый домъ, вспомнили былое,—все это встревожило ваши нервы, дайте-ка я вамъ пропишу микстуру.

«Знаешь ли, что тамъ у васъ, я думаю» отвѣчалъ двойникъ доктора: «я думаю просто, что ты помѣшался. Оно такъ и должно

быть — у васъ долженъ казаться сумасшедшимъ тотъ, кто въ вашемъ мірѣ говоритъ языкомъ нашего. Какъ я страненъ, какъ я жалокъ въ этомъ образѣ! и мнѣ нѣтъ силъ научить, вразумить себя,—такъ грубы мои чувства, спеленанъ мой умъ, въ слухѣ звѣздные звуки,—я не слышу себя, я не вижу себя! Какое терзанье! и еще кто знаетъ, можетъ-быть въ другомъ, въ высшемъ мірѣ я кажусь еще болѣе страннымъ и жалкимъ. Горе! горе!»

— Выйдемте отсюда, любезный Владиміръ Петровичъ, сказалъ настоящій докторъ Бинъ: вамъ нужна діета, постель, а здѣсь какъ-то холодно; меня морозъ по кожѣ подираетъ.

Я отнялъ руку отъ стекла: все въ немъ исчезло, докторъ вывелъ меня изъ комнаты, я въ раздумьи слѣдовалъ за нимъ какъ ребенокъ.

Микстура подѣйствовала; на другой день я былъ гораздо спокойнѣе, и приписалъ все видѣнное мною разстроеннымъ нервамъ. Докторъ Бинъ догадался, велѣлъ уничтожить эту странную косвораму, которая такъ сильно потрясала мое сильное воображеніе, по возпоминаніямъ ли, или по другой какой-либо неизвѣстной мнѣ причинѣ. Признаюсь, я очень былъ доволенъ этимъ разпоряженіемъ доктора, какъ-будто какой камень спалъ съ моей груди;—я быстро выздоравливалъ, и наконецъ докторъ позволилъ, даже приказалъ мнѣ выѣзжать и стараться какъ-можно-больше искать перемѣны предметовъ и всякаго рода разсѣянности. «Это совершенно необходимо для вашихъ разстроенныхъ нервовъ» говорилъ докторъ.

Кстати я вспомнилъ, что къ моимъ знакомымъ и роднымъ я еще не являлся съ визитомъ. Объѣздивъ кучу домовъ, изтративъ почти всѣ свои визитные билеты, я остановилъ карету у Петровскаго Бульвара и вышелъ съ намѣреніемъ дойдти пѣшкомъ до Рожественскаго Монастыря; невольно я останавливался на всякомъ шагу, вспоминая былое и любуясь улицами Москвы, которыя кажутся такъ живописными послѣ однообразныхъ петербуржскихъ стѣнъ, вытянутыхъ въ шеренгу. Небольшой переулокъ на Трубѣ тянулся въ гору, по которой разсыпаны были маленькіе домики, построенные на зло всѣмъ правиламъ архитектуры, и можетъ-быть потому еще болѣе красивые; ихъ пестрота веселила меня въ дѣтствѣ и теперь сново поражала меня своею прихотливою небрежностію. По дворамъ, едва огороженнымъ, торчали деревья, а между деревьями развѣшаны были разныя домашнія принадлежности; надъ домомъ въ три этажа и въ одно окошко, выкрашеннымъ крас-

ною краскою, возвышалась огромная зеленая решетка въ видѣ голубятни, которая, казалось, придавливала весь домъ. Лѣтъ двадцат тому назадъ эта голубятня была для меня предметомъ удивлені я зналъ очень - хорошо этотъ домъ; съ-тѣхъ-поръ онъ нимало н перемѣнился, только съ бока придѣлали новую пристройку в одинъ этажъ, и какъ-будто нарочно выкрасили желтою краскок съ нагорья была видна внутренность двора; по немъ величав ходили дворовыя птицы, и многочисленная дворня весело суети лась вокругъ краснобая, пряничника. Теперь я глядѣлъ на этот домъ другими глазами, видѣлъ ясно всю нелѣпость и безвкусі его устройства, но, не смотря на то, видъ его возбуждалъ въ душ такія чувства, которыхъ никогда не возбудятъ вылощенные петербуржскіе дома, которые, кажется, готовы разшаркаться по мостовой вмѣстѣ съ проходящими, и которые, подобно своимъ обитателямъ, такъ опрятны, такъ скучны и холодны. Здѣсь напротивъ все носило отпечатокъ живой, привольной домашней жизни, здѣсь видно было, что жили для себя, а не для другихъ, и, что̀ всего важнѣе, располагались жить не на одну минуту, а на цѣлое поколѣніе. Погрузившись въ философскія размышленія, я нечаянно взглянулъ на ворота и увидѣлъ имя одной изъ моихъ тетушекъ, которую тщетно отъискивалъ на Моховой; поспѣшно вошелъ я въ ворота, которые, по древнему московскому обычаю, никогда не были затворены, вошелъ въ переднюю, которая также по московскому обычаю, никогда не была заперта. Въ передней спали нѣсколько слугъ, потому-что былъ полдень; мимо ихъ я прошелъ преспокойно въ столовую, *передгостиную*, гостиную, и наконецъ такъ-называемую боскетную, гдѣ, подъ тѣнью нарисованныхъ деревьевъ, сидѣла тетушка и раскладывала гран-пасьянсъ. Она ахнула, увидѣвъ меня; но когда я назвалъ себя, тогда ея удивленіе превратилось въ радость.

«На-силу ты, батюшка, вспомнилъ обо мнѣ!» сказала она. «Вотъ сегодня ужь ровно двѣ недѣли въ Москвѣ, а не могъ заглянуть ко мнѣ.»

— Какъ, тетушка, вы ужь знаете?

«Какъ не знать, батюшка! по газетамъ видѣла. Вишь, вы нынче люди тонные, только по газетамъ объ васъ и узнаемъ. Вижу: пріѣхалъ поручикъ ***. Ба! говорила я, да это мой племянникъ! смотрю, когда пріѣхалъ — 10 числа, а сегодня 24-е.»

— Увѣряю васъ тетушка, что я не могъ отъискать васъ.

«И, батюшка! хотѣлъ бы отъискать—отъискалъ бы. Да что̀ и го-

ворить, хотьбы когда строчку написалъ! а вѣдь я тебя маленькаго на рукахъ носила,—ужь не говорю часто, а хоть бы въ свѣтлое воскресенье съ праздникомъ поздравилъ.»

— Признаюсь, я не находилъ, что ей отвѣчать, какъ вѣжливѣе объяснить ей, что съ пятилѣтняго возраста я могъ едва упомнить ея имя. Къ-счастію, она перемѣнила разговоръ.

«Да какъ это ты вошелъ? Объ тебѣ не доложили: вѣрно никого въ передней нѣтъ. Вотъ, батюшка, шестьдесятъ лѣтъ на свѣтѣ живу, а не могу порядка въ домѣ завести. Соня, Соня! позвони въ колокольчикъ.» При сихъ словахъ въ комнату вошла дѣвушка лѣтъ 17-ти, въ бѣломъ платьѣ. Она не успѣла позвонить въ колокольчикъ... «Ахъ, батюшка, да васъ надобно познакомить: вѣдь она тебѣ роденька, хоть и дальняя... Какъ же! дочь князя Миславскаго, твоего двоюроднаго дядюшки. Соня, вотъ тебѣ братецъ Владиміръ Петровичъ. Ты часто объ немъ слыхивала; вишь, какой молодецъ!»

Соня закраснѣлась, потупила свои хорошенькіе глазки, и пробормотала мнѣ что-то ласковое. Я сказалъ ей нѣсколько словъ, и мы усѣлись.

«Впрочемъ, немудрено, батюшка, что ты не отъискалъ меня» продолжала словоохотливая тетушка. «Я вѣдь свой домъ продала да вотъ этотъ купила. Вишь какой пестрый, да, правду сказать, не затѣмъ купила, а отъ-того, что близко Рожественскаго Монастыря, гдѣ всѣ мои голубчики родные лежатъ; а домъ, нечего сказать, славный, теплый, да и съ какими затѣями: видишь какая славная боскетная; когда въ корридорѣ свѣчку засвѣтятъ, то у меня здѣсь точно мѣсячная ночь.»

Въ-самомъ-дѣлѣ, взглянувъ на стѣну, я увидѣлъ грубо-вырѣзанное въ стѣнѣ подобіе полумѣсяца, въ которое вставлено было зеленоватое стекло. «Видишь, батюшка, какъ славно придумано. Днемъ въ корридоръ свѣтитъ, а ночью ко мнѣ. Ты, я чаю, помнишь мой старый домъ?»

— Какъ-же тетушка! отвѣчалъ я, невольно улыбаясь.

«А теперь дай-ка, похвастаюсь моимъ новымъ домкомъ.»

Съ сими словами тетушка встала и Соня послѣдовала за ней. Она повела насъ черезъ рядъ комнатъ, которыя, казалось, были придѣланы другъ къ другу безъ всякой цѣли; однакоже, при болѣе внимательномъ обзорѣ, легко было замѣтить, что въ нихъ все придумано было для удобства и спокойствія жизни. Вездѣ большія свѣтлыя окошки, широкія лежанки, маленькія двери, которыя, казалось, были не на мѣстѣ, но между-тѣмъ служили для

болѣе-удобнаго сообщенія между жителями дома. Наконецъ мы дошли до комнаты Сони, которая отличалась отъ другихъ комнатъ особенною чистотою и порядкомъ; у стѣнки стояли маленькія клавикорды, на столѣ букетъ цвѣтовъ, возлѣ него старая библія, на большомъ коммодѣ старинной формы съ бронзою я замѣтилъ нѣсколько томовъ старыхъ книгъ, которыхъ заглавія заставили меня улыбнуться.

«А вотъ здѣсь у меня Соня живетъ» сказала тетушка. «Видишь, кàкъ все у ней къ мѣсту приставлено; нѐчего сказать, чистоплотная дѣвка; одна у насъ съ нею только бѣда: работы не любитъ, а все любитъ книжки читать. Ну, самъ ты скажи, пожалуй, чтò за работа дѣвушкѣ книжки читать, да еще все по-нѣмецки — вишь Нѣмкой была воспитана.»

Я хотѣлъ сказать нѣсколько словъ въ оправданіе прекрасной дѣвушки, которая все молчала, краснѣла и потупляла глаза въ землю, но тетушка прервала меня:

«Полно, батюшка, фарлакурить! Мы знаемъ, вѣдь ты петербуржскій модный человѣкъ. У васъ правды на волосъ нѣтъ, а дѣвка то подумáетъ, что она въ-самомъ-дѣлѣ дѣло дѣлаетъ.»

Съ этой минуты я смотрѣлъ на Соню другими глазами: ничто насъ столько не знакомитъ съ человѣкомъ, какъ видъ той комнаты, въ которой онъ проводитъ большую часть своей жизни, и недаромъ новые романисты съ такимъ усердіемъ описываютъ мёбели своихъ героевъ; теперь можно и съ большею справедливостію переиначить старинную поговорку: «скажи мнѣ, гдѣ ты живешь — я скажу, кто ты».

Тетушка была по-видимому смертная охотница покупать домà и строиться; она подробно разсказывала мнѣ, какъ она пріискала этотъ домъ, какъ его купила, какъ его передѣлала, чтò ей стоили подрядчики, плотники, бревна, доски, гвозди. А я отвѣчалъ ей незначащими фразами, и со вниманіемъ знатока разсматривалъ Соню, которая все молчала. Она была, нѐчего сказать, прекрасна: разсыпанные по плечамъ à la Valiere русые волосы, которые безъ поэтическаго обмана можно было назвать каштановыми, черные блестящіе глазки, вострый носикъ, маленькія прекрасныя ножки,— все въ ней исчезло передъ особеннымъ гармоническимъ выраженіемъ лица, котораго нельзя уловить ни въ какую фразу... Я воспользовался той минутой, когда тетушка переводила духъ и сказалъ Сонѣ: «вы любите чтеніе?»

— Да, я люблю иногда чтеніе...

«Но, кажется, у васъ мало книгъ?»

— Много ли нужно человѣку!

Эта поговорка, примѣненная къ книгамъ, показалась мнѣ довольно-смѣшною.

«Вы знаете по-нѣмецки. Читали ли вы Гёте, Шиллера, Шекспира, въ переводѣ Шлегеля?»

— Нѣтъ.

«Позвольте мнѣ привести вамъ эти книги...»

— Я вамъ буду очень-благодарна.

— «Да, батюшка, ты Богъ-знаетъ чего надаешь ей» сказала тетушка.

— О, тетушка, будьте увѣрены...

— «Прошу батюшка, привести такихъ, которыя позволены.»

— О, безъ-сомнѣнія!

— «Чудное дѣло! Вотъ я дожила до 60 лѣтъ, а не могу понять, что̀ утѣшнаго находятъ въ книгахъ. Въ молодости я спросила однажды, какая лучшая въ свѣтѣ книга? мнѣ отвѣчали: «Россіяда сенатора Хераскова». Вотъ я и принялась ее читать; только, такая, батюшка, скука взяла, что я и десяти страницъ не прочла; тутъ я подумала, что̀ жь если лучшая въ свѣтѣ книга такъ скучна, что̀ жь должны быть другія? И ужь не знаю, я ли глупа или что̀ другое, только съ-тѣхъ-поръ, кромѣ газетъ, ничего не читаю, да и тамъ только о пріѣзжающихъ.»

На эту литературную критику тетушки я не нашелся ничего отвѣчать, кромѣ того, что книги бываютъ различныя, и вкусы бываютъ различные. Тетушка возвратилась въ гостиную, мы съ Софьею медленно за ней слѣдовали и на минуту остались почти одни.

«Не смѣйтесь надъ тетушкою» сказала мнѣ Софья, какъ-бы угадывая мои мысли: «она права; понимать книги очень-трудно; вотъ, на-примѣръ, мой опекунъ очень любитъ басню Стрекоза и Муравей; я никогда не могла понять, что̀ въ ней хорошаго; опекунъ всегда приговаривалъ: ай-да молодецъ муравей! а мнѣ всегда бывало жалко бѣдной стрекозы и досадно на жестокаго муравья. Я уже многимъ говорила, нельзя ли попросить сочинителя, чтобы онъ перемѣнилъ эту басню, но надъ мной всѣ смѣялись.»

— Немудрено, милая кузина, потому-что сочинитель этой басни умеръ еще до французской революціи.

«Что̀ это такое?»

Я невольно улыбнулся такому милому невѣжеству и постарался въ короткихъ словахъ дать моей собесѣдницѣ понятіе о семъ ужасномъ происшествіи.

Софія была видимо встревожена, слезы показались у нея на глазахъ.

«Я этого и ожидала» сказала она послѣ нѣкотораго молчанія.

— Чего вы ожидали?

«То, чтò вы называете французскою революціею, непремѣнно должно было произойдти отъ басни «Стрекоза и Муравей».

Я разхохотался. Тетушка вмѣшалась въ нашъ разговоръ: «Чтò у васъ тамъ такое? Вишь она какъ съ тобою разкудахталась — а со мной такъ все молчитъ. Чтò ты ей тамъ напѣваешь?»

— Мы разсуждаемъ съ кузиной о французской революціи.

«Помню, помню батюшка; это когда кофей и сахаръ вздорожали...»

— Почти-такъ, тетушка...

«Тогда и пудру ужь начали покидать; я жила тогда въ Петербургѣ; пріѣхали Французы—смѣшно было смотрѣть на нихъ, словно изъ бани вышли; теперь-то немножко попривыкли. Чтò за время было, батюшки!»

Долго еще толковала тетушка объ этомъ времени, перепутывала всѣ эпохи, разсказывала, какъ нельзя было найдти ни гвоздики, ни корицы; что вмѣсто praванскаго масла, дѣлали салатъ со сливками и проч. т. п.

Наконецъ я разпростился съ тетушкой, разумѣется, послѣ клятвенныхъ обѣщаній навѣщать ее какъ-можно-чаще. На этотъ разъ я не лгалъ: Соня мнѣ очень приглянулась.

На другой день явились книги, за ними я самъ; на третій, на четвертый день—то же.

«Кàкъ вамъ понравились мои книги?» спросилъ я однажды у Софіи.

— Извините, я позволила себѣ замѣтить то, чтò въ нихъ мнѣ понравилось...

«Напротивъ, я очень-радъ. Кàкъ бы я хотѣлъ видѣть ваши замѣтки!»

Софья принесла мнѣ книги. Въ Шекспирѣ была замѣчена фраза: «Да, другъ Гораціо, много въ семъ мірѣ такого, чтò и не снилось нашимъ мудрецамъ». Въ «Фаустѣ» Гёте, была отмѣчена только та маленькая сцена, гдѣ Фаустъ съ Мефистофелемъ скачутъ по пустынной равнинѣ.

«Чѣмъ же особенно понравилась вамъ именно эта сцена?»

— Развѣ вы не видите, отвѣчала Софія простодушно: что Мефистофель спѣшитъ; онъ гонитъ Фауста, говоритъ, что тамъ колдуютъ; — но не уже ли Мефистофель боится колдовства?

«Вь-самомъ-дѣлѣ, я никогда не понималъ этой сцены!»

— Какъ это можно? это самая понятная, самая свѣтлая сцена Развѣ вы не видите, что Мефистофель обманываетъ Фауста? Онъ боится,—здѣсь не колдовство, здѣсь совсѣмъ другое... Ахъ, если бы Фаустъ остановился!...

«Гдѣ вы все это видите? спросилъ я съ удивленіемъ».

—Я... я васъ увѣряю, отвѣчала она съ особеннымъ выраженіемъ. Я улыбнулся; она смутилась... «Можетъ-быть, я и ошибаюсь,» прибавила она, потупивъ глаза.

«И больше вы ничего не замѣтили въ моихъ книгахъ?»

— Нѣтъ еще много, много, но только мнѣ бы хотѣлось ваши книги такъ сказать просѣять...

«Какъ просѣять?»

— Да! чтобы осталось то, что̀ на сердце ложится.

«Скажите же, какія вы любите книги?»

— Я люблю такія, что, когда ихъ читаешь, то дѣлается жалко людей и хочется помогать имъ, а потомъ захочется умереть.

«Умереть? Знаете ли, что̀ я скажу вамъ, кузина? вы не разсердитесь за правду?»

— О, нѣтъ; я очень люблю правду...

«Въ васъ много страннаго; у васъ какой-то особенный взглядъ на предметы. Помните, намедни, когда я разшутился, вы мнѣ сказали: «не шутите такъ, берегитесь словъ, ни одно наше слово не теряется; мы иногда не знаемъ, что̀ мы говоримъ нашими словами!» Потомъ, когда я замѣтилъ, что вы одѣты не совсѣмъ по модѣ, вы отвѣчали: «не все ли равно? не успѣешь трехъ тысячь разъ одѣться, какъ все пройдетъ: это платье съ насъ снимутъ, снимутъ и другое, и спросятъ только, что̀ мы добраго по себѣ оставили, а не о томъ, ка̀къ мы были одѣты?» Согласитесь, что такія рѣчи до крайности странны, особливо на языкѣ дѣвушки. Гдѣ вы набрались такихъ мыслей?»

—Я не знаю, отвѣчала Софья испугавшись: иногда что̀-то внутри меня говоритъ во мнѣ, я прислушиваюсь и говорю, не думая, — и часто что̀ я говорю, мнѣ самой непонятно.

«Это нехорошо. Надобно всегда думать о томъ, что̀ говоришь и говорить только то, что̀ вы ясно понимаете...»

— Мнѣ и тетушка то же твердитъ; но я не знаю, какъ объяснить это, когда внутри заговоритъ, я забываю, что надобно прежде подумать—я и говорю или молчу; отъ-того я такъ часто молчу, чтобы тетушка меня не бранила; но съ вами мнѣ какъ-то больше хочется говорить ... мнѣ, не знаю отъ-чего, вы какъ-то жалки ...

«Чѣмъ же я вамъ кажусь жалокъ?»

— Такъ! сама не знаю — а когда я смотрю на васъ, мнѣ васъ жалко, такъ жалко, что и сказать нельзя; мнѣ все хочется васъ такъ-сказать—утѣшить, и я вамъ говорю, говорю, сама не зная что.

Не смотря на всю прелесть такого чистаго, невиннаго признанія, я почелъ нужнымъ продолжать мою роль моралиста.

«Послушайте, кузина, я не могу васъ не благодарить за ваше доброе ко мнѣ чувство; но повѣрьте мнѣ, вы имѣете такое разположеніе духа, которое можетъ быть очень-опасно.»

— Опасно? отъ-чего же?

«Вамъ надобно стараться развлекаться, не слушать того, что, какъ вы разсказываете, внутри вамъ говоритъ...»

— Не могу—увѣряю васъ, не могу; когда голосъ внутри заговоритъ, я не могу выговорить ничего кромѣ того, что онъ хочетъ...

«Знаете ли, что въ васъ есть наклонность къ мистицизму? Это никуда не годится.»

— Что такое мистицизмъ?

«Этотъ вопросъ показалъ мнѣ, въ какомъ я былъ заблужденіи. Я невольно улыбнулся. «Скажите, кто васъ воспитывалъ?»

— Когда я жила у опекуна, при мнѣ была няня Нѣмка, добрая Луиза; она ужь умерла...

«И больше никого?»

— Больше никого.

«Чему же она васъ учила?»

— Стряпать на кухнѣ, шить гладью, вязать фуфайки, ходить за больными...

«Вы съ ней ничего не читали?»

— Какъ же? Нѣмецкіе вокабулы, грамматику... да! и забыла: въ послѣднее время мы читали небольшую книжку...

«Какую?»

— Не знаю, но, постойте, я вамъ покажу одно мѣсто изъ этой книжки. Луиза при прощаньѣ вписала ее въ мой альбомъ; тогда, можетъ-быть, вы узнаете, какая это была книжка.

Въ софьиномъ альбомѣ я прочелъ сказку, которая страннымъ образомъ навсегда напечатлѣлась въ моей памяти; вотъ она:

— Два человѣка родились въ глубокой пещерѣ, куда никогда не проникали лучи солнечные; они не могли выйдти изъ этой пещеры иначе, какъ по очень-крутой и узкой лѣстницѣ, и, за недостаткомъ дневнаго свѣта, зажигали свѣчи. Одинъ изъ этихъ людей былъ бѣденъ, терпѣлъ во всемъ нужду, спалъ на голомъ полу, едва имѣлъ пропитаніе. Другой былъ богатъ, спалъ на мягкой постели, имѣлъ прислугу, роскошный столъ. Ни одинъ изъ нихъ не видалъ еще солнца, но каждый о немъ имѣлъ свое понятіе. Бѣднякъ воображалъ, что солнце великая и знатная особа, которая всѣмъ оказываетъ милости, и все думалъ о томъ, какъ бы ему поговорить съ этимъ вельможею; бѣднякъ былъ твердо увѣренъ, что солнце сжалится надъ его положеніемъ и поможетъ ему. Приходящихъ въ пещеру онъ спрашивалъ, какъ бы ему увидѣть солнце и подышать свѣжимъ воздухомъ, — наслажденіе, котораго онъ также никогда не испытывалъ; приходящіе отвѣчали, что для этого онъ долженъ подняться по узкой и крутой лѣстницѣ. — Богачъ, напротивъ, разспрашивая приходящихъ подробнѣе, узналъ, что солнце огромная планета, которая грѣетъ и свѣтитъ; что, вышедши изъ пещеры, онъ увидитъ тысячу вещей, о которыхъ не имѣетъ никакого понятія; но когда приходящіе разсказали ему, что для сего надобно подняться по крутой лѣстницѣ, то богачъ разсудилъ, что это будетъ трудъ напрасный, что онъ устанетъ, можетъ оступиться, упасть и сломить себѣ шею; что гораздо благоразумнѣе обойдтись безъ солнца, потому-что у него въ пещерѣ есть каминъ, который грѣетъ, и свѣча, которая свѣтитъ; къ тому же, тщательно собирая и записывая всѣ слышанные разсказы, онъ скоро увѣрился, что въ нихъ много преувеличеннаго и что онъ самъ гораздо-лучшее имѣетъ понятіе о солнцѣ, нежели тѣ, которые его видѣли. Одинъ, не смотря на крутизну лѣстницы, непощадилъ труда ивыбрался изъ пещеры, и когда онъ дохнулъ чистымъ воздухомъ, когда увидѣлъ красоту неба, когда почувствовалъ теплоту солнца, тогда забылъ, какое ложное о немъ имѣлъ понятіе, забылъ прежній холодъ и нужду, а падши на колѣни, лишь благодарилъБога за такое непонятное ему прежде наслажденіе. Другой остался въ смрадной пещерѣ, передъ тусклой свѣчою и еще смѣялся надъ своимъ прежнимъ товарищемъ!

«Это, кажется, аппологъ Круммахера» сказалъ я Софьѣ.

— Не знаю, отвѣчала она.

«Онъ не дуренъ, немножко сбивчивъ, какъ обыкновенно бываетъ у Нѣмцевъ; но посмотрите, въ немъ то же, что я сей-часъ

говорилъ, то-есть, что человѣку надобно трудиться, сравнивать и думать...»

— И вѣрить, отвѣчала Софья съ потупленными глазами.

«Да, разумѣется, и вѣрить» отвѣчалъ я съ снисходительностію человѣка, принадлежащаго XIX-му столѣтію.

Софья посмотрѣла на меня внимательно. У меня въ альбомѣ есть и другія выписки; посмотрите, въ немъ есть прекрасныя мысли очень, очень-глубокія.

Я перевернулъ нѣсколько листовъ; въ альбомѣ были отдѣльныя фразы, кажется, взятыя изъ какой-то азбуки, какъ на-пр.: «чистое сердце есть лучшее богатство. Дѣлай добро сколько можешь, награды не ожидай, это до тебя не касается. Если будемъ внимательно примѣчать за собою, то увидимъ, что за каждымъ дурнымъ поступкомъ рано или поздно слѣдуетъ наказаніе. Человѣкъ ищетъ счастья снаружи, а оно въ его сердцѣ» и пр. т. п. Милая кузина съ пресерьёзнымъ видомъ читала эти фразы, и съ особеннымъ выраженіемъ останавливалась на каждомъ словѣ. Она была удивительно-смѣшна, мила...

Таковы были наши бесѣды съ моей кузиной; впрочемъ онѣ бывали рѣдко, и потому-что тетушка мѣшала нашимъ разговорамъ, такъ и потому-что сама кузина была не всегда словоохотлива. Ея незнаніе всего, что выходило изъ ея маленькаго круга, ея сужденія до невѣроятности дѣтскія, приводили меня и въ смѣхъ и жалость; но между-тѣмъ никогда еще не ощущалъ я въ душѣ такого спокойствія: въ ея немногихъ словахъ, въ ея поступкахъ, въ ея движеніяхъ была такая тишина, такая кротость, такая элейность, что, казалось, воздухъ, которымъ она дышала, имѣлъ свойство укрощать всѣ мятежныя страсти, разсѣевать всѣ темныя мысли, которыя иногда тучею скоплялись въ моемъ сердцѣ; часто, когда раздоры мнѣній, страшные вопросы, всѣ порожденія умственной кичливости нашего вѣка стѣсняли мою душу, когда мгновенно она переходила чрезъ всѣ мытарства сомнѣнія, и я ужасался, до какихъ выводовъ достигала непреклонная житейская логика—тогда одинъ простодушный взглядъ, одинъ простодушный вопросъ невинной дѣвушки невольно возстановлялъ первобытную чистоту души моей; я забывалъ всѣ гордыя мысли, которыя возмущали мой разумъ, и жизнь казалась мнѣ понятна, свѣтла, полна тишины и гармоніи.

Тетушка сначала была очень-довольна моими частыми *посѣщеніями*, но наконецъ дала мнѣ почувствовать, что она понимаетъ

за чѣмъ я такъ часто ѣзжу; ея простодушное замѣчаніе, которое ей хотѣлось сдѣлать очень-тонкимъ, заставило меня опамятоваться и заглянуть глубже во внутренность моей души. Что̀ чувствовалъ я къ Софьѣ? Мое чувство было ли любовь? Нѣтъ, любви нѐкогда было укорениться, да и не въ чемъ; Софья своимъ простодушіемъ, своею дѣтскою странностію, своими сентенціями, взятыми изъ прописей могла забавлять меня — и только; она была слишкомъ ребенокъ, младенецъ; душа ея была невинна и свѣжа до безчувствія; она занималась больше всего тетушкой, потомъ хозяйствомъ, а потомъ уже мною; нѣтъ, не такое существо могло плѣнить воображеніе молодаго, еще полнаго силъ человѣка, но ужь опытнаго. . . Я уже перешелъ за тотъ возрастъ, когда всякое хорошенькое личико сводитъ съ ума: въ женщинѣ мнѣ надобно было друга, съ которымъ бы я могъ дѣлиться не только чувствами, но и мыслями; Софья не въ-состояніи была понимать ни тѣхъ, ни другихъ; а быть постоянно моралистомъ хотя и лестно для самолюбія, но довольно - скучно. Я не хотѣлъ возбудить свѣтскихъ толковъ, которые могли бы повредить невинной дѣвушкѣ; прекратить ихъ обыкновеннымъ способомъ, т. е. женитьбой, я не имѣлъ намѣренія, а потому сталъ ѣздить къ тетушкѣ гораздо-рѣже,—да и нѐкогда мнѣ было: у меня нашлось другое занятіе.

Однажды на балѣ мнѣ встрѣтилась женщина, которая заставила меня остановиться. Мнѣ показалось, что я ее уже гдѣ-то видѣлъ; ея лицо было мнѣ такъ знакомо, что я едва ей не поклонился. Я спросилъ о ея имени. Это была графиня Элиза Б. Это имя было мнѣ совершенно-неизвѣстно. Вскорѣ я узналъ, что она съ самаго дѣтства жила въ Одессѣ и слѣдственно никакимъ образомъ не могла быть въ числѣ моихъ знакомыхъ.

Я замѣтилъ, что и графиня смотрѣла на меня съ неменьшимъ удивленіемъ; когда мы больше сблизились, она призналась мнѣ, что и мое лицо ей показалось съ перваго раза знакомымъ. Этотъ странный случай подалъ, разумѣется, поводъ къ разнымъ разговорамъ и предположеніямъ; онъ невольно завлекъ насъ въ ту метафизику сердца, которая бываетъ такъ опасна съ хорошенькой женщиной... Эта странная метафизика, составленная изъ парадоксовъ, анекдотовъ, остротъ, философскихъ мечтаній, имѣетъ отчасти характеръ обыкновенной школьной метафизики, т. е. отлучаетъ васъ отъ свѣта, уединяетъ васъ въ особый міръ, но не одного, а вмѣстѣ съ прекрасной собесѣдницей; вы несете всякій вздоръ,

а васъ увѣряютъ, что васъ поняли; съ обѣихъ сторонъ зараждается и поддерживается гордость, а гордость есть чаша, въ которую влиты всѣ грѣхи человѣческіе: она блеститъ, звенитъ, манитъ вашъ взоръ своею чудною рѣзьбою и уста ваши невольно прикасаются къ обольстительному напитку.

Мы обмѣнялись съ графинею этимъ роковымъ сосудомъ; она любовалась во мнѣ игривостью своего ума, своею красотою, пылкимъ воображеніемъ, изяществомъ своего сердца; я любовался въ ней силою моего характера, смѣлостью моихъ мыслей, моею начитанностію, моими житейскими успѣхами...

Словомъ: мы уже сдѣлались необходимы другъ другу, а еще одинъ изъ насъ едва зналъ какъ зовутъ другаго, какое его положеніе въ свѣтѣ.

Правда, мы были еще невинны во всѣхъ смыслахъ; никогда еще слово любви не произносилось между нами. Это слово было смѣшно гордому человѣку XIX вѣка; оно давно имъ было разложено, разобрано по частямъ, каждая часть оцѣнена, взвѣшена и выброшена за окошко, какъ вещь несогласная съ нашимъ нравственнымъ комфортомъ; но я заговаривался съ графинею въ свѣтѣ; но я засиживался у ней по вечерамъ; но ея рука долго, слишкомъ долго оставалась въ моей при прощаніи; но когда она съ улыбкою и съ блѣднѣющимъ лицомъ сказала мнѣ однажды: «мой мужъ на-дняхъ долженъ возвратиться... вы вѣрно сойдетесь съ нимъ»— я, человѣкъ, прошедшій чрезъ всѣ мытарства жизни, не нашелся что̀ отвѣчать, даже не могъ вспомнить ни одной пошлой фразы и, какъ романическій любовникъ, вырвалъ свою руку, побѣжалъ, бросился въ карету....

Намъ обоимъ до сей минуты не приходило въ голову вспомнить, что у графини есть мужъ!

Теперь дѣло было иное. Я былъ въ положеніи человѣка, который только-что выскочилъ изъ очарованнаго круга, гдѣ глазамъ его представлялись разныя фантасмагорическія видѣнія, заставляли его забывать о жизни... Онъ краснѣетъ, досадуя на самого-себя, за чѣмъ онъ былъ въ очарованіи... Теперь задача представлялась мнѣ двойною: мнѣ оставалось смотрѣть на это извѣстіе равнодушно, и, пользуясь правами свѣта, продолжать съ графинею мое платоническое супружество; или, призвавъ на помощь донкихотство, презрѣть всѣ условія, всѣ приличія, всѣ удобства жизни, и дѣйствовать на правахъ отчаяннаго любовника. Въ первый разъ въ жизни я былъ въ нерѣшимости; я почти не спалъ цѣлую

ночь, не спалъ—и отъ страстей, волновавшихся въ моемъ сердцѣ, и отъ досады на себя за это волненіе; до сей минуты я такъ былъ увѣренъ, что я уже неспособенъ къ подобному ребячеству; словомъ, я чувствовалъ въ себѣ присутствіе нѣсколькихъ независимыхъ существъ, которыя боролись сильно и не могли побѣдить одно другое.

Рано по-утру ко мнѣ принесли записку отъ графини; она состояла изъ немногихъ словъ: «Именемъ Бога, будьте у меня сегодня, непремѣнно сегодня; мнѣ необходимо васъ видѣть».

Слова: *сегодня* и *необходимо* были подчеркнуты.

Мы поняли другъ друга; при свиданіи съ графинею мы быстро перешли тотъ промежутокъ, отдѣлявшій насъ отъ прямаго выраженія нашей тайны, которую скрывали мы отъ самихъ-себя. Первый актъ житейской комедіи, обыкновенно столь скучный и столь привлекательный, былъ уже съигранъ; оставалась катастрофа — и развязка.

Мы долго не могли выговорить слова, молча смотрѣли другъ на друга и съ жестокосердіемъ предоставляли другъ другу право начать разговоръ.

Наконецъ она, какъ женщина, какъ существо болѣе доброе сказала мнѣ тихимъ, но твердымъ голосомъ:

«Я звала васъ проститься... наше знакомство должно кончиться, разумѣется *для насъ*» прибавила она послѣ нѣкотораго молчанія: «но не *для свѣта*;—вы меня понимаете... Наше знакомство!» повторила она раздирающимъ голосомъ, и съ рыданіемъ бросилась въ кресла.

Я кинулся къ ней, схватилъ ее за руку... Это движеніе привело ее въ чувство.

«Остановитесь» сказала она: «я увѣрена, что вы не захотите воспользоваться минутою слабости... Я увѣрена, что еслибъ я и забылась, то вы бы первый привели меня въ память ... Но я и сама не забуду, что я жена, мать.»

Лицо ея просіяло невыразимымъ благородствомъ.

Я стоялъ недвижно предъ нею... Скорбь, какой никогда еще не переносило мое сердце, разрывала меня: я чувствовалъ, что кровь горячимъ ключомъ переливалась въ моихъ жилахъ, — частые удары пульса звенѣли въ вискахъ и оглушали меня... Я призывалъ на помощь всѣ усилія разума, всю опытность, пріобрѣтенную холодными разсчетами долгой жизни... Но разсудокъ представлялъ мнѣ смутно лишь черные софизмы преступ-

ленія, мысли гнѣва и крови: онѣ багровою пеленою закрывали отъ меня всѣ другія чувства, мысли, надежды... Въ эту минуту дикарь, разпаленный звѣрскимъ побужденіемъ, бушевалъ подъ наружностію образованнаго, утонченнаго, разсчетливаго Европейца.

Я не знаю, чѣмъ бы кончилось это состояніе, какъ вдругъ дверь разтворилась и человѣкъ подалъ письмо графинѣ.

«Отъ графа съ нарочнымъ.»

Графиня съ безпокойствомъ развернула пакетъ, прочла нѣсколько строкъ, — руки ея затряслись, она поблѣднѣла.

Человѣкъ вышелъ. Графиня подала мнѣ письмо. Оно было отъ незнакомаго человѣка, который увѣдомлялъ графиню, что мужъ ея опасно занемогъ на дорогѣ въ Москву, принужденъ былъ остановиться на постояломъ дворѣ, не можетъ писать самъ и хочетъ видѣть графиню.

Я взглянулъ на нее; въ головѣ моей сверкнула неясная мысль отразилась въ моихъ взорахъ... Она поняла эту мысль, закрыла глаза рукою, какъ-бы для-того, чтобы не видать ея, и быстро бросилась къ колокольчику.

«Почтовыхъ лошадей!» сказала она съ твердостію вошедшему человѣку. «Просить ко мнѣ скорѣе доктора Бина.»

— Вы ѣдете? сказалъ я.

«Сію минуту.»

— Я за вами.

«Невозможно!»

— Всѣ знаютъ, что ужь я давно сбираюсь въ тверскую деревню.

«По-крайней-мѣрѣ, черезъ день послѣ меня.»

— Согласенъ... но случай заставитъ меня остановиться съ вами на одной станціи, а докторъ Бинъ мнѣ другъ съ моего дѣтства.

«Увидимъ» сказала графиня: «но теперь прощайте.» — Мы разстались.

Я поспѣшно возвратился домой, привелъ въ порядокъ мои дѣла, разсчиталъ, когда мнѣ выѣхать, чтобы остановиться на станціи, велѣлъ своимъ людямъ говорить, что я уже дня четыре какъ уѣхалъ въ деревню; это было вѣроятно, ибо въ послѣднее время меня мало видали въ свѣтѣ. Черезъ тридцать часовъ я уже былъ на большой дорогѣ, и скоро моя коляска остановилась у воротъ постоялаго дома, гдѣ рѣшалась моя участь.

Я не успѣлъ войдти, какъ по общей тревогѣ угадалъ, что все уже кончилось.

«Графъ умеръ» отвѣчали на мои вопросы, и эти слова дико и радостно отдавались въ моемъ слухѣ.

Въ такую минуту явиться къ графинѣ, предложить ей мои услуги было бы дѣломъ обыкновеннымъ для всякаго проѣзжающаго, не только знакомаго. Разумѣется, я поспѣшилъ возпользоваться этою обязанностію.

Почти въ дверяхъ встрѣтилъ я Бина, который бросился обнимать меня.

«Чтò здѣсь такое?» спросилъ я.

— Да чтò! отвѣчалъ онъ съ своею простодушною улыбкою: нервическая горячка... Запустилъ, думалъ доѣхать въ Москву—да гдѣ! Она не свой братъ, шутить не любитъ; я пріѣхалъ—ужь поздно было; тутъ чтò ни дѣлай—мертваго не оживишь.

Я бросился обнимать доктора—не знаю почему, но кажется за его послѣднія слова. Хорошо, что мой добрый Иванъ Ивановичъ не взялъ на себя труда разъискивать причины такой необыкновенной нѣжности.

«Ее, бѣдную, жаль!» продолжалъ онъ.

— Кого? сказалъ я, затрепетавъ всѣмъ тѣломъ.

«Да графиню.»

—Развѣ она здѣсь? проговорилъ я притворно, и поспѣшно прибавилъ: чтò съ ней?

«Да вотъ ужь три дня не спала и не ѣла.»

— Можно къ ней?

«Нѣтъ, теперь она, слава Богу, заснула; пусть себѣ успокоится до выноса... Здѣсь, вишь, хозяева просятъ, чтобы поскорѣе вынесли въ церковь, ради проѣзжихъ.»

Дѣлать было нѣчего. Я скрылъ свое движеніе, спросилъ себѣ комнату, а потомъ принялся помогать Ивану Ивановичу во всѣхъ нужныхъ распоряженіяхъ. Добрый старикъ не могъ мною нахвалиться. «Вотъ добрый человѣкъ» говорилъ онъ: «иной бы взялъ да уѣхалъ; еще хорошо, что ты случился, я бы безъ тебя пропалъ; правда, намъ медикамъ, нѣчего грѣха таить» прибавилъ онъ съ улыбкою: «случается отправлять на тотъ свѣтъ, но хоронить еще мнѣ ни раза не удавалось.»

Ввечеру былъ выносъ. Графиня какъ-бы не замѣтила меня и, признаюсь, я самъ не въ-состояніи былъ говорить съ нею въ эту минуту. Странныя чувства возбуждались во мнѣ при видѣ покой-

ника: онъ былъ уже немолодыхъ лѣтъ, но въ лицѣ его еще было много свѣжести; кратковременная болѣзнь еще не успѣла обезобразить его. Я съ истиннымъ сожалѣніемъ смотрѣлъ на него, потомъ съ невольною гордостію взглядывалъ на прекрасное наслѣдство, которое онъ мнѣ оставлялъ послѣ себя, и сквозь умилительныя мысли нерѣдко мелькали въ головѣ моей адскія слова, сохраненныя исторіею: «трупъ врага всегда хорошо пахнетъ!» Я не могъ забыть этихъ словъ, звѣрскихъ до глупости; они безпрестанно звучали въ моемъ слухѣ.—Служба кончилась, мы вышли изъ церкви. Графиня, какъ-бы угадывая мое намѣреніе, подослала ко мнѣ человѣка сказать, что она благодарить меня за участіе и что завтра сама будетъ готова принять меня. Я повиновался.

Волненіе, въ которомъ я находился во всѣ эти дни, не дало мнѣ заснуть до самаго возхожденія солнца. Тогда безпокойный сонъ, полный безобразныхъ видѣній, сомкнулъ мнѣ глаза на нѣсколько часовъ; когда я проснулся, мнѣ сказали, что графиня уже возвратилась изъ церкви; я на-скоро одѣлся и пошелъ къ ней.

Она приняла меня. Она не хотѣла притворствовать, не показывала мнимаго отчаянія, но спокойная грусть ясно выражалась на лицѣ ея. Я не буду вамъ говорить, что безпорядокъ ея туалета, черное платье дѣлали ее еще прелестнѣе.

Долго мы не могли сказать ничего другъ другу, кромѣ пошлыхъ фразъ, но наконецъ чувства переполнились, мы не могли болѣе владѣть собою и бросились другъ другу въ объятія. Это былъ нашъ первый поцалуй, но поцалуй дружбы, братства.

Мы скоро успокоились. Она разсказала мнѣ о своихъ будущихъ планахъ; черезъ два дня, отдавъ послѣдній долгъ покойнику, она возвратится въ Москву, а оттуда проѣдетъ съ дѣтьми въ украинскую деревню. Я отвѣчалъ ей, что у меня въ Украйнѣ также есть небольшая усадьба, и мы скоро увидѣли, что были довольно-близкими сосѣдями. Я не могъ вѣрить своему счастію: передо мной изполнялась прекрасная мечта и мысль юности: уединеніе, теплый климатъ, прекрасная, умная женщина и долгій рядъ счастливыхъ дней, полныхъ животворной любви и спокойствія.

Такъ протекли два дня; мы видались почти ежеминутно и наше счастіе было такъ полно, такъ невольно вырывались изъ души слова надежды и радости, что даже Иванъ Ивановичъ началъ поглядывать на насъ съ улыбкою, которую ему хотѣлось сдѣлать насмѣшливою, а наединѣ намекалъ мнѣ, что не надобно упускать вдовушки, тѣмъ болѣе, что она была очень-несчастлива съ покой-

никомъ, который былъ человѣкъ капризный, плотской и мстительный. Я теперь впервые узналъ эти подробности, и онѣ мнѣ служили ключемъ къ разнымъ мыслямъ и поступкамъ графини. Не смотря на странность нашего положенія, въ эти два дня мы не могли не сблизиться болѣе, нежели въ прежніе мѣсяцы,—чего не переговоришь въ двадцать-четыре часа? Мало-по-малу характеръ графини открывался мнѣ во всей полнотѣ, ея огненная душа во всемъ блескѣ; мы успѣли повѣрить другъ другу всѣ наши маленькія тайны; я ей разсказалъ мое романическое отчаяніе; она мнѣ призналась, что въ послѣднее наше свиданіе притворялась изъ всѣхъ силъ, и уже готова была броситься въ мои объятія, когда принесли роковое письмо; изрѣдка мы позволяли себѣ даже немножко смѣяться. Элиза вполнѣ очаровала меня и, кажется, сама находилась въ подобномъ очарованіи; часто ея пламенный взоръ останавливался на мнѣ съ невыразимой любовью, и съ трепетомъ опускался въ землю; я осмѣливался лишь жать ея руку. Какъ я досадовалъ на свѣтскія приличія, которыя не позволяли мнѣ съ сей же минуты вознаградить моей любовью всѣ прежнія страданія графини! Признаюсь, я уже съ нетерпѣніемъ началъ ожидать, чтобы скорѣе отдали землѣ земное и досадовалъ на срокъ, установленный закономъ.

Наконецъ наступилъ третій день. Никогда еще сонъ мой не былъ спокойнѣе; прелестныя видѣнія носились надъ моимъ изголовьемъ: то были безконечные сады, облитые жаркимъ солнечнымъ сіяніемъ; вездѣ—въ кущѣ древесъ, въ цвѣтныхъ радугахъ я видѣлъ прекрасное лицо моей Элизы, вездѣ она являлась мнѣ, но въ безчисленныхъ полупрозрачныхъ образахъ, и всѣ они улыбались, простирали ко мнѣ свои руки, скользили по моему лицу душистыми локонами, и легкою вереницею взвивались на воздухъ... Но вдругъ все исчезло, раздался ужасный трескъ, сады обратились въ голую скалу и на той скалѣ явились мертвецъ и докторъ, какимъ я его видалъ въ космoрамѣ; но видъ его былъ строгъ и сумраченъ, а мертвецъ хохоталъ и грозилъ мнѣ своимъ саваномъ. Я проснулся. Холодный потъ лился съ меня ручьями. Въ эту минуту постучались въ дверь.

«Графиня васъ проситъ къ себѣ сію минуту» сказалъ вошедшій человѣкъ.

Я вскочилъ; раздались страшные удары грома, отъ тучь было почти темно въ комнатѣ; она освѣщалась лишь блескомъ молніи; отъ порывистаго вѣтра пыль взвивалась столбомъ и съ шумомъ

разсыпалась о стекла. Но мнѣ некогда было обращать вниманіе на бурю: одѣлся наскоро и побѣжалъ къ Элизѣ. Нѣтъ, никогда не забуду выраженія лица ея въ эту минуту; она была блѣдна какъ смерть, руки ея дрожали, глаза не двигались. Приличія уже были не у мѣста; забытъ свѣтскій языкъ, свѣтскія условія.

«Чтò съ тобою, Элиза?»

— Ничего! вздоръ! глупость! пустой сонъ!»...

При этихъ словахъ меня обдало холодомъ... «Сонъ?» повторилъ я съ изумленіемъ...

—Да! но сонъ ужасный! Слушай!—говорила она, вздрагивая при каждомъ ударѣ грома: я заснула спокойно...я думала о нашихъ будущихъ планахъ, о тебѣ, о нашемъ счастьѣ... Первыя сновидѣнія повторили веселыя мечты моего воображенія... Какъ вдругъ предо мною явился покойный мужъ, — нѣтъ, то былъ не сонъ—я видѣла его самого,его самого: я узнала эти знакомыя мнѣ стиснутыя, почти-улыбающіяся губы, это адское движеніе черныхъ бровей, которымъ выражался въ немъ порывъ мщенія безъ суда и безъ милости... Ужасъ, Владиміръ! ужасъ!.. Я узнала этотъ неумолимый, свинцовый взоръ, въ которомъ въ минуту гнѣва вспыхивали кровавые искры; я услышала снова этотъ голосъ, который отъ ярости превращался въ дикій свистъ, и который я думала никогда болѣе не слышать...

«Я все знаю, Элиза» говорилъ онъ: «все вижу; здѣсь мнѣ все ясно; ты очень рада, что я умеръ; ты ужь готова выйдти замужъ за другаго... Нѣжная, вѣрная жена!... Безразсудная! ты думала найдти счастіе — ты не знаешь, что гибель твоя, гибель дѣтей нашихъ соединена съ твоей преступной любовью... Но этому не бывать; нѣтъ! жизнь звѣздная еще сильна во мнѣ, — землянa душа моя и не хочетъ разстаться съ землею... Мнѣ все здѣсь сказали — лишь возвратясь на землю могу я спасти дѣтей моихъ, лишь на землѣ я могу отмстить тебѣ, и я возвращусь, возвращусь въ твои объятія, вѣрная супруга! Дорогòю, страшною цѣною купилъ я это возвращеніе,—цѣною, которой ты и понять не можешь... За то весь адъ двинется со мною на твою преступную голову — готовься принять меня. Но, слушай: на землѣ я забуду все, чтò узналъ здѣсь: скрывай отъ меня твои чувства, скрывай ихъ — иначе горе тебѣ горе и мнѣ!...» Тутъ онъ прикоснулся къ лицу моему холодными, посинѣвшими пальцами, и я проснулась.—Ужасъ! ужасъ! Я еще чувствую на лицѣ это прикосновеніе...»

Бѣдная Элиза едва могла договорить; языкъ ея онѣмѣлъ, она вся была какъ въ лихорадкѣ; судорожно жалась она ко мнѣ, закрывая глаза руками, какъ-бы искала укрыться отъ грознаго видѣнія. Самъ невольно взволнованный, я старался утѣшить ее обыкновенными фразами о разстроенныхъ нервахъ, о физическомъ на нихъ дѣйствіи бури, объ игрѣ воображенія, и самъ чувствовалъ, какъ тщетны предъ страшною дѣйствительностію всѣ эти слова, изобрѣтаемыя въ спокойныя, беззаботныя минуты человѣческаго суемудрія. Я еще говорилъ, я еще перебиралъ въ памяти всѣ читанные въ медицинскихъ книгахъ подобные случаи, какъ вдругъ разпахнулось окошко, порывистый вѣтеръ съ визгомъ ворвался въ комнату, въ домѣ раздался шумъ, означавшій что-то необыкновенное...

«Это онъ... это онъ идетъ!..» вскричала Элиза и, въ трепетѣ показывая на дверь, махала мнѣ рукою...

Я выбѣжалъ за дверь; въ домѣ все было въ смятеніи; на концѣ темнаго корридора я увидѣлъ толпу людей: эта толпа приближалась... въ оцѣпенѣніи я прижался къ стѣнѣ, но нѣтъ ни силъ спросить, ни собрать свои мысли... Да! Элиза не ошиблась. Это былъ *онъ! онъ!* Я видѣлъ, какъ толпа частію вела, частію несла его; я видѣлъ его блѣдное лицо; я видѣлъ его впалые глаза, съ которыхъ еще не сбѣжалъ сонъ смертный... Я слышалъ крики радости, изумленія, ужаса окружающихъ... Я слышалъ прерывистые разсказы о томъ, какъ ожилъ графъ, какъ онъ поднялся изъ гроба, какъ встрѣтилъ въ дверяхъ ключаря, какъ докторъ помогалъ ему... Итакъ это было не видѣніе, но дѣйствительность! Мертвый возвращался нарушить счастье живыхъ... Я стоялъ, какъ окаменѣлый; когда графъ поравнялся со мною, въ тѣснотѣ его рука, судорожно вытянутая, скользнула по лицу моему, и я вздрогнулъ, какъ-будто электрическая искра пробѣжала по моему тѣлу, все меня окружающее сдѣлалось прозрачнымъ—стѣны, земля, люди показались мнѣ легкими полутѣнями, сквозь которыя я ясно различалъ другой міръ, другіе предметы, другихъ людей... Каждый нервъ въ моемъ тѣлѣ получилъ способность зрѣнія; мой магическій взоръ обнималъ въ одно время и прошедшее, и настоящее, и то, что дѣйствительно было, и что могло случиться; описать всю эту картину нѣтъ возможности, разсказать ее не достанетъ словъ человѣческихъ... Я видѣлъ графа Б*** въ различныхъ возрастахъ его жизни... я видѣлъ, какъ надъ изголовьемъ его матери, въ минуту его рожденія, вились безобразныя чудовища, и съ дикою радостію

встрѣчали новорожденнаго. Вотъ его возпитаніе: гнусное чудовище между имъ и его наставникомъ—одному нашептываетъ, другому толкуетъ мысли себялюбія, безвѣрія, жестокосердія, гордости; вотъ появленіе въ свѣтъ молодаго человѣка: то же гнусное чудовище руководитъ его поступками, внушаетъ ему тонкую сметливость, осторожность, коварство, навѣрное устроиваетъ для него успѣхи; графъ въ обществѣ женщинъ: необоримая сила влечетъ ихъ къ нему, онъ ласкаетъ одну за другою, и смѣется вмѣстѣ съ своимъ чудовищемъ; вотъ онъ за карточнымъ столомъ: чудовище подбираетъ масти, шепчетъ ему на ухо, какую ставить карту; онъ объигрываетъ, разоряетъ друга, отца семейства,—и богатство упрочиваетъ его успѣхи въ свѣтѣ; вотъ онъ на поединкѣ: чудовище нашептываетъ ему на ухо всѣ софизмы дуэлей, крѣпитъ его сердце, поднимаетъ его руку, онъ стрѣляетъ—кровь противника брызнула на него и запятнала вѣчными каплями; чудовище скрываетъ слѣдъ его преступленія. Въ одномъ изъ секудантовъ дуэли я узналъ моего покойнаго дядю; вотъ графъ въ кабинетѣ вельможи: онъ искусно клевещетъ на честнаго человѣка, чернитъ его, разрушаетъ его счастіе и замѣняетъ его мѣсто; вотъ онъ въ судѣ: подъ личиной прямодушія, онъ таитъ въ сердцѣ жестокость неумолимую, онъ видитъ невиннаго, знаетъ его невинность и осуждаетъ его, чтобы возпользоваться его правами; все ему удается; онъ богатѣетъ, онъ носитъ между людьми имя честнаго, прямодушнаго, твердаго человѣка; вотъ онъ предлагаетъ свою руку Элизѣ: на его рукѣ капли крови и слезъ, она не видитъ ихъ, и подаетъ ему свою руку; Элиза для него средство къ различнымъ цѣлямъ: онъ принуждаетъ ее принимать участіе въ черныхъ, тайныхъ дѣлахъ своихъ, онъ грозитъ ей всѣми ужасами, которые только можетъ изобрѣсть воображеніе, и когда она, подвластная его адской силѣ, повинуется, онъ смѣется надъ ней и приготовляетъ новыя преступленія...

Всѣ эти произшествія его жизни чудно, невыразимо соединялись между собою живыми связями; отъ нихъ таинственныя нити простирались къ безчисленнымъ лицамъ, которыя были или жертвами или участниками его преступленій, часто проникали сквозь нѣсколько поколѣній и присоединяли ихъ къ страшному семейству; между сими лицами я узналъ моего дядю, тетку, Полю: всѣ они были какъ затканы этою сѣтью, связывавшею меня съ Элизою и ея мужемъ. Этого мало: каждое его чувство, каждая его мысль, каждое слово имѣло образъ живыхъ, безобразныхъ существъ, которыми онъ, такъ-сказать, населилъ вселенную... На

послѣднемъ планѣ вся эта чудовищная вереница примыкала къ нему, полумертвому, и онъ влекъ ее въ міръ вмѣстѣ съ собою; живыя же связи соединяли съ нимъ Элизу, дѣтей его; къ нимъ другими путями прикрѣплялись нити отъ разныхъ преступленій отца и являлись въ видѣ порочныхъ наклонностей, невольныхъ побужденій; между толпою носились несмѣтные, странные образы, которыхъ ужасное впечатлѣніе не можно выразить на бумагѣ; въ ихъ уродливости не было ничего смѣшнаго, какъ тò бываетъ иногда на картинахъ; они всѣ имѣли человѣческое подобіе, но ихъ формы, цвѣта, особенно выраженія были разнообразны до безконечности: чѣмъ ближе они были къ мертвецу, тѣмъ ужаснѣе казались;надъ самой головой несчастнаго неслось существо, котораго взора я никогда не забуду: его лицо было тусклаго зеленаго цвѣта; алые какъ кровь волосы струились по плечамъ его; изъ глазъ землянаго цвѣта капали огненныя слезы, проникали весь составъ мертвеца и оживляли одинъ членъ за другимъ; никогда я не забуду того выраженія грусти и злобы, съ которымъ это непонятное существо взглянуло на меня... Я не буду болѣе описывать этой картины. Кàкъ описать сплетенія всѣхъ внутреннихъ побужденій,возникающихъ въ душѣ человѣка, изъ которыхъ здѣсь каждое имѣло свое отдѣльное, живое существованіе? кàкъ описать всѣ тѣ таинственныя дѣла, которыя совершались въ мірѣ сими существами, невидимыми для обыкновеннаго взора? Каждое изъ нихъ магически порождало изъ себя новыя существа, которыя въ свою очередь впивались въ сердца другихъ людей, отдаленныхъ и временемъ и пространствомъ? Я видѣлъ, какую ужасную, логическую взаимность имѣли дѣйствія сихъ людей; кàкъ малѣйшіе поступки, словà мысли въ-теченіе вѣковъ сростались въ одно огромное преступленіе, котораго основная причина была совершенно потеряна для современниковъ; кàкъ это преступленіе пускало новыя отрасли, и въ свою очередь порождало новые центры преступленій; между темными двигателями грѣховъ человѣческихъ носились и свѣтлые образы, порожденія душъ чистыхъ, безкровныхъ; они также соединялись между собою живыми звѣньями, также магически размножали себя, и своимъ присутствіемъ уничтожали дѣйствія дѣтей мрака. Но, повторяю, описать все, чтò тогда представилось моему взору, не достанетъ нѣсколькихъ томовъ. Въ эту минуту вся исторія нашего міра отъ начала временъ была мнѣ понятна; эта внутренность исторіи человѣчества была обнажена передо мною, и необъяснимое посредствомъ внѣшняго

сцѣпленія событій казалось мнѣ очень-просто и ясно; такъ на-пр. взоръ мой постепенно переходилъ по магической лѣстницѣ, гдѣ нравственное чувство, возбуждавшееся въ добромъ Испанцѣ при видѣ костровъ инквизиціи, порождало въ его потомкѣ чувство корысти и жестокосердія къ Мексиканцамъ, имѣвшее еще видъ законности; какъ наконецъ это же самое чувство въ послѣдующихъ поколѣніяхъ превратилось просто въ звѣрство и въ полное духовное обезсилѣніе. Я видѣлъ, какъ минутное побужденіе моего собственнаго сердца получало свое начало въ дѣлахъ людей, существовавшихъ до меня за нѣсколько столѣтій... Я понялъ, какъ важна каждая мысль, каждое слово человѣка, какъ далеко простирается ихъ вліяніе, какая тяжкая отвѣтственность ложится за нихъ на душу, и какое зло для всего человѣчества можетъ возникнуть изъ сердца одного человѣка, разкрывшаго себя вліянію существъ нечистыхъ и враждебныхъ... Я понялъ, что «человѣкъ есть міръ»— не пустая игра словъ, выдуманная для забавы... Когда-нибудь, въ болѣе спокойныя, минуты, я передамъ бумагѣ эту исторію нравственныхъ существъ, обитающихъ въ человѣкѣ и порождаемыхъ его волею, которыхъ только слѣды сохраняются въ мірскихъ лѣтописяхъ.

Что̀ я принужденъ теперь разсказывать постепенно, то̀ во время моего видѣнія представлялось мнѣ въ одну и ту же минуту. Мое существо было такъ-сказать раздроблено. Съ одной стороны я видѣлъ развивающуюся картину всего человѣчества, съ другой—картину людей, судьба которыхъ была связана съ моею судьбою; въ этомъ необыкновенномъ состояніи организма, умъ равно чувствовалъ страданія людей, отдѣленныхъ отъ меня пространствомъ и временемъ, и страданія женщины, къ которой любовь огненною чертою проходида по моему сердцу! О, она страдала, невыразимо страдада!..Она упадала на колѣни предъ своимъ мучителемъ и умоляла его оставить ее или взять съ собою. Въ эту минуту какъ завѣса спала съ глазъ моихъ: я узналъ въ Элизѣ ту самую женщину, которую нѣкогда видѣлъ въ космoрамѣ; не постигаю, какимъ-образомъ до-сихъ-поръ я не могъ этого вспомнить, хотя лицо ея всегда мнѣ казалось знакомымъ; на фантазмагорической сценѣ я былъ возлѣ нея, я также преклонялъ колѣни предъ двойникомъ графа; двойникъ доктора, рыдая, старался увлечь меня отъ этого семейства: онъ что̀-то говорилъ мнѣ съ большимъ жаромъ, но я не могъ разслушать рѣчей его, хотя видѣлъ движеніе его губъ; въ моемъ ухѣ раздавались лишь неясные крики чудовищъ, носив-

шихся надъ нами; докторъ поднималъ руку и куда-то указывалъ я напрягъ все вниманіе, и, сквозь тысячи мелькавшихъ чудовищныхъ существъ, будто-бы узнавалъ образъ Софіи, но лишь на одно мгновеніе и этотъобразъ казался мнѣ изкаженнымъ...

Во все время этого страннаго зрѣлища я былъ въ оцѣпенѣніи; душа моя не знала, что̀ дѣлалось съ тѣломъ. Когда возвратилась ко мнѣ раздражительность внѣшнихъ чувствъ, я увидѣлъ себя въ своей комнатѣ на постояломъ дворѣ; возлѣ меня стоялъ докторъ Бинъ съ стклянкою въ рукахъ...

«Что̀?» спросилъ я очнувшись.

— Да ничего! здоровешенекъ! пульсъ такой, что чудо...

«У кого?»

— Да у графа! Хорошихъ-было мы дѣлъ надѣлали! Да и то правду сказать, я никогда и не воображалъ, и въ книгахъ не встрѣчалъ, чтобъ могъ быть такой сильный обморокъ. Ну, точно былъ мертвый. Кажется не мало я на своемъ вѣку практики имѣлъ; вотъ ужь, говорится, вѣкъ живи, вѣкъ учись! А вы-то, батюшка! еще были военный человѣкъ, изпугались, также подумали, что мертвецъ идетъ... насилу оттеръ васъ... Куда вамъ за нами, медиками! мы народъ храбрый... Я вышелъ на улицу посмотрѣть, откуда буря идетъ, смотрю—мой мертвый тащится, а отъ него люди такъ и бѣгутъ. Я себѣ говорю: «вотъ любопытный субъектъ», да къ нему, —кричу, зову людей, насилу пришли; ужь я его и тѣмъ и другимъ,— и теперь какъ ни въ чемъ не бывалъ, еще лѣтъ двадцать проживетъ. Непремѣнно этотъ случай опишу, объясню, въ Парижъ пошлю, въ академію, по всей Европѣ прогремлю,—пусть же себѣ толкуютъ... нельзя! любопытный случай!...

Докторъ еще долго говорилъ, но я не слушалъ его; одно понималъ я: все это было не сонъ, не мечта, — дѣйствительно возвратился къ живымъ мертвый, оживленный ложною жизнію и отнималъ у меня счастіе жизни... «Лошадей!» вскричалъ я.

Я почти не помню, ка̀къ и зачѣмъ привезли меня въ Москву; кажется, я не отдавалъ никакихъ приказаній, и мною разпорядился мой каммердинеръ. Долго я не показывался въ свѣтъ и проводилъ дни одинъ, въ состояніи безчувствія, которое прерывалось только невыразимыми страданіями. Я чувствовалъ, что гасли всѣ мои способности, разсудокъ потерялъ силу сужденія, сердце было безъ желаній; воображеніе напомнило мнѣ лишь страшное, непонятное зрѣлище, о которомъ одна мысль смѣшивала всѣ понятія и приводила меня въ состояніе, близкое къ сумасшествію.

Нечаянно я вспомнилъ о моей простосердечной кузинѣ; я вспомнилъ, какъ она одна имѣла искусство успокоивать мою душу. Какъ я радовался, что хоть какое-либо желаніе закралось въ мое сердце!

Тетушка была больна, но велѣла принять меня. Блѣдная, измученная болѣзнію, она сидѣла въ креслахъ; Софья ей прислуживала, поправляла подушки, подавала питье. Едва она взглянула на меня, какъ почти заплакала:

«Ахъ! что это мнѣ какъ жалко васъ!» сказала она сквозь слезы.

— Кого это жаль, матушка? спросила тетушка прерывающимся голосомъ.

«Да Владиміра Андреевича! Не знаю отъ-чего, но смотрѣть на него безъ слезъ не могу...

— Ужь лучше бы, матушка, пожалѣла обо мнѣ;—вишь, онъ и не подумаетъ больную тетку навѣстить...»

Не знаю, что отвѣчалъ я на упрекъ тетушки, который былъ не послѣдній. Наконецъ она нѣсколько успокоилась.—Я вѣдь это, батюшка, только такъ говорю, отъ-того, что тебя люблю; вотъ и съ Софьюшкой объ тебѣ часто толковали...

«Ахъ, тетушка! зачѣмъ вы говорите неправду? У насъ и помина о братцѣ не было...»

—Такъ! такъ-таки! вскричала тетушка съ гнѣвомъ: таки брякнула свое! Не посѣтуй, батюшка, за нашу простоту; хотѣла-было тебѣ комплиментъ сказать, да вишь у меня учительша какая проявилась; лучше бы, матушка, больше о другомъ заботилась... И полились упреки на бѣдную дѣвушку.

Я замѣтилъ, что характеръ тетушки отъ болѣзни очень перемѣнился; она всѣмъ скучала, на все досадовала; особенно безъ пощады бранила добрую Софью: все было не такъ, все мало о ней заботились, все мало ее понимали; она жестоко мнѣ на Софью жаловалась, потомъ отъ нея переходила къ своимъ роднымъ, знакомымъ,—никому не было пощады; она съ удивительною точностію вспоминала всѣ свои непріятности въ жизни, всѣхъ обвиняла и на все роптала, и опять всѣ свои упреки сводила на Софью.

Я молча смотрѣлъ на эту несчастную дѣвушку, которая съ ангельскимъ смиреніемъ выслушивала старуху, а между-тѣмъ внимательно смотрѣла, чѣмъ-бы услужить ей. Я старался моимъ взоромъ проникнуть эту невидимую связь, которая соединяла меня съ Софьею, перенести мою душу въ ея сердце,—но тщетно: предо

мною была лишь обыкновенная дѣвушка, въ бѣломъ платьѣ, съ стаканомъ въ рукахъ.

Когда тетушка устала говорить, я сказалъ Софьѣ почти-шопотомъ: «Такъ вы очень обо мнѣ жалѣете?»

— Да! очень жалѣю и не знаю отъ-чего.

«А мнѣ такъ *васъ* жалко» сказалъ я, показывая глазами на тетушку.

— Ничего, отвѣчала Софья: на землѣ все недолго, и горе и радость; умремъ, другое будетъ...

—«Чтò ты тамъ страхи-то говоришь» вскричала тетушка, вслушавшись въ послѣднія слова. «Вотъ ужь, батюшка, могу сказать, утѣшница. Чѣмъ бы больнаго человѣка развлечь, развеселить, а она, нѣтъ, нѣтъ, да о смерти заговоритъ. Чтò ты хочешь намекнуть, чтобы я тебя въ духовной-то не забыла чтò ли? въ гробъ хочешь поскорѣе свести? Экая корыстолюбивая! Такъ нѣтъ, мать моя, еще тебя переживу...»

Софья спокойно посмотрѣла въ глаза старухѣ и сказала: Тетушка! вы говорите неправду...

Тетушка вышла изъ себя: «Кàкъ неправду? Такъ ты собираешься меня похоронить... Ну, скажите, батюшка, выносимо ли это? Вотъ какую змѣю я у себя пригрѣла.»

Въ окружающихъ прислужницахъ я замѣтилъ явное неудовольствіе; доходили до меня слова: «злая! недобрая! уморить хочетъ!»

Тщетно хотѣлъ я увѣрить тетушку, что она приняла софьины слова въ другомъ смыслѣ: я только еще болѣе раздражалъ ее. Наконецъ рѣшился уйдти; Софья провожала меня.

«Зачѣмъ вы вводите тетушку въ досаду?» сказалъ я кузинѣ.

— Ничего; немножко на меня прогнѣвается, а все о смерти подумаетъ; это ей хорошо...

«Непонятное существо!» вскричалъ я: «научи и меня умереть!»

Софья посмотрѣла на меня съ удивленіемъ.

— Я сама не знаю; впрочемъ, кто хочетъ учиться, тотъ ужь въ половину выученъ.

«Чтò ты хочешь сказать этимъ?...»

— Ничего! такъ у меня въ книжкѣ записано...

Въ это время раздался колокольчикъ: «Тетушка меня кличетъ» проговорила Софья: «видите, я угадала; теперь гнѣвъ прошелъ, теперь она будетъ плакать, а плакать хорошо, очень-хорошо, особливо когда не знаешь, о чемъ плачешь.»

Съ сими словами она скрылась.

Я возвратился домой въ глубокой думѣ, бросился въ кресла и старался отдать себѣ отчетъ въ моемъ положеніи. То Софья представлялась мнѣ въ видѣ какого-то таинственнаго, добраго существа, которое хранитъ меня, котораго каждое слово имѣетъ смыслъ глубокій, связанный съ моимъ существованіемъ, то я начиналъ смѣяться надъ собою, вспоминалъ, что къ мысли о Софьѣ воображеніе примѣшивало читанное мною въ старинныхъ легендахъ; что она была просто дѣвушка добрая, но очень-обыкновенная, которая кстати и некстати любила повторять самыя ребяческія сентенціи; эти сентенціи потому только, вѣроятно, поражали меня, что въ движеніи сильныхъ, положительныхъ мыслей нашего вѣка онѣ были забыты и казались новыми, какъ готическая мёбель въ нашихъ гостиныхъ. А между-тѣмъ слова Софьи о смерти невольно звучали въ моемъ слухѣ, невольно такъ-сказать притягивали къ себѣ всѣ мои другія мысли, и наконецъ соединили въ одинъ центръ всѣ мои духовныя силы; мало-по-малу всѣ окружающіе предметы для меня исчезли, неизъяснимое томленіе зажгло мое сердце, и глаза нежданно наполнились слезами. Это меня удивило! «Кто же плачетъ во мнѣ?» воскликнулъ я довольно-громко, и мнѣ показалось, что кто-то отвѣчаетъ мнѣ; меня обдало холодомъ, и я не могъ пошевелить рукою; казалось, я приросъ къ креслу и внезапно почувствовалъ въ себѣ то неизъяснимое ощущеніе, которое обыкновенно предшествовало моимъ видѣніямъ и къ которому я уже успѣлъ привыкнуть; дѣйствительно, чрезъ нѣсколько мгновеній комната моя сдѣлалась для меня прозрачною, въ отдаленіи, какъ-бы сквозь свѣтлый паръ, я увидѣлъ снова лицо Софьи. . .

«Нѣтъ!» сказалъ я въ самомъ-себѣ: «соберемъ всю твердость духа; разсмотримъ холодно эту фантазмагорію. Хорошо ребенку было пугаться ея: мало ли что казалось необъяснимымъ?» И я вперилъ въ странное видѣніе тотъ внимательный взоръ, съ которымъ естествоиспытатель разсматриваетъ любопытный физическій опытъ.

Видѣніе подернулось какъ-бы зеленоватымъ паромъ; лицо Софьи сдѣлалось явственнѣе, но представилось мнѣ въ искаженномъ видѣ.

«А!» сказалъ я самъ въ себѣ: «зеленый цвѣтъ здѣсь играетъ какую-то ролю; вспомнимъ хорошенько: нѣкоторые газы производятъ также въ глазѣ ощущеніе зеленаго цвѣта; эти газы имѣютъ одуряющее свойство—такъ точно! преломленіе зеленаго луча соединено съ наркотическимъ дѣйствіемъ на наши нервы и обратно.

Теперь пойдемъ далѣе: явленіе сдѣлалось явственнѣе? Такъ и должно быть: это значитъ, что оно прозрачно. Такъ точно! въ микроскопѣ нарочно употребляютъ зеленоватыя стекла для разсматриванія прозрачныхъ насѣкомыхъ: ихъ формы отъ-того дѣлаются явстеннѣе...»

Чтобъ сохранить хладнокровіе и не отдать себя подъ власть воображенія, я записывалъ мои наблюденія на бумагѣ; но скоро мнѣ это сдѣлалось невозможнымъ; видѣніе близилось ко мнѣ, все дѣлалось явственнѣе, а съ тѣмъ вмѣстѣ всѣ другіе предметы блѣднѣли; бумага, на которой я писалъ, столъ, мое собственное тѣло сдѣлалось прозрачнымъ, какъ стекло; куда я ни обращалъ глаза, видѣніе слѣдовало за моимъ взоромъ. Въ немъ я узнавалъ Софью: тотъ же обликъ, тѣ же волосы, та же улыбка, но выраженіе было другое. Она смотрѣла на меня коварными, сладострастными глазами и съ какою-то наглостію простирала ко мнѣ свои объятія.

«Ты не знаешь» говорила она: «какъ мнѣ хочется выйдти за тебя замужъ! Ты богатъ,—я сама у старухи вымучу себѣ кое-что,— и мы заживемъ славно. Отъ-чего ты мнѣ не даешься? Какъ я ни притворяюсь, какъ ни кокетничаю съ тобою—все тщетно. Тебя пугаютъ мои суровыя слова; тебя удивляетъ мое невинное невѣжество? Не вѣрь! это все удочка, на которую мнѣ хочется поймать тебя, потому-что ты самъ не знаешь своего счастія. Женись только на мнѣ—ты увидишь, какъ я развернусь. Ты любишь разсѣянность—я также; ты любишь сорить деньгами — я еще больше; нашъ домъ будетъ чудо, мы будемъ давать балы, на балы приглашать родныхъ, вотремся къ нимъ въ любовь, и наслѣдства будутъ на насъ дождемъ литься... Ты увидишь—я мастерица на эти дѣла...»

Я оцѣпенѣлъ, слушая эти рѣчи; въ душѣ моей родилось такое отвращеніе къ Софьѣ, котораго не могу и выразить. Я вспоминалъ всѣ ея таинственные поступки, всѣ ея двусмысленныя слова—все мнѣ было теперь понятно! Хитрый демонъ скрывался въ ней подъ личиною невинности... Видѣніе исчезло — вдали осталась лишь блестящая точка; эта точка увеличивалась постепенно, приближалась—это была моя Элиза! О, какъ разсказать, что сталось тогда со мною? Всѣ нервы мои потряслись, сердце забилось, руки сами собою простерлись къ обольстительному видѣнію; казалось, она носилась въ воздухѣ—ея кудри какъ легкій дымъ свивались и развивались, волны прозрачнаго покрывала

тянулись по роскошнымъ плечамъ, обхватывали талію и бились по стройнымъ розовымъ ножкамъ. Руки ея были сложены, она смотрѣла на меня съ упрекомъ:

«Невѣрный! неблагодарный!» говорила она голосомъ, который, какъ разтопленный свинецъ, разжигалъ мою душу: «ты ужь забылъ меня! Ребенокъ! ты испугался мертваго! ты забылъ, что я страдаю, страдаю невыразимо, безутѣшно; ты забылъ, что между нами обѣтъ вѣчный, неизгладимый! Ты боишься мнѣнія свѣта? Ты боишься встрѣтиться съ мертвымъ? Я — я не перемѣнилась. Твоя Элиза поетъ и плачетъ, она ищетъ тебя на-яву и во-снѣ, — она ждетъ тебя; все ей равно — ей ничего не страшно — все въ жертву тебѣ ...»

— Элиза! я твой! вѣчно твой! Ничто не разлучитъ насъ! вскричалъ я какъ будто видѣніе могло меня слышать ...Элиза рыдала, манила меня къ себѣ, простирала ко мнѣ руку такъ близко, что, казалось, я могъ схватить ее,—какъ вдругъ другая рука показалась возлѣ руки Елизы ... Между ею и мною явился таинственный докторъ; онъ былъ въ рубищѣ, глаза его горѣли, члены трепетали; онъ то являлся, то исчезалъ; казалось онъ боролся съ какою-то невидимою силою, старался говорить, но до меня доходили только прерывающіяся слова: «Бѣги ... гибель ... таинственное мущеніе ... совершается... твой дядя... подвигнулъ его ... на смертное преступленіе ... его участь рѣшена ... его ... давитъ ... духъ земли ... гонитъ ... она запятнана невинною кровью ... онъ погибъ безъ возврата ... онъ мститъ за свою гибель ... онъ золъ ужасно ... онъ за тѣмъ возвратился на землю... гибель .. гибель ...»

Но докторъ исчезъ; осталась одна Элиза. Она по-прежнему простирала ко мнѣ руки, и манила меня, исчезая ... я въ отчаяніи смотрѣлъ въ-слѣдъ за нею ...

Стукъ въ дверь прервалъ мое очарованіе. Ко мнѣ вошелъ одинъ изъ знакомыхъ.

«Гдѣ ты? тебя вовсе не видно! Да что съ тобою? ты внѣ себя...»

— Ничего; я такъ,—задумался ...

«Обѣщаю тебѣ, что̀ ты съ ума сойдешь, и это непремѣнно, и такъ ужь тебѣ какіе-то чертенята, я слышалъ, показывались.. .»

— Да! слабость нервъ ... Но теперь прошло ...

«Если бы тебя въ руки магнетизёра, такъ изъ тебя бы чудо вышло ...»

— Отъ-чего такъ?

«Ты именно такой организаціи, какая для этого нужна... Изъ тебя бы вышелъ *ясновидящій*...»

— Ясновидящій! вскричалъ я...

«Да! только не совѣтую испытывать: я эту часть очень-хорошо знаю; это болѣзнь, которая доводитъ до сумасшествія. Человѣкъ бредилъ въ магнетическомъ снѣ, потомъ начинаетъ уже непрерывно бредить...»

— Но отъ этой болѣзни можно излечиться...

«Безъ-сомнѣнія, разсѣянность, общество, холодныя ванны... Право подумай. Что сидѣть? бѣдъ наживешь... Чтò ты на-пр. сегодня дѣлаешь?»

— Хотѣлъ остаться дома.

«Вздоръ, поѣдемъ въ театръ,—новая опера; у меня цѣлая ложа къ твоимъ услугамъ...»

Я согласился.

Магнетизмъ!... Удивительно—думалъ я дорогою—кàкъ мнѣ это до-сихъ-поръ въ голову не приходило. Слыхалъ я о немъ, да мало. Можетъ-быть, въ немъ и найду я объясненіе страннаго состоянія моего духа. Надобно познакомиться покороче съ книгами о магнетизмѣ.

Между-тѣмъ мы пріѣхали. Въ театрѣ еще было мало; ложа возлѣ нашей оставалась незанятою. На аффишкѣ предо мною я прочелъ: «Вампиръ, опера Маршнера»; она мнѣ была неизвѣстна, и я съ любопытствомъ прислушивался къ первымъ звукамъ увертюры. Вдругъ невольное движеніе заставило меня оглянуться; дверь въ сосѣдней ложѣ скрипнула; смотрю—входитъ моя Элиза. Она взглянула на меня, привѣтливо поклонилась, и блѣдное лицо ея вспыхнуло. За нею вошелъ мужъ ея... Мнѣ показалось, что я слышу могильный запахъ,—но это была мечта воображенія. Я его не видалъ около двухъ мѣсяцевъ послѣ его оживленія; онъ очень поправился; лицо его почти потеряло всѣ признаки болѣзни... Онъ чтò-то шепнулъ Элизѣ на ухо, она отвѣчала ему также тихо, но я понялъ, что она произнесла мое имя. Мысли мои мѣшались; и прежняя любовь къ Элизѣ, и гнѣвъ, и ревность, и мои видѣнія, и дѣйствительность, все это вмѣстѣ приводило меня въ сильное волненіе, которое тщетно я хотѣлъ скрыть подъ личиною обыкновеннаго свѣтскаго спокойствія. И эта женщина могла быть моею, совершенно моею! Наша любовь непреступна, она была для меня вдовою; она безъ укоризны совѣсти могла располагать своею рукою; и мертвый—мертвый между нами! Опера потеряла для ме-

ня интересъ; пользуясь моимъ мѣстомъ въ ложѣ, я будто-бы смотрѣлъ на сцену, но не сводилъ глазъ съ Элизы и ея мужа. Она была томнѣе прежняго, но еще прекраснѣе; я мысленно рядилъ ее въ то платье, въ которомъ она мнѣ представилась въ видѣніи; чувства мои волновались, душа вырывалась изъ тѣла; отъ нея взоръ мой переходилъ на моего таинственнаго соперника; при первомъ взглядѣ лицо его не имѣло никакого особеннаго выраженія, но при большемъ вниманіи вы увѣрялись невольно, что на этомъ лицѣ лежитъ печать преступленія. Въ томъ мѣстѣ оперы, гдѣ вампиръ проситъ прохожаго поворотить его къ сіянію луны, которое должно оживить его, графъ судорожно вздрогнулъ; я устремилъ на него глаза съ любопытствомъ, но онъ холодно взялъ лорнетку и повелъ ею по театру: было ли это возпоминаніе о его приключеніи, простая ли физическая игра нервъ, или внутренній говоръ его таинственной участи,—отгадать было невозможно. Первый актъ кончился; приличіе требовало, чтобы я заговорилъ съ Элизою; я приблизился къ балюстраду ея ложи. Она очень-равнодушно познакомила меня съ своимъ мужемъ; онъ съ развязностію опытнаго свѣтскаго человѣка сказалъ мнѣ нѣсколько привѣтливыхъ фразъ; мы разговорились объ оперѣ, объ обществѣ; рѣчи графа были остроумны, замѣчанія тонки: видно было свѣтскаго человѣка, который подъ личиною равнодушія и насмѣшки скрываетъ короткое знакомство съ многоразличными отраслями человѣческихъ знаній. Находясь такъ близко отъ него, я могъ разсмотрѣть въ глазахъ его тѣ странныя багровыя искры, о которыхъ говорила мнѣ Элиза; впрочемъ эта игра природы не имѣла ничего непріятнаго; напротивъ, она оживляла проницательный взглядъ графа; была замѣтна также какая-то злоба въ судорожномъ движеніи тонкихъ губъ его, но ее можно было принять лишь за выраженіе обыкновенной свѣтской насмѣшливости.

На другой день я получилъ отъ графа пригласительный билетъ на раутъ. Чрезъ нѣсколько времени на обѣдъ en petit comité, и такъ далѣе. Словомъ, почти каждую недѣлю хоть разъ, но я видѣлъ мою Элизу, шутилъ съ ея мужемъ, игралъ съ ея дѣтьми, которыя хотя были не очень-любезны, но до крайности смѣшны. Они походили болѣе на отца, нежели на мать, были серьёзны не по возрасту, что̀ я приписывалъ строгому возпитанію; ихъ слова часто меня удивляли своею значительностію и насмѣшливымъ тономъ, но я не безъ неудовольствія замѣтилъ на этихъ дѣтскихъ лицахъ уже довольно-ясные признаки того судорожнаго движенія губъ,

которое мнѣ такъ не нравилось въ графѣ. Въ разговорѣ съ графинею намъ, разумѣется, не нужно было приготовленій: мы понимали каждый намекъ, каждое движеніе; впрочемъ никто по виду не могъ бы догадаться о нашей старинной связи; ибо мы вели себя осторожно, и позволяли себѣ даже глядѣть другъ на друга только тогда, когда графъ сидѣлъ за картами, имъ любимыми до безумія.

Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ; еще ни раза мнѣ не удалось видѣться съ Элизою наединѣ, но она обѣщала мнѣ свиданіе, и я жилъ этою надеждою.

Между-тѣмъ, размышляя о всѣхъ странныхъ случаяхъ, произходившихъ со мною, я запасся всѣми возможными книгами о магнетизмѣ; Пьюсегюръ, Делёзъ, Вольфартъ, Кизеръ не сходили съ моего стола; наконецъ, казалось мнѣ, я нашелъ разгадку моего психическаго состоянія, я скоро сталъ смѣяться надъ своими прежними страхами, удалилъ отъ себя всѣ мрачныя, таинственныя мысли, и наконецъ увѣрился, что вся тайна скрывается въ моей физической организаціи, что во мнѣ произходитъ нѣчто подобное очень-извѣстному въ Шотландіи такъ-называемому «второму зрѣнію»; я съ радостію узналъ, что этотъ родъ нервической болѣзни проходитъ съ лѣтами, и что существуютъ средства вовсе уничтожить ее. Слѣдуя симъ свѣдѣніямъ, я начертилъ себѣ родъ жизни, который долженъ былъ вести меня къ желанной цѣли: я сильно противоборствовалъ малѣйшему расположенію къ сомнамбулизму —такъ называлъ я свое состояніе; верховая ѣзда, безпрестанная дѣятельность, безпрестанная разсѣянность, ванна,—все это вмѣстѣ видимо дѣйствовало на улучшеніе моего физическаго здоровья, а мысль о свиданіи съ Элизою изгоняла изъ моей головы всѣ другія мысли.

Однажды послѣ обѣда, когда возлѣ Элизы составился кружокъ праздношатающихся по гостинымъ, она нечувствительно завела рѣчь о суевѣріяхъ, о примѣтахъ. «Есть очень-умные люди» говорила Элиза хладнокровно: «которые вѣрятъ примѣтамъ, и, что всего страннѣе, имѣютъ сильныя доказательства для своей вѣры; напримѣръ, мой мужъ не пропускаетъ никогда вечера наканунѣ новаго года, чтобъ не играть въ карты; онъ говоритъ, что всегда въ этотъ день онъ чувствуетъ необыкновенную сметливость, необыкновенную память, въ этотъ день ему приходятъ въ голову такіе разсчеты въ картахъ, которыхъ онъ и не воображалъ; въ этотъ день, говоритъ онъ, я учусь на цѣлый годъ.» На этотъ разсказъ посы-

пался градъ замѣчаній, одно другаго пустѣе; я одинъ понялъ смыслъ этого разсказа: одинъ взглядъ Элизы объяснилъ мнѣ все.

«Кажется, теперь 10 часовъ» сказала она чрезъ нѣсколько времени...

— Нѣтъ уже 11, отвѣчали нѣкоторые простачки.

«Le temps m'a paru trop court dans votre société, messieurs...» проговорила Элиза тѣмъ особеннымъ тономъ, которымъ умная женщина даетъ чувствовать, что она совсѣмъ не думаетъ того, что говоритъ; но для меня было довольно.

Итакъ, наканунѣ новаго года, въ 10 часовъ... Нѣтъ, никогда я не испытывалъ бо̀льшей радости! Въ-теченіи долгихъ, долгихъ дней видѣть женщину, которую нѣкогда держалъ въ своихъ объятіяхъ, видѣть и не смѣть пользоваться своимъ правомъ, и наконецъ дождаться счастливой, рѣдкой минуты... Надобно испытать это непонятное во всякомъ другомъ состояніи чувство!

Въ послѣдніе дни передъ новымъ-годомъ я потерядъ сонъ, аппетитъ, вздрагивалъ при каждомъ ударѣ маятника, ночью просыпался безпрестанно и взглядывалъ на часы, какъ-бы боясь потерять минуту.

Наконецъ наступилъ канунъ новаго-года. Въ эту ночь я не спалъ рѣшительно ни одной минуты и всталъ съ постели измученный, съ головною болью; въ невыразимомъ волненіи ходилъ я изъ угла въ уголъ, и взоромъ слѣдовалъ за медленнымъ движеніемъ стрѣлки. Пробило восемь часовъ; въ совершенномъ изнеможеніи я упалъ на диванъ... Я серьёзно боялся занемочь, и въ такую минуту!... Легкая дремота начала склонять меня; я позвалъ каммердинера: «приготовить кофью, и если я засну, въ 9 часовъ разбудить меня, но непремѣнно — слышишь ли? Если ты пропустишь хоть минуту, я сгоню тебя со двора; если разбудишь во̀-время — сто рублей».

Съ сими словами я сѣлъ въ кресла, приклонилъ голову и заснулъ сномъ свинцовымъ... Ужасный грохотъ пробудилъ меня. Я проснулся, — руки, лицо у меня были мокры и холодны... у ногъ моихъ лежали огромные бронзовые часы, разбитые въ дребезги — каммердинеръ говорилъ, что я, сидя возлѣ нихъ, вѣроятно задѣлъ ихъ рукою, хотя онъ этого и не замѣтилъ. Я схватился за чашку кофею, когда послышался звукъ другихъ часовъ, стоявшихъ въ ближней комнатѣ; я сталъ считать: бьетъ одинъ, два, три... восемь, девять... десять!... одиннадцать!... двѣнадцать!... Чашка

полетѣла въ каммердинера: «Чтò ты сдѣлалъ?» вскричалъ я внѣ себя.

— Я не виноватъ, отвѣчалъ несчастный каммердинеръ, обтираясь; я исполнилъ въ-точности ваше приказаніе: едва начало бить девять, я подошелъ будить васъ—вы не просыпались; я поднималъ васъ съ креселъ, а вы только изволили мнѣ отвѣчать: «Еще мнѣ рано, рано... Бога ради... не губи меня»— и снова упадали въ кресла; я наконецъ рѣшился облить васъ холодною водою; но ничто не помогало: вы только повторяли: «не губи меня». Я уже было-хотѣлъ послать за докторомъ, но не успѣлъ дойдти до двери, какъ часы не знаю отъ-чего упали и вы изволили проснуться...»

Я не обращалъ вниманія на слова каммердинера, одѣлся, какъ-можно-поспѣшнѣе, бросился въ карету и поскакалъ къ графинѣ.

На вопросъ: «дома ли графъ?» швейцаръ отвѣчалъ: «нѣтъ, но графиня дома и принимаетъ». Я не взбѣжалъ, но взлетѣлъ на лѣстницу! Въ дальней комнатѣ меня ждала Элиза; увидѣвъ меня, она вскрикнула съ отчаяніемъ: «Такъ поздно! графъ долженъ скоро возвратиться; мы потеряли невозвратимое время!»

Я не зналъ, чтò отвѣчать, но минуты были дороги, упрекамъ не было мѣста, мы бросились другъ другу въ объятія. О многомъ, многомъ намъ должно было говорить; разсказать о прошедшемъ, условиться о настоящемъ, о будущемъ; судьба такъ причудливо играла нами, то соединяла тѣсно на одно мгновеніе то разлучала надолго цѣлою бездною; жизнь наша связывалась отрывками, какъ минутныя вдохновеніи беззаботнаго художника. Кàкъ много въ ней осталось необъясненнаго, непонятаго, недосказаннаго. Едва я узналъ, что жизнь Элизы адъ, исполненный мученій всякаго рода; что нравъ ея мужа сдѣлался еще ужаснѣе; что онъ терзалъ ее ежедневно, просто для удовольствія; что дѣти были для нея новымъ источникомъ страданій; что мужъ ея преслѣдовалъ и старался убить въ нихъ всякую чистую мысль, всякое благородное чувство, что онъ и словами и примѣрами знакомилъ ихъ съ понятіями и страстями, которыя ужасны и въ зрѣломъ человѣкѣ,—и когда бѣдная Элиза старалась спасти невинныя души отъ заразы, онъ пріучалъ несчастныхъ малютокъ смѣяться надъ своею матерью... Эта картина была ужасна. Мы уже говорили о возможности прибѣгнуть къ покровительству законовъ, разсчитывали всѣ вѣроятныя удачи и неудачи, всѣ выгоды и невыгоды такого дѣла... Но нашъ разговоръ слабѣлъ и прерывался безпрестанно — слова замирали на пылающихъ устахъ — мы такъ давно ждали

этой минуты; Элиза была такъ обольстительно-прекрасна; негодованіе еще болѣе разжигало наши чувства, ея рука впилась въ мою руку, ея голова прильнула ко мнѣ, какъ-бы ища защиты... Мы не помнили, гдѣ мы, чтò съ нами, и когда Элиза въ самозабвеніи повисла на моей груди... дверь не отворилась, но мужъ ея явился подлѣ насъ. Никогда не забуду этого лица: онъ былъ блѣденъ какъ смерть, волосы шевелились на головѣ его какъ наэлектризированные; онъ дрожалъ какъ въ лихорадкѣ, молчалъ, задыхаясь, и улыбался. Я и Элиза стояли какъ окаменѣлые; онъ схватилъ насъ обоихъ за руки... его лицо покривилось... щеки забагровѣли... глаза засвѣтились... онъ молча устремилъ ихъ на насъ... Мнѣ показалось, что огненный кровавый, лучъ изходитъ изъ нихъ... Магическая сила сковала всѣ мои движенія, я не могъ пошевельнуться, не смѣлъ отвести глаза отъ страшнаго взора... Выраженіе его лица съ каждымъ мгновеніемъ становилось свирѣпѣе, съ тѣмъ вмѣстѣ сильнѣе блистали его глаза, багровѣе становилось лицо... Не настоящій ли огонь зардѣлся подъ его нервами?.. Рука его жжетъ мою руку... еще мгновеніе, и онъ заблисталъ какъ разкаленное желѣзо... Элиза вскрикнула... мёбели задымились... синеватое пламя побѣжало по всѣмъ членамъ мертвеца... посреди кроваваго блеска обозначились его кости бѣлыми чертами... Платье Элизы загорѣлось; тщетно я хотѣлъ вырвать ея руку изъ мстительнаго пожатія... глаза мертвеца слѣдовали за каждымъ ея движеніемъ и прожигали ее... лицо его сдѣлалось пепельнаго цвѣта, волосы побѣлѣли и свернулись, лишь однѣ губы багровою полосою прорѣзывались по лицу его и улыбались коварною улыбкою... Пламя развилось съ непостижимою быстротою: вспыхнули занавѣски, цвѣты, картины, запылалъ полъ, потолокъ, густой дымъ наполнилъ всю комнату... «Дѣти! дѣти!» вскричала Элиза отчаяннымъ голосомъ. «И они съ нами!» отвѣчалъ мертвецъ съ громкимъ хохотомъ...

Съ этой минуты я уже не помню, чтò было со мною... Ѣдкій, горячій смрадъ задушалъ меня, заставлялъ закрывать глаза, — я слышалъ, какъ во снѣ, вопли людей, трескъ разваливающагося дома... Не знаю, кàкъ рука моя вырвалась изъ руки мертвеца: я почувствовалъ себя свободнымъ, и животный инстинктъ заставлялъ меня кидаться въ разныя стороны, чтобъ избѣгнуть обваливающихся стропилъ... Въ эту минуту только я замѣтилъ предъ собою какъ-будто бѣлое облако... всматриваюсь... въ этомъ облакѣ мелькаетъ лицо Софьи... она грустно улыбалась, манила меня...

Я невольно слѣдовалъ за нею... Гдѣ пролетало видѣніе, тамъ пламя отгибалось, и свѣжій, душистый воздухъ оживлялъ мое дыханіе... Я все далѣе, далѣе...

Наконецъ я увидѣлъ себя въ своей комнатѣ.

Долго немогъ яопомниться; я не зналъ, спалъ я или нѣтъ; взглянулъ насебя—платье мое не тлѣло; лишь на рукѣ осталось черное пятно... этотъ видъ потрясъ всѣ мои нервы; и я снова потерялъ память...

Когда я пришелъ въ себя, я лежалъ въ постели, не имѣя силы выговорить слово.

«Слава Богу! кризисъ кончился!» есть надежда — сказалъ кто-то возлѣ меня; я узналъ голосъ доктора Бина, я силился выговорить нѣсколько словъ—языкъ мнѣ не повиновался.

Послѣ долгихъ дней совершеннаго безмолвія, первое мое слово было: «Чтò Элиза ?»

— Ничего! ничего! Слава Богу, здорова, велѣла вамъ кланяться...

Силы мои изтощились на произнесенный вопросъ— но отвѣтъ доктора успокоилъ меня.

Я сталъ оправляться; меня начали посѣщать знакомые. Однажды, когда я смотрѣлъ на свою руку и старался вспомнить, чтò значило на ней черное пятно, — имя графа, сказанное однимъ изъ присутствующихъ, поразило меня; я сталъ прислушиваться, но разговоръ былъ для меня непонятенъ.

«Чтò съ графомъ?» спросилъ я, приподнимаясь съ подушки.

— Да! вѣдь и ты къ нему ѣзжалъ — отвѣчалъ мой знакомый: развѣ ты не знаешь чтò съ нимъ случилось? Вотъ судьба! Наканунѣ новаго-года онъ игралъ въ карты у ***; счастье ему благопріятствовало необыкновенно; онъ повезъ домой сумму необъятную; но вообрази—ночью въ домѣ у него сдѣлался пожаръ; все сгорѣло: онъ самъ, жена, дѣти, домъ — какъ не бывали; полиція дѣлала чудеса, но все тщетно: не спасено ни нитки; пожарные говорили, что отъ-роду имъ еще не случалось видѣть такого пожара: увѣряли, что даже камни горѣли. Въ-самомъ-дѣлѣ. домъ весь разсыпался, даже трубы не торчатъ...

Я не дослушалъ разсказа: ужасная ночь живо возобновилась въ моей памяти, и страшныя судороги потрясли все мое тѣло.

«Чтò вы надѣлали, господа!» вскричалъ докторъ Бинъ — но уже было поздно: я снова приблизился къ дверямъ гроба. Однако моло-

дость ли, попеченія ли доктора, таинственная ли судьба моя—только я остался въ-живыхъ.

Съ-этихъ-поръ докторъ Бинъ сдѣлался осторожнѣе, пересталъ впускать ко мнѣ знакомыхъ и самъ почти не отходилъ отъ меня....

Однажды—я уже сидѣлъ въ креслахъ—во мнѣ не было безпокойства, но тяжкая, тяжкая грусть, какъ свинецъ давила грудь мою. Докторъ смотрѣлъ на меня съ невыразимымъ участіемъ....

«Послушайте» сказалъ я: «теперь я чувствую себя уже довольно крѣпкимъ; не скрывайте отъ меня ничего: неизвѣстность болѣе терзаетъ меня...»

— Спрашивайте, отвѣчалъ докторъ уныло: я готовъ отвѣчать вамъ...

«Что̀ тетушка?»

— Умерла.

«А Софья?»

— Вскорѣ послѣ нея, проговорилъ почти со слезами добрый старикъ.

«Когда? какъ?»

— Она была совершенно-здорова, но вдругъ, наканунѣ новаго года, съ нею сдѣлались непонятные припадки; я съ-рода не видалъ такой болѣзни: все тѣло ея было какъ-будто обожжено...

«Обожжено?...»

— Да! т. е. имѣло этотъ видъ; я говорю вамъ такъ, потому-что вы не знаете медицины; но это, разумѣется, былъ родъ острой водяной...

«И она долго страдала?..»

— О, нѣтъ, слава Богу! Ели бы вы видѣли, съ какимъ терпѣніемъ она сносила свои терзанія, обо всѣхъ спрашивала, всѣмъ занималась... Право, настоящій ангелъ, хотя и была немножко простовата. Да, кстати, она и объ васъ не забыла: вырвала листокъ изъ своей записной книжки и просила меня отдать вамъ на память. Вотъ онъ.

Я съ трепетомъ схватилъ драгоцѣнный листокъ: на немъ были только слѣдующія слова изъ какой-то нравоучительной книжки: «Высшая любовь страдать за другаго...» Съ невыразимымъ чувствомъ я прижалъ къ губамъ этотъ листокъ. Когда я снова хотѣлъ прочесть его, то замѣтилъ, что подъ этими словами были другія: «Все свершилось!» говорило магическое письмо: «жертва принесена! не жалѣй обо мнѣ—я счастлива! Твой путь еще дологъ, и его ко-

вещь отъ тебя зависитъ. Вспомни слова мои: чистое сердце,—высшее благо; ищи его.»

Слезы полились изъ глазъ моихъ, но то были не слезы отчаянія.

Я не буду описывать подробностей моего выздоровленія, а постараюсь хотя слегка обозначить новыя страданія, которымъ подвергся, ибо путь мой дологъ, какъ говорила Софья.

Однажды, грустно перебирая всѣ произшествія моей жизни, я старался проникнуть въ таинственныя связи, которыя соединяли меня съ любимыми мною существами и съ людьми почти мнѣ чужими. Сильно возбудилось во мнѣ желаніе узнать, что̀ дѣлалось съ Элизою... Не успѣлъ я пожелать, какъ таинственная дверь моя разтворилась. Я увидѣлъ Элизу предъ собою; она была та же, какъ и въ послѣдній день—такъ же молода, такъ же прекрасна: она сидѣла въ глубокомъ безмолвіи и плакала; невыразимая грусть являлась во всѣхъ чертахъ ея. Возлѣ нея были ея дѣти; они печально смотрѣли на Элизу, какъ-будто чего отъ нея ожидая. Воспоминанія ворвались въ грудь мою, вся прежняя любовь моя къ Элизѣ воскресла. «Элиза! Элиза!» вскричалъ я, простирая къ ней руки.

Она взглянула на меня съ горькимъ упрекомъ... и грозный мужъ явился предъ нею. Онъ былъ тотъ же, какъ и въ послѣднюю минуту: лицо пепельнаго цвѣта, по которому прорѣзывались тонкою нитью багровыя губы; волосы бѣлыя, свернувшіяся клубкомъ; онъ съ свирѣпымъ и насмѣшливымъ видомъ посмотрѣлъ на Элизу, и что̀ же? она и дѣти поблѣднѣли—лицо, какъ у отца, сдѣлалось пепельнаго цвѣта, губы протянулись багровою чертою, въ судорожныхъ мукахъ они потянулись къ отцу и обвивались вокругъ членовъ его... Я закричалъ отъ ужаса, закрылъ лицо руками... Видѣніе исчезло, но недолго. Едва я взглядываю на свою руку, она напоминаетъ мнѣ Элизу, едва вспоминаю о ней, прежняя страсть возбуждается въ моемъ сердцѣ, и она является предо мною снова, снова глядитъ на меня съ упрекомъ, снова пепелѣетъ и снова судорожно тянется къ своему мучителю...

Я рѣшился не повторять болѣе моего страшнаго опыта, и для счастья Элизы стараться забыть о ней. Чтобы разсѣять себя, я сталъ выѣзжать, видѣться съ друзьями; но скоро по мѣрѣ моего выздоровленія, я начиналъ замѣчать въ нихъ что̀-то странное: въ первую минуту они узнавали меня, были рады меня видѣть, но потомъ мало-по-малу въ нихъ раждалась какая-то холодность, похожая даже на отвращеніе; они силились сблизиться со мною,

и что-то невольно ихъ отталкивало. Кто начипалъ разговоръ с мною; черезъ минуту старался его окончить; въ обществахъ лю ди какъ-будто оттягивались отъ меня непостижимою силою, п рестали посѣщать меня; слуги, не смотря на огромное жаловані и на обыкновенную тихость моего характера, не проживали у м ня болѣе мѣсяца; даже улица, на которой я жилъ, сдѣлалась бе людиѣе; никакого животнаго я не могъ привязать къ себѣ; нако нецъ, какъ я замѣтилъ съ ужасомъ, птицы никогда не садилис на крышу моего дома. Одинъ докторъ Бинъ оставался мнѣ вѣ ренъ; но онъ не могъ понять меня, и въ разсказахъ о странно пустынѣ, въ которой я находился, онъ видѣлъ одну игру вообра женія.

Этого мало; казалось, всѣ несчастія на меня обрушились: что ни предпринималъ, ничто мнѣ не удавалось; въ деревняхъ несча стія слѣдовало за несчастіями; со всѣхъ сторонъ противъ меня от крылись тяжбы, и старые, давно-забытые процессы возобнови лись; тщетно я всею возможною дѣятельностію хотѣлъ возпро тивиться этому нападенію судьбы—я не находилъ въ людяхъ ни совѣта, ни помощи, ни привѣта; величайшія несправедливости совершались противъ меня, и всякому казались самымъ правед нымъ дѣломъ. Я пришелъ въ совершенное отчаяніе...

Однажды, узнавъ о потерѣ половины моего имѣнія въ самомъ несправедливомъ процессѣ, я пришелъ въ гнѣвъ, котораго еще ни когда не изпытывалъ; невольно я перебиралъ въ умѣ всѣ ухищре нія, употребленныя противъ меня, всю неправоту моихъ судей, ваю холодность моихъ знакомыхъ, сердце мое забилось отъ до сады... и снова таинственная дверь предо мною разтворилась, я увидѣлъ всѣ тѣ лица, противъ которыхъ возпалился гнѣвомъ, — ужасное зрѣлище! Въ другомъ мірѣ мой нравственный гнѣвъ получилъ физическую силу: онъ поражалъ враговъ моихъ всѣми возможными бѣдствіями, насылалъ на нихъ болѣзненныя судороги, мученія совѣсти, всѣ ужасы ада... Они съ плачемъ простирали ко мнѣ свои руки, молили пощады, увѣряя, что въ нашемъ мірѣ они дѣйствуютъ по тайному, непреодолимому побужденію...

Съ этой минуты гибельная дверь души моей не затворяется ни на мгновеніе. Днемъ, ночью, вокругъ меня толпятся видѣнія лицъ мнѣ знакомыхъ и незнакомыхъ. Я не могу вспомнить ни о комъ ни съ любовью, ни съ гнѣвомъ; все, что любило меня, или ненавидѣло, все что имѣло со мною малѣйшее сношеніе, что при-

касалось ко мнѣ, все стр адаетъ и молитъ меня отвратить глаза мои...

Въ ужасѣ невыразимомъ, терзаемый ежеминутно, я боюсь мыслить, боюсь чувствовать, боюсь любить и ненавидѣть! Но возможно ли это человѣку? какъ пріучить себя не думать, не чувствовать? Мысли невольно являются въ душѣ моей—и мгновенно предъ моими глазами обращаются въ терзаніе человѣчеству. Я покинулъ всѣ мои связи, мое богатство; въ небольшой, уединенной деревнѣ, въ глуши непроходимаго лѣса, незнаемый никѣмъ, я похоронилъ себя за-живо; я боюсь встрѣтиться съ человѣкомъ, ибо всякій, на кого смотрю, занемогаетъ; боюсь любоваться цвѣткомъ—ибо цвѣтокъ мгновенно вянетъ предъ моими глазами... Страшно! страшно!.. А между-тѣмъ этотъ непонятный міръ, вызванный магическою силою, кипитъ предо мною: тамъ являются мнѣ всѣ приманки, всѣ обольщенія жизни, тамъ женщины, тамъ семейство, тамъ всѣ очарованія жизни; тщетно я закрываю глаза — тщетно!..

Скоро ль, долго ль пройдетъ мое испытаніе—кто знаетъ! Иногда, когда слезы чистаго, горячаго разкаянія льются изъ глазъ моихъ, когда, откинувъ гордость, я со смиреніемъ сознаю все безобразіе моего сердца, — видѣніе исчезаетъ, я успокоиваюсь—но недолго! Роковая дверь отворена: я, жилецъ здѣшняго міра, принадлежу къ другому, я поневолѣ тамъ дѣйствователь, я тамъ—ужасно сказать, — я тамъ *орудіе казни!*

КН. В. ОДОЕВСКІЙ.

Ораніенбаумъ.
1839 г.

ХУТОРОКЪ.

═

За рѣкой, на горѣ,
Лѣсъ зелёный шумитъ;
Подъ горой, за рѣкой
Хуторочекъ стоитъ.
Въ томъ лѣсу соловей
Громко пѣсни поетъ;
Молодая вдова
Въ хуторочкѣ живетъ.
Въ эту ночь-полуночь,
Удалой молодецъ,
Хотѣлъ быть, навѣстить
Молодую вдову...
На рѣкѣ рыболовъ
Поздно рыбу ловилъ:
Погулять, ночевать
Въ хуторочекъ приплылъ.
— Рыболовъ мой, душа!
Не ночуй у меня:
Свекоръ дома сидитъ,—
Онъ не любитъ тебя...
Не сердися, плыви,
Въ свой рыбачій куревь;
Завтра жь, другъ мой, съ тобой,
Гулять рада весь день.
«Сильный вѣтеръ подулъ...
А ночь будетъ темна!...
Лучше, здѣсь, на рѣкѣ,
Я просплю до утра.»
Опозпился купецъ
На дорогѣ большой,—
Онъ свернулъ ночевать
Ко вдовѣ молодой.
— Милый купчикъ, душа!
Чѣмъ тебя мнѣ принять?...
Не топила избы,
Нѣту сѣна, овса.

Лучше къ куму, въ село,
Поскорѣе ступай;
Только, завтра, смотри,
Погостить заѣзжай!
«До села далеко;
Конь усталъ мой совсѣмъ;
Есть свой кормъ у меня, —
Не печалься о немъ.
Я вчера въ городкѣ
Долго былъ—все купилъ;
Вотъ подарокъ тебѣ:
Что давно посулилъ.»
— Не хочу я его! . . .
Боль головушку всю
Разломила на смерть;
Ступай къ куму въ село:
«Эта боль—пустяки! . . .
Средство есть у меня:
Слова два—заживётъ,
Вся головка твоя.»
Засвѣтился огонь,
Закурилась изба;
Для гостей дорогихъ
Столъ готовитъ вдова.
За столомъ, съ рыбакомъ,
Ужь гуляетъ купецъ. . .
(А въ окошко глядитъ
Удалой молодецъ. . .)
«Ты, рыбакъ, пей вино!
Мнѣ съ сестрой наливай;
Если мастеръ плясать:
Пѣть мы пѣсни давай!
«Я съ людями люблю
По-пріятельски жить;
Ваше дѣло поймать
Наше дѣло купить . . .
«Такъ со мною, прошу,
Безъ чиновъ—по рукамъ;
Одну басню твержу
Я всѣмъ добрымъ людямъ:
«Горе есть—не горюй,
Дѣло есть—работай.
А подъ случай попалъ,—
На здоровье гуляй!»
И пошелъ съ рыбакомъ
Купецъ пѣсни играть,

Молодую вдову
Обнимать, цаловать.
Не стерпѣлъ удалой,
Загорѣлась душа
И какъ глазомъ моргнуть,—
Растворилась изба . . .
И съ-тѣхъ-поръ, въ хуторкѣ,
Никого не живетъ;
Лишь одинъ соловей
Громко пѣсни поетъ.

5-го сентября
1839 года.

ПѢСНЬ ИНВАЛИДА.

Былъ у насъ въ былые годы
Знаменитый генералъ.
Я, ребенкомъ, про походы
И про жизнь его читалъ.

Былъ Русакъ — Россію нашу
Всей душею онъ любилъ.
Былъ солдатъ — ѣлъ щи да кашу,
Русскій квасъ и водку пилъ;

На морозѣ обливался,
Спалъ на сѣнѣ подъ плащомъ,
И съ артелью заливался
Перелетнымъ соловьемъ.

Передъ строемъ самъ молитвы
Богородицѣ читалъ.
Левъ въ сраженьи — послѣ битвы,
Дома, пѣтухомъ кричалъ.

Грозенъ былъ врагамъ отчизны,
Русскимъ всѣмъ желалъ добра,
Прожилъ вѣкъ безъ укоризны
Побѣдилъ свой вѣкъ — ура!

И теперь, когда на битву
Русскіе полки идутъ —
Онъ за нихъ творитъ молитву:
Про него они поютъ.

А когда отецъ Россіи
Созоветъ своихъ дѣтей —
Блещутъ копья боевыя
Блещутъ тысячи мечей.

И, любуяся сынами,
Царь имъ кажетъ путь къ добру —
Онъ паритъ надъ облаками
Съ рапортомъ дневнымъ къ Петру.

И читаетъ рапортъ славы,
Пріосамясь, славы сынъ.
И заплачетъ, день Полтавы
Вспомня, русскій исполинъ.

Онъ обнимется съ героемъ —
Кликнутъ кличъ своимъ полкамъ —
И проходятъ строй за строемъ
Ихъ полки по облакамъ.

И узнаютъ внуковъ дѣды,
Вспомнятъ славу прежнихъ лѣтъ —
И раздастся гимнъ побѣды
Богу славы и побѣдъ.

— Ө. —

НЕЗНАКОМКА.

(Повесть Скриба.)

I.

Если я вамъ скажу, любезный читатель, что я купилъ маленькое помѣстье въ Бри, то это конечно для васъ будетъ очень неинтересно. Если я прибавлю, что имѣю глупость тамъ строиться, что каменьщики, плотники, подрядчики и особенно сметы, сдѣланныя по совѣсти, меня почти разорили, то это будетъ длинная пѣсня, къ которой вы останетесь равнодушны; притомъ же, я вамъ открою за тайну, что мои постройки еще не кончены, и что для приведенія въ порядокъ моего прекраснаго зданія не достаетъ флигеля; это признаніе, которое стòитъ мнѣ дорого, не тронетъ васъ и не прерветъ ни на минуту чтенія журнала, которымъ вы теперь заняты. Но если я вамъ скажу, что за это неконченное зданіе, за этотъ несуществующій флигель должны заплатить вы, то, можетъ-быть, не ожидая такой новости, вы обратите на меня свое вниманіе, а я съ самаго начала постараюсь возбудить ваше любопытство, ваше участіе, и болѣе всего вашъ ужасъ: единственная въ наше время цѣль сочинителей повѣстей и романовъ.

Я былъ на дворѣ и, сидя на камнѣ, печально осматривалъ мѣсто, которое такъ удобно займетъ мой флигель, когда онъ будетъ возвышаться, если онъ когда-нибудь возвысится . . . какъ вдругъ меня кто-то ударилъ по плечу и голосъ нѣжный, радостный воскликнулъ: «Здравствуйте, сосѣдушка!» Это былъ Жоржъ Лисвудъ, мой деревенскій сосѣдъ, котораго я мало зналъ. Пріѣхавъ недавно въ ихъ сторону и вѣчно живя съ своими работниками, я еще никого не посѣтилъ, но съ Жоржемъ мы недолго знакомились: онъ имѣлъ одну изъ тѣхъ счастливыхъ и любезныхъ наружностей, которыя возбуждаютъ удовольствіе и довѣренность; съ перваго раза вы дѣлаетесь его пріятелемъ, а со втораго уже не захотите его оставить; полный искренности и веселости, беззаботный о будущемъ

и счастливый настоящимъ, безъ честолюбія, не смотря на свою красоту, онъ могъ быть сыномъ, которымъ гордилась бы всякая мать, и братомъ, которымъ была бы счастлива всякая сестра. Вступивъ съ юныхъ лѣтъ въ Политехническую Школу, Жоржъ былъ тамъ однимъ изъ самыхъ достойныхъ возпитанниковъ; сдѣлавшись офицеромъ артиллеріи, онъ отличился при осадѣ Антверпена — единственный случай, который ему представился для славы, — и потомъ, когда водворился миръ, онъ проводилъ дни отдохновенія и отпуска при своей престарѣлой матери. Когда же пришло время позаботиться о судьбѣ своей сестры, онъ объявилъ, что не нуждается въ имѣніи, что онъ очень-богатъ жалованьемъ поручика артиллеріи и отказался отъ небольшаго отцовскаго наслѣдства въ-пользу сестры своей, Елены, которая, благодаря этой прибавкѣ къ своему приданому, сдѣлала довольно-выгодную партію.

Одинъ разъ я хотѣлъ говорить объ этихъ великодушныхъ поступкахъ Жоржу; но онъ пожалъ плечами и оборотился ко мнѣ спиной: это была единственная его грубость въ-отношеніи ко мнѣ.

Пріѣхавъ, съ нѣкотораго времени, въ наше сосѣдство къ своей матери, онъ посѣщалъ иногда мою библіотеку, единственную въ помѣстьѣ Бюсьеръ, и, будучи искуснымъ рисовальщикомъ и живописцемъ, снималъ виды нашихъ окрестностей.

«Чтò съ вами?» сказалъ онъ мнѣ. «Отъ-чего этотъ заботливый видъ?» Я ему разсказалъ тогда то, чтò разсказывалъ за минуту и вамъ, мой любезный читатель, сказалъ и то, какимъ-образомъ я хотѣлъ бы кончить на-счетъ публики мои начатыя работы.

— Кàкъ, не уже ли вы думаете, что публика заплатитъ за ваши работы?

«Она очень-милостива и очень-благородна. Она всегда платитъ, но только когда ее забавляютъ; впрочемъ забавлять ее день-отъ-дня становится труднѣе. Теперь я долженъ для нея сдѣлать то же; но я не могу найдти сюжета новаго, трогательнаго, оригинальнаго...»

— Сюжета — чего? —

«Сюжета романа, комедіи, оперы...»

— Какъ! посредствомъ оперъ строятъ домы?

«Почему жь нѣтъ? доказательство вамъ — другъ мой Оберъ: у него два дома въ улицѣ Сен-Жоржъ...»

— Которые онъ воздвигнулъ, какъ Амфіонъ, съ помощію своей лиры...

«Своего таланта, лучше сказать.»

— Вы правы; это возможно... Итакъ, если я могу вамъ дать сюжетъ оперы...

«Вы, мой любезный сосѣдъ? И что-нибудь возможное?..»

— Когда я говорю «оперы», то это можетъ быть и вздоръ.

«Это почти-всегда одно и то же.»

— Ну, пожалуй, трагедіи, комедіи, романа... я право не знаю.

«Говорите все.»

— То, что̀ я знаю, есть нѣчто оригинальное, странное, непостижимое...

«Такъ и надобно!»

— И безъ всякаго смысла!

«Въ этомъ-то и залогъ успѣха, мой любезный другъ,—большаго успѣха! Говорите. Вы усиливаете мое нетерпѣніе.»

— Произшествіе это случилось со мной.

«Съ вами?»

— Со мной... въ моей юности.

«Вы и теперь не стары.»

— Назадъ тому пять или шесть лѣтъ... Я—герой... Но исторія довольно-длинна; не лучше ли до другаго времени? теперь уже довольно поздно, а въ 12 часовъ я имѣю одно важное дѣло, которое не терпитъ отлагательства.

«Теперь не болѣе половины двѣнатцатаго, а чрезъ полчаса даю слово васъ освободить.»

— Точно?

«Клянусь вамъ!»

— Вѣрю.

Мы усѣлись тогда въ отдаленной части парка, на берегу рѣчки, предъ каскадомъ, котораго блестящія и прозрачныя струи низпадали на кремнистое дно и катились черезъ рощу до Пти-Моринской Долины, мѣста восхитительнаго, напоминающаго Швейцарію въ малыхъ кантонахъ; долина прелестная, которая бы пользовалась самой высокой славой, если бы ея зеленѣющіе скаты назывались Гларисъ и Апенцель; но путешественникъ смотритъ на нее безъ вниманія, потому-что она въ двадцати миляхъ отъ Парижа и въ трехъ отъ Ферте-су-Жуаръ. Жоржъ, мой молодой другъ, былъ не изъ такихъ людей: радостно блуждая своими живыми, одушевленными глазами по этой живописной и прелестной природѣ, разстилавшейся передъ нами, онъ говорилъ: «Вы не могли выбрать лучшаго мѣста, которое бы такъ хорошо соотвѣтствовало моей повѣсти. Это великолѣпное солнце, эта молодая зелень, эта улы-

бающаяся окрестность, возбуждають во мнѣ тѣ мысли, которыми я былъ полонъ шесть или семь лѣтъ назадъ, когда вышелъ изъ школы. Какъ все прекрасно утромъ передъ восходомъ солнца! Свѣтъ, въ который я готовился войдти, представлялся мнѣ украшенный такими же прелестями и надеждами.

«Я былъ убѣжденъ, какъ и многіе молодые люди моего возраста, что встрѣчу въ свѣтѣ только друзей, успѣхи и, болѣе всего, сердечныя побѣды. Да, признаюсь откровенно, послѣднее больше всего меня занимало.

«Мы много читали въ школѣ; но книги, которыя мы пожирали въ-тайнѣ, не всѣ были одобрены совѣтомъ университета. Была одна изъ нихъ, хотя очень-занимательная, но и очень-вредная для умовъ юныхъ, — книга, гдѣ все завлекало, быть-можетъ потому-что въ ней все ложно, потому-что ни молодые люди, ни общество никогда не существовали такъ, какъ они въ ней представлены; чувства, нравы, характеры, все поддѣлано, все въ ней было мечты, обольщавшія наше воображеніе.

«Такъ пріятно представлять себѣ всѣхъ этихъ дамъ, которыя всегда предпочитаютъ другимъ юношу 17-ти лѣтъ, не требуя отъ него ни достоинствъ, ни таланта, ни почестей... Напротивъ, ему безполезно заниматься своимъ образованіемъ, предаваться наукамъ и работамъ труднымъ. Любовь займется его славой, его счастіемъ и его будущностью... Притомъ всѣ товарищи мнѣ повторяли, что я недуренъ, что у меня хорошенькое личико дѣвушки... Извините, что говорю вамъ подобныя вещи; но когда разсказываютъ...»

— Вы правы... Это замѣтно...

«Не думайте, впрочемъ» сказалъ мнѣ Жоржъ, краснѣя: «что во мнѣ и теперь гнѣздятся подобныя мысли... Я говорю о минувшемъ... тому уже 7 лѣтъ... Я былъ тогда и глупъ и легковѣренъ; я думалъ, чтобъ побѣдить женщину, мнѣ стоило только махнуть платкомъ. Однакожь я далъ себѣ слово не входить въ связь ни съ кѣмъ, кромѣ маркизъ, графинь, ни въ какомъ случаѣ, ни подъ какимъ видомъ не сходить ниже баронессъ. Увы, меня ожидали жестокія неудачи!

«Вышедъ изъ коллегіи, я поселился скромно у моей матери, приготовляясь, въ угожденіе ей, къ экзамену въ Политехническую Школу, но убѣжденный, что эти занятія не послужатъ мнѣ ни къ чему, и воображая, что я былъ назначенъ для высшей и блистательнѣйшей участи. Къ-несчастію, у меня не было средствъ доказать это:

общество моей матери составлялось изъ добрыхъ мѣщанъ, нѣкоторыхъ нашихъ родственниковъ, двоюродныхъ сестеръ и негоціантовъ; но чтобъ познакомиться съ большимъ свѣтомъ—кто меня туда введетъ? кто меня тамъ пріиметъ?

«Это было въ началѣ 1830 года, когда древнія имена и древнія фамиліи блистали самымъ живымъ блескомъ. Мильйоны давали средство благородной аристократіи возстановить прежнюю свою роскошь и богатство. Чтò же касается до утонченности въ жизни этихъ людей, до ихъ щегольства и гордости, то они ихъ никогда не теряли. Кàкъ же я, бѣдный школьникъ, юноша неизвѣстный, буду принятъ въ эти великолѣпныя палаты, святилища моихъ богинь! . . .

«Подобныя размышленія, прежде неприходившія мнѣ въ голову, теперь исключительно занимали меня, но совсѣмъ не уменьшали моей воинственной смѣлости. Я былъ увѣренъ, что, побѣдивъ первое препятствіе, заставлю замѣтить себя и прикую къ себѣ взоры всѣхъ.

«Вы видите, что я былъ тщеславенъ и гордъ; потому-то я и разсказываю вамъ грѣхи свои: пусть это будетъ моимъ покаяніемъ.

«Я постоянно отъискивалъ средства приблизиться къ большому свѣту на такое разстояніе, чтобъ увидѣть его, и наконецъ нашелъ способъ, который вамъ покажется довольно-простъ, но который мнѣ стòилъ очень-дорого. Я ходилъ всякій вечеръ въ Итальянскую Оперу; въ этой залѣ фешёнеблей, куда собирались придворные и допускались только люди порядочные, были мои свиданія съ высшимъ обществомъ: мѣсто въ оркестрѣ, которое я нанималъ, давало мнѣ это право. О, какъ сердце мое билось, когда я въ первый разъ вошелъ въ это блистательное собраніе! Взоры мои, смущенные и ослѣпленные, блуждали по этой храминѣ, вмѣщавшей въ себѣ богатство, роскошь и красоту. Всѣ ложи блистали нарядами и брильянтами. Не всѣ дамы были молоды, не всѣ были прекрасны, но я смотрѣлъ на нихъ сквозь призму ихъ титула, и всѣ онѣ казались мнѣ возвышенны, несравненны, прелестны... Въ антрактахъ я прогуливался въ фойэ, въ коррилорахъ, останавливался предъ дверями ложъ, почти-всегда открытыхъ. Послѣ спектакля я былъ въ сѣняхъ, видѣлъ выходъ этихъ дамъ, стоялъ передъ ними, касался складокъ ихъ шалей и газовыхъ одеждъ; потомъ смотрѣлъ, какъ онѣ садились въ кареты и возвращался къ себѣ домой пѣшкомъ, а на другой день возобновлялъ то же. Мать моя ужасалась моей страсти къ итальянской

музыкѣ и издержекъ, которыя были необходимымъ ея слѣдствіемъ. Должно признаться, что эта музыка надоѣла мнѣ до смерти, но я въ томъ не сознавался: это была единственная точка моего столкновенія съ высшимъ обществомъ... Я промѣнялъ потомъ мѣсто въ оркестрѣ на мѣсто въ балконѣ, чтобъ быть болѣе на виду, но никто не обращалъ на меня вниманія; даже сосѣди мои, занимаясь столько же пьесой, сколько и мной, проводили весь вечеръ только въ поклонахъ своимъ знакомымъ.

«Въ одинъ вечеръ, вижу — въ одну изъ переднихъ ложъ входитъ прелестная особа, которой я еще никогда не видалъ: молодая дѣвушка пятнадцати или шестнадцати лѣтъ, стройная, свѣжая, какъ розы, вѣнчавшія ея головку... Я спросилъ робко моего сосѣда съ лѣвой стороны, кто она?

«Младшая герцогиня» отвѣчалъ онъ, наводя на нее лорнетъ.

— Какая герцогиня? спросилъ я съ равнымъ вниманіемъ у моего сосѣда съ правой стороны. «Въ послѣдній балъ представленная ко двору... знаете?..» и онъ замолчалъ.—Вы понимаете, почему я ни за что въ свѣтѣ не показалъ своего незнанія и отвѣчалъ улыбкой свѣтскаго человѣка, которою хотѣлъ выразить: да, очень-хорошо знаю.

«Спустя нѣсколько минутъ, вошелъ въ ложу молодой, прелестной герцогини высокій господинъ, тощій, сухой, съ суровыми глазами, напудренной головой, ясно отражавшей на себѣ по-крайней-мѣрѣ 60 лѣтъ, хоть и говорятъ, что пудра молодитъ. Мой сосѣдъ, кланявшійся всѣмъ, не упустилъ такого прекраснаго случая, поспѣшно нагнулся, и на многіе возобновленные его поклоны тощій господинъ отвѣчалъ однимъ медленнымъ и размѣреннымъ наклоненіемъ головы, какъ статуя командора въ «Дон-Жуанѣ,» и потомъ вышелъ изъ ложи съ той же важностью. «Онъ идетъ играть въ вистъ съ королемъ» сказалъ мой правый сосѣдъ.—Такъ для этого-то онъ оставляетъ свою жену съ старой маркизой? подхватилъ другой сосѣдъ.

«Его жена! сказалъ я съ ужасомъ самому-себѣ... Его жена! Эта юная, прелестная женщина! И проклятый романъ представился моей памяти; я невольно думалъ о прекрасной и проницательной госпожѣ Линьйоль! Всѣ мои призраки воскресли, всѣ мечты возобновились. Я видѣлъ себя назначеннымъ защищать эту жертву гордости и предразсудковъ, и мстить за нее; но только я желалъ бы ее видѣть печальною и задумчивою, а она часто смѣялась это мнѣ не нравилось; но при всемъ томъ, она была такъ мила, что

ей можно было простить этотъ единственный проступокъ при такихъ совершенствахъ. Увлеченный, обольщенный какими-то неведомыми чарами, я невольно преследовалъ ее, и при конце спектакля очутился въ сеняхъ предъ нею и старой маркизой, пока они дожидались своей кареты, которая, благодаря небо, была одна изъ последнихъ. Герцогиня показалась мне прелестною издали, но вблизи она была еще лучше. Черты лица ея были такъ округлены, такъ нежны, такъ блистали юностью и красотой, что на нихъ было пріятно смотреть, какъ на первый день весны,—а сколько было ума и лукавства въ этихъ черныхъ, большихъ глазахъ!.. Закутанная въ свой белый, атласный салопъ, подбитый горностаемъ, она не говорила ни слова; но какъ она улыбалась, въ то время, когда почтенная спутница ея приходила въ нетерпеніе отъ кареты, которая наконецъ явилась. Закричали ихъ карету; оне вышли, и я въ молчаніи преследовалъ ихъ.

«Погода была ужасная: дождь лилъ ручьями, и не смотря на навесъ, защищающій улицу Мориво, до кареты былъ переходъ въ два или три шага, который ужасалъ моихъ дамъ;—оне остановились. Изъ всей позлащенной толпы, ихъ окружавшей, у меня одного былъ зонтикъ, зонтикъ, который бы я верно не предложилъ, еслибъ имелъ время для размышленія; но, повинуясь только первому порыву, я разпустилъ зонтикъ и поспешно предложилъ его, съ мещанскою ловкостію, старой маркизе, а потомъ обратился къ моей прелестной герцогине, которая съ трудомъ переступала, путаясь въ своемъ салопе и приподымая его. Одной рукой я поднялъ зонтикъ надъ ея пышными кудрями и розовымъ венкомъ, другой осмелился ее поддержать, помогая войдти въ карету.

«Я вамъ не говорю ни о маленькомъ атласномъ башмачке, ни о стройной ножке, мелькнувшей мне при свете газа въ ту минуту, когда герцогиня обратилась ко мне съ благодарностью и возхитительной улыбкой, отъ которой я совершенно разтерялся... Я прошелъ позади кареты, сталъ у опущеннаго стекла правой дверцы, и между-темъ, какъ лакей поднималъ подножки съ левой стороны, я слышалъ слова, произнесенныя моею герцогиней:

— *Красивый мужчина, пріятной наружности.*

«О! какъ этотъ голосъ былъ сладостенъ! Стоя на улице, почти подъ колесами кареты, я слушалъ, затаивъ дыханіе.

— *Не знаете ли вы этого прекраснаго молодаго человека?* продолжала она.

«Дождь лилъ на меня, а я стоялъ въ лужѣ... я ничего не видалъ, ничего не чувствовалъ — я слушалъ. Другая отвѣчала съ презрѣніемъ: — Стбитъ ли онъ того?... Онъ ходитъ всякій вечеръ въ Итальянскую Оперу.

«*Зачѣмъ?*»

— Я вамъ скажу.

«Въ эту минуту кучеръ ударилъ по лошадямъ, лакей вскочилъ на запятки, карета покатилась и чуть не раздавила меня. Ничего этого я почти не замѣчалъ, равно какъ не думалъ ни о насморкѣ и кашлѣ, которые принесъ домой, и о которыхъ моя бѣдная мать ужасно безпокоилась. Я былъ очарованъ, возхищенъ, не спалъ всю ночь; меня мучила лихорадка, и слѣдующій день я провелъ какъ безумный. Всѣ мои мечты сбылись... мой романъ начинался... Я обожалъ эту женщину... Я готовъ былъ умереть для нея. Да, во всю жизнь свою я никогда, ничего не испытывалъ болѣе мучительнаго, болѣе отчаяннаго, какъ въ эти первые 24 часа страсти... Къ-счастію, они не повторились на другой день: перенести ихъ не достало бы силъ человѣческихъ.»

— Какъ, возкликнулъ я: только одинъ день?

— «Да, такъ» подхватилъ Жоржъ: «но вы увидите почему.»

Въ этомъ мѣстѣ разсказа часы бусьерскаго прихода прозвонили двѣнадцать; Жоржъ вскрикнулъ: «А! я опоздаю; прощайте» сказалъ онъ, убѣгая...

— А слѣдствіе вашей исторіи?

«До завтра» кричалъ онъ... и скрылся.

II.

«Это было въ четвергъ; играли «Семирамиду»; но мнѣ было все равно, чтò бъ ни играли: вы легко догадаетесь, что, не смотря на лихорадку, насморкъ и просьбы матери, я былъ первый на моемъ мѣстѣ въ балконѣ, даже прежде, нежели отперлись двери; это ужь одно очень не по-свѣтски, но не кому было понимать этого — я былъ одинъ въ залѣ. Блестящіе наряды запестрѣли, оркестръ прогремѣлъ, г-жа Малибранъ запѣла. Я ничего не слыхалъ... Я не существовалъ... я былъ весь ожиданіе! Наконецъ душа, жизнь, чувства зажглись во мнѣ. Явилась *она; она* вошла въ ложу еще прелестнѣе, еще обворожительнѣе, нежели въ первый разъ. — Мои сосѣди возкликнули, что она блестѣла бриллиянтами; но я ни одного не замѣтилъ: я видѣлъ одну ее; и, смотря на нее, почтительно по-

клонился... Взоры ея встрѣтились съ моими... Она меня видѣла, я увѣренъ въ томъ — она меня видѣла! но, отвернувъ головку въ другую сторону, даже не отплатила мнѣ поклона.»

— Можетъ ли это быть? сказалъ я ему: вы вѣрно не замѣтили.

— «А!» воскликнулъ онъ съ жаромъ: «вы думаете, что я могъ оставить это безъ изслѣдованія.»

«Я пошелъ ожидать ее у дверей ложи; она подала руку этому тощему, разпудренному господину, своему мужу, разговаривала съ нимъ весело, дружески; словомъ казалось, онъ ей нравился, казалось она любила его,—она! г-жа Линьйоль! Что было со мной? Все разрушено! Опершись на столбъ въ сѣняхъ, я видѣлъ, какъ она спускалась, шла прямо на меня, и когда приблизилась на два шага, я поклонился еще; но она, поспѣшно обратясь къ маркизѣ, которая шла за ней, показала видъ, будто не замѣтила меня и прошла холодно до кареты. Въ тотъ вечеръ погода была хороша и моихъ услугъ не требовалось.

«Я презиралъ ее, проклиналъ ее... Она сдѣлалась мнѣ отвратительна. Я пришелъ домой блѣдный, пылающій гнѣвомъ и болѣе не ходилъ въ Итальянскую Оперу. Заперши́сь на три мѣсяца, принялся заниматься науками съ прилежаніемъ и рвеніемъ; это очень подвинуло мой экзаменъ въ Политехнической Школѣ.»

— И вамъ казалось это большимъ счастьемъ?

«Нѣтъ, я не былъ счастливъ. Часъ разсудка тогда не наступилъ еще; во мнѣ кипѣла тогда злость, досада; самолюбіе мое было унижено, и я, перешедъ отъ любви къ ненависти, дышалъ однимъ мщеніемъ. Я отдалъ бы все на свѣтѣ, чтобъ только понравиться одной изъ этихъ дамъ, гордыхъ, недоступныхъ, не для-того, чтобъ удостоиться ихъ любви, но чтобъ имѣть случай пренебрегать ими, унизить ихъ въ свою очередь! Вы видите, что̀ пріобрѣлъ я, едва прикоснувшись къ свѣту... Я былъ все такъ же безразсуденъ, такъ же заносчивъ, какъ и прежде, и, сверхъ-того, сдѣлался золъ. Къ-несчастію, случаи для худыхъ дѣлъ встрѣчаются чаще, нежели для хорошихъ: скоро и мнѣ представился такой случай, хотя я совсѣмъ не искалъ его.

«Мой школьный товарищъ, племянникъ пѣра Франціи, кончивъ курсъ ученья, выѣхалъ изъ Парижа съ своимъ гувернёромъ, чтобъ начать путешествіе; но, получивъ на дорогѣ извѣстіе о смерти дяди, который оставилъ ему большое наслѣдство и блестящее званіе (тогда званіе пѣра передавалось въ потомство), поспѣшилъ возвратиться во Францію и въ одно утро явился ко мнѣ, вспрыгнулъ ко

мнѣ на шею, расказалъ о своей потерѣ, или лучше сказать, о своей находкѣ, и просилъ меня ѣхать гостить нѣсколько недѣль въ новое его помѣстье, а потомъ въ долину Орзей, въ зàмокъ его сестры, графини Юліи, у которой лѣтомъ собиралось самое блистательное парижское общество. Пока онъ мнѣ говорилъ, я отъискивалъ въ этомъ способы изполнить мое мщеніе. Впрочемъ я трудился безъ отдыха три мѣсяца сряду; мнѣ необходимо было развлеченіе. Тогда былъ іюль, время стояло прекрасное, мать моя просила меня согласиться; мы отправились.

«Другъ мой Константинъ, новый перъ Франціи, былъ славный малый, недалекъ въ познаніяхъ, но ловокъ на охотѣ. Занимаясь болѣе лошадьми, нежели парламентскими рѣчами, онъ очень-кстати получилъ богатство по наслѣдству; самъ онъ никогда бы не пріобрѣлъ его трудомъ или умомъ: впрочемъ, не приписывая себѣ лишнихъ достоинствъ, и часто даже унижая себя, чтобъ возвысить своихъ друзей, онъ и меня представилъ своей сестрѣ словами: «Ты знаешь, Юлія, что я неученъ, но вотъ мой другъ Жоржъ, который нахваталъ познаній за двоихъ, и пополнитъ этотъ недостатокъ. Графиня и мужъ ея приняли меня очень-ласково; графъ Ворвиль былъ мужчина лѣтъ 65, прекрасной наружности; онъ былъ въ полномъ здоровьѣ и считался самымъ богатымъ владѣльцомъ округа. Тутъ и всѣ его качества; впрочемъ онъ былъ отличный хозяинъ: никого не безпокоя, предоставлялъ всѣ разпоряженія своей супругѣ, любезной и милой, которая превосходно изполняла свою обязанность.

«Графиня Юлія была очень-хороша, лѣтъ 25-ти, съ прекрасными голубыми глазами, стройной наружностью, съ тонкимъ кокетствомъ въ разговорахъ, которое придаетъ совершенство не только женщинамъ съ высокимъ умомъ, но часто и тѣмъ, которыя его совсѣмъ не имѣютъ. Добрая и снизходительная съ робкими и застѣнчивыми, она приняла и меня подъ свое покровительство; пламенная въ дружбѣ, равнодушная въ любви, вѣрная и добродѣтельная отъ природы, она была столько набожна, сколько требовалось тогда отъ знатныхъ дамъ въ высшемъ обществѣ.

«Вы поймете, что мысль приволокнуться за ней не приходила мнѣ въ голову: она была сестра моего друга и, кромѣ того, долгъ гостепріимства... Притомъ я бы вѣрно не успѣлъ, хоть никакъ не хотѣлъ сознаться, что эта послѣдняя причина пришла мнѣ прежде всего на мысль; это было тѣмъ вѣроятнѣе, что въ зàмкѣ находился цѣлый рой графинь, виконтессъ и баронессъ, все—что Сен-Жермен-

ская Улица заключала въ себѣ молодаго, щегольскаго, кокетливаго. Нисколько не походя на мою спѣсивую герцогиню, всѣ онѣ были, надо признаться, прелестны, обходительны, по-видимому забывали свою знатность, но готовы были показать вамъ легкимъ намекомъ и съ удивительнымъ умѣньемъ минуту, когда вольность должна уступить мѣсто почтенію.

«Я былъ осыпанъ заботами и ласками, занимался музыкой съ этими прелестными дамами и дѣвицами, всегда находилъ рисунки для ихъ альбомовъ или работъ; а если дѣло шло о прогулкѣ въ паркѣ или верховой ѣздѣ, или роли въ комедіи,—какая бы ни была эта роль— труднѣйшая или пустѣйшая, — я былъ всегда готовъ.

«Моя услужливость всѣмъ нравилась, за то всѣ любили меня—къ-несчастію всѣ, и потому никто обо мнѣ не думалъ особенно. Притомъ въ общей привязанности ко мнѣ было что-то оскорбительное для моего самолюбія, какъ-будто бы я не могъ быть никому опаснымъ соперникомъ. Скоро я сдѣлалъ еще открытіе, также довольно-тяжкое,—именно, что каждая изъ этихъ женщинъ удостоивала кого-нибудь или своимъ равнодушіемъ, или презрѣніемъ, или укоризнами. О! чего бы я не далъ, чтобъ быть на ихъ мѣстѣ,—я, котораго всѣ такъ ласкали!

«Я жаловался на счастіе и не замѣчалъ, что каждый изъ моихъ соперниковъ, которыхъ справедливо предпочитали мнѣ за ихъ достоинства, имя, степень, занимаемую въ обществѣ, заслуживалъ и внушалъ къ себѣ довѣренность; ничего этого не находили во мнѣ—мальчикѣ 17 лѣтъ, который ничего не значилъ, который не могъ представить никакого поручительства, ни даже поручительства въ своемъ благоразуміи или скромности. Романъ меня еще разъ обманулъ: юность, которую онъ мнѣ сулилъ какъ средство къ удачѣ, была препятствіемъ къ удачѣ. Итакъ, восклицалъ я безнадежно, никто не хочетъ слушать меня, никто не полюбитъ меня никогда... Я ошибался, жаловался несправедливо: была женщина, которую мои темныя достоинства трогали,—привязанность тѣмъ болѣе важная, что я никогда не хотѣлъ породить ее, и никогда о ней не думалъ...

«Кому же я внушилъ чувство столь скромное и безкорыстное? Увы! мамзель Розѣ, горничной графини Юліи!...

«Горничная!!! Она любитъ меня, мечтавшаго о маркизахъ, баронессахъ! Еще счастіе, недостойное меня, презираемое мною, и все по предразсудкамъ, которыми я былъ наполненъ; всякій другой на моемъ мѣстѣ уступилъ бы подобному завоеванію.

Мамзель Роза была горничная, какія обыкновенно встрѣчаются въ знатныхъ домахъ: съ кокетливыми глазками, маленькою ножкой, высокою тальей, всегда бѣленькая, всегда чисто-одѣтая въ платья и платки, оставленные ея госпожею, гордая и презрительная къ слугамъ—копія сен-жерменской знати въ лакейской.

«Но эта гордость разбилась объ мое невѣдѣніе или скромность. И надобно же было, чтобъ бѣдная дѣвушка оказывала мнѣ такое сильное предпочтеніе, что мнѣ пришло на умъ замѣтить его; но впрочемъ нельзя было и сомнѣваться въ немъ. Мой другъ Константинъ, перъ Франціи, былъ отверженъ ею; онъ самъ признался мнѣ по секрету. Она не приняла предложеній самыхъ обольстительныхъ и для кого же? для *меня*, юноши, безъ состоянія, безъ родоваго герба! Замѣтьте, что Роза была молода и прекрасна... И она такъ любила меня!... И она мнѣ это сказала—мнѣ, которому никто не говорилъ ничего подобнаго... Я еще не имѣлъ тогда и 18 лѣтъ! Знаю, что все это не могло оправдать, но могло извинить вниманіе, которое я невольно оказывалъ моей хорошенькой субреткѣ.

«Я избѣгалъ однакоже встрѣчи съ ней, и когда замѣчалъ ее въ концѣ корридора, удвоивалъ шаги и отворачивалъ голову точь-въ-точь какъ молодая герцогиня въ Итальянской Оперѣ. Это была въ низшей степени та же гордость крови! Судите же теперь, что̀ я долженъ былъ сдѣлать, когда въ одинъ день нашелъ подъ подушкой маленькую записочку съ слѣдующими словами:

—«Надобно, чтобъ я съ вами говорила, г. Жоржъ, или я погибла; днемъ это невозможно; не упрекайте и не сердитесь на меня, если я васъ попрощу на десять минутъ въ мою комнату, въ полночь.»

«Къ записочкѣ былъ приложенъ маленькій ключъ. Отъ этого посланія я бы пришелъ въ восторгъ, еслибъ оно было отъ одной изъ благородныхъ дамъ замка; но теперь эта записка пробудила во мнѣ что̀-то въ родѣ безпокойства и стыда. Все меня вооружало противъ самого-себя, даже орѳографическія ошибки, которыми записка была испещрена, и которыя выказывали наше неравенство... Пренебречь такимъ случаемъ?.. Ка̀къ мой другъ Константинъ позавидовалъ бы моему счастію! О, еслибы онъ былъ на моемъ мѣстѣ,—онъ бы не замедлилъ!...

«Но съ другой стороны, если это узнаютъ въ замкѣ... Если графиня Юлія... Если эти дамы... Вы видите, я былъ уже болѣе нежели въ половину побѣжденъ, потому-что остерегался огласки. Впрочемъ кто узнаетъ въ этотъ поздній часъ, въ обширномъ замкѣ, въ его темныхъ и безмолвныхъ корридорахъ? И, размышляя

такимъ-образомъ, я на-цыпочкахъ, удерживая дыханье, содрогаясь отъ малѣйшаго шума, приблизился къ двери, за которою была Роза, и тамъ...»

Въ эту минуту мои проклятые часы ударили полдень... Я думалъ, что Жоржъ не слыхалъ; но онъ, забывая и свою исторію и возпоминанія, которыя только-что разгаралисъ, убѣжалъ отъ меня крича: «до завтра!»

III.

На другой день Жоржъ явился въ назначенномъ мѣстѣ. Лишь только я его увидѣлъ, побѣжалъ къ нему на встрѣчу. Возможно ли, вскричалъ я, оставить меня въ самомъ интересномъ мѣстѣ разсказа?...

«Вы укоряете меня! Я бы скорѣй имѣлъ на это право: вы чуть не заставили меня забыть...»

— Чтò же?

«Дѣло-очень важное для меня... дѣло, которое не терпитъ отлагательства; но я принялъ мѣры, чтобъ сегодня быть исправнѣе...»

— Вы были у двери мамзель Розы...

«Которую отворилъ какъ-можно-осторожнѣе. Сердце билось у меня отъ волненія, а еще болѣе отъ страха, и это было не безъ причины: мамзель Роза занимала родъ уборной комнаты, съ одной стороны съ выходомъ на потаенную лѣстницу, по которой я и пришелъ; а съ другой была дверь въ комнату графини: малѣйшій шумъ могъ быть услышанъ, и еслибъ она застала меня... О, я не пережилъ бы такого удара и насмѣшекъ—необходимаго слѣдствія... я застрѣлился бы... Я ужъ рѣшился на то, и хоть въ этомъ одномъ намѣреніи опасность облагороживала въ моихъ глазахъ пошлость моей ночной экспедиціи. Я не заперъ за собою двери на лѣстницу, оставивъ ее полуоткрытою, чтобъ не зашумѣть, а въ случаѣ бѣды имѣть выходъ вѣрный и скорый. Въ комнатѣ была совершенная темнота, чтò я приписывалъ стыдливости или благоразумію Розы...

«Бѣдная дѣвушка, думалъ я, она ждетъ меня! Она должна трепетать, я самъ трепещу, я... и переступалъ медленно, прислушиваясь къ сторонѣ комнаты графини, вспоминая этотъ стихъ Делиля, который пришелся очень-кстати:

«Il ne voit qne la nuit, n'entend que le silence!»

«Тогда, успокоившись, я направилъ шаги къ тому мѣсту, гдѣ должна быть Роза, и, по мѣрѣ приближенія, слышалъ спокойное,

ровное, самое правильное дыханіе. Я двинулся еще впередъ, и каково же было мое удивленіе, когда увидѣлъ, что Роза спала! Она спала!! .. Какъ? волненіе, которое она чувствовала, не мѣшало ей спать! Но я,—я былъ въ лихорадкѣ съ той минуты, какъ мысль о свиданіи занимала меня, я чувствовалъ съ той минуты, что мое переполненное сердце сильно билось... А она!... она спала, ожидая меня! Такое хладнокровіе выказывало привычку къ опасностямъ или необыкновенную смѣлость, которая меня ужасала! Я могъ любоваться Наполеономъ или великимъ Конде, спящими наканунѣ сраженія. Но мамзель Роза!... Я былъ взбѣшенъ, раздраженъ до неистовства... Я даже хотѣлъ возвратиться, чтобъ наказать ее,—чтобъ отмстить ей, еслибъ въ порывѣ гнѣва не исполнилъ другаго мщенія... Но лишь только я прервалъ ея глубокій сонъ, она, не открывая глазъ, прошептала нетерпѣливо въ-полголоса слова, въ которыхъ ничего не было ласковаго: «Боже мой! Оставьте меня!» О, ужь тутъ, забывая окружающія опасности, я вспыхнулъ, и... Вдругъ въ комнатѣ графини послышался шумъ.. сквозь щель двери блеснулъ свѣтъ; быстрѣе мысли я выбѣжалъ изъ комнаты Розы и заперъ за собою дверь. Слава Богу, еще было время! Я бѣжалъ по лѣстницѣ, когда услышалъ какъ-будто крикъ удивленія или восклицанія... Но для меня было уже все равно: нѐчего было бояться, меня никто не видѣлъ. Черезъ минуту я очутился въ своей комнатѣ, заперся кругòмъ: какъ-будто, замыкая дверь, я могъ не допустить подозрѣніе или воспоминаніе ворваться ко мнѣ:...

«Я провелъ дурно и ночь и утро, хотя и былъ твердо увѣренъ, что это приключеніе никогда не откроется; но съ меня довольно было краснѣть передъ Розою, быть съ нею вмѣстѣ въ замкѣ, встрѣчать ее въ передней, черезъ которую двадцать разъ въ день нужно было пройдти, и гдѣ она обыкновенно занималась шитьемъ. Я страшился ея взора, боялся всего больше этого выразительнаго взора... я не зналъ, какъ избѣжать его! Вдругъ колоколъ зàмка прозвонилъ къ завтраку. Я рѣшился быть неустрашимымъ сколько могъ, и прошелъ черезъ переднюю съ видомъ спокойствія и веселости, который скоро превратился въ истинную радость, потому-что, бросивъ бѣглый взглядъ, я не замѣтилъ грознаго свидѣтеля: противъ моихъ ожиданій, Роза не являлась мнѣ въ-продолженіи всего дня.

«Что съ ней сдѣлалось? Даже вечеромъ, чего никогда не было, она не разливала чая въ гостиной!

«Я начиналъ безпокоиться, но ни за чтò въ свѣтѣ не осмѣлился спросить о ней. Наконецъ одна изъ дамъ первая спросила въ-слухъ: «Гдѣ же Роза?»

— Ея болѣе здѣсь нѣтъ, сказала холодно графиня Юлія, потупивъ взоръ и не смотря на меня.

«Отъ-чего же?» вскричали всѣ дамы.

— Моя сестра, которая осталась въ Парижѣ, нуждалась въ горничной... Я къ ней отправила Розу сегодня утромъ...

«Это невѣроятно!» вскричали вдругъ дамы: «сестра ваша, живя въ Парижѣ, можетъ найдти себѣ горничную гораздо-скорѣе, нежели вы.»

«Всѣ сознались въ справедливости этого замѣчанія, и дали почувствовать, что тутъ подозрѣвались другія причины.

— Я не говорю, что ихъ нѣтъ, подхватила графиня съ тѣмъ же хладнокровіемъ.

«Какія же причины? скажите.»

— Не теперь.

«Когда же?» вскричали дамы, вставая и окружая графиню...

«Я былъ ни живъ, ни мертвъ, и походилъ на преступника, который ожидаетъ своего приговора.

— Какъ ты блѣденъ! сказалъ Константинъ: какъ холодна рука твоя! не боленъ ли ты?

«И, по милости этого проктятаго замѣчанія, взоры и вниманіе всѣхъ обратились на меня; Роза была забыта.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, пробормоталъ я смутясь: я не хорошо себя чувствую.

«Можетъ-быть, онъ провелъ очень-дурно ночь; ему бы могли принести чай въ его комнату» сказала графиня Юлія съ видомъ простоты, который меня поразилъ. Я былъ въ отчаянномъ положеніи.

«Жаль, что здѣсь нѣтъ Розы» сказала графиня съ тѣмъ же хладнокровіемъ; «она бы вамъ принесла его.»

«Тутъ ужь я былъ совершенно-уничтоженъ. Она все знаетъ! сказалъ я себѣ: она все знаетъ!

«Графиня позвонила; каммердинеръ мужа ея вывелъ меня. Вошедъ въ свою комнату, я бросился на постель почти въ отчаяніи.

«Она все знаетъ—и, можетъ-быть, въ эту минуту, въ гостиной, посреди всѣхъ дамъ, расписываетъ мое ночное путешествіе и мое нѣжное расположеніе—къ кому же? къ горничной, которую она

принуждена была выгнать за меня!... О, какой срамъ! О, нѣтъ! вскричалъ я взбѣшенный: я не останусь въ замкѣ, я не увижу этихъ знатныхъ дамъ, которымъ не хочу служить игрушкой... Лучше умереть!...Опять она...опять она!—И въ-самомъ-дѣлѣ, въ длинныхъ коридорахъ, ведущихъ въ комнаты къ дамамъ, эхо далеко разносило ихъ веселые крики. Многія даже, проходя мимо моей двери, говорили пріятнымъ и насмѣшливымъ голосомъ: прощайте, г. Жоржъ, добрая ночь!... О, еслибъ это были мужчины!...

«На другой день, не простясь съ хозяевами дома, не предупредивъ друга моего, Константина, я уѣхалъ чуть свѣтъ, оставя на столѣ письмо, гдѣ извинялся въ такомъ скоромъ отъѣздѣ, поставляя причиною усилившуюся болѣзнь и т. п., дѣлая, однимъ-словомъ, такія отговорки, которымъ, я былъ убѣжденъ, никто не повѣритъ.

«Я пріѣхалъ къ матери, которая ужасно испугалась моей блѣдности и страдальческаго вида, и не могла повѣрить, чтобы одинъ мѣсяцъ, проведенный въ хорошемъ обществѣ, перемѣнилъ меня до такой степени. Я опять заперся, не желая никого видѣть, не отвѣчая даже на письма Константина и этихъ дамъ, которыя, въ отчаяніи, что упустили свою жертву, тотчасъ послали узнать о моемъ здоровьѣ. Я занимался только одними науками и моимъ будущимъ состояніемъ, начиная понимать, что единственно отъ меня зависѣла моя судьба, моя будущность, мое имя, и былъ такъ прилеженъ, что по изтеченіи шести мѣсяцевъ выдержалъ экзаменъ и былъ принятъ первымъ въ Политехническую Школу...»

— Продолжайте; я до-сихъ-поръ еще не вижу втораго дѣйствія драмы.

«Я носилъ шпагу и почти эполеты, и этотъ успѣхъ, которымъ я былъ обязанъ единственно себѣ, немного утѣшалъ меня отъ неудачь, которыми былъ обязанъ случаю. Маршалъ де *** бывшій товарищъ по службѣ отцу моему, посѣтилъ школу и просилъ директора привести къ нему отличнѣйшихъ воспитанниковъ; я имѣлъ честь быть включенъ въ этотъ разрядъ: это было большимъ счастіемъ и праздникомъ для всѣхъ,—для меня же нѣтъ! Обѣдъ прошелъ чудесно и вечеръ начинался также; маршалъ, все время разговаривавшій съ моими товарищами, отозвалъ меня къ камину, и, по началу разговора, я замѣтилъ, что онъ хотѣлъ лично удостовѣриться въ похвалахъ, которыя слышалъ на мой счетъ. И я собралъ всѣ силы, чтобы выдержать съ честію этотъ новый экзаменъ. Онъ предложилъ мнѣ вопросъ, который я чувствовалъ, что могу разрѣшить побѣдоносно, какъ вдругъ же-

на маршала позвонила, чтобъ ей подали стаканъ сахарной воды. Его пронесли близъ камина, гдѣ стоялъ я; горничная обернулась, и я узналъ... Розу! Она, въ минуту удивленія и радости, чуть не пролила на платье своей госпожи стакана, который держала дрожащею рукой, не сводя съ меня глазъ. А я, смущенный, разстроенный этимъ внезапнымъ явленіемъ, запинался... шепталъ... не сказалъ двухъ мыслей связно... отвѣчалъ маршалу не въ-попадъ, и маршалъ, принимая мое замѣшательство за незнаніе или за неспособность, поспѣшилъ перемѣнить разговоръ.—«Какой портной шьетъ вамъ мундиры?» спросилъ онъ меня: «вашъ мундиръ прекрасно сидитъ, а это немаловажное достоинство въ офицерѣ,—по моему мнѣнію.» Я былъ въ отчаяніи; лучше было бы получить мнѣ отъ него нѣсколько ударовъ кинжала, нежели такую фразу.

«Вѣрно мнѣ ужь было на роду написано, чтобъ женщины всѣ вообще были причиной моихъ несчастій, а Роза въ-особенности. Когда она обратилась ко мнѣ и съ видомъ пріятнымъ нѣжнымъ спросила: не угодно ли вамъ, сударь, сахарной воды... я бросилъ на нее взглядъ нетерпѣнія и гнѣва и, кажется, повернулся къ ней спиной, потомъ присоединился къ товарищамъ, и мы простились съ маршаломъ—они въ восторгѣ, а я въ отчаяніи отъ этого вечера.

«На другой день я получилъ письмо, котораго почеркъ былъ мнѣ слишкомъ-хорошо знакомъ; я тотчасъ узналъ его по ореографіи и по чрезмѣрнымъ усиліямъ, дѣланнымъ, чтобъ написать *воспитаннику Политехнической Школы;* послѣднія два слова, казалось, стоили ей тяжкаго труда, за который можно бы сказать спасибо,—хоть, признаться, она въ немъ совсѣмъ не успѣла; я открылъ письмо и прочелъ не безъ труда слѣдующее:

«Я знаю, г. Жоржъ, за что̀ вы на меня сердитесь и отъ-чего вчера, будучи у супруги маршала, моей новой госпожи, вы даже не посмотрѣли на меня. Вы сердитесь за то, что я не была на назначенномъ свиданьи, и думаете, что я надъ вами посмѣялась. Прошу васъ вѣрить, что я никогда ни надъ кѣмъ не смѣялась, тѣмъ болѣе надъ вами, который такъ милъ и любезенъ. Вотъ въ чемъ дѣло: въ тотъ же вечеръ, когда я подложила вамъ подъ подушку записку, дѣлая постель, госпожа моя сказала мнѣ: «Отправляйся сей-часъ въ Парижъ; кабріолетъ дожидается тебя у крыльца». Я старалась отложить до завтра, но она отвѣчала: «Въ этотъ же вечеръ, въ эту минуту. Мнѣ нужно платье, которому вотъ выкройка: отнеси ее къ швеѣ и возвратись не прежде, какъ оно будетъ готово». А вы знаете, что нѣтъ средства ничѣмъ ее уговорить,

когда дѣло идетъ о платьѣ! Черезъ три дня, когда платье было готово, я поторопилась пріѣхать для оправданія; но васъ уже не было въ зàмкѣ. Я надѣялась видѣть васъ въ Парижѣ у моей госпожи; но вы къ ней не ходили, и вотъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, я отошла отъ нея, наскучивъ каммердинеромъ графа, который все ко мнѣ приставалъ, но котораго я не слушала, клянусь вамъ; это скажутъ... и т. д.»

«Я не прочелъ письма до конца: онъ не занималъ меня. Начало заставило меня призадуматься... Кàкъ? въ ночь моего путешествія по корридорамъ, мамзель Роза не была ужь въ зàмкѣ, она уѣхала за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ? Госпожа удалила ее подъ вымышленнымъ предлогомъ... Кто же была особа, которая спала на ея мѣстѣ? Это могла быть только она сама — графиня Юлія! При этой мысли сердце мое забилось, на лицѣ выступила краска, въ глазахъ блеснула искра радости. Я почувствовалъ въ себѣ движеніе гордости и хвастовства довольно-глупаго, и торжество побѣды, которая не имѣла толка, потому-что если я и одержалъ эту побѣду, то по ошибкѣ, хитрости, или, лучше-сказать, нечаянности, отнимавшей всякое право преимущества; но, не смотря на то, я гордился, я былъ счастливъ какъ-будто собственнымъ достоинствомъ... Притомъ это была не горничная, а графиня.

«Чѣмъ больше я думалъ, тѣмъ болѣе приключеніе мое казалось непостижимымъ. Стало-быть, всѣ мои опасенія быть открытымъ, и насмѣшки, и шутки, которыхъ я такъ боялся, существовали только въ моемъ воображеніи. Графиня и эти дамы никогда не подозрѣвали ни меня, ни Розу, потому-что она возвратилась черезъ три дня въ замокъ и жила еще нѣсколько мѣсяцевъ у своей госпожи; стало-быть, ее не выгнали, а хотѣли удалить на этотъ вечеръ... За-чѣмъ?... Вѣроятно для какого-нибудь счастливца-любовника. Но привѣтствіе, полученное мной, довольно доказывало, что никого не ждали!.. Какъ же разтолковать ключъ, который былъ въ моемъ разпоряженіи?...

«Хотя поведеніе графини удаляло подобную мысль, и никто не приписывалъ ей никакого любовника, но я тѣмъ болѣе находилъ въ этой связи для себя лестнаго, и, не стараясь болѣе проникнуть въ эту тайну, предавался своему счастію, не изъясняя и не понимая его,—и странно, что графиня, къ которой я до-сихъпоръ былъ равнодушенъ, начала существовать для меня особеннымъ-образомъ; я думалъ только о ней и о средствахъ снова увидѣть ее. Сколько я пренебрегалъ другомъ моимъ Константиномъ,

столько же теперь употреблялъ усилій снова сблизиться съ нимъ. Я думалъ, что мое отсутствіе его разсердило... Но замѣтилъ ли онъ его?... Скорѣе всего уживешься съ людьми, которые ничего не любятъ: они никогда не укоряютъ, никогда не сердятся; но кто любитъ, тотъ имѣетъ предурной нравъ. Константинъ принялъ меня въ отверзтыя объятія на одномъ вечерѣ у него, гдѣ я въ первый разъ снова увидѣлъ сестру его. Присутствіе ея произвело на меня вліяніе, которое она замѣтила, потому-что посмотрѣла на меня съ удивленіемъ. До-тѣхъ-поръ я едва замѣчалъ ее, а теперь съ любопытствомъ созерцалъ ея стройность, ея бѣлыя плечи, ея прекрасныя руки, ея русые волосы, а больше всего голубые глаза, одушевленные лукавствомъ и вмѣстѣ добротой... Я разсматривалъ все это съ радостью, съ возхищеніемъ, котораго не могу изтолковать вамъ, да и вы не поймете.»

—Почему же? сказалъ я ему. Эти деревья, которыя теперь помаваютъ надъ нами своими зелеными вѣтвями, кажутся мнѣ красивѣе всѣхъ другихъ, а отъ-чего? отъ-того, что они мои; чувство собственности...

Жоржъ улыбнулся и продолжалъ:

«Не хотя и не умѣя дать себѣ отчета, я сдѣлался гораздо внимательнѣе къ графинѣ; вниманіе мое имѣло видъ повиновенія, почтенія, которое удивляло всѣхъ, а мнѣ казалось долгомъ, поправленіемъ моей ошибки. Я долженъ былъ поправить передъ нею столько ошибокъ, хотя она ихъ и не знала! Имѣя, какъ я уже сказалъ, сердце, разположенное къ дружбѣ, она не была равнодушна къ такой безкорыстной преданности, и съ своей стороны не отказывала мнѣ ни въ какой жертвѣ. Но всякое другое чувство оставляло ее холодною и невнимательною; она сама въ томъ сознавалась, и одинъ разъ, когда мужъ довольно-неловко выхвалялъ ея добродѣтели и правила, она сказала нетерпѣливо: «Я не заслуживаю этого; во мнѣ нѣтъ ничего возвышеннаго, романтическаго; если я до-сихъ-поръ оставалась вамъ вѣрной, то это не моя вина,—можетъ-быть, и не ваша!»

«Я не могъ удержаться отъ улыбки, которую она замѣтила.

«Отъ-чего вы смѣетесь, г. Жоржъ?» спросила она.

—Я имѣю на это свои причины, которыхъ не могу сказать.

«Но вы мнѣ вѣрно ихъ откроете...»

—Нѣтъ, онѣ васъ разсердятъ.

«Я никогда не сержусь на друзей.»

«Не смотря на это увѣреніе, я сохранилъ свою тайну и продолжалъ неотступное и скромное волокитство болѣе года, не потому, чтобъ я былъ влюбленъ въ графиню: нѣтъ, тутъ ничего подобнаго не было. Это не была ни та лихорадка, ни то отчаяніе, изпытанное мной въ 24 часа страсти, о которой я вчера вамъ говорилъ. Въ ней не было ни мученій, ни несчастія, ни безумія, словомъ, ничего такого, что̀ составляетъ любовь; но я никого не любилъ болѣе графини; привязанность моя не походила на другія; въ ней было что̀-то трогательное, таинственное, и въ то же время тихое и покойное. Это произходило, быть-можетъ, отъ-того, что, начиная мой романъ тѣмъ, чѣмъ другіе оканчиваютъ, я имѣлъ менѣе нетерпѣнія и желанія — необходимыхъ качествъ всякой людской любви.

«Между-тѣмъ графиня не могла не замѣтить моихъ чувствъ; я видѣлъ, что она ими трогалась, но не такъ, ка̀къ бы я хотѣлъ, потому-что она страдала и безпокоилась обо мнѣ. Однажды, когда мы были наединѣ съ нею, она протянула ко мнѣ руку и сказала: Жоржъ, вы добрый, любезный молодой человѣкъ, къ которому я давно расположена, какъ къ другу; но не ожидайте и не требуйте отъ меня никогда ничего больше. Хотя бы я вамъ и хотѣла оказать болѣе, — это невозможно.

«Быть-можетъ!» сказалъ я, и тогда, бросившись къ ея ногамъ и вымаливая прощенье, высказалъ въ короткихъ словахъ и ошибки и чувства, въ которыхъ себя укорялъ. Она закричала; но я не замѣтилъ въ ея поступкахъ ни смущенія, ни гнѣва. Напротивъ, принявъ тотчасъ видъ удивительнаго хладнокровія, она снова протянула ко мнѣ руку и сказала: Встаньте, я не въ-правѣ простить васъ: это была не я!

«Невозможно описать то, что̀ я чувствовалъ...

«Было ли это средство избавиться отъ моихъ объясненій? хотѣла ли она меня обмануть, отплатить мнѣ и тѣмъ отнять право, которое давалъ мнѣ случай?

«Я поднялъ на нее глаза! Чело ея было спокойно и чисто, а во взорѣ, благородномъ и свѣтломъ, блистала одна правота.

«Я покраснѣлъ за минутное молчаніе.

«Вѣрю, вѣрю!» вскричалъ я: «но кто же это?»

—Я не могу сказать.

«Вы мнѣ скажете...»

Вдругъ, услышавъ первый ударъ полудня, Жоржъ быстро всталъ. Я тщетно хотѣлъ его удерживать, или за нимъ идти... Въ концѣ

рощи онъ вскочилъ на лошадь, приготовленную прежде, и скрылся, крича мнѣ по-вчерашнему: «до завтра!»

IV.

На другой день Жоржъ пришелъ позже обыкновеннаго. Задумчивость заступила мѣсто его всегдашней откровенности и веселости, отличительныхъ чертъ его физіономіи.

— Не вчерашняя ли исторія сдѣлала васъ такимъ грустнымъ? спросилъ я его.

«Нѣтъ» отвѣчалъ онъ: «непріятности, новое горе, которое надобно позабыть.»

— Такъ продолжайте же вашу исторію.

«Охотно; на чемъ бишь я остановился?»

— Графиня Юлія не согласилась сказать имя героини вашего романа.

«Это было жестоко, не правда ли? Обладатель драгоцѣннаго предмета, котораго я не могъ узнать; счастливый любовникъ особы, которая скрывалась отъ меня, я просилъ, умолялъ графиню назвать или хоть помочь мнѣ угадать эту таинственную красавицу—она настойчиво отказывалась.»

— Очень-вѣроятно, вскричалъ я: это была она!...

«Нѣтъ, я уже сказалъ вамъ причины, заставившія меня думать противное; были еще и другія, которыхъ я не могу сказать, но которыя меня удивляли и увѣрили, что она сказала мнѣ истинную правду. Любопытство мое тѣмъ болѣе разгоралось. Я нетерпѣливо хотѣлъ узнать эту тайну; я даже клялся не воспользоваться ею.—Если такъ, отвѣчала графиня: то для чего же вамъ знать ее? За-чѣмъ напрасно сожалѣть?

«Она хороша?» спросилъ я.

«Графиня посмотрѣла на меня съ улыбкой.—Не вамъ, а мнѣ должно бы васъ спросить объ этомъ.

«А! тутъ кроятся хитрости, насмѣшка!»

— Ну скажите, пожайлуста, зачѣмъ выдавать честную женщину?

«Она добродѣтельна?... Тѣмъ лучше.»

— За-чѣмъ?...

«Я не знаю... но тѣмъ лучше!»

— Напротивъ, тѣмъ хуже... Вотъ, еслибъ дѣло шло о кокеткѣ, тогда бы я назвала ее, не боясь, что вы воспользуетесь такой находкой.

«Я!.. и вы можете думать...»

— Конечно! я и теперь очень-хорошо понимаю вашу привязанность ко мнѣ... Я понимаю, что̀ внушило вамъ мысль, а потомъ и смѣлость приволокнуться... Будьте откровенны.

«Хорошо, я во всемъ признаюсь.»

— Почему жь этого не могло быть и относительно той женщины, которая во всѣхъ отношеніяхъ лучше меня?

«Возможно ли?» вскрикнулъ я радостно.

— Я ничего не сказала, прервала она живо: еще болѣе: я не хочу нарушить ея спокойствія, не хочу заставлять ее краснѣть въ неумышленномъ проступкѣ, предавать ее опасностямъ...

«Которыхъ она не должна бояться?...»

— Можетъ-быть!

Графиня посмотрѣла на меня, подумала и сказала:

— Да, если я не называю ее по имени, то дѣлаю доброе дѣло.

«Доброе дѣло!» воскликнулъ я.

— Избавляю васъ отъ бѣды. Итакъ, господинъ Жоржъ, покоритесь необходимости: вы никогда и ничего не узнаете.

«Никогда?»

— Да, увѣряю васъ.

«Я оставилъ графиню, поклявшись никогда болѣе не встрѣчаться съ нею, но на другой же день былъ у нея.

— Я готова была поспорить, что мы скоро опять встрѣтимся, сказала она, увидѣвъ меня: замѣчаете ли вы, г. Жоржъ, какую выгодную позицію заняла я? Я увѣрена, что буду теперь видѣть васъ всякій день. Можно сомнѣваться въ дружбѣ мужчинъ, но въ любопытствѣ ихъ—никогда. Вы будете ухаживать за мною до-тѣхъ-поръ, пока не узнаете таинственнаго слова, а вы его никогда не узнаете. Какъ я ни увѣрялъ въ искренности моего расположенія и постоянства, я увѣрился однакожь, что графиня рѣшилась молчать.

«Хорошо!» сказалъ я: «узна̀ю правду и безъ васъ.»

— Трудно.

«Во-первыхъ, это была одна изъ дамъ, которыя лѣтомъ гостили у васъ?»

—Можетъ-быть.

«Вы въ томъ сознаётесь?»

—Я ни въ чемъ не сознаю̀сь.

«Хорошо же, я знаю съ чего начать: я буду за всѣми волочиться.»

— Воля ваша.

«Я силился отгадать, — и весьма-естественно, что догадки мои останавливались на той, которую я предпочиталъ другимъ, какъ-будто случай непремѣнно долженъ былъ сойдтись съ моими желаніями! Меня только-что тогда произвели въ офицеры артиллеріи; я былъ свободенъ, самъ-себѣ хозяинъ, и зима, проведенная въ этихъ разъисканіяхъ, была неоспорима счастливѣйшимъ и пріятнѣйшимъ временемъ моей жизни. Когда на гуляньѣ, на балѣ я встрѣчалъ молоденькую и хорошенькую женщину, смотря на нее съ самодовольствіемъ, гордостію, говорилъ себѣ: «это, можетъ-быть, она»... Видя заботливыхъ кавалеровъ, тщетно искавшихъ одного только взгляда красавицы, я думалъ, что, можетъ-быть, безъ собственнаго вѣдома былъ счастливѣе ихъ всѣхъ. Тогда я приближался къ ней съ увѣренностію, которую уничтожала насмѣшливая улыбка графини. Ея спокойный взглядъ говорилъ мнѣ: «Это не она». Графиня вѣрно бы смутилась, еслибъ я угадалъ...

«Такимъ-образомъ я безпрестанно ошибался, и, переходя отъ одной ошибки къ другой, вѣроятно завлекся бы очень-далеко; эти напрасные розъиски, занимавшіе всѣ мои мысли, заставляли меня пренебрегать необходимыми занятіями, отъ которыхъ зависѣла вся моя будущность. Графиня, питая ко мнѣ истинную дружбу,— дружбу сестры,—страшилась за мое сумасбродство и начала искать средства избавить меня отъ него.

«Однажды вечеромъ, Юлія была разположена болѣе, нежели когда-нибудь, дѣлать мнѣ нравоученія, и выбрала для этого очень-удобное мѣсто: мы были въ маскарадѣ Оперы съ ея братомъ и мужемъ, которые добровольно пожертвовали себя скукѣ и пустились въ толпу, чтобъ искать развлеченія. Оставшись съ графинею въ фойэ Оперы, мы обратились къ нескончаемому нашему разговору.

«Я сердился, горячился, а Юлія смѣялась отъ чистаго сердца и такъ громко, что всѣ слышали.

Маленькая маска, вѣроятно узнавъ ее, приблизилась и сказала:

«Графиня Ворвиль очень-весела нынѣшній вечеръ.»

— Развѣ вы находите въ этомъ что-нибудь предосудительнаго, прекрасная маска?

«Нѣтъ, потому-что я твой другъ; безъ этого...

«Графиня вздрогнула.

«Она вѣроятно узнала по голосу подошедшую къ ней маску... Какія связи, какія отношенія существовали между ними? Я ничего не могъ узнать. Помню только то, что маленькое домино

мнѣ очень не нравилось, можетъ-быть отъ-того, что оно прервало очень-занимательный разговоръ мой съ графинею. Однакожь, по справедливости, оно было оригинально, веселе и очень остроумно....

«Остроумно за двоихъ: графиня, явно смущенная его приходомъ, не принимала участія въ разговорѣ, а между-тѣмъ маленькая маска имѣла даръ быть занимательною безъ колкостей и эпиграммъ; напротивъ, даже все, что ни говорила она, было лестно для Юліи, которую укоряла она въ упрямомъ молчаніи. —«Не этотъ ли красивый кавалеръ тому виной?» сказала она, показывая на меня. «Не прервала ли я объясненія въ любви?»

—Объясненія вражды, подхватилъ я, спѣша завести разговоръ, чтобъ помочь моей дамѣ и дать ей время оправиться. Мы спорили.

«Не хочете ли избрать меня судьей?» сказала она, садясь возлѣ графини.

— Нѣтъ, живо подхватила она.

«Такъ это очень-важно, моя любезная Юлія?»

— О, нѣтъ, мы говорили объ одной особѣ, которую я имѣю право узнать, но графиня не хочетъ назвать ея по имени.

«Графиня дѣлала мнѣ знаки, чтобъ я молчалъ.

«Кого не знаютъ и не называютъ по имени, того никогда нельзя оскорбить.»—И потомъ, съ беззаботливостію и свободой, которую допускалъ маскарадъ, я началъ разсказывать въ короткихъ словахъ и въ-полголоса извѣстную вамъ исторію, среди суетившейся толпы, которая безпрестанно мимо насъ двигалась и толкалась.

«Незнакомка слушала со вниманіемъ, лестнымъ самолюбію разсказчика, какъ вдругъ, въ самомъ интересномъ мѣстѣ, когда я бѣжалъ изъ комнаты Розы, она испустила крикъ и упала въ обморокъ.

— Ахъ! вскричала графиня: ей дурно... отъ жара... духоты... Вынесите ее изъ фойэ. Я тотчасъ же исполнилъ это, не смотря на толпу, привлеченную этимъ произшествіемъ, и которая, какъ обыкновенно бываетъ, чуть насъ не задавила отъ излишней заботливости.

«Вышедъ въ корридоръ, отдѣлявшій фойэ отъ залы, я посадилъ незнакомку на стулъ,—и тутъ опять все мнѣ казалось страннымъ, не-

постижимымъ. Во-первыхъ, страхъ и старанiе графини, до того времени бывшей равнодушною; потомъ, когда я хотѣлъ снять маску съ прекрасной незнакомки, приходившей въ себя, чтобъ дать подышать ей воздухомъ, Юлiя остановила меня съ видомъ ужаса:

«Почему же?»

— Она имѣетъ причины не быть здѣсь узнанной.

«А какiя?»

— Я не могу вамъ сказать.

«У васъ все тайны!..» И тогда въ первый разъ пришло мнѣ на мысль подозрѣнiе... Я воскликнулъ трепеща: «Что, если по странному случаю...»

— Нѣтъ, нѣтъ! прервала графиня съ живостiю, которая обратила мои сомнѣнiя въ увѣренность. Но молчите, за нами замѣчаютъ.

«И, въ-самомъ-дѣлѣ, высокiй, бѣлокурый молодой человѣкъ стоялъ все время позади насъ, смотря внимательно на незнакомку. Онъ подошелъ къ намъ, и съ ирландскимъ произношенiемъ предложилъ свои услуги дамамъ, которыя отъ нихъ отказались.

«Безъ-сомнѣнiя» вскричалъ онъ, повыся голосъ: «вы прiймете мою руку помощи.»

—Не надо, м. г., сказалъ я ему: не надо, до-тѣхъ-поръ, пока эти дамы будутъ имѣть мою,—и я хотѣлъ идти за Юлiею, уводившей свою прiятельницу, но Ирландецъ остановилъ меня, схвативъ за руку:

«Милостивый государь, я хочу вамъ сдѣлать вопросъ.»

— Въ другое время, не теперь.

«Сiю же минуту!»

«И онъ продолжалъ меня удерживать, между-тѣмъ, какъ двѣ бѣглянки, скользнувъ между толпою, скрылись съ глазъ.

Взбѣшенный, я обратился къ негодяю, который принудилъ меня потерять единственный случай для открытiя тайны.

«Милостивый государь, чего вы отъ меня хотите?»

—Да, майоръ Голлидей, чего вы хотите отъ друга моего, Жоржа? вскричалъ Константинъ, подошедшiй въ эту минуту.

«Я требую, чтобъ онъ мнѣ сказалъ имена двухъ дамъ, съ которыми онъ сейчасъ былъ.»

— Успокойтесь: одна— моя сестра, графиня Ворвиль.

«Къ которой я питаю глубочайшеее почтенiе, — а другая?..»

— Другая, сказалъ Константинъ, подымая свой галстукъ: я ея не знаю!

«Я не сомнѣваюсь; но этотъ господинъ знаетъ ее, я въ томъ увѣренъ. . .»

—Какъ! вскричалъ я съ яростію,—такъ эта увѣренность показалась мнѣ насмѣшлива и глупа при моемъ положеніи.

«Да, сударь» продолжалъ ирландскій майоръ флегматически: «вы мнѣ скажете ея имя.»

— Я вамъ не скажу его!

«Вы мнѣ скажете!»

— Э! отъ-чего же не сказать, возкликнулъ Константинъ съ веселымъ видомъ, который удвоилъ мое бѣшенство: скажи!

«Я не скажу... потому-что не знаю.»

—Ну, полно! ты вѣрно знаешь, ты долженъ знать.

«Именно» сказалъ майоръ: «невозможно, чтобы онъ не зналъ.»

— Когда я увѣряю, что нѣтъ! вскрикнулъ я громкимъ голосомъ, который обратилъ на насъ общіе взоры.

«Это еще не резонъ...» сказалъ хладнокровно майоръ.

«Тогда, вышедъ изъ себя, не будучи въ-состояніи размышлять, я бросился на майора и далъ ему пощечину. Насъ розняли.

—Я готовъ на требованія майора; условься съ нимъ обо всемъ, сказалъ я Константину и удалился.

Чрезъ два часа пришелъ ко мнѣ Константинъ съ мрачнымъ видомъ, который такъ не шелъ его физіономіи, что я не могъ удержаться отъ смѣха.

«Завтра» сказалъ онъ: «въ 6 часовъ, въ Венсенскомъ Лѣсу; майоръ выбралъ пистолеты; умѣешь ли ты стрѣлять?»

— Какъ и всѣ. . .

«Но онъ стрѣляетъ первый и, замѣть, попадаетъ въ тридцати шагахъ въ облатку.»

— Что жь мнѣ дѣлать?

«Онъ обиженъ... онъ первый стрѣляетъ и въ двадцати шагахъ— я не могъ требовать другихъ условій.»

— Довольно и этихъ... До завтра! я на тебя надѣюсь.

«Когда я остался наединѣ, вы угадаете, какія мысли занимали меня, и потому я избавлю васъ отъ разсказа. Я писалъ къ матери, изпрашивая у нея благословенія и молитвъ, прощался съ графинею, а въ письмѣ къ ней писалъ и къ ея подругѣ слѣдующее:

«Васъ—мнѣ невѣдомую, спѣшу успокоить. Когда вы получите это письмо, вы будете уже отмщены. . . Я умираю съ вашей тайной.. За-чѣмъ не могу сказать: съ вашимъ прощеніемъ?...

V.

«На другой день, въ 6 часовъ, майоръ Голлидей былъ у меня, и черезъ полчаса мы уже вышли съ секундантами изъ кареты въ Венсеннѣ.

«Господа!» сказалъ громко Ирландецъ: «я вамъ долженъ сказать, что особа, подозрѣваемая мной, не была вчера въ маскарадѣ Оперы; я имѣю на то ясныя доказательства, и дама, которую этотъ господинъ сопутствовалъ, мнѣ совершенно-незнакома. Считаю себя обязаннымъ объявить вамъ это по чистой совѣсти. Теперь» продолжалъ онъ, обратясь къ секундантамъ: «я изполнилъ мой долгъ; а какъ вы знаете, что жизнь этого молодаго человѣка въ моихъ рукахъ, я ему дарю ее, если онъ будетъ просить у меня прощенія.»

«Самолюбіе мое взволновалось: вся кровь поднялась въ голову отъ этихъ дерзкихъ словъ.

— Лучше умереть, нежели быть вамъ обязану: стрѣляйте въ меня.

«Но, молодой человѣкъ, я увѣренъ въ своемъ выстрѣлѣ.»

— Ну, такъ вы имѣете право меня убить.

«Гнѣвъ блеснулъ въ глазахъ Ирландца; онъ взялъ пистолетъ и медлилъ.

«Изправьте это новое оскорбленіе. Одно извиненіе — и все кончено.»

— Вы отъ меня ничего не получите, кромѣ крови!

«Вы слышали, господа?» вскричалъ майоръ: «онъ этого хочетъ... онъ меня вынуждаетъ... я долженъ бы... но я первый обиженъ, и не забуду этого.»

Тогда, медленно прицѣливаясь, онъ громко вскричалъ:-

«Въ правое плечо!»

«Раздался выстрѣлъ, и я упалъ съ раздробленнымъ плечомъ. Я пришелъ въ себя тогда, какъ уже лежалъ въ постели, окруженный друзьями; докторъ увѣрялъ, что отвѣчаетъ за мою жизнь.

«На другой день я получилъ визитъ, который меня очень обрадовалъ — это была графиня. Она пріѣхала съ братомъ, который посидѣлъ не болѣе минуты, и когда мы остались одни, она сказала: «Жоржъ, вы не ожидали меня?»

— Нѣтъ, я васъ ждалъ.

«Ахъ, благодарю васъ за это слово!» Она подала мнѣ руку и залилась слезами. «Это моя вина, и я никогда не прощу ея себѣ.»

— Нѣтъ, графиня, это мое безумство, моя запальчивость.

«Зная вашъ характеръ, не должна ли я была удерживать васъ? Но я была въ большомъ затрудненіи, сдѣлавшись посредницей между вами и моей подругой, которая мнѣ также очень-дорога... не болѣе васъ, однакожь. Вы страдаете, вы въ опасности; теперь я люблю васъ еще болѣе... И тутъ она высказала все, что̀ дружба женщины можетъ вдохнуть нѣжнаго и страстнаго. Никогда ничего не доходило до ушей моихъ болѣе-сладкаго, болѣе-чистаго, болѣе-очаровательнаго; я начиналъ понимать Юлію. Я почувствовалъ всю драгоцѣнность ея дружбы, и въ свою очередь покрывалъ поцалуями и слезами ея руки и поклялся ей въ вѣчной преданности.

«Ну, хорошо!» сказала она, падая на колѣни у моей постели: «если вы говорите правду, если я должна вѣрить вашимъ клятвамъ, то прошу у васъ одной милости, умоляю васъ...»

— Что̀ такое?

«Не думайте болѣе объ...» она поколебалась и снова продолжала: «объ этой незнакомкѣ; не старайтесь узнавать, кто она. Прошу васъ объ этомъ для васъ и для нея! Притомъ ваши розыски будутъ тщетны: она оставила Францію.»

— Когда?

«Сегодня утромъ, лишь только она увѣрилась, что вы внѣ опасности.»

— А въ Оперѣ... Это была она?

«Да...»

— Однакожь я не помню, чтобъ ее видѣлъ между дамъ, которыя были у васъ въ замкѣ.

«Вы никогда не видали ея; вы не знаете ни ея лица, ни званія, ни имени. Что̀ значитъ для васъ забыть и никогда болѣе не вспоминать? Пусть это будетъ для васъ сонъ... дурной сонъ.»

— Да, конецъ!... Но начало было такъ пріятно...

«Молчите!»

— Одно слово еще, и я замолчу... Она все знаетъ?

«Да.»

— Вы отдали ей мое письмо?

«Я колебалась... но письмо было такъ хорошо... ваши письма всегда лучше, нежели ваши поступки... И я, не желая, чтобъ она унесла съ собою дурное мнѣніе о васъ, моемъ другѣ... отдала ей письмо.»

— Что̀ она сказала на послѣднее слово?

«О прощеніи?»

— Да.

Графиня на меня пристально посмотрѣла, какъ-будто желая угадать дѣйствіе, которое произведетъ ея отвѣтъ, и сказала только: «Прощеніе... она вамъ даетъ его... съ однимъ условіемъ.»

— Съ какимъ же?

«Которое я сама вамъ предлагала сейчасъ. Она сказала: «Я забуду оскорбленіе, если онъ забудетъ меня...» И теперь, другъ мой, когда я отвѣтила на всѣ ваши вопросы, я жду клятвы... рѣшительнаго обѣщанія... не стараться узнать ее... Вотъ цѣна моей дружбы ...»

«Чтò могъ я отвѣчать? Таинственная красавица уѣхала, она оставила Францію... Притомъ, кто бываетъ въ двухъ шагахъ отъ смерти, кто потерялъ половину своей крови, въ томъ воображеніе ужь не такъ пламенно... Больной лучше слушаетъ голосъ разсудка, нежели здоровый. И я понялъ сейчасъ, что сонъ, призракъ, который послѣ всѣхъ испытаній не могъ меня ни къ чему вести, не стòитъ моего спокойствія, моей будущности, и ничто передъ дружбой любезной женщины. Я далъ требуемое обѣщаніе и съ тѣхъ-поръ, какъ я поставилъ себѣ за правило и привычку исполнять его, прошло пять лѣтъ и я не сдѣлалъ ни одной попытки, ни одного разъисканія... Я не получилъ никакихъ извѣстій о моей прекрасной незнакомкѣ... Вотъ моя исторія!»

—Ну,—сказалъ я, когда онъ кончилъ свой разсказъ, какъ-будто ожидая продолженія...

«Ну!» отвѣчалъ Жоржъ: «чего жь вамъ больше?»

— Чего?.. конца, заключенія.

«Мнѣ нѣчего больше разсказывать.»

— Но мнѣ нужно больше.

«Такъ ищите, выдумывайте, составляйте какъ - нибудь, чтобъ кончить. Это ваше дѣло.»

— Однакожь это очень-трудно. Изъ всего, чтò вы мнѣ сказали, ничего не сдѣлаешь:—нѣтъ окончанія. Настоящая героиня еще не являлась... неизвѣстно кто она; ни слова о ея характерѣ, о ея чувствахъ... Вы одни можете дать на этотъ счетъ поясненіе...

«Которое я давнымъ-давно позабылъ» сказалъ Жоржъ смѣясь. «Притомъ уже двѣнадцать часовъ.» Лишь только онъ меня оставилъ, мой человѣкъ принесъ мнѣ письмо.

Это было приглашеніе къ обѣду на слѣдующій день, къ одному богатому или лучше-сказать почтеннѣйшему вельможѣ въ окрестностяхъ, герцогу * * *; я бы сказалъ вамъ его имя, но это лишнее:

довольно сказать — *герцогъ*... Онъ одинъ во всемъ департаментѣ; его никогда не именуютъ иначе, какъ по титулу: на двадцать миль кругомъ, только вы спросите: «кому принадлежатъ эти прекрасные лѣса, эти жатвы, обширные луга?» крестьянинъ сниметъ шапку и отвѣтитъ вамъ съ удивленіемъ: «какъ кому? его свѣтлости г. герцогу!»

Я не зналъ его, но онъ жилъ отъ меня близко, въ трехъ миляхъ; въ деревнѣ это значитъ быть сосѣдомъ; притомъ же онъ первый сдѣлалъ приглашеніе мнѣ, пріѣхавшему послѣ его, тогда какъ я не сдѣлалъ ему визита, котораго требовало сосѣдство. Нельзя было отказаться, и вотъ, все-таки размышляя о развязкѣ, никакъ неприходившей мнѣ на умъ, я явился къ нему. У него было царское жилище, превозходный замокъ, съ двумя флигелями, которые заставили меня вздохнуть.

Гостиная, великолѣпно мёблированная и совершенно въ парижскомъ вкусѣ, была обращена тремя большими окнами на очаровательный паркъ, разстилавшійся зелеными лугами до береговъ Марны. Хозяинъ дома былъ человѣкъ пожилой, лѣтъ около 70-ти, но имѣлъ видъ еще открытый, внушающій уваженіе; при стройной наружности, онъ отличался учтивостію и ласкою, сквозь которыя просвѣчивали чувства собственнаго достоинства, знатности и власти. Это былъ вмѣстѣ и вельможа Лудовика XIV, и богатѣйшій владѣтель нашего времени. Возлѣ него стоялъ молодой человѣкъ, длинный, сухой, съ длиннымъ лицомъ, длиннымъ носомъ и холоднымъ видомъ.

Глядя на него, почувствуешь ознобъ и невольно подойдешь къ камину; его тонкія и блѣдныя губы, вѣрно неслужившія ему никогда для смѣха, разкрылись, чтобы проговорить мнѣ: *здравствуйте;* потомъ онъ прибавилъ, что ему очень-пріятно со мной познакомиться, и сказалъ это такимъ тономъ и съ такимъ видомъ, которыми бы другой возвѣстилъ вамъ о какомъ-нибудь злополучіи.

Мальчикъ, лѣтъ 5 или 6, сынъ герцога, съ свѣтлорусыми волосами, которые падали по плечамъ прекрасными золотистыми локонами, бѣгалъ рѣзво и не нагибаясь между длинными и сухими ногами высокаго господина, но герцогъ остановилъ его строгимъ видомъ: «Осторожнѣе; ты уронишь своего двоюроднаго брата». Ребенокъ, лишенный единственной забавы, уже сдѣлалъ маленькую пасмурную гримаску, предвѣстницу слезъ, какъ вдругъ дверь отворилась и показалась молодая дама, прелестнѣйшая изъ всѣхъ,

какихъ я только видалъ, одно изъ существъ обворожительныхъ, идеальныхъ, существующихъ только на картинахъ или на пьедесталяхъ; что-то въ родѣ Венеры медичейской въ газовой одеждѣ, съ букетомъ розъ и улыбкою на устахъ.

Ребенокъ бросился къ ней на встрѣчу, съ жалобнымъ лепетомъ: «Мама! мнѣ не позволяютъ бѣгать по ногамъ дяди.»

— Это не хорошо, душа моя!

«Такъ чтò жь онъ съ ними будетъ дѣлать?»

Всѣ засмѣялись — и у самого братца я замѣтилъ чтò-то въ родѣ движенія мускуловъ, но движеніе такое незамѣтное, что по совѣсти нельзя было принять его за улыбку.

Герцогиня, не отвѣчая своему сыну, наклонилась къ нему и поцаловала — доказательство неоспоримое, потому-что ребенокъ успокоился и не требовалъ объясненій.

«Другъ мой, Низида» сказалъ герцогъ, представляя меня и прочихъ гостей женѣ своей: «вотъ наши сосѣди»—и назвалъ насъ по именамъ.

Хозяйка дома была такъ же ловка, какъ и мила; съ необыкновеннымъ радушіемъ привѣтствовала каждаго изъ насъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ и съ улыбкой, полной доброты, которая придаетъ цѣну обыкновеннымъ словамъ, и которая часто бываетъ выразительна даже безъ словъ.

За столомъ сидѣлъ меръ города, мудрый разпорядитель очень-бѣднаго округа; единственная забота его состояла въ томъ, чтобъ найдти капиталъ для заведенія школы.

Еще былъ пасторъ, любезный человѣкъ, полный усердія, набожности и дарованій; онъ служилъ въ двухъ приходахъ, всякій день дѣлалъ три или четыре мили пѣшкомъ по сквернымъ дорогамъ, часто въ дурную погоду, и семьюстами франками жалованья содержалъ себя, престарѣлаго отца и бѣдныхъ прихожанъ, между-тѣмъ, какъ его собратія въ Парижѣ, получая богатый окладъ, занимаются только музыкой и устройствомъ спектаклей.

Былъ еще судейскій секретарь, толстый, веселый, болтливый, въ родѣ живаго реестра, въ которомъ была записана всякая-всячина и отмѣчена по числамъ... Я имѣлъ счастіе сидѣть возлѣ него и, начиная съ перваго блюда, онъ мнѣ читалъ во все время біографіи всѣхъ обитателей замка, потому-что говорилъ безпрестанно какъ книга, впрочемъ дурно-написанная.

Герцогъ, знатный вельможа, перъ Франціи съ 1815 года, преданный отъ всего сердца королевской партіи 1814 года, хотя и

вздумалъ оставить службу въ 1830 году, но путешествіе, совершенное имъ въ Германію въ 1831, перемѣнило его образъ мыслей. Онъ присягнулъ новому правительству, чтобъ остаться вѣрнымъ по-прежнему и служить ему съ честію. Этотъ образъ дѣйствій успокоивалъ его совѣсть и оставлялъ при немъ его имѣніе и должность.

Я поблагодарилъ моего сосѣда за подробности его описи. А этотъ господинъ, спросилъ я его, выходя изъ-за стола, этотъ высокій, бѣлокурый мужчина?

—Двоюродный братъ герцога, единственный родственникъ его и наслѣдникъ. И потому, когда герцогъ, имѣя собственное огромное состояніе, женился на дочери богатаго капиталиста въ декабрѣ 1829 года, братъ былъ въ отчаяніи.

«Я думаю.»

— Но герцогу тогда уже было 70 лѣтъ (онъ родился въ 1761). Я кричалъ на всѣхъ перекресткахъ, что этотъ бракъ не будетъ имѣть обыкновеныхъ послѣдствій... Совсѣмъ нѣтъ... Противъ всѣхъ ожиданій, герцогъ поставилъ наслѣдника къ апрѣлю 1831 года. Я былъ пораженъ, а майоръ еще больше.

«Какой майоръ?»

— Двоюродный братъ герцога. Вѣдь онъ не Французъ: онъ майоръ ирландскаго войска, майоръ Голлидей.

«Ахъ, Боже мой!» вскричалъ я.

— Что съ вами? Развѣ вы его знаете?

«Нѣтъ, но мнѣ разсказывали недавно одну исторію, гдѣ онъ былъ дѣйствующимъ лицомъ.»

—Раскажите ее мнѣ, подхватилъ секретарь, готовый взять перо, чтобъ записать.

«Къ-чему это!» отвѣчалъ я, стараясь скрыть мое изумленіе, которое еще болѣе увеличилось, когда дверь растворилась и слуга доложилъ: Г-нъ Жоржъ Лисвардъ!

Я ужь ничего не понималъ...

Мой молодой другъ явился, почтительно раскланялся герцогу и герцогинѣ и, замѣтивъ меня, смутился.

— Васъ уже нынче не видать, сказала ему герцогиня ласково.

«Я никакъ не могъ... мать моя была больна; но теперь ей легче, и я воспользовался первою свободною минутою, чтобъ просить у васъ извиненія.»

—Которое я даю съ условіемъ, что завтра вы пожертвуете мнѣ лишнимъ часомъ.

Я не могъ скрыть своего удивленія.

—Да, сказалъ мнѣ герцогъ: г. Жоржъ, сосѣдъ нашъ, дѣлаетъ намъ большія услуги... Жена моя начала въ Парижѣ учиться рисованью, но не могла здѣсь продолжать, не имѣя учителя, и вотъ г. Жоржъ всякій день въ двѣнадцатъ часовъ пріѣзжаетъ за три мили, чтобы давать ей уроки...

Я посмотрѣлъ на Жоржа, который, потупивъ глаза, сказалъ мнѣ въ-поголоса: «Молчите; завтра все узнаете.»

VI.

На слѣдующее утро я былъ одинъ дома, дожидаясь друга моего Жоржа и воспоминая странности и приключенія вчерашняго вечера, которыхъ я былъ нечаяннымъ свидѣтелемъ и нѣмымъ наблюдателемъ. Я начиналъ уже думать, что открывается развязка моей исторіи; но чѣмъ болѣе я искалъ ея, тѣмъ болѣе отъ нея удалялся.

Во-первыхъ, это не могла быть прекрасная незнакомка, таинственная любовница друга моего Жоржа.

Пять лѣтъ тому назадъ, какъ она оставила Францію; онъ уже позабылъ ее, онъ больше не занимался ею и притомъ признался мнѣ самъ, что имѣлъ другую страсть.

Итакъ эта другая страсть была къ молодой герцогинѣ? Очень-ясно!...

И страсть, которая только - что начиналась. Доказательствомъ служитъ его ежедневная акуратность. Сдѣлать три мили для одного часа урока, и потомъ опять ѣхать три мили: шесть миль верхомъ и, какъ я самъ видѣлъ, полнымъ галопомъ! нѣтъ, въ прежнія времена любовники счастливые больше щадили своихъ лошадей.

Потомъ я вспомнилъ жалобы, грусть, худое расположеніе духа бѣднаго Жоржа. Онъ любилъ тщетно и безрасудно, и для меня это показалось непонятно, потому-что, правду сказать, онъ былъ прелюбезный малый.

Надобно впрочемъ замѣтить и то, что, судя по всему видѣнному мною вчера, Жоржъ для своего успѣха употреблялъ средства странныя: онъ былъ очень вѣжливъ и обходителенъ съ герцогомъ, но не совсѣмъ ласковъ съ герцогиней.

Съ высокимъ двоюроднымъ братцемъ — совсѣмъ другое дѣло: Жоржъ былъ съ нимъ такъ холоденъ и заносчивъ, что я опасался всякую минуту, чтобъ не возобновилась ихъ прежняя ссора.

Но всего непонятнѣе казалось мнѣ обхожденіе Жоржа съ ребенкомъ, милымъ и забавнымъ малюткой; легко можно бы-

ло видѣть, что герцогиня его обожала, что онъ для нея все имущество, сокровище самое драгоцѣнное; а при каждомъ словѣ, при каждомъ движенiи Жоржа, я угадывалъ, что это дитя ему не нравилось, тяготило его, было ему несносно.

Въ тотъ вечеръ бѣдный ребенокъ, который, казалось, очень любилъ Жоржа и всегда искалъ случая поиграть съ нимъ, забавлялся его часами, разбирая ихъ своими рученками; Жоржъ отнялъ у него часы или просто вырвалъ, грубо говоря сквозь зубы: я не терплю дѣтей... Герцогиня, незамѣченная имъ, стояла позади его; онъ поспѣшилъ извиниться и прибавилъ, указывая на часы: я боялся, чтобъ онъ ихъ не разбилъ. Герцогиня, не отвѣчая ни слова, отстегнула отъ своего платья богатый брильянтовый фермуаръ и сказала спокойно сыну: «вотъ, ломай это». Ребенокъ, послушный своей матери, не заставилъ ее повторить приказанiе... Въ эту минуту герцогъ, проходя мимо, вскричалъ: что̀ это? что̀ это?

«Ничего» отвѣчала герцогиня холодно: «брильянты мои упали, и Артуръ нечаянно раздавилъ ихъ.»

Во все продолженiе этой сцены, не смотря на усилiя Жоржа удержаться, во всѣхъ чертахъ его выражалась такая злость, что я подозрѣвалъ въ этомъ произшествiи тайну, которую надѣялся узнать отъ него при свиданiи.

Онъ вошелъ въ мой кабинетъ съ видомъ печальнымъ и разстроеннымъ. Рѣшено! сказалъ онъ мнѣ: теперь я вижу, что меня никто и никогда любить не будетъ.

«Вы думаете?» сказалъ я.

— Нѣтъ, сударь, все кончено... я болѣе не имѣю надежды. Я полагался хоть на дружбу ея, и вчера передъ вами она уничтожила послѣднiй ея залогъ; между перлами, кинутыми подъ ноги, былъ одинъ, который удостоила она принять отъ меня прошлаго года, въ день своего ангела—и она позволила разбить его при моихъ глазахъ этому мальчишкѣ, котораго я ненавижу.

«Онъ премиленькiй!»

— Отвратителенъ! я его терпѣть не могу.

«За-что?»

— За нее, рожденную для несчастiя моей жизни... Слушайте, сударь, я вамъ все скажу: дайте мнѣ совѣтъ.

«Не прошло еще года послѣ моей раны и этой сумасбродной исторiи, какъ осада Антверпена была уже рѣшена.

«Надѣясь попасть въ эту экспедицiю, я настойчиво просилъ ми-

нистра, но онъ отказалъ. Къ кому было прибѣгнуть въ моемъ горѣ?

«Какой-то докторъ, человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, другъ моего отца, выслушавъ мои неудачи, сказалъ мнѣ: Хоть я не имѣю никакой власти, но надѣюсь на одного стараго герцога, моего покровителя, очень сильнаго въ министерствѣ и при дворѣ. Вотъ вамъ къ нему письмо.

«Я взялъ его и отправился въ домъ герцога, у котораго мы вчера обѣдали. Хоть я пришелъ къ нему въ первый разъ, однакожъ лицо его было мнѣ знакомо. И вотъ я вспомнилъ, гдѣ я видѣлъ эту сухую и холодную фигуру, которая на этотъ разъ удвоила свою сухость и холодность, потому-что она довольно-неблагосклонно приняла мою просьбу; какъ вдругъ дверь кабинета отворяется и выходитъ его жена... Низида! прелестная Низида, которую вы видѣли вчера,—и посудите сами, какъ велико было мое удивленіе, когда я въ ней узналъ мою молодую герцогиню Итальянской Оперы, мою первую любовь, мой первый призракъ, ту, которую въ-продолженіе двадцати-четырехъ часовъ я боготворилъ до безумія, а двадцать-четыре часа спустя—до безумія ненавидѣлъ, потому-что съ этой женщиной разсудокъ безсиленъ: ее нельзя любить или ненавидѣть умѣренно, какъ другихъ...

«Она почувствовала укоризну, которую я былъ въ-правѣ ей сдѣлать, и не позабыла ни моего лица, ни своей невѣжливости, потому-что, увидѣвъ меня, она смутилась, и въ волненіи сѣла, принуждая себя поклониться мнѣ ласково. Но этотъ поклонъ, въ которомъ прежде она мнѣ отказала, это позднее изправленіе не обезоружили меня. Мужъ ея, обратясь къ ней, сказалъ: мы только-что возратились изъ Германіи—и вотъ тутъ какъ нарочно получаю письмо отъ доктора, которое меня очень затрудняетъ.

—Мнѣ очень жаль, герцогъ, сказалъ я ему, вставая: что прибѣгнулъ къ вамъ съ просьбой, для васъ непріятною... Забудьте о ней, прошу васъ, какъ-будто вы ничего не слыхали.

«Отъ-чего же?» спросила герцогиня съ участіемъ.

—Потому-что я такъ рѣшился, сударыня; я вижу теперь большія препятствія и отказываюсь отъ моихъ надеждъ..

«Но письмо доктора...»

— Я ему обязанъ удовольствіемъ изъявить вамъ мое уваженіе— и, поклонившись почтительно, вышелъ.

«Моя учтивость и мое вниманіе въ Итальянской Оперѣ заслужили отъ нея грубость, а моя грубость заслужила ея милость, ея

покровительство, скажу даже дружбу, еслибъ только она могла понимать дружбу.

«Я получилъ письмо отъ военнаго министра, гдѣ онъ мнѣ приказывалъ ѣхать на приступъ Антверпена; къ этому письму было приложено еще другое... возьмите... вотъ оно... у меня ихъ три, они всѣ здѣсь.—И онъ снялъ ихъ съ груди своей.

Письмо содержало только слѣдующее:

«Вы объ насъ очень-дурно судили; и вотъ нашъ отвѣтъ.»

«Низида, герцогиня ***»

«Представьте себѣ, мое прежнее негодованіе исчезло предъ такимъ поступкомъ. Я поспѣшилъ посѣтить ее прежде отъѣзда и изъявить ей мою благодарность. Я не могу вамъ разтолковать, да и вы не можете себѣ представить, что̀ это за женщина, когда она захочетъ понравиться! Я вышелъ отъ нея влюбленный болѣе, нежели когда-нибудь, и съ этой минуты любовь меня не покидала.

«Мнѣ посчастливилось при осадѣ Антверпена: во-первыхъ, меня не убили, чѣмъ былъ я очень доволенъ, потому-что былъ бы очень-несчастливъ, еслибъ не увидѣлъ Низиды, а во-вторыхъ, я взошелъ одинъ изъ первыхъ на люнетъ св. Лаврентія; мое имя вписали въ рапортъ къ маршалу и я думалъ: «Она прочтетъ его».

«Я возвратился въ Парижъ, гордясь вновь полученнымъ чиномъ, который приписывалъ моимъ заслугамъ. Но я узналъ отъ одного пріятеля, начальника отдѣленія при военномъ министерствѣ, что меня бы совсѣмъ забыли, еслибъ не письмо герцога ***. Это извѣстіе уменьшило мою гордость, но увеличило благодарность. Я просилъ позволенія хотя изрѣдка изъявлять свою признательность герцогу и женѣ его; мнѣ было позволено, и я ходилъ всякій день.

«Всякій день—къ-несчастію!.. Чѣмъ чаще я видѣлъ ее, тѣмъ болѣе любилъ, и ни одинъ другъ не препятствовалъ мнѣ идти на вѣрную гибель! Я во всемъ признался Юліи, которая, испугавшись моего вторичнаго сумасшествія, писала ко мнѣ и умоляла не видаться больше съ герцогиней. Это былъ совѣтъ разсудка; но разсудокъ былъ далеко, а Низида близко...

«Я никогда не могъ выманить признаніе или слово, которое бы могъ перетолковать въ свою пользу.. Впрочемъ, очень-часто, въ тайнѣ отъ другихъ, она была со мной свободна, нѣжна, и обнаруживала такія странности, что я никакъ не могъ понять ее.

«Когда я начиналъ говорить ей про свою любовь, она заставляла меня молчать; я хотѣлъ сердиться, но невольно останавливался, замѣчая на глазахъ ея слезы. Когда неотступно просилъ у нея хо-

тя одного слова, одного знака ея разположенія, она не слушала ме ня, цаловала своего сына, и не отвѣчала ни слова.

«Однажды я напомнилъ ей наше первое свиданіе въ Итальян ской Оперѣ и спросилъ ее, зачѣмъ она мнѣ не поклонилась? Она засмѣялась какъ безумная; но, видя, что я настаивалъ: «Это васъ раз сердитъ?» сказала она.

— Увѣряю васъ, что нѣтъ.

« Хорошо, я скажу. Маркиза, не зная васъ, но видя всякій день въ балконѣ Итальянской Оперы съ такимъ вниманіемъ раз бирающаго дамъ и ихъ наряды, была увѣрена и сказала мнѣ, что вы мастеровой и приходите по обязанности наблюдать за ново стями гомовныхъ уборовъ и модъ.»

— То-есть вы меня приняли за парикмахера или портнаго?

« Вы были такъ разряжены, что можно было подумать...»

— Такъ вотъ отъ-чего вы не отвѣчали мнѣ на поклонъ?

« Я сдѣлала дурно; но въ противномъ случаѣ маркиза сочла бы это за преступленіе, или, что̀ еще хуже, смѣялась бы надо мною. Мнѣ было шестнадцать лѣтъ; я только - что начинала жить, ни чего не знала, однакожь на другой день я разкаявалась, и еслибъ имѣла вашъ адрессъ...»

— Что̀ жь бы тогда?

«Я попросила бы васъ пріѣхать причесать меня, или снять съ меня мѣрку для платья амазонки »

—О, Боже! еслибъ это случилось! возкликнулъ я поспѣшно: я былъ бы очень-счастливъ!

«Молчите, молчите» сказала она тихимъ голосомъ: «то, что̀ вы говорите Низидѣ, можетъ услыхать герцогиня и разсердиться! »

«Я мечталъ, что она любитъ меня, но мнѣ уже было извѣстно, что догадки на ея счетъ вовлекутъ меня въ несчастія...

«И скоро нашелъ несомнѣнныя доказательства тому. Часто, чтобъ узнавать объ ея здоровьѣ, я относился къ старому доктору, который меня ввелъ въ ихъ домъ.

«Докторъ Герисселъ имѣлъ богатыхъ больныхъ и славное имя какъ врачъ. Это былъ человѣкъ старыхъ временъ и старыхъ методъ, которыхъ онъ постоянно держался и которыя усердно защищалъ противъ всѣхъ нововведеній. Онъ откровенно признавался, что, начиная съ Ипократа, медицина не подвинулась ни на шагъ; «въ мое время морили» говорилъ онъ добродушно своимъ паціентамъ: «но и г. Бруссе моритъ, и гомеопатія поступаетъ такъ

же, какъ г. Бруссе; такъ для-чего же мѣнять старое, если нельзя найдти лучшаго?

«Докторъ Гериссель давно меня зналъ и говорилъ всегда шутя, что я обязанъ ему жизнію, потому-что онъ первый открылъ мнѣ глаза при рожденіи и съ-тѣхъ-поръ никогда не терялъ меня изъ вида; онъ меня лечилъ, когда я былъ раненъ, и тогда узналъ я вполнѣ его дружбу ко мнѣ: обыкновенно сухой, рѣзкій въ обращеніи, онъ внимательно слушалъ мои признанія и даже выспрашивалъ ихъ.

«Когда я его спросилъ о здоровьѣ герцогини, онъ пристально посмотрѣлъ на меня, взялъ щепотку табака изъ золотой табакерки, украшенной портретами двухъ государей и сказалъ мнѣ съ насмѣшливымъ видомъ: не она больна Жоржъ, другъ мой, а ты!

— Если это правда, докторъ, я прошу васъ, вылечите меня!

«Точно ли ты хочешь быть вылеченъ? желаешь ли ты этого чистосердечно?»

— Да, сказалъ я рѣшительно.

«Ну, излеченіе будетъ непродолжительно; я произведу его однимъ словомъ» — и онъ понюхалъ еще разъ табака.

—Вымолвите же скорѣй, сказалъ я съ нетерпѣніемъ: это слово?...

«Это слово — она тебя не любитъ.»

— Я знаю, — и однакожь это еще не изцѣляетъ меня?

«А! пріемъ не довольно силенъ... Я прибавлю еще пилюлю къ моему рецепту, горькую пилюлю... Она любитъ другаго.»

— Не можетъ быть, неправда! вскрикнулъ я съ яростію.

«Вотъ больной, который хочетъ вылечиться, а возстаетъ противъ доктора!»

— Но... кого же? спросилъ я, не слушая его.

«Я скажу это только одному тебѣ, потому-что герцогиня въ числѣ моихъ больныхъ, а тайны моихъ больныхъ для меня священны... Правда, она и не открывала мнѣ этой тайны... Притомъ же это касается только до тебя, и возвратитъ тебѣ разсудокъ.

«Герцогъ, въ-продолженіе перваго года своего супружества, не видалъ никого, не принималъ никого, кромѣ своего двоюроднаго брата, который жилъ у него въ домѣ. Этотъ братъ никогда не оставлялъ молодой герцогини, повсюду провожалъ ее, не позволялъ никому подойдти къ ней; однимъ словомъ, былъ взыскателенъ, строгъ и ревнивъ какъ тигръ. Герцогиня мнѣ жаловалась на него.»

— А этотъ братъ, кто онъ? гдѣ онъ?

«Въ Парижѣ, вотъ уже восьмой день, и съ-тѣхъ-поръ герцогиня не принимаетъ тебя, дверь ея для тебя заперта.»

«Я былъ пораженъ, уничтоженъ... Что сказать? что отвѣчать? что дѣлать? Ѣхать къ ней... Я рѣшился на послѣднее. На этотъ разъ я спросилъ герцога, и явился къ его женѣ. Герцогиня была не одна, она была... съ своимъ братомъ, который сидѣлъ передъ каминомъ, спиною къ дверямъ, въ которыя я вошелъ. Увидѣвъ меня, Низида поблѣднѣла... Но потомъ, собравши всѣ силы, чтобъ успокоиться отъ смущенія, представила меня своему родственнику, котораго я, не зная еще, ужь ненавидѣлъ; но что было со мной, когда я въ немъ узналъ майора Голлидея, Ирландца, извѣстнаго вамъ и мнѣ очень-хорошо?

«Я дрался съ нимъ два года тому назадъ, и въ эту минуту я искалъ только, съ чего бы снова начать ссору. Но какъ, подъ какимъ предлогомъ?... Надобно было выждать! Притомъ же, къ моему несчастію или какъ будто нарочно, чтобъ меня подразнить, безчувственный майоръ былъ учтивѣйшій человѣкъ во всѣхъ трехъ соединенныхъ королевствахъ. А замѣтьте, что я не хотѣлъ быть зачинщикомъ; это еще болѣе замедлило ожидаемый случай. Наконецъ онъ представился! Это было здѣсь на дачѣ: однажды мы ѣздили верхомъ; я былъ въ бѣлыхъ панталонахъ; онъ забрызгалъ меня грязью съ ногъ до головы такъ, что, взглянувъ на меня, не могъ удержать невинныхъ насмѣшекъ на мой счетъ, которыя показались мнѣ самыми колкими и обидными насмѣшками.

«Напрасно бывшіе съ нами молодые люди старались примирить насъ; я требовалъ удовлетворенія за нанесенныя обиды, и требовалъ въ такихъ выраженіяхъ, что онъ не могъ отказать мнѣ при своей храбрости, которую вы знаете. На этотъ разъ я имѣлъ право выбирать оружіе и хотѣлъ драться на шпагахъ; назначенъ слѣдующій день. Какъ я ни старался держать это въ-тайнѣ, герцогиня узнала,... и, если я еще сомнѣвался въ ея любви къ брату, то тутъ вполнѣ увѣрился, видѣвъ ея безпокойство и отчаяніе.

«Вечеромъ она была въ самомъ жалкомъ положеніи. Къ ней пріѣхали гости, и она принуждена была занимать ихъ! Къ-счастію, ужасная головная боль пришла къ ней на помощь... Черезъ минуту, когда гости разъѣхались, я остался съ ней наединѣ... Противъ моей воли я хотѣлъ еще разъ видѣть ее, прежде нежели умру. Съ глазами полными слезъ она мнѣ сказала: «Я знаю все... Этотъ несчастный поединокъ... не состоится... я васъ прошу...» и она сложила руки съ умоляющимъ видомъ...

— О, просить меня для него! вскричалъ я: это ужъ слишкомъ! — И я убѣжалъ отъ нея, полный злобы, которая была опасна для моего противника, потому-что на другой день я напалъ на него съ такой стремительностію, съ такимъ бѣшенствомъ, что его флегматическая, спокойная фигура совершенно измѣнилась; и, не смотря на его ловкость, шпага у него приняла такое невыгодное направленіе, что я однимъ ударомъ выбилъ ее на десять шаговъ. Онъ остался тогда безоруженъ, и я не имѣлъ духа продолжать поединокъ. Теперь моя очередь, вскричалъ я: я дарю вамъ жизнь; но — замѣтьте — я великодушнѣе васъ, потому-что не заставляю васъ просить ее у меня; возьмите безъ всякихъ условій!

«Вечеромъ я пришелъ въ замокъ, гдѣ герцогиня, уже знавшая конецъ поединка, безъ всякаго сожалѣнія, безъ стыда, не побоялась въ моихъ глазахъ обнаружить всю свою радость; она смѣла громогласно благодарить меня за то, что я сберегъ жизнь ея двоюроднаго брата. И послѣ этого — полюбуйтесь на мое безуміе — я еще сомнѣвался; я повторялъ безпрестанно: докторъ ошибается! Но какъ ошибиться мнѣ-самому? Какъ не вѣрить доказательству, которое представляютъ глаза и слухъ?»

— Какъ! вы видѣли?...

«Да, сударь, видѣлъ и слышалъ еще болѣе этого; и теперь разсудите сами, остается ли мнѣ хоть отрада сомнѣнія... Былъ у нихъ на дачѣ балъ, въ день ангела ея мужа. Всѣ дамы пошли въ верхній этажъ замка, чтобъ лучше видѣть фейерверкъ, расположенный на лугу; я остался внизу на терассѣ, и, прогуливаясь одинъ, мечталъ о ней, все о ней, которую мнѣ легче возненавидѣть, нежели позабыть... Я былъ выведенъ изъ задумчивости шелестомъ шаговъ человѣка, который шелъ прямо на меня: это былъ майоръ! Опять онъ... всегда, всюду онъ заграждаетъ мнѣ дорогу, и я хотѣлъ уже сойдти съ терассы, какъ вдругъ изъ оконъ перваго этажа слышу крики ужаса. Лампа, поставленная близь окна, зажгла стору, потомъ занавѣсы; въ-минуту залу обхватило пламя, и испуганная толпа, устремившись къ одному выходу, еще болѣе увеличила смятеніе, вмѣсто того, чтобъ остановить его. У окна верхняго этажа, обращеннаго на терассу, показалась женщина... Я узналъ въ ней Низиду; схватываю высокую лѣстницу, оставленную садовниками внизу подъ окнами, лечу къ ней на помощь... и, достигнувъ, протягиваю руки, чтобъ спасти ее... Но она, внѣ себя, блѣдная, разтрепанная, ничего не видя, ни о чемъ не думая, кромѣ своего ребенка, котораго прятала на груди своей

бросила его ко мнѣ на руки, проговоривъ невнятно, такъ-что я одинъ только могъ слышать: «Возьми, спасай твоего сына!!!»

«Неподвижный, остолбенѣлый, я смотрю вокругъ себя и увидѣлъ позади, на нѣсколько ступеней ниже, неизбѣжнаго майора, который съ обыкновенной флегмой медленно взбирался кверху, и въ эту минуту былъ почти со мною наравнѣ! Въ ужасѣ, Низида думала, что обращалась къ нему.

«Едва удержавъ мое бѣшенство, я отдалъ ему, или лучше сказать, бросилъ ребенка: это до меня не касалось... Онъ осторожно спустилъ его на землю, между-тѣмъ, какъ я принялъ Низиду, которая кинулась мнѣ на руки, болѣе прелестная, нежели когда-нибудь; сердце ея билось подлѣ моего сердца! Низида, которую я хотѣлъ бы задушить любовію и негодованіемъ. Я положилъ ее на траву, возлѣ ребенка, и убѣжалъ, поклявшись никогда не видать ея.»

— Никогда!

«Да, сударь, это «никогда» продолжалось три дня,—три дня я не видалъ ея, но все-таки былъ занятъ ею; эти три дня провелъ я въ проклятіяхъ, повторяя ужасныя слова: *Возьми, спасай твоего сына!* которыя безпрестанно отзывались въ ушахъ моихъ какъ колоколъ, зовущій на казнь. Въ четвертый день я не могъ болѣе выдержать и побѣжалъ въ замокъ. Герцогъ, мужъ ея, былъ нездоровъ; я пошелъ не для нея, а для него... Я встрѣтилъ доктора въ большомъ безпокойствѣ на-счетъ больнаго ... «Болѣзнь сильна, но герцогъ очень старъ» сказалъ онъ: «и кончина его близка!» Мы пошли вмѣстѣ въ покои герцогини, великолѣпные покои, гдѣ она была одна съ майоромъ ... кресла ихъ стояли на разстояніи двадцати шаговъ; майоръ читалъ журналъ, а Низида зѣвала.

Я толкнулъ локтемъ доктора, указывая на это зрѣлище.

—Я не увѣрялъ тебя, что любовь ихъ еще продолжается, сказалъ онъ мнѣ тихимъ голосомъ: это зло имѣло свое время, свой обыкновенный періодъ, горячка оканчивается медленной лихорадкой.

Майоръ всталъ и увелъ доктора подъ руку, вѣроятно, чтобъ поговорить о своемъ почтенномъ братѣ; я остался съ Низидою.

«Я знаю все» сказалъ я ей, стараясь удержать мое волненіе: «я знаю вашу тайну.»

—О! я погибла! вскричала она, и потомъ продолжала умоляющимъ голосомъ: Если знаете, молчите! молчите! Ни слова больше!— И, какъ-будто не выдержавъ моего взора, она закрыла лицо рука-

ми и заплакала; рыданія ея приподымали прозрачную кисею, покрывавшую ея грудь.

«Весь мой гнѣвъ упалъ передъ слезами Низиды. «Да, я буду молчать» сказалъ я: «клянусь въ этомъ; и скажу все только вамъ...» Тогда я подробно объявилъ ей все, что̀ зналъ, что̀ слышалъ; но повѣрите ли? по-мѣрѣ-того, какъ я разсказывалъ все мнѣ извѣстное, она подымала головку, закрытую руками и смотрѣла на меня сквозь розовую рѣшетку, которую образовали ея маленькіе, прозрачные пальчики; слезы остановились, спокойствіе снова обнаружилось на челѣ ея, улыбка появилась на устахъ... Да, сударь, въ то время, какъ я обвинялъ ее въ любви къ майору, въ то время, когда я говорилъ про ея сына, сына майора, она, казалось, дышала свободнѣе, видъ удовольствія выказывался въ чертахъ ея.

— Ну! только-то?... сказала она съ непонятной наивностью.

«О! признаюсь, что послѣ этихъ словъ я не могъ удержать гнѣвъ свой и излилъ на нее укоризны, ярость, отчаяніе, любовь мою, и перешелъ вѣроятно всѣ границы, а она, не сердясь, смотрѣла на меня съ сожалѣніемъ и сказала:

«Ахъ, Жоржъ! ка̀къ вы будете разкаяваться когда-нибудь въ томъ, что̀ вы мнѣ наговорили!»

— Такъ вы его ужь не любите? вскричалъ я.

«Нѣтъ!» сказала она, и это слово было такъ выразительно, такъ нѣжно. Тогда безоружный, тронутый, я началъ плакать, упалъ передъ ней на колѣна...—А я, Низида, я, который такъ давно васъ любилъ, я никогда... никогда не буду любимъ?

«Она горько улыбнулась и, положивъ руку на мою горячую голову, прошептала: безумецъ!

— Да, вскричалъ я: безумецъ, у котораго вы отняли спокойствіе и счастіе, безумецъ, который отдалъ и жизнь и кровь за одинъ вашъ поцалуй!... Она вырывалась изъ моихъ объятій: Боже! воскликнулъ я съ отчаяніемъ, неужели есть на землѣ счастливецъ, которому вы принадлежите?

«При этихъ словахъ я замѣтилъ на устахъ ее улыбку... улыбку насмѣшливую... Да, это была улыбка ироническая, которую я вамъ не могу объяснить; но она вывела меня изъ себя... И съ-тѣхъ-поръ — также холодна, также строга, никогда мнѣ не позволяла она забыться, но вмѣстѣ съ тѣмъ была такъ обходительна, такъ добра... такъ нѣжна, что... Но слушайте: я ненавижу эту женщину, и теперь, когда вы ее узнали, присовѣтуйте, что̀ мнѣ дѣлать?

«Я вамъ отвѣчу, какъ докторъ: «хотите ли быть вылечены?»

— Да, теперь я хочу, хочу отъ всей души.

«Ну, такъ забудьте ее: женитесь!»

— Это также совѣтъ моей матери; она меня безпрестанно уговариваетъ, и теперь я займусь той особой, которую мнѣ предлагаютъ... Ѣду опять въ Парижъ.

«Когда же?»

— На будущей недѣлѣ.

«Это очень-поздно» сказалъ я ему: «уѣзжайте сегодня же со мной, или вы человѣкъ безъ воли и храбрости.»

И Жоржъ уѣхалъ жениться.

VII.

Вѣроятно мои совѣты или упреки подѣйствовали на Жоржа. Онъ сдержалъ слово, остался въ Парижѣ, не видался болѣе съ герцогиней, которая осталась въ своемъ замкѣ, и занялся или лучше сказать поручилъ матери заняться свадьбой. Партія была выгодная во всѣхъ отношеніяхъ: хорошее семейство и богатое имѣніе. Невѣста была молодая дѣвушка, хорошо воспитанная, не красавица; но еслибъ она была и первая красавица въ свѣтѣ, Жоржъ не влюбился бы въ нее: дѣло шло не о любви,—ея ужь было слишкомъ довольно,—а о свадьбѣ по разсчету, и въ этомъ случаѣ она вполнѣ была удовлетворительна. Ужь сдѣланы главнѣйшія условія, но чѣмъ болѣе срокъ приближался, тѣмъ болѣе Жоржъ казался мнѣ скучнымъ и недовольнымъ, хотя онъ и старался показывать веселый видъ; я ужь почти разкаявался въ томъ, что далъ ему совѣтъ; но мать его была такъ довольна и такъ меня благодарила...

«Я думала лишиться сына» говорила она мнѣ: «я боялась за его жизнь и за его разсудокъ, потому-что онъ по цѣлымъ часамъ забывался, бредилъ, не узнавалъ меня, мать свою, и говорилъ все про *нее*. По-этому-то я и узнала его тайну; но теперь, сударь, труднѣйшее уже сдѣлано. Онъ обязался, онъ далъ слово, и ни за что въ свѣтѣ не захочетъ оскорбить семейство честныхъ людей. Теперь онъ спасенъ... онъ будетъ счастливъ!..» Эти мысли и особенно увѣренность матери разсѣяли мои опасенія за будущность Жоржа; въ предчувствіи материнскомъ болѣе существенности, нежели въ нашихъ догадкахъ. Я оставилъ Жоржа въ заботахъ о брачномъ подаркѣ и приготовленіяхъ къ свадьбѣ, которая была назначена въ концѣ мѣсяца, а самъ возвратился въ свое помѣстье наблюдать

за моими работниками, давъ слово пріѣхать въ Парижъ къ свадьбѣ. Время приближалось къ этому сроку, и я собирался въ дорогу, какъ вдругъ ко мнѣ на дворъ въѣхала карета, и изъ нея выскочилъ Жоржъ съ видомъ отчаянія, довольно мнѣ знакомаго, потому-что онъ его всегда принималъ, когда дѣло шло о герцогинѣ: я не ошибся, она еще терзала его.

— А ваша свадьба? вскричалъ я ему.

«Разторгнута навсегда!»

— Вами?

«Нѣтъ, я далъ слово и сдержалъ бы его, хотя бы пришлось и умереть, потому-что смерть для меня благо, я такъ желалъ доказать ей, что я забылъ все и что болѣе не люблю ее... Я досталъ всѣ нужныя бумаги и, вмѣстѣ съ нотаріусомъ, окончилъ всѣ распоряженія по свадьбѣ; но вдругъ мой будущій тесть вздумалъ пуститься въ разъисканія — сначала въ нашемъ кругу, въ нашемъ сосѣдствѣ, гдѣ все мнѣ благопріятствовало; потомъ онъ узналъ, что я часто бываю у герцогини, что я почти домашній другъ у нея, и вотъ, изъ пустаго самолюбія, желая повѣрить слухи, собранные на мой счетъ, является къ нимъ!... Герцогъ былъ тогда все еще очень-боленъ, и потому его приняла Низида.

«Я не знаю, что̀ она сказала ему обо мнѣ, о моемъ характерѣ, о моемъ поведеніи, вѣроятно очень-много хорошаго по своему обыкновенію; но вѣроятно такъ ловко, что мой любезный тесть, будучи недальняго ума и не понимая женской хитрости, возвратился, изпуганный хвалами, слышанными имъ на мой счетъ, и вотъ обинякми, полными приличія и вѣжливости, онъ изъявилъ намъ свои сожалѣнія о томъ, что дочь его для замужства еще слишкомъ-молода.»

— Можетъ-быть, это и правда.

«Еще не прошло двухъ мѣсяцевъ, какъ онъ далъ мнѣ согласіе. Очень-ясно, что это послѣдствіе его свиданья съ герцогиней... Поступки ея ужасны! Она первый мой врагъ; она желаетъ мнѣ всякаго зла, ищетъ случая очернить меня, и съ-этихъ-поръ между нами явная вражда на смерть. Я увѣренъ, что то же самое будетъ и со всѣми женитьбами, которыя я вздумаю затѣять... Теперь нѣтъ болѣе средствъ,—надобно отказаться.

— Понимаю; вы съ удовольствіемъ предаетесь этому горю, чтобы окольнымъ путемъ возвратиться опять къ ней!

«Нѣтъ, нѣтъ!» вскричалъ онъ: «это мнѣ не мѣшаетъ убѣгать ея; я оставляю Парижъ, оставляю Францію.»

— И, полно-те! куда же вы поѣдете?

«Въ Африку... въ Константину, единственное мѣсто, гдѣ теперь дерутся. Я пришелъ проститься съ вами. Вы видите, что я покоенъ и рѣшился твердо исполнить мое намѣреніе; время слабости миновалось.»

— И вы не навѣстите ея передъ вашимъ отъѣздомъ?

«Нѣтъ, рѣшено!» сказалъ онъ твердымъ голосомъ.

— Это хорошо.

«Да, очень-хорошо; иначе я бы не уѣхалъ.»

Потомъ, покраснѣвъ отъ этого сознанія, онъ воскликнулъ:

«Прощайте; вы или не увидите меня болѣе, или увидите излеченнымъ!»

Спустя нѣсколько дней, онъ былъ уже въ Марселѣ и плылъ въ Африку, гдѣ полкъ его долженъ былъ соединиться съ маршаломъ Клозелемъ. Жоржъ участвовалъ въ этой тяжелой и разорительной войнѣ и писалъ мнѣ оттуда:

«Мнѣ не удалось. Я былъ только раненъ, а искалъ болѣе; судьба всюду меня преслѣдуетъ: не сбывается ничего, чего бы ни пожелалъ я. Я не могу ни жить счастливо, ни умереть со славой! Рана моя будетъ продолжительна, но не опасна. Скажите это моей матери и тѣмъ, которые еще помнятъ обо мнѣ... если только ихъ найдете.»

Это значило: подите къ герцогинѣ и дайте ей обо мнѣ извѣстіе; также извѣстите и меня объ ней... За это желаніе,—по разсудку, должно было бы осудить, но этотъ бѣдный юноша былъ такъ несчастливъ, такъ страдалъ, что у меня не достало духа на этотъ разъ быть разсудительнымъ, и, чтобъ слегка исполнить его просьбу, я отправился въ зàмокъ, узнать о здоровьѣ моего благороднаго сосѣда.

Герцогъ былъ очень-худъ, герцогиня не выходила изъ комнаты больнаго; я былъ свидѣтелемъ трогательныхъ заботъ, которыя она ему оказывала, и докторъ сказалъ мнѣ въ-полголоса: «Вотъ это ужь продолжается два мѣсяца: такъ молода и такъ постоянна! Она проводитъ ночи у постели самолюбиваго и скучнаго старика и ухаживаетъ за нимъ, какъ за отцомъ. Правда, она годилась бы ему во внучки... но все-таки для меня удивительно. Я любовался вмѣстѣ съ нимъ ея добротой, соединенной съ такими прелестями. Чѣмъ болѣе смотрѣлъ я на это спокойное и ясное чело, храмъ искренности и добродѣтели, тѣмъ менѣе вѣрилъ предположеніямъ Жоржа. Дверь отворилась, вошелъ майоръ; я наблюдалъ

внимательно. Она почти не замѣтила его появленія и, не обращая на него взоровъ, продолжала читать для старика какой-то листокъ — это былъ журналъ: «Новости заграничныя; африканская армія . . .» Тутъ голосъ ея понизился и по-мѣрѣ-того, какъ она читала описаніе осады и отступленія, руки ея дрожали, голосъ дѣлался прерывистымъ, невнятнымъ и торопливымъ . . . какъ-будто ей хотѣлось узнать скорѣй окончаніе, такъ-что мужъ повторялъ ей нѣсколько разъ: не такъ скоро! и майоръ Голлидей, природный врагъ торопливости утверждалъ медленно, что нѣтъ возможности за нею слѣдовать.

— Начни съ начала, сказалъ ей герцогъ.

Бѣдная женщина сдѣлала движеніе невыразимой тоски; однакожь, поднявъ глаза къ небу, какъ-будто умоляя его подкрѣпить ее, начала безконечное чтеніе; я сжалился надъ ней, и чтобъ укоротить мученіе, объявилъ, что имѣю прямое и вѣрное извѣстіе о всѣхъ произшествіяхъ — письмо г. Жоржа.

Всѣ присутствующіе, и даже самъ больной, сдѣлали движеніе любопытства, изключая Низиды, которая осталась спокойною, но бросила мнѣ взглядъ благодарности, взглядъ, блиставшій чувствами сильными и чистыми! . . . И съ этой минуты побѣда Жоржа была несомнѣнна . . . Я не старался ничего больше проникать, утвердившись на мысли, что Низида невинна.

Только-что я кончилъ чтеніе письма, чело ея приняло опять свою обыкновенную ясность. Она поручила мнѣ передать Жоржу нѣсколько ласковыхъ и дружескихъ словъ, потомъ, снова устремивъ глаза свои на мужа, не оставляла его болѣе, занималась только имъ, какъ-будто хотѣла удвоеннымъ участіемъ изкупить немногія минуты, посвященныя мысли, противной ея обязанности.

Къ-несчастію, такія великодушныя и постоянныя заботы были напрасны: предсказаніе доктора изполнилось; герцогъ, осужденный болѣе лѣтами, нежели медициной, вскорѣ оставилъ великолѣпный зàмокъ, прелестную вдову и огромное богатство.

Первые шесть мѣсяцевъ траура герцогиня провела съ сыномъ на дачѣ, въ уединеніи; она никого не видѣла, никого не принимала, даже своего брата, майора: — обстоятельство, которое я счелъ нужнымъ записать.

Правда, прежде изтеченія года, зàмокъ былъ снова открытъ для общества, и туда начали съѣзжаться почти изъ всѣхъ окружныхъ мѣстъ. Майоръ болѣе не жилъ въ зàмкѣ; но его тамъ видѣли очень-часто, равно-какъ и многихъ другихъ парижскихъ щеголей;

особенно тѣ, которые любятъ хорошенькихъ вдовъ и богатыя наслѣдства, являлись постоянно, а ихъ было очень-много. Эти съѣзды даже повредили гуляньямъ въ Шантильи, и ла-фертскій почтмейстеръ утверждалъ о своемъ округѣ съ гордостью, что онъ никогда не видалъ въ немъ столько экипажей.

Одна новость однакожь уменьшила горячность искателей: оказалось, что майоръ Голлидей, ближайшій родственникъ покойника, былъ въ ихъ разрядѣ и громогласно объявлялъ свои виды на руку вдовы своего брата.

Скоро разнесся слухъ, что его предложеніе принято. И вотъ возникли споры *за* и *противъ*, точь-въ-точь какъ на шантильйскихъ скачкахъ.

Что̀ касается до меня, признаюсь, я опасался и не смѣлъ биться объ закладъ.

Годъ траура прошелъ уже болѣе мѣсяца, и свѣдущія особы утверждали, — а въ числѣ ихъ мэръ нашего города—что первое возвѣщеніе о свадьбѣ будетъ въ слѣдующее воскресенье.

Сидя у камина, я разсуждалъ обо всѣхъ этихъ событіяхъ, какъ вдругъ дверь отворилась и влетѣлъ офицеръ!... Это былъ Жоржъ. Онъ бросился ко мнѣ на шею съ возклицаніемъ: «Наша взяла̀! Наша Константина!... Къ-счастію, не всѣ походы занимательны и успѣхи нынѣшняго года вознаградили славно потери прошлаго. Наша артиллерія надѣлала чудесъ. Говорятъ, что генералъ, который ею командовалъ, будетъ произведенъ въ маршалы.»

— Тѣмъ лучше; вѣроятно и всѣ офицеры будутъ повышены чинами.

«Можетъ-быть... Но вы знаете, что я не честолюбивъ... Все мое желаніе было увидѣть Францію и моихъ друзей.»

— Нѣкоторыхъ вы уже не найдете, сказалъ я ему: герцогъ умеръ.

«Я это знаю» прервалъ онъ съ озабоченнымъ видомъ, и замолчалъ...

Я угадалъ, чего онъ ждалъ отъ меня. Ему не хотѣлось самому спросить о герцогинѣ, но онъ желалъ, чтобы я началъ объ ней разговоръ; а мнѣ именно не хотѣлось этого: непріятныя извѣстія всегда узнаются скорѣе...

Я заговорилъ о Константинѣ, онъ мнѣ отвѣчалъ отрывисто; я снова повторилъ вопросъ, но ужь онъ не выдержалъ и напалъ на меня какъ на Бедуина, какъ не напалъ бы на самого Ахметъ-бея.

«Чортъ возьми!» возкликнулъ онъ съ нетерпѣніемъ: «еще будетъ время говорить о сраженіяхъ. Какія новости въ вашихъ мѣстахъ?» Нѣчего дѣлать—надобно было разсказать о свадьбѣ ирландскаго майора.

«Иначе не могло и быть, сказалъ онъ мнѣ холодно: я всегда ожидалъ этого. Разумѣется, она выйдетъ скорѣе всего замужъ за отца своего ребенка... Это такъ и должно быть,— она согласилась?»

— Говорятъ.

«А когда свадьба?»

— Очень-скоро, я слышалъ.

Тогда онъ вспыхнулъ отъ гнѣва и разсердился на герцогиню, по обыкновенію, потому-что вся жизнь его была вѣчный гнѣвъ на нее, между-тѣмъ, какъ относительно другихъ онъ былъ такъ добръ и снизходителенъ...»

— Но, сказалъ я ему: вѣдь вы сейчасъ одобряли этотъ союзъ, вы находили его приличнымъ.

«Я не запираюсь, но могу ли одобрить союзъ, заключаемый такъ скоро! Едва прошелъ годъ, недавно еще овдовѣла она! Не значитъ ли оскорбить всѣ свѣтскія приличія, обнаруживъ такую живую и поспѣшную нѣжность... Не мнѣ ли она клялась передъ моимъ отъѣздомъ, что она его болѣе не любитъ... Впрочемъ, если говорила она, я не долженъ былъ вѣрить... Эта женщина всю жизнь свою провела въ томъ, что обманывала меня и забавлялась мной.»

И онъ большими шагами разхаживалъ по комнатѣ. Вѣроятно Низида не отдѣлалась бы этой выходкой; другая бы непремѣнно за ней послѣдовала, если бы первый порывъ гнѣва Жоржа не прервалъ меръ, вошедшій въ эту минуту съ торжественнымъ видомъ.

Я отгадалъ, что онъ принесъ новость. Въ провинціи много значитъ имѣть какую-нибудь новость. Она доставляетъ занятій и толковъ на цѣлый день!

VIII.

«Новость» вскричалъ меръ: «новость удивительная и неожиданная! Графиня не выходитъ замужъ! Майору отказано... на-отрѣзъ отказано. Онъ ужь взялъ и лошадей, чтобъ уѣхать въ Парижъ новость вѣрнѣйшая!»

— Отъ кого вы ее слышали?

«Отъ почтмейстера»

При имени такой высокой особы, сомнѣніе разсѣялось, и я почувствовалъ сильный порывъ радости. Чтò же касается до Жоржа, онъ ужасно прогнѣвался на Низиду, и ярость его была въ такомъ сильномъ градусѣ, что не могла понизиться вдругъ безъ переходовъ. Однакожь онъ проговорилъ сквозь зубы: «Почему вы знаете, что это правда? Да она и сама этого не знаетъ! Въ ней столько странностей, столько капризовъ... И зачѣмъ отказывать своему двоюродному брату? чтобъ сдѣлать другой выборъ, который вѣрно будетъ въ десять разъ хуже?...»

— Это, можетъ-быть, для-того, сказалъ я, глядя на него: чтобъ остаться свободной.

«Да, вы правы» вскричалъ онъ, обрадовавшись случаю возобновить свой гнѣвъ: «чтобъ быть свободною и сдѣлаться полною кокеткой, чтобъ держать въ равновѣсіи двадцать соперниковъ, всѣхъ мучить и никого не выбрать.»

— Вы къ ней очень строги.

«Я справедливъ... послѣ ея поступка со мной, послѣ всѣхъ оскорбленій...»

— Гораздо было бы великодушнѣе забыть ихъ теперь, когда она такъ несчастна.

«Несчастна!» вскричалъ онъ, тронутый: «вы думаете, что она несчастна?...» И гнѣвъ его исчезъ.

— Она нуждается въ присутствіи и утѣшеніи друзей своихъ; не навѣстите ли вы ее?

«За-чѣмъ? Окруженная всегда поклонниками, будетъ ли имѣть она время принять меня?»

— Чтò вамъ за дѣло! Оставьте карточку... Вы по-крайней-мѣрѣ исполните необходимую обязанность, сдѣлавъ визитъ... Вы должны это сдѣлать, хотя бы и принужденно.

«Хорошо! Если вы хотите, я пойду завтра.»

— Подите сегодня вечеромъ.

«Погода очень-дурна; это такъ непріятно... но нечего дѣлать.»

Съ видомъ дурнаго расположенія, онъ взялъ шляпу и вышелъ. Бѣдный юноша! онъ самъ хотѣлъ этого до смерти.

Хоть я и послѣ узналъ, чтò происходило при этомъ свиданіи, но Жоржъ столько разъ повторялъ мнѣ о немъ, что я помню все отъ слова до слова.

Не безъ сильнаго волненія увидѣлъ Жоржъ издали замокъ, который вмѣщалъ въ себѣ все его счастіе, всѣ мученія и надежды

«Она свободна, правда; но послужитъ ли это къ чему-нибудь? И какъ еще меня пріймутъ? Никогда» думалъ Жоржъ: «не признавалась она, что любитъ меня!» И вотъ, припоминая все, что происходило между имъ и герцогинею, онъ принужденъ былъ сознаться, что, вѣрная своимъ обязанностямъ, она являлась ему только какъ подруга нѣжная и преданная; что впрочемъ, всегда непоколебимая и строгая, она не оказывала ему ни малѣйшаго снизхожденія, не подавала ни малѣйшей надежды... Но если она искренно питала ко мнѣ прежде одну только дружбу, то зачѣмъ перемѣниться ей и теперь?

Онъ взошелъ во дворъ замка; сильно забилось его сердце, когда онъ спросилъ о герцогинѣ, и еще сильнѣе, когда получилъ въ отвѣтъ, что она одна въ залѣ.

«А! она одна!..» сказалъ онъ съ замѣшательствомъ. Въ эту минуту онъ бы желалъ, чтобъ у нея были гости: но нѣкогда было думать. Онъ медленно поднялся по каменнымъ ступенямъ широкой лѣстницы и вошелъ въ переднюю, гдѣ стояло нѣсколько лакеевъ въ траурныхъ ливреяхъ. Одинъ изъ нихъ отворилъ большія двери залы; герцогини тамъ не было. Жоржъ содрогнулся!... Она была въ маленькомъ будуарѣ, примыкающемъ къ залѣ, и когда доложили о Жоржѣ, она привстала и сдѣлала ему знакъ, чтобъ онъ сѣлъ.

Больше ничего — ни удивленія ни смущенія!.. Лакей вышелъ. Жоржъ былъ пораженъ такимъ церемоннымъ привѣтствіемъ; холодность герцогини незамѣтно перешла и къ нему,—и вотъ, запинаясь, съ трудомъ проговоривъ нѣсколько словъ въ видѣ привѣтствія, онъ спросилъ ее о здоровьѣ.

«Слава Богу» отвѣчала Низида. Разговоръ тутъ остановился, и Жоржъ, чтобъ снова его завести, спросилъ:

— Вы одни въ этомъ огромномъ замкѣ?

«Я жду гостей... друзей, которые должны пріѣхать сегодня вечеромъ и провести нѣсколько дней со мною.»

Жоржъ не посмѣлъ спросить, кого именно ждали; но за то онъ повторилъ: А! друзья должны пріѣхать?

«Да, сударь.»

Разговоръ опять остановился, и на этотъ разъ начала герцогиня:

«Вы пріѣхали изъ Константины, г. Жоржъ?»

— Да-съ.

«Всѣ увѣряютъ, что вы тамъ дѣлали удивительные подвиги?..»

И Жоржъ, смутившись, разсчитывалъ самъ-про-себя, не долженъ ли онъ для поддержанія разговора сдѣлать описаніе осады; но въ эту минуту въѣхавшія на дворъ кареты освободили Жоржа, и онъ благословилъ гостей, которые прервали этотъ трудный разговоръ.

Двери залы съ шумомъ отворились и послышались шаги или лучше сказать бѣготня. Кто-то спѣшилъ въ будуаръ. Это была Юлія—графиня Юлія, которая, найдя Жоржа съ герцогиней въ такомъ мѣстѣ, въ отдаленіи отъ всѣхъ и вечеромъ, засмѣялась и обняла его:

— Наконецъ вы все узнали! Незнакомка открылась.

Жоржъ, остолбенѣлый, внѣ себя, вскрикнулъ отъ удивленія или, лучше-сказать, отъ ужаса, увидя герцогиню, упавшую безъ чувствъ на диванъ.

— Какъ! вы не знали? произнесла Юлія въ отчаяніи. Несчастная! что я сдѣлала? Вотъ мужъ и братъ мой идутъ въ залу: бѣгите къ нимъ на встрѣчу... Я останусь съ ней.

И Жоржъ, самъ не зная, что дѣлаетъ, вбѣжалъ въ залу, гдѣ его ждали объятія графа Ворвиля и Константина, которые возвратились изъ посольства. Константинъ началъ длинное описаніе своихъ дипломатическихъ успѣховъ, изъ котораго Жоржъ не слыхалъ ни слова; ихъ прервала Юлія.

«Не пугайтесь» сказала она: «хозяйка несовсѣмъ-хорошо себя чувствуетъ: черезъ полчаса все пройдетъ, а между-тѣмъ, она поручила мнѣ, какъ ближайшей своей подругѣ, принять васъ и распоряжаться за нее. Въ десять часовъ ужинъ, а до того времени, кому угодно, можетъ удалиться въ свои комнаты.»

— Браво! вскричалъ Константинъ: я не такъ одѣтъ, чтобъ приличнымъ-образомъ явиться, такъ же какъ и г. посланникъ; а когда дѣло идетъ о томъ, чтобъ строить куры молодой и хорошенькой вдовѣ, то надобно запастись всѣми средствами.

Они оба вышли изъ залы. И давно бы пора! Жоржъ не могъ болѣе удерживаться... онъ задыхался. Но, благодаря небо, онъ былъ свободнѣе, оставшись наединѣ съ графиней и съ неизъяснимымъ трепетомъ упалъ передъ ней на колѣни.

«Что вы дѣлаете? Что вы дѣлаете?» сказала она ему смѣясь: «Жоржъ, другъ мой, вы ошибаетесь. Вамъ нечего у меня болѣе просить, нечего отъ меня ожидать, кромѣ разсказа, которымъ я вамъ давно должна, и теперь я согласна, я готова исполнить эту обязанность... Если вы встанете, сядете подлѣ меня, успокоитесь, и не будете ни такъ трепетать какъ теперь, ни смотрѣть безпрестанно

въ ту сторону, гдѣ будуаръ, потому-что когда я говорю, то люблю, чтобъ меня слушали... Притомъ Низиды тамъ нѣтъ. Этотъ будуаръ примыкаетъ къ ея комнатамъ, и она сейчасъ пошла наверхъ.»

Тогда Жоржъ обѣщался быть внимательнымъ и покойнымъ, и графиня безъ всякихъ предисловій начала:

«Низида—другъ мой; мы возпитывались вмѣстѣ; я, будучи старѣе, вышла замужъ прежде: послѣ этого, родственники ея, не слушая меня, обвѣнчали ее съ старымъ герцогомъ***, который былъ ирландскаго произхожденія, перъ Англіи и Франціи, другъ и любимецъ короля Карла X. Все было прекрасно въ этомъ бракѣ, кромѣ самого мужа. Онъ только имѣлъ двоюроднаго брата, единственнаго родственника и единственнаго наслѣдника; это майоръ Голлидей, который бѣсился, что у него похитили такое прекрасное наслѣдство, но утѣшался мыслію, что его знаменитый родственникъ перешелъ почти за семьдесять, слѣдовательно, нечего было опасаться наслѣдника непосредственнаго, а развѣ по какому-нибудь особенному несчастію, и это несчастіе онъ рѣшился предупредить, какъ только могъ. Онъ не оставлялъ ни на минуту свою молодую кузину, наблюдалъ за ней постоянно и внимательно, что приписали его любви или ревности, междутѣмъ, какъ это было просто для выгодъ. Въ театрѣ, на балу, на вечерѣ, малѣйшій признакъ обожателя или просто вниманія бросалъ его то въ жаръ, то въ холодъ: онъ употреблялъ все, чтобъ удалить этихъ поклонниковъ, и герцогъ, не зная того, имѣлъ въ немъ, въ одно и то же время, и страшнаго обожателя и неподкупнаго евнуха.

«Бѣдный майоръ принималъ однакожъ напрасно предосторожности. Умная и добродѣтельная по религіи и по чувствамъ, Низида сама понимала очень-хорошо свой долгъ и собственное достоинство. И вотъ несчастный и недовѣрчивый майоръ начиналъ уже успокоиваться на-счетъ своего наслѣдства, которое съ каждымъ днемъ казалось ему доступнѣе, да и не могло бы ему не достаться, какъ вдругъ неожиданная новость, прошла по Сен-Жермену: старый герцогъ * * * на 1831-й, второй годъ своего брака, будетъ имѣть наслѣдника. Судьба не хотѣла допустить прекращеніе знатнаго рода, и въ-самомъ-дѣлѣ Низида родила вскорѣ мальчика... Старый герцогъ чуть не умеръ отъ радости, а майоръ слегъ въ постель; онъ занемогъ не на шутку и едва не отправился къ своему умершему наслѣдству.

«Вотъ каковы были послѣдствія этого великаго событія.»

И графиня смотрѣла на Жоржа, удвоившаго свое вниманіе.

Она продолжала:

«Помните ли вы тотъ мѣсяцъ 1830 года и блистательное общество, приглашенное мной въ замокъ Орзей. Тутъ было множество хорошенькихъ дамъ, и между ими г. Жоржъ! Но Низида, которую я также звала, не могла пріѣхать. Она осталась въ Сен-Клу при дворѣ, гдѣ готовились тогда важныя событія; мужъ ея, одинъ изъ совѣтниковъ, одинъ изъ наперсниковъ короля, не могъ его оставить въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ; мы же въ это время, вовсе не думая о бурѣ, шумѣвшей вдали, плясали и играли въ моихъ залахъ. Вдругъ мнѣ таинственно сказали на-ухо, что кто-то хочетъ со мной говорить; я вышла, и встрѣтила въ одной изъ отдаленныхъ комнатъ Низиду, которая пришла пѣшкомъ, переодѣтая. Я ахнула отъ удивленія... «Молчи» сказала она мнѣ, и поспѣшно разсказала, какимъ-образомъ въ три дня обрушились и тронъ и монархія. Герцогъ упалъ духомъ; и сильнѣе его не устоялъ бы! Онъ былъ увѣренъ, что возобновятся ужасы революціи, что жизнь его будетъ оцѣнена, владѣнія конфискованы; что его, какъ любимца короля, преслѣдуютъ убійцы, и въ подобныхъ ожиданіяхъ спѣшилъ какъ-можно-скорѣе достигнуть границы и снова удалиться изъ отечества... Но кому ввѣриться, какъ сдѣлать, чтобъ ихъ не узнали? И вотъ молодая жена его, которая одна сохранила хладнокровіе и бодрость, собрала золото и билеты, зашила ихъ въ платье, и, не спрашивая ничьихъ совѣтовъ, нарядила мужа въ кучерское платье, сама надѣла худую шаль и выѣхала изъ Сен-Клу въ простой наемной каретѣ въ окрестности Версаля; тутъ она оставила мужа у моей кормилицы, предоброй женщины, которую она знала прежде, а сама по проселочнымъ дорогамъ пришла пѣшкомъ ко мнѣ въ замокъ, чтобъ только сказать «Спаси моего мужа и помоги вывесть его изъ Франціи!» По ея словамъ, нельзя было терять времени, а главное, нужно было скрыть отъ всѣхъ, что я дала убѣжище угнетеннымъ; это было не легко сдѣлать при собраніи двадцати дамъ и многочисленной толпѣ лакеевъ. Прежде всего я удалила Розу, мою горничную, комната которой примыкала къ моей, и потому она могла бы насъ подслушать; а между-тѣмъ кабріолетъ, въ которомъ она отправилась въ Версаль, долженъ былъ на обратномъ пути взять герцога и привести его въ Орзей, не возбуждая ни малѣйшаго подозрѣнія. Въ одиннадцать часовъ онъ пріѣхалъ, и мы всѣ собрались въ моей

комнатѣ, совѣтуясь о мѣрахъ, которыя должно будетъ принять; но онѣ ни къ чему не послужили въ этомъ происшествіи, ибо, узнавъ на другой день, что въ шести миляхъ отъ насъ все приводится въ порядокъ, герцогъ съ женой возвратились въ Парижъ, въ свой домъ, и съ того времени успокоились совершенно.

Но тогда мы еще этого не знали и, ожидая несчастія, приготовляли вмѣстѣ костюмы нашимъ героямъ и ихъ побѣгъ за границу. Было близко полночи; измученная происшествіями и усталостью, бѣдная Низида едва стояла на ногахъ и я отвела ее въ комнату Розы, отведенную возлѣ моей для нея и для герцога, и между-тѣмъ, какъ онъ въ сосѣдней комнатѣ оканчивалъ со мной приготовленія, Низида уснула, и...

Жоржъ болѣе ничего не слушалъ: онъ видѣлъ, что дверь будуара отворяется, и всѣ его мысли, вся душа его стремилась туда...

Низида показалась еще милѣе, еще трогательнѣе, нежели когда-нибудь, съ потупленными внизъ глазами. Жоржъ бросился къ ногамъ Низиды, схватилъ ея руку обливая слёзами, и могъ только произнести: «Простите! Простите!!...»

Низида снова опустила взоры, и не отвѣчала ни слова...

Спустя нѣсколько дней, другъ мой Жоржъ имѣлъ огромное состояніе, прекрасный зâмокъ и милую жену.

---

* * *

1-е января.

Какъ часто, пестрою толпою окруженъ,
Когда передо мной, какъ-будто-бы сквозь сонъ,
При шумѣ музыки и пляски,
При дикомъ шопотѣ затверженныхъ рѣчей,
Мелькаютъ образы бездушные людей,
Приличьемъ стянутыя маски,
Когда касаются холодныхъ рукъ моихъ,
Съ небрежной, смѣлостью красавицъ городскихъ
Давно безтрепетныя руки, —
Наружно погружась въ ихъ блескъ и суету
Ласкаю я въ душѣ старинную мечту,
Погибшихъ лѣтъ святые звуки.
И если какъ-нибудь на мигъ удастся мнѣ
Забыться, — памятью къ недавней старинѣ
Лечу я вольной, вольной птицей;
И вижу я себя ребенкомъ; и кругомъ
Родныя все мѣста: высокій барскій домъ
И садъ съ разрушенной теплицей.
Зеленой сѣтью травъ подернутъ спящій прудъ,
А за прудомъ село дымится -- и встаютъ
Вдали туманы надъ полями.
Въ аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядитъ вечерній лучъ, — и желтые листы
Шумятъ подъ робкими шагами;
И странная тоска тѣснитъ ужь грудь мою:
Я думаю объ ней, я плачу и люблю,
Люблю мечты моей созданье
Съ глазами, полными лазурнаго огня,
Съ улыбкой розовой, какъ молодаго дня
За рощей первое сіянье.
Такъ, царства дивнаго всесильный господинъ,
Я долгіе часы просиживалъ одинъ,
И память ихъ жива понынѣ
Подъ бурей тягостныхъ сомнѣній и страстей,
Какъ свѣжій островокъ безвредно средь морей
Цвѣтетъ на влажной ихъ пустынѣ.
Когда жь, опомнившись, обманъ я узнаю,
И шумъ толпы людской спугнетъ мечту мою,
На праздникъ незванную гостью,
О, какъ мнѣ хочется смутить веселость ихъ,
И дерзко бросить имъ въ глаза желѣзный стихъ,
Облитый горечью и злостью...

М. ЛЕРМОНТОВЪ.

IV.

ДОМОВОДСТВО, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫШЛЕНОСТЬ ВООБЩЕ.

О ТОРГѢ ХЛѢБОМЪ ВО ВНУТРЕННИХЪ ГУБЕРНІЯХЪ РОССІИ.

Торговля хлѣбомъ составляетъ предметъ особенной важности въ нашемъ отечествѣ, во-первыхъ, по обширности своей и потому-что хлѣбопашество само-по-себѣ есть главнѣйшая отрасль нашей промышлености, занимающая наибольшее число рукъ; во-вторыхъ, потому-что на огромномъ пространствѣ черноземныхъ земель, покрытыхъ исключительно земледѣльцами и производящихъ несмѣтное количество хлѣба, въ движеніи хлѣбнаго торга представляется у насъ столько разнообразія и неопредѣлительности, что мы, владѣльцы, при всемъ стремленіи къ усовершенствованію нашего промысла, не можемъ однакожь достигнуть до того, чтобъ сбытъ нашихъ произведеній основанъ былъ на разсчетахъ болѣе положительныхъ.—По симъ причинамъ этотъ предметъ заслуживаетъ у насъ тщательнаго вниманія и разъисканій; совокупныя наблюденія разныхъ лицъ въ разныхъ частяхъ Россіи могли бы принести въ семъ случаѣ существенную пользу для сословія

земледѣльцевъ, открывъ неудобства, стѣсняющія у насъ торгъ хлѣбомъ, и указавъ средства къ изправленію этихъ неудобствъ.

Самый ощутительный недостатокъ въ торговлѣ хлѣбомъ въ нашихъ внутреннихъ черноземныхъ губерніяхъ состоитъ въ упадкѣ цѣнъ на хлѣбъ, постепенно понижавшихся въ послѣдніе 20 лѣтъ, и въ чрезмѣрномъ и часто внезапномъ измѣненіи сихъ цѣнъ. Этотъ недостатокъ болѣе всего тяготитъ нашихъ *крестьянъ* и вообще *земледѣльцевъ-поселянъ*, а потому въ изложеніи настоящаго предмета, обращаясь преимущественно къ сему многочисленному и полезному сословію, я объясню прежде всего, въ какомъ отношеніи нынѣшнее положеніе цѣнъ имѣетъ вредное вліяніе на благосостояніе этого сословія.

Во-первыхъ, цѣны на хлѣбъ, особенно на рожь, главный продажный продуктъ поселянъ нѣкоторыхъ хлѣбородныхъ губерній, во время хорошаго урожая, понижаются до такой степени, что если сдѣлать учетъ, въ извѣстной мѣстности, во чтò обходится крестьянину четверть ржи, т. е. изчислить проценты на капиталъ, заключающійся въ землѣ, проценты на капиталъ, заключающійся въ рабочемъ скотѣ и орудіяхъ, и сумму на ремонтъ оныхъ, и оцѣнить хотя дешевою цѣною трудъ земледѣльца, предполагая, что онъ не можетъ пропадать даромъ, то изъ разсчета окажется, что отъ дешевой платы за хлѣбъ не только не очищается крестьянину чистой прибыли, но даже не окупаются всѣ издержки на добываніе хлѣба, и слѣдственно производство хлѣба крестьянину въ убытокъ. Такъ, напримѣръ, не далѣе какъ въ 1836 г., на многихъ базарахъ четверть ржи продавалась по 2 руб. на монету; а при самыхъ скудныхъ оцѣнкахъ, въ какой бы то ни было мѣстности, четверть ржи обходится самому крестьянину не менѣе 3 р. При такихъ обстоятельствахъ нисколько неудивительно, что земледѣлецъ не заботится объ улучшеніи своего хозяйства: безвыгодность промысла отнимаетъ у него охоту и средства ко всякому улучшенію; онъ упадаетъ духомъ и непримѣтно приходитъ въ разстройство. Вотъ первое слѣдствіе пониженія цѣнъ на хлѣбъ.

Второе слѣдствіе еще пагубнѣе; и странно можетъ показаться, когда я скажу, что отъ низкихъ цѣнъ на хлѣбъ земледѣлецъ терпитъ часто недостатокъ въ продовольствіи. Объяснить это вопро-

чемъ очень-легко. Поселянинъ (*) хлѣбородной губерніи, кромѣ хлѣбопашества, не имѣетъ никакого другаго промысла: когда приходитъ время уплаты оброка господину или взноса податей и наступаетъ надобность купить ему соли, одежду, справить сбрую и т. д., онъ везетъ на базаръ весь свой хлѣбъ, какой у него есть сверхъ пропорціи, потребной на продовольствіе семейства и скота до слѣдующаго урожая. Дешевыя цѣны на хлѣбъ заставляютъ его выпродать все количество; ибо отъ продажи всего своего хлѣба онъ выручаетъ сумму, едва достаточную для удовлетворенія поименованныхъ своихъ нуждъ. Крайность въ этомъ случаѣ не позволяетъ ему думать о запасѣ и о томъ, что̀ будетъ съ его семьею на слѣдующій годъ. Приближается наконецъ уборка хлѣба; запасъ его изтощенъ, и онъ принимается тотчасъ же за новый хлѣбъ. Счастіе его, если новый урожай посредственный: въ такомъ случаѣ онъ сытъ еще на годъ, хотя, можетъ-быть, при низкихъ цѣнахъ, онъ и не выручитъ денегъ достаточно для удовлетворенія всѣхъ своихъ потребностей. Но если, паче чаянія, новый урожай вовсе скуденъ, —какъ случается часто между поселянами,— тогда онъ тотчасъ же лишенъ всѣхъ средствъ къ пропитанію: у него хлѣбъ весь проданъ, и нѣтъ собственнаго запаса для продовольствія на второй годъ; вновь ничего не родилось, ему нечего продать, и отъ недостатка въ деньгахъ, для удовлетворенія своихъ нуждъ, онъ входитъ въ долги и недоимки. Если же неурожай, какъ бываетъ нерѣдко, общій въ двухъ, трехъ губерніяхъ, тогда и другимъ продать нѐчего; на рынки везутъ хлѣба мало, и цѣны отъ-того вдругъ значительно возвышаются; такъ на-прим. въ (семъ) 1839 году, передъ весною рожь продавалась, во многихъ мѣстахъ, по 5 руб. четверть и дешевле, къ осени на тѣхъ же самыхъ базарахъ цѣна возвысилась до 18 р.—При такомъ непомѣрномъ измѣненіи цѣнъ, крестьянинъ, за пять мѣсяцевъ предъ тѣмъ незнавшій ка̀къ сбыть свой хлѣбъ, и отдавшій его за безцѣнокъ, чрезъ короткое время, для собственнаго пропитанія, долженъ платить за него въ-четверо. Зажиточный хозяинъ можетъ это перенесть; но незажиточному, какихъ большая часть, купить хлѣба нѐ на что; онъ продаетъ часть скота для продовольствованія себя, либо употребляетъ въ

(*) Подъ именемъ «поселянина» здѣсь разумѣются помѣщичьи оброчные крестьяне, какъ помѣщичьи оброчные и состоящіе на господской запашкѣ, такъ разныхъ вѣдомствъ.

пищу мякину и жолуди, и въ какомъ же краѣ? въ Россіи, покрытой тучнѣйшими полями...

Таково положеніе земледѣльца хлѣбородной губерніи въ неурожайное время; въ такомъ видѣ хлѣбный торгъ въ мѣстахъ, удаленныхъ отъ пристаней, отъ пунктовъ, гдѣ торговцы скопляютъ свои хлѣбные запасы, и вообще въ полосѣ, гдѣ кромѣ гужеваго подвоза и зимняго пути, — иногда самаго затруднительнаго, какъ на-примѣръ въ прошлую зиму, —нѣтъ другаго сообщенія.

Изъ этихъ обстоятельствъ ясно видно тягостное положеніе земледѣльцевъ, въ-особенности незажиточныхъ, отъ непомѣрнаго пониженія цѣнъ на хлѣбъ. Будучи самъ очевидцемъ сихъ неудобствъ, я позволилъ себѣ изложить мнѣніе свое о семъ предметѣ, и присовокупить нѣсколько замѣчаній касательно средствъ къ исправленію этихъ недостатковъ, средствъ, которыя предложены были въ періодическихъ изданіяхъ опытными и свѣдущими лицами.

Для изслѣдованія способовъ, могущихъ служить къ отвращенію несоразмѣрности и непостоянства въ цѣнахъ на хлѣбъ въ нѣкоторыхъ внутреннихъ губерніяхъ, нужно ознакомиться предварительно съ причинами, произведшими у насъ общее пониженіе цѣнъ на хлѣбъ въ-теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ. И, чтобъ скорѣе приблизиться къ главному предмету статьи, я ограничусь въ изложеніи сихъ причинъ возможною краткостію, заимствуя нѣкоторыя мѣста изъ напечатаннаго въ 1829 году Академіею Наукъ любопытнаго сочиненія, подъ заглавіемъ: «О пониженіи цѣнъ на земледѣльческія произведенія въ Россіи», которое было написано для разрѣшенія задачи, предложенной академіею, и содержитъ въ себѣ, между-прочимъ, мнѣніе о причинахъ, произведшихъ пониженіе цѣнъ на хлѣбъ, одобренное покойными академиками Шторхомъ и Германомъ.

Ходячая цѣна земледѣльческихъ произведеній Россіи, съ половины XVII-го столѣтія постоянно возвышалась, о чемъ можно судить между прочимъ изъ указовъ о мѣрахъ къ отвращенію возроставшей дороговизны хлѣба, изданныхъ въ разныя времена въ-теченіи 150 лѣтъ, какъ на-пр. изъ указа Царя Алексія Михаиловича 1660 г., манифеста Императрицы Екатерины II 1787 г., и указа Императора Павла Петровича 1797 г. Это возвышеніе примѣтно оканчивает-

ся 1819 годомъ, и около 1820 года, какъ видно изъ свѣдѣній, собранныхъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, изъ таблицъ о цѣнахъ съ 1810 по 1827 годъ, и изъ свѣдѣній, находящихся въ Департаментѣ Внѣшней Торговли, цѣны начали понижаться во всѣхъ портахъ, гдѣ отпускался хлѣбъ за границу, и во всѣхъ мѣстахъ, которыя продовольствуются не мѣстнымъ произведеніемъ, но хлѣбомъ, привозимымъ изъ другихъ губерній, и гдѣ ходячая цѣна земледѣльческихъ произведеній — сложная изъ урожаевъ нѣсколькихъ губерній, какъ на-пр. въ Санктпетербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Воронежѣ и проч. Временное и мѣстное возвышеніе цѣнъ съ 1820 по 1823 годъ въ губерніяхъ Черниговской, Московской, Витебской и частію Псковской и Калужской, происходило отъ бывшихъ тамъ неурожаевъ, побудившихъ правительство выслать туда значительныя суммы денегъ на покупку продовольствія для крестьянъ: почему сіи причины, какъ случайныя, не относятся къ общему пониженію цѣнъ, равно и высокія цѣны въ Москвѣ на рожь въ 1821 году должно приписать неурожаю, бывшему въ Калужской Губерніи.

Около 1820 г., съ прекращеніемъ военныхъ дѣйствій и съ возстановленіемъ равновѣсія, нарушеннаго бывшимъ въ 1817 году въ Южной Европѣ неурожаемъ, по причинѣ коего изъ Россіи вывезено было хлѣба на 143,200,000 р., цѣны примѣтно начали понижаться; этому, кромѣ уменьшенія внѣшняго запроса, упавшаго въ 1824 году до 12 мил. руб., способствовала въ черноморской торговлѣ греческая война. Изъ сравненія цѣнъ въ россійскихъ торговыхъ мѣстахъ съ торговыми мѣстами иностранными видно, что русскій хлѣбъ можетъ весьма-выгодно соперничать на иностранныхъ рынкахъ съ привознымъ и туземнымъ хлѣбомъ, такъ-что Россія могла бы снабжать нѣкоторыя мѣста за половинную противъ настоящей цѣну; но торговое законодательство тѣхъ государствъ не допускаетъ свободной торговли, и напротивъ правительственныя мѣры ихъ къ поощренію собственнаго хлѣбопашества и къ возпрещенію иностраннаго привоза въ послѣдніе 20 лѣтъ усилены. Въ одномъ изъ листовъ «Коммерческой Газеты» 1827 г. сказано: «Не стало уже многихъ иностранныхъ рынковъ для продажи нашего хлѣба, въ томъ числѣ двухъ первенствующихъ — Англіи и Франціи, изъ которыхъ первая въ-теченіи послѣднихъ 10 лѣтъ пожертвовала до 2000 мил. ф. ст. на поощреніе своего хлѣбопашества, затрудняя привозъ ино-

страннаго хлѣба; а вторая съ 1820 по 1824 годъ вывозитъ уже болѣе своего хлѣба и муки, нежели получаетъ изъ-за границы, а въ 1823 г. вовсе привоза не было».

Вмѣстѣ съ уменьшеніемъ требованія на русскій хлѣбъ за границу, уменьшился и отпускъ отъ насъ хлѣбнаго вина, который простирался въ 1814 году на 3,491,496 р. а 1825 г. только на 106,087 р.

Законъ Англіи, возпрещающій свободный ввозъ иностраннаго хлѣба, основанъ на видахъ англійскаго дворянства, выгоды коего тѣсно соединены съ запретительною системою. Дворянство, исключительно владѣющее землею въ Англіи, имѣетъ сильное вліяніе на законодательство; получая большія выгоды отъ увеличенія платы своихъ арендаторовъ, возрастающей съ возвышеніемъ цѣнъ на производимый внутри королевства хлѣбъ, оно отвергаетъ просьбы народа и предложенія министерства о разрѣшеніи привоза хлѣба даже съ весьма высокою пошлиною и соглашается лучше помогать голоднымъ своимъ работникамъ изъ таксы для бѣдныхъ, переселять ихъ въ колоніи, или, какъ сказалъ Шатобріанъ въ Палатѣ Перовъ Франціи въ 1827 г., «вооруженною рукою заставлять молчать мильйоны несчастныхъ своихъ согражданъ, и не хочетъ ограничить выгоды владѣльцевъ земли. Изъ сего слѣдуетъ, что Англія будетъ открывать свои порты для иностраннаго, въ томъ числѣ и русскаго, хлѣба, въ случаѣ крайней необходимости; и въ подобныхъ обстоятельствахъ ввозъ будетъ допущенъ только въ незначительномъ, относительно торгующихъ націй, количествѣ.

Во Франціи хлѣбъ дороже, нежели въ Россіи; но, какъ видно изъ преній, бывшихъ въ Палатѣ Депутатовъ въ 1826 году, по случаю перемѣны тарифа, и рѣчи графа де Сен-Крика, Франція будетъ также ободрять произведеніе своего дорогаго хлѣба и не допуститъ безъ крайности иноземнаго.

Другія государства Европы неменѣе заботятся, съ нѣкотораго времени, объ обезпеченіи своего продовольствія посредствомъ производства собственнаго хлѣба, и для сего приняли мѣры къ поощренію земледѣльцевъ и къ распространенію между ими полезныхъ свѣдѣній объ улучшеніи земледѣлія. Въ 72 No «Коммерческой Газеты» 1827 г., сообщено было слѣдующее: «Съ 1800 по 1819 г., въ числѣ потребленнаго въ Лиссабонѣ хлѣба не было четвертой ча-

сти собственнаго, ибо ежегодно привозилось иностраннаго 90,000, а собственнаго только 20,000 мойо. Въ 1820 г., а еще болѣе въ 1824 г., привозъ ограничился; въ 1825 г. иностраннаго хлѣба нисколько не привезено, а въ 1828 г. только 8,000 мойо; за-то хлѣбъ сталъ втрое дороже и много виноградниковъ онымъ засѣяли.»

Особенно въ Сѣверной Германіи со временъ покойнаго Тэера, разлившаго свѣтъ науки между сельскими хозяевами, мѣста, дотолѣ невоздѣлываемыя, песчаныя и неплодородныя, начали покрываться нивами и тучными искусственными пастбищами; и изъ сѣверныхъ германскихъ портовъ отпускъ хлѣба началъ возростать.

По всѣмъ симъ соображеніямъ должно заключить, что возстановленія большаго требованія русскаго хлѣба въ другія государства и возвращенія чрезъ то высокихъ цѣнъ на хлѣбъ намъ нельзя ожидать; что, если можетъ быть требованіе хлѣба за границу, то не иначе, какъ временное, зависящее отъ случайныхъ обстоятельствъ. А потому къ изправленію упадка въ цѣнахъ на нашъ хлѣбъ, должно бы было искать возможности увеличить внутреннее требованіе и разпространить внутреннее потребленіе земледѣльческихъ произведеній, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ въ центрѣ государства лежащихъ, произведенія не могутъ имѣть сбыта въ иностранныя земли, по отдаленности тѣхъ мѣстъ отъ морскихъ береговъ и весьма-затруднительной перевозки.

Недостаточное число внутреннихъ потребителей составляетъ другую причину упадка цѣнъ на хлѣбъ. Переходъ большаго числа лицъ изъ состоянія земледѣльцевъ въ состояніе ремесленниковъ и торговцовъ могъ бы усилить народонаселеніе городовъ и, чрезъ умноженіе средняго состоянія увеличить требованіе на земледѣльческія произведенія. Но города въ Россіи находятся почти въ неподвижномъ состояніи, въ-сравненіи съ значительнымъ разпространеніемъ землепашества: число купцовъ и мѣщанъ и количество купеческихъ капиталовъ возрастаетъ очень-медленно. Хотя Министерство Финансовъ старается о разпространеніи мануфактурной промышлености, и отпускъ сырыхъ и обдѣланныхъ произведеній, къ рукодѣлію и фабрикамъ принадлежащихъ, съ 1812 года по 1828 годъ возрось въ прогрессіи отъ 77 милл. до 183 милл.; и хотя устранены многія препятствія и обряды, и вообще облегченъ пере-

ходъ изъ состоянія крестьянъ въ мѣщанство и купечество, а купцовъ и мѣщанъ изъ одной губерніи въ другую; уменьшена цѣна за паспорты крестьянамъ, и сославлялись соображенія объ улучшеніи городовъ, — но всѣ сіи мѣры будутъ имѣть медленное вліяніе, ибо относятся только къ ⅓ земледѣльческаго сословія; изъ остальнихъ ⅔ бо́льшая часть, принадлежа къ помѣщичьимъ имѣніямъ, останется постоянно при своихъ занятіяхъ, и въ умноженіи средняго состоянія участвовать не можетъ. Посему очевидно, что ощутительное увеличеніе внутренняго требованія на хлѣбъ, чрезъ умноженіе внутреннихъ потребителей, будетъ зависѣть отъ времени и обстоятельствъ.

Впрочемъ, при этомъ надо еще замѣтить, что хотя одна изъ причинъ низкихъ цѣнъ на хлѣбъ дѣйствительно заключается въ недостаткѣ внутреннихъ потребителей, и мысль объ изправленіи сего недостатка умноженіемъ средняго состоянія основана на точныхъ правилахъ политической экономіи, но изъ примѣненія этой теоріи къ настоящему положенію нашего отечества открываются обстоятельства, доказывающія, что если осуществить сію мысль на дѣлѣ невозможно, то во всякомъ случаѣ умноженіе внутреннихъ потребителей не составляетъ для насъ совершенной необходимости —во-первыхъ, потому-что переходомъ части земледѣльцевъ въ фабричное или торговое состояніе, отнимаются руки отъ земледѣлія и тѣмъ уменьшается количество производимаго ежегодно хлѣба; а уменьшеніе количества хлѣба внутри Россіи, куда не только изъ другихъ государствъ, но и изъ другихъ частей Россіи скорая доставка хлѣба, при неурожаѣ, невозможна, ослабило бы средства къ обезпеченію продовольствія; — во-вторыхъ, умноженіе числа потребителей наиболѣе полезно тамъ, гдѣ есть излишество хлѣба; но у насъ, при всей дешевизнѣ, излишка въ хлѣбѣ нѣтъ. По этому поводу, въ опроверженіе ложной мысли о мнимомъ излишествѣ производимаго въ Россіи хлѣба, хотя можно бы по важности предмета привести цѣлое разсужденіе, но мы ограничимся здѣсь однимъ фактомъ. Въ 1827, 1828, 1829 и 1831 годахъ урожай хлѣба во многихъ мѣстахъ былъ столь изобиленъ, что цѣна на рожь въ первые три года состояла по 3 руб. на монету за четверть, а въ 1831 г. по 5 р. Черезъ годъ потомъ, въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, при всемъ тамъ бывшемъ изобиліи, цѣна на рожь была 25 р. четверть, и мы видѣли всѣ бѣдствія голода. Земледѣльцы нуждались въ пропитаніи, за годъ передъ тѣмъ продавъ свою рожь

за безцѣнокъ; и слѣдственно явно, что они отдавали ее по низкой цѣнѣ не отъ чрезмѣрнаго избытка въ хлѣбѣ, но отъ-того, что крайность въ удовлетвореніи своихъ нуждъ заставляла ихъ выпродать весь запасъ за что̀ бы то ни было. События 1833 года останутся для насъ незабвеннымъ урокомъ: мы удостовѣрились, что, не взирая на безвыгодное производство ржи, овса и гречи, — которые намъ въ убытокъ, по дешевизнѣ ихъ,— намъ никакъ нельзя позволить себѣ уменьшить посѣвъ сихъ необходимыхъ для продовольствія хлѣбовъ; ибо излишества въ хлѣбѣ, какъ опытъ доказалъ, у насъ нѣтъ. Гдѣ земледѣльцы плодороднѣйшихъ мѣстъ, при худомъ урожаѣ одного года, употребляютъ въ пищу мякину и желуди, а при двухлѣтнемъ сряду неурожаѣ терпятъ бѣдствія голода, тамъ утвердительно должно сказать, безъ дальнѣйшихъ поясненій, что излишества въ хлѣбѣ никогда не было и не можетъ быть.

—

Итакъ изъ вышесказаннаго явствуетъ, что, кромѣ возстановленія всеобщаго мира, которое и прежде оказало бы свое дѣйствіе, еслибъ не препятствовали тому бывшіе въ 1817 году въ Южной Европѣ неурожаи, главныя причины, произведшія у насъ пониженіе цѣнъ на земледѣльческія произведенія съ 1820 года, суть уменьшеніе запроса оныхъ изъ чужихъ краевъ и недостатокъ въ движеніи внутренней торговли отъ малаго числа внутреннихъ потребителей.

Къ уничтоженію всякаго зла полагается начало уничтоженіемъ причинъ его. Слѣдственно и изправленіе описанныхъ неудобствъ нужно было бы начать устраненіемъ причинъ пониженія цѣнъ на хлѣбъ чрезъ умноженіе отпуска его за границу и увеличеніе внутренняго потребленія. Вмѣстѣ съ объясненіемъ этихъ причинъ, выше сего объяснено также, что ни та, ни другая изъ нихъ не можетъ быть устранена безъ измѣненія настоящихъ обстоятельствъ. Но измѣненіе законодательства другихъ государствъ и умноженіе внутренняго требованія на земледѣльческія произведенія суть перемѣны, отъ насъ независящія; слѣдственно, и устраненіе означенныхъ причинъ не относится ни къ способамъ правительства, ни къ способамъ частныхъ лицъ.

Удостовѣрившись такимъ - образомъ въ невозможности возстановить прежнія высокія цѣны на хлѣбъ и тѣмъ вполнѣ изправить

стѣсняющее насъ неудобство, чувствуя неменѣе того всю тягость его, мы должны стараться по-крайней-мѣрѣ облегчить это бремя, и изъискать средства къ отвращенію того пониженія цѣнъ, которое переходитъ всѣ предѣлы, когда плата за хлѣбъ упадаетъ до такой степени, что не вознаграждаетъ даже издержекъ земледѣльца на добываніе онаго и земледѣлецъ терпитъ явный и постоянный убытокъ, приводящій его въ разстройство. Должно, слѣдственно, изъискать способы къ поддержанію необходимой соразмѣрности въ цѣнахъ на хлѣбъ, въ мѣстахъ, удаленныхъ отъ пристаней, отъ всѣхъ тѣхъ пунктовъ, гдѣ бо́льшее требованіе на хлѣбъ по большему народонаселенію, и гдѣ нѣтъ удобства въ путяхъ сообщенія; и въ семъ случаѣ надо обратиться къ мнѣнію о семъ предметѣ опытнаго и свѣдущаго сельскаго хозяина, изложенному въ No 1 «Земледѣльческаго Журнала Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства» на 1837 годъ.

«Утвердительно можно сказать, что для пространствъ съ черноземною почвою (удаленныхъ отъ портовъ и пристаней) нужно не измѣненіе полеводства, не плодоперемѣнное хозяйство, не разнообразіе сѣвооборотовъ, несвойственное быту нашихъ поселянъ и ихъ пользованію землею, но *постоянство цѣнъ на хлѣбъ*, вознаграждающихъ ихъ нужды и оплачивающихъ ихъ повинности. Надобно, чтобы земледѣльцы, удѣляя избытки своего хлѣба другимъ, могли оставлять запасъ для себя на случай неурожая. Вотъ задача, которую слѣдуетъ разрѣшить и придумать средства обезпечить положеніе земледѣльцевъ. Земледѣліе въ Россіи не есть спекуляція нѣкоторыхъ лицъ, но промыселъ необходимый и непремѣнный десятковъ мильйоновъ гражданъ. Это производство должно быть правильное и основанное на положительныхъ данныхъ. Земледѣліе въ нашемъ отечествѣ есть колесо, приводящее въ движеніе всѣ прочія части многосложной государственной промышлености. Отъ постоянства и соразмѣрности цѣнъ на хлѣбъ зависятъ: бездоимочный сборъ податей, вѣрный разсчетъ въ продовольствіи войскъ, неразорительное для заводчиковъ винокуреніе и неубыточное для откупщиковъ содержаніе винныхъ откуповъ; наконецъ оживленіе фабрикъ и мануфактуръ.

«Устроеніе магазиновъ въ центральныхъ пунктахъ каждой губерніи, открытіе опредѣленныхъ цѣнъ на хлѣба, общеупотребительные въ посѣвѣ поселянами, и ссыпка этихъ хлѣбовъ по от-

крытымъ цѣнамъ, если кто пожелаетъ, могли бы способствовать утвержденію постоянныхъ цѣнъ на хлѣбъ, соотвѣтствующихъ цѣнности ихъ произведенія. Это распоряженіе, безъ-сомнѣнія доставитъ благодѣтельныя послѣдствія для народа и выгоды для казны.

«Помѣщики, просвѣщенные науками, благоразумные и бережливые, придумаютъ какъ-нибудь поправить затруднительное свое положеніе, происходящее отъ неопредѣлительности и перемѣнчивости своихъ доходовъ, получаемыхъ съ хлѣбопашественныхъ имѣній. Они, за недостаткомъ собственныхъ капиталовъ, предпріймутъ, на заемныя деньги, завесть въ своихъ помѣстьяхъ фабрики, мануфактуры и заводы, умножать и улучшать тонко-рунное овцеводство, усовершенствуютъ сортъ и породу лошадей, многіе, по неимѣнію средствъ, откажутъ даже себѣ въ издержкахъ, необходимыхъ въ ихъ званіи. Но что̀ касается до поселянъ, то, для этого многочисленнаго и полезнаго класса гражданъ, нужны не запутанныя и сложныя теоріи земледѣлія, но поддержка цѣнъ на главные ихъ продукты.»

Изъ этихъ предположеній объ учрежденіи въ нѣкоторыхъ пунктахъ магазиновъ, въ видѣ складочныхъ мѣстъ, для ссыпки по опредѣленной таксѣ хлѣба, во время пониженія цѣнъ на него ниже сей таксы, могъ бы возникнуть такой вопросъ: такъ-какъ для пріема хлѣба въ подобные магазины, назначится, безъ-сомнѣнія, цѣна такая, которая, будучи ни высокою, ни низкою, будетъ именно соотвѣтствовать издержкамъ, на добываніе въ тѣхъ мѣстахъ хлѣба употребляемымъ, и, слѣдственно, иные годы будетъ постоянно превышать цѣну, существующую на рынкахъ,—а между-тѣмъ можетъ случиться, что въ тѣхъ мѣстахъ отличный урожай будетъ нѣсколько лѣтъ сряду, на-пр. 3 года, и отъ-того три года цѣна на рынкахъ будетъ состоять ниже опредѣленной въ магазинахъ таксы: то какимъ-образомъ поступать въ такомъ случаѣ? Предполагаются ли магазины столь огромнаго объема, что они въ-состояніи будутъ принимать хлѣбъ три года сряду, для выпуска его потомъ въ продажу или на другое употребленіе въ тотъ годъ, когда цѣна возвысится; или если магазины устроятся не столь обширные, то предполагается ли на второй и на третій годъ прекращать пріемъ хлѣба? На это обстоятельство отвѣтъ заключается въ слѣдующемъ:

Во-первыхъ, изъ свѣдѣній и таблицъ о цѣнахъ на рожь въ хлѣбородныхъ губерніяхъ видно, что очень-рѣдко случается, чтобь три года сряду былъ необыкновенно-отличный урожай; на-пр., въ тѣхъ мѣстахъ, о коихъ собственно говоритъ сочинитель приведенной здѣсь статьи «Земледѣльческаго Журнала», въ-теченіе 25 лѣтъ, съ 1812 г.—по 1837 годъ, одинъ только разъ случилось, что три года сряду цѣна на рожь состояла въ торговыхъ городахъ 3 р. монетою; въ другіе же годы хотя и состояла ниже 4 р. 50 к., въ 3 и 4 р., но никогда два года сряду.

Во-вторыхъ, это обстоятельство совершенно удовлетворительно объясняется въ другой статьѣ того же автора, напечатанной въ № I «Земледѣльческаго Журнала» 1838 года.

«Постройки магазиновъ на разныхъ пунктахъ государства, жалованье чиновникамъ и прочіе разходы по этому производству потребуютъ не столь значительнаго денежнаго капитала; ибо для ссыпки хлѣба и присмотра за магазинами потребуются, безъ-сомнѣнія, люди честные и благонамѣренные, и для разпоряженія этимъ предпріятіемъ и производствомъ употребятся соображенія и безпрерывная бдительность. Надобно неусыпно наблюдать за ходомъ земледѣльческой промышлености и хлѣбной торговли на разныхъ пунктахъ Россіи; надобно предварительно опредѣлить цѣны ржи въ мѣстахъ учрежденія магазиновъ, принявъ за основаніе качество почвы, трудъ земледѣльца, количество сложнаго урожая и потребности. Я говорю объ одной ржи, потому-что достаточно будетъ поддержать цѣну этого хлѣба, какъ общеупотребительнаго и удобнаго въ сухомъ видѣ къ сохраненію въ магазинахъ многіе годы.

«Ежели цѣны на рожъ для ссыпки въ магазины опредѣлятся невысокія, но соразмѣрныя цѣнности этого произведенія, тогда поселяне, при хорошемъ урожаѣ, удовлетворивъ свои нужды чрезъ продажу извѣстнаго количества ржи, остальную за тѣмъ рожь не продадутъ, а оставятъ у себя въ запасѣ, во-первыхъ, потому-что поселяне вообще, не имѣя нужды въ деньгахъ, не разстанутся съ хлѣбомъ,—я знаю это на дѣлѣ: земледѣлецъ утѣшается, какъ украшеніемъ своей усадьбы, когда у него на гумнѣ стоятъ клади хлѣба. Въ 1833 году чрезвычайныя цѣны ржи, 24 рубля четверть, не соблазнили зажиточныхъ поселянъ разпродать всю свою запасную рожь.

«Цѣны ржи, назначенныя для ссыпки въ магазины, опредѣлятъ цѣну на торговыхъ площадяхъ. Ниже цѣны, опредѣленной для ссыпки въ магазины, рожь не будетъ продаваться. Потребность ржи, при этомъ распоряженіи, останется та же; слѣдовательно, посредствующія лица, то-есть, торговцы хлѣбомъ, не встрѣтятъ препятствія употребить свои капиталы для этой торговли. Они, мнѣ кажется, будутъ имѣть болѣе удобства въ своемъ предпріятіи, принимая въ разсчетъ постоянныя цѣны ржи, опредѣленныя разцѣнкою на различныхъ пунктахъ. Столицы, многолюдные города, войска, фабрики, винокуренные заводы останутся навсегда потребителями ржаной муки.

«Напрасно опасеніе, что при урожаѣ ржи сряду нѣсколько лѣтъ, магазины будутъ засыпаны хлѣбомъ. Событія десятковъ лѣтъ доказываютъ, что этого не можетъ случиться. Вѣроятнѣе, что магазины не будутъ наполнены хлѣбомъ; ибо рожь разойдется по всѣмъ мѣстамъ, куда она теперь требуется. Надобно всѣ предпріятія основывать на многолѣтней сложности событій. Общества страховыя отъ огня, града, кораблекрушеній, застрахованія жизни, не должны бы были существовать отъ опасенія, что пожаръ истребитъ всѣ домы, градъ опустошитъ всѣ нивы, бури сокрушатъ всѣ корабли, и смерть преждевременно похититъ всѣхъ людей, застраховавшихъ свою жизнь. Впрочемъ, ежели Богъ благословитъ Россію повсемѣстнымъ урожаемъ ржи нѣсколько лѣтъ сряду, въ такомъ случаѣ нѣтъ необходимости ссыпать рожь въ магазины, и можно будетъ пріостановиться. Многолѣтніе избытки ржи у поселянъ, будучи ими проданы, хотя и дешевле опредѣленной цѣны, увеличатъ выручку денегъ большимъ количествомъ проданной ржи.

«Казна никогда не понесетъ убытковъ отъ благодѣтельнаго учрежденія магазиновъ. Имѣя въ запасѣ сухую, хорошей доброты рожь, которая сохранится безвредно многіе годы, казна всегда можетъ продать ее изъ магазиновъ съ выгодою при возвышеніи цѣнъ на хлѣбъ.

«Если же магазины останутся пусты отъ-того, что цѣны на рожь на торговыхъ площадяхъ будутъ выше цѣны, опредѣленной для ссыпки въ магазины, которая должна назначаться по соображеніямъ, объясненнымъ мною выше, то тѣмъ еще лучше для земледѣльцевъ, и цѣль будетъ достигнута самымъ легкимъ образомъ и

безъ хлопотъ. Деньги, употребляемыя на постройку магазиновъ если они годъ или два не принесутъ процентовъ, и жалованье чиновникамъ, есть издержка маловажная въ-сравненіи тѣхъ выгодъ, которыя государство получитъ отъ народнаго благосостоянія. Денежные разходы на этотъ предметъ ничего не значатъ лишь бы только это производство шло благоразумно и добросовѣстно.»

По объясненіи перваго вопроса, а именно: на какомъ основаніи можетъ производиться пріемъ хлѣба въ предполагаемые вспомогательные запасные магазины, открывается другое еще обстоятельство, требующее поясненія: какое употребленіе должно сдѣлать изъ скопляемаго въ магазинахъ хлѣба? Въ вышеописанныхъ предположеніяхъ упомянуто, что можно продавать хлѣбъ изъ магазиновъ при возвышеніи цѣны. Дѣйствительно, разпродажа ссыпаннаго за дешевую плату хлѣба, во время возвышенія цѣнъ, можетъ быть произведена у насъ съ такою выгодою, что за всѣми разходами, капиталъ, на этотъ оборотъ употребленный, принесетъ хорошіе проценты. Такого рода предпріятіе, обѣщающее значительную прибыль, въ-особенности удобно для частныхъ лицъ и безопасно, потому-что неурожаи у насъ повторяются періодически довольно-часто, и самыя низкія цѣны на хлѣбъ не остаются почти никогда постоянно болѣе двухъ лѣтъ сряду, въ-продолженіе коихъ легко сохранить рожь въ магазинахъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что составленіе компаній для сихъ предпріятій съ большими капиталами изъ добровольныхъ складокъ или изъ акцій, могло бы принести существенную пользу государству и способствовать къ установленію нѣкотораго постоянства въ цѣнахъ на хлѣбъ. Чтò же касается до учрежденія вспомогательныхъ запасныхъ магазиновъ отъ казны, то для сбыта изъ нихъ хлѣба, представляются, кромѣ разпродажи, другіе, еще выгоднѣйшіе способы; и на-счетъ сего можно заимствовать нѣкоторыя предположенія изъ проекта объ учрежденіи подобнаго же рода магазиновъ, внесеннаго въ 1798 году въ бывшую при Правительствующемъ Сенатѣ Экспедицію Государственнаго Хозяйства.

Этотъ проектъ, составленный за 40 лѣтъ предъ симъ, и находящійся въ дѣлахъ Архива Экспедиціи Государственнаго Хозяйства, представляетъ весьма-занимательный фактъ въ подкрѣпленіе тѣхъ предположеній, кои предложены были въ «Земледѣльческомъ

Журналѣ», объ учрежденіи вспомогательныхъ запасныхъ магазиновъ.

Въ царствованіе Императора Павла Петровича, въ 1797 г. данъ былъ именной высочайшій указъ на имя генерал-прокурора, по поводу возраставшей въ то время дороговизны на необходимые для морскихъ и сухопутныхъ войскъ продукты, съ повелѣніемъ Экспедиціи Государственнаго Хозяйства озаботиться изъисканіемъ средствъ къ отвращенію таковой дороговизны. Вслѣдствіе сего указа экспедиція входила въ разсмотрѣніе представленныхъ ей предположеній о способахъ къ установленію соразмѣрности въ цѣнахъ на земледѣльческія произведенія; и изъ числа сихъ предположеній особенно заслуживаетъ вниманіе проектъ, внесенный въ нее въ 1798 г., о которомъ здѣсь упоминается.

Въ этомъ проектѣ; во-первыхъ, описано состояніе земледѣлія и торга хлѣбомъ въ то время во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, и причины тогдашней дороговизны на земледѣльческія произведенія; во-вторыхъ, касательно способовъ къ установленію умѣренныхъ цѣнъ на хлѣбъ сказано: дабы сохранить излишнія издержки употребляемыя на заготовленіе внутри и по границамъ государства провіанта по высокимъ цѣнамъ для продовольствія войскъ, и обуздать корыстолюбіе поставщиковъ хлѣба, возвышающихъ цѣны, полезно учредить особые магазины во всѣхъ нужныхъ пунктахъ и въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ удобнаго сообщенія для перевозки онаго. Принимая въ соображеніе постоянныя свѣдѣнія объ урожаѣ хлѣба въ разныхъ мѣстахъ и о цѣнахъ въ торговыхъ городахъ и на базарахъ, можно будетъ опредѣлить, гдѣ и въ какое время нужно произвести пріемъ хлѣба въ магазины; для пріема хлѣба предписывать мѣстному начальству, дабы объявляло земледѣльцамъ, чтобъ желающіе, вмѣсто наличныхъ денегъ, платили свою подать или часть ея взносомъ хлѣба, что они могутъ привозить хлѣбъ и ссыпать его въ магазины по справочнымъ цѣнамъ; ссыпка должна быть производима немедленно и вѣрною мѣрою или вѣсомъ; не должно быть никакихъ притѣсненій при выдачѣ квитанціи въ суммѣ, на какую получено отъ крестьянина хлѣба, которую онъ представляетъ потомъ своему сельскому начальству; при такомъ условіи нѣтъ никакого сомнѣнія, что всякій земледѣлецъ почтетъ величайшею

для себя выгодою, при неимѣніи денегъ, отдать подать свою хлѣбомъ.

Далѣе, на-счетъ употребленія, какое можно сдѣлать изъ скопляемаго въ магазинахъ хлѣба и пользы, отъ него произходящей, въ проектѣ изъяснено: Чрезъ пріемъ хлѣба въ удобное время и по недорогой цѣнѣ, во-первыхъ соберется онаго значительное количество въ приличныхъ пунктахъ для продовольствія войскъ, которое будетъ обезпечено вѣрными запасами, по умѣренной цѣнѣ; во-вторыхъ, слѣдствія случающихся часто всеобщихъ неурожаевъ не будутъ столь чувствительны, ибо откроется возможность, кромѣ продовольствія войскъ, для нуждающихся выпускать въ продажу хлѣбъ въ добавокъ къ запасамъ, имѣющимся въ сельскихъ хлѣбныхъ магазинахъ, коихъ въ иныхъ случаяхъ бываетъ недостаточно. Въ-третьихъ, казенная подать будетъ поступать изправно и симъ способомъ всѣ недоимки выплатятся безъ затрудненія.

Достойно вниманія, что за 40 лѣтъ предъ симъ причины противоположныя послужили поводомъ къ составленію однихъ и тѣхъ же предположеній. Въ 1798 году дороговизна хлѣба подала мысль объ учрежденіи складочныхъ магазиновъ, съ тою цѣлью, чтобъ во время непомѣрнаго возвышенія цѣнъ, выпускать изъ этихъ магазиновъ значительное количество хлѣба для продовольствія войскъ и разпродажи, и тѣмъ способствовать къ пониженію цѣнъ: въ 1837 году, напротивъ, постепенное пониженіе цѣнъ, обнаружившееся въ послѣдніе 20 лѣтъ и наконецъ совершенный упадокъ ихъ понудили къ составленію предположеній объ учрежденіи подобныхъ же магазиновъ, которые могли бы принимать въ себя хлѣбъ во время урожая при непомѣрномъ пониженіи цѣнъ. — Не менѣе того должно согласиться, что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ сіи предположенія основаны на вѣрномъ разсчетѣ; ибо какъ излишнее возвышеніе цѣнъ, такъ и упадокъ ихъ есть нарушеніе равновѣсія въ торгѣ хлѣбомъ, къ возстановленію коего въ обоихъ случаяхъ необходимо вспомогательное средство, могущее служить къ удержанію соразмѣрности въ цѣнахъ.

Изъ сравненія тѣхъ и другихъ предположеній явствуетъ, что проектъ, внесенный въ 1798 г. въ Экспедицію Государственнаго Хозяйства, можетъ служить дополненіемъ къ предположеніямъ, составленнымъ въ 1837 г., что описанные въ первомъ способы сбыта

хлѣба изъ складочныхъ магазиновъ могутъ быть примѣнены и къ тѣмъ магазинамъ, о коихъ упоминается въ «Земледѣльческомъ Журналѣ»; ибо какъ отпускъ хлѣба изъ магазиновъ для продовольствія войскъ, такъ продажа его при возвышеніи цѣнъ представляютъ однѣ лишь выгоды, и ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не предвидится никакихъ затрудненій ни для частныхъ лицъ, ни для обществъ, кои составили бы подобное предпріятіе, ни для магазиновъ, учрежденныхъ казною. Что же касается до предполагаемаго въ проектѣ 1798 года взноса хлѣба, въ-замѣнъ податей, то въ этомъ едва ли настоитъ надобность; при учрежденіи въ настоящее время складочныхъ магазиновъ, удобнѣе бы было, для наполненія ихъ, дозволить однимъ бѣднымъ земледѣльцамъ и неизправнымъ плательщикамъ ссыпать хлѣбъ въ уплату податей, дабы чрезъ то взъискать съ нихъ тѣ недоимки, коихъ они иначе не въ-состояніи заплатить.

Дальнѣйшія подробности, на какихъ основаніяхъ должны быть учреждены предлагаемые вспомогательные запасные магазины, не слѣдуетъ здѣсь описывать, потому-что эти подробности относятся къ уставу о обезпеченіи народнаго продовольствія, гдѣ между-прочимъ уже находятся правила городскихъ запасныхъ магазиновъ, изъ числа коихъ существующіе въ Архангельской и другихъ губерніяхъ учреждены на особомъ положеніи (Св. Зак. Томъ 13) съ денежными капиталами.

Объяснивъ такимъ-образомъ, по какой цѣнѣ и для какого употребленія долженъ приниматься хлѣбъ въ вспомогательные запасные магазины, замѣтимъ, что затѣмъ возникаетъ еще третій вопросъ можетъ ли дѣйствительно ссыпка хлѣба въ эти магазины во время дешевизны произвести измѣненіе въ цѣнахъ и способствовать къ ихъ возвышенію? Къ объясненію этого вопроса должны служить опыты прежнихъ лѣтъ; почему мы приведемъ на этотъ разъ одно разпоряженіе по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, учиненное именно съ тою цѣлію, чтобы способствовать возвышенію цѣнъ на хлѣбъ.

Въ 1836 г., по особымъ высочайшимъ повелѣніямъ, сдѣлано было отъ министра внутреннихъ дѣлъ разпоряженіе о покупкѣ хлѣба для наполненія запасныхъ магазиновъ, на-счетъ остаточныхъ суммъ продовольственнаго капитала, за отчисленіемъ по 1 р. 60 коп. на ревижскую душу, въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ такіе капиталы существовали по указу 1822 г. 15 апрѣля.

Полезныя следствія, произведенныя симъ разпоряженіемъ, видны изъ отчета министра внутреннихъ делъ за 1836 г., где объ этомъ предмете сказано:

«Мера сія, употребленная для скорейшаго пополненія хлебныхъ запасныхъ магазиновъ, и для доставленія помещикамъ и поселянамъ средствъ, при изобиліи прошлаго урожая и необыкновенномъ пониженіи ценъ на хлебъ, къ выгоднейшему сбыту своихъ сельскихъ произведеній, имела, сверхъ сего, целью то, чтобъ дать темъ новое движеніе торговле хлебомъ и возвысить цены, кои, не столько еще отъ настоящаго обилія въ хлебе, сколько отъ мненія объ излишестве онаго, упадали почти повсеместно до такой степени, что труды земледельцевъ и самыя издержки ихъ весьма-худо вознаграждались. Виды правительства оправдались успехомъ, ибо вскоре за темъ, цены хлеба значительно поднялись почти во всехъ губерніяхъ. Такимъ-образомъ, одна и главнейшая цель сделаннаго разпоряженія достигнута, и продолженіе закупки хлеба на все остаточныя суммы капиталовъ продовольствія оказалось ненужнымъ.»

Подобное действіе произведетъ, безъ-сомненія, пріемъ хлеба въ складочные магазины во время чрезмернаго пониженія ценъ на хлебъ; действія этого темъ вернее можно будетъ ожидать, что такса для ссыпки хлеба въ сіи магазины будетъ определенная, несколько превышающая въ торговыхъ местахъ низкія цены, и следственно необходимо должна будетъ иметь вліяніе и на установленіе торговыхъ ценъ. Благотворное вліяніе этой меры будетъ ощутительно не только для поселянъ, но и для насъ, владельцевъ, страждущихъ также отъ безвыгодности своихъ трудовъ во время пониженія ценъ на хлебъ. Поселянинъ, зная цену, по которой рожь принимается въ магазины и ниже которой не должна продаваться, неохотно повезетъ ее на базаръ, где притеснятъ его мелкіе торговцы и такъ называемые »кулаки»; если же онъ уже внесъ числящуюся на немъ недоимку хлебомъ въ магазинъ, то ему и вовсе можно переждать некоторое время, и онъ вовсе не повезетъ ржи на базаръ, пока продажа хлеба ему невыгодна; ибо какъ известно по опыту, безъ крайности крестьянинъ не спешитъ продавать свой хлебъ. Такимъ - образомъ на хлебныхъ рынкахъ не будетъ того огромнаго стеченія продавцовъ, какое обыкновенно скопляется съ приближеніемъ срока уплаты податей во время дешевизны хлеба; мы, владельцы, избавившись

отъ этихъ многочисленныхъ и опасныхъ совмѣстниковъ, отдающихъ свой хлѣбъ за безцѣнокъ, будемъ имѣть более въ своихъ рукахъ торгъ хлѣбомъ, будемъ стараться удерживать цѣны и съ своей стороны пріймемъ мѣры противъ происковъ мелкихъ торговцовъ, высасывающихъ произведенія у бѣднаго земледѣльца. Тогда сей послѣдній, имѣя въ виду положительныя цѣны и разсчетъ болѣе вѣрный, улучшитъ свое хозяйство, увеличитъ посѣвъ ржи, сего необходимѣйшаго у насъ продукта; казенныя оброчныя земли будутъ сниматься нами съ большею увѣренностію въ выгодной раздачѣ земли—въ наемъ, и вообще земледѣліе сдѣлается промышленостію, основанною на разсчетахъ положительныхъ. Эти-то очевидныя для насъ выгоды и неблагопріятныя обстоятельства нынѣшняго года понудили меня обратить вниманіе на предлагаемыя здѣсь средства къ установленію соразмѣрности въ цѣнахъ на хлѣбъ.

Оканчивая симъ, на этотъ разъ, изложеніе нѣкоторыхъ сужденій о торгѣ хлѣбомъ въ нашихъ внутреннихъ губерніяхъ, я считаю нелишнимъ, въ-заключеніе, поставить на видъ еще одну причину пониженія у насъ цѣны на хлѣбъ, упомянутую выше: она заключается въ самомъ ходѣ нашего торга хлѣбомъ и въ дѣйствіяхъ торговцовъ. Цѣна на хлѣбъ у насъ зависитъ часто отъ произвола мелкихъ скупщиковъ; эти торговцы, не имѣя значительныхъ капиталовъ и не дѣлая большихъ запасовъ, передаютъ хлѣбъ изъ рукъ въ руки, каждый въ свою очередь получаетъ барышъ, и, слѣдственно, первый необходимо долженъ былъ купить хлѣбъ по такой цѣнѣ, которая ниже всякой мѣры. Этого рода зло существуетъ нынѣ въ томъ же видѣ, какъ оно существовало прежде съ незапамятныхъ временъ; доказательствомъ тому служитъ достопримѣчательный указъ царя Алексія Михайловича, данный въ 1660-мъ году боярамъ, съ повелѣніемъ изъискать причины дороговизны хлѣба и способы къ отвращенію ея. Бояре совѣщались съ гостьми, гостиными и торговыхъ сотень свѣдущими людьми, и изъ сихъ совѣщаній открылись тогда всѣ злоупотребленія торговцовъ и перекупщиковъ хлѣба, и открылось, вмѣстѣ съ тѣмъ, что къ искорененію этого зла не предвидится никакихъ удобныхъ и дѣйствительныхъ мѣръ.

Тѣмъ болѣе въ-слѣдствіе этого мы должны обратить вниманіе на предлагаемое здѣсь средство къ отвращенію пониженія цѣны на хлѣбъ, могущее вмѣстѣ устранить вредное вліяніе торговцовъ

на установленіе цѣнъ на хлѣбныхъ рынкахъ; и до-тѣхъ-поръ, пока кто-либо не представитъ своихъ предположеній, заслуживающихъ предпочтеніе предъ вышеизложенными, нельзя отказаться отъ того мнѣнія, что заключающаяся въ No 1 «Земледѣльческаго Журнала» 1837 года мысль объ учрежденіи складочныхъ или вспомогательныхъ запасныхъ магазиновъ есть предположеніе, основанное на многолѣтнихъ наблюденіяхъ и опытности, которое на дѣлѣ можетъ способствовать къ поддержанію соразмѣрности въ цѣнахъ на хлѣбъ, почему я и не премину, изъ желанія общей и собственной своей пользы, собрать новые факты къ подтвержденію удобности сего учрежденія и благотворныхъ отъ того послѣдствій.

Н. П.

Москва.
1839 г.

V.

КРИТИКА.

ГОРЕ ОТЪ УМА. *Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ.* *Сочиненіе* А. С. Грибоѣдова. Второе изданіе. *С.-П.бургъ.* 1839.

> Какъ посравнить, да посмотрѣть
> Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій:
> Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!
>
> *Грибоѣдовъ.* «Горе отъ Ума».

Было время, когда теорія искусства представлялась съ математической точностію, такъ-что для постиженія искусства не нужно было имѣть отъ природы чувство изящнаго, а слѣдовательно и развивать его наукою и ученіемъ. Стоило присѣсть на часокъ, да прочесть любую піитику—и потомъ разсуждать объ искусствѣ вдоль и поперегъ. Въ этихъ піитикахъ основою была—идея искусства, какъ подражанія природѣ, съ приличными, впрочемъ, украшеніями, въ родѣ мушекъ, бѣлилъ и румянъ, или въ родѣ подстриженныхъ аллей регулярнаго сада. Объяснивъ такъ премудро и такъ глубоко значеніе искусства, приступали къ раздѣленію его на роды. Поэзія раздѣлялась на лирическую, эпическую, драматическую, дидактическую, описательную, эпистолярную, пастушескую, сатирическую, эпиграмматическую, и проч. и проч.,— всего не перечтешь. На чемъ основывалось это раздѣленіе? — На внѣшнихъ признакахъ, на условной формѣ, существовавшей отвлеченно отъ идеи, изъ которой необходимо должна выходить всякая форма. Что такое, на-примѣръ, драматическая поэзія? Вы думаете, что это вопросъ важный, для рѣшенія котораго требуется время, размышленіе, изученіе, наука, о которомъ можно написать разсужденіе, цѣлую книгу? — Ничего не бывало! не успѣете перечесть по пальцамъ десяти, какъ вамъ уже и готовъ самый точный и самый удовлетворительный отвѣтъ. По мнѣнію однихъ — не слишкомъ бойкихъ — драматическая поэзія есть театральное зрѣлище, съ нѣкоторымъ подражаніемъ природѣ къ наставленію и увеселенію служащее; другіе — позамысловатѣе и въ піитическихъ хитростяхъ наиболѣе изкушенные — говорятъ, что драматическая поэзія есть выраженіе настоящаго времени, какъ эпическая — прошедшаго, а лирическая—будущаго. Коротко и ясно! Но, милостивые государи, мужи уче-

ностію и древностію лѣтъ знаменитые! положимъ, что эпическая поэзія воспѣваетъ хриплымъ голосомъ дѣла минувшія, а драма представляетъ бывшее настоящимъ; но лирическая-то поэзія какъ успѣла у васъ забѣжать впередъ самой-себя и выражать то, чего и не было и нѣтъ, а только еще будетъ? Напротивъ, старцы достопочтенные! viri doctissimi atque sapientissimi! лирическая-то поэзія и есть по-преимуществу выраженіе настоящаго момента въ духѣ поэта, настоящаго, мимолетнаго ощущенія. Подновленные мнимымъ романтизмомъ, какъ бѣлилами и румянами, устарѣлыя гетеры, нѣкоторые истые классики замѣтили эту натяжку и «изъ глубины сознающаго духа» новою нелѣпостію украсили старую: лирическая поэзія, говорятъ они, выражаетъ настоящее время; эпическая—прошедшее, а драматическая—будущее, ибо-де (о, неисчерпаемая глубина сознающаго духа!) она представляетъ людей не такими, каковы они суть, но какими должны быть!!!... Эту новую нелѣпость вытащилъ изъ глубины своего сознающаго духа одинъ Нѣмецъ-псевдофилософъ — *Бахманъ*, котораго безтолковая эстетика, къ-сожалѣнію, прекрасно переведена была, лѣтъ десять назадъ тому, на русскій языкъ. Но объ обновленныхъ классикахъ послѣ: обратимся къ почіющимъ въ мирѣ. Раздѣливъ поэзію на роды, они приступали къ подраздѣленію родовъ на виды. Что такое *трагедія?* — *Опредѣленій* они не любили дѣлать, потому-что опредѣленіе должно основываться на разумномъ началѣ и заключать въ себѣ, какъ зерно растительную силу изъ самого-себя, возможность внутренняго (имманентнаго) развитія изъ самого же себя,—и потому прибѣгали къ *описаніямъ*, которыя гораздо-легче. Итакъ опишемъ, съ ихъ голоса, всѣ виды драматической поэзіи. Если драматическое произведеніе писано шестистопными риѳмованными ямбами съ *піитическими вольностями* (необходимое условіе!), если его дѣйствующія лица — цари и ихъ наперсники, царицы и ихъ наперсницы, механизмъ дѣйствія движется чрезъ «вѣстниковъ», которые, краснорѣчиво и съ приличною выступкою, на сценѣ, гдѣ ничего не дѣлается, разсказываютъ, что дѣлается за кулисами, а пятый актъ кончится рѣзнёю,—то знайте, что это «трагедія»; если же оно писано прозою и содержитъ въ себѣ *трогательное* и *назидательное* происшествіе изъ частной жизни, и кончится свадьбою *любовниковъ* и наказаніемъ *разлучниковъ*, — знайте, что это «драмма» или «слезная комедія», или «мѣщанская трагедія»— что все одно и то же; если же драматическое произведеніе *имѣетъ въ предметѣ осмѣяніе пороковъ* и *исправленіе нравовъ*, и написано шестиногими тяжелыми ямбами съ піитическими вольностями, возбуждающими смѣхъ, а въ пятомъ актѣ кончится позоромъ негодяевъ и чудаковъ, и торжествомъ резонёровъ,—знайте, это «комедія», съ ея *отцами* и *любовниками*, съ ея *субретками* и *резонерами*; если же оно съ пѣніемъ и музыкою — то «опера».

Согласитесь, что все это очень-просто, и развѣ только рѣшительные глупцы не въ-состояніи были постичь всѣхъ этихъ премудростей за одинъ присѣстъ. Такъ мольеровъ «Мѣщанинъ во дворянствѣ» въ одну минуту узналъ, что стихи есть стихи, а проза есть проза, и что онъ, съ-тѣхъ-поръ, какъ началъ говорить, все говорилъ прозою. Французы мастера и толковать и понимать; быстрота соображенія соединяется у нихъ съ необыкновенною ясностію изложенія. Недоразумѣній

по части искусства, въ оное блаженное время, не было, а еслибы они и возникли, стòило только разкрыть кодексъ изящнаго — «L'art poëtique» Буало и піитику Баттё. «Лицей», или «Ликей» Лагарпа, котораго наши остряки прошлаго вѣка, безсознательно, но очень впопадъ, называли въ-шутку «Лакеемъ», былъ уже приложеніемъ теоріи сихъ великихъ мужей къ практикѣ; образцы искусства были утверждены и признаны въ произведеніяхъ Корнеля, Расина и Мольера, съ надбавкою къ нимъ Вольтера, Кребильйона и Дюсиса — шекспирова парикмахера и камердинера. Все было рѣшено и опредѣлено: наука не могла идти далѣе. Славное время, чудное время! И давно ли оно свирѣпствовало у насъ на святой Руси? Давно ли Сумароковъ слылъ «россійскимъ господиномъ Расиномъ»? давно ли Мерзляковъ — человѣкъ даровитый и умный, душа поэтическая—съ важностію, нисколько не думая шутить или мистифировать публику, разбиралъ неподражаемыя красоты творца дубовитаго «Синава» и свирѣпаго «Димитрія Самозванца»!...

Дѣды, помню васъ и я!...

И вдругъ нахлынулъ потокъ новыхъ мнѣній. Легкая молодость, всегда жадная къ новости, низпровергла прежнихъ идоловъ искусства, разрушила ихъ капища и наругалась надъ жертвоприношеніемъ. Тщетно почтенные филистры классицизма, застигнутые въ своихъ *вольтеровскихъ* креслахъ внезапною бурею, кричали низпровергнутымъ болванамъ: «выдыбай, боже!» Деревянные божки потонули въ Днѣпрѣ нововведенія: мишурная позолота потянула ихъ ко дну и погубила безвозвратно. Куда Сумароковъ! не хотимъ знать и Озерова. Чтò Озеровъ! смѣемся мы надъ Корнелемъ и Расиномъ!— Кого же вамъ надо, господа? — Шекспира, Байрона, Шиллера, Гёте, Виктора Гюго — мы романтики!...

А! *романтизмъ!* ... Просимъ покорно — вотъ сюда, поближе: намъ надо разсмотрѣть васъ хорошенько. Вы смѣялись надъ стариками: посмотримъ, не смѣшны ли вы сами, молодой человѣкъ съ разтрепанными чувствами и измятою наружностію...

Ахъ, господà, это пресмѣшная исторія—я вамъ разскажу ее. Но сперва мнѣ надо поговорить серьёзно.

Всемірную исторію искусства, т. е. искусства не какого-нибудь народа, а цѣлаго человѣчества, раздѣляютъ на два великіе періода, обозначая ихъ именами *классическаго* и *романтическаго.* Собственно-классическое искусство существовало только у Грековъ— этого народа, который своею жизнію отпировалъ праздникъ древняго міра. Всѣ народы Азіи и Африки выразили собою какую-нибудь одну сторону духа: — въ лицѣ Грековъ всѣ эти *односторонности* явились въ живомъ и слитномъ единствѣ. Всѣ народы сѣяли на нивѣ развитія слезами и кровью: Греки пожали только роскошные плоды, развивъ ихъ изъ своего многосторонняго, универсальнаго, абсолютнаго духа. Истина открылась человѣчеству впервые—въ *искусствѣ,* которое есть *истина въ созерцаніи,* т. е. не въ отвлеченной мысли, а въ образѣ, и въ образѣ не какъ условномъ символѣ (чтò было на востокѣ), а какъ въ *воплотившейся идеѣ*, какъ полномъ, органическомъ и непосредственномъ ея явленіи въ красотѣ формъ, съ которыми она такъ нераздѣльно слита, какъ душа съ тѣломъ. По-этому, самая религія Грековъ вышла изъ творящей фантазіи, и мысль о божествѣ явилась въ очаровательныхъ созда-

ніяхъ искусства. Греческое творчество было освобожденіемъ человѣка изъ-подъ ига природы, прекраснымъ примиреніемъ духа и природы, дотолѣ враждовавшихъ между собою. И потому греческое искусство облагородило, просвѣтлило и одухотворило всѣ естественныя склонности и стремленія человѣка, которыя дотолѣ являлись въ отвратительномъ безобразіи своей животности. Вотъ почему духъ нашъ не только не оскорбляется, но возвышается и облагороживается эпизодомъ изъ «Иліады», гдѣ лилейнораменная Гера, державная супруга громовержца Зевеса, обольщаетъ чарами любви и наслажденія своего грознаго супруга, чтобы въ ея объятіяхъ отецъ боговъ и человѣковъ не отвратилъ гибели отъ ненавистныхъ ей Данаевъ и не наслалъ ея на любезныхъ ей Ахеянъ... Вотъ почему такую благородную, такую величественно-граціозную картину представляетъ собою Афродита—«милыхъ хитростей матерь грозная» (*), которая собственною рукою возводитъ прекрасную Елену на ложе бѣжавшаго отъ копья менелаева боговиднаго царя Александра — Париса Пріамида... Всѣ формы природы были равно прекрасны для художнической души Эллина; но какъ благороднѣйшій сосудъ духа— человѣкъ, то на его прекрасномъ станѣ и роскошномъ изяществѣ его формъ и остановился съ упоеніемъ и гордостію творческій взоръ Эллина,—и благородство, величіе и красота человѣческаго стана и формъ явились въ безсмертныхъ образахъ Аполлона бельведерскаго и Венеры Медичейской. Посмотрите: сколько красокъ, сколько пластики въ описаніяхъ наружности и разнообразныхъ положеній человѣческаго стана въ пѣсняхъ пѣвца «Иліады», съ какимъ наслажденіемъ останавливается онъ на этихъ *пластическихъ* картинахъ, съ какою любовію, съ какою неистощимою роскошью творчества отдѣлываетъ ихъ своимъ волшебнымъ рѣзцомъ .... Статуи Грековъ изображались нагими: то, что для другихъ показалось бы безстыднымъ оскорбленіемъ человѣческаго достоинства, въ древнемъ мірѣ было цѣломудренною поэзіею и сознаніемъ человѣческаго достоинства,—и вотъ почему ваяніе достигло у Грековъ такого высшаго развитія, принесло такіе роскошные плоды. Въ-самомъ-дѣлѣ, не говоря уже о важнѣйшихъ произведеніяхъ древняго рѣзца — камея, барельефъ, медаль, посуда въ формѣ человѣческой или львиной головы, каждая безделка въ этомъ родѣ есть художественное произведеніе, и въ тысячу разъ выше лучшей статуи даже Кановы. У Грековъ родилось ваяніе — съ ними и умерло оно, потому-что только у нихъ совершенство человѣческой фигуры могло имѣть такое міровое значеніе. Вотъ почему характеръ самой поэзіи Грековъ есть *пластичность образовъ*, такъ-что хочется ощупать рукою этотъ волнистый, мраморный гекзаметръ, который, излетѣвъ изъ устъ, становится передъ глазами вашими отдѣльною статуею или движущеюся картиною. Причина этого явленія—уравновѣшеніе идеи съ формою, изъ которыхъ каждая потеряла свою особность и которыя слились въ неразрывномъ *тождествѣ* уже, а не единствѣ только. Далѣе, какое было содержаніе греческаго искусства? Для Грековъ, какъ лишенныхъ христіанскаго откровенія, *была* темная, мрачная сторона жизни, которую они нарекли судьбою (fatum), и которая, какъ неотразимая, враждебная сила ти-

(*) Стихъ Мерзлякова.

готѣла надъ самими богами. Но благородный, свободный Грекъ не преклонился, не палъ передъ этимъ страшнымъ призракомъ, а въ великодушной и гордой борьбѣ съ судьбою нашелъ свой выходъ, и *трагическимъ* величіемъ этой борьбы просвѣтлилъ мрачную сторону своей жизни; судьба могла лишить его счастія и жизни, но не унизить его духа, могла сразить его, но не побѣдить. Эта идея мелькаетъ еще и въ «Иліадѣ», а въ трагедіяхъ является уже во всемъ блескѣ своего царственнаго величія. Древній міръ былъ міръ внѣшній, объективный, въ которомъ *все* значило общество и *ничего* не значилъ человѣкъ. Вотъ почему дѣйствующими лицами въ греческой трагедіи могли быть только боги, полубоги, цари и герои — представители общества, народа, а не частныя лица. Дивный, очаровательно-прекрасный, роскошно-упоительный міръ! Великій моментъ человѣчества, моментъ примиренія, брачнаго союза духа съ природою въ искусствѣ, по-превозходству *художественномъ*, слѣдовательно, въ искусствѣ по-преимуществу, которому равнаго уже не будетъ, но котораго безсмертныя творенія, вопреки безсмысленному мнѣнію ограниченныхъ головъ, невѣждъ и самоучекъ, всегда будутъ для насъ полны значенія и обаятельной силы, потому-что для человѣчества не теряется ни одинъ моментъ его развитія, а тѣмъ болѣе не можетъ забыться такая высокая ступень духа, на которой были Греки!... Исчезаютъ только конечныя формы, а формы искусства вѣчны и непреходящи, ибо въ нихъ конечности является безконечное...

Но кончился онъ, этотъ прекрасный міръ просвѣтленной чувственности, одухотворенныхъ формъ и героической борьбы человѣка съ неотразимою силою рока; кончился этотъ періодъ роскошнаго цвѣтенія искусства — умеръ народъ-художникъ! Уже и варваръ-Римлянинъ изчерпалъ всю свою жизнь — задача его была рѣшена: онъ простеръ надъ міромъ свою желѣзную длань, сливъ его въ механическомъ единствѣ своихъ гражданственныхъ формъ; онъ уже издалъ и кодексъ своихъ правъ, развитыхъ имъ изъ своей жизни и своею жизнію. Окруженный дивными произведеніями искусства, вывезенными изъ ограбленной имъ Греціи, онъ зѣвалъ отъ пресыщенія и скуки, и кормилъ рабами чудовищныхъ рыбъ... Древній міръ одряхлѣлъ; содержаніе его жизни было изтощено... изнеможенное человѣчество алкало и жаждало обновленія или смерти. А между-тѣмъ, въ забытомъ уголку міра, давно уже раздавался божественный голосъ, кротко и любовью взывавшій: «Пріидите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные — и я успокою васъ! Возьмите иго мое на себя, и научитесь отъ меня; ибо я кротокъ и смиренъ сердцемъ: и найдете покой душамъ вашимъ. Ибо иго мое благо, и бремя мое легко». И пришелъ часъ — народы познали гласъ Пастыря, положившаго душу свою за овцы, и міръ осѣнился знаменемъ креста. Новые, кипящіе избыткомъ юной жизни народы обновили древній міръ, и насталъ новый періодъ человѣчества, періодъ религіозный, періодъ *романтическій*. Справедливо называютъ его періодомъ юношества человѣчества: это безпрестанное стремленіе куда-то, въ какую-то неопредѣленную даль, эта безпрерывная жажда дѣятельности — что все это, какъ не кипѣніе молодой крови, какъ не тревоги юнаго духа, мучимаго избыткомъ силъ своихъ? Изъ этого безпокойнаго стремленія къ движенію, хотя бы даже

безъ всякой цѣли, но только въ движенію, вышло бродячее рыцарство въ желѣзныхъ доспѣхахъ, вѣчно на конѣ, вѣчно въ битвахъ, если не съ врагами, такъ съ самимъ-собою въ кровавыхъ распряхъ и на потѣшныхъ турнирахъ. Но прямымъ и непосредственнымъ источникомъ всей этой романтической жизни было христіанство. Нѣкоторые поверхностные мыслители говорили и писали, что будто христіанство отрицаетъ государство, общественность, науку и искусство, потому что въ евангеліи ни о чемъ этомъ не говорится. Что христіанство не отрицаетъ государства, какъ необходимой формы существованія человѣчества — это ясно изъ словъ Спасителя: «Воздадите кесарева кесареви, Божія Богови», и изъ многихъ мѣстъ евангелія, гдѣ говорится о земныхъ властяхъ. Но и это еще не главное, еще не причина, а только слѣдствіе: все дѣло въ сущности основной идеи: такъ-какъ основная идея евангелія — идея божественной любви, осуществившаяся страданіемъ и кровію за чадъ своихъ; такъ-какъ эта идея есть идея всеобъемлющая, все въ себѣ заключающая, все собою условливающая, и въ самой себѣ носящая, какъ зерно растительную силу, всѣ свои будущіе моменты и проявленія, — то благодатно оплодотворенная ею почва человѣческаго развитія и произращала, и произращаетъ, и никогда не перестанетъ произращать всѣ цвѣты и всѣ плоды небесные. Потому-то христіанская религія и дала обновленному міру такое богатое содержаніе жизни, котораго не изжить ему въ вѣчность; потому-то все, что ни есть теперь, чѣмъ ни гордится, чѣмъ ни наслаждается современное человѣчество, — все это вышло изъ плодотворнаго сѣмени вѣчныхъ, непреходящихъ глаголовъ божественной книги новаго завѣта. Только въ ней и можно и должно искать сокровенной причины торжества христіанской Европы надъ всѣмъ остальнымъ, не-христіанскимъ міромъ, слабымъ и ничтожнымъ въ своей громадной величинѣ передъ этою малѣйшею частію свѣта. Не изъ христіанства ли вышло все гражданское устройство среднихъ вѣковъ? Римляне завѣщали имъ гражданское право, вышедшее изъ чисто-отвлеченной мысли, и юридическія формы; но уваженіе къ личности человѣка, котораго самъ Богъ нарекъ сыномъ своимъ, уваженіе къ внутреннему человѣку вышло изъ евангелія, изъ идеи равенства людей передъ судомъ Божіимъ, изъ идеи равенства права на отеческую любовь и милость Божію. Въ евангеліи ничего не говорится объ искусствѣ, но божественный Спаситель называлъ себя сыномъ царственнаго пѣвца и пророка Давида, и христіанству обязано своими блистательнѣйшими вдохновеніями искусство среднихъ вѣковъ; ему обязаны своимъ возникновеніемъ и высокимъ развитіемъ и готическая архитектура — этотъ образъ безконечнаго стремленія въ царство духа, и живопись съ музыкою — эти по-преимуществу (особливо послѣдняя) романтическія искусства. Христіанству же обязано своимъ возвышеннымъ, благороднымъ характеромъ и юношеское безпокойство одухотвореннаго имъ человѣчества: рыцари были защитники вдовъ и сиротъ, поборники религіи, воины христовы. Оно же возвратило женщинѣ права ея; изъ него же вышло рыцарское благоговѣніе къ достоинству женщины, и отношенія обоихъ половъ получили такой возвышенно-идеальный характеръ, ибо родшая Бога была Матерь и Дѣва — сочетаніе материнской любви

съ дѣвственною чистотою, а бракъ былъ названъ Спасителемъ «тайною великою»...

Итакъ, смиреніе передъ Богомъ, какъ отрицаніе своей конечной личности въ-пользу вѣчной истины, смиреніе, простирающееся до энтузіастической готовности идти, какъ на свѣтлое торжество, на смерть за свое убѣжденіе, и не смотря ни на какую мѣру страданія, признавать благою и правою волю Божію, сознавая свою грѣховность (résignation); при необходимомъ неравенствѣ на лѣствицѣ общественной іерархіи, совершенное равенство передъ крестомъ Разпятаго, въ смыслѣ христіанскаго братства, — а отсюда любовь и уваженіе къ человѣческой личности, великодушное мужество, жертвующее всѣми своими силами и самою жизнію за угнетенныхъ и гонимыхъ; идеальное обожаніе женщины, какъ представительницы на землѣ любви и красоты, какъ свѣтлаго генія гармоніи, мира и утѣшенія; тревожное стремленіе въ сумрачную даль безконечнаго, ко всему таинственному и мистическому: — вотъ романтическіе элементы, изъ которыхъ слагалась богатая жизнь среднихъ вѣковъ. Эта эпоха была пробужденіемъ, возстаніемъ духа. Чтобы сознать себя, ему надобно было отрѣшиться отъ природы, которая есть его же собственная сторона, но которая единствомъ съ нимъ (въ смыслѣ древнихъ), такъ-сказать, затемняла его, поглощая собою его невидимую жизнь и, прелестію формъ, отводя бренныя очи отъ его таинственной сущности. Духу надо было явиться только духомъ, отвлеченно отъ слитнаго явленія. И онъ возсталъ въ своемъ страшномъ величіи, онъ отвергся природы, какъ врага своего, какъ діавола. Отсюда вышли: обѣты цѣломудрія, отрѣшеніе отъ благъ земныхъ, отшельничество; обаятельныя радости древняго міра уступили мѣсто посту, молитвѣ, покаянію, бичеванію, — религія стала католицизмомъ. Отсюда и романтическій характеръ искусства. Живопись сдѣлалась орудіемъ религіи, ея служительницею; возникла музыка — искусство романтическое по самой своей сущности, какъ выраженіе внутренней жизни субъективнаго духа, и ея гармонія гремѣла гимномъ Богу. Поэзія воспѣвала подвиги и любовь храбрыхъ рыцарей и прекрасныхъ дамъ, и ея формы улетучивались въ туманной мистикѣ содержанія. Не спрашивали: *какъ* выполнено художественное произведеніе, но спрашивали: *что* выражаетъ оно: *содержаніе* отдѣлилось отъ *формы* и стало выше ея. Это не значитъ, чтобы произведенія романтическаго искусства были аллегоріями или символами: въ истинныхъ художникахъ общая страсть времени къ аллегоріямъ и символамъ побѣждалась, болѣе или менѣе, полнотою ихъ художественной натуры, и идея становилась *ощутительною* только черезъ форму; но какъ въ древнемъ мірѣ *красота формы*, обязанная своимъ явленіемъ скрытой въ ней идеѣ, довольствовала собою духъ и не производила въ немъ страстнаго порыва проникнуть въ ея сущность, такъ въ романтическомъ мірѣ *идея*, поглощая собою вниманіе и удовлетворяя духъ, дѣлала форму вопросомъ второстепеннымъ. Искусство уже утратило свою самостоятельность, потому-что религія — сознаніе истины въ непосредственномъ откровеніи, какъ высшее, всеобщее средство знанія, — подчинила себѣ искусство, которое, по-этому, перестало уже быть высшею всеобщею формою всеобщей истины. И вотъ въ этомъ-то

смыслѣ греческое искусство только одно и есть истинное искусство, искусство какъ искусство и, слѣдовательно, высшее и совершеннѣйшее искусство, — и въ этомъ-то заключается для насъ и его достоинство и его недостатокъ: содержаніе его для насъ неудовлетворительно, а возвыситься до его формы мы не можемъ, не отдавъ формѣ предпочтенія предъ идеею.

Итакъ *классическое* искусство есть полное и гармоническое *уравновѣшеніе идеи съ формою*, а *романтическое — перевѣсъ идеи надъ формою.* Подъ первымъ разумѣется искусство Грековъ, и — не по достоинству, а по общему характеру пластицизма — поэзія Римлянъ; подъ вторымъ искусство среднихъ вѣковъ, включая сюда и нѣкоторыхъ новѣйшихъ поэтовъ, какъ на-прим. Шиллера.

Изъ этого ясно видно, что называть классиками поэтическихъ уродовъ, каковы были: Корнель, Расинъ, Буало, Мольеръ, Кребильйонъ, Вольтеръ, Дюсисъ, Аддисонъ, Попе, Альфіери и подобные имъ, или называть романтиками Шекспира, Сервантеса, Байрона, Вальтера Скотта, Купера, Гёте, Пушкина, могутъ только люди, воздоенные французскими идеями объ искусствѣ и незнающіе первыхъ началъ, *азовъ* науки изящнаго. Наше новѣйшее искусство, начатое Шекспиромъ и Сервантесомъ, не есть ни классическое, потому-что «мы не Греки и не Римляне», и не романтическое, потому-что мы не рыцари и не трубадуры среднихъ вѣковъ. Какъ же его назвать? *Новѣйшимъ.* Въ чемъ его характеръ? Въ примиреніи классическаго и романтическаго, въ тождествѣ, а слѣдственно и въ различіи отъ того и другаго, какъ двухъ крайностей. Происходя исторически, непосредственно отъ втораго, наслѣдовавъ всю глубину и обширность его безконечнаго содержанія и обогатя его дальнѣйшимъ развитіемъ христіанской жизни и пріобрѣтеніемъ новаго знанія, оно примирило богатство своего романтическаго содержанія съ пластицизмомъ классической формы.

Теперь обратимся къ смѣшной исторіи.

Очевидно, что классицизмъ, какъ его понимали Французы, и какъ онъ перешелъ отъ нихъ къ намъ, былъ псевдо-классицизмъ, столько же походившій на греческій, сколько маркизы XVIII вѣка походили на боговъ, царей и героевъ древней Греціи. Неспособные, по своему національному духу, проникнуть въ сущность свѣтлаго міра древнихъ Грековъ, — они взяли нѣчто отъ внѣшнихъ формъ, и думали, что, введя въ свою quasi-трагедію царей, наперсниковъ и вѣстниковъ, сдѣлаютъ ее греческою. Христіанскій міръ есть міръ внутренній, духовный, субъективный, въ которомъ личность человѣка благородна и священна потому уже, что онъ человѣкъ: въ-слѣдствіе этого въ шекспировской драмѣ шутъ короля Лира имѣетъ такое же право на свое мѣсто, какъ и самъ Лиръ на свое; а въ древней трагедіи, какъ мы уже замѣтили выше, могли имѣть мѣсто только представители политическаго общества, народа. Смотрѣть на внѣшность мимо ея значенія значитъ впасть въ случайность. Возвышенную простоту Грековъ, ихъ поэтическій языкъ, выходившій изъ пластическаго лиризма ихъ жизни, Французы думали замѣнить натянутою декламаціею и реторическою шумихою. Они сами-себя назвали классиками, и имъ всѣ повѣрили! Такъ-какъ основаніемъ этого псевдо-классицизма была внѣшность и формальность, то понятно, отъ-чего фран-

цузская теорія изящнаго была такъ проста и определенна: ничего нѣтъ легче, какъ судить о вещахъ по внѣшнимъ признакамъ.

Но такъ-называемые романтики ушли не дальше ихъ, и только впали въ другую крайность: отвергнувъ псевдоклассическую форму и чопорность, они полагали романтизмъ въ безформенности и дикомъ неистовствѣ. *Дикость* и *мрачность* они провозгласили отличительнымъ характеромъ поэзіи Шекспира, смѣшавъ съ ними его глубокость и безконечность, и не понявъ, что формы шекспировыхъ драмъ совсѣмъ не случайности, но условливаются идеею, которая въ нихъ воплотилась. Есть еще и теперь люди, которые Бетховена называютъ *дикимъ*, добродушно не понимая, что дикость есть униженіе, а не достоинство генія, и что энергія и глубокость совсѣмъ не то, что̀ дикость. Они не поняли, что въ лирическихъ произведеніяхъ Гёте пластицизмъ формъ подходитъ къ древнему, и что ихъ художественное достоинство недоступно съ перваго взгляда со стороны идеи, но прежде всего поражаетъ роскошнымъ изяществомъ своихъ формъ. Если классики походили на напудренныхъ маркизовъ прошлаго вѣка, то романтики походили на нагихъ Австралійцевъ, одурѣвшихъ отъ человѣческой крови, или отправляющихъ свои отвратительныя торжества. Отвергнуть устарѣлыя и случайныя формы искусства, еще не значитъ постигнуть сущность искусства. Послѣднее можно сдѣлать только оставивъ въ сторонѣ внѣшности, и углубившись въ начала искусства. Но это романтическое неистовство было нужно, какъ отрицаніе ложнаго классицизма: сдѣлавъ свое дѣло, оно, въ свою очередь, стало такъ же смѣшно, какъ и классическая чопорность. Въ сущности же всѣ крайности равны и ни одна не лучше другой. Мы смѣемся надъ классическими раздѣленіями поэзіи на роды и драматической на виды; но понимаемъ ли мы сами это дѣло лучше ихъ? Мы говоримъ «драма, трагедія, комедія», а не думаемъ, въ чемъ состоитъ значеніе этихъ словъ и чѣмъ они другъ отъ друга отличаются. Кровавый конецъ для насъ еще и теперь признакъ *трагедіи*, веселость и смѣхъ — признакъ *комедіи*, а то и другое вмѣстѣ и съ благополучнымъ окончаніемъ—*драма*. Все тѣ же внѣшніе и случайные признаки, невыходящіе изъ идеи; мы все тѣ же классики, только *классики романтическіе*.

Кстати: позвольте объяснить вамъ поподробнѣе, что̀ такое *романтическій классицизмъ:* это прямо относится къ предмету нашей статьи и представляетъ собою очень-интересный предметъ, по-крайней-мѣрѣ, очень-забавный.

Романтическій классикъ есть представитель *эклектическаго* примиренія классицизма съ романтизмомъ, въ которомъ кое-что удерживается изъ классицизма и кое-что берется изъ романтизма. Разумѣется, все дѣло тутъ вертится на отвлеченныхъ, внѣшнихъ формахъ. При разсматриваніи поэтическаго произведенія, первая задача классика — опредѣлить его родъ, и если его форма такъ странна, дика и такая небывалая, что классикъ недоумѣваетъ о его родѣ, то объявляетъ это сочиненіе вздорнымъ и нелѣпымъ, хотя и нелишеннымъ блесковъ таланта. Такъ анти-поэтическій Вольтеръ отзывался о Шекспирѣ. Особенно, въ этомъ отношеніи, для классиковъ хуже чумы тѣ авторы, которые не выставляютъ на своихъ сочиненіяхъ словъ: *поэма, трагедія, драма, комедія, водевиль, ода, эклога, элегія* и

пр. Для нихъ это просто убійство! Здѣсь классики очень-сходны съ натуралистами: нашедши новый предметъ изъ животнаго, растительнаго или минеральнаго царства, натуралистъ прежде всего хлопочетъ о *родѣ* и *видѣ*, и если не узнаетъ съ-раза ни того, ни другаго, то старается подвести свою находку подъ какой-либудь извѣстный *родъ* въ качествѣ новооткрытаго *вида*. Но вотъ гдѣ и ужасная разница между классиками и натуралистами: если рода не находится для новооткрытаго предмета, а самъ онъ не помѣщается въ цѣпи системы, какъ родъ, то натуралистъ все-таки не изключаетъ его изъ цѣпи созданій Божіихъ, но, тщательно описавъ его признаки, надѣется, что въ-послѣдствіи найдется для него мѣсто; классикъ же, не думая долго, объявляетъ изящное произведеніе вздоромъ за то только, что оно не подходитъ подъ *извѣстные ему* роды произведеній искусства. Но лучше ли поступаютъ въ этомъ отношеніи господа-романтики? Давно ли одинъ журналистъ, съ гордостію и досихъ-поръ называющій себя романтикомъ и всегда преслѣдовавшій классицизмъ, какъ уголовное преступленіе, отступился отъ «Каменнаго Гостя» Пушкина и нашелъ лишь хорошіе стишки въ этомъ великомъ созданіи, потому только, что пришелъ въ недоумѣніе — что̀ это такое: не то драматическій разсказъ, не то испанское имброгліо, не то Богъ знаетъ что̀! Не форма ли тутъ играетъ прежнюю свою роль, не классицизмъ ли это, хотя и подновленный и подкрашенный романтизмомъ? А ка̀къ вамъ кажется вотъ эта продѣлка: догадавшись о нелѣпости раздѣленія поэзіи на роды, основанное на трехъ формахъ времени и дѣлающее лирическую поэзію выраженіемъ будущаго времени, нѣмецкій хитрецъ драматическую поэзію заставилъ выражать будущее время, ибо-де драма представляетъ людей не такими, каковы они суть, а такими, каковы должны быть, слѣдовательно какими будутъ. «О тонкая штука! Экъ куда метнулъ! какого тумана напустилъ! разбери кто хочетъ!...» И всѣ толки, всѣ положенія нашихъ романтиковъ похожи на это какъ двѣ капли воды: это тѣ же классическія нелѣпости, но только перехитренныя и перемудренныя; словомъ, это романтическій классицизмъ, старая погудка на новый ладъ. Онъ также смотритъ на предметъ извнѣ, а не изнутри, и потому хоть ему и кажется, что онъ прытко бѣжитъ, а̀ въ-самомъ-то-дѣлѣ онъ все на одномъ мѣстѣ вертится вокругъ самого-себя. Пора приняться за дѣло посерьёзнѣе, пора взять за основаніе своихъ теорій не произвольныя, субъективныя понятія, а мысль, развивающуюся изъ самой-себя. Мы не принадлежимъ ни къ классикамъ, ни къ романтикамъ, и равно смѣемся надъ тѣмъ и другимъ названіемъ, не находя смысла ни въ томъ, ни въ другомъ. Мы не ручаемся за вѣрность нашихъ основаній, но ручаемся, что въ нашихъ выводахъ будемъ логически-вѣрны своимъ основаніямъ, и что если читатели не согласятся съ нами, по-крайней-мѣрѣ поймутъ то, что̀ мы хотимъ сказать. Задача, которую мы предлагаемъ себѣ въ этой статьѣ—вывести раздѣленіе драматической поэзіи на трагедію и комедію не по внѣшнимъ признакамъ, а изъ ихъ сущности, и на этихъ основаніяхъ сдѣлать критическую оцѣнку знаменитому произведенію Грибоѣдова.

Поэзія есть истина въ формѣ созерцанія; ея созданія—воплотившіяся идеи, видимыя, *созерцаемыя* идеи. Слѣдова-

тельно, поэзія есть та же философія, то же мышленіе, потому-что имѣетъ то же содержаніе—абсолютную истину, но только не въ формѣ діалектическаго развитія идеи изъ самой-себя, а въ формѣ непосредственнаго явленія идеи въ образѣ. Поэтъ мыслитъ образами; онъ не *доказываетъ* истины, а *показываетъ* ее. Но поэзія не имѣетъ цѣли внѣ себя—она сама себѣ цѣль; слѣдовательно, поэтическій образъ не есть что-нибудь внѣшнее для поэта, или второстепенное, не есть средство, но есть цѣль: въ противномъ случаѣ, онъ не былъ бы образомъ, а былъ бы символомъ. Поэту представляются образы, а не идея, которой онъ изъ-за образовъ не видитъ, и которая, когда сочиненіе готово, доступнѣе мыслителю, нежели самому творцу. Посему поэтъ никогда не предполагаетъ себѣ развить ту или другую идею, никогда не задаетъ себѣ задачи: безъ вѣдома и безъ воли его возникаютъ въ фантазіи его образы и, очарованный ихъ прелестію, онъ стремится изъ области идеаловъ и возможности перенести ихъ въ дѣйствительность, т. е. видимое одному ему сдѣлать видимымъ для всѣхъ. Высочайшая дѣйствительность есть истина; а какъ содержаніе поэзіи — истина, то и произведенія поэзіи суть высочайшая дѣйствительность. Поэтъ не украшаетъ дѣйствительности, не изображаетъ людей, какими они должны быть, но каковы они суть. Есть люди, — это все они же, все романтическіе же классики, — которые отъ всей души убѣждены, что поэзія есть мечта, а не дѣйствительность, и что въ нашъ вѣкъ, какъ *положительный* и *индюстріальный,* поэзія невозможна. Образцовое невѣжество! нелѣпость первой величины! Что такое мечта? Призракъ, форма безъ содержанія, порожденіе разстроеннаго воображенія, праздной головы, колобродствующаго сердца! И *такая* мечтательность нашла своихъ поэтовъ въ Ламартинахъ, и свои поэтическія произведенія въ идеально-чувствительныхъ романахъ, въ родѣ «Аббаддонны(*)»: но развѣ Ламартинъ поэтъ, а не мечта,— и развѣ «Аббаддонна» поэтическое произведеніе, а не мечта?... И что за жалкая, что за устарѣлая мысль о *положительности* и *индюстріальности* нашего вѣка, будто-бы враждебныхъ искусству? Развѣ не въ нашемъ вѣкѣ явились Байронъ, Вальтеръ Скоттъ, Куперъ, Томасъ Муръ, Уордсвортъ, Пушкинъ, Гоголь, Мицкевичъ, Гейне, Беранже, Эленшлегеръ, Тегнеръ и другіе? Развѣ не въ нашемъ вѣкѣ дѣйствовали Шиллеръ и Гётe? Развѣ не нашъ вѣкъ оцѣнилъ и понялъ созданія классическаго искусства и Шекспира? Не уже ли это еще не факты? Индюстріальность есть только одна сторона многосторонняго XIX вѣка, и она не помѣшала ни дойдти поэзіи до своего высочайшаго развитія въ лицѣ поименованныхъ нами поэтовъ, ни музыкѣ, въ лицѣ ея Шекспира — Бетховена, ни философіи, въ лицѣ Фихте, Шеллинга и Гегеля. Правда, нашъ вѣкъ врагъ мечты и мечтательности, но потому-то онъ и великій вѣкъ! Мечтательность въ XIX вѣкѣ такъ же смѣшна, пошла и приторна, какъ и сантиментальность. *Дѣйствительность* — вотъ пароль и лозунгъ нашего вѣка, дѣйствительность во всемъ—и въ вѣрованіяхъ, и въ наукѣ, и въ искусствѣ, и въ жизни. Могучій, мужественный вѣкъ, онъ не терпитъ ничего ложнаго, поддѣльнаго, слабаго, расплывающагося, но любитъ одно мощное, крѣпкое, существенное.

(*) Извѣстный нѣмецкій романъ какого-то господина идеальштюкмахера.

Онъ смѣло и безтрепетно выслушалъ безотрадныя пѣсни Байрона, и, вмѣстѣ съ ихъ мрачнымъ пѣвцомъ, лучше рѣшился отрѣчься отъ всякой радости и всякой надежды, нежели удовольствоваться нищенскими радостями и надеждами прошлаго вѣка. Онъ выдержалъ разсудочный критицизмъ Канта, разсудочное положеніе Фихте; онъ перестрадалъ съ Шиллеромъ всѣ болѣзни внутренняго, субъективнаго духа, порывающагося къ дѣйствительности путемъ отрицанія. И за-то, въ Шеллингѣ онъ увидѣлъ зарю безконечной дѣйствительности, которая въ ученіи Гегеля осіяла міръ роскошнымъ и великолѣпнымъ днемъ, и которая, еще прежде обоихъ великихъ мыслителей, непонятая, явилась непосредственно въ созданіяхъ Гёте... Только въ нашъ вѣкъ искусство получило полное свое значеніе, какъ примиреніе христіанскаго содержанія съ пластицизмомъ классической формы, какъ новый моментъ уравновѣшенія идеи съ формою. Нашъ вѣкъ есть вѣкъ примиренія, и онъ такъ же чуждъ романтическаго искусства, какъ и классическаго. Средніе вѣка были моментомъ нецѣльнымъ, неслитнымъ, но отвлеченнымъ; мы видимъ въ немъ только романтическіе элементы, которыми человѣчество запасалось на будущую жизнь, и которые только теперь явились въ своей слитной дѣйствительности и проникли нашу частную, домашнюю и даже практическую сторону жизни, такъ-что одна сторона не отрицаетъ другой, но обѣ являются въ неразрывномъ единствѣ, взаимно проникнувъ одна другую. Этого-то слитнаго единства и не было въ дѣйствительности среднихъ вѣковъ, которыхъ романтическіе элементы обозначались въ какой-то отвлеченной особности. И вотъ почему рыцарь, иногда при одномъ подозрѣніи въ невѣрности жены, или безжалостно умерщвлялъ ее собственною рукою, или сожигалъ живую,—ее, которая нѣкогда была царицею думъ и мечтаній души его, передъ которою робко преклонялъ онъ колѣни, едва осмѣливаясь возвести взоры на свое божество, и которой безкорыстно посвящалъ онъ и свое кипящее мужество, и силу желѣзной руки, и безпокойную, бродячую волю свою... Да и вообще, находя жену, онъ терялъ идеальное, безплотное, ангелоподобное существо. Въ новѣйшемъ періодѣ человѣчества напротивъ: Юлія Шекспира обладаетъ всѣми романтическими элементами; любовь была религіею и мистикою ея дѣвственнаго сердца; встрѣча съ родною ей душою была великимъ и торжественнымъ актомъ ея души, вдругъ сознавшей себя и возросшей до дѣйствительности; а между-тѣмъ, это существо не облачное, не туманное, все *земное*,—да, земное, но насквозь проникнутое небеснымъ. Романтическое искусство переносило землю на небо, его стремленіе было вѣчно туда, по ту сторону дѣйствительности и жизни: наше новѣйшее искусство переноситъ небо на землю и земное просвѣтляетъ небеснымъ. Въ наше время только слабыя и болѣзненныя души видятъ въ дѣйствительности юдоль страданія и бѣдствій и въ туманную сторону идеаловъ переносятся своей фантазіею, на жизнь и радость въ мечтѣ: души нормальныя и крѣпкія находятъ свое блаженство въ живомъ сознаніи живой дѣйствительности, и для нихъ прекрасенъ Божій міръ, и само страданіе есть только форма блаженства, а блаженство — жизнь въ безконечномъ. Мечтательность была высшею дѣйствительностію только въ періодѣ юношества человѣческаго рода; тогда и фор-

въ поэзіи улетучивались въ ѳиміамъ молитвы, во вздохъ блаженствующей любви или тоскующей разлуки. Поэзія же мужественнаго возраста человѣчества, наша, новѣйшая поэзія осязаемо-изящную форму просвѣтляетъ эѳиромъ мысли, и на-яву дѣйствительности, а не во снѣ мечтаній, отворяетъ таинственныя врата священнаго храма духа. Короче: какъ романтическая поэзія была поэзіею мечты и безотчетнымъ порывомъ въ область идеаловъ, такъ новѣйшая поэзія есть *поэзія дѣйствительности*, поэзія жизни.

Раздѣленіе поэзіи на три рода—лирическую, эпическую и драматическую, выходитъ изъ ея значенія, какъ *сознанія истины* и, слѣдовательно, изъ взаимныхъ отношеній сознающаго духа—*субъекта*, къ предмету сознанія—*объекту*. *Лирическая* поэзія выражаетъ субъективную сторону человѣка, открываетъ нашему взору *внутренняго* человѣка, и потому вся она—ощущеніе, чувство, музыка. *Эпическая* поэзія есть объективное изображеніе совершившагося во времени событія, картина, которую показываетъ вамъ художникъ, выбирая для васъ лучшія точки зрѣнія, указывая на всѣ ея стороны. *Драматическая* поэзія есть примиреніе этихъ двухъ сторонъ, субъективной, или лирической, и объективной, или эпической. Передъ вами не *совершившееся*, но *совершающееся* событіе; не поэтъ вамъ сообщаетъ его, но каждое дѣйствующее лицо выходитъ къ вамъ само, говоритъ вамъ за самого-себя. Въ одно и то же время видите вы его съ двухъ точекъ зрѣнія: оно увлекается общимъ водоворотомъ драмы и дѣйствуетъ волею и неволею сообразно съ своими отношеніями къ прочимъ лицамъ и идеѣ цѣлаго созданія—вотъ его объективная сторона; оно разкрываетъ передъ вами свой внутренній міръ, обнажаетъ всѣ изгибы сердца своего; вы подслушиваете его нѣмую бесѣду съ самимъ-собою—вотъ его субъективная сторона. По-этому-то въ драмѣ всегда видите вы два элемента: эпическую объективность дѣйствія въ цѣломъ, и лирическія выходки и изліянія въ монологахъ, до того лирическія, что онѣ непремѣнно должны быть писаны стихами, и переданныя въ переводѣ прозою теряютъ свой поэтическій букетъ и переходятъ въ надутую прозу, чему доказательствомъ могутъ служить лучшія мѣста шекспировыхъ драмъ, переведенныхъ прозою (*). Въ лирической поэзіи поэтъ является намъ субъектомъ, и потому-то въ ней такъ часто и такую важную роль играетъ его личность, его *я*, а ощущенія и чувства, о которыхъ онъ говоритъ, какъ о своихъ собственныхъ, будто-бы одному ему принадлежащихъ, мы приписываемъ себѣ, узнаёмъ въ нихъ моменты собственнаго духа. Эпическій поэтъ, скрываясь за событіями, которыя заставляютъ насъ созерцать, только подразумѣвается, какъ лицо, безъ котораго мы не знали бы о совершившемся событіи; онъ даже и не всегда

(*) Да не покажется читателю противорѣчіемъ этой мысли то, что сказали мы, помѣщая въ «Отеч. Запискахъ» переводъ «Венеціанскаго Купца» (1839, томъ V книжка 9 отд. III). Мы убѣждены въ томъ, что для совершеннѣйшаго перевода шекспировыхъ драмъ стихами надобно и переводчику быть Шекспиромъ; иначе переводъ его будетъ хоть сколько-нибудь невѣренъ—невѣренъ или идеѣ или формѣ, и всегда будетъ болѣе или менѣе субъективенъ. Шекспиръ, для чтенія, можетъ и долженъ быть переводимъ прозою. Если кому удастся перевести, *какъ должно*, шекспирову драму стихами, это будетъ подвигъ, котораго одного достаточно для цѣлой жизни.

бываетъ незримо-присутствующимъ лицомъ: онъ можетъ позволять себѣ обращенія и къ самому-себѣ, говорить о себѣ, или, по-крайней-мѣрѣ, подавать свой голосъ объ изображаемыхъ имъ событіяхъ. Въ драмѣ, напротивъ, личность поэта исчезаетъ совсѣмъ и какъ-бы даже не предполагается существующею, потому-что въ драмѣ и событіе говоритъ само за себя, современно представляясь совершающимся, и каждое изъ дѣйствующихъ лицъ говоритъ само за себя, современно развиваясь и съ внутренней и съ внѣшней стороны своей.

Драматическую поэзію обыкновенно раздѣляютъ на два вида: *трагедію* и *комедію*. Разовьемъ необходимость этого раздѣленія изъ сущности идеи поэзіи, а не изъ внѣшнихъ формъ и признаковъ. Для этого мы должны раздѣлить на двѣ стороны самую поэзію, какая бы она ни была, лирическая, эпическая или драматическая: на *поэзію положенія или дѣйствительности*, и *поэзію отрицанія или призрачности* (*).

Предметъ поэзіи есть *дѣйствительность*, или *истина въ явленіи*. Тѣ, которые думаютъ, что ея предметъ — мечты и вымыслы никогда и нигдѣ небывалаго, кромѣ воображенія поэта, сбиваются словами «идеалъ» и «идеализированіе дѣйствительности». Конечно, созданія поэта не суть списки или копіи съ дѣйствительности, но они сами суть дѣйствительность, какъ *возможность*, получившая свое *осуществленіе*, и получившая это осуществленіе по непреложнымъ законамъ самой строгой необходимости: идея, рождающаяся въ душѣ поэта, есть тайна, какъ младенецъ, зачинающійся во чревѣ матери: кто можетъ угадать заранѣе индивидуальную форму той или другой? и та и другая не есть ли *возможность*, стремящаяся получить свое *осуществленіе*, не есть ли совершенно никогда и нигдѣ - небывалое, но долженствующее быть сущимъ? Идеалъ не есть собраніе разсѣянныхъ по природѣ чертъ одной идеи и сосредоточенныхъ на одномъ лицѣ, потому-что собираніе не можетъ не быть механическимъ,— а это противорѣчитъ динамическому процессу творчества. Еще менѣе идеалъ можетъ быть воображеніемъ того, чего и нѣтъ и быть не можетъ, т. е. мечтою, или украшенною природою и усовершенствованными людьми—людьми не какъ они суть, а какими будто-бы они должны быть. *Идеалъ* есть общая (абсолютная) идея, отрицающая свою общность, чтобы стать частнымъ явленіемъ, а ставши имъ, снова возвратиться къ своей общности. Объяснимъ это примѣромъ: Какая идея Шекспирова «Отелло»? Идея ревности, какъ слѣдствія обманутой любви и оскорбленной вѣры въ любовь и достоинство женщины. Эта идея не была сознательно взята поэтомъ въ основаніе его творенія, но, безъ вѣдома его, какъ незримо-падшее въ душу зерно, развилась въ образы Отелло и Дездемоны, т. е. совлеклась своей безусловной и отвлеченной общности, чтобы стать частными явленіями, личностями Отелло и Дездемоны. Но какъ лица Отелло и Дездемоны не суть лица какого-нибудь извѣстнаго Отелло и какой-нибудь извѣстной Дездемоны, а лица типическія, благодаря общей идеѣ, воплотившейся въ нихъ, то слѣдуетъ второе отрицаніе идеи или возвращенія общей идеи къ самой се-

(*) Мы увѣрены, что это слово никому не покажется страннымъ, хоть оно и ново. Всякій, понимающій слово «призракъ», вѣрно пойметъ и «призрачность», означающую совокупность свойствъ призрака, точно такъ же, какъ «разумъ» и «разумность», и проч.

бѣ. Слѣдовательно, идеализировать дѣйствительность значитъ совсѣмъ не украшать, но являть ее, какъ божественную идею, въ собственныхъ нѣдрахъ своихъ носящую творческую силу своего осуществленія изъ небытія въ живое явленіе. Другими словами, «идеализировать дѣйствительность» значитъ въ частномъ и конечномъ явленіи выражать общее и безконечное, не списывая съ дѣйствительности какія-нибудь случайныя явленія, но создавая *типическіе* образы, обязанные своимъ типизмомъ общей идеѣ, въ нихъ выражающейся. Портретъ, чей бы онъ ни былъ, не можетъ быть художественнымъ произведеніемъ, ибо онъ есть выраженіе частной, а не общей идеи, которая одна способна явиться типически; но лицо, въ которомъ бы, напримѣръ, всякій узналъ *скупаго*, есть идеалъ, какъ типическое выраженіе общей родовой идеи скупости, которая заключаетъ въ себѣ возможность всѣхъ своихъ случайныхъ явленій; поэтому, какъ скоро она стала образомъ, то въ этомъ образѣ всякій видитъ портретъ не *какого-нибудь* скупца, но портретъ всякаго *какого-нибудь* скупца, хотя бы этотъ *какой-нибудь* и имѣлъ совершенно-другія черты лица.

Подъ словомъ «дѣйствительность» разумѣется все, что есть—міръ видимый и міръ духовный, міръ фактовъ и міръ идей. Разумъ въ сознаніи и разумъ въ явленіи, словомъ, открывающійся самому-себѣ духъ, есть *дѣйствительность;* тогда-какъ все частное, все случайное, все неразумное есть *призрачность,* какъ противоположность дѣйствительности, какъ ея отрицаніе, какъ *кажущееся,* но не *сущее.* Человѣкъ пьетъ, ѣстъ, одѣвается—это міръ *призраковъ,* потому-что въ этомъ нисколько не участвуетъ духъ его; человѣкъ чувствуетъ, мыслитъ, сознаётъ себя органомъ, сосудомъ духа, конечною частностію общаго и безконечнаго — это міръ *дѣйствительности.* Человѣкъ служитъ царю и отечеству въ-слѣдствіе возвышеннаго понятія о своихъ обязанностяхъ къ нимъ, въ-слѣдствіе желанія быть орудіемъ истины и блага, въ-слѣдствіе сознанія себя, какъ части общества, своего кровнаго и духовнаго родства съ нимъ — это міръ дѣйствительности. «Овому талантъ, овому два»,—и потому, какъ бы ни была ограничена сфера дѣятельности человѣка, какъ бы ни незначительно было мѣсто, занимаемое имъ не только въ человѣчествѣ, но и въ обществѣ, но если онъ, кромѣ своей конечной личности, кромѣ своей ограниченной индивидуальности, видитъ въ жизни нѣчто общее, и въ сознаніи этого общаго, по степени своего разумѣнія, находитъ источникъ своего счастія,—онъ живетъ въ дѣйствительности и есть дѣйствительный человѣкъ, а не призракъ,—истинный, *сущій,* а не *кажущійся* только человѣкъ. Если человѣку недоступны объективные интересы, каковы жизнь и развитіе отечества, ему могутъ быть доступны интересы своего сословія, своего городка, своей деревни, такъ-что онъ находитъ какое-то, часто странное и непонятное для самого-себя, наслажденіе, для ихъ выгодъ лишаться собственныхъ личныхъ выгодъ — и тогда онъ живетъ въ дѣйствительности. Если же онъ не возвышается и до такихъ интересовъ,—пусть будетъ онъ супругомъ, отцомъ, семьяниномъ, любовникомъ, но только не въ животномъ, а въ человѣческомъ значеніи, источникъ котораго есть любовь, какъ бы ни была она ограничена, лишь бы только была отрицаніемъ его личности,—онъ опять живетъ въ дѣйствительности. На какой бы степени ни

проявился духъ, онъ — дѣйствительность, потому-что онъ любовь или безсознательная разумность, — а потомъ разумъ, или любовь, сознавшая себя.

Мы шли отъ высшихъ ступеней къ низшимъ; пойдемъ обратно, и увидимъ, что, въ сознаніи истины, высшая дѣйствительность есть религія, искусство и наука; въ жизни — историческое лицо, геній, проявившій свою дѣятельность въ которой-нибудь изъ этихъ абсолютныхъ сферъ, внѣ которыхъ все — призракъ. Практическая дѣятельность историческаго лица, имѣвшаго вліяніе на судьбу народа и человѣчества, не исключается изъ этихъ сферъ, потому-что сознаніе идеи его дѣятельности возможно только въ этихъ сферахъ.

Не все то, что̀ есть, только есть. Всякій предметъ физическаго и умственнаго міра есть или *вещь по себѣ*, или вещь и *по себѣ (an sich)* и *для себя (für sich)*. Дѣйствительно есть только то, что̀ есть и *по себѣ* и *для себя*, только то, что̀ знаетъ, что оно есть и *по себѣ* и *для себя*, и что оно есть для себя въ общемъ. Кусокъ дерева есть, но онъ есть не *для себя*, а только *по себѣ*: онъ существуетъ только какъ объектъ, а не какъ объектъ - субъектъ, и человѣкъ знаетъ о немъ, что онъ есть, а не онъ самъ знаетъ о себѣ. Это же явленіе представляетъ собою и человѣкъ, когда его сознаніе, или его субъективно-объективное существованіе заключено только въ смыслѣ или конечномъ разсудкѣ, на-глухо заперто въ соображеніи своихъ личныхъ выгодъ, въ эгоистической дѣятельности, — а не въ разумѣ, какъ въ сознаніи себя только черезъ общее, какъ въ частномъ и преходящемъ выраженіи общаго и вѣчнаго: онъ призракъ, *ничто*, хотя и кажется *чѣмъ-то*. Вы уже въ порѣ мужества, въ вашей душѣ есть любовь и вамъ доступно общее, человѣческое: обратите ваши взоры на свое прошедшее, что̀ вы тамъ увидите? Конечно, ваша память не представитъ вамъ ни платья, которое вы износили, ни кушаній, которыми вы лакомились, ни минутъ, когда удовлетворено было ваше тщеславіе, или другія мелкія страстишки и пошлыя чувстваваньица; но вы вспомните тѣ минуты, когда васъ поражалъ видъ восходящаго солнца, вечерняя заря, буря и вёдро, и всѣ явленія роскошно-великолѣпной природы, этого храма Бога живаго; вы вспомните минуты, когда вы тепло молились, плакали слезами разкаянія, любви, чистой радости, когда васъ поражала новая мысль, словомъ, всѣ моменты, всѣ феномены вашего духа, не исключая отсюда и уклоненій отъ истины, если они были моментами отрицанія, необходимыми *для* познанія истины. Конечно, вы, можетъ-быть, вспомните и платье, которое особенно возхищало вашу младенческую душу, и самоваръ, который собиралъ вокругъ себя вашего отца, мать, сестеръ и братьевъ, и садъ, въ которомъ вы играли, и калитку, изъ которой, во дни юности, выходили украдкою на сладкое свиданіе; но не платье, не самоваръ, не калитка, не всѣ эти пустыя частности исторгнутъ грустно-сладостную слезу воспоминанія изъ вашихъ глазъ, а тотъ «букетъ» жизни, тотъ ароматъ блаженства, который освятилъ ихъ *для* васъ... Чистая радость и блаженство своимъ бытіемъ, хотя бы характеръ ихъ былъ и дѣтскій, суть дѣйствительность, потому-что если они выходятъ и не изъ разумнаго сознанія, то изъ разумнаго ощущенія себя въ лонѣ вѣчнаго духа. Дѣйствительность есть во всемъ, въ чемъ только есть движеніе, жизнь, любовь; все мертвое, холодное,

неразумное, эгоистическое есть прізрачность.

Но прізрачность получаетъ характеръ необходимости, если мы, оставивъ человѣка съ его субъективной стороны, взглянемъ на него объективно, какъ на члена общества. Все служитъ духу, и истина идетъ всѣми путями, часто не разбирая ихъ. Иной удовлетворяетъ только низкимъ нуждамъ своей жизни, насыщаетъ свою страсть къ любостяжанію, и между-тѣмъ дѣлаетъ пользу обществу, нисколько не думая о его пользѣ, способствуетъ его развитію и благосостоянію, оживляя торговлю, кругообращеніе капиталовъ — одинъ изъ столбовъ, поддерживающихъ зданіе общества, эту необходимую форму для развитія человѣчества. Но дѣло въ томъ, что одинъ служитъ истинѣ для удовлетворенія потребности собственнаго духа, личнаго стремленія къ счастію; другой служитъ ему невольно и безсознательно, думая служить себѣ. Такъ бродящій по полю волъ, способствуя плодородію земли, дѣлаетъ большую пользу: но кто же ему поклонится за это, скажетъ спасибо, почувствуетъ къ нему уваженіе? А между-тѣмъ безъ такихъ *воловъ* общество было бы невозможно, и представить его безъ нихъ, значило бы представить домъ, построенный изъ камня на воздухѣ.

Дѣйствительность есть положительное жизни; прізрачность ея *отрицаніе*. Но, будучи случайностію, прізрачность дѣлается необходимостію, какъ уклоненіе отъ нормальности вслѣдствіе свободы человѣческаго духа. Такъ здоровье необходимо условливаетъ болѣзнь, свѣтъ темноту. Цѣлое заключаетъ въ себѣ всѣ свои возможности, и осуществленіе этихъ возможностей, какъ имѣющее свои причины, слѣдовательно, свою разумность и необходимость — есть дѣйствительность. Если мы возьмемъ человѣка, какъ явленіе разумности — идея человѣка будетъ неполна: чтобъ быть полною, она должна заключать въ себѣ всѣ возможности, слѣдовательно, и уклоненіе отъ нормальности, т. е. паденіе. И потому, пустой, глупый человѣкъ, сухой эгоистъ есть призракъ; но идея глупца, эгоиста, подлеца есть дѣйствительность, какъ необходимая сторона духа, въ смыслѣ его уклоненія отъ нормальности.

Отсюда являются двѣ стороны жизни — *дѣйствительная*, или *разумная дѣйствительность*, какъ *положеніе жизни*, и *прізрачная дѣйствительность*, какъ *отрицаніе жизни*. Отсюда же выходитъ и наше раздѣленіе поэзіи, какъ воспроизведеніе дѣйствительности, на двѣ стороны — положительную и отрицательную. Чтобы придать нашему созерцанію осязательную очевидность, бросимъ бѣглый взглядъ на два произведенія поэта, выражающія каждое одну изъ этихъ сторонъ жизни.

Вы возвышаетесь духомъ и предаетесь глубокой и важной думѣ, читая «Тараса Бульбу»; вы смѣетесь и хохочете, читая курьёзную «Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ»: отъ-чего эта противоположность впечатлѣнія отъ двухъ произведеній одного и того же художника? — Отъ сущности дѣйствительности, возсозданной въ томъ и другомъ, отъ-того, что первое изображаетъ положеніе жизни, а другое — ея отрицаніе. Что̀ такое Тарасъ Бульба? Герой, представитель жизни цѣлаго народа, цѣлаго политическаго общества въ извѣстную эпоху жизни. Что̀ вы видите въ этой поэмѣ? что̀ особенно поражаетъ васъ въ

ей? Общество, составленное изъ пришельцевъ разныхъ странъ, изъ удалыхъ головъ, бѣжавшихъ, кто отъ нищеты, кто отъ родительскаго проклятія, кто отъ меча закона, и, между-тѣмъ, общество, имѣющее одинъ общій характеръ, твердо сплоченное и связанное какимъ-то крѣпкимъ цементомъ. Въ чемъ эта связь? — въ православіи? — но оно такъ безтребовательно, такъ ограниченно и бѣдно въ своей сущности, что мало походитъ на религію. — «Они приходили сюда, какъ-будто возвращались въ свой собственный домъ, изъ котораго только за часъ передъ тѣмъ вышли. Пришедшій являлся только къ кошевому, который обыкновенно говорилъ: «Здравствуй. Что — во Христа вѣруешь?» — Вѣрую! — отвѣчалъ приходившій. «И въ Троицу святую вѣруешь?» — Вѣрую! — «И въ церковь ходишь?» — Хожу. — «А ну, перекрестись!» Пришедшій крестился. «Ну, хорошо» отвѣчалъ кошевой: «ступай же въ который самъ знаешь курень»». Этимъ оканчивалась вся церемонія.» — Нѣтъ, тутъ была другая, сильнѣйшая связь: это удальство, которому жизнь — копейка, голова — наживное дѣло; это жажда дикихъ натуръ, людей кипящихъ избыткомъ исполинскихъ силъ, — жажда наполнить свою жизнь, тяготимую бездѣйствіемъ и праздностію: что лучше могло наполнить ее, удовлетворить дикій духъ человѣка могучаго, но безъ идей, безъ образованности, почти полу-дикаря, какъ не кровавая сѣча, какъ не отчаянное удальство во время войны, и не бѣшеная гульба во время мира? Отъ-того-то и въ этой гульбѣ нѣтъ ничего оскорбляющаго чувство, но такъ много поэтическаго; отъ-того-то эта гульба была, какъ превосходно выразился поэтъ, *широкимъ размѣтомъ души.* Итакъ, вотъ гдѣ основа и источникъ казацкой жизни и Запорожской Сѣчи, «того гнѣзда, откуда вылетали тѣ гордые и крѣпкіе, какъ львы», и вотъ гдѣ основная идея поэмы Гоголя. Тарасъ Бульба является у него представителемъ этой жизни, идеи этого народа, апотеозомъ этого *широкаго размета души.* Дурной мужъ, какъ всѣ люди полудикой гражданственности, онъ любитъ своихъ сыновей, потому-что изъ нихъ должны выйдти *важные лыцари,* и онъ не любилъ бы и презиралъ бы дочерей своихъ, еслибы имѣлъ ихъ, потому-что онъ никакъ не могъ понять, что хорошаго въ человѣкѣ, если онъ не годится въ *лыцари.* Онъ былъ христіанинъ и православный по преданію, въ самомъ отвлеченномъ смыслѣ: рѣдко видалъ церковь Божію, и въ правилахъ жизни своей руководствовался обычаемъ и собственными страстями, а не религіею — и между-тѣмъ зарѣзалъ бы роднаго сына за малѣйшее слово противъ религіи, и фанатически ненавидѣлъ басурмановъ. Онъ любилъ свою родную Украйну и ничего не зналъ выше и прекраснѣе удалаго казачества, потому-что чувствовалъ то и другое въ каждой каплѣ крови своей, и духъ того и другаго нашелъ въ немъ свой настоящій сосудъ, рѣзкими, рельефными чертами выпечатлѣлся на его полудикой физіономіи и во всей его полудикой личности. Народную вражду онъ смѣшалъ съ личною ненавистію, и когда къ этому присоединился дикій фанатизмъ отвлеченной религіозности, то мысль о *поганомъ католичествѣ,* какъ называлъ онъ Поляковъ, представлялась ему въ формѣ дымящейся крови, предсмертныхъ стоновъ и зарева пылающихъ городовъ, селъ, монастырей и костеловъ... Это лицо совершенно-трагическое;

его комизмъ только въ противоположности формъ его индивидуальности съ нашими—комизмъ чисто - внѣшній. Вы смѣетесь, когда онъ дерется на кулачки съ роднымъ сыномъ и пресерьёзно совѣтуетъ ему тузить всякаго, какъ онъ тузилъ своего батьку; но вы уже и не улыбаетесь, когда видите, что онъ попался въ плѣнъ, потянувшись за грошевою люлькою; но вы содрогаетесь, только еще видя, что онъ, въ яростной битвѣ, приближается къ оторопѣвшему сыну — сердце ваше предчувствуетъ трагическую катастрофу; но у васъ замираетъ духъ отъ ужаса, когда въ вашемъ слухѣ раздается этотъ *комическій* вопросъ: «чтò, сынку?»; но вы болѣзненно раздѣляете это мимолетное умиленіе желѣзнаго характера, выразившееся въ словахъ Бульбы: «Чѣмъ бы не казакъ былъ?—и станомъ высокій, и чернобровый, и лицо какъ у дворянина, и рука была крѣпка въ бою—пропалъ, пропалъ безъ славы!...» А эта страшная жажда мести у Бульбы противъ красавицы Польки, по мнѣнію его чарами погубившей его сына, и потомъ — это море крови и пожаровъ, объявшее враждебный край и, среди его, грозная фигура стараго фанатика, совершавшаго страшную тризну въ память сына; наконецъ, это омертвѣніе могучей души, оглушенной двукратнымъ потрясеніемъ, потерею обоихъ сыновей: «Неподвижный сидѣлъ онъ на берегу моря, шевеля губами и произнося: «Остапъ мой, Остапъ мой!» Передъ нимъ сверкало и разстилалось Черное Море; въ дальнемъ тростникѣ кричала чайка; бѣлый усъ его серебрился и слезы капали одна за другою...» А это безконечно-знаменательное «слышу, сынку!» и эта вторая страшная тризна мщенія за втораго сына, кончившаяся смертію мстителя, и какою смертію! — привязанный желѣзною цѣпью къ стоячему бревну, съ пригвожденною рукою, кричалъ онъ своимъ «хлопцамъ», чтò имъ надо дѣлать, чтобы спастись отъ непріятеля, и изъявлялъ свой восторгъ отъ ихъ удальства и проворства... Видите ли: у этого человѣка была идея, которою онъ жилъ и для которой онъ жилъ; видите ли: онъ не пережилъ ея, онъ умеръ вмѣстѣ съ нею... Для нея убилъ онъ собственною рукою милаго сына, для нея онъ умеръ и самъ... Въ его душѣ жила одна идея, и всѣ другія были ему недоступны, враждебны и ненавистны. А жизнь въ объективной идеѣ, до претворенія ея въ субъективную стихію жизни — есть жизнь въ разумной дѣйствительности, въ положеніи, а не въ отрицаніи жизни. Грубость и ограниченность Бульбы принадлежатъ не къ его личности, но къ его народу и времени. Сущность жизни всякаго народа есть великая дѣйствительность: — въ Тарасѣ Бульбѣ эта сущность нашла свое полнѣйшее выраженіе.

Совсѣмъ другой міръ представляетъ вамъ ссора Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ. Это міръ случайностей, неразумности; это отрицаніе жизни, пошлая, грязная дѣйствительность. Но какимъ же образомъ могла она сдѣлаться содержаніемъ художественнаго произведенія, и не унизилъ ли художникъ своего таланта, сдѣлавъ изъ него такое употребленіе? Резонёры, которымъ доступна одна внѣшность, а не мысль, отвѣтятъ вамъ утвердительно на этотъ вопросъ. Мы думаемъ напротивъ. Какъ мы уже сказали, частное явленіе отрицанія жизни возбуждаетъ одно отвращеніе и есть призракъ; но какъ идея, какъ необходимая сторона жизни, призрачность получаетъ характеръ дѣйстви-

тельности и, слѣдовательно, можетъ и должна быть предметомъ искусства. Тутъ задача въ томъ, чтобы въ основаніи художественнаго произведенія лежала общая идея, и чтобы изображенія поэта были не списками съ частныхъ явленій (эти списки — суть призраки), но идеалы, для-того перешедшіе въ дѣйствительность явленія, чтобы каждый изъ нихъ былъ выраженіемъ идеи, представителемъ цѣлаго ряда, безконечнаго множества явленій одной идеи, и, будучи въ этомъ значеніи общимъ, былъ бы въ то же время единымъ — живою, замкнутою въ самой-себѣ особностію. Всякая частность есть случайность, и если ея значеніе низко и пошло — она оскорбляетъ человѣческое, эстетическое чувство; но общее, хотя бы и отрицательной стороны жизни, уже дѣлается предметомъ знанія, и теряетъ свою случайность. Вотъ, еслибы поэтъ, въ изображеніяхъ такого рода явленій, вздумалъ оправдывать свои субъективныя убѣжденія, и грязь жизни выдавать субъективно за поэзію жизни,—тогда бы его изображенія были отвратительны; но тогда бы онъ уже и пересталъ быть поэтомъ. Они существуютъ для него *объективно*, всѣ они внѣ его, но онъ самъ въ нихъ, потому-что поэтическимъ ясновидѣніемъ своимъ онъ провидитъ ихъ идею и, проведя ихъ чрезъ свою творческую фантазію, просвѣтляетъ этою идеею ихъ естественную грубость и грязность. Объективность, какъ необходимое условіе творчества, отрицаетъ всякую моральную цѣль, всякое судопроизводство со стороны поэта. Изображая отрицательныя явленія жизни, поэтъ нисколько не думаетъ писать сатиры, потому-что сатира не принадлежитъ къ области искуства и никогда не можетъ быть художественнымъ произведеніемъ. Рисуя нравственныхъ уродовъ, поэтъ дѣлаетъ это совсѣмъ не скрѣпя сердце, какъ думаютъ многіе: нельзя сердиться и творить въ одно и то же время; досада портитъ желчь и отравляетъ наслажденіе, а минута творчества есть минута высочайшаго наслажденія. Поэтъ не можетъ ненавидѣть свои изображенія, каковы бы они ни были; напротивъ, скорѣе онъ ихъ любитъ, потому-что они представляются ему уже просвѣтленными идеею.

Были два пріятеля-сосѣда, соединенные другъ съ другомъ неразрывными узами взаимной пошлости, привычки и праздности. Мы не будемъ ихъ описывать послѣ изображенія, сдѣланнаго поэтомъ; если читали, вы помните и знаете Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича. Были они искренними друзьями, и вдругъ сдѣлались страшными врагами, и прожили все свое имѣніе, стараясь доѣхать другъ друга судомъ. А отъ-чего? Стоитъ провести по нѣскольку чертъ характера каждаго — и вы поймете причину этого страннаго явленія. Иванъ Ивановичъ былъ человѣкъ весьма-солидный, самаго тонкаго обращенія, терпѣть не могъ грубыхъ или непристойныхъ словъ, и когда потчивалъ кого-нибудь знакомаго табакомъ, то говорилъ: «смѣю ли просить, государь мой, объ одолженіи?», а если незнакомаго, то: «смѣю ли просить, государь мой, не имѣя чести знать чина, имени и отчества, объ одолженіи?» онъ любилъ лежать на солнцѣ подъ навѣсомъ въ одной рубашкѣ только послѣ обѣда, а вечеромъ надѣвалъ бекешъ, выходя со двора; но самая рѣзкая черта его характера была та, что, съѣвши дыню, онъ завертывалъ въ бумажку сѣмена, и надписывалъ: «Сія дыня съѣдена такого-то числа», а если при этомъ былъ гость, то: «участво-

валъ такой-то». Присовокупите къ этому портрету страшную скупость и высокую цѣну, придаваемую земнымъ благамъ — и Иванъ Ивановичъ весь передъ вами. Иванъ Никифоровичъ отличался отъ своего друга толстотою и любилъ употреблять въ разговорѣ непристойныя слова, къ крайнему неудовольствію достойнаго Ивана Ивановича; любилъ въ жаркіе дни выставлять на солнце спину, садиться по горло въ воду, куда ставилъ столъ и самоваръ и пилъ чай; любилъ въ комнатѣ лежать *въ натурѣ*, и когда потчивалъ кого изъ своей табакерки табакомъ, то просто говорилъ: «одолжайтесь». Теперь вы видите всю эту жизнь, понятную только въ произведеніи художника, но случайную, безсмысленную и глупо-животную въ дѣйствительности. Оба героя призраки, (въ томъ смыслѣ, который мы выше придали этому слову), и все, что они ни дѣлаютъ, есть призракъ, пустота, безсмыслица. Въ ихъ характерахъ уже лежитъ, какъ необходимость, ихъ ссора. Ивану Ивановичу захотѣлось имѣть у себя ружье Ивана Никифоровича; за-чѣмъ? — не спрашивайте: онъ самъ этого не знаетъ. Мы думаемъ, что это было безсознательнымъ желаніемъ чѣмъ-нибудь наполнить свою праздную пустоту, потому-что пустота, вълѣдствіе праздности, тяжка и мучительна для всякаго человѣка, какъ бы ни былъ онъ пошлъ. Иванъ Никифоровичъ, по такой же причинѣ, не хотѣлъ уступить ему своего ружья, хотя тотъ и обѣщалъ ему за него приличное вознагражденіе — бурую свинью и мѣшокъ гороха. Завязался *крупный разговоръ*, въ которомъ Иванъ Никифоровичъ, грубый въ своихъ выходкахъ, назвалъ Ивана Ивановича, этого до крайности деликатнаго и щекотливаго со стороны своей чести и аттенціи человѣка, назвалъ его — о, ужасъ! — *гусакомъ* . . .

Великая, безконечно-великая черта художническаго генія этотъ гусакъ! Еслибы поэтъ причиною ссоры сдѣлалъ дѣйствительно оскорбительныя ругательства, пощечину, драку — это испортило бы все дѣло. Нѣтъ, поэтъ понялъ, что въ мірѣ призраковъ, которому онъ давалъ объективную дѣйствительность, и забавы, и занятія, и удовольствія, и горести, и страданія, и самое оскорбленіе — все призрачно, безсмысленно, пусто и пошло. Не думайте, чтобы эти два чудака были отъ природы созданы такими: нѣтъ, природа справедлива къ людямъ — она каждому даетъ въ мѣру чего и сколько ему нужно. Конечно, эти чудаки и отъ природы были небойкіе люди, но и имъ нашлась бы своя ступенька на безконечной лѣстницѣ человѣческой и гражданской дѣйствительности: они могли бъ быть хорошими мужьями, отцами, хозяевами, и имѣть, сообразно съ занимаемымъ ими мѣстечкомъ въ цѣпи явленій духа, свою благообразность формы; но возпитаніе, животная лѣнь, праздность, невѣжество — вотъ что сдѣлало ихъ такими. Ихъ хотятъ примирить и почти-было успѣли въ этомъ; уже Иванъ Никифоровичъ полѣзъ въ карманъ, чтобы достать рожокъ и сказать «одолжайтесь», но вдругъ лукавый дернулъ его замѣтить, что не стоитъ сердиться изъ пустаго слова «гусакъ». Видите ли: еслибы онъ гусака замѣнилъ птицею, или выразился какъ-нибудь иначе, они снова были бы друзьями; но роковое слово было сказано, и снова прадѣдовскіе карбованцы полетѣли изъ желѣзныхъ сундуковъ въ карманы подьячихъ, и имѣніе, внѣшнее и внутреннее благостояніе, вся жизнь была изтощена въ тяжбѣ. Десять лѣтъ прошло, головы

нхъ убѣлялись сѣдиною, и поэтъ восклицаетъ: «Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!»

Да! грустно думать, что человѣкъ, этотъ благороднѣйшій сосудъ духа, можетъ жить и умереть призракомъ и въ призракахъ, даже и не подозрѣвая возможности дѣйствительной жизни! И сколько на свѣтѣ такихъ людей, сколько на свѣтѣ Ивановъ Ивановичей и Ивановъ Никифоровичей!...

Начиная говорить о «Тарасѣ Бульбѣ» и «Ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ», мы не думали писать критики на эти два великія произведенія поэзіи: это не относилось къ нашему предмету и далеко превзошло бы наши силы. Мы только взглянули на нихъ мимоходомъ, и только съ одной стороны—съ той, которая непосредственно относится къ предмету нашей статьи. Мы показали, что элементы трагическаго находятся въ дѣйствительности, въ положеніи жизни, такъ-сказать; а элементы комическаго въ призрачности, имѣющей только объективную дѣйствительность, въ отрицаніи жизни. Трагедія можетъ быть и въ повѣсти, и въ романѣ, и въ поэмѣ, и въ нихъ же можетъ быть комедія. Что̀ же такое, какъ не трагедія, «Тарасъ Бульба», «Цыганы» Пушкина, и что̀ же такое «Ссора Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ», «Графъ Нулинъ» Пушкина, какъ не комедія?.. Тутъ разница въ формѣ, а не въ идеѣ. Но перейдемъ къ трагедіи и комедіи, и взглянемъ на нихъ поближе.

Трагическое заключается въ столкновеніи естественнаго влеченія сердца съ идеею долга, въ проистекающей изъ того борьбѣ и, наконецъ, побѣдѣ или паденіи. Изъ этого видно, что кровавый конецъ тутъ ровно ничего не значитъ: Иванъ Ивановичъ могъ бы зарѣзать Ивана Никифоровича, а потомъ и себя, но комедія все бы осталась комедіею. Объяснимъ это примѣромъ. Андрій, сынъ Бульбы, полюбилъ дѣвушку изъ враждебнаго племени, которой онъ не могъ отдаться, не измѣнивъ отечеству: вотъ столкновеніе (коллизія), вотъ ошибка между влеченіемъ сердца и нравственнымъ долгомъ. Борьбы не было: пылкая натура, кипящая юными силами, отдалась безъ размышленія влеченію сердца. Будете ли вы осуждать ее, имѣете ли право на это? Нѣтъ, рѣшительно нѣтъ. Поймите безконечно-глубокую идею суда Спасителя надъ блудницею, и не поднимайте камня. А, между-тѣмъ, Андрій все-таки виноватъ предъ нравственнымъ закономъ. Но если бы въ жизни не было такихъ столкновеній, то не было бы и жизни, потому-что жизнь только въ противорѣчіяхъ и примиреніи, въ борьбѣ воли съ долгомъ и влеченіемъ сердца, и въ побѣдѣ или паденіи. Чтобы подать людямъ великій и поразительный примѣръ процесса осуществленія развивающейся идеи и урокъ нравственности, судьба избираетъ благороднѣйшіе сосуды духа и дѣлаетъ ихъ уже не преступниками, но очистительными жертвами, которыми изкупается истина. Отелло потому и свершилъ страшное убійство невинной жены, и палъ подъ тяжестію своего проступка, что онъ былъ могучъ и глубокъ: только въ *такихъ* душахъ кроется возможность трагической коллизіи, только изъ *такой* любви могла выйдти *такая* ревность и *такая* жажда мести. Онъ думалъ отмстить своей женѣ столько же за себя, сколько и за поруганное ея мнимымъ преступленіемъ человѣческое достоинство.

Человѣкъ живетъ въ двухъ сферахъ, въ субъективной, со стороны которой

онъ принадлежитъ только себѣ и больше никому, и въ объективной, которая связываетъ его съ семействомъ, съ обществомъ, съ человѣчествомъ. Эти двѣ сферы противоположны: въ одной онъ господинъ самого-себя, никому неотдающій отчета въ своихъ стремленіяхъ и склонностяхъ; въ другой онъ весь въ зависимости отъ внѣшнихъ отношеній. Но такъ-какъ этотъ объективный міръ суть законы его же собственнаго разума, только внѣ его осуществившіеся, какъ явленія; такъ-какъ этотъ объективный міръ требуетъ отъ него того же самого, чего и онъ требуетъ для себя отъ объективнаго міра, — то онъ и связанъ съ нимъ неразрывными узами крови и духа. Въ-слѣдствіе этихъ-то кровно-духовныхъ узъ, нравственность выходитъ изъ гармоніи субъективнаго человѣка съ объективнымъ міромъ, и если та и другая сторона позволяетъ ему предаться влеченію сердца, нѣтъ столкновенія, ни борьбы, ни побѣды, ни паденія, но есть одно свѣтлое торжество счастія. Когда же они расходятся, и одна влечетъ его въ сторону, а другая въ другую, — является столкновеніе, и чѣмъ бы человѣкъ ни вышелъ изъ этой битвы — побѣжденнымъ или побѣдителемъ — для него нѣтъ уже полнаго счастія: онъ застигнутъ судьбою. Если онъ увлекся влеченіемъ сердца и оскорбилъ нравственный законъ, изъ этого оскорбленія вытекаетъ, какъ необходимый результатъ, его наказаніе, потому-что отношенія его къ объективному міру тѣмъ глубже и священнѣе, чѣмъ онъ больше человѣкъ. Въ собственной душѣ его корни нравственнаго закона, и онъ самъ свой судья и свое наказаніе: еслибы борьба и не разрѣшилась кровавою катастрофою, его блаженство уже отравлено, уже неполно, потому-что сознаніе его незаконности не только въ людяхъ, показывающихъ на него пальцами, но въ собственномъ его духѣ. Еще прежде, нежели Бульба убилъ Андрія, Андрій былъ уже наказанъ: онъ поблѣднѣлъ и задрожалъ, увидѣвъ отца своего. Одно уже то, что онъ нашелъ себя въ страшной необходимости занести убійственную руку на соотечественниковъ, наконецъ, на отца, было наказаніемъ, которое стоило смерти, и которое смерть сдѣлала для него выходомъ, спасеніемъ, а не карою. И самое блаженство его — не отравлялось ли оно какою-то мрачною, тяжелою мыслію? Мы сказали, что Андрій увидѣлъ себя въ страшной необходимости лить кровь своихъ соотечественниковъ, своихъ единовѣрцевъ: да, въ необходимости, которая, какъ слѣдствіе изъ причины, логически проистекла изъ его поступка. Макбетъ, томимый жаждою властолюбія, достигнувъ престола убійствомъ своего законнаго короля, своего родственника и благодѣтеля, мужа кроткаго и благороднаго, думалъ, можетъ-быть, снять съ себя вину цареубійства, мудро управляя народомъ и даровавъ ему внѣшнюю безопасность и внутреннее благоденствіе; но ошибся въ своихъ разсчетахъ: не внѣшній случай былъ его карою, но самъ онъ наказалъ себя: во всѣхъ онъ видѣлъ своихъ враговъ, даже въ собственной тѣни, и скоро самъ созналъ это, увидѣвъ логическую необходимость новыхъ злодѣйствъ, и сказавъ:

Кто зло посѣялъ — зломъ и поливай!

Кровавая катастрофа въ трагедіи не бываетъ случайною и внѣшнею: зная характеръ Бульбы, вы уже впередъ знаете, какъ онъ поступитъ съ сыномъ, если встрѣтится съ нимъ: сыноубійство для васъ уже заранѣе - очевидная необходимость. Но сущность трагическаго не въ кровавой развязкѣ, которая

можетъ произвести только чувство подавляющаго ужаса, смѣшаннаго съ отвращеніемъ, а въ идеѣ необходимости кровавой развязки, какъ актѣ нравственнаго закона, отмщающаго за свое нарушеніе, и вотъ почему, когда занавѣсь скрываетъ отъ васъ сцену, покрытую трупами, вы уходите изъ театра съ какимъ-то успокоивающимъ чувствомъ, съ тихою и глубокою думою о таинствѣ жизни. Потому же самому вы примиряетесь и съ благородными жертвами, человѣчески понимая, какъ трудно было имъ пройдти безвредно между Сциллою сердечнаго влеченія и Харибдою нравственнаго закона, удовлетворить вмѣстѣ и субъективнымъ требованіямъ и объективнымъ обязанностямъ.

Само-собою разумѣется, что, когда герой трагедіи выходитъ изъ борьбы побѣдителемъ, то развязка можетъ обойдтись безъ крови, но что драма отъ этого не теряетъ своего трагическаго величія. Что̀ можетъ быть выше, какъ зрѣлище человѣка, который отрекся отъ того, что̀ составляло условіе, сферу, воздухъ, жизнь его жизни, свѣтъ его очей, для котораго навсегда потеряна надежда на полноту блаженства, и для котораго остается одинъ выходъ—сосредоточивъ въ себѣ бремя несчастія, нести его въ благородномъ молчаніи, тихой грусти и сознаніи великодушной побѣды?... Равно-величественное зрѣлище представляетъ собою человѣкъ, падшій жертвою своей побѣды: таковъ былъ бы Гамлетъ, который для-того, чтобъ исполнить долгъ мщенія за отца, отказался отъ блаженства любви, если бы въ его дѣйствіяхъ было видно больше рѣшительности и полноты натуры.

Трагедія выражаетъ не одно положеніе, но и отрицаніе жизни,—только отрицаніе трагическаго характера. Мы разумѣемъ тѣ страшныя уклоненія отъ нормальности, къ которымъ способны только сильныя и глубокія души. Макбетъ Шекспира—злодѣй, но злодѣй съ душою глубокою и могучею, отъ-чего онъ, вмѣсто отвращенія, возбуждаетъ участіе: вы видите въ немъ человѣка, въ которомъ заключалась такая же возможность побѣды, какъ и паденія, и который, при другомъ направленіи, могъ бы быть другимъ человѣкомъ. Но есть злодѣи какъ - будто по своей натурѣ, есть демоны человѣческой природы, по выраженію Рётшера: такова леди Макбетъ, которая подала кинжалъ своему мужу, подкрѣпила и вдохновила его сатанинскимъ величіемъ своего отверженія отъ всего человѣческаго и женственнаго, своимъ демонскимъ торжествомъ надъ законами человѣчеекой и женственной натуры, адскимъ хладнокровіемъ своей рѣшимости на мрачное злодѣйство. Но для слабаго сосуда женской организаціи былъ слишкомъ не въ-мѣру такой сатанинскій духъ, и сокрушилъ его своею тяжестію, разрѣшивъ безумство сердца помѣшательствомъ разсудка, тогда-какъ самъ Макбетъ встрѣтилъ смерть подобно великому человѣку, и этимъ помирилъ съ собою душу зрителя, для котораго въ его паденіи совершилось торжество нравственнаго духа. Вообще, демоны человѣческой натуры возбуждаютъ въ нашей душѣ больше трагическаго ужаса, нежели человѣческаго участія: только ихъ гибель миритъ васъ съ ними. Въ нихъ есть своя безконечность, свое величіе, потому-что всякая безконечная сила духа, хотя бы проявляющая себя въ одномъ злѣ, носитъ на себѣ характеръ величія, но величія чисто-объективнаго, которое невольно хочетъ созерцать, какъ невольно смотришь на удава или гремучаго змѣя, но котораго себѣ

не пожелаешь. Итакъ, предметомъ трагедіи можетъ быть и отрицательная сторона жизни, но являющаяся въ силѣ и ужасѣ, а не въ мелкости и смѣхѣ,—въ огромныхъ размѣрахъ, а не въ ограниченности, — въ страсти, а не страстишкахъ,—въ преступленіи, а не въ проступкѣ,—въ злодѣйствѣ, а не въ плутняхъ.

Обратимся къ комедіи, составляющей главный предметъ нашей статьи. Ея значеніе и сущность теперь ясны: она изображаетъ отрицательную сторону жизни, призрачную дѣятельность. Какъ величіе и граціозность составляютъ характеръ трагедіи, такъ смѣшное составляетъ характеръ комедіи. Грандіозность трагедіи вытекаетъ изъ нравственнаго закона, осуществляющагося въ ней судьбою ея героевъ — людей возвышенныхъ и глубокихъ, или отверженцевъ человѣческой природы, падшихъ ангеловъ; смѣшное комедіи вытекаетъ изъ безпрестаннаго противорѣчія явленій съ законами высшей разумной дѣйствительности. Какъ основа трагедіи на *трагической* борьбѣ, возбуждающей, смотря по ея характеру, ужасъ, состраданіе или заставляющей гордиться достоинствомъ человѣческой природы и открывающей торжество нравственнаго закона, такъ и основа комедіи — на *комической* борьбѣ, возбуждающей смѣхъ; однакожь въ этомъ смѣхѣ слышится не одна веселость, но и мщеніе за униженное человѣческое достоинство, и такимъ-образомъ, другимъ путемъ, нежели въ трагедіи, но опять-таки открывается торжество нравственнаго закона.

Всякое противорѣчіе есть источникъ смѣшнаго и комическаго. Противорѣчіе явленій съ законами разумной дѣйствительности обнаруживается въ призрачности, конечности и ограниченности — какъ въ Иванѣ Ивановичѣ и Иванѣ Никифоровичѣ; противорѣчіе явленія съ собственною его сущностью, или идеи съ формою, представляется то какъ противорѣчіе поступковъ человѣка съ его убѣжденіями — *Чацкій;* то какъ представленіе себя не тѣмъ, что̀ есть—титулярный совѣтникъ *Поприщинъ*, (у Гоголя, въ «Запискахъ Сумасшедшаго»), воображавшій себя Фердинандомъ VIII, королемъ испанскимъ; то какъ достолюбезность или смѣшная форма вслѣдствіе воспитанія, привычекъ, субъективной ограниченности, односторонности понятій, странной наружности, манеръ, при достоинствѣ содержанія,—эта сторона комическаго есть и въ самомъ Тарасѣ Бульбѣ. Вообще не должно забывать, что элементы трагическаго и комическаго въ поэзіи смѣшиваются такъ же, какъ и въ жизни; почему, въ драмахъ Шекспира, вмѣстѣ съ героями являются шуты, чудаки и люди ограниченные. Такъ точно и въ комедіи могутъ быть лица благородныя, характеры глубокіе и сильные. Различіе трагедіи и комедіи не въ этомъ, а въ ихъ сущности. Противорѣчіе явленія съ собственною его сущностію, или идеи съ формою, можетъ быть и въ трагедіи, но тамъ оно есть уже источникъ не смѣшнаго и комическаго, а ужаснаго и грандіознаго, если выражается въ героѣ, долженствующемъ осуществить нравственный законъ. *Алеко* Пушкина — человѣкъ съ душою глубокою и сильною, по-крайней-мѣрѣ, съ огнедышащими страстями и ужасною волею для свершенія ужаснаго:

. . . . Нѣтъ, я не споря,
Отъ правъ моихъ не откажусь;
Или хоть мщеньемъ наслаждусь.
О, нѣтъ! когда бъ надъ бездной моря
Нашелъ я спящаго врага,
Клянусь, и тутъ моя нога
Не пощадила бы злодѣя;
Я въ волны моря, не блѣднѣя,

И беззащитнаго бъ толкнулъ;
Внезапный ужасъ пробужденья
Свирѣпымъ смѣхомъ упрекнулъ,
И долго мнѣ его паденья
Смѣшенъ и сладокъ былъ бы гулъ.

Но что̀ онъ представляетъ собою, какъ не противорѣчіе идеи съ формою? Онъ враждуетъ съ человѣческимъ обществомъ за его предразсудки, противные правамъ природы, за его стѣснительныя условія, и между-тѣмъ самъ вноситъ эти предразсудки къ бѣднымъ дѣтямъ природы, эти стѣснительныя условія къ полудикимъ дѣтямъ вольности; однакожь изъ этого противорѣчія выходитъ не смѣхъ, а убійство и ужасъ трагическій—торжество нравственнаго закона. *Чацкій* Грибоѣдова представляетъ собою то же противорѣчіе идеи съ формою: онъ хочетъ изправить общество отъ его глупостей, и чѣмъ же? своими собственными глупостями, разсуждая съ глупцами и невѣждами о «высокомъ и прекрасномъ», читая проповѣди и диспутаціи на балахъ, и всякаго ругая, какъ вырвавшійся изъ сумасшедшаго дома. И его противорѣчіе смѣшно, потому-что оно—буря въ стаканѣ воды, тогда-какъ противорѣчіе *Алеко* — страшная буря на океанѣ. Герои трагедіи—герои человѣчества, его могущественнѣйшія проявленія; герои комедіи — люди обыкновенные, хотя бы даже и умные и благородные. Міръ трагедіи—міръ безконечнаго въ страстяхъ и волѣ человѣка; міръ комедіи—міръ ограниченности, конечности. Если въ комедіи, между дѣйствующими лицами, есть герой человѣчества, онъ играетъ въ ней обыкновенную роль, такъ-что въ немъ никто не видитъ, а развѣ только подозрѣваетъ *въ возможности* героя человѣчества. Но какъ-скоро онъ является такимъ героемъ и осуществляетъ своею судьбою торжество нравственнаго закона, то хотя бы всѣ остальныя лица были дураки и смѣшили васъ до слезъ своимъ противорѣчіемъ съ разумною дѣйствительностію—драматическое произведеніе уже не комедія, а трагедія.

Но есть еще нѣчто среднее между трагедіею и комедіею. Можетъ быть такое произведеніе, которое, не представляя собою трагической коллизіи, какъ осуществленія нравственнаго закона, тѣмъ не менѣе выражаетъ собою положительную сторону бытія, явленіе разумной дѣйствительности, жизнь духа. Мы выше сказали, что на какой бы степени ни явился духъ — его явленіе есть уже дѣйствительность въ разумномъ и положительномъ смыслѣ этого слова. Какъ двѣ полярности одной и той же силы, какъ двѣ противоположныя крайности одной и той же идеи—идеи дѣйствительности, мы представили «Тараса Бульбу» и «Ссору Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ»: теперь мы должны, для уясненія нашей мысли, указать на третье произведеніе того же поэта—«Старосвѣтскіе Помѣщики». Вы смѣетесь, читая изображеніе незатѣйливой жизни двухъ милыхъ оригиналовъ, жизни, которая протекаетъ въ ежеминутномъ «покушиваніи» разныхъ разностей; вы смѣетесь надъ этою простодушною любовію, скрѣпленною могуществомъ привычки и потомъ превратившеюся въ привычку: но вашъ смѣхъ весело-добродушенъ, и въ немъ нѣтъ ничего досаднаго, оскорбительнаго; но васъ поражаетъ родственною горестью смерть доброй Пульхеріи Ивановны, и вы, послѣ, болѣзненно сочувствуете безотрадной горести стараго младенца, апоплексически замершаго душевно и тѣлесно отъ утраты своей няньки, лелѣявшей его безтребовательную жизнь и сдѣлавшейся ему

необходимою, какъ воздухъ для дыханія, какъ свѣтъ для очей, и вамъ, наконецъ, тяжело становится при видѣ ниспроверженія домашнихъ пенатовъ хлѣбосольной четы, которое произвелъ глупый племянникъ, прицѣнявшійся на ярмаркахъ къ оптовымъ цѣнамъ, а покупавшій только кремешки и огнивки. Отъ-чего же такъ привязываютъ васъ къ себѣ эти люди, добродушные, но ограниченные, даже и неподозрѣвающіе, что можетъ существовать сфера жизни, высшая той, въ которой они живутъ, и которая вся состоитъ въ спаньѣ, или въ подчиваньѣ и кушаніи? Отъ-того, что это были люди, по своей натурѣ неспособные ни къ какому злу, до того добрые, что всякаго готовы были угостить на-смерть, люди, которые до того жили одинъ въ другомъ, что смерть одного была смертію для другаго, смертію, въ тысячу разъ ужаснѣйшую, нежели прекращеніе бытія; слѣдовательно, основою ихъ отношеній была любовь, изъ которой вышла привычка, укрѣплявшая любовь. Это любовь еще на слишкомъ-низкой ступени своего проявленія, но вышедшая изъ общаго, родоваго, вовѣки неизсякающаго источника любви. Это уже явленіе духа, хотя еще слабое и ограниченное, ступень духа, хотя еще и низшая; но уже явленіе не призрака, а духа, уже положеніе, а не отрицаніе жизни;—словомъ, своего рода разумная дѣйствительность. Мы жалѣемъ, что не можемъ указать ни на одно произведеніе такого рода въ драматической формѣ: оно было бы именно такимъ, которое не есть ни трагедія, ни комедія, но то среднее между ними, о которомъ мы говоримъ. Такого-то рода произведенія назывались въ-старину «слезными комедіями» и «мѣщанскими трагедіями», а потомъ «драмами». Они обыкновенно заключали въ себѣ трогательное и даже «бѣдственное» произшествіе, «благополучно окончившееся». Плодовитая досужесть Коцебу въ-особенности снабжала XVIII вѣкъ этими «драмами», которыя были бы именно тѣмъ, о чемъ мы говоримъ, еслибъ были художественны. И въ-самомъ-дѣлѣ, такія среднія между трагедіею и комедіею «драмы», по своей сущности, удобнѣе къ такъ-называемой «благополучной развязкѣ», хотя эта «счастливая развязка» и отнюдь не составляетъ ни ихъ сущности, ни ихъ необходимаго условія. Мы выше сказали, что кровавая развязка не есть непремѣнное условіе даже самой трагедіи; но трагедія необходимо требуетъ жертвъ — кто бы они ни были, добрые или злые, и чрезъ что̀ бы ими ни были, чрезъ смерть или утрату надежды на счастіе жизни: ибо только въ борьбѣ можетъ вполнѣ и торжественно осуществиться торжество нравственнаго закона, которое есть высочайшее торжество духа и величайшее явленіе міровой жизни; почему и трагедія есть высшая сторона, цвѣтъ и торжество драматической поэзіи. Изъ этого ясно видно, что «драма» можетъ изображать явленія разумной дѣйствительности на всѣхъ ея ступеняхъ, а не только на первыхъ, какъ въ приведенныхъ нами въ примѣръ «Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ». Отъ комедіи она существенно разнится тѣмъ, что представляетъ не отрицательную, а положительную сторону жизни; а отъ трагедіи она существенно разнится тѣмъ, что, даже и выражая торжество нравственнаго закона, дѣлаетъ это не чрезъ трагическое столкновеніе, въ самомъ-себѣ неизбѣжно заключающее условіе жертвъ, и слѣдовательно лишена трагическаго величія и не досягаетъ до высшихъ міровыхъ сферъ духа. Мы думаемъ, что

въ-слѣдствіе такого умозрительнаго построенія, можно причислить къ «драмамъ», на-примѣръ, шекспирова «Венеціанскаго Купца» и пушкинскаго «Анджело», и въ «Кавказскомъ Плѣнникѣ» видѣть, въ эпическомъ родѣ, соотвѣтственное ей явленіе.

Итакъ, мы нашли три вида драматической поэзіи—*трагедію, драму* и *комедію,* выводя ихъ не по внѣшнимъ признакамъ, а изъ идеи самой поэзіи. Для большей опредѣленности въ этихъ техническихъ словахъ, мы должны сказать еще нѣсколько словъ о сбивчивомъ употребленіи слова «драма». Словомъ «драма» выражаютъ и общее родовое понятіе произведеній цѣлаго отдѣла поэзіи, такъ-что всякая пьеса въ драматической формѣ—трагедія ли то, комедія, или даже водвиль, есть уже драма; потомъ, подъ словомъ же «драма», разумѣютъ высшій родъ драматической поэзіи — трагедію. По-этому, пьесы Шекспира называютъ то драмами, то трагедіями, но въ обоихъ случаяхъ означая этими словами высшій драматическій родъ, то, что̀ Нѣмцы называютъ Trauerspiel. Другіе хотятъ ихъ называть только «драмами», оставляя названіе «трагедіи» за греческими произведеніями этого рода, и желая словомъ «драма» отличить христіанскую трагедію—герой которой есть субъективная личность внутренняго и самоцѣльнаго человѣка — отъ языческой трагедіи, герой которой народъ, въ лицѣ царей и героевъ, какъ представителей народа, какъ объективныхъ личностей, и потомъ, какъ трагедіи въ маскѣ и на котурнѣ, и съ хоромъ—ѳрганомъ таинственнаго и незримо-присутствующаго героя—колоссальнаго призрака *судьбы.* Нѣкоторые хотятъ присвоить названіе «трагедіи» особенному роду произведеній новѣйшаго искусства, ведущаго свое начало отъ «мистерій» среднихъ вѣковъ, — драмамъ лирическимъ, каковы суть: «Фаустъ» Гёте, герой которой есть цѣлое человѣчество въ лицѣ одного человѣка, и «Орлеанская Дѣва» Шиллера, герой которой есть цѣлый народъ, таинственно-спасаемый высшими силами въ лицѣ чудной дѣвы, которой имя и явленіе необъяснимо утверждено исторіей. Намъ кажется, что каждое изъ этихъ мнѣній имѣетъ свое основаніе, и наша цѣль была не указать на справедливѣйшее, но дать знать о существованіи всѣхъ. Кто пойметъ идею этихъ мнѣній, для того не будетъ казаться сбивчивымъ различное употребленіе слова «драма».

Трагедія или комедія, какъ и всякое художественное произведеніе, должна представлять собою особый, замкнутый въ самомъ-себѣ міръ, т. е. должна имѣть единство дѣйствія, выходящее не изъ внѣшней формы, но изъ идеи, лежащей въ ея основаніи. Она не допускаетъ въ себя ни чуждыхъ своей идеѣ элементовъ, ни внѣшнихъ толчковъ, которые бы помогали ходу дѣйствія, но развивается *имманентно,* т. е. изнутри самой-себя, какъ дерево развивается изъ зерна. По-этому, всякая пьеса въ драматической формѣ, вполнѣ выражающая и вполнѣ исчерпывающая свою идею, цѣлая и оконченная въ художественномъ значеніи, т. е. представляющая собою отдѣльный и замкнутый въ самомъ-себѣ міръ, есть или трагедія, или комедія, смотря по сущности ея содержанія, но нисколько не смотря на ея объемъ и величину, хотя бы она простиралась не далѣе пяти страницъ. Такъ, на-пр., пьесы Пушкина: «Моцартъ и Сальери», «Скупой Рыцарь», «Русалка», «Борисъ Годуновъ» и «Каменный Гость»—суть трагедіи во всемъ смыслѣ этого слова, какъ выражаю-

щія, въ драматической формѣ, идею торжества нравственнаго закона, и представляющія, каждая въ-отдѣльности, совершенно-особый и замкнутый въ самомъ-себѣ міръ.

Теперь посмотримъ, какимъ-образомъ комедія можетъ представлять собою особый замкнутый въ самомъ-себѣ міръ; для чего бросимъ бѣглый взглядъ на высоко - художественное произведеніе въ этомъ родѣ,—на комедію Гоголя «Ревизоръ».

Въ основаніи «Ревизора» лежитъ та же идея, что и въ «Ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ»: въ томъ и другомъ произведеніи поэтъ выразилъ идею отрицанія жизни, идею призрачности, получившую, подъ его художническимъ рѣзцомъ, свою объективную дѣйствительность. Разница между ними не въ основной идеѣ, а въ моментахъ жизни, схваченныхъ поэтомъ, въ индивидуальностяхъ и положеніяхъ дѣйствующихъ лицъ. Во второмъ произведеніи, мы видимъ пустоту, лишенную всякой дѣятельности; въ «Ревизорѣ» пустоту, наполненую дѣятельностію мелкихъ страстей и мелкаго эгоизма. Чтобы произведенія его были художественны, т. е. представляли собою особый, замкнутый въ самомъ-себѣ міръ, онъ взялъ изъ жизни своихъ героевъ такой моментъ, въ которомъ сосредоточивалась вся цѣлостность ихъ жизни, ея значенія, сущность, идея, начало и конецъ: въ первомъ — ссору двухъ пріятелей, во второмъ — ожиданіе и пріемъ ревизора. Все чуждое этой ссорѣ и этому ожиданію и пріему ревизора не могло войдти въ повѣсть и комедію, и та и другая начаты съ начала и кончены въ концѣ: намъ не нужно знать подробности дѣтства обоихъ друзей-враговъ, ни того, что было съ ними послѣ, какъ ихъ видѣлъ поэтъ: мы знаемъ это изъ повѣсти, потому-что знаемъ этихъ героевъ съ головы до ногъ, знаемъ всю сущность ихъ жизни, вполнѣ изчерпанную поэтомъ въ описаніи ихъ ссоры. Такъ точно, на что намъ знать подробности жизни городничаго до начала комедіи? Ясно и безъ того, что онъ въ дѣтствѣ былъ учёнъ на мѣдныя деньги, игралъ въ бабки, бѣгалъ по улицамъ, и какъ сталъ *входить въ разумъ*, то получилъ отъ отца уроки въ житейской мудрости, т. е. въ искусствѣ *нагрѣвать руки* и *хоронить концы въ воду*. Лишенный въ юности всякаго религіознаго, нравственнаго и общественнаго образованія, онъ получилъ въ наслѣдство отъ отца и отъ окружающаго его міра слѣдующее правило вѣры и жизни: въ жизни надо быть счастливымъ, а для этого нужны деньги и чины, а для пріобрѣтенія ихъ взяточничество, казнокрадство, низкопоклонничество и подличанье передъ властями, знатностію и богатствомъ, ломанье и скотская грубость передъ низшими себя. Простая философія! Но замѣтьте, что въ немъ это не развратъ, а его нравственное развитіе, его высшее понятіе о своихъ объективныхъ обязанностяхъ: онъ мужъ, слѣдовательно обязанъ прилично содержать жену; онъ отецъ, слѣдовательно долженъ дать хорошее приданое за дочерью, чтобы доставить ей хорошую партію и, тѣмъ устроивъ ея благосостояніе, выполнить священный долгъ отца. Онъ знаетъ, что средства его для достиженія этой цѣли грѣшны передъ Богомъ, но онъ знаетъ это отвлеченно, головою, а не сердцемъ, и онъ оправдываетъ себя простымъ правиломъ всѣхъ пошлыхъ людей: «не я первый, не я послѣдній, всѣ такъ дѣлаютъ». Это практическое правило жизни такъ глубоко вкоренено въ немъ, что обратилось въ правило

нравственности; онъ почелъ бы себя *выскочкою*, самолюбивымъ гордецомъ, если бы, хоть позабывшись, повелъ себя честно въ-продолженіе недѣли. Да оно и страшно быть «выскочкою»: всѣ пальцы уставятся на васъ, всѣ голоса подымутся противъ васъ; нужна большая сила души и глубокіе корни нравственности, чтобъ бороться съ общественнымъ мнѣніемъ. И не Сквозники-Дмухановскіе увлекаются могучимъ водоворотомъ этой магической фразы «всѣ такъ дѣлаютъ» и ,какъ Молоху, приносятъ ей въ жертву и таланты, и силы души, и внѣшнее благосостояніе. Нашъ городничій былъ не изъ бойкихъ отъ природы, и потому «всѣ такъ дѣлаютъ» было слишкомъ-достаточнымъ аргументомъ для успокоенія его мозолистой совѣсти; къ этому аргументу присоединился другой, еще сильнѣйшій для грубой и низкой души: «жена, дѣти, казеннаго жалованья не стаетъ на чай и сахаръ». Вотъ вамъ и весь Сквозникъ-Дмухановскій до начала комедіи. Что касается до формъ, въ какихъ онъ выражался и проявлялся до того, онѣ все тѣ же, все его же, какъ и во время комедіи. Также нетрудно понять, что съ нимъ было и по окончаніи комедіи, какъ онъ дожилъ свой вѣкъ. Художественная обрисовка характера въ томъ и состоитъ, что если онъ данъ вамъ поэтомъ въ извѣстный моментъ своей жизни, вы уже сами можете разсказать всю его жизнь и *до* и *послѣ* этого момента. Конецъ «Ревизора» сдѣланъ поэтомъ опять непроизвольно, но вслѣдствіе самой разумной необходимости: онъ хотѣлъ показать намъ Сквозника-Дмухановскаго всего, какъ онъ есть, и мы видѣли его всего, какъ онъ есть. Но тутъ скрывается еще другая, не менѣе важная и глубокая причина, выходящая изъ сущности пьесы. Въ комедіи, какъ выраженіи случайностей, все должно выходить изъ идеи случайностей и призраковъ, и только чрезъ это получать свою необходимость: почтенный нашъ городничій жилъ и вращался въ мірѣ призраковъ, но какъ у него необходимо были свои понятія о дѣйствительности, хотя и отвлеченныя, и сверхъ-того самый основательный страхъ дѣйствительности, извѣстной подъ именемъ *уголовнаго суда*, то и должно было выйдти комическое столкновеніе, какъ сшибка естественнаго влеченія сердца къ воровству и плутнямъ съ страхомъ наказанія за воровство и плутни, страхомъ, который увеличивался еще и нѣкоторымъ безпокойствомъ совѣсти. У страха глаза велики, говоритъ мудрая русская пословица: удивительно ли, что глупый мальчишка, промотавшійся въ дорогѣ трактирный денди, былъ принятъ городничимъ за ревизора? Глубокая идея! Не грозная дѣйствительность, а призракъ, фантомъ, или, лучше сказать, тѣнь отъ страха виновной совѣсти, должны были наказать *человѣка призраковъ*. Городничій Гоголя — не каррикатура, не комическій фарсъ, не преувеличенная дѣйствительность, и въ то же время нисколько не дуракъ, но, по-своему, очень и очень-умный человѣкъ, который въ своей сферѣ очень - дѣйствителенъ, умѣетъ ловко взяться за дѣло — своровать и концы въ воду схоронить, подсунуть взятку и задобрить опаснаго ему человѣка. Его приступы къ Хлестакову, во второмъ актѣ, — образецъ подьяческой дипломатіи. Итакъ, конецъ комедіи долженъ совершиться тамъ, гдѣ городничій узнаётъ, что онъ былъ наказанъ призракомъ, и что ему еще предстоитъ наказаніе со стороны дѣйствительности, или, по-крайней-мѣрѣ, новыя хлопоты и убытки, чтобы увернуться отъ

наказанія со стороны дѣйствительности. И потому приходъ жандарма съ извѣстіемъ о пріѣздѣ истиннаго ревизора прекрасно оканчиваетъ пьесу и сообщаетъ ей всю полноту и всю самостоятельность особаго, замкнутаго въ самомъ-себѣ міра. Въ художественномъ произведеніи нѣтъ ничего произвольнаго и случайнаго, но все необходимо и логически вытекаетъ изъ его идеи. Каждое лицо въ немъ, способствуя развитію главной идеи, въ то же время есть и само-себѣ цѣль, живетъ своею особною жизнію. Далѣе мы изъ «Ревизора» разовьемъ подробно эту идею, а пока замѣтимъ мимоходомъ, что въ-слѣдствіе этого взгляда на искусство, Мольеръ — такой же художникъ, какъ гомеровъ Тирсисъ — красавецъ, и такъ же похожъ на Шекспира, какъ титулярный совѣтникъ Поприщинъ на Фердинанда VIII, короля испанскаго. Конечно, Французы правы, что ставятъ Мольера выше Корнеля и Расина: онъ дѣйствительно былъ человѣкъ съ большимъ талантомъ, съ неизтощимою живостію и остротою французскаго ума; онъ изтощилъ все богатство разговорнаго французскаго языка, возпользовался всею его граціозною игривостію для выраженія смѣшныхъ противорѣчій; онъ подмѣтилъ и вѣрно схватилъ многія черты своего времени. Но онъ великъ въ частностяхъ, а не въ цѣломъ; но его дѣйствующія лица не дѣйствительныя существа, а каррикатуры, такъ же какъ его произведенія — сатиры, а не комедіи, такъ же какъ самъ онъ *поэтъ мыслями*, а не художникъ, который потому художникъ, что творитъ цѣлое, стройное зданіе, выросшее изъ одной идеи. На-примѣръ, въ его «Скупомъ», Гарпагонъ конечно хорошъ, какъ мастерски-написанная каррикатура, но всѣ другія лица — резонёры, ходячія сентенціи о томъ, что скупость есть порокъ; ни одно изъ нихъ не живетъ своею жизнію и для самого-себя, но всѣ *придуманы*, чтобы лучше оттѣнить собою героя quasi-комедіи. То же и въ «Тартюфѣ»: всѣ лица *присочинены* для главнаго, и самъ Тартюфъ такъ нехитеръ, что могъ обмануть только одного человѣка, и то потому-что этотъ одинъ — пошлый дуракъ. Завязка и развязка мнимыхъ комедій Мольера никогда не выходитъ изъ основной идеи и взаимныхъ отношеній дѣйствующихъ лицъ, но всегда придумывается, какъ рама для картины, не создается, какъ необходимая форма. Это отъ-того, что у него никогда не было идеи, и поэзія для него никогда не была сама себѣ цѣль, но средство *исправлять общество осмѣяніемъ пороковъ*. Какой это художникъ!...

Многіе находятъ страшною натяжкою и фарсомъ ошибку городничаго, принявшаго Хлестакова за ревизора, тѣмъ болѣе, что городничій человѣкъ, по-своему, очень-умный, т. е. плутъ перваго разряда. Странное мнѣніе, или, лучше сказать, странная слѣпота, недопускающая видѣть очевидность! Причина этого заключается въ томъ, что у каждаго человѣка есть два зрѣнія — физическое, которому доступна только внѣшняя очевидность, и духовное, проникающее внутреннюю очевидность, какъ необходимость, вытекающую изъ сущности идеи. Вотъ, когда у человѣка есть только физическое зрѣніе, а онъ смотритъ имъ на внутреннюю очевидность, то и естественно, что ошибка городничаго ему кажется натяжкою и фарсомъ. Представьте себѣ воришку-чиновника такого, какимъ вы знаете почтеннаго Сквозника-Дмухановскаго: ему видѣлись во снѣ двѣ *какія-то необыкновенныя* крысы, какихъ онъ никогда не видывалъ — чер-

ныя, неестественной величины—пришли, понюхали и пошли прочь. Важность этого сна для последующихъ событій была уже кѣмъ-то очень-вѣрно замѣчена (*). Въ-самомъ-дѣлѣ, обратите на него все ваше вниманіе: имъ открывается цѣпь призраковъ, составляющихъ дѣйствительность комедіи. Для человѣка съ такимъ образованіемъ, какъ нашъ городничій, сны — мистическая сторона жизни, и чѣмъ они несвязнѣе и безсмысленнѣе, тѣмъ для него имѣютъ бóльшее и таинственнѣйшее значеніе. Еслибы, послѣ этого сна, ничего важнаго не случилось, онъ могъ бы и забыть его; но, какъ нарочно, на другой день онъ получаетъ отъ пріятеля увѣдомленіе, что «отправился *инкогнито* изъ Петербурга чиновникъ съ *секретнымъ* предписаніемъ обревизовать въ губерніи все относящееся по части гражданскаго управленія». Сонъ въ руку! Суевѣріе еще болѣе запугиваетъ и безъ того запуганную совѣсть; совѣсть усиливаетъ суевѣріе. Обратите особенное вниманіе на слова «инкогнито» и «съ секретнымъ предписаніемъ». Петербургъ есть таинственная страна для нашего городничаго, міръ фантастическій, котораго формъ онъ не можетъ и не умѣетъ себѣ представить. Нововведенія въ юридической сферѣ, грозящія уголовнымъ судомъ и ссылкою за взяточничество и казнокрадство, еще болѣе усугубляютъ для него фантастическую сторону Петербурга. Онъ уже допытывается у своего воображенія, какъ пріѣдетъ ревизоръ, чѣмъ онъ прикинется и какія пули будетъ онъ отливать, чтобы развѣдать правду. Слѣдуютъ толки у честной компаніи объ этомъ предметѣ. Судья-собачникъ, который беретъ взятки борзыми щенками, и потому не боится суда, который на своемъ вѣку прочелъ пять или шесть книгъ, и потому нѣсколько вольнодуменъ, находитъ причину присылки ревизора, достойную своего глубокомыслія и начитанности, говоря, что «Россія хочетъ вести войну, и потому *министерія* нарочно отправляетъ чиновника, чтобъ узнать, нѣтъ ли гдѣ измѣны». Городничій понялъ нелѣпость этого предположенія и отвѣчаетъ: «Гдѣ нашему уѣздному городишкѣ? Еслибъ онъ былъ пограничнымъ, еще бы какъ-нибудь возможно предположить, а то стоитъ чортъ знаетъ гдѣ—въ глуши... Отсюда хоть три года скачи, ни до какого государства не доѣдешь». За симъ онъ даетъ совѣтъ своимъ сослуживцамъ быть поосторожнѣе и быть готовыми къ пріѣзду ревизора; вооружается противъ мысли о грѣшкахъ, т. е. взяткахъ, говоря, что «нѣтъ человѣка, который бы не имѣлъ за собою какихъ-нибудь грѣховъ», что «это уже такъ самимъ Богомъ устроено» и что «*волтеріанцы* напрасно противъ этого говорятъ»; слѣдуетъ маленькая перебранка съ судьею о значеніи взятокъ; продолженіе совѣтовъ; ропотъ противъ проклятаго *инкогнито*. «Вдругъ заглянетъ: а! вы здѣсь, голубчики! А кто, скажетъ, здѣсь судья? — Тяпкинъ-Ляпкинъ. А подать сюда Тяпкина-Ляпкина! А кто попечитель богоугодныхъ заведеній?—Земляника.—А подать сюда Землянику! Вотъ что худо!»... Въ-самомъ-дѣлѣ, худо! Входитъ наивный почтмейстеръ, который любитъ распечатывать чужія письма, въ надеждѣ найдти въ нихъ «разные этакіе пасажи... назидательные даже... лучше, нежели въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Городничій даетъ ему плутовскіе совѣты «немножко распечатывать и прочитывать вся-

(*) Смотри «Литературныя Прибавленія къ Инвалиду» 1839. No 5, Т. II.

кое письмо, чтобы узнать—не содержится ли въ немъ какого-нибудь донесенія, *или просто переписки*. Какая глубина въ изображеніи! Вы думаете, что фраза «или просто переписки» безсмыслица, или фарсъ со стороны поэта: нѣтъ, это неумѣніе городничаго выражаться, какъ скоро онъ хоть немного выходитъ изъ родныхъ сферъ своей жизни. И таковъ языкъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ въ комедіи! Наивный почтмейстеръ, не понимая, въ чемъ дѣло, говоритъ, что онъ и такъ это дѣлаетъ. «Я радъ, что вы это дѣлаете» отвѣчаетъ плутъ-городничій простяку-почтмейстеру: «это въ жизни хорошо», и видя, что съ нимъ обиняками немного возьмешь, напрямки проситъ его—всякое извѣстіе доставлять къ нему, а жалобу или донесеніе просто задерживать. Судья потчуетъ его собаченкою, но онъ отвѣчаетъ, что ему теперь не до собакъ и зайцевъ: «У меня въ ушахъ только и слышно, что инкогнито проклятое; такъ и ожидаешь, что вдругъ отворятся двери и войдетъ...»

И въ-самомъ-дѣлѣ, двери отворяются съ шумомъ и вбѣгаютъ Петры Ивановичи Бобчинскій и Добчинскій. Это городскіе шуты, уѣздные сплетники; ихъ всѣ знаютъ, какъ дураковъ, и обходятся съ ними или съ видомъ презрѣнія, или съ видомъ покровительства. Они безсознательно это чувствуютъ, и потому изо всей мочи передъ всѣми подличаютъ, и, чтобы только ихъ терпѣли, какъ собакъ и кошекъ въ комнатѣ, всѣмъ подслуживаются новостями и сплетнями, составляющими субъективную, объективную и абсолютную жизнь уѣздныхъ городковъ. Вообще съ ними обращаются безъ чиновъ, какъ съ собаками и кошками: надоѣдятъ—выгоняютъ. Ихъ дни проходятъ въ шатаньи и собираніи новостей и сплетней. Обогатясь подобною находкой, они вдругъ выростаютъ сознаніемъ своей важности, и уже бѣгутъ къ знакомымъ смѣло, въ увѣренности хорошаго пріема. «Чрезвычайное происшествіе!» кричитъ Бобчинскій. «Неожиданное извѣстіе!» восклицаетъ Добчинскій, вбѣгая въ комнату городничаго, гдѣ всѣ настроены на одинъ ладъ, а особливо самъ городничій весь сосредоточенъ на idée fixe. «Что такое?»—Приходимъ въ гостинницу — восклицаетъ Добчинскій. Приходимъ въ гостинницу — перебиваетъ его Бобчинскій. Начинается разсказъ самый обстоятельный, самый подробный, отъ начала до конца: зачѣмъ пошли въ гостинницу, гдѣ, какъ, когда, при какихъ обстоятельствахъ, словомъ, по всѣмъ правиламъ топиковъ или общихъ мѣстъ старинныхъ реторикъ. Чудаки перебиваютъ другъ-друга; каждому хочется насладиться своею важностію, быть центромъ общаго вниманія, а вмѣстѣ и занять себя, наполнить свою пустоту пустымъ содержаніемъ. Забавнѣе всего то, что имъ самимъ хочется какъ-можно-скорѣе добраться до эффектнаго конца, а между-тѣмъ и хочется продолжить свое торжество и разсказать все сначала и подробнѣе. Бобчинскій овладѣваетъ разсказомъ, говоря, что у Добчинскаго «и зубъ со свистомъ и слога такого нѣту», и Добчинскому осталось только помогать жестами разсказу счастливаго Бобчинскаго, изрѣдка обѣгать его нѣкоторыми фразами, которыя тотъ снова перехватываетъ и продолжаетъ свой разсказъ. Наконецъ дошли до «молодаго человѣка недурной наружности въ партикулярномъ платьѣ». Представьте себѣ, какое впечатлѣніе долженъ былъ произвести этотъ «молодой человѣкъ недурной наружности, въ партикулярномъ платьѣ» на воображе-

ніе городничаго, уже и безъ того настроенное ожиданіемъ проклятаго «инкогнито»! И вотъ, наконецъ, Бобчинскій передаетъ донесеніе трактирщика Власа: «Молодой человѣкъ, чиновникъ, ѣдущій изъ Петербурга— Иванъ Александровичъ Хлестаковъ, а ѣдетъ въ Саратовскую Губернію, и что *чрезвычайно странно себя аттестуетъ:* больше полуторы недѣли живетъ, дальше не ѣдетъ, забираетъ все на счетъ и денегъ хоть-бы копейку заплатилъ». Слѣдуетъ остроумная смѣтка проницательнаго Бобчинскаго: «Съ какой стати сидѣть ему здѣсь, когда дорога ему лежитъ Богъ знаетъ куда— въ Саратовскую Губернію? Это вѣрно не кто другой, какъ самый тотъ чиновникъ». Не естественъ ли послѣ этого ужасъ городничаго?

Городничій. Что̀ вы говорите? не можетъ быть! Да, нѣтъ, это вамъ такъ показалось. Это кто-нибудь другой.

Бобчинскій. Помилуйте, какъ не онъ! И денегъ не платитъ, и не ѣдетъ — комуже быть, какъ не ему? И съ какой стати жилъ бы онъ здѣсь, когда ему прописана подорожная въ Саратовъ?

Понимаете ли вы хотя въ возможности эту чудную логику, эти резоны, эти доводы? на какихъ законахъ разума основаны они? Вотъ онъ — вотъ источникъ комическаго и смѣшнаго! Видите ли вы, какая драма, какое столкновеніе противоположныхъ интересовъ, произтекающихъ изъ характеровъ дѣйствующихъ лицъ и ихъ взаимныхъ отношеній, выразилось въ этихъ двухъ монологахъ! Городничій уже вѣритъ страшному извѣстію, и какъ утопающій хватается за соломенку, такъ онъ пустымъ вопросомъ хочетъ какъ-бы отдалить на время сознаніе горькой истины, чтобы дать себѣ время опомниться; Бобчинскій, напротивъ, всѣми силами старается поддержать и въ другихъ и въ самомъ себѣ увѣренность въ справедливости извѣстія, которое вдругъ придало ему такую важность. Да, въ этой комедіи нѣтъ ни одного слова, строгой и непреложной необходимости котораго нельзя бъ было доказать изъ самой сущности идеи и дѣйствительности характеровъ. Но вотъ Бобчинскій, по тѣмъ же причинамъ, какъ и его достойный другъ, и съ такою же основательностію и очевидностію, подаетъ голосъ о несомнѣнности факта:

Онъ, онъ!... ей-Богу онъ!... Я ставлю Богъ знаетъ что... Такой наблюдательный все обсмотрѣлъ и по угламъ вездѣ, и даже заглянулъ въ тарелки наши полюбопытствовать, что̀ ѣдимъ. Такой осмотрительный что Боже сохрани...

Послѣ такого довода нѣтъ больше сомнѣнія! Такой наблюдательный, что даже въ тарелки заглядывалъ! Боже мой, да если бы въ эту минуту бѣдному городничему сказали о наблюдательности его кучера, онъ принялъ бы его за ревизора, отличительнымъ признакомъ котораго, въ его испуганномъ воображеніи, непремѣнно должна быть *наблюдательность*...

Видите ли, съ какимъ искусствомъ поэтъ умѣлъ завязать эту драматическую интригу въ душѣ человѣка, съ какою поразительную очевидностію умѣлъ онъ представить необходимость ошибки городничаго? Если и теперь не видите — перечтите комедію, или, что̀ еще лучше — посмотрите ее на сценѣ; если и тутъ не увидите — такъ это уже вина вашего зрѣнія, а мы не беремъ на себя трудной обязанности научить слѣпаго безошибочно судить о цвѣтахъ. Если нужны еще доказательства, не изъ сущности идеи произведенія почерпнутыя, а внѣшнія, практическія, разсудочныя и резонёрскія, безъ которыхъ многіе люди ничего не

понимаютъ, замѣтимъ имъ, что подобные случаи часто бываютъ въ жизни: сосредоточьтесь на идеѣ, отъ которой зависитъ ваша участь, — вы начнете говорить о ней съ первымъ встрѣчнымъ на улицѣ, принявъ его за своего пріятеля, къ которому вы шли говорить о ней. По-крайней-мѣрѣ, это очень-возможно.

Пропускаемъ остальную половину перваго акта — отчаяніе городничаго при мысли, что ревизоръ въ полторы недѣли могъ узнать о невинно-высѣченной имъ унтер-офицерской женѣ, о покражѣ у арестантовъ провизіи, о нечистотѣ на улицахъ; его радость при мысли, что ревизоръ — *молодой человѣкъ*; его распоряженія; сцену съ квартальными; просьбу Добчинскаго взять его съ собою, или хоть позволить «бѣжать за дрожками пѣтушкомъ, пѣтушкомъ», чтобы только посмотрѣть въ щелочку «такъ, знаете, изъ дверей только увидѣть какъ тамъ онъ . . . больше сущность и поступки его, а я ничего»; замѣчаніе городничаго квартальному, что онъ «не по чину беретъ»; сцену съ частнымъ приставомъ, донесшимъ о квартальномъ Держимордѣ, который поѣхалъ, по случаю драки, для порядка, и воротился пьянъ; дальнѣйшія распоряженія городничаго; его животные переходы отъ разкаянія къ ругательствамъ на купцовъ, недогадавшихся подарить ему новой шпаги, хотя и видѣли, что старая уже не годится; его обѣщаніе поставить такую свѣчу, какой никто еще не ставилъ, и угрозу «на каждаго бестію-купца наложить по три пуда воска», когда бѣда минетъ; сцену Анны Андреевны, разспрашивающей мужа за дверью о томъ, съ усами ли ревизоръ и съ какими усами; брань ея на дочь, которая своею кокетливостію при туалетѣ лишила ее возможности поскорѣе разузнать о ревизорѣ; эту пикировку съ дочерью, въ которой поблеклая кокетка уѣзднаго города представляется какъ-бы видящею въ молодой дочери свою соперницу: скажемъ коротко, что во всемъ этомъ, какъ и въ предшествовавшемъ, поэтъ остался вѣренъ своей идеѣ, не измѣнилъ ей ни словомъ, ни чертою; что все это больше, нежели портретъ или зеркало дѣйствительности, но болѣе походитъ на дѣйствительность, нежели дѣйствительность походитъ сама на себя, ибо все это — художественная дѣйствительность, замыкающая въ себѣ всѣ частныя явленія подобной дѣйствительности . . .

Передъ нами Осипъ — герой лакейской природы, представитель цѣлаго рода безчисленныхъ явленій, изъ которыхъ онъ ни на одно не похожъ, какъ двѣ капли воды, но изъ которыхъ каждое похоже на него какъ двѣ капли воды. Въ своемъ большомъ монологѣ, гдѣ, между-прочимъ, читаетъ онъ правоученіе самому-себѣ *для* своего барина, онъ высказываетъ всего себя, свои отношенія къ барину и наконецъ самого барина. Вы видите деревенскаго слугу, который пожилъ въ Петербургѣ, постигъ достоинство столичной жизни и *галантерейнаго обращенія*, но, по пословицѣ «сколько волка ни корми, онъ все въ лѣсъ глядитъ», предпочитаетъ мирную деревенскую жизнь треволненіямъ столицы, въ которой худо безъ денегъ, иной разъ славно нашься, а въ другой чуть не лопнешь съ голода. Въ истинно-художественномъ произведеніи всегда видно, какъ взаимныя отношенія персонажей дѣйствуютъ на самый ихъ характеръ, и потому вамъ тотчасъ станетъ ясно, что Осипъ грубіянъ столько же по натурѣ, сколько и по презрѣнію къ своему барину, котораго глупость онъ пони-

маетъ по-своему. Этотъ баринъ одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ въ канцеляріяхъ называютъ *пустьйшими*. Онъ франтъ и щеголь, потому-что дуракъ и столичный житель: глупцы скорѣе всего перенимаютъ внѣшнія стороны высшей ихъ жизни. Отецъ содержитъ его прилично, но онъ мотаетъ батюшкины денежки, чтобы наполнить свою пустоту, зацять свою праздность и удовлетворить мелкому тщеславію, а потомъ спускаетъ платье на рынкѣ, до новой присылки денегъ. «Онъ дѣйствуетъ и говоритъ безъ всякаго соображенія; не въ состояніи остановить постояннаго вниманія на какой-нибудь мысли; рѣчь его отрывиста, и слова вылетаютъ совершенно-неожиданно». Онъ слышалъ, что есть на свѣтѣ вещь, которая называется литературою, и въ его пустой головѣ въ безпорядкѣ улеглись имена сочиненій и названія журналовъ и сочинителей: Брамбеусъ и Смирдинъ, «Библіотека для Чтенія», и «Сумбека», «Юрій Милославскій» и «Фенелла». Онъ денди не по одному модному платью, но и по манерамъ, денди трактирный, одна изъ тѣхъ фигуръ, которыя красуются на вывѣскахъ московскихъ трактировъ, цирюлень и портныхъ. Въ Пензѣ его обыгралъ на-чистую пѣхотный капитанъ: онъ за это досадуетъ на случай и несчастіе, но не на капитана, къ которому онъ благоговѣетъ, какъ дилеттантъ къ художнику, потому-что, «что ни говори, а удивительно бестія штосы срѣзываетъ: всего какихъ-нибудь четверть часа посидѣлъ и все обобралъ— славно играетъ!» Великое достоинство въ его глазахъ!

Посмотрите, какъ робко и какими косвенными вопросами хочетъ онъ узнать отъ Осипа, есть ли у нихъ табакъ: о, онъ боится его правоученій и его грубости! Посмотрите, какъ онъ подличаетъ передъ трактирнымъ прислужникомъ, справляясь о его здоровьи и о числѣ пріѣзжающихъ въ ихъ трактиръ, и какъ ласково проситъ его поторопиться принести ему обѣдать! Какая сцена, какія положенія, какой языкъ!

Хлест. А соуса почему нѣтъ?

Слуга. Соуса нѣтъ.

Хлест. Отъ-чего же нѣтъ! я видѣлъ самъ, проходя мимо кухни, какъ готовилась рыба и котлеты.

Слуга. Да это, можетъ-быть, для тѣхъ, которые почище-съ.

Хлест. Ахъ ты дуракъ!

Слуга. Да-съ.

Хлест. Поросенокъ ты скверный!.. Какъ же они ѣдятъ, а я не ѣмъ? Отъ-чего же я, чортъ меня возьми, не могу также? Развѣ они не такіе же проѣзжающіе, какъ и я?

Слуга. Да ужь извѣстно, что не такіе.

Хлест. Какіе же?

Слуга. Обнаковенно какіе! они ужь извѣстно: они деньги платятъ.

Гдѣ подсмотрѣлъ, гдѣ подслушалъ поэтъ эти сцены и этотъ языкъ? И почему только одинъ онъ *такъ* подсмотрѣлъ и *такъ* подслушалъ? Можетъ-быть, потому-что онъ подсматривалъ и подслушивалъ какъ и всѣ, то-есть, не подсматривая и не подслушивая, да въ фантазіи-то его это отразилось не такъ, какъ у всѣхъ. А вѣдь и эти *всѣ*—тоже поэты и художники, и какъ блины пекутъ и трагедіи, и драмы, и оперы, и комедіи, и водвили...

Входитъ Осипъ и говоритъ барину, что «тамъ *чего-то* пріѣхалъ городничій, освѣдомляется и спрашиваетъ о васъ»: новое комическое столкновеніе! У Хлестакова воображеніе настроено на мысли о жалобахъ трактирщика, о тюрьмѣ... Онъ испугался тюрьмы, но утѣшился мыслію, что если поведутъ его туда благороднымъ образомъ, то ничего; но мысль о двухъ купеческихъ

дочеряхъ и офицерахъ, которыхъ онъ видѣлъ на улицѣ, снова приводитъ его въ отчаяніе... Можете представить, въ какой *настроенности* его воображенія входитъ къ нему городничій... Въ высшей степени комическое положеніе!... Но мы пропускаемъ эту превосходную сцену—она говоритъ сама-за-себя, а для кого она нѣма, тѣмъ немного помогутъ наши толкованія. Скажемъ только, что въ этой сценѣ городничій является во всемъ своемъ блескѣ: съ одной стороны, какъ чуждый фантастическому для него понятію петербуржскаго чиновника и весь сосредоточенный на мысли о «проклятомъ инкогнито», онъ всѣ глупости Хлестакова принимаетъ за *тонкія штуки*, а съ другой, преловко и прехитро выкидываетъ свои *тонкія штуки* и улаживаетъ дѣло.

Третье дѣйствіе, а Анна Андреевна все еще у окна съ своею дочерью — въ высшей степени комическая черта! Тутъ не одно праздное любопытство пустой женщины: ревизоръ молодъ, а она кокетка, если не больше... Дочь говоритъ, что кто-то идетъ—мать сердится: «Гдѣ идетъ? у тебя вѣчно какія-нибудь фантазіи; *ну да, идетъ*». Потомъ вопросъ, кто идетъ: дочь говоритъ, что это Добчинскій—мать опять не соглашается и опять упрекаетъ дочь ни въ чемъ: «Какой Добчинскій? *тебѣ всегда вдругъ вообразится этакое!* совсѣмъ не Добчинскій. Эй, вы, ступайте сюда! скорѣе!» Наконецъ обѣ разглядываютъ; дочь говоритъ:— «А что? а что, маменька? Видите, что Добчинскій!» Мать отвѣчаетъ: «Ну да, Добчинскій, теперь я вижу — изъ чего же ты споришь?» Можно ли лучше поддержать достоинство матери, какъ не быть всегда правою передъ дочерью и не дѣлая всегда дочь виноватою предъ собою? Какая сложность элементовъ выражена въ этой сценѣ: уѣздная барыня, устарѣлая кокетка, смѣшная мать! Сколько оттѣнковъ въ каждомъ ея словѣ, какъ значительно, необходимо каждое ея слово! Вотъ что значитъ проникать въ таинственную глубину организаціи предмета, и во внѣшность выводить то, что кроется въ самыхъ недоступныхъ для зрѣнія тканяхъ и нервахъ внутренней организаціи! Поэтъ заставляетъ насквозь видѣть эти характеры и внутри находить причины всего внѣшняго, являющагося. Сцена Анны Андреевны съ Добчинскимъ: та и другой являются тутъ во всей своей прозрачности. Она спрашиваетъ его, тотъ ли это ревизоръ, о которомъ увѣдомляли ея мужа: «*Настоящій;* я это первый открылъ вмѣстѣ съ Петромъ Ивановичемъ». Потомъ онъ пересказываетъ свиданіе городничаго съ Хлестаковымъ такъ, какъ оно отразилось въ его понятіи и какъ должно было отразиться въ понятіи городничаго, и заключаетъ, что онъ тоже «перетрухнулъ немножко». «Да вамъ-то чего бояться — вѣдь вы не служите?» спрашиваетъ она его. «Да такъ, знаете, когда вельможа говоритъ, то чувствуешь страхъ» отвѣчаетъ простакъ. На вопросъ городничихи о наружности ревизора, онъ его описываетъ такъ, какъ онъ отразился въ его узкой головѣ: «Молодой, молодой человѣкъ: лѣтъ двадцати-трехъ; а говоритъ совершенно какъ старикъ. Извольте, говоритъ, я поѣду: и туда, и туда... *(размахиваетъ руками)* такъ, это все славно». Видите ли въ этихъ безсмысленныхъ словахъ немножко-идіотское неумѣніе отдать себѣ отчетъ въ собственномъ впечатлѣніи и выразить его словомъ? Далѣе: «Я, говоритъ, и написать и почитать люблю, но мѣшаетъ, что въ комнатѣ, говоритъ, немножко темно». Видите ли изъ этого, что чѣмъ

Хлестаковъ былъ пошлѣе, безсвязнѣе въ своихъ фразахъ, трактирнѣе въ своихъ манерахъ, тѣмъ бо́льшее придавалъ онъ себѣ значеніе не только въ глазахъ Добчинскаго, но и самого городничаго. Есть люди, которые почитаютъ въ книгахъ глубокимъ и мудрымъ все, чего они не понимаютъ: приведите къ нимъ какого-нибудь глупца или ловкаго мистификатора, какъ автора этой умной книжки, чѣмъ нелѣпѣе онъ будетъ выражаться, тѣмъ больше они будутъ ему удивляться. Для городничаго ревизоръ былъ слишкомъ премудрою книгою, потому уже только, что онъ ревизоръ — съ этой точки зрѣнія его трудно было сдвинуть, и потому все, что̀ Хлестаковъ ни вралъ послѣ къ явной своей невыгодѣ, только еще более поддерживало городничаго въ его заблужденіи, вмѣсто того, чтобы вывести изъ него и открыть ему глаза.

Сцена матери и дочери, совѣтующихся о туалетѣ, чтобы ихъ не осмѣяла какая-нибудь «столичная штучка», и споръ о палевомъ платьѣ, которое, по мнѣнію матери, къ-лицу ей, такъ-какъ у ней самые темные глаза, потому-что «она и гадаетъ всегда на трефовую даму», и возраженіе дочери, что къ ней не идетъ цвѣтное платье, потому-что она «больше червонная дама» — эта сцена и этотъ споръ окончательно и рѣзкими чертами обрисовываютъ сущность, характеры и взаимныя отношенія матери и дочери, такъ-что послѣдующее уже нисколько не удивляетъ въ нихъ васъ, какъ не удивляетъ сумма *четырехъ*, вышедшая изъ умноженія *двухъ* на *два*. Вотъ въ этомъ-то состоитъ *типизмъ* изображенія: поэтъ беретъ самыя рѣзкія, самыя характеристическія черты живописуемыхъ имъ лицъ, выпуская всѣ случайныя, которыя не способствуютъ къ оттѣненію ихъ индивидуальности. Но онъ выбираетъ не по сортировкѣ, не по соображенію и сличенію болѣе-годныхъ съ менѣе-годными, онъ даже и не думаетъ, не заботится объ этомъ, но все это выходитъ у него само-собою, потому-что изображаемыя имъ на бумагѣ лица прежде всего изобразились у него въ фантазіи, и изобразились во всей полнотѣ своей и цѣлости, со всѣми родовыми примѣтами, отъ цвѣта волосъ до родимаго пятнышка на лицѣ, отъ звука голоса до покроя платья. Положить ихъ на бумагу—для него уже актъ второстепенный, почти механическій трудъ. И посмотрите, какъ легко у него все выходитъ: въ этой коротенькой, какъ-бы слегка и небрежно наброшенной сценѣ, вы видите прошедшее, настоящее и будущее, всю исторію двухъ женщинъ, а между-тѣмъ она вся состоитъ изъ спора о платьѣ, и вся какъ-бы мимоходомъ и нечаянно вырвалась изъ-подъ пера поэта!...

Сцена явленія Хлестакова въ домѣ городничаго, въ-сопровожденіи свиты изъ городскаго чиновничества и самого Сквозника-Дмухановскаго; представленіе Анны Андреевны и Марьи Антоновны; любезничанье и вранье Хлестакова: — каждое слово, каждая черта во всемъ этомъ, общность и характеръ всего этого — торжество искусства, чудная картина, написанная великимъ мастеромъ, никогда не жданное, никѣмъ не подозрѣвавшееся изображеніе всѣми-видѣннаго, всѣмъ-знакомаго, и, не смотря на то, всѣхъ-удивившаго и поразившаго своею новостію и небывалостію!... Здѣсь характеръ Хлестакова, — этого *втораго* лица комедіи — развертывается вполнѣ, разкрывается до послѣдней видимости своей микроскопической мелкости и гигантской пошлости. Къ-со-

жалѣнію, это лицо понято меньше прочихъ лицъ, и еще не нашло для себя достойнаго артиста на театрахъ обѣихъ столицъ. Многимъ характеръ Хлестакова кажется рѣзокъ, *утрированъ,* если можно такъ выразиться, его болтовня, напоминающая *не любо, не слушай — врать не мѣшай,* — изъисканно-неправдоподобною. Но это потому-что всякій хочетъ видѣть, и слѣдовательно, видитъ въ Хлестаковѣ свое понятіе о немъ, а не то, которое существенно заключается въ немъ. Хлестаковъ является къ городничему въ домъ послѣ внезапной перемѣны его судьбы: не забудьте, что онъ готовился идти въ тюрьму, а между-тѣмъ нашелъ деньги, почетъ, угощеніе, что онъ, послѣ невольнаго и мучительнаго голода, наѣлся досыта, отъ-чего и безъ вина можно прійдти въ какое-то полупьяное разслабленіе, а онъ еще и подпилъ. Какъ и отъ-чего произошла эта внезапная перемѣна въ его положеніи, отъ-чего передъ нимъ стоятъ всѣ на вытяжку — ему до этого нѣтъ дѣла; чтобы понять это, надо подумать, а онъ не умѣетъ думать, онъ влечется, куда и какъ толкаютъ его обстоятельства. Въ его полупьяной головѣ, при обремененномъ желудкѣ, все передвоилось, все перемѣшилось — и Смирдинъ съ Брамбеусомъ, и «Библіотека» съ «Сумбекою», и Маврушка съ посланниками. Слова вылетаютъ у него вдохновенно; оканчивая послѣднее слово фразы, онъ не помнитъ ея перваго слова. Когда онъ говорилъ о своей значительности, о связяхъ съ посланниками, — онъ не зналъ, что онъ вретъ, и нисколько не думалъ обманывать: сказавъ первую фразу, онъ продолжалъ какъ-бы противъ воли, какъ камень, толкнутый съ горы, катится уже не посредствомъ силы, а собственною тяжестію. «Меня даже хотѣли сдѣлать вице-канцлеромъ *(зѣваетъ во всю глотку)*. О чемъ бишь я говорилъ?» Если бы ему сказали, что онъ говорилъ о томъ, какъ отецъ сѣкалъ его розгами, онъ навѣрное уцѣпился бы за эту мысль, и началъ бы не говорить, а какъ-будто продолжать, что это очень-больно, что онъ всегда кричалъ, но что «при нынѣшнемъ образованіи этимъ ничего не возьмешь».

Многіе почитаютъ Хлестакова героемъ комедіи, главнымъ ея лицомъ. Это несправедливо. Хлестаковъ является въ комедіи не самъ-собою, а совершенно случайно, мимоходомъ, и притомъ не самимъ-собою, а *ревизоромъ*. Но кто его сдѣлалъ ревизоромъ? *страхъ городничаго*, слѣдовательно, онъ созданіе изпуганнаго воображенія городничаго, призракъ, тѣнь его совѣсти. По-этому онъ является во второмъ дѣйствіи и исчезаетъ въ четвертомъ, — и никому нѣтъ нужды знать, куда онъ поѣхалъ и что съ нимъ стало: интересъ зрителя сосредоточенъ на тѣхъ, которыхъ страхъ создалъ этотъ фантомъ, а комедія была бы не кончена, еслибы окончилась четвертымъ актомъ. Герой комедіи — городничій, какъ представитель этого міра призраковъ.

Въ «Ревизорѣ» нѣтъ сценъ лучшихъ, потому-что нѣтъ худшихъ, но всѣ превосходны, какъ необходимыя части, художественно-образующія собою единое цѣлое, округленное внутреннимъ содержаніемъ, а не внѣшнею формою, и потому представляющее собою особный и замкнутый въ самомъ-себѣ міръ. Скрѣпя сердце, пропускаемъ VII, VIII, IX и X явленія третьяго акта, и остановимся только на оцѣпененіи городничаго, какъ бы кто ударилъ его обухомъ по головѣ: «такъ совсѣмъ ошеломило! страхъ такой напалъ: еще такого важнаго человѣка

никогда не видалъ *(задумывается)*; съ министрами играетъ и во дворецъ ѣздитъ... такъ вотъ, право, чѣмъ больше думаешь... чортъ его знаетъ, не знаешь, что̀ и дѣлается въ головѣ, какъ-будто стоишь на какой-нибудь колокольнѣ, или тебя хотятъ повѣсить...» Это говоритъ уѣздный чиновникъ, служака, начавшій службу по-старинному, что̀ называлось «тянуть лямку;» а вотъ голосъ чиновницы *новаго времени*, которая всегда образованнѣе своего мужа: «А я никакой совершенно не ощутила робости, я просто видѣла въ немъ образованнаго, свѣтскаго, *высшаго тона* человѣка, а о чинахъ его мнѣ и нужды нѣтъ». Безподобна и эта выходка *философствующаго* городничаго: «Чудно все завелось теперь на свѣтѣ: народъ все тоненькій, поджаристый такой. Никакъ не узнаешь, что онъ важная особа». Это голосъ стараго чиновника, въ-расплохъ застигнутаго новымъ временемъ: онъ уже и прежде слышалъ, а теперь собственными глазами удостовѣрился, что нынче-де уже по головѣ, а не по брюху дѣлаются важными особами.

Въ первыхъ сценахъ четвертаго акта Хлестаковъ бесѣдуетъ съ самимъ-собою и является все тѣмъ же, все самимъ же собою, и не измѣняетъ себѣ ни однимъ словомъ, ни однимъ движеніемъ. Послѣ дивныхъ сценѣ съ чиновниками города, у которыхъ онъ набралъ денегъ, онъ еще въ первый разъ догадывается, что его принимаютъ не за то, что̀ онъ есть, а за великаго государственнаго человѣка. Причина этого явленія и могущія выйдти изъ него слѣдствія не въ-силахъ остановить на себѣ его вниманія. Это одна изъ тѣхъ головъ, которыя не въ-состояніи переварить самого простаго понятія, и глотаютъ не жевавши. Онъ очень-радъ, что его приняли за важную особу: «Я это люблю. Мнѣ нравится, если меня почитаютъ за важнаго человѣка. Въ моей физіономіи точно есть что̀-то такое внушающее...» и не докончилъ, сколько потому-что это фраза слышанная, а не своя, столько и потому-что вдругъ перепрыгнулъ къ другому предмету:..«Это съ ихъ стороны тоже благородная черта, что они готовы дать взаймы денегъ». Видите ли: его приняли за важную особу—отъ-того, что «у него въ физіономіи есть что-то внушающее»; это должная дань его личнымъ достоинствомъ, а не другая, болѣе-важная для чиновниковъ причина; что ему надавали денегъ, это не взятки, а заемъ, и онъ на ту минуту, какъ говоритъ, вполнѣ убѣжденъ, что возвратитъ имъ свой долгъ. Но Осипъ умнѣе своего барина: онъ все понимаетъ, и ласково, тоже, какъ-будто мимоходомъ, совѣтуетъ ему уѣхать, говоря: «Погуляли здѣсь два денька, ну—и довольно; что̀ съ ними связываться! плюньте на нихъ! неровенъ часъ: какой-нибудь другой наѣдетъ», и обольщаетъ его тройкою лихихъ лошадей съ колокольчикомъ. Эта приманка, равно какъ и мимоходомъ-сказанное предостереженіе, что «батюшка будетъ гнѣваться за то, что такъ замѣшкались», и рѣшила Хлестакова послѣдовать благоразумному совѣту. Слѣдуетъ сцена съ купцами, въ которой вы видите какъ на ладони это купечество уѣзднаго городка, которое выучилось кое-какъ зашибать деньгу, а еще не обрилось и не умылось, чтобы отъ его бородки не пахло капустою; которое плохо знаетъ грамотку и живетъ на «авось», т. е. гдѣ выторговалъ, а гдѣ надулъ, и съ которымъ, по всему этому, городничій обходится безъ чиновъ: «схватитъ за бо-

роду, говоритъ, ахъ ты Татаринъ»; которое, наконецъ, любитъ коли давать, такъ давать — возьми и подносикъ, и головку сахара, и кулечикъ съ винами, и не триста,—что̀ триста! —пятьсотъ, только дѣло сдѣлай. Языкъ неподражаемо-вѣренъ. Хлестаковъ опять не измѣняетъ себѣ — беретъ взаймы, о взяткахъ слышать не хочетъ, и если гдѣ приходитъ въ маленькое недоумѣніе, тамъ толкаетъ его Осипъ и заставляетъ не быть безъ дѣйствія. Но вотъ входитъ Марья Антоновна: она въ комнатѣ чужаго молодаго человѣка ищетъ маменьки... Ея приходъ *толкаетъ* Хлестакова, т. е. заставляетъ дѣлать то, чего онъ не думалъ дѣлать. Онъ франтъ, она «барышня»: слѣдовательно, ему должно волочиться за нею. Что̀ изъ этого выйдетъ — такая мысль не можетъ прійдти въ его пустую и легкую голову, которая дѣйствуетъ подъ вліяніемъ внѣшняго обстоятельства, подъ впечатлѣніемъ настоящей минуты. «Барышня» глупа, пуста и пошла, но она уже прочла нѣсколько романовъ, и у ней есть альбомъ, въ который Хлестаковъ долженъ написать какіе-нибудь *этакіе новенькіе* «стишки». О, ему это ничего не стòитъ — онъ много знаетъ наизустъ стиховъ; на-пр. «О ты, что въ горести напрасно,» и проч. И вотъ онъ на колѣняхъ передъ нею. Уйди она—онъ черезъ минуту забылъ бы объ этой сценѣ, какъ совсѣмъ небывалой; но входитъ мать и *толкаетъ* его «просить руки» Марьи Антоновны. Онъ уѣзжаетъ въ полной увѣренности, что онъ женихъ и что̀ все сдѣлалось какъ должно; но извощикъ крикнулъ, колокольчикъ залился—и Хлестаковъ готовъ-спросить себя: «На чемъ бишь я остановился?»

Первыя сцены пятаго акта представляютъ намъ городничаго въ полнотѣ его грубаго блаженства животной натуры. Здѣсь поэтъ является глубокимъ анатомикомъ души человѣческой, проникаетъ въ самые недоступные тайники ея и выводитъ наружу все крывшееся въ нихъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, въ пятомъ актѣ городничій является въ своемъ апотеозѣ, полнымъ опредѣленіемъ своей сущности, вполнѣ опредѣлившеюся возможностію: все темное, грозное, низкое и грубое, что̀ крылось въ его природѣ, развивалось воспитаніемъ и обстоятельствами, все это всплыло со дна наверхъ, изнутри явилось наружу, и явилось такъ добродушно, такъ комически, что вы невольно смѣетесь тамъ, гдѣ бы должны были ужасаться. «Что̀, говоритъ онъ женѣ, тебѣ и во снѣ не видѣлось: просто изъ какой-нибудь городничихи, и вдругъ, фу ты канальство! Съ какимъ дьяволомъ породнились!»—«Какія мы съ тобою теперь птицы сдѣлались! А, Анна Андреевна! высокаго полета, чортъ побери!» Изъ труса, онъ дѣлается нахаломъ, мѣщаниномъ, который вдругъ попалъ въ знатные люди; страхъ Сибири прошелъ — онъ уже не обѣщаетъ Богу пудовой свѣчи, и грозится еще жить и обирать купцовъ; велитъ кричать о своемъ счастіи всему городу, «валять въ колокола; коли торжество такъ торжество, чортъ возьми!» его дочь выходитъ замужъ за такого человѣка «что и на свѣтѣ еще не было, что можетъ и прогнать всѣхъ въ городѣ, и въ тюрьму посадить, и все, что̀ хочетъ». Боже мой! къ лицу ли ему генеральство! А онъ въ неистовомъ восторгѣ, въ бѣшеной комической страсти отъ мысли, что будетъ генераломъ... «Вѣдь почему хочется быть генераломъ? потому-что случится, поѣдешь куда-нибудь, фельдъегери и адъютанты поскачутъ вездѣ впередъ: лошадей! и тамъ на станціяхъ никому не дадутъ, все дожидается: всѣ

эти титулярные, капитаны, *городничіи*, а ты себѣ и въ усъ не дуешь: обѣдаешь гдѣ-нибудь у губернатора, а тамъ: стой *городничій*! Ха, ха, ха! Вотъ что̀, канальство, заманчиво!»

Такъ проявляются грубыя страсти животной натуры! Это страсть — и страсть бѣшеная: у нашего городничаго сверкаютъ глаза, въ голосѣ тонъ изступленія, движенія порывисты. Если не вѣрите—посмотрите на Щепкина въ этой роли. Въ комедіи есть свои страсти, источникъ которыхъ смѣшонъ, но результаты могутъ быть ужасны. По понятію нашего городничаго, быть генераломъ значитъ видѣть предъ собою униженіе и подлость отъ низшихъ, гнести всѣхъ не генераловъ своимъ чванствомъ и надменностію: отнять лошадей у человѣка нечиновнаго, или меньшаго чиномъ, по своей подорожной имѣющаго равное на нихъ право; говорить *братецъ* и *ты* тому, кто говоритъ ему *ваше превосходительство* и *вы;* и проч. Сдѣлайся нашъ городничій генераломъ — и когда онъ живетъ въ уѣздномъ городѣ, горе *маленькому человѣку*, если онъ, считая себя «неимѣющимъ чести быть знакомымъ съ г. генераломъ», не поклонится ему, или на балу не уступитъ мѣста, хотя бы этотъ *маленькій человѣкъ* готовился быть *великимъ* человѣкомъ!... тогда изъ комедіи могла бы выйдти трагедія для «маленькаго человѣка»...

Приходъ купцовъ усиливаетъ волненіе грубыхъ страстей городничаго: изъ животной радости онъ переходитъ въ животную злобу. Сначала хочетъ говорить тихо, съ сосредоточенной яростію и злобною ироніею; но животная натура не даетъ ему выдержать этой роли, власть надъ собою принадлежитъ только образованнымъ людямъ; онъ постепенно приходитъ въ бо̀льшую и бо̀льшую ярость и разражается ругательствами. Онъ пересчитываетъ Абдулину свои благодѣянія, т. е. напоминаетъ случаи, гдѣ они вмѣстѣ казну обкрадывали... Купцы являются тѣми же купцами: они низко кланяются, низко подличаютъ. Великодушный городничій смягчается, но на условіи, чтобы «засусленныя бороды, аршинники, самоварники, протоканаліи и архибестіи» не думали «отбояриться отъ него какимъ-нибудь балычкомъ, или головою сахара», ибо-де «онъ выдаетъ дочку свою не за какого-нибудь дворянина»...

Начинаютъ сбираться гости. Городничій снова въ своемъ пѣтушьемъ величіи. Передъ нимъ всѣ подличаютъ, какъ передъ знатною особою; поздравляютъ вслухъ съ «необыкновеннымъ благополучіемъ», и ругаютъ вполголоса. Городничиха, какъ и съ самаго начала пятаго акта, играетъ роль случайной дамы, которая, однако, нисколько не удивлена своимъ счастіемъ, какъ по праву принадлежащимъ ея достоинствомъ, и какъ давно привычнымъ ей. Она показываетъ, что равнодушна къ нему. Но устарѣлая кокетка беретъ верхъ надъ знатною дамою: она почти оспориваетъ жениха у своей дочери. Входитъ простодушный почтмейстеръ и препаивно открываетъ всѣмъ глаза на-счетъ мнимаго ревизора, доказавъ очевидно, что онъ «и не уполномоченный и не особа». Сцена чтенія письма Хлестакова— въ высшей степени комическая. Но что̀ же нашъ городничій? — Вы думаете, ему стыдно, мучительно-стыдно видѣть себя такъ жестоко одураченнымъ собственною ошибкою, такъ тяжко-наказаннымъ за свои грѣхи? Какъ бы не такъ! Бездарность, посредственность, или даже обыкновенный талантъ, тотчасъ бы воспользовались случаемъ за-

ставить городничаго разкаяться и изправиться; но талантъ необыкновенный глубже понимаетъ натуру вещей и творитъ не по своему произволу, а по закону разумной необходимости. Городничій пришелъ въ бѣшенство, что допустилъ обмануть себя мальчишкѣ, вертопраху, у котораго молоко на губахъ не обсохло, онъ, который «тридцать лѣтъ жилъ на службѣ», котораго «ни одинъ купецъ, ни одинъ подрядчикъ не могъ провести; мошенниковъ надъ мошенниками обманывалъ; пройдохъ и плутовъ такихъ, что весь свѣтъ готовы обворовать, подцѣвалъ на уду; трехъ губернаторовъ обманулъ!»—Вы думаете: ему совѣстно, мучительно-совѣстно смотрѣть на тѣхъ людей, передъ которыми онъ сейчасъ только такъ ломался, которые унижались и подличали передъ его мнимою знатностію? Ничего не бывало! Когда дражайшая его половина обнаруживаетъ всю свою глупость наивнымъ вопросомъ: «Какъ же?.. вѣдь это не можетъ быть... Онъ совсѣмъ вѣдь обручился съ нашей Машенькой?»—онъ не только не старается замять позорнаго для нихъ обоихъ объясненія, но еще съ досадою на ея недогадливость очень ясно толкуетъ ей, въ чемъ дѣло: «А развѣ ты не видишь, что у него все это фу — фу? Пустѣйшій человѣкъ, чортъ бы побралъ его! Вотъ подлинно, если Богъ захочетъ наказать, такъ отниметъ разумъ. Ну, что̀ въ немъ было такого, чтобъ можно было принять за важнаго человѣка, иль вельможу? Пусть бы имѣлъ онъ что-нибудь внушающее уваженіе, а то чортъ знаетъ что̀: дрянь, сосулька! Тоньше сѣрной спички!» За симъ обманутые чудаки бросаются съ ругательствами на Петровъ Ивановичей, какъ первыхъ вѣстовщиковъ о пріѣздѣ ревизора. Брань сыплется на нихъ градомъ; они сваливаютъ вину другъ на друга, какъ вдругъ явленіе жандарма съ извѣстіемъ о пріѣздѣ истиннаго ревизора прерываетъ эту комическую сцену и, какъ громъ, разразившійся у нихъ ногъ, заставляетъ ихъ окаменѣть отъ ужаса, и такимъ-образомъ превосходно замыкаетъ собою цѣлость пьесы.

Все, сказанное нами о «Ревизорѣ», отнюдь не есть разборъ этого превосходнаго произведенія искусства. Подробный разборъ хода всей пьесы, характеровъ ея дѣйствующихъ лицъ, ихъ взаимныя отношенія и ихъ взаимнодѣйствія другъ на друга, завели бы насъ далеко и отвлекли бы отъ главнаго предмета «Горе отъ Ума», а—наша статья и безъ того вышла слишкомъ велика. Скрѣпя сердце и обуздывая руку, мы не показали подробно развитія дѣйствія, а наскоро пробѣжали его, не останавливались на отдѣльныхъ лицахъ, но, такъ-сказать, зацѣплялись за нихъ. Наша цѣль была—намекнуть на то, чѣмъ должна быть комедія, художественно-созданная. Для этого мы старались намекнуть на идею «Ревизора», а въ-слѣдствіе ея, не только на естественность, но и на необходимость ошибки городничаго, принявшаго Хлестакова за ревизора, ошибки, составляющей завязку, интригу и развязку комедіи, а чрезъ все это, указать, по возможности, на цѣлость (Totalität) пьесы, какъ особаго, въ самомъ-себѣ замкнутаго міра. Не намъ судить, до какой степени выполнили мы все это; по-крайней-мѣрѣ, теперь читатели могутъ ясно видѣть наши требованія отъ искусства и нашъ критеріумъ для сужденія о комедіи.

Русская комедія *начиналась* задолго еще до Фонвизина, но *началась* только съ Фонвизина. Его «Недоросль» и «Бригадиръ» надѣлали страшнаго шума при своемъ появленіи, и навсегда

останутся въ исторіи русской литературы, если не искусства, какъ одно изъ примѣчательнѣйшихъ явленій. Въ-самомъ-дѣлѣ, эти двѣ комедіи суть произведенія ума сильнаго, остраго, человѣка даровитаго; но онѣ мастерскія сатиры на современное общество, а слѣдовательно, не художественныя произведенія, слѣдовательно и не комедіи. Ни одна изъ нихъ не представляетъ собою цѣлаго, замкнутаго собою міра, возникшаго изъ творческаго зачатія, но представляетъ пресмѣшную каррикатуру на глупость и невѣжество; въ нихъ нѣтъ основной идеи, въ философическомъ значеніи этого слова, но есть намѣреніе, цѣль, и цѣль внѣ, а не внутри ихъ заключенная. По-этому каждая изъ нихъ раздѣлена на двѣ части, на смѣшную и серьёзную, потому-что дѣйствующія лица раздѣлены на два разряда: на дураковъ и умныхъ. Дураки очень-милы и потѣшны, а умники—скучные резонёры. Завязка, интрига и развязка — общее мѣсто, старая объективная форма, какъ въ комедіяхъ Мольера. Правда, въ изображеніи дураковъ видна нѣкоторая объективность и что-то похожее на поэтическую обрисовку, потому-что каждый изъ дураковъ глупъ по-своему; но это слабо, и индивидуальныя особенности глупцовъ больше внѣшнія, чѣмъ внутреннія, изъ идеи вытекающія; а главное, изъ каррикатурныхъ образовъ этихъ дураковъ, всегда, болѣе или менѣе, выглядываетъ смѣющаяся фигура самого автора. Однимъ словомъ, «Недоросль» и «Бригадиръ»—превосходныя, хотя и не безъ большихъ недостатковъ, *произведенія литературы*, но отнюдь не *произведенія искусства*.

Послѣ комедій Фонвизина много надѣлала шума «Ябеда» Капниста; но это произведеніе даже и въ литературномъ смыслѣ не заслуживаетъ никакого вниманія. Успѣхъ его былъ основанъ не на его литературномъ, или какомъ-либо достоинствѣ, но на цѣли, которая состояла въ нападкѣ на лихоимство. Завязка, интрига и развязка пошлыя, стихи дубовые, языкъ варварски-книжный.

Съ 1832 года начала ходить по рукамъ публики рукописная комедія Грибоѣдова «Горе отъ Ума». Она надѣлала ужаснаго шума, всѣхъ удивила, возбудила негодованіе и ненависть во всѣхъ, занимавшихся литературою ex-officio, и во всемъ старомъ поколѣніи; только немногіе, изъ молодаго поколѣнія и непринадлежавшіе къ записнымъ литераторамъ и ни къ какой литературной партіи, были возхищены ею. Десять лѣтъ ходила она по рукамъ, разпавшись на тысячи списковъ; публика выучила ее наизусть, враги ея уже потеряли голосъ и значеніе, уничтоженные потокомъ новыхъ мнѣній, и она явилась въ печати тогда уже, когда у ней не осталось ни одного врага, когда не возхищаться ею, не превозносить ее до небесъ, не признавать геніальнымъ произведеніемъ, считалось образцовымъ безвкусіемъ. И вдругъ въ одномъ петербуржскомъ журналѣ, въ 1835 году, какой-то (говорили и печатали тогда, будто московскій) критикъ объявилъ, что «Горе отъ Ума» такое слабое произведеніе, что хуже даже «Недовольныхъ»... Разумѣется, публика приняла это за одну изъ тѣхъ милыхъ шуточекъ, до которыхъ такъ страстны иные журналы. Но вотъ недавно, по случаю выхода въ свѣтъ втораго изданія «Горе отъ Ума», въ другомъ петербуржскомъ журналѣ (современномъ заднимъ числомъ) объявлено, что «Горе отъ Ума» должно стоять подлѣ комедій Фонвизина, и что тѣ, которые, подобно издателю комедіи Грибоѣдова (г. Ксено-

фону Полевому), видятъ въ ея авторѣ «человѣка съ большимъ дарованіемъ» только прячутся за его имя.

Такова судьба комедіи Грибоѣдова. Но все это доказываетъ только, что «Горе отъ Ума» есть явленіе необыкновенное, произведеніе таланта сильнаго, могучаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ, что для нея уже настало время оцѣнки критической, основанной не на знакомствѣ съ ея авторомъ и даже не на знаніи обстоятельствъ его жизни, а на законахъ изящнаго, всегда единыхъ и неизмѣняемыхъ.

«Горе отъ Ума» принято было съ враждою и ожесточеніемъ и литераторами и публикою. Иначе не могло и быть: литературныя знаменитости тогдашняго времени состояли изъ людей прошлаго вѣка, или образованныхъ по понятіямъ прошлаго вѣка. Не забудьте, что въ то время самъ Мерзляковъ, человѣкъ съ большимъ талантомъ и поэтическою душою, разбиралъ съ каѳедры неподражаемыя красоты трагедій Сумарокова и подсмѣивался надъ Шекспиромъ, Шиллёромъ и Гёте, какъ надъ представителями эстетическаго безвкусія, а въ Обществѣ Любителей *Россійской* Словесности читалъ свои трактаты о трагедіи, производя ее отъ козла. Великими писателями считались тогда люди, которые теперь неизвѣстны даже по именамъ. Пушкинъ еще только удивлялъ однихъ и бѣсилъ другихъ. Словомъ, это было послѣднее время французскаго классицизма въ нашей литературѣ. Представьте же себѣ, что комедія Грибоѣдова, во-первыхъ, была написана не шестиногими ямбами съ піитическими вольностями, а вольными стихами, какъ до того писались однѣ басни; во-вторыхъ, она была написана не книжнымъ языкомъ, которымъ никто не говорилъ, котораго не зналъ ни одинъ народъ въ мірѣ, а Русскіе особенно слыхо́мъ не слыхали, видо́мъ не видали, по живымъ, легкимъ разговорнымъ русскимъ языкомъ; въ-третьихъ, каждое слово комедіи Грибоѣдова дышало комическою жизнію, поражало быстротою ума, оригинальностію оборотовъ, поэзіею образовъ, такъ-что почти каждый стихъ въ ней обратился въ пословицу или поговорку и годится для примѣненія то къ тому, то къ другому обстоятельству жизни, — а по мнѣнію русскихъ классиковъ, именно тѣмъ и отличившихся отъ французскихъ, языкъ комедіи, если она хочетъ прослыть *образцовою,* непремѣнно долженъ былъ щеголять тяжелостію, неповоротливостію, тупостію, изъисканностію остротъ, прозаизмомъ выраженій и тяжелою скукою впечатлѣнія; въ-четвертыхъ, комедія Грибоѣдова отвергла искусственную любовь, резонёровъ, разлучниковъ, и весь пошлый, истертый механизмъ старинной драмы; а главное и самое непростительное въ ней было—талантъ, талантъ яркій, живой, свѣжій, сильный, могучій... Да, литераторамъ не могла понравиться комедія Грибоѣдова; они должны были ожесточиться противъ нея!.. За что же общество такъ сильно осердилось на нее? За то, что она была самою злою сатирою на это общество. Она заклеймила остатки XVIII вѣка, духъ котораго бродилъ еще, какъ заколдованная тѣнь, ожидая себѣ осиноваго кола, которымъ и было «Горе отъ Ума». Новое поколѣніе вскорѣ не замедлило объявить себя за блестящее произведеніе Грибоѣдова, потому-что, вмѣстѣ съ нимъ, оно смѣялось надъ старымъ поколѣніемъ, видя въ «Горе отъ Ума» злую сатиру на него и неподозрѣвая въ немъ еще злѣйшей, хотя и безъумышленной сатиры на самого-себя, въ лицѣ полоумнаго Чацкаго...

За что же теперь такъ жестоко, такъ бездоказательно, такъ произвольно, и, надо сказать, такъ дерзко и неуважительно начинаютъ нападать на такое прекрасное, дѣлающее истинную честь отечественной литературѣ произведенiе?... Тутъ двѣ причины. Во-первыхъ, *кто* нападаетъ? Люди ли, которые мѣряютъ изящныя произведенiя своею неизящною стряпнею, и, на смѣхъ всему мiру, таращатся видѣть въ Грибоѣдовѣ соперника себѣ, они, которые, какъ ни высоко загибаютъ голову, чтобы достать до его лица, но обиваютъ себѣ кулаки только о его колѣни, выше которыхъ, даже и на цыпочкахъ, не могутъ достать?.. Во-вторыхъ: въ дерзости этихъ людей, кромѣ оскорбленнаго, микроскопическаго самолюбiя, выражается еще и требованiе времени опредѣлить достоинство «Горе отъ Ума» не на основанiи личныхъ мнѣнiй, но на основанiи законовъ изящнаго, и не при посредствѣ личнаго пристрастiя, а при посредствѣ разумной мысли, холодной и мертвой для всякихъ личныхъ отношенiй, но пламенной и живой для ищущихъ истины.

Теперь у насъ въ литературѣ господствуютъ и борятся два рода критики — *французская* и *нѣмецкая*. Первая смотритъ на произведенiе съ исторической точки зрѣнiя, т. е. объясняетъ его и произноситъ ему оцѣнку въ-слѣдствiе разбора его отношенiй къ современному обществу и къ частной жизни самого автора. Извѣстно, что Французы увлекаются дневными интересами (les intérets du jour), и каждое литературное и поэтическое произведенiе у нихъ есть рѣшенiе дневнаго вопроса (la question du jour), т. е. того, о чемъ говорятъ нынѣче. Нѣмецкая критика смотритъ на художественное произведенiе какъ на нѣчто безусловное, въ самомъ-себѣ носящее свою причину, свое оправданiе и свою оцѣнку, по мѣрѣ того, какъ оно выражаетъ собою общiе законы духа, явленiя разума, и мѣряютъ его масштабомъ разумной мысли. Извѣстно, что Нѣмцы мало занимаются эфемерными интересами текущаго дня, но сосредоточиваютъ все свое вниманiе на интересахъ общихъ, мiровыхъ, непреходящихъ. Всякому свое! Но и французская критика имѣетъ свое значенiе при разсматриванiи такихъ произведенiй литературы, которыя, имѣя большое влiянiе на общество, не принадлежатъ къ искусству, каковы, напримѣръ, повѣсти Карамзина, комедiи Фонвизина, и т. п. Однакоже рѣшенiе вопроса: художественно или не художественно то или другое произведенiе литературы — подлежитъ совсѣмъ не французской, а нѣмецкой критикѣ, потому-что рѣшенiе такого вопроса относится совсѣмъ не къ исторiи, а къ наукѣ изящнаго, имѣющей своимъ основанiемъ — законы изящнаго, выводимые изъ разумной мысли. Мы уже мимоходомъ взглянули на «Горе отъ Ума» съ исторической точки зрѣнiя: взглянемъ теперь на него со стороны искусства, чтобы опредѣлить — художественное ли оно произведенiе.

Всякое художественное произведенiе раждается изъ единой общей идеи, которой оно обязано и художественностiю своей формы, и своимъ внутреннимъ и внѣшнимъ единствомъ, черезъ которое оно есть особый, замкнутый въ самомъ-себѣ мiръ. Какая основная идея «Горе отъ Ума»? — Это можно узнать только изъ самой комедiи; почему и взглянемъ на ея содержанiе.

Дочь барина-чиновника, въ минуту боренiя утренняго свѣта съ тем-

потою ночи, въ своей спальнѣ, *занимается музыкою* съ молодымъ человѣкомъ, чиновникомъ своего отца. Горничная, передъ спальнею, стоитъ на часахъ, и, чтобы кто не узналъ о ихъ несвоевременномъ занятіи музыкою и не перетолковалъ въ дурную сторону такой безкорыстной любви къ искусству, напоминаетъ имъ, что уже свѣтаетъ, и, чтобы вывести ихъ изъ меломаническаго самозабвенія, переводитъ часовую стрѣлку. Вдругъ входитъ самъ баринъ и отецъ, Фамусовъ, и начинаетъ волочиться за горничною своей дочери, которая въ то время доигрывала послѣдній дуэтъ. Фамусовъ уходитъ; являются Софья и Молчалинъ; Лиза упрекаетъ ихъ за долговременное пребываніе въ гармоніи, разсказываетъ о приходѣ барина, и о томъ, какъ она струсила. Входитъ опять Фамусовъ и застаетъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ. Слѣдуютъ допросы, упреки и нападки на *Кузнецкій Мостъ*. Софья разсказываетъ свой сонъ, желая намекнуть имъ на свою любовь къ какому-то робкому и бѣдному молодому человѣку; отецъ прерываетъ ее:

Ахъ, матушка, не довершай удара!
Кто бѣденъ, тотъ тебѣ не пара!

Въ-заключеніе совѣтуетъ ей соснуть и идетъ съ Молчалинымъ подписывать бумаги. Софья наединѣ съ Лизою. Изъ ихъ разговора мы узнаёмъ, что она безъ памяти отъ «скромнаго» Молчалина и не очень дорожитъ своимъ добрымъ именемъ и общественнымъ мнѣніемъ. Лиза возстаетъ противъ ея любви, которая добромъ не кончится, и напоминаетъ ей о Чацкомъ, который нѣжно любилъ ее съ-дѣтства и котораго и она любила; но Софья отзывается о Чацкомъ съ враждебностію, находя въ немъ только злословіе и больше ничего. Вообще служанка обращается съ своею барышнею за́-просто потому-что, какъ помощница въ ея низкой связи, держитъ въ рукахъ своихъ ея участь. Вообще всѣ эти сцены написаны мастерски и служатъ превосходною интродукціею въ комедію; характеры и ихъ взаимныя отношенія обрисованы рѣзко и искусно. Вдругъ лакей докладываетъ о пріѣздѣ Чацкаго, который тотчасъ и является.

Чацкій воспитывался въ домѣ Фамусова и любилъ его дочь съ-дѣтства. Три года путешествовалъ онъ и не видалъ ея, теперь спѣшитъ увидѣться. Чацкій человѣкъ *свѣтскій* и человѣкъ *глубокій*: отсюда должны выходить приличіе и поэзія его свиданія съ Софьею. Какъ *свѣтскій* человѣкъ, онъ не долженъ разсыпаться въ нѣжныхъ и страстныхъ монологахъ; скорѣе долженъ онъ начать шутить и говорить о незначащихъ предметахъ, обо всемъ, кромѣ любви своей; но, какъ у *глубокаго* человѣка, въ его шуткахъ должно, какъ-бы противъ его воли, проискриваться его чувство, и, какъ arrière pensée, оно же должно незримо присутствовать въ его болтовнѣ о разныхъ пустякахъ. Но что̀ же? Во-первыхъ, онъ заѣзжаетъ въ домъ ея отца и требуетъ свиданія съ ней, прямо съ дороги, не заѣхавъ домой, чтобы обриться и переодѣться, — и заѣзжаетъ когда же? — въ *шесть часовъ утра!* — Воля ваша — не *по-свѣтски*, не умно и не эстетически!... Первое, что̀ онъ начинаетъ говорить съ нею, — это о томъ, что она холодно принимаетъ его, тогда-какъ онъ скакалъ сломя голову, сорокъ-пять часовъ, не прищуря глазомъ, терпѣлъ отъ бури, разтерялся, падалъ нѣсколько разъ!... Софья холодно надъ нимъ издѣвается, — и онъ начинаетъ разспрашивать у ней о знакомыхъ и дѣлать противъ нихъ сатирическія выходки. Истиннаго и глубокаго чувства любви не видно ни въ одномъ его словѣ. Входитъ

Фамусовъ. Софья пользуется случаемъ ускользнуть. Чацкій разсѣянно отвѣчаетъ на пошлости Фамусова и безпрестанно заводитъ съ нимъ рѣчь о Софьѣ; наконецъ спохватывается, что ему пора домой, и уходитъ. Фамусовъ силится объяснить сонъ дочери и на кого изъ двухъ она метитъ — на Молчалина или на Чацкаго: одинъ нищій — другой франтъ, мотъ и сорванецъ, и заключаетъ свою думу, а вмѣстѣ съ нею и первый актъ комедіи, комическимъ возклицаніемъ:

Что за коммисія, Создатель,
Быть взрослой дочери отцомъ!

Фамусовъ приказываетъ Петрушкѣ читать календарь и отмѣчать, куда и когда баринъ отозванъ обѣдать. Превосходный монологъ! Тутъ Фамусовъ весь высказывается. Приходитъ Чацкій, и его безпрестанныя обращенія къ Софьѣ Павловнѣ заставляютъ Фамусова спросить его—не хочетъ ли онъ на ней жениться, — и замѣтить, что, для-того, ему надо хорошенько управлять имѣніемъ, а главное *послужить.*

Служить бы радъ, прислуживаться тошно!

отвѣчаетъ ему Чацкій. Фамусовъ говоритъ, что «всѣ вы гордецы», что «спросили бы какъ дѣлали отцы, учились бы на старшихъ глядя». Чацкій радъ вызову и разливается потокомъ энергическихъ выходокъ противъ стараго времени, въ которыхъ Фамусовъ не понимаетъ ни пол-слова. Эта сцена была бы въ высшей степени комическою, еслибъ изображена была объективно, какъ столкновеніе двухъ чудаковъ; но какъ этого нѣтъ, какъ авторъ не думалъ нисколько, что его Чацкій — полоумный, то она смѣшна, но не въ пользу автора. Слуга докладываетъ о Скалозубѣ, и Фамусовъ проситъ Чацкаго, ради чужаго человѣка, не заноситься завиральными идеями, и спѣшитъ на встрѣчу къ Скалозубу. Чацкій изъ его поспѣшности подозрѣваетъ, ужь не прочитъ ли онъ этого гостя въ женихи своей дочери. Слѣдуетъ превосходная сцена Фамусова съ Скалозубомъ, гдѣ эти два ничтожные характера развиваются творчески.

А, батюшка, признайтесь, что едва
Гдѣ сыщется еще столица, какъ Москва!

возклицаетъ, въ лирическомъ одушевленіи пошлости, Фамусовъ.

Дистанція огромнаго размѣра!

отвѣчаетъ ему *лаконическій* Скалозубъ. До-сихъ-поръ сцена шла превосходно, развита была творчески; но вотъ Фамусовъ разпространяется о Москвѣ монологомъ въ 54 стиха, гдѣ, мѣстами очень-оригинально, высказывая самого-себя, мѣстами дѣлаетъ, за Чацкаго, выходки противъ общества, какія могли бы пріидти въ голову только Чацкому. Чацкій радёхонекъ, вмѣшивается въ разговоръ и начинаетъ читать проповѣди и ругать Фамусова. Сцена удивительно-смѣшная, но только не въ похвалу комедіи . . . Ни съ-того, ни съ-сего, Фамусовъ говоритъ Скалозубу, что будетъ ждать его въ кабинетѣ, и оставляетъ ихъ. Скалозубъ, сказавъ Чацкому монологъ, въ которомъ онъ чудесно высказывается, тоже уходитъ. Тутъ слѣдуетъ паденіе Молчалина съ лошади, обморокъ Софьи, и подозрѣнія Чацкаго. Кажется, чего бы еще подозрѣвать? Софья ведетъ себя такъ неосторожно въ-отношеніи къ Молчалину и такъ нагло-враждебна въ-отношеніи къ Чацкому, что, кажется, совсѣмъ бы нѣчего подозрѣвать. Дѣло очень-ясно: при бѣдѣ одного она падаетъ въ обморокъ, а другаго, забывъ всякое приличіе, ругаетъ. Чацкій уходитъ. Софья приглашаетъ Скалозуба на вечеръ, гдѣ будутъ всѣ домашніе

друзья и танцы подъ фортепьяно, и потъ уходитъ. Софья изъявляетъ свой страхъ за Молчалина, Лиза упрекаетъ ее въ неосторожности, и Молчалинъ беретъ ея сторону противъ Софьи. Оставшись наединѣ съ Лизою, Молчалинъ волочится за нею, говоря, что онъ любитъ барышню «по должности». Молчалинъ уходитъ, а Софья опять является, говоря Лизѣ, что она не выйдетъ къ столу и приказывая ей послать къ себѣ Молчалина.

Вотъ и конецъ втораго акта. Что̀ въ немъ существеннаго, относящагося къ дѣлу? Обморокъ Софьи и, вслѣдствіе его, ревность Чацкаго; все остальное существуетъ само-по-себѣ, безъ всякаго отношенія къ цѣлому комедіи. Всѣ говорятъ, и никто ничего не дѣлаетъ. Конечно, въ монологахъ дѣйствующихъ лицъ высказываются ихъ характеры, но это *высказываніе*, въ художественномъ произведеніи, должно происходить изъ его идеи и совершаться въ дѣйствіи. И въ «Ревизорѣ» каждое дѣйствующее лицо высказываетъ себя каждымъ своимъ словомъ, но совсѣмъ не съ цѣлію высказываться, а принимая необходимое участіе въ ходѣ пьесы. Каждое слово, сказанное каждымъ лицомъ, тамъ относится или къ ожиданію ревизора, или къ его присутствію въ городѣ. Лицо ревизора есть источникъ, изъ котораго все выходитъ и въ который все возвращается. И потому-то тамъ каждое слово на своемъ мѣстѣ, каждое слово необходимо, и не можетъ быть ни измѣнено, ни замѣнено другимъ. Отъ-того-то и комедія Гоголя представляетъ собою цѣлое художественное произведеніе, особный и замкнутый въ самомъ-себѣ міръ, и можетъ подлежать только разсмотрѣнію нѣмецкой умозрительной критики, а отнюдь не французской исторической. Лица поэта нѣтъ въ этомъ созданіи, и потому, чтобы понять «Ревизора», намъ совсѣмъ не нужно знать ни образа мыслей, ни обстоятельствъ жизни его творца.

Чацкій рѣшается допытаться отъ Софьи, кого она любитъ, Молчалина, или Скалозуба. Странное рѣшеніе— къ-чему оно! Другое бы еще дѣло: допытаться, любитъ ли она его. Что̀ ему за радость узнать отъ нея, что она любитъ не Молчалина, а Скалозуба, или что она любитъ не Скалозуба, а Молчалина? Не все же ли это равно для него? Да и сто̀итъ ли какого-нибудь вниманія, какихъ-нибудь хлопотъ дѣвушка, которая могла полюбить Скалозуба или Молчалина? Гдѣ же у Чацкаго уваженіе къ святому чувству любви, уваженіе къ самому-себѣ? Какое же послѣ этого можетъ имѣть значеніе его восклицаніе въ концѣ четвертаго акта:

> . . . Пойду искать по свѣту,
> Гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ?

Какое же это чувство, какая любовь, какая ревность? буря въ стаканѣ воды!... И на чемъ основана его любовь къ Софьѣ? Любовь есть взаимное, гармоническое разумѣніе двухъ родственныхъ душъ, въ сферахъ общей жизни, въ сферахъ истиннаго, благаго, прекраснаго. На чемъ же могли они сойдтись и понять другъ друга? Но мы и не видимъ этого требованія, или этой духовной потребности, составляющей сущность глубокаго человѣка, ни въ одномъ словѣ Чацкаго. Всѣ слова, выражающія его чувство къ Софьѣ, такъ обыкновенны, чтобы не сказать пошлы! И что̀ онъ нашелъ въ Софьѣ? Мѣркою достоинства женщины можетъ быть мужчина, котораго она любитъ, а Софья любитъ ограниченнаго человѣка безъ души, безъ сердца, безъ всякихъ человѣческихъ потребностей, мерзавца, низкопоклонника, ползающую тварь, однимъ словомъ— Молча-

лина. Онъ ссылается на воспоминанія дѣтства, на дѣтскія игры; но кто же въ дѣтствѣ не влюблялся и не называлъ своею невѣстою дѣвочки, съ которою вмѣстѣ учился и рѣзвился, и не уже ли дѣтская привязанность къ дѣвочкѣ должна непремѣнно быть чувствомъ возмужалаго человѣка? Буря въ стаканѣ воды—больше ничего!... И вотъ онъ приступаетъ къ объясненію. Вы думаете, что онъ сдѣлаетъ это какъ *свѣтскій* и какъ *глубокій* человѣкъ, какъ-нибудь намеками, со всевозможнымъ уваженіемъ и къ своему чувству, и къ личности той, которую, какова бы она ни была, онъ любитъ? Ничего не бывало! Онъ прямо спрашиваетъ ее:

Дознаться мнѣ нельзя ли —
Хоть и не кстати, нужды нѣтъ —
Кого вы любите?

И этотъ человѣкъ волнуется любовію и ревностью! И это разговоръ, который долженъ рѣшить участь его жизни! Наконецъ онъ прямо заводитъ рѣчь о Молчалинѣ!!!... Да намекнуть дѣвушкѣ, не любитъ ли она Молчалина, все равно, что намекнуть ей, не любитъ ли она лакея, или кучера своего отца.. Софья разхваливаетъ Молчалина, а Чацкій убѣждается изъ этого, что она его и не любитъ и не уважаетъ... Догадливъ!... Гдѣ жь ясновидѣніе внутренняго чувства?... Лиза подходитъ къ барышнѣ своей и шепчетъ ей на ухо, что ее ждетъ Молчалинъ, и та хочетъ уйдти. Чацкій проситъ у ней позволенія побыть минуту въ ея комнатѣ, но она пожимаетъ плечами, уходитъ къ себѣ и запирается, оставляя его съ носомъ. Чацкій, оставшись одинъ, опять ни съ-того, ни съ-сего увѣряется, что Софья любитъ Молчалина и вымещаетъ свою досаду остротами. Потомъ онъ заводитъ разговоръ съ Молчалинымъ, и тутъ слѣдуетъ превосходнѣйшая сцена, гдѣ Молчалин вполнѣ высказывается. Но вотъ соби раются гости, и слѣдуетъ рядъ картин тогдашняго и, можетъ-быть, отчасти и нынѣшняго московскаго общества —картинъ, написанныхъ мастерскою кистію. Наталья Дмитріевна съ своимъ мужемъ Платономъ Михайловичемъ Горичемъ, этимъ «высоким идеаломъ московскихъ всѣхъ мужей» ихъ взаимныя отношенія; князь Тугоуховскій и княгиня съ шестью дочерьми; графини Хрюмины, бабушка и внучка; Загорѣцкій, Хлестова — все это типы, созданные рукою истиннаго художника; а ихъ рѣчи, слова, обращеніе, манеры, образъ мыслей, пробивающійся изъ-подъ нихъ, геніальная живопись, поражающая вѣрностію, истиною и творческою объективностію; но все это какъ-то несвязно съ цѣлымъ комедіи, выставляется само-собою, особно и отдѣльно. Молчалинъ услуживаетъ, составляетъ партію въ вистъ, подличаетъ. Чацкій язвительно колетъ имъ Софью, у которой вдругъ блеснула мысль отомстить ему, ославивъ его сумасшедшимъ. Вѣсть эта съ быстротою молніи переходитъ отъ одного къ другому и тотчасъ превращается въ доказанную очевидность, потому-что всѣ принимаютъ ее на вѣру съ свѣтскою основательностію и свѣтскимъ доброжелательствомъ къ ближнему. У графини-бабушки происходятъ пресмѣшныя сцены по поводу шума о сумасшествіи Чацкаго, съ Натальей Дмитріевной, Загорѣцкимъ и княземъ Тугоуховскимъ, а у Фамусова съ Хлестовой. Входитъ Чацкій, и всѣ отшатываются отъ него, какъ отъ сумасшедшаго; Фамусовъ совѣтуетъ ему ѣхать домой, говоря, что онъ нездоровъ, и Чацкій отвѣчаетъ ему:

Да, мочи нѣтъ! Мильйонъ терзаній,
Груди, отъ дружескихъ тисковъ,

Ногамъ отъ шарканья, ушамъ отъ восклицаній;
А пуще головѣ отъ всякихъ пустяковъ!
(*подходитъ къ Софьѣ*)
Душа здѣсь у меня какимъ-то горемъ сжата,
И въ многолюдствѣ я потерянъ, самъ не свой.
Нѣтъ, недоволенъ я Москвой!

Скажите, послѣ этой, положимъ, что поэтической, но уже совершенно неумѣстной выходки Чацкаго, не въ-правѣ ли было все общество окончательно и положительно удостовѣриться въ его сумасшествіи? Кто, кромѣ помѣшаннаго, предастся такому откровенному и задушевному изліянію своихъ чувствъ на балѣ, среди людей, чуждыхъ ему? Да если бы это были и не Фамусовы, не Загорѣцкіе, не Хлестовы, а люди отлично-умные и глубокіе, и тѣ приняли бы его за помѣшаннаго! Но Чацкій этимъ не довольствуется—онъ идетъ далѣе. Софья лукаво дѣлаетъ ему вопросъ, на чтò онъ такъ сердитъ? и Чацкій начинаетъ свирѣпствовать противъ общества, во всемъ значеніи этого слова. Безъ дальнихъ околичностей начинаетъ онъ разсказывать, что вонъ въ той комнатѣ встрѣтилъ онъ Французика изъ Бордо, который, «надсаживая грудь, собралъ вокругъ себя родъ вѣча» и разсказывалъ, какъ онъ снаряжался въ путь въ Россію, къ варварамъ, со страхомъ и слезами, и встрѣтилъ ласки и привѣтъ, не слышитъ русскаго слова, не видитъ русскаго лица, а все французскіе, какъ-будто онъ и не выѣзжалъ изъ своего отечества, Франціи. Въ-слѣдствіе этого, Чацкій начинаетъ неистово свирѣпствовать противъ рабскаго подражанія Русскихъ иноземщинѣ, совѣтуетъ учиться у Китайцевъ «премудрому незнанью иноземцевъ», нападаетъ на сюртуки и фраки, замѣнившіе величавую одежду нашихъ предковъ, на «смѣшные, бритые, сѣдые подбородки», замѣнившіе окладистыя бороды, которыя упали по манію Петра, чтобы уступить мѣсто просвѣщенію и образованности; словомъ, несетъ такую дичь, что всѣ уходятъ, а онъ остается одинъ, не замѣчая того,—чѣмъ и оканчивается третій актъ.

Вообще, если бы выкинуть Чацкаго, этотъ актъ, самъ-по-себѣ, какъ дивно-созданная картина общества и характеровъ, былъ бы превосходнымъ созданіемъ искусства.

Картина разъѣзда съ бала, въ четвертомъ актѣ, есть также, сама-по-себѣ, какъ нѣчто отдѣльное, дивное произведеніе искусства. Одинъ Репетиловъ чего стòитъ! Это лицо типическое, созданное великимъ творцомъ!.. Чацкому не найдутъ его кучера; онъ задержанъ въ сѣняхъ и по-неволѣ подслушиваетъ толки о своемъ сумасшествіи. Это его изумляетъ: онъ далекъ отъ мысли, что онъ сумасшедшій. Вдругъ онъ слышитъ голосъ Софьи, которая, надъ лѣстницей, во второмъ этажѣ, со свѣчею въ рукахъ, въ-полголоса зоветъ Молчалина. Лакей приходитъ и докладываетъ о каретѣ, но Чацкій прогоняетъ его и прячется за колонну. Лиза стучится въ дверь къ Молчалину и вызываетъ его; Молчалинъ выходитъ и по-своему любезничаетъ съ Лизою, не подозрѣвая, что Софья все видитъ и слышитъ. Онъ говоритъ открыто, что любитъ Софью «по должности» и заключаетъ обращеніемъ къ горничной:

Пойдемъ дѣлить любовь печальной нашей крали!
Дай обниму тебя отъ сердца полноты!...
(*Лиза не дается*).
Зачѣмъ она не ты?

Софья является, подлецъ падаетъ ей въ ноги и валяется у ней въ ногахъ. Софья приказываетъ ему встать, и чтобы заря не застала его въ домѣ;

иначе она все разскажетъ отцу. Она заключаетъ изъявленіемъ радости, что сама все узнала, и что не было тутъ свидѣтелей, подобно тому какъ былъ Чацкій во время ея давишняго обморока.

Онъ здѣсь, притворщица!

кричитъ Чацкій, бросаясь къ ней изъ-за колонны.

Скажите, Бога ради, какой бы порядочный, по-крайней-мѣрѣ, не сумасшедшій человѣкъ, на мѣстѣ Чацкаго, не удалился тихонько, узнавъ горькую истину?... Но ему надо было произвести трагическій эффектъ, а вышла преуморительная комическая сцена, гдѣ самое смѣшное лицо — г. Чацкій... Нѣтъ, не то: ему надо было еще прочесть нѣсколько проповѣдей... Безъ этого, комедія по-крайней-мѣрѣ, кончилась бы на мѣстѣ, а тутъ она еще тянется, Богъ-знаетъ для-чего. Окончаніе извѣстно, и мы не будемъ о немъ говорить.

Итакъ, въ комедіи нѣтъ цѣлаго, потому-что нѣтъ идеи. Намъ скажутъ, что идея, напротивъ, есть, и что она — противорѣчіе умнаго и глубокаго человѣка съ обществомъ, среди котораго онъ живетъ. Позвольте: что̀ это за новый Анахарсисъ, побывавшій въ Аѳинахъ и возвратившійся къ Скиѳамъ?... Не уже ли представители русскаго общества все — Фамусовы, Молчалины, Софьи, Загорѣцкіе, Хлестаковы, Тугоуховскіе, и имъ подобные? Если такъ, они правы, изгнавши изъ своей среды Чацкаго, съ которымъ у нихъ нѣтъ ничего общаго, равно какъ и у него съ ними. Общество всегда правѣе и выше частнаго человѣка, и частная индивидуальность только до той степени и действительность, а не призракъ, до какой она выражаетъ собою общество. Нѣтъ, эти люди не были представителями русскаго общества, а только представителями одной стороны его, слѣдственно были другіе круги общества, болѣе близкіе и родственные Чацкому. Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же онъ лѣзъ къ нимъ, и не искалъ круга болѣе по себѣ? Слѣдовательно, противорѣчіе Чацкаго случайное, а не дѣйствительное; не противорѣчіе съ обществомъ, а противорѣчіе съ кружкомъ общества. Гдѣ жь тутъ идея? Основною идеею художественнаго произведенія можетъ быть только такъ-называемая на философскомъ языкѣ «конкретная» идея, т. е. такая идея, которая въ самой-себѣ заключаетъ и свое развитіе, и свою причину, и свое оправданіе, и которая только одна можетъ стать разумнымъ явленіямъ, паралельнымъ своему діалектическому развитію. Очевидно, что идея Грибоѣдова была сбивчива и неясна самому-ему, а потому и осуществилась какимъ-то недоноскомъ. И потомъ: что̀ за глубокій человѣкъ Чацкій? Это просто крикунъ, фразёръ, идеальный шутъ, на каждомъ шагу профанирующій все святое, о которомъ говоритъ. Не уже ли войдти въ общество и начать всѣхъ ругать въ глаза дураками и скотами, значитъ быть глубокимъ человѣкомъ? Что̀ бы вы сказали о человѣкѣ, который, войдя въ кабакъ, сталъ бы съ одушевленіемъ и жаромъ доказывать пьянымъ мужикамъ, что есть наслажденіе выше вина — есть слава, любовь, наука, поэзія, Шиллеръ и Жанъ-Поль Рихтеръ?... Это новый Донъ-Кихотъ, мальчикъ на палочкѣ верхомъ, который воображаетъ, что сидитъ на лошади... Глубоко-вѣрно оцѣнилъ эту комедію кто-то, сказавшій, что это горе, — только не отъ *ума*, а отъ *умничанья*. Искусство можетъ избрать своимъ предметомъ и такого человѣка, какъ Чацкій,

но тогда изображеніе долженствовало бъ быть объективнымъ, а Чацкій лицомъ комическимъ; но мы ясно видимъ, что поэтъ не шутя хотѣлъ изобразить въ Чацкомъ идеалъ глубокаго человѣка въ противорѣчіи съ обществомъ, и вышло Богъ-знаетъ-что.

Когда въ произведеніи искусства нѣтъ основной идеи—то и характеры дѣйствующихъ лицъ не могутъ быть вѣрны, по-крайней-мѣрѣ всѣ. Что такое Софья? Свѣтская дѣвушка, унизившаяся до связи почти съ лакеемъ. Это можно объяснить возпитаніемъ — дуракомъ отцомъ, какою-нибудь *мадамою,* допустившею себя переманить за лишнихъ 500 рублей. Но въ этой Софьѣ есть какая-то энергія характера: она отдала себя мужчинѣ, не обольстясь ни богатствомъ, ни знатностію его, словомъ, не по разсчету, а напротивъ ужъ слишкомъ по неразсчету; она не дорожитъ ни чьимъ мнѣніемъ, и когда узнала, что такое Молчалинъ, съ презрѣніемъ отвергаетъ его, велитъ завтра же оставить домъ, грозя, въ противномъ случаѣ, все открыть отцу. Но какъ она прежде не видѣла, что такое Молчалинъ?—Тутъ противорѣчіе, котораго нельзя объяснить изъ ея лица, а всѣ другія объясненія не могутъ, какъ внѣшнія и произвольныя, имѣть мѣста при разсматриваніи созданнаго поэтомъ характера. И потому Софья не дѣйствительное лицо, а призракъ. Кромѣ Чацкаго, ни на что непохожаго, всѣ прочія лица живы и дѣйствительны; но и они частенько измѣняютъ себѣ, говоря противъ себя эпиграммы на общество.

Фамусовъ лицо типическое, художественно-созданное. Онъ весь высказывается въ каждомъ своемъ словѣ. Это гоголевскій городничій этого круга общества. Его философія та же. Знатность, въ-слѣдствіе чиновъ и денегъ—вотъ его идеалъ жизни. Чтобы не накопилось у него много дѣлъ, у него обычай: «подписано, такъ съ плечь долой». Онъ очень уважаетъ родство—

...Я передъ родней, гдѣ встрѣтится ползкомъ,
Сыщу ее на днѣ морскомъ.
При мнѣ служащіе чужіе очень-рѣдки:
Все больше сестрины, свояченицы дѣтки.
Одинъ Молчалинъ мнѣ не свой,
И то за тѣмъ, что дѣловой.
Какъ будешь представлять къ крестишку иль мѣстечку,
Ну какъ не порадѣть родному человѣчку?

Но нигдѣ не высказывается онъ такъ рѣзко и такъ полно, какъ въ концѣ комедіи: онъ узнаетъ, что дочь его въ связи съ молодымъ человѣкомъ, что ея, слѣдовательно и его доброе имя опозорено, не говоря уже о тяжелой, жгучей душу мысли быть отцомъ такой дочери—и что жъ?—ничего этого и въ голову не приходитъ ему, потому-что ни въ чемъ этомъ онъ не видитъ существеннаго: онъ весь жилъ и живетъ внѣ себя: его богъ, его совѣсть, его религія — мнѣніе свѣта, и онъ возклицаетъ въ отчаяньи:

Моя судьба еще ли не плачевна:
Ахъ, Боже мой! что станетъ говорить
Княгиня Марья Алексѣвна!...

Но этотъ Фамусовъ, столь вѣрный самому-себѣ въ каждомъ своемъ словѣ, измѣняетъ иногда себѣ цѣлыми рѣчами.

Беремъ же побродягъ и въ домъ и по билетамъ,
Чтобъ нашихъ дочерей всему учить—всему
И танцамъ, и пѣнью, и нѣжностямъ и вздохамъ,
Какъ-будто въ жены ихъ готовимъ скоморохамъ.

Это говоритъ не Фамусовъ, а Чацкій устами Фамусова, и это не монологъ, а эпиграмма на общество.

. . . .

Кто хочетъ къ намъ пожаловать-изволь,
Дверь отперта для званыхъ и незваныхъ,

Особенно изъ иностранныхъ;
Хоть честный человѣкъ, хоть нѣтъ,
Для насъ равнехонько, про всѣхъ готовъ обѣдъ.

. . . .

А наши старички, *какъ ихъ возьметъ задоръ,*
Засудятъ о дѣлахъ, что слово—приговоръ!
Вѣдь столбовые всѣ, въ усъ никому не дуютъ,
И о правительствѣ иной разъ такъ толкуютъ,
Что еслибъ кто подслушалъ ихъ—бѣда!
Не то, чтобъ новизны вводили—никогда!
Спаси ихъ Боже! нѣтъ! *а придерутся*
Къ тому, къ сему, а чаще ни къ чему,
Поспорятъ, пошумятъ, и . . . . . разойдутся.

. . . .

А дочки? . . . .
Французскіе романсы вамъ поютъ
И верхнія выводятъ нотки;
Къ военнымъ людямъ такъ и льнутъ,
А потому-что патріотки!

Нужно ли доказывать, что Фамусовъ слишкомъ-глупъ для такихъ язвительныхъ эпиграммъ, и такъ добродушно преданъ пошлой сторонѣ своего общества, что считаетъ за грѣхъ отъ другаго услышать противъ него выходку; что, наконецъ, все это Фамусовъ говоритъ не отъ себя, а по приказу автора?... Мало этого: самъ Скалозубъ остритъ, да еще какъ! — точь-въ-точь, какъ Чацкій. Не вѣрите?— такъ прочтите:

Позвольте, разскажу вамъ вѣсть:
Княгиня Ласова какая-то здѣсь есть,
Наѣздница-вдова, но нѣтъ примѣровъ,
Чтобъ ѣздило съ ней много кавалеровъ—
На дняхъ разшиблась въ пухъ:
Жокей не поддержалъ—считалъ онъ видно мухъ.
И безъ того она, какъ слышно, неуклюжа;
Теперь ребра не достаетъ,
Такъ для поддержки ищетъ мужа.

Каковъ Скалозубъ! Чѣмъ хуже Чацкаго?... Впрочемъ, Лиза не безъ основанія *такъ остроумно, такою эпиграммою,* замѣтила о немъ:

Шутить и онъ гораздъ—вѣдь нынче кто не шутитъ!

Но нигдѣ субъективность автора не проявилась такъ рѣзко, такъ странно и такъ во вредъ комедіи, какъ въ очеркѣ характера Молчалина, который онъ заставляетъ дѣлать самого же Молчалина:

Мнѣ завѣщалъ отецъ,
Во-первыхъ, угождать всѣмъ людямъ безъ изъятья;
Хозяину, гдѣ доведется жить;
Слугѣ его, который чиститъ платья,
Швейцару, дворнику — для избѣжанья зла,
Собакѣ дворника, чтобъ ласкова была!

А Лиза отвѣчаетъ ему на эту оригинальную выходку эпиграммою, которая сдѣлала бы честь остроумію самого Чацкаго:

Сказать, сударь, у васъ огромная опека!

Скажите, Бога ради, станетъ ли какой-нибудь подлецъ называть себя при другихъ подлецомъ?—Вѣдь Молчалинъ глупъ, когда дѣло идетъ о чести, благородствѣ, наукѣ, поэзіи и подобныхъ высокихъ предметахъ; но онъ уменъ, какъ дьяволъ, когда дѣло идетъ о его личныхъ выгодахъ. Онъ живетъ въ домѣ знатнаго барина, допущенъ въ его свѣтскій кругъ, и совсѣмъ не болтливъ, но очень-молчаливъ: такъ кстати ли ему подавать оружіе на себя горничной, такъ простодушно хвастаясь своею подлостію?...

Но если вычеркнуть мѣста изъ монологовъ, гдѣ дѣйствующія лица проговариваются, изъ угожденія автору, противъ себя—это будутъ, за исключеніемъ Софьи, лица типическія, характеры художественно-созданные, хотя и несоставляющіе комедіи своими взаимными отношеніями; — не говоримъ ужо о Репетиловѣ, этомъ вѣчномъ

прототипѣ, котораго собственное имя сдѣлалось нарицательнымъ, и который обличаетъ въ авторѣ исполинскую силу таланта. Вообще, «Горе отъ Ума» не комедія, въ смыслѣ и значеніи художественнаго созданія, цѣлаго, единнаго, особнаго и замкнутаго въ себѣ міра, въ которомъ все выходитъ изъ одного источника—основной идеи, и все туда же возвращается, въ которомъ, по-этому, каждое слово необходимо, неизмѣнимо и незамѣнимо; въ которомъ все превосходно и ничего нѣтъ слабаго, лишняго, ненужнаго, словомъ — въ которомъ нѣтъ достоинствъ и недостатковъ, но одни достоинства. Художественное произведеніе есть само-себѣ цѣль и внѣ себя не имѣетъ цѣли, а авторъ «Горе отъ Ума» ясно имѣлъ внѣшнюю цѣль—осмѣять современное общество въ злой сатирѣ, и комедію избралъ для этого средствомъ. Отъ-того-то и ея дѣйствующія лица такъ явно и такъ часто проговариваются противъ себя, говоря языкомъ автора, а не своимъ собственнымъ; отъ-того-то и любовь Чацкаго такъ понила, ибо она нужна не для себя, а для завязки комедіи, какъ нѣчто внѣшнее для нея; отъ-того-то и самъ Чацкій какой-то образъ безъ лица, призракъ, фантомъ, что-то небывалое и неестественное. Но какъ нехудожественно-созданное лицо комедіи, а выраженіе мыслей и чувствъ своего автора, хотя и некстати, странно и дико вмѣшавшееся въ комедію, самъ Чацкій представляется уже съ другой точки зрѣнія. У него много смѣшныхъ и ложныхъ понятій, но всѣ они выходятъ изъ благороднаго начала, изъ бьющаго горючимъ ключомъ источника жизни. Его остроуміе вытекаетъ изъ благороднаго и энергическаго негодованія противъ того, что онъ, справедливо или ошибочно, почитаетъ дурнымъ и унижающимъ человѣческое достоинство, — и потому его остроуміе такъ колко, сильно и выражается не въ каламбурахъ, а въ сарказмахъ. И вотъ почему всѣ бранятъ Чацкаго, понимая ложность его, какъ поэтическаго созданія, какъ лица комедіи, — и всѣ наизусть знаютъ его монологи, его рѣчи, обратившіяся въ пословицы, поговорки, примѣненія, эпиграфы, въ афоризмы житейской мудрости. Есть люди, которыхъ разстроенныя или отъ природы слабыя головы не въ-силахъ переварить этого противорѣчія,—и которыя, по-этому, или до небесъ превозносятъ комедію Грибоѣдова, или считаютъ ее годною только для защиты какихъ-то рожъ, подверженныхъ оплеухамъ.

Выведемъ окончательный результатъ изъ всего сказаннаго нами о «Горе отъ Ума», какъ оцѣнку этого произведенія. «Горе отъ Ума» не есть комедія, по отсутствію, или, лучше сказать, по ложности своей основной идеи; не есть художественное созданіе, по отсутствію самоцѣльности, а слѣдовательно, и объективности, составляющей необходимое условіе творчества. «Горе отъ Ума»—сатира, а не комедія: сатира же не можетъ быть *художественнымъ* произведеніемъ. И въ этомъ отношеніи, «Горе отъ Ума» находится на неизмѣримомъ, безконечномъ разстояніи ниже «Ревизора», какъ вполнѣ-художественнаго созданія, вполнѣ-удовлетворяющаго высшимъ требованіямъ искусства и основнымъ философскимъ законамъ творчества. Но «Горе отъ Ума» есть въ высшей степени *поэтическое* созданіе, рядъ отдѣльныхъ картинъ и самобытныхъ характеровъ, безъ отношенія къ цѣлому, художественно-нарисованныхъ кистію широкою, мастерскою, рукою твердою, которая, если и дрожала, то не отъ слабости, а отъ кипучаго, благороднаго негодованія, которымъ молодая

душа еще не въ-силахъ была совладѣть. Въ этомъ отношеніи «Горе отъ Ума», въ его цѣломъ, есть какое-то уродливое зданіе, ничтожное по своему назначенію, какъ на-пр., сарай, но зданіе, построенное изъ драгоцѣннаго паросскаго мрамора, съ золотыми украшеніями, дивною рѣзьбою, изящными колоннами... И въ этомъ отношеніи «Горе отъ Ума» стоитъ на такомъ же неизмѣримомъ и безконечномъ пространствѣ выше комедій Фонвизина, какъ и ниже «Ревизора».

Грибоѣдовъ принадлежитъ къ самымъ могучимъ проявленіямъ русскаго духа. Въ «Горе отъ Ума» онъ является еще пылкимъ юношею, но обѣщающимъ сильное и глубокое мужество,—младенцемъ, но младенцемъ, задушающимъ, еще въ колыбели, огромныхъ змѣй, младенцемъ, изъ котораго долженъ явиться дивный Иракль. Разумный опытъ жизни и благодѣтельная сила лѣтъ уравновѣсила бы волнованія кипучей натуры, погасъ бы ея огонь и исчезло бы его пламя, а осталась бы теплота и свѣтъ, взоръ прояснился бы и возвысился до спокойнаго и объективнаго созерцанія жизни, въ которой все необходимо и все разумно,—и тогда *поэтъ* явился бы *художникомъ,* и завѣщалъ потомству не лирическіе порывы своей субъективности, а стройныя созданія, объективныя возпроизведенія явлений жизни... Почему Грибоѣдовъ не написалъ ничего послѣ «Горе отъ Ума», хотя публика уже и въ-правѣ была ожидать отъ него созданій зрѣлыхъ и художественныхъ?—это такой вопросъ, рѣшенія котораго стало бы на огромную статью, и который все бы не рѣшился. Можетъ-быть, служба, которой онъ былъ преданъ не какъ-нибудь, не мимоходомъ, а *дѣйствительно*, вступила въ соперничество съ поэтическимъ призваніемъ; а можетъ-быть и то, что въ душѣ Грибоѣдова уже зрѣли гигантскіе зародыши новыхъ созданій, которыя осуществить не допустила его ранняя смерть. Кто въ немъ одержалъ бы побѣду—дипломатъ, или художникъ— это могла рѣшить только жизнь Грибоѣдова, но не могутъ рѣшить никакія умозрѣнія, и потому предоставляемъ рѣшеніе этого вопроса мастерамъ и охотникамъ выдавать пустыя гаданія фантазіи за дѣйствительные выводы ума; сами повторимъ только, что «Горе отъ Ума» есть произведеніе таланта могучаго, драгоцѣнный перлъ русской литературы, хотя и непредставляющее комедію, въ художественномъ значеніи этого слова,—произведеніе, слабое въ цѣломъ, но великое своими частностями.

Теперь намъ слѣдовало бы сказать что-нибудь о предисловіи, приложенномъ къ изданію «Горе отъ Ума», написанномъ его издателемъ и занимающемъ ровно *сто* страницъ. Въ немъ содержится біографія Грибоѣдова и критическая оцѣнка «Горе отъ Ума». Что сказать объ этомъ предисловіи? —Оно написано умнымъ литераторомъ, и написано живо, прекраснымъ языкомъ. Что же касается до взгляда на искусство, а въ-слѣдствіе этого, и на произведеніе Грибоѣдова, — это сужденія въ духѣ французской критики и «Московскаго Телеграфа». Авторъ предисловія правъ съ своей точки зрѣнія, и мы спорить съ нимъ не будемъ, а только повторимъ стихи Грибоѣдова, взятые нами эпиграфомъ къ нашей статьѣ, и заключимъ ее ими:

Какъ посравнить да посмотрѣть
Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій:
Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.

VI.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

1. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

1. РУССКІЯ КНИГИ,

изданныя въ течение послѣдней половины декабря 1839 и первой половины января 1840 года.

1) Мѣсяцословъ на (високосный) 1840 Годъ. *Съ портретами Ихъ Императорскихъ Высочествъ Государыни Великой Княгини Маріи Николаевны и супруга ея, Герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго. Въ Санктпетербургѣ, при Императорской Академіи Наукъ. Въ 8-ю д. л.* 218 *стр.*

2) Памятная Книжка на 1840 Годъ. *Санктпетербургъ. Въ Военной тип.* 1839. *Въ 32-ю д. л.* 344 *стр.*

Промчался еще годъ — и сколько отрадныхъ надеждъ, несбывшихся желаній унесъ онъ въ бездну вѣчности! сколько благословеній и ропотныхъ стенаній, сколько страховъ и опасеній, можетъ-быть, сопровождало изходъ его!.. Мелкіе житейскіе разсчеты самолюбія, обширныя предположенія политическихъ мудрствователей, скромныя надежды ремесленника, глубокомысленныя предначертанія ученаго, смѣлые замыслы художника — все это сбывшееся и несбывшееся потонуло въ бездонной вѣчности, и немногое перешло за роковой рубежъ, въ новый 1840 годъ... Не знаемъ, вспомнили ли читатели, что, провожая старый 1839 годъ и встрѣчая новый, они провожали *послѣдній годъ первaго столѣтія русской литературы* и встрѣчали первый годъ *втораго столѣтія* ея... Да, въ прошломъ году минуло ровно сто лѣтъ со дня рожденія русской литературы—съ того времени, какъ раздалась первая торжественная пѣснь Ломоносова: «Ода на взятіе Хотина», написанная въ 1739 году,—съ того времени, какъ въ первый разъ услышана правильная, чистая русская рѣчь въ литературномъ произведеніи и положено начало дальнѣйшему развитію русскаго языка, русской науки, русскаго искусства. Наша литература съ наступившаго 1840 года начнетъ считать существо-

ваніе свое уже не годами, а *вѣками*.

И какъ любопытно было бы взглянуть на прожитый ею первый вѣкъ и прослѣдить возрастаніе ея отъ Ломоносова до Державина, и отъ Карамзина до Жуковскаго и Пушкина!... Но такой взглядъ не можетъ умѣститься въ предѣлы библіографической статьи, и мы предоставляемъ себѣ удовольствіе со-временемъ поговорить подробно о характеристикѣ этого перваго вѣка собственно-русской литературы, который передъ самымъ исходомъ своимъ, какъ-бы нарочно, заключился горестною кончиною послѣдняго своего представителя—Пушкина.

Новый вѣкъ русской литературы, второе столѣтіе ея началось уже. Одному Богу извѣстно, что таится въ будущемъ для этого новаго вѣка, кто будутъ его представителями, какія стремленія его оставятъ слѣды свои на скрижаляхъ исторіи... Много припасено для него вѣкомъ прошлымъ, но еще большее предлежитъ совершить ему, создать новое, уничтожить много стараго, пріобрѣсть, открыть и передать своему преемнику. Завидуемъ внукамъ и правнукамъ нашимъ, которымъ суждено видѣть Россію въ 1940-мъ году — стоящею во главѣ образованнаго міра, дающею законы и наукѣ и искусству, и принимающею благоговѣйную дань уваженія отъ всего просвѣщеннаго человѣчества; второй вѣкъ русской литературы — сердце наше говоритъ намъ,— будетъ вѣкомъ славнымъ, блистательнымъ: его приготовило окончившееся столѣтіе, поставивъ литературу на истинный путь, обративъ русское чувство къ народности и направивъ умъ къ созерцанію того свѣта, который разливали въ послѣднее время міровые геніи, старшіе сыны въ семействѣ рода человѣческаго. Движеніе, данное одинъ разъ, не остановится; и время только будетъ ускорять его полетомъ своимъ.

Новое столѣтіе русской литературы началось появленіемъ той же книги, которою начинается русская библіографія ежегодно, и которою, можно сказать, началось русское книгопечатаніе — «Мѣсяцослова». Эта книга издается въ Россіи постоянно сто-тридцать лѣтъ, съ 1709 года, и, разумѣется, совершенствуется съ каждымъ годомъ. Для библіомана, думаемъ, было бы истинное наслажденіе сличить «Календарь Повсемственный и Мѣсяцословъ на вся лѣта Господня» —этотъ первый русскій календарь, изданный въ 1709 году и извѣстный подъ именемъ «Брюсова Календаря» (*),— на-примѣръ, съ «Мѣсяцословомъ на 1840 годъ», и указать неизмѣримую разницу между маститымъ старцемъ— пращуромъ русскихъ календарей, и послѣднимъ его потомкомъ, нынѣ чию явившимся.

Календарь нынѣшняго года, украшенный превосходно-гравированными портретами Ихъ Императорскихъ Высочествъ, Великой Княгини Маріи

(*) Въ концѣ этой книги напечатано: «Во славу Тріипостаснаго Божества, Отца и Сына и Святаго Духа и въ честь Богоматери и Приснодѣвы Маріи и всѣхъ святыхъ, ихъ же каждаго дне прославляетъ церковь каѳолическая, здѣ: издадеся сей кратчайшій мѣсяцословъ, съ пасхальнымъ и луннымъ теченіемъ, на вся лѣта, яко собраніемъ, тако и тисненіемъ, ново, въ Москвѣ, въ гражданской типографіи, повелѣніемъ Его Царскаго Пресвѣтлѣйшаго Величества, отъ воплощенія Христова 1709 лѣта 1 ноября, подъ назрѣніемъ Его Превосходительства Господина Генерала Лейтенанта *Якова Вилимовича Брюса*, тщаніемъ библіотекаря Василья Кипріянова».

Николаевны и супруга ея, Герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго, кромѣ своихъ постоянныхъ статей, содержитъ въ себѣ «Перечень метеорологическихъ наблюденій, дѣланныхъ при Институтѣ Горныхъ Инженеровъ въ теченіи 1838 года», «Таблицу, означающую внутреннее достоинство иностранныхъ монетъ на россійское золото и серебро, а на ассигнаціи по установленному постоянному курсу», «Таблицу о переложеніи ассигнацій на серебро и серебра, на ассигнаціи», «Хронологическое показаніе достопримѣчательнѣйшихъ событій», «Некрологъ достопримѣчательнѣйшихъ особъ», «Изчисленіе важнѣйшихъ высочайшихъ указовъ, изданныхъ въ 1838 году», «Изчисленіе разныхъ компаній на акціяхъ, учрежденныхъ въ 1838 году», и пр. и пр.

Любопытны и драгоцѣнны въ высшей степени свѣдѣнія, которыя доставляетъ нынѣшній «Мѣсяцословъ» статистикѣ своими таблицами. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Въ 1838 году, въ Россіи, умерло обоего пола 1,535,372, а родилось 2,394,283 чел. Слѣдственно, въ одинъ годъ народонаселеніе увеличилось 858,911 чел., — приращеніе изумительное! Теперь все народонаселеніе Россіи состоитъ изъ 62 *мильйоновъ человѣкъ обоего пола*, включая сюда два мильйона жителей въ закавказскихъ и россійско-американскихъ владѣніяхъ, около 1½ мильйона регулярнаго и иррегулярнаго войска съ семействами, около 1½ мильйона покорныхъ и непокорныхъ въ предѣлахъ Россіи обитающихъ, горскихъ народовъ, — около 4⅓ мил. обитателей Царства Польскаго, и около 1⅓ мил. жителей Великаго Княжества Финляндскаго, но *за исключеніемъ* залинейныхъ, неустроенныхъ еще Киргизовъ и двоеданцевъ, съ которыми общая цифра народонаселенія была бы несравненно болѣе 62 мильйоновъ. Все это народонаселеніе живетъ на 87,000 квадратныхъ миляхъ — пространствѣ, которое *въ восемь разъ болѣе* Австріи, или Швеціи съ Норвегіею, почти *въ девять разъ болѣе* Франціи, и *въ восьмнадцать разъ болѣе* Англіи: оно можетъ вмѣстить въ себя еще 60 мильйоновъ жителей... Громадность необъятная, невиданная подъ солнцемъ! Это цѣлый міръ, цѣлая шестая часть свѣта, непохожая на какую-нибудь Римскую Имперію, — пестрый мозаикъ, — но живущая одною жизнію, крѣпкая въ частяхъ своихъ *единая великая держава*...

Изъ «Сравнительныхъ таблицъ числа учащихся въ 1838 году» видно, что у насъ изъ 210 *человѣкъ* учится *одинъ*; а давно ли мы думали и говорили, что у насъ отношеніе учащихся къ народонаселенію — какъ 1 къ 700?..

Въ 1840-мъ году будутъ слѣдующія затмѣнія: частное затмѣніе луны — 5 февраля по-полудни отъ 2 часовъ 57 минутъ до 5 часовъ 10 минутъ (конецъ его видимъ будетъ въ Петербургѣ); кольцеобразное затмѣніе солнца — 21 февраля по-утру отъ 3 ч. 28 м. до 8 ч. 31 м. (будетъ видимо въ Сибири); частное затмѣніе луны 31 іюля по утру въ 7 ч. 59 м. (видимо будетъ только въ Америкѣ); полное затмѣніе солнца — 15 августа, по-утру отъ 6 ч. 5 м. до 11 ч. 11 м. (въ Россіи видимо также не будетъ).

— Нѣсколько позже «Мѣсяцослова», въ самый день новаго года, вотъ уже нѣсколько лѣтъ сряду выходитъ «Памятная Книжка», издаваемая военною типографіею — прелестная, миньятюрная книжечка съ превосходными картинками. Это также календарь, необходимый для военныхъ чиновниковъ и полезный для всякаго образованнаго человѣка. Тутъ помѣ-

щаются: 1) мѣсяцословъ съ пробѣлами для отмѣтокъ; 2) расписаніе чиновъ главныхъ управленій Россійской Имперіи; 3) расписаніе храмовыхъ праздниковъ полковъ лейб-гвардіи; 4) извѣстія о времени отправленія и полученія почтъ въ Петербургѣ и Москвѣ; 5) такса для сбора за письма и посылки; 6) правила, установленныя на случай возвышенія воды въ Петербургѣ; 7) расписаніе формы одежды для генераловъ, штаб-и-обер-офицеровъ; 7) указаніе домовъ, занимаемыхъ министрами, ихъ департаментами и прочими мѣстами и лицами Главныхъ Управленій Имперіи и Дипломатическаго Корпуса.

Въ «Памятной Книжкѣ», изданной на нынѣшній годъ едва-ли не роскошнѣе прежнихъ годовъ, помѣщено всего *четырнадцать картинокъ*, гравированныхъ отлично англійскимъ художникомъ Гобертомъ; каждая картинка стоитъ того, чтобъ вырѣзать ее изъ книжки и поставить въ рамку. Вотъ содержаніе сихъ картинокъ: 1) Кремль Московскій, 2) Замокъ Фюрстенштейнъ, въ Силезіи, и 3) мѣстечко Крейтъ, въ Баваріи (оба достопамятные тѣмъ, что Государь Императоръ и Государыня Императрица изволили имѣть тамъ свое мѣстопребываніе въ 1838 году); 4) Камеронова Галлерея въ царско-сельскомъ саду; 5) корабль Парижъ предъ Варною; 6) Каменно-островскій Мостъ; 7) Петровскій Островъ; 8) Курьерская тройка; 9) Церковь Введенія во Храмъ Пресвятыя Богородицы, Семеновскаго Полка, въ Петербургѣ;—сверхъ того, 10) заглавная виньета, и *четыре* гравированныя картинки, изображающія времена года, съ краткимъ стѣннымъ мѣсяцословомъ.

Мы думаемъ, что прелестная «Памятная Книжка» и «Утренняя Заря» суть самые лучшіе подарки, какіе можно сдѣлать человѣку и дѣловому и недѣловому въ первые мѣсяцы года. Не постигаемъ только, какъ могутъ издатели «Памятной Книжки» назначать такую дешевую ей цѣну — 2 рубля серебромъ: это просто даромъ; за однѣ картинки можно заплатить вдвое больше.

Говорятъ, вышелъ еще изъ печати «Новороссійскій Календарь», но какъ мы не получали его, то, отдавъ поклонъ за оба разсмотрѣнные нами мѣсяцослова тѣмъ, кто трудился надъ редакціею ихъ, поведемъ слово о библіографическихъ новостяхъ, появившихся передъ новымъ годомъ, или вышедшихъ въ первые дни его... Мы не суевѣрны, но какъ-то невольно приходитъ на мысль, что ужь и впрямь *високосъ* не имѣетъ ли худаго вліянія на ходъ дѣлъ человѣческихъ. При началѣ прошлаго года были-таки книги, на которыхъ можно было отрадно остановиться и остановить вниманіе читателей — «Басурманъ», «Фаустъ», «Сто Литераторовъ» съ «Каменнымъ Гостемъ» Пушкина и пр. и пр.: — то былъ годъ не високосный; теперь же, какъ-будто нарочно для оправданія повѣрья о високосномъ годѣ, такая пустота, такая сушь, такая бездна дѣтскихъ книжекъ, что, право, не знаешь, съ чего начать «библіографическую хронику». Впрочемъ, судите сами. Наше дѣло читать за васъ всѣ эти порожденія, зачавшіяся и созрѣвшія подъ враждебною звѣздою високоса; ваше—выслушивать наши донесенія... Начинаемъ... Съ чего бы начать?.. Разумѣется, съ романовъ, хоть ихъ и мало!.. А потомъ?—Потомъ, стихотворенія, театральныя пьесы... только ученость, пожалуйста, послѣ... Повинуемся. — Итакъ, имѣемъ честь представить вамъ—

5) **Черкесъ** (.) ***Романъ*** М. Воскресенскаго. ***Москва. Въ тип. С. Селивановскаго.*** 1839. ***Четыре части. Въ 12-ю д. л. Въ I-й 245, во II-й 242, въ III-й — 219, въ IV-й 236 стр.*** Съ эпиграфомъ: La vie ressemble plus souvent à un roman, qu'un roman ne ressemble à la vie.

Главный недостатокъ многихъ изъ современныхъ романистовъ состоитъ въ совершенномъ отсутствіи вымысла и изобрѣтенія. Читаете ихъ романъ — передъ глазами вашими, какъ китайскія тѣни, толкутся и снуютъ толпы лицъ, происшествія громоздятся на происшествіяхъ, путаются, цѣпляются другъ за друга,— а между-тѣмъ въ романѣ нѣтъ ни лицъ, ни завязки, ни развязки, ни интриги, ни содержанія, ни начала, ни конца... Мы не говоримъ объ идеѣ, о цѣлости созданія: такія требованія отъ подобныхъ романовъ неумѣстны; но, кромѣ таланта создавать, есть еще талантъ разсказа. Если авторъ разсказываетъ вамъ какое-нибудь происшествіе, сказку,— и вы какъ-будто видите предъ собою то, о чемъ читаете,— невольно вѣрите автору, что все это дѣйствительно было или могло быть, и именно такъ, какъ онъ вамъ разсказываетъ; если вы потомъ помните прочитанное, можете его пересказать другому: значитъ у автора есть *талантъ разсказа.* Но кромѣ этого необходимаго таланта, есть еще и другое необходимое условіе: надо, чтобъ авторъ разсказывалъ или то, что̀ онъ видѣлъ въ дѣйствительности, что̀ сильно его заинтересовало, сильно его поразило, или то, что̀ возникло и получило опредѣленный образъ въ его фантазіи; надо, чтобы онъ брался за перо совершенно готовый, ясно видя передъ собой то, что̀ намѣренъ разсказывать, и твердо зная, что̀ и какъ онъ будетъ разсказывать; тогда изображаемые имъ характеры будутъ болѣе или менѣе живыми лицами, а не призраками, будутъ принадлежать какой-нибудь націи, къ какому-нибудь времени, съ извѣстными общественными и временными условіями, обычаями и нравами, а не будутъ какими-то космополитами, родившимися на воздухѣ, между землею и небомъ. Но многіе «сочинители» пишутъ совсѣмъ не такъ, потому-что пишутъ, если не для денегъ, то сами не зная для чего. Они берутся за перо безъ всякой выношенной въ душѣ мысли, безъ всякаго плана, — и «сочиняютъ» въ то время, какъ пишутъ, грызя въ зубахъ перо въ ожиданіи «вдохновенія». И вотъ страница уже написана, а нашъ «сочинитель» еще не знаетъ, что̀ ему писать на слѣдующей; но онъ не робѣетъ: та же *случайность,* которая родила первую страницу, родитъ и вторую. Главное затрудненіе — дать роману названіе; но, подумавъ немного, онъ пишетъ: «Онъ и Она», «Проклятое Мѣсто», «Трилиственникъ», «Постоялый Дворъ», и т. п. Второе затрудненіе — пріискать названіе для дѣйствующихъ лицъ: опять минута нерѣшимости, послѣ которой сыпятся на бумагу Ножатины, Воровотины, Добросердовы, Благомысловы, Слюдины, Стальскіе, Минскіе, Липскіе, и т. п. Остальное, т. е. характеры и содержаніе романа уже легко, потому-что предоставляется трудолюбію гусинаго пера и неутомимой человѣческой рукѣ.

Вотъ, на-примѣръ «Черкесъ»: что̀ это такое? Ни вымысла, ни склада, ни лада, ни толка! Читаете, словно слушаете диссертацію на незнакомомъ вамъ китайскомъ языкѣ. Почему то̀ или другое лицо сказало такъ, а не иначе; женилось, а не умерло; умерло, а не пошло танцовать; стало обѣдать, а не

курить сигару; отъ-чего это лицо — княжна, а не гренадиръ съ усами; это князь, а не семинаристъ: вотъ вопросы, которые такъ и вертятся у васъ, когда вы, по обязанности рецензента, не имѣете права закрыть книгу съ десятой страницы и положить ее подъ столъ...

Была-жила, изволите видѣть, на святой Руси знаменитая аристократическая фамилія князей Стальскихъ, которыхъ родъ *всегда* былъ близокъ къ престолу, но теперь, по волѣ г. «сочинителя», проживаетъ въ глуши Саратовской Губерніи и не видитъ свѣта. *Юная* и *прекрасная Марія* (какъ по отчеству — авторъ скрылъ, боясь опрозить такую поэтическую *дѣву*), княжна Стальская, изъ всего семейства аристократка въ-половину, ибо-де ея сіятельный родитель женился на купчихѣ, которая умерла, родивши Марію, а по смерти сей дражайшей своей половины вступилъ въ бракъ съ достойною своего сана дѣвицею, которая, ставши княгинею Стальскою, родила сына—ужь настоящаго и полнаго аристократа. Въ Москвѣ *имѣетъ проживательство* семейство Слюдинымъ, богатѣйшихъ купцовъ, мильйонеровъ и родни Стальскимъ по матери княжны Маріи. И вотъ сіятельное семейство Стальскихъ получаетъ отъ Слюдиныхъ письмо, въ которомъ богатая роденька приглашаетъ его въ Москву на житье, чтобы она могла налюбоваться княжною Маріею. Спрашиваемъ васъ: какое бѣдное, незнатное, но благородное по душѣ семейство не почло бы для себя униженіемъ принять подобное приглашеніе отъ богатыхъ, но совершенно ему незнакомыхъ родственниковъ, чтобы, за ихъ золотыя милости, попасть къ нимъ въ оскорбительную зависимость? — И что же? — Наши знаменитые князья не только не оскорбились тѣмъ, что богачи-купцы не сами пріѣхали къ нимъ для знакомства, а по праву своихъ мильйоновъ вздумали ихъ выписывать къ себѣ,—но, подумавъ немного, собрались въ путь, въ дороженьку... Другой авторъ, написавъ такую нелѣпость, изорвалъ бы свое маранье, но «сочинители» народъ храбрый: какое имъ дѣло, что того, въ чемъ они увѣряютъ читателя, не можетъ быть нигдѣ, ни въ Европѣ, ни въ Азіи, ни въ Россіи, ни на цѣломъ земномъ шарѣ!... Слюдины столько глупы, сколько и богаты; наживъ мильйоны, они захотѣли попасть въ знать, и потому мужъ добивается крестика и подличаетъ передъ важными людьми, а жена втирается въ блестящія знакомства, и открываетъ свой салонъ, въ которомъ попахиваетъ кислою капустою. Это стремленіе выскочекъ попасть въ знать и заставило ихъ выписать въ Москву свою знатную бѣдную родню. Стальскіе остановились у своей родственницы, княгини Глинской, и молодой князь на другой же день отправился представиться золотымъ мѣшкамъ, а на третій сами мѣшки представились Стальскимъ. У Слюдиныхъ есть дочь— Юлія, и сынъ — Александръ; первая добродѣтельна, второй порочень. Александръ влюбляется въ княжну Марію, а княжна Марія плѣняется Александромъ, не смотря на его трактирныя маневры, въ которыхъ высказывалась подлая и развратная душа богатаго дурака. Князь Стальскій «обожаетъ» Юлію, а Юлія «боготворитъ» князя Стальскаго. Слюдины просятъ княжну погостить къ себѣ въ домъ, — и знаменитая аристократическая фамилія отпускаетъ молодую княжну въ плебейскій и совершенно-незнакомый ей домъ. О, тонкое знаніе свѣта и сердца человѣческаго!... «Сочинители» глубокіе

знатоки того и другаго. За симъ слѣдуетъ описаніе «галантерейнаго» обращенія нашихъ аристократовъ, описаніе столь поразительно - вѣрное, что тотчасъ можно убѣдиться въ выгодѣ заглядывать мимоходомъ въ швейцарскую ... Наконецъ Александръ Слюдинъ дѣлаетъ предложеніе знатной роднѣ на-счетъ княжны Маріи. У Стальскихъ собирается семейный совѣтъ. Молодой князь Владиміръ говоритъ рѣчь, что-де «фамилія князей Стальскихъ съ незапамятныхъ временъ пользуется славою и заслуженнымъ уваженіемъ отъ всѣхъ нашихъ соотечественниковъ; предки наши всегда были близки къ престолу и всегда слыли вѣрными хранителями и защитниками его; прадѣдъ и дѣдъ нашъ упрочили себѣ *знаменитыя* страницы въ отечественной исторіи, запечатлѣвъ кровію свое усердіе къ царю и отечеству; покойный родитель мой также въ свое время умѣлъ быть и полезнымъ и знаменитымъ, какъ и дядюшка» (Ч. 3 стр. 131)... Всей рѣчи не выписываемъ, а скажемъ только, что краснорѣчивый князёкъ поретъ дичь на нѣсколькихъ страницахъ самымъ книжнымъ и школьнымъ языкомъ, и въ ней «обводитъ свою родню огненнымъ взглядомъ»; а старуха его бабушка, вмѣстѣ съ нимъ *выписанная* изъ саратовской глуши золотыми мѣшками, обнимаетъ его, шепча сквозь слезы: «мой милый, благородный Владиміръ!» У Слюдина, есть слуга — злодѣй по природѣ, потому-что природа дала ему рыжіе волосы, а извѣстно, что въ «сочинительскихъ романахъ всѣ рыжіе — непремѣнно злодѣи, и всѣ злодѣи — непремѣнно рыжіе. Корнилъ ненавидѣлъ князя Стальскаго, потому-что тотъ помѣшалъ ему докончить одну изъ тѣхъ картинъ, которыя такъ любитъ рисовать г. Воскресенскій; и вотъ рыжій злодѣй, управляющій дуралѣемъ Слюдинымъ, совѣтуетъ ему сдѣлать такую картину съ княжною, чтобы заставить гордую родню просить его жениться на Маріи. Тотъ исполнилъ. Князь Владиміръ посбавилъ фразёрской спѣси и предлагаетъ мерзавцу руку обезчещенной имъ сестры; Слюдинъ отказываетъ, и князь вызываетъ его на дуэль, въ которой онъ ужасно храбрится, а Слюдинъ ужасно трусить. Дѣло кончилось однакожь бракомъ. Пріѣхавъ изъ церкви, Слюдинъ уѣзжаетъ за границу, а Марія умираетъ. Разумѣется, все это растянуто и расплывается въ прѣсной водѣ общихъ реторическихъ мѣстъ; все это загромождено сценами любви въ духѣ «Англинскаго Милорда», изображеніями страстей въ духѣ «Гуака, или непоколебимой вѣрности», очерками характеровъ, особенно идеально-женскихъ въ родѣ «Прекрасной королевны Мелектрисы Кирбитьевны», резонёрствомъ автора, и подобными «красотами».

А что же Черкесъ?—Это пріёмышъ въ семействѣ Стальскихъ, который, хотя и попался къ нимъ, будучи еще груднымъ ребенкомъ, но говоритъ полувосточнымъ языкомъ и страстно влюбленъ въ княжну Марію, не смотря на свои *четырнадцать* лѣтъ отъ рода; когда она умираетъ, онъ исчезаетъ, и въ концѣ интереснаго романа мы узнаёмъ, что онъ нашелъ Слюдина въ Венеціи и, зарѣзавъ его, воротился въ Саратовскую Губернію, куда было перевезено тѣло Маріи, и замерзъ на ея гробѣ.

Авторъ такъ глубоко былъ убѣжденъ въ поэтическомъ достоинствѣ созданнаго имъ Черкеса, что назвалъ его именемъ свой новый романъ.

4) Михаилъ (,) Великій Князь Кіево - Черниговскій (,) и Бояринъ его Өеодоръ. *Сочиненіе* Ни-

колая Иванчина-Писарева. *Издано* К. М. Оболенскимъ. *Москва. Въ тип. Лазар. Инст. Вост. Языковъ.* 1839. *Въ 8-ю д. л. 47 стр.*

Есть же книги и книжки на свѣтѣ —разсуждають, кажется, такъ умно и степенно, говорятъ такъ красно и обильно, а между-тѣмъ, взгляните попристальнѣе—и во всемъ этомъ многоглаголаніи едва ли найдете двѣ или три черты, которыя прямо относятся къ дѣлу. Предметъ бы самъ въ себѣ очень-простъ и ясенъ; но для полнаго и вѣрнаго его изображенія сочинителю не достаетъ нѣкоторыхъ фактовъ... чѣмъ же теперь пополнить эти недостатки?.. общими взглядами, пространными обзорами, а болѣе всего пышными словами... До содержанія намъ дѣла нѣтъ; была бы книжка да въ книжкѣ побольше словъ, а прочее пусть будетъ такъ, какъ ему угодно.—Къ этому разряду книгъ принадлежитъ и новое сочиненіе г. Иванчина-Писарева. Дѣло вотъ въ чемъ: авторъ рѣшился написать или *сочинить* біографію черниговскаго князя Михаила; между-тѣмъ важнѣйшій его подвигъ, которымъ онъ запечатлѣлъ свою преданность вѣрѣ и отечеству, то-есть мученическая кончина въ Ордѣ, очень-хорошо извѣстенъ и безъ особенной біографіи, а для предъидущаго періода жизни Михаила, особенно его дѣтства и юношества, исторія какъ-то не позаботилась собрать подробныхъ свѣдѣній. Что же дѣлать автору, который предположилъ себѣ написать полную біографію этого лица?.. Выдумывать факты добросовѣстный писатель не можетъ, найдти ихъ негдѣ — остается одно средство: прибѣгнуть къ реторикѣ, и съ помощію ея искусственнаго свѣта осмотрѣть всю эту темную, заповѣдную чащу, въ которой простой глазъ едва различаетъ нѣсколько отдѣльныхъ предметовъ. Г. Иванчинъ-Писаревъ точно такъ и сдѣлалъ, и—что жь вы думаете? —для него освѣтились даже дѣтскія лѣта Михаила и стали ясны самыя завѣтныя думы его во время перваго развитія юношескихъ силъ, а ужь о мужескомъ возрастѣ и говорить нечего. Не хотите ли полюбоваться этими чудесами реторики?... Вотъ цѣлая страница, изображающая Михаила во дни первой его юности:

«Возвращался ли подъ кровъ родительской гридницы,—тамъ склонялъ онъ (Михаилъ) слухъ къ велезвучнымъ пѣснямъ стараго времени, въ которыхъ еще жило рокотаніе струнъ вѣщихъ, и уже гадалъ въ младенческой душѣ своей, какъ сладко вступить въ златое стремя за обиду земли Русскія. Святый, боголѣпный Кіевъ, второй Царь-градъ, блисталъ дивами временъ Св. Владиміра и трехъ послѣдовавшихъ вѣковъ, — и странникъ, пораженный видомъ его златыхъ вратъ, церквей: Десятинной, Софійской, Великой Печерской, Пирогощей и стѣнами обители Выдубецкой, столбенѣлъ въ безмолвномъ изумленіи. Тамъ среди узорочій Византійскихъ, живо блестящей мусіи, златотканнаго дѣла, хитрой рѣзьбы, чудныхъ изваяній изъ камня и кристала, среди св. иконъ оживленныхъ кистію Алимпія, склонясь на гробъ Равноапостольнаго державный юноша поучался, какъ властители народовъ прослываютъ ихъ солнцемъ; надъ гробомъ Ярослава, коему ни огнь, ни мечь, ни самое время не коснулись, помышлялъ онъ о прямомъ величіи, котораго достигаютъ державцы, строя судъ и рядя землю и предавая хартіямъ святыя думы о благѣ потомства; надъ гробомъ Мономаха твердилъ его поученіе, которое во всѣ времена пребудетъ назидательнымъ для человѣка, въ порфирѣ ли онъ или въ одеждѣ простолюдина. Тамъ, на одномъ изъ красныхъ холмовъ Кіевскихъ, въ Вышгородскомъ храмѣ Св. Василія, надъ златокристальною ракою Св. Бориса и Глѣба, дививщею и греческихъ искусниковъ, онъ размышлялъ о суетѣ земнаго царства, и увѣрялся въ истинѣ, что правота сердца одна ведетъ къ царству нескончаемому, что и многоцѣнная рака, и самые останки, ею хранимые, могутъ сокрыться на днѣ кладезя отъ племенъ грядущихъ, но имя и дѣла

поглянуть въ вѣки для примѣра, въ вѣчность для самаго подвижника добродѣтели Стр. 11—12).

Не правда ли, вамъ очень нравятся эти цвѣты реторики? Вы не знаете, какъ надивиться этимъ златотканымъ выраженіямъ, этой хитросплетенной, распоглаголивой рѣчи? Такъ, такъ, и мы вмѣстѣ съ вами поражены и изумлены этимъ давно-неслыханнымъ великолѣпіемъ словъ, которое очень-живо напомнило намъ нѣкогда-бывшіе въ такомъ ходу панегирики, отличавшіеся подобнымъ же неестественнымъ складомъ рѣчи и такою же пустотою содержанія. Мы говоримъ пустотою содержанія», потому-что, не смотря на реторическую амплификацію, которая такъ искусно изобразила намъ даже юныя лѣта Михаила, лицо этого князя остается столько же закулиснымъ и неопредѣленнымъ, какъ если бы мы и не читали брошюры. Вообще, по нашему мнѣнію, лучшая похвала, какую можно сдѣлать книгѣ г. Иванчина - Писарева, состоитъ въ томъ, что эта книга написана очень-высокимъ слогомъ. Если же въ ней есть что любопытное, то это, безъ-сомнѣнія, «Посланіе благочестиваго царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Руси и всего освященнаго собора къ великимъ страстотерпцамъ и исповѣдникамъ, къ великому князю Михаилу Черниговскому и болярину его Ѳеодору», заимствованное авторомъ изъ «Сборника »принадлежащаго московскому купцу А. И. Озерскому, и приложенное между примѣчаніями.

5) Библіотека Романовъ, Повѣстей и Путешествій, *издаваемая* книгопродавцемъ *Н. Н. У. Выпускъ второй.* 1) Слѣпая. *Повѣсть Фредерика Сулье. Переводъ Проташинскаго;* 2) Гостинница трехъ Елей. Сочиненіе Альфонса Ройе. Переводъ съ французскаго. *Москва. Въ тип. Н. Степанова.* 1839. *Въ 12-ю д. л.* 156, XVIII *и 94 стр.*

Московская «Библіотека Романовъ» не смотря на несовсѣмъ-лестный пріемъ, который оказанъ былъ первому ея выпуску, продолжаетъ свое дѣло съ прежнею неутомимостію и на тѣхъ же основаніяхъ, то-есть переводитъ себѣ французскія повѣсти и издаетъ ихъ по мѣрѣ возможности, когда ей заблагоразсудится. Вотъ истинно-достойное подражанія равнодушіе къ общественному мнѣнію, которое давно уже предало забвенію скромную «Библіотеку романовъ!» Надобно отдать честь ея постоянству и въ томъ отношеніи, что она такъ твердо держится французской литературы и почти-никогда не измѣняетъ похвальной привычкѣ — выбирать такія произведенія, которыя стояли бы ниже посредственности, или по-крайней-мѣрѣ не выше ея. Другія литтературы для нашей «Библіотеки романовъ» какъ - будто не существуютъ; даже никакихъ признаковъ, чтобы она догадывалась о нихъ существованіи и имѣла намѣреніе употребить произведенія этихъ литературъ въ свою пользу.. Блаженное невѣдѣніе, тоже весьма успокоительное и отрадное !

Новая книжка «Библіотеки романовъ» также не можетъ похвалиться удачнымъ выборомъ пьесъ, вошедшихъ въ составъ ея. Это, во-первыхъ — «Слѣпая», одна изъ самыхъ неудачныхъ повѣстей Фредерика Сулье, которая была уже напечатана въ московскомъ журналѣ, и Богъ-знаетъ по какому праву удостоилась чести быть перепечатанною во второй разъ. Во-вторыхъ — «Гостинница трехъ елей, или Микаэла,» повѣсть Альфонса Ройе, которая, по своей безцвѣтности и безхарактерности рѣшительно не стоила бы перевода. Если угодно, мы разскажемъ ея содержаніе.

Марія Бургундская, дочь Карла Смѣлаго, оставшись по смерти его круглою сиротою, должна выбрать себѣ жениха, руководствуясь совѣтами опекуновъ. По этому случаю при дворѣ Маріи являются многіе владѣтельные князья, и между ними Оливье, графъ мёланскій, присланный отъ французскаго двора съ требованіемъ руки Маріи для дофина Франціи. Вельможи бургундскіе держатъ сторону Максимиліана австрійскаго, котораго впрочемъ нѣтъ при дворѣ. Между-тѣмъ Марія въ-тайнѣ любитъ уже одного бѣднаго нѣмецкаго дворянина, по имени Христіана. Но Христіанъ, прежде, чѣмъ успѣлъ найдти доступъ къ принцессѣ, долженъ былъ искать благосклонности одной ея любимицы, Микаэлы, которая, нимало не подозрѣвая его намѣреній, отдалась ему со всею силою страсти. Пользуясь ея расположеніемъ, Христіанъ продолжалъ посѣщать Марію... Но однажды его подстерегли; чтобы укрыться отъ преслѣдователей, которые застали его въ саду, Христіанъ бросился въ комнату Микаэлы и спрятался въ ея постели. Послѣ тщетныхъ поисковъ преслѣдователи удалились, но бывшій съ ними Оливье воротился и, отыскавъ Христіана, принудилъ Микаэлу дать обѣщаніе—принадлежать ему, какъ-скоро имя Христіана «сдѣлается ей ненавистнымъ: только подъ этимъ условіемъ согласился онъ отпустить своего плѣнника. Въ то же время Оливье отдалъ Микаэлѣ медальйонъ съ локономъ волосъ, которые принадлежали любовницѣ Христіана. Напрасно Микаэла старалась вывѣдать у Христіана, кто ея счастливая соперница: онъ не рѣшился открыть своей тайны. Тѣмъ временемъ Оливье успѣлъ поссорить между собою бургундскихъ вельможъ; скоро двое изъ нихъ, болѣе другихъ преданные дѣлу Маріи, не смотря на ея сопротивленіе, были казнены н Гентской Площади; вдругъ Христіан является мстителемъ, разгоняетъ буй ную толпу, весь въ крови проходит въ комнату Маріи и открыто требует руки ея; Микаэла, которая въ это вре мя стояла за дверьми, слышала вес разговоръ и — упала въ обморокъ. Христіана, какъ возмутителя, взял подъ стражу; но вдругъ увидѣли, чт Христіанъ—совсѣмъ не Христіанъ, а— кто бы вы думали?—самъ Максимилі анъ австрійскій... Въ-слѣдствіе тако выхъ приключеній, Марія немедленн приняла названіе супруги Максимил ана, а Микаэла, разумѣется, умерл съ горя.. Видите ли, изъ чего слѣплен этотъ, впрочемъ чрезвычайно-эффект ный разсказъ?..

Переводъ повѣстей также неслиш комъ-завидный; замѣтно, что онъ сд ланъ на-скорую-руку, отъ-чего и пес рѣетъ галлицизмами: «Нѣтъ, добра моя Микаэла — *вскричалъ* Христіанъ это значило бы *нанести пятно* твое чести, подвергнуть тебя *поношені быть изгнанной* изъ дворца, *то какъ это* не можетъ спасти меня.» пр. т. п.

6) Стихотворенія Николая Бо данова. *Москва. Въ тип. Ав. Семе на.* 1839. *Въ 12-ю д. л.* 50 *стр.*

Прошедшія утраты, давно-забыта любовь, вино, дѣвы, звѣздочка, злоб и коварство людей — вотъ предмет пѣснопѣній новаго поэта; предметы правда, довольно-изношенные и изтер тые, но, можетъ-быть, они освѣжи лись, получили новую жизнь въ по этической душѣ г. Николая Богдано ва?... О, нѣтъ, не спѣшите предавать сладкимъ надеждамъ... Правда, был время, «дивныя мгновенья», когда у Н. Богданова «дивные звуки сли лись съ думой неземной», когда «е лелѣяло желанье и въ темнотѣ кл

мили воспаленныя лобзанья дѣвъ»; но теперь уже не то... Благодаря неблагодарности и невѣжеству людей, которые не умѣли оцѣнить ни высокихъ думъ, ни небеснаго пламени, когда-то такъ ярко горѣвшаго въ сердцѣ г. Н. Богданова, душа его теперь такъ разстроена и истерзана, что вы уже не найдете въ ней ни одной струны, которая бы въ-состояніи была издать хотя одинъ пріятный звукъ: все обратилось въ дисгармонію, бредъ...

Я все на свѣтѣ потерялъ,
Мечты исчезли, нѣтъ желанья;
Тоски, печали и страданья
Слезою я горькую позналъ!
Забыты пылкія надежды,
А вы, коварные друзья,
Вы измѣнили мнѣ, невѣжды, —
Вы не могли понять меня! —

О, люди, люди—родъ лукавый и вѣроломный! Еще ли мало достается вамъ отъ поэтовъ, а вы до-сихъ-поръ не научились цѣнить ихъ?... Они для васъ трудятся, изнуряютъ свои силы, часто просиживаютъ цѣлую ночь за одною рифмою, ломаютъ голову, не жалѣютъ ни груди, ни голоса, поютъ, поютъ, поютъ —а вы?!... Хоть бы одинъ дружный аплодисманъ!... За-то какъ же и золъ на нихъ г. Николай Богдановъ! Послушайте, какіе грозные стишки написалъ онъ на этихъ «людей», которые осмѣлились не похвалить его прекрасныхъ пѣснопѣній:

Они придутъ съ улыбкой брата;
Но вѣрь, — ужасный ихъ языкъ
Острѣй каленаго булата!
О(А)лтарь души ихъ оскверненъ,
Они прекрасному не вѣрятъ,
Приличьемъ каждый шагъ твой мѣрятъ,
Ихъ взглядъ безстыдствомъ заклейменъ (стр. 13).

Нѣтъ, господа, опасно, очень-опасно оскорбить поэта!, Въ такомъ случаѣ, будьте увѣрены, не только проклятья посыплятся на вашу голову изъ вдохновенныхъ устъ его, но вы подвергаетесь еще опасности выслушать отъ него, вмѣсто поэзіи, сущую «галиматью» въ стихахъ ... Блистательный примѣръ такого превращенія всѣхъ понятій въ головѣ оскорбленнаго поэта представляетъ опять самъ г. Н. Богдановъ, который испыталъ все это на себѣ и такъ изображаетъ свое внутреннее состояніе:

Что писать теперь безъ толку,
Когда нѣтъ мысли въ головѣ;
. . . .
Не вдохновенье, какъ бывало,
Бредетъ на умъ — галиматья.
. . . .
Пойми меня, дружокъ, буквально:
Я сталъ въ тупикъ...

Итакъ г. Н. Богдановъ наконецъ дописался до того, что сталъ въ тупикъ?... Плохое состояніе! Ужь не такому ли состоянію обязаны мы тѣмъ, что нашъ поэтъ наконецъ издалъ въ свѣтъ свои стихотворенія, которыя прежде «таилъ» только для своихъ друзей?...

7) Пѣснь о въ Ополченіи Игоря, Сына Святославова, Внука Олегова. *Переложеніе* Михаила Де Ла Рю. *Одесса. Въ городской тип.* 1839. *Въ 8-ю д. л.* 78 *стр.*

Г. Де Ла Рю имѣлъ самое благое намѣреніе—не входя въ ученыя разысканія и изслѣдованія о достовѣрности извѣстнаго «Слова о пълку Игоревѣ Игоря сына Святъславля», переложить его въ нынѣшніе звучные, гладкіе гекзаметры, чтобъ сдѣлать доступнымъ для всѣхъ читателей, которымъ непонятенъ языкъ этого древняго памятника. Такимъ - образомъ никто не имѣетъ права спрашивать почтеннаго переводчика, почему онъ такъ утвердительно говоритъ о «Словѣ», какъ о памятникѣ русской письменности XII вѣка; ни оспоривать нѣкоторыя пояснительныя примѣчанія,

приложенныя имъ къ концу книги: г. Де Ла Рю дѣйствовалъ тутъ какъ поэтъ, не какъ критикъ-археологъ,—и, какъ поэтъ, исполнилъ свое дѣло съ совершеннымъ успѣхомъ: его гекзаметры, послѣ тяжелыхъ, прозаическихъ переводовъ «Слова о пълку Игоревѣ», которые мы до-сихъ-поръ имѣли, — истинный подарокъ для читателей; ихъ съ удовольствіемъ прочтетъ всякій—и вѣрующій и невѣрующій въ древность и великорусское произхожденіе этой поэмы.

8) Сцены въ Москвѣ, въ 1812 Году. *Народное драматическое представленіе, сочиненное Русскимъ Инвалидомъ* И. Скобелевымъ. *Санктпетербургъ. Въ тип. Н. Греча.* 1839. *Въ 8-ю д. л.* 80 *стр.*

Это новое произведеніе Русскаго Инвалида, который въ короткое время взялъ приступомъ литературную славу, какъ прежде военную, не подлежитъ критикѣ, въ ученомъ значеніи этого слова. Оно говоритъ русскому сердцу, и русское сердце горячо и сильно бьется, слушая его. Пристрастіе есть благородное чувство, когда вытекаетъ не изъ личности, а изъ любви: по-этому, насъ не обвинятъ въ пристрастіи къ пламеннымъ, увлекающимъ произведеніямъ Русскаго Инвалида. Кто ихъ не любитъ, съ тѣмъ мы спорить не стали бы, какъ съ слѣпыми о цвѣтахъ, а только попросили бы предоставить намъ возхищаться тѣмъ, отъ чего горитъ и трепещетъ наше сердце, вопреки всѣмъ выдуманнымъ правиламъ искусства. Что касается до языка «Сценъ въ Москвѣ»—грамматическимъ педантамъ онѣ даютъ богатую жатву; но кто понимаетъ живое, изустное, а не одно книжное слово, для того языкъ Русскаго Инвалида лучше всякой грамматики.

9) Секретарь въ Сундукѣ (или Ошибся въ Разсчетахъ. *Водевиль фарсъ. Въ двухъ дѣйствіяхъ* М. Р. *С.-П. бургъ. Въ тип. Н. Воробьева.* 1839. *Въ 8-ю д. л.* 75 *стр.*

10) Три Оригинальные Водевиля: I. Новички въ Любви. II. Его Превосходительство, или Средства Нравиться. III. Такъ, да не такъ. *Сочиненія* Н. А. Коровкина. *С.-П. бургъ.* 1840. *Въ тип. Н. Греча. Въ 32-ю д. л.* 238 *стр.*

Водвиль не принадлежитъ къ сферѣ высшей поэзіи, высшаго искусства: Онъ не можетъ быть *художественнымъ* произведеніемъ, но онъ можетъ быть *поэтическимъ* произведеніемъ, какъ арабескъ, какъ виньетка Тони Жоано къ «Дон - Кихоту». Если бы великій художникъ низошелъ, спустился до водвиля, его водвиль былъ бы шалостью генія, граціозною улыбкою прекрасной женщины. Предметъ водвиля—страстишки и слабости, смѣшныя предубѣжденія, забавно-оригинальные характеры, анекдотическіе случаи частной и домашней жизни общества. Словомъ, когда водвиль не выходитъ изъ своихъ предѣловъ и не заходитъ въ чуждыя ему сферы, когда онъ забавенъ, легокъ, остроуменъ, живъ, онъ можетъ доставлять очень-пріятное, хотя и минутное удовольствіе и въ чтеніи и на сценѣ. Таковъ водвиль французскій, этотъ едва ли не самый вкусный и аромагическій плодъ французской поэзіи, французскаго ума, французской фантазіи и французской жизни, послѣ пѣсни, которой представитель Беранжѐ. Если же къ этому присовокупить французское умѣніе и французскій талантъ владѣть сценою и дѣлать ее живымъ зеркаломъ дѣйствительной жизни, то изключительное владычество водвиля на всѣхъ сценахъ Европы будетъ очень-понятно.

Однакоже водвиль хорошъ только

а французскомъ языкѣ и на французской сценѣ, хотя онъ и овладѣлъ всѣми языками и всѣми сценами. Это непь-естественно. — Чтобы усвоить себѣ французскую кухню, достаточно выписать изъ Парижа повара-Француза и отдать ему на выучку нѣмецкихъ или русскихъ поварятъ; но, чтобы усвоить себѣ французскій водвиль надо сперва усвоить себѣ французскую національность, а это такъ же невозможно, какъ заставить курицу плавать съ цыплятами по свѣтлому пруду, а утку, съ ея утятами, рыться въ кучахъ сора. Не знаемъ, право, каковы англійскіе и нѣмецкіе водвили, но знаемъ, что русскіе рѣшительно ни на что не похожи. Это какіе-то космополиты, безъ отечества и языка, какія-то тѣни безъ образа; клетушки и сарайчики (замками грѣшно ихъ называть), построенные изъ ничего на воздухѣ. Въ нихъ рѣдко встрѣтите какое-нибудь подобіе здраваго смысла, объ остротѣ и игрѣ ума и словъ лучше и не говорить. Мѣсто дѣйствія всегда въ Россіи, дѣйствующія лица помѣчены русскими именами; но ни русской жизни, ни русскаго общества, ни русскихъ людей вы тутъ не узнаете и не увидите. Въ этихъ водвиляхъ, большею частію передѣлкахъ и сколкахъ съ французскихъ водвилей, Россія такъ же похожа на самое-себя, какъ русскіе нравы похожи на то, что̀ разсказывали въ русскихъ «правоописательныхъ романахъ». Вотъ, на-пр., въ «Секретарѣ въ Сундукѣ» есть лицо подьячаго, которое говоритъ подьяческимъ языкомъ временъ «Ябеды» Капниста, котораго вы теперь нигдѣ не найдете, и которое явно взято цѣликомъ изъ общихъ мѣстъ рыночнаго драматическаго искусства. Въ «Новичкахъ въ Любви» представлены двѣ дѣвушки-невѣсты, одна 16, другая 17 лѣтъ, которыя такъ невинны, что упрашиваютъ взаимно уступить другъ другу жениха; одна предлагаетъ за то коробочку съ облатками, за исключеніемъ впрочемъ одной облатки съ корабликомъ, а другая какую-то печатку или другую игрушку. Женихъ же ихъ, будто-бы кандидатъ философіи какого-то университета, а въ-самомъ-то дѣлѣ неудачный сколокъ съ Кутейкина въ «Недорослѣ» Фонвизина. Гдѣ видѣли «творцы» сихъ и оныхъ водвилей подобныя лица въ современномъ русскомъ обществѣ?

Впрочемъ, справедливость требуетъ исключить изъ числа подобныхъ драматурговъ господъ Полеваго и Коровкина, людей съ истиннымъ дарованіемъ. Жаль только, что послѣдній упрямо держится, на-зло своему дарованію, водвиля, тогда-какъ первый давно уже понялъ, что намъ нужно не водвиль, а русская драма. И удивительно, что убѣжденія въ этой истинѣ г-ну Полевому достаточно было для-того, чтобъ упасть на сценѣ только съ однимъ плохимъ водвилемъ, — кажется «Черезполосныя Владѣнія», — тогда-какъ г-нъ Коровкинъ еще не можетъ удовольствоваться такимъ огромнымъ числомъ водвилей. Право, жаль!. . . Оставь г. Коровкинъ водевиль и возьмись за трагедію, драму и комедію, онъ явился бы достойнымъ соперникомъ г-на Полеваго не по одной многоплодной дѣятельности, но и по таланту, а русская литература гордилась бы не однимъ «Уголино» и не однимъ «Ужаснымъ Незнакомцемъ», но цѣлыми дюжинами такихъ прекрасныхъ произведеній въ драматическомъ родѣ.

11) Призваніе Женщины. *Съ англинскаго. Санктпетербургъ. Въ тип. Императорской Академіи Наукъ. MDCCCLX. Въ 12-ю д. л. 252 стр.*

Всякая истина можетъ доказываться двоякимъ образомъ: *мыслительно*

и непосредствено. Первый способъ требуетъ діалектическаго развитія идеи изъ самой-себя, изложенія живаго, одушевленнаго, но и строго-логическаго, послѣдовательнаго и яснаго. Второй способъ требуетъ пламеннаго, увлекающаго краснорѣчія, возвышающагося до поэзіи, облекающаго самыя отвлеченныя понятія въ живые образы, или, по-крайней-мѣрѣ, выражающаго ихъ въ предметной и чувственной очевидности. Первый способъ даетъ читателю разумное и отчетливое сознаніе доказываемой истины; второй непосредственно наполняетъ его внутреннимъ созерцаніемъ той же истины. Первый способъ требуетъ отъ писателя ума, развитаго въ школѣ мышленія, какъ науки, ума строго систематическаго, обнимающаго цѣлое чрезъ углубленіе даже въ малѣйшія части его организаціи; второй способъ требуетъ отъ писателя живой полной и поэтической натуры, хотя и совсѣмъ не художественнаго дара. Отсутствіе показанныхъ нами условій при обоихъ этихъ способахъ развитія истины дѣлаетъ изъ нея или рядъ парадоксовъ, противорѣчій, путаницы безсильнаго ума, или сухое, скучное и пошлое резонёрство.

Въ поименованной книгѣ разсматривается назначеніе женщины въ обществѣ, и разсматривается первымъ способомъ — *мыслительно.* Авторъ смотритъ на свой предметъ съ истинной точки зрѣнія, признавая великое вліяніе женщины на общество, въ качествѣ супруги и матери, и порицая глупыя бредни сенсимонистовъ, требующихъ непосредственнаго вліянія женщины на общество, какъ гражданина, изправляющаго общественныя обязанности наравнѣ съ мужчиною. Вообще, въ этой книжкѣ много правды, много истиннаго и умнаго, но совсѣмъ тѣмъ видно, что автору неизвѣстно, что такое мысль, діалектически изъ себя развивающаяся, въ самой-себѣ заключающая все свое содержаніе, свою причину, свои результаты и свое оправданіе, — и потому его разсужденія легки, поверхностны, исполнены повтореній и резонёрства. Такъ-какъ онъ не обладаетъ и силою убѣжденія, изтекающей изъ глубокаго и горячаго чувства, — то его языкъ и лишенъ увлекающей силы живаго, поэтическаго изложенія. Впрочемъ, при настоящемъ запустѣніи нашей литературы и особенной бѣдности книгъ догматическихъ, «Назначеніе женщины» многимъ можетъ принести большую пользу, а инымъ даже и наслажденіе, потому-что, повторяемъ, въ немъ много высказано истинъ. Кромѣ-того, книжка эта прекрасно переведена и изящно издана.

12) Вся Божескія Творенія суть прекрасны. Соч. Ильи Анца. *Санктпетербургъ.* 1839. *Въ тип. С. Петербургскаго Губернскаго Правленія. Въ 8-ю д. л.* 16 *стр. Съ эпиграфомъ:* *Je te glorifie, toi! qui gouvernes la terre avec un soin paternel, qui l'éclaires par les rayons de l'astre du jour, qui l'arroses par les pluies, qui la rafraichis par la rosée. Qui la couvres d'une riante verdure, qui couronnes sa tête de fleurs, qui l'enrichis de moissons, et qui tous les ans renouvelles sa parure et ses bienfaits. M. C. C. S.*

Уже по одному заглавію и эпиграфу читатели могутъ судить, что это за книжка, такъ «галантерейно» посвященная авторомъ «своимъ любезнымъ соотечественникамъ» Въ предисловіи онъ говоритъ, что хочетъ «заблужденному показать путь истин*ы* и развращенному дать почувствовать мерзость его поступковъ», и для-того на 16-ти страничкахъ, плохимъ

русскимъ языкомъ наговорилъ бездну фразъ, въ которыхъ не доищешься толка, ... Есть же, на свѣтѣ люди, которые думаютъ, что желающій говорить о высокомъ предметѣ не нуждается ни въ знаніи, ни въ грамматикѣ, ни въ идеяхъ.

13) Военная Исторія Россійскаго Государства. *Санктпетербургъ. Въ тип. Александра Смирдина.* 1839. *Пять частей. Въ 8-ю д. л. Въ I-й* 210, *во II-й* — 210, *въ III-й*—87, *въ IV-й* — 162, *въ* V-*й* — 109 *стр. Съ планами и рисунками.*

Подъ этимъ великолѣпнымъ, хотя нѣсколько-страннымъ, но для многихъ, можетъ-быть, соблазнительнымъ названіемъ, авторъ безчисленнаго множества романовъ, или «нѣкоторыхъ чертъ изъ жизни» того-то или того-то, — однимъ словомъ, г. Зотовъ недавно издалъ книжку, которой приличнѣе было бы назваться *книгою безъ содержанія*, нежели «Военною Исторіею Россійскаго Государства». Впрочемъ, по нашему мнѣнію, г. Зотовъ поступилъ хорошо и добросовѣстно, отрекомендовавъ самымъ названіемъ свою книгу и давъ почувствовать публикѣ всю пустоту ея при первомъ на нее взглядѣ. Въ-самомъ-дѣлѣ, что̀ это такое: *Военная Исторія*? Развѣ исторія можетъ быть военная, штатская, сухопутная, морская? Что̀ намѣревался «историкъ» передать своимъ читателямъ? Исторію ли войнъ, веденныхъ Россіею, — или исторію русскаго военнаго искусства?... Нѣтъ, онъ намѣревался составить книгу, раздѣлить ее на миньятюрныя *частички*, и эти частички украсить иллюминованными картинками. Попробуйте отъ заглавія перейдти къ самой книгѣ — Боже мой, что̀ за хаосъ! что̀ за потопъ словъ въ пустынѣ мыслей!... При всемъ усиліи найдти что-нибудь, вы ровно ничего не найдете, кромѣ безсвязныхъ, выписокъ изъ «Исторіи» Карамзина, изъ сочиненій Бутурлина, Броневскаго и Михайловскаго-Данилевскаго, выписокъ, которыя г. компиляторъ хотѣлъ связать разными чувствительными возгласами, декламаторскими фразами и тѣмъ только исказилъ краснорѣчивыя страницы упомянутыхъ историковъ, нисколько не связавъ ихъ. Конечно, кто говоритъ? очень-пріятно и даже иногда полезно перепечатывать чужое; но ужь если перепечатывать чужое хорошее, то никакъ не слѣдуетъ прибавлять своего не-хорошаго, и тѣмъ только портить дѣло. Г. Зотовъ, видно, не изповѣдуетъ этого правила, а отъ-того и книга его или компиляція, изданная имъ подъ именемъ «Военной Исторіи» — пестрая ткань, на которой мелькаютъ яркіе цвѣта̀ чужихъ красокъ вмѣстѣ съ темными пятнами, которыя благоволилъ набросить на нихъ самъ г. компиляторъ. Разверните любую часть этой книги — вездѣ найдете доказательства тому, что̀ сказали мы. Возьмите хоть первую часть, взгляните на первую страницу — съ первыхъ строкъ ея такъ и бросятся вамъ въ глаза странныя фразы. Посмотрите изъ любопытства; вотъ слова, которыми начинается *первая* глава: «Съ тѣхъ поръ, какъ неумолимая критика исторіи безпощадно вырываетъ *у насъ* (*изъ чего?*) всякій день *листки о* (?!) *первобытныхъ* царствахъ и народахъ, съ тѣхъ поръ, какъ большая часть преданій, которыя, будучи съ малолѣтства *нами* заучены, казались (большая ча*сть* каза*лись!*) *намъ* священными памятн*иками* великихъ событій, теперь призна*ются* миѳами, баснями, — съ тѣхъ поръ, какъ холодныя изслѣдованія лишили насъ *пріятнѣйшихъ очарованій*, — съ тѣхъ

поръ *грустный скептицизмъ* распространился *и на нашу* исторію (а выше-то о какой же исторіи говорится?) !!!... Или: «*первые вѣка* Исторіи Славянъ, сдѣлавшихся извѣстными на берегахъ Дуная, *состояли въ однихъ набѣгахъ*» (стр. 8); «исторія погружена въ туманы миѳовъ и сагъ» (с. 9); «Германцы, оставя часть древнихъ своихъ областей Славянамъ, двинулись далѣе на западъ, и основали новыя владѣнія въ Англіи, Галліи и Италіи; Аравитяне утверждались *съ Алкораномъ и науками* въ Испаніи; Карлъ Великій основалъ огромную Западную Имперію; Скандинавія, *окруженная туманами Сагъ*, высылала по морямъ дерзкихъ *своихъ Норд-манновъ* (?!!), а Калифы Багдада мало-по-малу готовились, послѣ великихъ усилій своего религіознаго фанатизма, отдохнуть и исчезнуть. Въ эту-то самую эпоху явилась Русь» (с. 12). Вотъ изъ такихъ-то фразъ, изъ такой-то путаницы, изъ такихъ-то *тумановъ* состоятъ всѣ пять частей книги г. Зотова!.. Впрочемъ, не пугайтесь, мы не станемъ утомлять васъ дальнѣйшимъ разборомъ этой компиляціи: *продукты* сего рода, какъ уже однажды замѣчено нами, не подлежатъ ученой критикѣ, да притомъ намъ нѣчего знакомить васъ съ г. Зотовымъ: вы вѣрно ужь знаете, какой онъ мастеръ составлять книги изъ *словъ*, сшивая эти слова на живую нитку; если вы прочли хоть одинъ романъ его, то прочли не только всѣ остальные его романы, но даже и эту псевдо-Военную псевдо-Исторію. Въ этой книжицѣ вы не найдете ничего новаго, кромѣ ошибокъ и звонкихъ, неправильно-составленныхъ фразъ, которыя, разумѣется, никому и ни на что ненужны. А между-тѣмъ, сколько свѣдѣній могъ бы найдти компиляторъ въ «Исторіи» Карамзина — и о древнемъ оружіи Русскихъ, и о способѣ сражаться, и о сборѣ войскъ на время войны, и о многомъ множествѣ военныхъ событій, которыя ускользнули отъ зоркаго взгляда г. Зотова; онъ, на-примѣръ, забылъ, говоря о XI вѣкѣ, упомянуть о взятіи Бельза Ярославомъ, въ 1031; о взятіи Минска Ярославичами въ 1067; о сраженіи Ярославичей съ Всеславомъ на берегахъ Нѣмана въ 1067; о пораженіи Святополка и Владиміра за рѣкою Стугною, въ укрѣпленіяхъ Триполя, въ 1093, и пр. и пр., — а все это, смѣемъ увѣрить г. Зотова, вовсе не бездѣлица въ исторіи русскаго военнаго искусства. Не такъ неостороженъ нашъ г. компиляторъ въ выпискахъ своихъ объ отечественной войнѣ 1812 года: тутъ цѣлыя страницы (на-пр. 83, 84, 85 и слѣд. въ IV части) о дѣйствіяхъ графа Витгенштейна, объ ошибкахъ Кульнева и Вердье, просто почти перепечатаны изъ сочиненія Бутурлина... Но мы ужѐ сказали, что не нужно распространяться о новомъ романѣ... виноваты — о новой исторіи г. Зотова: всякій, кто будетъ имѣть терпѣніе даже слегка перелистовать ее, найдетъ на каждой страницѣ подобныя «заимствованія», при которыхъ нигдѣ нѣтъ ссылокъ, а иныя изъ нихъ, такъ изкажены, что ихъ и узнать трудно. Это вообще напоминаетъ ту знаменитую мастерицу печь пироги, которая совѣтовала мужу взять у сосѣдей тихонько пшеничной муки, обѣщая, что сосѣди не замѣтятъ этого, потому-что изъ этой муки она съумѣетъ сдѣлать пирогъ хуже ржанаго... При компиляціи г. Зотова, какъ сказано выше, находятся картинки или рисунки древнихъ норманскихъ, русскихъ и татарскихъ военныхъ костюмовъ, давно уже извѣстные изъ тетради, изданной

А. Н. Оленинымъ при брошюрѣ его «О Славянахъ»; также изображенія русскихъ военныхъ мундировъ временъ Петра I-го и Екатерины II-й. Всѣ эти картинки очень-хорошо налитографированы, хотя и вовсе неумѣстны, потому-что въ книгѣ нѣтъ на нихъ никакой ссылки. Планы сраженій составлены по разнымъ масштабамъ, потому-что они выдраны изъ разныхъ сочиненій и, слѣдственно, также неудобны для читателей.

Однимъ-словомъ, книга г. Зотова есть твореніе, показывающее всю отважность творца ея въ дѣлѣ литературномъ...

Еще слово. Въ публикаціяхъ книгопродавческихъ вы найдете при имени книги г. Зотова извѣстіе, что она состоитъ изъ *пяти частей*: нелишнимъ считаемъ увѣдомить васъ, что хотя всѣ эти *пять частей* и переплетены издателемъ въ пять отдѣльныхъ обертокъ, но что всѣ онѣ состоятъ только изъ 51-го печатнаго листа, т. е. могутъ составить *двѣ небольшія* части, и что третья часть состоитъ только изъ 5½ листовъ крупной печати, т. е. равняется небольшой журнальной статьѣ... Отъ такого *умѣнья* издавать книги, невольно приходишь въ умиленіе и охотно прощаешь всѣ недостатки самой компиляціи, называющейся «Военною Исторіею Россійскаго Государства».

14) Историческіе, философическіе и литературные Афоризмы. *Москва. Въ тип. Лазаревыхъ Инстит. Вост. Языковъ.* 1839. *Въ 12 д. л. 79 стр. Съ эпиграфомъ:* «Всякая мысль, какова бъ она ни была, должна содѣйствовать торжеству истины». *Гёте.*

Боже мой! куда дѣваться отъ пошлостей, соединенныхъ съ самыми задорными, самыми несносными претензіями? и гдѣ взять средствъ для изцѣленія этой повальной болѣзни въ заднихъ рядахъ русской литературы?.. Вотъ, посмотрите, сдѣлайте милость: «Афоризмы!» да еще какіе! историческіе, философическіе, литературные... Вотъ вамъ résumé всѣхъ, по-крайней-мѣрѣ самыхъ отчаянныхъ претензій гг. литературныхъ наѣздниковъ. Вникните въ самое заглавіе: «афоризмы»—слово греческое, слѣд. предполагаетъ въ авторѣ нѣкоторое знаніе греческаго языка: видно, что наукамъ учился, по-крайней-мѣрѣ въ семинаріи; потомъ: историческіе (нападенія на исторію: авторъ шутить не любитъ), философическіе (авторъ любитъ иногда пофилософствовать), литературные (обратите вниманіе: литература поставлена послѣ, съ тѣмъ, чтобы спустить въ нее все, что не входитъ ни въ исторію, ни въ философію). Ну, не ужасно ли это, почтенные читатели? на 75 страничкахъ своей крохотной книжки авторъ разскакался, какъ бедуинъ по степи, и гарцуетъ-себѣ, хлеща нагайкой то исторію, то философію, то литературу. Нѣтъ ничему пощады... Даже и эпиграфъ-то взялъ изъ Гёте. Что жь это такое: афоризмы, исторія, философія, литература, Гёте... Да это просто поспольтое рушенье!

Разкрываемъ: первое, что намъ бросается въ глаза,—посвященіе, посвященіе Андрею Николаевичу Неше. Здѣсь авторъ очень-скромно говоритъ, что не знаетъ, найдетъ ли эта брошюрка *уголокъ* въ библіотекѣ *ученаго* міра, отзовутся ли о ней лестно журналисты; но что она заслужитъ одобреніе Андрея Николаевича Неше,—въ томъ авторъ не сомнѣвается. Mais enfin, кто же авторъ? Повѣрить ли глазамъ?... Подъ посвященіемъ четко и размашисто, очень красивымъ почеркомъ под-

писано: *А. Славинъ!*... подписано, не выгравировано и не напечатано, подписано. Какая предусмотрительность со стороны автора! Онъ знаетъ, какъ люди жадны до всего, что соединено съ воспоминаніемъ о великомъ человѣкѣ, до всего, что носитъ на себѣ слѣдъ его непосредственнаго прикосновенія, до всего, что непосредственно было произведено его рукою, книга, которую онъ перелистывалъ, буква, имъ начертанная. Вотъ авторъ и начертилъ, во утѣшеніе будущимъ вѣкамъ, собственноручно на экземплярахъ своей брошюрки свое имя. Современники, можетъ-быть, станутъ смѣяться, но современники неблагодарны и невѣжливы; насъ оцѣнитъ потомство! Потомству передаетъ г. Славинъ свою книжку и подпись руки своей...

Далѣе, за посвященіемъ, слѣдуетъ нѣчто маленькое, въ родѣ предисловія. Вотъ оно:

«Вотъ и *моя* лепта на жертвенникѣ *учёной музы!*... Я издалъ эту брошюрку безъ всякихъ *претензій* на авторскую славу (замѣтьте: не извѣстность, на-примѣръ, а просто—слава!).. Мое желаніе весьма скромно: я бы почелъ себя вполнѣ награжденнымъ, еслибъ эти афоризмы заслужили вниманіе нашихъ ученыхъ, и принесли хотя маленькую пользу гг. наставникамъ и воспитанникамъ ихъ» (кратко, но сильно!).

Перевертываемъ страницу... Слушайте:

«Половина этого изданія назначена издателемъ г. С. въ пользу одного небогатого семейства; а другая, *по усмотрѣнію его,* поступитъ въ пользу воспитанниковъ разныхъ учебныхъ заведеній.»

Посмотримъ же теперь, чему научатся воспитанники разныхъ учебныхъ заведеній изъ афоризмовъ г. С.— Просимъ покорно, гг. афоризмы, выѣзжайте. Сначала — N 1.

«Высшая поэзія, идеалъ—есть соединеніе вдохновенія и прелести.»

Послѣ такого афоризма, какъ же не надѣяться вамъ, если не лестнаго отзыва со стороны журналистовъ (они завистники, и, какъ выражаетесь вы сами, *гасильщики талантовъ*), то по-крайней-мѣрѣ быть поставленнымъ въ уголку библіотеки ученаго міра?

Но чтобы не утомлять читателей длинными выписками, мы будемъ выбирать изрѣченія покороче. Слушайте, наставники и воспитанники разныхъ учебныхъ заведеній! радуйся небогатое семейство!.. Вотъ какія мысли порождаетъ г. Славинъ:

«Языкъ есть мысль, которая переходитъ въ явленіе.»

«Точное изложеніе мыслей—рядъ правильныхъ умозаключеній, подчиненный одному высшему».

Ликуй, ученая муза, которой на жертвенникъ авторъ повергнулъ свою лепту!

»*Мутное* воображеніе оставляетъ по себѣ одно *туманное* воспоминаніе» (авторъ самъ напечаталъ курсивомъ эти два слова).

«Есть такія книги, которыя чѣмъ болѣе читаешь, тѣмъ болѣе забываешься,—тѣмъ болѣе сердце готово вѣрить сверх-естественному!» (очень-хорошо! очень-хорошее соединеніе вдохновенія съ прелестью).

Знаете ли вы, читатели, чѣмъ мы обязаны нѣмецкой словесности? выучите наизусть слѣдующій афоризмъ г. Славина:

«Мы много обязаны нѣмецкой словесности: мы теперь пишемъ не одними александрийцами и 4-хъ стопными ямбами» (Только, право, только!).

Позвольте; вотъ еще многозначительный афоризмъ (подъ N 25):

«Всего лучше пить поэзію народную.»

Хотите ли вы знать характеристику великихъ поэтовъ?.. Извольте:

«Гёте великъ; Шиллеръ разцвѣлъ, но не дозрѣлъ; Гомеръ исполинъ; Виргилій *слабъ;* Пиндаръ роскошенъ, блистателенъ; Горацій прозаикъ, расинъ-трагикъ (ужь не употребляетъ ли г. С. Расина какъ имя нарицательное, какъ эпитетъ Горація?); Вольтеръ — не поэтъ; Шекспиръ огроменъ; Байронъ однообразенъ.»

А это, на-примѣръ, каковъ афоризмъ: «Муза оды — не память ли это съ воображеньемъ?» (Да, г. С., точно такъ: память съ воображеньемъ).

А вотъ афоризмъ, который вѣроятно г. С. въ благородномъ сознаніи своего достоинства адресуетъ къ критикамъ своей брошюрки: «Презмѣрная похвала уничтожаетъ критику.» Не правда ли, что это очень походитъ на восклицаніе чиновника Поприщина (у Гоголя): «не нужно знаковъ подданичества»?..

«Кнеть — языкъ понятный всѣмъ народамъ и столѣтіямъ.» (Это вѣроятно каламбуръ).

«Языкъ мертвъ, если онъ не въ животворномъ обладаніи человѣка.» (Вотъ великая мысль!... языкъ мертвъ, если онъ въ обладаніи собаки).

«Здравый смыслъ есть черта общая всему человѣческому роду» (Не уже ли вы убѣждены въ этомъ, г. Славинъ?)

А вотъ, гг. историки, это по вашей части:

«Всякая общая исторія бываетъ глубокостью каждой части непремѣнно ниже частныхъ исторій; она слѣдуетъ за ними въ нѣкоторомъ разстояніи.»

А вотъ по части философіи:

«Въ нѣмецкой философіи называютъ субъективными идеями тѣ, которыя *происходятъ отъ ума нашего и его способностей;* а объективными тѣ, которыя возбуждаются ощущеніями. Идея субъективная — понятія о нашей личности. Идея объективная — понятіе о внѣшнихъ предметахъ.» (Вотъ это какъ хорошо говоритъ человѣкъ!)...

И т. д. Довольно выписывать. И изъ того уже, что́ выписано, ясно видно, что г. С. наукамъ учился и славно иногда умѣетъ пофилософствовать.

Но надобно однако сказать правду, что между всѣми этими вѣчными истинами и геніальными издѣліями г. С. есть нѣсколько строкъ порядочныхъ и дѣльныхъ; но онѣ такъ не вяжутся со всѣмъ прочимъ, такъ хаотически являются въ-отношеніи другъ къ другу, что рѣшительно отзываются выписками, на-удачу выхваченными оттуда и отсюда. Въ этомъ убѣждаетъ насъ также противорѣчіе между афоризмами. Такъ, на-примѣръ, афоризмъ 16, въ которомъ говорится, что ода занимаетъ первое мѣсто въ лирической поэзіи, или, лучше сказать, одна совершенно заслуживаетъ названіе поэзіи лирической — этотъ афоризмъ 16 дерется съ 75, въ которомъ утверждается, что ода — легкая вещь, составленная изъ общей мысли, вокругъ которой, какъ вокругъ грубаго кокона, поэтъ плететъ *гармоничное* кружево, и что она удивительно къ-лицу для мало-капитальнаго поэта, болѣе декоратора, чѣмъ мыслителя. — Это еще не бѣда, выхватывать изъ журнальныхъ статеекъ безсвязныя мысли и назначать ихъ въ пользу наставникамъ и воспитанникамъ разныхъ учебныхъ заведеній. Бывали и не такія вещи! На-примѣръ, нѣкто г. Протоповъ выписалъ изъ «Телескопа» — это было ужь давно — драматическія сцены «Сто дней» Дюма, переведенныя Шишковымъ, и напечаталъ ихъ подъ своимъ именемъ, прибавивъ въ началѣ каждой сце-

ны по афоризму, въ родѣ тѣхъ, которые мы теперь имѣли удовольствіе разсматривать. Это было въ-старину; теперь это, кажется, уже больше не дѣлается. Если теперь и вырываютъ цѣликомъ мѣста изъ сочиненій, изъ статеекъ, то по-крайней-мѣрѣ даютъ имъ, какъ г. С., афористическій видъ, т. е. отрѣзываютъ отъ чужой мысли голову, руки, ноги и т. д., и оставляютъ или одинъ пальчикъ, или носикъ ея, или что случится... Но, прощайте, г. С.! продолжайте трудиться для небогатыхъ семействъ, для ученой музы, для возпитанниковъ и возпитателей разныхъ учебныхъ заведеній... Прощайте.

15) Описаніе Санктпетербурга *и уѣздныхъ городовъ С. Петербургской Губерніи.* Ивана Пушкарева. *Часть вторая. С. Петербургъ.* 1839. *Въ 8-ю д. л.* 416 *и VIII стр.*

Первый томъ этой книги вышелъ въ половинѣ прошлаго 1839 года; второй—въ концѣ. Остальные два г. Пушкаревъ обѣщаетъ выдать въ непродолжительномъ времени.

Въ этомъ *второмъ* томѣ заключаются четыре главы — VI — IX: въ VI главѣ описываются *Военныя учрежденія,* какъ-то: императорская гвардія, замѣчательныя зданія военно-сухопутнаго вѣдомства, замѣчательныя зданія морскаго вѣдомства, военно-сухопутное и морское управленіе. Въ главѣ VII—*учебныя и возпитательныя заведенія,* какъ - то: подвѣдомственныя Министерству Народнаго Просвѣщенія, военно-учебныя заведенія, заведенія духовнаго вѣдомства, заведенія по медицинской части, и пр., и пр., заведенія для женскаго пола, и наконецъ публичныя лекціи. Въ VIII главѣ описываются *благотворительныя и медицинскія учрежденія,* какъ-то: учрежденія для призрѣнія бѣдныхъ, изправительныя заведенія, учрежденія для сохраненія народнаго здравія, медицинскія заведенія. Наконецъ въ IX главѣ авторъ изчисляетъ—*ученыя заведенія, хранилища рѣдкостей, періодическія изданія въ С. Петербургѣ и ихъ редакціи.*

При описаніи всѣхъ этихъ предметовъ, г. Пушкаревъ держится одного порядка: сначала онъ разсказываетъ въ короткихъ словахъ исторію описываемаго имъ мѣста, заведенія или учрежденія, потомъ его главныя особенности или достопримѣчательности, и наконецъ сообщаетъ свѣдѣнія, необходимыя для того, кто бы захотѣлъ самъ лично войдти въ соотношеніе съ этимъ мѣстомъ или заведеніемъ. Такъ, на-примѣръ, вы вздумали бы опредѣлить вашего сына или родственника въ какое-нибудь казенне учебное заведеніе: г. Пушкаревъ разскажетъ вамъ, когда это заведеніе получило свое начало, какъ оно шло постепенно до своего настоящаго положенія, каково это настоящее положеніе, какое направленіе, какой характеръ заведенія сего, на что преимущественно здѣсь обращается вниманіе, для какого поприща жизни можетъ въ немъ приготовиться сынъ вашъ, наконецъ, какъ, на какихъ условіяхъ онъ можетъ быть принятъ, куда вамъ обратиться съ просьбою, и пр., и пр. Свѣдѣнія такого рода имѣютъ величайшую важность и для самыхъ жителей столицы, и еще болѣе для жителей отдаленныхъ городовъ: едва-ли не бо́льшая часть молодыхъ людей въ Россіи получаетъ свое образованіе и начинаетъ службу въ Петербургѣ; а намъ не разъ случалось видѣть на опытѣ, какихъ трудовъ и хлопотъ стоитъ отцу или матери собрать кое - какія вѣрныя свѣдѣнія о томъ или другомъ учебномъ заведеніи. Г. Пушкаревъ въ этомъ случаѣ далъ пособіе прекрасное, и за это вѣрно поблагодарятъ его многіе и многіе.

Изъ предисловія къ этой второй части «Описанія Саанктпетербурга» мы узнаёмъ, что г. Пушкаревъ, по соизволенію Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича, занимается составленіемъ полной исторіи гвардіи, подъ названіемъ: «Хроника императорской россійской гвардіи», которая въ нынѣшнемъ году выйдетъ отдѣльною книгою. Для этого изданія заимствовалъ онъ свѣдѣнія изъ матеріаловъ, собранныхъ II-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, и изъ дѣлъ канцелярій самихъ полковъ. Судя даже по немногимъ свѣдѣніямъ, касательно этого предмета, заключающимся въ «Описаніи Санктпетербурга», мы можемъ ожидать отъ г. Пушкарева книги очень-дѣльной и занимательной.

Отдадимъ г. Пушкареву справедливость и за то, что онъ старается объ усовершенствованіи труда своего, и пользуется, не на словахъ, а на дѣлѣ, справедливыми замѣчаніями, которыя сообщаютъ ему посторонніе лица: въ концѣ этой второй части помѣщено восемь страницъ «Дополненій и исправленій къ первой части «Описанія Санктпетербурга».

Нѣкоторыя ошибки или недосмотры, вкравшіеся въ эту вторую часть книги г. Пушкарева, скоро могутъ быть исправлены, ибо — нѣтъ сомнѣнія—во всѣхъ казенныхъ мѣстахъ найдутся люди, которые съ охотой укажутъ г. Пушкареву, что̀ сказалъ онъ неправильно. Оставляя другихъ въ сторонѣ, мы, въ этомъ случаѣ, готовы служить сами за себя и показать г. Пушкареву маленькую невѣрность въ дѣлѣ, къ намъ близкомъ: на стр. 414, во II-й части «Описанія Санктпетербурга» сказано, что «Литературныя Прибавленія» *издавались покойнымъ Воейковымъ съ 1820-го года*: это несправедливо, потому-что «Литературныя Прибавленія» начались въ 1831 году, по прекращеніи уже «Славянина» въ 1830 году.

16) Путеводитель отъ Москвы до Санктпетербурга и обратно. *(;)' Сообщающій, историческія, статистическія и другія свѣдѣнія о замѣчательныхъ городахъ, мѣстахъ и предметахъ, находящихся по дорогѣ между обѣими столицами. Составилъ и издалъ* И. Д.—*Москва. Въ Университетской тип.* 1839. *Въ* 16-ю *д. л.* VI и 612 *стр.*

Чрезвычайно-свѣдущій, опытный и занимательный путеводитель, съ которымъ мы очень-скоро и безъ скуки пробѣжали огромное пространство между двумя столицами Россіи, знакомясь со всѣми предметами, какіе только представлялись намъ на дорогѣ. Такого умнаго, толковаго и многознающаго чичероне мы не встрѣчали еще ни на одномъ пути широкаго Русскаго Царства, не смотря на множество изданныхъ въ разное время печатныхъ «путеводителей». Въ-продолженіе нашего пути, мы узнали отъ г. Дмитріева не только всѣ достопримѣчательности каждаго городка, каждаго мѣстечка, но и всѣ возможныя преданія, какія только сохранились между старожилами. Этого мало: не довольствуясь предметами, которые представляются путешественнику на самомъ пути, мы не разъ свертывали съ дороги нѣсколько въ сторону, и, благодаря опытности и твердой памяти любезнаго чичероне, любопытство наше нигдѣ не было обмануто. Не говоримъ уже о горахъ, отъ нашего вниманія не ускользнулъ ни одинъ холмикъ, ни одинъ курганъ по петербуржской дорогѣ, и мы знаемъ теперь не только, чѣмъ онъ наполненъ или кѣмъ насыпанъ, но и все, что̀ говорили о немъ умные люди, которые удостоивали его своимъ благосклоннымъ вниманіемъ. Бронницкая гора, на-примѣръ, знакома намъ те-

вѣрь и вдоль и поперегъ. Но всего занимательнѣе проводили мы время въ сколько-нибудь-значительныхъ городахъ, встрѣчавшихся намъ по дорогѣ. Чего только не разсказалъ намъ о нихъ нашъ говорливый путеводитель! Обыкновенно мы начинали съ историческихъ возпоминаній, при чемъ онъ читалъ намъ наизусть цѣлыя тирады изъ лѣтописцевъ, упоминающихъ объ этомъ городѣ; потомъ осматривали самый городъ и его замѣчательнѣйшія окрестности; наконецъ переходили къ обычаямъ гражданъ, ихъ увеселеніямъ, домашнему быту, одеждѣ, повѣрьямъ и прочимъ характеристическимъ чертамъ; при чемъ г. Дмитріевъ очень-искусно поддѣлывался подъ языкъ горожанокъ, заставляя ихъ разговаривать между собою на городскомъ нарѣчіи.

Особенно долго прогостили мы въ Новѣгородѣ, который великъ уже одними своими возпоминаніями. Впрочемъ русскому человѣку было бы стыдно и грѣшно проѣхать мимо и не посвятить нѣсколько часовъ на обозрѣніе города, въ которомъ нѣкогда такъ привольно и роскошно кипѣла русская жизнь, такъ могущественно проявлялся русскій духъ. Правда, что г. Дмитріевъ водилъ насъ по Новгороду безъ всякой особенной мысли; правда и то, что всѣ многосторонніяя свѣдѣнія, которыя онъ передавалъ намъ при этомъ случаѣ, историческія, топографическія и антикварныя замѣчанія, взяты имъ, какъ готовые результаты, у извѣстныхъ уже изъискателей нашихъ древностей, что онъ нерѣдко смѣшивалъ преданіе съ исторіею и придавалъ слишкомъ-много вѣса всякому народному вымыслу; но мы и не говоримъ, чтобы г. Дмитріевъ былъ одинъ изъ тѣхъ глубокихъ изслѣдователей древности, которые до-тѣхъ поръ не оставятъ преданія, пока не добьются въ немъ какого-нибудь смысла: мы утверждаемъ только, что нашъ путеводитель представляетъ всѣ похвальныя качества настоящаго русскаго чичероне — подробное знаніе мѣстности, умъ, любезность и говорливость... Его дѣло только удовлетворить вашей любознательности, отвѣчать съ возможною подробностію на ваши вопросы и всѣ, даже противорѣчащіе толки по поводу того или другаго предмета; критически же повѣрить различныя мнѣнія предоставляется уже самому путешественнику. Мы готовы извинить даже и всѣ повторенія, встрѣчающіяся въ нашемъ «Путеводителѣ», объясняя ихъ тою же простодушною говорливостію, которую мы назвали уже разъ въ числѣ необходимыхъ качествъ исправнаго чичероне. Вообще, рѣдко можно встрѣтить въ дорогѣ такого любезнаго собесѣдника, какимъ былъ для насъ г. Дмитріевъ на пути отъ Москвы до Петербурга, и если бы это было въ нашей волѣ, мы непремѣнно бы удержали «путеводителя» при себѣ, чтобы онъ сопутствовалъ намъ во всѣхъ предполагаемыхъ нами поѣздкахъ по обширному Русскому Царству и по возможности знакомилъ насъ со всѣми значительными предметами, которые могутъ остановить на себѣ вниманіе путешественника.—Изданіе «Путеводителя» очень-хорошо и вполнѣ приспособлено для употребленія въ дорогѣ. Одно бы посовѣтовали мы г-ну Дмитріеву, именно: перепечатать еще свою книжку задомъ напередъ и издать особо. Какъ Москвичъ, онъ только заботился о Москвичахъ, не подумавъ о петербуржскихъ жителяхъ, которые захотятъ поѣхать поклониться Москвѣ бѣлокаменной. «Путеводитель» начинается первою станціею отъ Москвы и оканчивается послѣднею передъ Петербургомъ: такъ не уже ли Петербур-

женъ, ѣдучи въ Москву, долженъ начать чтеніе «Путеводителя» съ конца? Это и тяжело и неудобно...

17) Библіотека Коммерческихъ Знаній. *Отдѣленіе первое и второе. Товаровѣдѣніе и Коммерческая Статистика.* Томъ II. Книжки 7 и 8. *Санктпетербургъ.* 1839. *Въ тип. Е. Фишера. Въ 8-ю д. л.* 107 *и* 99 *стр.*

Это — продолженіе того полезнаго изданія, которое началось еще въ прошломъ году. Въ вышедшихъ нынѣ 7-й и 8-й книжкахъ втораго тома помѣщены слѣдующія статьи: Висла, Краковъ и Данцигъ; Витебская Губернія; Владимірская Губернія; Волга, Ока и Кама; Вологодская Губернія; Волосъ свиной, или щетина, конскій и человѣческій; Волынская Губернія; Воскъ, медъ и пчёлы; Воронежская Губернія.

18) Новое алгебраическое Доказательство двоичныхъ Изчисленій. Владиміра Еропкина. *Москва. Въ Универ. тип.* 1839. *Въ 8-ю д. л.* 13 *стр.*

Кто простоту ариѳметическихъ демонстрацій *силится* замѣнить алгебраическимъ доказательствомъ топорной работы, тотъ, безъ всякаго сомнѣнія, знаетъ плохо ариѳметику и еще плоше алгебру. Вѣдь не въ томъ главное дѣло, чтобъ вмѣсто числовыхъ величинъ поставить буквы латинскаго алфавита, комбинировать ихъ какъ душѣ угодно, и потомъ, добредя извилистымъ, полузаконнымъ путемъ до той цѣли, къ которой ловко привела насъ ариѳметика, сказать своимъ слушателямъ или читателямъ: «смотрите, вотъ это ариѳметика, потому-что здѣсь цифры, а вотъ это алгебра, потому-что здѣсь буквы.»

Нѣтъ, милостивые государи, творцы алгебраическихъ доказательствъ, не въ томъ главное дѣло! Жалка, ничтожна ваша алгебра, которая, замѣняя цифры буквами, уступаетъ ариѳметикѣ, или, по-крайней-мѣрѣ, не выигрываетъ передъ нею въ существенныхъ достоинствахъ каждаго доказательства: общности, простотѣ, ясности, изяществѣ пріемовъ. Драгоцѣнное преимущество алгебраическихъ знаковъ, позволяющее отъискивать искомыя отношенія величинъ, такъ-сказать, *механически*, вводитъ многихъ въ заблужденія: механизмъ языка принимается за первостатейную важность, а вопросъ о достаточномъ основаніи, на которомъ зиждутся вычисленія, о причинѣ, заставившей предпочесть ту или другую выкладку, объ изходномъ пунктѣ демонстраціи, остается въ сторонѣ. Они забываютъ, эти творцы алгебраическихъ доказательствъ, что при размышленіи, на какомъ бы то ни было языкѣ, русскомъ или французскомъ, ариѳметическомъ или алгебраическомъ, необходимо выводить доказательства изъ сущности самого предмета, связывать одни сужденія съ другими, такъ, чтобы къ рѣшенію проблемы вела насъ твердая цѣпь строгихъ силлогизмовъ, а не пошлый механизмъ, въ которомъ мы не въ-силахъ дать ни себѣ, ни другимъ отчета. Вотъ почему математическія знаменитости прибѣгаютъ къ алгебрѣ въ двухъ случаяхъ: когда способы, представляемые ариѳметикою, не могутъ дать ключа къ рѣшенію предложеннаго вопроса, и когда рѣшеніе алгебраическое много выигрываетъ предъ ариѳметическимъ въ общности, простотѣ, ясности демонстрацій. Вотъ почему переводить всѣ результаты, добытые ариѳметикой, во владѣніе алгебры, считалось и считается дѣломъ совершенно-безполезнымъ, пустой забавой грифеля, фокус-покусомъ, позволительнымъ только тогда,

когда мы, желая *какъ-нибудь* пустить наше имя въ печать, печатаемъ *какой-нибудь* опытъ алгебраическаго доказательства истины, которая въ ариѳметикѣ доказана наилучшимъ-образомъ.

Дѣйствительно такъ. Что̀ можетъ быть лучше доказательства умноженія дроби на дробь, употребляемаго въ ариѳметикѣ и одолженнаго своимъ началомъ Нютону,—доказательства, котораго изходный пунктъ есть слѣдующій: «помножить одно число на другое значитъ изъ одного даннаго числа составить произведеніе такъ, ка̀къ другое данное составилось изъ единицы?» Какое доказательство дѣленія простѣе того, которое основывается на слѣдующей истинѣ: «дѣлимое (какъ произведеніе) равняется дѣлителю (одному изъ производителей), умноженному на частное (другой производитель)»? Но г. Еронкину не понравились эти основанія, и вотъ онъ, силою алгебраическаго механизма, доказалъ слѣдующую истину: «умножая знаменателя, дробь дѣлится на столько частей, сколько знаменатель заключаетъ въ себѣ единицъ (!?)» (стр. 8).— Кромѣ промаха грамматическаго (*умножая знаменателя, дробь дѣлится*), здѣсь есть обер - промахъ математическій. Неужели, на прим., дробь $1/_2$, отъ умноженія 2 на 8, раздѣлится на 2 части, то-есть на столько, сколько знаменатель заключаетъ въ себѣ единицъ? Уступая ариѳметикѣ во всѣхъ достоинствахъ, какія только желательно видѣть въ строго - математическомъ доказательствѣ, «Новое алгебраическое доказательство дробныхъ изчисленій» сверхъ-того неполно: въ немъ нѣтъ правилъ для дѣленія цѣлаго числа на дробь, отличнаго отъ дѣленія дроби на цѣлое число, для вычитанія дроби изъ цѣлаго числа, равно для того случая, когда вычитаемая дробь больше уменьшаемой. Наконецъ, что̀ все хуже, оно и невѣрно, какъ мы выше видѣли.

18) Способъ Выпиливанія Костей помощію Гейнова Остеотома, *съ объясненіемъ механисма и употребленія важнѣйшихъ частей этого инструмента, описалъ* Иванъ Рклицкій, *Импер. Спб. Мед. Хир. Акад. адъюнктъ-профессоръ, старшій лекарь Военно-морскаго Госпиталя; докторъ медицины и хирургіи и кавалеръ Св. Станислава* 3 *степени. С. Петербургъ. Въ тип. Эдуарда Праца.* 1840. *Въ* 8-ю *д. л. VI и* 112 *стр. Съ пятью литографированными рисунками.*

Намъ очень-памятно время, когда вюрцбуржскій докторъ Гейне производилъ въ больницѣ для бѣдныхъ операціи мѣстнаго выпиливанія костей (это было слишкомъ не давно, именно въ 1837 году); что, по Высочайшему повелѣнію, докторъ Гейне былъ вызванъ въ Россію для показанія употребленія изобрѣтеннаго имъ инструмента. Вѣроятно любознательные врачи, много разъ бывшіе свидѣтелями этихъ операцій, не забыли, съ какою ловкостію и удобствомъ Гейне выпиливалъ части костей и удовлетворялъ самымъ прихотливымъ требованіямъ присутствовавшихъ. Такимъ-образомъ теперь на опытѣ дознана польза изобрѣтеннаго имъ инструмента. Но были лица, явно отвергавшія выгоды, которыя обѣщало это открытіе. Впрочемъ упорствовавшимъ введенію этого инструмента въ употребленіе охотно можно простить, ибо всѣ новыя открытія подлежатъ строгому сужденію прежде, чѣмъ окажется явная отъ нихъ польза. Почему неудивительно, что сдѣланное за пять лѣтъ предъ симъ описаніе остеотома Гейне, составленное докторомъ Геѳтомъ, видѣвшимъ этотъ инструментъ въ Вюрц-

бургѣ, почти не обратило вниманія врачей на это открытіе, по-крайней-мѣрѣ намъ извѣстно, что лишь по представленію одного изъ просвѣщеннѣйшихъ русскихъ вельможъ, графа М. Ю. Віельгорскаго, послѣдовало Высочайшее соизволеніе на прибытіе Гейне въ Россію. Теперь слава и честь Гейне! Изъисканія его касательно патологіи костей увѣнчались успѣхомъ, инструментъ его принятъ всѣми, и уже многіе больные, долженствовавшіе остаться увѣчными въ-слѣдствіе операцій, иными способами производимыхъ, съ пользою продолжаютъ свое служеніе отечеству. Вотъ что говоритъ г. Рклицкій въ предисловіи къ своей книгѣ: «Обыкновенное возраженіе противъ совершенства остеотома есть большая его сложность; но, удостовѣрившись изъ опыта въ особенномъ назначеніи всѣхъ частей этого инструмента, я нашелъ, что мнимый этотъ недостатокъ составляетъ существеннѣйшую его принадлежность и преимущество. Безчисленные случаи, къ которымъ весьма-удачно приноровилъ Гейне свой инструментъ, и въ которыхъ пилы менѣе сложныя не могутъ быть употреблены съ равнымъ успѣхомъ, необходимо требуютъ этой сложности». Оставляя подробнѣйшее описаніе всѣхъ составныхъ частей остеотома, авторъ объясняетъ способъ употребленія только тѣхъ, которыя должны быть извѣстны каждому врачу, желающему производить операціи помощію этого инструмента. Послѣ изъясненія пяти таблицъ, гдѣ изображены остеотомъ и принадлежащія къ нему части (стр. 1—20) слѣдуетъ описаніе способа частнаго (мѣстнаго) выпиливанія костей, именно: на черепѣ, верхней и нижней челюстяхъ, на ребрахъ, позвонкахъ, на верхнихъ и нижнихъ конечностяхъ (рукахъ и ногахъ). Г. профессоръ Рклицкій, дѣлавшій описанныя имъ операціи въ Военно-морскомъ Госпиталѣ, заслуживаетъ, чтобы каждый врачъ принялъ предлагаемый имъ способъ за образецъ, когда встрѣтится случай, требующій отдѣленія пораженной части на какой-либо кости. Врачи должны быть признательны автору этой книги, который чистымъ, яснымъ языкомъ передалъ имъ свѣдѣнія о полезномъ для человѣчества изобрѣтеніи и откровенно сообщилъ свои опыты.

19) Краткое Начертаніе Всеобщей Исторіи, *сочиненное заслуженнымъ профессоромъ* Иваномъ Кайдановымъ. Девятое (!), значительно-исправленное изданіе. *С.-Петербургъ. Въ тип. Императорской Академіи Наукъ.* 1839. *Въ 8-ю д. л. VII и* 115 *стр.*

Ба! старые знакомые! добро пожаловать!... Какъ давно уже мы не видались! Право, чуть ли не съ того незабвеннаго времени, когда наизусть учили къ сроку краснорѣчивыя страницы г. Кайданова ... Настоящая встрѣча тѣмъ пріятнѣе, что ничего не измѣнилось съ-тѣхъ-поръ, не смотря на *девятое* изданіе и «значительныя изправленія»! ... А между - тѣмъ прекрасная книга: прочтете какихъ - нибудь 127 стр. крупной печати, въ 8-ю д. л. включая сюда и алфавитный списокъ собственныхъ именъ, встрѣчаемыхъ въ книгѣ, и оглавленіе, и узнаете, какъ свои пять пальцевъ, всю исторію человѣчества отъ сотворенія міра до 3 ноября 1818 года. Дальше этого года г. Кайданову почему-то не заблагоразсуждается вести своихъ «маленькихъ» читателей и почитателей; но и то не шутка, что находится въ книгѣ. На-пр., вы можете съ достовѣрностію узнать, что̀ такое «исторія»? Слушайте, мы откроемъ вамъ это: «Исторія есть

описаніе произшествій, случившихся въ свѣтѣ, и касающихся до людей, или вообще до рода человѣческаго». Въ свѣтѣ случилось слѣдующее произшествіе: Г. NN. получилъ чинъ титулярнаго совѣтника и вступилъ въ законное супружество съ дѣвицею такою-то, дочерью бѣдныхъ, но благородныхъ родителей. Вотъ вамъ историческій фактъ... Не знаемъ, найдете ли вы его въ какой-нибудь «Всеобщей Исторіи», но увѣряемъ васъ, что онъ «случился въ свѣтѣ и касается до людей». Человѣческій родъ--неопредѣленное выраженіе; мы думаемъ, что подъ нимъ должно разумѣть бо́льшую и значительнѣйшую по образованію часть человѣческаго рода. Въ парижскомъ свѣтѣ вышелъ новый нумеръ «Journal des Débats» и вышелъ новый водевиль Скриба: первый прочелся всею Европою, всею Америкою (въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ и другихъ юныхъ государствахъ, основанныхъ Европейцами), частію Азіи (въ индійско-британскихъ владѣніяхъ), всею Африкою (Мегметомъ-Али и въ алжирско-французскихъ владѣніяхъ) и частію Океаніи (въ англійскихъ владѣніяхъ, городѣ Сиднеѣ и др.); второй, т. е. водвиль Скриба, прочтенъ и разъигранъ на всѣхъ театрахъ Европы, въ Алжирѣ, въ Калькуттѣ, въ Америкѣ, а, можетъ-быть, и въ Австраліи. Это опять историческій фактъ. Не знаемъ, найдете ли вы его въ какой-нибудь «Всеобщей Исторіи», но увѣряемъ васъ, что онъ «случился въ свѣтѣ и касается вообще до рода человѣческаго». Кромѣ этого, изъ книги г. Кайданова вы, въ двѣ минуты, можете узнать, на-пр., исторію Россіи въ царствованіе Петра Великаго, кратко, но удовлетворительно и рѣзко очерченную. Прочтите это мѣсто...

Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ выхода *десятаго* изданія сей полезной книжки г. Кайданова.

20) **Статистика Европейскихъ Государствъ, въ нынѣшнемъ ихъ состояніи.** *Заслуженнаго профессора* Е. Зябловскаго. *Часть первая.* Третіе изданіе. *Иждивеніемъ Ильи Глазунова. С.П.бургъ. Въ тип. И. Глазунова и К°.* 1840. *Въ* 8-ю *д. л.* 285 *стр.*

Статистика не есть наука, точно такъ же, какъ и политическая географія. Наука есть то, что́ имѣетъ предметомъ систематическое изложеніе такого содержанія, которое развивается изъ самого-себя, на основаніи собственныхъ разумныхъ законовъ, и не зависитъ отъ внѣшнихъ случайностей. Статистика есть фактическое знаніе—сборъ фактовъ, относящихся къ одному предмету и изложенныхъ систематически; объ этомъ мы довольно-подробно говорили въ прошломъ году, при разборѣ книжки г. Срезневскаго (От. Зап. Кн. IX Библ. Хр. стр. 147). Но и статистика можетъ быть не сухимъ и мертвымъ, а живымъ и занимательнымъ предметомъ знанія, если будетъ освѣщена и согрѣта *мыслію*. Такъ Дюпенъ умѣлъ сдѣлать изъ статистики такую книгу, которой по-неволѣ зачитаешься.

Книга г. Зябловскаго имѣетъ свою систему, но не отличается тою живостію и занимательностію, которыя могла бы имъ сообщить мысль; но тѣмъ не менѣе она есть довольно-полный сборникъ такихъ фактовъ, знаніе которыхъ необходимо, и можетъ служить хорошею справочною книгою. Мы думаемъ, что нашъ краткій отзывъ объ этомъ «сборникѣ» дастъ читателямъ удовлетворительное о немъ понятіе,—и потому ограничимся двумя только замѣчаніями. Во-первыхъ, намъ кажутся нѣсколько странными и нѣсколько неудовлетворительными

равственныя характеристики народовъ, въ родѣ слѣдующей: «Вообще народъ прусскій *досужъ, способенъ* и храбръ. Въ иныхъ областяхъ жители отличаются *какими-либо* особенными качествами. Такъ на-пр., Бранденбургцы и Силезцы дѣятельностію и рукодѣльною промышленостію; Померанцы *веселостію и бережливостію* и пр.» (*стр.* 177). Во-вторыхъ, нѣкоторые факты кажутся намъ невѣрными, на-пр., объ изящныхъ искусствахъ въ Пруссіи: «Хотя искусства сіи, говоря вообще, не достигли той степени совершенства, въ какой находятся онѣ въ Италіи и Франціи, но» и пр. (стр. 179). О какихъ искусствахъ говоритъ эта «Статистика»?—О поэзіи? но вѣдь прусская поэзія есть нѣмецкая поэзія, съ которою нейдетъ ни въ какое сравненіе итальянская, и еще менѣе французская. О музыкѣ? —но вѣдь Гайднъ, Моцартъ и Бетховенъ—не Итальянцы и еще менѣе Французы. О живописи? — но это еще вопросъ «котораго не разрѣшите вы»...

21) Руководство къ Ариѳметикѣ, *для употребленія въ уѣздныхъ училищахъ Россійской Имперіи, одобренное Департаментомъ Народнаго Просвѣщенія. Изданіе пятое. Часть первая. Москва. Въ универс. тип.* 1839. *Въ* 12-*ю д. л.*, 79 *стр.*

Изданій этого руководства, въ Москвѣ и въ Петербургѣ, было такъ много; число учащихся и выучившихся по немъ ариѳметикѣ такъ велико, что это количество: *изданій и учениковъ*, весьма-ясно убѣждаетъ въ пользѣ книги, одобренной начальствомъ и введенной во всѣ почти учебныя заведенія, и заставляетъ насъ, вмѣсто подробнаго отчета, ограничиться краткимъ извѣстіемъ о пятомъ ея появленіи въ свѣтъ, или, говоря слогомъ менѣе высокимъ, о пятомъ ея изданіи.

22) Азбука для малолѣтныхъ Дѣтей, *или легчайшій способъ обучать россійской грамотѣ.* А. К. Изданіе второе. *Москва. Въ тип. Лазаревыхъ Института Восточныхъ Языковъ* .1839. *Въ* 12-*ю д. л.* 48 *стр.*

Безъ предисловій—не ждите объясненія какой-нибудь методы обученія дѣтей грамотѣ: прямо начнёмъ съ буквъ исполиновъ, которыя близорукій можетъ прочесть издали. Куда-какъ это полезно для дѣтей! Но что еще большія буквы. Взгляните на картинки: подъ каждой буква и названіе предмета, означеннаго на картинкѣ, начинающееся съ этой буквы: «А—ананасъ, Б—быкъ». Все это напоминаетъ вамъ знаменитую методу: А,—ангелъ, ангельскій, архангелъ, архангельскій,—съ той разницею, что для развитія вкуса въ дѣтяхъ здѣсь присоединены быки, которыхъ не отличишь отъ собаки, носороги, похожіе на медвѣдей, козлы ни на что непохожіе, и для пріученія къ правописанію поставлено: *Індійскій* пѣтухъ. Послѣ картинокъ, какъ во всѣхъ азбукахъ, слѣдуютъ склады. Но замѣчательно объясненіе знаковъ—! и ?. Первый называется *сила или удареніе*, второй *сила или острое.* Хорошо объясненіе!—Да скажите, Бога ради, до-какихъ же поръ мы будемъ такъ пренебрегать нашимъ младшимъ поколѣніемъ, и будемъ бросать ему подобныя книжонки, приговаривая: на, учись?.. Еще вопросъ: учиться грамотѣ начинаютъ пяти или шести лѣтъ: что тутъ пойметъ ребенокъ? Какое заключеніе выведетъ онъ изъ подобныхъ фразъ: «Соразмѣряй твою щедрость и твои предпріятія съ имѣніемъ. — Во всякомъ случаѣ береги твое здоровье и твоего ближняго.—

Старайся объ общественномъ благѣ, и храни добрый порядокъ»?.. Все это имѣется въ предлежащей азбукѣ.— Бѣдныя дѣти!..

23) Дѣтское Лото *съ 8-ю таблицами. (!?) по которому всякой (,) игравшій въ оное, можетъ легчайшимъ образомъ выучить начальныя слова (!?) полной русской и французской азбуки. Москва. Въ тип. И. Смирнова.* 1839. *Въ* 12-*ю д. л.* 8 *стр.*

Бьемся объ закладъ: эта книжечка есть произведеніе человѣка, весьма почтеннаго.... по лѣтамъ, современника нашимъ дѣдамъ, одного изъ тѣхъ, которые не имѣли другихъ знаковъ препинанія, кромѣ точки, да и ту ставили такъ, не для какой-либо потребы, а единственно для прикрасы письма. Блаженное время! чудное время! Тогда буквы назывались *словами*, и дѣтина, ростомъ чуть не съ тамбурмажора, говаривалъ басомъ: *я всѣ слова знаю.* Тогда *l' homme* произносили *ломъ, comment—каманъ*.... и каждое латинское реченіе непремѣнно долженствовало оканчиваться на *us:* безъ *усовъ* нельзя было и вспомнить семинаріи, ни представить Кутейкина. Тогда французскую букву *c* произносили *це*, *y* величали *ипсилономъ*, *g*, *h*, *u*, крестили именами *ее, га, у*... Не вѣрите?... загляните въ «Дѣтское Лото», составленное вѣроятно человѣкомъ почтенныхъ лѣтъ, для своихъ внуковъ, можетъ-быть правнуковъ. Тогда... да мало ли, чтò тогда было, любезные читатели? Но *теперь* не время говорить о *тогда*. Теперь мы должны замѣтить только, что «Дѣтское Лото» весьма не годится для *легчайшаго образа выучить* начальныя слова *полной русской и французской азбуки.*

24) Подарокъ моему Сыну въ день его Рожденія. *Изд.* Карамзинъ. *Москва. Въ тип. Ив. Смир*
ва. 1839. *Въ* 64-*ю д. л.* 50 *стр.*

Очень, очень-маленькая книж
изъ которой мы узнаемъ, во-первы
что издатель ея давно уже занима
возпитываніемъ бабочекъ и кругл
годъ слѣдитъ за ихъ превращенія
строго наблюдая, чтò можетъ б
вредно его возпитанницамъ и чтò
лезно; во-вторыхъ, что въ 1783 г
въ Калабріи, или, какъ пишетъ
торъ, въ Калабрѣ, было страшное
млетрясеніе, отъ котораго разру
лось нѣсколько большихъ зданій и
гибло много людей. Надобно по
гать, что какъ самъ издатель, т
особенно маленькій сынъ его, для
тораго и приготовленъ этотъ по
рокъ, прочтутъ книжку съ больши
удовольствіемъ.—Кстати, мы не ра
замѣчали въ «Московскихъ Вѣдом
стяхъ», при публикаціяхъ объ эт
книжкѣ, странную опечатку: все
вмѣсто «издалъ Кар*ма*зинъ», стоя
«издалъ Кар*ам*зинъ». Оно, конеч
такъ — опечатка; однако жь за ч
бы?... Вѣдь люди, невидавшіе эт
книги, могутъ подумать, что ее и
самомъ-дѣлѣ издалъ *Карамзинъ*...

25) Подарокъ на Новый Год
*Двѣ сказки Гофмана для больши
и маленькихъ дѣтей. Санктпетер
бургъ.* 1840. *Въ тип. А. Сычева.*
16-*ю д. л.* 320 *стр.*

26) Дѣтская Библіотека. *Сочи
неніе* дѣвицы Тремадюръ. *Переводъ
французскаго* Александры Зражевско
Со втораго изданія. Четыре част
Леонъ, молодой граверъ; Вал
рія, молодая художница; Пр
сперъ, молодой скульпторъ
Е(Э)ммелина, молодая музыкан
ша. *Санктпетербургъ.* 1840. *Въ ти
Императорской Россійской Акад
міи. Въ* 12-*ю д. л. Въ* I-*й части* 15

II-й — 108, въ III-й — 115, въ V-й—119 стр.

27) Разговоры Эмилии, о нравственныхъ Предметахъ. Переводъ французскаго. Санктпетербургъ. в тип. X. Гинце. 1840. Въ 12-ю д. 275 стр.

28) Миниатюрный Альбомъ для детей. Санктпетербургъ. 1839. (тетрадка безъ означенія типографіи и сла страницъ).

Общее мнѣніе осудило дѣтскія книжки на ничтожество и презрѣніе. Дѣтскія книжки, дѣтскій писатель— то все равно,что «пустыя книжки»,что дорный писатель.» Предложи книгопродавецъ какому-нибудь извѣстному литератору написать книжку для детей: если еще не обидится такимъ предложеніемъ нашъ извѣстный литераторъ, то ужь непремѣнно отвѣтитъ, что ему нѣкогда заниматься такимъ вздоромъ. Предложи книгопродавецъ написать дѣтскую книжку какому-нибудь невидному литератору: «извольте» отвѣтитъ тотъ «дѣтскую-то книжонку разомъ намараемъ» — сядетъ да и напишетъ. Отецъ, покупая для дѣтей книгу, говоритъ книгопродавцу: какъ можно такъ дорого просить за дѣтскія книжки?... Напиши журналистъ въ своей библіографической хроникѣ серьёзную статью о вновь-вышедшей дѣтской книжкѣ—всѣ близорукіе крикуны возопіютъ: «помилуйте! можно ли говорить такъ много, такъ важно и такимъ ученымъ языкомъ о дѣтской книжкѣ?..» Грубое заблужденіе, жалкая ошибка! Такъ точно общее мнѣніе требуетъ для первоначальнаго обученія дѣтей, кое-какихъ такъ, плохенькихъ учителей, и назначаетъ имъ кое-какую, такъ, плохенькую плату!...

Понимая важность воспитанія, а, слѣдственно, и дѣтскихъ книгъ, какъ относящихся къ воспитанію, мы въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ «Отечественныхъ Записокъ», въ отдѣлѣ «критики», представимъ изложеніе нашихъ понятій объ этомъ важномъ предметѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разберемъ двѣ сказки Гофмана (которыхъ названіе выписано выше), это чудное произведеніе его чуднаго генія. Теперь же ограничимся легкою оцѣнкою трехъ остальныхъ сочиненій, выставленныхъ въ началѣ этой рецензіи.

«Дѣтская Библіотека» дѣвицы Тремадюръ, переведенная г-жею Зражевскою, рѣзко выдается изъ ряда обыкновенныхъ явленій дѣтской литературы. Она предоставитъ своимъ читателямъ четыре прекрасныя повѣсти, съ умомъ и одушевленіемъ написанныя, полныя интереса и увлекательности. Жаль только, что переводчица, такъ прекрасно передавшая ихъ на русскій языкъ, не позаботилась стереть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пятно резонёрства, безъ котораго не обойдется ни одно французское сочиненіе, ни дурное, ни хорошее. Еще болѣе жаль, что она не обратила вниманія на духъ сочиненія, не совсѣмъ благопріятный для нравственности дѣтей со стороны развитія въ нихъ чувства тщеславія, которое есть основа французской жизни. Представьте себѣ только одно то, что во Франціи, на публичныхъ экзаменахъ въ пансіонахъ, награждаютъ дѣтей за успѣхи не книгами и игрушками, а возлагаютъ на ихъ головы вѣнки, и этихъ лауреатовъ восхищенные родители привозятъ иногда въ театръ, на показъ публикѣ, подавляя въ своихъ дѣтяхъ такимъ-образомъ чувство скромности, стыдящейся собственной заслуги, и развивая страсть не къ наукѣ, не къ искусству, а къ вѣнкамъ—торжеству мелкаго самолюбія, которое цѣнитъ не внутреннее довольство истинною заслугою,

а внѣшній блескъ. Этотъ дурной душокъ нерѣдко отзывается въ книгѣ г-жи Тремадюръ, книгѣ очень-хорошей во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ.

«Разговоры Эмиліи» — моральные грибы, которые такъ же холодны, склизки и непріятны даже на взглядъ, какъ грибы, наростающіе на стѣнахъ обрушившихся погребовъ. Изданіе стоитъ сочиненія.

«Миніатюрный Альбомъ» — тетрадка, состоящая изъ пятнадцати крошечныхъ литографированныхъ картинокъ, за которыми слѣдуетъ нѣсколько страничекъ съ плохими стишонками, въ родѣ слѣдующихъ:

Всѣ мыслятъ жить, но не живутъ,
Не мысля умереть, умрутъ.

Далѣе, на трехъ послѣднихъ страничкахъ, помѣщены «мысли», которыя не глубоки и не прекрасны, но далеко уступаютъ въ цѣнности извѣщенію, напечатанному на оборотѣ желтенькой обертки: «цѣна одинъ рубль серебромъ». Вотъ ужь подлинно — *и дешево и мило!*...

29) Перенесеніе тѣла Князя Багратіона на Бородинское Поле. *Hic cinis, ubique fama. Брошюрка, написанная* Княземъ Николаемъ Голицынымъ. *Москва. Въ тип. Августа Семена.* 1839. *Въ 12-ю д. л.* 12 *стр.*

Въ этой брошюрѣ, изданной опрятно, описана кратко и отчетливо трогательная и величественная церемонія перенесенія тѣла князя Багратіона изъ села Симы, гдѣ онъ скончался отъ славной раны, полученной имъ въ бородинской битвѣ, и былъ похороненъ внутри тамошней приходской церкви, — на мѣсто его послѣднихъ подвиговъ, гдѣ воздвигнутъ теперь торжественный памятникъ. Смерть, внезапно-постигшая Д. В. Давыдова, не позволила ему исполнить священную
обязанность сопровождать тѣло Б
ратіона и, по разпоряженію пра
тельства, весь военный обрядъ возл
женъ на командира Кіевскаго Гус
скаго Полка, полковника Кенска
Поднятіе гроба было свершено 3
іюля въ 6 часовъ пополудни, въ пр
сутствіи преосвященнаго архіеписк
па Парѳенія, которымъ въ тотъ
день была отправлена панихида
на другой день (4 числа) соверше
литургія со службою за упокой
произнесена рѣчь въ честь и пам
высокихъ заслугъ героя; 5-го чис
послѣ панихиды, началась процес
Гробъ былъ вынесенъ и поставле
на богато-убранную колесницу шта
и-обер-офицерами Кіевскаго Гус
скаго Полка, къ которымъ присое
нились другіе, отставные заслужен
воины. Особенно замѣчательно св
ное участіе простаго народа въ это
событіи. Необозримое пространст
говоритъ авторъ, было усѣяно зри
лями, не смотря на знойное солн
множество народа сопровождало
лесницу во весь переходъ до Юрь
на разстояніи 20-ти верстъ.

30) Обѣдъ, какого не бывал
Ѳ. Глинки. *Москва.* 1839. *Въ тип.*
Степанова. Въ 12-ю д. л. 30 *стр*

Съ августа мѣсяца прошлаго го
открылись въ Москвѣ столы для б
ныхъ. Если вы хотите что-нибудь уд
лить отъ избытковъ вашихъ въ по
зу нищенствующей братіи, возьмите
одинъ рубль серебромъ, билетъ
Комитетъ Призрѣнія Бѣдныхъ, и по
рите его нищему: по этому билету о
можетъ обѣдать каждый день въ пр
долженіе цѣлаго мѣсяца. Ѳ. Н. Гли
ка былъ свидѣтелемъ обѣда для б
ныхъ, происходившаго въ ноябрѣ пр
шлаго года, на Болотѣ, въ домѣ М
тѣева. Распорядителемъ и угости
лемъ былъ московскій купецъ Б.

Страховъ. Къ-сожалѣнію, въ брошюркѣ Ѳ. Н. Глинки не сказано, какое имѣетъ отношеніе этотъ обѣдъ къ Комитету Призрѣнія Бѣдныхъ, а Б. В. Страховъ къ членамъ этого комитета. Высокое и отрадное зрѣлище любви къ ближнему и христіанскаго благотворенія до того взволновало поэтическую душу Ѳ. Н. Глинки, что это повредило ясности и отчетливости изложенія такого факта, который достаточно говоритъ за себя, очевидно свидѣтельствуя о своемъ высокомъ и умиляющемъ душу достоинствѣ. Причина этого показана въ брошюркѣ самимъ авторомъ. Слушайте.

Авторъ приступаетъ къ дѣлу лирическою выходкою противъ XIX вѣка, выходкою, которая не только не имѣетъ прямой связи съ дѣломъ, но даже нѣсколько и противорѣчитъ ему, находя въ немъ неопровергаемое доказательство своей ложности. Онъ отнимаетъ у нашего вѣка всякое достоинство, всякую духовность; видитъ въ немъ одинъ развратъ, одну матеріяльность; пировою храминою его жизни называетъ *биржу* — мѣсто *ума*, разсчета и торга; говоритъ, что *теперь* религія испарилась, какъ дорогой ароматъ изъ позлащеннаго сосуда... (стр. 14—6). Бѣдный вѣкъ! или и въ самомъ-дѣлѣ ты одряхлѣлъ, какъ умирающій левъ въ баснѣ Крылова, и потому на тебя такъ всѣ нападаютъ?... Или ты виноватъ передъ всѣми, которые увидѣли свѣтъ Божій прежде, нежели ты увидѣлъ его, и сердятся на тебя за то, что не хотятъ понять тебя?... Или наконецъ на тебя потому нападаютъ всѣ, что каждый видитъ въ тебѣ — понятіе, а не человѣка, который могъ бы подать просьбу за безчестье и увѣчье?... Тебя бранятъ и поносятъ за безрелигіозность, въ то самое время, какъ ты водружаешь знаменіе креста даже въ Австраліи, между дикими полу-человѣками; въ то время, какъ ты передалъ слово Божіе, глаголъ вѣчной жизни, на языки всѣхъ народовъ и племенъ земнаго шара; наконецъ, въ то время, когда ты, отвергнувъ заблужденій прошлаго, такъ называемаго *лучшаго* вѣка, не однимъ сердцемъ, но и разумомъ своимъ, призналъ Благовѣстіе Богочеловѣка высшею истиною, небесною и божественною мудростію, предвѣчнымъ и единымъ разумомъ, открывшимъ себя въ очевидности явленія — словомъ воплотившимся!... Тебя бранятъ и поносятъ за меркантильность направленія, за эгоизмъ и сибаритство, за жестокосердую холодность къ страданію ближняго — и когда же — въ то самое время, когда *ты* открываешь сиротскіе пріюты, комитеты для призрѣнія бѣдныхъ, даешь «обѣды, какихъ не бывало», словомъ, когда *ты* христіанскіе подвиги милосердія и любви къ ближнему дѣлаешь уже не только долгомъ или добровольнымъ порывомъ частныхъ лицъ, но дѣломъ общественнымъ, государственнымъ!.. Ѳ. Н. Глинка хочетъ видѣть представителей вѣка въ *романистахъ*, которыхъ называетъ «угодниками общества»: это все равно, что судить о красотѣ русскихъ городовъ не по Москвѣ и Петербургу, а по Тамбову и Пензѣ. Далѣе, Ѳ. Н. Глинка хочетъ судить о вѣкѣ по *французскимъ романистамъ*, справедливо называя ихъ «угодниками общества на ловитвѣ *ощущеній*»: это все равно, что по двумъ или тремъ пьянымъ мужикамъ судить объ образованности русскаго народа, видя въ нихъ его представителей. Вольно же порицателямъ XIX вѣка смотрѣть на него изъ Парижа и въ Парижѣ! Да и не лучше ли бъ было имъ въ томъ же Парижѣ взглянуть не на одну его грязную литературу, а на-примѣръ, на его

публичныя больницы, гдѣ знаменитѣйшіе врачи Европы посвящаютъ свою дѣятельность на облегченіе страждущаго человѣчества, гдѣ уходъ за больными и порядокъ во внутреннемъ устройствѣ и хозяйствѣ свидѣтельствуютъ о высокой и христіанской филантропіи?... И посмотрите, какъ отъ этого почтенный нашъ писатель и много-уважаемый нами поэтъ безпрестанно разнорѣчитъ съ самимъ собою въ своей брошюркѣ:

Торжеству ли образованности или разсчетамъ опыта приписать должно *всеобщее стремленіе* дѣлать складчины, сборы, стипендіи, помогать бѣднымъ, кормить нищихъ. Неравенство теплоты въ тѣлѣ общественномъ стало слишкомъ замѣтно и начинало становиться вреднымъ. Одни члены зябли, другіе горѣли. *Вѣкъ* чувствовалъ необходимость уравновѣсить благосостояніе, и проявляетъ себя въ попыткахъ *благородныхъ* и *мудрыхъ* усиліяхъ раздѣлить теплоту жизни, сколько можно ровнѣе, по всѣмъ частямъ общественнаго тѣла. И вотъ источникъ *столь многихъ* учрежденій пріютовъ для безпріютныхъ! (стр. 20).

«Какъ вамъ Богъ помогъ такъ скоро собраться и обзавестись? шутка ли накормить 250 человѣкъ?» спросилъ Ѳ. Н. Глинка у Б. В. Страхова. «И Богъ и добрые люди!» отвѣчалъ благородный купецъ. «Повѣрите ли, въ три, четыре дня наслали столько, что погреба мои ломятся отъ приношеній! Вчера одинъ прислалъ *пятьдесятъ пудъ* рыбы, другой *тридцать пудъ* говядины, сей-часъ принесли *сто-пятьдесятъ* калачей»... Не уже ли это—эгоистическіе факты?..

Въ день тезоименитства Его Императорскаго Высочества Михаила Павловича, Ѳ. Н. Глинка былъ свидѣтелемъ другаго подобнаго обѣда: «на Нѣмецкомъ Рынкѣ, въ домѣ *Человѣколюбиваго* Общества, бывшаго купца Бубнова». Московскіе купцы, братья Чижевы, угостили *триста-пятьдесятъ* человѣкъ обѣдомъ. Чижевы учредили на *свои средства* лафертовскій столъ. Узнавъ объ этомъ, не уже ли вы согласитесь съ почтеннымъ авторомъ и назовете нашъ вѣкъ холоднымъ, жестокосердымъ?

Комитетъ Призрѣнія Бѣдныхъ находится подъ непосредственнымъ покровительствомъ князя Д. В. Голицына, подъ управленіемъ С. Д. Нечаева. Авторъ брошюрки замѣчаетъ въ выноскѣ, что первыя основанія попечительства о призрѣніи нищихъ произведены при надзорѣ и усердномъ стараніи А. Д. Черткова; а за тѣмъ упоминаетъ о Страннопріимномъ Домѣ въ Ростовѣ, существующемъ уже 28 лѣтъ и основанномъ княгинею Н. И. Голицыною. По послѣднимъ отчетамъ, которые удалось видѣть Ѳ. Н. Глинкѣ, онъ узналъ, что въ одинъ мѣсяцъ (сентябрь) принято и накормлено въ этомъ домѣ 1046 человѣкъ. А сколько другихъ подобныхъ заведеній, непользующихся никакою извѣстностію, разбросано по Россіи? Сколько въ одной Москвѣ публичныхъ больницъ, основанныхъ частными лицами — не говоримъ уже о существующихъ отъ правительства?... Вотъ опять факты, говорящіе противъ почтеннаго Ѳ. Н. Глинки.

Отъ-чего же нашъ вѣкъ такъ дуренъ? — Послушаемъ Ѳ. Н. Глинку, чтобы рѣшить этотъ вопросъ:

Теперь же все гражданское общество Европы, всѣ романисты угодники этого общества на ловлѣ *ощущеній*. «Трогайте, щекотите, мучьте, терзайте насъ, только дайте намъ чувствовать, что мы еще живы!» — Вотъ требованія, голосъ *вѣка*, этого *посѣдѣлаго развратника, застывшаго эгоиста*. Онъ ищетъ, онъ требуетъ вѣрованій и ощущеній, которыми такъ богаты были предки его — простые патріархальные люди! — Этотъ вѣкъ — *вѣкъ внѣшній, весь чувственный*, развилъ въ огромныхъ объемахъ УМЪ свой и забылъ про СЕРДЦЕ.

Все умъ виноватъ!.. Позвольте, го-

[...]спода, не торопитесь своими проклятіями. Вѣдь это дѣло нешуточное. Зачѣмъ вы видите *умъ только* въ практической сторонѣ жизни, въ успѣхахъ промышлености, желѣзныхъ дорогахъ и паровыхъ машинахъ, словомъ, въ одной только внѣшней полезности, и больше ни въ чемъ? Вы говорите только о *чувствѣ*, только въ немъ видите откровеніе истины, а на умъ смотрите какъ на грѣхъ и заразу,—но вѣдь вы этимъ профанируете самое чувство… Всякая крайность есть ложь, а всякая ложь производитъ непріятное впечатлѣніе на душу. Умъ безъ чувства похожъ на цвѣты, сдѣланные изъ тряпья: прекрасны, ярки—только не пахнутъ, потому-что лишены органической жизни. Истина не внѣ человѣка, а въ немъ-самомъ, въ таинственной и сокровенной внутренности его духа, и, познавая явленія дѣйствительности, онъ сознаетъ не что-нибудь чуждое и внѣшнее для себя, а свое собственное, видя въ самыхъ внѣшнихъ явленіяхъ осуществившіеся законы собственнаго разума. Эта единосущность познающаго съ познаваемымъ есть единственное условіе знанія, первый его моментъ, изходный пунктъ, и она-то называется *чувствомъ*, или *внутреннимъ созерцаніемъ истины*. У кого нѣтъ этого чувства, тотъ ничего не пойметъ, потому-что у кого нѣтъ чувства, у того нѣтъ и разума: разумъ есть сознавшее себя чувство, или чувство, возвысившееся на степень духа. Такъ, на-примѣръ, у кого нѣтъ инстинкта, или чувства красоты, тому никакая эстетика, никакой критикъ не растолкуютъ, что хорошаго въ Шекспирѣ, и не научатъ имъ восхищаться. Въ чьей душѣ не посѣяно благодатныхъ сѣменъ любви къ человѣчеству — тотъ можетъ пройдти всѣ курсы богословія и философіи, но никогда не пойметъ ни разумной необходимости, ни высокаго блаженства жертвовать, для блага ближнихъ, трудомъ, избыткомъ, личнымъ счастіемъ и самою жизнію. Чувство есть тотъ же разумъ, но разумъ, такъ-сказать, еще *чувственный*, заключающійся въ условіяхъ организма, неотрѣшившійся отъ владычества плоти, не ставшій духомъ въ духѣ. Чтобы стать духомъ, разумъ распадается изъ своей органической полноты, отрѣшается отъ чувства и дѣлается разсудкомъ. Но такое распаденіе есть *средство*, а не *цѣль*: оно нужно только какъ необходимый моментъ, какъ необходимый процессъ формирующагося духа,—и кто остановится навсегда на этомъ моментѣ, тотъ нравственно умираетъ, утрачивая чувство и не возвышаясь до разума. Изъ момента распаденія и двойственности, произведенной разрывающею силою разсудка, долженъ выйдти моментъ примиренія, моментъ новой полноты, новаго единства духа, въ которомъ чувство снова тождественно разуму и разумъ тождественъ чувству. Въ этомъ моментѣ примиренія чувство является просвѣтленное и одухотворенное разумомъ, и человѣкъ снова ощущаетъ въ себѣ ту же ясность и то же невозмущаемое спокойствіе духа, которое было его всегдашнимъ состояніемъ въ дни свѣтлаго младенчества, но въ которомъ теперь онъ уже сознаётъ себя мужемъ, готовымъ противостоять всѣмъ невзгодамъ и бурямъ жизни, не боясь и не смущаясь ихъ. Но это просвѣтлѣніе чувства возможно только черезъ мысль, черезъ знаніе, словомъ—черезъ *умъ*, противъ котораго такъ ожесточенно возстаютъ многіе. Обыкновенно, тѣ, которые нападаютъ на умъ, почитаютъ истинность и благость неотъемлемою принадлежностію чувства, и думаютъ, что чувство никогда не ошибается и не заблуждается. Гру-

бое заблужденіе, которое изъ *разума* дѣлаетъ *инстинктъ*, а изъ *людей животныхъ!* Чувство есть ощущеніе, а ощущенія такъ же бываютъ и благія и злыя, истинныя и ложныя, какъ и мысли. Изъ одного и того же сердца исходитъ и доброе и злое. Когда человѣкъ прощаетъ своему врагу — онъ дѣйствуетъ по внушенію сердца; когда человѣкъ убиваетъ своего врага — онъ дѣйствуетъ опять по внушенію того же самого сердца. Слѣдовательно, сердце требуетъ нравственнаго воспитанія, духовнаго развитія, которое возможно только при посредствѣ разума. Все дѣло тутъ въ томъ, чтобы у неустановившагося человѣка одинъ элементъ не развился на-счетъ другаго и не подавилъ его. Въ чувствѣ заключается и источникъ нашего блаженства и источникъ нашихъ страданій, ибо назначеніе чувства — дѣлать мысль очевидною достовѣрностію, или *возможность дѣйствительностію*. Разумна *возможность* или *мысль* — разумно и *чувство*, и человѣкъ блаженъ имъ; ложна возможность или мысль — ложно и чувство, и человѣкъ страдаетъ отъ него. Но разумность или неразумность возможности (мысли) не зависитъ отъ чувства, — и чувство само-по-себѣ, какъ только чувство, есть не что иное, какъ простое животное ощущеніе, и только выражая мысль, или возбуждаясь мыслію, дѣлается разумнымъ чувствомъ, ибо содержитъ въ себѣ разумную мысль. Если ничтожно-холодное резонёрство, которое всегда богато и обильно словами (формою), но бѣдно и скудно мыслями (содержаніемъ), — то не менѣе жалко и незавидно и пустое чувство безъ содержанія. Человѣкъ *чувствуетъ* не одну истину — онъ чувствуетъ и холодъ, и голодъ, и досаду, — словомъ, все, что чувствуютъ животныя: слѣдовательно, чувство должно наполняться разумнымъ содержаніемъ — мыслію, а это можно дѣлать только чрезъ посредство разума. Предоставленное самому-себѣ, чувство и гаснетъ, и колобродствуетъ не хуже разсудка, и доводитъ человѣка до нравственнаго юродства. Мало того: предоставленное самому-себѣ и чуждающееся разумности, оно бываетъ источникомъ преступленія и злодѣйства. Испанцы, во имя вѣчной любви, страдающей и умирающей для спасенія ея же мучителей, перерѣзали цѣлыя племена и обагрили кровію цѣлую часть свѣта. И это они сдѣлали будто-бы по чувству религіозному, такъ же какъ и основали инквизицію, для - того, чтобы жечь на кострахъ еретиковъ, т. е. людей, признающихъ, кромѣ чувства, еще и разумъ. Германія, въ которой чувство разумности всегда составляло самую рѣзкую черту національнаго характера, помирила чувство съ разумомъ, — и много ли найдется народовъ на земномъ шарѣ, въ которыхъ бы религіозность, нравственность, патріархальное повиновеніе законнымъ властямъ, семейственность, родственность, честность, словомъ, всѣ человѣческія и гражданскія добродѣтели проявлялись съ такою полнотою и рѣзкостію, какъ въ Нѣмцахъ? — Намъ укажутъ на Францію, какъ на жертву *ума* и *безчувствія;* но мы отвѣтимъ, что едвали есть народъ, въ которомъ бы понятіе о чувствѣ и разумѣ такъ рѣзко двоилось, какъ у Французовъ, и что они столько же жертвы чувства, сколько и ума, потому-что тамъ, гдѣ эти два понятія не суть одно и то же, есть только *ощущенія* и *разсудокъ*, но нѣтъ ни *чувства*, ни *разума*. Вообще у насъ доселѣ Французы все еще — примѣръ и образецъ всего на свѣ-

тѣ, потому-что у нас только их и знают: по-этому-то так добродушно и невинно видят въ них представителей и человѣчества и вѣка. При таком взглядѣ, по-неволѣ дойдешь до сознанія, что XIX вѣк гроша не стоит!... А еслибы заглянули къ сосѣдям и Французов и нашим, — то, может-быть, как-нибудь и увидѣли бы, что как XVIII вѣк был вѣком разсудка, а слѣдовательно и матеріализма, так XIX вѣк есть вѣк примиренія всѣх порожденных разсудком противорѣчій — религіи и науки, чувства и разума: словом, торжество духа, просвѣтлившаго собою и природу, и жизнь, и знаніе...

31) Учрежденіе, Призы и Устав о Скачках и Бѣгах Тульскаго Общества Конских Ристаній. *Санктпетербург*. 1839. *Въ тип. III. Отд. Собственной Е. И. В. Канцеляріи. Въ 12-ю д. л.* 18 *стр.*

Учрежденіе въ Россіи третьяго общества (первое лебедянское, второе московское) для умноженія скачек и, слѣдовательно, лошадей чистой крови, есть событіе чрезвычайно-пріятное.

Не будучи ни охотниками, ни знатоками въ лошадях, мы радуемся этому дѣлу, потому-что знаем, как много занимаются скачками во всѣх мѣстах, гдѣ заботятся о разведеніи лучшей породы лошадей, как на-пр. въ Англіи; коннозаводство англійское процвѣтает, и Англичане продают лошадей въ Европу и Америку ежегодно на мильйоны.

Нам, впрочем, часто случалось слышать от знатоков, будто англійскія лошади нехороши, и что ими перепорчены многіе заводы; но мы (может-быть, по незнанію) осмѣливаемся этому не вѣрить. Зная, что всѣ образованныя государства, безпрестанно покупая из Англіи лошадей за огромныя суммы, стараются всѣми мѣрами завести у себя подобных, мы никак не можем рѣшиться повѣрить, чтоб цѣлый свѣт ошибался. Если же нигдѣ не достигли еще до того, чтоб сравниться съ Англичанами въ коннозаводствѣ, то конечно ошибались въ средствах; может-быть, скачка-то и есть настоящее средство къ улучшенію коннозаводства. Съ нѣкотораго времени, за конскія скачки принялись довольно-прилежно и во Франціи, и въ Австріи, и въ Германіи вообще; нам отставать тоже не слѣдует.

32) Табель Переложенія Денег съ Ассигнацій на Серебро, и съ Серебра на Ассигнаціи, по курсу въ 3 руб. 50 коп.

Маленькая тетрадка, которой значеніе и достоинство видны из заглавія. Года и типографіи не означено.

33) Очерки Произведеній Живописи, Скульптуры, Архитектуры и Гравированія. *Изд.* К. Тромонина. *Тетради VI и VII.*

Г. Тромонин, кажется, рѣшительно ограничился предметами чисто-археологическими. Это странно: сдѣлав нѣсколько шагов, издатель уже своротил съ своей дороги, забыл свою цѣль и стал дѣлать совсѣм не то, что вызвался дѣлать. Сначала г. Тромонин хотѣл, как гласит и заглавіе его изданія, знакомить русскую публику съ произведеніями искусства, съ произведеніями художественными, и на прочія вещи, могущія входить въ содержаніе его тетрадей, смотрѣть как на нѣчто совершенно-постороннее, вводимое только для разнообразія, и помѣщать это на послѣдних планах. Теперь выходит иначе. О произведеніях, имѣющих интерес чи-

сто-художественный, теперь почти нѣтъ и помина въ тетрадяхъ г. Тромонина. Итакъ не ужь ли мы ошиблись? не ужьли всѣ радостныя ожиданія, высказанныя нами въ рецензіи о первой тетради, были пустыми мечтами? Предметы, имѣющіе археологическій интересъ, конечно могутъ входить въ составъ этого изданія; но давать имъ первое мѣсто, или, лучше сказать, исключительно помѣщать только ихъ однихъ, значитъ поступать противъ предположеннаго плана и обманывать ожиданія публики.

Какъ бы то ни было, однакожь отдадимъ отчетъ въ содержаніи этихъ тетрадей. Во-первыхъ, снимки съ двухъ изображеній Димитрія Ростовскаго— съ одного, написаннаго графомъ Ротори, съ другаго, писаннаго канцеляристомъ Петромъ Звѣревымъ, съ пояснительными статейками; снимокъ съ портрета Гавріила, митрополита новогородскаго и санктпетербургскаго, — посвященнаго Императору Александру Тихвинскаго Монастыря архимандритомъ Герасимомъ, гравированнаго І. С. Клауберомъ (1809 г.), также съ пояснительными статейками и краткимъ очеркомъ біографій Себастіана-Игнатія, Іосифа - Себастіана, Іоанна-Баптиста Клауберовъ. Родословное древо государей россійскихъ, снятое съ изображенія, находящагося на сводахъ паперти, окружающей съ южной и западной стороны Соборъ Преображенія Господня въ Новоспасскомъ Монастырѣ. Къ очерку приложена статья г. Снегирева, напечатанная уже въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», перепечатанная оттуда въ санктпетербуржскихъ академическихъ и въ «Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ». Здѣсь помѣщена она съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями. Только. — Видно, намъ суждено всегда разочаровываться въ нашихъ литературныхъ надеждахъ!...

34) Описаніе практическаго Употребленія настоящаго Даггеротипа, *изобрѣтеннаго г-мъ Даггвромъ (?). Съ 23 фигурами, изображающими всѣ снаряды, принадлежащіе къ производству опытовъ. Москва. Въ тип. Н. Степанова.* 1839. *Въ 12-ю д. л. 24 стр.*

Вотъ и мы дождались наконецъ даггеротипа, и у насъ уже даггеротипные очерки теперь не рѣдкость. За 50 руб. вы можете купить очень порядочную картинку. А если вы сами захотите испробовать дѣйствія даггеротипа и сами оттиснуть лучами свѣта картинки, то вотъ, возьмите эту книжечку. Въ ней отчетливо и ясно изложенъ весь секретъ. Впрочемъ, если вы не записной охотникъ до подобныхъ вещей, то лучше покупайте прямо изъ магазина картинки, а не пытайтесь дѣлать ихъ сами. Столько хлопотъ, столько приготовленія, столько трудовъ, что, право, нужно имѣть ничѣмъ-неодолимую охоту и самую нѣжную любовь къ новородившемуся младенцу-даггеротипу. Со-временемъ, мы увѣрены, даггеротипъ упростится, получитъ болѣе-важное значеніе, найдетъ болѣе полезныя примѣненія, и будущій вѣкъ будетъ благодарить насъ за это новое завоеваніе въ неосязаемой области свѣта.

35) Очерки Русской Литературы. *Сочиненіе* Николая Полеваго. 1839. *Санктпетербургъ. Въ тип. Сахарова. Двѣ части. Въ 8-ю д. л. Въ І-й части XLIII и* 456, *во II-й —* 510 *стр.*

Г. Полевой не поэтъ и не ученый, но писатель и литераторъ, и притомъ замѣчательный въ полномъ значеніи этого слова. Слишкомъ двадцать лѣтъ дѣйствовалъ онъ на литературномъ по-

поприще, и участіе его въ литературѣ было чувствуемо, видимо и даже богато результатами, которые имѣютъ видъ большей или меньшей заслуги. Теперь поприще его почти кончено: онъ самъ говоритъ это въ предисловіи къ своимъ «Очеркамъ» *(стр. XIV)*. Продолжая дѣйствовать вновь и часто *новымъ* и *особеннымъ* противъ прежняго образомъ, онъ однако отсталъ отъ новаго поколѣнія. Слѣдовательно, для него настало время суда и оцѣнки, словомъ — сознанія.

Ничего нѣтъ труднѣе, какъ судить о произведеніяхъ писателя, разбросанныхъ по журналамъ, или появлявшихся въ разъединенныхъ изданіяхъ, по-штучно: только полное собраніе ихъ даетъ возможность обозрѣть дѣятельность писателя въ ея общности и совокупности и произнести ей сужденіе, подъ вліяніемъ полнаго и цѣлостнаго впечатлѣнія. Самъ г. Полевой понялъ это,—и, сознавая конецъ своего поприща, предпринялъ изданіе своихъ критическихъ статей, разсѣянныхъ по «Телеграфу», «Библіотекѣ для Чтенія» и «Сыну Отечества». Его предупредительность въ этомъ отношеніи такъ велика, что онъ даже озаботился познакомить публику съ своею частною жизнію, и произнести себѣ полную оцѣнку. «Въ романѣ, въ драмѣ, въ исторіи, критикѣ, я всегда былъ одинъ и тотъ же (говоритъ онъ въ предисловіи). *Мечтатель* въ повѣсти, *безпристрастный изслѣдователь* въ исторіи, иногда строгій критикъ *чужаго* произведенія, я ошибался и думалъ, можетъ-быть невѣрно, но никогда не измѣнялъ добру, и никогда не подымалась рука моя сорвать вѣнокъ съ заслугъ, никогда голосъ мой не возвышался противъ дарованія истиннаго» (стр. XIII). Всему этому мы охотно вѣримъ — и какъ не вѣрить, когда насъ увѣряетъ въ этомъ самъ г. Полевой, который себя знаетъ лучше другихъ? — Но мы въ то же время думаемъ, что судъ о себѣ принадлежитъ другимъ, а не самому-себѣ, и что подобныя увѣренія очень-похожи на оправданія въ винѣ, въ которой насъ никто не уличалъ. Особенно интересны и умилительны увѣренія г. Полеваго въ чистотѣ его души и незлобіи сердца—въ томъ, что ему всегда были чужды низкія чувства, каковы зависть, противорѣчіе съ своимъ убѣжденіемъ; что это подтвердятъ втайнѣ самые враги его; что многіе изъ бывшихъ его врагами, узнавъ его покороче, крѣпко жали ему руку и дѣлались его искренними друзьями, и пр. и пр. (стр. IX). И этому всему мы охотно вѣримъ—изъ вѣжливости; но все это пріятнѣе было бы намъ услышать о г. Полевомъ отъ кого-нибудь другаго, чѣмъ отъ него-самого. Не говоря о томъ, что судъ о самомъ-себѣ не всегда бываетъ чуждъ пристрастія, — законы приличія запрещаютъ занимать публичное вниманіе своею особою, а тѣмъ болѣе похвалами ей… Въ одномъ мѣстѣ предисловія откровенность г. Полеваго передъ публикою дошла до того, что онъ признался ей по секрету, что, простивъ всѣмъ своимъ врагамъ, никакъ не могъ простить *четверыхъ*…. (стр. XI). Что сказать обо всемъ этомъ? Гёте безъ зазрѣнія совѣсти говорилъ о себѣ, какъ о геніи — и всѣ вѣрили ему, слушали его съ благоговѣніемъ. Та же исторія была и съ Суворовымъ… Позвольте, позвольте!… Вспоминаемъ… Въ IV № «Сына Отечества» за прошедшій годъ было напечатано умилительное и дружеское посланіе г. Полеваго къ г. Булгарину, въ которомъ г. Полевой говоритъ о себѣ, между прочимъ, слѣдующее: «Ве-

ликій Гёте говорилъ, помнится, Эккерману, что надобно дѣлать что̀ можно и никогда не разсчитывать на великое и огромное, ибо великое и огромное явится само-собою, если только Богъ далъ намъ для него способность. Великій Суворовъ отвѣчалъ кому-то, кто спрашивалъ (его?), какъ онъ могъ одержать столько побѣдъ и сдѣлаться столь великимъ полководцемъ? «Помилуй Богъ, просто: я всегда воображалъ себѣ, что я прапорщикъ и несу голову за первый крестикъ; другіе осторожны, помилуй Богъ — *ретирады, деплоядьы*— а оттого они *хорошіе* полководцы, а *я великій* полководецъ!» Я всегда былъ увѣренъ въ истинѣ словъ Гёте и Суворова, и потому бросался страху прямо въ глаза, увѣренный, что если Богъ далъ мнѣ средства на *великое, великое* явится само-собою» (стр. 111 и 112). Не забудьте, что г. *Полевой*, упоминая о *Гёте* и *Суворовѣ*, говоритъ о своихъ драматическихъ пьесахъ... Что̀ жь тутъ удивительнаго? — Сознаніе собственнаго величія свойственно всякому великому человѣку... Это еще довольно-скромно, а — вотъ былъ на святой Руси человѣкъ, который печатно сказалъ о себѣ: «я знаю Русь, и Русь меня знаетъ». Кто бы, вы думали, былъ этотъ великій человѣкъ?... Конечно, Петръ - Великій, который мощною рукою вдвинулъ Россію во всемірную исторію, указалъ ей въ будущемъ всемірное и первое мѣсто, и тѣмъ измѣнилъ грядущія судьбы цѣлаго міра, цѣлаго человѣчества?... Или Суворовъ, этотъ чудо-богатырь, выигравшій столько же побѣдъ, сколько давшій сраженій, опора и рушитель царствъ, онъ, котораго видѣвшіе еще живы, и который сталъ уже какимъ-то миѳомъ, какимъ-то фантастическимъ героемъ фантастической поэмы?... Или, можетъ-быть, Пушкинъ, въ художественныхъ созданіяхъ котораго бьется пульсъ русской жизни, и котораго поэтическій геній, еще въ его колыбели, крылатая молва народнаго сознанія нарекла великимъ и національнымъ?... Нѣтъ, не *они* сказали о себѣ эту громкую фразу, а все *онъ* же, все господинъ же Полевой... Повторяемъ, тутъ нѣтъ ничего страннаго —тутъ одно только сознаніе своего величія... Намъ, можетъ-быть, возразятъ, что когда подобное сознаніе выговариваетъ о себѣ геній, то выговариваетъ его какъ «власть имѣющій», и потому его сознаніе не только не оскорбляетъ чувство другихъ, но еще и возвышаетъ его; но что, когда въ отвѣтъ ему раздаются смѣхъ и свистки, оно означаетъ неумѣстное самохваленіе; что не всякій—великій человѣкъ, кто только показывается публикѣ съ небритою бородою и въ халатѣ на разпашку, и говоритъ съ нею запросто, какъ свой съ своимъ, и что геніемъ себя сознавалъ не одинъ Гёте, но и Александръ Петровичъ Сумароковъ... Чтобы не заходить далеко, мы не будетъ отвѣчать на это возраженіе, а приступимъ къ дѣлу....

Въ числѣ причинъ, побудившихъ г. Полеваго издать собраніе написанныхъ имъ журнальныхъ статей, было еще и желаніе — оправдаться передъ публикою въ тѣхъ изъ сихъ статей, которыя были напечатаны въ «Библіотекѣ для Чтенія», и которыя были до того измѣнены произволомъ редактора этого журнала, что г. Полевой не можетъ признать ихъ своими. Редакторъ «Библіотеки» своевольно поправлялъ статьи г. Полеваго, урѣзывалъ ихъ, дѣлалъ свои приставки и вставки, которыя состояли въ брани на Гоголя и потѣхахъ надъ всѣмъ, что не нравилось г. редактору... (стр. *XV — XIX*).

Тяжело и грустно говорить о дѣлахъ будто-бы литературныхъ, а между-тѣмъ принадлежащихъ вовсе не къ литературѣ, а къ другому вѣдомству!...

Во всякомъ случаѣ, «Очерки Русской Литературы» г. Полеваго—книга въ высшей степени интересная, достойная полнаго вниманія и стоющая оцѣнки важной и безпристрастной. Г. Полевой можетъ назваться представителемъ мнѣній объ искусствѣ и наукѣ цѣлаго періода нашей литературы. Онъ имѣлъ сильное вліяніе на свое время, произвелъ переворотъ въ мертвой журналистикѣ того времени, оживилъ литературу, далъ быстрое теченіе обмѣну мнѣній, сбавилъ цѣны со многихъ авторитетовъ, не совсѣмъ по праву стоявшихъ слишкомъ-высоко, уничтожилъ множество знаменитостей по преданію и на-кредитъ. Его дѣятельность была многостороння и неизтощима; какъ понималъ, онъ передавалъ русской публикѣ все новое въ Европѣ; ни одно примѣчательное явленіе не ускользнуло отъ его недремлющаго вниманія. Что же онъ въ-самомъ-дѣлѣ, въ чемъ состоятъ его заслуги, до какой степени простирается важность сдѣланнаго имъ, какіе были результаты его дѣятельности, гдѣ ея начало и предѣлы, какое мѣсто долженъ онъ занимать въ нашей литературѣ? — вотъ вопросы, которые мы задали себѣ для рѣшенія при библіографическомъ отчетѣ о книгѣ г. Полеваго. Постараемся рѣшить ихъ безпристрастно — sine ira et studio, какъ говорятъ записные ученые.

Лучшія и примѣчательнѣйшія изъ критическихъ статей г. Полеваго суть — о Державинѣ, Жуковскомъ и Пушкинѣ, представителяхъ русской поэзіи. На эти три статьи можно смотрѣть какъ на сводъ мнѣній и понятій ихъ автора объ изящномъ и русской поэзіи. Въ нихъ онъ высказался весь; это его литературное и критическое profession de foi, въ которомъ онъ вдругъ и разомъ сказалъ все, о чемъ говорилъ каждыя двѣ недѣли на пестрыхъ страницахъ своего журнала въ-продолженіе слишкомъ семи лѣтъ. Статья о Державинѣ—лучшая, о Жуковскомъ — изъ лучшихъ; ихъ и теперь можно читать съ услажденіемъ и пользою. Онѣ отличаются если не всегда глубокимъ, то часто вѣрнымъ и, по-тогдашнему, *новымъ* взглядомъ, множествомъ замѣчаній тонкихъ и дѣльныхъ, изложеніемъ мастерскимъ, увлекающимъ, одушевленнымъ. Никто до г. Полеваго не судилъ лучше о Державинѣ и Жуковскомъ, никто до него не былъ ближе къ истинѣ при оцѣнкѣ этихъ двухъ великихъ представителей русской поэзіи. Особенно въ Державинѣ подмѣтилъ онъ много сторонъ, которыхъ въ немъ никто прежде не подмѣчалъ, указалъ въ немъ на многое, на что прежде никто не смотрѣлъ, и прошелъ основательнымъ молчаніемъ многое, на что дотолѣ всѣ указывали (по привычкѣ и преданію), какъ на самыя могущественныя проявленія великаго генія Державина. Но, со всѣмъ тѣмъ, вполнѣ ли вѣренъ его взглядъ на Державина и Жуковскаго, опредѣлилъ ли онъ положительно ихъ цѣну, мѣру ихъ заслуги, указалъ ли ихъ настоящее мѣсто въ исторіи русскаго творчества?... Нѣтъ, далеко нѣтъ! Все, что ни сказалъ онъ о нихъ истиннаго, вѣрнаго, — все это понято имъ было его непосредственнымъ чувствомъ, и передано, какъ непосредственное чувство: мысль осталась для него недоступною, и потому все, что ни говоритъ онъ, должно принимать на вѣру, увлекаясь живостію и силою изложенія. Слѣдовательно, всѣ его опредѣленія — не больше, какъ *личныя мнѣнія* человѣка, основанныя на личномъ

его чувствѣ, а не опредѣленія, основанныя на самомъ предметѣ изслѣдованія чрезъ постиженіе и развитіе выраженной ими мысли. По-этому, замѣчая и вѣрно схватывая одну сторону, онъ пропускаетъ безъ вниманія другую, впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ-собою, и, слишкомъ-много приписывая Державину, не отдаетъ должной справедливости Жуковскому. По этому же самому, вы безпрестанно встрѣчаете у него ложныя опредѣленія, въ-слѣдствіе предубѣжденій, которыя заключаются не въ личныхъ отношеніяхъ, но въ убѣжденіяхъ и мнѣніи эпохи. Такъ, на-пр., онъ очень-вѣрно подмѣтилъ въ Державинѣ сторону *народности*, которой до него не подозрѣвали въ этомъ поэтѣ. Это заслуга, и заслуга важная! Но сколько упущено имъ изъ вида другихъ сторонъ въ Державинѣ и другихъ вопросовъ о немъ! Онъ говоритъ, что вся жизнь Державина была—борьба между непонимавшимъ себя поэтомъ и мнимо-дѣловымъ человѣкомъ. Прекрасно! но вѣдь это еще только фактъ: какая же мысль скрывается въ этомъ фактѣ? Еслибы эта борьба не отрицалась въ произведеніяхъ Державина, — она была бы явленіемъ эпохи, въ которую онъ жилъ, и въ которую не понимали ни *поэта*, ни *человѣка*, а только *чиновника*; но какъ эта борьба повредила его призванію и отразилась въ его твореніяхъ (совсѣмъ не въ пользу ихъ), — не значитъ ли это, что Державинъ не имѣлъ самостоятельнаго и сильнаго генія творчества, который разрываетъ всѣ стѣснительныя узы временныхъ понятій?... Отъ-чего языкъ Державина такъ недалеко ушелъ отъ языка Ломоносова? Отъ-чего у Державина реторика составляетъ такой основной и необходимый элементъ поэзіи, что у него нѣтъ ни одной вполнѣ-выдержанной пьесы, но каждая представляетъ какую-то смѣсь алмазовъ поэзіи съ стразами реторики?... Намъ скажутъ: «тогдашнія понятія объ искусствѣ, піитика Буало, Баттё» и пр. Милостивые государи, да развѣ во время Шекспира понятія объ искусствѣ были лучше, чѣмъ во время Державина? развѣ тогда также не было непремѣнныхъ требованій толпы отъ поэта? Ичтó же?—только люди, неспособные проникнуть въ организацію художественнаго произведенія и понять значеніе философской мысли, могутъ говорить, что Шекспиръ, изъ угожденія вкусу времени, изпортилъ хотя одно изъ своихъ созданій ненужною вставкою, или выкинулъ изъ него необходимое въ цѣломъ. Геній всегда остается вѣренъ законамъ разума, нисколько не думая и не стараясь имъ слѣдовать. Онъ не слѣдуетъ ничьимъ и никакимъ правиламъ, но даетъ ихъ своими созданіями. Геній всегда начинаетъ собою новую эпоху, являясь съ твореніями въ столь новыхъ формахъ, что никто и не подозрѣвалъ ихъ возможности, — и онъ дѣлаетъ это смѣло, не справляясь съ мнѣніемъ вѣка и толпы. Не для сравненія, а для примѣра, укажемъ на два явленія нашей литературы. Теперь многіе пишутъ и романы и повѣсти въ такъ-называемомъ комическомъ родѣ; изъ множества пишущихъ въ немъ есть даже люди съ большимъ дарованіемъ: ихъ всѣхъ, даровитыхъ и бездарныхъ, называютъ подражателями Гоголя, до котораго, дѣйствительно, никто не писалъ у насъ и даже никто не подозрѣвалъ и возможности такого рода поэзіи. Въ-самомъ-дѣлѣ, возьмите «Вечера на хуторѣ» и «Миргородъ» — и укажите въ европейской, или въ русской литературѣ, хоть что-нибудь похожее на эти *первые опыты молодаго человѣка*, хоть что-нибудь, чтó бы могло натолкнуть его на мысль

писать такъ. Не есть ли это, напротивъ, совершенно-новый, небывалый міръ искусства?... Что̀ въ русской литературѣ могло бы предсказать появленіе «Руслана и Людмилы» и «Кавказскаго Плѣнника»?—Да и самъ Жуковскій, на-счетъ котораго критикъ такъ возвышаетъ Державина,—не началъ ли онъ писать языкомъ такимъ правильнымъ и чистымъ, стихами такими мелодическими и плавными, которыхъ возможность до него никому не могла и во снѣ пригрезиться? Не ринулся ли онъ отважно и смѣло въ такой міръ дѣйствительности, о которомъ если и знали и говорили, то какъ о мірѣ изкаженномъ и нелѣпомъ—въ міръ нѣмецкой и англійской поэзіи? Не былъ ли онъ для своихъ современниковъ истиннымъ Коломбомъ?.. А Державина еще могъ предрекать Ломоносовъ, потому-что, если Державина нѣтъ въ Ломоносовѣ, то весь Ломоносовъ въ Державинѣ... Почему г. критикъ не обратилъ всего своего вниманія на то, что *народнаго* Державина теперь никто не читаетъ, кромѣ записныхъ литераторовъ? Почему такъ странно было бы увидѣть женщину, читающую Державина? А вѣдь истинно-глубокая женщина можетъ читать и понимать Шекспира!.. Не правда ли, что это вопросъ—и очень-важный?... Мы думаемъ, что Державинъ былъ великій и могучій талантъ, но отнюдь не міровой геній, какимъ называетъ его г. Полевой. Въ созданіяхъ Державина вы безпрестанно встрѣчаете могучіе проблески великаго таланта, дивно-роскошныя красоты поэзіи, — но все это порывы, вспышки, перемѣшанные съ рифмованною прозою и реторикою; цѣлаго, которое одно дѣлаетъ произведеніе *художественнымъ*, никогда нѣтъ. Да и какъ ему быть, когда Державинъ лирическія произведенія—эти мгновенные плоды горячаго чувства—писалъ по планамъ, заранѣе-составленнымъ и *обдуманнымъ*?... И что̀ мірового сказалъ Державинъ? Развѣ мысль о тлѣнности всего въ мірѣ,—мысль, которая особенно вдохновляла его, какъ человѣка XVIII вѣка, и еще Русскаго XVIII вѣка?..Державинъ одно изъ самыхъ могучихъ проявленій русскаго духа, чудо-богатырь русской поэзіи; изучать его и отрадно и необходимо—и его изучаютъ тѣ, для которыхъ искусство и исторія искусства есть предметъ изученія. Все, что̀ ни говоритъ о немъ г. Полевой, не есть сужденіе, а только факты для сужденій, факты богатые, дѣлающіе честь критику, но еще ожидающіе сужденія. Критикъ какъ-бы чувствовалъ недоступность для себя мысли, на самой-себѣ основывающейся и изъ себя развивающейся, и потому безпрестанно мѣшалъ *поэта* съ *человѣкомъ*, стараясь одного объяснить другимъ, и отъ воззрѣній отправлялся къ жизни Державина, требуя отъ нея помощи... Вотъ его слова о Державинѣ, въ-родѣ заключительнаго вывода изъ критики: «онъ всюду могущъ, богатъ, звученъ, самобытенъ, великъ и въ самомъ паденіи, поучителенъ въ самыхъ ошибкахъ, необходимъ историку, изучающему Россію XVIII вѣка, поэту, соревнующему славѣ его, юношѣ, который тревожится вдохновеніемъ, ужасается прозы нашей жизни и пустоты нашей поэзіи, старцу, который живетъ воспоминаніями» (*стр.* 83). Не уже ли это оцѣнка, опредѣленіе поэта, а не реторическія фразы? не уже ли это мысль, а не наборъ словъ?...

Еще менѣе удовлетворительна статья о Жуковскомъ. Вообще г. критикъ не благоволитъ къ Жуковскому, но потому-что этотъ поэтъ не соотвѣтствуетъ его личнымъ убѣжденіямъ объ искусствѣ, а не по какому-ни-

будь чувству личности, ибо тонъ всей статьи самый благородный, а во многихъ мѣстахъ видна горячая любовь къ поэту, которою критикъ какъ-бы невольно, вопреки своимъ воззрѣніямъ, увлекается. И какъ не любить горячо этого поэта, котораго каждый изъ насъ съ благодарностію признаетъ своимъ воспитателемъ, развившимъ въ его душѣ всѣ благодарные сѣмена высшей жизни, все святое и завѣтное бытія? Это безпрерывное стремленіе куда-то, это томительное порываніе въ какую-то туманную даль, за которою тускло мерцаетъ заря лучшей жизни; эта вѣчная грусть по какомъ-то недостижимомъ идеалѣ блаженства, тоскливое воспоминаніе о миломъ «прежде», въ которомъ жизнь была такъ прекрасна, такъ полна надеждъ и удовлетворенія; это всегдашнее недовольство настоящимъ, которое богато только утратами и страданіемъ; эта благородная покорность волѣ провидѣнія; эта гордая и твердая вѣра въ вѣчность любви и жизни — *непреходящность того, что выражается въ преходящихъ явленіяхъ міра;* это грустное наслажденіе роскошью прекрасной природы, это всегдашнее прощаніе съ обаятельными радостями земнаго и перенесеніе всѣхъ упованій по ту сторону жизни, *туда*, гдѣ свершеніе всѣхъ обѣтованій души и мистическихъ предчувствій полнаго любви и страданія сердца, гдѣ вѣчная весна, неувядающіе цвѣты радости, гдѣ нѣтъ разлуки съ милымъ: — что это такое, какъ не первое пробужденіе духа, сознавшаго себя духомъ?... И въ какихъ дивныхъ образахъ, прозрачно сотканныхъ изъ волнующихся тумановъ, вечерняго сумрака и алой зари, въ какихъ мелодическихъ звукахъ, — похожихъ то на звуки эоловой арфы, пробуждаемыя дуновеніемъ зефира, то на ропотъ гремучаго ручья, — передалъ намъ ихъ нашъ унылый пѣвецъ?... Есть въ жизни человѣка моментъ, когда онъ вырывается изъ объятій матери-природы, отвергается ея упоительныхъ наслажденій, — и душа его грустить безъ всякой причины къ горю, сердце сжимается страданіемъ, безъ всякой внѣшней причины, — и сладка ему грусть его, и любитъ онъ свое страданіе, и лелѣетъ его, и жаль ему разстаться съ нимъ... Юному человѣку скучно и тѣсно на землѣ, и крыльевъ бы, крыльевъ ему — онъ полетѣлъ бы за ея таинственный занавѣсъ, облетѣлъ бы всѣ эти лучезарныя звѣзды, такъ привѣтливо, такъ родственно манящія его къ себѣ своимъ алмазнымъ блескомъ!... Можетъ-быть, тамъ онъ увидѣлся бы съ какою-нибудь родною ему душою, съ милымъ сердцу, утраченнымъ на землѣ... Что же такое эта кроткая грусть, что же такое это сладкое страданіе? что же такое эта унылая мечта о тихомъ снѣ въ хладныхъ нѣдрахъ земли, — когда же? въ порѣ кипящей надеждами и силами юности, въ порѣ веселія и наслажденія? что же такое это недовольство землею, это томительное, безконечное стремленіе въ ту сторону, которой нѣтъ имени, нѣтъ предѣловъ? — Это пробужденіе юнаго духа, переставшаго быть тѣломъ; это порывъ къ безконечному, это стремленіе къ тому, что скрывается за дѣйствительностію?... Но развѣ оно, это таинственное *искомое*, развѣ оно не въ дѣйствительности, если скрывается внутри ея же явленій? зачѣмъ же эта ссора съ дѣйствительностію, это добровольное отрываніе себя отъ полноты ея прекрасныхъ и полныхъ жизни явленій?... Увы! горе тому, кто не перешелъ черезъ эту добровольную ссору, кто не испыталъ этой тихой грусти, не извѣдалъ этого сладкаго страданія, и не зналъ этого тоскливаго, страстна-

го порыванія *туда, туда,* выше и дальше отъ земли!.. Горе тому, кому не мила была мысль о смерти, кто не любилъ, для -того, чтобы только любить, чья любовь къ женщинѣ не была только грустію, только молитвою, робкая, стыдливая, дѣвственная, безмолвная, чуждая всякаго желанія, смущающаяся отъ встрѣчи съ милымъ взоромъ, отъ тихаго пожатія руки! Да, горе ему: онъ никогда не будетъ человѣкомъ, онъ никогда не узнаетъ дѣйствительности, какъ откровенія таинства жизни, какъ ощущенія безконечнаго блаженства: его дѣйствительность будетъ грубая, матеріальная, практическая, *полезная,* понятная какъ 2×2=4, сухая и пошлая, какъ эта аксіома!... Дѣйствительность не постигается вдругъ и вполнѣ: она открываетъ сначала только свои стороны, какъ крайности и противоположности,—и юный человѣкъ сперва отвлекаетъ отъ нея ея же собственныя стороны, переживаетъ полною жизнію въ ихъ отвлеченныхъ крайностяхъ, а потомъ уже, въ порѣ мужества, мощными объятіями созрѣвшаго разума охватываетъ ее во всей ея слитной полнотѣ и единствѣ. И въ жизни человѣчества былъ такой же моментъ, который длился *двѣнадцать столѣтій:*—мы говоримъ о среднихъ вѣкахъ, о *романтической* юности человѣческаго рода, когда запасался онъ *романтическими* элементами на будущую богатую жизнь. Жизнь есть великое таинство, начиная отъ рожденія и смерти человѣка, отъ сферы его чувствъ и понятій, до явленій природы, до развитія изъ зерна малѣйшей былинки. Для юнаго человѣка вся природа жива, всѣ ея явленія олицетворены, и то благосклонны, то враждебны ему, и онъ то любитъ, то страшится ихъ. Съ ними слиты для него и таинственныя силы, управляющія его судьбами. Онъ олицетворяетъ и природу, и собственныя страсти и чувства, онъ олицетворяетъ и самыя случайности своей жизни,—и милая, прекрасная дѣвушка, найденное дитя, воспитанное среди дикой природы, въ отчужденіи отъ міра и людей, является ему *Ундиной,* сердитый потокъ—ея дядею *Струемъ*... Отсюда выходитъ все фантастическое царство таинственныхъ силъ, мрачныхъ привидѣній и выходцевъ изъ гроба, которыхъ такъ любитъ муза Жуковскаго, часто мѣняющая свѣтлые и прозрачные образы на мрачные и страшные, тихіе, мелодическіе звуки тоскующей любви на скрипъ флюгера на башнѣ замка, на полуночное завываніе совы, свистъ вѣтра и борьбу стихій, предрекающую *недоброе*... Фантастическое есть тоже одинъ изъ романтическихъ элементовъ духа, который долженъ быть развитъ въ человѣкѣ, чтобъ онъ былъ человѣкомъ.—Все это, или почти все это, находитъ г. Полевой отличительнымъ характеромъ поэзіи Жуковскаго, и все это возхищаетъ его въ ней; но все это у него только фактъ, мысль котораго непонятна для него. И потому онъ не можетъ простить Жуковскому отсутствія *народности*... Забавное обвиненіе!... Жуковскій не народный поэтъ, и немногія попытки его на народность были неудачны—правда; но это совсѣмъ не недостатокъ, а скорѣе честь и слава его. Онъ призванъ былъ на другое великое дѣло: осуществить, черезъ поэзію, въ своемъ отечествѣ, необходимый моментъ въ развитіи духа, моментъ, выраженный въ жизни Европы средними вѣками, одухотворить отечественную поэзію и литературу *романтическими* элементами. Жуковскій по-преимуществу *романтикъ,* такъ-какъ Державинъ по-преимуществу *классикъ,* во внутреннемъ значеніи этихъ словъ. Какъ сѣвер-

ное сіяніе, роскошны и величественны картины природы у Державина, но также и *вельшина* и холодны, какъ сѣверное сіяніе. Жуковскій вводитъ васъ во внутреннее святилище природы, дѣлаетъ для васъ слышнымъ біеніе ея сердца, ощутительнымъ теплое ея дыханіе... Въ изображеніяхъ природы у Державина вы не услышете *прозябанія дольней лозы:* Жуковскій вводитъ васъ въ сокровенную лабораторію силъ природы,—и у него природа говоритъ съ вами дружнимъ языкомъ, повѣряетъ вамъ свои тайны, дѣлитъ съ вами горе и радость, утѣшаетъ васъ... Жуковскій выразилъ собою столько же необходимый, сколько и великій моментъ въ развитіи духа цѣлаго народа, — и онъ навсегда останется воспитателемъ юныхъ душъ, полныхъ стремленія ко всему благому, прекрасному, возвышенному, ко всему святому и завѣтному жизни, ко всему таинственному, духовному и небесному земнаго бытія. Недаромъ Пушкинъ называлъ Жуковскаго своимъ учителемъ въ поэзіи, наперсникомъ, пѣстуномъ и хранителемъ своей вѣтреной музы: безъ Жуковскаго Пушкинъ былъ бы невозможенъ и не былъ бы понятъ. Въ Жуковскомъ, какъ и въ Державинѣ, нѣтъ Пушкина, но весь Жуковскій, какъ и весь Державинъ въ Пушкинѣ, и первый едва-ли не важнѣе былъ для его духовнаго образованія. О Жуковскомъ говорятъ, что у него мало своего, но почти все переводное: ошибочное мнѣніе!—Жуковскій поэтъ, а не переводчикъ: онъ возсоздаетъ, а не переводитъ, онъ беретъ у Нѣмцевъ и Англичанъ только свое, оставляя въ подлинникахъ неприкосновеннымъ ихъ собственное, и потому его такъ-называемые переводы очень-несовершенны, какъ переводы, но превосходны, какъ его собственныя созданія. Почему же онъ одинъ изъ всѣхъ русскихъ поэтовъ заимствуетъ у Нѣмцевъ и Англичанъ?—потому, отвѣчаемъ, что тамъ, а не у насъ дома, были средніе вѣка человѣчества, и ихъ, а не наша и не другая какая, поэзія возникла изъ романтическаго искусства. Г. Полевой ставитъ Жуковскому въ вину, что въ его переводахъ изъ Шиллера, изъ Байрона и Гёте одинъ и тотъ же колоритъ: мы видимъ въ этомъ только, что Жуковскій вездѣ былъ вѣренъ самому-себѣ, своей великой идеѣ, своему великому призванію, и ставимъ ему это въ великую заслугу. Отъ всѣхъ поэтовъ онъ *отвлекалъ* свое, или на ихъ темы разъигрывалъ собственныя мелодіи, бралъ у нихъ содержаніе и, переводя его черезъ свой духъ, претворялъ въ свою собственность. Г. Полевой ставитъ Жуковскому въ вину, что онъ не понимаетъ «Гамлета», почитая это великое произведеніе чудовищнымъ и уродливымъ (*слова самого Жуковскаго въ «Телеграфѣ» за* 1827 *годъ,* N 1, *стр.* 25). Опять *фактъ,* необъясненный мыслію! Жуковскій не понимаетъ «Гамлета» и не долженъ—не по недостатку чувства изящнаго, не по недостатку образованія, а по особенному свойству и направленію своего духа: любя Шекспира, онъ отказался бы отъ среднихъ вѣковъ, отъ романтизма, слѣдовательно, отказался бы отъ самого-себя. Кто изъ кипящихъ юношей, въ романтическую пору своей жизни, въ эпоху гордыхъ и высокихъ идеаловъ, не предпочтетъ Шиллера Шекспиру, не поставитъ Шиллера высоко надъ Шекспиромъ? Мало этого: кто изъ юношей не увидитъ въ Шиллерѣ величайшаго художника, и кто изъ нихъ что-нибудь увидитъ въ Шекспирѣ? Почему это? потому-что Шиллеръ поэтъ *романтическій* по-преимуществу, слѣд., поэтъ юности; а что́ для Германіи Ши-

леръ, то для Россіи Жуковскій. И какъ самъ Шиллеръ понималъ Шекспира, если рѣшился перевести его «Макбета» *съ нѣкоторыми перемѣнами!* Шекспиръ — поэтъ новаго времени, новаго искусства—поэтъ не *идеаловъ,* а *дѣйствительности,* и потому его понимаетъ только духъ многосторонній, и не юноши, а мужи. Есть люди, которые на всю жизнь остаются дѣтьми, и есть люди, которые на всю жизнь остаются юношами, не въ пошломъ, а въ высокомъ значеніи этихъ словъ: Гомеръ въ своей «Иліадѣ» младенецъ; нашъ Крыловъ въ своихъ басняхъ младенецъ; Шиллеръ умеръ юношею, хотя по лѣтамъ и давно уже былъ мужъ; Жуковскій и въ глубокой старости останется тѣмъ же юношей, какимъ явился на поприще литературы. Жуковскій односторонenъ — это правда, но онъ одностороненъ не въ ограниченномъ, а въ глубокомъ и обширномъ значеніи этого слова, какъ были односторонни Греки, какъ были односторонни всѣ великіе художники среднихъ вѣковъ, и какъ односторонни новѣйшіе поэты — Шиллеръ, Жанъ-Поль Рихтеръ, Байронъ, которыхъ величіе заключается въ ихъ односторонности, какъ величіе Шекспира и Гёте заключается въ ихъ всеобъемлющей многосторонности. Когда единая и отвлеченная сторона духа есть выраженіе необходимаго момента въ жизни человѣка и человѣчества, — она велика и безконечна: *односторонній* Жуковскій явился органомъ великаго момента духа — романтизма и идеализма въ искусствѣ и въ жизни.

Итакъ, г. Полевой нашелъ въ поэзіи Жуковскаго недовольство земнымъ, стремленіе къ небесному, юношескую мечтательность, идеальную любовь и пр. и пр., что и другіе, больше или меньше, лучше или хуже, находили въ ней; но онъ не сказалъ, что такое это *найденное* имъ, и оно осталось для него *искомымъ.* Такъ-какъ объясненія найденнаго и разхваленнаго имъ въ поэзіи Жуковскаго онъ искалъ не въ философской мысли, а въ своихъ личныхъ мнѣніяхъ, — то это найденное и разхваленное и явилось чѣмъ-то случайнымъ, и слѣдственно, безсмысленнымъ. Удивительно ли послѣ этого, что поэзія Жуковскаго стала у г. Полеваго кругомъ виновата за то именно, чѣмъ онъ въ ней возхищается, слѣдственно *безъ вины виновата?*... Это ли критика? это ли оцѣнка поэта? Задача истинной критики — отъискать въ созданіяхъ поэта общее, а не частное; человѣческое, а не людское; вѣчное, а не временное; необходимое, а не случайное, — и опредѣлить, на основаніи общаго, т. е. идеи, цѣну, достоинство, мѣсто и важность поэта. А то ли сдѣлалъ г. Полевой, такъ много наговоривъ о Жуковскомъ?...

Статью о Державинѣ назвали мы *лучшею,* о Жуковскомъ — *одною изъ лучшихъ;* но о статьѣ о Пушкинѣ рѣшительно не знаемъ, что и сказать. Въ первой, если не видно единой идеи, изъ себя развивающейся, за-то видна общность взгляда, производящая въ читателѣ общность впечатлѣнія; во второй можно догадаться, о чемъ и почему именно-такъ говоритъ критикъ, и въ ея изложеніи много увлекательности и жизни; но въ третьей ничего не поймете, и не встрѣтите ни одного живаго мѣста, ни одного сильнаго выраженія. Это какой-то хаосъ крутящихся понятій, которыя сталкиваются другъ съ другомъ и дерутся, и сквозь нихъ промелькиваютъ такіе іероглифы, которыхъ объясненія должно искать въ журнальныхъ сшибкахъ того времени. Г. критикъ ни въ чемъ не отдаетъ отчета, судитъ по-шемякински, хотя и началъ, по свое-

му обыкновенію, съ вѣчнаго классицизма и романтизма, о которыхъ толки обратились у него въ общія мѣста и сдѣлались такъ же скучны и изтерты, какъ и вѣчныя выраженія покойнаго «Московскаго Телеграфа»: *идти въ рядъ съ вѣкомъ*, и *отстать отъ вѣка*. Чего не найдете вы въ этой статьѣ! И о XIX вѣкѣ, такъ-хорошо-знакомомъ г. критику, и о Байронѣ, и о Викторѣ Гюго! Въ ней даже прочтете вы удивительно-глубокій, необыкновенно-удовлетворительный, хотя и очень-краткій и мимоходомъ-набросанный разборъ одного изъ величайшихъ созданій Шекспира — «Король Ричардъ II». И потому, мы не будемъ разпутывать этой путаницы словъ и фразъ, написанныхъ явно въ безпокойномъ духѣ, — а ограничимся выставкою на видъ только нѣсколькихъ перловъ, съ бѣглыми на нихъ замѣтками (*) Во-первыхъ, мы узнаемъ изъ этой *глубоко-философской* статьи, что Пушкинъ есть представитель XIX вѣка въ русской поэзіи, но именно русской — и не болѣе, но что Пушкинъ — поэтъ, обладающій *дарованіемъ обширнымъ* (!), *душою глубоко-раздражительною* (?), возторженною, *даромъ слова удивительнымъ* (?!); что *карамзинизмъ* повредилъ даже совершеннѣйшему изъ его созданій — «Борису Годунову» (*стр.* 157, 162), что первая глава «Онѣгина» пестра, безъ тѣней (?), *насмѣшлива, почти лишена поэзіи* (?!), *вторая* — впадаетъ въ мелкую сатиру, въ *шестой* поэтъ снова впадаетъ въ прежній тонъ насмѣшки, эпиграмму, и *то же* слѣдуетъ въ седьмой; но что поединокъ Ленскаго съ Онѣгинымъ выкупаетъ все (*стр.* 165); что руссизмъ «Руслана и Людмилы» была та несчастная, щеголеватая народность, *флоріановскій* маперъ, по которому Карамзинъ написалъ «Илью Муромца», «Наталью болрскую дочь» и «Марѳу Посадницу», Нарѣжный — «Славянскіе вечера», а Жуковскій обрусилъ «Ленору», «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ» и сочинилъ свою «Марьину рощу» (стр. 161); что его «Кавказскій Плѣнникъ» *блѣденъ* и *ничтоженъ* (!?), «Бахчисарайскій Фонтанъ» и «Цыганы» *нерѣшительны*, «Евгеній Онѣгинъ» *легокъ* (*стр.* 163). Г. Полевой совѣтуетъ Пушкину (статья была написана въ 1833 году) выкинуть изъ собранія своихъ сочиненій «Дорожныя жалобы» и «Къ Вельможѣ», какъ пьесы, недостойныя его (*стр.* 167)... Какъ жаль, что *Пушкинъ* не послушался *господина Полеваго* и не отрекся отъ «Дорожныхъ жалобъ» — этой пьесы, проникну-

(*) О Пушкинѣ надо или все говорить, или ничего не говорить. Читатели «Отечественныхъ Записокъ» встрѣчали въ нихъ такъ много и такихъ рѣзкихъ отзывовъ о великости Пушкина, какъ поэта, что въ правѣ требовать отъ насъ доказательной и отчетливой оцѣнки его художнической дѣятельности, и потому, при выходѣ послѣднихъ томовъ посмертныхъ сочиненій Пушкина, «Отеч. Записки» представятъ своимъ читателямъ цѣлый рядъ статей объ этомъ поэтѣ, въ которыхъ мы, развивъ значеніе и основанія творчества, перейдемъ къ критическому разбору твореній Державина, Жуковскаго и Батюшкова, какъ предшественниковъ Пушкина, и заключимъ подробнымъ разборомъ твореній самого Пушкина, такъ-что эта критика будетъ вмѣстѣ и очеркомъ исторіи русской поэзіи, тѣмъ болѣе, что въ нынѣшнемъ же году намѣреваемся оправдать, въ особой статьѣ, и наши отзывы о Гоголѣ. Время отзывовъ, въ похвалу или въ порицаніе писателей, проходитъ въ нашей литературѣ: настаетъ время основательной критики, и потому въ одной изъ ближайшихъ книжекъ «Отеч. Записокъ» читатели наши найдутъ отчетливое и подробное оправданіе нашихъ отзывовъ о Марлинскомъ, котораго полное собраніе сочиненій издано въ прошломъ году.

той грустною иронією, этой геніальною шуткою,—и отъ «Вельможи», произведенія, въ которомъ такою мощною и широкою кистію, съ такою полнотою, глубокостію и вѣрностію изобразилъ нашъ поэтъ характеръ, духъ и поэзію, словомъ, творчески воспроизвелъ *идею* русскаго XVIII вѣка, полнаго славы и величія, пировъ и роскоши, сомнѣній ума и жажды наслажденій!... Да, вообще Пушкину много повредило то, что онъ не слушался совѣтовъ и наставленій г. Полеваго... Нѣтъ силъ выписывать его мнѣнія о мелкихъ стихотвореніяхъ Пушкина: не знаешь—смѣяться или сердиться! Повѣрите ли, въ «Андреѣ Шенье» и «Наполеонѣ» г. Полевой видитъ лучшія лирическія созданія Пушкина, и ставитъ ихъ несравненно-выше *Подражаній древнимъ, Подражаній Корану*, и такихъ пьесъ, какъ «Предчувствіе», «Кавказъ», «Трудъ», «Узникъ», «Анчаръ» и даже «Бѣсы»!... Что сказать объ этомъ? Видите ли, въ чемъ дѣло: когда г. Полевой началъ читать, Державинъ былъ уже весь изданъ, и его могучіе звуки первые поразили впечатлѣніями поэзіи душу нашего критика—и статья г. Полеваго о Державинѣ лучшая его статья; Жуковскаго онъ уже изучалъ, потому-что, для понимапія его, долженъ былъ дѣлать себѣ усиліе, отрѣшаться отъ многихъ уже врѣзавшихся въ него одностороннихъ убѣжденій,—и онъ оцѣнилъ его уже менѣе въ-попадъ; но Пушкинъ явился уже совсѣмъ не во-время: онъ опоздалъ для г. Полеваго, или г. Полевой уже опоздалъ для него,—и потому, пока Пушкинъ былъ еще только авторомъ «Руслана и Людьмилы» и «Кавказскаго Плѣнника», пока еще онъ написалъ *только* «Андрея Шенье», «Къ Овидію», «Къ Ч—у», «Наполеона», г. Полевой удивлялся ему, провозглашалъ его *сѣвернымъ Байрономъ, представителемъ современнаго человѣчества*; а когда геній Пушкина началъ мужать и возмужалъ, г. Полевой поспѣшилъ взять назадъ свои критическіе приговоры. Пока «Онѣгинъ» былъ еще недоконченною повѣстію, слѣдственно, не имѣлъ полноты и цѣлости, а основная идея его была еще тайною, — г. Полевой не скупился на похвалы; когда же «Онѣгинъ» явился полнымъ, оконченнымъ, замкнутымъ въ себѣ художественнымъ созданіемъ, въ дивныхъ образахъ выразившимъ глубокую идею,—г. Полевой такъ оцѣнилъ его: «Вотъ послѣдняя глава, конецъ «Онѣгина»! Чѣмъ же кончилась эта *исторія*, сказка или романъ—спросятъ читатели. Чѣмъ?...да чѣмъ обыкновенно кончится все въ мірѣ? И Богъ знаетъ! Иной живетъ лѣтъ восемьдесятъ, а жизни его было всего лѣтъ тридцать. Такъ и «Евгеній Онѣгинъ»: *его не убили*, и самъ онъ еще здравствовалъ, когда поэтъ задернулъ занавѣсъ на судьбу своего героя» («Телеграфъ» 1832, XLIII, стр. 448). За этою *замысловатою* и насмѣшливою оговоркою слѣдуетъ выписка нѣсколькихъ строкъ, *съ приличною похвалою оными!*... А не угодно ли полюбоваться, какъ оцѣнилъ г. Полевой *третью* часть мелкихъ сочиненій Пушкина, которая вышла въ 1832 году, и которая столько же выше первыхъ двухъ, сколько возмужавшій геній выше еще невозмужавшаго? Слушайте — и дивитесь:

Теперь спросимъ у самихъ себя: того ли Пушкина видимъ мы въ *третьей* части его стихотвореній, того ли поэта, котораго полюбила публика наша, и которымъ восхищалась она, читая первыя двѣ части его стиховъ? Повторяемъ, что *въ наружной отдѣлкѣ* онъ все тотъ же: *сладкозвученъ, плѣнителенъ, игривъ* (!?...); но это не творецъ посланія «Къ Ч — ву», «Андрея Шенье», «Наполеона», «Къ Морю», и пр. и пр. Направленіе его, *взглядъ*, самое оду-

шевленіе — совершенно измѣнились. Это не прежній задумчивый и грозный, сильный и пламенный выразитель думъ и мечтаній своихъ ровесниковъ: *это нарядный, блестящій и умный свѣтскій человѣкъ, обладающій необыкновеннымъ даромъ стихотворенія* (*Телеграфъ* 1832. *Ч. LXIII стр.* 570).

Очень-съ хорошо! Это говорится о той *третьей* части, въ которой помѣщены: «Кавказъ», «Обвалъ», «Монастырь на Казбекѣ», «Делибашъ», «На холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла», «Не плѣняйся бранной славой», «Донъ», «Олеговъ Щитъ», «Поѣдемъ, я готовъ», «Когда твои младыя лѣта», «Я васъ любилъ», «Зима. Что дѣлать намъ въ деревнѣ», «Зимнее утро», «Дорожныя жалобы», «Калмычкѣ», «Что въ имени тебѣ моемъ», «Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ», «Въ часы забавъ, иль праздной скуки», «Къ вельможѣ», «Поэту», «Отвѣтъ анониму», «Пью за здравіе Мери», «Пиръ во время чумы», «Бѣсы», «Труды», «Моцартъ и Сальери», «Цыганы», «Мадона», «Эхо», «Клеветникамъ Россіи», «Бородинская Годовщина», «Узникъ», «Зимній вечеръ», «Даръ напрасный», «Анчаръ», «Подъѣзжая подъ Ижоры», «Примѣты», и наконецъ «Собраніе насѣкомыхъ»— стихотвореніе, которое особенно не нравится тонкому и чуткому вкусу нашего критика, но очень-примѣчательное и важное, если подумаешь, какіе есть на свѣтѣ критики!...

Мы передали публикѣ фактъ о критикѣ г. Полеваго — судить и доказывать не будемъ: есть факты, которые сами за себя громко говорятъ. И что̀ же?—Мы очень далеки отъ-того, чтобы подозрѣвать г. Полеваго въ пристрастіи къ Пушкину: есть большая разница между ошибкою въ-слѣдствіе личной враждебности, и ошибкою въ-слѣдствіе простодушнаго невѣдѣнія, или бѣдности эстетическаго вкуса.

Статья о Пушкинѣ въ изданныхъ нынѣ «Очеркахъ» есть разборъ «Бориса Годунова». Какъ же оцѣнилъ г. Полевой это великое созданіе Пушкина?—А вотъ посмотрите: «Прочитавъ посвященіе, знаемъ напередъ, что мы увидимъ *карамзинскаго* Годунова: этимъ словомъ рѣшена участь драмы Пушкина. Ему не пособятъ уже ни его великое дарованіе, ни сила языка, какою онъ обладаетъ» (стр. 184). Теперь ясно и понятно ли, что это за оцѣнка?.. Вотъ, если бы Пушкинъ изобразилъ намъ Годунова съ голоса знаменитой, но недоконченной «Исторіи Русскаго Народа» — тогда его «Борисъ Годуновъ» былъ бы хоть куда, и даже удостоился бы очень лестныхъ похвалъ со стороны «Московскаго Телеграфа»... Вообще, г. Полевой очень не благоволитъ къ Карамзину. Ему даже не нравится слогъ «Исторіи Россійскаго Государства» — эта дивная рѣзьба на мѣди и мраморѣ, которой не сгложетъ ни время, ни зависть, и подобную которой можно видѣть только въ историческомъ опытѣ Пушкина: «Исторіи Пугачевскаго Бунта». Уже только похвалить Карамзина — значитъ попасть подъ опалу г. Полеваго. За что такое неблаговоленіе?—За то, что Карамзинъ своими идеями принадлежалъ къ тому времени, въ которое родился и возпитался, а не къ тому, въ которое умеръ:—забавное обвиненіе! Не знаемъ, потому ли, что мы не доросли до «высшихъ взглядовъ» г. Полеваго, или потому-что переросли ихъ, но только мы видимъ въ Карамзинѣ писателя, оказавшаго великія и безсмертныя услуги своему отечеству, писателя, который выразилъ духъ своего времени, но не заднимъ числомъ, а показавъ его своимъ современникамъ какъ *новое* для нихъ время; а въ г. Поле-

вомъ видимъ дѣятельнаго писателя, обладаемаго больше тревогою, чѣмъ вдохновеніемъ, за все бравшагося и ничего неокончившаго, разрушившаго многія старыя предубѣжденія и не сказавшаго ничего новаго, оказавшаго большія заслуги отрицательно, и никакихъ положительно, наконецъ, критика, который, думая идти наравнѣ съ вѣкомъ, шелъ только наравнѣ съ толпою: толпа хвалила Пушкина — и онъ хвалилъ его; толпа охладѣла къ Пушкину — и онъ охладѣлъ къ нему; смерть Пушкина поразила общее вниманіе — и г. Полевой явился въ «Библіотекѣ для Чтенія» съ статьею о Пушкинѣ, въ которой много наговорилъ общихъ реторическихъ мѣстъ о *поэтѣ* и *человѣкѣ*, а ровно ничего не сказалъ о Пушкинѣ....

Да, г. Полевой опоздалъ для Пушкина: удивительно ли, что Гоголь для него — темна вода во облацѣхъ?... Всему свое время и своя череда, — и счастливъ тотъ, кто, во-время начавъ, умѣлъ и во-время кончить!...

Пропускаемъ статьи, неотносящіяся къ искусству, и укажемъ на послѣднюю въ I-й части «Очерковъ» — разборъ «Двумужницы» кн. Шаховскаго. Кто помнитъ этотъ разборъ, тотъ знаетъ, что г. Полевой судилъ заслуженнаго нашего драматурга за «Двумужницу» какъ за уголовное преступленіе противъ искусства, что онъ даже передразнилъ его, тутъ же написавъ злую пародію на его пьесу. Конечно, пьеса кн. Шаховскаго произведеніе не художественное, не превосходное, но и не безъ достоинствъ, а главное — она рѣшительно выше всѣхъ опытовъ г. Полеваго въ драматической поэзіи, начиная отъ его дюсисовской передѣлки шекспирова «Гамлета» и оригинальной трагедіи «Уголино» до «Ужаснаго Незнакомца», неимѣвшаго никакаго успѣха на сценѣ. Какъ помирить это противорѣчіе?.. Мы жалѣемъ, что г. Полевой, за критикою «Двумужницы», не помѣстилъ тотчасъ своего письма къ г. Булгарину («Сынъ Отечества.» 1839 N IV.), въ которомъ онъ высказалъ свои понятія о драматической поэзіи и о своихъ трудахъ по этой части. Не знаемъ, какъ сообразить и согласить взглядъ его на произведеніе князя Шаховскаго и на его собственныя созданія въ драматическомъ родѣ!... Взглянемъ на это письмо, чтобы поправить упущеніе г. Полеваго, ненапечатавшаго его рядомъ съ критикою «Двумужницы». Это тѣмъ болѣе необходимо для насъ, что можетъ быть окончательною оцѣнкою г. Полеваго, какъ критика, и окончательнымъ разборомъ его критическихъ основаній.

Поводомъ къ этому письму г. Полеваго къ г. Булгарину былъ разборъ какого-то драматическаго отрывка г. Полеваго, написанный г. Булгаринымъ, который, между прочимъ, очень дѣльно, основательно и безпристрастно опредѣляетъ литературную дѣятельность г. Полеваго слѣдующимъ образомъ:

Почтенный Н. А. Полевой пишетъ, какъ говорятъ, полосами. О чемъ рѣчь въ публикѣ, за то принимается почтенный Н. А. Полевой. Была эпоха журналовъ, Н. А. издавалъ журналъ; была мода на шеллингову философію и политическую экономію — онъ писалъ о философіи и политической экономіи. Настала мода на романы, онъ сталъ писать романы. Альманахи ввели въ моду оригинальныя повѣсти — Н. А. Полевой сталъ писать повѣсти. Заговорили объ исторіи — вотъ есть и исторія; наконецъ, вкусъ высшаго сословія и публики явно обратился къ театру, и Н. А. Полевой пишетъ трагедіи, драмы, драматическія представленія, драматическія были и водевили. Пишетъ онъ такъ много, что мы не можемъ постигнуть, когда онъ выбираетъ время, что-

бы читать и учиться! Н. А. Полевой человѣкъ умный и *удивительно смышленый*. Онъ не можетъ написать ничего рѣшительно дурнаго, а между-тѣмъ, написалъ онъ много хорошаго. Что онъ ни напишетъ, во всемъ пробивается то талантъ, то сметливость, то ловкое подражаніе, *и все приноровлено къ понятіямъ* большинства.

Эта безпристрастная и вѣрная оцѣнка, съ которою мы вполнѣ согласны, какъ-будто бы она была произнесена самими-нами, заключается такъ:

Невозможно быть безпристрастнѣе насъ къ Н. А. Полевому, и, *не взирая на прошедшее*, мы всегда отдаемъ справедливость его таланту, уму, трудолюбію, а болѣе всего *его сметливости, въ которой онъ не имѣетъ равнаго въ нашей литературѣ*.

Не будемъ разбирать всѣхъ возраженій г. Полеваго, написанныхъ въ отвѣтъ на это безпристрастное и вѣрное мнѣніе о немъ г. Булгарина, но обратимъ вниманіе только на два, въ которыхъ самымъ рѣзкимъ-образомъ выразились понятія г. Полеваго о наукѣ и искусствѣ. Г. Полевой, доказывая, что онъ шелъ не за другими, а впереди другихъ, такъ говоритъ о своихъ отношеніяхъ къ философіи и политической экономіи: «Я усердно споспѣшествовалъ той и другой наукѣ, *ознакомившись съ ними при самомъ началѣ моего литературнаго поприща*, и не только не отвергаюсь ихъ теперь, но увѣренъ, что для прочнаго образованія, какого угодно, *обѣ науки* должны быть положены краеугольнымъ камнемъ въ основаніи: одна какъ зерно всѣхъ идей человѣческихъ, другая какъ важнѣйшее дополненіе исторіи, какъ необходимое знаніе въ практической жизни, которымъ разрѣшаются важнѣйшіе вопросы общественные» (С. О. 1839 *N*. IV. стр. 107). Какая поверхностность и сколько сбивчивости, противорѣчій и ложности въ этихъ немногихъ строкахъ! Когда и чѣмъ споспѣшествовалъ г. Полевой успѣхамъ философіи? и какъ онъ могъ споспѣшествовать ей, не зная ея, но повторяя о ней фразы, взятыя на выдержку изъ французскихъ журналовъ! Онъ говоритъ, что ознакомился съ нею при самомъ началѣ своего литературнаго поприща: это, вѣрно, передъ изданіемъ «Московскаго Телеграфа»! Вотъ что̀ значитъ заблаговременно запастись нужнымъ матеріаломъ! Но мы этому рѣшительно не вѣримъ, потому-что философіею нельзя заниматься только въ извѣстное время и къ извѣстному сроку: должно посвятить ей всю жизнь свою, или совсѣмъ за нее не браться; философію можно изучать, но нельзя ее выучить; ибо философія есть не только зерно, какъ говоритъ г. Полевой, но и развитіе идей, какъ разумно-необходимой *возможности* всего сущаго, ставшаго явленіемъ въ природѣ и въ исторіи, сознаніе той сферы сверхъ-чувственнаго и сверхъ-опытнаго, гдѣ бытіе равно небытію, возможность равна явленію . . . Кто началъ изучать философію, тотъ никогда не остановится въ этомъ изученіи: иначе никогда не сниметъ съ дѣйствительности таинственнаго покрывала Изиды. По-этому, ничего нѣтъ забавнѣе тѣхъ господъ, которые, вмѣсто: «я *изучилъ* Шеллинга» говорятъ: «я *прочелъ* Шеллинга», или которые говорятъ: «я знаю философію и могу говорить о ней, потому-что *тогда-то* учился ей». Первые изъ этихъ господъ, т. е. тѣ, которые не *изучаютъ*, а *перелистываютъ* Шеллинга, похожи на дѣтей, для которыхъ сѣсть верхомъ на палочку и скакать на лошади—все равно, и которыя, сѣвъ верхомъ на палочку, легко могутъ увѣрить себя, что они стремглавъ несутся на рьяномъ конѣ. Вторые изъ этихъ господъ похожи на какого-нибудь Кутейкина, который, вспомнивъ *оное* блаженное

время, когда онъ, убояхся бездны премудрости, возвратился вспять, говоритъ съ полнымъ убѣжденіемъ: «я твердо выучилъ философію — инда и теперь помню». Потомъ, скажите, Бога ради, какимъ-образомъ политическая экономія стала объ-руку съ философіею — наукою наукъ, — какъ равное ей знаніе? Если политическая экономія есть наука, а не опытное знаніе, то она должна только основываться на философіи, занимая свое мѣсто въ энциклопедіи философіи, но отнюдь не тягаться въ равенствѣ съ нею. Ктò листъ противопоставляетъ дереву, окошко или печную трубу — зданію, особенно, если это дерево — кедръ, и это зданіе — храмъ?... А чтò такое значитъ фраза г. Полеваго, что «политическая экономія есть важнѣйшее дополненіе исторіи»? Теорія развитія народнаго богатства, безъ-сомнѣнія, должна занимать и интересовать историка, какъ *одна* изъ *многихъ* сторонъ его предмета, но чтобы политическая экономія была какимъ-то дополненіемъ исторіи — это такъ непонятно, что, для уразумѣнія подобной загадки, надо *перелистовать* Шеллинга и *выучить* философію ...

Изъ этого можно видѣть, что г. Полевой не только глубоко знаетъ философію и политическую экономію, но и, дѣйствительно, много споспѣшествовалъ ихъ успѣхамъ въ нашемъ отечествѣ ...

Теперь бросимъ взглядъ на понятія г. Полеваго о драматической поэзіи.

Въ то же грустное время жизни, когда *я*, сочиняя «Аббаддонну» (подлинно-грустное, судя по роду развлеченія!), Шекспиръ, *старый другъ мой, соблазнилъ меня* переводить «Гамлета» (вотъ ужь подлинно *соблазнитель* на свою же погибель!) и привесть притомъ въ исполненіе мысль мою о сценической передачѣ его твореній (стр. 110). Публика лучше журналистовъ и теоретиковъ поняла дѣло, и это рѣшило меня на драматическій опытъ еще, а потомъ на другой и на третій опытъ (ibid).

Эти немногія строки многимъ радуютъ душу читателя — и тѣмъ, что Шекспиръ другъ г. Полевому, и тѣмъ, что г. Полевой хочетъ передать на русскій языкъ всѣ произведенія своего друга; но гдѣ же доказательства того, что публика поняла дѣло? не уже ли въ томъ, что она вызвала переводчика, какъ она вызываетъ всѣхъ передѣлывателей французскихъ водвилей? или въ томъ, что, возхищенная игрою Мочалова и Каратыгина, часто смотрѣла на нихъ въ роли Гамлета, не смотря на изкаженный и облизанный переводъ, крайне-дурную постановку и выполненіе пьесы?... Потомъ, какое отношеніе имѣютъ къ переводу драмы Шекспира и собственныя театральныя издѣлія г. Полеваго? Не уже ли то и другое — *драматическій опытъ*? Какъ? «Гамлетъ» Шекспира — и «Уголино» и «Ужасный Незнакомецъ» г. Полеваго — драматическіе опыты?... Какъ?... Но... Извините — мы и забыли, что г. Полевой съ Шекспиромъ за-просто — свои люди, сочтутся сами; а наше дѣло — сторона ...

Не буду пересказывать здѣсь исторію *драмы* и *сцены*, и, думаю, вы согласитесь безъ дальнѣйшихъ доказательствъ, что нашъ вѣкъ не сыскалъ еще современной ему драмы...

Каково предложеніе? Согласиться, безъ дальнѣйшихъ доказательствъ, что нашъ вѣкъ не сыскалъ еще современной драмы, и перебивается чужою? Не все ли это равно, что попросить кого-нибудь согласиться, что $2 \times 2 = 5$, а не 4?.. . Въ XIX вѣкѣ знаменитѣйшія драмы — Шиллера и Гёте. Дѣло ясно: если эти драмы *художественны*, то зачѣмъ же ему, нашему вѣку, мимо драмъ, которыя у него *есть*, искать драмъ, которыхъ у него *нѣтъ*?

Отъ добра добра не ищутъ, говоритъ мудрая русская поговорка. Если же драмы Шиллера и Гёте не художественны, а другихъ художественныхъ не является: значитъ, ихъ нѣтъ, а «на нѣтъ и суда нѣтъ», говоритъ другая мудрая русская поговорка. Не смѣшно ли искать того, чего нѣтъ?...

«.....а русская словесность и сцена еще менѣе сыскала ее. Какая должна быть *современная* драма? Какая должна быть драма у каждаго народа? И даже должна ли быть отдѣльная драма русская, французская, нѣмецкая?

Чтó за глубокіе вопросы! на днѣ ихъ и свѣта не видно!... Русская сцена нашла современную драму-комедію *отчасти* въ «Горе отъ Ума» Грибоѣдова и *вполнѣ* въ «Ревизорѣ» Гоголя. Конечно, это еще одна сторона сцены, и этого еще немного; но вопросъ не въ количествѣ, а въ сущности, въ первообразѣ предмета. Русская же словесность нашла свою современную драму *отчасти* въ «Горе отъ Ума» Грибоѣдова и *вполнѣ* въ «Борисѣ Годуновѣ», въ «Сальери и Моцартѣ», «Скупомъ Рыцарѣ», въ «Русалкѣ», въ «Каменномъ Гостѣ» Пушкина, и въ «Ревизорѣ» Гоголя. «Какая должна быть современная драма»? спрашиваетъ г. Полевой: вотъ предостолюбезный вопросъ! Право, подобные вопросы напоминаютъ нѣжныхъ супруговъ, которые до слезъ спорятъ — одинъ, что у нихъ родится сынъ, а другая, что у нихъ родится дочь ... Такія вещи не выводятся a priori, и стремленіе выводить ихъ, равно какъ и историческіе факты въ будущемъ—не философія, а философическое пересыпаніе изъ пустаго въ порожнее. У отца есть сынъ—и онъ можетъ сказать, каковы наружность и характеръ его сына; но если этотъ сынъ его ожидается, то всѣ вопросы о его наружности и характерѣ будутъ походить на вопросъ: «какова должна быть русская драма?» Если поименованныя нами драматическія произведенія Грибоѣдова, Пушкина Гоголя г. Полевой почитаетъ художественными, то онъ уже долженъ знать, какова должна быть русская драма; если же онъ не признаётъ ихъ художественными, то всѣ его усилія рѣшить этотъ вопросъ будутъ походить на усилія человѣка, который желаетъ разгадать, чтó будетъ находиться черезъ-пять тысячь лѣтъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ его домъ. Въ мышленіи немаловажная задача опредѣлить—чтó можетъ и чтó не можетъ быть мыслимо. Чтó же касается до вопроса, должна ли быть отдѣльная драма, русская французская, нѣмецкая,—мы можемъ утвердительно отвѣчать г. Полевому на этотъ *важный* и *глубокій* вопросъ: должна, непремѣнно должна... еще разъ, тысячу, милліонъ разъ—*должна*, но должна съ условіемъ, чтобы прежде, нежели быть русскою, французскою или нѣмецкою драмою — быть *художественною* драмою. Послѣднее условіе гораздо важнѣе перваго: если соблюдено это послѣднее, то первое, безъ всякихъ усилій и хлопотъ со стороны поэта, исполняется самособою. Если «Борисъ Годуновъ» Пушкина не художественная драма, то она и не русская и никакая драма; а если художественная, то необходимо и русская, потому-что написана русскимъ поэтомъ, на русскомъ языкѣ, да и самое содержаніе ея взято изъ русской исторіи.

Я увѣренъ, что современная намъ драма не осуществлена ни французскими классиками (*пора увѣриться!*...) и романтиками (*пора!*), ни германскою драмою Гете (*вотъ какъ!*...), Шиллера, Вернера, Грилльпарцера, Мюльнера, и что Шекспиръ *цѣликомъ* также не современная наша драма (*на колѣни, читатели!*...), какъ *цѣликомъ* Кальдеронъ, Софоклъ и Корнель. Далѣе

идетъ другой рядъ вопросовъ о соглашеніи *нашей драмы*, сообразной правамъ, понятіямъ, образованію (*чьимъ?*) съ идеею *современной драмы вообще*. Накопецъ, третій рядъ вопросовъ о примиреніи *сцены* съ *драмою*, или *теоріи* съ *практикою*.

Превозходно! Во-первыхъ, что̀ за чудное смѣшеніе именъ: Гёте и Шекспиръ перемѣшаны съ Грилльпарцерами, Вернерами и Мюльнерами; Кальдеронъ и Софоклъ — съ Корнелемъ; о французскихъ классикахъ романтикахъ говорится вмѣстѣ съ Гёте, Шекспиромъ и Софокломъ!... Далѣе, каковы понятія объ органической цѣлости и художественной замкнутости изящныхъ произведеній: Шекспиръ и Софоклъ *цѣликомъ* не годятся, а ихъ надо обливывать и уродовать, или по-крайней-мѣрѣ, передѣлывать, какъ на-пр., передѣланъ «Гамлетъ» Дюсисомъ, и гг. Сумароковымъ, Висковатовымъ и Полевымъ!... Втораго и третьяго ряда вопросовъ мы совершенно не понимаемъ, какъ-будто-бы они были изложены на китайскомъ языкѣ. «Все это вопросы важные, и, можетъ-быть, да и, кажется, навѣрное мы умремъ, не рѣшивши ихъ» — заключаетъ г. Полевой. Жаль, очень жаль! А вопросы, дѣйствительно - важные — право-съ! Бога ради, рѣшайте ихъ поскорѣе, г. Полевой! Вѣдь вы ихъ *сочинили*, вы ихъ и решайте, а наше дѣло — сторона.

И г. Полевой рѣшаетъ:

Но что же намъ дѣлать: сложить руки и сидѣть? Нѣтъ, надобно начать рѣшеніе, положить отъ себя нѣсколько данныхъ, къ которымъ потомъ приложить еще. Начать рѣшеніе должно *думая теоретически*, и *дѣлая практически*...

Видите ли: ларчикъ просто открывался! У насъ нѣтъ драмы, такъ *сдѣлаемъ* драму, вмѣсто того, чтобы сидѣть сложа руки. Положимъ, что теперь зима и на дворѣ свирѣпствуютъ *морозы*, а намъ нужно, чтобы у насъ цвѣли *розы*. Но розы въ это время не цвѣтутъ; что̀ жъ! еще небольшое горе: вмѣсто того, чтобы сидѣть сложа руки, мы пошлемъ въ магазинъ, гдѣ дѣлаютъ изъ тканей какіе-угодно цвѣты и розы; вотъ мы и съ розами, да еще съ такими, которыя никогда не увядаютъ, а развѣ только рвутся и пачкаются. Каковы понятія о творящей силѣ природы! нѣтъ ароматической красавицы, пышной царицы садовъ — сдѣлаемъ ее изъ тряпокъ!... Каковы понятія о творящей силѣ художественнаго духа: у насъ нѣтъ драмъ Шекспира, — такъ есть драмы друга его, г. Полеваго!...

Примемся за опыты: одна теорія недостаточна нигдѣ — въ этомъ я увѣренъ, а одной практики также мало. Думать о драмѣ и сценѣ имѣлъ я время, принимаясь за ихъ практику на *сороковомъ* году отъ рожденія, изучивъ предварительно исторію ихъ у всѣхъ народовъ.

Ну, господа̀, давайте, пріймемся всѣ за работу, а чтобы она шла успѣшнѣе, раздѣлимся на двѣ половины: одна будетъ дѣлать теорію лучшаго сорта... другая — самыя отличнѣйшія драмы, то-есть, практику-съ. Хорошо; но вотъ условіе — sine qua non: кто не имѣлъ счастія дожить до полныхъ сорока лѣтъ, того мы не пріймемъ въ члены нашей драматической фабрики. Пусть это будетъ напоминать злую сатирическую статейку г. Полеваго «Общество беззубыхъ Литераторовъ»; но что̀ до этого! Конечно, оно будетъ немножко-смѣшно, но за-то очень-полезно: у насъ будетъ теорія и практика... Не пугайтесь также необходимости предварительнаго изученія драмы у *всѣхъ* народовъ: дѣло не такъ страшно, ка̀къ кажется. Можетъ-быть, вы слишкомъ-добросовѣстны, и вамъ кажется недостаточнымъ всей жизни для свершенія подобнаго подвига: увѣряю васъ, что это излишняя робость. Научи-

тесь изъ примѣра г. Полеваго, что подобный подвигъ можно совершить между другими гораздо-важнѣйшими дѣлами, какъ-то: изученіемъ философіи Шеллинга, политической экономіи, изученіемъ всѣхъ литературѣ въ мірѣ, изданіемъ журнала, сочиненіемъ разныхъ исторій въ нѣсколькихъ томахъ, сочиненіемъ нѣсколькихъ романовъ, множества повѣстей, безчисленнаго множества журнальныхъ статей. Для этого даже не нужно ни глубокаго эстетическаго чувства, ни глубокихъ познаній, ни даже какихъ-нибудь понятій объ искусствѣ: гораздо-нужнѣе всего этого отвага и самоувѣренность...

И все, что до-сихъ-поръ отдано мною на сцену, *я не* считаю ни чѣмъ другимъ (о, грамматика! о православный русскій языкъ!— что съ вами дѣлаютъ?...), какъ только *добросовѣстными* опытами, игрою va banque на мою литературную извѣстность (Очень-съ скромно!) Не мнѣ судить себя (вотъ ужь это напрасно-съ!), но признаюсь (а!... а!...), не могу не порадоваться нѣкоторымъ успѣхамъ моихъ опытовъ, хотя приписываю ихъ снисхожденію публики только за *искренность* трудовъ моихъ, которую она вполнѣ оцѣняетъ, и которая можетъ многое замѣнить въ писателѣ (умѣренность и аккуратность!). Опыты мои были разнообразны: въ «Уголино» мнѣ *хотѣлось испытать на сценѣ* идею судьбы, ожививъ ее религіознымъ духомъ; въ «Дѣдушкѣ Русскаго Флота» — очеркъ исторической картины и русское народное чувство (*хотѣлось испытать на сценѣ* — очеркъ исторической картины и русское народное чувство!); въ «Иголкинѣ» — простое изображеніе фанатическаго чувства любви къ отечеству, безъ всякихъ декорацій сценическихъ (*хотѣлось испытать на сценѣ* — простое изображеніе фанатическаго чувства любви къ отечеству, безъ всякихъ декорацій сценическихъ!); въ «Смерти или Чести» — нѣмецкую Trauerspiel и предѣлъ перехода изъ повѣсти въ драму (??!!..); въ «Русскомъ Человѣкѣ» — сцену, сведенную на самыя простыя событія и чувства ежедневныя, въ которыхъ многіе не находятъ предмета для художника (Не забывайте, что г. Полевой — художникъ!...). Такъ, въ одномъ изъ новыхъ приготовляемыхъ мною для сцены опытовъ моихъ, подъ названіемъ «Ода Премудрой Царевнѣ Фелицѣ» мнѣ хотѣлось бы показать *поэтическую сторону прозаической жизни Державина;* въ другомъ «Еленѣ Глинской» испытать бытъ русской старины въ идеалѣ художника (?); въ третьемъ «Стрѣшневѣ» — простое изображеніе русскаго быта и опытъ на сценѣ языка нашихъ предковъ; въ «Эспаньолетто» *попытаться на сѣверѣ на изображеніе итальянскихъ страстей;* въ «Прасковьѣ Ляпуновой» *опять* (?) коснуться простаго изображенія любви дѣтской, которая провела простую дѣвушку изъ снѣговъ Сибири къ царскому престолу, для испрошенія милости виновному отцу ея.

Читаешь — и глазамъ не вѣришь! Точь-въ-точь, какъ-будто читаешь сводъ предисловій Виктора Гюго къ его драмамъ: тутъ я хотѣлъ высказать такую мысль; здѣсь я задалъ себѣ для разрѣшенія такую-то задачу; тамъ хотѣлъ доказать неоспоримость такого-то положенія,—какъ-будто поэзія все равно, что математика! какъ-будто поэтъ можетъ повелѣвать своимъ вдохновеніемъ!... Только предисловія Виктора Гюго изложены покрасивѣе, въ-отношеніи къ языку если и отличаются *таковою* же мыслительностію... Жаль только, что при сей вѣрной оказіи, г. Полевой не повторилъ, что онъ предпринялъ столько полезныхъ трудовъ изъ глубокаго убѣжденія, что драмы Шиллера и Гёте, ни самого Шекспира *цѣликомъ*, не годятся для нашего времени, и изъ великодушнаго желанія помочь вѣку въ его горѣ...

И вотъ вамъ сводъ литературныхъ убѣжденій г. Полеваго и его понятій объ искусствѣ... Удивительно ли, что онъ такъ вѣрно оцѣнилъ Пушкина и такъ хорошо понялъ Гоголя?... Больше мы ничего не скажемъ, и не будемъ выводить заключенія изъ нашей рецензіи, которая, противъ нашей воли, и безъ того вышла слишкомъ длинна. Пусть по тому, что сказали мы, судятъ о томъ, что хотѣли мы сказать; а кому этого мало, то — до слѣдующихъ двухъ томовъ «Очерковъ»: еще будетъ о чемъ поговорить и что сказать, а сказанное пусть пріймется только за предисловіе...

---

2. КНИГИ, ИЗДАННЫЯ ВЪ РОССІИ НА ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКАХЪ.

1) Aux Ditracteurs de la Russie (Клеветникамъ Россіи) *traduit de* Pouschkine *par le traducteur du* Чернецъ. Moscou. *De l'imprimerie d'Auguste Semen, imprimeur de l'Académie impériale medico-chirurgicale.* Въ 12-ю *д. л.* 9 *стр.*

Взяться за переводъ великаго произведенія великаго поэта и сдѣлать изъ него обыкновенное произведеніе совсѣмъ невеликаго поэта,—это еще не есть преступленіе. Но передѣлать великое произведеніе по-своему, вставить въ передѣлку порожденія собственной бѣдной фантазіи, благородную простоту подлинника замѣнить шумихою фразъ, а энергію и краткость — водянымъ потокомъ словъ безъ содержанія, — воля ваша—тутъ негодованіе рецензента очень-понятно и умѣстно. Вотъ, на-примѣръ, эта новая неудачная попытка перевести на анти-поэтическій французскій языкъ безсмертное созданіе Пушкина «Клеветникамъ Россіи», ужь никакъ не возбудитъ въ насъ ни досады, ни оскорбленія, — и мы обойдемся съ нею кротко и ласково, чтобы не дѣлать изъ мухи слона. Переводчикъ, по-крайней-мѣрѣ, поступилъ съ Пушкинымъ добросовѣстно: не позволялъ себѣ ни выпускать, ни прибавлять отъ себя, близко держался подлинника и только по невозможности бороться съ великаномъ поэзіи и по бѣдности французскаго языка передъ русскимъ иногда принужденъ былъ одинъ стихъ Пушкина переводить двумя или болѣе, а почти всѣ энергически-поэтическія выраженія подлинника замѣнять хотя простыми, но тѣмъ не менѣе реторическими фразами, сбивающимися на общія мѣста.

Пушкинъ *говоритъ:*

> О чемъ шумите вы, пародные витіи?
> Зачѣмъ анаѳемой грозите вы Россіи?

Переводчикъ *разговариваетъ:*

> Pourquoi donc tout ce bruit, orateurs populaires?
> Pourquoi tout ce courroux, ces bravades guerrières?
> Pourquoi contre le Russe une telle fureur?
> D'où vient de vos esprits la belliqueuse ardeur?

Во-первыхъ, на два стиха четыре, изъ которыхъ два послѣдніе совершенно-лишніе; во-вторыхъ, *tout ce bruit*, совсѣмъ не то, что «шумите»—слово, выражающее негодованіе, презрѣніе, сарказмъ.

Не пускаясь въ частности, дадимъ общее понятіе о переводѣ, выписавъ цѣлое мѣсто:

> Cessez: vous ignorez tous nos anciens débats,
> Vous fûtes étrangers à nos sanglants combats.
> Les ruines du Kremlin, et de Prague les flammes
> Sont muettes pour vous, n'émeuvent point vos âmes.
> Follement vous séduit la téméraire ardeur
> Du désespoir: et nous, nous vous faisont horreur
> Pourquoi donc? répondez: serais-ce pas peut-être
> Pour avoir repoussé la volonté d'un maître
> Qui vous faisait trembler et *dont l'ambition*
> *Voulut forger des fers à nôtre nation*?
> Ou pour avoir vaincu dans la lutte inégale
> Sur les murs tout fumants de nôtre capitale
> Serait-ce pour avoir fait rentrer au néant
> Un despote encensé par tout le continent?
> Ou pour avoir d'un sang, versè pour la patrie,
> Delivré de son joug l'Allemagne asservie,
> Serait-ce pour avoir brisé les honteux fers
> Qui tenaient enchainés tant de peuples divers?...

Что хочетъ сказать этотъ скромный, какъ-будто умоляющій, голосъ? Не уже ли эти громовыя слова благороднаго негодованія и смѣлой угрозы не какого-нибудь человѣка, хотя-бы и Пушкина, а цѣлаго великаго народа?—

> Оставьте насъ: вы не читали
> Сіи кровавыя скрижали;

Вамъ непонятна, вамъ чужда
Сія семейная вражда;
Для васъ безмолвны Кремль и Прага;
Безсмысленно прельщаетъ васъ
Борьбы отчаянной отвага —
И ненавидите вы насъ . . . .
За чтожъ? отвѣтствуйте: за то ли,
Что на развалинахъ пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, предъ кѣмъ дрожали вы?
За то ль, что въ бездну повалили
Мы тяготѣющій надъ царствами кумиръ
И нашей кровью искупили
Европы вольность честь и миръ?

2) Epitre en vers au prince de Varsovie comte Paskevitch d' Erivan. 1826—1831. *Par le prince* Nicolas Galitzin. *St. Petersbourg, de l'imprimerie de Charles Kray.* 1839. *Въ 8-ю д. л.* 13 *стр.*

Epitre по-русски значитъ посланіе, а по-латинѣ epistola, отъ-чего и произошла *эпистолярная* поэзія, которую еще въ прошломъ вѣкѣ признали дѣйствительно за поэзію, а теперь уже отнесли къ рифмованной прозѣ, которая хуже всякой худой прозы. Французскій языкъ не совсѣмъ способенъ къ поэзіи, но удивительно-какъ хорошо идетъ къ рифмованной реторикѣ фразъ. Вѣроятно, это и рѣшило автора, Русскаго по крови и душѣ, написать въ честь русскаго же героя, гладкую французскую прозу, зарифмованную французскими созвучіями. Это обстоятельство насъ заставило перечесть «Бородинскую Годовщину» Пушкина, чтобы насладиться непостижимымъ умѣніемъ истиннаго поэта въ немногихъ словахъ сказать много, и нѣсколькими стихами, какъ на мѣди или мраморѣ, выгравировать неизгладимыми буквами великій подвигъ героя, котораго тщетно ищемъ мы понять въ иномъ довольно-длинномъ посланіи, исполненномъ самыми обстоятельными описаніями. Судите сами:

Побѣда! сердцу сладкій часъ!
Россія! встань и возвышайся!
Греми восторгомъ общій гласъ! . . .
Но тише, тише раздавайся
Вокругъ одра, гдѣ онъ лежитъ,
Могучій мститель злыхъ обидъ,
Кто покорилъ вершины Тавра,
Предъ кѣмъ смирилась Эривань,
Кому суворовскаго лавра
Вѣнокъ сплела тройная брань.

3) Borodino. *Inspiration au pied du monument élevé en mémoire de la bataille du* 26 *août* 1812. *Par un* vétéran de l'année 1812. *St. Pétersbourg* 14 *octobre* 1839. *L'imprimerie de N. Gretche. Въ 8-ю д. л.* 17 *стр.*

А вотъ и еще изліяніе *русскихъ* патріотическихъ чувствъ на *французскомъ* языкѣ!... Что сказать объ этихъ *чувствахъ-колонистахъ*, лишенныхъ родной почвы, роднаго климата и роднаго неба? Они немножко-блѣдны, немножко-вялы: перемѣна отечества, кажется, сильно подѣйствовала на нихъ и произвела въ нихъ изнурительную лихорадку, слѣдствіе «тоски по родинѣ».... Русское чувство глубоко, сильно и могуче, оно не уляжется въ жидкую французскую фразу, если его самого не разжидить заблаговременно.

4) Die Deutsche Armenschule in Moskau, *ein Aufruf an das hiesige deutsche Publicum. Moskau. Gedruckt in der Univers. Druckerei.* 1839. 15 *s.*

Брошюра, извѣщающая нѣмецкую публику объ открытіи въ Москвѣ школы для бѣдныхъ дѣтей, основанной благотворительнымъ попеченіемъ нѣкоторыхъ лицъ тамошняго Евангелическаго Общества. До-сихъ-поръ открыто, подъ надзоромъ г. Рейнварта, одно отдѣленіе — для мальчиковъ, получающихъ здѣсь необходимое элементарное образованіе подъ руководствомъ опытныхъ наставниковъ, которые преподаютъ въ школѣ также безъ всякой платы. Общество надѣется со-временемъ открыть и женское отдѣленіе школы, почему и приглашаетъ благотворителей способствовать этому благодѣтельному предпріятію.

II. ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

1. ГЕРМАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Собираясь говорить о явленіяхъ нѣмецкой литературы по части исторіи, мы касаемся предмета, на которомъ преимущественно сосредоточиваются теперь умственныя силы ученой Германіи. Исторія — это наша наука, наука XIX вѣка, которой мы, можно сказать, видѣли рожденіе, исполинское развитіе и теперь видимъ полное процвѣтаніе. Что̀ такое была она въ началѣ прошлаго вѣка? повѣсть, разсказъ, часто разжижаемый моральными сентенціями. Давно ли начали Шлёцеры очищать ее историческою критикою? давно ли Гиббоны возвели ее на степень истинной и полной картины быта народовъ? — Гердеръ предъугадывалъ только высокое ея назначеніе, но оно сознано было въ нашъ вѣкъ; только философія XIX вѣка оцѣнила вполнѣ исторію, сдѣлала ее исходнымъ пунктомъ и даже формою всякаго знанія. Если паровыя машины служатъ характеристикою технической культуры нашего времени, то исторія можетъ принята быть характеристикою нашего умственнаго прогресса: ею движется теперь вся область человѣческихъ знаній. При такомъ обширномъ значеніи исторіи мудрено ли, что у народа, наиболѣе трудящагося для науки, исторія, сравнительно съ другими науками, составляетъ большую часть литературныхъ явленій. Труды Германцевъ для исторіи неисчислимы, и на этомъ поприщѣ трудятся многіе изъ первоклассныхъ современныхъ талантовъ Германіи: довольно назвать Ранке, Лео, Раумера, Штенцеля, Шлоссера, чтобъ убѣдиться, что блистательнѣйшими своими успѣхами исторія обязана преимущественно Германцамъ.

Въ послѣдніе 60 или 50 лѣтъ исторія пережила многія эпохи, перемѣнила не одинъ разъ свои направленія; изъ правоучительной и картинной она сдѣлалась критизирующею, и вмѣсто безусловной довѣрчивости ко всему, что̀ пересказывала ей простодушная говорливость древнихъ хроникъ, компиляторовъ и легковѣрныхъ историковъ, вооружилась сомнѣніемъ, подвергла разбору и изслѣдованію все, что̀ даже принимаемо было за несомнѣнную истину.—Такое направленіе естественно пріучило къ болѣе-глубокому проникновенію въ сущность событій, причинъ и слѣдствія. Исторія, разработывая факты, повѣряя ихъ своею неумолимою критикою и приводя ихъ въ стройное цѣлое, въ то же время старалась уловить причины явленій, внутреннюю ихъ связь между собою, и для-того, вмѣстѣ съ разсказомъ политическихъ событій, начала изслѣдовать гражданское устройство, нравы, просвѣщеніе, словомъ, всю

жизнь народовъ во всѣхъ ея проявленіяхъ, неизбѣжная связь коихъ между собою ясно сознана была историками; словомъ, за исторіею критизирующею явилась исторія прагматическая; но сія послѣдняя была уже плодомъ новѣйшей философіи, искавшей сблизиться съ исторіею и на ней основать свои выводы. Обѣ великія науки XIX вѣка взаимно подали другъ другу руки, а это тѣсное сближеніе ихъ послѣдовало въ Германіи, на почвѣ философской; и потому неудивительно, что вѣяніе духа новѣйшей философіи такъ сильно замѣтно теперь въ каждомъ новомъ историческомъ произведеніи. Это вліяніе философіи заключается не въ томъ, чтобъ въ историческихъ сочиненіяхъ являлись философскія положенія, или чтобъ событія представлялись подчиненными какой-нибудь мысли, внесенной извнѣ, положенной имъ въ основаніе,—нѣтъ, философія убѣдила, что все случающееся въ исторіи не есть дѣйствіе какого-нибудь произвола, а необходимое развитіе какой-либо внутренней силы, результатъ борьбы какихъ-нибудь началъ, какихъ-нибудь стремленій, которыя выходятъ изъ источника, условливаемаго духомъ народа и обстоятельствами его развитія; то и другое въ свою очередь опять имѣютъ свои высшія причины, и такимъ-образомъ исторія явилась не грудою отдѣльныхъ фактовъ, но цѣпію явленій, изъ коихъ одно условливается другимъ и возводитъ наблюдателя до самыхъ сокровенныхъ началъ духа, изслѣдованіе коихъ исторія предоставляетъ уже философіи. Такимъ-образомъ изученіе исторіи въ наше время обратилось въ изученіе человѣка въ самомъ высшемъ моментѣ его развитія — человѣка въ обществѣ, изученіе духа народовъ, ихъ стремленія, ихъ жизни, ихъ развитія, словомъ, сцена исторіи обняла теперь все то, что только есть священнѣйшаго и высочайшаго для человѣка. На такую высоту эта наука поднята была философіею — и притомъ философіею новѣйшею, и въ исторіи должно искать высшаго торжества ея.

Но философія не довольствуется тѣмъ только, что она научила насъ смотрѣть съ надлежащей точки на исторію, умѣть оцѣнивать ея явленія и описывать ихъ цѣль и причины: философія должна ясно опредѣлить тѣ высшія начала, до которыхъ мы восходимъ, изучая факты, ихъ причины, начала. Опредѣленіе этихъ началъ или идей, указаніе ихъ внутренняго самобытнаго развитія, ихъ участія въ судьбѣ людей и народовъ, должно составить философію исторіи. — Мы еще не вполнѣ достигли ея: если мы можемъ указать на произведенія, вполнѣ-удовлетворяющія требованія прагматической исторіи, то намъ трудно найдти полную, удовлетворительную систему философіи исторіи. Тамъ-и самъ встрѣчаемъ геніальные на нее намеки, указанія; но системы еще нѣтъ.

Наши читатели простятъ намъ это повидимому отступленіе отъ главной цѣли, — знакомить ихъ съ новѣйшими произведеніями нѣмецкой литературы. Оно показалось намъ необходимымъ для-того, чтобъ дать почувствовать цѣну книги, о которой, какъ кажется, у насъ еще вовсе не знаютъ, по-крайней-мѣрѣ никто не упоминалъ о ней, хотя она принадлежитъ не къ самымъ новѣйшимъ произведеніямъ и уже болѣе полутора года оказываетъ свое благотворное вліяніе на ходъ наукъ историческихъ: мы разумѣемъ здѣсь изданную въ 1837 году покойнымъ берлинскимъ профессоромъ Гансомъ «Философію Исторіи» (Philosophie der Geschichte) Гегеля. Гегель успѣлъ самъ довершить этотъ важный

трудъ, который былъ бы блистательнымъ вѣнцомъ его общей философской системы. — Онъ даже не начиналъ обработывать ея для печати, какъ смерть похитила его у науки; но знаменитые ученики и издатели его сочиненій собрали записки читанныхъ имъ о философіи исторіи лекцій, и эти-то записки, собранныя и соединенныя въ одно цѣлое профессоромъ Гансомъ, составили ту книгу, о которой мы сейчасъ упомянули. Если это сочиненіе не удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ, которыя можно сдѣлать по столь важному предмету, то надобно вспомнить ея происхожденіе: это не прямая мысль Гегеля, но переданная другими; правда, эти другіе были геніальные ученики великаго наставника, но они часто должны были почерпать въ ненадежномъ источникѣ — изъ студенческихъ тетрадокъ. Мысль Гегеля, выраженная имъ-самимъ, была бы вѣроятно полнѣе, положительнѣе, яснѣе, нежели теперь, переданная другими; даже самая несоотвѣтственность въ планѣ заставляетъ убѣждаться въ томъ: въ изданномъ сочиненіи востокъ и преимущественно Китай занимаютъ почти треть книги, тогда - какъ для среднихъ вѣковъ и вообще новой исторіи удѣлено по нѣсколько страницъ. - Гансъ былъ истолкователемъ этой важной книги; тотчасъ по появленіи ея, онъ читалъ курсъ философіи исторіи—одинъ изъ своихъ послѣднихъ предсмертныхъ и блистательныхъ курсовъ. Итакъ «Философія Исторіи» Гегеля хотя и не можетъ быть названа послѣднимъ словомъ этой науки, но есть однакожъ важное пріобрѣтеніе, имѣвшее большое вліяніе на проясненіе идеи и значенія исторіи. Такого рода явленія полезны не тѣмъ, что положенія ихъ принимаются безусловно исходнымъ пунктомъ, но тѣмъ, что они проясняютъ взглядъ на предметъ, представляютъ его съ новой стороны, заставляютъ умы идти далѣе, искать чего-то; а это исканіе всегда наводитъ человѣчество на что-нибудь важное и полезное.

Итакъ философія прояснила идею исторіи, указала важность этой науки, высокое ея значеніе, заставила дорожить истиною фактовъ, и потому тщательно отдѣлять ихъ отъ ложнаго и посторонняго, указала на взаимную связь и послѣдовательность историческихъ явленій, истеченіе ихъ изъ духа народнаго и обстоятельствъ его развитія, словомъ, дала исторіи содержаніе (внутреннее) и форму. Послѣ этого мудрено ли, что хорошія историческія произведенія теперь такъ часты въ Германіи: критика очистила матеріалы, философія указала цѣль и средства къ ея достиженію, и наука движется стройнымъ шагомъ. Къ достоинствамъ философіи надобно приписать еще то, что вліяніе ея, или такъ-называемыя идеи вѣка, распространяются какъ-бы въ воздухѣ: мы дышемъ ими и питаемся; дѣйствуемъ инстинктуально,— но этотъ инстинктъ является въ гармоніи съ требованіями этой могущественной повелительницы нашего внутренняго міра. Вотъ отъ-чего люди, незанимавшіеся никогда этою наукою, незнающіе ничего о ней, дѣйствуютъ однако по ея внушеніямъ, какъ скоро предоставятъ себя внутреннему своему стремленію. Это мы замѣтили къ тому, чтобъ объяснить всеобщій интересъ къ исторіи и участіе, принимаемое въ ней народами и правительствами. Какое государство XIX вѣка не заботится о своей исторіи, не жертвуетъ для нея деньгами и трудами — и все изъ увлеченія этою идеею вѣка, внесенною къ

намъ философіею, что люди и народы должны въ себѣ-самихъ или въ исторіи своей (что все равно) искать рѣшенія всѣхъ тѣхъ вопросовъ, которые важны для развитія нашего міра умственнаго, общественнаго и художественнаго.—Убѣжденіе это повсемѣстно: правительства не щадятъ денегъ и поощреній, ученые трудовъ, а народы платятъ за все это самымъ живымъ вниманіемъ. Каждое маленькое государство германское, каждый нѣсколько-значительный и самостоятельный городъ или область хочетъ знать свой бытъ, свою жизнь, источникъ своихъ настоящихъ отношеній, потребностей, словомъ — своей жизни. Отъ-того такая масса специіальныхъ исторій, предварительныхъ историческихъ трудовъ въ объясненіи матеріаловъ и источниковъ — и всѣ эти труды по-большой-части удовлетворительны, потому-что идея и форма разработаны; у насъ составился историческій типъ, въ который стòитъ только вложить матеріалы; кàкъ очистить и приготовить сіи послѣдніе—также все объяснено, извѣстно, и человѣку съ талантомъ, въ нашъ вѣкъ, трудно написать дурную и неудовлетворительную исторію: если у него нѣтъ достаточно самостоятельности, то стòитъ только держаться этого готоваго типа, и произведеніе будетъ занимательно, поучительно, потому-что этотъ типъ самъ-по-себѣ имѣетъ всѣ признаки совершенства. Эту точку не надобно упускать изъ вида при обозрѣніи новѣйшихъ историческихъ произведеній Германіи: если мы будемъ много хвалить, то это не преувеличеніе, а естественное слѣдствіе вышеизложеннаго нами развитія науки.

Въ одномъ можно только упрекнуть большую часть германскихъ историковъ: они не умѣютъ придавать своимъ произведеніямъ эту драматич[ность], живость, колоритъ, которы[ми] такъ отличались древніе историки, [и] тайну которыхъ постигли отчасти н[ѣ]которые изъ новѣйшихъ Французов[ъ]. Большая часть современныхъ нѣмец[ких]ъ историковъ заслуживаетъ у[]прека или въ излишней отвлеченност[и] или въ излишней сухости изложені[я]. Историкъ долженъ быть не тольк[о] философъ, но и поэтъ; онъ долже[нъ] воскрешать прошедшее не односто[]ронно, въ идеяхъ, имъ управлявших[ъ] или въ сухомъ изложеніи событі[й] бывшихъ результатами этихъ идей[;] нѣтъ, онъ долженъ первые отпеча[]лѣть въ послѣднихъ, воплотить и[хъ] въ томъ свѣтѣ и въ тѣхъ тѣняхъ, [съ] какими они дѣйствительно нѣкогда с[у]ществовали. Конечно, это важная з[а]дача, вопросъ для генія историка; [и] у Французовъ, народа болѣе живаго [и] практическаго, историки имѣютъ бо[]лѣе этого инстинкта: внѣшняя сто[ро]на предметовъ представляется имъ [съ] большею силою, яркостію и разите[ль]ностію, и, стараясь вѣрно уловит[ь] эту внѣшнюю сторону, они, естествен[]но, уловляютъ и духъ, такъ-что про[]изведенія ихъ, не лишаясь внутрення[]го достоинства, увлекаютъ живым[ъ] драматическимъ изображеніемъ лиц[ъ] и предметовъ, тогда-какъ историк[и] нѣмецкіе, стараясь преимущественн[о] уловить духъ событій, часто напол[]няютъ свои произведенія фигура[ми] безъ цвѣта и жизни, или, строго го[]няясь за аккуратностію и плодовито[ю] точностію — этими двумя архидобро[]дѣтелями и архинедостатками нѣмец[]кой природы — представляютъ сух[ій] перечни фактовъ, изъ коихъ кажды[й] изслѣдованъ съ неподражаемою акку[]ратностію и точностію, сличенъ, при[]мѣненъ тысячу разъ, но сухъ и мертв[ъ] какъ слова, несоединенныя рѣчь[ю]. Разумѣется, мы говоримъ это о бол[ь-]

винствѣ и не относимъ сюда Ранке, Штенцеля и имъ подобныхъ.

Въ заключеніе замѣтимъ, что господствующее теперь направленіе въ исторіи—есть изображеніе судьбы и быта отдѣльныхъ народовъ и областей—спеціальность. Историки обработываютъ отдѣльно кольца исторической цѣпи; каждый взялъ себѣ одно какое-нибудь и надъ нимъ сосредоточилъ всѣ силы свои, все искусство. Тѣмъ выгоднѣе для науки! Пусть разработываются отдѣльныя ея части; когда онѣ будутъ готовы, то цѣлое не замедлитъ предстать въ полномъ своемъ величіи. — Въ предуготовительныхъ работахъ, въ критической разработкѣ матеріаловъ также нѣтъ недостатка, — зато мало сочиненій, касающихся теоріи науки или объемлющихъ ее въ цѣломъ ея пространствѣ. Изъ послѣдняго рода сочиненій надобно замѣтить, что Лео стоитъ выше всѣхъ другихъ, подвизавшихся на томъ же поприщѣ. Его учебники вмѣщаютъ въ себѣ сокращенно всѣ новѣйшія открытія и успѣхи науки, и въ то же время отличаются строгимъ единствомъ, глубокимъ взглядомъ на предметъ, умѣньемъ рѣзко и вѣрно характеризовать лица и событія. — Не безъ достоинствъ также и учебникъ Кортюма: но все это уже не новости...

Ознакомявъ читателей нашихъ съ настоящимъ положеніемъ въ Германіи историческихъ наукъ вообще, мы теперь можемъ указать здѣсь на лучшія произведенія, явившіяся во второй половинѣ истекшаго года.

Роммель продолжаетъ свою «Гессенскую Исторію» и издалъ четвертую часть этого сочиненія *(Geschichte von Hessen, durch Christoph von Rommel)*, содержащую въ себѣ новую исторію этой страны, доведенную авторомъ до конца XVII вѣка. Кто хотя нѣсколько занимается историческими науками, тотъ вѣрно читалъ или слышалъ объ этомъ важномъ трудѣ, блистающемъ вполнѣ нѣмецкою ученостію.—Эллендорфъ издалъ второй томъ «Исторіи Каролинговъ и Іерархіи ихъ времени» *(Die Kaorlinger und die Hierarchie ihrer Zeit, von Ellendorf)*.—Палацкій напечаталъ первое отдѣленіе втораго тома своей «Богемской Исторіи», сочиненія въ высокой степени занимательнаго: этотъ томъ содержитъ въ себѣ исторію Богеміи, какъ наслѣдственнаго королевства подъ владычествомъ Премислидовъ, съ 1197—1306.—Ашбахъ издалъ второй томъ *Исторіи Императора Сигизмунда*, Всѣ эти сочиненія, вѣроятно уже извѣстныя нашимъ читателямъ, не требуютъ того, чтобъ мы разпространялись въ похвалахъ имъ; но прибавимъ здѣсь нѣсколько словъ объ Ашбахѣ. Въ недавно-изданномъ имъ второмъ томѣ «Исторіи Сигизмунда» онъ изображаетъ любопытную эпоху констанцскаго собора и доводитъ ее до гусситской войны. Тѣ изъ нашихъ читателей, которые видѣли на сценѣ оперу «Жидовку» или знаютъ шпиндлеровъ романъ «Der Jude», могутъ смѣло взять Ашбаха въ руки, не боясь увидѣть знакомыя имъ лица въ сухомъ ученомъ разложеніи: Ашбахъ доставитъ имъ еще болѣе удовольствія. Главное достоинство этого историка заключается въ прекрасномъ, драматическомъ разсказѣ,—достоинство, столь рѣдкое между Нѣмцами, что журналисты почли обязанностію возстать противъ Ашбаха и упрекнуть его за то, что онъ ужь слишкомъ-живописно разсказываетъ, а это, какъ утверждаютъ они, отвлекаетъ читателя отъ размышленія и дѣлаетъ исторію романомъ, заставляя ее читать скоро, съ жадностію, а не изучать. Замѣтимъ еще, что Аш-

бахъ немножко пристрастенъ къ своему герою Сигизмунду—слабость почти неизбѣжная у всякаго историка, пишущаго исторію одного какого-нибудь лица. Такъ, на-прим., Ашбахъ оправдываетъ Сигизмунда въ нарушеніи обѣщанной Гуссу безопасности тѣмъ, что если бъ Сигизмундъ спасъ богемскаго реформатора отъ смерти, то соборъ тотчасъ бы разошелся и не сталъ долѣе продолжать своихъ засѣданій, а отъ нихъ Сигизмундъ надѣялся много добраго для церкви. Если Ашбахъ невсегда удачно защищаетъ Сигизмунда, зато вездѣ превосходно изображаетъ пронырства, ничтожество Іоанна XXIII; подъ его перомъ это любопытное лицо является со всѣми своими характеристическими чертами—истиннымъ представителемъ тогдашняго духовенства. Упрекаютъ также Ашбаха въ холодности къ Гуссу и находятъ картину смерти этого реформатора слабою и сухо-обрисованною, въ-сравненіи съ другими частями этой столь занимательной книги.

Обратимъ еще вниманіе на сочиненіе Циммермана «Гогенштауфены или Борьба Монархіи съ Папами и республиканскою свободою» (*Die Hohenstaufen oder der Kampf der Monarchie gegen Papst und Republicanische Freyheit. Ein Historisches Denkmal von Wilh. Zimmermann*). Послѣ Раумера писать исторію Гогенштауфеновъ — предпріятіе дерзкое, и потому уже само-по-себѣ заслуживающее вниманіе; но должно замѣтить, что книга г. Циммермана не безъ достоинствъ, хотя ни въ какомъ отношеніи не можетъ быть сравниваема съ раумеровою: она есть болѣе картина, очеркъ, нежели произведеніе истинно-ученое, основанное на глубокихъ изслѣдованіяхъ—но картина удачная, не безъ достоинствъ. Раумеру, при всей его учености, свѣдѣніяхъ и изъисканіяхъ, не достаетъ искусства и колорита, который давалъ бы людямъ и событіямъ настоящую физіономію, заставлялъ бы ихъ выходить изъ рамъ, какъ говорится о портретахъ. Циммерману, имѣвшему подъ-рукою Раумера и немного потершемуся вокругъ источниковъ, при повѣствовательномъ талантѣ, нетрудно было пополнить то, чего не доставало Раумеру, и начертать интересную картину. Но должно замѣтить, что эта картина, при всей занимательности своей въ частностяхъ, невѣрна въ цѣломъ отъ ложной мысли, принятой авторомъ въ основаніе. Героями своей картины авторъ дѣлаетъ не Гогенштауфеновъ, а папъ и итальянскія республики, и всѣми силами старается унизить знаменитыхъ ихъ противниковъ. По его мнѣнію, Гогенштауфены были сами виною своего паденія, потому-что, вмѣсто способствованія внутреннему развитію Германіи, въ чемъ собственно состояло ихъ правленіе, гонялись за завоеваніями, будучи подстрекаемы къ тому единственно самолюбивою мечтою о всемірномъ владычествѣ. Не имѣя денегъ для исполненія этой затѣи, они начали всѣми силами тѣснить богатыя итальянскія республики, дабы ихъ золото употребить орудіемъ своего честолюбія, и явились защитниками религіозной эманципаціи не по убѣжденію, а изъ эгоистическихъ видовъ, желая тѣмъ побороть опаснѣйшаго врага своего—папу. Богъ-знаетъ, откуда авторъ выискалъ эти затѣи о всемірной монархіи: онъ въ нихъ вовсе несправедливо укоряетъ Гогенштауфеновъ. Дальновидные императоры этой династіи понимали очень-хорошо, что Нѣмецкая Имперія въ тогдашнемъ своемъ положеніи была неизправима; что не было возможности сладить съ князьями, а потому и обратили свое

вниманіе въ другую сторону, на Италію, блиставшую тогда юною и свѣжею жизнію; это было тѣмъ естественнѣе, что послѣдніе Гогенштауфены были болѣе Итальянцы, нежели Нѣмцы, и смотрѣли на Италію, какъ на настоящее свое отечество. Цѣль ихъ состояла въ томъ, чтобъ утишить волновавшее тогда Италію броженіе, и составить изъ полуострова одно итальянское государство; стало-быть они хотѣли истинной свободы для Италіи и отнюдь не были тиранами. Мысль Гогенштауфеновъ понята была гибеллинами и усвоена ими съ энтузіазмомъ: гибеллины сражались не за императоровъ, а за единство Италіи—но въ осуществленіи гибеллинскихъ плановъ, естественно, папы видѣли совершенное уничтоженіе свѣтской своей власти, а потому вступили въ борьбу на жизнь и смерть. Такимъ-образомъ исторія этой эпохи представляетъ намъ великолѣпную драму, въ которой все благородное и прекрасное на сторонѣ Гогенштауфеновъ, а не гвельфовъ; хотя послѣдніе и сражались за свободу, но то была свобода частная; гибеллины же хотѣли общей. Вотъ какъ понимаютъ эту эпоху; но г. Циммерманъ представилъ ее совершенно-иначе, и тѣмъ повредилъ своей картинѣ, нечуждой, впрочемъ, какъ мы уже замѣтили, многихъ мѣстныхъ красотъ.

Къ числу новыхъ историческихъ сочиненій, вполнѣ заслуживающихъ вниманіе нашихъ читателей, отнесемъ «ИсторіюСициліи», сочин. фон-Гойера, и «ИсторіюИспаніи»,сочин. Рамсгорна. Первое изъ этихъ произведеній *(Geschichte Siciliens in der früheren Zeit und im Mittelalter, von Dr. von Hoyer)*, написано прусскимъ генерал - майоромъ докторомъ фон-Гойеромъ и, соединяя въ себѣ достоинство ученое и литературное, изображаетъ судьбы этого острова въ древнія времена и въ средніе вѣки; второе же *(Geschichte von Spanien für Gebildete aus allen Ständen, von Karl Ramshorn)* еще не кончено: въ вышедшей первой части находится только древняя исторія Испаніи,—сочиненіе умное, обдуманное и прекрасно-изложенное, что въ особенности важно, потому-что молодой авторъ предназначаетъ его для всѣхъ классовъ читателей; онъ обѣщаетъ довести его до новѣйшихъ временъ, запутанные вопросы коихъ преимущественно побудили его заняться и судьбами Пиренейскаго Полуострова.—Коснувшись новѣйшихъ историческихъ событій, укажемъ здѣсь кстати на новый томъ современной исторіи неутомимаго доктора Мюнха *(Allgemeine Geschichte der neuesten Zeit, von dem Ende des grossen Kampfes der Europäischen Mächte wider Napoleon, bis auf unsere Tage, durch E. Münch. Supplement Band von Kottenkamp)*.—Впрочемъ онъ отказался отъ обширной своей компиляціи «Новѣйшая Исторія со времени вѣнскаго конгресса», и, предоставивъ продолженіе ея своему сотруднику Коттенкампу, самъ издаетъ альманахи новѣйшей исторіи. Въ вышедшей, въ 1839 году, книжкѣ изображена исторія 1836 года. Недавно написалъ онъ «Исторію Султана Махмуда». Разумѣется, все это ничто болѣе, какъ выписки изъ газетъ, но выписки тщательныя, умныя; онъ по-справедливости заслуживаетъ названіе умнаго компилятора. Таковъ же и товарищъ его Коттенкампъ: въ изданномъ имъ въ прошломъ году томѣ новой исторіи, находится общій обзоръ исторіи Америки и война за независимость испанскихъ колоній. Все это, разумѣется, очень-поверхностно, но по-крайней-мѣрѣ можно ознакомиться съ лицами и событіями, что очень-полезно для тѣхъ, кои не слѣдили внима-

тельно за политическими событіями послѣднихъ годовъ. — Упомянемъ еще о сочиненіи, касающемся новѣйшей исторіи: это «Жизнь Наполеона (*Napoleon Bonapartes vollständige Lebensbeschreibung nach den zuverlässigsten Quellen bearbeitet von C. Strahlheim*). Авторъ, г. Штральгеймъ, желалъ показать примѣръ безпристрастія, и, какъ говорятъ, ему это удалось; притомъ же онъ умѣетъ разсказывать живо, занимательно, такъ-что книга его читается съ удовольствіемъ; но не должно въ ней искать глубокаго взгляда на лица и событія, или психологическаго разложенія гигантскаго характера героя этой славной эпохи, — нѣтъ, авторъ не заботится объ исторіи внутренней, а излагаетъ только внѣшнее, разсказываетъ событія, что̀, конечно, весьма-полезно и любопытно, но для Наполеона, кажется, уже наступаетъ теперь пора настоящей исторіи: онъ ждетъ своего Тацита; предметъ достоинъ того, чтобъ въ вѣкъ преимущественно-историческій кто-нибудь изъ нашихъ первоклассныхъ историковъ сдѣлалъ изъ него chef-d'oeuvre своей славы и искусства.

Писатели извѣстные имѣютъ то преимущество, что и бездѣлки ихъ интересуютъ публику — и по весьма-основательной причинѣ: талантъ высказывается не только въ толстыхъ книгахъ, но и на немногихъ страницахъ. Вслѣдствіе этого мы укажемъ нашимъ читателямъ на брошюрку (въ 180 стр.) берлинскаго профессора доктора Штура: «Исторія морской и колоніальной силы великаго курфирста Фридриха-Вильгельма Бранденбуржскаго (*Geschichte der See-und Kolonialmacht des grossen Kurfürsten Friedrich Wilhelm von Brandenburg in der Ost-See, auf der Küste von Guinea und auf den Inseln Arguin und St. Thomas, dargestellt von Profess. Dr. Stuhr*). Это историческая рѣдкость. Фридрихъ-Вильгельмъ, принадлежа къ эпохѣ, когда всѣ европейскіе государи мечтали о колоніяхъ, хотѣлъ доставить преимущества колоніальной торговли своимъ подданнымъ и сдѣлать изъ Пруссіи морскую державу; но всѣ усилія его были безуспѣшны отъ равнодушія народа къ такимъ предпріятіямъ. Не есть ли это новое доказательство, что государство, подобно каждому индивидууму, не можетъ быть всѣмъ вмѣстѣ, а имѣетъ свое призваніе, къ которому и должно быть направляемо правительствомъ? Теперь уже для Пруссіи этотъ вопросъ рѣшенъ: ея не будутъ болѣе включать въ число морскихъ державъ; война и наука ясно очертили путь ея въ будущемъ; но великій курфирстъ думалъ еще иначе. Маленькая книжка Штура, для составленія коей онъ перерылъ много бумагъ въ старыхъ архивахъ, прекрасно представляетъ эту борьбу воли умнаго и благонамѣреннаго монарха съ антипатіею народа, борьбу, которая, замѣтимъ, обыкновенно упускаема была изъ вида историками. Г. Штуру не новость обрисовывать характеры: онъ прекрасно изобразилъ Голландца Веніамина Рауля, служившаго курфирсту орудіемъ въ исполненіи его колоніальныхъ замысловъ. По смерти курфирста всѣ предпріятія бѣднаго Рауля уничтожены: онъ лишился всего имущества и посаженъ въ Шпандау. — Относительно исторіи Пруссіи упомянемъ здѣсь еще о сочиненіи г. Орлиха: «Исторія Прусскаго Государства въ XVII столѣтіи» (*die Geschichte des Preussischen Staats im XVII Jahrh. Mit besonderer Beziehung auf das Leben Friedrich Wilhelms des Grossen Kurfürsten, aus archivarischen Quellen und nach unbekannten Original Handschriften von S. von Orlich,*

2 *Theile*). Авторъ пользовался государственнымъ архивомъ и другими важными источниками, изъ коихъ онъ часто выписываетъ цѣлыя страницы; но, желая быть точнымъ и основательнымъ, не заботится о колоритѣ, о драматической сторонѣ исторіи; отъ-того большею частію тяжелъ и сухъ, хотя сообщаетъ много новаго и любопытнаго, особенно о жизни великаго курфирста, о семейныхъ его отношеніяхъ, о тогдашнемъ управленіи, финансахъ, торговлѣ и вообще внутреннемъ состояніи Пруссіи.

Для интересующихся военною исторіею укажемъ на сочиненіе г. Каузлера, виртембержскаго полковника: «Жизнь Принца Евгенія Савойскаго» (*dasLeben des Prinzen Eugen von Savoyen, hauptsächlich aus dem militärischen Gesichtspuncte*). Примѣчанія къ этой книгѣ сдѣланы виртембержскимъ генерал-лейтенантомъ графомъ Бисмаркомъ и пополнены многими картами и планами. Знающіе дѣло отзываются съ большою похвалою о книгѣ, и примѣчанія графа Бисмарка называютъ превосходными образцами глубокихъ стратегическихъ соображеній. Мы бы могли указать еще на многія сочиненія въ этомъ родѣ, но спѣшимъ окончить нашу уже довольно длинную статью указаніемъ на два сочиненія, весьма-любопытныя для всѣхъ славянскихъ народовъ. Это «Исторія Рюгена и Помераніи», сочин. профессора исторіи въ Грейфсвальдскомъ Университетѣ, Бартольде, вѣроятно извѣстнаго русскимъ читателямъ по историческимъ статьямъ своимъ о Россіи, помѣщеннымъ въ альманахахъ Раумера, и «Описаніе Лудвиглустскаго Музея славянскихъ древностей».

Вотъ титулъ первой изъ этихъ книгъ: *Geschichte von Rügen und Pommern verfasst durch f. w. Barthold Dr. D. Phil. u. ord. Profess. d. Geschichte an d. Univ. Greifswald.* 1. *Theil, von den aeltesten Zeiten bis auf den Untergang des Heidenthums. XII.* 585.

Это сочиненіе есть плодъ глубокой учености и многолѣтнихъ наблюденій, произведенныхъ на самомъ мѣстѣ событій, изображаемыхъ авторомъ. Всѣ нѣмецкіе журналы единогласно осыпаютъ его похвалами. Не имѣя случая видѣть самую книгу, мы скажемъ здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ о ея содержаніи, руководствуясь обширной рецензіею, помѣщенною въ одномъ изъ нѣмецкихъ періодическихъ изданій. Авторъ начинаетъ изображеніемъ земли и описаніемъ природы померанской, и потомъ, возходя далеко въ древность, разсуждаетъ о прибалтійскихъ Германцахъ, ихъ религіи, нравахъ, образѣ жизни и отношеніяхъ; во всемъ этомъ много новаго и занимательнаго. Потомъ рѣчь касается Славянъ. Ученый профессоръ доказываетъ, что лешское племя поселилось между низовьями Эльбы и Вислы по-крайней-мѣрѣ полвѣка позже, нежели какъ до сего времени обыкновенно принимали: появленіе здѣсь Славянъ въ большихъ массахъ совпадаетъ съ появленіемъ въ Европѣ Аваровъ; но все критическое остроуміе автора не помогло ему въ точномъ опредѣленіи времени населенія этихъ странъ. Началомъ историческаго быта Помераніи онъ принимаетъ нашествіе Франковъ, которые, дойдя до Балтійскаго Моря, нашли на берегахъ его Вильцовъ, называвшихъ себя Лютицами (Lutizii): Лютиціи или Лутичи, боясь Франковъ, тѣсно соединились между собою и положили чрезъ то начало общественной жизни, но съ паденіемъ карловинжской монархіи прибалтійскія земли снова покрываются мракомъ неизвѣстности.

Впрочемъ авторъ доказываетъ, что христіанство проникло сюда еще при послѣднихъ Карловингахъ, и около этого же времени сдѣлался болѣе извѣстенъ и значителенъ Рюгенъ. Эти предметы составляютъ содержаніе первой части вышедшаго тома; вторая же часть посвящена общей исторіи сѣверо-западныхъ Славянъ. Авторъ изображаетъ войны ихъ съ Нѣмцами и попытки послѣднихъ обратить ихъ къ христіанству. Вліяніе Датчанъ и Скандинавовъ на устьѣ Одера было непродолжительно и Нѣмцы, при постоянныхъ своихъ усиліяхъ, успѣваютъ наконецъ обратить Славянъ къ *полу*-христіанству, отъ котораго они однако отпадаютъ въ концѣ вѣка и обращаются снова къ своей дикой, языческой свободѣ; но усилія ихъ тщетны: ихъ тѣснятъ съ одной стороны Нѣмцы, а съ другой Поляки, подъ предводительствомъ Болеслава Храбраго. Раздѣленіе Польши могло-бы быть благопріятно для Лутичей, если бы сами они не распались на многія поколѣнія; два изъ сихъ послѣднихъ — Редарцы (Redarer) и Толлензерцы (Tollenser), владѣющія святилищемъ Радагасты, стараются присвоить себѣ верховную власть надъ прочими племенами, но находятъ себѣ сильныхъ противниковъ въ ранскомъ племени (Ranen), которое подъ предводительствомъ своего короля Круко, не только сохранило свою независимость, но и подчинило себѣ всѣ другія славянскія племена между Эльбою и Одеромъ. Круко держался противъ Нѣмцевъ и Датчанъ, но по смерти его ранское племя колеблется, тѣмъ болѣе, что Поляки, при Болеславѣ III, нападаютъ на него со всѣхъ сторонъ; оно подчиняется Вратиславу, который, принявъ христіанскую религію, дѣлается родоначальникомъ княжеской поморянской династіи.—Второй томъ оканчивается прелюбопытными изслѣдованіями о религіи, правахъ, жизни, занятіяхъ и торговлѣ племенъ славянскихъ.

Второе сочиненіе по части славянскихъ древностей, служащее какъ-бы pendant къ вышеприведенному, носитъ названіе: *Friderico francisceum oder grossherzogl. Alterthümersammlung aus der Altgermanischen und Slavischen; Zeit Meklemburgs zu Ludwiglust erläutert von G. Lisch, Aufseher der Alterthum-Samml. zu Ludwiglust. Nebst* 6 *Heften Abbild.* Это изданіе начато собственно 14 лѣтъ тому назадъ, но только теперь приведено къ окончанію. Оно состоитъ изъ текста и рисунковъ, изображающихъ предметы славянскихъ и германскихъ древностей, хранимые въ людвиглустскомъ музеѣ. Начало этому музею положено еще въ первой половинѣ XVI столѣтія герцогомъ Генрихомъ Миролюбивымъ (Friedfertige), который въ 1505 году повелѣлъ собирать вырываемыя старинныя урны. Собраніе этихъ урнъ производилось довольно-медленно, пока герцогъ Христіанъ Лудвигъ II (1747—56) не повелѣлъ производить постоянныхъ розысковъ. Наслѣдникъ его, герцогъ Фридрихъ, значительно умножилъ рождавшійся музей покупкою принадлежавшаго лейбмедику Горнгарду собранія древностей; но теперешнюю свою важность для науки музей пріобрѣлъ при великомъ герцогѣ Фридрихъ-Францѣ (1785—1837), который, повелѣвъ производить тщательныя изысканія, самъ лично присутствовалъ при многихъ взрытіяхъ. Бывшій смотритель этого музея, Шрётеръ, окончивъ каталогъ, начерталъ планъ описанія музея и началъ издавать его въ 1824 году; послѣдовавшіе за нимъ смотрители также трудились надъ этимъ изданіемъ; но оно приведено къ концу нынѣшнимъ смотрителемъ, г-мъ Лишемъ.

Текстъ раздѣленъ на три части: введеніе, описаніе предметовъ, хранящихся въ музеѣ, объясненіе таблицъ и pièces justificatives. Такъ-какъ большая часть изображаемыхъ въ этомъ изданіи древностей найдена въ могилахъ, то издатели помѣстили топографію гробовъ мекленбуржскихъ, раздѣляя ихъ на различные роды, именно по народамъ на три рода — германскіе, славянскіе и предъисторическіе или гунскіе; по внѣшнему же виду на 8 родовъ. Могилы славянскія суть широкія, низкія возвышенія изъ земли, неимѣюшія опредѣленной формы. Онѣ находятся разсѣянно и группами; важнѣйшая изъ такихъ группъ извѣстна въ Мекленбургѣ подъ названіемъ Презенскаго Славянскаго Кладбища и разположена на 60 шаг. длины и 50 шир. Въ этихъ могилахъ находятъ урны съ остроугольными украшеніями, а часто и съ крышками, желѣзную посуду, щиты, мечи, ножи, а часто и серебряныя вещи, кои подробно описаны и объяснены въ текстѣ изданія и со всѣхъ съ нихъ сняты изображенія, вмѣстѣ съ другими достопамятностями музея занимающія шесть тетрадей. Такимъ-образомъ это изданіе вполнѣ заслуживаетъ вниманіе славянофиловъ, и мы увѣрены, что наши историческія общества и публичныя библіотеки не замедлятъ пріобрѣсть его для себя.

Я. НЕВѢРОВЪ.

---

2. АНГЛІЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Въ дополненіе къ списку всѣхъ альманаховъ, перечисленныхъ нами въ послѣдней книжкѣ «Отеч. Записокъ», удобно было бы теперь прибавить еще столько же; но мы не сдѣлаемъ этого по двумъ причинамъ: во-первыхъ, этихъ литературныхъ игрушекъ почему-то не привезено къ намъ; во-вторыхъ, онѣ такъ ничтожны въ литературномъ отношеніи, что совѣстно и говорить о нихъ въ отдѣленіи иностранной библіографіи. Особенно было бы не-кстати говорить о нихъ теперь, когда мы хотимъ начать обзоръ текущей англійской литературы великимъ именемъ Шекспира. Послѣ множества изданій Шекспира, кажется трудно придумать что-либо новое, а тѣмъ менѣе—что-либо лучшее; но общественное уваженіе къ великому имени и, прибавимъ еще, недостатокъ именъ въ современной англійской литературѣ, въ одно и то же время, заставляютъ изучать давно-отжившія знаменитости и доставляютъ много свободнаго времени. Благодаря тому и другому, мы имѣемъ теперь предъ глазами *The pictorial Edition of Shakspeare Vol. 1. Histories* (Живописное изданіе Шекспира, т. 1. Исторіи). Въ немъ находятся, «The Two Gentlemen of Verona»; «King John»; «Romeo and Juliet»; «Love's Labour's Lost»; «Richard II»; «Henry IV»; «Henry V». Всѣ подобныя живописныя изданія бываютъ двухъ родовъ, или въ нихъ вы находите героевъ и героинь шекспировыхъ драмъ, или изображеніе происшествій. Прекрасно было бы изданіе перваго рода, если бы оно хорошо было исполнено; оно не терпитъ посредственности. Въ-самомъ-дѣлѣ, пріятно было бы видѣть портретъ Дездемоны, еслибы художникъ изобразилъ въ немъ ту невыразимую чистоту и невинность, какую умѣлъ вдохнуть въ нее Шекспиръ. Портретъ Отелло могъ бы украсить лучшую галлерею, если бы въ чертахъ его лица, въ его взорахъ, во всемъ выразилась та буря страстей, та необузданность порывовъ, переданная со всею вѣрностію и отчетливостію, какую вы встрѣтите въ шекспировомъ Отелло. Но когда вмѣсто поэтическаго лица Дездемоны нарисуютъ вамъ портретъ бѣлокурой, холодной Англичанки, вмѣсто Отелло, изобразятъ лондонскаго натурщика, который за полфунта стерлинговъ натягиваетъ всѣ мускулы, чтобъ казаться болѣе ужаснымъ,—тогда лучше имѣть простое изданіе Шекспира, необезображенное подобными гравюрами. Изданія втораго рода требуютъ менѣе таланта. Начитанность, знаніе мѣстности, отчетливое изученіе современныхъ каждому лицу нравовъ, образа жизни, домашнихъ украшеній, одежды, всего обстанавливающаго жизнь, изображенную въ драмѣ, могутъ вознаградить недостатокъ таланта, и рисунокъ, при посредственномъ

исполненія, будетъ прекрасною рамою съ великой картины Шекспира. Она поможетъ и округленію формъ, и отдѣленію отъ полотна, и усиленію перспективнаго обмана.

Въ разсматриваемомъ нами изданіи соединено то и другое; но совершенства послѣдняго заставляютъ забывать недостатки перваго. До-сихъ-поръ въ этомъ отношеніи мы не видали ничего подобнаго; вѣрность, отчетливость, знаніе всѣхъ мелкихъ подробностей, превосходное расположеніе картины и наконецъ неподражаемое исполненіе не позволяютъ желать ничего лучшаго; даже нельзя предположить, что можетъ существовать что-либо лучшее.

Но картинки не составляютъ ни единственнаго, ни существеннаго достоинства этого изданія; въ комментаріяхъ самого издателя видна глубокая ученость безъ педантства, проницательность безъ догматизма въ высказываніи своихъ сужденій, и они проникнуты уваженіемъ къ автору. Отъ этого въ нихъ видите болѣе стараніе найдти мысль автора, нежели желаніе навязать свою собственную. Здѣсь мы видимъ превосходный примѣръ того, какъ можно соединить энтузіазмъ съ здравымъ смысломъ и питать высокое уваженіе, не впадая въ безсознательное поклоненіе. Когда кончится все изданіе, мы соберемся поговорить о немъ по-подробнѣе, тогда поговоримъ и о самомъ Шекспирѣ; Теперь остается намъ только отрекомендовать нашимъ читателямъ вышедшую въ свѣтъ первую часть и не совѣтовать, а просить ихъ купить эту книгу, если только они хотятъ изучать Шекспира.

Перейдемъ къ современнымъ произведеніямъ изящной литературы; ихъ теперь болѣе, нежели было когда-либо; каковы они, — это другой вопросъ. Вотъ они:

Preferment; or My Uncle the Earl. By Mrs Gore (Повышеніе, или у меня дядя графъ; соч. госпожи Горъ). Госпожа Горъ обыкновенно беретъ предметы своихъ повѣстей и романовъ изъ современной жизни. Правда, они имѣютъ свою хорошую сторону, какъ лѣтопись современныхъ нравовъ, обычаевъ, народнаго духа и народной нравственности; но все это, можетъ-быть, принесетъ болѣе удовольствія нашимъ внукамъ, а мы хотѣли бы кромѣ этого найдти и безотносительное достоинство въ повѣсти. Даже не разсматривая въ цѣлости, то-есть разбирая не одну одежду и мелочныя условія жизни, а связь происшествій и характеры, надобно признаться, что въ нихъ нѣтъ и современности. Это просто общія мѣста, которыя можно встрѣтить въ каждой повѣсти. Во всей повѣсти вы не найдете ни происшествія, ни завязки; все это обыкновенный ходъ общественнаго разговора; хорошо было бы это для лѣтописи, но въ романѣ наскучитъ.

Palmario; or the Merchant of Genoa, 3 vols by the Author of «Tales of an Arctic Voyager» (Пальмаріо, или Венеціанскій купецъ, 3 т. Автора «Повѣстей арктическаго путешественника»).—Генуя XIII столѣтія доставляетъ богатый запасъ матеріаловъ для романа; купцы ея были «королями», а оптовые торговцы — владыками земли. Рыцарскій духъ купцовъ тогдашняго времени, минурная гордость знатныхъ, волненіе страстей демократіи, прямо-противоположное терпѣливымъ и копотливымъ изслѣдованіямъ ученыхъ и монаховъ, — все это могло бы доставить пріятное и занимательное чтеніе. Авторъ все это понялъ, но, ка-

жется, не въ-силахъ былъ выполнить. Онъ сдѣлалъ все, что зависѣло отъ него, то-есть собралъ матеріалы, умно расположилъ ихъ; но не его вина, что онъ былъ не въ-состояніи вполнѣ войдти въ духъ времени. Хотя многія отдѣльныя сцены дѣйствительно обрисовываютъ XIII вѣкъ, но всему сочиненію не достаетъ собственнаго характера; большая часть отдѣльныхъ лицъ и происшествій можетъ принадлежать всякому времени и всѣмъ европейскимъ странамъ. Есть мѣста, на-примѣръ, путешествіе по Сѣверной Африкѣ философа Пеласга, гдѣ авторъ хотѣлъ разсказывать тономъ сэръ Джона Мандевиля, то-есть смѣшать происшествія съ страннымъ взглядомъ, который въ отдаленной странѣ думаетъ найдти все чудовищное; но ему не удалось такое подражаніе, и самый неопытный читатель увидитъ, что лѣтопись автора не написана въ XIII вѣкѣ, а напечатана въ XIX-мъ. Отъ этого она теряетъ свою занимательность. Впрочемъ отдѣлка подробностей можетъ доставить удовольствіе читателю.

Henry of Guise by James, 3 vols (Генрихъ Гизъ, 3 т., соч. Джемса). Этотъ романъ едва ли не лучшій изъ всѣхъ джемсовыхъ историческихъ романовъ, и навѣрное лучше послѣднихъ; въ немъ мы увидѣли стараго пріятеля Джемса съ его превосходнымъ перомъ лѣтописца рыцарскихъ подвиговъ и возвышенныхъ чувствъ. Прекрасная обрисовка характеровъ и самый выборъ ихъ оковываютъ вниманіе читателей до конца книги. Кромѣ героя романа, особы весьма-занимательной въ исторіи Франціи и весьма-замѣчательной въ исторіи сердца человѣческаго, здѣсь еще встрѣчаются Генрихъ III и Катерина Медичи. Каждое имя могло бы быть предметомъ для романа; что же, если вы ихъ обставите всѣми ихъ современниками и всѣми интригами тогдашняго французскаго двора? — Этотъ романъ нельзя не похвалить и за собственное его достоинство и еще болѣе за то, что онъ теперь рѣдкое явленіе. Спокойный историческій взглядъ, умѣющій привлечь вниманіе теперешнихъ читателей, которыхъ чувства подняты на ходули уродливыми произведеніями дюжинныхъ французскихъ романистовъ, которыхъ вкусъ изкаженъ шутовскими и грязными картинами Диккенса, Марріета и ихъ собратій, — такой взглядъ, право, рѣдкость.

Графиня Блессингтонъ даритъ насъ новымъ прекраснымъ изданіемъ своей поэмы: *The Belle of a Season.* Чалонъ (Chalon) украсилъ его хорошенькими гравюрками и умѣлъ ими выставить въ хорошемъ свѣтѣ трогательныя чувства и мысли красавицы, которыя иногда теряются во множествѣ стиховъ, такъ удачно называемыхъ Французами vers de société.

A Gift from Fairy Land; Tales and Legends (Подарокъ изъ волшебной страны; повѣсти и легенды). Сто фантастическихъ картинокъ и фантастическія преданья старины глубокой, производятъ пріятное впечатлѣніе на читателя. Они какъ-то невольно переносятъ въ дѣтство, и самъ не можешь дать себѣ отчета почему, а читаешь ихъ охотно.

The Poetical Works of Percy Bysshe Shelley, edited by Mrs Shelley (Стихотворенія Персія Шеллея, изданныя госпожею Шеллей).

Essays, Letters from abroad, Translations and Fragments. By Percy Bysshe Shelley. Edited by Mrs. Shelley (Опыты, заграничныя письма, переводы и отрывки Персія Шеллея, изданные госпожею Шеллей).

Имя Шеллея такъ рѣдко у насъ встрѣчается, что, можетъ-быть, многіе изъ

нашихъ читателей мало съ нимъ знакомы. Это былъ поэтъ временъ Байрона; онъ родился въ 1792 и умеръ въ то время, когда поэтическій талантъ его начиналъ принимать полнѣйшее развитіе, именно на 30 году своей жизни. Первое и довольно-неудачное появленіе его въ литературномъ мірѣ сдѣлало на него весьма-непріятное впечатлѣніе и дало мистическое направленіе уму, и безъ того уже склонному къ мистицизму. Когда еще онъ былъ въ университетѣ, безъ его вѣдома напечатали юношеское его произведеніе — поэму «Queen Mab»; многіе возстали за ея безнравственное и особенно нерелигіозное направленіе, и молодой поэтъ, не успѣвъ заслужить общественнаго вниманія, нажилъ себѣ враговъ. Извѣстнѣйшія изъ его сочиненій «The Revolt of Islam»; и «Alastor, or the Spirit of Solitude», «The Cenci, a tragedy»; «Плачь надъ могилою молодаго Джона Китса, поэта подъ именемъ Adonais»; «Hellos», «Prometeus Unbound». Въ большей части его поэтическихъ произведеній видно какое-то таинственное величіе, по-этому они не имѣли большаго числа читателей, увлеченныхъ твореніями Байрона.

Настоящее изданіе Шеллея обогащено многими новыми произведеніями; между ними есть двѣ отдѣльныя поэмы Swellfoot the Tyrant и Peter Bell the Third; прочее все болѣе отрывки.

Во второй выше названной нами книгѣ находятся его письма и мелкія сочиненія или тоже отрывки, его путешествіе по Европѣ въ 1814 году и другое по Италіи въ 1818, изъ котораго онъ уже болѣе не возвращался въ Англію. Жаль, что все это или часть этого не соединена съ первымъ изданіемъ, именно то, въ чемъ объясняются обстоятельства, при которыхъ Шеллей писалъ ту или другую поэму. Вообще вторая книга полезна только какъ историческій матеріалъ для біографіи поэта, собственнаго же достоинства и занимательности въ ней немного.

The Governess. By the Countess Blessington; 2 vols. (Воспитательница. Сочиненіе графини Блессингтонъ, 2 т.). Предметомъ своей повѣсти графиня Блессингтонъ взяла примѣръ гибельнаго вліянія, какое оказываетъ образъ воспитанія гувернанты на ея воспитанницъ. Понявъ, въ какомъ горькомъ положеніи находятся воспитанницы дѣтей, и какъ странно матери выбираютъ ихъ, леди Блессингтонъ хотѣла рѣзко выставить все это въ своей повѣсти, — намѣреніе прекрасное. Въ-самомъ-дѣлѣ, два главные шага въ жизни женщины, воспитаніе и супружество, дѣлаются самымъ ужаснымъ образомъ. Общество какъ-бы вовсе и не думаетъ, что отъ этихъ двухъ шаговъ зависитъ все счастіе жизни. Всякая мать, едва только имѣетъ маленькое состояніе, считаетъ непремѣнною обязанностію имѣть гувернанту, и, разумѣется, первое условіе, чтобъ эта *вторая мать съ лѣвой руки* была не выше назначенной цѣны. Первый вопросъ, при *наниманіи* гувернанты, состоитъ въ томъ, чего она хочетъ, второй — что она знаетъ, третій — какой она нравственности. Удовлетворительный отвѣтъ на первый вопросъ заставляетъ уже смотрѣть снисходительно на искательницу мѣста, — отвѣтъ на второй рѣшаетъ выборъ; на третій вопросъ положительно не отвѣчаютъ, да и отвѣчать невозможно, — кого сдѣлаете вы экзаминаторомъ въ нравственности? Къ-тому же, что вы наймете подъ именемъ нравственности, — предѣлы нашего обзора

не позволяютъ намъ разбирать этого подробнѣе, и мы снова попросимъ нашихъ читательницъ обратиться къ недавно-вышедшей въ свѣтъ книжкѣ— «Призваніе женщины». Пусть этотъ прекрасный подарокъ для нашихъ дамъ познакомитъ ихъ съ превосходною мыслію, служившей основою для повѣсти графини Блессингтонъ; мы перейдемъ къ ея изполненію. Жаль, что графиня взяла свою гувернанту не въ обыкновенномъ, простомъ быту ея, но прикрасила посторонними обстоятельствами, которыя заставляютъ принимать участіе не въ положеніи цѣлаго сословія, а лица героини повѣсти — Клары Мордоунтъ. Она рождена для другаго круга и случайно, по обстоятельствамъ, беретъ на себя трудную обязанность воспитательницы дѣтей.—Тутъ она сноситъ все, на что осуждены «вторыя матери», и невниманіе, и оскорбленіе, непремѣнное условіе ихъ должности, если только онѣ имѣютъ несчастіе съ качествами воспитательницы соединять качества милой женщины. Но во всемъ этомъ болѣе выставлено непріятное и горькое положеніе миссъ Мордоунтъ, нежели гувернанты. Заключеніе повѣсти хуже начала,—добродѣтель награждается, и гувернанта дѣлается графинею. Пора бы оставить обычную награду добродѣтели титулами графскими, или мѣстами перовъ, или даже замужствами. Какъ не подумаютъ писатели повѣстей, что они лишаютъ свою добродѣтель всякой награды и сами у себя отнимаютъ охоту быть добродѣтельными? Если они графы, они будутъ ждать герцожства въ награду добродѣтели, прождутъ лѣтъ съ пять, увидятъ, что тщетна ихъ надежда, и бросятъ эту обузу, ничего неприносящую; если не графы, та же участь, — они непремѣнно должны сдѣлаться или графами, или порочными людьми. Право, пора для добродѣтели искать награды въ собственномъ достоинствѣ человѣческомъ, а не въ свѣтскихъ рукоплесканіяхъ.

A Good Match, The Heiress of Drosberg, and The Cathedral Chorister by Lady Chatterton. 3 vols (Хорошее супружество, Наслѣдница Дросберга и Соборная Хористка. Сочин. Леди Чаттертонъ). Нѣкоторыя несовершенства въ слогѣ, можно сказать, составляютъ единственный недостатокъ этихъ трехъ повѣстей. Для иностранца онъ не столь рѣзко выставляется; къ-тому же внутреннее достоинство содержанія можетъ вполнѣ его выкупить.

Walks and Wanderings in the World of Literature, by the Author of «Random Recollections», 2 vols. (Прогулки по литературному міру). Счастливы Англичане! у нихъ литературный міръ такъ великъ, что есть гдѣ прогуляться, мы не можемъ этимъ похвастать; впрочемъ и ихъ прогулки весьма-скучны.

The Rock, illustrated with various Legends and original Songs and Music descriptive of Gibraltar, by Major Hort, with drawings taken on the spot by Lieut. William Lacey. Жаль, что такое превосходное изданіе сдѣлано для такаго ничтожнаго сборника.

Gulliver's Travels. Illustrated by Grandville, with Notes, by Taylor (Гулливеровы путешествія). Старинные знакомцы Лиллипуты, Гуингмы и пр., явились здѣсь въ новой, прекрасной одеждѣ. Хорошо, если бы новое изданіе безсмертной сатиры Свифта заставило снова перевести ее на русскій языкъ; стараго перевода теперь уже не найдешь нигдѣ.

Poems. By Mrs. Boddington, Author of «Slight Reminescence» of the Rhine etc. (Поэмы госпожи Боддинг-

тонъ). Теперь дамы совершенно завладѣли литературою въ Англіи: романы, повѣсти и даже поэмы, все выходитъ изъ-подъ пера женщинъ. Стихи госпожи Боддингтонъ полны всѣхъ достоинствъ женскаго пера: легкости, нѣжности чувствъ, неожиданности мыслей и быстроты воображенія, за-то они не изъяты и отъ его недостатковъ: въ нихъ нѣтъ ни силы, ни окончательной обработки, ни ясности понятій, ни точности и отчетливости языка.

Up the Rhine. By Thomas Hood. (Верхній Рейнъ, Томаса Гуда). Такъ много ѣздили, такъ много писали о немъ, такъ много рисовали и его берега, и ихъ окрестности, что, казалось бы, этотъ источникъ долженъ совершенно изтощиться; но литературная промышленость умѣетъ найдти во всемъ что-либо новое. Господинъ Гудъ разсказываетъ въ своемъ путешествіи по Рейну все, что ни встрѣтитъ, и въ добавокъ къ разсказу прилагаетъ политипажные рисунки. Множество юмора, остротъ и каррикатурныхъ очерковъ невольно забавляетъ читателя и привлекаетъ его вниманіе.

One Fault by Frances Trollop. 3 vols. Госпожа Троллопъ знакома намъ по многимъ своимъ сочиненіямъ; нынѣ-изданная повѣсть ея хотя не столь занимательна, какъ прежнія, но за-то имѣетъ большія достоинства въ прекрасной обрисовкѣ характеровъ и въ ихъ вѣрности.

The Friends of Fontenebleau. By Harriet D. Burdan. 3 vols. Герой этой повѣсти или мелодраматическаго романа, Польтро де-Мерѐ, убившій Франциска Гиза 24-го февраля 1563 года, когда этотъ послѣдній приготовлялся къ осадѣ протестантовъ, бывшихъ подъ предводительствомъ Колиньи въ Орлеанѣ. Не смотря на невѣрность историческую, въ повѣсти госпожи Бюрдонъ много ума, встрѣчаются завлекательныя положенія лицъ. Жаль, что съ анахронизмами вообще встрѣчается у нея и довольно неясная обрисовка современности каждаго произшествія; впрочемъ все это вредитъ болѣе тому, кто вздумалъ бы изъ романовъ учиться исторіи, а смотря на повѣсть, какъ не вымыселъ, мы не можемъ не похвалить произведенія дѣвицы Бюрдонъ.

Говоря о всѣхъ новостяхъ англійской литературы, нельзя не сказать о прекрасныхъ переводахъ, какими Англичане пополняютъ тѣ области ея, въ которыхъ у нихъ или мало оригинальнаго, или есть оригинальное, но не вполнѣ-удовлетворительное, и, что сотавляетъ изключительное достоинство полной образованности, они не стыдятся признаваться въ своихъ недостаткахъ. Кажется, въ Италіи живутъ болѣе всего выходцы изъ Англіи; сколько эти выходцы пишутъ объ Италіи, сколько есть на англійскомъ языкѣ и описаній рѣдкостей итальянскихъ, и картинныхъ галлерей, и при всемъ томъ они не стыдятся признаться, что ихъ путешествія уступаютъ знаменитому путешествію Валери, и литература ихъ обогащается новою книгою: *Historical, Literury and Artistical Travels in Italy, a complete and methodical Guide for travellers and Artists*. By M. Valery. Translated from the second corrected and improved edition by Clifton. (Историческое, литературное и художническое путешествіе по Италіи; полный и методическій руководотитель путешественниковъ и художниковъ, соч. г. Валери, переведенный со втораго изправленнаго и улучшеннаго изданія Клифтономъ). Вѣроятно большая часть нашихъ читателей знакомы съ французскимъ подлинни-

комъ и потому мы не будемъ разпространяться объ этомъ превосходномъ сочиненіи; прибавимъ съ нашей стороны искреннее желаніе видѣть его скорѣе въ русскомъ переводѣ.

Voyages of the Dutch Brig of War Dourga through the Southern and little-known parts of the Moluccan Archipelags, and along the previnesly unknown Southern coast of New Guinea in 1825 *and* 1826. By Kolff jun. Translated by G. W. Earl (Путешествіе датскаго военнаго брига Дурга по сѣвернымъ и малоизвѣстнымъ частямъ Молуккскаго Архипелага и вдоль прежде-неизвѣстнаго сѣвернаго берега Новой Гвинеи, совершенное въ 1825 и 1826 годахъ). Здѣсь, кромѣ географическихъ подробностей, можно найдти много весьма-удачныхъ замѣчаній о характерѣ жителей. Нѣкоторые изъ нихъ въ такомъ дикомъ состояніи, что, при всѣхъ усиліяхъ, имъ никакъ невозможно передать понятіе о вездѣсущемъ Богѣ. Бикъ, посѣщавшій эти страны въ 1824 году, такъ разсказываетъ свой разговоръ съ жителями острововъ Арра. «Одинъ изъ дикихъ слушалъ долго и съ особымъ вниманіемъ слова мои и наконецъ спросилъ меня, гдѣ же это высокое Существо обитаетъ, — мы говорили о Богѣ. Я отвѣчалъ, что Божество вездѣ присутствуетъ, не только между нами, но что оно поддерживаетъ существованіе всего и даже растеній, по его благости назначенныхъ намъ въ пищу. Это понятіе было слишкомъ-отвлеченно для дикаго, и онъ отвѣчалъ: «По-этому ужь навѣрно такое существо находится и въ вашемъ ромѣ, потому-что я никогда не чувствовалъ себя такъ счастливымъ, какъ когда пилъ его.»

Торговля невольниками здѣсь въ сильной степени; г. Вольфъ пишетъ, что въ Новой Гвинеѣ цѣна, назначаемая за одного невольника, простирается отъ пяти до шести фунтовъ стерлинговъ (отъ 125 до 150 рублей) и платится обыкновенно товаромъ. «Туземцы увѣряли меня» говоритъ онъ: «что если дикому захочется купить себѣ какой-нибудь привозный товаръ и у него не случится ничего, на что бы промѣнять, то онъ очень-охотно отдаетъ одного или двухъ своихъ дѣтей. Если не случится собственныхъ, онъ идетъ и занимаетъ у сосѣда, обѣщая заплатить когда у него будутъ свои, и обыкновенно рѣдко отказываютъ въ подобнаго рода просьбахъ. «Не смотря на всю невѣроятность такихъ разсказовъ, они подтверждаются единогласнымъ показаніемъ туземцевъ. Нагорные жители часто сами приводятъ на продажу своихъ дѣтей. Въ другихъ мѣстахъ мнѣ случалось встрѣчать родителей, которые продавали дѣтей, когда имъ дѣлалось тяжело содержать ихъ, и при этомъ они не изъявляли ни малѣйшаго желанія когда-либо снова ихъ увидѣть.»

Вообще вся книга весьма-замѣчательна, особенно въ ней много можно пріобрѣсти коммерческихъ свѣдѣній.

Western India in 1838. By Mrs Postans. 2 vols (Западная Индія въ 1838 году, госпожи Постансъ). Въ этой книгѣ можно найдти много любопытнаго о воспитаніи въ Западной Индіи и о нравственномъ состояніи жителей. Путешественница разсказываетъ легко и избѣгаетъ подробностей; все это заманиваетъ читателя и можетъ ознакомить съ общими очерками нравственнаго положенія народовъ въ описываемыхъ странахъ.

Excursions in Denmark, Norway and Sweden; including Notices of the State of Public Opinion in those Countries, and Anecdotes of their Courts. By Robert Bramner 2 vols.

(Поѣздка въ Данію, Норвегію и Швецію, съ замѣтками о состояніи общественнаго мнѣнія этихъ странъ и съ анекдотами объ ихъ дворахъ. Роберта Бремнера). Отъ этой поѣздки, разумѣется, нельзя ожидать чего-нибудь весьма дѣльнаго, отчетливаго; но весьма пріятно проѣхать съ образованнымъ и умнымъ человѣкомъ по сѣверной части Европы. Вмѣстѣ съ нимъ вы можете посѣтить и восьмидесяти-девятилѣтнюю старушку, дочь Линнея, и великаго химика Берцеліуса. Жаль только, что руководитель слишкомъ-часто вдается въ политику, и заставляетъ слушать свои мнѣнія, которыя вѣроятно вы давнымъ давно - читали во всѣхъ политическихъ газетахъ.

Memoires of Harriot, Duchess of St. Albens. By Mrs. Cornwell Baron-Wilson. 2 vols. (Записки Гарріоты герцогини Сент-Альбанской. Госпожи Корнуелль Баронъ Уильсонъ). Гарріотъ Меллонъ была женщина весьма замѣчательная по двумъ отношеніямъ; во-первыхъ, будучи самаго низкаго происхожденія, именно дочерью ирландскаго мужика, она черезъ театральную сцену дошла до титула герцогини сент-альбанской; во-вторыхъ, была чрезвычайно-богата и довольно - безнравственна. Но такъ-какъ и то и другое явленія не сверхъестественныя и даже довольно-обыкновенныя въ обществѣ, то мы никакъ не думаемъ, чтобъ герцогиня могла своею біографіею занять два тома. Жаль, что сочинительница, говоря о недостаткахъ герцогини, приписываетъ ихъ ложному характеру, а не выводитъ ихъ изъ ложнаго ея положенія въ обществѣ. Это одна изъ пружинъ общественной безнравственности, на которую мало обращаютъ вниманія, и если читатель будетъ смотрѣть только на фактическую сторону жизни герцогини, не принимая сужденій сочинительницы записокъ, онъ можетъ извлечь въ этомъ отношеніи большую пользу.

A Chronicle of the First Thirten Years of the Reign of King Edward IV. By John Warkworth (Хроника первыхъ тридцати лѣтъ царствованія короля Эдуарда IV. Джона Уаркуортса). Это одна изъ книгъ, печатаемыхъ Камденскимъ Обществомъ, такъ много трудящимся и такъ много уже сдѣлавшимъ для исторіи Англіи. Хроника эта сохранялась въ Кембриджской Коллегіи Св. Петра; Леландъ сдѣлалъ изъ нея извлеченіе, но она сама до-сихъ-поръ не была напечатана. Разсматриваемый ею періодъ — одинъ изъ темнѣйшихъ въ англійской исторіи. Судя по тону хроники, она писана человѣкомъ безпристрастнымъ, непринадлежавшимъ ни къ какой партіи. Довольно-подробно описывается въ ней заключеніе Эдуарда и освобожденіе его изъ темницы. Жаль, что она рано оканчивается: послѣдніе годы царствованія этого короля такъ худо извѣстны, особенно смерть Кларенса, что подобный разсказъ объяснилъ бы, можетъ-быть, весьма многое неясное въ исторіи Англіи. И теперь такая книга составляетъ историческую драгоцѣнность.

Sir G. C. Haughton on Language (Сэръ Ж. Гохтона о языкѣ). Отношеніе между языкомъ и разумомъ или мыслію давно обращало на себя вниманіе Гохтона. Разумѣется, оно непремѣнно вводитъ его въ метафизическія глубины, и потому эта книга не можетъ быть назначена для общаго чтенія.

Вотъ два подарка для любителей чая: *Report on the Manufacture of Tea, and on the Extent and Produce of the Tea Plantations in As-*

зам. By Bruce, Superintendent of Tea Culture (Отчетъ о приготовленіи чая и о пространствѣ и произведеніи чайныхъ плантацій въ Ассамѣ. Брюса, начальника чайной плантаціи).

Tea; its Effects, Medical and Moral. By Sigmond (Чай; его дѣйствія медицинскія и нравственныя. Сигмонда).

О послѣднемъ сочиненіи мы не можемъ сказать нашего мнѣнія, потому-что книги этой здѣсь еще нѣтъ, а въ англійскихъ журналахъ мы нашли только простое объявленіе о ея выходѣ; первая же содержитъ весьма-много любопытныхъ свѣдѣній объ уходѣ за чайнымъ деревомъ, а потомъ о приготовленіи чая.

Шуточная литература такъ понравилась Англичанамъ, что они разпространили шутки и на учебныя книги. Недавно вышла новая латинская грамматика. *The comic Latin Grammear; or a Facetions Intrоduction to the latin Tongue, for the use and amusement of School-boys* (Комическая латинская грамматика). Пусть педагоги рѣшатъ, хороши ли такого рода учебныя книги; мы бы никакъ не хотѣли, вмѣстѣ съ дѣтскими уроками, пріучать дѣтей къ шуткамъ, особенно шуткамъ грамматическимъ. Вообще господа-грамматики болѣе, кажется, сотворены для-того, чтобъ быть школьными учителями, нежели смѣшить народъ своими пошлыми остротами, и, право, они сдѣлали бы гораздо лучше и принесли бы больше пользы, если бы съ указкою въ рукѣ *по старой памяти* учили читать, а не надѣвали на себя колпака.

Notes taken during Travels in Africa. By the late John Davidson in-4 (Замѣтки сдѣланныя въ-продолженіе путешествія по Африкѣ, покойнымъ Джономъ Давидсономъ). Въ этой книгѣ чрезвычайно-много любопытнаго о степяхъ африканскихъ. Если бы мы не боялись разширить и безъ того довольно большую статью объ англійской литературѣ, мы выписали бы изъ нее многое и были бы увѣрены, что и выписки и самая книга понравились бы нашимъ читателямъ.

A Treatise on the Medical Jurisprudençe of Insanity. By Rey (Разсужденіе о медицинскихъ законахъ о помѣшательствѣ). Книга весьма-важная для медиковъ и юристовъ. Прекрасное изложеніе дѣлаетъ ее удобочитаемою для каждаго.

Вотъ еще новая книга: *Gatherings from Grevegards, particularly those of London.* By Walker; но о ней мы поговоримъ послѣ.

МОДЫ.

Бархатъ нынѣ, болѣе, нежели когда-нибудь въ модѣ; онъ употребляется всюду: имъ обиваютъ комнаты, мёбель; изъ него дѣлаются дверныя занавѣсы. И въ-самомъ-дѣлѣ, что̀ можетъ быть лучше и роскошнѣе этого украшенія?

Многія дамы прикалываютъ къ волосамъ гирлянду вереска,—прическа, которая возобновляется почти каждый годъ и которая впрочемъ идетъ не ко всякому лицу. Прически раздѣляются на два разряда: на букли à la Sévigné, и на бандо или ферроньеры. Для молодыхъ дѣвицъ и дамъ предпочитается болѣе прическа ферроньерою.

Золотыя украшенія, брильянтовые узлы и аграфы изъ каменьевъ въ большомъ употребленіи. Платья болѣе всего дѣлаются изъ объяри, бархата, алансонскихъ кружевъ, а также и изъ пу де суа. Штофъ и шерстяной атласъ совершенно вышли изъ моды.

Обшиваются платья или мѣхомъ, или высокимъ воланомъ съ зубцами; манжеты изъ кружевовъ—guipure въ большой модѣ. Шали, обшитыя мѣхомъ или кружевами, замѣняютъ манжоторыхъ почти уже никто не нодъ.

Тафта темнаго цвѣта съ пунцовыми и зелеными полосками очень идетъ къ платьямъ, назначеннымъ для гулянья.

Много еще видно платьевъ съ шлейфами: на одномъ вечерѣ особенно обращали на себя вниманія два платья; одно, бархатное, цвѣта смородины, съ короткими рукавами, съ тремя буффами, которые обшиты широкими англійскими кружевами; другое бархатное гіацинтоваго цвѣта, съ корсажемъ à la grecque и съ висячими бархатными рукавами. Также очень-хорошо голубое платье изъ булавчатаго бархата, внизу широко опущенное горностаемъ; корсажъ, обшитый имъ же, только въ видѣ узенькой полоски; рукава разрѣзные, подбитые тѣмъ же мѣхомъ. Очень-хороши платья: розовое газовое, съ чехломъ изъ пу де суа, и украшенное марабу, также атласное жемчужнаго цвѣта, обшитое черными кружевами, которые съ бока приподнимаются и пришпиливаются розами.

Но мода ничего не можетъ произвесть граціознѣе тюрбановъ изъ англійскаго кружева или бархата, отдѣланныхъ газомъ съ золотой бахрамою; и бархатныхъ токовъ съ развѣвающимся на одной сторонѣ перомъ или тихо-колышащимся цвѣткомъ.

ОПЕЧАТКИ,

ЗАМѢЧЕННЫЯ ВЪ VIII ТОМѢ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ».

Въ отдѣленіи «Наукъ и Художествъ», въ статьѣ: «Менцель»:

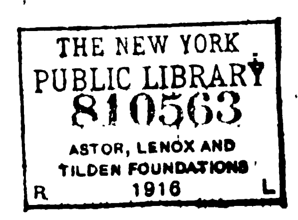
Стран.	строка. *снизу:*	*сверху:*	Напечатано:	Читай:
39	20		созданіе	сознаніе
40		11	выдумыя	выдумывая
43	14		достополезнымъ	достолюбезнымъ
45	4		Шекспиру	Шиллеру
—		6	памфлетовъ;	памфлетъ
48	22		дома	даже
59	11		безполезную лѣстницу	безконечную лѣстницу
61	14		образъ нравственности	образецъ нравственности.

Въ отдѣленіи «Критики»:

Стран.	колон.	стр.		
22	2	10	*пылкая* натура	*полная* натура
44	1	26	старая *объективная* форма	старая, *отвѣтшалая* форм

Въ отдѣленіи «Словесности» въ статьѣ «Раздѣлъ имѣнія»:

стран.	строк.	напечатано:	читай:
164	10 снизу	важныя	разныя
176	7 сверху	онъ перекреститъ ее и они лягутъ спать —	онъ перекреститъ ее, и она рекреститъ его, и они ля спать.
178	12 снизу	я велю повывесть	я велю его вывесть

ОБЗОРЪ НЫНѢШНЯГО СОСТОЯНІЯ РАЗНЫХЪ ЧАСТЕЙ ГОСУДАРСТВЕННАГО УПРАВЛЕНІЯ ЗА ВТОРУЮ ПОЛОВИНУ 1839 ГОДА (*).

=

Въ первой книжкѣ «Отечеств. Записокъ» нынѣшняго года мы изчислили подробности великаго событія, которымъ ознаменовался 1839 годъ въ исторіи царства русскаго,—мы говоримъ о прекращеніи уніи, совершившемся въ первой половинѣ 1839 года (въ мартѣ мѣсяцѣ), но опубликованномъ не прежде октября мѣсяца и, слѣдственно, долженствовавшимъ войдти въ нашу хронику за вторую половину года.

Другой важный актъ нашего благодѣтельнаго и попечительнаго правительства совершился при самомъ началѣ второй половины года: это—уничтоженіе лажа. Вспомнимъ всѣ многочисленныя жалобы, которыя внезапно раздались во всѣхъ концахъ Россіи на непомѣрное возвышеніе лажа, на непостоянную цѣнность денегъ нашихъ, и на потери, отъ того произтекавшія; вспомнимъ, какъ нѣкоторые изъ насъ, изчисляя всѣ эти странныя волнованья въ денежномъ обращеніи, говорили, въ утѣшеніе, что, рано ли, поздно ли, правительство увидитъ все и все изправитъ. Но правительство уже видѣло, знало это и изобрѣтало и испытывало средства къ прекращенію зла, повсюду разливавшагося. Наконецъ, настало время, и Высочайшій манифестъ рѣшительно низпровергъ вкравшееся злоупотребленіе, преградивъ всѣ пути къ возрожденію его. Новая мѣра съ перваго взгляда оказалась столь благодѣтельною, столь естественною по простотѣ и доступности своей, что всѣ съ

(*) Подобный «Обзоръ» за *первую* половину 1839 года помѣщенъ былъ въ X-й и XI-й книжкахъ «Отеч. Записокъ» прошлаго года.

сердечною благодарностію поспѣшили возпользоваться ею. Теперь мало-по-малу образовываются по сей системѣ всѣ казенные взносы, по правительственной и судебной частямъ, а торговля и сбытъ произведеній между народомъ немедленно возпріяли свое движеніе на семъ вновь данномъ основаніи, безъ малѣйшей запутанности и затрудненія. Билеты депозитной кассы вполнѣ замѣнятъ намъ ассигнаціи, металлическія деньги навсегда утвердятся въ своей цѣнности, продажа и покупка равно пойдутъ въ своихъ выгодахъ, и никто уже не будетъ имѣть ни нужды, ни повода жаловаться на мнимую надбавку денегъ, которая существовала только въ цифрахъ, а не на дѣлѣ. Этотъ переворотъ нашей денежной системы, приведенной къ единству, послужитъ свидѣтельствомъ, какъ важна была для внутренней Россіи вторая половина 1839 года.

Съ тою же благодѣтельною предусмотрительностію правительство отдалило срокъ спеціальнаго размежеванія и даровало правила, которыя предоставляютъ всѣ средства къ полюбовнымъ сдѣлкамъ, необходимымъ и важнымъ для каждаго благонамѣреннаго владѣльца. Изъ всѣхъ отзывовъ, печатныхъ и изустныхъ, очевидно, что едва-ли не всѣ поспѣшатъ возпользоваться этими средствами, столь терпѣливо предлагаемыми правительствомъ; ибо нельзя ожидать, чтобъ нашлись люди, которые не поняли бы благой цѣли спеціальнаго размежеванія. И домашніе споры тягостны; каковы же должны быть споры изъ-за клочка черезполоснаго владѣнія, можетъ-быть и съ добрымъ сосѣдомъ!

Учрежденіе въ С. Петербургѣ Изправительнаго Заведенія вполнѣ обнаруживаетъ, какими человѣколюбивыми мѣрами преслѣдуетъ и изправляетъ правительство даже самые пороки и проступки. Человѣколюбіе и христіанское милосердіе знаменуютъ всѣ пути его.

Въ постановленіяхъ относительно состояній ясно обнаруживается совершеннѣйшее опредѣленіе правъ каждаго изъ нихъ. Евреямъ предоставлено право на общественныя должности, приведенъ въ систему коробочный сборъ ихъ, дарованы имъ льготы отъ рекрутской повинности при переходѣ въ земледѣльческое состояніе. Отставныхъ нижнихъ чиновъ дозволено избирать въ волостные головы, и уже есть примѣры подобнаго избранія. Такъ воинъ, прослужившій долговременно и съ честію царю и отечеству, находитъ не только пріютъ, но и почетъ на родинѣ своей,

гдѣ ему открываются средства творить добро своимъ сородичамъ, какъ человѣку, отличенному царской службой и опытомъ.

Чрезвычайно-важенъ законъ объ актахъ, совершаемыхъ отъ глухо-нѣмыхъ и нѣмыхъ. Онъ совершенно предупреждаетъ всѣ злоупотребленія, которыя могли бы отяготить еще болѣе и безъ того горестную участь сихъ страдальцевъ, а судебнымъ мѣстамъ предоставляетъ всю возможность ограждать права ихъ и открывать подлоги и козни. Продолженіе учрежденія арестантскихъ ротъ подаетъ вѣрныя средства къ извлеченію общественныхъ пользъ отъ тѣхъ людей, которые своими пороками наносили обществу одинъ только вредъ.

Открытіе новыхъ ярмарокъ, образъ размѣщенія въ крестьянскихъ селеніяхъ строеній, въ предупрежденіе пожаровъ, льготы нѣкоторымъ городскимъ обществамъ, отпускъ денегъ въ пособіе городскимъ доходамъ и проч. выражаютъ попечительность правительства объ общественномъ благоустройствѣ.

Такъ въ каждомъ движеніи нашего государственнаго управленія открываются подвиги добра и отеческой попечительности; но тщетно старались бы мы изчислить здѣсь все, чтò предпріято и сдѣлано имъ полезнаго въ теченіе какихъ-нибудь послѣднихъ шести мѣсяцевъ 1839 года, и посему приступаемъ къ изложенію, на принятомъ нами основаніи, всѣхъ учрежденій и постановленій за вторую половину 1839 года, надѣясь доставить нашимъ читателямъ удобство обозрѣть всѣ дѣйствія правительства въ означенное время.

—

I. Государственныя Учрежденія.

— Въ 28 день мая удостоенъ Высочайшаго подписанія статутъ ордена св. Станислава. Высочайшимъ указомъ, даннымъ того же числа Капитулу Императорскихъ и Царскихъ Орденовъ, повелѣно: 1) Бывшую четвертую степень ордена св. Станислава упразднить; пожалованныхъ до изданія статута четвертою степенью ордена переименовать въ кавалеры третьей степени, а третьей степени въ кавалеры второй степени; лицамъ же, пожалованнымъ до изданія сего статута второю степенью ордена св. Станислава, носить знаки онаго по-прежнему со звѣздою. 2) Въ положенные статутомъ комплекты на полученіе пенсій помѣщать пожалованныхъ орденомъ св. Станислава съ 17/29 ноября 1831 года на слѣдующемъ

основаніи: а) *По первой степени:* пожалованныхъ сею степенью съ означеннаго времени по тому старшинству, какъ внесены они въ кавалерскій списокъ; б) *По второй степени:* помѣщать въ комплектъ прежде-получившихъ знаки сей степени со звѣздою до изданія статута по старшинству пожалованія; а потомъ уже переименованныхъ въ кавалеры второй степени изъ прежде бывшей третьей степени, по старшинству ихъ пожалованія сею послѣднею степенью; в) *По третьей степени:* помѣщать въ комплектъ переименованныхъ въ кавалеры сей степени изъ бывшей четвертой степени, слѣдуя порядку внесенія ихъ въ списокъ, и г) пожалованные по изданіи сего статута кавалерами вообще всѣхъ трехъ степеней не прежде поступаютъ въ комплектъ пенсіонеровъ, какъ послѣ помѣщенія уже въ оный всѣхъ кавалеровъ, до изданія статута пожалованныхъ. 3) Выданныя отъ Капитула Орденовъ грамоты на пожалованіе орденомъ св. Станислава бывшихъ третьей и четвертой степеней оставить при лицахъ, награжденныхъ оными, въ прежнемъ ихъ видѣ, такъ-какъ они, на основаніи настоящаго установленія, по спискамъ Капитула Орденовъ и по формулярнымъ ихъ спискамъ въ новомъ наименованіи своемъ имѣютъ быть гласны.—Приступаемъ къ нѣкоторымъ извлеченіямъ изъ статута. Орденъ Станислава установляется отнынѣ въ награду заслугъ, споспѣшествующихъ общему благу Россійской Имперіи, или нераздѣльнаго съ нею Царства Польскаго. Въ общемъ порядкѣ старшинства россійскихъ орденовъ, орденъ св. Станислава слѣдуетъ за орденомъ св. Анны. Право на награду орденомъ св. Станислава вообще предоставляется всѣмъ тѣмъ изъ вѣрноподданныхъ Россійской Имперіи и Царства Польскаго, кто преуспѣяніемъ въ христіанскихъ добродѣтеляхъ или отличною ревностію къ службѣ на поприщѣ военномъ, какъ на суши, такъ и на моряхъ, или гражданскомъ, или же и въ частной жизни, совершеніемъ какого-либо подвига на пользу человѣчества или общества, или края, въ которомъ живетъ, или цѣлаго Россійскаго Государства, обратитъ на себя особое монаршее вниманіе. Право сіе разпространяется равно какъ на духовные чины иностранныхъ изповѣданій, такъ на всѣ чины военные, сухопутные и морскіе, и гражданскіе, на дворянъ чиновныхъ и безчиновныхъ, на почетныхъ гражданъ и купцовъ, и вообще служащихъ и неслужащихъ. Орденомъ симъ могутъ быть награждаемы также и иностранцы, когда кто изъ нихъ, оказавъ на дѣлѣ у-

сердіе и доброхотство къ Россійской Имперіи, тѣмъ-самымъ обратить на себя вниманіе монаршее и признательность. Каждому кавалеру ордена св. Станислава и сопричисленному къ сему ордену дозволяется украшать пожалованными орденскими знаками печати и другія вещи, на которыхъ изображеніе фамильнаго герба или вензеля употребляется. Дворяне, награжденные симъ орденомъ, хотя бы то было и внѣ службы, имѣютъ право участвовать въ дѣлахъ дворянскихъ собраній. Изъ подданныхъ Россійской Имперіи, лица духовнаго званія иностранныхъ христіанскихъ изповѣданій, кромѣ духовенства римско-католическаго, и лица, состоящія въ службѣ военной, сухопутной и морской, или гражданской, чрезъ пожалованіе ихъ орденомъ св. Станислава, безъ различія ихъ рода и произхожденія, пріобрѣтаютъ потомственное дворянство Россійской Имперіи. Римско-католическое духовенство пользуется правами только личнаго дворянства. Права на дворянство въ Царствѣ Польскомъ, какъ потомственное, такъ и личное, пріобрѣтаются чрезъ пожалованіе орденомъ св. Станислава, на основаніи изданнаго въ 1836 году особаго для царства положенія о дворянствѣ. Нойоны и Зайсанги калмыцкаго народа, кочующаго въ Астраханской Губерніи и Кавказской Области, получившіе орденъ св. Станислава, также пользуются правомъ потомственнаго дворянства Россійской Имперіи. Чины башкирскихъ войскъ съ пожалованіемъ ордена св. Станислава потомственнаго дворянства не пріобрѣтаютъ, но пользуются правами одного только личнаго дворянства. Дѣти чиновниковъ не изъ дворянъ и духовныхъ лицъ, получившихъ орденъ св. Станислава съ правомъ потомственнаго дворянства, рожденныя прежде пожалованія отцовъ ихъ симъ орденомъ, признаются на-равнѣ съ тѣми дѣтьми, которыя рождены послѣ пожалованія, въ дворянскомъ достоинствѣ, изключая дѣтей, рожденныхъ въ податномъ или крѣпостномъ состояніи. Лица купеческаго званія, пожалованныя орденомъ св. Станислава $^{17}/_{29}$ ноября 1831 по $^{10}/_{22}$ апрѣля 1836 года, признаются личными дворянами. Купцамъ же, жалуемымъ симъ орденомъ съ $^{10}/_{22}$ апрѣля 1836 года, даруется потомственное почетное гражданство. Въ пользу лицъ, пожалованныхъ орденомъ св. Станислава, назначается ежегодно 66,000 рублей ассиг., для производства изъ сей суммы пенсій опредѣленному числу пожалованныхъ каждою степенью ордена въ слѣдующемъ количествѣ: *По первой* степени полагается 30 пенсіонеровъ, съ назначеніемъ каждому пенсіи по 500

рублей въ годъ; по *второй* степени 60 пенсіонеровъ съ пенсіею каждому по 400 руб. въ годъ; по *третьей* степени 90 пенсіонеровъ, съ пенсіею каждому по 300 руб. въ годъ. Сверхъ вышеизложенныхъ преимуществъ и выгодъ, недостаточнымъ кавалерамъ, пожалованнымъ симъ орденомъ съ $^{11}/_{29}$ ноября 1831 года, исключая первой степени онаго, которыя въ Россійской Имперіи состоятъ въ чинахъ не свыше оберъ-офицерскаго или 9-го класса, и имѣютъ во владѣніи своемъ не болѣе ста душъ крестьянъ, а въ Царствѣ Польскомъ находятся при должностяхъ не свыше 9-го разряда и получаютъ дохода не болѣе четырехъ тысячь злотыхъ въ годъ, предоставлено еще право помѣщать малолѣтныхъ дочерей ихъ, для воспитанія, въ находящійся въ Санктпетербургѣ Маріинскій Институтъ, въ опредѣленномъ для того заведенія комплектѣ пансіонерокъ Капитула на иждивеніи Капитула Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ Орденовъ. При выпускѣ изъ института, дѣвицы, отличившіяся успѣхами въ наукахъ и поведеніемъ своимъ, получаютъ отъ Капитула Орденовъ въ награжденіе единовременно по 500 руб., а всѣ прочія пансіонерки Капитула по 400 руб. въ годъ. (Ук. Сен. іюня 23).

— Въ 1-й день іюля изданъ Высочайшій манифестъ объ устройствѣ денежной системы; предлагаемъ этотъ актъ въ полномъ его видѣ: «Разныя перемѣны, временемъ и силою обстоятельствъ въ Нашей денежной системѣ произведенныя, имѣли послѣдствіемъ не только присвоеніе государственнымъ ассигнаціямъ, вопреки первоначальному ихъ назначенію, первенства надъ серебромъ, составляющимъ основную Имперіи Нашей монету, но и возрожденіе, чрезъ то самое, многообразныхъ лажей, въ каждой почти мѣстности различныхъ. Убѣждаясь въ необходимости положить, безъ всякаго отлагательства, конецъ симъ колебаніямъ, нарушающимъ единство и стройность нашей монетной системы и влекущимъ за собою потери и затрудненія разнаго рода для всѣхъ сословій въ государствѣ, Мы, по всегдашней попечительности о пользахъ Нашихъ вѣрно-подданныхъ, признали за благо принять рѣшительныя мѣры къ пресѣченію происходящихъ отъ сего неудобствъ и къ упрежденію оныхъ на будущее время. Вслѣдствіе того, по подробномъ обсужденіи всѣхъ принадлежащихъ сюда вопросовъ въ Государственномъ Совѣтѣ, постановляемъ нижеслѣдующее: I. Въ возстановленіе правила манифеста блаженныя памяти Императора Александра I-го 20-го іюня 1820 года, серебряная россій-

скаго чекана монета отнынѣ впредь установляется главною государственною платежною монетою, а серебряный рубль настоящаго достоинства и съ настоящими его подраздѣленіями, главною, непремѣняемою законною мѣрою (монетною единицею) обращающихся въ государствѣ денегъ; соотвѣтственно чему всѣ подати, повинности и сборы, а также разные платежи и штатные разходы, въ свое время имѣютъ быть изчислены на серебро. II. При таковомъ установленіи серебра главною платежною монетою, государственныя ассигнаціи, согласно первоначальному ихъ назначенію, остаются вспомогательнымъ знакомъ цѣнности съ опредѣленіемъ имъ отнынѣ впредь единожды навсегда постояннаго и непремѣняемаго на серебро курса, считая серебряный рубль, какъ въ крупной, такъ и въ мелкой монетѣ, въ три рубля пятьдесятъ копеекъ ассигнаціями. III. По сему постоянному курсу предоставляется на волю плательщиковъ вносить какъ серебряною монетою, такъ и ассигнаціями: а) всѣ казенныя подати и повинности, земскіе, мірскіе и другіе сборы и всѣ вообще казною предназначенные и ей слѣдующіе платежи; б) всѣ платежи по особымъ таксамъ, какъ на-примѣръ: почтовыя и вѣсовыя деньги, прогоны, за соль, за откупные напитки, гербовую бумагу, паспорты, бандероли, и проч. и в) всѣ платежи, слѣдующіе государственнымъ кредитнымъ установленіямъ, приказамъ общественнаго призрѣнія и частнымъ, правительствомъ учрежденнымъ, банкамъ. IV. Равнымъ образомъ и всѣ штатные разходы, а равно всѣ вообще платежи изъ казны и кредитныхъ установленій и проценты по билетамъ Государственнаго Казначейства и по государственнымъ фондамъ, на ассигнаціи изчисленнымъ, будутъ производимы по тому же самому постоянному курсу, серебромъ или ассигнаціями, соображаясь съ наличностію того или другаго рода денегъ. V. Всѣ платежи и выдачи вышепоименованныя имѣютъ быть производимы по означенному курсу со дня обнародованія настоящаго манифеста. Но курсъ податной, который на нынѣшній годъ, въ ожиданіи принятія окончательныхъ по сему предмету мѣръ, — оставленъ былъ въ 360 копеекъ, какъ уже утвержденный, сохраняетъ сей размѣръ свой и впредь по 1840 годъ въ-отношеніи собственно податей, повинностей и другихъ платежей, въ статьѣ III лит. а. и б. означенныхъ, равно-какъ и по-всѣмъ штатнымъ и тому подобнымъ опредѣлительнымъ изъ казны выдачамъ. На томъ же основаніи, по неудобству для торговаго сословія всякой перемѣны въ

срединѣ года, оставляется по 1840 годъ и настоящій курсъ таможенный. VI, Всѣ счеты, условія и вообще всякаго рода сдѣлки, какъ въ дѣлахъ казны съ частными лицами, и обратно частныхъ лицъ съ казною, такъ и во всѣхъ вообще дѣлахъ частныхъ людей между собою, отнынѣ имѣютъ быть производимы и совершаемы единственно на серебряную монету. Поелику же, при обширности имперіи, правило сіе не можетъ возпріять дѣйствія своего вдругъ на всемъ ея пространствѣ, то оное дѣлается во всей своей силѣ обязательнымъ съ 1-го января 1840 года, и съ того времени ни присутственныя мѣста, ни маклера и нотаріусы, не должны принимать къ совершенію и засвидѣтельствованію никакихъ сдѣлокъ на ассигнаціи, подъ собственною ихъ въ томъ отвѣтственностію. Но самые платежи по всѣмъ, какъ прежнимъ, на ассигнаціи совершеннымъ, такъ и новымъ, на одно лишь серебро постановляемымъ обязательствамъ, сдѣлкамъ и условіямъ, дозволяется производить безъ различія серебромъ и ассигнаціями, по курсу, выше во II статьѣ постановленному, и никто не имѣетъ права отказываться отъ пріема по сему курсу того или другаго рода денегъ безъ различія. VII. Размѣръ ссудъ изъ государственныхъ кредитныхъ установленій отнынѣ опредѣляется равномѣрно на серебро, полагая по семидесяти-пяти, шестидесяти и сорока-пяти рублей серебромъ на ревижскую мужеска пола душу. VIII. Для открытія всѣхъ путей къ свободному размѣну, вмѣняется уѣзднымъ казначействамъ въ обязанность производить по мѣрѣ находящихся въ нихъ на лицо суммъ, обмѣны по тому же курсу въ 3 руб. 50 коп. ассигнацій на серебро и обратно серебра на ассигнаціи каждому приносителю, суммою въ однѣ руки до ста рублей серебромъ, ассигнаціями же въ соразмѣрность тому. IX. За симъ, присвоеніе ассигнаціямъ какого-либо инаго курса, кромѣ вышепостановленнаго, равно надбавка на серебро и на ассигнаціи какого-либо лажа, или употребленіе, при новыхъ сдѣлкахъ, такъ называемаго счета на монету, строжайше возпрещается. Биржевый же вексельный курсъ, а равно всякаго рода показанія въ биржевыхъ ярлыкахъ, прейс-курантахъ и проч. означать отнынѣ всегда на серебро, и курса ассигнаціямъ на биржахъ впредь вовсе уже не отмѣчать. X. Золотая монета въ казну и въ кредитныя установленія принимается и изъ нихъ выдается 3% выше нарицательной ея цѣнности, именно: имперіялъ въ 10 руб. 30 коп. и полуимперіялъ въ 5 руб. 15 коп. серебромъ. XI. Дабы устранить всякій поводъ къ стѣсненіямъ

казначействамъ и кредитнымъ установленіямъ поставляется въ обязанность отнюдь не отказывать приносителямъ въ пріемѣ монеты россійскаго, какъ стараго, такъ и новаго чекана, подъ однимъ предлогомъ неясности знаковъ или легковѣсности, если только разпознать можно наружныя изображенія штемпеля, возвращая одну лишь монету обрѣзанную, проколотую или изпиленную. XII. Мѣдной, находящейся нынѣ въ обращеніи монетѣ, впредь до передѣла оной по счету на серебро, присвояется хожденіе на слѣдующемъ основаніи: а) въ-отношеніи къ серебру считать три съ половиною копейки мѣдью (какъ 36 такъ и 24 рублеваго въ пудѣ достоинства) за одну копейку серебромъ, и б) монету сію принимать казнѣ въ подати, повинности и во всѣ прочіе платежи, попрежнему во всякомъ количествѣ, кромѣ тѣхъ только платежей, гдѣ количество взноса сей монеты опредѣлено именно въ самыхъ контрактахъ: кредитнымъ установленіямъ неболѣе, какъ на десять копеекъ серебромъ, а между частными лицами по обоюдному, въ отношеніи количества, соглашенію.

—Высочайше повелѣно возобновить пріемъ въ Сохранную Казну отъ частныхъ вкладчиковъ и всякихъ мѣстъ и заведеній на обращеніе капиталовъ въ россійской золотой и серебряной монетѣ состоящихъ, на основаніи общихъ правилъ о вкладахъ (августа 11).

— Для окончанія дѣлъ, счетовъ и отчетовъ бывшаго въ составѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ Медицинскаго Департамента, поступившихъ въ Департаментъ Казенныхъ Врачебныхъ Заготовленій, учреждена на два года особая Врачебная Коммиссія, съ предоставленіемъ ей права дѣйствовать во всѣхъ отношеніяхъ независимо отъ Департамента Врачебныхъ Заготовленій, входить въ безпосредственныя сношенія съ департаментами министерствъ и съ другими имъ равными и низшими мѣстами и лицами, и дѣлать высшему начальству представленія, когда встрѣтится въ томъ надобность. Штатъ простирается до 6,400 р. (августа 13).

— Высочайше повелѣно: 1) въ VIII (судное) Отдѣленіе Перваго Департамента Министерства Государственныхъ Имуществъ прибавить еще одинъ столъ въ полномъ его составѣ, сообразно Высочайше утвержденнымъ 26 декабря 1837 года штатамъ. 2) Въ отвращеніе могущаго произойдти отъ сего обширнаго состава одного отдѣленія накопленія дѣлъ, раздѣлить судное отдѣленіе на два, съ наименованіемъ изъ нихъ одного VIII (суднымъ), а другаго IX (слѣдственнымъ), составя VIII отдѣленіе изъ трехъ, а IX изъ двухъ

столовъ. 3) Для управленія вновь прибавленнымъ IX (слѣдственнымъ) отдѣленіемъ опредѣлить, одного начальника отдѣленія съ жалованьемъ по 3 т. руб. и столовыми по 1500 руб. въ годъ и одного журналиста съ жалованьемъ по 1 т. руб. и столовыми по 200 руб. въ годъ. 4) Для усиленія способовъ Перваго Отдѣленія того же департамента опредѣлить въ оное одного столоначальника съ жалованьемъ по 1800 руб. и столовыми по 750 руб. въ годъ. 5) Потребную сумму на содержаніе вновь-прибавленнаго въ Судномъ Отдѣленіи стола, на содержаніе начальника отдѣленія и журналиста Слѣдственнаго Отдѣленія и столоначальника 1-го Отдѣленія, составляющую 15,490 руб. въ годъ, отнести на счетъ 15 т. руб., на усиленіе сего департамента чиновниками положенныхъ, а недостающіе 490 руб. на - счетъ остатковъ отъ штатныхъ суммъ департамента. 6) Вновь-прибавляемыя должности, какъ по разписанію должностей по классамъ, такъ и по разписаніямъ мундировъ и пенсіонныхъ окладовъ по разрядамъ, считать въ тѣхъ самыхъ классахъ и разрядахъ, въ коихъ положены подобныя званія Министерства Государственныхъ Имуществъ и 7) существующее нынѣ въ Первомъ Департаментѣ IX (счетное) Отдѣленіе, наименовать X-мъ (ноября 1).

— Министру внутреннихъ дѣлъ или управляющему министерствомъ предоставлено самому разрѣшать производство въ городахъ и уѣздахъ разныхъ необходимыхъ устроеній, какъ-то домовъ, улицъ, площадей, мостовъ, плотинъ, частей береговыхъ укрѣпленій и прочихъ по строительной части новыхъ сооруженій и направленій изъ городскихъ доходовъ и земскихъ сборовъ, безъ ограниченія суммы, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда предметъ разхода на точномъ основаніи существующихъ узаконеній долженъ быть отнесенъ на означенные доходы или сборы и можетъ быть покрытъ наличными капиталами, остатками или сметными годовыми суммами, съ соблюденіемъ впрочемъ правилъ, постановленныхъ вообще о городскомъ хозяйствѣ и земскихъ повинностяхъ; равнымъ образомъ, когда предметъ разхода по прочимъ условіямъ въ ст. 1992 Свод. Учр. Гос. (Прод. за 1832—1835 годы) изложеннымъ, или по какимъ либо другимъ особымъ причинамъ, не будетъ требовать Высочайшаго разрѣшенія (ноября 6).

— Предоставлено самому Министерству Внутреннихъ Дѣлъ разрѣшать пріемъ въ число запасовъ на обезпеченіе продовольствія какъ проса, такъ и другаго хлѣба, на тѣхъ же правилахъ, на ка-

кихъ 2-мъ примѣчаніемъ къ ст. 4 Свод. Уст. о Нар. Продов. (Прод. за 1837 годъ) предоставлено уже оному разрѣшать пріемъ кукурузы и дозволенъ пріемъ проса въ Крыму, т. е. не иначе, какъ по представленіямъ Коммиссіи Продовольствія и не болѣе половины всего количества хлѣба, назначеннаго къ окончательному сбору съ каждой ревижской души по положенію (ноября 15).

— Утверждены 1) табели казенныхъ доходовъ и расходовъ, перелагаемыхъ съ 1840 года на серебро, и 2) наставленіе о переложеніи на серебро разнородныхъ, на ассигнаціи исчисленныхъ суммъ, служащихъ размѣромъ какъ при различныхъ дѣйствіяхъ управленія и судебнаго производства, при взысканіи единовременныхъ разнаго рода платежей, штрафовъ и пеней, при наградахъ и другихъ единовременныхъ изъ казны выдачахъ, такъ и при нѣкоторыхъ опредѣленныхъ между частными людьми и правительствомъ платежахъ (ноября 17).

— По именнымъ Высочайшимъ указамъ повелѣно: для лучшаго устройства дѣлъ по Главному Управленію Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій, департаментъ сего управленія раздѣлить на два отдѣльные департамента и назначить главноуправляющему товарища. Департаменты сіи именовать Первый и Второй. Въ составъ перваго ввести изъ существующаго Департамента Путей Сообщенія четыре отдѣленія, завѣдывающія работами по сухопутнымъ и водянымъ сообщеніямъ государства и по публичнымъ зданіямъ, къ тѣмъ сообщеніямъ принадлежащимъ. Въ составъ Втораго Департамента ввести изъ существующаго Департамента Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій: а) канцелярію онаго, преобразовавъ ее въ отдѣленіе; б) отдѣленіе, завѣдывающее дѣлами по публичнымъ зданіямъ, находившимся до 1833 года въ вѣдѣніи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ; в) отдѣленіе, завѣдывающее дѣлами по судоходству на государственныхъ водяныхъ сообщеніяхъ, и г) отдѣленіе, завѣдывающее счетною частію вѣдомства путей сообщенія и публичныхъ зданій. Къ сему же департаменту причислить Казначейство и Архивъ Главнаго Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій. Каждому изъ вновь-учрежденныхъ двухъ департаментовъ состоять въ управленіи особаго директора на основаніи общаго учрежденія министерствъ; но сіи департаменты подчиняются непосредственному начальству товарища главноуправляющаго, черезъ коего и поступаютъ ихъ дѣла, какъ на раз-

рѣшеніе главноуправляющаго, такъ и на разсмотрѣніе Совѣта Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій. Товарищу главноуправляющаго быть членомъ Совѣта Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій, завѣдывающимъ тутъ дѣлопроизводствомъ по указаніямъ главноуправляющаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ по дѣламъ вѣдомства путей сообщенія и публичныхъ зданій. Временные штаты сихъ двухъ департаментовъ простираются до 236,700 руб.

—Образованъ изъ находящихся въ Царствѣ Польскомъ ученыхъ и учебныхъ заведеній Варшавскій Учебный Округъ, съ причисленіемъ онаго къ Министерству Народнаго Просвѣщенія на главныхъ началахъ, въ имперіи по сей части существующихъ, подъ совокупнымъ наблюденіемъ намѣстника царства и министра народнаго просвѣщенія имперіи (ук. ноября 30).

— Изданы образцы билетовъ депозитной кассы, учрежденной при Коммерческомъ Банкѣ. Предлагаемъ здѣсь описаніе ихъ:

а) Билетъ 25-рублеваго достоинства. Бумага бѣлая со свѣтлымъ внутреннимъ водянымъ изображеніемъ словъ: «депозитный билетъ 25 руб. 1840».

На лицевой сторонѣ билета отпечатана черною краскою гильешированная рамка или бордюръ, вверху коего посрединѣ въ восьмиугольномъ украшеніи изображенъ двуглавый орелъ, а по угламъ рамки, въ овальныхъ щитахъ, означены вверху достоинство билета, а внизу, въ такихъ же щитахъ — годъ; въ срединѣ самой рамки напечатано черною краскою: «Государственный Коммерческій Банкъ выдаетъ по сему билету немедленно по предъявленіи его двадцать пять рублей серебряною монетою». Подписи: Тов. упр. Ком. Банкомъ, директоръ и кассиръ. Всего девять строкъ.

На оборотной сторонѣ восьмиугольная гильешированная рамка, въ срединѣ коей напечатано въ пяти параграфахъ вдвойнѣ тремя мелкими шрифтами, прямымъ и курсивнымъ, извлеченіе изъ правилъ о депозитныхъ вкладахъ.

б) 5 рублеваго достоинства. Бумага бѣлая со внутреннимъ водянымъ изображеніемъ словъ: «депозитный билетъ 5 руб. 1840».

На лицевой сторонѣ билета отпечатана синею краскою гильешированная рамка (бордюръ), вверху коей посрединѣ изображенъ двуглавый орелъ, и по сторонамъ означено въ четыреугольныхъ щитахъ со штрихами достоинство билета, внизу же въ щитахъ на бѣломъ полѣ годъ; въ срединѣ рамки напечатано черною краскою:

Государственный Коммерческій Банкъ выдастъ по сему билету немедленно по предъявленіи его пять рублей серебряною монетою. Подписи: Тов. упр. Ком. Банкомъ, директоръ и кассиръ. Всего восемь строкъ.

На оборотѣ билета черефольная гильешированная рамка, напечатанная голубою краскою, по срединѣ коей напечатано вдвойнѣ тремя разными шрифтами извлеченіе изъ правилъ о депозитныхъ вкладахъ, въ пяти параграфахъ.

Въ-дополненіе къ сему считаемъ нужнымъ изложить здѣсь нѣкоторыя изъ правилъ, данныхъ депозитной кассѣ серебряной монеты, учрежденной именнымъ Высочайшимъ указомъ при Государственномъ Коммерческомъ Банкѣ. Въ кассу сію принимаются отъ просителей, для храненія, вклады серебряною монетою россійскаго чекана. Поступающая въ депозитную кассу монета хранится неприкосновенно и отдѣльно отъ суммъ Коммерческаго Банка и ни на какой иной расходъ, какъ только для обратнаго промѣна, не употребляется. Въ замѣнъ вкладовъ изъ депозитной кассы выдаются билеты, подъ названіемь: «билеты депозитной кассы», на первый разъ достоинствомъ въ три, пять, десять и двадцать-пять рублей серебромъ; въ-послѣдствіи же, по ближайшему усмотрѣнію надобности могутъ быть выпускаемы билеты и въ одинъ, пятьдесять и сто рублей серебромъ. Билетамъ депозитной кассы присвояется хожденіе по всей имперіи наравнѣ съ серебряною монетою, безъ всякаго лажа, по всѣмъ внутреннимъ платежамъ и обязательствамъ какъ частныхъ лицъ съ казною и кредитными установленіями, и взаимно казны и кредитныхъ установленій съ частными лицами, такъ равно сихъ послѣднихъ между собою. По предъявленіи билетовъ въ депозитную кассу, предъявителю выдается немедленно безъ малѣйшей остановки и безъ всякаго вычета за обмѣнъ и храненіе подлежащее количество серебряною монетою. Пересылка сихъ билетовъ чрезъ почту производится съ платежомъ страховыхъ денегъ съ суммы и вѣсовыхъ съ пакетовъ. За поддѣлку ихъ поступается по тѣмъ же узаконеніямъ, какія существуютъ на-счетъ поддѣлки государственныхъ бумагъ.

II. Губернскія Учрежденія.

— Повелѣно запасные магазины въ селеніяхъ казеннаго вѣдомства, вмѣстѣ съ денежными капиталами, предоставить въ полное

вѣдѣніе Министерства Государственныхъ Имуществъ, которое имѣетъ составить подробное о семъ положеніе (Ук. Сен. іюня 26).

— Разрѣшено Таврической Казенной Палатѣ земли обмежеванныя, но на которыя не выдано еще плановъ, по истеченіи года послѣ межеванія, принимать въ залогъ по поставкѣ топлива для войскъ, расположенныхъ въ Таврической Губерніи, по удостовѣренію Симферопольской Межевой Конторы о количествѣ десятинъ по оцѣнкѣ сосѣдей, съ удостовѣреніемъ въ благонадежности оцѣнщиковъ и уѣзднаго предводителя дворянства, пустопорожнія по 5 руб. за десятину, а садовыя на общихъ правилахъ о залогахъ.

— Дозволено Семипалатинской Ратушѣ выдавать тамошнему торгующему сословію свидѣтельства на право торговли, съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ, на выдачу оныхъ установленныхъ, съ тѣмъ, чтобы ратуша, по мѣрѣ поступленія денегъ, слѣдующихъ за тѣ свидѣтельства, отсылала оныя при именномъ спискѣ въ Бійское Окружное Казначейство, не далѣе какъ съ первою почтою (Ук. Сен. мая 27).

Постановлено, въ видѣ изъятія изъ правила, въ 224 ст. Свод. Учр. и Уст. о Общ. Приз. (т. 13), чтобы приказы общественнаго призрѣнія на присылаемыя къ нимъ отъ дѣтскихъ пріютовъ для обращенія суммы, собственно симъ заведеніямъ принадлежащія, которыя будутъ находиться въ приказахъ не менѣе шести мѣсяцевъ, платили узаконенные проценты (іюня 27).

— Состоялось Высочайше утвержденное положеніе Комитета гг. Министровъ о квартирныхъ деньгахъ и помѣщеніяхъ для полицейскихъ чиновниковъ въ губернскихъ, уѣздныхъ и другихъ городахъ. По сему положенію полицейскимъ чиновникамъ, помѣщающимся въ казенныхъ или въ выстроенныхъ отъ городовъ домахъ, отпускаются деньги только на отопленіе и освѣщеніе оныхъ; а гдѣ нѣтъ таковыхъ домовъ, тамъ выдаются квартирныя деньги по классамъ занимаемыхъ ими должностей и по сравненію съ военными чиновниками (іюня 30).

— Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта постановлено: трактиры въ С. Петербургѣ, подобно всѣмъ другимъ заведеніямъ сего рода, вмѣсто отдачи ихъ на откупъ съ торговъ, обложить постояннымъ акцизомъ. Акцизъ сей со всѣхъ вообще трактировъ, въ С. Петербургѣ нынѣ существующихъ, сообразно положенію Комитета Министровъ, 26 ноября 1835 года

Высочайше утвержденному, ограничить въ сложности 106,300 руб. асс., т. е. тою суммою, которая состоялась на послѣднихъ торгахъ и которую содержатели трактировъ доселѣ платятъ. Разпредѣленіе означенныхъ 106,300 руб. на всѣ существующіе нынѣ трактиры предоставить сдѣлать градской думѣ по соглашенію съ настоящими содержателями оныхъ и съ утвержденія военнаго генерал-губернатора (мая 31).

— Удостоено Высочайшаго утвержденія положеніе Комитета гг. Министровъ о правилахъ освидѣтельствованія работъ по зданіямъ гражданскаго вѣдомства. По сему положенію всѣ казенныя сооруженія, перестройка и изправленія зданій должны быть свидѣтельствованы на законномъ основаніи лицами, въ самыхъ работахъ неучаствовавшими. Свидѣтельствованія сіи бываютъ: а) *частныя* — для платежа денегъ подрядчикамъ и поставщикамъ въ разные сроки; б) *внезапныя* — во время производства работъ, в) *обыкновенныя* или *отдѣльныя*, по мѣрѣ дѣйствительнаго окончанія каждаго сооруженія, перестройки или изправленія порознь и г) *общія*, дѣлаемыя при общихъ обозрѣніяхъ отряжаемыми для того лицами: сіи послѣднія разпространяются на всѣ зданія, какъ вновь-возводимыя, такъ и прежде построенныя (Ук. іюля 4).

— По указу 25 іюля 1834 года учрежденъ вспомогательный земскій сборъ на 6 лѣтъ съ 1835 по 1841 годъ, для назначенія пособія губерніямъ, отягощеннымъ денежными платежами на отправленіе земскихъ повинностей. Въ-послѣдствіи, при отнесеніи на сей же источникъ уплатъ кредитнымъ установленіямъ по займамъ на построеніе шоссе, означенный сборъ увеличенъ 40%. Нынѣ, именнымъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату, повелѣно: установленные на вспомогательный капиталъ сборы продолжить до окончательнаго возмѣщенія помянутыхъ займовъ (іюля 18).

—Повелѣно: перемѣстить изъ Тобольска въ Омскъ слѣдующія части управленія: 1) Корпусный штабъ, не отдѣляя отъ него управленія военно-топографической съемки Западной Сибири и инженернаго управленія кордонныхъ вѣдомствъ; 2) Тобольскую Провіантскую Коммиссію; 3) Управленіе сибирскаго округа артиллерійскихъ гарнизоновъ и находящіяся въ его вѣдѣніи: вторую половину оренбуржскаго арсенала, окружную школу и учебную команду; 4) Управленіе VIII округа корпуса жандармовъ и 5) Главное управленіе Западной Сибири (іюля 19).

—Казеннымъ палатамъ западныхъ и остзейскихъ губерній предписано, чтобъ онѣ, во-первыхъ, дѣйствію указа, 30 сентября 1837 года Кіевской Казенной Палатѣ даннаго и бывшимъ временнымъ совѣтомъ для управленія Департаментомъ Государственныхъ Имуществъ на прочія западныя и остзейскія губерніи разпространеннаго, о мѣрѣ изчисленія пени за несрочный платежъ арендныхъ денегъ владѣльцами и содержателями арендныхъ и старостинскихъ имѣній, не подвергали владѣльцевъ и содержателей тѣхъ имѣній, съ которыми до того заключены уже контракты, содержащія въ себѣ условія, несогласныя съ содержащимися въ томъ указѣ правилами, а поступали въ начисленіи и взысканіи пени съ неизправныхъ плательщиковъ на точномъ основаніи условій, означенныхъ въ контрактахъ; во-вторыхъ, указъ тотъ приняли руководствомъ при заключеніи контрактовъ объ отдачѣ казенныхъ имѣній въ содержаніе на будущее время, оставивъ однакоже мѣстные экономическіе сроки, гдѣ какіе въ 39 ст. 8 т. Свод. Уст. объ Арендн. Имѣніяхъ установлены, безъ измѣненія, впредь до особаго о томъ постановленія (іюня 26).

— Постановлено, чтобъ строенія, въ городѣ Керчь-Еникалѣ находящіяся, въ обезпеченіе казны принимать впредь не иначе, какъ по новой, послѣ настоящаго положенія, оцѣнкѣ, съ удостовѣреніемъ изчисленной суммы со стороны керчь-еникольскаго градоначальника (іюня 27).

— Повелѣно для присутсвованія при оцѣнкѣ представляемыхъ городскими обывателями залоговъ, на изпрашиваемую ими ссуду изъ вспомогательнаго капитала, назначать, со стороны комитета объ устройствѣ губернскихъ городовъ, городоваго архитектора (іюня 30).

— Всѣ губерніи, для отправленія рекрутскаго набора, вмѣсто сѣверной и южной полосъ, повелѣно раздѣлить на полосы западную и восточную. Въ сихъ полосахъ считать губерніи: *Въ западной:* Архангельскую, Олонецкую, Санктпетербуржскую, Новгородскую, Тверскую, Смоленскую, Псковскую, Эстляндскую, Лифляндскую, Курляндскую, Виленскую, Бѣлостокскую Область, Гродненскую, Минскую, Витебскую, Могилевскую, Волынскую, Кіевскую, Подольскую, Херсонскую, Таврическую, Екатеринославскую, Полтавскую, Черниговскую, Орловскую, Курскую и Харьковскую; *въ восточной:* Вологодскую, Костромскую, Ярославскую, Владимірскую, Московскую, Калужскую, Тульскую, Рязанскую, Тамбов-

скую, Воронежскую, Войско Донское, Кавказскую Область, Астраханскую, Саратовскую, Пензенскую, Симбирскую, Нижегородскую, Казанскую, Вятскую, Пермскую, Оренбуржскую, Тобольскую, Томскую, Енисейскую и Иркутскую (Ук. іюля 12).

— Высочайше утверждена инструкція для руководства при изполненіи предварительныхъ мѣръ полюбовнаго спеціальнаго размежеванія. Назначенный мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, 8 января 1836 года, трехгодичный срокъ продолженъ еще на два года. Въ каждомъ губернскомъ городѣ учреждается особая посредническая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства, изъ уѣзднаго предводителя сего города и наличныхъ депутатовъ. Губернскій предводитель, по усмотрѣнію надобности, для совѣщанія можетъ пригласить дворянъ и другія лица, извѣстныя ему по опытности и свѣдѣніямъ въ семъ дѣлѣ. Въ эти коммиссіи назначится нѣсколько землемѣровъ Межеваго Корпуса. Въ каждомъ уѣздѣ будетъ, въ качествѣ постояннаго ходатая по дѣламъ межеванія, особый посредникъ, а по значительному пространству уѣзда или особенной дробности чрезполосныхъ дачь, два и даже три, и столько же кандитатовъ для замѣщенія посредниковъ, въ случаѣ болѣзни или отсутствія ихъ по другимъ непредвидимымъ обстоятельствамъ. Посредники должны быть избираемы изъ дворянъ того же уѣзда, или той же губерніи, и въ выборахъ предоставляется участвовать всѣмъ дворянамъ, имѣющимъ тамъ поземельную собственность, хотя бы по общимъ правиламъ они и не имѣли права избирательнаго голоса. Въ сіи званія могутъ быть избираемы и уѣздные предводители дворянства. Къ полюбовному размежеванію дачь общаго и чрезполоснаго владѣнія предоставляются владѣльцамъ слѣдующіе способы: а) Когда владѣльцы, безъ предварительной съемки дачь, раздѣлили ее между собою на участки, съ означеніемъ симъ послѣднимъ положительныхъ границъ въ натурѣ, то, по оконченному такимъ-образомъ въ самомъ существѣ дѣлу, остается имъ только просить губернскую коммиссію снестись съ гражданскимъ губернаторомъ, чтобъ сдѣлалъ разпоряженіе о командированіи уѣзднаго землемѣра для утвержденія сдѣланныхъ ими межъ и составленія на всѣ участки установленныхъ законами плановъ и межевыхъ книгъ, или чтобъ, при недостаткѣ уѣздныхъ землемѣровъ, снесся съ главнымъ директоромъ Межеваго Корпуса, или товарищемъ его, о высылкѣ на коштъ владѣльцевъ землемѣра межеваго корпуса или помощника. б) Когда владѣльцы, согласные на миролюбное размежева-

ніе общей ихъ дачи, пожелали бы, прежде раздѣла, подробнымъ снятіемъ на планъ привести въ точную извѣстность пространство, положеніе и качество всѣхъ земель, въ современномъ владѣніи каждаго изъ нихъ вообще или отдѣльномъ владѣніи состоящихъ, чтобы имѣть твердое основаніе для уравнительнаго между собою раздѣла и безошибочнаго составленія полюбовной сказки, то для достиженія сей цѣли они могутъ: или нанять частнаго землемѣра, или чрезъ губернскую коммиссію просить межевое начальство о командированіи казеннаго землемѣра или помощника. в) Когда владѣльцы, неизбравшіе ни того, ни другаго изъ двухъ предъидущихъ способовъ, пожелали бы размежеваніе общей дачи предоставить распоряженіямъ посредника, въ семъ случаѣ посредникъ обязанъ: *а*) распорядиться о предварительномъ снятіи дачи на планъ; *б*) при недостаткѣ казенныхъ, пріискать частнаго землемѣра; *в*) если частный землемѣръ не будетъ пріисканъ, представить губернской коммиссіи, чтобы снеслась съ гражданскимъ губернаторомъ, который дѣлаетъ распоряженіе о командированіи уѣзднаго землемѣра, или, при недостаткѣ уѣздныхъ землемѣровъ, относится къ главному директору Межеваго Корпуса, или товарищу его, о высылкѣ землемѣра сего корпуса или помощника; *г*) для вызова къ размежеванію всѣхъ участниковъ доставить свои о томъ извѣщенія подъ расписку наличнымъ помѣщикамъ, повѣреннымъ, управляющимъ имѣніями, равно какъ и тѣмъ лицамъ, кои отъ разныхъ вѣдомствъ будутъ въ ономъ участвовать, или отнестись письменно къ тѣмъ изъ нихъ, кои ни сами на лицо не будутъ, ни повѣренныхъ отъ себя не представятъ. По соглашеніи владѣльцевъ на полюбовный разводъ, когда нарѣзки всѣми владѣльцами будутъ подписаны, посредникъ относится въ губернскую коммиссію для сношенія о командированіи казеннаго землемѣра, который, по учиненіи повѣрки дачи съ специальнымъ планомъ, предварительно сочиненнымъ, обязанъ составить подъ руководствомъ посредника полюбовный актъ по утвержденнымъ владѣльцами нарѣзкамъ на мѣстѣ. Послѣ сего актъ сей имѣетъ быть представленъ на утвержденіе въ уѣздный судъ, и когда судомъ оный утвердится, землемѣръ поставитъ межевые признаки и составитъ планы (Ук. іюля 13).

— Обнародованы положенія Исправительнаго Заведенія и Рабочаго Дома въ С. Петербургѣ. Изъ положеній сихъ видно, что Исправительное Заведеніе учреждается для людей продерзостныхъ, поведеніемъ своимъ повреждающихъ добронравіе, наносящихъ

стыдъ и зазоръ обществу. Изправительное Заведеніе содержаніемъ таковыхъ людей въ заключеніи, ограждая, въ-отношеніи частномъ, спокойствіе семействъ и споспѣшествуя, въ-отношеніи общемъ, къ сохраненію благочинія, имѣетъ обязанность стараться о изправленіи порученныхъ ему людей до того, чтобы возвратить ихъ полезными и самимъ-себѣ, и семействамъ, и обществу. Изправительное Заведеніе, съ сею цѣлію учреждаемое, замѣняетъ смирительный домъ, принимая въ руководство и правила сего дома, съ изъятіями и дополненіями, соотвѣтственными цѣли, положеніемъ симъ опредѣленнымъ. Заведеніе это состоитъ въ числѣ заведеній общественнаго призрѣнія, и заключаетъ въ себѣ помѣщенія особыя для мужескаго и особыя для женскаго пола, имѣя сверхъ-того подраздѣленія по состоянію людей. Главное управленіе Изправительнымъ Заведеніемъ поручается Попечительному Совѣту Заведеній Общественнаго Призрѣнія въ С. Петербургѣ, на правилахъ, преподанныхъ въ положеніи о заведеніяхъ сихъ, Высочайше конфирмованныхъ 8 іюня 1829 года. Заведеніе сіе имѣетъ свою контору, своего смотрителя, помощниковъ и помощницу смотрителя, надзирателя и надзирательницъ, съ прочими чинами и прислугою; также имѣетъ свою церковь, содержитъ и священника съ причтомъ, и наконецъ врача. Въ Изправительное Заведеніе могутъ быть назначаемы люди, пребывающіе въ С. Петербуржской Губерніи, всѣхъ состояній по приговорамъ, требованіямъ и прошеніямъ мѣстъ и лицъ, имѣющихъ на то право по существующимъ законамъ. Никто не можетъ быть назначенъ навсегда и безсрочно, равно не принимаются и менѣе, какъ на мѣсяцъ. Кто разъ былъ уже въ заведеніи, тотъ вторично не принимается. Занятія или работы подраздѣлены на приличествующія вообще всѣмъ состояніямъ, полу и возрасту, и особенно каждому изъ нихъ. Такимъ-образомъ не изнуряя, не насилуя и не оскорбляя никого, Изправительное Заведеніе достигаетъ цѣли своей тѣмъ путемъ, какимъ бы шли въ обществѣ и сами-по-себѣ лица, подвергнувшіяся изправленію. Всѣмъ этимъ занятіямъ предшествуютъ и заключаютъ ихъ молитвы утреннія и вечернія, и въ главѣ общихъ занятій состоитъ: чтеніе закона Божія и правилъ нравственности, на евангеліи основанныхъ, чтеніе другихъ духовныхъ и нравоучительныхъ книгъ, равно книгъ историческихъ и другихъ, позволенныхъ, и переписка молитвъ и другихъ, къ вѣрѣ, также къ воспитанію, нравственности и хозяйству относящихся разсужденій. Мы полагаемъ, что наименованія этихъ спасительныхъ спо-

собовъ достаточно, чтобъ въ совершенствѣ дать постигнуть всю благословенную цѣль Изправительнаго Заведенія и спасительность религіозныхъ мѣръ его.

— Повелѣно, въ замѣнъ 473 ст. Св. Учр. и Уст. о Общ. Призр. (т. 13) постановить: приказы общественнаго призрѣнія принимаютъ отъ частныхъ вкладчиковъ и всякихъ мѣстъ и заведеній на обращеніе капиталы въ россійской золотой и серебряной монетѣ состоящіе, на основаніи общихъ правилъ о вкладахъ (авг. 28).

— Всемилостивѣйше дарованы городу Кишиневу, начиная съ 1840 года, впредь на десять лѣтъ, т. е., по 1 января 1850 года, слѣдующія льготы: 1) всѣхъ тѣхъ, которые въ-теченіе сего времени пріобрѣтутъ покупкою для собственнаго своего употребленія какія-либо зданія или торговыя заведенія, освободить отъ платежа гильдейскихъ повинностей; 2) льгота сія разпространяется и на тѣхъ, кои устроили подобныя заведенія или зданія въ-теченіе послѣднихъ лѣтъ, начиная съ 1 января 1836 года, и проч.

— Дозволено находящимся въ губерніяхъ штаб-офицерамъ жандармовъ и изправляющимъ ихъ должность имѣть безпрепятственный входъ въ тюремныя заведенія, для осмотра положенія содержащихся тамъ арестантовъ (сент. 19).

— Дозволено тюремнымъ комитетамъ помѣщать содержащихся въ тюрьмахъ малолѣтныхъ арестантскихъ дѣтей (кромѣ грудныхъ младенцевъ) въ заведенія приказовъ общественнаго призрѣнія, хотя бы и въ богадѣльни, съ тѣмъ, чтобъ издержки, потребныя на содержаніе ихъ, въ-продолженіи того времени, пока они будутъ находиться въ отдѣленіи приказовъ (т. е. до выпуска родителей ихъ изъ тюрьмы), относимы были на-счетъ отпускаемыхъ изъ казны, по силѣ ст. 41 Свода Уст. о содержащихся подъ стражею, кормовыхъ денегъ и собственныхъ суммъ тюремныхъ комитетовъ (сент. 21).

— Высочайше соизволено существованіе Временнаго Отдѣленія при С. Петербуржской Управѣ Благочинія продолжить еще на одинъ годъ, и именно по 23 іюля 1840 года, на тѣхъ же основаніяхъ, какія въ изданномъ для него 21 мая 1838 года положеніи и штатѣ указаны (окт. 12.

— Мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, Высочайше утвержденнымъ, дозволено приказамъ общественнаго призрѣнія губерній

велико-россійскихъ, независимо отъ установленныхъ уже въ законѣ обезпеченій, производить ссуды и подъ залогъ незаселенныхъ удобныхъ и нечрезполосно-лежащихъ земель, кромѣ тѣхъ только губерній и уѣздовъ, въ которыхъ таковыя незаселенныя земли, по закону, не пріемлются въ обезпеченіе по подрядамъ и поставкамъ (ноября 18).

— Высочайше утвержденное 8 апрѣля 1831 года (на шестилѣтній срокъ) положеніе о производствѣ надъ горцами и другими закавказскими народами суда и разправы, разрѣшено оставить, до изданія общаго учрежденія объ управленіи Закавказскаго Края, въ настоящей его силѣ и дѣйствіи, съ допущенными токмо въ немъ въ-послѣдствіи измѣненіями: относительно сужденій Татаръ и горскихъ народовъ нѣкоторыхъ дистанцій военнымъ судомъ и относительно Армянской Области, получившей особое образованіе (ноября 7).

— Высочайше утвержденъ штатъ Временной Счетной Коммисіи, учрежденной въ Ставрополѣ для окончанія дѣлъ, возникшихъ изъ ревизіи счетовъ Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса за время съ 1827 по 1835 годъ. Штатъ сей простирается до 2238 р. 35 коп. (ноября 2).

— Высочайше утверждено сдѣланное въ 1837 году Главнымъ Управленіемъ Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій учрежденіе канцеляріи при директорѣ, управляющемъ верхневолжскимъ отдѣленіемъ, въ видѣ нормальнаго для сей канцеляріи штата; при чемъ разрѣшено временно прибавить въ помянутую канцелярію помощника секретаря, бухгалтера и двухъ писцовъ (нояб. 8).

— Вмѣсто существующей въ г. Омскѣ таможенной заставы повелѣно учредить таможню 3 класса, съ предоставленіемъ ей права очищать пошлиною всѣ товары, тарифомъ незапрещенные; находящуюся же въ крѣпости Бухтармѣ таможню упразднить, учредивъ вмѣсто оной таможенный постъ. Штатъ омской таможни восходитъ до 6070 руб., а таможеннаго поста въ Бухтармѣ до 1050 руб.

— На Домъ Трудолюбія Симбирскаго Общества Христіанскаго Милосердія разпространены преимущества по квартирной повин-

пости, кои дарованы кіевскому и бѣлостокскому институтамъ благородныхъ дѣвицъ (нояб. 30).

— Изданы правила о постойной повинности въ городахъ Севастополѣ, Кишиневѣ и Могилевѣ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

О ЛИТЕРАТУРНОЙ ВЗАИМНОСТИ МЕЖДУ ПЛЕМЕНАМИ И НАРѢЧІЯМИ СЛАВЯНСКИМИ.

(Окончаніе).

═

§ 13. *Важность взаимности въ отношеніи къ великому назначенію славянскихъ народовъ.* — Жизнь человѣчества есть развитіе ума или внутренняго міра человѣка. Народы — формы проявленія человѣчества. Цѣль человѣчества — безпрерывное развитіе; но человѣчество путь свой измѣряетъ не шагами, часами и верстами, а стадіями, столѣтіями, цѣлыми эпохами. Запасъ свѣдѣній, открытій, изобрѣтеній, однимъ словомъ, сумма опытовъ, накопленная столѣтіями, или народомъ,—когда исчезнетъ этотъ народъ, переходитъ въ руки его преемника; этотъ преемникъ въ свою очередь надъ нею трудится; наслѣдство свое онъ увеличиваетъ, совершенствуетъ и передаетъ грядущему. Всякому народу, позднѣе другихъ выходящему на поприще міра, какъ младшему явленію человѣчества, не нужно начинать съ начала, останавливаться на всѣхъ ступеняхъ образованія, на которыхъ стоятъ народы-предшественники: его дѣло развивать далѣе жизнь предшественниковъ и довести ее до высшаго совершенства. На развалинахъ отжившихъ народовъ потомки возвышаютъ на нѣсколько ярусовъ зданіе усовершенствованія.

Когда исчезли Греція и Римъ, образованность перешла въ руки германо-романскихъ языковъ и народовъ. Но у нихъ стихія образованности разпалась на два начала, такъ рѣзко отдѣляющіяся одно отъ другаго, что нужно было отличить ихъ названіями «древняго» и «новаго міра». Древнее начало въ искусствѣ, наукѣ и образованности есть по-преимуществу языческое, народное; оно возникло изъ характера Грековъ и Римлянъ, и хотя само въ себѣ было прекрасно но все-таки одностороннее; начало новое, романическое, рыцарское, сантиментальное, есть германо-христіанское: оба въ своихъ противоположныхъ направленіяхъ выслужили свой срокъ человѣчеству; они пережили самихъ-себя. Теперь зрѣлое человѣчество

требуетъ универсальнаго, чисто-человѣческаго направленія; но разрѣшить эту великую задачу можетъ только народъ великій, дѣвственный въ своемъ образованіи, народъ, неостывшій въ устарѣлыхъ формахъ—Славяне. Народы мелкіе думаютъ и чувствуютъ, такъ сказать, въ-половину; ихъ мысли и чувства какъ мотыльки порхаютъ на слабыхъ крыльяхъ, при первомъ чрезмѣрномъ усиліи они подрываются, разбиваются до крови, такъ-что и самый плодъ образованности, который они завѣщаютъ человѣчеству, носитъ слѣды крови, насилія, причиненнаго другимъ народамъ, которыми они думали усилиться, умножиться; вообще въ немъ замѣтна какая-то неестественная насмѣшка. Напротивъ того, народы великіе, когда разъ пробудятся къ духовной жизни, возносятся до небесъ, однимъ взоромъ обнимаютъ все человѣчество, и всё это легко, естественно, безъ всякихъ усилій, безъ вреда другимъ. Славянамъ суждено примирить міръ древній съ міромъ новымъ, воспринять въ народную жизнь свою двѣ разрозненныя стихіи образованности, и дальнѣйшимъ ихъ развитіемъ, во благо человѣчеству, основать новую эпоху; они послужатъ новымъ, живымъ средоточіемъ при развитіи новой, или лучше обновленной образованности человѣчества. Между древнимъ и новымъ міромъ теперь яркая противоположность; настало время смягчить ее, изгладить. Древніе Греки и Римляне были богаты реальностью и природою, красотою и эстетикою: народы новые изобилуютъ идеальностью, духомъ, истиною и логикою; у тѣхъ была поэзія, архитектура, громкія празднества; у этихъ музыка, наука, математика, естественная исторія. У древнихъ преобладали чувственность, фантазія, вкусъ, у новыхъ болѣе ума и чувства: однимъ словомъ, у первыхъ объективность, у насъ субъективность, у нихъ начало мужское, у насъ женское. Даже языки у нихъ образовались не такъ, какъ у насъ. У Грековъ и Римлянъ благозвучіе, богатство въ склоненіяхъ, разнообразіе въ падежахъ, рѣчь періодическая, мѣрная (numerus oratorius) въ прозѣ, количественное стихосложеніе и риѳмъ въ поэзіи: въ германо-романскихъ языкахъ суровость и шероховатость, изуродованные корни, обезображенное произношеніе (*), бѣдность въ склоненіяхъ, окончанія, утомляющія своимъ однозвучіемъ, рѣчь, замед-

(*) Кто узнаетъ въ этомъ видѣ, слѣдуя произношенію и чтенію Англичанъ, стихъ Виргилія:

Taitiri tjuh peſchjulih rikjubäns söb tehmini ſehtschei?
(Tityre tu patule recubans sub tegmine fagi).

ленная вяло-тянущимися предлогами, вспомогательные глаголы, требующіе длинной описательной фразы, бѣдное стихосложеніе, основанное на удареніи, съ жалкими риѳмами, оскорбляющими то глазъ, то ухо. Въ древнихъ языкахъ, рядомъ съ риѳмомъ (объективною, внѣшнею количественностью слоговъ) шло удареніе (субъективная, внутренняя количественность); германо-романскіе языки, напротивъ того, живутъ только одностороннею, субъективною жизнью. Пластика, изображеніе тѣлесной красоты (напр. Венеры, Аполлона) имѣетъ извѣстные предѣлы, которыхъ время не отодвинетъ: напротивъ того, духовная сила, поэзія, естествознаніе, философія и т. д. съ теченіемъ времени должны развиваться далѣе и далѣе. Романтическое, новое начало управляло людьми въ-продолженіи многихъ столѣтій и принесло свою пользу человѣчеству: оно породило и возлелѣяло рыцарство, христіанскую набожность, смиреніе, любовь, надежду, тоску по лучшемъ мірѣ и многія другія добродѣтели: но, въ новѣйшія времена, оно почти-совершенно рушилось. Новое начало перешагнуло за свои предѣлы и породило пресыщеніе, раздражительность, утомленіе духа, притупленіе чувствъ; вотъ характеръ нашего столѣтія. Сервантесъ, въ «Дон-Кихотѣ», и преимущественно Байронъ въ себѣ-самомъ и въ лицѣ своихъ подражателей, послѣдовательно провели это болѣзненное начало міра новаго и довели его до высшей точки развитія. Міръ новый достигъ цѣли своего стремленія,—теперь опять намъ должно возвратиться къ средоточію. Древнія формы образованности гибнутъ, должны погибнуть; онѣ для насъ тѣсны, ломки. Рождаются новыя воззрѣнія и формы, открываются новые каналы для образованія, и ничто въ свѣтѣ не удержитъ потока обновленія образованности, новаго воззрѣнія на міръ. Всякая крайность, странность, слѣдствіе пресыщенія, изобилія благъ, покидающая формы, предписываемыя природою, есть знакъ упадка вкуса, перезпѣлой образованности.

§ 14. *Славяне одарены всѣми способностями къ выполненію своего назначенія.*—Мы умалчиваемъ о внѣшнихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, объ основныхъ выгодахъ, матеріальныхъ и физическихъ, условливающихъ достиженіе высокой цѣли славянскаго народа. Мы не укажемъ на объемъ славянскаго племени, составляющаго приблизительно десятую часть всего рода человѣческаго (Славянъ за 70 мильйоновъ); силы всего этого народонаселенія сосредоточены въ одно цѣлое, и это уже даетъ возможность совершить многое. Мы не будемъ говорить о чрезмѣрномъ его протяженіи: Сла

вяне обитаютъ во всѣхъ странахъ свѣта; они занимаютъ половину Европы, треть Азіи, нѣкоторую часть Америки, и притомъ не отдѣльными, разрозненными клочками, какъ Англичане и Нѣмцы, а большими массами. Мы пропустимъ выгодное положеніе Славянъ, относительно мѣстности — Славяне занимаютъ средину между Европою и Азіею, и какъ солнце могутъ проливать лучи свѣта во всѣ стороны, на западъ и востокъ, на сѣверъ и югъ. Не упомянемъ о ихъ отрасляхъ, о ихъ протяженіи въ нѣдра другихъ племенъ, о ихъ изгибахъ, которыми они, такъ-сказать, сплетаются съ другими народами, и чрезъ то получаютъ возможность свободно дѣйствовать на сосѣдей, служить многостороннимъ проводникомъ образованія: мы коснемся только другихъ, внутреннихъ, менѣе-извѣстныхъ обстоятельствъ. У другихъ народовъ, одна духовная способность или стѣсняетъ другія, или предшествуетъ имъ въ развитіи; духъ поэзіи клонится у нихъ преимущественно или къ чудесному (у Испанцевъ), или къ страстному (у Итальянцевъ), или къ остротѣ и общежительности (у Французовъ), или наконецъ къ умозрѣнію (у Нѣмцевъ); у Славянъ, какъ доказываютъ доселѣ извѣстныя намъ народныя пѣсни и собственно художественныя произведенія, въ поэзіи, кажется, участвовали всѣ силы духа подъ преимущественнымъ вліяніемъ фантазіи. Въ другихъ народахъ умъ и чувство на такомъ разстояніи одно отъ другаго, что читатель устаетъ, безпрестанно переносясь отъ головы къ сердцу: Славянинъ мыслитъ и чувствуетъ въ одно время; въ храмѣ славы обнялись эти два генія-покровителя человѣчества, и изъ ихъ союза для будущности родится одна, лучшая жизнь, въ которой въ возможной полнотѣ предстанетъ и осуществится идеалъ человѣчества. Это, можетъ-быть, одна изъ причинъ, почему мы такъ медленно подвигаемся въ образованіи: мы несемъ на вершину Олимпа въ *одномъ* сосудѣ *всѣ* дары, *всѣ* сокровища, дарованныя намъ свыше; другіе несутъ ихъ по частямъ, поодиначкѣ. И это весьма-естественно. Другіе народы большею частію привязаны къ одному климату, обитаютъ подъ однимъ небомъ, гдѣ чувства или мерзнутъ отъ сѣвернаго холода, или выгораютъ отъ зноя южнаго: только славянскій народъ живетъ и трудится подъ всѣми небесами, граничитъ тамъ съ Камчадаломъ, Лапландцемъ и Самоѣдомъ, здѣсь съ Итальянцемъ, Грекомъ, Арабомъ; а это бросаетъ свѣтъ во всѣ концы, развиваетъ всѣ изгибы его духа, приводитъ въ игру и движеніе всѣ силы и нервы его внутренней жизни. Ибо всякій народъ, отдѣльно взятый, есть органъ образованности и

преимущественно поэзіи, условливаемый климатомъ: поэзія итальянская развила въ себѣ рыцарство и вообще всѣ предметы, обильные поэзіею, совсѣмъ не такъ, какъ скандинавская, гдѣ все является въ одной формѣ, подъ вліяніемъ природы сѣверной, которая бываетъ по-сердцу только самимъ жителямъ сѣвера. Славянская поэзія до-сихъ-поръ процвѣтала подъ всевозможными вліяніями, при всевозможныхъ направленіяхъ. Въ народѣ славянскомъ сосредоточиваются всѣ религіозныя мнѣнія церкви и вѣроисповѣданія: есть православные, католики, протестанты; они ограничиваютъ взаимно другъ друга и, съ одной стороны, удовлетворяютъ духу полнотою ощущеній и строгимъ выполненіемъ положительныхъ правилъ, а съ другой — безпрерывно побуждаютъ къ дѣятельности, даютъ пищу уму изпытующему, и, какъ силы-соперницы, ведутъ родъ человѣческій къ дальнѣйшему образованію. Другое обстоятельство, ясно указывающее Славянамъ на ихъ назначеніе — быть творцами новой эпохи въ образованіи человѣчества и дающее имъ на то средство, есть языкъ ихъ: въ немъ соединяются всѣ преимущества языковъ древнихъ и новыхъ. Мы не будемъ говорить о преимуществахъ и красотахъ языка славянскаго — не потому, чтобы онъ былъ оцѣненъ достаточно въ многочисленныхъ сочиненіяхъ, говорившихъ о немъ съ эпохи возрожденія народа, но потому - что совершенства его не нуждаются ни въ доказательствахъ, ни въ похвалахъ. Чуднымъ-образомъ языкъ славянскій сосредоточиваетъ въ себѣ и оба рода стихосложенія языковъ древнихъ и новыхъ; онъ обладаетъ совершеннѣйшею греко-римскою, классическою метрикою, имѣетъ и германо-романскую теорію ударенія, повышенія и пониженія голоса; отъ этого на языкѣ нашемъ можно легко, безъ всякихъ затрудненій писать стихи; ибо языкъ славянскій свободно движется въ обѣихъ стихіяхъ, во всевозможныхъ поэтическихъ формахъ и родахъ стиховъ, и даже въ этомъ двойномъ объективно - субъективномъ стихосложеніи соединяетъ въ себѣ двѣ основныя стихіи образованія міра древняго и міра новаго. Гекзаметръ и стихъ александрійскій, пентаметръ и стансы, метры сафическій, алкаическій и сонеты, риѳмъ и количественность на языкѣ славянскомъ удаются превозходно. Онъ соединяетъ въ себѣ логическую точность языковъ новыхъ въ прозѣ съ музыкальнымъ теченіемъ рѣчи въ поэзіи древней, для котораго необходима количественность и риѳмъ, чтобы сообщить ей въ высшей степени живость и изобразительность; ибо всѣ отношенія, основанныя на мелодіи музы-

кальной, поражая слухъ, дѣйствуютъ на сердце. Въ романтической поэзіи вниманіемъ овладѣваетъ мысль; она преобладаетъ надъ звуками и заставляетъ насъ забывать неблагозвучіе и недостатки эвриѳмическіе: въ поэзіи славянской оба условія совершенства мысли и формы могутъ быть достигнуты, могутъ быть соглашены. И эти условія находятся не только порознь въ частныхъ нарѣчіяхъ, ихъ можно видѣть нерѣдко въ одномъ и томъ же, на-пр. въ богемско-славянскомъ.

Славянинъ, не выходя изъ своего племени, имѣетъ удобнѣйшій случай воспитать себя въ духѣ человѣчности, возпарится постепенно до высокой точки зрѣнія всечеловѣческой. Онъ можетъ мало-по-малу пріучать себя къ этому надъ отдѣльными, однородными племенами; онъ можетъ возвышать въ себѣ это чувство чистой любви къ человѣчеству, распространять его отъ лица на племя, отъ племени на многія племена, отъ племенъ на цѣлый народъ, на все человѣчество. Другіе народы такъ глубоко погрузились въ свою національность, такъ исключительно преданы этой эгоистической любви къ родинѣ, для которой внѣ отечества ничего нѣтъ, такъ влюблены въ свою завѣтную, богатую словесность, опутаны ею со всѣхъ сторонъ, что никакъ не могутъ изъ-подъ нея высвободиться, не могутъ двигаться свободно въ новой стихіи. У другихъ народовъ, идея человѣчности подчиняется идеѣ народности,—у Славянъ будетъ напротивъ. Все это, вмѣстѣ взятое: количество народа, его положеніе между странами свѣта, подъ различными климатами, сліяніе въ немъ различныхъ религій и церквей, языковъ и поэзій, характеръ народа—все служитъ для насъ достаточнымъ ручательствомъ за народъ славянскій. Онъ вполнѣ созрѣлъ для своего назначенія, къ которому призываютъ его времена и народы; ему исключительно принадлежатъ всѣ нужныя для-того способности, качества и средства. Провидѣніе не можетъ противорѣчить самому-себѣ: не уже ли допуститъ оно, чтобы многочисленный, самобытный, богато-одаренный природою и много испытавшій народъ послужилъ ему для ничтожной цѣли? Языкъ этого народа провидѣніе разлило далеко по лицу земли, токомъ плавнымъ, естественнымъ, безъ насилія; этотъ языкъ провело по столѣтіямъ, возпитало и развило среди бурь и неблагопріятныхъ обстоятельствъ, всегда предохраняло и спасало его,—вѣрно, этотъ языкъ и этотъ народъ благословитъ оно на великій подвигъ: надобно только, чтобы Славяне

сами научились лучше понимать и повиноваться определеніямъ Промысла.

Предчувствіе этого проглядываетъ и у нѣкоторыхъ чужестранныхъ писателей; такъ на-пр. Фальмерайеръ въ своей «Исторіи Мореи» (стр. 5) говоритъ: «Теперь, кажется, владычество надъ родомъ человѣческимъ переходитъ отъ латинскихъ и германскихъ народовъ въ руки великому племени Славянъ». Итакъ Славяне должны принять на себя великое дѣло—продолжать духовную жизнь человѣчества, быть посредниками между древнимъ и новымъ міромъ, между востокомъ и западомъ, оживить обветшалыя стихіи образованности и дать имъ значеніе всечеловѣческое; разрозненные умы соединить въ одинъ лучезарный фокусъ и обратить его впередъ, лицомъ къ будущему; однимъ словомъ, имъ суждено воспринять въ себя всю человѣчность, вышедшую изъ стихій образованности древней и новой, въ-слѣдствіе естественнаго процесса развитія, и эту человѣчность, очищенную прохожденіемъ сквозь многія столѣтія, олицетворить въ себѣ, облагородить, развить далѣе. Задача прекрасная, славная, высокая! Люди чувства, люди мысли, не жалѣйте для нея трудовъ и силъ своихъ! Когда-то настанетъ то счастливое время, когда каждый Славянинъ, уважаемый всѣми народами, гордясь своимъ произхожденіемъ, смѣло будетъ взирать на цѣлостность народа славянскаго, благополучно исполнившаго свое высокое назначеніе!... Это не значитъ, чтобы образованіе и словесность другихъ народовъ должны были симъ окончиться, или сбиться на ладъ славянскій: онѣ все будутъ жить, — но должны будутъ промѣнять свою романтическую стихію на стихію чистой человѣчности; всѣ народы тѣснѣе сблизятся съ Славянами, освятятся, почерпнутъ новую жизнь изъ начала человѣчности ими созданнаго и взлелѣяннаго; въ противномъ случаѣ, имъ не миновать неизбѣжной судьбы всего того, что̀ переживаетъ себя, что̀ не летитъ за временемъ; они состарѣются и исчезнутъ въ общемъ потокѣ образованія.

§ 15. Правда, мы опоздали на поприщѣ міра: за-то мы свѣжи, молоды; что̀ совершили другіе народы, мы знаемъ; но что̀ совершимъ мы, того не знаетъ никто. Владыка вселенной каждому столѣтію, каждой эпохѣ назначаетъ роль въ великой драмѣ, которую разъигрываютъ народы. Иныя племена ждутъ недолго и созрѣваютъ скоро; другія долго дожидаются своей очереди. Въ жизни народовъ нѣтъ скачковъ отъ младенчества къ возрасту юношескому и отъ возраста юношескаго къ мужеству.

Что растетъ, разцвѣтаетъ и созрѣваетъ скоро, то скоро и блекнетъ. Булыжникъ и алмазъ — оба камни, только первый образуется мѣсяцами, годами; второй столѣтіями. Что касается до Славянъ, они уже вышли на свѣжій воздухъ; для нихъ мелькнула заря возрожденія въ духѣ современномъ; они достигли до той ступени на пути къ просвѣщенію, они сознали тѣ основныя начала, которыя хотя и не составляютъ еще утонченной мудрости, переразвившагося образованія, но способны удерживать въ народѣ внутреннюю жизнь, управлять ею: нѣкоторыя племена начинаютъ быть самобытными въ словесности, они созрѣваютъ мощными членами, сильными тружениками новаго, великаго, духовнаго міра.

Говорятъ: «характеръ Славянина слишкомъ тихъ, кротокъ, вялъ; ему не достаетъ силы и энергіи выполнить великое назначеніе». Но, кажется, ненужно даже быть Славяниномъ, а стоитъ только подумать, чтобы удостовѣриться въ силѣ и энергіи народа, стяжавшаго мужествомъ и доблестью владычество надъ десятою частью земнаго шара, и до-сихъ-поръ, среди сильнѣйшихъ бурь, вѣковыхъ переворотовъ, среди отчаянныхъ нападеній отъ многочисленныхъ враговъ, умѣвшаго поддерживать себя и спасти честь свою. Правда, Славяне никогда не хлопотали о всемірной монархіи, никогда не занимались кровопролитіями и завоеваніями, какъ ремесломъ, ибо умѣли любить и уважать независимость, не только свою, но и враговъ своихъ; вообще миръ они любили болѣе войны. Повторимъ съ Гердеромъ: «Несомнительно, что въ Европѣ законодательство и политика, вытѣснивъ духъ войны, должны будутъ болѣе и болѣе способствовать распространенію занятій, требующихъ трудолюбія и мирныхъ сдѣлокъ между народами; по-этому и Славяне наконецъ возпрянутъ отъ долгаго сна, усвоятъ себѣ какъ собственность и употребятъ въ свою пользу прекрасныя страны свои отъ Адріатическаго Моря до Карпатскихъ Горъ, отъ Дона до Мульды.» — Времена измѣнились. Теперь, человѣкъ, чтобы опредѣлить свое назначеніе, не находитъ слова благороднѣе своего собственнаго имени: *человѣчность* — онъ, образъ и подобіе Бога любви и кротости. Говорятъ: «Слишкомъ-рѣзкое различіе между славянскими азбуками многихъ пугаетъ и удаляетъ отъ взаимности; не всякій захочетъ учиться, можетъ-быть, десятку различныхъ азбукъ». Но взаимность уже успѣла уменьшить количество азбукъ, опростить правописаніе, она сдѣлаетъ еще болѣе, вѣроятно всѣ азбуки приведетъ къ тремъ

главнымъ: глаголической, кирилловской и латинской. Но у кого не достаётъ охоты и твердости пройдти черезъ трудности азбуки, тотъ во всякомъ случаѣ невеликая потеря для народа славянскаго.—Наконецъ, можетъ-быть, намъ возразятъ: «въ-слѣдствіе взаимнаго соединенія, литература славянская уподобится мозаикѣ, огромной площади или пестрой ярмаркѣ, гдѣ сливаются произведенія различныхъ племенъ и нарѣчій, точно такъ, какъ мы встрѣчаемъ и слышимъ во время ярмарки Грековъ, Французовъ, Англичанъ и Армянъ, разхаживающихъ въ своихъ оригинальныхъ костюмахъ, говорящихъ на своихъ природныхъ языкахъ». Мы отвѣчаемъ: и мозаика, хорошо-сложенная и искусно-выполненная, прекрасна, имѣетъ видъ и жизнь, и все-таки лучше нынѣшнихъ disjecta membra въ народѣ и словесности Славянъ. Площадью или торжищемъ, сходкою разнаго рода людей и народовъ, словесность славянская быть не можетъ, ибо всѣ Славяне одна кровь, одно тѣло, одинъ народъ, всѣ ихъ нарѣчія однородны; между ними есть различія въ степени образованности, но нѣтъ различія въ родѣ и свойствахъ образованія. Жизнь, которою жили Славяне до-сихъ-поръ, должна, слѣдуя обыкновенному порядку вещей, изъ обветшалой, безобразной груды перейдти въ опредѣленную форму; народныя выгоды громко требуютъ этого; передъ повелительнымъ голосомъ народа умолкаютъ всѣ сомнѣнія, исчезаютъ всѣ разсчеты, мелочныя соображенія. Все доброе и полезное возможно; что̀ для другихъ народовъ, въ другихъ обстоятельствахъ и отношеніяхъ, было возможно, что̀ существовало на дѣлѣ, почему бы тому не быть и у насъ, въ-отношеніи къ словесности? У купцовъ въ одно время существуютъ торговые домы въ Лондонѣ, Парижѣ, Неаполѣ, Гамбургѣ, Вѣнѣ, Петербургѣ: отечество ихъ—Европа; Швейцарцы служатъ солдатами, Французы — офицерами въ Турціи, Америкѣ и во всѣхъ странахъ свѣта. Скажу болѣе: всѣ Европейцы посредствомъ почтъ и газетъ находятся въ сообществѣ, какъ-будто-бы жили вмѣстѣ, подъ одною кровлею: только славянскія племена стоятъ одиноко, разрозненно; они, раздробленныя, чуждаются одно другаго...

§ 16. *Польза, какую Славяне получатъ отъ взаимности.* — Выгодъ отъ взаимности много; онѣ бываютъ разныхъ родовъ:

1) Выгоды духовныя, касающіяся народнаго образованія. Образованіе народа зависитъ отъ народной словесности; но и образованіе и словесность процвѣтаютъ тѣмъ скорѣе и успѣшнѣе, чѣмъ обширнѣе ихъ поприще, кругъ ихъ дѣятельности, чѣмъ свободнѣе,

чѣмъ выше онѣ могутъ парить, перелетать съ горы на гору, изъ страны въ страну. Образованность народа и его словесность, кромѣ-того, что находятъ во взаимности сильную опору и поощреніе къ дѣятельности, получаютъ характеръ многосторонній, возвышенный, чисто-человѣческій; онѣ озаряются сіяніемъ цѣлой страны, народовъ, всего человѣчества, не однѣхъ деревень, округовъ, школъ, цеховъ. При взаимности все племя славянское, сознавъ свое родство, соединится въ одно семейство; его образованіе разовьется въ формахъ величавыхъ, исполинскихъ, литература озарится новымъ блескомъ, получитъ вѣсъ. Словесность не должна быть безпорядочнымъ сбродомъ письменныхъ произведеній, пустымъ, случайнымъ наборомъ рукописей и книгъ, которыхъ не оживляетъ единый, всѣмъ имъ общій духъ, на которыхъ не видно печати народной,—нѣтъ! она требуетъ единства и связи между литературными произведеніями, единства внутренняго, въ національности; она хранитъ всѣ рукописи, книги, какого бы онѣ предмета ни касались, въ которыхъ, въ-слѣдствіе естественнаго развитія, если не вдругъ, то постепенно, въ различные возрасты жизни человѣческой и на различныхъ ступеняхъ образованности народа, проявляются усовершенствованіе, успѣхи ума; она есть, такъ-сказать, общій ковчегъ, куда народъ слагаетъ для современниковъ и для потомства сокровища своего духа, плодъ своей жизни, или свое самобытное воззрѣніе на жизнь. Эта взаимность, для Славянъ, будетъ обильнымъ источникомъ славныхъ подвиговъ. Она—необходимое условіе великихъ письменныхъ трудовъ и ученыхъ предпріятій, она вѣрнѣйшій способъ охраненія отъ духовнаго упадка, она въ короткое время произведетъ неимовѣрное, особенно тамъ, гдѣ развитіе жизни и общественное мнѣніе не совсѣмъ еще подавлены.

Поступки людей потому только мелки, низки и достойны презрѣнія, что эти люди, для оцѣнки дѣлъ своихъ, избираютъ короткій масштабъ; имъ они пользуются отъ-того только, что являются на судъ передъ малочисленное, ничтожное судилище. Если жъ они мысленно предстанутъ на судъ мудрѣйшихъ и лучшихъ людей своего народа и вообще предъ всѣхъ своихъ современниковъ, если перенесутся духомъ передъ великое почтенное сонмище всего народа, тогда ихъ образъ мыслей естественнымъ-образомъ расширится, сердце затрепещетъ, отъ соисканія славы оно пробудится къ высокимъ чувствамъ и подвигамъ, перо оживится для созданія безсмертныхъ произведеній. При раздробленіи и равнодушіи, суще-

ствовавшихъ доселѣ, отдѣльныя славянскія племена должны были оставаться безъ словесности, слѣдовательно, погруженными въ духовное разслабленіе, необразованными, невѣжественными: поэтому такъ часто на нихъ падали насмѣшки и презрѣніе другихъ народовъ, думавшихъ, будто бы Славянамъ не достаетъ силъ совершить что-либо для образованія всего человѣчества, даже отрицавшихъ въ насъ возпріемлемость, возможность наслаждаться открытіями, которыя сдѣланы другими народами. Эти насмѣшки отравляли въ Славянахъ сознаніе собственной ихъ силы... Такъ, Славяне представляютъ собою странное, никогда въ исторіи небывалое явленіе—представляютъ народъ, разточающій съ какою-то добродушною щедростью всѣмъ сосѣднимъ народамъ драгоцѣннѣйшія чувства; этотъ народъ любитъ и уважаетъ ихъ, удивляется и подражаетъ имъ, а себѣ въ удѣлъ оставляетъ все мелкое, отрицаетъ свою силу, представляется боязливымъ ребенкомъ, отказываетъ самому-себѣ въ уваженіи и какъ-будто ненавидитъ себя. Славянамъ никогда не приходила на умъ мысль, что народъ многочисленный предназначенъ на великіе подвиги; что на немъ лежитъ и тяжелая отвѣтственность, что онъ обязанъ многимъ вселенной, человѣчеству; что для рѣшенія трудныхъ задачъ онъ долженъ имѣть и великія способности, и соразмѣрныя средства. Народы, которые насъ гораздо-моложе и малочисленнѣе, превзошли насъ въ этомъ отношеніи и далеко обогнали на пути заслугъ, оказанныхъ человѣчеству. Славяне могутъ сравняться съ ними только посредствомъ литературнаго союза и взаимности.

2) Писатели пріобрѣтутъ многочисленныхъ читателей, будутъ имѣть случай продать много экземпляровъ своихъ сочиненій, вознаградятся за свои труды и не подвергнутся опасности упасть при первомъ значительномъ предпріятіи. Писатель, ограничивающійся своимъ нарѣчіемъ исключительно, едва-едва продаетъ достаточное количество экземпляровъ, чтобы прикрыть издержки печатанія. Пока отдѣльныя славянскія племена останутся въ своей несообщительности и враждебныхъ отношеніяхъ между собою, никогда они не будутъ обладать цвѣтущею и прочною словесностію; ибо такая словесность возможна только тамъ, гдѣ много людей вообще, а людей бываетъ много только въ народѣ великомъ, общежительномъ, соединенномъ въ одно цѣлое узами любви и родства. По-этому Мадяры очень-умно поступаютъ, путешествуя по другимъ странамъ свѣта—по Азіи, Монголіи, Тибету: они, какъ племя малочисленное, ищутъ тамъ своихъ предковъ, братьевъ или

народа имъ подобнаго, чтобы симъ способомъ добыть для своей словесности обширнѣйшее поприще, многочисленнѣйшую публику.

Не смотря на то, что цвѣтъ словесности, языка и образованности народа будутъ развиваться внутренно и обыкновеннымъ порядкомъ, несмотря на то, что развитію его со всѣхъ сторонъ каждый изъ насъ будетъ способствовать и благопріятствовать,—онъ требуетъ еще внѣшняго расширенія предѣловъ, иначе поблекнетъ. Передвигать эти предѣлы вовсе ненужно; ненужно предпринимать путешествія, дѣлать завоеванія: стоитъ только уничтожить стѣны и перегородки, отдѣляющія насъ однихъ отъ другихъ, или прорубить окна и ворота для легчайшихъ сообщеній, и составить огромную, изъ одного народа слитую массу.

3) Каждое нарѣчіе, въ-слѣдствіе взаимности, получитъ чисто-человѣческое образованіе, чисто-славянскую физіономію: тщательнѣе нежели когда-либо будетъ остерегаться отъ барбаризмовъ, изгонитъ чужія слова и выраженія, сложитъ съ себя всѣ латинизмы, германизмы, татаризмы, мадяризмы, и т. д., найдетъ способъ обогащаться изъ ближайшихъ, чисто-славянскихъ источниковъ. Счастіе для языка, стремящагося къ полному развитію, къ литературѣ, когда онъ считаетъ въ себѣ нѣсколько нарѣчій! Племена и нарѣчія можно сравнить съ корнями; литература же и основный языкъ — уподобятся стволу дерева, который воспринимаетъ изъ корней соки, силу, жизненность. По-этому обыкновенно мелкіе народы, при первомъ зародышѣ ихъ образованія и словесности, должны перековывать множество неудачныхъ словъ, пойманныхъ когда-то на-лету, или должны занимать у другихъ разнородныхъ языковъ, потому именно, что родный языкъ имѣетъ мало коренныхъ словъ, лишенъ нарѣчій, племенъ, которыя могли бы представлять обильный запасъ новыхъ выраженій изъ самой жизни. Напротивъ, извѣстно, что языки народовъ многочисленныхъ, далеко простирающихся, какъ на.-пр. языкъ нѣмецкій, обязанъ своимъ неизчерпаемымъ природнымъ богатствомъ способностью безконечнаго развитія и многосторонностью именно многочисленнымъ нарѣчіямъ, изъ которыхъ, какъ изъ неизтощимаго рудника, черпаютъ писатели. Языкъ славянскій со всѣми нарѣчіями своими будетъ плавать въ изобиліи, котораго не знаютъ другіе народы, и для этого нужно только дружно пользоваться источниками въ него вливающимися, нужно только опускать сосуды въ семь глубокихъ ключей: 1) въ древнее церковно-славянское нарѣчіе, кирилловское

и глаголитское, 2) въ драгоцѣнные, недавно-открытые литературные отрывки древности, какъ на-пр. кенигингоферскую рукопись, Слово о пълку Игоревѣ, польскую псалтирь, рагузанскія рукописи, и т. д., 3) нынѣшнее русское нарѣчіе, 4) иллирійское, 5) польское, 6) богемское, письменное и литературное, 7) народныя пѣсни, народныя сказанія, пословицы и поговорки, идіотизмы и провинціализмы различныхъ странъ, округовъ, нарѣчій и ихъ подраздѣленій. Особенно поэтамъ открывается обширное поприще на семъ пути взаимности: имъ всего легче вводить въ свое нарѣчіе новые обороты и слова, занятые у братьевъ. Поэзія украситъ эти выраженія золотою оправою; она прольетъ на нихъ благоуханіе цвѣтовъ своихъ, она представитъ ихъ не уму, вѣчно испытующему, непреклонному, но сердцу, исполненному любви и всеобъемлющей фантазіи. Удивляемся, какъ новѣйшая литература Богемцевъ могла такъ быстро обогатиться новыми словами и понятіями посредствомъ трудовъ Юнгманна, Ганки, Пресля, Марека и других. Не надобно только, при первомъ нововведеніи, возставать съ воинственнымъ крикомъ противъ полезныхъ пріобрѣтеній, какія сдѣланы Неодліемъ и Палковичемъ; ибо всякое слово, безсознательно выплывающее на поверхность изъ глубины внутренней жизни народа, всегда лучше, народнѣе, привлекательнѣе, всегда легче вступаетъ въ права гражданства, нежели другое, съ намѣреніемъ скованное, можетъ-быть издавна-встрѣчающееся въ другихъ нарѣчіяхъ: въ послѣднемъ случаѣ это давно-употребляемое слово непремѣнно разойдется съ новымъ, вступитъ съ нимъ въ борьбу, въ безполезное соперничество. Поляки и Русскіе отбросятъ хаосъ своихъ греческихъ, латинскихъ, французскихъ, шведскихъ терминологій и техническихъ выраженій, касающихся искусствъ и наукъ, и замѣнятъ ихъ чисто-славянскими, которыя отчасти уже пріобрѣтены Чехами, отчасти же только подготовлены ими; этимъ они пересадятъ и самыя понятія и свѣдѣнія въ нѣдра жизни народной. При взаимности много выиграетъ каждое нарѣчіе и въ благозвучіи, ибо суровость произношенія и грубость нѣкоторыхъ словъ одного нарѣчія могутъ быть смягчены и сглажены болѣе утонченными выраженіями другихъ нарѣчій, и при всемъ томъ мы не выйдемъ изъ своего роднаго языка. Упрекъ, придуманный нѣкоторыми, будто такимъ-образомъ языкъ собьется на нарѣчія русское, польское, богемское и т. д., какъ упрекъ, противный духу славянскому, заслуживаетъ только улыбку. Все славянское вездѣ и всегда останется нашимъ. Въ-слѣдствіе взаимности, мы естествен-

нымъ-образомъ приведены будемъ къ сравненію своего нарѣчія съ прочими, и это броситъ яркій свѣтъ на всѣ выгодныя стороны отечественнаго нарѣчія нашего, научитъ насъ ощущать его цѣну, и, съ другой стороны, охранитъ насъ отъ пристрастія въ его пользу; незнаніе и невѣжество преимущественно ослѣпляютъ насъ на счетъ всего, намъ принадлежащаго, и влекутъ невольно къ несправедливостямъ. Итакъ не должно, слѣдуя первому, враждебному порыву, выкидывать изъ другихъ славянскихъ нарѣчій все, что противно въ нихъ нашему слуху; ибо можетъ-быть это нарѣчіе развилось при другихъ, внѣшнихъ условіяхъ, въ странѣ суровой и дикой; но всякій да останется вѣренъ своему нарѣчію, всякій да вслушивается въ него внимательно, да изслѣдуетъ глубокомысленно и дивится, какъ одинъ и тотъ же матеріалъ языка, развиваясь въ различныхъ полосахъ земли, подъ различными климатами, движется и принимаетъ разныя формы, и какъ, при всемъ томъ, главныя черты и слѣды духа народнаго нигдѣ и никогда не теряются.

4) Сверхъ всего этого, отъ взаимности должна произтечь польза въ политическомъ отношеніи. Такая польза бываетъ двухъ родовъ:

a) Внѣшняя. Ропотъ Славянъ противъ властителей иноплеменныхъ, которымъ они повинуются, прекратится, ибо при взаимности кончится и стремленіе соединяться съ другими Славянами, по-крайней-мѣрѣ оно значительно ослабится: къ-чему имъ будетъ свергать съ себя чужое владычество, когда всякое племя у себя дома будетъ пользоваться всѣмъ тѣмъ, что могло бы получить отъ сосѣдей? Даже тѣ правительства, которыя заботятся о просвѣщеніи ввѣренныхъ имъ народовъ, не только не станутъ притѣснять и подавлять этой невинной, благодѣтельной взаимности, но, напротивъ, тщательно будутъ хранить ее, съ отеческою любовью пещись о ней. Благоразуміе и любовь къ человѣчеству совѣтуютъ даже не идти наперекоръ чувству, далеко-разлившемуся, громкой потребности, но осторожно управлять ими, блюсти ихъ въ умѣренной, безстрастной настроенности, предохранять отъ безумныхъ порывовъ и между-тѣмъ вести ихъ впередъ на пути истины, для избѣжанія пагубныхъ заблужденій, для благополучнаго достиженія цѣли.

b) Польза внутренняя: прекратятся и распри, ревность, раздоры и войны между Славянами; они перестанутъ задирать самолюбіе другихъ племенъ и нарѣчій; одно племя не станетъ болѣе величаться передъ другими; прекратятся искательства,

страсть къ преобладанію. Каждое племя уподобится планетѣ, обращающейся около одного солнца: всѣ эти планеты испытываютъ взаимное вліяніе одной на другую, но при всемъ томъ правильно описываютъ свои орбиты. Тогда узнаютъ, что каждое изъ славянскихъ нарѣчій имѣетъ свои выгоды и красоты: у русскаго сила и возвышенность; у польскаго — прелесть, привлекательность; у богемо-славянскаго — превосходный классическій, основанный на количественности, риѳмъ; у иллирійскаго — одушевленіе, огонь, жаръ и т. д., и при всемъ томъ узнаютъ, что всѣ эти особенности и выгоды вытекаютъ изъ одного источника и сливаются въ одномъ фокусѣ развитія народной жизни. Сказанное Полякомъ Казиміромъ Продзинскимъ (Pisma Rosmaite w Warsawie 1830. Томъ I стр. 17) о всѣхъ европейскихъ народахъ вообще, въ особенности должно примѣнить къ племенамъ и нарѣчіямъ Славянъ: «мы преимущественно обязаны исторіи литературы прекрасною отличительною чертою нашего времени—терпимостью; всѣ народы взаимно признаютъ свое достоинство; противорѣчія не удаляютъ ихъ другъ отъ друга. Одно не унижается передъ другимъ; чѣмъ образованнѣе каждое изъ нихъ, тѣмъ живѣе чувствуетъ оно свою обязанность, знаетъ цѣну другимъ, уважаетъ ихъ самобытность, ихъ индивидуальность.»

§ 17. *Внѣшнія препятствія ко взаимности.*—Эти препятствія двоякаго рода: они или происходятъ отъ другихъ народовъ, или отъ насъ-самихъ. Другіе европейскіе народы до-сихъ-поръ еще находятся подъ игомъ множества предразсудковъ и предубѣжденій противъ Славянъ, иногда даже ощущаютъ къ намъ отвращеніе, страшатся насъ; эти предразсудки заграждаютъ путь ко взаимности, и мѣстами могутъ подавить ее. Чтобы удостовѣриться въ томъ, какъ до-сихъ-поръ еще многіе не-славянскіе писатели думаютъ въ слухъ и пишутъ о Славянахъ и ихъ языкѣ, стоитъ прочесть нѣкоторыя мѣста въ Исторіи Славянскаго Языка и Литературы Шафарика (въ Офенѣ, 1826, стр. 46—47) и въ Wykladku Slawy. Dc. (стр. 457—472). Есть ли въ публичныхъ листкахъ хотя одна статья о Славянахъ, въ которой бы не проглядывали безсмысленныя выходки, пустые толки о нихъ, предостереженія отъ нихъ, какъ-будто отъ какихъ-нибудь страшныхъ привидѣній? Въ мелкихъ брошюркахъ встрѣчается ли хоть одно разсужденіе о нихъ, гдѣ бы, при случаѣ, не говорили объ исполинѣ сѣвера? Всѣ какъ-будто ожидаютъ политической опасности, объ этомъ только и толкуютъ, одно это всѣмъ и грезится; наперерывъ стараются на-

вести подозрѣніе на Славянъ, подстрекнуть и возбудить одно племя противъ другаго и устрашить такимъ-образомъ самое лучшее правительство? Цѣлый міръ, въ-отношеніи къ Славянамъ, подобенъ отголоску въ Тіонѣ, при озерѣ Платтенѣ въ Венгріи: односложныя или двусложныя слова: «страхъ», «срамъ», «стыдъ», «злость» онъ повторяетъ громко, до десяти разъ; слова же трехсложныя, или четырехсложныя: «достоинство», «добродѣтель», «благодарность», «признательность», едва - едва пробормочетъ одинъ разъ. Славянъ порицали и презирали въ томъ видѣ, въ какомъ они были прежде: пусть такъ; за-то не порицайте же ихъ теперь и не мѣшайте имъ, когда они хотятъ перемѣнить и улучшить свое положеніе. Къ-несчастію, не такъ бываетъ на дѣлѣ! Есть и до-сихъ-поръ народы въ Европѣ, которые во всякомъ Славянинѣ вообще видятъ врага своему племени, во всякомъ писателѣ-Славянинѣ, живущемъ вмѣстѣ съ нимъ, въ одномъ государствѣ — предателя отечества, и во всякой книгѣ, написанной на языкѣ славянскомъ — преступленіе противъ ихъ національной словесности. По-этому нельзя не хвалить Славянъ за ихъ терпимость, въ-отношеніи къ другимъ народамъ, живущимъ въ ихъ земляхъ. Въ Петербургѣ, на-примѣръ, у Нѣмцевъ свои церкви, школы, театры, сословія; они даже управляются, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, своими законами, повинуются особеннымъ властямъ; въ Варшавѣ, Краковѣ они пользуются свободою, какъ у себя, дома. Никогда ни Русскому, ни Поляку не прійдетъ на мысль мѣшать имъ въ литературныхъ сношеніяхъ съ другими племенами нѣмецкими; въ Прагѣ завѣщана кѣмъ-то сумма для содержанія каѳедры мадярскаго языка, и ни одному Богемцу никогда не пришло въ голову уничтожить или очернить ее въ глазахъ народа и правительства. Въ этомъ проявляется духъ человѣчности. Напротивъ, весьма - мало иностранцевъ, которые бы сначала изучили Славянъ и ихъ языкъ, а потомъ стали бы судить о нихъ, какъ это сдѣлано Шлецеромъ, Гердеромъ, Гриммомъ, Гёте, Якоби, и т. д. Впрочемъ, объявляемъ напередъ, что мы мало заботимся о писателяхъ этого рода; ибо Славяне съ нѣкотораго времени, одинъ разъ навсегда, рѣшились не обращать вниманія на порицанія и на похвалы чужихъ народовъ, и въ-особенности Нѣмцевъ. Роттекъ въ своей «Всеобщей Исторіи» называетъ языкъ русскій языкомъ несчастнымъ, а между-тѣмъ врядъ ли онъ знаетъ три слова по-русски. Фальмерайеръ, въ своей «Исторіи Мореи» (стр. 203) говоритъ, что Нѣмцы по природѣ своей, какъ народъ, стоятъ выше Славянъ, благороднѣе ихъ; ибо послѣдніе (стр. 228) зани-

маются земледѣліемъ, ремеслами, торговлею и мореплаваніемъ, а не войною и разбоями (но Славяне слову *благородный* придаютъ совершенно другое значеніе: они думаютъ, что можно поступать благородно только на основаніи правъ своихъ, не посягая на права другихъ, а кто живетъ хищничествомъ, по ихъ мнѣнію, нисколько не благороднѣе того, кто живетъ земледѣліемъ и торговлею). Въ Germanisches Europa — Еврея Мендельзона (въ Берлинѣ 1835), встрѣчается благодарственное обращеніе всей Германіи къ Мадярамъ за то, что они въ 894 году разбили въ пухъ Славянъ при паннонскомъ Дунаѣ, и чрезъ то избавили Германію отъ славянизаціи. Нѣмецкій лютеранскій пасторъ Рихтеръ, въ Цорнѣ, въ Лаузицѣ, недавно хотѣлъ доказать въ «Лаузицкомъ Магазинѣ» (1825), что славяно-сербскій языкъ въ томъ краю не только вредитъ правительству прусскому, но и вообще христіанской религіи и что какъ-можно-скорѣе нужно его искоренить!.. (Въ Россіи, Польшѣ и Сербіи, въ нѣдрахъ Славянъ, есть цѣлыя нѣмецкія колоніи, города и страны: уже ли и они опасны и вредны тамошнему правительству и первенствующему вѣроисповѣданію? Живите сами, но пусть живутъ и другіе!) (*). Французъ герцогъ Шуазель не хотѣлъ даже дать титла «императорскаго величества» императорамъ русскимъ: онъ обратился къ французской академіи, и она должна была рѣшить, что это выраженіе не есть чисто-французское. Однимъ словомъ, почти всѣ иностранцы, писавшіе и теперь еще пишущіе о Славянахъ, подобны нечистымъ животнымъ, которыя вездѣ только ищутъ одного сора, имъ питаются, и потому, даже тамъ, гдѣ встрѣчаютъ улицы чистыя, бѣгаютъ по всѣмъ угламъ, чтобы только отрыть гдѣ-нибудь кучу грязи. Еслибъ тако-

(*) Какія выгоды принесло германизированіе Вендо-Славянъ въ Германіи, именно въ Лаузицѣ, признаютъ не безъ поздняго стыда и разкаянія сами зачинщики этого преобразованія, на-примѣръ Давидъ Трауготтъ Коперъ, въ своей автобіографіи въ книгѣ: «Pedagogisches Duetschland». Берлинъ. 1836, кн. 11, стр. 81: «Братъ мой, школьный учитель въ Грейфенгейнѣ (по-славянски *Малинъ*, въ *Нижнемъ Лаузицѣ*) трудился надъ германизированіемъ дѣтей цѣлой общины, съ рвеніемъ, не знавшимъ преградъ. Я, помощникъ его, во всемъ ему слѣдовалъ; ибо еще менѣе его могъ чувствовать, какъ ложно было это усердіе; но одно я созналъ ясно: жителямъ Грейфенгейна, при всемъ наружномъ блескѣ внѣшняго благосостоянія, не достаетъ въ ихъ быту добродушія, честности, прочнаго религіознаго основанія, старательности и любви къ порядку въ работѣ и т. д., вообще у нихъ нѣтъ всѣхъ тѣхъ качествъ, которыми Сербы, наши нетронутые, издавна отличались.» — Желаемъ отъ души, чтобы господинъ Рихтеръ воспользовался этимъ назидательнымъ примѣромъ.

го рода изъискатели трудились съ мыслію находить злоупотребленія и изкоренять ихъ соединенными силами, тогда они заслужили бы хвалу и благодарность; но что не такова цѣль ихъ, это доказываетъ злость ихъ, насмѣшливость и намѣренное умалчиваніе о томъ, что только встрѣчается добраго и похвальнаго. Подобное ослѣпленіе—плодъ невѣжества; оно лишаетъ народъ всѣхъ выгодъ, произтекающихъ изъ чувства чисто-человѣческаго, изъ свободной любви къ отечеству, изъ знакомства съ образомъ мыслей, свѣдѣніями, обычаями, учрежденіями и законами другихъ народовъ. Только всесторонняя наука — всеобъемлющая словесность водворяетъ въ народахъ духъ согласія и взаимнаго уваженія, смягчаетъ народную ненависть, которая стѣсняетъ всякую духовную дѣятельность,—расширяетъ сердце, возвышаетъ умъ, научаетъ снизходительнѣе судить о другихъ народахъ. Кто противится благому и великому дѣлу, этимъ самымъ какъ-будто ударяетъ въ груду горящихъ угольевъ; эти уголья разлетаются во всѣ стороны и зажигаютъ предметы, которыхъ бы прежде не тронули. Для насъ Славянъ, одно спасеніе отъ этихъ предразсудковъ сосѣдей нашихъ — показать на дѣлѣ, что эти предразсудки неосновательны, что мы заслуживаемъ защиту отъ всѣхъ правительствъ, довѣренность отъ всѣхъ народовъ.

Въ то самое время, какъ мы писали эти строки, вышла совершенно-новая, Нѣмцемъ и для Нѣмцевъ написанная книга о литературѣ славянской, подъ заглавіемъ: «Историческое обозрѣніе славянскаго языка и литературы по различнымъ ея нарѣчіямъ, обработанная для нѣмецкой публики въ Берлинѣ Е. фон-О.» (напечат. въ Лейпцигѣ 1837.) Мы не можемъ не передать читателямъ нашимъ нѣсколько словъ изъ предисловія, въ которыхъ звучитъ голосъ безпристрастія: это избавитъ насъ отъ труда говорить въ пользу Славянъ и опровергать всѣ вышеприведенныя ложныя сужденія и пристрастный образъ мыслей: «При современномъ, столь радостномъ всеобщемъ стремленіи къ основательному и многостороннему ученому образованію, при безпрерывно-расширяющихся ученыхъ связяхъ между народами, и взаимномъ ихъ участіи въ общемъ дѣлѣ, удивительно, какъ въ Европѣ живетъ доселѣ около 56 мильйоновъ людей (по географіи Бальби — 70), которыхъ языкъ и нарѣчія, богатые и прекрасные, едва-едва извѣстны по имени остальнымъ тремъ четвертямъ народонаселенія Европы; другіе народы о нихъ какъ-будто и не заботятся. Непонятно, какимъ-образомъ большинство Европейцевъ и не предполагало,

что изъ 216 мильйоновъ людей, обитающихъ въ Европѣ, около 56 мильйоновъ, слѣдовательно болѣе четверти суммы народонаселенія всей земли, не только славянскаго произхожденія, но даже и понынѣ говорятъ и пишутъ однимъ, отъ одного корня происходящимъ языкомъ, но раздробившимся въ теченіе времени на многія нарѣчія, которыхъ близкое сродство легко можно доказать; послѣ этого какъ не жалѣть о томъ, что почти во всѣхъ странахъ Европы, не только въ многочисленномъ кругу людей образованныхъ, которымъ по-крайней-мѣрѣ долженъ быть извѣстенъ последній фактъ, но, даже у самыхъ ученыхъ, встрѣчаются часто самыя нелѣпыя, совершенно-превратныя понятія о славянскомъ языкѣ и его нарѣчіяхъ, о родствѣ ихъ между собою, вообще недостаточныя свѣдѣнія касательно исторіи славянскихъ народовъ и въ-особенности ихъ словесности. Къ-несчастію слишкомъ-часто оправдываются въ этомъ недостаткѣ совершенно-неумѣстнымъ презрѣніемъ къ народу славянскому, его языку, умственнымъ произведеніямъ; на могучіе славянскіе народы смотрятъ съ какою-то надменностью, какъ на полу-варваровъ, не удостоивая ихъ ближайшаго своего знакомства. Неоспоримо и то, что отдѣльно-взятыя племена славянскія, въ теперешнемъ ихъ состояніи, уступаютъ въ общемъ ученомъ образованіи многимъ европейскимъ народамъ; но эта разница не такъ велика, какъ обыкновенно думаютъ, и врядъ ли на-примѣръ простой народъ въ Россіи и Сербіи, еще менѣе въ Богеміи и Австріи, уступаетъ въ умственномъ образованіи массѣ простолюдиновъ въ другихъ странахъ, на-пр. въ Португаліи, даже во Франціи, такъ громко кричащей о своемъ просвѣщеніи. Во всякомъ случаѣ, племена и нарѣчія славянскія стоятъ того, чтобы ознакомиться съ ними ближе. Исполненныя многозначительныхъ выраженій, богатыя словами и словопроизводствомъ, глубокія въ словосочиненіи и въ высшей степени благозвучныя, славянскія нарѣчія, до нашихъ временъ сохранившіяся въ удивительной чистотѣ, издревле были развиты и образованы. Если Славяне въ-отношеніи къ образованности отстали отъ другихъ народовъ, то это произтекаетъ не отъ недостатка въ дарованіяхъ и способностяхъ къ образованію: — ни одинъ народъ въ Европѣ не одаренъ ими такъ щедро, какъ они, — но отъ трудныхъ обстоятельствъ, отъ тяжкой судьбы, которая долго надъ ними тяготѣла. Народы славянскіе въ VIII и IX столѣтіи не только равнялись прочимъ народамъ европейскимъ въ умственномъ и общественномъ образованіи, но даже во многихъ отношеніяхъ опередили

ихъ, и можетъ-быть это отношеніе никогда бы не измѣнилось если бы желѣзная рука судьбы насильно ихъ не задержала. Уже въ IX и X столѣтіи Славяне обладали не только образованнымъ языкомъ и письменностью, но и довольно-полнымъ переводомъ библіи на своемъ языкѣ, въ то время, какъ священное писаніе въ остальныхъ странахъ Европы было строго-скрываемою собственностью едва-едва образованной жреческой касты; на западѣ слово Божіе чернь могла слышать только изъ устъ духовенства.—Славяне сами могли читать библію. Къ-несчастію, при самомъ входѣ въ исторію среднихъ вѣковъ, во всѣхъ странахъ, обитаемыхъ Славянами, военныя и политическія событія стали поперегъ столь счастливо-начавшемуся развитію и остановили успѣхи этихъ народовъ на пути образованія. Въ Россіи это совершилось вторженіемъ Монголовъ; подъ ихъ тяжелымъ игомъ она стонала въ-продолженіи 200 лѣтъ; въ Сербіи—продолжительными войнами съ императорами греческими и окончательнымъ покореніемъ ея Турками; въ Богеміи, этой древней, высшей школѣ Германіи—кровавыми разпрями реформаціи и тяжкими ея послѣдствіями; въ Польшѣ—безпрерывными внѣшними войнами и безпрестанно-повторявшимися бѣдственными разпрями внутри государства. Эти продолжительныя пытки не только задержали народы славянскіе въ ихъ духовномъ образованіи, но даже заставили ихъ сдѣлать шагъ назадъ; ибо кромѣ того, что во времена бурныя, во время войнъ, они стали пренебрегать науками, но отъ насилія лишились большей части своихъ словесныхъ произведеній, въ то время уже весьма-многочисленныхъ: они пропали въ смутныхъ обстоятельствахъ; и кромѣ того, въ нѣкоторыхъ странахъ, именно въ Россіи и Богеміи, враги Славянъ нарочно уничтожали ихъ, такъ что до насъ дошло немного отрывковъ отъ словесныхъ произведеній того времени. Но, что языки славянскіе (или лучше сказать, нарѣчія), тогда уже достигнувшіе высокаго образованія, такъ мало пострадали отъ чуждаго вліянія и сохранились въ такой чистотѣ, это можетъ служить доказательствомъ ихъ крѣпкаго внутренняго сложенія, твердости духа племенъ славянскихъ, ихъ любви къ отечественному языку.»

Часто удивляешься, слыша отъ людей образованныхъ, и даже ученыхъ, самыя странныя мнѣнія о языкахъ славянскихъ, ихъ взаимномъ сродствѣ, о недостаточности и скудости умственныхъ произведеній Славянъ: всѣ такія выходки ясно доказываютъ, что эти люди не потрудились узнать, хотя поверхност-

но, предмета, о которомъ судятъ, и потому не предполагаютъ того, какъ много въ ихъ время совершено было и ежедневно съ большимъ успѣхомъ совершается во благо ему. Въ противномъ случаѣ, вѣрно они стали бы поступать снизходительнѣе, и знали бы, что уже за тридцать слишкомъ лѣтъ предъ симъ, во всѣхъ странахъ, обитаемыхъ Славянами, сдѣлано было неимовѣрно много, чтобы воротить все хотя невинно-утраченное въ годины испытаній. Вообще, въ Богеміи, Сербіи, Польшѣ и Россіи, съ послѣдняго тридцатилѣтія кипитъ чрезвычайная дѣятельность. Особенно въ Россіи, въ послѣднее время, подъ отеческимъ правленіемъ нынѣ царствующаго Императора Николая I-го, языкъ и словесность съ новою, дѣвственною силою возпрянули и выступили впередъ; находя сильную опору въ мудромъ, дѣятельномъ правительствѣ, они подвигаются теперь быстро, и обѣщаютъ многое; результаты этихъ скорыхъ успѣховъ изливаютъ благодать свою не только на самую страну и народъ, но ежедневно далѣе и далѣе проникаютъ въ сосѣдственную Сѣверную Азію, которой по-видимому суждено принять образованность изъ рукъ Россіи.

Можетъ-быть, въ Западной Европѣ скорѣе узнали бы обо всемъ этомъ, если бы потрудились ознакомиться короче съ славянорусскимъ языкомъ, обильнымъ силою и красотою. Это изученіе кажется необходимостью при постепенномъ возрастаніи политическаго могущества Россіи, при усиливающемся ея вліяніи на дѣла остальной Европы; кромѣ-того, оно принесетъ пользу и наукѣ, и наградитъ обильными плодами того, кто захотѣлъ бы посвятить на это время. Пора бы образованному міру Европы подарить хотя нѣкоторымъ вниманіемъ исторію просвѣщенія Славянъ, и сблизиться короче съ братьями, до-сихъ-поръ такъ несправедливо презираемыми, тѣмъ болѣе, что они не только обитаютъ въ собственныхъ своихъ земляхъ, но даже 14 мильйоновъ изъ нихъ живутъ подъ управленіемъ Австріи и два мильйона подъ управленіемъ Пруссіи. Для достиженія этой цѣли, лучшее и вѣрнѣйшее средство — ознакомиться съ языками и съ исторіею литературы народовъ славянскихъ. Итакъ, чтобы заинтересовать другихъ въ пользу славянскаго языка и литературы и сдѣлать этотъ предметъ доступнымъ для многочисленнѣйшей публики, нужно сочиненіе, въ которомъ сказано было бы объ этомъ предметѣ кратко, сжато и основательно.—Благодаря услужливости друзей, я получилъ недавно разсужденіе на англійскомъ языкѣ (Historical View of the Slavic Language in its various Dialects, by Edward Robinson

Andover 1834), которое назначено для сѣверныхъ Американцевъ чтобы ознакомить ихъ съ состоянiемъ умственной образованности у народовъ славянскихъ и усилить вездѣ господствующiй интересъ въ ихъ пользу. Нѣмцамъ, сосѣдямъ Славянъ, не слѣдовало бы отставать отъ жителей Сѣверной Америки.

§ 18. *Внутреннiя препятствiя къ взаимности.*— Препятствiя, встрѣчаемыя взаимностью съ нашей стороны, еще важнѣе: они заключаются въ образѣ жизни, въ бытѣ самихъ племенъ славянскихъ. Между сосѣдними славянскими областями, нарѣчiями и племенами таится какое-то взаимное неуваженiе, даже презрѣнiе одного къ другому, обнаруживающееся иногда въ злобныхъ выходкахъ и насмѣшливыхъ колкостяхъ. Причины этого существовали изстари, съ-тѣхъ-поръ, какъ два-три племени начали воевать другъ съ другомъ и вредить другъ другу. Внѣшнiя язвы отъ этой борьбы давно закрылись и забыты, но тайная злоба не прекращается и раждаетъ между племенами и нарѣчiями недовѣрчивость и какое-то насильственное положенiе, часто даже родовую ненависть. Къ этому присовокупляются ложные разсказы и басни, народныя пѣсни, питающiя вражду, насмѣшливыя поговорки (на-пр Cech-Neplech: Morawec-Nemrawec), въ которыхъ издѣваются надъ тѣмъ или другимъ племенемъ; о происхожденiи этихъ поговорокъ никто ничего не знаетъ, но при всемъ томъ онѣ переходятъ изъ устъ въ уста, отъ поколѣнiя къ поколѣнiю, и раздражаютъ ненависть. Даже произношенiе, отступающее хоть на сколько-нибудь отъ нашего нарѣчiя, различiе въ опредѣленiи родовъ именъ существительныхъ, въ значенiи словъ, въ ударенiяхъ, которыя встрѣчаются въ другихъ нарѣчiяхъ,— все это кажется намъ порчею, ошибкою, коверканiемъ, обезображиванiемъ нашего собственнаго языка, отъ-того, что каждое племя почитаетъ свое нарѣчiе лучшимъ, правильнѣйшимъ, и по существу своему чисто славянскимъ: въ подобныхъ отступленiяхъ мы видимъ сатиру на наше нарѣчiе, оскверненiе языка народнаго; отсюда мало-по-малу раждается отвращенiе, непрiязнь, потомъ чувство досады и ожесточенiе; наконецъ эта такъ-называемая изпорченная болтовня дѣлается несносною; мы едва можемъ взяться за изученiе ея и читать книги, написанныя на этомъ варварскомъ нарѣчiи. Стоитъ только вспомнить, какъ неточно Поляки, Кроаты и другiя племена произносятъ богемское *г* (h), выговаривая его какъ *х* (ch); они нисколько не отличаютъ этихъ двухъ буквъ столь различныхъ и отъ которыхъ часто зависитъ значенiе словъ; на-пр. богемское hnew

(гнѣвъ) они произносятъ какъ chnew *(хнѣвъ)*, латинское homo какъ chomo, *Гердеръ—Херодеръ,* или богемское hladjm, hodjm, какъ chladjm, chodjm, между-тѣмъ какъ изъ этого выходятъ совершенно другія слова, съ другими значеніями. Потому у насъ охотнѣе бросаются въ изученіе совершенно-чуждыхъ языковъ, неимѣющихъ ничего общаго съ нашимъ нарѣчіемъ, ему исключительно-свойственными звуками, оборотами, суровостью и мягкостью. Всякій наперерывъ старается приманить послѣдователя для своего нарѣчія; этимъ вредятъ цѣлости народа, порождаютъ въ немъ разпри, ссоры и войны. Мы вмѣняемъ себѣ въ достоинство, что стоимъ за свое нарѣчіе изключительно, пренебрегаемъ другими, отказываемся отъ взаимности, особенно если наше племя по своей многочисленности, въ-слѣдствіе благопріятныхъ политическихъ обстоятельствъ, первенствуетъ надъ другими. Съ другой стороны, въ мелкихъ племенахъ встрѣчается слишкомъ-часто ложное смиреніе, какое-то самодовольное чувство; они какъ-будто не могутъ налюбоваться на самихъ-себя, и тѣмъ самымъ, пораждая въ насъ отвращеніе, вредятъ общему дѣлу столько же, сколько великія племена своею гордостью. Народы высокомѣрные и притомъ многочисленные налягаютъ своими притязаніями на племена слабѣйшія, подчиненныя. Народы кичливые же, но мелкіе, задѣваютъ сильнѣйшихъ или равныхъ себѣ. Эти странности и недостатки — враги взаимности. Но рано или поздно всѣ преграды, противящіяся взаимности въ огромномъ союзѣ племенъ славянскихъ, падутъ навѣрно. Чтобы устранить всѣ препятствія, пусть только подумаютъ, какой стыдъ, какія несчастія съ незапамятныхъ временъ были удѣломъ Славянъ отъ несообщительности, завѣтной, семейной и родовой вражды; уже ли жизнь такъ продолжительна, что народамъ и людямъ есть время ссориться между собою? Уже ли на свѣтѣ столько людей добрыхъ и благородныхъ душою, что имъ нѣтъ мѣста ужиться вмѣстѣ, что они должны бѣжать другъ отъ друга? Задорныхъ людей презираютъ: народъ задорный — бичь для другихъ; онъ идетъ къ неминуемой гибели, къ постыдному раздробленію и самоуничтоженію. Душа обыкновенная, возмущаемая всегда минутною страстью или личною пользою, конечно не пойметъ, какъ можно отрекаться отъ самой-себя, жертвовать собою, превращать жажду мести въ любовь: человѣкъ въ другихъ людяхъ и въ цѣлыхъ народахъ признаетъ только то, на что самъ чувствуетъ себя способнымъ. Народъ благородный не можетъ и никогда не захочетъ

измѣнить себѣ. Славянскія племена не должны существовать отдѣльно, сами по себѣ, но должны жить всеобщею жизнью: племена должны принадлежать и служить народу, народъ человѣчеству. Въ виду другихъ людей, другихъ племенъ, другихъ народовъ, обладающихъ важными преимуществами надъ нами, остается одно средство поддержать равновѣсіе — это любовь и взаимность; ими мы возносимся, становимся рядомъ съ первыми; все имъ принадлежащее дѣлается нашимъ; всѣ противорѣчія разрѣшаются въ усладительную гармонію, мы сливаемся съ ними въ одну душу; если же вздумаемъ идти имъ наперекоръ, пропадемъ, если не въ отношеніи политическомъ, то, что еще хуже, въ отношеніи нравственномъ; и все это, отчасти въ-слѣдствіе нашей же вины, нашей зависти и ненависти, пожирающей и убивающей насъ, частью же въ-слѣдствіе приговора судьбы, совершающагося надъ всѣми, кто не можетъ или не хочетъ сознавать великое и высокое, гдѣ бы оно ни проявлялось, чувствовать его, любить и обращать въ свою пользу. Чѣмъ менѣе племя славянское знакомо съ характеромъ, языкомъ и литературою другихъ племенъ, тѣмъ болѣе думаетъ оно о себѣ-самомъ, тѣмъ менѣе думаетъ о другихъ; его надменность находитъ пищу въ этомъ невѣжествѣ, его отвращеніе къ другимъ ищетъ въ немъ извиненія. Съ возрастающею взаимностью распространится и взаимная любовь и согласіе. Чѣмъ чаще Славяне будутъ входить въ письменныя и изустныя сношенія, тѣмъ менѣе будутъ ненавидѣть и презирать другъ друга. Общая всѣмъ словесность и взаимный обмѣнъ идей наполнитъ душу каждаго довѣренностью, опустѣлое сердце взаимною любовью ко всеобщему братству.

§ 19. *Средства къ утвержденію взаимности*: 1) Славянскія книжныя лавки во всѣхъ столицахъ племенъ нашихъ, именно въ Петербургѣ (и въ Москвѣ?), Варшавѣ, Краковѣ, Лембергѣ, Прагѣ, Вѣнѣ, Пестѣ, Брюннѣ, Бѣлградѣ, Аграмѣ и т. д., чтобы можно было книги, выходящія на другихъ нарѣчіяхъ, получать скоро и за дешевую цѣну. Если выписывать по нынѣшнимъ торговымъ путямъ какую-нибудь польскую или русскую книгу, надобно ждать полгода, а иногда и цѣлый годъ, пока она будетъ на мѣстѣ, да кромѣ того заплатить за нее вдвое или втрое болѣе противъ обыкновенной цѣны; ибо сообщенія рѣдки, и потому трудны, провозъ стоитъ дорого. Но прежде всего надобно почувствовать потребность, а потомъ уже думать о внѣшнихъ средствахъ къ ея удовлетворенію и приступить къ самому дѣлу.

пробудившееся и распространившееся чувство взаимности положитъ основаніе и книжнымъ лавкамъ, или дастъ тѣмъ, которыя же существуютъ, чисто-славянское направленіе.

2) Обмѣнъ книгами между писателями разныхъ племенъ. Издатели газетъ, журналовъ и т. д. пусть взаимно пересылаются своими произведеніями (*). Такимъ-образомъ имъ ненужно будетъ выдавать денегъ, они какъ-будто даромъ будутъ получать ихъ.

3) Учрежденіе каѳедры славянскихъ нарѣчій въ школахъ, гдѣ ученики и юные Славяне изучали бы по-крайней-мѣрѣ основныя правила своего языка, и откуда бы выносили охоту къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ. Петръ-Великій издалъ въ Россіи законъ, по которому кто не умѣетъ читать и писать, не можетъ вступать ни въ какую общественную должность, ни даже пользоваться правомъ наслѣдованія по отцѣ своемъ. Не должно ли будетъ въ-последствіи присовѣтовать того же относительно языка славянскаго учителямъ и профессорамъ при высшихъ школахъ (**)? Въ книгахъ, назначенныхъ для чтенія и школьнаго преподаванія, пусть выставляютъ примѣры и разсказы изъ жизни замѣчательныхъ Славянъ всѣхъ племенъ и нарѣчій; образецъ этого мы встрѣтили въ Čjtanka. Желательно бъ было видѣть, какъ-можно-скорѣе, славянскаго «Плутарха»; подобныя біографіи знаменитѣйшихъ Славянъ сильно подѣйствовали бы на юношество. Если примѣры изъ жизни великихъ людей какого бы ни было отдѣльнаго племени, трогаютъ насъ и питаютъ благородныя побужденія, то какого дѣйствія не произведутъ примѣры разнаго рода доблестей, избранные изъ исторіи всѣхъ племенъ, всего народа! Въ святилищѣ этого пантеона, подъ магическимъ вліяніемъ этихъ картинъ, исчезнетъ идея кастъ въ отдѣльныхъ племенахъ, или лучше, она вознесется, прояснится, разрѣшится во всеобъемлющее чувство любви ко всему народу.

(*) Мы первые готовы согласиться на это, и уже поручили одному изъ корреспондентовъ нашихъ, нынѣ-путешествующему по славянскимъ землямъ (И. И. Срезневскому), устроить взаимныя сношенія между нами и почтеннымъ авторомъ этой статьи. *Ред.*

(**) По частнымъ письмамъ изъ Л... видно, что при Московскомъ Университетѣ учреждается каѳедра исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій.

Примѣч. автора.

Мы можемъ прибавить къ сему, что не только въ Московскомъ Университетѣ, но и вообще во всѣхъ русскихъ университетахъ повелѣно учредить каѳедры исторіи и литературы Славянъ, и что въ нѣкоторыхъ эти каѳедры уже существуютъ. *Ред.*

4) Общій славянскій литературный журналъ, на всѣхъ нарѣчіяхъ, въ которомъ бы всякое новое произведеніе славянской литературы было разобрано и оцѣнено на томъ нарѣчіи, на которомъ написано—сербская книга на сербскомъ, польская на польскомъ, русская на русскомъ, богемская на богемскомъ. Въ этомъ общемъ ученомъ періодическомъ изданіи должны будутъ принимать участіе сотрудники и рецензенты всѣхъ славянскихъ нарѣчій. Нѣтъ сомнѣнія, что подобное изданіе, при столь многочисленной и обширной публикѣ, проживетъ долго, и всегда будетъ поддерживаться. Словесность есть громкое мышленіе народа, мышленіе въ-слухъ; а журналы—одни изъ многочисленныхъ устъ, которыми народы говорятъ другъ съ другомъ. Хорошій журналъ, многими читаемый, еслибъ даже на слѣдующій годъ превратился въ тряпки, картонные листы или обертки для сыра, принесетъ человѣчеству гораздо-большую, существеннѣйшую пользу и подѣйствуетъ на обширнѣйшій кругъ, нежели толстыя, немногими читаемыя книги, даже цѣлыя библіотеки. Дѣйствіе, которое производятъ на читателей періодическія изданія, переживаетъ самыя эти изданія. Гдѣ тѣ яства, которыми наслаждались мы нѣсколько лѣтъ тому назадъ? Они обращаются въ тѣлѣ нашемъ, но въ видѣ очищенномъ...

5) Публичныя и частныя библіотеки, снабженныя книгами на всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, и книгами, выдаваемыми для чтенія. Отъ утвержденія литературной взаимности число книгъ на славянскомъ языкѣ до того умножится, что каждому отдѣльному лицу невозможно будетъ покупать ихъ всѣ безъ изключенія. Необходимо будетъ соединять для этой цѣли денежные капиталы.

Особенно въ библіотекѣ такого рода должны находиться всѣ лучшія грамматики и словари всѣхъ нарѣчій, на-пр. грамматика древне-славянскаго и богемскаго нарѣчія Добровскаго; грамматика нарѣчія русскаго Пухмейера, (Востокова? Фатера, Шмидта; польскаго — Копчинскаго и Бандке; иллирійскаго — Вука, Берлича; крайнскаго—Копитара, Даинко, Метелко, Мурко и т. п. Далѣе словари: русскій-академическій, польскій Линде, богемскій Юнгманна, иллирійскій Штуллія, Вука; виндскій — Мурко, Ярника и т. д. Даже для внутренняго устройства и порядка библіотеки, должно бы, на основаніи четырехъ или пяти главныхъ нарѣчій, раздѣлить ее на столько же отдѣловъ и комнатъ.

6) Сравнительныя грамматики и словари всѣхъ нарѣчій, которые, представляя отличительные признаки каждаго нарѣчія, какъ

въ-отношеніи къ формѣ, такъ и въ-отношеніи къ содержанію, облегчили бы изученіе оныхъ. Особенно мы рекомендуемъ хорошіе этимологическіе словари, значительно облегчающіе взаимное изученіе нарѣчій; ибо коренные слоги и коренныя слова, въ которыхъ мы находимъ первоначальный языкъ, одни и тѣ же во всѣхъ нарѣчіяхъ изъ него развивавшихся. Авторъ этого разсужденія никогда не бралъ уроковъ ни въ одномъ славянскомъ нарѣчіи: его учителями были преимущественно «Этимологическій Лексиконъ» Добровскаго и его же «Этимологическія Таблицы» въ грамматикахъ богемской и древне-славянской; «Этимологическій Лексиконъ» Бандтке, Ярника и т. д. Въ этомъ смыслѣ совершенно правъ г. Мурко, говоря въ предисловіи къ своей «Славянской Грамматикѣ» (въ Гретцѣ 1832 г. стр. V): «Кто основательно изучитъ хотя одно изъ славянскихъ нарѣчій, тотъ можетъ понимать всѣхъ Славянъ и быть понятъ ими. Я нарочно повторяю: «изучитъ основательно». Такого рода изученіе невозможно безъ этимологіи и сравненія съ другими нарѣчіями. Кто пріобрѣтетъ совершенное знаніе нарѣчія, тотъ вѣрно не будетъ имѣть причину жаловаться на разнообразіе языковъ славянскихъ по деревнямъ и селамъ; напротивъ, онъ найдетъ вездѣ между ими единство, встрѣтитъ въ отдаленнѣйшихъ нарѣчіяхъ болѣе или менѣе чувствительныя уклоненія, но никогда не откроетъ разительнаго несходства. Жалобы на разнообразіе языковъ славянскихъ, на трудность понимать ихъ, можно будетъ слышать только изъ устъ невѣждъ и полуученыхъ.» Также думаетъ и Урб. Ярникъ (стр. 3): «Это стремленіе—приготовлять постепенно путь къ сличенію родственныхъ нарѣчій между собою, особенно занимаетъ новыхъ славянскихъ филологовъ почти всѣхъ нарѣчій: со-временемъ это принесетъ великую пользу.»

7) Изъисканіе и изданіе народныхъ пѣсень, пословицъ и поговорокъ, въ которыхъ различія и уклоненія нарѣчій еще не такъ значительны, какъ въ ученомъ слогѣ. Сюда мы должны также причислить переводы рукописей и книгъ съ одного нарѣчія на другое: они полезны тѣмъ, что ведутъ къ всестороннимъ свѣдѣніямъ о славянскихъ племенахъ, не портятъ нашего вкуса, не насилуютъ свойственныхъ намъ конструкцій, однимъ-словомъ, не обезображиваютъ нашего языка и не портятъ нашей народности.

8) Постепенное присвоеніе чужихъ словъ и оборотовъ, на которыхъ лежитъ печать одной народности, принятіе оборотовъ чисто-славянскихъ и, въ-слѣдствіе этого, условное приближеніе къ идеалу языка всеславянскаго, т. е. къ языку, который бы легко могъ пони-

мать всякій Славянинъ, къ какому бы племени онъ ни принадлежалъ. Языки славянскіе должны обогащаться только изъ языковъ славянскихъ же, сходныхъ своими звуками и построеніемъ. Ни одинъ языкъ въ Европѣ не чуждается иностранныхъ словъ въ той степени, какъ языкъ славянскій. Эти слова ослабляютъ и унижаютъ характеръ народный, заглушаютъ въ насъ любовь къ своему народу и языку. Иностранные слова и обороты отчуждаютъ взаимно Славянъ, ихъ нарѣчія и племена. Словъ и оборотовъ, заимствованныхъ извнѣ, не терпитъ ни одинъ прямой Славянинъ: они затрудняютъ изученіе близкихъ къ намъ нарѣчій.

Особливо завалены и засорены всякою чуждою примѣсью языки богемскій и польскій; по-этому необходимо очистить ихъ: первый отъ германизмовъ, вторый отъ германизмовъ, латинизмовъ и галлицизмовъ.

9) Однообразное, философское, на духѣ славянскаго языка основанное правописаніе, въ употребленіи котораго согласились бы всѣ Славяне, по-крайней-мѣрѣ пользующіеся письменами одного рода, латинскими или кирилловскими. На славянское правописаніе не должно имѣть вліянія ни мадярское, ни итальянское, ни нѣмецкое. Пестрота въ правописаніи не только уноситъ много времени на изученіе, по еще пугаетъ читателей: вниманіе въ немъ запутывается. Шафарикъ очень-вѣрно замѣчаетъ объ «Иллирійскомъ Парнассѣ» въ періодическомъ изданіи «Чешскій Музеумъ» (1833 томъ I стр. 32): «Это нѣжные цвѣты, но они обвиты отвратительными лохмотьями и рубищами, и ихъ въ этомъ видѣ никогга не пріймутъ благосклонно другіе Славяне, не-Иллирійцы. Здѣсь прежде всего предстоитъ борьба съ чудовищами, каковы: scgljesc (вм. sles), bliscgnja (вм. blizna), kgniscnizi (вм. knizniсi), oghgnjen (вм. ognen); kraghl (вм. kral); даже — избави Боже! gghgnjevno (вм. gnevno) и т. п.» — Нельзя въ этомъ отношеніи не похвалить Гая и вообще Хорватовъ, которые изправленіемъ, славянизированіемъ своего правописанія подали другимъ Славянамъ прекрасный, достойный подражанія примѣръ. Однимъ-словомъ, для достиженія этой взаимности, мы должны сравнять и сгладить всѣ хребты, насъ раздѣляющіе, наполнить всѣ рвы и пропасти, или, по-крайней-мѣрѣ, перекинуть мосты черезъ нихъ, чтобы подать другъ другу руку и сноситься между собою свободнѣе.

§ 20. *Заключеніе.* — При свѣтѣ взаимности народъ славянскій и всѣ его племена и нарѣчія, его судьбы и обстоятельства предстанутъ намъ въ другомъ, лучшемъ видѣ. Она можетъ положить

только основаніе народной славянской словесности, въ точнѣйшемъ и высшемъ значеніи этого слова; съ нею вмѣстѣ и посредствомъ ея, китайская стѣна, донынѣ существующая, эта одиночная жизнь и одиночная дѣятельность Славянъ, мелочныя книжныя ссоры отдѣльныхъ племенъ и нарѣчій—навсегда рушатся; прекратятся мелкія литературныя предпріятія и общества, которыя, едва возникнувъ, вянутъ и блекнутъ отъ недостатка воздуха. Только силою взаимности мы почувствуемъ живо наше общее происхожденіе и наше сродство, а эта выгода неслишкомъ-дорого будетъ стоить для каждаго племени: пусть только тѣ изъ Славянъ, которые первенствуютъ умомъ, держатся не столько предметовъ, отдѣляющихъ и удаляющихъ насъ другъ отъ друга, сколько тѣхъ, которые насъ связываютъ въ одно братство. Слабые ручьи съ трудомъ носятъ на поверхности своей бревна и доски; но гдѣ отдѣльные потоки стекаются въ одно русло, тамъ Волга, Дунай несутъ огромные корабли на хребтахъ своихъ. Отъ взаимности не потерпитъ ни одно нарѣчіе; ибо каждое изъ нихъ сохранитъ свою личность, останется при своемъ языкѣ и литературѣ, но будетъ знать, покупать и читать произведенія другихъ письменъ славянскихъ. Итакъ здѣсь еще откроется обширное поприще для всякаго Славянина, дѣйствующаго во благо всего народа; здѣсь предстоятъ завоеванія, или лучше, обращенія на путь истины другихъ заблудшихся; здѣсь лучшіе въ народѣ должны подать другъ другу руку и скрѣпить этотъ истинно-священный союзъ, ибо холодность, равнодушіе, даже отвращеніе Славянъ другъ отъ друга, доселѣ господствовавшія, можно назвать безбожіемъ; это тотъ самый порокъ (impietas), который такъ сильно преслѣдовали Римляне въ дѣтяхъ, нелюбившихъ родителей, въ братьяхъ и родныхъ, чуждыхъ взаимной любви.

Около этого общаго, свѣтлаго народнаго очага да соберутся люди мысли и чувства, и да стараются они привлекать къ себѣ другихъ. Тяжелая отвѣтственность лежитъ на насъ, на нашемъ времени, на нашемъ народѣ: намъ предоставлено рѣшить судьбу безконечной будущности! Полякъ да перестанетъ называться просто Полякомъ, но да называется Славяниномъ-Полякомъ, да изучаетъ онъ не только свои книги, но и произведенія нарѣчій русскаго, богемскаго, сербскаго; Русскій да будетъ не просто Русскимъ, но Славяно-Русскимъ, да знаетъ и читаетъ не только на своемъ языкѣ, но и на польскомъ, богемскомъ, сербскомъ; Богемецъ да будетъ не просто Богемцемъ, но Славяно-Чехомъ, и изучаетъ не

одинъ богемскій языкъ, но и польскій, и русскій, и сербскі[й] Сербъ или Илліріецъ да будетъ не просто Сербомъ, но славяно-Сербомъ, да покупаетъ и читаетъ не однѣ сербскія книги, но и произведенія польской, русской, богемской литературы. Кто не знаетъ и не понимаетъ этихъ главныхъ нарѣчій, тому бы не слѣдовало и брать перо въ руки, тотъ не славянскій писатель.

С.

ХИВА,

ВЪ НЫНѢШНЕМЪ СВОЕМЪ СОСТОЯНІИ (*).

Страны, прилегающія съ юга къ Азіатской Россіи, еще такъ мало изслѣдованы во всѣхъ отношеніяхъ, что всякое извѣстіе о нихъ достойно вниманія, особенно если будетъ сообщено очевидцами. Та часть этихъ обширныхъ странъ, которая принадлежитъ Китайской Имперіи, къ-сожалѣнію, неприступна для тѣхъ изъ Русскихъ, которые захотѣли бы идти черезъ нихъ, а не слѣдовать по назначенной дорогѣ изъ *Кяхты* въ Пекинъ, и то на извѣстныхъ условіяхъ.

Но страны на западъ отъ этой части Китая, *Коканъ*, *Бухара* и *Хива*, давно уже состоятъ въ сношеніяхъ съ Россіею. Первыя двѣ доступны каждому Русскому и, не смотря на то, до-сихъ-поръ только дорога изъ Оренбурга въ Бухару была посѣщаема и описываема учеными путешественниками (**). Но наблюденія ихъ простирались не далѣе города Бухара; даже сосѣдній Самаркандъ, этотъ знаменитый памятникъ древней славы востока, никогда не былъ посѣщаемъ (***); а можно ли полагать, что въ немъ нѣтъ множества разнообразныхъ литературныхъ сокровищъ, съ которыми знакомство значительно распространило бы наши свѣдѣнія о востокѣ?

(*) Хивинское Ханство, въ-слѣдствіе новѣйшихъ событій, особенно должно интересовать насъ-Русскихъ. Извѣстное въ Европѣ описаніе его, составленное Англичаниномъ Борисомъ, и старо, и неполно, и, какъ оказывается, невѣрно. Предлагаемая здѣсь статья взята изъ книги, на-дняхъ изданной соотечественникомъ нашимъ, г-мъ Гельмерсеномъ, на нѣмецкомъ языкѣ, подъ названіемъ Nachrichten über Chiva, Buchara, Chocand, etc. Источники, которыми пользовался авторъ, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ достовѣрности его описанія, и благодаря его труду, мы теперь можемъ имѣть о Хивѣ вѣрныя свѣдѣнія, какихъ не имѣетъ Европа. *Ред.*

(**) Эверсманъ, Пандеръ, Мейендорфъ и Демезонъ.

(***) И Борисъ (Burnes) не бывалъ въ Самаркандѣ.

Коканъ и Хиву посѣщали только немногіе политическіе эмиссары и торговцы, и свѣдѣнія, какія мы имѣемъ объ этихъ странахъ, основываются на неполныхъ, неудовлетворительныхъ описаціяхъ, отрывочно-печатавшихся въ разныя времена. Особенно недостаточны собранныя доселѣ свѣдѣнія о Хивѣ. Причиною сего — недоступность этой незначительной страны. Всякій Европеецъ, и особенно всякій Русскій, добровольно-проникающій въ нее, подвергается опасности лишиться жизни. Князь Бековичъ-Черкасскій, отправленный Петромъ-Великимъ въ Хиву, былъ убитъ со всею свитою самымъ гнуснымъ образомъ; а Муравьевъ, котораго посылалъ Ермоловъ, бывшій главнокомандующій кавказскимъ корпусомъ, хотя и остался живъ (*), но все время своего пребыванія долженъ былъ провести въ тюрьмѣ въ Ильгельди, и потому знаетъ Хиву большею-частію только по-наслышкѣ. Не смотря на это, извѣстія его самыя полныя, и онъ заслуживаетъ за нихъ тѣмъ большую благодарность, что могъ собрать ихъ не иначе, какъ съ величайшимъ самопожертвованіемъ.

Между-тѣмъ это небольшое государство все более и болѣе обращаетъ на себя наше вниманіе, и притомъ самымъ непріятнымъ образомъ, препятствуя оренбуржско-бухарской торговлѣ и останавливая ее. Какъ прежде Алжиръ, конечно въ обширнѣйшемъ размѣрѣ, составлялъ на Средиземномъ Морѣ разбойническое государство, такъ и Хива старается посредствомъ оружія овладѣть промышленостію своихъ ближайшихъ сосѣдей. Всѣ такъ-называемые походы хивинскихъ хановъ противъ Персіи и Бухары по-справедливости могутъ назваться разбойническими нападеніями, и взъисканіе такъ-называемой пошлины, платимой бухарскими караванами, идущими въ Оренбургъ и обратно, вооруженнымъ Хивинцамъ, есть не что иное, какъ грабежъ, отъ котораго не въ состояніи избавиться трусливые Бухарцы.

Извѣстія Муравьева о Хивѣ позже распространены и дополнены сказаніями разныхъ Русскихъ, счастливо ушедшихъ оттуда изъ плѣна. Въ числѣ ихъ находится нѣкто Ковырзинъ, астраханскій мѣщанинъ, въ 1826 году убѣжавшій изъ Хивы въ Оренбургъ. За нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, во время рыбной ловли на Каспійскомъ Морѣ, онъ былъ взятъ въ плѣнъ Туркменцами и проданъ въ Хиву, гдѣ

(*) Еще очень недавно, весною 1838 года, въ Хивѣ удавлено, по повелѣнію хана, нѣсколько иностранцевъ, повидимому Англичанъ, безъ всякой вины съ ихъ стороны. Полагаютъ, что они пришли туда изъ Персіи.

сначала раздѣлялъ судьбу всѣхъ невольниковъ, но скоро ловкость его доставила ему почетную обязанность—сопровождать нѣсколько лѣтъ сряду ханскаго сборщика податей въ его разъѣздахъ по Хивѣ. Это доставило Ковырзину подробныя и точныя свѣдѣнiя о маленькомъ разбойническомъ государствѣ, котораго мѣстность должна была глубоко напечатлѣться въ умѣ его, потому-что Ковырзинъ одаренъ превосходною памятью. Подробные разсказы его о Хивѣ были записываемы въ Оренбургѣ предсѣдателемъ Азiатской Пограничной Коммиссiи, генераломъ Генсомъ, который былъ такъ добръ, что сообщилъ ихъ мнѣ, вмѣстѣ съ другими матерiалами, собираемыми имъ въ-продолженiе многихъ лѣтъ съ неутомимымъ прилежанiемъ. Изъ этого-то собранiя, которымъ генералъ Генсъ оказалъ великую услугу географiи Азiи, заимствованы и прочiя извѣстiя, обработанныя мною по русскимъ оригиналамъ и дополненныя моими собственными объясненiями. Извѣстiя о Коканѣ и Китайскомъ Туркестанѣ взяты у извѣстнаго татарскаго купца, Муртаза-Сейф-юд-дина и нѣкоторыхъ изъ его земляковъ, которымъ открытъ весь востокъ, не исключая и большей части Китая.

—

Обработанною и наилучше-населенною частiю Хивинскаго Ханства считается островъ, съ юга и запада ограничиваемый песчаною степью, съ сѣвера Аральскимъ Озеромъ, а съ востока рѣкою Аму-Дерья (Сигонъ) (*). Длина этого пространства отъ Петняка до Кунграта составляетъ 120, а ширина отъ Ургенча до Хивы только 40 верстъ (**); почва вездѣ ровная и состоитъ изъ песчаной глины, лоно же Аму-Дерья изъ чистой глины. Только на восточной и западной границѣ возвышаются нѣкоторые довольно-значительные песчаные холмы; и здѣсь же тянется длинный рядъ озеръ, которыя соединяются другъ съ другомъ небольшими протоками, и имѣютъ хорошую воду, но рѣдко достигаютъ длины

(*) Просимъ читателей обратить вниманiе на приложенную къ этой статьѣ карту Хивы.

(**) Муравьевъ (см. Voyage en Turcomanie et à Khiva. Paris. 1823. pag. 232) опредѣляетъ длину «partie centrale de la Khivie» въ 180 верстъ съ сѣвера на югъ, и ширину въ 150 верстъ отъ востока къ западу. «Но эта страна» продолжаетъ онъ: «будетъ гораздо обширнѣе, если причислить къ ней всѣ засѣванныя области и тѣ, которыя состоятъ подъ ея политическимъ влiянiемъ, или зависятъ отъ нея по торговымъ отношенiямъ. Изъ этого легко убѣдимся, что никакъ нельзя съ точностью опредѣлить величину этого государства.

500 сажень (3,500 футовъ). Правый берегъ Аму-Дерья покрытъ значительными скалами, и здѣсь же находится, насупротивъ города Кипчака, на самой рѣкѣ, извѣстная Золотая Гора (*); однакоже, къ этой горѣ не приставленъ караулъ, какъ разсказываютъ нѣкоторые, и, кажется, Хивинцы совершенно убѣждены, что она не содержитъ въ себѣ ни зерна золота.

Берега Аму-Дерья покрыты низкимъ кустарникомъ, который, можетъ-быть, сдѣлался бы гораздо-выше, еслибъ его не срубали каждый годъ. Между этими кустарниками замѣчательны дикія розы, производящія круглый плодъ, и дерево *туранга*, достигающее вышины 2 сажень и значительной толщины; оно очень вѣтвисто, имѣетъ круглые листья, крѣпкую сердцевину и странный видъ. Въ прочихъ мѣстахъ растетъ саксаулъ. Около Гурлена и далѣе внизъ по рѣкѣ весьма-густые кустарники, и между ними также саксаулъ.

Лѣтомъ жары въ Хивѣ очень-сильны, но сноснѣе, чѣмъ въ Бухарѣ, потому-что Хивинцы изобильно снабжены водою. Вѣтры очень-сильны; дождь рѣдокъ, что̀ очень-выгодно для жителей, потому-что дождь разрушаетъ ихъ домы. Морозы наступаютъ въ началѣ октября и часто бываютъ въ это время такъ сильны, что вода покрывается льдомъ. Аму-Дерья замерзаетъ неранѣе, какъ къ новому-году, и, не смотря на это, ледъ, говорятъ, достигаетъ иногда толщины 12 вершковъ. Снѣгъ никогда не выпадаетъ болѣе, какъ на пядень и не лежитъ болѣе четырехъ дней. Гололедица образуется очень-часто; а какъ верблюды не могутъ ходить по ней, то жители принуждены ѣздить въ тележкахъ. Воздухъ здоровъ, но осенью свирѣпствуютъ лихорадки.

Аму-Дерья снабжаетъ всю страну хорошею водою. Рѣка глубока, широка и быстра, но мало-по-малу быстрота ея уменьшается до того, что пониже Кунграта едва можно замѣтить ея теченіе,

(*) Въ прежнихъ описаніяхъ (см. Мейендорфа: «Voyage d'Orenbourg à Boukhara» стр. 72 и Эрманна: «Beiträge zur Länder- und Staatenkunde der Tartarei». Веймаръ, 1804, стр. 48) ее называютъ *Вайсли-кара* или *Васил-кара* и утверждаютъ, что на вершинѣ ея находятся глубокія ямы, изъ которыхъ прежде доставались золото и серебро. Но, со временъ *Бекича*, подъ смертною казнію запрещено работать въ нихъ и даже подходить къ нимъ. (Здѣсь очевидно говорится о несчастномъ князѣ Бековичѣ, посланномъ Петромъ-Великимъ въ Хиву, и о которомъ, между-прочимъ, думали жители, что онъ пришелъ съ своимъ отрядомъ для опустошенія золотыхъ рудниковъ. Извѣстно, что онъ и всѣ съ нимъ бывшіе были убиты по повелѣнію хивинскаго хана).

Въ 150 верстахъ по-выше Петняка въ Аму-Дерья находятся пороги, черезъ которые при мелководьи съ трудомъ проходятъ лодки. Но отъ этого мѣста до впаденiя въ Аральское Озеро ничто уже не препятствуетъ судоходству. Каракалпаки разъѣзжаютъ по Аральскому Озеру въ небольшихъ лодкахъ, и занимаются на немъ рыбною ловлею (*). Аму-Дерья только пониже Кунграта выступаетъ изъ береговъ и тогда преимущественно затопляетъ восточный берегъ; по-этому только здѣсь и находится близь рѣки луговая почва, которой вовсе нѣтъ выше. Водополье, которое наступаетъ обыкновенно около 1 октября (**) и отъ котораго вода, чистая и вкусная въ прочее время года, превращается въ мутную, иногда достигаетъ 2½ сажень выше обыкновеннаго. Значительнѣйшее мелководье наступаетъ въ началѣ iюня, и въ это время выше Петняка можно проѣхать верхомъ чрезъ рѣку; впрочемъ теченiе здѣсь такъ быстро, что лошадь съ трудомъ можетъ устоять на ногахъ.

Когда Аму-Дерья изобилуетъ водою, то всѣ каналы, проведенные изъ нея, наполняются, и тогда можно достаточно наводнять поля и сады, отъ-чего жатва выходитъ хорошая; въ противномъ же случаѣ страна терпитъ голодъ. Въ 1804 году, на-пр., жители Хивы засухою и произшедшимъ отъ нея неурожаемъ были доведены до крайности. Тотъ же самый годъ отличался и повальными болѣзнями.

Во всемъ ханствѣ ни одна рѣка не впадаетъ въ Аму-Дерья; но изъ этой рѣки вытекаетъ на западномъ (лѣвомъ) берегу рукавъ, Кара-Узекъ, въ десяти верстахъ ниже Худшы; онъ имѣетъ до 5 сажень глубины, 200 сажень ширины и довольно-быстръ; Каракалпаки содержатъ здѣсь перевозъ на лодкахъ. Въ 5 верстахъ къ сѣверу отъ изтока этого рукава находится гора Ирнекъ, мимо которой онъ протекаетъ въ находящееся на 5-ти-верстномъ разстоянiи отъ Кунграта озеро Ат-Юлъ, и изъ сего послѣдняго обратно въ Аму-Дерья.

(*) Аральское Озеро усѣяно островами, и нѣкоторые изъ нихъ населены; значительнѣйшiй изъ островов, Токмак-Атя, лежитъ насупротивъ устья Аму, населенъ и покрытъ лѣсомъ. Длина его до 30 верстъ. Хивинцы посвящаютъ этотъ островъ для поклоненiя гробу одного сантона, здѣсь погребеннаго. Озеро очень неглубоко, и говорятъ, что при мелководьи можно верхомъ доѣхать до острова, лежащаго въ 20 верстахъ отъ берега.

(**) По другимъ извѣстiямъ, въ апрѣлѣ или началѣ мая.

Въ Кара-Узекъ впадаютъ нѣсколько побочныхъ рукавовъ Аму-Де рья, которыхъ не должно смѣшивать съ каналами, потому-что он текутъ въ природныхъ а не искусственныхъ руслахъ (*).

—

Кромѣ домовъ въ стѣнахъ города, вездѣ почти есть еще домь внѣ ихъ. Послѣднихъ, на-примѣръ, въ Хивѣ считается не менѣ 1500, въ Ургенчѣ до 600. Всего считается во всѣхъ городахъ в

(*) При полноводьи Аму-Дерья несетъ необыкновенно - много темносѣраго клейкаго ила, весьма вреднаго для плодородія. Часто, въ короткое время, она наполняетъ каналы толстымъ слоемъ, который, при чисткѣ ихъ, или выбрасывается на берегъ, или перевозится въ города и селенія для возвышенія дворовъ и защищенія жилищъ отъ наводненія.

Жители Хивинскаго Ханства твердо убѣждены, что Аму-Дерья прежде впадала въ Каспійское Море. Говорятъ, что такія прежнія русла рѣкъ видны между каналами Касаватъ и Шаватъ, и между каналами Ермышъ (однимъ изъ меньшихъ) и Клыч - Бай. Они идутъ въ направленіи къ западу и наполнены мелкимъ (рѣчнымъ?) пескомъ. Во время полноводья Аму-Дерья и каналовъ, излишняя вода проводится въ эти оставленныя русла, которыя, по-этому, ниже водной поверхности Аму и каналовъ. Аму-Дерья — рѣка, богатая водою, во время полноводья несетъ необыкновенное множество ила. Большая часть этого ила вѣроятно доходитъ до устья, гдѣ отъ - сего должно произойдти быстрое обмеленіе и значительное приращеніе дельты. Чрезвычайно-низкое дно и большіе, плоскіе острова при устьѣ свидѣтельствуютъ о томъ, что и здѣсь произходятъ извѣстныя явленія этого рода, въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ встрѣчаемыя въ многихъ другихъ рѣкахъ.

Не только при устьѣ, но и въ нижней части своей, Аму-Дерья наноситъ илъ, и такимъ-образомъ, подобно По, повышаетъ свое русло. Всѣ же рѣки, сходныя съ Аму, протекая въ ровныхъ мѣстахъ, часто измѣняютъ свое русло, по причинамъ, выше объясненнымъ. Такимъ-образомъ нельзя сомнѣваться, чтобъ и съ хивинскою рѣкою не произходили подобныя измѣненія. Обитатели Хивы приписываютъ разрушеніе древняго Ургенча тому обстоятельству, что рукавъ Аму, при которомъ онъ лежалъ, наполнился пескомъ и высохъ. Конечно, всѣ извѣстія о прежнемъ теченіи Аму неполны, по нѣтъ достаточныхъ причинъ отвергать это предположеніе, какъ дѣлали въ послѣднее время. Показанія многихъ Хивинцевъ и возвратившихся въ свое отечество Русскихъ согласны въ томъ, что между Хивою и Каспійскимъ Моремъ, вблизи этихъ руслъ, означающихъ прежнее теченіе Аму, около 300 верстъ на востокъ отъ Балханскаго Залива, находятъ остатки водопроводовъ, крѣпостей и строеній, сооруженныхъ изъ кирпича. Эти остатки, которыхъ подробнѣйшее описаніе весьма-желательно было бы видѣть, указываютъ на то, что эта страна нѣкогда была обитаема, но теперь лишена воды и вмѣстѣ съ тѣмъ жителей. Прежнее теченіе Аму-Дерья было вѣроятно главнымъ условіемъ существованія разрушенныхъ нынѣ городовъ.

селеніяхъ Хивинскаго Ханства 22,830 домовъ и обитаемыхъ палатокъ. Къ этому надобно еще прибавить многія жилища, разсѣянныя между селами.

—

Постройка домовъ. Въ Хивинскомъ Ханствѣ большею частію строятся дома изъ земли или глины; только въ мѣстахъ, подверженныхъ наводненіямъ, стараются придать имъ болѣе крѣпости, и для этой цѣли поступаютъ слѣдующимъ-образомъ: дѣлаютъ два вѣнца изъ бревенъ, одинъ для верха, другой для низа строенія. Послѣдній уставляется какъ-можно-чаще деревянными подпорками (тонкими бревнами), которыя поддерживаютъ верхній вѣнецъ, и эти подпорки съ обѣихъ сторонъ обмазываются смѣсью соломы съ глиной. Когда такимъ-образомъ четыре стѣны готовы, то сверху накладываютъ горизонтальныя стропила, покрываютъ ихъ поперегъ шестами и на послѣдніе накладываютъ циновки изъ плоскаго тростника; все это засыпаютъ сухою глиною и наконецъ замазываютъ мокрою глиною. Въ срединѣ этого потолка, образующаго въ то же время и крышу, дѣлаютъ четырехугольное отверзтіе, пропускающее свѣтъ и служащее проводникомъ дыму. Для предохраненія отъ воровъ эти отверзтія закрываютъ деревянною рѣшеткою.

Только зажиточные люди бѣлятъ внутреннія стѣны домовъ и наклеиваютъ на нихъ разныя вырѣзанныя украшенія. Снаружи никогда не бѣлятъ стѣнъ, и по-этому на нихъ всегда торчатъ куски соломы, съ которою смѣшана глина. Окна неизвѣстны Хивинцамъ, и только иногда въ стѣнѣ продѣлывается одно отверзтіе. Двери досчатыя, но безъ петель и крючковъ; на крайней doскѣ двери съ обѣихъ концовъ, сверху и снизу, дѣлаютъ оконечности нѣсколько длиннѣе всей доски и, округливъ ихъ, вставляютъ въ дыры, п осверленныя въ порогѣ и притолокѣ. Въ настоящее время только у хана есть двери на петляхъ. Каждый домъ состоитъ изъ одной только комнаты, величиною съ наши крестьянскія избы. Богатые люди строятъ нѣсколько домовъ сряду и соединяютъ ихъ галлереею, на которую изъ каждой комнаты ведетъ дверь; самыя же комнаты не сообщаются между собою дверьми непосредственно. Полъ въ нихъ состоитъ изъ выравненной, смѣшанной съ глиной земли, и, смотря по состоянію владѣльца, покрывается или циновками, или коврами. Въ срединѣ комнаты въ полу сдѣлано углубленіе, надъ которымъ стоитъ нѣчто похожее на

столъ, покрытый до низа ковромъ. Зимою наполняютъ это углубленіе горящими угольями и кладутъ ноги подъ коверъ, чтобы согрѣть ихъ. У хана поставили-было русскую печь, но она не удостоилась высокаго его одобренія, потому-что разпространяла вокругъ себя слишкомъ-сильный жаръ.

Домы устроиваются въ глубинѣ двора и опираются на сосѣдніе; дворъ окруженъ глиняною стѣною, вдоль которой идетъ крыша, смежная съ крышею дома. По обѣимъ сторонамъ воротъ также устроиваются плоскія крыши на столбахъ. Причина, по которой одна часть двора покрывается крышею, состоитъ въ томъ, что многіе, особенно богатые люди, живутъ въ войлочныхъ палаткахъ, разбиваемыхъ подъ этими крышами у воротъ и у входа въ домъ.

—

Жители. Главное племя въ Хивѣ Узбеки (*), и самъ ханъ происходитъ отъ нихъ; однакожь они не пользуются никакими особенными привилегіями, и всѣ безъ изключенія служатъ въ арміи хана, гордятся своимъ произхожденіемъ, храбры, заносчивы, сердиты и мстительны, но держатъ данное слово и вѣрно платятъ свои долги. Съ невольниками своими они обходятся жестоко, рѣдко ходятъ въ мечети, крадутъ и хищничествуютъ. За изключеніемъ кунгратскихъ Узбековъ, это племя живетъ въ домахъ, а лѣтомъ на поляхъ своихъ въ палаткахъ, но не ведетъ кочевой жизни. Кунгратскіе Узбеки, на противъ, перекочевываютъ подобно Киргизцамъ, и не имѣютъ никакого постояннаго жилища.

Уйгуры принадлежатъ къ роду Узбековъ, но въ-слѣдствіе своего непослушанія и проступковъ живутъ почти въ неволѣ, подъ надзоромъ и управленіемъ султана-хана. Въ настоящее время они усмирились, но многіе оставили Хиву и переселились въ Бухару. Они одѣваются точно такъ же, какъ Узбеки.

Туркменцы (**) (Туркоманы), обитаютъ на западной границѣ

(*) Клапротъ, «Asia Polyglotta» стр. 267. Турецкое племя, извѣстное подъ именемъ Узбековъ, жило въ прежнія времена на югъ отъ Небесной Горы и состоитъ изъ остатковъ Хуыхе (Chuyche) или Уйгуръ; въ началѣ XVI вѣка оно проникло черезъ Сигунъ или Яксартъ въ Бальхское, Бухарское, Хивинское и другія Государства.

(**) Клапротъ, тамъ же, стр. 217. Трудно опредѣлить произхожденіе Туркменцевъ. Они турецкія племена, пришедшія въ XI и XII вѣкахъ чрезъ Оксъ и Хорасанъ. Кочующіе по ту сторону Каспійскаго Моря Туркменцы состоятъ теперь по-большей-части подъ властію хивинскаго, ферганаскаго и бухарскаго хановъ.

ханства и ведутъ кочевую жизнь въ палаткахъ. Они носятъ барашковыя шапки съ краснымъ суконнымъ верхомъ, какъ русскiе казаки. Чиновники ихъ надѣваютъ иногда, въ честь хана, хивинскiя шапки. Кафтаны ихъ узки и достаютъ только до колѣнъ; изъ приготовляемаго ими-самими сукна дѣлаютъ они свою зимнюю одежду; лѣтомъ же носятъ кафтаны изъ китайки, приготовляемой въ Персiи. Панталоны ихъ покроемъ подобны турецкимъ, изъ аладжи (полосатой матерiи); Туркменцы носятъ короткую рубашку, красные юфтяные сапоги, на-фасонъ киргизскихъ, и сильно шнуруются. Они почти-единственно живутъ грабежомъ и воровствомъ, и для этого употребляютъ аргамаковъ. Когда въ 1825 году хивинская армiя напала на несчастный русскiй караванъ и принудила его отступить съ большею потерею товаровъ, Туркменцы отняли у Хивинцевъ и Каракалпаковъ всѣ похищенные товары, назначенные для отвоза въ Бухару и на которые съ жадностiю бросилась вся армiя, какъ скоро отрядъ, сопровождавшiй караванъ, отретировался. При спорѣ, возникшемъ по этому поводу, Турменцы обругали хана, который, узнавъ объ этомъ, приказалъ повѣсить 10 туркменскихъ аксакаловъ. Послѣ этого 200 кибитокъ Туркменцевъ откочевали на берегъ Каспiйскаго Моря, разрушивъ, на дорогѣ, въ окрестностяхъ Ташгауса, два базара и угнавъ скотъ. Ташгауса они однакожъ не могли взять. Жены Туркменцевъ прилежны и искусны въ рукодѣльяхъ. Онѣ ткутъ ковры, попоны, тонкую армячину (изъ верблюжьей шерсти), поясы, сукно, и дѣлаютъ войлокъ. Мужчины холятъ своихъ прекрасныхъ лошадей и хищничествуютъ.

Каракалпаки (*) (Черношапочники), кочуютъ болѣе всего около горы Айбугуръ и на правомъ берегу Аму-Дерья. Богатѣйшiе изъ нихъ окружаютъ дворъ стѣнами; въ этомъ маленькомъ укрѣпленiи они держатъ запасъ хлѣба, а въ окрестностяхъ сихъ магазиновъ проводятъ зиму; лѣтомъ же перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто. Они одѣваются какъ Киргизы, но шапки носятъ хивинскiя. Зимняя одежда ихъ шьется изъ русскаго сукна; лѣтомъ они носятъ армяки, вытканные изъ верблюжьей шерсти. Многiе Каракалпаки постоянно поселены въ Хивѣ, гдѣ не имѣютъ собственныхъ домовъ, а живутъ на-счетъ султана; они носятъ шелковыя

(*) Клапротъ, тамъ же, стр. 222. Каракалпаки, говорятъ, до разрушенiя города Булгары жили въ окрестностяхъ его и на гористомъ берегу Волги, между Казанью и Астраханью. Теперь они распространились гораздо-далѣе на юговостокъ.

платья и посреди кочующихъ земляковъ своихъ принимаютъ важный и гордый видъ.

Каракалпаки занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ; у нихъ мало верблюдовъ; они неуклюжи, трусливы, и потому плохіе воины, послушны, но склонны къ воровству; для грабежей у нихъ не достаетъ мужества. Они держатъ свое слово, не пьютъ вина, курятъ и нюхаютъ табакъ. Богатые воспитываютъ дѣтей своихъ въ Хивѣ. Они слѣпо повинуются хану, и хивинскій чиновникъ, хотя бы то былъ и Каракалпакъ, дѣлаетъ съ ними что хочетъ, потому-что они готовы отдать по первому возтребованію женъ, дѣтей и имущество. Вообще они бѣдны, имѣютъ мало лошадей, но больше рогатаго скота; обитаютъ въ богатыхъ пажитями и лѣсомъ низменныхъ мѣстахъ; поля ихъ даютъ обильную жатву. Въ Хивинскомъ Ханствѣ, собственно, только тѣ имѣютъ постоянную осѣдлость, которые служатъ въ арміи хана. Аксакалы (бѣлобородые, старики) управляютъ аулами, и за маловажныя преступленія наказываютъ тѣлесно; важнѣйшихъ же преступниковъ отправляютъ въ Хиву, на судъ самого султана.

Сарты—трусливы, смирны, подлы, измѣняютъ данному слову, охотно обманываютъ и дурно платятъ долги, не годятся для войны, плохіе ѣздоки, но молятся много и охотно занимаются учеными предметами. Съ невольниками своими они обходятся лучше, нежели Узбеки; одѣваются бѣдно, между-тѣмъ, какъ послѣдніе любятъ пощеголять нарядами. Они повинуются начальству, работящи и часто богаты, но скрываютъ свои сокровища, боясь, чтобы правительство не отняло ихъ, и очень-хорошо знаютъ, что, при нашествіи непріятеля, ханъ отнялъ бы у нихъ все. Какъ по этой причинѣ, такъ и потому-что считаютъ себя древнѣйшими обитателями (*) и настоящими владѣтелями страны, они не терпятъ Узбековъ. Впрочемъ Узбеки вступаютъ въ родство только съ Сартами и не хотятъ знаться ни съ какими другими обитателями страны.

Тадшики—бухарскіе военноплѣнные, почти въ числѣ 2,000

(*) Клапротъ, тамъ же, стр. 243. Сарты—турецкое названіе Бухарцевъ, которые сами себя называютъ Тадшиками; по-этому сіи три названія однозначащи и придаются, по словамъ Клапрота, не Туркамъ, какъ доселѣ полагали, а Персіянамъ, потому-что Бухарцы говорятъ по-персидски. Посему настоящіе коренные жители Большой и Малой Бухаріи—Персіяне и принадлежатъ къ индо-германскому поколѣнію; обитающіе же между ними Турки — пришельцы.

емействъ, живутъ мирно и спокойно на земляхъ, отведенныхъ ултаномъ.

Афганы — живутъ въ Хивѣ для торговли; въ городѣ Хивѣ считается ихъ всего 15 семействъ; они богаты; нѣкоторые изъ нихъ анимаются врачеваніемъ болѣзней и иногда лечатъ самого хана; о за неудачное леченіе ханъ иногда приказываетъ выколоть несчастнымъ медикамъ глаза. Мухаммедъ-Рахимъ многихъ лишалъ рѣнія такимъ образомъ.

Жидовъ въ Хивѣ около 200. У нихъ нѣтъ своихъ домовъ: они кивутъ по найму; занимаются шелководствомъ, тканьемъ и краценьемъ шелковыхъ и полушелковыхъ матерій. И здѣсь, какъ въ Бухарѣ, Жидовъ принуждаютъ одѣваться такъ, чтобы ихъ тотчасъ можно было различить отъ другихъ народовъ. Никто имъ е кланяется, а ханъ, встрѣчаясь съ ними, отворачивается. Они кивутъ смиренно, но любятъ играть въ карты и кости на деньги.

Армянъ въ Хивѣ очень-немного; всѣ они изповѣдуютъ мухаммеданскую вѣру и родились въ Хивѣ.

Туркменцы похищаютъ Персіянъ и приводятъ на продажу въ Хиву; Персіяне часто попадаются въ плѣнъ, и многіе изъ нихъ переходятъ въ секту Суннитовъ. Получивъ, послѣ долговременной лужбы, свободу, они селятся отдѣльно въ деревняхъ, или по-крайней-мѣрѣ въ отдѣльныхъ улицахъ. Они вѣроломны, хитры, трусливы и покорны, и, пока находятся въ рабствѣ, очень-склонны къ воровству.

Туркменцы приводятъ также на продажу изъ Персіи Аймаковъ, ю въ незначительномъ числѣ. У Аймаковъ цвѣтъ лица темный; ни ловче, но глупѣе Персіянъ и характеромъ спокойнѣе. Нерѣдко въ Хиву приводятъ также плѣнныхъ Курдовъ, но они часто пасаются бѣгствомъ отъ рабства, потому-что очень-ловки и говорятъ по-татарски (турецки). Они злы, воруютъ, грабятъ, и могутъ быть хорошими солдатами. Когда они откупаются отъ рабства, ихъ такъ же мало, какъ Русскихъ, отпускаютъ назадъ на родину.

Каджары во всемъ походятъ на Персіянъ, но ихъ рѣже приводятъ въ Хиву, нежели Курдовъ.

Черныхъ или Негровъ неохотно покупаютъ Хивинцы, потому-что не любятъ ихъ цвѣта, и они продаются въ незначительномъ числѣ.

Киргизы очень-часто продають въ Хиву собственныхъ дѣтей своихъ (*), покупаемыхъ Сартами и Узбеками за безцѣнокъ; послѣдніе ихъ не продаютъ уже болѣе. Туркменцы платятъ за нихъ дороже, потому-что могутъ сбыть въ Персію съ большою выгодою, выдавая ихъ за калмыцкихъ дѣтей, цѣнимыхъ тамъ очень дорого. Киргизы неохотно уступаютъ Персіянамъ дѣтей своихъ и лучше продаютъ ихъ за меньшую плату въ Хиву, гдѣ могутъ видѣться съ ними время-отъ-времени. Пришедъ въ Хиву, плѣнники представляются сперва ходшеш-мехрему, который выбираетъ лучшихъ изъ нихъ для хана и для себя, прочихъ же продаютъ на базаръ, гдѣ они сидятъ рядами, другъ подлѣ друга.

Вообще Хивинцы съ невольниками обходятся дурно; однакожь участь ихъ у богатыхъ господъ сносна. У хана и знатныхъ людей каждый невольникъ получаетъ въ мѣсяцъ 3 пуда муки, 1 фунтъ мяса въ недѣлю, соли сколько нужно и на одежду обыкновенно по червонцу (14 рублей) въ треть. За деньги ханъ никогда не отпускаетъ невольниковъ, даже если они могутъ заплатить нужную сумму, но иногда даритъ имъ свободу въ-слѣдствіе обѣта, сдѣланнаго во время тяжкой болѣзни или для очищенія отъ грѣховъ. Купцы и другіе хивинскіе жители даютъ невольникамъ въ день три плоскіе блина изъ пшеничной муки и, кромѣ-того, удѣляютъ имъ остатки собственной пищи; также отдаютъ имъ старое свое платье и каждому по полу-танапу (300 квад. сажень) земли, преимущественно засѣваемой травою *юнчка,* потому-что она приноситъ болѣе выгоды, нежели хлѣбъ. Отъ доходовъ съ этихъ участковъ земли, невольники собираютъ такія суммы, что часто послѣ пятилѣтняго рабства уже могутъ заплатить свой выкупъ. Вообще всякій невольникъ, ведущій порядочную жизнь, можетъ получить свободу; только развратные до конца остаются въ неволѣ. Лучше всѣхъ обходятся съ невольниками Сарты и Каракалпаки, Узбеки хуже, а Туркменцы такъ дурно, что ханъ запрещаетъ имъ покупать русскихъ плѣнныхъ.

Невольники хана и вельможъ дѣлаютъ разныя безчинства, воруютъ и грабятъ безнаказанно, потому-что никто не дерзаетъ безпокоить ихъ владѣтелей жалобами. Управителями этихъ вельможъ обыкновенно бываютъ откупившіеся; они получаютъ десятину

(*) Извѣстно, что въ жестокія зимы и голодные годы Киргизы продаютъ своихъ дѣтей также въ Оренбургъ и другіе города, чтобы спасти ихъ отъ голодной смерти, и потому эта продажа допускается подъ извѣстными условіями.

отъ всѣхъ полевыхъ плодовъ, позволяютъ невольникамъ отправляться ночью на разбой и отказываютъ только тѣмъ, на которыхъ сердиты, или у которыхъ хотятъ выманить подарокъ. Вечеромъ, возвратившись съ работы, выпрягши лошадей и задавъ имъ кормъ, они собираются къ управителю и говорятъ: «Ага, мы въ большой нуждѣ, у насъ нѣтъ ни платья ни хлѣба.» — Ага, понимая этотъ намёкъ, отвѣчаетъ: «Только берегитесь, чтобъ васъ не поймали, и лучше возвращайтесь домой безъ платья». Часто онъ даже снабжаетъ ихъ лошадьми на эти ночныя экспедиціи, и отъ каждаго, желающаго участвовать въ нихъ, получаетъ по рублю. Рѣдко возвращаются они безъ добычи, и такимъ-образомъ запасаются на зиму разными съѣстными припасами, одеждой и деньгами. Строгихъ управителей нерѣдко убиваютъ, и потому Хивинецъ никогда не возьметъ на себя этой должности. Часто также отпускаютъ невольниковъ на заработки, за что они платятъ пять, рѣдко семь тиллъ (*) въ годъ. Если невольникъ принесетъ жалобу на своего господина, то ханъ дѣлаетъ послѣднему выговоръ за дурные поступки съ невольникомъ, или уплачиваетъ за него покупную цѣну и оставляетъ у себя. Никто не смѣетъ убить своего невольника, но за то можетъ наказывать его сколько и какъ угодно. Персидскіе невольники обкрадываютъ своихъ господъ самымъ безстыднымъ образомъ, и потому скоро откупаются. Господа вообще отпускаютъ ихъ легко, и часто этимъ хвалятся; есть однако такіе, которые ни за что не отпускаютъ на свободу своихъ невольниковъ.

Русскихъ никогда не употребляютъ для судоходства, потому-что боятся побѣга; Хивинцы ненавидятъ ихъ за вѣру, но отдаютъ полную справедливость мужеству ихъ и вѣрности.

Хивинцы недовольны своимъ положеніемъ. Часто случается, что бѣдные Сарты, вздыхая, громко желаютъ, чтобы Русскіе когда-нибудь облегчили ихъ судьбу. Еще открытѣе говорятъ это Туркменцы, но нетерпѣливѣе всѣхъ ожидаютъ своего избавленія Уйгуры. Купцы, возвращающіеся изъ Россіи, вездѣ говорятъ о могуществѣ и силѣ ея, присовокупляя, что въ войнѣ одинъ русскій солдатъ лучше десяти Хивинцевъ. Они особенно убѣдились въ этомъ при нападеніи на караванъ, о которомъ мы говорили выше, когда около 12,000 Хивинцевъ не только не мо-

(*) Тилла — золотая монета, около 14 рублей 50 копеекъ на наши деньги.

гли причинить никакого вреда 500 Русскимъ, исключая значительнаго убытка товаровъ, но ещё понесли огромную потерю убитыми и раненными. Киргизы въ Хивѣ очень-смирны и спокойны, и не осмѣливаются производить свои обыкновенныя мошенничества, боясь строгаго наказанія. Въ сѣверныхъ странахъ бѣдные Киргизы живутъ въ своихъ войлочныхъ палаткахъ, питаясь работою и мелочною торговлею. Жены ихъ ткутъ армячину, мужья занимаются землепашествомъ и кузнечною работою. Ханъ очень-хорошо принимаетъ киргизскихъ султановъ и хановъ, пріѣзжающихъ въ Хиву и даетъ имъ квартиры и столовыя деньги.

Образъ жизни и пища жителей.—Главная пища Хивинцевъ—мясо и крупа; богатые ѣдятъ плавъ изъ сарачинскаго пшена и баранины. Ѣдятъ они обыкновенно три раза въ день. Утромъ рано, на разсвѣтѣ, пьютъ чай (бѣдные не въ-состояніи лакомиться имъ) и завтракаютъ; послѣ 12 часовъ обѣдаютъ; потомъ ужинаютъ при свѣчахъ. Говядина варится съ рѣпою и тыквою и разрѣзывается на мелкіе куски. Пельмени (*) (маленькіе пирожки съ говядиною) считаются за праздничное блюдо. Кашу приготовляютъ съ жиромъ изъ овечьяго хвоста; иные варятъ ее въ молокѣ. Вмѣсто обыкновеннаго хлѣба, въ Хивѣ ѣдятъ плоскіе неоквашенные мучные блины. Мясо и кашу ѣдятъ пальцами, а супъ деревянными, приготовляемыми въ Хивѣ ложками. Вся столовая посуда глиняная, только богатые употребляютъ деревянныя чашки, привозимыя изъ Россіи. Зажиточные люди пьютъ чай изъ русскихъ фарфоровыхъ чашекъ, бѣдные изъ каменныхъ мисокъ; неимущій классъ пьетъ извѣстный кирпичный чай съ молокомъ, масломъ или жиромъ изъ глиняныхъ сосудовъ.. Каракалпаки и Туркменцы рѣдко пьютъ чай, а бѣднѣйшіе изъ нихъ совсѣмъ не употребляютъ его. Хивинцы ѣдятъ немного рыбы и только свѣжую; рыбы у нихъ много, и потому она чрезвычайно-дешева; за рубль (2 танги) можно купить осетра. Каракалпаки, напротивъ, ѣдятъ очень-много рыбы, и въ нѣкоторыхъ странахъ она служитъ имъ даже главною пищею. Въ праздники ѣдятъ конину и на этотъ предметъ покупаютъ жирныхъ киргизскихъ кобылъ. Кишки начиниваютъ мясомъ и жиромъ, и часть этихъ колбасъ дарятъ хану; часто также Хивинцы приносятъ ему въ даръ крупу и изюмъ, и онъ все принимаетъ милостиво. Форма сахара же, фунтовъ въ пять, считает-

(*) Пельмени—русское слово.

ся уже значительнымъ подаркомъ, и его приносятъ обыкновенно новобрачные въ день свадьбы. Свѣчей въ Хивѣ не знаютъ, и вмѣсто ихъ употребляютъ масло, какъ въ ночникахъ. Почти всѣ жители ханства занимаются земледѣліемъ, но вообще мало получаютъ хлѣба, такъ-что на продажу остается очень-немного этого продукта. Только богатѣйшіе люди, имѣя много невольниковъ, сѣютъ болѣе хлѣба. Большее количество хлѣба, и особенно *джугари*, покупаютъ Туркменцы, потому-что онъ очень-дешевъ. Послѣ неудачной жатвы, иногда совсѣмъ запрещается продавать и вывозить хлѣбъ и тогда Туркменцы покупаютъ его въ Персіи.

Садоводство незначительно. Хивинцы ѣдятъ сырые плоды, а сушеные привозятся изъ Бухары. Только Узбеки занимаются сушеніемъ дынь. Въ Хивѣ также разводятся хлопчатая бумага и шелкъ, и послѣднимъ особенно промышляютъ Тадшики. Сырой шелкъ не вывозится, но на мѣстѣ употребляется на фабрикахъ; Сарты и Тадшики особенно-хорошо ткутъ разныя матеріи изъ хлопчатой бумаги. Сарты дѣлаютъ халаты и почти исключительно завладѣли всѣми прочими ремеслами.

Жены бѣдныхъ Сартовъ прядутъ, ткутъ и изправляютъ всѣ хозяйственныя работы; богатыя же ничѣмъ не занимаются. Онѣ плохо повинуются мужьямъ своимъ, жалуются на легкія тѣлесныя наказанія (удары), просятъ о разводѣ, и нерѣдко достигаютъ своей цѣли. Узбечанки всѣ трудолюбивы и не жалуются никогда на мужей. Жены Туркменцевъ и Каракалпаковъ совершенныя невольницы своихъ мужей.

Винокуреніемъ (изъ винограда и другихъ плодовъ) занимаются плѣнные Русскіе и Персіяне, а въ маленькихъ городахъ и Хивинцы, хотя симъ послѣднимъ это строго запрещено. На винокуреніе употребляютъ желѣзные котлы, закрываемые деревянною шляпою; согнутый ружейный стволъ служитъ проводникомъ въ холодильникъ. Изъ одного пуда винограда получается три штофа водки лучшаго качества.

—

Управленіе, судъ, полиція и наказанія. — Верховная власть неограниченна и принадлежитъ хану. Послѣ него знатнѣйшіе и важнѣйшіе сановники въ государствѣ:

1) Куш-беги (*) (первый министръ, если угодно такъ назвать

(*) Куш-беги по-настоящему значитъ главный птичникъ, обер-егермейстеръ.

его). Онъ принимаетъ просителей и представляетъ ихъ прошенія хану, завѣдываетъ таможенною частію, въ одной части государства собираетъ подати, и пр. Нынѣшній куш-беги, Узбекъ, добродушенъ, человѣколюбиво обходится съ плѣнными и пользуется уваженіемъ хана и всѣхъ жителей.

2) Мехтеръ (*) или казнохранитель.

3) Ходшеш-мехремъ (**), собиратель податей. Нынѣшній ходшеш-мехремъ Персіянинъ, довольно силенъ, богатъ, очень-добродушенъ и не гордъ.

4) Шир-ніяз-аталыкъ, почтенный сановникъ и родственникъ хана; мнѣніе его, по причинѣ старости его и опытности, весьма уважается; онъ уменъ; добродѣтеленъ, благороденъ и человѣколюбивъ.

Если кто имѣетъ дѣло къ хану, то не можетъ обращаться прямо къ нему, но долженъ сообщить его мехтеру, въ его отсутствіе куш-беги, а если нѣтъ и того, ходшеш-мехрему, который почти всегда находится при входѣ въ ханскій покой. Эти господа стараются помирить враждующія партіи, даже въ уголовныхъ дѣлахъ и, когда примиреніе удается, то заставляютъ тяжущихся присягнуть, что они не станутъ возобновлять тяжбу, чтобъ ханъ не узналъ объ ней. Само-собою разумѣется, что тяжущіеся платятъ имъ за это. Жалобы представляются хану по очереди: въ важныхъ дѣлахъ онъ приказываетъ тяжущимся обратиться къ кази. Два свидѣтеля рѣшаютъ спорное дѣло, но часто являются ложные свидѣтели и Сарты не почитаютъ даже за важное преступленіе дать ложную присягу. На кого въ отсутствіе приносятъ жалобу, за тѣмъ посылаютъ ессауловъ, то-есть постоянныхъ ординарцевъ, находящихся у правительственныхъ лицъ и получающихъ плату за трудъ отъ того, кого приводятъ. Это мѣста доходныя, и многіе стараются попасть на нихъ. Кромѣ мехтера, куш-беги и ходшеш-мехрема, никто не смѣетъ объявлять ханскую волю чрезъ ессауловъ.

Въ каждомъ городѣ находится одинъ аталыкъ, имѣющій право наказывать тѣлесно за маловажныя преступленія: плѣнныхъ за воровство строго наказываютъ только господа ихъ, правительство же или вовсе не наказываетъ ихъ, или наказываетъ только слегка,

(*) Мехтеромъ иногда называютъ и палаткоразбивателя.

(**) Правильнѣе было бы (по мнѣнію г. Демезона) ходша-махрамъ. По словамъ другихъ, ходшеш-мехремъ только помощникъ другаго, высшаго сановника—*метча-мехрема.*

ринимая въ уваженiе, что они воруютъ изъ нужды. Свободныхъ юдей за воровство вѣшаютъ и всегда по суду самого хана. За троекратный побѣгъ невольниковъ сажаютъ на колъ. Пьяныхъ мухамедан запираютъ и потомъ наказываютъ предъ дворцомъ хана алками. За прелюбодѣянiе женщина наказывается смертiю тольо тогда, когда мужъ приноситъ на нее формальную жалобу. сли хотятъ наказать женщину тѣлесно, то зашиваютъ ей голову ъ мѣшокъ.

Жителямъ города Хивы позволено выходить со двора ночью олько въ извѣстные часы, для посѣщенiя мечети, а кто попадется на улицѣ въ другое время, того патруль беретъ подъ стражу. Іатруль состоитъ изъ 15 человѣкъ *пащановъ*, т. е. полицейскихъ лужителей хана; всѣхъ ихъ 21, и они всегда на службѣ. Сарты икогда не противятся патрули, но Узбеки и Туркменцы часто заодятъ съ нею споръ. Невольниковъ знатныхъ людей, посланныхъ ючью господами по ихъ дѣламъ, не останавливаютъ. Въ другихъ ородахъ нѣтъ этихъ патрулей, и жители могутъ свободно прогуиваться ночью по улицамъ.

—

Налоги, подати, акцизы и проч. — Налоги собираются въ ожной части Хивинскаго Ханства, т. е. отъ *Петняка* до *Ургенча* ерезъ куш-беги; въ сѣверной, отъ *Ургенча* до *Кунграта* ходшешехремомъ.

Каждый владѣтель участка земли платитъ за свое семейство поемельную подать въ 3 червонца. Пока мать жива, всѣ сыновья ея ричисляются къ *одному* семейству; подать платится по числу отловъ (дымовъ, очаговъ). Если какое-нибудь семейство раздѣляется на нѣсколько котловъ, то каждый платитъ по 3 червонца ъ годъ. Куш-беги, ходшеш-мехремъ, чиновники и даже братья ана неизъяты отъ этого налога, и отъ него освобождаются тольо духовныя лица, да тѣ, которые смотрятъ за плотинами и въ оенное время опредѣляются на ханскiя лодки. Туркменцы, полувшiе земли въ Хивѣ, для поселенiя на нихъ, въ два первые года е платятъ ничего. То же право предоставляется всѣмъ переселенамъ изъ другихъ земель и освободившимся невольникамъ. Ханъ олучаетъ значительный доходъ съ обработываемыхъ его невольиками земель; кромѣ того, онъ имѣетъ на правомъ берегу Амуерья лѣса, въ которыхъ дозволяетъ ежегодную рубку съ платою о 1 танги съ воза. За лавку въ караван-сараѣ, какъ равно и за

право торговать на базарѣ, взимается также пошлина. Если кто не можетъ заплатить налоговъ наличными деньгами, то земля его или другое имущество, закладывается богатому, и потому въ Хивѣ не бываетъ казенныхъ недоимокъ. Съ лошадей, употребляемыхъ на обработку полей, такъ же какъ съ аргамаковъ, раздаваемыхъ ханомъ передъ походомъ, не взъимается подати. Воинъ же, имѣющій собственнаго аргамака, платитъ за него извѣстную сумму. Когда Туркменцы приводятъ на продажу въ Хиву верблюдовъ, лошадей или скотъ, то должны заплатить съ верблюда отъ 3 до 10 тангъ, за лошадь, смотря по добротѣ ея, отъ 6 до 30, за корову 5 и за овцу 1 тангу.

—

Торговля и пошлины. — Свободная торговля дозволена въ Хивинскомъ Ханствѣ всякому, но ею обыкновенно занимаются только Сарты. Отправляющійся изъ Хивы караванъ не платитъ никакой пошлины казнѣ, но дѣлаетъ ходшеш-шехрему значительный подарокъ. Пошлина съ приходящихъ каравановъ взимается деньгами. Такъ-какъ нѣтъ тарифа, то величина пошлины зависитъ отъ воли ходшеш-мехрема, который одинъ имѣетъ право собирать ее. Прежде пошлина эта уплачивалась въ Ургенчѣ, но нынѣ въ новомъ караван-сараѣ, въ Хивѣ. Ходшеш-мехремъ принимаетъ караваны на границѣ, и люди его провожаютъ ихъ до Хивы, гдѣ на товары, по уплатѣ пошлины, налагаются штемпеля. Туркменцы не платятъ ничего за ввозимые ими товары, но если уѣзжаютъ домой съ хлѣбнымъ запасомъ, то за каждую верблюжью ношу платятъ по 2 танги. Всѣ собранныя деньги, золотомъ и серебромъ, наконецъ переходятъ къ ходшеш-мехрему, который отвозитъ ихъ одинъ разъ въ годъ, и именно осенью, на четырехъ киргизскихъ лошадяхъ въ Хиву, на каждой лошади по двѣ корзины съ деньгами; ханъ лично принимаетъ ихъ и передаетъ потомъ мехтеру для храненія въ казнѣ. Собираемыя ходшеш-мехремомъ суммы составляютъ слишкомъ половину всѣхъ государственныхъ доходовъ, простирающихся, по приблизительной сметѣ, до 2,000,000 рублей банковыми ассигнаціями (*). Не смотря на это, ханъ часто нуждается въ деньгахъ и занимаетъ у богатыхъ торговцовъ значительныя суммы. При покупкахъ для казны или государства по

(*) По показанію *Муравьева* (см. Voyage en Turcom. стр. 326), всѣ доходы хана составляютъ вдвое больше, т. е, 4,000,000 франковъ.

звелѣнiю хана, никогда не торгуются, а платятъ безъ спора требуемую продавцомъ сумму.

—

Предметы торговли и цѣны на хлѣбъ.

1 пудъ пшеницы стоитъ 3—4 танги (1 танга равн. 50 коп.)
1 » ячменя » 3 »
1 » кундлия » 8 »
1 » кундшеваго масла стоитъ иногда 16 тангъ.
1 » нечищенной хлопчатой бумаги (въ чашечкахъ) отъ 4 до 6 танговъ.

За хлопчатое сѣмя платятъ			2	танга.
— юуничковое —	—		8	—
— 1 пудъ сѣна	—	отъ 2 до	6	—
— » — джугаря	—	— 2 —	3	—
— » — гороха	—	— —	4	—
— » — чечевицы	—	— 2 —	3	—
— » — ячмыка	—	— —	4	—
— » — мака	—	— —	8	—
— » — конопляннаго сѣмени	—	—	2½	—
— » — конопляннаго масла	—	—	16	—
— » — чигына	—	—	1	—

Въ большомъ количествѣ можно покупать хлѣбъ только у хана и вельможъ; у другихъ его мало, потому-что поля незначительны. У хана очень-много пакатной земли и 500 невольниковъ для обработыванiя ея.

Лѣсъ въ Хивѣ недорогъ: бревно въ 4 сажени длины и 4 вершка толщины стоитъ 6 тангъ или 3 рубля. Тончайшiй лѣсъ, туранча, сплавляется въ плотахъ внизъ по рѣкѣ, и за одинъ червонецъ можно купить отъ 100 до 200 молодыхъ деревъ въ 1½ сажени длины и отъ 3 до 5 вершковъ толщины.

За верблюжью ношу саксаула платятъ отъ 3 до 6 тангъ, и за столько же уголья отъ 7½ до 10 тангъ.

Простой халатъ хивинскаго издѣлiя стоитъ въ Хивѣ 6 тангъ (3 рубля), лучшие же 1½ червонца (20 рублей).

1 Кусокъ выбойки стоитъ	отъ 5	до 8	тангъ
» — бѣлаго беза (бумажной матерiи)	» 5	» 6	»
» — крашенной бумажной матерiи (бумка)	3½	» 8	»

» Пара красныхъ сапоговъ изъ хорошей кожи 7 рублей (14 тангъ).

За хорошую хивинскую шапку платятъ 2 червонца, за шапку по-проще 1 рубль 50 коп. (3 танги).

Кафтаны изъ верблюжьяго сукна стоятъ отъ 3 до 4 червонцевъ. Чай привозится изъ Кокана, и въ мелочной торговлѣ продается по 10 копеекъ золотникъ; медъ привозится изъ Персіи и стоитъ 4 танги фунтъ, но мало употребляется. Сахаръ продается въ небольшихъ формахъ по 4 танги (2 рубля) и болѣе. Воскъ покупаютъ только плѣнные Русскіе на церковныя свѣчи и платятъ за него очень-дорого.

1 фунтъ хивинскаго табака стоитъ . . . . 20 коп.
1 — — бухарскаго . . . . 3 танги.
1 связка русскаго листоваго табака, около ½ фунта, отъ ½ до 1 танги.

Сѣра добывается въ шести дняхъ пути отъ Хивы, въ песчаной странѣ на персидской границѣ, изъ сѣрныхъ ключей. За приготовляемый въ Хивѣ порохъ платится 2 танги, за русскій же 6 тангъ за фунтъ. Послѣдній продается между-прочимъ въ лавкахъ, въ пачкахъ по 20 фунтовъ, и извѣстно, что онъ большею частію ввозится чрезъ Мангишлакъ. Свинецъ также ввозится изъ Россіи; фунтъ его стоитъ 3 танги.

Квасцы (изъ Россіи) стоятъ 1 копейка золотникъ.
Салмьякъ . . . . 20 » » » »
1 штофъ виноградной водки . . . . . отъ 6 до 8 тангoвъ.
1 ——— водки изъ джидды » » 3 танги.

Неполированная писчая бумага, какая употребляется въ Россіи, стоитъ рубль десть. Большіе желѣзные котлы продаются на вѣсъ, по 28 тангъ (14 рублей) за пудъ; меньшіе же котлы и другіе чугунные и желѣзные товары по-штучно. Кованное желѣзо стоитъ 9 тангoвъ пудъ и употребляется на литье пушечныхъ ядеръ и обивку колесъ. Мѣдная посуда стоитъ до 1 рубля 20 коп. фунтъ, и частію приготовляется въ самой Хивѣ. Изъ желтой мѣди здѣсь видны только русскіе самовары. Сундукъ, обитый желѣзомъ, длиною въ одну сажень, русской работы, стоитъ 100 рублей; сундукъ въ аршинъ длины отъ 25 до 30 рублей.

Мѣра, вѣсы и монета. — Мѣра длины только одна — кулачъ (одна сажень). Она во всемъ государствѣ одинакой длины, сдѣлана изъ дерева и заклеймена ханскою печатью. Русскій товаръ продается на аршины. Жидкости мѣрятся по большой части стеклянными штофами, привозимыми изъ Россіи. На киргизскаго верблюда нагружаютъ 16 батмановъ или дюрт-ун-сэръ. Дюрт-унъ

содержитъ въ себѣ 4 ун-сэра, 8 кырк-ара, 16 джигирме-ара, 32 ун-ара, 40 сэровъ, 64 биш-ара и 320 ара. Аръ почти равенъ вѣсомъ русскому мѣдному пятикопеечнику.

Шелкъ, чай и т. п. продается на русскіе золотники.

Хивинскій червонецъ стоитъ 28 тангъ; танга имѣетъ 60 пулъ. Двѣ танги составляютъ одинъ аббасъ. Русской серебряной монеты очень-много въ Хивѣ, потому-что она ввозится безпрестанно караванами. Серебряный рубль стоитъ 8 тангъ; мелкаго серебра не видно. Мѣдные пятикопеечники употребляются только въ лавкахъ для вѣса. Голландскихъ червонцевъ (байдакъ) много.

Хивинцы часто чеканятъ фальшивую монету, и за это очень-часто попадаютъ на висѣлицу.

Полезные минералы, растенія и животныя. — Земледѣліе. — Изъ полезныхъ минераловъ въ Хивѣ находятся слѣдующіе: строевой камень, известковый камень, употребляемый для приготовленія извести, глина и соль.

Хорошій строевой камень сѣраго цвѣта добывается въ 30 верстахъ выше Петняка на рѣкѣ, известковый же въ 30 верстахъ отъ Хивы въ песчаномъ мѣстѣ; послѣдній ломается кусками въ пудъ вѣсомъ; онъ мягокъ, наполненъ дырами, смѣшанъ съ красною глиною (можетъ-быть албастромъ); его жгутъ въ печахъ 24 часа, и на это идетъ немного дровъ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Ханка находятъ очень-хорошую красную глину, изъ которой приготовляется превосходная посуда; Хивинцы покрываютъ ее глазурью, изъ которой впрочемъ прочна только бѣлая; другіе цвѣта, наводимые на бѣлый, отскакиваютъ, когда въ посуду наливается кипятокъ.

Соль добываютъ въ 30 верстахъ отъ Петняка, близъ рѣки, вѣроятно изъ соленыхъ озеръ. Она сплавляется на лодкахъ по рѣкѣ, и за два верблюжьи груза (30 пудовъ) платится одинъ тилла (14 руб.).

Хорошая луговая трава находится только около Кунграта и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на берегу Аму-Дерья; въ другихъ мѣстахъ почва производитъ только травы, особенно полынь, которую очень любятъ верблюды, рогатый скотъ и овцы. Въ лежащей на западъ отъ Хивы песчаной степи весною ростетъ прекрасная трава, и въ это время гоняютъ туда на паству верблюдовъ и рогатый скотъ. Впрочемъ эта паства годна только одинъ мѣсяцъ, потому-что позже палящее солнце совершенно сожигаетъ траву. Туркменцы той стороны кормятъ своихъ верблюдовъ и лошадей, въ

случаѣ нужды, молодыми отпрысками саксаула и сасака. Притомъ лѣтомъ здѣсь столько ос и другихъ насѣкомыхъ, что Туркменцы охотно уходятъ отъ нихъ въ горы на персидскую границу или въ Хиву.

Жители Ханка, Ургенча и Петняка рубятъ на восточномъ берегу Аму-Дерья сладкое дерево и сушатъ его какъ сѣно. Лошади и скотъ ѣдятъ его листья, а оставшійся стебель употребляется на топку. Хотя этотъ кормъ очень употребителенъ, однако главная пища скота состоитъ въ сѣянной юунчкѣ, которую можно косить четыре раза въ годъ и всегда въ значительномъ количествѣ.

Поля засѣваются пшеницею, ячменемъ, кунджою (для выдѣлыванія масла), хлопчатою бумагою, юунчкой (трилистникъ), джугари (holcus sacharatus), горохомъ, чечевицею, ячмыкомъ (родъ мелкой чечевицы), макомъ, коноплею (на приготовленіе канатовъ и масла), чыгиномъ (родъ проса) и сарачинскимъ пшеномъ.

Танапъ земли составляетъ, какъ уже выше сказано, пространство въ 40 сажень длины и 30 ширины и, смотря по мѣрѣ близости или отдаленности отъ городовъ и каналовъ, стоитъ дорого или дешево. Вообще мало сѣется ячменя: онъ идетъ по-большой-части только у богатыхъ людей на кормъ лошадямъ, которымъ даютъ въ день по восьми фунтовъ, помочивъ его сперва 12 часовъ въ водѣ. Кундшу также мало сѣятъ; и она требуетъ сильно-унавоженной почвы. На одинъ танапъ земли (1,200 квадратныхъ сажень) сѣятъ ея 2½ пуда и получаютъ до 50 пудовъ. Изъ одного пуда кундши добывается 20 фунтовъ масла.

Джугари (holcus sacharatus) сѣется 3½ пуда на танапъ и получается обратно 100 пудовъ. Солома этого растенія и его сладкіе стебли, достигающіе иногда до 1½ сажени длины, даютъ превосходный кормъ.

Отъ 2 пудовъ хлопчатнаго сѣмени получается 15—20 пудовъ, дающіе отъ 7½ до 10 пудовъ чистой хлопчатой бумаги. Изъ сѣмень дѣлается масло. Хлопчатая бумага собирается нераньше августа мѣсяца, когда чашечки совсѣмъ созрѣли. Эти чашки сортируются, сушатся на кровляхъ домовъ, открываются руками, и вынутая изъ нихъ бумага очищается отъ зеренъ на машинѣ очень-простаго устройства.

Единственный зимній хлѣбъ въ Хивѣ пшеница; ее сѣятъ въ октябрѣ и жнутъ въ іюлѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года. Послѣ жатвы то же самое поле засѣвается еще разъ джугаріемъ, хлопчатою бумагою и т. п. Джугари собираютъ уже по наступленіи морозовъ,

и потомъ поле остается незасѣяннымъ до слѣдующаго лѣта, когда его унавоживаютъ и снова засѣваютъ пшеницею. На танапъ земли сѣется 3½ пуда пшеницы и собирается до 150 пудовъ; однакожь производство этого хлѣба дозволяется только богатымъ людямъ, потому-что пшеницѣ нужно много воды.

Поле, которое хотятъ засѣять, вспахиваютъ иногда до семи разъ и потомъ боронятъ землю до-тѣхъ-поръ, пока она сдѣлается достаточно рыхлою. Унавоживаніе производится слѣдующимъ-образомъ: на слой навоза насыпается слой песка, на песокъ опять навозъ, и такъ далѣе, пока куча достигнетъ надлежащей высоты. Тогда невольники перекапываютъ ее и свозятъ на поле. Вообще навозъ приготовляется на высокихъ мѣстахъ, чтобы мало-по-малу, чрезъ потерю песка и глины, употребляемой на приготовленіе навоза, сравнять ихъ съ окружающею почвою, что весьма-важно для удобнѣйшаго наводненія.

Въ садахъ ростутъ различныхъ породъ деревья, какъ-то: осина (въ аллеяхъ), нарванъ, ясень, ива, обыкновенная тополь (пень ея выдалбливается и идетъ на дѣланіе лодокъ, въ которыхъ помѣщаются пять человѣкъ); тутовое дерево съ бѣлыми ягодами; тутовыя деревья съ красными и черными ягодами не такъ любимы, потому-что листья ихъ не могутъ быть употребляемы на кормъ шелковичныхъ червей. Далѣе видны шаптала, урыкъ (априкосовое дерево), яблони и грушевыя деревья и виноградныя лозы; есть также черная и красная смородина.

Въ огородахъ разводятся дыни, арбузы, тыква, желтая и бѣлая рѣпа, рѣдька, морковь, сахарный горохъ, много лука; турецкіе бобы и огурцы видны только въ ханскихъ огородахъ. Съ недавняго времени начали сѣять и картофель. Вообще, Хива небогата плодами; по-этому они большею частію дороги и могутъ быть покупаемы только богатыми людьми. Изюмъ и джидду привозятъ въ нее изъ Мешхеда и употребляютъ на водку. За пудъ персидскаго изюма платятъ 16 тангъ (8 рублей). Слабая водка гонится также изъ туземнаго, свѣжаго винограда, и штофъ ея стоитъ 5 тангъ. — Яблоки стоятъ въ Хесарасбѣ (Азарысъ) около 10 копеекъ фунтъ. Арбузы и дыни чрезвычайно-дешевы: за большую дыню платится отъ 3 до 5 копеекъ.

—

Въ Хивѣ держатъ только одногорбыхъ верблюдовъ (дромадеровъ), и они дѣлятся на двѣ породы, *наръ* и *иркекъ* (по-киргизски

лыокъ (*.) Наръ очень-великъ, обыкновенно красножелтъ цвѣтомъ и можетъ нести вдвое болѣе противъ киргизскаго верблюда. Между ими есть и бѣлые, но они скоро натираютъ себѣ ноги; за красножелтаго нара платится отъ 20 до 30 тиллъ, за бѣлаго отъ 15 до 17. Эти животныя могутъ пробыть десять дней безъ питья и шесть дней безъ всякой пищи. Они сердиты, особенно во время совокупленія, и тогда часто кусаются, почему имъ навязываютъ на ротъ корзинки, съ которыми могутъ ѣсть, но не кусаться. Вторая порода, иркекъ или лыокъ, меньше нара, но все еще больше киргизскихъ верблюдовъ. Иркекъ можетъ нести только 20 пудовъ, но терпитъ жажду и голодъ такъ же долго, какъ наръ. Однакоже наръ и иркекъ гораздо-чувствительнѣе къ холоду, нежели верблюды, и зимою зашиваются въ войлокъ. Они живутъ 20 лѣтъ и большею частію кормятся выжатымъ на масло растеніемъ кунджа, котораго задаютъ изхудавшему животному, если хотятъ выкормить его, 12½ фунтовъ въ день. Кромѣ того, они ѣдятъ всякія травы. Самка столько же сильна, какъ самецъ, но легче самца.

Каждый житель Хивы имѣетъ по-крайней-мѣрѣ одно такое животное, чтобы возить на немъ дрова и уголья. Богатые люди и ханъ держатъ ихъ множество.

Ословъ употребляютъ на ношеніе воды и рѣдко держатъ болѣе двухъ. Особенно рослая порода ихъ видна только у богатыхъ.

Въ Хивѣ мало рогатаго скота; ростомъ и качествомъ онъ сходенъ съ скотомъ на оренбуржской линіи и покупается у Каракалпаковъ; молоко коровъ служитъ въ пищу, а быки употребляются на полевыя работы. Лошадей только по нуждѣ запрягаютъ въ плугъ.

Хивинскія овцы совершенно сходны съ русскими, даютъ хорошую шерсть, покупаются у Туркменцевъ, но очень-рѣдки. Черныхъ, арабскихъ овецъ привозятъ изъ Бухары, и ихъ покупаютъ только для шкуры, изъ которой дѣлаютъ шапки. Такая шапка стоитъ 3 тиллы. Киргизскія овцы употребляются единственно въ пищу, и фунтъ мяса ихъ стоитъ 15 копеекъ, тогда-какъ говядина отъ быковъ стоитъ только 10 копеекъ.

Въ Хивѣ видны двѣ породы курицъ: маленькая, обыкновенная, и бухарская. Индѣйки, гуси и утки водятся только у хана. Киргизцы привозятъ изъ Россіи (отъ Башкирцевъ) пріученныхъ къ охотѣ

(*) По словамъ Эверсмана (см. его Путешествіе изъ Оренбурга въ Бухару, стр. 91) лукъ (лыокъ) болѣе нара и водится только въ Бухарѣ.

жоловъ и беркутовъ (орловъ). Окрестности Кунграта богаты водяными птицами; другихъ гораздо менѣе. Изъ собакъ извѣстны гончія, употребляемыя на охотѣ, и дворовыя (послѣднія не описаны подробнѣе). Волки, лисицы и зайцы встрѣчаются около Аму-Дерья, но мало; тигры иногда появляются въ окрестностяхъ Кунграта. Аму-Дерья изобилуетъ прекрасною рыбою, осетрами, серюгой, налимами, сомами, карпами, щуками, карасями, и многими другими. Однакожъ Хивинцы не любятъ рыбы, и она употребляется только Каракалпаками. Мелкою, сушеною рыбой въ случаѣ нужды кормятъ даже рогатый скотъ.

При всемъ томъ нужнѣйшее и полезнѣйшее животное въ Хивѣ — лошадь. Прекрасные туркменскіе жеребцы, извѣстные подъ менемъ аргамаковъ, заслуживаютъ особенное вниманіе и подробнѣйшее описаніе. Они составляютъ особую породу лошадей, сохраняемую безъ примѣси только у Туркменцевъ, рослы, прекрасно-сложены, но имѣютъ очень узкую грудь, немного-длинныя уши и тонкій хвостъ. Обыкновеннѣйшій цвѣтъ ихъ сѣрый; черныя принадлежатъ къ рѣдкостямъ. Онѣ вообще не неукротимы; только жеребцы злы, кусаются и лягаются. Если аргамакъ вырвется, то никогда не убѣжитъ далеко, и всегда воротится самъ. Въ бѣгахъ они сначала очень быстры, но устаютъ скоро. Когда аргамакъ пробѣжалъ пять верстъ, сѣдокъ долженъ сойдти съ него и вести его въ поводу сажень сто; если онъ тогда опять сядетъ, то аргамакъ помчится еще быстрѣе. Такимъ-образомъ можно проѣхать на нихъ въ 24 часа сто верстъ, и даже въ трое сутокъ четыреста верстъ. Аргамаковъ держатъ всегда въ конюшнахъ и на дворѣ на веревкѣ, прикрѣпляемой кольцомъ къ желѣзнымъ сваямъ. Хивинцы впрочемъ убѣждены, что только Туркменцы умѣютъ хорошо обращаться съ этими животными, и потому ханъ и вельможи ввѣряютъ лучшихъ скакуновъ своихъ попеченіямъ Туркменцевъ, за что сіи послѣдніе не получаютъ платы, но въ скачкахъ имъ отдаютъ выигранные призы. Ихъ берегутъ тщательно, ѣздятъ на нихъ почти только въ военное время, и тогда еще Туркменцы часто садятся на верблюдовъ или другихъ лошадей, ведя аргамаковъ въ поводу, пока не завидятъ непріятеля; даже отправляясь съ ними на водопой, на нихъ не садятся, а всегда ихъ водятъ.

Немолотымъ хлѣбомъ кормятъ аргамаковъ не иначе, какъ изъ кошелей, навязываемыхъ на ротъ; эти кошели никогда не переходятъ отъ одной лошади къ другой; при продажѣ аргамака от-

дается и этотъ кошель. Вся чистка состоитъ въ томъ, что шкуру выколачиваютъ коровьимъ или лошадинымъ хвостомъ; желѣзныя скребницы и жесткія щетки не употребляются. Лѣтомъ и зимою ихъ покрываютъ попоной а сверху еще войлокомъ. Попоны эти, дѣлаемыя Туркменцами, очень-красивы, и часто похожи на кашемировыя шали. Дóма лошади неподкованы, для похода же ихъ подковываютъ тонкою подковою безъ шиповъ. Заботливость объ этихъ животныхъ простирается еще дальше: чтобы они не поранили себѣ ногъ на охотѣ, ихъ обертываютъ отъ копытъ до колѣнъ кожею, а головы предохраняютъ отъ насѣкомыхъ кожаными капишонами, съ тонкою прорѣхою у глазъ, такъ-что лошадь можетъ сквозь нея видѣть, но насѣкомыя уже никакъ не проползутъ.

Въ Хивѣ каждый богатый человѣкъ имѣетъ аргамаковъ для своего удовольствія, а чиновники по обязанностямъ, налагаемымъ службою. У одного ходшеш-мехрема никогда не бываетъ менѣе 50, у хана же 200 аргамаковъ. За лучшихъ бѣгуновъ этой породы платятъ 100 хивинскихъ червонцевъ, но таковыхъ покупаетъ только одинъ ханъ. Обыкновенная цѣна отъ 30 до 80 червонцевъ, разумѣется смотря по добротѣ и происхожденію лошади. Всѣхъ аргамаковъ, приводимыхъ Туркменцами на продажу въ городъ Хиву, сперва представляютъ хану, который и выбираетъ для себя лучшихъ. Часто также Туркменцы дарятъ ему нѣсколько аргамаковъ, за чтó ханъ награждаетъ ихъ халатами.

Когда аргамакъ приготовляется къ бѣгу, ему пять дней сряду даютъ только по 2¼ фунтовъ сѣна въ сутки, и во все это время онъ стоитъ днемъ въ конюшнѣ, вечеромъ же берутъ его и водятъ по полю всю ночь скорымъ шагомъ, при чемъ сѣдокъ сидитъ на обыкновенной киргизской лошади. Наканунѣ дня, назначеннаго для бѣга, аргамаковъ ведутъ къ извѣстнымъ колодцамъ, въ 30 верстахъ (7¼ миль) отъ Хивы, гдѣ обыкновенно начинаются бѣги на разсвѣтѣ другаго дня. Тотчасъ по окончаніи бѣга ихъ водятъ опять 24 часа, и въ это время имъ даютъ въ малыхъ порціяхъ 2¼ фунта сѣна. Потомъ ихъ ставятъ на конюшню, и уже спустя 36 часовъ, задаютъ имъ джугари. Чѣмъ толще лошадь, тѣмъ дольше должно водить ее передъ бѣгомъ. Во время бѣга на лошадяхъ находятся одни сѣдла, безъ попонъ, и онѣ управляются мальчиками. Однакожь, не смотря на всѣ эти предосторожности, многіе аргамаки околѣваютъ послѣ бѣга. — Лошади, извѣстныя подъ названіемъ карабаировъ, вѣроятно выродки отъ туркменскихъ жеребцовъ и кокандскихъ кобылъ. Онѣ

меньше аргамаковъ, сильны, крѣпки, быстры и составляютъ особую породу, но мало уважаются и болѣе считаются рѣдкостью. Обыкновенныхъ лошадей Хивинцы покупаютъ у Киргизовъ или въ Россіи. Иноходцы весьма любимы въ Хивѣ, и за нихъ платятся очень дорого.

—

Войско и образъ веденія войны.—Въ ханскомъ войскѣ служатъ Узбеки, Туркменцы, Каракалпаки и Сарты; но мы уже выше говорили, что лучшіе солдаты Узбеки и Туркменцы. Тотъ, кто изправляетъ службу на собственной лошади, получаетъ 25 червонцевъ въ годъ жалованья, изъ котораго половина выдается ему наличными, а половина хлѣбомъ. Во время похода всякій солдатъ получаетъ фуражъ на лошадь и поутру порцію крупы для себя; но этой порціи недостаточно, и потому каждый везетъ еще съ собою собственную провизію. Каждые два солдата обязаны имѣть одного верблюда, но сосуды для храненія воды, которые возятъ на немъ, даются отъ хана. Люди чиновные (офицеры) получаютъ отъ 40 до 70 червонцевъ жалованья, и кромѣ того въ военное время хлѣбъ, рыбу, говядину и фуражъ на лошадей. Неимѣющій собственной лошади получаетъ отъ хана аргамака и 15 червонцевъ жалованья, деньгами или хлѣбомъ по рыночной цѣнѣ, какъ кто пожелаетъ. Если падетъ ханская лошадь, то ѣздоку даютъ другую, или денегъ на покупку, а въ доказательство, что лошадь дѣйствительно околѣла, мехтеру должно представить хвостъ ея. Юсбаши производятъ ежедневно осмотръ лошадямъ, и если находятъ, что какой-нибудь солдатъ не печется о своемъ конѣ, наказываютъ его розгами. Солдаты всегда должны быть готовы къ бою, и отдаютъ хану десятую долю отъ своей добычи.

Кромѣ солдатъ, служащихъ на жалованьѣ, на войну отправляются еще вольно-опредѣляющіеся, неполучающіе жалованья, но надѣющіеся вознаградить себя добычею и пользоваться сборомъ непріятельскихъ ушей и головъ. За первыя правительство платитъ по 5 тангъ за штуку, а за послѣднія вдвое.

Воины всѣ на лошадяхъ; они вооружены саблею и копьемъ, и только немногіе ружьями; Туркменцы носятъ сверхъ-того еще длинный ножъ. Предводители одѣты въ латы, которые даетъ имъ ханъ: онъ получаетъ ихъ изъ Персіи; ружья же, говорятъ, дѣлаются въ самой Хивѣ; они калибромъ меньше русскихъ солдатскихъ ружей, большею частію употребляются только Узбеками и въ мирное время хранятся при дворѣ хана. Хивинцы также приготовляютъ порохъ и держатъ его въ кирпичныхъ хранилищахъ у ха-

-на. Артиллерія состоитъ изъ 15 орудій, которыя всѣ безъ исключенія вылиты въ Хивѣ и снабжены зелеными лафетами, которые приготовляются русскими плѣнниками. Подъ каждую пушку, смотря по величинѣ ея, запрягаютъ по три или по четыре лошади, но одна изъ пушекъ такъ огромна, что восемь лошадей съ трудомъ могутъ тащить ее. Ядра также отливаются въ Хивѣ; картечи неизвѣстны Хивинцамъ. При нынѣшнемъ ханѣ артиллеріею управляютъ русскіе плѣнники; Мухаммедъ-Рахимъ же не имѣлъ къ нимъ довѣрія.

Въ войскѣ существуетъ только два класса офицеровъ: 1) *юсбаши*, командующіе 100 солдатами; отличительный признакъ ихъ званія—кинжалъ съ черною рукояткою, и 2) мехремы, командующіе 10 и 15 юсбаши и ихъ отдѣленіями, и носящіе знамя; у нихъ кинжалъ съ рукоятью изъ слоновой кости; они нерѣдко наказываютъ юсбаши палками.

Когда армія готова къ выступленію, конница окружаетъ верблюдовъ и такимъ порядкомъ отправляется въ походъ. Впереди всѣхъ ѣдетъ ханъ, а за нимъ слѣдомъ везутъ легкую палатку; большая и великолѣпнѣйшая находится въ центрѣ. Когда разбиваютъ легкую палатку, вся армія останавливается на отдыхъ; ханъ уходитъ въ маленькую палатку, но послѣ перемѣняетъ ее на большую и оставляетъ первую для юсбашей. Окружать лагерь карауломъ считается излишнимъ; лошади стоятъ на привязи; верблюды же днемъ ходятъ свободно по полю, чтобы искать себѣ кормъ. Пушки ставятся вокругъ палатки хана, и по-утру тремя выстрѣлами подаютъ знакъ къ отправленію. При близости непріятеля на самые опасные посты ставятся Туркменцы. Отъ жаровъ и часто повсюду встрѣчаемыхъ песчаныхъ равнинъ, войско можетъ лѣтомъ дѣлать только очень-небольшіе переходы, около 15 верстъ, и, не смотря на это, аргамаки чрезвычайно худѣютъ и ослабѣваютъ; въ 1825 году только очень-немногіе возвратились изъ похода противъ русскаго каравана.

Описаніе нѣкоторыхъ походовъ Хивинцевъ. — Осенью 1820 года, ханъ Мухаммедъ - Рахимъ собралъ значительную армію, и отправился вверхъ по Аму-Дерья къ бухарской крѣпости Чарджуй, которую тщетно осаждалъ въ-продолженіе цѣлаго мѣсяца. Провіантъ и тяжелая поклажа были перевезены на лодкахъ вверхъ по рѣкѣ. Во время осады ограбили кочевавшихъ въ окрестностяхъ Туркменцевъ изъ рода Тэка, и въ то время, какъ ханъ отправился однажды въ подобный хищническій набѣгъ, вверхъ по рѣкѣ, сынъ бухарскаго хана переправился съ отрядомъ войска на лѣвый бе-

регъ и занялъ между непріятелемъ и крѣпостію выгодное положеніе въ дефилеѣ. Тогда завязалась трехдневная битва, въ которой обѣ стороны потеряли множество убитыми, но которая наконецъ склонилась на сторону хивинскаго хана, благодаря его артиллеріи. Бухарцы отступили въ Чардшуй, Хивинцы домой.

Въ слѣдующемъ году ханъ снова напалъ на Чардшуй; но вблизи его, на правомъ берегу рѣки, показались бухарскія войска, предводимыя самимъ ханомъ Миръ Хайдаромъ. Жары были чрезвычайно-сильны, и вода въ Аму-Дерьѣ очень спала. Бухарцы стрѣляли изъ пушекъ на правомъ берегу, привели въ безпорядокъ и остановили лодки Хивинцевъ. Чтобы помѣшать имъ въ этомъ, хивинскій ханъ отправилъ ночью на лодкахъ своего брата Кутлу Муратъ Инека съ отрядомъ на другой берегъ, гдѣ онъ долженъ былъ напасть нечаянно на Бухарцевъ. Но послѣдніе отразили непріятеля, убили множество воиновъ и отняли десять лодокъ, что̀ принудило Хивинцевъ къ поспѣшному возвращенію домой. Лѣтомъ слѣдующаго 1822 года, лазутчикъ увѣдомилъ хивинскаго хана, что Миръ Хайдаръ отправился въ походъ противъ Китай-Кипчаковъ. Ханъ немедленно собралъ свои войска, переправился при Хезаразбѣ черезъ Аму, напалъ на городъ Вардансы, разрушилъ его и многихъ жителей увелъ въ неволю; послѣ сего онъ пошелъ на Чайдыръ, населенный оставившими Хиву Узбеками, и поступилъ подобнымъ же образомъ. Потомъ дикое войско распространилось далѣе, сожигая, похищая и убивая все на пути своемъ до Каракула. Наконецъ Хивинцы возвратились домой, не видавъ бухарскаго войска. Храбрые воины особенно занялись похищеніемъ женщинъ и дѣтей, зная, что мужья и отцы ихъ явятся въ Хиву, чтобы выкупить ихъ. Ковырзинъ во всѣ три похода сопровождалъ ходшеи-мехрема.

Мухаммедъ-Рахимъ однажды (около 1812 года) обратилъ оружіе свое даже противъ Персіи. Прошедъ съ значительнымъ войскомъ, въ самое жаркое время года, чрезъ песчаную степь, онъ достигъ обитаемаго Курдами города, котораго начальникъ назывался Ханъ Бейляръ Кули. И здѣсь всѣ военныя дѣйствія ограничились хищничествомъ. Курды и Туркменцы изъ Тэкэ взяты въ плѣнъ, ограблены и нивы около города сожжены. Но послѣ этого подвига былъ заключенъ миръ, въ-слѣдствіе котораго хивинскій ханъ выдалъ всѣхъ плѣнныхъ Курдовъ; когда же пришло извѣстіе, что Баба-Ханъ лично идетъ съ арміею на защиту осажденныхъ, Хивинцы поспѣшно ушли домой. Въ гористой странѣ на персидской границѣ многіе воины погибли, потому-что воздухъ тамъ чрезвычайно

вреденъ, днемъ несносно жарко, а ночью чрезвычайно холодно: кто не одѣнется довольно тепло вечеромъ, умираетъ иногда въ ту же ночь. На этомъ обратномъ походѣ и околѣла большая часть лошадей отъ напряженія и недостатка въ кормѣ. Изъ трехъ пушекъ, взятыхъ ханомъ, только двѣ меньшія привезены назадъ на верблюдахъ.

—

Характеръ нынѣшняго хана и его образъ жизни. — Аллахъ Кули, нынѣшій ханъ Хивы, добродушенъ, миролюбивъ, не любитъ ни охоты, ни хищничества, ни убійствъ, и потому Туркменцы и Узбеки ненавидятъ его. Отецъ хотѣлъ-было лишить его престола и передъ смертію назначилъ своимъ наслѣдникомъ втораго сына, Рахманъ Кули, но, по совѣту мудраго ширъ-ніязъ-аталыка, воля его не была исполнена. Рахманъ Кули живетъ теперь въ Хезаразбѣ, собираетъ въ окрестностяхъ подати, не оказываетъ брату ни малѣйшаго уваженія, и очень почитается Узбеками и Туркменцами. Говорятъ, что ханъ въ молодости научился у русскихъ невольниковъ пить водку, и часто занимался этимъ въ конюшняхъ. Да и позже предавался онъ этому пороку вмѣстѣ съ ходшеш-мехремомъ до безчувствія. Впрочемъ онъ любитъ порядокъ, имѣетъ только двухъ женъ и строго наказываетъ воровство и хищничество, и это увеличиваетъ къ нему ненависть Узбековъ и Туркменцевъ. Что касается до его познаній, то говорили, что онъ умѣетъ говорить, читать и писать по-русски, и что учителемъ его былъ плѣнный астраханскій мѣщанинъ Ѳома.

Мухаммедъ-Рахимъ, кромѣ вышепоименованныхъ сыновей, оставилъ еще двухъ: мальчика восьми лѣтъ, отъ дочери киргизскаго султана Ширгази Кайпофа, и другаго—шести лѣтъ, отъ дочери одного ходжи.

Ханъ никогда не оставляетъ дворца днемъ, за исключеніемъ пятницы, когда ходитъ въ мечеть; ночью же онъ разъѣзжаетъ по городу и по своимъ садамъ. Аксакалы (бѣлобородые) каждое утро навѣщаютъ его, или являются, какъ говорится, на сялямъ, при чемъ дѣлаютъ разные вопросы и донесенія и иногда занимаются текущими дѣлами. Ханскія жены не смѣютъ выходить днемъ изъ комнаты, и только иногда вечеромъ посѣщаютъ своихъ родственниковъ. Дворецъ охраняется братомъ куш-беги, имѣющимъ чинъ юсбаши, и отрядомъ въ 15 человѣкъ, сидящихъ у подъѣзда въ караульной; одинъ изъ нихъ стоитъ у подъѣзда, а двое другихъ у входа въ темницу, въ которой сидятъ только знатные люди, удавливаемые обыкновенно, по повелѣнію хана, плѣнными.

Г. Гельмерсенъ.

СОБИРАТЕЛЯМЪ МОИХЪ ЭЛЕГІЙ.

Я не поэтъ! Страстей могучихъ лава
Въ груди давно ужь не кипитъ!
Не соблазнитъ меня поэтовъ слава,
И крикъ друзей не соблазнитъ.
Нѣтъ, никогда на судъ пустому свѣту
Я не пойду съ моей тоской:
Давно ужь я позвалъ себя къ отвѣту,
Давно разсчелся самъ съ собой.
И небогатъ я свѣтлыми мечтами,
И не страдалъ, и не любилъ,
Я равнодушно годы за годами,
За чувствомъ чувство схоронилъ.
Я вызываю тѣни ихъ изъ праха;
Я панихиды имъ пою:
Но силы нѣтъ во мнѣ—взглянуть безъ страха
На юность бѣдную мою.
Не примирился я съ моимъ призваньемъ,
Тяжка мнѣ память прошлыхъ лѣтъ,
Ея будить восторженнымъ рыданьемъ
Я не хочу,— я не поэтъ!
Моя печаль — семейная могила,
Чужимъ нѣтъ дѣла до нея.
Пусть я одинъ оплачу все, что было
И что теперь ужь не мое.
Вамъ дикъ мой плачь!—То голосъ тяжкой муки,
То отголосокъ свѣтлыхъ дней.
Зачѣмъ же вамъ разрозненные звуки
Души разстроенной моей?
Оставьте ихъ! отъ скорби, отъ роптанья
Я изцѣлюсь скорѣй въ тиши,
И заглушу нестройный вопль страданья
Святой гармоніей души.

- Θ -

УМОЛКШІЙ ПОЭТЪ.

═

Съ душою могучей,
Съ печатью величья
На гордомъ челѣ,
Родился младенецъ
На диво земли.
Земныя богини,
Какъ хитрыя дѣвы,
Манили младенца
Роскошной мечтой,
Притворною лаской
Любовь обманули,
Сожгли поцалуемъ
Румянецъ лица,
Сорвали улыбку —
Сіянье души.
Напрасно таилъ онъ,
Напрасно берегъ,
Дары вдохновеній,
Отъ горняго міра
Для жизни земной;
Напрасно онъ райской
И звучною пѣснью,
Родимыя дебри,
Поля оглашалъ: —
Пустыня молчала. . .
Толпа отступилась
Отъ взоровъ могучихъ;
Высокое чувство,
И жаръ вдохновенья
И творчества силу,
Толпа не признала:
Смѣшны ей и радость,
И горе поэта . . .
Сгори онъ въ пожарѣ
Презрѣнныхъ страстей —
Она, какъ вакханка,
Его зацалуетъ;

И братскимъ восторгомъ
Нечистымъ, постыднымъ
На вѣкъ заклеймитъ.
Очарованъ утромъ,
Обманутый полднемъ,
Одѣтый вечернимъ
Туманомъ и тѣнью
Загадочной жизни,
Глядитъ равнодушно
Безмолвный поэтъ . . .
Ты думаешь, палъ онъ ? . . .
Нѣтъ, — ты не замѣтилъ,
Высокую думу,
Огонь благодатный,
Во взорѣ его.

А. КОЛЬЦОВЪ.

ТАМАНЬ (*).

Тамань — самый скверный городишка изъ всѣхъ приморскихъ городовъ Россіи. Я тамъ чуть-чуть не умеръ съ голода, да еще въ добавокъ меня хотѣли утопить. Я пріѣхалъ на перекладной тележкѣ поздно ночью. Ямщикъ остановилъ усталую тройку у воротъ единственнаго каменнаго дома, чтò при въѣздѣ. Часовой, черноморскій казакъ, услышавъ звонъ колокольчика, закричалъ съ просонья дикимъ голосомъ «кто идетъ?» Вышелъ урядникъ и десятникъ. Я имъ объяснилъ, что я офицеръ, ѣду въ дѣйствующій отрядъ по казенной надобности и сталъ требовать казенную квартиру. Десятникъ насъ повелъ по городу. Къ которой избѣ ни подъѣдемъ — занята. Было холодно, я три ночи не спалъ, измучился, и началъ сердиться. «Веди меня куда-нибудь, разбойникъ! хоть къ чорту, только къ мѣсту!» закричалъ я. — Есть еще одна фатера — отвѣчалъ десятникъ, почесывая затылокъ: только вашему благородію не понравится; тамъ нечисто. Не понявъ точнаго значенія послѣдняго слова, я велѣлъ ему идти впередъ, и послѣ долгаго странствованія по грязнымъ переулкамъ, гдѣ по сторонамъ я видѣлъ одинъ только ветхій заборъ, мы подъѣхали къ небольшой хатѣ, на самомъ берегу моря.

Полный мѣсяцъ свѣтилъ на камышевую крышу и бѣлыя стѣны моего новаго жилища; на дворѣ, обведенномъ оградой изъ булыжника, стояла избочась другая лачужка, менѣе и древнѣе первой. Берегъ обрывомъ спускался къ морю почти у самыхъ стѣнъ ея, и внизу съ безпрерывнымъ ропотомъ плескались темно-синія волны. Луна тихо смотрѣла на безпокойную, но покорную ей стихію; я могъ различать при свѣтѣ ея, далеко отъ берега, два корабля, которыхъ черныя снасти, подобно паутинѣ, неподвижно рисова-

(*) Еще отрывокъ изъ записокъ Печорина, главнаго лица въ повѣсти «Бэла», напечатанной въ 3-й книжкѣ «Отеч. Записокъ» 1839 года.

-лись на блѣдной чертѣ небосклона. Суда въ пристани есть, подумалъ я: завтра отправлюсь въ Геленджикъ.

При мнѣ изправлялъ должность деньщика линейскій казакъ. Велѣвъ ему выложить чемоданъ и отпустить извощика, я сталъ звать хозяина — молчатъ; стучу—молчатъ... что это? Наконецъ изъ сѣней выползъ мальчикъ лѣтъ 14-ти.

«Гдѣ хозяинъ?»—Нема.—«Какъ, совсѣмъ нѣту?» — Совсимъ. — «А хозяйка!» — Побигла въ слободку. — «Кто же мнѣ отопретъ дверь?» сказалъ я, ударивъ въ нее ногою. Дверь сама отворилась; изъ хаты повѣяло сыростью. Я засвѣтилъ сѣрную спичку и поднесъ ее къ носу мальчика: она озарила два бѣлые глаза. Онъ былъ слѣпой, совершенно-слѣпой отъ природы. Онъ стоялъ передо мною неподвижно, и я началъ разсматривать черты его лица.

Признаюсь, я имѣю сильное предубѣжденіе противъ всѣхъ слѣпыхъ, кривыхъ, глухихъ, нѣмыхъ, безногихъ, безрукихъ, горбатыхъ, и проч. Я замѣчалъ, что всегда есть какое-то странное отношеніе между наружностью человѣка и его душою: какъ-будто, съ потерею члена, душа теряетъ какое-нибудь чувство.

Итакъ я началъ разсматривать лицо слѣпаго; но что прикажете прочитать на лицѣ, у котораго нѣтъ глазъ?...Долго я глядѣлъ на него съ невольнымъ сожалѣніемъ, какъ вдругъ едва-примѣтная улыбка пробѣжала по тонкимъ губамъ его, и, я не знаю отъ-чего, она произвела на меня самое непріятное впечатлѣніе. Въ головѣ моей родилось подозрѣніе, что этотъ слѣпой не такъ слѣпъ, какъ онъ кажется; напрасно я старался увѣрить себя, что бѣльмы подделать невозможно, да и съ какой цѣлью? Но что дѣлать? я часто склоненъ къ предубѣжденіямъ...

«Ты хозяйскій сынъ?» спросилъ я его наконецъ. — Ни. —«Кто же ты?» — Сирота, убогій. — «А у хозяйки есть дѣти?»—Ни; была дочь, да утикла за море съ Татариномъ. — «Съ какимъ Татариномъ?» — А бисъ его знаетъ! крымскій Татаринъ, лодочникъ изъ Керчи.

Я вошелъ въ хату: двѣ лавки и столъ, да огромный сундукъ возлѣ печи составляли всю ея мёбель. На стѣнѣ ни одного образа —дурной знакъ! Въ разбитое стекло врывался морской вѣтеръ. Я вытащилъ изъ чемодана восковой огарокъ, и засвѣтивъ его, сталъ раскладывать вещи, поставилъ въ уголъ шашку и ружье, пистолеты положилъ на столъ, разостлалъ бурку на лавкѣ, казакъ свою на другой; черезъ десять минутъ онъ захрапѣлъ, но я не могъ заснуть:

передо мной во мракѣ все вертѣлся мальчикъ съ бѣлыми глазами.

«Такъ прошло около часа. Мѣсяцъ свѣтилъ въ окно, и лучъ его игралъ по земляному полу хаты. Вдругъ на яркой полосѣ, пересѣкающей полъ, промелькнула тѣнь. Я привсталъ и взглянулъ въ окно: кто-то вторично пробѣжалъ мимо его, и скрылся Богъ-знаетъ куда. Я не могъ полагать, чтобъ это существо сбѣжало по отвѣсу берега, однако иначе ему нѣкуда было дѣваться. Я всталъ, накинулъ бешметъ, опоясалъ кинжалъ и тихо - тихо вышелъ изъ хаты; на-встрѣчу мнѣ слѣпой мальчикъ. Я притаился у забора, и онъ вѣрной, но осторожной поступью прошелъ мимо меня. Подъ мышкой онъ несъ какой-то узелъ, и, повернувъ къ пристани, сталъ спускаться по узкой и крутой тропинкѣ. Въ тотъ день нѣмые возопіютъ и слѣпые прозрятъ, подумалъ я, слѣдуя за нимъ въ такомъ разстояніи, чтобы не терять его изъ вида.

Между-тѣмъ луна начала одѣваться тучами, и на морѣ поднялся туманъ; едва сквозь него свѣтился фонарь на кормѣ ближняго корабля; у берега сверкала пѣна валуновъ, ежеминутно грозящихъ его потопить. Я, съ трудомъ спускаясь, пробирался по крутизнѣ, и вотъ вижу слѣпой пріостановился, потомъ повернулъ низомъ на-право; онъ шелъ такъ близко отъ воды, что, казалось, сей-часъ волна его схватитъ и унесетъ; но видно это была не первая его прогулка, судя по увѣренности, съ которой онъ ступалъ съ камня на камень и избѣгалъ рытвинъ. Наконецъ онъ остановился, будто прислушиваясь къ чему-то, присѣлъ на землю и положилъ возлѣ себя узелъ. Я наблюдалъ за его движеніями, спрятавшись за выдавшеюся скалою берега. Спустя нѣсколько минутъ, съ противоположной стороны показалась бѣлая фигура; она подошла къ слѣпому и сѣла возлѣ него. Вѣтеръ по-временамъ приносилъ мнѣ ихъ разговоръ.

«Что, слѣпой» сказалъ женскій голосъ: «буря сильна, Янко не будетъ.»—Янко не боится бури, отвѣчалъ тотъ.—«Туманъ густѣетъ» возразилъ опять женскій голосъ, съ выраженіемъ печали.

— Въ туманѣ лучше пробраться мимо сторожевыхъ судовъ, былъ отвѣтъ.

«А если онъ утонетъ?»—Ну что жь? въ воскресенье ты пойдешь въ церковь безъ новой ленты.

Послѣдовало молчаніе; меня однако поразило одно: слѣпой го-

ворилъ со мною малороссійскимъ нарѣчіемъ, а теперь изъяснялся чисто по-русски.

— Видишь, я правъ, сказалъ опять слѣпой, ударивъ въ ладоши: Янко не боится ни моря, ни вѣтровъ, ни тумана, ни береговыхъ сторожей; прислушайся-ка: это не вода плещетъ, меня не обманешь,—это его длинныя весла.

Женщина вскочила и стала всматриваться въ даль съ видомъ безпокойства.

«Ты бредишь, слѣпой» сказала она: «я ничего не вижу.»

Признаюсь, сколько я ни старался различить вдалекѣ что-нибудь наподобіе лодки, но безуспѣшно. Такъ прошло минутъ десять; и вотъ показалась между горами волнъ черная точка: она то увеличивалась, то уменьшалась. Медленно поднимаясь на хребты волнъ, быстро спускаясь съ нихъ, приближалась къ берегу лодка. Отваженъ былъ пловецъ, рѣшившійся въ такую ночь пуститься чрезъ проливъ на разстояніе 20 верстъ, и важная должна быть причина, его къ тому побудившая. Думая такъ, я, съ невольнымъ біеніемъ сердца, глядѣлъ на бѣдную лодку; но она, какъ утка, ныряла, и потомъ, быстро взмахнувъ веслами, будто крыльями, выскакивала изъ пропасти среди брызговъ пѣны; и вотъ, я думалъ, она ударится съ-розмаха объ берегъ, и разлетится въ дребезги; но она ловко повернулась бокомъ, и вскочила въ маленькую бухту невредима. Изъ нея вышелъ человѣкъ средняго роста, въ татарской бараньей шапкѣ; онъ махнулъ рукою, и всѣ трое принялись вытаскивать что-то изъ лодки; грузъ былъ такъ великъ, что я досихъ-поръ не понимаю, какъ она не потонула. Взявъ на плечи каждый по узлу, они пустились вдоль по берегу, и скоро я потерялъ ихъ изъ вида. Надо было вернуться домой; но, признаюсь, всѣ эти странности меня тревожили, и я на-силу дождался утра.

Казакъ мой былъ очень удивленъ, когда, проснувшись, увидалъ меня совсѣмъ одѣтаго; я ему однакожь не сказалъ причины. Полюбовавшись нѣсколько времени изъ окна на голубое небо, усѣянное разорванными облачками, на дальній берегъ Крыма, который тянется лиловой полосой и кончается утесомъ, на вершинѣ коего бѣлѣется маячная башня, я отправился въ крѣпость Фанагорію, чтобъ узнать отъ коменданта о часѣ моего отъѣзда въ Геленджикъ.

Но, увы, комендантъ ничего не могъ сказать мнѣ рѣшительнаго! Суда, стоящія въ пристани, были всѣ или сторожевыя, или купеческія, которыя еще даже не начинали нагружаться. «Можетъ

быть, дня черезъ три, четыре, прійдетъ почтовое судно» сказалъ комендантъ: «и тогда—мы увидимъ.» Я вернулся домой угрюмъ и сердитъ. Меня въ дверяхъ встрѣтилъ казакъ мой съ изпуганнымъ лицомъ.

— Плохо, ваше благородіе! сказалъ онъ мнѣ.

«Да, братъ, Богъ знаетъ, когда мы отсюда уѣдемъ.» Тутъ онъ еще больше встревожился, и, наклонясь ко мнѣ, сказалъ шопотомъ: Здѣсь нечисто! Я встрѣтилъ сегодня черноморскаго урядника; онъ мнѣ знакомъ,—былъ прошлаго года въ отрядѣ; какъ я ему сказалъ, гдѣ мы остановились, а онъ мнѣ:—здѣсь братъ нечисто, люди недобрые... Да и въ-самомъ-дѣлѣ, что̀ это за слѣпой! ходитъ вездѣ одинъ, и на базаръ, за хлѣбомъ, и за водой... ужь видно здѣсь къ этому привыкли...

«Да что̀ жь, по-крайней-мѣрѣ показалась ли хозяйка?»

—Сегодня безъ васъ пришла старуха и съ ней дочь.

«Какая дочь? у нея нѣтъ дочери.»—А Богъ ее знаетъ, кто она, коли не дочь; да вонъ старуха сидитъ теперь въ своей хатѣ.

Я вошелъ въ лачужку. Печь была жарко натоплена, и въ ней варился обѣдъ довольно-роскошный для бѣдняковъ. Старуха на всѣ мои вопросы отвѣчала, что она глуха, не слышитъ. Что̀ было съ ней дѣлать? Я обратился къ слѣпому, который сидѣлъ передъ печью, и подкладывалъ въ огонь хворостъ. «Ну-ка, слѣпой чертёнокъ» сказалъ я, взявъ его за ухо: «говори, куда ты ночью таскался съ узломъ, а?» Вдругъ мой слѣпой заплакалъ, закричалъ, заохалъ: «куды я ходивъ... никуды не ходивъ... съ узломъ, якимъ узломъ?» Старуха на этотъ разъ услышала, и стала ворчать: «вотъ выдумываютъ, да еще на убогаго! за что̀ вы его? что̀ онъ вамъ сдѣлалъ?» Мнѣ это надоѣло и я вышелъ, твердо рѣшившись достать ключъ этой загадки.

Я завернулся въ бурку и сѣлъ у забора на камень, поглядывая въ даль; предо мной тянулось ночною бурею взволнованное море, и однообразный шумъ его, подобный ропоту засыпающаго города, напомнилъ мнѣ старые годы, перенесъ мои мысли на сѣверъ, въ нашу холодную столицу. Волнуемый возпоминаніями, я забылся; такъ прошло около часа, можетъ-быть, и болѣе... Вдругъ что̀-то похожее на пѣсню поразило мой слухъ. Точно, это была пѣсня, и женскій, свѣжій голосокъ, но откуда?... Прислушиваюсь—напѣвъ стройный, то протяжный и печальный, то быстрый и живой. Оглядываюсь—никого нѣтъ кругòмъ; прислушиваюсь—снова звуки, какъ-будто падаютъ съ неба. Я поднялъ глаза: на крышѣ хаты

оей стояла дѣвушка въ полосатомъ платьѣ, съ разпущенными осами, настоящая русалка. Защитивъ глаза ладонью отъ лучей олнца, она пристально всматривалась въ даль, то смѣялась и разсуждала сама съ собой, то запѣвала снова пѣсню.

Я запомнилъ эту пѣсню отъ слова до слова:

Какъ по вольной волюшкѣ —
По зелену морю,
Ходятъ все кораблики
    Бѣлопарусники.
Промежъ тѣхъ корабликовъ
Моя лодочка,
Лодка неснащенная,
    Двухвесельная.
Буря ль разъиграется —
Старые кораблики
Приподымутъ крылушки,
    По морю размечутся.
Стану морю кланяться
Я низёхонько:
«Ужь не тронь ты, злое море,
    Мою лодочку:
Везетъ наша лодочка
Вещи драгоцѣнныя,
Правитъ ею въ темну ночь
    Буйная головушка.»

Мнѣ невольно пришло на мысль, что ночью я слышалъ тотъ же голосъ; я на минуту задумался, и когда снова посмотрѣлъ на крышу, ея ужь тамъ не было. Вдругъ она пробѣжала мимо меня, напѣвая что-то другое, и, прищелкивая пальцами, вбѣжала къ старухѣ, и тутъ начался между ними споръ. Старуха сердилась, она громко хохотала. И вотъ вижу, бѣжитъ опять въ припрыжку моя ундина; поравнявшись со мной, она остановилась и пристально посмотрѣла мнѣ въ глаза, какъ-будто удивленная моимъ присутствіемъ; потомъ небрежно обернулась, и тихо пошла къ пристани. Этимъ не кончилось: цѣлый день она вертѣлась около моей квартиры; пѣньё и прыганье не прекращались ни на минуту. Странное существо! На лицѣ ея не было никакихъ признаковъ безумія; напротивъ, глаза ея съ бойкою проницательностію останавливались на мнѣ, и эти глаза, казалось, были одарены какою-то магнетическою властью, и всякій разъ они какъ-будто-бы ждали вопроса. Но только я начиналъ говорить, она убѣгала, коварно улыбаясь.

Рѣшительно, я никогда подобной женщины не видывалъ. Она была далеко не красавица, но я имѣю свои предубѣжденія также и на-счетъ красоты. Въ ней было много породы... порода въ женщинахъ, какъ и въ лошадяхъ, великое дѣло; это открытіе принадлежитъ юной Франціи. Она, т. е. порода, а не юная Франція, большею частью изобличается въ поступи, въ рукахъ и ногахъ; особенно носъ очень много значитъ. Правильный носъ въ Россіи рѣже маленькой ножки. Моей пѣвуньѣ, казалось, не болѣе 18 лѣтъ. Необыкновенная гибкость ея стана, особенное, ей только свойственное наклоненіе головы, длинные русые волосы, какой-то золотистый отливъ ея слегка-загорѣлой кожи на шеѣ и плечахъ, и особенно правильный носъ, все это было для меня обворожительно. Хотя въ ея косвенныхъ взглядахъ я читалъ что-то дикое и подозрительное; хотя въ ея улыбкѣ было что-то неопредѣленное, но такова сила предубѣжденій: правильный носъ свелъ меня съ ума; я вообразилъ, что нашелъ гётеву Миньйону, это причудливое созданіе его нѣмецкаго воображенія; — и точно между ими было много сходства: тѣ же быстрые переходы отъ величайшаго безпокойства къ полной неподвижности, тѣ же загадочныя рѣчи, тѣ же прыжки, странныя пѣсни...

Подъ-вечеръ, остановивъ ее въ дверяхъ, я завелъ съ нею слѣдующій разговоръ:

«Скажи-ка мнѣ, красавица» спросилъ я: «что ты дѣлала сегодня на кровлѣ?» — А смотрѣла откуда вѣтеръ дуетъ. — «Зачѣмъ тебѣ?» — Откуда вѣтеръ, оттуда и счастье. — «Что же, развѣ ты пѣснею зазывала счастье?» — Гдѣ поётся, тамъ и счастливится. — «А какъ неравно напоешь себѣ горе?» — Ну что жь? гдѣ не будетъ лучше, тамъ будетъ хуже, а отъ худа до добра опять недалеко. — «Кто жь тебя выучилъ эту пѣсню?» — Никто не выучилъ; вздумается—запою, кому услыхать, тотъ услышитъ, а кому не должно слышать, тотъ не пойметъ. — «А какъ тебя зовутъ, моя пѣвунья?»—Кто крестилъ, тотъ знаетъ.—«А кто крестилъ?»—Почему я знаю. — «Экая скрытная! а вотъ я кое-что про тебя узналъ» (она не измѣнилась въ лицѣ, не пошевельнула губами, какъ будто не объ ней дѣло). «Я узналъ, что ты вчера ночью ходила на берегъ.» И тутъ я очень-важно пересказалъ ей все, что видѣлъ, думая смутить ее — ни мало! Она захохотала во все горло: Много видѣли, да мало знаете, а что знаете, такъ держите подъ замочкомъ. —«А если бъ я на-примѣръ вздумалъ донести коменданту?» и тутъ я сдѣлалъ очень-серьёзную, даже строгую мину. Она вдругъ

прыгнула, запѣла и скрылась, какъ птичка, выпугнутая изъ кустарника. Послѣднія слова мои были вовсе не-у-мѣста; я тогда не подозрѣвалъ ихъ важности, но въ-послѣдствіи имѣлъ случай въ нихъ разкаяться.

Только-что смерклось, я велѣлъ казаку нагрѣть чайникъ по-походному, засвѣтилъ свѣчу, и сѣлъ у стола, покуривая изъ дорожной трубки. Ужь я доканчивалъ второй стаканъ чая, какъ вдругъ дверь скрипнула, легкій шорохъ платья и шаговъ послышался за мной; я вздрогнулъ и обернулся, — то была она, моя ундина! Она сѣла противъ меня тихо и безмолвно, и устремила на меня глаза свои, и, не знаю почему, но этотъ взоръ показался мнѣ чудно-нѣженъ; онъ мнѣ напомнилъ одинъ изъ тѣхъ взглядовъ, которые въ старые годы такъ самовластно играли моею жизнью. Она, казалось, ждала вопроса, но я молчалъ, полный неизъяснимаго смущенія. Лицо ея было покрыто тусклой блѣдностью, изобличавшей волненіе душевное; рука ея безъ цѣли бродила по столу, и я замѣтилъ въ ней легкій трепетъ; грудь ея то высоко подымалась, то, казалось, она удерживала дыханіе. Эта комедія начинала мнѣ надоѣдать, и я готовъ былъ прервать молчаніе самымъ прозаическимъ образомъ, то-есть предложить ей стаканъ чая, какъ вдругъ она вскочила, обвила руками мою шею, и влажный, огненный поцалуй прозвучалъ на губахъ моихъ. Въ глазахъ у меня потемнѣло, голова закружилась, я сжалъ ее въ моихъ объятіяхъ со всею силою юношеской страсти, но она какъ змѣя скользнула между моими руками, шепнувъ мнѣ на ухо: «нынче ночью, какъ всѣ уснутъ, выходи на берегъ» и стрѣлою выскочила изъ комнаты. Въ сѣняхъ она опрокинула чайникъ и свѣчу, стоявшую на полу. «Экой бѣсъ дѣвка!» закричалъ казакъ, расположившійся на соломѣ и мечтавшій согрѣться остатками чая. Только тутъ я опомнился.

Часа черезъ два, когда все на пристани умолкло, я разбудилъ своего казака: «Если я выстрѣлю изъ пистолета» сказалъ я ему: «то бѣги на берегъ». Онъ выпучилъ глаза и машинально отвѣчалъ: «слушаю, ваше благородіе». Я заткнулъ за поясъ пистолетъ и вышелъ. Она дожидалась меня на краю опуска; ея одежда была болѣе нежели легкая, небольшой платокъ опоясывалъ ея гибкій станъ.

«Идите за мной!» сказала она, взявъ меня за руку, и мы стали спускаться. Не понимаю, какъ я не сломилъ себѣ шеи; внизу мы повернули направо, и пошли по той же дорогѣ, гдѣ наканунѣ я слѣдовалъ за слѣпымъ. Мѣсяцъ еще не вставалъ, и только двѣ звѣздочки, какъ два спасительные маяка, сверкали на темно-си-

немъ сводѣ. Тяжелыя волны мѣрно и ровно катились одна за другой, едва приподнимая одинокую лодку, причаленную къ берегу. «Взойдемъ въ лодку» сказала моя спутница; я колебался—я не охотникъ до сантиментальныхъ прогулокъ по морю; но отступать было не время. Она прыгнула въ лодку, я за ней, и не успѣлъ еще опомниться, какъ замѣтилъ, что мы плывемъ. «Что это значитъ?» сказалъ я сердито. — Это значитъ, отвѣчала она, сажая меня на скамью, и обвивъ мой станъ руками: это значитъ, что я тебя люблю... И щека ея прижалась къ моей, и я почувствовалъ на лицѣ моемъ ея пламенное дыханіе. Вдругъ что-то шумно упало въ воду: я хвать за поясъ — пистолета нѣтъ. О, тутъ ужасное подозрѣніе закралось мнѣ въ душу, кровь хлынула мнѣ въ голову. Оглядываюсь—мы отъ берега около пятидесяти саженъ, а я не умѣю плавать! Хочу оттолкнуть ее отъ себя—она какъ кошка вцѣпилась въ мою одежду, и вдругъ сильный толчокъ едва не сбросилъ меня въ море. Лодка закачалась, но я справился, и между нами началась отчаянная борьба; бѣшенство придавало мнѣ силы, но я скоро замѣтилъ, что уступаю моему противнику въ ловкости... «Чего ты хочешь?» закричалъ я, крѣпко сжавъ ея маленькія руки; пальцы ея хрустѣли, но она не вскрикнула: ея змѣиная натура выдержала эту пытку.

— Ты видѣлъ, отвѣчала она: ты донесешь! и сверхъестественнымъ усиліемъ повалила меня на бортъ; мы оба по поясъ свѣсились изъ лодки; ея волосы касались воды; минута была рѣшительная. Я уперся колѣнкою во дно, схватилъ ее одной рукой за косу, другой за горло, она выпустила мою одежду, и я мгновенно бросилъ ее въ волны.

Было уже довольно темно; голова ея мелькнула раза два среди морской пѣны, и больше я ничего не видалъ...

На днѣ лодки я нашелъ половину стараго весла, и кое-какъ, послѣ долгихъ усилій, причалилъ къ пристани. Пробираясь берегомъ къ своей хатѣ, я невольно всматривался въ ту сторону, гдѣ наканунѣ слѣпой дожидался ночнаго пловца; луна уже катилась по небу, и мнѣ показалось, что кто-то въ бѣломъ сидѣлъ на берегу; я подкрался, подстрекаемый любопытствомъ, и прилегъ въ травѣ надъ обрывомъ берега; высунувъ немного голову, я могъ хорошо видѣть съ утеса все, что внизу дѣлалось, и не очень удивился, а почти обрадовался, узнавъ мою русалку. Она выжимала морскую пѣну изъ длинныхъ волосъ своихъ; мокрая рубашка обрисовывала гибкій станъ ея и высокую грудь. Скоро показалась

дали лодка, быстро приблизилась она; изъ нея, какъ наканунѣ, вышелъ человѣкъ въ татарской шапкѣ, но стриженъ онъ былъ по-казацки, и за ременнымъ поясомъ его торчалъ большой ножъ. «Янко» сказала она: «все пропало!» Потомъ разговоръ ихъ продолжался, но такъ тихо, что я ничего не могъ разслушать. — А гдѣ же слѣпой? сказалъ наконецъ Янко, возвыся голосъ. «Я его послала» былъ отвѣтъ. Чрезъ нѣсколько минутъ явился слѣпой, таща на спинѣ мѣшокъ, который положили въ лодку.

«Послушай, слѣпой» сказалъ Янко: «ты береги то мѣсто... знаешь? тамъ богатые товары... скажи (имени я не разслушалъ), что я ему больше не слуга; дѣла пошли худо, онъ меня больше не увидитъ; теперь опасно; поѣду искать работы въ другомъ мѣстѣ, а ему ужъ такого удальца не найдти; да скажи, кабы онъ получше платилъ за труды, такъ и Янко бы его не покинулъ; а мнѣ вездѣ дорога, гдѣ только вѣтеръ дуетъ и море шумитъ.» Послѣ нѣкотораго молчанія Янко продолжалъ: «Она поѣдетъ со мною; ей нельзя здѣсь оставаться; а старухѣ скажи, что, де-скать, пора умирать, зажилась; надо знать и честь. Насъ же больше не увидитъ.»

— А я? сказалъ слѣпой жалобнымъ голосомъ. «На что мнѣ тебя?» былъ отвѣтъ.

Между-тѣмъ моя ундина вскочила въ лодку и махнула товарищу рукою; онъ что-то положилъ слѣпому въ руку, примолвивъ: «На, купи себѣ пряниковъ.» — Только? сказалъ слѣпой? — «Ну, вотъ тебѣ еще»—и упавшая монета зазвенѣла ударя о камень. Слѣпой ея не поднялъ. Янко сѣлъ въ лодку; вѣтеръ дулъ отъ берега; они подняли маленькій парусъ, и быстро понеслись. Долго при свѣтѣ мѣсяца мелькалъ бѣлый парусъ между темныхъ волнъ; слѣпой все сидѣлъ на берегу, и вотъ мнѣ послышалось что-то похожее на рыданіе: слѣпой мальчикъ точно плакалъ, и долго, долго... Мнѣ стало грустно. И зачѣмъ было судьбѣ кинуть меня въ мирный кругъ *честныхъ контрбандистовъ?* Какъ камень, брошенный въ гладкій источникъ, я встревожилъ ихъ спокойствіе, и какъ камень едва самъ не пошелъ ко дну! А право я ни въ чемъ невиноватъ: любопытство вещь свойственная всѣмъ путешествующимъ и записывающимъ людямъ.

Я возвратился домой. Въ сѣняхъ трещала догорѣвшая свѣча въ деревянной тарелкѣ, и казакъ мой, вопреки приказанію, спалъ крѣпкимъ сномъ, держа ружье обѣими руками. Я его оставилъ въ покоѣ, взялъ свѣчу и вошелъ въ хату. Увы! моя шкатулка, шашка съ серебряной оправой, дагестанскій кинжалъ, — пода-

рокъ пріятеля,— все исчезло. Тутъ-то я догадался, какія вещи тащилъ проклятый слѣпой. Разбудивъ казака довольно-невѣжливымъ толчкомъ, я побранилъ его, посердился, а дѣлать было нечего. И не смѣшно ли было бы жаловаться начальству, что слѣпой мальчикъ меня обокралъ, а восьмнадцатилѣтняя дѣвушка чуть-чуть не утопила? Слава Богу, по-утру явилась возможность ѣхать, и я оставилъ Тамань. Что сталось съ бѣдной старухой и съ мнимымъ слѣпымъ—не знаю.

М. ЛЕРМОНТОВЪ.

УЗНИКЪ.

За рѣшеткою, въ четырехъ стѣнахъ,
Думу мрачную и любимую
Вспомнилъ молодецъ—и въ такихъ словахъ
Выражалъ онъ грусть нестерпимую:

«Охъ, ты жизнь моя, молодецкая!
Отъ меня ли, жизнь, убѣгаешь ты,
Какъ бѣжитъ волна москворѣцкая
Отъ широкихъ стѣнъ каменной Москвы?

Для кого жь, недоброхотная,
Противъ воли я часто ратовалъ?
Иль, красавица беззаботная,
День обманчивый — тебя радовалъ?

Кто видалъ, какъ на лихомъ конѣ
Проносился я степью знойною?
Какъ сдружился я при сѣдой лунѣ,
Съ смертью раннею, безпокойною?

Какъ таинственно заговаривалъ
Пулю вѣрную и мятелицу,
И приласкивалъ, и умаливалъ
Ненаглядную красну дѣвицу?

Штофы, бархаты, ткани цвѣтныя,
Саблей острою я отмѣривалъ,
И заморскія вина свѣтлыя
Въ чашахъ недруговъ послѣ выпивалъ!

Знали всѣ меня—зналъ и старъ и младъ,
И широкій долъ, и дремучій лѣсъ...
А теперь на мнѣ кандалы гремятъ:
Вмѣсто пѣсенъ, я слышу звукъ желѣзъ...

Воля волюшка драгоцѣнная!
Появись ты мнѣ несчастливому,
Благотворная, обновленная,
Не отдай судьѣ справедливому!..»

Такъ онъ, молодецъ, въ четырехъ стѣнахъ,
Стражѣ передалъ мысль любимую:
Излилась она . . . замерла въ устахъ . . .
И кто понялъ грусть нестерпимую? . . .

А. ПОЛЕЖАЕВЪ.

ПОЭЗІЯ.

(П. П. К.)

Знаете ль ее? Она...
Нѣтъ названья, нѣтъ сравненья!
Благовонная весна!
Цвѣтъ любви и наслажденья!
    Знаете ль ее? — Она...
    Перлъ въ вѣнцѣ моихъ мечтаній!
    Изъ эѳира создана
    Для объятій, для лобзаній.
Знаете ль ее?—Она. . .
Гармоническіе звуки!
Богомъ жизни мнѣ дана
Для сладчайшей въ жизни муки.
    Знаете ль ее? — Она...
    Въ часъ святаго примиренья
    Мнѣ любовію дана
    Для молитвъ, для вдохновенья.
Знаете ль ее? — Она...
Міръ не стоитъ поцалуя —
Ею жизнь просвѣтлена
Для нея и въ ней живу я!
    Кто же это? — Кто она?..
    Нѣтъ названья, нѣтъ сравненья!
    Звуки, перлъ, эѳиръ, весна,
    Жизнь, любовь и вдохновенье!

ЗВУКИ.

=

Они уносятъ духъ — властительные звуки!
Въ нихъ упоеніе мучительныхъ страстей,
Въ нихъ голосъ плачущей разлуки,
Въ нихъ радость юности моей!
Взволнованное сердце замираетъ,
Но я тоски не властенъ утолить:
Душа безумная томится и желаетъ
И пѣть, и плакать, и любить!...

В. КРАСОВЪ.

ВРЕМЯ.

=

Время, летучее время,
Кто остановитъ, губитель, тебя?
Ты неподкупно, ты неподвластно,
Вѣчный властительный геній міровъ!
. . . .
. . . .
Міры родились, разцвѣли предъ тобою
И ты указалъ имъ долины гробовъ!
И снова ты, хладный, ведешь поколѣнья,
И пальма выходитъ изъ желтыхъ костей,
И юная прелесть, и сынъ вдохновенья,
Блистаютъ и гибнутъ по волѣ твоей.
Я видѣлъ—могучій боролся съ тобою,
И міръ трепеталъ при ужасной борьбѣ,
Твой громъ разразился надъ смертной главою;
Но въ славномъ изгнаньи, надъ дальней скалою,
Герой улыбался съ презрѣньемъ тебѣ...
. . . .

В. КРАСОВЪ.

РАЗДѢЛЪ ИМѢНІЯ.

(Изъ записокъ помѣщика.)

I.

. . . Семнадцать лѣтъ находился я на службѣ въ Петербургѣ; во все это время постоянно имѣлъ знакомства отличныя, и, могу сказать, что пользовался уваженіемъ людей извѣстныхъ и чиновныхъ. Директоръ департамента, въ которомъ служилъ я, удостоивалъ меня самаго лестнаго вниманія, неоднократно приглашая въ домашній кругъ свой на обѣдъ или на вечеръ. Часто—упомяну объ этомъ съ гордостію, супруга его, примѣрная хозяйка и отличная мать, онъ самъ, да я, мы только въ-троемъ и обѣдывали. Никогда не забуду этого: однажды его превозходительство, проходя мимо той комнаты, гдѣ сидѣлъ я, обратился ко мнѣ, и при всѣхъ чиновникахъ изволилъ сказать: «приходи-ка, братецъ, ко мнѣ сегодня». Я, какъ и слѣдовало, ничего не отвѣчая, низко поклонился и видѣлъ, какъ при этомъ чиновники значительно посмотрѣли прежде другъ на друга, а потомъ на меня; самъ начальникъ отдѣленія, уходя домой, предложилъ мнѣ понюхать изъ своей табакерки, чего прежде никогда не случалось, и крѣпко пожалъ мою руку. Также во время отпусковъ моихъ, проживая въ деревнѣ у матушки, имѣлъ случай изпытать разположеніе ко мнѣ многихъ почтенныхъ лицъ въ нашей губерніи, и сердце мое преизполнено живѣйшей благодарности за тѣ ласки, вниманіе и предупредительность, которую оказывали и нынѣ продолжаютъ оказывать мнѣ.

Изъ всѣхъ губернскихъ городовъ, какіе мнѣ случалось проѣзжать, нашъ городъ, не солгавъ скажу, лучше и красивѣе всѣхъ: обстроенъ онъ все большею-частію каменными домами, есть даже трехъэтажные, а на главной улицѣ уже лѣтъ 30 существуетъ прекрасный магазинъ петербуржскихъ модъ. — Кто не имѣлъ излишняго пристрастія къ женскому полу въ своей молодости! и я не безгрѣшенъ... Признаюсь, любилъ гулять мимо оконъ этого мага-

зипа. Нижнія стекла завѣшаны были обыкновенно кисеею; однако при малѣйшемъ движеніи на деревянныхъ мосткахъ, кисея эта, бывало, заколышется, отдернется и къ самому стеклу прислоняются двѣ или три румяныя, улыбающіяся головки съ черными глазками. И какія головки! Теперь даже вспомнить, такъ морозъ по кожѣ... Извѣстно, что все на свѣтѣ постепенно улучшается, и поистинѣ, въ наше время жизненныя удобства доведены до совершенства: возлѣ этого магазина открылась въ-послѣдствіи кандитерская, о которой многіе московскіе, даже петербуржскіе знакомые мнѣ чиновники отзывались съ большею похвалою. «Особенно» говорятъ они: «хорошо дѣлаютъ въ ней *безе:* такъ на языкѣ и таетъ.» Чистота и опрятность въ нашемъ городѣ были всегда необыкновенныя; это, я полагаю, зависитъ отъ степени просвѣщенія. Нашъ городъ ни въ какомъ случаѣ невозможно сравнивать съ другими губернскими городами, ибо въ немъ университетъ—отличное новое зданіе съ большими мезонинами и колоннами, которое привлекаетъ всеобщее вниманіе пріѣзжихъ.

Строитель университета — надворный совѣтникъ и кавалеръ Евграфъ Николаевичъ Липневъ,—человѣкъ рѣдкихъ правилъ, былъ короткій пріятель мой. Во время послѣдняго моего отпуска, о которомъ я хочу разсказать теперь (21 годъ назадъ тому), университетъ помѣщался еще въ частныхъ домахъ; но уже Евграфъ Николаевичъ показывалъ мнѣ тогда по секрету планъ новаго зданія, имъ составленный. Черезъ полгода этотъ планъ былъ утвержденъ. Взглянувъ на планъ и фасадъ, я тотчасъ же сказалъ ему: «Евграфъ Николаевичъ, это зданіе будетъ на славу». Такъ и вышло.

Необыкновенно-весело провелъ я это лѣто; ни одного еще отпуска во все время служенія моего не проводилъ я такъ, и не подозрѣвалъ, что то послѣдній мой отпускъ. Впрочемъ, какъ и не веселиться? дѣло было молодое,—я еще и 38 лѣтъ не досчитывался, имѣлъ чинъ коллежскаго ассесора, и къ-тому же былъ вольный казакъ. Отца я лишился давно, матушка моя померла скоропостижно за годъ до событія, которое я хочу описать здѣсь и оставила мнѣ 132 души незаложенныя. Всѣ сосѣди угощали меня наперерывъ одинъ лучше другаго, потому-что, при моихъ средствахъ, я былъ женишокъ не изъ послѣднихъ, зналъ наизустъ не мало стихотвореній старинныхъ и новѣйшихъ отечественныхъ писателей, и не дурно декламировалъ, за что получалъ одобреніе отъ многихъ.

Какъ теперь помню, я пріѣхалъ въ *** 18 іюля. Евграфъ Нико-

лаевичъ на другой же день, узнавъ о моемъ прiѣздѣ, посѣтилъ меня. Мы другъ другу необыкновенно обрадовались, разговорились о томъ, о сёмъ. Я изъявилъ ему между прочимъ свое желанiе видѣть университетскiе кабинеты, о которыхъ я много наслышался. Онъ было-началъ мнѣ возражать, что теперь помѣщенiе имъ очень дурное и что не лучше ли мнѣ отложить мое намѣренiе до-тѣхъ-поръ, покуда выстроится имъ новое зданiе, въ которомъ посвящается кабинетамъ особое, отличное отдѣленiе съ парадной лѣстницы влѣво, на что я отвѣчалъ ему: «всѣ мы смертные, и можетъ еще мнѣ и не суждено видѣть новое зданiе». Евграфъ Николаевичъ упрекнулъ меня за такiя черныя мысли, однако обѣщалъ прiйдти ко мнѣ на другой день утромъ, чтобы вмѣстѣ отправиться со мною въ университетъ. Въ 11 часовъ мы уже разхаживали съ нимъ по кабинетамъ. Впереди насъ шелъ начальникъ университета, человѣкъ небольшаго роста, очень величественной наружности, а за нимъ человѣкъ пять въ вицемундирахъ. Онъ сначала не замѣтилъ меня въ толпѣ, чему я нимало не удивился, ибо не имѣлъ никакого знака отличiя. Вотъ я прiостановился около какой-то очень замѣчательной птицы съ предлиннымъ носомъ, чтобы хорошенько разсмотрѣть ее, какъ въ ту же минуту изволилъ прiостановиться и начальникъ, не помню, зачѣмъ именно онъ обернулся назадъ, и обернувшись, увидѣлъ меня, неизвѣстнаго ему человѣка. Сдѣлавъ три шага назадъ, онъ подошелъ ко мнѣ, немного надвинувъ на глаза свои густыя брови и спросилъ меня такимъ рѣзкимъ, совершенно начальническимъ голосомъ: «Кто вы?» Я вздрогнулъ и смутился отъ такой нечаянности; потомъ, немного оправясь, отвѣчалъ, хотя еще съ нѣкоторою робостiю: Прiѣхавшiй изъ Петербурга въ отпускъ по домашнимъ обстоятельствамъ . . . Я не успѣлъ сказать моего чина, имени, отчества и фамилiи, какъ начальникъ произнесъ протяжно: *а-а!* быстро повернулся ко мнѣ спиною и продолжалъ свой путь.

Ровно черезъ сутки послѣ этого произшествiя, я выѣхалъ въ деревню, гдѣ и должно было совершиться важное событiе въ моей жизни и гдѣ я былъ свидѣтелемъ очень-любопытнаго произшествiя, которое тогда же записалъ въ подробности, а нынѣ, пересмотрѣвъ записанное, многое изправилъ и вообще все привелъ въ надлежащiй порядокъ.

Когда я подъѣзжалъ къ своей деревнѣ, вечеръ былъ ясный и тихiй, а воздухъ разтворенъ благоуханiемъ, точно весною. По мѣрѣ приближенiя моего къ своему наслѣдiю, мнѣ все становилось

пріятнѣе, и даже лошадки мои стали пободрѣе: видно, онѣ, сердечныя, почуяли близость стойла. Доброй рысцой бѣжали онѣ по узенькой, гладкой проселочной дорогѣ; пристяжныя извивались въ кольца и мордами задѣвали наливавшіеся колосья ржи и ячменя. Тотъ годъ былъ отмѣнно урожайный. Любо было смотрѣть на полосатую степь, засѣянную хлѣбами: рожь сіяла, какъ золото, а подымалась въ ростъ человѣческій; ячмени же еще зеленые, но такіе тучные, что въ иныхъ мѣстахъ полегли отъ тяжести колосьевъ, а между ними тянулись красныя полосы гречихи, покрытыя сверху серебряными цвѣточками. Овсы были, правда, въ тотъ годъ немного плоховаты. «Ну, да не все же вдругъ» подумалъ я, «и за то, что̀ есть, надобно благодарить Бога: всѣ мы зависимъ отъ его правосудной воли. Онъ насъ награждаетъ, онъ и лишаетъ насъ, а ропотъ — есть грѣхъ.» Предавшись таковымъ разсужденіямъ, я и не замѣтилъ, что мы съѣхали подъ гору и остановились у плетня деревни. Глядь — а я ужь у себя. Вотъ деревянный домикъ, немного нагнувшійся на одну сторону отъ ветхости, мѣсто моего рожденія; вотъ роща за этимъ домикомъ — любимое мѣсто моихъ дѣтскихъ забавъ; вотъ рѣчка Утка, которая точно стальная полированная полоса. Утка! Утка! ка̀къ въ душный лѣтній день я бывало купался въ водахъ твоихъ! ка̀къ весело по твоей гладкой поверхности я спускалъ корабли! А этотъ густой, восьмидесятилѣтній вязъ передъ домомъ... Господи! у меня такъ и забилось сердце, такъ и закапали слезы. Кибитка остановилась у подъѣзда, и я перекрестился.

Если бы обладалъ я самымъ бойкимъ и краснорѣчивымъ перомъ, и тогда не могъ бы описать того, что̀ почувствовалъ, войдя въ комнаты, особенно въ спальню матушки, гдѣ оставалось все, какъ было при ней. Въ углу старинный большой кивотъ, и въ немъ образа въ почернѣвшихъ отъ копоти старинныхъ ризахъ съ каменьями; и передъ каждымъ образомъ свѣча желтаго воска; диванъ работы домашняго столяра нашего, обитый ситцемъ съ изображеніемъ памятника Минину и Пожарскому; шкапъ со стеклами, въ которомъ стояли никогда неупотреблявшіяся парадныя чашки; круглое зеркало съ голубемъ на-верху... Воспоминаніе охватило меня со всѣхъ сторонъ; но къ пріятности, ощущаемой мною, присоединилась грусть, потому-что я въ первый разъ вполнѣ постигнулъ невыгоду одиночества и то, что домъ безъ хозяйки все равно, что̀ тѣло безъ души. Пыль густымъ слоемъ покрывала мёбель, а паутина черной бахрамой висѣла около зеркала и кивота.

Въ нѣкоторомъ волненіи, я вышелъ изъ дома и прямо въ рощу. Здѣсь каждое дерево, каждый кустъ были мнѣ знакомы. Эта береза посажена дѣдушкой, этотъ клёнъ батюшкой, а этотъ кустъ матушкой. Подъ этою сосною батюшка очень-строго меня наказывалъ, за что̀ матушка очень разсердилась на него; за этими кустами барбариса я прятался отъ своей няньки, которая оглашала всю рощу своими криками, зовя меня къ мамснькѣ учиться. «Отъчего все прошедшее имѣетъ такую необыкновенную пріятность?» подумалъ я. «Что̀ тутъ хорошаго въ этихъ глупыхъ дѣтскихъ шалостяхъ?»

Черезъ два дня сосѣди мои узнали о моемъ пріѣздѣ, а на третій день утромъ пріѣхалъ ко мнѣ врачъ нашего уѣзднаго города. Онъ былъ человѣкъ моихъ лѣтъ, изъ Нѣмцевъ, впрочемъ только по имени и по фамиліи, а по манерамъ и по всему нельзя было отличить его отъ нашего брата Русскаго; ростъ имѣлъ средній, волосы темнорусые и каріе глаза, которыхъ зрачки бѣгали изъ стороны въ сторону съ неимовѣрною быстротою, что̀ всегда поражало меня въ его физіономіи.

О свойствахъ его въ то время я еще не зналъ ничего положительнаго; не смотря на то, мнѣ казалось, что онъ человѣкъ кроткій и услужливый, почему я и принялъ его съ изъявленіемъ непритворнаго удовольствія. Обмѣнявшись привѣтствіями, мы сѣли другъ противъ друга.

— Не слышно ли чего-нибудь новенькаго, Христіанъ Францовичъ, въ нашемъ уѣздѣ? спросилъ я его.

Онъ вынулъ изъ кармана табакерку и предложилъ мнѣ понюхать табака.

«Новенькаго-съ?..Да.Старичка-то Коробова знавали вы али нѣтъ? Добрая былъ душа покойникъ! мы всѣ по воскресеньямъ у него обѣдывали: я, исправникъ, судья и всѣ наши. Бывало; тотчасъ послѣ обѣдни и шлетъ за нами.»

— Такъ; знаю, знаю. Скажите-съ, а наслѣдники склонились къ полюбовному раздѣлу?

«Пополамъ съ грѣхомъ приступили къ дѣлу, и то за нѣсколько дней до вашего пріѣзда. Правда, сундуковъ пять, шесть поразрыли. Комедія, я вамъ скажу! Меня тоже втянули: одинъ изъ наслѣдниковъ, человѣкъ безотвѣтный и благонравный такой, не хотѣлъ лично связываться съ своею роденькою, говоритъ: возьми отъ меня довѣренность; дѣлать нечего, думаю, и не хотѣлось, а взялъ. Какъ вы поживаете? Надолго ли къ намъ?»

— Хотѣлось бы и подольше собственными глазами обозрѣть все. Что дѣлать? нельзя: человѣкъ служащій, занимаешь постъ. Не штатные чиновники совсѣмъ другое, и отвѣтственности нѣтъ; имъ ничего, разница большая! А, позвольте узнать, многіе ли наслѣдники на лицо?

«Пять на лицо, а три повѣренныхъ, въ томъ числѣ и я. Домъ-то небольшой, они тамъ какъ піявки въ банкѣ; впрочемъ общій обѣденный столъ довольно-хорошій и вино петербуржское. Покойникъ оставилъ богатѣйшій погребъ. Есть шампанское—рублей по 15 бутылка въ Петербургѣ стоитъ, такого, совсѣмъ розоваго цвѣта. Очень-пріятное вино.»

— Знаете, Христіанъ Францовичъ, я замѣтилъ, что вино по комплекціи: иное совсѣмъ пить не можешь, а другаго самъ желудокъ требуетъ.

«Конечно. Повѣрите ли, что наслѣдники ни за что не приступили бы къ полюбовному раздѣлу, если бы не гражданская палата. Двухгодичный, положенный законами срокъ истекаетъ: заплатить восемьдесятъ тысячь штрафа, такъ и въ затылкѣ зачешется; они же всѣ такіе, между нами будь сказано, скряги. Ихныя дамы всѣ лоскутки такъ и рѣжутъ на мелкія части, настоящую лапшу дѣлаютъ. Шаль, или англійскій платокъ попадется подъ руки—такъ и шаль и платокъ пополамъ. Если бы не дамское дѣло, иной разъ лопнулъ бы со смѣха. Мы съ Матвѣемъ Ивановичемъ изподтишка надъ ними порядочно подтруниваемъ. Вы, можетъ, изволите быть знакомы съ Матвѣемъ Ивановичемъ Ломаевымъ?»

— Въ Петербургѣ я встрѣчался съ нимъ въ одномъ домѣ.

«Онъ человѣкъ очень-солидный и разсказываетъ, что часто награды по службѣ получаетъ. Петръ Петровичъ—самый меньшій изъ наслѣдниковъ, который всегда живетъ въ Петербургѣ, просилъ его пріѣхать вмѣсто себя на раздѣлъ, и далъ ему такую довѣренность, что онъ по ней все можетъ. Прочитавъ ее, невольно подумаешь про себя: тонкій человѣкъ Матвѣй Ивановичъ, хорошо свои дѣла обработываетъ.»

— Я знакомъ довольно-хорошо съ Петромъ Петровичемъ, возразилъ я: что бы ему самому сюда пріѣхать? свой глазъ лучше. Все вѣтренность, положительныхъ правилъ ни въ чемъ нѣтъ; жаль, очень-жаль... А Илья Петровичъ то же повѣреннаго прислалъ?

«Онъ самъ и съ супругой уже гораздо болѣе двухъ мѣсяцевъ

здѣсь, и Марья Дмитревна, вдова Гаврилы Петровича, Михайл Петровичъ съ супругой, Николай Петровичъ, Ѳедоръ Петровичъ.

— Такъ Илья Петровичъ здѣсь? Боже мой, скажите! Мы ребятишками вмѣстѣ съ нимъ въ лапту игрывали! Да и какъ игралъ онъ! Во всѣхъ гимнастическихъ упражненіяхъ онъ былъ у насъ первый! Супруги его не имѣю удовольствія знать, братцевъ также не знаю, а его!... на одной лавкѣ сидѣли, Христіанъ Францовичъ; да вѣдь какой забавникъ былъ; за то и доставалось ему, бывало. Онъ, кажется, годками тремя, четырьмя по-старше меня... Давно не видалъ его... Что, онъ все такой же толстый?

«Въ корпусѣ толстоватъ, а лицо средственное, по препорціи.

— Илья Петровичъ! Любопытно взглянуть на него.

«Что жь? поѣдемте сегодня въ Плющиху обѣдать.»

Не смотря на то, что мнѣ необыкновенно хотѣлось увидѣть Илью Петровича, я задумался при этомъ предложеніи. «Обѣдать!» Строго соблюдая всѣ приличія въ продолженіе всей моей жизни и будучи увѣренъ, что отъ несоблюденія ихъ и отъ необдуманности происходятъ, по-большой части, наши различныя непріятности и несчастія, послѣ минуты молчанія я отвѣчалъ:

— Не полагаю, чтобы приличіе дозволяло ѣхать въ первый разъ обѣдать, не сдѣлавъ сначала утренняго визита и не познакомившись предварительно съ другими господами-наслѣдниками.

«Полно-те, что за церемоніи въ деревнѣ. Мы живемъ за-просто, а вы привыкли къ столичному этикету.»

Замѣчаніе это показалось мнѣ небезосновательнымъ. Подумавъ немного, я убѣдился, что въ деревнѣ точно не можетъ и не должно существовать такого строгаго этикета, какъ въ столицѣ или въ губернскомъ городѣ.

— Жизнь городская и деревенская точно двѣ вещи важныя, сказалъ я съ улыбкою: вы правы; въ деревнѣ, нѣкоторое отступленіе отъ свѣтскихъ обычаевъ нельзя, полагаю, назвать нарушеніемъ приличій. Поѣдемте.

II.

Плющиха находится въ пяти верстахъ отъ моей деревни. Мы доѣхали скоро, тѣмъ болѣе, что дорога шла подъ гору. Христіанъ Францовичъ первый вышелъ изъ брички и сдѣлалъ, помнится, остроумное замѣчаніе на-счетъ ветхихъ ступенекъ лѣстницы у подъѣзда дома.

Мы вошли въ залу.

Надобно упомянуть, что до сей минуты ни раза еще не случалось мнѣ лично находиться при какомъ-либо раздѣлѣ; отъ-того зрѣлище, представившееся мнѣ, оставило во мнѣ сильное впечатлѣніе.

Зала была средней величины, продолговатая и невысокая, а оштукатуренный потолокъ и стѣны немного закопчены отъ времени; извѣстно, что низкія комнаты всегда скорѣе коптятся. Во всю длину залы стоялъ столъ простаго дерева, на которомъ навалены были груды разныхъ вещей, какъ то: старинныхъ камзоловъ, обшитыхъ позументомъ, бархатныхъ и шелковыхъ французскихъ кафтановъ, милиціонныхъ мундировъ, панталонъ — драдедамовыхъ, плисовыхъ, демикатонныхъ и другихъ. Въ числѣ прочаго, замѣтилъ я нѣсколько кусковъ холста, роброны, мантильи и прюнелевые башмаки на высокихъ и узкихъ каблукахъ. Кругомъ стола сидѣли наслѣдники и наслѣдницы; позади же ихъ стульевъ стоялъ цѣлый строй лакеевъ въ предлинныхъ сюртукахъ изъ зеленаго домашняго сукна. Лакеи эти были, какъ на подборъ, всѣ молодцы, плотные и высокаго роста. Съ большимъ любопытствомъ разсматривали они вещи, разбросанныя на столѣ, что̀ сейчасъ можно было замѣтить, ибо они для разсмотрѣнія въ подробности вещи, особенно имъ понравившейся, наклонялись, прикасались небритыми своими подбородками до тюлевыхъ чепцевъ своихъ госпожъ. (Я всегда строго взыскиваю съ своего человѣка, чтобъ онъ брился ежедневно.)

Разкланявшись на всѣ стороны, я остановился, ища взорами Илью Петровича; но онъ предупредилъ меня, вскочилъ со стула и подбѣжалъ ко мнѣ съ распростертыми объятіями. Лѣтъ семь не видалъ я Ильи Петровича. Онъ, показалось мнѣ, много измѣнился: волосы на головѣ съ затылка уже начиналъ зачесывать вверхъ, что̀ придавало ему видъ болѣе-степенный; въ глазахъ его не было замѣтно той живости, которая всегда отличала его отъ другихъ; по всему должно было заключить, что серьёзныя хозяйственныя мысли занимали его, и что не даромъ прорѣзались на его лбу три глубокія складки. Въ корпусѣ онъ замѣтно потучнѣлъ, чему я впрочемъ ни мало не удивился, убѣжденъ будучи нѣсколькими примѣрами, что люди, оставившіе службу и пользующіеся свободою и деревенскимъ воздухомъ, въ короткое время незамѣтно поправляютъ свое здоровье.

Три раза поцаловалъ меня Илья Петровичъ, не выпуская изъ

своихъ объятій; потомъ минуты двѣ молча и пристально смотрѣлъ на меня.

«Все такой же, какъ и былъ» произнесъ онъ: «и глаза тѣ же, и все, —развѣ что похудѣлъ только немножко. Душевно, братецъ, радъ видѣть тебя... Ну, а...»

— Помилуйте, зазвенѣлъ тоненькій, раздражительный голосокъ, прерывая привѣтствіе Ильи Петровича: этотъ камзолъ надобно пополамъ: вѣдь онъ обшитъ не мишурнымъ, а золотымъ позументомъ; его можно спороть и отдать на выжигу.

«Пополамъ, пополамъ, все пополамъ!» громкимъ голосомъ закричалъ Илья Петровичъ, отвращая свои взоры отъ меня и обращаясь къ столу.

Спинка камзола затрещала.

«Я старый солдатъ» говорилъ Илья Петровичъ, обращаясь ко мнѣ: «меня въ этомъ не надуешь; я съумѣю отличить мишуру отъ золота. Помнишь, братецъ, какъ я надувалъ тебя въ школѣ оладьями: сахаромъ посыплю, да и продаю по восьми гривенъ оладью? а?» При этомъ Илья Петровичъ разхохотался. «Имѣю честь представить вамъ моего стараго товарища и пріятеля... Дашинька, ты, я думаю, по моимъ разсказамъ заочно знакома съ нимъ?»

Илья Петровичъ произнесъ мое имя, отчество и фамилію, обозрѣвъ своихъ родственниковъ, сидѣвшихъ вокругъ стола. Дарья Яковлевна, которую онъ называлъ *Дашинька*, была его супруга.

Я (конечно, это должно приписать тогдашней моей застѣнчивости) молча отвѣтствовалъ на привѣтствія и рукопожатія, и подошелъ къ ручкѣ Дарьи Яковлевны.

— Позвольте вамъ рекомендовать себя, сказала она мнѣ съ самою тончайшею свѣтскою вѣжливостію.

Я поклонился, отошелъ отъ нея, взглянулъ прямо... и—минута важная въ моей жизни!—глаза мои встрѣтились самъ не знаю какъ, съ прекрасными темнокарими глазами дамы въ отличномъ чепцѣ съ розовыми лентами, сидѣвшей у стола вмѣстѣ съ прочими. Нельзя описать, какое пріятное ощущеніе разлилось по всей моей внутренности отъ одного ея взгляда. Магнетическое ли вліяніе, или другое что̀ дѣйствуетъ въ такихъ случаяхъ, не знаю; скажу только, что этотъ взглядъ, скромный и пріятный, видимо принималъ участіе въ моей застѣнчивости и ободрялъ меня. Дамѣ этой было на лицо лѣтъ около тридцати, — но объ ней послѣ.

«Недурно бы закусить, дружище! а у насъ есть свѣжая икорка» говорилъ Илья Петровичъ: «такой икорки и въ Петербургѣ не най

ешь. Закуска — занятіе пріятное; мы, правда, закусили, да для те-
я, пожалуй, закусимъ и въ другой разъ, — не бѣда. Ѳома! къ вод-
ѣ . . . Садись-ка, полюбуйся на нашъ дѣлёжъ. Въ школѣ-то я дѣле-
іе зналъ плохо, а здѣсь немного понаучился.»

Я сѣлъ. Къ слову скажу, что запахъ отъ залежавшагося въ сун-
укахъ платья былъ рѣзкій и непріятный; на меня, какъ пришед-
аго прямо съ воздуха, этотъ запахъ подѣйствовалъ, и я чихнулъ.
«Будьте здоровы!» раздался чей-то голосъ надъ самымъ ухомъ
оимъ, и я почувствовалъ чью-то руку на моемъ правомъ плечѣ.
глянувшись, увидѣлъ я передъ собою господина небольшаго ро-
та, немного сутуловатаго, у котораго голова, какъ я замѣтилъ
ъ-послѣдствіи, имѣла изумительное свойство наклоняться и выда-
аться впередъ, прикасаясь теменемъ своимъ къ сердцу того, съ
ѣмъ господинъ этотъ разговаривалъ объ интересныхъ дѣлахъ.
Іскусно-сдѣланный парикъ, съ небольшими завиточками, прикры-
алъ его голову; большіе черные глаза и бакенбарды, занимавшіе
ю полущекѣ, придавали ему нѣчто мужественное; борода его, хотя
щательно выбритая, рѣзко отдѣлялась своею синевою отъ щекъ
і лба. Къ нему очень шла табачнаго цвѣта съ отливомъ венгерка,
іли, лучше сказать, архалукъ безъ аграманта и кистей, съ крючка-
и на груди; къ этому архалуку пришиты были орденскія ленточ-
и, на которыхъ висѣли два ордена средней величины и дворян-
кая медаль.—Это былъ Матвѣй Ивановичъ Ломаевъ.

Услышавъ привѣтствіе его на мое чиханье, я, соблюдая свѣт-
кія приличія, всталъ со стула, поклонился и поблагодарилъ его,
онъ протянулъ мнѣ свою руку и съ большою пріятностью ска-
алъ:

«Необыкновенно-радостная встрѣча, увидѣть васъ здѣсь совер-
шенно-неожиданно. Мы съ вами въ Петербургѣ имѣемъ общихъ
знакомыхъ и часто, если изволите помнить, видались у его превос-
ходительства Конона Карповича: могу сказать, что онъ истин-
ный мой благодѣтель, и, самъ не знаю за что, любитъ меня и жа-
луетъ; жена моя также вхожа къ нему въ домъ; онъ и ее и дочь
мою ласкаетъ, по добротѣ своей... А вы здѣсь, вѣроятно, изволи-
те находиться по домашнимъ обстоятельствамъ?»

— Да-съ, я пріѣхалъ въ отпускъ: захотѣлось на свою деревню
посмотрѣть. У меня матушка скончалась, такъ надо устроить хо-
зяйство.

«Прекрасное, я вамъ скажу, дѣло.—Хорошія мѣста въ окружно-
сти: вѣдь ваша деревня здѣсь по близости? Скажите, пожалуйста,

кто бы могъ подумать, что мы съ вами въ такой отдаленности встрѣтимся? Я тоже совсѣмъ нечаянно попалъ сюда. Петръ Петровичъ просилъ убѣдительнѣйше принять довѣренность;—я, по деликатности своей натуры, отказать ему въ этомъ посовѣстился; выгоды же никакой нѣтъ, еще свои деньги проѣздишь. . . »

— Гмъ.

«За труды, ей-Богу, немного; ну, оно, конечно, сверхъ-того выговорено на экипажъ, на прогоны, на наемъ лошадей для обозрѣнія имущества; на разходы въ присутственныя мѣста, также на наемъ квартиръ и на столовыя издержки.,. Честный человѣкъ въ нынѣшнемъ свѣтѣ немного наживетъ! Признательно вамъ скажу, по откровенности души, тяжело жить въ столицѣ съ семействомъ; обижать же себя не приходится,— за все будешь Богу отвѣчать»

Онъ говорилъ съ большимъ чувствомъ.—Точно, трудовая копейка, замѣтилъ я, невольно вздохнувъ: кровавымъ потомъ выходитъ. . . Я не на короткой ногѣ, а знакомъ съ Петромъ Петровичемъ: что онъ самъ сюда не пріѣхалъ? Въ его лѣта можно заняться и солидными дѣлами.

«Конечно-съ; мы съ вами можемъ фундаментально о всемъ разсуждать, ну, а онъ человѣкъ - то и хорошій, да въ головѣ-то все книги однѣ, театры, балы. .. Дѣлать нечего, я его знаю съ самаго малолѣтства. . . прекрасный человѣкъ, что и говорить, но, мнѣ кажется,—не знаю какъ вы,—у него нѣтъ этого, такъ-сказать, нравственнаго вещества . . .»

— Ахъ, какая вещица! воскликнула дама съ раздражительнымъ голосомъ, отрывъ въ кучѣ жилетовъ и другихъ вещей вѣеръ, на коемъ довольно-мило было нарисовано какое-то идиллическое произшествіе.—Хорошенькая вещица! И нужды нѣтъ, что старинная: можетъ, и старинное послѣ въ моду войдетъ, ничего нѣтъ невозможнаго. .. Говоря это, дама разсматривала вѣеръ и повѣвала имъ около своего лица.

Очень-справедливо замѣчено, подумалъ я. Вѣрно эта дама съ воспитаніемъ, и точно, въ-послѣдствіи узналъ я, что она много иностранныхъ языковъ безъ ошибки знаетъ.

Но странно мнѣ показалось, что уѣздный лекарь вдругъ сказалъ ей съ такою неприличною улыбкою:

—А что, сударыня, и вѣеръ-то не разломать ли пополамъ?

Ай, ай, ай, Христіанъ Францовичъ! подумалъ я: какъ же это съ дамами такъ обращаться?

Всѣ подробности этого дня сильно врѣзались въ моей памяти, ибо день этотъ былъ рѣшительнымъ въ моей жизни.

Въ ту самую минуту, когда Матвѣй Ивановичъ, кончивъ разговоръ со мною, сталъ разговаривать съ Христіаномъ Францовичемъ, лакей на большомъ подносѣ (такіе подносы нынче вывелись изъ употребленія) пронесъ завтракъ, а другой за нимъ шелъ со штофомъ водки и съ рюмкою. Илья Петровичъ въ-слѣдъ за водкою потащилъ меня въ другую комнату.

«Вотъ, братецъ, жизнь» говорилъ мнѣ Илья Петровичъ, прихлебывая травникъ: «вотъ жизнь... а? что̀ это такое? и обѣдаешь не въ пору, и завтракаешь не во̀-время. Все отъ этого раздѣла навыворотъ; не будь этого раздѣла, все шло бы своимъ чередомъ. Чортъ знаетъ, я сегодня въ третій разъ завтракаю. Спрашиваю тебя, братецъ, будешь ли тутъ обѣдать? Прежде четырехъ часовъ и не думай кончить то, что̀ на столѣ навалено. Вотъ тебѣ и жизнь!»

Ка̀къ говорилъ Илья Петровичъ, такъ и вышло. Къ изходу четвертаго часа стали постепенно убывать вещи, лежавшія на столѣ. Раздѣлъ былъ жеребьёвой, а въ жеребьёвомъ раздѣлѣ сначала дѣлимыя вещи приводятся въ цѣнность, поравну разкладываются въ кучи, по числу наслѣдниковъ, потомъ на каждую кучу кладется билетикъ съ нумеромъ; наконецъ свертываются соотвѣтственные этимъ билеты съ нумерами, другіе же съ фамиліями наслѣдниковъ,—нумера кладутся въ одну посудину, фамиліи въ другую, и вынимаются обыкновенно постороннимъ лицомъ. Господинъ высокаго роста, длинный, сѣдой, въ синемъ сюртукѣ по щиколку, ловко свернулъ билеты въ трубочки и положилъ ихъ въ попавшіеся ему подъ руку мою фуражку (при чемъ онъ извинился) и въ картузъ Христіана Францовича. За симъ одинъ изъ лакеевъ притащилъ въ залу двороваго мальчика съ волосами цвѣта поспѣлой ржи, который, всхлипывая, смотрѣлъ изъ-подлобья и утиралъ носъ кулакомъ. Лакей подвелъ его къ картузу и фуражкѣ.

«Вынимай одинъ билетъ прежде изъ картуза, а другой изъ фуражки» сказа̀лъ басомъ господинъ въ синемъ сюртукѣ по щиколку.

Мальчикъ заревѣлъ, опуская руку въ картузъ.

Когда всѣ жеребьи были вынуты мальчикомъ, и онъ, немного успокоенный, хотѣлъ выйдти изъ комнаты, чтобы скорѣе присоединиться къ своимъ товарищамъ, которые съ разинутыми ртами ожидали его на господскомъ дворѣ, Матвѣй Ивановичъ, вѣроятно для доставленія удовольствія обществу, подбѣжалъ къ мальчику,

сдернулъ съ себя парикъ и началъ дѣлать передъ нимъ разны гримасы. Всѣ разхохотались, исключая меня и дамы съ темнок рими глазами, у которой былъ чепецъ съ розовыми лентами. Он даже не улыбнулась. Она поняла всю неприличность такого п ступка. Въ-самомъ-дѣлѣ, позволительно ли чиновнику въ изв стныхъ лѣтахъ, имѣющему уже знаки отличія, до такой степен унижать себя: прыгать передъ глупымъ мальчишкой и строи изъ своего лица такія рожи, что иныя маски благовиднѣе? С этой минуты я потерялъ уваженіе къ Матвѣю Ивановичу.

Въ четыре часа ни одной ниточки не оставалось на столѣ: вс имущество, лежавшее на немъ, разнесено было въ восемь различ ныхъ угловъ. Двѣнадцать лакеевъ разкладывали на этотъ стол скатерть, несовсѣмъ-чистую и нѣсколько дырявую; это мнѣ п казалось страннымъ, но я узналъ послѣ, что столовое бѣлье был все раздѣлено, и никакой общей, кромѣ этой скатерти, не остав лось. Какъ сію секунду вижу передъ глазами лакея, захватившаг нѣсколько тарелокъ, споткнувшагося о порогъ буфета и залы уронившаго двѣ тарелки, которыя разбились въ дребезги съ стра шнымъ шумомъ. Илья Петровичъ стоялъ въ эту минуту возлѣ м ня и разговаривалъ со мною объ устройствѣ риги. Разсердясь н неосторожность лакея, онъ перебилъ начатый имъ разговоръ, плю нулъ и сказалъ мнѣ:

«Вотъ, братецъ, тебѣ и наслѣдство: еще до раздѣла все пере бьютъ, бестіи! Что, у тебя гдѣ глаза-то, Васька?» закричалъ онъ строго смотря на лакея.

— Во лбу, сударь, глаза... гдѣ же? отвѣчалъ Васька: вѣдь я н вашъ, а Петра Петровича. Еще отъ своего барина худаго слова не слыхалъ, а вы... и онъ продолжалъ ворчать, удаляясь въ буфетъ

«Будь онъ у меня въ эскадронѣ» говорилъ Илья Петровичъ: «я бы его! показалъ бы ему Петра Петровича!.. Такая разнобояр щина,—въ усъ себѣ не дуютъ, грубіяны!.. До обѣда, я чай, не у спѣешь выкупаться, а жара, братецъ, такая, что чортъ-знаетъ, хоть цѣлый день въ водѣ сиди!»

И точно, въ тотъ годъ съ іюля мѣсяца сдѣлались необычайные жары, о чемъ сказано было въ «Брюсовомъ Календарѣ», который, по моему мнѣнію, есть книга самая полезная и необходимая для хо зяевъ. Отъ продолжительной засухи всѣ луга выгорѣли, такъ-что, бывало, идешь по лугу, а нога-то скользитъ, какъ на паркетѣ въ комнатахъ нашего директора. Мухъ было столько, что Боже упа си! отъ несносныхъ мухъ мы не знали куда дѣться. Ничего нѣтъ

непріятнѣе на свѣтѣ этихъ насѣкомыхъ. Часто думалъ я, и теперь думаю, къ чему служитъ существованіе такихъ гадинъ, какъ мухи, блохи и другія имъ подобныя...

Едва сѣли мы за столъ и только-что я занесъ ко рту ложку супа,—глядь, а въ супѣ барахтаются три мухи; едва Илья Петровичъ успѣлъ мнѣ налить рюмку виссанта, - глядь—и въ виссантѣ муха; но, что всего непріятнѣе, я большой охотникъ до кваса, вотъ и налилъ я себѣ кваса, думая этимъ нѣсколько освѣжиться отъ жара,—а изъ бутылки такъ и полились мухи. Добро бы въ открытый стаканъ, а то въ бутылку, заткнутую пробкой, умудрились вскарабкаться. Дамамъ было хорошо; онѣ сидѣли, какъ и слѣдуетъ, на верхнемъ концѣ стола, и сзади ихъ стояли лакеи, вооруженные предлинными, осиновыми вѣтками и махали надъ ними этими вѣтками. Отгоняемыя отъ дамъ мухи тучами налетали на насъ, пѣли надъ самыми ушами и прилипали ко всему съѣстному.

Разговоръ за обѣдомъ касался большею частію предметовъ хозяйственныхъ, толковали однако и о литературѣ немного. Я заговорилъ о«Благонамѣренномъ». Въ то время еще Александръ Ефимовичъ Измайловъ издавалъ *Благонамѣренный* — журналъ весьма-хорошій по-тогдашнему. (Нынче обо всемъ судятъ совершенно-иначе и все старое почитаютъ дурнымъ). Самое названіе журнала зарекомендовывало публику въ его пользу и ясно показывало намѣреніе почтеннаго издателя. Во всѣхъ сочиненіяхъ прозаическихъ или стихотворныхъ, помѣщенныхъ въ «Благонамѣренномъ», строго соблюдаема была моральная цѣль. Младшіе писатели всегда имѣли глубокое почтеніе къ старшимъ, и безъ совѣтовъ ихъ и наставленій не печатали ни одного своего произведенія. Горько каждому благомыслящему человѣку, горько смотрѣть, что дѣлается въ нашей литературѣ! мораль не уважаютъ и молодые писатели, пробующіе еще только перо, съ оскорбительными насмѣшками отзываются о почетныхъ нашихъ стихотворцахъ и прозаикахъ, тогда-какъ достоинство ихъ несомнѣнно, ибо признано не только публикою, но и многими учеными обществами, въ которыхъ они состоятъ членами. Не стыжусь быть староверомъ, и откровенно скажу, что новѣйшія стихотворенія невозможно читать: въ нихъ нѣтъ никакой мысли, и въ выраженіи чувствованій ни малѣйшей нѣжности,—все только однѣ картины, ни къ чему неведущія, изъ которыхъ, какъ ни бейся, не извлечешь никакого поученія. Долго ли все это продолжится—не знаю; я не

сочинитель, слѣдовательно въ чужія дѣла вмѣшиваться не буду.. Такъ я заговорилъ о «Благонамѣренномъ», и къ слову прочелъ оттуда стихи, всегда особенно нравившіеся мнѣ, подъ заглавіемъ *Въ альбомъ къ запутанному въ сѣти Амуру.*

Подъ сѣнію любви я проводилъ свой вѣкъ,
Плѣненный красотой твоей, моя Плѣнира,
И дни мои Борей свирѣпый не пресѣкъ.
За тѣмъ, что о тебѣ моя гремѣла лира.
И нынѣ вижу я—царица красоты,
Что самъ Амуръ въ тебя влюбился
И очутился
У ногъ твоихъ, — неся въ рукѣ цвѣты!
Едва лишь на тебя малютка заглядѣлся,
Своею сѣтью самъ одѣлся
И ужь съ-тѣхъ-поръ на мигъ тебя не покидалъ,
Твоимъ рабомъ божокъ крылатый сталъ,
Слѣдя повсюдно за тобою
Въ деревнѣ, въ городѣ,—съ колчаномъ и стрѣлою!

Чтецъ я былъ недурной, по увѣренію многихъ, и въ этотъ разъ во время декламаціи моей видѣлъ одобреніе на многихъ лицахъ, особенно на лицѣ той дамы, у которой были темнокаріе глаза и чепецъ съ розовыми лентами. Она съ чувствомъ ловила каждое слово стихотворенія, и лицо ея съ каждымъ стихомъ принимало болѣе и болѣе нѣжное выраженіе. По какому-то неясному движенію сердца, при стихѣ:

Твоимъ рабомъ божокъ крылатый сталъ,

я обратился невольно къ ней. Она закраснѣлась, потупила глаза въ тарелку, поспѣшно взяла ножикъ и вилку, и какъ ни въ чемъ не бывала, начала разрѣзывать говядину подъ краснымъ соусомъ.

«Какое милое эротическое стихотвореніе!» сказала она минуты черезъ двѣ, взглянувъ на меня съ тою привлекательною застѣнчивостію, которая служитъ вѣрнымъ признакомъ отличнаго воспитанія.

— Я очень люблю наслаждаться поэзіею, воскликнула дама съ раздражительнымъ голосомъ, знавшая такъ много иностранныхъ языковъ: и, читая книгу, въ моемъ воображеніи завсегда рисую, каковъ долженъ быть сочинитель. Если книга хороша, то мнѣ кажется, что сочинитель непремѣнно bel-homme, а въ натурѣ совсѣмъ не то: я видѣла въ Москвѣ двухъ поэтовъ небольшаго роста, дурной наружности и такихъ mauvais-genre.

«Эти сочинители, чортъ ихъ знаетъ, люди резаносчивые», за-

кричалъ Илья Петровичъ: «я хоть ни одного изъ нихъ, слава Богу, не видалъ никогда, а почему-то мнѣ такъ кажется.»

Тонкое замѣчаніе дамы съ темнокарими глазами заронилось мнѣ въ душу. Какимъ изящнымъ вкусомъ надѣлена она! подумалъ я.

Послѣ обѣда я подошелъ къ ней.

— Вы изволите быть охотницей до чтенія? спросилъ я ее.

«Это моя страсть» отвѣчала она: «хозяйство и книги; я ужъ такъ была пріучена съ малолѣтства.»

— Такъ-съ. (Она должна быть превосходной хозяйкой, это сейчасъ видно, подумалъ я). Ржаные хлѣба что-то нынѣшній годъ совсѣмъ не удались, произнесъ я послѣ минуты молчанія; вотъ на яровые такъ нельзя пожаловаться.

«Ужь ржанаго хлѣба ныньче ни зерна не будетъ. Повѣрите ли, въ Бакеевкѣ, что мнѣ теперь досталась, хоть шаромъ покати.»

— Не уже ли Бакеевка вамъ досталась? спросилъ я съ радостнымъ изумленіемъ. Моя Орловка только въ четырехъ верстахъ отъ Бакеевки. Я долженъ благодарить судьбу за доставленіе мнѣ такого сосѣдства.

Она покраснѣла. Что было причиной этой краски?—«Очень пріятно» сказала она, и какимъ мелодическимъ голосомъ произнесено было это «очень-пріятно»! А вы на житье сюда, или на время?»

Зная, что по истеченіи отпуска я долженъ былъ отправиться въ Петербургъ, я отвѣчалъ, самъ незная отъ-чего, трепещущимъ голосомъ: не знаю.

«Послѣ столичныхъ увеселеній и развлеченій» продолжала она: «наша деревенская жизнь покажется не такою деликатною. Это я знаю по собственному опыту, потому-что прежде жила въ столицѣ. Провинція ужь все провинція, какъ ни говорите.»

— Деревня имѣетъ свои пріятности; воздухъ здѣсь совсѣмъ другой. Я такъ чувствую себя гораздо-лучше на свѣжемъ воздухѣ, особенно когда можно отдохнуть послѣ занятій по службѣ; къ тому же уединеніе...

«Въ-самомъ-дѣлѣ. Вы, вѣрно, меланхолическаго расположенія?»

Меланхолическаго! это слово мнѣ никогда не приходило въ голову. Вѣдь именно я всегда былъ меланхолическаго расположенія! Она угадала мой характеръ. Робость, которую я ощущалъ въ-присутствіи женщины, въ первый разъ смѣшивалась во мнѣ съ какимъ-то пріятнымъ ощущеніемъ, когда я былъ съ

нею; продолжить разговоръ я не могъ, а мнѣ хотѣлось постоять возлѣ нея, послушать ее.

Въ эту минуту Илья Петровичъ ударилъ меня по плечу.

«Что, братъ, ужь ты познакомился съ Марьей Дмитріевной? Вотъ счастливица-то у насъ на раздѣлѣ, стоитъ только задумать ей: хочу этого—и вѣрнѣе смерти достанется это. Рекомендую вамъ его, Марья Дмитріевна. (Я поклонился и покраснѣлъ, она улыбнулась). Ей-Богу, славный малой, да и къ-тому же сосѣдъ вамъ. А скромникъ какой! Бывало, я...

Есть люди, совершенно-неумѣющіе вести себя при дамахъ, и позволяющіе себѣ говорить вещи, которыя, по моему мнѣнію, неприличны даже и въ мужской компаніи. Илья Петровичъ принадлежитъ къ такимъ людямъ. Чтобы удержать въ этотъ разъ его нескромность, я кашлянулъ. Онъ заикнулся. Къ-счастію, очень во-время подошелъ къ нему Христіанъ Францовичъ. Глаза доктора, по обыкновенію, двигались изъ стороны въ сторону, и правый глазъ онъ прищуривалъ самымъ страннымъ образомъ.

— А что, Илья Петровичъ, матрасъ въ диванной на кушеткѣ, обитый желтымъ ситцемъ, не нуженъ вамъ? Уступите-ка мнѣ его безъ раздѣла, для тарантаса. Другіе наслѣдники всѣ согласны. И Марья Дмитріевна, вѣрно, согласится?

«Съ большимъ удовольствіемъ» отвѣчала она.

— Ну, ужь я, чортъ возьми, не постою: уступать, такъ уступать! воскликнулъ Илья Петровичъ.

Докторъ, кажется, былъ доволенъ.

Матвѣй Ивановичъ подскользнулъ къ нему. Онъ привѣтно погрозилъ ему пальцемъ. Умѣете, Христіанъ Францовичъ, замѣтилъ онъ: и словцо ввернуть во-время. Я такъ прошу-прошу Илью Петровича, чтобы согласился уступить мнѣ кусокъ синей бомбы съ цвѣтами. Я, пожалуй, отъ денегъ не прочь, хоть сейчасъ выложу на столъ. Оно не то, чтобы какая-нибудь завидная матерія,—старина, изъ моды вышла; дорогаго купить не могу, а женѣ нужно гостинца купить. На что вамъ эта матерія?

«Объ этомъ мы съ вами поговоримъ послѣ.» Илья Петровичъ сказавъ это, подмигнулъ мнѣ.

— Послѣ, то-то послѣ, Илья Петровичъ. Онъ вынулъ изъ кармана, поморщиваясь, табакерку. Не хотите ли табачка? Я всегда покупаю у Головкина, этотъ табакъ идетъ и въ иностранныя земли.

Возвратясь домой часу въ десятомъ, я раздѣлся и легъ въ постель, но долго не могъ заснуть. Мнѣ было какъ-то неловко, и я съ бока на бокъ ворочался безпрестанно. За тридцать лѣтъ холостая жизнь — настоящее бремя! подумалъ я, поправляя подушку. И приласкать нѣкому!...

Между-тѣмъ розовые банты чепца Марьи Дмитріевны до того мелькали передо мной, что у меня въ глазахъ зарябило. Ея темнокаріе глазки, ея любезныя манеры... нѣтъ сомнѣнія, она бы не уронила себя и на вечерахъ нашего директора! Мнѣ пришли въ голову два стиха одного изъ старинныхъ нашихъ стихотворцевъ:

«Къ тебѣ желанія мои устремлены
И мысли всѣ тобой одной напоены.»

Съ этимъ двустишіемъ, я заснулъ.

III.

Марья Дмитріевна, это я узналъ послѣ, а какъ узналъ, сами вы догадаетесь, была невѣстка Ильи Петровича. Она была въ замужствѣ за братомъ его, надворнымъ совѣтникомъ, служившимъ въ Петербургѣ. Жизнь ея мирно протекала въ *Измайловскомъ Полку*. Надворный совѣтникъ былъ человѣкъ скромный, солидный и оказывалъ женѣ своей самыя нѣжныя ласки. По утрамъ, передъ департаментомъ, здороваясь съ нею, онъ обыкновенно цаловалъ ее три раза, и потомъ, поглаживая по щекѣ, съ улыбкою приговаривалъ: «ну, а что, душенька, каково себя чувствуете?» Потомъ онъ выпивалъ три чашки чая, медленно выкуривалъ трубку вакштафа и отправлялся на службу. Характеръ этого человѣка, по разсказамъ, дошедшимъ до меня, мнѣ очень понравился, ибо акуратность руководила всѣми его дѣйствіями. Возвратясь въ половинѣ четвертаго изъ должности, онъ снова три раза цаловалъ Марью Дмитріевну и спрашивалъ ее: «ну, а что душенька, не пора ли кушанье подавать? я совсѣмъ проголодался». За обѣдомъ онъ ничего не говорилъ, потому-что кушалъ, а послѣ обѣда надѣвалъ халатъ, спрашивалъ себѣ еще трубку вакштафа и, покуривая, разспрашивалъ Марью Дмитріевну о цѣнѣ жизненныхъ припасовъ; остальной вечеръ они или раскладывали вдвоемъ гран-пасьянсъ, или онъ одинъ раскладывалъ, а она про себя читала книгу изъ библіотеки для чтенія Плавильщикова. Вечеръ проходилъ у нихъ незамѣтно; въ комнатѣ, гдѣ они проводили эти вечера, царствовала такая тишина, что слышался полетъ мухи; только иногда, по-большей-части въ такомъ случаѣ, если не выходитъ пасьянсъ, онъ замѣтитъ:

«нѣтъ, какъ ни бейся, а не выйдетъ!» встанетъ съ креселъ, подойдетъ къ женѣ и скажетъ: «а чтò жь, душенька, поцалуйте меня: авось-либо и выйдетъ?» Или она, когда ужъ очень зачитается и у нея зарябитъ въ глазахъ, отложитъ книгу на столъ, загнетъ листочикъ и, подойдя къ мужу, молча протянетъ ему губки; онъ улыбнется, поцалуетъ ее, и она снова, и съ большимъ удовольствіемъ, прійметея за чтеніе. Послѣ ужина, онъ перекреститъ ее, и они лягутъ спать. Такъ прожили они шесть лѣтъ, какъ одинъ день, съ небольшими измѣненіями, развѣ только когда-нибудь вздумаютъ съѣздить въ гости, или въ театръ. На седьмой годъ, желая устроить свои дѣла, онъ вышелъ въ отставку, и они отправились въ деревню, гдѣ черезъ два мѣсяца, послѣ непродолжительной болѣзни, онъ и отдалъ Богу душу, оставивъ ей четырехлѣтняго сына, единственный залогъ ихъ любви. Это случилось за 4 года до пріѣзда моего въ деревню, который я теперь описываю.

Изъ всего этого видно, что Марья Дмитріевна лично присутствовала при раздѣлѣ для сбереженія собственности своего малолѣтняго сына, котораго несказанно любила, видя въ немъ будущую подпору своей старости. Тѣ, кто будутъ читать мои записки, извинятъ меня за это небольшое отступленіе. Надобно большое мастерство, чтобъ не перерывать нить разсказа. Въ оправданіе себя скажу, что этого не могли избѣгнуть и знаменитые писатели и писательницы нашего времени, Августъ Лафонтенъ, Жанлисъ и другіе, которыхъ, постичь не могу почему, нынѣ совсѣмъ не уважаютъ. Не оспориваю, можетъ-быть, Вальтеръ-Скоттъ и заслуживаетъ пальму первенства передъ другими романистами, но и онъ не изъятъ недостатковъ. Я же не имѣю претензіи на титло и третьекласнаго писателя, разсказываю просто замѣчательныя событія моей жизни.

Я остановился на томъ, что тотчасъ послѣ пріѣзда моего изъ Плющихи легъ спать, но долго не могъ заснуть. Однакò на слѣдующее утро я былъ уже въ 7 часовъ на ногахъ, и до 9 часовъ успѣлъ осмотрѣть ригу, мельницу, скотный дворъ и другія хозяйственныя заведенія. Въ 9 часовъ возвратясь домой, я почувствовалъ голодъ и спросилъ чего-нибудь закусить. Любимѣйшая закуска моя—это копченая ветчина, и никто такъ не умѣлъ коптить ее, какъ покойная матушка. Бывало, положишь въ ротъ кусокъ, онъ еще не успѣлъ разтаять во рту, а тебя такъ и тянетъ отвѣдать другой. Завтракъ мнѣ подали, принесли также ветчины, но чтò это за ветчина? Это былъ копченый кусокъ дерева, я и разжевать не могъ. Грустно стало мнѣ—

въ другой разъ мучительно почувствовалъ я, что такое одиночество, неимѣніе хозяйки въ домѣ. Отъ этой мысли я перешелъ къ тому заключенію, что человѣку въ извѣстныхъ лѣтахъ, имѣющему, по милости Божіей, свой кусокъ хлѣба, непремѣнно надобно жениться. Къ-тому же, имѣя чинъ коллежскаго ассесора, не стыдно сдѣлать предложеніе. Въ-самомъ-дѣлѣ, не выйдти ли мнѣ въ отставку?»

Предлагая самому-себѣ такой вопросъ, я смутился. Уже такъ привыкъ я къ моей регулярной жизни въ Петербургѣ, къ моей маленькой квартиркѣ въ Поварскомъ Переулкѣ у Владимірской, къ моему департаменту, къ этой дорогѣ отъ Поварскаго Переулка до арки, что въ Мильйонной, даже къ сторожу департаментскому, который снималъ съ меня шинель и пряталъ мои галоши въ-продолженіи 10 лѣтъ ежедневно,—такъ привыкъ, что вдругъ, когда я только въ мысляхъ оторвался отъ всего этого, воображалъ, что буду жить совершенно по-новому, мнѣ сдѣлалось страшно, очень страшно.

Но—и тутъ я провелъ рукою по лбу,—но... не умереть же мнѣ холостымъ! Кто будетъ ходить за мной, если я занемогу, если (и объ этомъ надобно подумать), если я буду лежать на смертномъ одрѣ—кто закроетъ мнѣ глаза?

Слезы проступили у меня на глазахъ отъ такихъ мыслей. Первый разъ я серьёзно раздумался о своей будущности. Черезъ полчаса я приказалъ заложить свою бричку.

— Пошелъ въ Городню, сказалъ я кучеру.

Въ Городню иначе нельзя было проѣхать, какъ черезъ Плющиху. Какое-то таинственное чувство, совершенно-непостижимое, влекло меня въ ту сторону, но я не рѣшился сказать кучеру «въ Плющиху».

Видно, кучеру моему показалось страннымъ такое приказаніе, потому-что онъ переспросилъ меня два раза: «куда, сударь?»

Городня небольшая деревня, въ которой не было и до-сихъ-поръ нѣтъ никакихъ хозяйственныхъ заведеній. Подъѣзжая къ Плющихѣ, я почувствовалъ неловкость во всемъ тѣлѣ и краска выступила у меня на лицѣ; вынувъ изъ кармана щеточку съ зеркаломъ, которую я имѣлъ привычку носить въ карманѣ, оправилъ свои волосы.

У конюшень, направо, при въѣздѣ въ деревню, стоялъ Илья Петровичъ въ драгунскомъ сюртукѣ съ брусничнымъ воротникомъ, въ нанковыхъ сѣрыхъ шальварахъ и въ бѣломъ пуховомъ картузѣ

онъ курилъ табакъ изъ коротенькаго чубука съ преогромною пѣнковою трубкою, обвернутою въ замшу, придерживая ее правой рукой, а лѣвой ероша усы свои. Противъ него стоялъ вкрадчивый Матвѣй Ивановичъ; бородка его синѣла издалека; возлѣ Матвѣя Ивановича Христіанъ Францовичъ; возлѣ Христіана Францовича длинный медіаторъ въ синемъ сюртукѣ по щиколку, а возлѣ медіатора какой-то молодой человѣкъ пріятной наружности, въ голубомъ жилетѣ. Это былъ также повѣренный одного изъ наслѣдниковъ. Рядомъ съ нимъ стояли два господина средняго роста, худощавые, а между ними третій пониже и потолще — всѣ три брата Ильи Петровича. Словомъ, полное собраніе и наслѣдниковъ и повѣренныхъ было тутъ на-лицо, за исключеніемъ Марьи Дмитріевны. Прежде, нежели я размыслилъ, что мнѣ слѣдовало дѣлать и какъ отвѣчать на вопросы и привѣтствія, долженствовавшіе посыпаться на меня со всѣхъ сторонъ, Илья Петровичъ замахалъ обѣими руками, увидѣвъ меня, отошелъ отъ толпы, остановился на срединѣ дороги и закричалъ самымъ густымъ басомъ: «Стой! кто ѣдетъ?» потомъ, пресерьёзно подойдя къ дверцамъ моей кибитки, онъ сказалъ также серьёзно: «пожалуйте подорожную прописать».

Всѣ стоявшіе тутъ господа, услышавъ это, громко разхохотались. Илья Петровичъ при семъ всеобщемъ залпѣ смѣха также не могъ выдержать, и самъ покатился со смѣха. Я ничего не говорю о себѣ, но можете вообразить, что при такой сценѣ, я не могъ не выйдти изъ состоянія раздумья, въ которомъ находился.

«Вылѣзай-ка, братъ, изъ кибитки, вылѣзай. Кстати пріѣхалъ, а мы еще не завтракали: все лошадей дѣлили, насилу кончили, а есть, я тебѣ скажу, жеребчики недурные. Мнѣ достался одинъ полово-сѣрый, такъ ужъ мое почтеніе! Постой-ка, я велю повывесть. Да вылѣзай же, братецъ.»

— Я позавтракалъ дома, и вдругъ что-то голова разболѣлась, захотѣлось проѣхаться, я проѣзжалъ мимо.... совсѣмъ нечаянно, не думалъ....

Такими оговорками я хотѣлъ показать, что понимаю приличія и знаю, что не водится въ общежитіи ѣздить ежедневно въ тотъ домъ, гдѣ одинъ только хозяинъ коротко знакомъ, а прочіе также хозяева, — но еще не короткіе знакомые. Въ Плющихѣ же всѣ наслѣдники были равные хозяева. Когда я произнесъ: «нечаянно, не думалъ», Илья Петровичъ, поправивъ свой лѣвый усъ лѣвою рукою, правою раза два ударилъ меня по спинѣ и сказалъ:

«Вздору-то не болтай,
А изъ коляски вылѣзай.»

«Что̀, братъ, каково̀? Мы и стихами не хуже вашихъ сочинителей говорить умѣемъ»

Добрый человѣкъ Илья Петровичъ, но о свѣтскости и о приличіи не имѣетъ ни малѣйшаго понятія! Я пожалъ плечами и вышелъ изъ коляски; только-что я ступилъ ногою на землю, какъ Матвѣй Ивановичъ подбѣжалъ ко мнѣ, схватилъ мою руку и, потирая теменемъ своей головы около моего сердца, съ вкрадчивою улыбкою произнесъ:

«Мы васъ не выпустимъ. Какъ ваше здоровье? Какъ изволили вчера доѣхать? Онъ ухватилъ меня за талію и на ухо шепнулъ мнѣ: «здѣсь въ провинціи, когда встрѣтишься съ петербуржскимъ, такъ легче на душѣ станетъ, право...»

Я поблагодарилъ его за вниманіе и поздоровался съ прочими, сказавъ каждому какую-нибудь свѣтскую бездѣлку.

— Слышишь, любезный братецъ, слышишь? . . . говорилъ Ильѣ Петровичу одинъ изъ братьевъ его, средняго роста, у котораго одинъ глазъ смотрѣлъ вправо, а другой влѣво: — слышишь, что̀ мы завтракать что ли пойдемъ отсюда?

«Да, завтракать» отвѣчалъ лаконически Илья Петровичъ и, обратясь ко мнѣ, сказалъ въ-полголоса: «что ты съ картавымъ-то познакомился? плутъ, ужаснѣйшій плутъ! Не вѣрь ему, если онъ о чемъ-нибудь станетъ болтать съ тобой — все вретъ.»

Я обратился къ молодому человѣку пріятной наружности, въ голубомъ жилетѣ, и замѣтилъ, что погода очень-теплая и пріятная, но что давно, къ-сожалѣнію, не было дождей.

Онъ обернулся ко мнѣ, мигнулъ вѣками, остановилъ зрачки большихъ своихъ черныхъ глазъ, выставилъ ногу впередъ и вскрикнулъ:

— Чего-съ?

Когда черезъ калитку, выходившую на улицу, мы прошли къ самымъ конюшнямъ, Илья Петровичъ приказалъ вывести конюхамъ доставшагося ему половосѣраго жеребца, чтобы показать мнѣ. Жеребца вывели; онъ подошелъ къ нему, погладилъ его по шеѣ, посмотрѣлъ ему въ зубы, [illegible]кнулъ языкомъ и сказалъ мнѣ: «Конёкъ, братецъ, знатный; [illegible]ступно 4 года. Знаешь ли, какую я хочу дать ему кличку?»

— Какую?

«Волтеръ! а? что скажешь? Да онъ у меня умнѣе Волтера будетъ, ей-Богу!»

При семъ Илья Петровичъ засмѣялся.

Послѣ того мы отправились къ ожидавшему насъ завтраку.

Дорогою отъ конюшенъ до дома, Илья Петровичъ, шедшій рядомъ со мною, все подшучивалъ надъ своимъ братомъ, который пришепётывалъ.

— А что, покончили ль свой дѣлежъ дамы? съ усмѣшкою замѣтилъ Христіанъ Францовичъ, поглядывая на Матвѣя Ивановича.

«Бьюсь объ закладъ, что еще не кончили» закричалъ Илья Петровичъ. «Знаешь ли, братецъ, чѣмъ это онѣ занимаются, что дѣлаютъ?» спрашивалъ онъ, обращаясь ко мнѣ. «Во всѣхъ кладовыхъ всѣ углы перешарили, отъискали тамъ какія-то банки съ столѣтнимъ вареньемъ и бутылки съ наливками — и давай изъ одной бутылки переливать въ другую, чтобы всѣмъ досталось по-равну. Да бутылки-то еще ничего,—авось-либо и найдется наливочка, годная къ употребленію,—а то варенье изъ банки въ банку перекладывать: это каково? Впрочемъ, всѣ женщины уже созданы на то. Серьёзнымъ ничѣмъ заниматься не могутъ.»

Сердце мое забилось, когда я вошелъ въ залу; но въ залѣ ни одной дамы не было. Тамъ на полу сидѣли четыре лакея, необыкновенно-разкраснѣвшіеся, и занимались перецѣживаніемъ наливокъ изъ одной бутылки въ другую. Наканунѣ въ этой комнатѣ попахивало залежавшимся платьемъ, въ эту минуту такъ и бросался въ носъ спиртъ.

Дамы сидѣли въ гостиной передъ двумя ломберными столами, соединенными вмѣстѣ, на которыхъ разставлены были банки съ вареньемъ и небольшія фаянсовыя кринки. Илья Петровичъ угадалъ: онѣ еще все продолжали дѣлить варенье.

Я подошелъ къ ручкѣ Дарьи Яковлевны и почтительно разкланялся съ прочими дамами.

«Милости просимъ садиться, очень-рады васъ видѣть» сказала Дарья Яковлевна: «извините насъ, не претендуйте, что при васъ будемъ заниматься такимъ дѣломъ.»

Я сказалъ «помилуйте» [illegible].

Марья Дмитріевна была [illegible] задумчива и машинально разбивала ложечкой имбирное [illegible]енье, передъ ней стоявшее. Нельзя описать, какъ она была мила въ этотъ день! Какъ удивительно

шло къ ней лиловое платье съ зелеными цвѣточками! Я посмотрѣлъ на нее и снова опустилъ глаза.

Илья Петровичъ нѣсколько минутъ послѣ меня вошелъ въ гостиную. Когда Дарья Яковлевна увидѣла его, она вся перемѣнилась въ лицѣ и съ безпокойствомъ вскрикнула:

— Ну, что? кончили? а каковы намъ жеребцы достались?

«Славные, матушка, и половосѣрый четырехъ лѣтъ нашъ. Вотъ конь! гордость какая!»

При этомъ та дама, у которой былъ раздражительный голосъ, нахмурилась, а Дарья Яковлевна, казалось, успокоилась и обратила опять все свое вниманіе на варенье.

«Изволили разставить на восемь частей» сказалъ Христіанъ Францовичъ Дарьѣ Яковлевнѣ: «теперь, сударыня, только билетики, да и жеребій?»

— Совсѣмъ разставлено. Части, кажется, все ровныя.

«А я полагаю, что совсѣмъ-неровныя» воскликнула дама съ раздражительнымъ голосомъ: «имбирное варенье все на одну почти часть положили; имбирное же варенье, сами знаете, рѣдкое и дорогое. Я васъ спрашиваю, Христіанъ Францовичъ, гдѣ теперь достанешь имбирнаго? Нигдѣ въ свѣтѣ; а противъ него что поставлено?— клубничное, малиновое, черная смородина, да и то еще такое, что прабабушка...»

Дарья Яковлевна вспыхнула.

— На васъ не угодишь! Извольте разставлять сами! Какъ вы лучше разставите, интересно посмотрѣть? Довольно смѣшно: имбирнаго варенья три кринки, а другихъ вареньевъ сорокъ банокъ. Варенье все хорошее,—нужды нѣтъ, что старое: не бросить же его; можно подварить, такъ изойдетъ для гостей, которые по-проще.

«Для-чего изъ-за этой малости спорить, сударыня?» возразилъ Матвѣй Ивановичъ, обращаясь къ дамѣ съ раздражительнымъ голосомъ. «Извольте лучше бросить жеребьи: можетъ, имбирное варенье и вамъ достанется, — почемъ вы знаете? На все судьба!

Дама вздохнула.

«Судьба иногда безжалостно издѣвается надъ нами» сказала она и задумалась.

Жребіи были брошены.

Одна кринка имбирнаго варенья досталась Дарьѣ Яковлевнѣ, а двѣ Марьѣ Дмитріевнѣ. У дамы съ раздражительнымъ голосомъ кровь на лицѣ выступила пятнами. Она старалась скрыть свой гнѣвъ—и не могла. Съ досадой толкнула она локтемъ одну изъ до-

ставшихся ей банокъ съ клубникой, встала съ креселъ и отошла къ окну. Марья Дмитріевна, увидѣвъ это, также встала съ своего мѣста и подошла къ ней.

— Мнѣ достались двѣ банки имбирнаго, сказала она — и сколько нѣжности, уступчивости и доброты было въ ея голосѣ! Извольте, я вамъ съ моимъ удовольствіемъ уступлю одну, тогда у насъ у трехъ будетъ поравну.

Она говорила, а я глядѣлъ на нее и думалъ:

Не будь этого имбирнаго варенья, я, можетъ-быть, и не узналъ бы всей цѣны этой женщины! Такъ иногда самой ничтожной вещи, самому пустѣйшему обстоятельству мы бываемъ обязаны многимъ въ жизни.

«Маменька, дайте мнѣ варенья!» закричалъ сынъ Марьи Дмитріевны, вбѣжавъ въ комнату. Это былъ очень - недурной собою, бѣлокурый мальчикъ въ ситцевой рубашкѣ, съ сумкой черезъ плечо. Онъ до такой степени забѣгался въ лошадки съ дворовыми мальчишками, что потъ лилъ съ его лица ручьями, и онъ едва переводилъ дыханье.

— До обѣда нельзя, душаточка, лакомиться вареньемъ, сказала Марья Дмитріевна: но если хорошо будешь вести себя за столомъ, то послѣ обѣда ложечки двѣ получишь. Что̀ это, какъ ты разкраснѣлся, Мишунчикъ? Теперь не извольте ходить на улицу, а сидите здѣсь. Ка̀къ не стыдно носикъ не вытирать! — и, говоря это, Марья Дмитріевна вынула изъ его сумочки носовой платокъ и вытирала имъ лицо сына.

«Маменька, позвольте еще побѣгать.»

— Нѣтъ, сударь, нѣтъ; извольте сидѣть и быть послушнымъ.

Я подошелъ къ Мишѣ, который сидѣлъ опустя голову и нахмурясь, потрепалъ его по щекѣ и поцаловалъ. Марья Дмитріевна, увидѣвъ это, не могла скрыть своего удовольствія.

— Оставьте его, — произнесла она съ улыбкой одной ей свойственной, — онъ капризный мальчикъ и не заслуживаетъ ласкъ.

«Да чѣмъ же я капризенъ, маменька?» говорилъ Миша, всхлипывая.

Марья Дмитріевна подошла ко мнѣ.

— Не подумайте, сказала она самымъ пріятнѣйшимъ тономъ: чтобы я была мать-баловница. Нѣтъ, ужь это не въ моихъ правилахъ! Я его часто и строго наказываю; но все, знаете, женское дѣло: онъ меня не такъ боится; вотъ если бы отецъ былъ живъ!... Способности же имѣетъ большія, благодаря Бога; я все сама съ

нимъ занимаюсь, иногда даже по четыре часа сряду. Онъ у меня очень-бѣгло читаетъ по-русски и по-французски, половину же священной исторіи, что съ вопросами и отвѣтами, наизусть слово-въ-слово знаетъ.

Отъ возхищенія я не могъ произнести ни слова. Сама занимается! скажите, пожалуйста, много ли такихъ матерей въ нынѣшнемъ свѣтѣ? Однако и она, при всемъ своемъ умѣ, чувствуетъ, что безъ мужа, какъ безъ головы въ домѣ, трудно обойдтися!

IV.

Съ этого дня, проведеннаго мною въ Плющихѣ съ неизобразимымъ удовольствіемъ, я чаще и чаще сталъ ѣздить туда, и всякій мой пріѣздъ по часу и болѣе бесѣдовалъ съ Марьей Дмитріевной. Изъ этихъ бесѣдъ я вполнѣ убѣдился, что она надѣлена добродѣтельнымъ сердцемъ и основательнымъ умомъ, потому-что обо всѣхъ предметахъ разсуждаетъ солидно, и въ-особенности очень-хорошо говоритъ о нравственности. Прошло уже два мѣсяца съ того дня, какъ я въ первый разъ увидѣлъ ее. Раздѣлъ приближался къ окончанію. Раздѣльный актъ былъ совершенъ въ гражданской палатѣ и подписанъ. Раздѣлятъ серебро—и всѣ разъѣдутся въ разныя стороны, и опустѣетъ Плющиха!...

Однажды я не спалъ почти всю ночь на-пролётъ. Срокъ моего отпуска былъ на изходѣ. Я представлялъ себѣ дальность и неудобства дороги и свое одиночество. — Это одиночество такъ и щемило мое сердце. Я подумалъ, можетъ-статься, никогда болѣе не увижу Марьи Дмитріевны; мысль, что если прикащикъ мой обманываетъ меня въ моемъ присутствіи, что же должно быть, когда меня нѣтъ въ деревнѣ?... Все это, взятое вмѣстѣ, заставило меня окончательно рѣшить мое будущее.

Подъ-утро я всталъ съ постели и началъ ходить вдоль и поперегъ комнаты.

Остаться въ деревнѣ, или ѣхать въ Петербургъ? служить, или выйдти въ отставку и жениться?

Въ этотъ разъ «выйдти въ отставку» уже не представлялось мнѣ такъ страшно, какъ первый разъ, когда мнѣ это пришло въ голову.

— Коллежскаго ассесора я получилъ недавно, столоначальникомъ сдѣланъ я недавно. Что же до надворнаго совѣтника еще далеко, до начальниковъ отдѣленія подавно. Перспектива есть, но неблизкая. Къ тому же сидячая жизнь, петербуржскій климатъ...

Но... согласится ли *она* принадлежать мнѣ? Ея мужъ былъ начальникомъ отдѣленія! Впрочемъ, что жь? — я не какой-нибудь нищій, имѣю свой кусокъ хлѣба и чинъ почетный?.. Предложеніе — легко сказать — и подумать такъ голова закружится... Ну, какъ Богу угодно, такъ и будетъ!

Нѣсколько дней спустя послѣ этого размышленія, часу въ шестомъ вечера, по окончаніи раздѣла серебра, Марья Дмитріевна вышла пройдтися въ садъ, или въ огороженную плетнемъ четвероугольную площадь, которую всѣ называли садомъ. На этой площади, впрочемъ довольно-обширной, росло нѣсколько яблонь, нѣсколько липъ, нѣсколько елей, дубковъ, и тянулись двѣ длинныя аллеи разросшихся акацій. Въ этихъ двухъ аллеяхъ только и можно было прогуливаться, ибо остальная половина четвероугольника предполагалась только къ распланированію. Въ правой сторонѣ между зеленью мелькало прекрасное каменное зданіе съ небольшой деревянной башенкой, на которой вертѣлся желѣзный пѣтухъ, раскрашенный разными цвѣтами: это оранжерея. Въ ней находилось множество прекрасныхъ растеній, но они, говорятъ, не приносили никакихъ плодовъ. Въ серединѣ четвероугольника красовался прудъ изрядной величины, въ которомъ Марья Дмитріевна удила рыбу.

Вечеръ былъ теплый, не смотря на то, что сентябрь приближался къ изходу. Желтые листья грудами лежали на дорожкахъ; надъ зелеными иглами елей висѣли рѣдкіе, густо-малиновые листья дуба, который жался такъ близко къ ели, будто выросталъ изъ одного корня съ нею. Господи! какъ я живо все это помню, даже эту вереницу дикихъ утокъ, промелькнувшихъ по синеватому небу. Марья Дмитріевна шла по дорожкѣ, обсаженной акаціями, шла тихо и задумчиво, въ чепцѣ, убранномъ розовыми лентами, въ томъ самомъ чепцѣ, въ которомъ я видѣлъ ее въ первый разъ.

Незамѣченный ею, я подошелъ къ ней сзади.

— Вы гуляете, Марья Дмитріевна? спросилъ я ее дрожащимъ голосомъ.

Она испугалась и немного вскрикнула.

«Ахъ, это вы!»

— Точно я, я, Марья Дмитріевна.... вы, вы такъ легко одѣты; теперь вечера не лѣтніе: можно простудиться.

«Ничего-съ, и простужусь, такъ жалѣть будетъ некому.»

— Какъ можно-съ! И передъ Богомъ грѣшно не беречь своего здоровья.

Она ничего не отвѣчала, и я молчалъ.

— Вашъ раздѣлъ теперь совсѣмъ конченъ, Марья Дмитріевна?

«Да, совсѣмъ-съ.»

— А что вы отсюда скоро уѣдете?

«Предполагаю очень-скоро.»

У меня кровь такъ и застыла...

— А куда вы изволите поѣхать, Марья Дмитріевна?

«Въ свою прежнюю деревню Маматовку, верстъ за двѣсти отсюда. Мнѣ давно пора бы во свояси. Ахъ, Боже мой! и хлѣбъ-то нынѣшній годъ безъ меня убирали!»

— Прощайте, Марья Дмитріевна! можетъ-быть, мы съ вами болѣе не увидимся. И я также скоро отправлюсь къ должности, въ Петербургъ.

Я шелъ по лѣвую ея сторону, и, произнеся это, едва осмѣлился изкоса взглянуть на нее. Мнѣ показалось, что на ея глазѣ дрожала слеза.

«Вы, вѣрно, соскучили здѣсь? очень-натурально: кто пристрастился къ свѣтскимъ удовольствіямъ...»

— Нѣтъ, не говорите этого, Марья Дмитріевна, — непреодолимое влеченіе приковываетъ меня къ здѣшнимъ мѣстамъ.

«Почему же вы, позвольте спросить, не останетесь здѣсь?»

— Я человѣкъ служащій, чиновникъ, а скоро конецъ моему отпуску; служба не шутитъ-съ.

«Вы, благодаря Бога, обезпечены. Почему же вамъ не выйдти въ отставку: вы свой долгъ сдѣлали — послужили. Останьтесь навсегда съ нами. Здѣсь, я вамъ скажу, не то, чтобы въ глуши: дворянство все отличное, образованное и начитанное.»

— Оно точно такъ, да я человѣкъ совершенно-одинокій. Матушка моя скончалась, я безъ нея совсѣмъ осиротѣлъ и хозяйствомъ заняться нѣкому.

Я чувствовалъ, что голосъ измѣнялъ мнѣ, я оробѣлъ, а она не вымолвила ни слова, ни слова...

Мы шли такимъ-образомъ нѣсколько минутъ молча и подошли къ самому берегу пруда. Отсюда слѣдовало повернуть назадъ, ибо дорожекъ ни вправо, ни влѣво не было.

—Марья Дмитріевна,—началъ я, когда мы повернули, сердце у меня такъ билось, что пересказать невозможно,—Марья Дмитріе-

вна, я давно, Марья Дмитріевна, желалъ поговорить съ вами... я... съ первой минуты, какъ увидѣлъ васъ, почувствовалъ такое, что еслибы пересказать.... отъ васъ, Марья Дмитріевна, зависитъ мое счастіе.

Я чуть не умеръ, произнеся это; у меня совсѣмъ потемнѣло въ глазахъ, а послѣ того меня такъ въ потъ и бросило. Будто сквозь сонъ услышалъ я эти восклицанія:

«Ахъ, ахъ, Боже мой! что̀ это вы говорите.... ахъ!»

Я открылъ глаза и взглянулъ на нее. Въ лицѣ ея не было ни кровинки. Къ-счастію, что тутъ случилась скамейка; она не сѣла, а въ совершенномъ изнеможеніи опустилась на нее. Я изпугался, бросился къ ней и спросилъ: — Не дурно ли вамъ?

«Ничего, ничего.... ахъ, обдумали ли вы то, что̀ сказали?»

— Обдумалъ, ей Богу, обдумалъ, Марья Дмитріевна!

Она заплакала. Я не смѣлъ переводить дыханіе. Вдругъ она встала, посмотрѣла на меня съ чувствомъ и произнесла:

«На все есть предопредѣленіе, теперь я это ясно вижу. И я только-что взглянула на васъ, почувствовала необыкновенное біеніе сердца. Видно такъ Богу угодно!»

Послѣ сихъ словъ у меня всѣ предметы передъ глазами стали яснѣе.

— Позвольте же поцаловать вашу ручку. Я взялъ ея руку и поцаловалъ, она поцаловала меня въ щеку.

«Но сегодня еще не объявляйте этого... А вы будете любить моего Мишунчика? вы замѣните ему отца?»

— Не сомнѣвайтесь, ради Бога, Марья Дмитріевна, успокойте меня на этотъ счетъ; я буду любить его больше роднаго сына.

Она еще разъ и еще съ бо̀льшимъ чувствомъ посмотрѣла на меня и сказала: «Благодарю васъ; сердце матери безсильно вамъ выразить всего: вы такъ меня утѣшили, что я не могу прійдти въ себя, — прійміте мою благодарность.»

Влюбленное состояніе скрыть невозможно, и потому, вѣроятно, многіе изъ родственниковъ Марьи Дмитріевны и изъ посторонниxъ, находившихся въ Плющихѣ, замѣчали наши взаимныя другъ къ другу склонности. Тутъ нѣтъ ничего мудренаго, однако, когда черезъ два дня послѣ объясненія нашего съ нею, было объявлено, что я женихъ ея, а она моя невѣста, то это поразило многихъ, какъ нечаянность.

— «Вишь плутъ какой» говорилъ Илья Петровичъ: «и отъ меня, своего стараго товарища и пріятеля, скрывался! Поздравляю, бра-

ецъ, къ намъ въ роденьку записываешься. Чортъ возьми, это не урно: деревни ваши съ нею рядомъ; земля съ землей, такъ вамъ размежевываться теперь не нужно. Мужъ и жена—одна сатана.

Матвѣй Ивановичъ, уѣзжая въ Петербургъ и пожимая мнѣ руку, оворилъ:

— Отъ души желаю вамъ счастія, потому-что семейственное лагополучіе дороже всякой славы и честолюбиваго поприща, а жь какая милая и тонкая дама Марья Дмитріевна, и какія у нея озяйственныя разположенія!..Вотъ и у меня, надобно вамъ сказать, ена хозяйка: я за нею и заботы никакой не знаю; дочь помогаетъ й, такъ все тихо, мирно... Прошу о продолженіи знакомства, а я жь никогда не забуду самыхъ пріятнѣйшихъ дней, проведенныхъ ъ вами.

«Благодарю васъ. Возьмите на себя трудъ сказать Петру Петроичу, чтобы онъ принялъ меня въ свое родственное дружество.»

— Непремѣнно, все изполню, какъ вы приказываете. — Онъ бнялъ меня и поцаловалъ въ грудь.

Христіанъ Францовичъ, моргая лѣвымъ глазомъ и обнявъ праой рукой мою талію, говорилъ:

— Раздѣлъ-то нашъ свадебкой покончится. Право, славно! Вотъ апируемъ! Да, батюшка, вы отъ насъ не отдѣлаетесь. Выставляйге-ка на столъ шампанскаго, которое подороже, розоваго цвѣта, что по 15 руб. въ Петербургѣ бутылка.—Скажите, кажется Марьѣ Дмитріевнѣ достались мельничные камни съ желѣзными обручами? I у себя въ деревнѣ строю мельницу, подарите-ка ихъ мнѣ. У асъ вѣдь всѣ мельницы въ надлежащемъ устройствѣ. Вамъ зачѣмъ ти камни?

«Слышете» говорилъ братъ Ильи Петровича молодому челоѣку пріятной наружности, въ голубомъ жилетѣ: «слышете; вотъ Марья Дмитріевна, она, слышете, выходитъ замужъ вотъ за этого, лышете, штатскаго, что братецъ Илья Петровичъ съ которымъ пріятель. Слышете?»

Молодой человѣкъ пріятной наружности, въ голубомъ жилетѣ, ытаращилъ на него глаза, выставилъ правую ногу впередъ и скрикнулъ:

«Чего-съ?»

Этотъ разговоръ я нечаянно подслушалъ, проходя тихонько изъ кабинета покойнаго въ гостиную. Вотъ, что значитъ, не изкоренять въ дѣтствѣ привычки, подумалъ я: братъ Ильи Петро-

вича безпрестанно въ разговорѣ употребляетъ *слышете*, совсѣмъ безъ всякой нужды, тогда какъ это очень-непріятно.

Скоро Плющиха опустѣла. Все, что только можно было вывести изъ нея, вывезли, не исключая даже каменнаго столба, стоявшаго на лугу противъ оранжереи, на которомъ были устроены солнечные часы. Осталась одна оранжерея безъ растеній, да стѣны дома съ прогнившими оконными рамами, въ которыхъ половина стеколъ была перебита.

По прошествіи трехъ недѣль, считая отъ выѣзда наслѣдниковъ изъ Плющихи, я сдѣлался счастливымъ супругомъ Марьи Дмитріевны, а вскорѣ получилъ и увольненіе отъ службы. Я хотѣлъ, чтобы въ день моей свадьбы, въ числѣ родственниковъ и гостей, находился и Христіанъ Францовичъ, о чемъ я предварительно, за нѣсколько дней до сего, сообщилъ Марьѣ Дмитріевнѣ; но она убѣдительно просила меня, чтобы я не приглашалъ его, потому-что онъ оказался человѣкомъ нехорошихъ свойствъ, неблагородно возпользовавшимся довѣренностію ея родственника.

Не стану разсказывать ни о первыхъ дняхъ нашихъ, послѣ женитьбы, въ которые я вкусилъ всю сладость жизни, ни о дальнѣйшемъ безмятежномъ и счастливомъ житьѣ нашемъ. Мы другъ на друга не могли достаточно насмотрѣться. Бывало, съ четверть часа другъ съ друга глазъ не спускаемъ и молчимъ; наконецъ она не выдержитъ и скажетъ мнѣ:

«Дружечикъ мой», или «сердценько мой», а я ей скажу только:

— Ангелъ мой, Марья Дмитріевна!

И мы невольно поцалуемся, сами не зная, какъ это случилось.

Черезъ два мѣсяца послѣ женитьбы моей, я получилъ изъ Петербурга письмо отъ Петра Петровича. Вотъ оно отъ слова до слова:

«Не нахожу словъ благодарить васъ за ваше письмо и за приписку любезнѣйшей Марьи Дмитріевны. Позвольте мнѣ поговорить съ вами откровенно, какъ съ человѣкомъ знакомымъ и котораго я привыкъ уважать. Вамъ болѣе, чѣмъ кому-нибудь, извѣстны подробности нашего раздѣла и то, что я, полѣнясь выѣхать изъ Петербурга, далъ по неосторожности неограниченную довѣренность здѣшнему чиновнику Ломаеву. Вообразите, онъ до такой степени возпользовался смысломъ сочиненной имъ-самимъ довѣренности и моею неопытностію, что взялъ съ меня, кромѣ 4500 р. по условію, еще 4000 р. на *непредвидѣнныя издержки*. Я когда-нибудь, для собственной вашей забавы, пришлю вамъ счетъ

израсходованныхъ имъ денегъ, по случаю поѣздки для раздѣла имѣнія. Изъ слѣдовавшей мнѣ суммы, онъ самопроизвольно задержалъ 8000 р., зная, что я взъискивать съ него этихъ денегъ, по данной ему отъ меня довѣренности, никакъ не могу. Въ поступкѣ же со мной онъ оправдывается передъ другими тѣмъ, *что соблюдалъ свой интересъ*. Вотъ какъ я вдался въ обманъ! Разскажите объ этомъ Марьѣ Дмитріевнѣ и посмѣйтесь надо мной вмѣстѣ съ нею.

«У меня до васъ покорнѣйшая просьба, чтобы вы теперь, по родственному вашему ко мнѣ расположенію, не отказали взять на себя трудъ присматривать за управленіемъ деревень моихъ, если это не обременитъ васъ...» и проч. «Поцалуйте руку любезной Марьи Дмитріевны; любимца моего Мишу выдерите за ухо...» и такъ далѣе.

Прочитавъ это письмо, мы съ женой такъ и ахнули и въ одно слово сказали: «каковъ Матвѣй-то Ивановичъ!»

Посовѣтовавшись съ Марьей Дмитріевной, я исполнилъ желаніе Петра Петровича, занялся устройствомъ хозяйства въ его деревняхъ и, скажу безъ хвастовства, привелъ въ короткое время все въ надлежащій порядокъ. Онъ цѣнитъ мои безкорыстные труды и въ каждомъ письмѣ своемъ благодаритъ меня отъ полноты сердца...

Два года жилъ я душа въ душу съ моей Марьей Дмитріевной въ совершенномъ уединеніи, довольствѣ и тишинѣ. На третій годъ познакомился съ нами пріѣхавшій изъ О.... Губерніи родственникъ нашей близкой сосѣдки, отставной штабсротмистръ, высокаго роста, бѣлокурый, въ очкахъ, съ нафабренными усами (Пренепріятное выраженіе въ физіономіи!). Онъ съ утра до ночи то-и-дѣло, что затягивался, а затянувшись, поднималъ вверхъ голову и пускалъ изо рта тучи дыма въ потолокъ. Никакой деликатности не было въ его обращеніи съ дамами. Онъ при нихъ разсказывалъ самые странные анекдоты, и сталъ посматривать на мою Марью Дмитріевну такими непріятными глазами, что у меня дрожь пробѣгала по всему тѣлу. Сначала онъ пріѣзжалъ къ намъ въ недѣлю раза два, потомъ, безъ зазрѣнія совѣсти, ежедневно. Пріѣдетъ, развалится на диванѣ возлѣ Марьи Дмитріевны, точно какъ у себя дома затянется, скажетъ какую-нибудь остроту и разхохочется самъ. Она же, забывъ свою природную скромность, вслѣдъ за нимъ, ни мало не краснѣя, также покатится со смѣха... Хозяйство у насъ пошло вверхъ дномъ, книгами

она перестала заниматься. «Я» говоритъ: «всѣ моды буду выписывать изъ Москвы, и ужь непремѣнно стану одѣваться по послѣдней картинкѣ.» А *онъ* слушаетъ ее да улыбается. Улыбается Невѣжа этакой, при мнѣ, при мужѣ! Я отворотился отъ него и зажмурилъ глаза . . .

Сонъ у меня пропалъ, аппетитъ также, я разсуждалъ самъ-про себя:

— Видно, правду говорятъ опытные люди, что браки по любви—это самые опасные и ненадежные браки? Да, охъ тяжело! Извѣстное дѣло, гдѣ разсудокъ не участвовалъ, тамъ не бывать толку. Вотъ тебѣ истинное счастіе!

Слезы навернулись у меня на глазахъ.

— Богъ съ ней! а на груди-то у меня точно камень лежалъ, — Богъ съ ней!..

— Однако, подумалъ я, что же въ такихъ тонкихъ и критическихъ обстоятельствахъ остается предпринять мнѣ? — Если бы только *онъ* уѣхалъ поскорѣй, съ глазъ бы долой, все полегче бы стало; авось пошло бы опять все по-прежнему. Ну, а теперь, нечего дѣлать, скрѣпи сердце, да смотри на все сквозь пальцы... Боже мой, умилосердись! . . . внутри у меня вотъ точно кошки скребутъ!

Случилось, что я цѣлый день провелъ по дѣламъ въ ближайшей отъ меня деревни Петра Петровича. Возвратясь домой часу въ седьмомъ, я вошелъ въ комнату, чтобы поздороваться съ женою моею . . . .

. . . .

Этими словами оканчивается отрывокъ изъ рукописи помѣщика случайно отысканный мною въ бумагахъ моего знакомаго. Продолженіе этихъ записокъ едва ли не затеряно.

И. ПАНАЕВЪ.

ЮНОСТЬ.

Юность! время золотое.
Въ ожерельѣ нашихъ дней,
Это перло дорогое
Краше жемчуга морей.
Разлучилась ты со мною
Улетѣла, другъ мой, ты;
Я сказалъ тебѣ душою
Неизбѣжное: *прости!*

А давно ль свѣжо и ново
Чувство колебало грудь;
И была душа готова
Полюбить кого-нибудь?
Сердце билось въ ожиданьи,
И неясныя желанья
Жарко волновали кровь?
Что̀ прошло не будетъ вновь!..

Поэтическія ночи
При мерцаніи луны,
Страстью пламенныя очи
Дѣвъ родимой стороны,
Робость первая свиданій
И восторгъ живыхъ лобзаній,
Въ часъ вечерней тишины,
И зеленый сводъ черешенъ,
. . . .
. . . .
Я всему сказалъ прости!

Все прошло. Возпоминанье
Чародѣйственнымъ перомъ,
Иногда, въ часы мечтанья,
Чертитъ грустныя сказанья
О утраченномъ быломъ.

Но, спасибо, дорогая,
Юность милая моя!

О тебѣ воспоминая,
Самъ собой доволенъ я,
Что изъ жаркой этой битвы
Грѣшныхъ мыслей и страстей
Вынесъ я въ душѣ моей
Жажду истинной молитвы
И любовь къ толпѣ людей.
Хоть меня въ пути суровомъ
Не балуетъ строгій рокъ,
Ты въ вѣнкѣ моемъ терновомъ
Раззолоченный цвѣтокъ!

Е. ГРЕБЕНКА.

НОЧНОЕ РАЗДУМЬЕ.

Туманной пеленой закрыта даль,
Спитъ суета, почило все творенье;
Но ты не спишь, тяжелое сомнѣнье,
Тебѣ нѣтъ сна, души моей печаль!
Живѣй во тьмѣ, безвременныхъ могилъ
Угрюмый рядъ встаетъ передо мной,
О, бѣденъ тотъ, кто дней своихъ весною
Свои надежды плача схоронилъ.
Кто всякій день встрѣчалъ обѣтомъ новымъ,
И всякій день упрекомъ провожалъ,
Кто мало жилъ, но жребіемъ суровымъ
У жизни много задолжалъ!
. . . .
. . . .
О, бѣденъ, кто прекрасное въ природѣ,
Не сердцемъ, а умомъ безплодно понималъ!
А какъ немного надобно для счастья!
На грудь любви довѣрчиво склонясь,
За мигъ одинъ горячаго участья,
Я бъ отдалъ эту жизнь сто разъ.

—•—

* * *

Да, много было насъ, младенческихъ подругъ!
На дѣтскомъ праздникѣ сойдемся мы, бывало,
И нашей радостью гремѣла долго зала,
И съ звонкимъ хохотомъ нашъ разставался кругъ.

И мы не вѣрили ни грусти, ни бѣдамъ,
На встрѣчу жизни шли толпою свѣтлоокой,
Блисталъ предъ нами міръ роскошный и широкій,
И все, что было въ немъ, принадлежало намъ.

Да, много было насъ!.. и гдѣ тотъ свѣтлый рой?
О, каждая изъ насъ узнала жизни бремя,
И небылицею то называетъ время,
И помнитъ о себѣ, какъ-будто о чужой.

— ВА —.

ШОТЛАНДСКОЕ СЕМЕЙСТВО.

(Повѣсть лорда Эллиса.)

Пансіонъ мистриссъ Гарингтонъ, одинъ изъ лучшихъ въ Лондонѣ, сдѣлался мѣстомъ слезъ, траура и скорби. Въ немъ не раздавались уже шумныя игры пансіонерокъ, и на юныхъ, цвѣтущихъ жизнію лицахъ ихъ не было уже веселой улыбки. Смерть витала надъ этимъ домомъ, гдѣ однакоже было соединено все, что могло упрочить счастіе и здоровье юныхъ питомицъ: обширный садъ, зеленѣющія луга, свѣтлые пруды, множество цвѣтовъ, заботливая попечительность хозяйки, ея образованность и добродушіе,—все это доставляло заведенію мистриссъ Гарингтонъ значительный вѣсъ, и всѣ лица высшей аристократіи съ довѣренностію поручали ей воспитаніе своихъ дочерей.

Справедливое уваженіе, которымъ пользовался этотъ пансіонъ, побудилъ лорда Мельбурна помѣстить туда трехъ дочерей своихъ, за нѣсколько дней до отъѣзда своего на твердую землю, куда онъ, по совѣту врачей, долженъ былъ отправиться для поправленія разстроеннаго здоровья. Десяти-лѣтній сынъ его былъ въ Оксфордскомъ Университетѣ вмѣстѣ съ своимъ гувернёромъ, и лордъ Мельбурнъ, не имѣя времени пріискивать для дочерей своихъ хорошей наставницы, и не желая оставить ихъ однѣхъ въ своемъ лондонскомъ домѣ, рѣшился ввѣрить ихъ попеченію мистриссъ Гарингтонъ, о которой всѣ чрезвычайно-хорошо отзывались. Съ глубокою грустью разставался онъ, однакоже, съ дѣтьми своими, которыхъ любилъ со всѣмъ жаромъ души пылкой и нѣжной, и которыхъ мать слишкомъ-рано похищена была смертію.

Лордъ Мельбурнъ, будучи еще очень-молодъ, женился по страсти, и никогда не жаловался на судьбу свою, хотя женитьба эта заставила его терпѣть, въ-продолженіе многихъ лѣтъ, нужды и

лишенія; жена его была однимъ изъ тѣхъ кроткихъ, любящихъ, нѣжныхъ созданій, которыя, при всей добротѣ своей, не лишены однакоже твердости характера, и лордъ Мельбурнъ часто говаривалъ: «Любовь, которая всегда такъ слѣпа, была для меня въ тысячу разъ полезнѣе разсудка: моя Нелли—благотворный даръ неба, за который я каждый день благодарю его.»

Будучи въ ссорѣ съ отцомъ своимъ и не получая отъ него ничего, лордъ Мельбурнъ жилъ доходами съ небольшаго имѣнья, доставшагося ему послѣ матери; но, видя, что семейство его быстро умножалось, онъ старался пріискивать средства къ ограниченію своихъ разходовъ. Для этого удалился онъ въ одно маленькое помѣстье, принадлежавшее ему въ Шотландіи, и жилъ тамъ такъ счастливо, что не желалъ перемѣны въ судьбѣ своей, хотя и имѣлъ уже троихъ дѣтей. Онъ былъ правъ: истинное счастіе есть цвѣтокъ, непринимающійся на землѣ, и души слишкомъ-чувствительныя, а слѣдовательно и суевѣрныя, готовы терпѣть недостатокъ въ томъ, что люди называютъ благами земными, лишь бы только сердечныя блага оставались при нихъ. Они думаютъ также, что этими лишеніями платятъ неминуемую дань несчастію и обезоруживаютъ тѣмъ грозную судьбу, которая не должна и не можетъ уже прикасаться къ нимъ.

Но старшій братъ его умеръ внезапно, и лордъ Мельбурнъ, не принимая на себя личины ложной философіи, съ грустію оставилъ Шотландію и свой маленькій готическій замокъ, изъ оконъ котораго виднѣлся сребристый Клейдъ, бѣгущій посреди разсѣлинъ и утесовъ. Онъ въ-шутку назвалъ сына своего лордомъ Клейдоромъ, въ память замка, гдѣ жилъ такъ счастливо, и, когда все было готово къ отъѣзду, сказалъ ему:

«Вильямъ, не пренебрегай никогда этимъ скромнымъ убѣжищемъ; дай Богъ, чтобъ ты нашелъ въ немъ когда-нибудь такое же счастіе, какимъ наслаждался я въ древнихъ стѣнахъ его.»

Вильямъ склонилъ свою бѣлокурую головку на руку матери, желая скрыть слезы, которыя такъ легко туманятъ глаза отрока, когда онъ прощается съ колыбелью своего дѣтства,—съ деревьями, подъ которыми игралъ такъ весело и безпечно, съ мѣстами, которыми такъ часто любовались его взоры.

Двѣнадцатилѣтній Вильямъ съ сожалѣніемъ оставлялъ всѣ эти предметы, милые его сердцу. Незнакомый съ почестями и богатствомъ, и не желая ихъ, онъ съ радостью остался бы въ этомъ тихомъ уголку міра. Но судьба рѣшила иначе: лордъ и леди Мель-

бурнъ, зная всѣ выгоды, которыя могло доставить дѣтямъ ихъ въ обществѣ богатое состояніе, поспѣшили покориться волѣ стараго графа, призывавшаго къ себѣ единственнаго своего сына.

Послѣ быстраго четырех-дневнаго путешествія, все семейство лорда Мельбурна прибыло въ Лондонъ.

Старый графъ жилъ въ древнемъ домѣ, доставшемся ему отъ его предковъ. Почернѣвшія отъ времени стѣны и суровая наружность этого зданія, которымъ, можетъ-быть, сталъ бы восхищаться какой-нибудь ученый антикварій, показались грустными и печальными молодой женщинѣ и дѣтямъ, только-что покинувшимъ веселый, свѣтлый сельскій домикъ, гдѣ все дышало спокойствіемъ и радостью; огромныя комнаты, и безъ того уже мрачныя, были обтянуты чернымъ сукномъ, а фамильный гербъ, завѣшенный крепомъ и выставленный на портикѣ дома, говорилъ проходящимъ, что неумолимая смерть не пощадила ни знатности, ни богатства.

Первые годы своей жизни лордъ Мельбурнъ провелъ въ домѣ отца, и потому все это мрачное величіе не удивило его; но онъ боялся, чтобъ это печальное жилище не произвело грустнаго и непріятнаго впечатлѣнія на его семейство. Леди Нелли носила тогда подъ сердцемъ четвертый залогъ союза, бывшаго доселѣ столь счастливымъ, и лордъ Мельбурнъ изпугался, замѣтя чрезвычайную блѣдность, покрывавшую лицо ея: была ли блѣдность эта слѣдствіемъ усталости отъ дороги, происходила ли она отъ сильнаго душевнаго волненія, отъ котораго эта прекрасная женщина не могла освободиться въ ожиданіи минуты свиданія съ суровымъ старикомъ, отвергавшимъ ее до-сихъ-поръ съ такимъ презрѣніемъ,— какъ бы то ни было, но взоры ея, всегда столь ясные и спокойные, опускались теперь въ землю, чтобъ скрыть слезы, готовыя скатиться съ черныхъ рѣсницъ ея.

Люди стараго графа, въ траурныхъ одеждахъ, собрались въ передней. Почти всѣ они давно уже принадлежали къ этому дому; они знали лорда Мельбурна еще въ дѣтствѣ его, и ихъ почтительные взоры останавливались съ участіемъ на его юномъ, прекрасномъ семействѣ. Вилисъ, камердинеръ отца его, подошелъ къ лорду и отъ имени всѣхъ своихъ товарищей привѣтствовалъ возвращеніе его въ домъ родительскій.

Лордъ Мельбурнъ, выслушавъ милостиво стараго слугу и поблагодаривъ, спросилъ, можетъ ли отецъ принять его.

— Онъ ожидаетъ васъ, милордъ, отвѣчалъ каммердинеръ; не

угодно ли будетъ миледи войдти въ комнаты, ей назначенныя, потому-что графъ желаетъ говорить съ сыномъ своимъ наединѣ?

Леди Нелли, радуясь этой минутной отсрочкѣ, оставила руку своего мужа, который съ взволнованнымъ, трепещущимъ сердцемъ пошелъ къ двери отцовскаго кабинета; вошедъ, онъ бросился на колѣни предъ кресломъ, гдѣ сидѣлъ старый графъ.

«Встань!» сказалъ ему отецъ строгимъ голосомъ: «я прощаю тебя, потому-что братъ твой уже не существуетъ.»

Кàкъ ни суровы были эти слова, лордъ Мельбурнъ съ покорностью выслушалъ ихъ.

«Ты привезъ съ собою свое семейство» продолжалъ графъ: «я увижусь съ нимъ, когда оно одѣнется въ платье, приличное теперешнимъ обстоятельствамъ.»

— Дѣти мои носятъ уже трауръ по дядѣ своемъ, и леди Нелли съ своей стороны также не забыла изполнить этой обязанности.

«Въ такомъ случаѣ они могутъ прійдти; но чтобъ послѣ этого все опять вошло въ обыкновенный порядокъ. Ты разпорядишься однако, чтобъ дѣти твои не безпокоили меня?»

Старикъ сдѣлалъ знакъ Вилису, чтобъ онъ позвалъ семейство лорда Мельбурна. Прошло нѣсколько минутъ, и оно не являлось: лордъ понялъ причину этой медленности, когда, при входѣ леди Нелли въ кабинетъ графа, онъ увидѣлъ, что блѣдность лица ея еще усилилась; онъ подошелъ къ женѣ, чтобъ поддержать ее; дѣти со страхомъ прятались за свою мать.

«Ты, кажется, научилъ ихъ очень бояться меня?» сказалъ графъ суровымъ тономъ.

Леди Нелли упала на колѣни и привлекла къ себѣ дѣтей своихъ.

«Знаки уваженія нѣсколько запоздалые» возразилъ старикъ: «но все равно; я простилъ. Помните, миледи: я принялъ васъ въ домъ свой съ условіемъ, что никто не будетъ нарушать моего спокойствія.»

Онъ сдѣлалъ знакъ, чтобъ его оставили одного, и въ-продолженіи трехъ лѣтъ, которые назначено ему было прожить еще, не сказалъ ни одного ласковаго слова ни дѣтямъ, ни внукамъ своимъ. Но смерть поразила не одного безполезнаго старика: она прекратила также дни доброй матери семейства, юной и еще прекрасной: Нелли умерла въ тотъ же годъ отъ изнуренья силъ, а можетъ-быть и отъ грусти. Ледяная холодность къ ней стараго графа и печальная жизнь, которую вели ея дѣти, уничтожали ея здоровье и наполняли грустію это сердце, которому были необ-

ходимы чистый воздухъ, спокойствіе и разсѣяніе. Она умерла — и лордъ Мельбурнъ остался одинъ съ четырьмя дѣтьми, изъ коихъ старшему было 15 лѣтъ, а младшему 3 года.

Потеря эта сильно поразила лорда; онъ долго противился совѣту врачей, но наконецъ долженъ былъ отправиться въ Южную Францію, помѣстивъ прежде отъѣзда, какъ мы уже сказали, трехъ дочерей своихъ въ пансіонъ къ мистриссъ Гарингтонъ.

Два года былъ онъ уже въ отсутствіи, какъ вдругъ маленькая Люція, младшая изъ дочерей его, сдѣлалась больна крупомъ и, не смотря на всѣ пособія искусства, на всѣ попеченія, не вынесла этого страшнаго недуга — умерла. Обѣ сестры ея напрасно молились подлѣ ея кровати: этотъ юный ангелъ не хотѣлъ оставаться на землѣ; и онѣ, осыпавъ Люцію погребальными цвѣтами, съ рыданіями проводили въ обитель вѣчнаго покоя.

Сестры ея много плакали, но старшая изъ нихъ, Марія, характера болѣе твердаго, указала Нелли на небо и сказала:

— Она соединилась теперь съ нашею доброю матерью, она теперь счастлива и будетъ молиться за насъ.

Мистриссъ Гарингтонъ была однакоже очень опечалена и встревожена. Лордъ Мельбурнъ ввѣрилъ ей три сокровища, и она могла возвратить ему только два изъ нихъ; одно убѣжденіе совѣсти, говорившей ей, что она употребила всѣ средства къ спасенію маленькой Люціи, могло дать ей силы сообщить отцу такую ужасную вѣсть.

Къ-счастію, говорила она самой-себѣ, садясь за свой письменный столъ: къ-счастію, здоровье лорда Мельбурна съ нѣкотораго времени очень поправилось, и онъ перенесетъ это ужасное извѣстіе; притомъ же оно прійдетъ къ нему издалека, да и Люція была его младшая дочь, которую онъ зналъ менѣе другихъ.

И, успокоенная нѣсколько этими размышленіями, она хотѣла уже приняться за письмо, какъ въ эту самую минуту раздался у воротъ дома звонокъ.

— Поди, Девія, узнай, кого тамъ спрашиваютъ, сказала она, обращаясь къ своей старой ключницѣ: и скажи, что меня нѣтъ дома. Мнѣ нужно написать письмо.

«Угадайте, мистриссъ, кто пріѣхалъ?» воскликнула возвратившаяся Девія ... «Угадайте!»

— Мнѣ некогда отгадывать; но ты пугаешь меня, ты такъ блѣдна, говори, кто же?

«Лордъ Мельбурнъ съ какою-то молодою, прекрасною дамой.»

— Боже мой! лордъ Мельбурнъ!.. и онъ вѣрно ужь знаетъ...

«Ничего не знаетъ, мистриссъ; пріѣхавъ, онъ тотчасъ спросилъ о васъ, и я ввела его въ музыкальную залу; онъ былъ веселъ, смѣялся и говорилъ: О! какъ онѣ удивятся всѣ трое...»

—Трое!.. Бѣдный отецъ! что съ нимъ будетъ? И мистриссъ Гарингтонъ болѣе чѣмъ когда-либо почувствовала всю тяжесть обязанности, которая лежала на ней; но, рѣшась исполнить ее съ твердостью, она поспѣшила въ залу.

При первомъ словѣ лордъ Мельбурнъ угадалъ свое несчастіе; онъ закрылъ лицо руками и слезы брызнули изъ глазъ его.

— Бѣдная малютка! повторялъ онъ: еслибъ я пріѣхалъ по-крайней-мѣрѣ вчера; я бы могъ обнять ее. Люція! кроткій ангелъ мой, за-чѣмъ ты оставила меня!

«Милордъ» сказала незнакомка: «репутація, которою пользуется мистриссъ Гарингтонъ, горесть, обнаруживающаяся на лицѣ ея, все это должно служить вамъ вѣрнымъ доказательствомъ, что о дочери вашей были приложены всевозможныя попеченія.»

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь; но можетъ-быть, взглядъ на отца...

Двѣ дочери лорда Мельбурна вошли въ эту минуту въ залу; вторая изъ нихъ, Нелли, была совершенный портретъ матери, имя которой она носила; старшая же, Марія, не походила ни на кого въ семействѣ: казалось, будто она заняла типъ красоты у своей отчизны — Шотландіи: большіе черные глаза ея были опушены длинными ресницами и отбрасывали едва-замѣтную тѣнь на нѣсколько-блѣдныя щеки; а волны темно-каштановыхъ волосъ, окружая ея прекрасную головку, падали въ густыхъ локонахъ на бѣлыя, роскошныя плечи. Въ ней все было нѣжно, очаровательно, воздушно — такъ-что самъ Оссіанъ могъ бы принять ее за свою обожаемую Мальвину.

Лордъ Мельбурнъ, удивленный такою красотою и счастливый ею, забылъ на минуту свою потерю и съ любовію смотрѣлъ на тѣхъ, которыя остались ему. Между-тѣмъ Марія, какъ старшая дочь, сочла обязанностью отдать ему отчетъ въ болѣзни Люціи и съ горькими слезами разсказала ему все, что было сдѣлано для ея спасенія.

— Бѣдная малютка! прибавила Марія: за нѣсколько дней еще была она весела и здорова, а теперь намъ остались отъ нея только эти русые локоны, которыми я такъ часто играла.

Лордъ Мельбурнъ прижалъ ихъ къ устамъ своимъ.

Дама, пріѣхавшая съ нимъ, подошла къ окну; видъ ея показывалъ какую-то особенную холодность и замѣшательство: лордъ Мельбурнъ замѣтилъ это.

— Дѣти мои, сказалъ онъ, взявъ обѣихъ дочерей своихъ за руки: надобно покориться волѣ небесъ. Богъ взялъ у меня то, что̀ даровалъ мнѣ; но, лишивъ васъ сестры, онъ посылаетъ вамъ въ то же время большое утѣшеніе; да, дѣти мои, онъ возвращаетъ вамъ мать.

Нелли подняла на отца глаза свои, полные слезъ, и въ ту жъ минуту съ робостью потупила ихъ въ землю; но Марія, отступивъ на нѣсколько шаговъ и взглянувъ на него своимъ быстрымъ взоромъ, сказала голосомъ, въ которомъ дышало грустное негодованіе:

«Наша мать тамъ, на небесахъ, и никогда не можетъ быть возвращена намъ.»

— Конечно, не та̀, которая дала вамъ жизнь, отвѣчалъ лордъ Мельбурнъ, съ кротостью и нѣжно: но другая, которая могла замѣнить ее.

«Замѣнить намъ мать, милордъ!» воскликнула Марія: «какая женщина могла бы надѣяться этого?»

—«Милая Марія» замѣтила мистриссъ Гарингтонъ съ важностію: «не увлекайтесь такъ порывомъ горести; выслушайте меня, милордъ, не сердитесь на нее... Марія, будьте благоразумны... взгляните на насъ...

Марія стояла неподвижно и не подняла на отца взоровъ своихъ.

— Дочь моя, сказалъ графъ: рекомендую тебѣ баронессу де-Торсей, которая называется теперь леди Клементина Мельбурнъ; она будетъ любить дѣтей моихъ любовью истинной, нѣжной матери, и доказательства въ привязанности ко мнѣ служатъ мнѣ ручательствомъ, что она сдержитъ свое слово.

Леди Мельбурнъ приблизилась и протянула объятія свои къ Нелли, которая, увлекаемая отцомъ, тихо упала въ нихъ... Марія осталась неподвижна на своемъ мѣстѣ.

— Дочь моя! воскликнулъ милордъ голосомъ, въ которомъ отозвался гнѣвъ: леди Мельбурнъ хочетъ обнять тебя!

Марія не пошевелилась.

Мистриссъ Гарингтонъ, удалившаяся предъ тѣмъ на конецъ комнаты, услыхавъ угрожающій голосъ отца, поспѣшила къ Маріи и, съ дружескимъ участіемъ взявъ ее за руку, сказала съ нѣжностію:

—«Милая Марія... вы были всегда такъ покорны, вы такъ пламенно желали увидѣть опять отца своего!...»

«Моего отца!» воскликнула Марія, схвативъ руки лорда Мельбурна... «О! да... я пламенно этого желала, но только не...»

— Не съ новою супругой, прибавила леди Клементина съ надменностію... Признаюсь, миссъ, я не ожидала подобнаго пріема, и можетъ быть лордъ Мельбурнъ не долженъ бы былъ подвергать меня ему.»

«— Марія, ты глубоко огорчаешь меня» сказалъ лордъ Мельбурнъ.

«О нѣтъ, я не хочу огорчать васъ» прошептала Марія, залившись слезами... «Нѣтъ, батюшка, нѣтъ... простите меня... и вы, миледи, вы также должны извинить меня... Я буду для васъ тѣмъ, чѣмъ должна быть; я изполню волю моего отца...»

Леди Клементина сдѣлала головою движеніе, въ коемъ выразилась досада и презрѣніе, однакоже она пересилила себя и простерла къ Маріи объятія; но гордая дѣвушка не бросилась на грудь своей мачихи, а только тихо склонилась къ рукамъ ея.

— Мистриссъ Гарингтонъ, сказалъ тогда лордъ Мельбурнъ: я увожу съ собою дочерей моихъ; прикажите приготовить все, что̀ нужно къ ихъ отъѣзду... Но онѣ станутъ навѣщать васъ, и никогда не забудутъ...

«Батюшка» сказала съ робостью Марія, прервавъ лорда Мельбурна: «я хочу просить у васъ одной милости... оставьте насъ, — по крайней-мѣрѣ меня, если сестра моя не раздѣляетъ моего желанія, оставьте меня здѣсь еще на нѣкоторое время; я бы не хотѣла вступить въ домъ вашъ въ этой траурной одеждѣ; я...»

— «Будьтѐ снизходительны, милордъ» возразила леди Клементина съ притворнымъ добродушіемъ: «и не огорчайте миссъ Марію отказомъ; но ты, моя миленькая Нелли...»

«О! что до меня, отвѣчала простодушная дѣвушка, я никогда не разставалась съ моею сестрою.»

— Милордъ! воскликнула леди Клементина, оставшись одна съ нимъ въ коляскѣ: я предвижу, что дочери ваши будутъ стоить мнѣ многихъ слезъ и безпокойства, особенно Марія, и...

«О! какъ она прекрасна!» воскликнулъ отецъ: «и какъ моя Нелли похожа на мать свою!...»

II.

Пышный, древній домъ стараго лорда Мельбурна принялъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ совершенно иной видъ: окрашенный бѣлою краскою, онъ потерялъ мрачное свое величіе и

получилъ какой-то несвойственный ему видъ щеголеватости, которая, можетъ-быть, нравилась глазамъ толпы, но не могла не возбудить негодованія въ истинныхъ любителяхъ изящнаго. Мѣсто древнихъ, высѣченныхъ изъ камня гербовъ и готическихъ столярныхъ украшеній на стѣнахъ заняли мраморныя статуи, мозаики и шелковыя ткани самыхъ яркихъ цвѣтовъ. Въ садахъ не сохранилось ни одного изъ тѣхъ старинныхъ вязовъ, за которыми цѣлое поколѣніе садовниковъ ухаживало съ такою заботливостію; старинныя бесѣдки были замѣнены новыми щеголеватыми павильйовами, и широкая террасса, осѣненная тополями, подъ тѣнію коихъ укрывались предки лорда Мельбурна, уступила свое мѣсто пышному портику въ итальянскомъ вкусѣ.

Эта смѣсь древности съ новизною не отличалась изяществомъ вкуса, но всѣ перемѣны были сдѣланы тою, которая въ домѣ лорда Мельбурна повелѣвала какъ царица и не обращала вниманія на желаніе его оставить древнее жилище предковъ въ прежнемъ видѣ.

Однакожь всѣ эти украшенія были ничто въ сравненіи съ тою роскошью и великолѣпіемъ, которыми отличались комнаты, назначенныя собственно для леди Клементины: тамъ соединила она все, что игривое воображеніе Французовъ могло выдумать прекраснаго и дорогаго.

Туалетъ графини сообразовался совершенно съ великолѣпіемъ, окружавшимъ ее; пренебрегая обычаями страны, въ которой она избрала себѣ супруга, леди Мельбурнъ завтракала въ своемъ будуарѣ съ однимъ молодымъ человѣкомъ, котораго щеголеватая одежда и легкое, свободное обращеніе обнаруживали какъ-нельзя лучше вѣтреннаго Француза.

— Да, говорилъ онъ, развалившись съ какою-то фамильярностью въ эластическихъ креслахъ, поставленныхъ подлѣ стола, гдѣ былъ приготовленъ завтракъ:—да, Клементина, я пришелъ нарочно для-того, чтобы браниться съ тобою, и вижу, что ты опять какъ и всегда останешься права.

«Это доказываетъ, Рэмонъ, что теперь, какъ и всегда, ты долженъ былъ сознаваться въ превозходствѣ моего ума предъ твоимъ.—Но дай мнѣ позвонить, чтобъ кто-нибудь пришелъ избавить насъ отъ этого чая, который, признаюсь, начинаетъ надоѣдать мнѣ; я прикажу также всѣмъ отказывать, и не пріиму никого.»

— Надѣюсь, кромѣ мужа; а то съ нимъ шутить неловко. — У меня была когда-то любовницей одна Англичанка, увѣрявшая, что

жизнь замужнихъ женщинъ въ Англіи несносна, и что только однѣ дѣвушки пользуются здѣсь почти совершенною свободой дѣлать что̀ имъ угодно. Взвѣсивъ все это, я до-сихъ-поръ не могу понять, какимъ-образомъ ты, любившая всегда независимость и наслаждавшаяся сю въ полномъ смыслѣ слова, могла промѣнять ее на такой скучный родъ жизни... Вѣрно любовь вскружила тебѣ голову?

«Любовь?» отвѣчала графиня, играя небрежно концами своего пояса: «ты очень хорошо знаешь, Рэмонъ, что я только одинъ разъ изпытала ее; но урокъ, данный мнѣ тогда, доказалъ, что чувство это бываетъ всегда гибельно для женщинъ.»

— Что̀ касается до уроковъ, то мнѣ кажется, ты скорѣе могла бы сама давать ихъ, чѣмъ получать... Но не будемъ говорить объ этомъ времени; ты очень-хорошо знаешь уговоръ нашъ никогда не возобновлять всѣхъ этихъ пошлыхъ, сантиментальныхъ фразъ, этого притворства, подъ которымъ мужчина скрываетъ свое разпутство, а женщина свои слабости; мы какъ-нельзя-лучше убѣдились, что ни ты, ни я не были созданы для священнаго чувства любви; но какъ между нами существуютъ кой-какія небольшія тайны, обнаруженіе которыхъ, конечно, было бы для тебя очень-непріятно, то я, преслѣдуемый моими кредиторами, не имѣя ни одного франка дохода и зная, что ты богата, явился напомнить тебѣ союзъ, заключенный нами когда-то.... Впрочемъ, мы не видались съ тобою уже два года, и мнѣ неизвѣстно....

«Множество обстоятельствъ» прервала его графиня: «но дай мнѣ увѣриться, что никто не можетъ насъ подслушать.»

Она отворила дверь, и видя, что они были совершенно одни, возвратилась на свое прежнее мѣсто, спросивъ Рэмона, намѣренъ ли онъ выслушать ее со вниманіемъ. Въ знакъ отвѣта онъ кивнулъ головою.

«Я была возпитана, какъ тебѣ извѣстно, одною родственницею, которая принесла меня въ жертву барону Торсею, одному изъ твоихъ родственниковъ...»

— Что̀ это? чортъ возьми!... воскликнулъ Рэмонъ, перебивъ ее: кажется, ты намѣрена разсказывать мнѣ ту исторію, которую сплела для своего Англичанина! Напрасный трудъ, моя милая! я уже давно сказалъ тебѣ, что знаю изъ твоего прошедшаго все, что̀ только можно было узнать. Ты была любовницею барона Торсея, который наконецъ женился на тебѣ, потому-что разстроилъ свое состояніе, да притомъ ему была нужна женщина для управленія

домомъ,—и какимъ домомъ? аристократическимъ гнѣздомъ картежной игры!.. Ты знаешь, Клементина, что все это очень-хорошо мнѣ извѣстно, для-чего жь хочешь обманывать меня?... Это все равно, еслибъ я сталъ увѣрять тебя, что никогда не былъ игрокомъ и вѣтреникомъ. Ты имѣла любовниковъ, я былъ одинъ изъ числа ихъ; ты оказала мнѣ кой-какія услуги, я ничѣмъ не вредилъ тебѣ; конечно, мнѣ было бы легко это сдѣлать, но я всегда придерживался дружбы женщинъ и остался съ тобою въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ... Однако довольно объ этомъ; говори, какимъ-образомъ сдѣлалась ты графинею Мельбурнъ?

«Баронъ де-Торсей былъ очень боленъ» продолжала Клементина, закусивъ съ досады губы: «мы отправились въ Ницу, гдѣ онъ умеръ. Я готовилась уже возвратиться въ Парижъ, когда пріѣхалъ лордъ Мельбурнъ; онъ нанялъ домъ, бывшій рядомъ съ моимъ домомъ, онъ, казалось, былъ очень несчастливъ, и оплакивалъ смерть женщины, которую любилъ нѣжно; однакоже....»

— Однакоже тебѣ удалось вскружить ему голову? замѣтилъ Рэмонъ.

«Да» отвѣчала Клементина: «надобно знать все расположеніе Англичанъ къ романическимъ, восторженнымъ чувствамъ, для-того, чтобы понять, какимъ-образомъ лордъ Мельбурнъ могъ привязаться ко мнѣ, самъ того не зная и даже не желая. Но это было такъ; и, не смотря на клятву, данную имъ умирающей женѣ своей, не давать дѣтямъ мачихи, я сдѣлалась графинею Мельбурнъ. Я знала, что онъ былъ чрезвычайно-богатъ, и это обстоятельство рѣшило меня пренебречь непріятностью, въ 26 лѣтъ принять на себя имя мачихи четырехъ дѣтей, въ числѣ которыхъ были двѣ уже взрослыя дѣвушки.

«Мы обвѣнчались въ Тулонѣ, и, проведя нѣсколько мѣсяцевъ въ Италіи, гдѣ власть моя надъ лордомъ Мельбурномъ укрѣпилась какъ-нельзя-болѣе, отправились въ Англію, куда милордъ желалъ съ нетерпѣніемъ возвратиться, хотя былъ, по-видимому, очень тревожимъ мыслію о томъ, какъ пріймутъ меня его родные, а въ особенности его дѣти...»

— А эти дѣти, гдѣ они?

«Сэръ Вильямъ, наслѣдникъ его имени, вышелъ изъ Оксфордскаго Университета нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ и отправился въ Шотландію, откуда пріѣдетъ завтра. Отецъ очень хвалитъ этого молодаго человѣка. Изъ трехъ дочерей лорда Мельбурна, одна

умерла по седьмому году, въ пансіонѣ, гдѣ остались двѣ другія. Онѣ также будутъ здѣсь завтра.

«Вотъ все, что я могу сказать тебѣ, Рэмонъ; и прибавлю только, что счастіе, которымъ я думала наслаждаться безъ помѣхи, измѣняетъ мнѣ. Признаюсь тебѣ, въ первый разъ въ жизни почувствовала я ненависть, и ненависть эта не несправедлива, потому-что ее оказываютъ также и мнѣ. Къ-тому же, надобно сказать правду, съ-тѣхъ-поръ, какъ лордъ Мельбурнъ увидѣлъ опять дочерей своихъ, онъ уже не тотъ, что былъ прежде.»

— Ненависть!... къ этимъ молодымъ дѣвушкамъ? сказалъ, какъ-будто про себя, Рэмонъ.

«По-крайней-мѣрѣ, къ одной изъ нихъ» отвѣчала леди Клементина: «потому-что она показала ко мнѣ пренебреженіе. Еслибъ я нашла покорныхъ, глупыхъ дѣвчонокъ, принимающихъ съ благодарностію и почтеніемъ мои ласки и тѣ подарки, которые я привезла имъ изъ Франціи, я, можетъ-быть, была бы для нихъ очень нѣжною мачихой. Но вмѣсто маленькихъ, простодушныхъ дѣвочекъ, увидѣла я двухъ взрослыхъ дѣвицъ, изъ которыхъ одна, бѣлокурая Нелли, могла бы мнѣ понравиться, еслибъ ей не повторяли безпрестанно, что она настоящій портретъ матери; думаю даже, что я привязала бы ее къ себѣ, еслибъ Марія, старшая ея сестра, не поддерживала ее въ непріязненности ко мнѣ. Маріи 16 или 17 лѣтъ; вообрази себѣ одно изъ тѣхъ лицъ, исполненныхъ благородства, которыя изумляютъ своею красотою и внушаютъ какое-то невольное уваженіе величіемъ своего выраженія; прибавь къ этому характеръ твердый, волю неизмѣнную, и ты будешь имѣть понятіе о Маріи. Представь — она въ моемъ присутствіи, безъ всякаго принужденія, объявила, что никогда не ожидала имѣть мачихи! Замѣшательство лорда Мельбурна было чрезвычайно, и она выпросила у него позволенія остаться въ своемъ пансіонѣ, оплакивать тамъ свою маленькую сестру; Нелли также захотѣла остаться тамъ, и я возвратилась сюда одна съ лордомъ Мельбурномъ, грустнымъ и молчаливымъ. По пріѣздѣ сюда, онъ заперся въ той комнатѣ, гдѣ умерла жена его, провелъ тамъ почти цѣлый день, и когда вышелъ оттуда, лицо его было блѣдно и встревожено. Наконецъ, онъ поѣхалъ къ дочерямъ своимъ, не предложивъ мнѣ сопутствовать ему, и только объявилъ, что завтра онѣ будутъ здѣсь. Итакъ, все семейство соберется вокругъ меня, и я боюсь, что между нами завяжется борьба, въ которой мнѣ нужно будетъ призвать на помощь всю мою ловкость и весь

умъ. Однакоже власть моя надъ лордомъ Мельбурномъ, кажется не ослабѣла; онъ далъ мнѣ волю переворнуть по-своему весь домъ и просилъ только не трогать комнатъ покойной его жены, въ которыхъ будутъ жить его дочери.—Ты вѣрно замѣтилъ приготовленія къ празднику, который долженъ быть данъ здѣсь послѣ завтра, по случаю соединенія всего семейства. До-сихъ-поръ, мы никого еще не принимали, и, кажется, милордъ боится, что я не понравлюсь роднымъ его. Англичанки такъ скромны, такъ жеманны, что непринужденность нашего обращенія кажется имъ неприличною. Но все равно, я рѣшилась покориться образу жизни, который, признаюсь, мнѣ въ тягость — и пріѣздъ твой, Рэмонъ, очень-кстати: ты поможешь мнѣ переносить скуку безпрестаннаго притворства, и, увѣряю тебя, найдешь во мнѣ прежнюю дружбу. Я представила тебя милорду, какъ моего двоюроднаго брата; имя это дастъ мнѣ болѣе свободы, и ты увидишь, что успѣхъ оправдалъ мои предположенія; мы сидимъ теперь съ глаза на глазъ, въ будуарѣ—а будуаръ англійской леди есть убѣжище, куда допускаются только мужъ и дѣти.»

—О, что̀ до этого, я увѣренъ, что ты не будешь обращать вниманіе на всѣ смѣшные предразсудки! Но возвратимся къ миссъ Маріи: такъ она очень-хороша?

«Лучше, чѣмъ ты можешь себѣ представить!—Она не изъ тѣхъ блѣдныхъ Англичанокъ, у которыхъ на лицахъ напрасно стали бы искать души или какого-нибудь выраженія. Нѣтъ, глаза и волосы ея черны и такъ прекрасны, что такихъ нелегко найдти даже въ женщинѣ, рожденной на югѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что при появленіи своемъ въ свѣтъ, Марія произведетъ сильное впечатлѣніе, и—скажу тебѣ откровенно, что для моего самолюбія слишкомъ оскорбительно быть въ двадцать-шесть лѣтъ менторшею такой красавицы, которая, кромѣ всѣхъ прелестей своихъ, обладаетъ еще твердымъ характеромъ и имѣетъ большую власть надъ отцомъ своимъ. Кто знаетъ, не сокрушитъ ли эта власть мою собственную? Лордъ Мельбурнъ былъ ко мнѣ очень-щедръ и великодушенъ; но, не смотря на это, слѣдующая мнѣ изъ его имѣнія часть будетъ очень-незначительна, если я не дамъ ему наслѣдника... Ахъ, еслибъ Марія могла скорѣе выйдти замужъ!»

— А что̀ же этому мѣшаетъ, возразилъ Рэмонъ съ самонадѣянностію: развѣ меня нѣтъ здѣсь?

«У тебя нѣтъ за душою ни одного франка, и репутація твоя...»

— Что за бѣда!... Я знаю, что различнаго рода справки помѣшали мнѣ уже не въ одной женитьбѣ; но если бы мнѣ удалось внушить этой прекрасной, гордой Англичанкѣ сильную страсть, почему бы союзъ этотъ былъ тогда невозможенъ?

«Конечно» возразила иронически Клементина: «ты обладаешь всѣми достоинствами, чтобъ понравиться женщинѣ нѣжной и чувствительной; у тебя не достаетъ только одной души, а Марія одна изъ тѣхъ дѣвушекъ, которая легко можетъ объ этомъ догадаться. Вы отъявленный негодяй, любезнѣйшій мой братецъ, — надобно же, чтобъ я пріучилась называть тебя этимъ именемъ,—и никогда не будете имѣть того, что нужно для одержанія побѣды надъ сердцемъ чувствительной женщины: у васъ нѣтъ —дара убѣждать въ искренности своей любви.»

— А кто сказалъ тебѣ, что я не способенъ любить искренно!... Ахъ! еслибъ я встрѣтилъ женщину, которая была бы достойна моей любви, то не былъ теперь тѣмъ, что есть на самомъ дѣлѣ!...

Клементина отвернулась, сказавъ съ примѣтною досадой:

«Не будемъ говорить объ этомъ вздорѣ!»

— Напротивъ, будемъ говорить. Знаешь ли, мнѣ кажется, будто я уже влюбленъ... твоя падчерица представляется мнѣ существомъ столь прекраснымъ, идеальнымъ... однимъ-словомъ, я хочу, чтобъ она полюбила меня, а остальное пріидетъ само собою.

«Какая самонадѣянность!»

— Я чувствую себя въ состояніи поддержать ее, если ты съ своей стороны станешь поддерживать меня; и въ отплату за это я освобожу тебя отъ этой опасной красавицы. Я въ Англіи только нѣсколько дней и сытъ уже по-уши ея туманомъ и гусиною важностью ея жителей; мнѣ надобно возвратиться скорѣе во Францію; тамъ только умѣютъ жить и веселиться; пусть лордъ Мельбурнъ дастъ мнѣ хорошее приданое, и я повезу въ Парижъ его очаровательную дочь.

«Хорошо!» сказала графиня послѣ минутнаго размышленія: «но слушай, Рамонъ, дѣйствуй благоразумно и осторожно; вспомни, что здѣсь дѣло идетъ не о такой женщинѣ, которая ждетъ только минуты, чтобы сдаться; ты узнаешь дѣвушку очаровательную и чистую: если она и дѣйствительно полюбитъ тебя, то будетъ скрывать это долго. Впрочемъ, если ты успѣешь заслужить ея любовь, то можешь надѣяться всего, потому-что лордъ Мельбурнъ никогда не будетъ противиться желанію своихъ дѣтей, хо-

-тя думаю, что онъ почтетъ за большое несчастіе, если дочери его выберутъ себѣ въ супруги не Англичанъ.»

— Но вспомни, Клементина, что если она выйдетъ за Англичанина, то ты всегда будешь имѣть ее предъ своими глазами; вспомни, что она никогда не полюбитъ женщину, занявшую мѣсто ея матери, и что ты вѣчно будешь ненавидѣть ее, какъ предметъ затмѣвающій тебя... Все доказываетъ тебѣ, что она должна быть непремѣнно моею женою и что только этимъ можешь ты избавиться отъ нея.

«Но къ этому слишкомъ-много препятствій!» замѣтила Клементина.

— Которыя можетъ побѣдить любовь... Ты обязана этому глупому чувству настоящимъ своимъ благосостояніемъ: почему же не могу я быть обязанъ ему же моимъ будущимъ счастіемъ? Я не могу жаловаться на природу; она не была скупа для меня; къ-тому же ты знаешь, что я умѣю обращаться съ женщинами, а твоя Марія конечно не изъ мрамора.

Рэмонъ де-Вервиль, говоря такимъ-образомъ, разгорячился; лицо его, дѣйствительно-прекрасное, приняло такое обольстительное выраженіе, что леди Клементина, потупивъ глаза, глубоко вздохнула и сказала ему:

«Да, да, я думаю, что Марія можетъ полюбить тебя.»

Въ эту минуту лордъ Мельбурнъ вошелъ въ будуаръ.

— «Кажется, у васъ фамильная консультація, леди Мельбурнъ?» сказалъ онъ довольно серьёзно. «Простите, если я помѣшаю ей и попрошу васъ взглянуть на приготовленія къ нашему рауту.»

«Братъ мой поможетъ намъ своими совѣтами» отвѣчала леди Клементина. «Тамъ, гдѣ дѣло касается праздниковъ и баловъ, онъ рѣшительно въ своей сферѣ, и мы должны быть ему очень-благодарны за то, что онъ отказывается отъ всѣхъ удовольствій, призывающихъ его во Францію, и посвящаетъ намъ хотя нѣсколько изъ своего времени.»

Лордъ Мельбурнъ поклонился довольно-сухо, но не счелъ нужнымъ благодарить за такую жертву, и всѣ вышли изъ будуара въ галлерею, приготовленную для раута. Тамъ Рэмонъ развилъ все богатство своего воображенія и самъ уставлялъ цвѣты и деревья. Онъ провелъ нѣсколько часовъ въ этомъ важномъ занятіи, и когда вышелъ изъ дома Мельбурна, то былъ совершенно-доволенъ собою.

— До завтра, сестрица! сказалъ онъ Клементинѣ уходя.

«Миледи!» сказалъ лордъ Мельбурнъ женѣ своей съ важностію, когда они остались одни: «англійскіе нравы совершенно-противоположны вашимъ. Завтра дочери мои будутъ здѣсь, и я почитаю нужнымъ замѣтить, что излишняя фамильярность ваша съ г. Вервилемъ будетъ уже неприлична.»

«Итакъ мы будемъ жить какъ затворницы?» воскликнула леди Клементина.

— Конечно нѣтъ; послѣ-завтра вы пріймете у себя въ домѣ все, что только Лондонъ имѣетъ блистательнаго; но потомъ мнѣ будетъ необходимо насладиться счастьемъ въ домашнемъ кругу моемъ; и счастіе это будетъ тогда только совершенно, когда дѣти мои будутъ вмѣстѣ со мною.

III.

Портикъ древняго дома лордовъ Мельбурновъ горѣлъ блестящимъ освѣщеніемъ; безчисленное множество каретъ тѣснилось вокругъ сквера, разстилавшагося передъ нимъ, и подъ перистилемъ, раздушеннымъ какъ оранжерея, были разостланы богатые ковры, по которымъ гости всходили черезъ мраморную лѣстницу въ залу, гдѣ множество люстръ и жирандолей разливало ослѣпительный свѣтъ. Золото и шелковыя ткани перемѣшивались между собою на стѣнахъ и мёбеляхъ, и въ убранствѣ всего дома былъ замѣтенъ тотъ изящный вкусъ, который Англичане заняли у своихъ сосѣдей. Женщины прекрасныя и молодыя отличались пышностью своего туалета и носились по залѣ въ шумномъ галопадѣ, который даже въ Лондонѣ получилъ гражданственность и побѣдилъ національную англійскую важность. Удовольствіе сіяло на всѣхъ лицахъ, и цѣлыя кучи золота были разбросаны по столамъ въ одной изъ боковыхъ залъ, гдѣ множество джентльменовъ сидѣло за картами.

«Не играй» сказала тихо леди Клементина Рэмону, который собирался-было также войдти въ эту залу; «помни, что лордъ Мельбурнъ никогда не отдастъ своей дочери за игрока.»

Рэмонъ съ сожалѣніемъ опустилъ въ карманъ гинеи, которыя хотѣлъ-было бросить на зеленое сукно, и возвратился въ большую галлерею, гдѣ обѣ дочери лорда Мельбурна, очаровательныя простотою своего наряда, съ прелестною скромностью отвѣчали на привѣтствія, которыми ихъ засыпали.

Голубые глаза Нелли блистали удовольствіемъ при видѣ этого бала, который казался ей такъ упоителенъ, между-тѣмъ, какъ Марія, не столь восторженная, но волнуемая чувствомъ болѣе глубокимъ, сѣла на свое мѣсто и обратила прекрасную головку къ одному молодому человѣку, стоявшему за ея стуломъ.

— Право, говорила она ему съ улыбкою: право, Артуръ, я не узнала бы васъ, еслибъ вы не вошли вмѣстѣ съ Вильямомъ.

«Да» отвѣчалъ молодой человѣкъ съ глубокимъ вздохомъ: «вотъ уже шесть лѣтъ, какъ мы не видались съ вами; мнѣ было шестнадцать лѣтъ, когда вы покинули нашу Шотландію; но я узналъ бы васъ посреди тысячи женщинъ, потому-что ни у кого нѣтъ этихъ глазъ, этого взора, который уже и тогда говорилъ, что вы будете такъ же прекрасны, какъ и добры.»

— Такъ вы не перемѣнились, Артуръ? отвѣчала молодая дѣвушка, потупивъ глаза: вы всегда останетесь снизходительны къ маленькой подругѣ дѣтскихъ игръ вашихъ. Помните ли вы, какъ я, бывало, трепетала, когда мнѣ случалось всходить на эти утесы, которые вы называли пригорками? Какъ я дрожала отъ страха, когда мы сбѣгали съ нихъ вмѣстѣ, и какъ послѣ сама же смѣялась надъ своею боязнію?

«О, я помню все это, и еслибъ вы знали, сколько разъ, бродя въ опустѣломъ паркѣ, искалъ слѣдовъ вашихъ; сколько разъ упрекалъ я воды свѣтлаго Клейда, зачѣмъ не сохранили онѣ вашего образа!.. И какъ я обрадовался, когда Вильямъ возвратился въ Шотландію и добрый отецъ мой сказалъ мнѣ: «Поѣзжай, Артуръ, въ Лондонъ; заѣзжай къ нашимъ стариннымъ, добрымъ сосѣдямъ. Ты, конечно, не найдешь уже тамъ леди Мельбурнъ; но дочери ея и отецъ ихъ прімутъ тебя хорошо; я въ этомъ увѣренъ.»

Слезы навернулись на глазахъ Маріи. Артуръ встревожился.

— Ничего, Артуръ, ничего, сказала она: возпоминаніе о матери сладостно для меня, хотя всегда стоитъ мнѣ слёзъ. Вы знаете также, что нашъ ангелъ, наша маленькая Люція, которой я поклялась замѣнить мать, уже не существуетъ?.

—«Позволите ли мнѣ, миссъ Марія, просить васъ на первый кадриль?» сказалъ въ эту минуту подошедшій Рэмонъ.

Марія съ холодностью отвѣчала, что она уже ангажирована сэръ Артуромъ.

— «Въ такомъ случаѣ я прошу васъ на второй.»

— Второй принадлежитъ лорду Бертону.

— «Такъ на третій?»

Она тихо кивнула головою и стала продолжать съ другомъ своего дѣтства разговоръ, который былъ для нихъ лучше и интереснѣе всѣхъ кадрилей въ свѣтѣ.

— Такъ мы танцуемъ вмѣстѣ? спросилъ Артуръ съ улыбкой.

«Вы видите, что да» отвѣчала Марія тѣмъ же тономъ: «я воспользовалась правами стариннаго знакомства и сама ангажировала васъ.»

— И прекрасно сдѣлали; располагайте рукою моею на балѣ, а сердцемъ и жизнію всегда и вездѣ.

Марія смутилась и покраснѣла.

Ромонъ, остановившійся въ нѣсколькихъ шагахъ, не спускалъ съ нея глазъ.

— Но скажите мнѣ, продолжалъ Артуръ, становясь съ нею въ кадрили: кто этотъ щеголеватый Французъ, который во весь вечеръ слѣдитъ за вами?

«Родственникъ леди Клементины, парижскій денди, фешёнебль —однимъ словомъ человѣкъ, который, какъ увѣряютъ, одаренъ всѣмъ, что прельщаетъ женщинъ.»

Артуръ внимательно посмотрѣлъ на него.

«Я не люблю этихъ щеголей» продолжала она: «но обязана нѣкоторымъ вниманіемъ къ гостямъ отца моего, тѣмъ болѣе, если они принадлежатъ къ числу родныхъ его жены. Послушайте, Артуръ» прибавила она съ улыбкой: «постарайтесь въ третьей кадрили стать противъ насъ, по-крайней-мѣрѣ мнѣ будетъ не такъ скучно съ этимъ Французомъ, а завтра вы пріидете, какъ бывало прежде, провести съ нами день въ нашемъ домашнемъ кругу. Ахъ! въ немъ не достаетъ только той, которая была такъ кротка съ нами, которая, бодрствуя надъ нашимъ воспитаніемъ, безпрестанно занималась нашимъ счастіемъ и нашими удовольствіями!»

Артуръ сжалъ руку Маріи; она продолжала:

«Черезъ двѣ недѣли ѣдемъ мы въ Мельбурн-Галь, чудесное помѣстье, куда дѣдъ нашъ не позволялъ намъ никогда пріѣзжать и котораго покойная матушка никогда не видала... Вы поѣдете съ нами, не правда ли?»

— Я не знаю, будетъ ли мнѣ это позволено...

«Можете ли вы въ этомъ сомнѣваться? Другъ моего брата, товарищъ нашего дѣтства не будетъ никогда для насъ чужимъ. Къ-тому же вы знаете, Артуръ, что батюшка любитъ васъ; сколько разъ слышала я, какъ онъ говорилъ: еслибъ Вильямъ былъ не то, что

онъ есть, я желалъ бы, чтобъ онъ походилъ на Артура! И развѣ вы не помните, что, получивъ прощеніе моего дѣда, онъ немедленно писалъ къ сэръ Клиффорду и предложилъ ему свои услуги для доставленія вамъ успѣха на такомъ поприщѣ, какое бы вамъ вздумалось избрать; но сэръ Клифордъ отвѣчалъ, что вы нечестолюбивы, и хотите только одного — быть счастливымъ въ вашемъ древнемъ Клифордскомъ Замкѣ.»

— Да, я долго былъ тамъ счастливъ... я украшалъ мое уединеніе возпоминаніями о васъ, я мечталъ, думая видѣть вашъ образъ подъ тѣнію величественныхъ дубовъ нашихъ, а теперь, какъ печально покажется мнѣ это убѣжище, когда, оставаясь тамъ одинъ, я буду думать, что вы, увлеченныя вихремъ свѣта, который станетъ разточать вамъ похвалы, забудете счастливыя времена нашего дѣтства!..

«Какой вы ребенокъ!» сказала Марія, оставивъ въ рукахъ Артура розу, которая за минуту предъ тѣмъ украшала грудь ея: «развѣ забыли вы, что я родилась въ Шотландіи? Брату моему назначено поддержать имя отца моего; Нелли можетъ, если захочетъ, выйдти за какого-нибудь богатаго Англичанина; что̀ же до меня, я никогда не буду...»

Она тихо сжала руку Артура и, не кончивъ фразы, подошла къ отцу своему; но Артуръ конечно понялъ, что̀ она хотѣла сказать, потому-что голова его приподнялась съ какою-то особенною гордостію, счастіе выразилось на лицѣ его, и онъ съ радостью во взорахъ подбѣжалъ къ Нелли просить ее на кадриль для vis-à-vis съ Маріею. Рэмонъ замѣтилъ ту короткость, съ какою молодые люди разговаривали между собою: отъ него не ускользнуло ни малѣйшее выраженіе ихъ лицъ, и когда балъ сталъ подходить къ концу, когда въ залахъ не было уже ни лорда Мельбурна, ни дочерей его, ни Артура Клифорда, онъ подошелъ къ леди Клементинѣ и сказалъ ей:

— Замѣтила ли ты шашни миссъ Маріи?

«Шашни?..»

— Да, она любитъ того Шотландца, котораго этотъ глупецъ Вильямъ привезъ съ собою; она съ нимъ за-одно.

«Ты бредишь!»

— Нѣтъ, не брежу; но выслушай меня и не смѣйся: смѣхъ твой мнѣ досаденъ.

«Странно было бы, однакоже, еслибъ вы хотѣли запретить мнѣ..»

— Миледи, я хочу только увѣрить васъ, что вы очень ошибаетесь, полагая отдѣлаться отъ меня такъ легко; я хочу быть супругомъ миссъ Маріи и буду имъ, во что бы то ни стало!

«Я также отъ этого не прочь, однакоже . . .»

— Тутъ нѣтъ никакого «однакоже», Клементина . . . Ты теперь леди Мельбурнъ, и думаешь, что никто и ничто не въ-состояніи лишить тебя этого титла; но ты ошиблешься. Если лордъ Мельбурнъ узнаетъ, что женщина, избранная имъ въ супруги, опозорила себя публично, что тотъ, котораго она выдаетъ за своего двоюроднаго брата, есть не кто иной какъ прежній ея лю . . .

«Право, Рэмонъ, ваши угрозы мало пугаютъ меня . . . Власть моя надъ лордомъ Мельбурномъ . . .»

— Не такъ прочна, какъ вы изволите полагать. Англичане смотрятъ серьёзно на такія вещи, надъ которыми мы Французы смѣемся. Къ-тому же я, котораго не ослѣпляетъ заблужденіе, я очень хорошо замѣтилъ, что онъ начинаетъ уже разкаяваться въ своей женитьбѣ.

«Какой вздоръ!»

— Нѣтъ, не вздоръ, а правда. Подобно многимъ мужчинамъ, лордъ Мельбурнъ былъ обольщенъ красотою и увѣренностью, что внушаетъ тебѣ страсть истинную; но послѣ, когда онъ разхолодился нѣсколько, когда увидѣлъ опять дѣтей своихъ, то ему стало досадно на тебя, заставившую его забыть клятву, данную имъ умирающей женѣ. Ты не замѣчаешь этого, потому-что, гордая своею красотою, думаешь, что будешь посредствомъ ея вѣчно царствовать. Но онъ обожаетъ дѣтей своихъ: онъ въ-особенности гордится Маріей, которая весьма-дурно скрываетъ свое отвращеніе къ тебѣ. Еслибъ лордъ Мельбурнъ узналъ о твоей прежней жизни, Клементина, то немедленно отослалъ бы тебя во Францію, назначивъ, можетъ-быть, тебѣ изъ великодушія какую-нибудь ничтожную пенсію; итакъ ты видишь, что намъ необходимо остаться друзьями, и что тебѣ непремѣнно нужно имѣть кого нибудь, кто бы могъ поддерживать тебя.

«Ты напрасно думаешь испугать меня, Рэмонъ.»

— Я вовсе не хочу пугать тебя, а говорю правду. Прочитывая твой брачный контрактъ, я видѣлъ, что лордъ Мельбурнъ назначилъ тебѣ довольно значительную часть изъ своихъ доходовъ въ случаѣ своей смерти, но что все имѣніе его переходитъ къ его дѣтямъ, если ты не родишь ему наслѣдника. Ты не знаешь характера Англичанъ: они горды, мечтательны, невольники своего сло-

ва, и лордъ Мельбурнъ, кажется, въ высшей степени таковъ. Случай могъ заставить его позабыть свои обязанности, но оскорбленная гордость можетъ также заставить его рѣшиться на все. Повторяю тебѣ, миссъ Марія должна быть моею женою.

«Но ты самъ говоришь, что она любитъ другаго?»

—Какое мнѣ дѣло до этой ребяческой любви! Мы съ тобою должны быть хитрѣе и умнѣе всѣхъ окружающихъ насъ здѣсь... Прінщи средство сблизить меня съ Маріей, и я отвѣчаю за все остальное.

Въ-продолженіе этого разговора, Клементина не разъ кусала себѣ съ досады губы, но, увидя приближающагося лорда Мельбурна, приняла опять свой обыкновенный безпечный видъ.

«Праздникъ нашъ былъ прекрасенъ» сказалъ онъ, поклонясь Рэмону: «и я благодарю васъ, виконтъ, за участіе, которое вы принимали въ его устройствѣ. Впрочемъ эта попытка не породила во мнѣ страсти къ большому свѣту, которой я никогда не имѣлъ, и я съ величайшимъ наслажденіемъ промѣняю весь этотъ шумъ и суету на свой тихій, безмятежный, семейный кругъ... Итакъ, слѣдуя собственному моему желанію и желанію Маріи, я ускорилъ цѣлою недѣлею нашъ отъѣздъ...»

— Лондонъ еще очень блистателенъ! замѣтила леди Клементина: и я не полагала, чтобъ здѣсь было въ обыкновеніи оставлять его такъ рано.

«Можетъ-быть, для людей, слѣдующихъ законамъ моды» отвѣчалъ лордъ Мельбурнъ очень-серьёзно: «но для отца семейства первою обязанностію должно быть попеченіе о здоровьи и счастія дѣтей его. Мои дѣти, въ-особенности Марія, предпочитаютъ деревню Лондону.»

— Итакъ, милордъ, сказала леди Клементина съ колкостью: вы намѣрены слѣдовать всегда и во всемъ прихотямъ миссъ Маріи...

«И это очень-натурально!» возразилъ Рэмонъ.

Леди Клементина почувствовала, что зашла слишкомъ-далеко и продолжала съ принужденною улыбкою:

— Мы поѣдемъ, когда вамъ будетъ угодно, милордъ. Но вы конечно позволите мнѣ пригласить въ нашъ маленькій семейный кругъ и виконта де-Вервиля?

«Виконтъ будетъ всегда хорошо принятъ» отвѣчалъ графъ съ холодною учтивостью: «и когда мы совершенно устроимся въ Мельбурн-Галлѣ, я буду имѣть честь принять его тамъ.»

Послѣ этого согласія, скорѣе изторгнутаго, нежели даннаго добровольно, лордъ Мельбурнъ поклонился и вышелъ. Въ залахъ не оставалось уже никого, и въ нихъ скоро воцарилось то уединеніе, та скука, которая всегда смѣняетъ шумъ праздника. Цвѣты потеряли прежпюю свою свѣжесть, завяли; полуобгорѣвшія свѣчи были погашены, стулья и столы стояли въ безпорядкѣ, и стукъ послѣднихъ каретъ, удалявшихся отъ подъѣзда, замолкнувъ въ отдаленіи, не нарушалъ уже покоя семейства лорда Мельбурна, которое чрезъ нѣсколько дней выѣхало изъ Лондона и направило путь свой въ Мельбурн-Галль.

IV.

Миссъ Марія Мельбурнъ къ миссъ Шарлотѣ Дормеръ.

Мельбурн-Галль, 18..

«Прошло уже болѣе мѣсяца, какъ мы разстались съ тобою, милая Шарлота, и во все это время я могла написать тебѣ только самое коротенькое письмецо, въ которомъ увѣдомляла, что мы всѣ пріѣхали сюда благополучно, и что скоро ты получишь болѣе подробное описаніе нашего житья-бытья. До-сихъ-поръ я не могла еще сдержать своего обѣщанія, и ты, можетъ-быть, стала бы упрекать меня въ забытіи, еслибъ не знала моей къ тебѣ привязанности. Впрочемъ, я предупреждаю тебя: не ожидай, чтобъ въ письмѣ моемъ была послѣдовательность; я буду писать къ тебѣ когда мнѣ удастся, и хочу, чтобъ письмо это было длинно, потому-что мнѣ есть много кой-о-чемъ поговорить съ тобою и очень-мало свободнаго времени.

«Я продолжаю заниматься музыкой вмѣстѣ съ Нелли; мы часто гуляемъ по окрестностямъ, которыя здѣсь прекрасны, а все свободное отъ этихъ занятій время посвящаю я на убранство небольшаго павильйона, который батюшка отдалъ въ мое распоряженіе. Павильйонъ этотъ стоитъ на самомъ краю парка, окна его обращены къ озеру и изъ нихъ видны окружныя поля; я перенесла туда свой рисовальный станокъ, краски, книги и маленькія пяльцы Нелли; но она сидитъ за ними врядъ ли десять минутъ въ день: прогулки по саду нравятся ей гораздо болѣе, и она бѣгаетъ по аллеямъ съ утра до вечера. Этотъ павильйонъ служитъ для меня маленькимъ раемъ, куда имѣютъ доступъ только тѣ, кого я люблю. Не правда ли, милая Шарлота, что и ты также скоро будешь въ немъ? Впрочемъ, я угадываю, что описаніе моего павильйона не удовлетворяетъ твоего любопытства. Слушай же: мнѣ кажется, буд-

то я теперь героиня какого-нибудь романа, на-примѣръ Кларисса, пишущая къ миссъ Гоу. Но, слава Богу, у меня нѣтъ ни сестры Арабеллы, ни брата Джемса, нѣтъ и Ловеласа... Однакоже здѣсь есть одинъ человѣкъ, — но *начнемъ съ начала*...

«Мнѣ было очень-грустно, когда мы пріѣхали въ Лондонъ. Батюшка, какъ тебѣ извѣстно, пріѣхалъ самъ за нами; леди Клементина ожидала насъ въ гостиной и удостоила выйдти къ намъ на встрѣчу до самой двери... Въ первый разъ, когда я видѣла ее, она была въ шляпѣ и въ утреннемъ нарядѣ; теперь она поразила меня своею красотою. Она показалась мнѣ моложе и прекраснѣе, чѣмъ прежде; но ея смуглое лицо и выраженіе всей физіономіи, которую называютъ живой и остроумной, понравились мнѣ въ этотъ разъ не болѣе, какъ и въ первый. Взоръ ея проницателенъ и смѣлъ, но въ немъ нѣтъ кротости и пріятности; она одѣвается какъ-нельзя-лучше... Кажется, во Франціи искусство одѣваться причисляется къ числу талантовъ, если не къ числу добродѣтелей.

«Леди Клементина обняла меня и я проговорила ей какое-то привѣтствіе, стараясь придать тону моему всевозможную ласковость: я такъ боялась огорчить батюшку!

«Я отправилась къ себѣ; комната, мнѣ назначенная, была та самая, которую занимала моя мать; въ ней, по просьбѣ моей, не сдѣлали никакой перемѣны; рядомъ со мною, въ ротондѣ, служившей матушкѣ будуаромъ, поставлена кровать Нелли; а въ концѣ этого будуара есть маленькая башенька, гдѣ, бывало, матушка учила насъ. Я нашла еще на столѣ книги, которыя она читала, и въ одной изъ нихъ стебелекъ жасмина, найденный мною когда-то въ отдаленномъ уголку сада. Этотъ зеленый стебелекъ только одинъ уцѣлѣлъ въ то время отъ дыханія зимы, и я, обрадовавшись моей находкѣ, съ гордостію принесла этотъ запоздалый цвѣтокъ къ матушкѣ, которая такъ бережно сохранила его.

«Прежде, чѣмъ легла спать, я помолилась Богу у того самаго налоя, который принадлежалъ матушкѣ, и въ душѣ моей поклялась памяти ея быть всегда доброй и непорочной, какою была она. Богъ поможетъ мнѣ сдержать мою клятву! На слѣдующій день утромъ пріѣхалъ братъ нашъ Вильямъ. Ахъ, какъ онъ добръ и любезенъ! Онъ былъ не одинъ: Артуръ, о которомъ я такъ часто говорила тебѣ, пріѣхалъ съ нимъ... Мы всѣ завтракали вмѣстѣ, и когда завтракъ кончился, леди Клементина попросила меня войдти въ мою комнату, куда и сама послѣдовала за мною.

«Тамъ нашла я два платья, убранныя розовыми гирляндами, жемчугъ и разныя другія украшенія.

«Всѣ эти моды привезены изъ Франціи» сказала она мнѣ: «и я надѣюсь, что онѣ вамъ понравятся.»

«Нелли, которой ребячество и легкость нрава тебѣ извѣстны, начала кричать отъ радости при видѣ всѣхъ этихъ нарядовъ; батюшка же смотрѣлъ довольно-холодно на всѣ блестящія безделки.»

— «Что же» сказала леди Клементина съ примѣтнымъ неудовольствіемъ: «не уже ли я не угодила вашему вкусу, миссъ Марія?»

— Все это прекрасно, отвѣчала я, пересиливъ себя, потому-что мнѣ самой на себя было досадно за ту холодность, съ какою я приняла это вниманіе ко мнѣ леди Клементины: но всѣ эти платья и наряды слишкомъ-богаты и пышны для такихъ молодыхъ дѣвушекъ, какъ мы, миледи. Мы только-что вступили въ свѣтъ и батюшка, какъ мнѣ кажется, желаетъ, чтобъ мы отличались въ немъ только простотою. Лордъ Мельбурнъ знаетъ, какъ мало имѣю я разположенія къ свѣту, и обѣщалъ не принуждать меня появляться въ немъ часто. Къ-чему же послужатъ мнѣ наряды, которыми я не буду имѣть случая возпользоваться? Къ-тому же, мистриссъ Гарингтонъ, долго жившая во Франціи и въ Парижѣ, часто повторяла намъ, что тамъ молодыя дѣвушки одѣваются очень-просто.

— «Такъ вы думаете, миссъ Марія» возразила леди Клементина съ досадой: «что я не знаю, какъ должны одѣваться благовоспитанныя дѣвушки?»

—О, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ, миледи! Я думала только, что вы хотѣли сдѣлать намъ пріятный сюрпризъ, и по свойственной вамъ добротѣ выбрали то, что было богаче,—вотъ и все!

«Мы разстались довольно-холодно послѣ этой бесѣды; но какъ я очень-хорошо замѣтила, что Вильямъ и батюшка одобряли меня, то этого и было для меня довольно. Ахъ, Шарлота, еслибъ ты знала, съ какою нѣжностію этотъ добрый отецъ любитъ насъ троихъ! Еслибъ ты знала, какъ часто, когда онъ обнимаетъ насъ, имя матушки вырывается изъ устъ его! Нѣтъ, онъ не позабылъ ея; онъ могъ... Но не будемъ говорить объ этомъ: я не хочу и не должна судить своего отца.

«Мы обѣдали ранѣе обыкновеннаго, по случаю раута, который былъ назначенъ у насъ вечеромъ. Артуръ Клифордъ остался съ нами, — Артуръ, товарищь моего дѣтства, котораго матушка такъ любила и котраго она назначала мнѣ въ супруги! Сколько разъ го-

ворила она мнѣ: не выбирай никогда никого другаго, Марія, какъ бы ты богата ни была; вѣрь мнѣ, единственное, настоящее счастіе заключается во взаимной привязанности двухъ сердецъ. Какъ бы ничтожно ни было состояніе женщины, она насладится счастіемъ рая здѣсь еще на землѣ, если будетъ любима истинно: все надоѣстъ наконецъ, дочь моя: роскошь, богатство, свѣтъ, — удовольствія плѣняютъ насъ только временно, но наслажденія сердечныя, но счастіе семейнаго круга такія блага, которыя никогда не теряютъ своей цѣны; они утѣшаютъ насъ въ горестяхъ и служатъ украшеніемъ нашей жизни. Я очень-хорошо изучила характеръ Артура, и онъ можетъ составить твое счастіе; отецъ твой никогда не будетъ противиться твоей склонности.

«Матушка говорила это, когда еще цвѣла здоровьемъ; она повторила то же самое на смертномъ одрѣ своемъ, на этомъ одрѣ, у котораго отецъ мой клялся, что дѣти ея будутъ счастливы, онъ клялся также... О! если слабость человѣческая не позволила ему сдержать одну изъ этихъ клятвъ, то онъ сдержитъ другую;—я убѣждена въ томъ. Отъ-того-то я безъ всякаго страха обѣщала Артуру не принадлежать никому, кромѣ его, и вѣрь мнѣ, Шарлота, сдержу свое слово. Природная угрюмость моего характера усилилась еще болѣе со времени кончины матушки. Я любила Артура, когда была еще ребенкомъ; чувство это взросло вмѣстѣ со мною и, увидѣвъ снова Артура, я убѣдилась, что только съ нимъ однимъ могу быть счастлива. Батюшка такъ хорошо угадалъ мои чувства, что пригласилъ Артура ѣхать вмѣстѣ съ нами въ Мельбурн-Галль.

«Въ этомъ прекрасномъ помѣстьѣ жили мы всѣ въ-продолженіе нѣсколькихъ дней самою счастливою семейною жизнію, за исключеніемъ только леди Клементины, на лицѣ которой часто появлялась скука. Наши музыкальные вечера, когда мы поемъ шотландскія баллады, наши прогулки верхомъ по окрестнымъ лѣсамъ, все это не занимаетъ ея, и хотя Вильямъ чрезвычайно съ нею вѣжливъ, но я боюсь, что онъ нравится ей такъ же мало, какъ и я. Вильямъ сынъ природы по сердцу, но одаренъ между-тѣмъ чувствомъ приличія. Хоть онъ былъ огорченъ женитьбою батюшки, я увѣрена въ томъ,—однакоже не сказалъ мнѣ ни слова объ этомъ; онъ только говоритъ довольно-часто о своемъ маленькомъ шотландскомъ помѣстьѣ, и недавно еще, на вопросъ батюшки, почему онъ не увеличитъ его, Вильямъ отвѣчалъ: ни за что въ свѣтѣ. Тамъ нѣтъ ни одного уголка, ни одной аллеи, ни одного камня, которые не бы-

ли бы священны для меня. Мнѣ кажется, что тамъ я всюду встрѣчаю слѣды моей матери.

«Лордъ Мельбурнъ въ смущеніи и съ примѣтною грустію потупилъ глаза въ землю. Минута эта, казалось, должна была соединить все, что только могло напомнить ему мать нашу—и даже старый Пелламъ, борзая собака, которую матушка такъ любила, подошедъ къ нему, положилъ на его колѣно свою длинную морду, сталъ лизать его руки и, поднявъ на него свои полупотухшіе глаза, казалось, хотѣлъ прочитать во взорахъ его грусть и тоску по умершей.

— Скверная собака! возкликнула леди Клементина: она всегда разположится у камина, такъ-что никому нѣтъ мѣста. Право, только въ одной Англіи позволяютъ собакамъ быть въ комнатахъ; надобно велѣть запереть ее куда-нибудь.

«Запереть Пеллама!» возкликнулъ Вильямъ: «никогда, миледи, никогда! я увѣренъ, что батюшка съ своей стороны не отдастъ подобнаго приказанія. Если этотъ старый, вѣрный другъ безпокоитъ здѣсь кого-нибудь, то я отведу его къ себѣ въ комнату и оставлю тамъ до-тѣхъ-поръ, пока мнѣ можно будетъ взять его съ собою въ Шотландію, гдѣ онъ родился; да, миледи я не разстанусь съ нимъ: онъ такой же сынъ нашихъ горъ, какъ и я.»

—Къ-тому же онъ родился въ одинъ день съ Маріей» возразила съ живостью Нелли: «наша добрая кормилица, неоставлявшая насъ никогда, часто разсказывала мнѣ, что, по выздоровленіи своемъ, матушка велѣла взять Пеллама въ комнаты и что съ-тѣхъ-поръ онъ былъ всегда съ нами неразлученъ.»

«Леди Клементина презрительно улыбнулась, а батюшка съ нѣжною ласкою потрепалъ Нелли по щекѣ.

«Эта маленькая сцена, сколько я могла замѣтить, показалась очень-смѣшною леди Клементинѣ: она ушла въ свои комнаты ранѣе обыкновеннаго и на другой день казалась еще болѣе не въ духѣ; но къ-счастію для нея—не говорю для насъ—двоюродный братъ ея виконтъ Рэмонъ де-Вервиль пріѣхалъ въ Мельбурн-Галль.

«Батюшка принялъ его очень-вѣжливо, но нельзя не замѣтить, что Французъ этотъ не нравится ему. И въ-самомъ-дѣлѣ, онъ мѣшаетъ нашимъ семейнымъ бесѣдамъ: его надобно занимать и разсѣевать. Онъ ходитъ на охоту вмѣстѣ съ Вильямомъ и Артуромъ, но оба друга дѣлаютъ это неохотно. Ты не должна удивляться этому, милая Шарлота; человѣкъ, подобный виконту де-Вервилю,

не можетъ нравиться такимъ простымъ дѣтямъ природы, какъ мы. Онъ очень-хорошъ собою: черты его правильны, обращеніе и манеры пріятны, но всему этому предпочитаю я возвышенное, благородное чело Артура, его взоръ, полный мысли и ума, его улыбку выразительную и нѣжную! Виконтъ де-Вервиль очень - остроуменъ; разговоръ его живъ и увлекателенъ; но онъ никогда не заставитъ задуматься надъ какою-нибудь глубокою мыслію. У виконта всегда готовъ какой-нибудь комплиментъ; онъ никогда не противорѣчитъ, но, не смотря на всю его любезность и на улыбку, которая безпрестанно появляется на лицѣ его, въ немъ есть что-то насмѣшливое и язвительное, что невольно отталкиваетъ отъ него.

«Онъ удостоиваетъ меня особеннаго своего вниманія; если вѣрить ему, то я восьмое чудо въ свѣтѣ. Я не смѣю пѣть при немъ, потому-что онъ безпрестанно приходитъ въ восторгъ. Если я говорю по-итальянски, онъ увѣряетъ, что у меня самое правильное произношеніе; если мнѣ случится нарисовать на картинкѣ какой-нибудь видъ, и если я потомъ брошу его, онъ непремѣнно отъищетъ и прячетъ при мнѣ на грудь свою. Я даже боюсь подымать глаза, потому-что вѣчно встрѣчаю его взоръ, оскорбляющій меня наглостью своего страстнаго выраженія. Ты знаешь, что у меня почти всегда очень серьёзный видъ; мистриссъ Гарингтонъ говорила даже, будто онъ исполненъ какого-то величія и важности; но, кажется, что эти достоинства не внушаютъ виконту большаго почтенія. Онъ человѣкъ смѣлый и дерзкій, я въ этомъ увѣрена, и чтобъ доказать справедливость словъ моихъ, скажу тебѣ, что онъ осмѣлился писать ко мнѣ. Въ цвѣточной корзинкѣ, оставленной мною на столѣ въ павильйонѣ, нашла я записку отъ него, полную неистовой страсти, преувеличенныхъ клятвъ и самыхъ пошлыхъ романическихъ фразъ. Записка эта была сложена какъ обыкновенная бумага, и я развернула ее, неподозрѣвая ничего. Слезы негодованія навернулись у меня на глазахъ при мысли, что въ домѣ отца моего и такъ-сказать въ его присутствіи, могли рѣшиться на такой дерзкій поступокъ. Въ первую минуту я было-хотѣла немедленно отнести эту записку къ лорду Мельбурну, но родственныя связи виконта и леди Клементины остановили меня. Справедливое негодованіе батюшки неминуемо произвело бы непріятныя семейныя сцены, и я рѣшилась сама возвратить виконту записку и показать ему тѣмъ, что не читала ея. Я сдѣлала это, когда онъ принесъ мнѣ мою арфу.

«Не уже ли онъ смѣлъ думать, что я буду отвѣчать ему?—Я не знаю этого навѣрное, знаю только, что когда онъ принималъ отъ меня записку, то на лицѣ его выражалось торжество; торжество это скоро однакоже прошло; теперь слѣдитъ онъ всѣ малѣйшія мои движенія и наблюдаетъ за мною и Артуромъ самымъ наглымъ образомъ. До-сихъ-поръ можно было замѣтить между имъ и сэромъ Клифордомъ только родъ какой-то холодности, но вчера непріязнь ихъ обнаружилась во всей силѣ. Погода была прекрасная, и батюшка предложилъ намъ прогуляться верхомъ; самъ же онъ, будучи очень занятъ, не могъ ѣхать съ нами. Бѣдная Нелли должна была отказаться отъ этого удовольствія и ѣхать съ леди Клементиною въ коляскѣ, потому-что обыкновенный ея спутникъ виконтъ де-Вервиль объявилъ, что хочетъ принадлежать къ кавалькадѣ. До-тѣхъ-поръ, пока дорога была удобна для коляски, мы не теряли другъ друга изъ вида; но когда она съузилась, то мы, т. е. я и Артуръ, ѣхавшіе рядомъ, сами не зная какимъ-образомъ, опередили всѣхъ и очутились скоро въ прелестной долинѣ, напомнившей намъ нашу Шотландію. Тогда лошади наши сблизились, руки наши встрѣтились, и Артуръ, говоря мнѣ о любви своей, не скрылъ отъ меня, какъ бѣситъ его вниманіе, оказываемое мнѣ виконтомъ, и тѣ страстные взгляды, которые онъ позволяетъ себѣ бросать на меня въ-отсутствіи батюшки.

«Но что̀ вамъ до этого? отвѣчала я ему; развѣ вы не знаете, что я люблю васъ, и что никогда не буду принадлежать другому?»

«Слова эти успокоили Артура; въ эту минуту послышался лошадиный топотъ, и мы, думая, что то былъ Вильямъ, повернули своихъ лошадей къ нему на встрѣчу; но вмѣсто Вильяма увидѣли виконта де-Вервиля; лошадь его была покрыта пѣною, а лицо имѣло какое-то грозное выраженіе.

—«Право, миссъ Марія», воскликнулъ онъ ироническимъ тономъ: «надобно полагать, что вы особенно любите не только уединеніе, но мѣста самыя ужасныя; или можетъ-быть есть люди, которые для васъ украшаютъ все своимъ присутствіемъ.

«Я притворилась, будто не поняла его и, ударивъ свою лошадь, сказала, что пора возвратиться въ замокъ. Артуръ хотѣлъ слѣдовать за мною, но виконтъ, заградивъ ему дорогу своею лошадью, объявилъ ему, что имѣетъ надобность поговорить съ нимъ. Тогда я, удержавъ свою лошадь, поѣхала тихо; а Артуръ и виконтъ говорили что-то между собою довольно-громко и горячо, но я не мо-

тла разслышать слова ихъ; чрезъ нѣсколько минутъ они догнали меня, и мы молча возвратились домой.

«Я рѣшилась однако же переговорить съ батюшкой, и поспѣшила къ нему въ кабинетъ. Онъ испугался моей блѣдности и тому волненію, которое было замѣтно во мнѣ. Я разсказала ему все что случилось между мною и виконтомъ, объявила, что никогда не согласилась бы принадлежать этому человѣку, даже и тогда еслибъ сердце мое было совершенно - свободно, и призналась въ любви моей къ Артуру.

—Я зналъ это, отвѣчалъ мнѣ батюшка съ обыкновеннымъ своимъ добросердечіемъ: и хотя ты могла бы составить несравненно блистательнѣйшую партію, я не стану противиться твоей склонности, — ты будешь женою Артура; я поклялся въ этомъ твоей матери и повторяю тебѣ эту клятву. Чтò же касается до виконта, то поведеніе его конечно заслуживаетъ, чтобъ онъ немедленно былъ изгнанъ изъ замка; но онъ родственникъ леди Мельбурнъ; я не хочу никакой огласки и прошу тебя обращаться съ нимъ холодно, но вѣжливо.

«Ахъ, батюшка» воскликнула я: «вѣдь виконтъ и Артуръ говорили другъ съ другомъ очень-горячо, и я боюсь дурныхъ послѣдствій отъ этого разговора.»

— Войди въ эту комнату, отвѣчалъ батюшка: я позову сюда Артура, ты услышишь, чтò я буду говорить ему, и чтò онъ станетъ отвѣчать мнѣ; я надѣюсь, что дѣло это не такъ важно, какъ ты полагаешь.

«Я повиновалась и слышала все.

—Любезный Артуръ, сказалъ ему отецъ мой серьёзнымъ тономъ: я знаю твое чистосердечіе, отвѣчай же мнѣ прямо—у тебя съ виконтомъ Вервилемъ назначена дуэль?

«Да, милордъ.»

—А за чтò?

«Онъ вздумалъ запрещать мнѣ оказывать вниманіе миссъ Маріи, и я отвѣчалъ ему, что только вы одни имѣете право запрещать мнѣ это.»

—А Марія развѣ не сдѣлала этого, и развѣ ты былъ увѣренъ, что я съ своей стороны также не рѣшусь на это?

«Да, милордъ, я увѣренъ въ томъ» отвѣчалъ Артуръ съ благородною откровенностію: «я знаю васъ очень-хорошо. Еслибъ любовь моя была противна вашимъ намѣреніямъ, вы не стали бы поддерживать ее молчаніемъ, для-того, чтобъ послѣ отнять у меня

всю надежду. Вильямъ также знаетъ о любви моей къ Маріи. Однакоже, милордъ... еслибъ я обманулся... у меня нѣтъ ни богатства, ни знатнаго титла, и если вы требуете...»

—Я требую, чтобъ ты послушался твоего втораго отца. Артуръ... когда должны вы драться?

«Завтра на разсвѣтѣ, въ двухъ миляхъ отъ замка, близь опушки лѣса.»

— Кто твой секундантъ?

«У меня нѣтъ его; я могъ выбрать только Вильяма, но мнѣ показалось неблагоразумнымъ объявить ему всѣ вины виконта въ отношеніи къ миссъ Маріи; онъ, какъ братъ, принялъ бы это слишкомъ-горячо.»

—Ты былъ правъ, Артуръ; но я пойду съ тобою, и дуэль эта кончится ничѣмъ. Я требую, чтобъ все это дѣло осталось въ совершенной тайнѣ; чрезъ три мѣсяца ты будешь мужемъ Маріи; напиши объ этомъ къ отцу твоему.

«Лордъ Мельбурнъ и Артуръ пожали другъ другу руки и разошлись, я вошла въ кабинетъ батюшки.

— У тебя довольно твердости, сказалъ онъ мнѣ: теперь настала минута доказать ее на дѣлѣ; скрой свое безпокойство, или лучше, не безпокойся совсѣмъ, — я отвѣчаю за все.

«Не смотря на обѣщанія батюшки, мнѣ было очень-трудно скрыть свою грусть. Остальную половину дня провели мы всѣ вмѣстѣ въ комнатахъ замка. Погода испортилась; батюшка и Артуръ были совершенно-спокойны, но виконтъ де-Вервиль въ обращеніи своемъ выказывалъ еще болѣе самонадѣянности, чѣмъ обыкновенно. Прекрасный романъ Ричардсона «Кларисса Гарловъ» лежалъ на моемъ рабочемъ столикѣ, и Нелли съ свойственнымъ ей простодушіемъ призналась намъ, что была не въ-состояніи прочитать въ немъ ни одной страницы.

«—А вы, миссъ Марія? спросила леди Клементина: «вы конечно съ наслажденіемъ прочитали это чудесное твореніе?»

«Да, миледи, отвѣчала я: и въ этомъ романѣ удивило меня только одно: какъ могла женщина столь совершенная во всемъ, какъ Кларисса, любить такого порочнаго человѣка, какъ Ловеласъ?

«—О! возразила леди Мельбурнъ: это отъ-того, что и добродѣтель имѣетъ также свою слабую сторону, и что женщины добродѣтельныя также причастны суетности, которая наконецъ губитъ ихъ.

—«Но» замѣтилъ Артуръ: «Кларисса не сама уступаетъ своей сла-

бости,—она обманута безчестнымъ-образомъ самымъ подлымъ изъ негодяевъ, и нѣтъ человѣка, у котораго въ жилахъ течетъ хотя капля благородной крови, который, подобно полковнику Модену, не рѣшился бы подвергнуть жизнь свою опасности, чтобъ только отмстить за несчастную жертву обмана.»

«--Нечего сказать, прекрасный конецъ!» возразила леди Клементина. «Кларисса, вмѣсто того, чтобъ выйдти за своего обольстителя, избираетъ смерть, чтобъ наказать его и повергнуть въ отчаяніе все свое семейство!»

— Какое семейство! воскликнулъ Вильямъ: и что же осталось бы человѣку благородному, если негодяи получаютъ то, что должно быть наградою любви истинной и святой?

«Все равно» сказалъ батюшка: «Кларисса должна была бы умереть женою того, кто обезчестилъ ее. Это конечно ужасно, но предразсудки свѣта требуютъ того.»

«Пока батюшка говорилъ это, виконтъ смотрѣлъ на меня съ особеннымъ вниманіемъ, и никогда еще взоръ его не былъ такъ наглъ и самонадѣянъ.

«Суди же о моей радости, милая Шарлота, когда на слѣдующее утро, вошедъ въ столовую, я увидѣла батюшку и Артура, сидѣвшихъ спокойно у стола, на которомъ Нелли разливала чай. Всѣ говорили, что я была очень-блѣдна, и въ-самомъ-дѣлѣ я провела самую ужасную ночь.

—Я надѣюсь, сказалъ мнѣ виконтъ: что первое письмо отъ сестрицы моей увѣдомитъ меня, что миссъ Марія наслаждается совершеннымъ здоровьемъ.

«Такъ вы рѣшительно ѣдете, виконтъ?» спросила леди Клементина: «я надѣялась, что вы подарите намъ еще нѣсколько дней.»

— Невозможно! отвѣчалъ виконтъ: я долженъ немедленно возвратиться во Францію; старая моя тетушка, маркиза де-Ферваль, скучаетъ моимъ отсутствіемъ и, чего добраго! пожалуй лишитъ меня наслѣдства, если я не возвращусь къ ней.

«Это причина весьма-достаточная не удерживать вашего родственника, миледи» сказалъ батюшка: «надобно умѣть любить друзей своихъ не для себя однихъ.»

«Послѣ этого не говорили уже болѣе ни слова объ отъѣздѣ виконта, но Артуръ и я помѣнялись взглядами, въ которыхъ выражалась радость. Вотъ отъ-чего, милая Шарлота, оканчиваю я письмо мое съ совершеннымъ спокойствіемъ, котораго не было во мнѣ, когда я начинала его, и теперь, когда всѣ горести мои минова-

лись, я могу признаться тебѣ, что преслѣдованія этого человѣка дѣлали меня совершенно-несчастною. Предчувствія мои были глупость; я это вижу теперь, когда онъ уѣзжаетъ; не знаю отъ-чего, но только меня всегда преслѣдовала мысль, что вмѣстѣ съ леди Клементиной въ домъ нашъ ворвалось бѣдствіе и что оно должно обрушиться на меня и на все, что̀ я люблю. Но Рэмонъ ѣдетъ, и теперь леди Клементина можетъ оставаться со мною гордою и надменной—я не буду замѣчать этого. Сдѣлавшись женою Артура, я смѣло буду глядѣть ей въ глаза: она не разрушитъ моего счастія, и я каждый день возсылаю къ небу теплыя молитвы, чтобъ оно сохранило и упрочило счастіе батюшки.

«Но, увы! я часто боюсь, что всѣ эти молитвы напрасны. Благородное чело лорда Мельбурна потеряло прежнюю свою веселость; она возвращается къ нему порою, когда онъ бываетъ окруженъ дѣтьми своими, но это уже не та безпечная веселость, которая не оставляла его при жизни матушки. Часто, кажется мнѣ, онъ уступаетъ леди Клементинѣ изъ снизхожденія, а не изъ любви... Она молода, прекрасна, но...

«Но прочь всѣ грустныя мысли! Не правда ли, милая Шарлотта, вѣдь ты пріѣдешь чрезъ три мѣсяца сюда, чтобъ быть при торжествѣ, которое должно украсить лучшій, счастливѣйшій день въ моей жизни,—ты, любимѣйшая подруга моего дѣтства и повѣренная всѣхъ завѣтныхъ тайнъ души моей?—Прощай; не забудь ухаживать за цвѣтами, посаженными на могилѣ моей маленькой Люціи... милый ангелъ! Ахъ! ты не можешь себѣ представить, какъ много лишилась я въ ней: до-сихъ-поръ еше часто, проснувшись ночью, я ищу подлѣ себя ея маленькой кроватки.

«Прощай, Шарлота, прощай; хотя письмо это очень-длинно, но я увѣрена, что ты прочтешь его болѣе одного раза.

«Твоя *Марія.*»

V.

— Итакъ, сказалъ Рэмонъ де-Верриль, увлекая за собою леди Клементину въ самый отдаленный уголъ парка: итакъ ты воображала, что я уѣду, что я откажусь отъ принятаго мною намѣренія, и позволю этому Шотландцу свободно владѣть сокровищемъ, которое онъ отнимаетъ у меня?

«Право, Рэмонъ, ты помѣшался! И возможно ли было тебѣ надѣяться на успѣхъ, хотя я съ своей стороны дѣлала все, чтобы помочь тебѣ? Нѣсколько разъ говорила я о тебѣ лорду Мельбурну, увѣряла его, что ты стоишь полной довѣренности и дружбы, и

что поведеніе твое безукоризненно; однимъ словомъ, я старалась дѣйствовать на него всею своею властью, всѣмъ вліяніемъ, которое имѣю на него; но въ отвѣтахъ милорда всегда было замѣтно какое-то отвращеніе къ тебѣ: ты не нравишься ему, и я право нисколько не виновата. Этотъ Англичанинъ, котораго характеръ ты думалъ постигнуть такъ хорошо, не ошибся: онъ угадалъ какъ нельзя лучше, что ты никогда не могъ бы составить счастіе его дочери. Но не въ этомъ еще главнѣйшее препятствіе: миссъ Марія, этотъ идолъ своего отца, любитъ уже другаго, она будетъ его женою и поселится съ нимъ въ Шотландіи, потому-что только тамъ, по ея мнѣнію, можно наслаждаться жизнію. Чтò жь хочешь ты сдѣлать противъ такой твердой воли, какой мнѣ еще никогда не случалось встрѣчать въ дѣвушкѣ ея лѣтъ?»

— Чтò я хочу дѣлать?.. То, чего не сдѣлала бы ты! Ты помогала мнѣ безъ усердія, безъ желанія успѣха. Я угадываю тебя... И въ самомъ-дѣлѣ, чтò тебѣ до моего счастія, лишь бы только миссъ Марія не была здѣсь и не уничтожала своимъ присутствіемъ того могущества, какимъ ты хочешь пользоваться; для тебя нужно только одно: чтобъ она не затмѣвала тебя собою, и ты совершенно равнодушна къ участи, ожидающей меня, даже еслибъ мнѣ пришлось умереть въ тюрьмѣ.

«Ты человѣкъ неблагодарный, Рэмонъ! Чтò могу я еще сдѣлать для тебя, и отъ чего ты говоришь мнѣ о тюрьмѣ...»

— Отъ-того, что если я только покажусь во Франціи, то кредиторы меня не пропустятъ...

«Если нѣсколько сотенъ гиней могутъ тебѣ помочь...»

— Какую пользу принесетъ мнѣ такая ничтожная помощь? возразилъ Рэмонъ съ горячностію: она не устроитъ дѣлъ моихъ! Нѣтъ, Клементина, нѣтъ, еслибъ я даже не былъ влюбленъ въ миссъ Марію, и тогда бы сталъ добиваться ея руки... А теперь—чѣмъ все кончилось? Я почти выгнанъ изъ этого дома, и лордъ Мельбурнъ, съ своею холодною важностью, навсегда запретилъ мнѣ показываться въ немъ.

«Но» возразила леди Клементина съ досадой: «какимъ-образомъ, будучи такъ влюбленъ, могъ ты поставить себя въ непріятное положеніе, получить столь неожиданный отказъ отъ дома? и чтò значитъ наконецъ эта дуэль?»

— Чтò дѣлать! я увлекся гнѣвомъ и ревностью,—я вызвалъ этого Шотландца, этого счастливаго соперника, который безъ всякаго труда, безъ всякихъ пожертвованій, будетъ, если я только не

помѣшаю ему, владѣть прекраснѣйшею женщиною изъ всей Англіи, и сверхъ-того она принесетъ ему въ приданое огромное богатство.

«Но какимъ же образомъ возникла между тобою и Артуромъ Клифордомъ эта смѣлая, эта глупая ссора?»

— Онъ подлецъ! воскликнулъ Рэмонъ: мы должны были, какъ люди порядочные, кончить въ-тайнѣ все дѣло...

«Въ которомъ ты постарался бы склонить всѣ выгоды на свою сторону?» замѣтила леди Клементина.

— Думай себѣ, что̀ хочешь—однимъ словомъ, я не ожидалъ подобной развязки. Вмѣстѣ съ Артуромъ явился на мѣсто и лордъ Мельбурнъ.—«Виконтъ» сказалъ онъ мнѣ: «миссъ Мельбурнъ, хранивъ долго молчаніе, за которое я побранилъ ее, открыла мнѣ наконецъ ваше съ нею поведеніе; она прибавила, что ее безпокоитъ также разговоръ, бывшій между сэромъ Клифордомъ и вами. Артуръ, съ свойственнымъ ему чистосердечіемъ, разсказалъ мнѣ о вашей дуэли, когда я сталъ спрашивать его объ этомъ, и я пришелъ сюда спросить васъ, подавала ли вамъ миссъ Марія когда-нибудь поводъ питать ваши надежды и могло ли обращеніе мое съ вами возбудить въ васъ мысль, что я буду поддерживать ваши исканія?»

— Милордъ... пробормоталъ я въ смущеніи.

«Выслушайте меня» продолжалъ лордъ Мельбурнъ съ ледяною холодностію: «еслибъ дочь моя предпочла васъ, и еслибъ вы были достойны ея, то я не сталъ бы противиться ея выбору, хотя подобное непостоянство чувства глубоко бы огорчило меня; но она любитъ другаго, и этотъ другой будетъ ея супругомъ... Къ-чему послужилъ бы вашъ поединокъ?... Не уже ли въ награду за гостепріимство, оказанное вамъ въ моемъ домѣ, захотите вы пролить кровь моего сына и мою собственную—потому-что мы пожертвовали бы своею кровію для отмщенія за Артура, если бы онъ палъ подъ вашими ударами? Однимъ словомъ, повторяю вамъ, виконтъ, что я отдалъ бы вамъ дочь мою, еслибъ она любила васъ, и Артуръ съ своей стороны не сталъ бы противиться... Не правда ли, сэръ Клифордъ...»

— Я бы умеръ отъ отчаянія, еслибъ миссъ Марія сдѣлала другой выборъ, — но покорился бы ея волѣ, милордъ.

«Вотъ примѣръ, которому должно слѣдовать» возразилъ лордъ Мельбурнъ съ достоинствомъ: «говорите же, виконтъ, я жду вашего отвѣта...»

— Что было мнѣ дѣлать?... Начать цѣлый рядъ дуэлей, въ которыхъ величайшимъ для меня несчастіемъ было бы то, еслибъ меня не убили? Я протянулъ руку сэру Клифорду, который подалъ мнѣ свою съ величайшею холодностію, и я объявилъ, что сегодня же оставлю замокъ.

—Лордъ Мельбурнъ, оставшись со мною одинъ, предложилъ мнѣ свои услуги съ величайшею любезностію, какъ-будто между нами ничего особеннаго не случилось. Признаюсь, я былъ тронутъ этимъ на минуту; однакожь, когда увидѣлъ я опять Марію, замѣтилъ ея радость и радость ея Артура, гнѣвъ мой и досада получили новую силу. Нѣтъ, я не соглашусь потерять ее, и не потерплю, чтобъ другой наслаждался счастіемъ обладать ею!

«А что же ты можешь сдѣлать?»

— Послушай, Клементина, воскликнулъ Рэмонъ съ запальчивостію: не принуждай меня напомнить тебѣ, что моя и твоя участь связаны неразрывными узами, что я могу погубить тебя, если только захочу. Лордъ Мельбурнъ повѣритъ мнѣ, потому-что уже не любитъ тебя.

«А что заставляетъ тебя такъ думать?»

— Все; грусть, которой онъ преданъ, доказываетъ его разкаянье. Минутная привязанность его къ тебѣ прошла; для души его нужна была не такая женщина, какъ ты, и еслибъ я разсказалъ ему прошедшее...

«Угрозы твои надоѣли мнѣ!» воскликнула леди Мельбурнъ: «говори, чего же ты хочешь отъ меня — мира или войны?»

— Еще мира, если ты согласишься помочь мнѣ.

«Хорошо; что же должна я сдѣлать?»

— Слушай; я уѣду сегодня отсюда, но останусь по близости замка; ты доставишь мнѣ средства войдти въ него; я долженъ поговорить съ Маріей. Она часто бываетъ въ своемъ павильйонѣ на концѣ парка?..

«Да, но она рѣдко остается тамъ одна; Нелли, братъ ея, а всего чаще Артуръ...»

— Ты удержишь при себѣ Нелли; Вильямъ и Артуръ черезъ нѣсколько дней ѣдутъ за лордомъ Клифордомъ. Я увѣренъ, что найду Марію одну; но это еще не все.

«Не все?»

— Нѣтъ; надобно, чтобъ въ тотъ день, когда я увижу ее въ павильйонѣ, ты влила въ чай нѣсколько капель опіума.....

«Помилуй, Рэмонъ, что хочешь ты дѣлать? Ты, кажется, вызываешь меня на какое-то злодѣйство?»

— А кто узнаетъ объ этомъ? Впрочемъ, выслушай, я разскажу тебѣ весь мой планъ. Я увезу Марію спящую, и она, будучи въ моей власти, легко сдѣлается моею женою; ты знаешь, какъ совершаются браки въ Англіи. Лордъ Мельбурнъ согласится на все, узнавъ, что она принадлежитъ уже мнѣ.

«Нѣтъ, не могу!...»

— Если ты откажешь мнѣ, возкликнулъ Рэмонъ, схвативъ руку Клементины: клянусь всѣмъ, что только есть ужаснаго въ мірѣ, клянусь, что лордъ Мельбурнъ узнаетъ всю истину! Онъ узнаетъ, какой позоръ покрылъ его имя, узнаетъ, кого ввелъ въ свое семейство. Мнѣ слишкомъ-хорошо извѣстны понятія его о чести, и я твердо увѣренъ, что онъ накажетъ тебя; даже самая жизнь твоя будетъ не въ безопасности...

«А гдѣ доказательство тому, что ты будешь говорить?..» возкликнула Клементина съ гордостію.

— Вотъ оно, отвѣчалъ Рэмонъ, вынувъ изъ книжника листъ бумаги, — слушай:

«*Клементина Видаль, прозванная «прекрасною брюнеткой», внесена полиціею въ списокъ публичныхъ женщинъ, и...*

«Боже!.. откуда взялъ ты эту ужасную бумагу?» возкликнула испуганная Клементина....«Отдай мнѣ ее, я требую этого, я умоляю тебя...»

— Нѣтъ, отвѣчалъ Рэмонъ, спрятавъ опять бумагу: нѣтъ, моя милая; отправляясь въ Англію, я запасся этимъ драгоцѣннымъ документомъ; пусть же онъ послужитъ тебѣ доказательствомъ, что я хитрѣе тебя, и что могу погубить тебя однимъ словомъ, если ты будешь противиться мнѣ.

«Я буду повиноваться тебѣ, буду...» прошептала Клементина.

— Если такъ, то слушай: каждый день около полудня буду я у калитки парка. Отъѣздъ Вильяма и Артура не можетъ замедлиться, и когда они отправятся, ты прійдешь увѣдомить меня объ этомъ, а я вручу тебѣ нужное количество опіума. Не бойся ничего за Марію—она нужна для моего счастія, для моего богатства, и потому не подвергнется никакой опасности. Но она должна принадлежать мнѣ, должна непремѣнно...

Леди Мельбурнъ и виконтъ де-Мервиль разстались... Клементина возвратилась въ замокъ блѣдная и встревоженная. Марія

обыкновенно столь холодная, была въ этотъ день особенно къ ней внимательна; ей было даже жаль ее при видѣ ея грусти, которую она приписывала отъѣзду виконта; но она надѣялась, что грусть эта будетъ непродолжительна.

— Когда виконтъ уѣдетъ, думала она, миръ и счастіе снова водворятся въ замкѣ... Можетъ ли леди Клементина грустить и скучать, будучи женою такого человѣка, какъ мой отецъ?

VI.

Семейство лорда Мельбурна, печальное по отъѣздѣ Вильяма и Артура, собралось въ гостинную вокругъ чайнаго столика. Не имѣя никакой причины къ дѣйствительной скорби, оно чувствовало однакоже ту грусть, которая западаетъ всегда въ сердце при разлукѣ съ людьми намъ милыми, и даже самая Нелли, всегда столь веселая и рѣзвая, молчала, подобно всѣмъ другимъ. Молчаніе это было прерываемо только изрѣдка замѣчаніями лорда Мельбурна на статьи журналовъ, которыя онъ читалъ, и возклицаніями Нелли, слѣдовавшей на картѣ по дорогѣ, которою должны были проѣзжать Артуръ и Вильямъ.

—Ныньче, говорила она: ночуютъ они здѣсь, завтра тамъ, послѣ завтра въ Эдимборгѣ, и скоро потомъ будутъ въ нашей милой долинѣ. Ахъ, еслибъ батюшка позволилъ мнѣ, я бы съ радостью поѣхала туда вмѣстѣ съ ними!

«И не уже ли ты разсталась бы съ нами безъ сожалѣнія?» спросилъ лордъ Мельбурнъ, положивъ журналы.

—Безъ сожалѣнія, нѣтъ, но...

«Но ты любишь посмѣяться, а Артуръ всегда такъ веселъ съ тобою и такъ угождаетъ тебѣ во всемъ?»

—Да, это правда, сказала она съ жаромъ: нѣтъ человѣка, который былъ бы такимъ, какъ онъ, и если я не найду другаго Артура, то никогда не выйду замужъ.

Марія взглянула на сестру свою, которая, смутясь и покраснѣвъ какъ роза, встала и велѣла принимать чай. Марія взяла свою шаль и шляпу.

«Ты идешь гулять?...» спросилъ лордъ Мельбурнъ: «не возмешь ли ты съ собою и сестру?»

—Если бы Нелли согласилась остаться съ мною, поспѣшила сказать леди Клементина: я была бы ей очень-благодарна; мнѣ хотѣлось бы, чтобъ она показала мнѣ новый узоръ шитья; безъ этого я никогда не кончу своей работы.

Мисс Марія, видя, что Нелли было скучно оставаться одной съ своею мачихой, сказала:

—Я пройдусь только немного по парку, зайду на минуту въ мой павильйонъ, и возвращусь.

Леди Мельбурнъ невольно потупила глаза при ласковомъ поклонѣ мисс Маріи, а лордъ Мельбурнъ, взявъ дочь свою подъ руку, проводилъ ее до дверей лѣстницы, сказавъ, что идетъ работать въ свой кабинетъ.

—Мнѣ надобно заняться приведеніемъ въ порядокъ счетовъ моихъ, прибавилъ онъ съ улыбкой. Вильяму настанетъ скоро 21 годъ, а ты выходишь замужъ. У тебя будетъ хорошее приданое, милая Марія; я вручу Артуру значительную сумму наличныхъ денегъ, которая позволитъ ему устроить его шотландское помѣстье; но вы не навсегда вѣдь тамъ останетесь? Не правда ли? Вы часто будете пріѣзжать къ отцу?

«Ахъ, батюшка! Я надѣюсь, что мы никогда не разстанемся другъ съ другомъ.»

—Но ты надѣялась также быть женою Артура!

«Да, но я думала, я полагала, что вы поѣдете вмѣстѣ съ нами въ Шотландію; однако обстоятельства...

«Скажи лучше моя воля, или нѣтъ, роковая судьба... О! я знаю, что во многомъ виноватъ! знаю, что я не сдержалъ клятвы, данной мною матери твоей у смертной ея постели... Ахъ, милая Марія! не слѣдуй моему примѣру и не давай воли страстямъ своимъ; мы всегда слишкомъ-дорого платимъ за ихъ владычество надъ нами!»

—Батюшка! добрый батюшка! воскликнула Марія, скрывъ лицо свое на груди отца: скажите мнѣ, по-крайней-мѣрѣ, что вы счастливы...

Онъ отвернулся и сказалъ тихо:

«Голова твоя горяча, Марія, и щеки горятъ необыкновеннымъ румянцемъ... Не больна ли ты?»

—У меня незначительная головная боль, батюшка, и я чувствую какую-то тяжесть; но не безпокойтесь, это вѣрно слѣдствіе прощанія съ нашими уѣхавшими друзьями, а можетъ-быть и того, что я встала нынче ранѣе обыкновеннаго; — я увѣрена, воздухъ и движеніе вылечатъ меня.

«Ступай же, Марія, моя добрая, милая Марія!» сказалъ лордъ Мельбурнъ, обнявъ снова дочь свою съ особенною нѣжностію.

И онъ, остановясь на ступеняхъ крыльца, провожалъ ее глазами.

Марія обернулась, чтобъ сдѣлать ему рукою прощальный знакъ, и увидѣла леди Клементину, которая, отворивъ окно гостиной, также смотрѣла на нее.

Она всегда безпокоится, если видитъ, что отецъ мой говоритъ со мною одинъ — подумала Марія, — однакожъ она напрасно думаетъ, что я захочу возпользоваться этимъ и стану вредить ей во мнѣніи батюшки. Я могу не любить ея, не могу привыкнуть къ ея высокомѣрному и вмѣстѣ съ тѣмъ тривіальному тону; но пусть составитъ она счастіе отца моего, и я готова простить ей даже то, что она занимаетъ мѣсто моей матери; но онъ несчастливъ... Тутъ Марія остановилась и была принуждена схватиться за дерево, чтобъ не упасть... Все кружилось вокругъ нея, и она съ трудомъ успѣла дойдти до своего павильйона, гдѣ въ изнеможеніи бросилась на диванъ...

Часы за̀мка пробили восемь и вечеръ почти совершенно стемнѣлъ. Леди Клементина и Нелли оставили пяльцы и убирали уже свою работу, когда лордъ Мельбурнъ вошелъ въ гостиную, предшествуемый оффиціантомъ, принесшимъ свѣчи.

—Какъ! возкликнулъ милордъ: не уже ли Марія еще не возвратилась?

«Это начинало безпокоить и меня, батюшка» сказала Нелли: «хотя сестра часто оставалась въ паркѣ гораздо долѣе; но тогда была она не одна: ее провожали Вильямъ или Артуръ... Къ-тому же, мнѣ кажется, что теперь и погода вовсе не годится для прогулки.

— Съ полчаса уже идетъ довольно сильный дождь, замѣтилъ оффиціантъ: и я сію минуту отнесу къ миссъ Маріи зонтикъ; она, можетъ-быть, ожидаетъ его въ павильйонѣ.

«Иди скорѣе, Джемсъ» сказалъ лордъ Мельбурнъ, и сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, между-тѣмъ, какъ леди Клементина и Нелли хранили молчаніе.

Вы, кажется, чѣмъ-то встревожены, батюшка? спросила наконецъ Нелли... Не больны ли вы?

«Нѣтъ, я думаю о Маріи, которая, разставаясь со мною, чувствовала себя несовсѣмъ-здоровой... Но вы, леди Клементина, вы также ужасно блѣдны; что̀ съ вами?»

— Да; я не очень-здорова... я пойду къ себѣ въ комнату.

Она встала и хотѣла идти, какъ вдругъ Джемсъ, отворивъ стремительно дверь, остановилъ леди Клементину.

— Миссъ Маріи нѣтъ въ павильйонѣ! закричалъ онъ громко: и вотъ ея шляпа, которую я нашелъ на полу у открытаго окна.

«Боже! чтò это значитъ!» возкликнула Нелли, всплеснувъ руками.

—«Марiи нѣтъ въ павильйонѣ!» повторилъ лордъ Мельбурнъ, бросившись въ паркъ, куда уже почти всѣ люди его сбѣжались съ зажжеными факелами.

Воздухъ огласился именемъ Марiи, которую стали кликать со всѣхъ сторонъ. Нелли также хотѣла бѣжать отъискивать сестру свою, какъ вдругъ леди Клементина упала въ обморокъ. Бѣдная малютка бросилась къ колокольчику и старалась привести мачиху свою въ чувство; скоро прибѣжали ея женщины и Нелли, оставивъ леди Клементину на ихъ рукахъ, побѣжала въ паркъ.

Дождь лилъ ливнемъ, однакоже это не помѣшало Нелли обѣжать весь паркъ. Напрасно кликала она—никто не отвѣчалъ на ея зовъ. Увѣренная, что Марiя уже возвратилась, она побѣжала назадъ въ зàмокъ; но ея тамъ не было! Всѣ двери были отворены, слуги побѣжали въ разныя стороны къ бѣднымъ хижинамъ окрестныхъ жителей, куда Марiя часто ходила раздавать милостыню и хотя было невѣроятно, чтобъ она рѣшилась идти туда въ такую дурную погоду, но надежда такъ легко сливается съ малѣйшею возможностью, что каждый изъ слугъ замка думалъ найдти свою молодую госпожу въ той именно хижинѣ, къ которой спѣшилъ.

— Можетъ-быль, говорилъ одинъ изъ нихъ: она теперь у вдовы Виллесъ, которая недавно потеряла своего втораго сына.

«Или у старушки Бовъ, которая такъ больна» говорилъ другой.

И, такимъ-образомъ, люди лорда Мельбурна открывали другъ передъ другомъ всѣ добрыя дѣла и сострадальность миссъ Марiи.

Но они нигдѣ не могли отъискать ее и съ грустнымъ чувствомъ неудачи возвратились въ зàмокъ, гдѣ лордъ Мельбурнъ и Нелли, не обращая вниманiя на дождь и вѣтеръ, ожидали ихъ на крыльцѣ. Несчастный отецъ, потерявъ послѣднюю надежду, еще удерживавшую его, бросился на лошадь и въ сопровожденiи людей своихъ пустился отъискивать Марiю по окрестностямъ. Но они напрасно скакали по всѣмъ дорогамъ, напрасно останавливались у каждаго дома, у каждой хижины: никто не могъ дать имъ извѣстiе о

Маріи. Только одна бѣдная женщина, жившая около двухъ миль отъ Мельбурн-Галя, утверждала, что видѣла почтовую коляску, которая проскакала мимо ея жилища; она увѣряла, что это было около вечера, и именно въ то самое время, когда пропала Марія. Карета эта умчалась по дорогѣ въ Сѣверную Англію.

Не смотря на такой сомнительный слѣдъ, лордъ Мельбурнъ цѣлыя сутки скакалъ по этой дорогѣ; но все было напрасно, никто не видалъ его дочери,—и онъ возратился въ свой зáмокъ въ страшномъ отчаяніи.

VII.

Четыре дня и четыре ночи, или лучше сказать восемь вѣковъ ужаснѣйшей муки и безпокойства промчались со времени отсутствія Маріи. Замокъ былъ погруженъ въ безмолвное уныніе. Леди Мельбурнъ не оставляла своей комнаты, будучи очень-нездорова, какъ всѣ увѣряли. Нелли безпрестанно плакала; она не могла подойдти къ павильйону безъ того, чтобы не почувствовать въ душѣ своей страшнаго, мучительнаго чувства тоски и отчаянія. Слуги зáмка не переставали дѣлать розъиски и, бродя безпрестанно по окрестностямъ, останавливали каждаго прохожаго, надѣясь получить отъ него какія-нибудь свѣдѣнія; но все было напрасно, и, возвращаясь домой, они хранили глубокое, мертвое молчаніе и старались скрывать свои слезы, чтобъ не усилить еще болѣе мрачнаго отчаянія лорда Мельбурна; а лордъ, запершись въ своемъ кабинетѣ, то бросалъ, то бралъ перо, не будучи въ состояніи рѣшиться сообщить ужасную новость брату пропавшей Маріи и жениху ея.

Наступилъ вечеръ пятаго дня; лордъ Мельбурнъ, сидя въ кабинетѣ, былъ погруженъ въ мрачную задумчивость, и по временамъ страшная мысль, что Марія лишила себя жизни, заставляла его трепетать отъ ужаса.

Она была нездорова, когда разставалась съ нимъ. Если это было началомъ горячки? если, уступивъ безумству, которое часто овладѣваетъ такими больными, она бросилась въ озеро?.. Ни за чтò въ свѣтѣ не хотѣлъ онъ до-сихъ-поръ убѣдиться въ этомъ предположеніи. Притомъ же, ему приходило въ голову, что Марія отличалась всегда необыкновенною твердостію характера, и что болѣзнь не могла развиться въ ней такъ быстро. Нѣтъ, Марія не могла посягнуть на собственную жизнь свою!.. Но чтò же сдѣлалось съ нею?..

Мучимый неизвѣстностью, лордъ Мельбурнъ съ ужасомъ гово-

рилъ самъ себѣ, что, можетъ-быть, онъ одинъ былъ причиною всего этого несчастія, что женитьба его, огорчившая такъ сильно Марію, нанесла сердцу ея глубокую, неизцѣлимую скорбь, заставившую ее рѣшиться на какой-нибудь ужасный поступокъ. Потомъ онъ снова отталкивалъ отъ себя эту мысль, которая казалась ему неосновательною и невозможною при такомъ характерѣ, какимъ отличалась Марія, но которая терзала его невыразимо.

Тогда-то почувствовалъ онъ, что новый союзъ, имъ заключенный, никогда не могъ принести ему счастія; вмѣсто того, чтобъ облегчить свое сердце, раздѣливъ его мученіе съ леди Клементиной, онъ старался убѣгать ея: съ нею не любилъ онъ говорить о своихъ дѣтяхъ, и въ-особенности о Маріи. Итакъ онъ сидѣлъ совершенно одинъ въ самомъ темномъ углу своего кабинета, какъ вдругъ дверь тихо отворилась, и Марія вошла въ комнату.

Увидѣвъ ее, несчастный отецъ простеръ къ ней свои объятія; но она не бросилась на грудь его, а опустилась передъ нимъ на колѣни.

«Боже мой! Боже мой!» возкликнулъ лордъ Мельбурнъ: «откуда пришла ты, Марія?.. Что̀ съ тобою? блѣдность лица твоего ужасна!.. Ты пугаешь меня; но *я* вижу тебя — и опять счастливъ. Встань, дочь моя, встань!»

— Нѣтъ, отвѣчала она глухимъ голосомъ: нѣтъ, *я* буду говорить на колѣняхъ, потому-что прежде всего должна получить отъ васъ, батюшка, прощеніе и клятву...

«Прощеніе! тебѣ Марія?... Но что̀ жь ты сдѣлала?... Ты знаешь, какъ *я* люблю тебя!»

— Да, батюшка, да, знаю — отвѣчала она: но мнѣ надобно, чтобъ вы сказали мнѣ: «Ты поступила хорошо, дочь моя; этого требовала честь, и ты должна была изполнить ея требованіе.»

«Честь?... Ахъ, говори! ты знаешь, что мы оба понимаемъ честь одинаково. *Я* знаю также, что ты вѣрно сдѣлала только, что̀ должна была сдѣлать. Встань же, встань, и разскажи мнѣ все; только преступницѣ прилично оставаться на колѣняхъ, а *я* увѣренъ, что ты не преступница и не могла сдѣлаться ею.»

— Дайте мнѣ слово, батюшка, что вы выслушаете меня съ кротостью и воздержите гнѣвъ свой.

«*Я* снова вижу тебя» возкликнулъ лордъ Мельбурнъ съ полными слезъ глазами: «*я* вижу тебя, и все перенесу съ твердостью.»

—Хорошо, батюшка, *я* все скажу—прошептала Марія, прижавъ

прекрасную свою голову къ колѣнамъ отца... Я замужемъ!...

«Замужемъ?... за Артуромъ?»

— Нѣтъ, отвѣчала она едва-внятнымъ голосомъ, устремивъ на лорда Мельбурна потухающій взоръ свой: нѣтъ; мы разлучены на вѣки! — и упала безъ чувствъ.

Лордъ Мельбурнъ бросился къ дочери, стараясь подать ей возможную помощь; не смотря на свое отчаяніе и страхъ, онъ не позвалъ однакоже никого, и когда Марія опомнилась, онъ сказалъ ей мрачнымъ голосомъ:

«Говори, говори; теперь я могу все выслушать.»

— Батюшка, сказала Марія съ твердостью: вы знаете все, что̀ случилось между мною и виконтомъ де-Вервилемъ; вы видѣли, что я отвергла его исканія. Я ненавидѣла, я презирала его, и, не смотря на это, онъ теперь мужъ мой!

«Это невозможно! невозможно!» воскликнулъ лордъ Мельбурнъ. «Знаешь ли ты, что онъ игрокъ, негодяй? знаешь ли ты все, что̀ писали мнѣ о немъ изъ Франціи?..»

— О, батюшка, вы скоро узнаете, что я не могла поступить иначе!

Марія снова впала въ мрачное отчаяніе, но, сдѣлавъ надъ собою усиліе, продолжала съ стоическою твердостью:

«Когда я разсталась съ вами на крыльцѣ зáмка, мнѣ сдѣлалось очень-дурно; голова моя горѣла, жилы бились съ необыкновенною силой, и когда я пришла въ павильйонъ, со мною сдѣлалось такое оцѣпенѣніе, что я начала бояться серьёзной болѣзни. Я бросилась на диванъ и чувствовала, что физическія и нравственныя силы оставляли меня; мнѣ казалось, что я умираю; все кружилось вокругъ меня; я мысленно помолилась Богу, вспомнила объ Артурѣ, о васъ, батюшка, пожелавъ вамъ въ душѣ всего счастія... Потомъ глаза мои закрылись, какъ-будто какая-нибудь желѣзная рука налегла на нихъ; потомъ я уже ничего болѣе не чувствовала... Но какое пробужденіе ожидало меня!... О, батюшка! сначала думала я, что меня мучитъ страшный сонъ... Я открыла глаза... какой-то человѣкъ сжималъ меня въ своихъ объятіяхъ; я узнала въ немъ виконта де-Вервиля. Безчестіе....

«Презрѣнный!» воскликнулъ лордъ Мельбурнъ въ ярости... «О, онъ заплатитъ мнѣ жизнію!.. Если я паду—сынъ мой отмститъ за тебя и Артуръ...»

— Ахъ! выслушайте, выслушайте меня, батюшка!... возразила Марія... Я была еще подъ вліяніемъ того страшнаго оцѣпѣнія—

гѣдствія подлаго заговора противъ меня — да, заговора, пото-у-что мнѣ дали какой-то ядъ, какое-то питье, которое, уничто-ивъ всѣ нравственныя мои силы, усыпило меня тяжкимъ, глу-окимъ сномъ. . . И кто же совершилъ это злодѣяніе?... Та, кото-ая носитъ ваше имя,—ваша жена, леди Мельбурнъ!...

«О, это невозможно!» воскликнулъ несчастный отецъ, закрывъ ацо свое руками: «это невозможно!...»

— Она!... повторила Марія: она! Я вспомнила, что мы были днѣ съ нею у чайнаго столика; моя и ея чашки были налиты. елли въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ искала карту Шотландіи; ы были заняты вашими журналами. Леди Мельбурнъ стала жа-оваться, что ей холодно, и я встала, чтобъ затворить одно окно, оторое осталось отвореннымъ; тогда услыхала я надъ чашками акой-то странный стукъ, но онъ былъ такъ слабъ, что я не обра-нла на это никакого вниманія. Къ-тому же, могла ли я подозрѣ-атъ такой умыселъ? Однакожъ чай, выпитый мною, показался нѣ непріятенъ и имѣлъ какой-то особенный запахъ; но я при-исала все это испорченному моему вкусу, и только положеніе, ъ какое я была повергнута послѣ, объяснило мнѣ все: леди Кле-ентина была сообщницею виконта де-Вервиля.

«И она также умретъ!» закричалъ лордъ Мельбурнъ съ не-истовою яростью...

— Батюшка! возразила Марія: вы обѣщали выслушать меня съ терпѣніемъ; я прошу у васъ этого именемъ моихъ бѣдствій, ко-орыхъ причиною была ваша женитьба.

Лордъ Мельбурнъ, пораженный этими словами, упалъ на стулъ... Несчастная дочь его продолжала:

— Я избавлю васъ отъ тѣхъ увѣреній въ почтеніи, разкаяніи и любви, которыя я была принуждена слышать отъ этого чело-вѣка... Любви—этому святому, высокому чувству, которое можетъ внушать только благородныя цѣли, осмѣлился онъ приписывать ужасный, подлый поступокъ, на который рѣшился. Я слушала его и молчала; я была какъ полумертвая и не имѣла въ себѣ ни ма-лѣйшей силы защищаться, когда онъ поднялъ меня на руки и отнесъ въ карету, ожидавшую его у стѣнъ парка, близъ маленькой калитки, отъ которой у него былъ ключъ... Чувствуя, что меня увлекали изъ вашего дома, я хотѣла по какому-то инстикту кри-чать и просить о помощи, но мысль подвергнуть жизнь вашу опасности остановила меня... Виконтъ былъ вооруженъ и объя-вилъ мнѣ, что не пощадилъ бы даже и васъ. Мы ѣхали скоро; обо

всемъ этомъ путешествіи осталось во мнѣ только неясное воспоминаніе; я не могла считать ни часовъ, ни дней, ни ночей... Наконецъ прибыли мы въ Шотландію,— въ Шотландію, гдѣ былъ мой братъ и Артуръ!... Я была въ такомъ оцѣпенѣніи, что не могла собрать мыслей своихъ... Какъ слабая жертва, безъ ропота и сопротивленія позволила я вести себя къ какому-то человѣку, который соединилъ меня съ виконтомъ де-Вервилемъ. Я не скажу вамъ ничего объ этой церемоніи: я только въ молчаніи и съ какимъ-то безуміемъ покорилась ей...

—Виконтъ конечно запасся всѣми нужными бумагами, потому-что не встрѣтилъ никакого препятствія. Не спрашивайте у меня подробностей... не вашу дочь связывали тогда вѣчными узами,— предъ алтаремъ стояла не миссъ Мельбурнъ, имѣвшая какую-нибудь волю... нѣтъ, тамъ была женщина полумертвая, нежелавшая ничего, кромѣ молчанія и покоя, преданная какому-то онѣмѣнію и преслѣдуемая страшными видѣніями. Съ этой минуты изнурительная лихорадка не оставляла меня, и я чувствую, что жизнь мало-по-малу гасла въ груди моей... Но когда силы мои возвращались порою, когда слезы появлялись на глазахъ, и когда воспоминаніе объ Артурѣ западало мнѣ въ душу, когда я говорила сама себѣ, что мы разлучены навѣки... о, какъ несчастлива была я тогда!.. Были минуты, когда мысль о самоубійствѣ приходила мнѣ въ голову... Но Богъ конечно простилъ мнѣ этотъ грѣхъ, потому-что раскаяніе мое было искренно... Я могла наконецъ молиться, могла обдумать свое положеніе и рѣшить свою участь.

«Твою участь?» возразилъ лордъ Мельбурнъ: «нѣтъ, я одинъ могу еще располагать ею... Этотъ бракъ недѣйствителенъ, и человѣкъ, осмѣлившійся на него, заплатитъ своею свободой, можетъ-быть, даже жизнію за свой недостойный поступокъ. Гдѣ онъ? гдѣ могу я найдти его?»

—Но еслибы вы стали подвергать жизнь свою опасности, еслибы братъ мой и Артуръ стали стрѣляться съ нимъ, развѣ безчестіе, мнѣ нанесенное, будетъ тѣмъ омыто? Я вѣрю, что законы могутъ расторгнуть этотъ бракъ; но чтобы достигнуть этого, надобно, чтобъ цѣлое семейство предстало на судъ, и чтобъ я сама публично разсказала всѣ подробности ужаснаго происшествія, надобно, чтобъ безъ стыда и совѣсти изчислила я одно за однимъ всѣ оскорбленія, мнѣ нанесенныя, и чтобъ выдавая себя за жертву, заставила может-быть подумать, что собственное мое поведеніе дало поводъ къ такому поступку со мною. Но это еще

не все: мнѣ пришлось бы обвинять жену вашу; я была бы принуждена сказать судьямъ моимъ, что та, которая носитъ теперь имя миледи Мельбурнъ, которую вы ввели въ свое семейство, была когда-то презрѣнная женщина, торговавшая собою...

«Остановись, остановись, Марія!...»

— Нѣтъ, батюшка, продолжала она съ твердостію: вы должны узнать все, и убѣдиться, что, разкрывъ предъ глазами общества эту ужасную драму, мы покрыли бы только самихъ-себя неизгладимымъ позоромъ!.. Я Англичанка, у меня достанетъ твердости умереть, но я не въ-силахъ прибѣгать къ публичному суду для-того, чтобы утвердить мою невинность; нѣтъ, я никогда не соглашусь на это, и объявляю вамъ здѣсь съ клятвою, что развѣ только одинъ безчувственный трупъ мой можно будетъ привлечь предъ судей, но что живая я никогда не стану предъ ними.

«Подумай, Марія: насъ трое противъ одного для отмщенія за тебя.»

—Но если вы и прольете вашу кровь за меня, развѣ я не останусь женою злодѣя, котораго имя ношу теперь; развѣ безчестіе, мнѣ нанесенное, смоется съ меня?... развѣ я не останусь навѣки разлученною съ Артуромъ?... Не уже ли вы можете думать, что я соглашусь когда-нибудь скрыть позоръ свой подъ именемъ его супруги? И кто можетъ поручиться, чтобъ сомнѣніе не овладѣло когда-нибудь его душою и чтобъ презрѣніе не заступило въ сердцѣ его мѣсто любви? Нѣтъ, никогда не рѣшусь я на такое несчастіе... Участь моя рѣшена, и я умоляю васъ любовью вашей ко мнѣ и моимъ отчаяніемъ, оставить ее теперь такою, какою она должна быть!

«Какъ! не уже ли ты думаешь, что соглашусь когда-нибудь видѣть этого подлеца?...»

—О, конечно нѣтъ! отвѣчала Марія съ благородною гордостью но выслушайте меня:

—Когда силы мои нѣсколько возвратились, я объявила виконту рѣшительно и твердо, что хочу возвратиться къ вамъ; онъ не сталъ этому противиться. Виконтъ человѣкъ, исполненный суетности, самонадѣянности и увѣренный, что женщина, однажды побѣжденная, остается побѣжденною навсегда... Онъ думаетъ, я увѣрена въ томъ, что ненависть моя къ нему и гнѣвъ будутъ непродолжительны онъ воображаетъ себѣ, что все кончится между нами какъ въ комедіяхъ, гдѣ прощеніе отца слѣдуетъ обыкновенно за обольщеніемъ дочери.

—Онъ оставилъ меня и пошелъ отдать приказаніе приготовить лошадей, которыя должны были привести насъ сюда. Оставшись одна, я увидѣла, что дверь комнаты, которую онъ занималъ, была отворена; пистолеты его и бумаги лежали на столѣ. Не знаю, отъ чего . . . какой-то инстинктъ заставилъ меня схватить его портфёль, который я умѣла открыть; я вынула оттуда актъ, свидѣтельствовавшій о дѣйствительности моего брака и другую бумагу, касающуюся леди Клементины, и скрыла ихъ на груди моей. Виконтъ привезъ меня къ калиткѣ парка, а самъ отправился въ ближайшій городъ, ожидать отъ меня извѣстія. Я обѣщала писать къ нему; я увѣрена, что онъ надѣется возвратиться какъ зять вашъ, и конечно воображаетъ себѣ, что я скрою отъ васъ оскорбленіе, мнѣ нанесенное.

«Злодѣй!»

—Я кончила, батюшка; твердость моя должна удивлять васъ и казаться даже непонятной. Но со времени этого ужаснаго происшествія во мнѣ произошла перемѣна, въ которой я сама-себѣ не умѣла отдать отчета. Я считаю себя женщиной, непринадлежащей уже этому міру, женщиной, которой счастіе разрушено на вѣки и которой жизнь отравлена бѣдствіями и позоромъ. Даже самая любовь моя къ Артуру, кажется, погасла въ моемъ сердцѣ; на краю могилы я желаю теперь только одного—покоя и забвенія. Я чувствую, что не буду въ-состояніи перенести ни объясненій, ни сценъ, ни угрозъ, не потерявъ разсудка. . . Скажу вамъ болѣе: чтобъ избавить себя отъ этого, я даже согласилась бы, мнѣ кажется, объявить себя сообщницею этого человѣка.

«Бѣдная Марія!» воскликнулъ лордъ Мельбурнъ съ отчаяніемъ. «О! какъ ты должна ненавидѣть своего несчастнаго отца!»

—Ненавидѣть васъ! . . . Ахъ! мнѣ кажется напротивъ, что я люблю васъ еще болѣе; вамъ такъ нужна любовь дѣтей вашихъ.

«Но что же намъ дѣлать съ этимъ извергомъ?»

—Онъ хотѣлъ золота, батюшка—дайте же ему это золото; поѣзжайте къ нему, но поклянитесь мнѣ прахомъ моей матери сохранить все ваше хладнокровіе.

«Клянусь!»

—Дайте ему денегъ и назначьте ежегодную пенсію, если онъ подпишетъ, что отказывается отъ всѣхъ правъ на меня, и что никогда не возвратится въ Англію . . . Леди Клементина . . .

«Я удалю ее, Марія . . . Два эти презрѣнныя существа будутъ удержаны корыстолюбіемъ и угрозою моею предать ихъ суду,

сли они осмѣлятся нарушить покой нашъ. О, Марія, Марія! видя тебя столь прекрасной и великодушной, я удивляюсь твоей твердости и благоразумію; ты все предвидѣла, все рѣшила. Ни одна безполезная жалоба не вырвалась у тебя изъ груди, и ты все еще любишь несчастнаго отца своего, виновника всѣхъ твоихъ бѣдствій! О, дочь моя! Богъ послалъ тебя на землю, чтобъ напомнить людямъ объ ангелахъ своихъ: да оставитъ Онъ тебя на ней, чтобъ избавить отца твоего отъ отчаянія, и да пошлетъ тебѣ наконецъ спокойствіе!»

—Не станемъ говорить обо мнѣ, отвѣчала Марія, сжавъ отца въ своихъ объятіяхъ... Пойдемте, проводите меня въ мою комнату, гдѣ я провела столько спокойныхъ ночей и гдѣ просыпалась такъ весело...

Было рѣшено, что лордъ Мельбурнъ отправится на-разсвѣтѣ въ городъ, гдѣ остался виконтъ де-Вервиль; о Маріи разгласится, будто она все это время провела въ одной бѣдной хижинѣ, куда ходила оказать помощь и гдѣ захворала... Это было конечно не совсѣмъ-правдоподобно, но люди лорда Мельбурна такъ уважали господъ своихъ, что не позволяли себѣ никакихъ разсужденій на ихъ счетъ; а леди Клементина была сама такъ виновна, что конечно не могла осмѣлиться ни на какую нескромность... Итакъ Марія не подвергалась никакимъ разспросамъ; къ тому же она была такъ слаба, что всѣ заботились только о томъ, чтобъ доставить ей возможное успокоеніе.

Лордъ Мельбурнъ возвратился чрезъ три дня, потомъ уѣхалъ опять съ леди Клементиной и возвратился назадъ одинъ. Въ отсутствіи его пришли письма отъ Вильяма и Артура. Марія не захотѣла даже взглянуть на адресъ.

—Что съ нею сдѣлалось? спрашивала сама себя Нелли. Я не узнаю ее; какъ измѣнила ее болѣзнь! смертная блѣдность покрываетъ лицо ея, и на устахъ ея нѣтъ уже никогда прежней улыбки. Она не показываетъ ни малѣйшаго любопытства, не хочетъ даже узнать, что пишетъ Артуръ, тогда какъ я... И простодушная дѣвушка прятала на груди своей милыя сердцу ея письма, или прижимала ихъ къ устамъ своимъ.

Когда отецъ ея возвратился, она выбѣжала къ нему на встрѣчу, для-того, чтобъ онъ поскорѣе распечаталъ ихъ. Но и онъ также отвратилъ отъ нихъ свои взоры, и мрачное отчаяніе, казалось, совершенно овладѣло имъ... Цѣлые дни проводилъ онъ у дивана, на которомъ лежала Марія, потому-что она была почти не въ-си-

лахъ ходить... Бывали минуты, когда она, казалось, чувствовала себя лучше; но это съ каждымъ днемъ становилось все рѣже и рѣже.

«О, Марія, Марія!» говорилъ ей отецъ ея: «такъ ты хочешь покинуть меня? Подожди по-крайней-мѣрѣ до-тѣхъ-поръ, пока смерть возьметъ насъ обоихъ вмѣстѣ: тебя прекрасную и невинную, — меня безрузсуднаго и виновнаго!..

VIII.

Прошло уже нѣсколько мѣсяцевъ со времени отъѣзда Вильяма и Артура. Первыя письма ихъ были исполнены веселости и надеждъ; въ-особенности Артуръ со всею пылкостію души своей описывалъ счастіе и радость всего его семейства. Онъ говорилъ, какъ отецъ и мать его были счастливы тѣмъ, что могли скоро назвать Марію своею дочерью, описывалъ приготовленія, дѣлаемыя въ замкѣ для принятія ея, украшенія, которыми хотѣли еще болѣе улучшить долину, столь много ею любимую, и съ восторгомъ говорилъ о любви своей, которая въ разлукѣ съ каждымъ днемъ все усиливалась.

Но когда онъ получилъ печальный и несовсѣмъ-понятный для него отвѣтъ отца Маріи, когда онъ узналъ о болѣзни ея, безпокойство овладѣло имъ. Онъ чувствовалъ себя столько несчастливымъ, что скоро письма его было почти такъ же грустны, какъ самая грусть лорда Мельбурна, и волновали бѣдную Марію, приближая ее къ гробу.

Наконецъ Артуръ увѣдомилъ о своемъ скоромъ возвращеніи; но леди Клифордъ сдѣлалась опасно больна, и онъ былъ принужденъ опять отсрочить отъѣздъ свой.

Въ-продолженіе этого времени болѣзнь Маріи усилилась; бѣдная женщина напрасно старалась переносить съ стоическою твердостію страданія: смерть, нещадящая ни красоты, ни юности, приближалась быстро и простерла уже на свою жертву губительную десницу.

Лордъ Мельбурнъ послалъ въ Лондонъ за самымъ извѣстнѣйшимъ и искуснѣйшимъ докторомъ. Но что можетъ искусство противъ ранъ сердца, противъ яда, который былъ разлитъ по жиламъ Маріи? Напрасно употребляли всѣ средства, которыя можетъ только изобрѣсть наука,—ничто не помогало больной; напротивъ, казалось, страданія ея увеличивались и она умоляла, чтобъ ее оставили въ покоѣ. Напрасно старались внушить ей надежду... Недовѣрчивая и твердая, она не вѣрила обманчивымъ обѣщаніямъ

и докторъ оставилъ ее, не взявъ съ собою даже и того утѣшенія, что успѣлъ хотя нѣсколько облегчить ея страданія.

Въ день его отъѣзда вечеръ былъ мраченъ и дождливъ; древніе дубы парка качались, шумѣли отъ порывовъ сильнаго, холоднаго вѣтра; поверхность озера волновалась, водяныя птицы оглашали воздухъ жалобными криками и, не смотря на все это, природа не была еще такъ грустна, какъ обитатели замка Мельбурн - Галль. Слуги, собравшись въ кухнѣ у очага, разговаривали шепотомъ о своей молодой госпожѣ, и часто забывали подкладывать дрова, чтобъ поддержать въ очагѣ гаснувшій огонь.

«Кто остался въ прихожей?» спросила кормилица Маріи, проведшая нѣсколько ночей безъ сна у кровати больной и начинавшая дремать отъ усталости...

— Джемсъ, отвѣчали ей.

«А кто видѣлъ сегодня стараго Пелама?» спросила она съ боязнію.

—Я, отвѣчала одна служанка: я хотѣла дать ему поѣсть, но онъ затрясъ головою и побѣжалъ въ паркъ.

«Я слышу, какъ онъ воетъ подъ окнами замка; надобно сходить за нимъ» прибавила кормилица.

—Я нѣсколько разъ уже загоняла его, продолжала та же служанка: но онъ все выбѣгалъ вонъ.

«Ну, въ такомъ случаѣ наша молодая барышня уже не встанетъ!» воскликнула добрая старуха заливишись слезами. «Я часто слышала, что вой собаки у кровати больнаго или подъ его окнами есть вѣрный признакъ смерти. Миссъ Марія не переживетъ этой ночи.»

— Однакоже ей, кажется, нѣсколько-лучше, сказалъ вошедшій въ эту минуту Джемсъ: я только-что теперь подалъ въ ея комнату свѣчи. Милордъ сидитъ подлѣ дивана миссъ Маріи, которая была такъ добра, что сама сказала мнѣ, что ей лучше. Надобно было видѣть, какъ обрадовалась этому наша молоденькая миссъ Нелли... Будемъ надѣяться.

«Надѣяться!» сказала кормилица торжественнымъ тономъ: «нѣтъ, слышете ли, какъ воетъ Пеламъ?»

Служанка вышла и возвратилась черезъ минуту вмѣстѣ съ Пеламомъ, котораго привела насильно; онъ печально легъ у очага... Молчаніе водворилось въ кухнѣ, но оно было скоро прервано топотомъ лошадей—конюхъ выскочилъ на дворъ, и почти въ ту же минуту Вильямъ и Артуръ въѣхали въ замокъ.

— Вотъ это лучше всѣхъ докторовъ на свѣтѣ! воскликнули

слуги и выказывали радость свою, которую не раздѣляла съ ними только одна кормилица; напротивъ, она повторила тихимъ голосомъ:

«Нѣтъ, нѣтъ, она уже не встанетъ! Пеламъ опять убѣжалъ; вотъ онъ снова завылъ и все на томъ же самомъ мѣстѣ.»

Вильямъ и Артуръ вошли въ комнату; лордъ Мельбурнъ бросился въ объятія сына; Артуръ упалъ на колѣни предъ кроватью Маріи.

— «О»! воскликнула она: «я опять вижу тебя и могу теперь умереть!..»

— Умереть! повторилъ Артуръ, прижавъ ее крѣпко къ груди своей: умереть! ты!..

— «Успокойся, Артуръ» прошептала она нѣжно: «успокойся; дай мнѣ насладиться твоимъ присутствіемъ и присутствіемъ брата..»

Но ни тотъ, ни другой не сказали еще ни слова Нелли: Марія замѣтила имъ это. Вильямъ, осмотрѣвшись кругомъ, спросилъ мрачнымъ голосомъ:

— Чтò же случилось съ Маріей? Гдѣ леди Клементина?

«Ея уже нѣтъ болѣе здѣсь» отвѣчалъ лордъ Мельбурнъ тихо и торжественно.

Мрачное молчаніе воцарилось въ комнатѣ.

«Милая Марія» сказалъ наконецъ бѣдный отецъ: «не пора ли тебѣ успокоиться... Я боюсь, что продолжительное...»

—«Мнѣ теперь очень-хорошо, батюшка; останьтесь со мною еще нѣсколько минутъ.»

— Но скажите, ради Бога, чтò съ нею? воскликнулъ въ отчаяніи Артуръ: и чтò говоритъ докторъ?

— «Онъ уѣхалъ нынче утромъ» отвѣчала Нелли почти весело, и сказалъ, чтобъ мы не мучили болѣе сестру лекарствами; не служитъ ли это доказательствомъ, что онъ не считаетъ болѣзнь ея важною.»

Марія и лордъ Мельбурнъ взглянули другъ на друга.

«Какая дурная погода!» сказалъ съ грустною разсѣянностію несчастный отецъ.

— Да отвѣчалъ Вильямъ: лѣсъ стонетъ отъ порывовъ вѣтра, котораго визгъ долетаетъ даже сюда; но чтò это за стенанія, въ паркѣ?..

Всѣ встали. Марія обернулась лицомъ къ стѣнѣ.

— «Это голосъ Пелама» воскликнулъ Вильямъ: «зачѣмъ оставляютъ его на дворѣ въ такую погоду?»

Онъ позвонилъ и приказалъ сходить за нимъ. Всѣ молчали, думая, что Марія заснула; но Артуръ тихо подошелъ къ ней и хотѣлъ приподнять скатившуюся руку своей невѣсты: рука эта была холодна какъ ледъ.

Марія уже не существовала. . .

Стенанія стараго Пелама замолкли, онъ лежалъ мертвый подъ окнами спальни юной госпожи своей.

КАЗАЧЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Спи, младенецъ мой прекрасный, —
Баюшки-баю.
Тихо смотритъ мѣсяцъ ясный
Въ колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Пѣсенку спою;
Ты жь дремли, закрывши глазки, —
Баюшки-баю.

По камнямъ струится Тѐрекъ,
Плещетъ мутный валъ;
Злой Чеченъ ползетъ на берегъ,
Точитъ свой кинжалъ;
Но отецъ твой старый воинъ,
Закалёнъ въ бою:
Спи, малютка, будь спокоенъ, —
Баюшки-баю.

Самъ узнаешь, — будетъ время, —
Бранное житье;
Смѣло вдѣнешь ногу въ стремя,
И возьмешь ружье.
Я сѣдельце боевое
Шелкомъ разошью . . .
Спи, дитя мое родное, —
Баюшки-баю.

Богатырь ты будешь съ виду
И казакъ душой.

Провожать тебя я выйду —
Ты махнешь рукой . . .
Сколько горькихъ слезъ украдкой
Я въ ту ночь пролью!..
Спи, мой ангелъ, тихо, сладко, —
Баюшки-баю. . . .

Стану я тоской томиться,
Безутѣшно ждать;
Стану цѣлый день молиться,
По ночамъ гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты въ чужомъ краю...
Спи жь, пока заботъ не знаешь, —
Баюшки-баю.

Дамъ тебѣ я на дорогу
Образокъ святой:
Ты его, моляся Богу,
Ставь передъ собой;
Да, готовясь въ бой опасный,
Помни мать свою...
Спи, младенецъ мой прекрасный, —
Баюшки-баю.

М. ЛЕРМОНТОВЪ.

О РАЗВЕДЕНІИ РАЗНЫХЪ ЛѢСНЫХЪ ПОРОДЪ НА СТЕПНОМЪ ЧЕРНОЗЁМѢ.

Въ прибавленіи къ моей книгѣ «Опытъ сельскаго благоустройства или полиціи», напечатанной иждивеніемъ Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства въ 1835 году, старался я дать краткое понятіе о лѣсохозяйствѣ, въ пользу сельскихъ хозяевъ (*).

Тамъ же помѣстилъ я нѣсколько опытовъ разведенія нѣкоторыхъ лѣсныхъ породъ на степномъ черноземѣ, произведенныхъ мною въ Новосильскомъ Уѣздѣ, въ теченіи 34-хъ лѣтъ.

Совершенно-удовлетворительный успѣхъ, которымъ увѣнчались нѣкоторые изъ сихъ опытовъ, заставляетъ меня, въ пользу любителей лѣсоводства, сдѣлать здѣсь нѣкоторыя дополненія къ тому, чтò сказано въ вышепомянутой книгѣ.

Всѣ мои опыты доказали до-сихъ-поръ, что степной черноземъ, безъ сильнаго удобренія скотскимъ навозомъ, есть земля самая неудобная для произведенія почти всѣхъ лиственныхъ деревъ,— мертвая.

Много времени пройдетъ, пока сѣянныя, или со всѣмъ стараніемъ посаженныя деревья начнутъ расти съ свойственною породѣ ихъ скоростію.

Они очень ускоряютъ ростъ свой, когда растущіе между ими густолиственные кустарники начнутъ отѣнять землю; если же нѣтъ сихъ послѣднихъ, то должно накрывать соломою землю между деревьями. Но лишь тогда, когда они достигнутъ корнями своими до глины (материка), начнутъ они расти съ естественною скоростію, и даже кора ихъ пріиметъ видъ свѣжій и здоровый. Это на-

(*) Эта полезная книга, обратившая на себя вниманіе всѣхъ знатоковъ сельскаго хозяйства и заслужившая благодарность автору отъ благонамѣренныхъ и просвѣщенныхъ помѣщиковъ, продается въ московскихъ и петербуржскихъ книжныхъ лавкахъ по 2 р. 50 к. асс. за экземпляръ. Полагаемъ, что она уже извѣстна нашимъ читателямъ. *Ред.*

иболѣе примѣчается на дубѣ, липѣ и орѣшникѣ (Coryllus); но этого должно дожидаться 6 — 10 лѣтъ.

Изъ сего общаго правила изключаются: береза, осина и ветла (Salis Capraea), которыя удобно разводятся на обнаженномъ отъ дерна черноземѣ, иногда на оставленной пашнѣ, и безъ посторонней помощи, если та пашня не слишкомъ травяниста и если случится хорошій урожай сѣменъ на ближнихъ лѣсахъ, пока земля еще не очень заросла травами.

Чтобъ илмъ (ulmus campestris) съ-молоду росъ съ обыкновенною своею скоростію, нужно удобреніе скотскимъ навозомъ. Ясень, который любитъ сѣроватую, добрую глину (Gaselerde) безъ удобренія растетъ здѣсь утомительно-тихо.

Въ послѣдніе годы я высадилъ этихъ породъ по десятку тысячь, превозходно-вырощенныхъ въ питомникѣ, на удобренной перегнившимъ навозомъ глинѣ. Съ кленомъ бываетъ то же.

Послѣ изданія вышепомянутой книги, мнѣ случилось еще дѣлать употребленіе изъ красной бузины, тамъ описанной. Надобно было, въ защиту плодовитаго сада, засадить полосу въ $^1/_2$ десятины бывшаго коноплянника лиственнымъ лѣсомъ, смѣшавъ его густо съ бузиною, которой уже большая часть была срублена.

Здѣшній помѣщикъ, О. П. Рахмановъ, посадилъ изрядную березовую рощу подъ соху, моимъ способомъ, но съ лучшимъ, нежели я, успѣхомъ. Этотъ способъ еще много облегчится и улучшится отъ употребленія моего бороздняго скаррификатора, описаннаго и изображеннаго въ «Русскомъ Земледѣльцѣ» (1833 года № 3). Это орудіе не только до садки взрыхливаетъ землю на весьма значительную глубину и тѣмъ доставляетъ вмѣстилище для весенней воды, но можетъ съ пользою употребляться и для взрыхливанія и освѣженія земли между растущими рядами, въ другой и третій годъ, или всегда, когда отъ сего можетъ предвидѣться польза

Послѣ 34-хъ лѣтнихъ опытовъ считаю себя теперь въ-правѣ утвердительно сказать, что тотъ, кто намѣренъ разводить лѣсъ въ степныхъ странахъ, долженъ (какіе бы ни были его намѣренія) начать сосною или березою.

О посѣвѣ сосны. — Желающимъ начать сей посѣвъ, нужно заблаговременно навѣдаться, гдѣ найдти достаточное количество сѣменъ. Отправить послѣднимъ путемъ разторопнаго человѣка, снабдивъ его деньгами, дабы онъ могъ нанять на мѣстѣ людей для обиранія шишекъ. Иногда это очень облегчается дозволеніемъ хозяевъ свалить нѣсколько самыхъ сильныхъ деревъ съ корня. Еще

будетъ лучше, если человѣкъ посланный таковъ, что можно поручать ему на мѣстѣ вытрясти сѣмена; отъ этого провозъ въ-десятеро облегчится. Надобно поставить за правило, никогда не скупиться сѣменами, а наиболѣе тамъ, гдѣ иногда, отъ непредвидѣнныхъ препятствiй, можетъ случиться большой уронъ. Описывать способы вытрясыванiя сѣменъ изъ шишекъ почитаю излишнимъ; напомню только, что надобно остерегаться не поджечь ихъ.

На какихъ бы мѣстахъ и какими бы способами кто ни былъ намѣренъ сѣять, но въ началѣ должно непремѣнно озаботиться о добыванiи значительнаго числа деревцовъ для садки на тѣ мѣста, гдѣ садка признается удобнѣе, нежели посѣвъ на мѣстѣ, — и для подсадки на мѣста, оказавшiяся по какому либо случаю пустыми въ сдѣланныхъ посѣвахъ, однимъ-словомъ, завести питомникъ. Для сего я избралъ косогоръ довольно - отлогiй, обращенный къ сѣверо-западу, и имѣющiй грунтъ черноземный съ примѣсью малаго количества глины; снялъ полосами дернъ, который клалъ на промежутки, и сѣялъ (въ 1823 году) на обнаженныхъ полосахъ, не взрыхливая оныя, сосновыя сѣмена, которыхъ только нѣсколько засорилъ малыми граблями. Такимъ-образомъ получилъ я ½ десятины самаго густаго, молодаго, здороваго сосняка, изъ котораго высажено болѣе десятины, а можно бы еще и пять высадить, еслибъ нужно было. Теперь его должно прорубать, потому-что онъ по излишней чащинѣ своей началъ отставать отъ высаженныхъ изъ него деревьевъ. Нужно однакожь замѣтить, въ подтвержденiе давно-извѣстной истины, что успѣшный ростъ сосны съ-молоду имѣетъ сильное влiянiе на всю ея жизнь. Самый первый всходъ, сильно росшiй въ 1-е и 2-е лѣто, разумѣется, былъ вынутъ для пересадки преимущественно. Изъ сихъ пересаженныхъ деревъ есть иныя, болѣе 6-ти аршинъ вышины, между-тѣмъ, какъ тѣ, которыя росли въ первые годы медленнѣе и посему оставлены на мѣстѣ, хотя не могутъ жаловаться (особенно крайнiе) на густоту, теперь неболѣе 4 аршинъ. Изъ высаженныхъ въ 1832 году, я одну сосну вымѣрялъ погодно; она росла слѣдующими побѣгами: посажена была 8-ми вершковъ; въ 1833 выросла на 5, въ 1834 на 13, въ 1835 на 13, въ 1836 на 14, въ 1837 на 14, въ 1838 на 15, въ 1839 на 15 же вершковъ, — всего 6 аршинъ 1 вершокъ. И такихъ сосенъ можно найдти у меня сотни.

Высаженная въ августѣ ½ аршиннаго роста сосна останавливается рости не болѣе одного года, а иногда и вовсе не останавливается.

Если кому угодно зарастить сосною землю, бывшую досел под пашнею, тому совѣтую разсѣять сосну не пахавши, но проборонить посѣвъ деревянными боронами, и послѣ сего хорошенько въ нѣсколько слѣдовъ, вдоль и поперегъ закатать. Въ пустыя мѣста, въ-послѣдствіи оказывающіяся, можно подсадить изъ питомника, или вынувъ тутъ же съ мѣстъ слишкомъ-частыхъ.

Имѣющимъ значительный запасъ въ питомникѣ совѣтую сдѣлать опытъ садкою подъ соху, какъ о березникѣ сказано, и *я* (хотя и не испыталъ самъ) твердо увѣренъ въ успѣхѣ. Вообще, если не пожалѣть деревцовъ, или, что все равно, обратить вниманіе на пріобрѣтеніе ихъ въ питомникѣ, и воздержаться при садкѣ отъ всѣхъ садовничьихъ гримасъ, то разсадка, а наиболѣе подъ соху, будетъ весьма-успѣшна.

На вопросъ: какъ часто надобно сѣять? скажу, что, по моему мнѣнію, нужно, чтобы въ питомникѣ легло на каждый квадратный вершокъ по одному зерну или даже по два добрыя зерна; для посѣва на мѣстѣ,—на каждый вершокъ не болѣе какъ полтора зерна. Я полагаю, достаточно привести для посѣва влад. десятины 12 — 14 четвертей шишекъ, которыя дадутъ около 50 фунтовъ зеренъ.

Для обработки и посѣва земли, бывшей доселѣ подъ выгономъ, покосомъ или лѣсомъ, употребляется, если пни не препятствуютъ, плугъ, которымъ снимается дернъ въ вершокъ толщины, такъ-что снятая дернина ложится на неснятую полосу, или, что все равно, одна борозда пашется или снимается, а другая остается. Такимъ-образомъ промежутки между снятыми и засѣянными полосками будутъ толщиною въ двѣ дернины выше сихъ послѣднихъ и послужатъ имъ вмѣстѣ съ прорастающею на нихъ травою самою благопріятною защитою отъ зноя и вѣтровъ.

Въ лѣсу или на залежахъ, гдѣ пни не допускаютъ употребленія плуга, нужно сдирать дернъ плѣшинами въ ¼ или въ ½ квадратнаго аршина величиною, оставляя хотя по полтора аршина между ими цѣлаго мѣста. Эти плѣшины засѣваются каждая щепотью сѣменъ и въ-послѣдствіи своимъ излишествомъ могутъ подѣлиться для разсадки въ другія мѣста.

Иногда косогоры имѣютъ на поверхности мало чернозема, а болѣе известковаго хряща и глины, отъ-чего трава на нихъ не густа, т. е. не имѣетъ плотнаго дерна. Такой косогоръ можно засѣять безъ всякаго приготовленія.

О посѣвѣ ели. — Касательно добыванія сѣменъ здѣсь должно разумѣть то же, что сказано о соснѣ.

Ель растетъ въ первые годы до чрезвычайности тупо, и потому трудно взводится въ доброй землѣ, производящей много крупной травы; вообще въ здѣшнихъ мѣстахъ посѣвъ ея на мѣстѣ мнѣ худо удавался.

Есть у меня ели 5-ти, 6-ти-лѣтняго возраста, которыя не достигли четырехъ вершковъ роста.

Въ 1837 году, однакожь, я на нѣсколькихъ грядахъ, удобренныхъ компостомъ, посѣялъ ель, которая въ три лѣта достигла роста отъ 3-хъ до 5-ти вершковъ, и прошедшею осенью высажена въ числѣ болѣе восьми тысячь. Здѣсь нужно накрѣпко помнить, что удобренныя, слѣдственно взрыхленныя гряды должно передъ посѣвомъ какъ-можно-плотнѣе затоптать ногами, оставляя около грядъ небольшое возвышеніе или валъ въ 1 или въ $1\frac{1}{2}$ вершка вышины, препятствующій стеченію воды съ гряды во время поливки.

Гряды высокія во всякомъ случаѣ (кромѣ развѣ болота) вредны.

Ель, несравненно болѣе сосны, чувствительна къ зною, даже въ нѣсколько-лѣтнемъ еще возрастѣ, и потому для нея защита очень-полезна. Посему, если кто желаетъ на открытомъ мѣстѣ имѣть еловый лѣсъ, тому совѣтую развести его высадками, смѣшивая ихъ съ сосною, которыя, если будутъ въ тягость ели, можно срубить. Ель, отставая такъ много въ первые годы отъ сосны, въ-послѣдствіи перерастаетъ ее весьма-значительно. 20-ти-лѣтняя ель выше 20-ти-лѣтней сосны, а 8-ми лѣтняя ель едва ли имѣетъ 5-ю долю роста противъ 8-ми-лѣтней сосны.

Время посѣва ели ранняя весна, а время высадки—отъ августа до поздней осени. На косогорахъ, къ востоку и сѣверу обращенныхъ, гдѣ наносятся обыкновенно большія горы снѣга, ель, имѣя сучья гибче, менѣе сосны ломается, хотя и она много отъ снѣговъ терпитъ.

Мои опыты могутъ увѣрить всѣхъ и каждаго въ возможности разводить на черноземѣ съ малыми трудами сосну и ель. Будутъ ли мачтовыя деревья, не знаю, и даже сомнѣваюсь, но на мелкое деревенское строеніе и дрова уже есть, а ель 37-ми-лѣтняя чрезъ 10 или 15 лѣтъ поспѣетъ въ бревно.

Здѣсь, по моему замѣчанію, ель растетъ несравненно-сильнѣе обыкновеннаго, и для того считаю себя въ-правѣ назначить разсадку не чаще какъ 2 аршина дерево отъ дерева: тогда чрезъ 20 лѣтъ деревья совершенно покроютъ собою землю.

Не люблю утвердительно говорить то, въ чемъ еще несовершенно убѣжденъ; но кажется мнѣ, что ель здѣсь даетъ болѣе дерева, чѣмъ сосна, какъ бы быстро послѣдняя съ-молоду ни росла. Пусть эта догадка подтвердится, но за всѣмъ тѣмъ легкость, съ которой заводится сосна, дѣлаетъ ее неоцѣненною для безлѣсныхъ черноземныхъ мѣстъ. У кого есть растущая сосна, тому легко завести выгоднѣйшія породы.

О лиственницѣ.—Сѣмена лиственницы, сколько мнѣ извѣстно, до-сихъ-поръ получаются изъ-за границы, хотя это дерево растетъ обильно въ нѣкоторыхъ восточныхъ губерніяхъ Россіи. Такъ недалеко отъ Уфы большая часть крестьянскихъ избъ рубится изъ лиственницы.

До-сихъ-поръ посѣвъ лиственницы мнѣ всегда худо удавался. Изъ всѣхъ посѣвовъ, повторенныхъ 5—6 разъ, осталось, можетъ-быть, корней до 1000.

Одинъ довольно-большой посѣвъ въ питомникѣ погибъ, почти безъ остатка, отъ мышей или птицъ, скусившихъ всходъ съ зерномъ, выносимымъ имъ на себѣ. Нѣсколько разъ мнѣ случалось получать изъ-за границы сѣмена лиственницы; они всходятъ иногда весьма-часто, но въ короткое время сваливаются; отъ этого и искусственно-даваемая имъ тѣнь не помогала; то же случалось со многими заграничными хвойными сѣменами. Не имѣютъ ли они свойства овса, который, будучи слишкомъ старъ или поврежденъ, всходитъ, а потомъ сваливается? Отъ-чего наши домашнія ели и сосны почти вовсе не сваливаются?

Не удалось мнѣ еще ни раза имѣть время для производства нѣсколькихъ сравнительныхъ опытовъ одновременно и на одной грядѣ. Кажется мнѣ, однакожь, что нужно удобрить сѣменныя гряды компюстомъ, и удобрить сильнѣе, чѣмъ я доселѣ удобрялъ.

Лиственница растетъ въ степныхъ мѣстахъ хорошо — скорѣе сосны, и удобно пересаживается, тѣмъ болѣе, что она терпитъ укороченіе сучьевъ; итакъ дѣло состоитъ только въ томъ, чтобъ завести ее въ питомникѣ.

Желательно, чтобъ охотники, которымъ удастся изобрѣсти благонадежный способъ посѣва, сообщили о немъ публикѣ, а кто-либо изъ помѣщиковъ того края, гдѣ лиственница ростетъ дико, озаботился о доставленіи сѣменъ въ наши края.

О березѣ.—Послѣ удачныхъ опытовъ садки березы подъ соху, я совѣтую, желающимъ завести березовыя рощи, прибѣгнуть къ заведенію хорошаго питомника.

Я не вижу въ нашихъ мѣстахъ земель, которыя бы для сего были неспособны, и посему выборомъ мѣста никто затрудняться не будетъ. Отлогость, обращенная къ западу и на которой роса лежитъ долго, предпочтительнѣе, если она находится въ близкомъ разстоянiи отъ воды, почему можно и не скупиться поливкою. Лучше всего, если то мѣсто было подъ залежью или выгономъ, дабы, снявши дернъ, быть на 2—3 года свободнымъ отъ несноснаго полонья.

Березовыя сѣмена поспѣваютъ неравно, въ августѣ и въ сентябрѣ. Всего лучше для посѣва обнажить полосы не прежде, какъ когда сѣмена станутъ поспѣвать.

Если съ весны снимать дернъ, то травныя сѣмена, поспѣвающiя рано, слетаютъ на обнаженныя полосы, и травы на нихъ явятся годомъ прежде.

Сѣмена березовыя весьма-трудно сохранить, даже на короткое время, и для того считаю всего лучше сѣмена, собранныя днемъ, разсѣвать тамъ же вечеромъ. Гдѣ же ихъ нужно привести издалека, тамъ при насыпкѣ ихъ въ мѣшки должно быть очень-осторожнымъ, чтобъ не плотно ихъ надавливать. Они въ очень-короткое время согрѣются и погибнутъ (*).

Не надобно жалѣть сѣменъ, а надо сѣять такъ, чтобъ на каждый квадратный вершокъ легло 4—5 зеренъ. Если земля сама собою не очень-сильна, то совѣтую, разсѣявъ сѣмена, запорошить ихъ слегка хорошимъ сильнымъ компостомъ, но отнюдь не толсто, ибо березовое сѣмечко, покрытое на ¼ вершка землею, едва ли можетъ взойдти. Также не совѣтую употреблять, вмѣсто компоста, огородную или парниковую землю, которая обыкновенно смѣшана со множествомъ сѣменъ дурныхъ травъ. Поливать въ питомникѣ надобно щедро, но осторожно, чтобъ (тѣмъ болѣе на косогорѣ) сѣмена не сплыли.

Симъ самымъ способомъ, но только книзу, у самой воды, я добылъ достаточное количество ольхи, нужной для садки въ одно неудобо-осушимое болото. Также помощiю компоста я скоро ихъ выгналъ и уже прошедшею осенью посадилъ по мѣстамъ.

Садку березы подъ соху я почитаю теперь удобнѣйшимъ и благонадежнѣйшимъ способомъ—разумѣется, что высадка будетъ не длиннѣе 8 вершковъ.

(*) А если разстоянiе требуется болѣе одного дня пути, то необходимо хорошенько просушить ихъ до отправки.

Еслибъ мнѣ теперь случилась надобность обратить паханную землю въ березовый лѣсъ, то я поступилъ бы слѣдующимъ образомъ; помощію скаррификатора, я старался бы ту землю подъ зиму какъ-можно-глубже вспахивать. Если моя земля въ степи, то напередъ я снялъ бы одинъ хлѣбъ, на-примѣръ: просо и проч. и по снятіи вспахалъ бы землю такъ же лучшимъ образомъ, какъ можно-глубже. Весною (*) я протянулъ бы поперегъ десятины паралельныя борозды, въ 1¼ аршинъ разстояніемъ; потомъ заставилъ бы пахать въ 4 сохи съ скаррификаторомъ за каждою; а женщины, разставленныя вдоль десятинъ, посадили бы въ отведенной для каждой полосѣ, состоящей на-примѣръ изъ 8 поперечныхъ бороздъ, за четвертою сохою противъ каждой поперечной борозды, по березкѣ. Такимъ-образомъ посадятся на десятину влад. 18, 432 березы, изъ которыхъ чрезъ нѣсколько лѣтъ уже начнется употребленіе отъ нужныхъ прорубокъ.

Что касается до поливки, то она, при тщательной, т. е. изправной садкѣ, хотя не необходима, но за всѣмъ тѣмъ, особенно при весенней садкѣ, очень-полезна. Очень-часто случается, что найдется вблизи назначенной для садки земли углубленіе, могущее держать воду до времени садки; а иногда можно ничтожною плотинкой запрудить лощинку нарочно для этого случая. Такимъ-образомъ поливкою пренебрегать не должно; но издалека проводить воду не стоитъ, тѣмъ болѣе, что проведется вода только на край десятины, а по рядамъ надобно будетъ разносить ее. Притаптываніе посаженныхъ березъ, я думаю, лучше поручить мужчинамъ, которые, ходя за сохами къ ряду вкругъ каждаго деревца, плотнѣе притопчутъ землю.

Я полагаю, что частая и правильная садка принесетъ здѣсь значительную пользу, ибо такимъ-образомъ можно чрезъ нѣсколько лѣтъ изъ трехъ рядовъ одинъ срубить, а когда опять ряды сдѣлаются густы, то срубить еще рядъ, а тамъ и въ оставшемся ряду вырубить по усмотрѣнію; такимъ-образомъ избѣгнется неправильная, нерадивая и губительная порубка, неизбѣжная при глупыхъ и неусердныхъ дровосѣкахъ.

Относительно осенней садки нужно еще замѣтить, что при разтаяніи весною земли, иныя изъ посаженныхъ деревцовъ очутятся приподнятыми и повалившимися.

(*) Береза принимается очень-хорошо весною, когда почка только-что начинаетъ сверху зеленѣть. Впрочемъ, если кому весною время не позволитъ, тотъ можетъ садить и осенью.

Совѣтую, по опыту, отнюдь такихъ деревцовъ не поправлять. Это бы значило ихъ пересаживать, а съ нашими работниками это значитъ—губить. Въ семъ случаѣ слѣдуетъ послать надежнаго человѣка съ лопатою, чтобъ къ каждому, повалившемуся, поднявшемуся или мелко - посаженному деревцу привалить на корень пригоршню земли, недотрогиваясь до него руками.

Я не пробовалъ садить сосну и ель подъ соху, но совершенно увѣренъ въ успѣхѣ такой садки. Если кто по моему совѣту позаботится о питомникѣ, чтобъ имѣть обильное число высадковъ — а это, право, немудрено,—тотъ увидитъ на дѣлѣ, что для засажденія десятины молодымъ березнякомъ или сосною требуется работы не болѣе какъ втрое, нежели тогда, когда будутъ засаживать ее картофелемъ.

При садкѣ надобно стараться, чтобъ деревца были осторожно выкопаны. Надобно копать всю гряду вдругъ, подрываясь къ ней съ обѣихъ сторонъ, чтобъ земля сама разваливалась; тогда деревца легко и безвредно вынимаются.

Правило, чтобъ обрѣзывать острымъ ножомъ тѣ корни, которые приломлены, или отрублены тупою лопатою, я признаю совершенно, и готовъ ему слѣдовать, гдѣ только можно, но здѣсь прошу все это оставить, ибо обрѣзывать большое количество нѣкому, а еслибъ кто непремѣнно захотѣлъ этого, то вѣтеръ, обдувающій корни при сей операціи, принесетъ болѣе вреда, чѣмъ обрѣзаніе пользы. Напротивъ, совѣтую озаботиться, чтобъ про запасъ не накопать многаго, а накопанныя деревца тотчасъ обернуть въ мокрыя цыновки, рогожи или веретья, въ небольшомъ количествѣ. Къ веретьямъ можно пришить бичевки, чтобъ связать ихъ хорошенько.

Женщинамъ запретить запасаться многими деревцами, а всего лучше опредѣлить людей для подноски особо. Обыкновенно садится дерево не глубже, какъ оно сидѣло прежде, что легко можно увидѣть по корѣ. Сколько я до-сихъ-поръ могъ замѣтить, въ нашемъ черноземѣ невредно осеннюю садку производить на вершокъ поглубже.

Хорошо посадить значитъ разпустить корни, какъ они прежде были разпущены, засыпать ихъ рыхлою землею, и если попадется комъ, то отодвинуть его въ сторону, потрясти деревцо слегка и потомъ землю прижимать.

Дубъ, посѣянный на бывшей пашнѣ, довольно-изнуренной за 10 лѣтъ предъ тѣмъ, дѣлалъ до-сихъ-поръ мало успѣховъ. Гдѣ бы-

ла проѣзжая дорога, тамъ онъ лучше, въ прочихъ же мѣстахъ— въ поясъ и по грудь вышиною. На одной десятинѣ, на которую съ ближняго березоваго лѣса значительно-густо налетѣло и молодой березникъ уже перерасталъ дубъ — онъ не оказывалъ желаемаго роста : доказательство, что не только недостатокъ нужной защиты, но болѣе свойство грунта останавливаетъ ростъ его.

Прошедшею осенью, я, по желанію гг. Шатиловыхъ, засѣялъ 9 десятинъ дуба близь усадьбы, на сильно-удобренной полевой землѣ, принесшей только одинъ урожай картофеля. Съ весны по немъ будетъ сѣяться овесъ. Дубъ сѣянъ рядами разстояніемъ въ 1¼ аршина одинъ отъ другаго, и слѣдственно можетъ въ промежуткахъ года два-три обработываться скаррификаторомъ.

Въ первый разъ я на такой удобренной и такъ хорошо-обработанной землѣ сѣялъ дубъ. — Очень-любопытно, что̀ окажется.

Теперь да будетъ мнѣ позволено сказать еще нѣсколько словъ о препятствіи, встрѣчаемомъ почти вездѣ и всегда при начальныхъ пріемахъ лѣсоводства. Очень многіе, не только изъ черни, но изъ высшихъ сословій, затвердили, что̀ лѣса заводить можно только для правнучатъ. Еслибъ это была и правда, не уже ли по одному этому можно остановиться? Не уже ли лѣсъ, который будетъ имѣть чрезъ 50—60 лѣтъ большую цѣну, теперь не можетъ имѣть никакой? не уже ли годовалый жеребенокъ не имѣетъ никакой цѣны?

Если кто и въ 50 лѣтъ начнетъ заводить лѣсъ, то онъ можетъ имъ утѣшаться. Гдѣ 18, даже 12 лѣтъ тому назадъ, была голая земля, тамъ я хожу по сосновымъ и еловымъ рощицамъ, мною сѣяннымъ и саженнымъ, и собираю рыжики.

Очень-жаль, что многіе останавливаются въ полезномъ дѣлѣ такимъ вреднымъ и смѣшнымъ предразсудкомъ.

Ф. МАЙЕРЪ.

11-го января 1840.
Новосиль (Тульск. Губ.)

О КОННОЗАВОДСТВѢ И СКАЧКАХЪ.

Въ Россіи, съ нѣкотораго времени, учреждены общества конскихъ охотниковъ подъ Высочайшимъ покровительствомъ. Назначеніе призовъ для лошадей скаковыхъ, возовыхъ и рысистыхъ отъ комитета о коннозаводствѣ россійскомъ по повелѣнію Его Величества, есть средство, клонящееся къ тому, чтобъ поощрить заводчиковъ къ содержанію хотя нѣкотораго числа лошадей возвышеннѣйшаго качества, которыя могли бы въ-послѣдствіи содѣйствовать къ улучшенію массы коннозаводства въ государствѣ.

Многіе изъ заводчиковъ думаютъ, что лошади скаковыя составляютъ основаніе хорошаго коннозаводства; многіе же (и такихъ большая часть) полагаютъ и увѣрены, что быстрая скачка есть только указаніе проворства и легкости лошади, а не силы ея; что главная потребность для человѣка въ этомъ животномъ—есть сила; почему и предпочитаютъ заведенію скакуновъ размноженіе отличныхъ лошадей упряжныхъ; есть иные, которые предъ всѣми качествами отдаютъ преимущество способности переносить труды при недостаткѣ пищи и внѣ защиты отъ суроваго климата, и проч.

Такое различіе мнѣній доказываетъ ясно, что по части коннозаводства положительныхъ свѣдѣній у насъ нѣтъ, а идетъ это дѣло эмпирически.

Всякое знаніе тогда только можетъ сдѣлаться полезнымъ и способнымъ для наученія незнающихъ, когда, будучи поставлено въ связь съ другими знаніями, послѣ взаимныхъ повѣрокъ, обнаружитъ причины видимыхъ явленій; тогда оно облекается *въ теорію.*

Въ нашемъ столѣтіи, когда и земледѣліе, и ремесла, и мануфактурныя произведенія, совершенствуясь столь быстро на началахъ химіи и механики, — составили уже *отдѣльныя* теоріи, не уже ли коннозаводство одно будетъ оставлено на безотчетномъ

подражаніи старинѣ, или послѣдованія прихотямъ и вкусу? Не уже ли эмпиризмъ, всюду изгоняемый свѣтомъ наукъ, найдетъ себѣ убѣжище въ благороднѣйшемъ животномъ? Время уже основать ходъ этой важной части хозяйства государственнаго на дознанныхъ началахъ наукъ естественныхъ; тогда успѣхи наши будутъ несомнѣнны.

Взглянувъ на коннозаводство относительно его исторіи, мы увидимъ, что въ древности лучшія лошади находились въ Египтѣ и Вавилонѣ; произшедшія отъ нихъ въ древней Греціи были славны: ристанія на олимпійскихъ играхъ служили мѣриломъ ихъ достоинствъ; сами цари состязались на коняхъ въ быстротѣ бѣга, и пѣснопѣнія Пиндара и другихъ сохранили намъ имена ихъ.

Римъ, принявшій просвѣщеніе отъ Грековъ, ввелъ у себя и ристанія конскія; но уклонившись, въ-послѣдствіи, отъ мудрыхъ установленій Греціи, мало-по-малу измѣнилъ и ристанія: не избирали болѣе коней быстроногихъ, вѣнчанныхъ рукоплесканіями на аренахъ; но стали уважать только большой ростъ, тучность и условную красивость, въ сообразность вида богатыхъ и тяжелыхъ колесницъ, которыя роскошь изнѣженныхъ и развращенныхъ тогда Римлянъ стала употреблять въ тріумфальныхъ шествіяхъ и при публичныхъ жертвоприношеніяхъ. Самые всадники, которые въ Римѣ, со временъ Гракховъ, были уже не воины знаменитые, а только первые богачи, хищеніемъ и откупами пріобрѣтшие несмѣтныя богатства, ѣздили верхомъ единственно для показанія народу великолѣпія одеждъ своихъ и конскихъ: порода лошадей въ Римѣ приняла совершенно другую форму; остатки ея видимы нынѣ въ тяжелыхъ коняхъ Фрисландіи и Ютландіи; свидѣтельствомъ сему служатъ уцѣлѣвшія изображенія лошадей на барельефахъ временъ имперіи, раздѣлившейся на восточную и западную.

Но воинственные и звѣроловные Аравитяне сохранили въ недоступныхъ степяхъ своихъ породу лошадей, образованную тысящелѣтіями,—сохранили во всей чистотѣ и качествахъ, усвоенныхъ отъ временъ отдаленнѣйшей древности. Время завоеваній Мухаммеда на востокѣ и вторженіе варваровъ въ Европу были, такъ-сказать, разсадниками того коннозаводства почти во всемъ мірѣ.

Такимъ-образомъ, лошади востока, сохраненныя въ своихъ особыхъ качествахъ, и лошади римскія, по другому направленію, пре-

образженныя и въ другія формы, составили *два* источника, изъ слiянія которыхъ, *въ случайной* степени смѣшенія, состоитъ нынѣ общее коннозаводство материка Европы.

Но случайность нетерпима на стезяхъ усовершенствованія: путь къ нему долженъ быть вѣренъ и положителенъ; освѣщать его должна теорія; науки же естественныя, конечно, суть главныя вспомогательныя средства для такой теоріи, и если внимательно разсмотрѣть факты, имѣвшіе влiяніе на образованіе различія породъ и качествъ животныхъ вообще, при свѣтильникѣ естествовѣдѣнія, мы можемъ безошибочно найдти указанія на причины того и другаго, и, слѣдовательно, будемъ въ состоянiи дать себѣ положительные уроки въ руководство къ желаемому усовершенствованію.

Извѣстно, что основаніе здоровья и *характера* животнаго лежитъ въ качествѣ его крови. Опытные ветеринарные врачи, разлагая кровь различныхъ животныхъ, примѣтили въ составѣ ея у лошадей восточныхъ и скакуновъ англійскихъ несравненно-болѣе *пластицизма,* нежели у всѣхъ прочихъ породъ конскихъ.— Кровь первыхъ, будучи подвергнута натуральному разложенiю, гораздо менѣе представляетъ частей водяныхъ, жидкое же свое состояніе удерживаетъ долѣе, имѣя совершенно-отличный запахъ отъ крови послѣднихъ. Удѣльная тяжесть, по объему, крови скакуна содержится къ тяжести крови тяжелой возовой лошади иногда какъ 5 къ 4-мъ, къ крови же сытаго быка, какъ 5 къ $3^1/_2$.— Это легко повѣрить опытомъ; а какъ уже дознано, что весь организмъ тѣла почерпаетъ начала своего развитія въ крови, слѣдовательно другаго качества кровь иначе образуетъ проводники свои — кровоносные сосуды: они должны быть болѣе упруги, для содержанія и провожденія крови, имѣющей болѣе плотности; на ихъ упругости созрѣваетъ упругость системы мускульной — силы животнаго.

Все вышесказанное извѣстно естествоиспытателямъ и врачамъ; но здѣсь слѣдуетъ весьма важный вопросъ: *почему и какимъ-образомъ такой отличный составъ крови сдѣлался достояніемъ породы однѣхъ только лошадей скаковыхъ?* — Сколько мнѣ извѣстно, этого вопроса никто еще не дѣлалъ, почему на него и не отвѣчали; а этотъ-то отвѣтъ и долженъ рѣшить всѣ споры и недоразумѣнія объ исключительномъ предпочтеніи той породы конской, которая дѣйствительно могла бы, своимъ примѣненіемъ, улучшать качества лошадей туземныхъ.

Занимавшіеся хотя нѣсколько науками естественными знаютъ что кровь, идущая отъ сердца, тотчасъ по принятіи въ себя кислорода изъ вдохнутаго воздуха имѣетъ цвѣтъ совершенно-*алый;* по мѣрѣ прохожденія ея по артеріямъ, она постепенно *темнѣетъ;* на обратномъ же пути къ сердцу, по венамъ, отдавши весь кислородъ сосудамъ тѣла, возвращается къ новому себя имъ насыщенію и оживленію совершенно-*черною.*

Слѣдовательно, чѣмъ скорѣе будетъ обращаться въ тѣлѣ кровь, и чѣмъ избыточнѣе будетъ насыщаться кислородомъ, тѣмъ будетъ она *текучѣе;* а сосуды тѣла, принимая отъ нея кислородъ, въ скорѣйшее время и въ большемъ количествѣ пріймутъ большую упругость и разтяжимость (*).

А какъ, при скорости движенія, по естественному закону, животное бываетъ принуждено *ускорять* дыханіе и вбирать въ себя воздухъ полнымъ расширеніемъ легкихъ, то при усиленномъ дыханіи и быстромъ обращеніи крови, процессъ насыщенія ея кислородомъ будетъ совершаться въ содержаніи, пропорціональномъ движенію, и такой *избытокъ* окисленія, при отдѣленіи отъ крови, помощію пота (естественнаго спутника скорыхъ движеній животнаго), частицъ жирныхъ и водянистыхъ, непремѣнно измѣнитъ химическій ея составъ, слѣдовательно, постоянное, вѣковое упражненіе лошадей скаковой породы въ движеніяхъ крайне-быстрыхъ, есть настоящая и единственная причина особеннаго состава ихъ крови, а отъ-того и совершенно-особенной структуры сердца, легкихъ и всѣхъ артерій; отличіе это видимо для всякаго, кто пожелаетъ разсмотрѣть сравнительную анатомію походнаго скакуна и простой лошади.

Вотъ почему лошади востока, находясь по климату всегда на свѣжемъ, открытомъ воздухѣ, по всегдашнему употребленію въ движеніяхъ крайне-быстрыхъ, неминуемо должны были, въ-теченіи вѣковъ, образовать особливую породу, усвоя ей всѣ качества, основанныя на хорошемъ составѣ крови и раздражимости нервной. Вѣрнымъ свидѣтельствомъ въ совершенствѣ организма скакуновъ есть извѣстная ихъ долговѣчность и бодрость въ самой преклонной старости; даже случайныя ихъ болѣзни, при нарушеніи какого-либо жизненнаго отправленія, суть всегда свойства воспа-

(*) Смотри о семъ превосходное изложеніе «Magendie» въ книгѣ его: «Leçons sur les phénomênes de la vie».

лительнаго, какъ-бы происходящія отъ избытка силъ и здоровья (*).

По тому же естественному закону измѣнились лошади римскія, сообразно съ своимъ употребленіемъ; потому мы, жители сѣвера въ особенности, запираясь на полгода отъ чистаго, атмосфернаго воздуха и заключая въ душныя конюшни лошадей нашихъ, притомъ упражняя ихъ вообще по образу нашего европейскаго употребленія въ движеніяхъ крайне-*недостаточныхъ и медленныхъ*, —мы также должны были прійдти къ образованію породъ флегматическихъ, недолговѣчныхъ; болѣзни ихъ суть всегда сложныя, хроническія, вообще съ признаками ослабленія жизнедѣятельности (astenia), имѣющія всегда свое начало въ поврежденіи химическаго состава крови, происходящаго собственно отъ недостатка оживленія его кислородомъ.

Вотъ основаніе того отличія, которое столь рѣзко видимо и въ свойствахъ и въ формахъ породъ конскихъ — восточныхъ и западныхъ: оно есть слѣдствіе постояннаго, вѣковаго употребленія по направленіямъ различнымъ.

Изъ всего предъидущаго можно усмотрѣть ясно, что при *европейскомъ* употребленіи лошадей нѣтъ другаго средства удержать *чистоту крови,* вѣками породъ скакуновъ усвоенную, какъ только по системѣ воспитанія и приготовленія ихъ къ состязательнымъ скачкамъ; потому-то въ одной Англіи восточныя лошади не только сохранили, но въ превосходной степени развили новыя качества, тогда-какъ на материкѣ Европы, гдѣ гораздо прежде Англичанъ хлопотали о водвореніи породъ азіатскихъ, онѣ утратили въ потомствѣ, мало-по-малу, всѣ превосходныя свойства, даже до измѣненія внѣшнихъ формъ своихъ.

Сохраненіе (сколь возможно въ большемъ числѣ лошадей) такой крови, при выборѣ отличнѣйшихъ по опыту, можетъ все-

(*) Многіе увѣряютъ, что въ Аравіи нѣтъ уже такихъ лошадей, какими гордилась она прежде.—Весьма-вѣроятно: нынѣ нѣтъ тамъ уже тѣхъ бедуиновъ, которые занимались разбоями и воровствомъ какъ охотою; Европейцы, проникнувъ всюду если не образованіемъ варваризма, по-крайней-мѣрѣ силою, укротили удальство, оскорбляющее права человѣка; слѣдовательно, причина, содѣйствовавшая образованію породы, на-половину исчезла: надлежитъ и качествамъ, какъ проявленію той причины, исчезать непремѣнно, и никакое уваженіе Арабовъ къ родословію конскому, и сохраненіе высокой породы отъ смѣшенія —не помогутъ!

тда возвышать достоинства всѣхъ видовъ коннозаводства, для служенія человѣку въ вѣкѣ образованномъ и прихотливомъ.

Двухсотъ-лѣтній примѣръ Англіи служитъ неоспоримымъ тому доказательствомъ но опыту: тамъ существованіе совершенно-породныхъ скакуновъ въ нарочитомъ количествѣ, вниманіе при нихъ выборѣ и воспитаніи, поддерживаемое интересомъ огромныхъ денежныхъ выигрышей привело къ тому, что собственно скакуны англійскіе превосходятъ безъ всякаго сравненія во всѣхъ отношеніяхъ самыхъ предковъ своихъ — скакуновъ востока; а масса коннозаводства для различнаго нужнаго въ жизни употребленія лошадей, отъ прикосновенія скаковыхъ жеребцовъ (при благоразумномъ выборѣ къ нимъ разнородныхъ кобылъ, въ сообразность желаемыхъ произведеній (*)) возвысилась на степень того совершенства, которое приписывается ей обѣими просвѣщенными частями свѣта, и доставляетъ выгоды государству отъ продажи лошадей за границу, выгоды, если не большія, то по-крайней мѣрѣ равныя прочимъ огромнымъ статьямъ отпускной англійской торговли.

(*) Для такого смѣшаннаго и весьма-нужнаго произведенія лошадей къ различнымъ употребленіямъ, требующаго совершенно-различныхъ качествъ и даже различнаго устроенія внѣшнихъ формъ, совѣтую внимательно прочитывать въ «Курсѣ Скотоводства», изданномъ въ 1837 году г. профессоромъ Всеволодовымъ, II тома отъ стран. 43 до 102-й. — Изложеніе опытовъ знаменитыхъ естествоиспытателей касательно участія отцовъ и матерей въ рождаемомъ отъ нихъ потомствѣ, подадутъ мыслящему заводчику великое пособіе къ возможности проявить свою волю въ усовершенствованіи *сорта* тѣхъ лошадей, какихъ онъ произвести желаетъ. Трудъ г. Всеволодова по всей справедливости заслуживаетъ полной благодарности всякаго, отъ желающаго раціонально познать скотоводство или заниматься его улучшеніемъ.

П. МЯСНОВЪ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ А. МАРЛИНСКАГО.

Русскіе Повѣсти и Разсказы *(восемь частей третьимъ изданіемъ)*. Кавказскіе Очерки. Стихотворенія и полемическія статьи. Повѣсти и прозаическіе отрывки, оставшіеся послѣ смерти автора. *Двѣнадцать частей. Санктпетербургъ*. 1838—1839.

Давно уже критика сдѣлалась потребностію нашей публики. Ни одинъ журналъ, или газета не можетъ существовать безъ отдѣла критики и библіографіи; эти страницы разрѣзываются и пробѣгаются нетерпѣливыми читателями даже прежде повѣстей, безъ которыхъ никакое періодическое изданіе не можетъ держаться и при самой критикѣ. Чтò означаетъ это явленіе?—Отвѣчаемъ утвердительно: оно есть живое свидѣтельство, что въ нашей литературѣ настаетъ эпоха сознанія. «Но», скажутъ намъ, «предметъ *сознанія* есть *явленіе*, и потому всякое явленіе предшествуетъ сознанію, а всякое сознаніе есть, такъ сказать, слѣдствіе явленія; чтò же мы будемъ сознавать? Не уже ли наша литература такъ богата, что мы уже доходимъ до необходимости перечитать, перемѣтить и перецѣнить ея сокровища? Не уже ли мы столько насладились ея избытками, что для насъ наступаетъ уже время другаго наслажденія—сознанія перваго наслажденія? И когда же успѣла совершить свой кругъ эта юная литература, которая еще только въ недавно-прошедшемъ 1839 году переступила за столѣтіе своей жизни?» Чтобы отвѣчать на такое возраженіе, должно предварительно условиться въ значеніи слова «литература». Прежде всего подъ «литературою» разумѣется письменность народа, весь кругъ его умственной дѣятельности, отъ народной пѣсни, перваго младенческаго лепета поэзіи, до художественныхъ созданій—этихъ зрѣлыхъ плодовъ творчества, достигшаго полнаго своего развитія; отъ глубокаго ученаго сочиненія, до легкой газетной статьи или брошюрки объ устройствѣ овиновъ, или объ истребленіи тараканов. Потомъ подъ «литературою» разумѣютъ собственно поэтическія произведенія, наконецъ—все легкое, служащее къ забавѣ и развлеченію, и доступное даже профанамъ въ наукѣ и искусствѣ. Но во всякомъ случаѣ и во всѣхъ этихъ значеніяхъ, литература есть сознаніе народа, цвѣтъ и плодъ его духовной жизни. Теперь спрашивается: подходитъ ли русская литература подъ всѣ

сіи опредѣленія, или подъ которое-нибудь изъ нихъ исключительно? — Отвѣчаемъ — да, за исключеніемъ, впрочемъ, стороны собственно-ученой. Россія еще не успѣла обнаружить самостоятельной дѣятельности на поприщѣ науки, но обнаруживаетъ только живое стремленіе къ знанію и живую понятливость ученика. Однакожъ и здѣсь найдется нѣсколько блестящихъ исключеній, особенно въ литературѣ математики, естествознанія, путешествій, гордящейся не однимъ блестящимъ русскимъ именемъ. И какъ понятно, что наша ученая дѣятельность могла положительно проявляться только въ знаніяхъ точныхъ, а не въ умозрительныхъ: первыя во всякое время имѣютъ свою безотносительную истину; вторыя же Россія застала въ эпоху усиленнаго и быстраго движенія, когда онѣ въ одно десятилѣтіе переживали столѣтія. Укажемъ только на теорію искусства: до двадцатыхъ годовъ въ нашей литературѣ царствовалъ французскій классицизмъ, а съ этого времени одни заговорили о трактатѣ Канта «о высокомъ и прекрасномъ», другіе о братьяхъ Шлегеляхъ, объ Астѣ, а нѣкоторые и о Шеллингѣ; но, говоря о нихъ, они не понимали другъ друга, ни даже самихъ-себя; ихъ—неприготовленныхъ, застигъ сильный переворотъ въ идеяхъ, развившихся въ Германіи исторически, а къ намъ перешедшихъ въ какомъ-то пестромъ безпорядкѣ. И потому эти господа не знали, на чемъ остановиться, на чтò опереться, чтò принять за основное и непреходящее, ибо чтò вчера считалось утвержденнымъ и новымъ, то завтра объявлялось у нихъ опровергнутымъ и устарѣвшимъ. И до-сихъ-поръ еще, относительно теоріи искусства, царствуетъ въ нашей литературѣ какой-то хаосъ: одни требуютъ критики, основанной на разумныхъ и, такъ-сказать, апріорныхъ началахъ искусства, въ ихъ современномъ состояніи; другіе, сознавъ свое безсиліе достигнуть, въ этомъ стремленіи, какихъ-нибудь положительныхъ результатовъ, снова обратились къ произвольной французской эстетикѣ, и, съ грѣхомъ пополамъ, перебиваются старою рухлядью, которую нѣкогда сами рвали и истребляли во имя новаго, плохо ими понятаго. Les beaux esprits se rencontrent, — и потому эти послѣдніе подали руку тѣмъ самымъ, которыхъ нѣкогда уличали для обнаруженія истины, тѣмъ самымъ, которые требуютъ исключительнаго господства своихъ бѣдненькихъ мнѣній, совершенно чуждыхъ искусству, но вдвойнѣ для нихъ пріятныхъ и выгодныхъ—какъ потому-что эти «мнѣнія» по плечу ихъ ограниченности, и удерживаютъ за ними вліяніе надъ толпою, такъ и потому-что эти «мнѣнія» доставляютъ имъ, на-счетъ толпы, существенную пользу. И вотъ примирившіеся, соединившіеся и понявшіе другъ друга новые друзья, застигнутые въ-расплохъ потокомъ новыхъ идей, хотятъ непонятное для ихъ ограниченности выставить за непонятное для всѣхъ, выдавая его за искаженіе языка, которому они будто-бы оказали великія, хотя и никому неизвѣстныя услуги. Какъ же тутъ явиться какому-нибудь ученому сочиненію по части теоріи искусства? — Надо, чтобы сперва установилось броженіе идей и очистился эстетическій вкусъ публики; а для этого надо, чтобы пошлыя и торговыя мнѣнія объ искусствѣ замѣнились «мыслями» объ искусствѣ; чтобы литературные промышленники, объясняющіе законы искусства своею благонамѣренностію и усердіемъ къ пользѣ «почтеннѣйшей» публики, уступили мѣсто тѣмъ, которые говорятъ объ искусствѣ потому-что любятъ

и понимаютъ его; чтобы устарѣвшія идеи заклеймились печатію общаго отверженія, а отсталые враги всего, въ чемъ есть жизнь, движеніе, сила и достоинство, потеряли всякое вліяніе даже надъ чернію общества, на которую одну опирается теперь ихъ шаткій авторитетъ. Это можетъ сдѣлать только *критика* при посредствѣ журнала, основаннаго съ чисто-литературною и ученою, а не торговою, цѣлію, и поддерживаемаго участіемъ людей благородномыслящихъ и даровитыхъ, а не литературныхъ спекулантовъ, во всю жизнь подвизавшихся на заднемъ дворѣ литературы и на-кредитъ пользующихся извѣстностію «отлично-умныхъ людей» и «отличнѣйшихъ сочинителей». Тогда можно будетъ подумать и о наукообразномъ сознаніи законовъ искусства.

То же зрѣлище представляетъ и наша историческая литература. Карамзинъ былъ полнымъ выраженіемъ установившихся и вполнѣ опредѣлившихся идей своего времени, и потому его «Исторія Государства Россійскаго» есть твореніе зрѣлое, монументъ прочный и великій, хотя и начатый скромно, безъ криковъ, безъ униженія своихъ предшественниковъ, даже безъ штукмейстерскаго объявленія о подпискѣ. Такъ-какъ твореніе Карамзина было плодомъ глубокаго изученія историческихъ источниковъ, основательнаго и отличнаго по тому времени образованія, — твореніе таланта великаго, труда добросовѣстнаго и безкорыстнаго, совершавшагося въ священной тишинѣ кабинета, далекаго отъ всѣхъ литературныхъ рынковъ, на которыхъ издаются пышныя программы и забираются съ довѣрчивой публики деньги на *не-написанныя* сочиненія во многихъ томахъ, то «Исторія Государства Россійскаго» съ каждымъ томомъ являлась созданіемъ болѣе-зрѣлымъ, болѣе-глубокимъ, болѣе-великимъ, и если осталась недоконченною, то единственно по причинѣ смерти своего благороднаго творца, а не потому, чтобы у него не стало силъ на исполинскій подвигъ, или чтобы имъ впередъ взяты были деньги съ подписчиковъ, приваленныхъ программою. Но послѣ Карамзина что явилось сколько-нибудь примѣчательнаго въ нашей исторической литературѣ? Развѣ какая-нибудь пышная программа о подпискѣ на какую-нибудь небывалую исторію въ восьмнадцати томахъ?... Или, вмѣсто этихъ *восьмнадцати, семь* томовъ «высшихъ взглядовъ», изложенныхъ дурнымъ языкомъ и высокопарными фразами безъ всякаго содержанія, однимъ словомъ — бездарная и, часто, безграмотная парафразировка великаго труда Карамзина, нещадно разругаемаго, при сей вѣрной оказіи, въ выноскахъ, занимающихъ половину каждой страницы?.. Конечно, были другія попытки, болѣе-благородныя и болѣе-удачныя, но въ меньшемъ размѣрѣ, и нисколько неприближающіяся ни своимъ назначеніемъ, ни своимъ достоинствомъ къ безсмертному творенію Карамзина. А между-тѣмъ великій трудъ Карамзина, какъ и всякій великій трудъ, отнюдь не отрицаетъ ни необходимости, ни возможности другаго великаго труда въ этомъ родѣ, который такъ же бы удовлетворилъ своему времени, какъ его трудъ своему. Но этотъ новый трудъ будетъ возможенъ тогда только, когда новыя историческія *идеи* перестанутъ быть *мнѣніями* и *взглядами*, хотя бы и «высшими», сдѣлаются наукообразнымъ сознаніемъ исторіи какъ науки, словомъ — *философіею исторіи*...

... Не такова была судьба нашей поэзіи, потому-что и вездѣ не такова судьба поэзіи. Наука есть плодъ умственнаго развитія народа, плодъ его цивили-

зація, результатъ сознательныхъ усилій со стороны людей, которые ей посвящаютъ себя; тогда-какъ поэзія есть прямое, непосредственное сознаніе народа. У народа нѣтъ еще письма, нѣтъ даже слова для выраженія идеи искусства, но есть уже искусство—*народная поэзія.* И даже тогда, какъ народъ уже вышелъ изъ состоянія безсознательности, и поэзія его, изъ *непосредственной* или *народной*, сдѣлалась *художественною* или общею, міровою въ самой своей національности, — и тогда ея ходъ независимъ отъ хода науки. Такъ поэзія Англичанъ, народа положительнаго и эмпирическаго по своему національному духу, совершенно чуждаго философіи (какъ безусловнаго знанія), — поэзія Англичанъ не видитъ равной себѣ ни у одного изъ новѣйшихъ народовъ, даже у самыхъ Нѣмцевъ, и по праву можетъ стать наряду, какъ равная съ равною, съ поэзіею древнихъ Грековъ. Въ Греціи Платонъ явился тогда, какъ уже Гомеръ давно сдѣлался миѳическимъ лицомъ, и когда самая драматическая поэзія совершила уже полный свой кругъ: Шекспиръ явился въ Англіи, недожидаясь Шеллинговъ и Гегелей. Самая германская поэзія, идущая объ-руку съ философіею, выигрывая отъ того въ содержаніи, часто теряетъ въ формѣ, превращаясь въ какое-то поэтическое развитіе философскихъ идей и впадая въ символистику и аллегорику. Въ-слѣдствіе этой-то общей независимости творчества отъ науки, и наша поэзія успѣла совершить такой великій и блестящій кругъ развитія, пока наука едва успѣла сдѣлать только нѣсколько неровныхъ порывовъ къ движенію...

Да, мы уже имѣемъ поэзію, которою смѣло можемъ соперничествовать съ поэзіею всѣхъ народовъ Европы. «Но возможно ли» возразятъ намъ: «чтобы въ какіе-нибудь сто лѣтъ наша поэзія могла стать на такую неизмѣримую высоту?»—Прежде, нежели отвѣтимъ на этотъ вопросъ, попросимъ тѣхъ, кому угодно будетъ его сдѣлать, отвѣтить намъ на нашъ вопросъ: какимъ-образомъ, въ-продолженіи едва-ли не полутораста лѣтъ, наше отечество изъ государства, едва извѣстнаго въ Европѣ, тѣснимаго и раздираемаго и Крымцами, и Поляками, и Шведами, сдѣлалось могущественнѣйшею монархіею въ мірѣ, приняло въ свою исполинскую корпорацію и отторгнутую отъ нея родную ей Малороссію, и враждебный Крымъ, и родственную Бѣлоруссію, и прибалтійскія шведскія области, и отодвинуло свое владычество за древній Араратъ? Какимъ-образомъ въ столь короткое время, не имѣя печатнаго букваря, пріобрѣло оно себѣ литературу, успѣло перемѣнить даже азіатскіе нравы на европейскіе, такъ что о временахъ Митрофанушекъ и Скотининыхъ вспоминаетъ теперь, какъ о чемъ-то бывшемъ тысяча лѣтъ тому назадъ?... Мы думаемъ, что причина этого дивнаго явленія заключается въ глубинѣ и могуществѣ духа народа, въ сокровенномъ источникѣ его внутренней жизни, который горячимъ ключомъ бьетъ во внѣшность. *Для* духа нѣтъ условій времени, когда настанетъ минута его пробужденія. Это доказываетъ и богатая германская литература (мы разумѣемъ собственно-изящную), которая началась почти вмѣстѣ съ нашею, и еще такъ недавно утратила своего полнаго и великаго представителя—Гёте. Французская же литература, въ XVII столѣтіи отпраздновавшая свой первый золотой вѣкъ, представителями котораго были Корнель, Расинъ и Мольеръ, — въ XVIII — свой второй золотой вѣкъ, представителемъ котораго былъ Вольтеръ

съ энциклопедическимъ причетомъ, а въ XIX — свой третій вѣкъ, *романтическій*, — теперь, отъ-нечего дѣлать, поетъ вѣчную память всѣмъ тремъ своимъ золотымъ вѣкамъ, какъ-то невзначай разсмотрѣвъ, что всѣ они были не настоящаго, а сусальнаго золота... Слѣдовательно, вопросъ не во времени нашей поэзіи, а въ ея дѣйствительности. Здѣсь мы не войдемъ ни въ подробности, ни въ объясненія, ни въ доказательства, которыя отвлекли бы насъ только отъ предмета статьи, и прямо выговоримъ наше убѣжденіе, предоставляя себѣ въ будущемъ оправдать его дѣйствительность критикою. Наша народная или *непосредственная* поэзія не уступитъ въ богатствѣ ни одному народу въ мірѣ, и только ждетъ трудолюбивыхъ дѣятелей, которые собрали бы ея сокровища, таящіяся въ памяти народа. Не говоря уже о пѣсняхъ, — одинъ сборникъ народныхъ рапсодій, извѣстный подъ именемъ «Древнихъ стихотвореній, собранныхъ Киршею Даниловымъ», есть живое свидѣтельство обильной творческой производительности, которою одарена наша народная фантазія. Между-тѣмъ наша художественная поэзія, въ созданіяхъ Пушкина, стала наряду съ поэзіею всѣхъ вѣковъ и народовъ. Историческое ея развитіе блеститъ великими именами мощнаго Державина, народнаго Крылова, романтическаго Жуковскаго, пластическаго Батюшкова, юмористическаго Грибоѣдова, безсмертнаго переводчика «Иліады» Гомера — Гнѣдича. Такъ-какъ литература не есть явленіе случайное, но вышедшее изъ необходимыхъ внутреннихъ причинъ, то она и должна развиться исторически, какъ нѣчто живое и органическое, непонятное въ своихъ частностяхъ, но понятное только въ хронологической полнотѣ и цѣлости своихъ процессовъ: съ этой точки зрѣнія, не только важны въ исторіи нашей поэзіи имена такихъ, болѣе или менѣе блестящихъ и сильныхъ талантовъ, каковы Ломоносовъ, Фонвизинъ, Хемницеръ, Капнистъ, Карамзинъ (какъ стихотворецъ и романистъ), Мерзляковъ, Озеровъ, Дмитріевъ, кн. Вяземскій, Глинка (Ѳ. Н.), Хомяковъ, Баратынскій, Языковъ, Давыдовъ (Денисъ), Дельвигъ, Полежаевъ, Козловъ, Вронченко, Кольцовъ, Нарѣжный, Загоскинъ, Даль (казакъ Луганскій) Основьяненко, Александровъ (Дурова), Вельтманъ, Лажечниковъ, Павловъ (Н. Ф.), кн. Одоевскій и другіе, но даже и ошибавшихся въ своемъ призваніи труженниковъ, каковы: Сумароковъ, Херасковъ, Петровъ, Княжнинъ, Богдановичъ и пр. — Объяснимся.

Разсматривая литературу какого бы то ни было народа, невозможно отдѣлить ея развитіе отъ развитія общества. Это особенно должно относиться къ русской литературѣ, если вспомнимъ, что она явилась у насъ въ-слѣдствіе нашего сближенія съ Европою, какъ *нововведеніе*. Посему, мало было того, чтобы явился поэтъ: сперва нужно, чтобъ было для кого явиться ему, чтобъ были люди, которые уже слышали и кое-какъ понимали, что за человѣкъ — поэтъ. И вотъ, является какой-нибудь «профессоръ элоквенціи, а паче хитростей питическихъ», Василій Кирилловичъ Тредіаковскій, и пишетъ піимы и разныя стихословныя штуки: его понимаютъ, онъ нравится, и многіе уже имѣютъ идею *піиты*. Потомъ является Александръ Петровичъ Сумароковъ, россійскій Расинъ, Лафонтенъ, Мольеръ и *Волтеръ*: и общество узнаетъ, что такое ода, элегія, эклога, трагедія, комедія, *слезная* драма, что такое театръ, и все это начинаетъ включать въ число своихъ забавъ.

Херасковъ — нашъ Гомеръ, воспѣвшій древни брани,
Россіи торжество, паденіе Казани; —

растолковываетъ, что такое «героическая поэма». Общество благоговѣетъ передъ Ломоносовымъ, но больше читаетъ Сумарокова и Хераскова: они понятнѣе для него, болѣе по плечу ему. Является Державинъ, и всѣ признаютъ его первымъ и величайшимъ русскимъ поэтомъ, не переставая, впрочемъ, восхищаться и Сумароковымъ, и Херасковымъ, и Петровымъ. Но у общества есть уже на-счетъ Державина какая-то задушевная мысль, есть къ нему какое-то особенное чувство, которое часто находится въ прямой противоположности съ сознаніемъ: Херасковъ написалъ двѣ преблаженныя «героическія поэмы» (родъ, считавшійся вѣнцомъ поэзіи), слѣдственно, Херасковъ выше Державина, пишущаго небольшія пьесы; но со всѣмъ тѣмъ, отъ имени Державина вѣяло какимъ-то особеннымъ и таинственнымъ значеніемъ. Въ драматической поэзіи, Княжнинъ довершаетъ дѣло Сумарокова и приготовляетъ обществу — Озерова. Первые два холодно удивляли общество: Озеровъ трогалъ и заставлялъ его плакать сладкими слезами эстетическаго восторга и умиленія, — и потому въ немъ думали видѣть великаго генія, а въ его сантиментально-реторическихъ трагедіяхъ — торжество поэзіи. Явился Жуковскій: одни увидѣли въ его поэзіи новый міръ, и жизнь души и сердца, и таинство поэзіи, другіе талантливаго стихотворца, увлекающагося подражаніемъ уродливымъ образцамъ эстетическаго безвкусія Нѣмцевъ и Англичанъ. Батюшковъ больше Жуковскаго по плечу, потому-что называлъ себя классикомъ и подражалъ великимъ и малымъ писателямъ французской литературы. Но молодое поколѣніе не *видѣло*, но *чувствовало* въ немъ, какъ и въ Жуковскомъ, уже нѣчто другое, именно нашелъ на истинную поэзію. Время невидимо работало. Старики уже начинали надоѣдать. Мерзляковъ нанесъ первый ударъ Хераскову, и хотя онъ же возхищался Сумароковымъ, но сего піиту уже давно не читали, а развѣ только подсмѣивались надъ нимъ. Тѣмъ не менѣе, такіе люди, какъ Сумароковъ, Херасковъ и Петровъ, достойны уважительнаго вниманія и даже изученія, какъ лица историческія. Если они не имѣли ни искры положительнаго таланта поэзіи, они имѣли несомнѣнное дарованіе версификаторовъ — достоинство, теперь ничтожное, но тогда очень-важное. Образованіемъ своимъ они были несравненно-выше своихъ современниковъ и показали имъ новыя умственныя области. Нѣтъ успѣха, который былъ бы незаслуженнымъ; нѣтъ авторитета, который бы не основывался на силѣ: а эти люди пользовались удивленіемъ, восторгомъ и поклоненіемъ отъ своихъ современниковъ и, хотя недолго, даже и потомства. Ихъ читали и перечитывали, ихъ называли образцами для подражанія, законодателями вкуса, жрецами изящнаго. Но главная и дѣйствительная заслуга ихъ состоитъ въ томъ, что они отрицательно доказали положительную истину: черезъ нихъ понятъ былъ Державинъ такъ же, какъ потомъ черезъ Державина были они поняты, хотя онъ оказалъ имъ этимъ и совсѣмъ другаго рода услугу, чѣмъ они ему. Они приготовили Державину читателей, публику, которая безсознательно, но скоро поняла, что онъ выше ихъ, а потомъ, сравнивая его съ ними, постепенно доходила до сознанія, что чѣмъ болѣе онъ истинный поэтъ, тѣмъ болѣе они — лжепоэты. Да, люди, подобные Сумарокову, Хераскову, Петрову, Княжнину, Богдановичу, необходимы въ исто-

рическомъ развитіи литературы, какъ писатели, отрицательно-дѣйствующіе на сознаніе общества въ сферѣ положительной истины. Много было въ ихъ время поэтовъ, написавшихъ цѣлые томы, какъ, на-пр. Станевичъ, Николевъ, Суниковъ, и подобные имъ; но ихъ имена забыты, какъ случайности, тогда-какъ имена Сумарокова, Хераскова, Петрова, Княжнина, Богдановича навсегда останутся въ исторіи русской литературы и будутъ достойны уваженія и изученія. Каждый изъ нихъ — лицо типическое, выражающее общую идею, подъ которую подходитъ цѣлый рядъ родовыхъ явленій.

Къ числу такихъ-то примѣчательныхъ и важныхъ въ литературномъ развитіи отрицательныхъ дѣятелей принадлежитъ и Марлинскій. Его разница съ ними, и его превосходство надъ ними, конечно, много состоитъ и въ степени дарованія, по которому его невозможно и сравнивать съ ними, но много заключается и въ чисто-внѣшнихъ причинахъ. Тѣ были русскіе классики, отличавшіеся отъ своихъ образцовъ — французскихъ классиковъ, школьною тяжеловатостію въ выраженіи, искусственнымъ, а потому неправильнымъ и дурнымъ языкомъ: — Марлинскій явился на поприще литературы тѣмъ самымъ, что называлось тогда *романтикомъ*. Какъ Сумароковъ, Херасковъ, Петровъ, Богдановичъ и Княжнинъ хлопотали изъ всѣхъ силъ, чтобы отдалиться отъ дѣйствительности и естественности въ изобрѣтеніи и слогѣ, — такъ Марлинскій всѣми силами старался приблизиться къ тому и другому. Тѣ избирали для своихъ снотворныхъ пѣснопѣній только героевъ, историческихъ и миѳологическихъ: этотъ — людей; тѣ почитали для себя за униженіе говорить живымъ языкомъ и поставляли себѣ за честь выражаться языкомъ школьнымъ: этотъ силился подслушать живую общественную рѣчь и, во имя ея, раздвинуть предѣлы литературнаго языка. Посему очень-понятно, что тѣхъ теперь никто не станетъ читать, кромѣ серьёзно-изучающихъ отечественную литературу, а Марлинскій еще долго будетъ имѣть читателей и почитателей.

Появленіе Марлинскаго на поприщѣ литературы было ознаменовано блестящимъ успѣхомъ. Въ немъ думали видѣть Пушкина прозы. Его повѣсть сдѣлалась самою надежною приманкою для подписчиковъ на журналы и для покупателей альманаховъ, и только одинъ журналъ, какъ-бы осужденный злосчастною судьбою на паденіе, не могъ воскреснуть отъ помѣщеннаго въ немъ «Фрегата Надежды»... Но когда появились въ «Телеграфѣ» его «Искуситель» и «Аммалатъ-Бекъ», — слава его дошла до своего nec plus ultra. Общій голосъ рѣшилъ, что онъ великій поэтъ, геній перваго разряда, и что нѣтъ ему соперниковъ въ русской литературѣ. Журналисты громкими фразами подкрѣпляли мнѣніе толпы; но никому изъ нихъ не приходило въ голову поговорить о Марлинскомъ въ отдѣльной статьѣ, хотя они въ длинныхъ статьяхъ разсуждали вкось и вкривь о многихъ писателяхъ, и не столь, по ихъ мнѣнію, великихъ и важныхъ. Такая огромная слава напредитъ, такой громадный авторитетъ на честное слово, не могли стоять твердо и незыблемо. Часть публики явно отложилась отъ предмета общаго удивленія. Въ нѣкоторыхъ журналахъ стали промелькивать фразы, то робкія, то рѣзкія, то косвенныя, то прямыя, въ которыхъ выражалось то сомнѣніе въ геніальности Марлинскаго, то положительное отрицаніе въ немъ всякаго таланта. Наконецъ дѣло дошло до того, что тѣ же самые, которые первые

провозгласили его геніемъ первой величины, начали, въ неизбѣжныхъ случаяхъ, отзываться о немъ уже не столько громко, даже нерѣшительно и какъ можно-короче, какъ-будто мимоходомъ. Но и тѣ, которые по-неволѣ должны видѣть въ Марлинскомъ высшую творческую силу въ-слѣдствіе обширности и глубокости своего эстетическаго *чутья*, за отсутствіемъ *чувства*, — даже и они начинаютъ упрекать его въ излишней игривости и пѣнистой шипучести языка, которыя породили неудачныхъ подражателей, искажающихъ русскій языкъ. Впрочемъ, сіи послѣдніе, не смотря на то, не перестаютъ повторять, въ похвалу отставнаго генія, свои и чужія громкія фразы, тѣмъ болѣе, что онъ уже не можетъ мѣшать имъ въ сбытѣ ихъ товара, но еще можетъ, служить имъ орудіемъ для униженія истинныхъ талантовъ, *забавно-пишущихъ и вѣрно списывающихъ съ натуры*. Между-тѣмъ, подражатели Марлинскаго доходятъ до послѣдней крайности, изображая дикимъ и надутымъ языкомъ разныя сильныя ощущенія, и тѣмъ самымъ уясняютъ вопросъ совсѣмъ не въ пользу своего образца.

Но это излишество похвалъ, это множество подражателей, самое излишество порицаній — все несомнѣнно доказываетъ, что Марлинскій — явленіе примѣчательное въ литературѣ, выходящее изъ колеи пошлой обыкновенности. Изъ сего противорѣчія, естественно, вытекаетъ необходимость — опредѣлить значеніе и цѣнность его, какъ писателя, указать въ литературѣ его истинное мѣсто. Постараемся же рѣшить этотъ вопросъ, основываясь не на произволѣ личнаго «мнѣнія», которое чаще всего бываетъ личнымъ «предубѣжденіемъ», но опираясь на здравый смыслъ и эстетическое чувство нашихъ читателей, и такимъ-образомъ, не себѣ, а имъ предоставляя право суда.

Марлинскій принадлежитъ къ числу тѣхъ литераторовъ, которые явились на литературное поприще какъ враги классицизма и поборники романтизма. Въ-слѣдствіе этого, онъ дѣйствовалъ не только какъ романистъ или нувеллистъ, но и какъ критикъ. Въ XI части его «Сочиненій» помѣщены его годовые отчеты за литературу 1823, 1824 и частію 1825 годовъ, очеркъ исторіи древней и новой литературы до 1825 года, и разборъ романа г. Полеваго «Клятва при Гробѣ Господнемъ». Не знаемъ почему, но только эти статьи въ полномъ собраніи сочиненій Марлинскаго названы *полемическими*, тогда какъ въ нихъ нѣтъ и тѣни полемики: въ нихъ авторъ ни на кого не нападаетъ, и ни съ кѣмъ не споритъ, а положительно высказываетъ свои понятія о литературѣ вообще и произведеніяхъ отечественной словесности. Равнымъ образомъ, не понимаемъ, почему въ это полное собраніе не внесены истинно-полемическія статьи Марлинскаго, разсѣянныя по книжкамъ «Сына Отечества» двадцатыхъ годовъ, и крайне интересныя, какъ факты интереснѣйшаго времени нашей литературы, времени, въ которое началась война покойника классицизма съ теперешнимъ покойникомъ романтизмомъ. Эти полемическія статейки Марлинскаго были его журнальными схватками съ тогдашними литературными старовѣрами, и отличаются вѣрностію взгляда на предметы, остроуміемъ и живостію. Вообще, Марлинскому, какъ критику, литература наша многимъ обязана. Это было важною заслугою съ его стороны, заслугою, которая теперь забыта самыми его поклонниками, и которую намъ тѣмъ пріятнѣе выставить на видъ. Въ своихъ по-годныхъ и по-полугодныхъ

обозрѣніяхъ литературы, имѣвшихъ въ двадцатыхъ годахъ такой успѣхъ, Марлинскій не отличается глубокимъ взглядомъ на искусство, не представляетъ о немъ ни одной глубокой идеи, но почти вездѣ обнаруживаетъ эстетическое чувство и вѣрный вкусъ человѣка умнаго и образованнаго. Всѣ онѣ отличаются языкомъ по тому времени совершенно новымъ, чуждымъ большею частію изъисканности и вычурности, полнымъ жизни, движенія, выразительности, оборотами новыми и смѣлыми, игривыми, живописными, образными. Конечно, въ этихъ «обозрѣніяхъ» часто встрѣчаются похвалы такимъ сочиненіямъ и такимъ «сочинителямъ», имена которыхъ теперь сдѣлались допотопными, ископаемыми рѣдкостями; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ нихъ встрѣчаются и чистыя отставки заржавѣвшимъ и заплеснѣвѣвшимъ знаменитостямъ того времени, и истинныя оцѣнки старыхъ и новыхъ талантовъ, особенно Державина, Жуковскаго и Пушкина. Надо знать и помнить критику того времени, чтобы оцѣнить подобныя характеристики, въ которыхъ Марлинскій изобразилъ этихъ мощныхъ представителей нашей поэзіи. Вспомните привѣтствія, которыми онъ, на-примѣръ, встрѣтилъ появленіе «Московскаго Телеграфа» и которыми, въ немногихъ словахъ, такъ рѣзко и вѣрно охарактеризовалъ и начало, и средину, и конецъ этого изданія: «Въ Москвѣ явился двухнедѣльный журналъ «Телеграфъ», изд. г. Полевымъ. Онъ заключаетъ въ себѣ все, извѣщаетъ и судитъ обо всемъ, начиная отъ безконечно-малыхъ въ математикѣ до пѣтушьихъ гребешковъ въ соусѣ, или до бантиковъ на новомодныхъ башмачкахъ. Неровный слогъ, самоувѣренность въ сужденіяхъ, рѣзкій тонъ въ приговорахъ, вездѣ охота учить и частое пристрастіе — вотъ знаки сего телеграфа, а «смѣлымъ Богъ владѣетъ» — его девизъ (стр. 205).

Въ критической статьѣ о «Клятвѣ при Гробѣ Господнемъ», Марлинскій является уже совсѣмъ въ другихъ отношеніяхъ къ ея автору. Эта статья была написана въ 1833 году, а въ восемь лѣтъ много воды утекло: удивительно ли, что два автора, критиковавшіе сочиненія одинъ другаго, поняли другъ друга, къ обоюдной пользѣ, по пословицѣ: «рука руку моетъ — обѣ чисты»?... Во всякомъ случаѣ, эта статья весьма-примѣчательна. Критикъ начинаетъ съ яицъ Леды, уцѣпляется за неизбѣжный въ то время *классицизмъ* и *романтизмъ*, садится на пароходъ *Джонъ-Буль* и везетъ своихъ читателей въ Индію, оттуда (сухимъ путемъ) въ Персію, заѣзжаетъ мимоходомъ въ Аравію и Египетъ, оттуда ѣдетъ (моремъ) въ Грецію, которую онъ понимаетъ довольно-поверхностно — съ телеграфской точки зрѣнія; изъ Греціи отправляется въ Римъ, и изъ Рима — прямо въ средніе вѣка. Тутъ идутъ толки о баронахъ и вассалахъ, о крестовыхъ походахъ, о менестреляхъ, наконецъ о Шекспирѣ, о Вальтерѣ Скоттѣ, Куперѣ, Байронѣ, *Викторѣ Гюго,* который, по мнѣнію критика, знаетъ человѣческую природу не хуже Шекспира (!!...) и гораздо лучше Эсхила и Софокла (..!!); далѣе толкуется о XVIII и XIX вѣкахъ, и о Наполеонѣ, а изъ всего этого выходитъ, что мы — *романтики,* и что г. Полевой — великій романтикъ и еще большій романистъ (!!!...). Ложная идея ложнаго романтизма до того овладѣла нашимъ *романтическимъ* критикомъ, что у него и Державинъ — романтикъ, и Карамзинъ, и Вельтманъ, словомъ, все талантливое, даровитое, все — романтики. Романтизмъ въ глазахъ Марлинскаго есть альфа и омега истины, краеугольный камень міра, ключъ

ко всякой мудрости, рѣшеніе всего и на землѣ и подъ землею, причина всѣхъ причинъ, начало всѣхъ началъ, разгадка всевозможныхъ загадокъ, отъ бородавки на носу старушки до тайной думы генія. Въ-слѣдствіе всего этого, въ статьѣ довольно софизмовъ и произвольныхъ, ни на чемъ неоснованныхъ мнѣній. Въ слогѣ мѣстами колетъ глаза читателю вычурность. Особенно замѣтно желаніе шутить, которое проявляется иногда тамъ, гдѣ, кромѣ журналовъ, издающихся только для шутки, никто еще не шутилъ. Вотъ образчикъ такой натянутой и нимало не остроумной шутливости: «И вотъ мы въ Греціи, въ странѣ боговъ, подобныхъ людямъ, въ странѣ богоподобныхъ мужей! Я увѣренъ, что этотъ salto mortale не удивитъ васъ: *развѣ не учились вы прыгать въ манежѣ?* Что касается до меня, вы сами видите, что *я вольтижирую на конькѣ своемъ не хуже* Франкони сына», (т. XI. стр. 264). И эта неумѣстная и невеселая шутка замѣшалась въ страницу, блестящую дѣльными мыслями и прекраснымъ языкомъ... Или, на-примѣръ, какъ вамъ покажется вотъ еще эта милая шуточка: «Исторія была всегда, совершалась всегда. Но она ходила сперва неслышно *будто кошка,* подкрадывалась невзначай, какъ тать *(и справедливо и остроумно!)*. Она *буянила* и прежде» и пр. (стр. 254). Но вмѣстѣ съ этими мыслями незрѣлыми, поверхностными и ложными, при этой неострой шутливости, при этихъ вычурныхъ фразахъ, при этомъ явномъ пристрастіи къ пріятельскому издѣлію, — сколько въ этой статьѣ свѣтлыхъ мыслей, вѣрныхъ замѣтокъ, сколько страницъ и мѣстъ, горящихъ, сіяющихъ, блещущихъ живымъ, увлекательнымъ краснорѣчіемъ, рѣзкими, многозначительными, хотя и краткими очерками, брильянтовымъ языкомъ! сколько истиннаго остроумія, неподдѣльной игривости ума! Такъ, на-пр., сколько правды высказалъ Марлинскій о «Самозванцѣ» и «Петрѣ Выжигинѣ» г. Булгарина! Въ первомъ, говоритъ онъ, авторъ изобразилъ «не Русь, а газетную Россію» и «натянутъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ на чувства, на сильныя вспышки страстей», что въ немъ «характеръ Годунова очерненъ, характеръ Самозванца не выдержанъ, а государственные люди через-чуръ просты и трусливы»; что авторъ «слишкомъ романизировалъ похожденія своего героя, и прибѣгъ къ чудесному, очень уже изношенному, заставивъ колдунью пророчить Годунову самымъ пошлымъ образомъ надъ змѣями и жабами, которыхъ (между нами будь сказано) не найдти въ мартѣ мѣсяцѣ ни за какія деньги»; что «въ Петрѣ Выжигинѣ» историческая часть вовсе чахотна; что «увѣрять, что Наполеонъ пошелъ въ Россію, обманутый Коленкуромъ, будто его примутъ съ отверзтыми объятіями, можно было въ 1813 году, не позже; да и тогда этимъ слухамъ вѣрили только въ гостиномъ дворѣ»; что «Наполеонъ занимаетъ въ «Выжигинѣ» больше мѣста, чѣмъ самъ герой повѣсти» и пр. (стр. 317—318). При вѣрности взгляда, какая удивительная память у критика: онъ не только прочелъ романы г. Булгарина—даже упомнилъ, о чемъ и какъ въ нихъ разсказывается... За тѣмъ слѣдуютъ очень-остроумныя оцѣнки романовъ гг. Загоскина и Лажечникова, которые, однакожь, по пріязни къ автору «Клятвы», онъ ставитъ ниже этого, разумѣется, неконченнаго произведенія. Сколько критическаго такта и вотъ въ этихъ немногихъ словахъ: «Я не поставлю Державина на одну доску съ Жуковскимъ и Пушкинымъ, потому-что первый изумилъ всѣхъ подобно кометѣ, но исчезъ въ пучинѣ воздуха, безъ

слѣдъ; а два послѣдніе были двигателями нашей словесности и затоварили своимъ духомъ цѣлые табуны подражателей» (стр. 310)! Посмотрите, сколько вѣрности во взглядѣ и игривости въ выраженіи въ этомъ краткомъ очеркѣ французскаго классицизма: «Зажмурьте глаза, и вы не узнаете, кто говоритъ: Оросманъ или Альзира, китайская сирота или камеръ-юнкеръ Лудовика XIV. Малютку-природу, которая имѣла неисправимое несчастіе быть подборышемъ — по приговору академіи выпроводили за заставу, какъ потаскушку. А здравый смыслъ, точно бѣдный проситель, съ трепетомъ держался за ручку дверей, между-тѣмъ, какъ швейцаръ-классикъ павлинился передъ нимъ своею ливреею и преважно говорилъ ему: «приди завтра!» И какъ долго не приходило это завтра, а все отъ-того, что Французы нашли Божій свѣтъ слишкомъ площаднымъ для себя, а живой разговоръ слишкомъ простонароднымъ, и вздумали *украшать природу, облагородить, установить языкъ!* И стали нелюдимы отъ-того, что черезъ-чуръ умничали» (стр. 263). Это было сказано и доказано назадъ тому *семь* лѣтъ, а между-тѣмъ люди, живущіе заднимъ умомъ, по уставу того времени, когда даже и они слыли за учениковъ, и теперь приходятъ въ ужасъ отъ выраженія, что Корнель, Расинъ, Буало, Вольтеръ, Кребильйонъ, Дюсисъ и пр. — *поэтическіе уроды!*... Хоть бы Марлинскаго-то перечитывали эти почтенные филистеры въ плисовыхъ сапогахъ и вязаныхъ колпакахъ!.... Чтобы помочь слабости ихъ памяти и другихъ способностей, выпишемъ для нихъ и еще нѣсколько строкъ изъ этой статьи Марлинскаго: «Ломая алтари, Франція не тронула точеныхъ ходулей классицизма; она отреклась вѣры и осталась вѣрна преданіямъ Баттё, стихамъ Делиля, такъ-что, когда русскій казакъ сѣлъ на даровое мѣсто въ Одеонѣ, въ 1814 году, онъ зѣвалъ отъ тѣхъ же длинныхъ, длинныхъ монологовъ, отъ которыхъ зѣвать изволилъ Лудовикъ XIV, съ тою только разницею, что революціонеръ Тальма осмѣлился не *пѣть*, а *говорить* стихи, проглатывать цезуры и ходить *по-человѣчески*, а не *гусинымъ шагомъ*» (стр. 296). Сколько вѣрности во взглядѣ и игривости въ выраженіи вотъ и въ этой характеристикѣ одной части русскаго народа: «Матеріальная Европа хлынула на Россію, когда Петръ Великій сломалъ стѣну, ихъ дѣлившую но вѣку Петра некогда было заниматься словесностію: его поэзія проявлялась въ подвигахъ, не въ словахъ. Долгое бездѣйствіе пало на Русь съ кончиною его кипучей дѣятельности, а въ часъ досуга русскій баринъ любилъ чужестранныя сказки; онъ искони отличался необыкновенною уступчивостію своихъ нравовъ, необыкновенною пріемлемостію чужихъ. Онъ пилъ кумысъ съ ханами Золотой Орды; онъ носилъ контушъ при самозванцѣ. За бороду, правда, онъ спорилъ долго, будто бъ она приросла у него къ сердцу; но разъ въ мундирѣ, онъ грудью полѣзъ въ Нѣмцы» (стр. 299 — 300). Отъ страницы 323 до 335, авторъ съ неподражаемою оригинальностію, основательно и вѣрно, говоритъ о національныхъ элементахъ русскаго романа, о родныхъ стихіяхъ жизни русскаго народа, у котораго, по его словамъ: «каждое слово завиткомъ и послѣдняя копейка ребромъ». При оцѣнкѣ самого романа, занимающей едва-ли десятую часть статьи, критикъ, по всему видно, болѣе руководился личными отношеніями къ автору-пріятелю, чѣмъ истиною, и потому въ этой длинной и скучной повѣсти видитъ міровое, или, говоря его понятіями, *романтическое* произведеніе. Еще не при-

ступая къ оцѣнкѣ романа г. Полеваго, онъ оцѣнилъ его *недоконченную* «Исторію Русскаго Народа». Какъ рѣдкій образчикъ прiятельской критики, выписываемъ эту диковинную оцѣнку: «Полевой издалъ 3 тома своей «Исторіи Русскаго Народа». То уже не былъ златопернатый разсказъ Карамзина, но повѣствованіе пернатое свѣтлыми идеями *(ужь подлинно—свѣтлыми: отъ блеска ихъ часто и смысла не видишь!...)*. Не изъ толпы, и не съ приходской колокольни *(а вѣрно съ телеграфской каланчи?...)* смотрѣлъ онъ на торжественный ходъ вѣковъ, но съ выси горъ *(а!...)*. Взоръ его проникалъ въ сердце народовъ, обнималъ все ристалище человѣчества и проч. Но еще не этимъ оканчивается прiятельская критика — послушайте далѣе: «Полевой отвѣчалъ новыми услугами за новыя насмѣшки. Ему вспало на умъ: *досказать* русскую *исторію — повѣстью*... Вслѣдствіе этого онъ написалъ сперва повѣсть «Симеонъ Кирдяпа», и теперь «Клятву при гробѣ Господнемъ» русскую быль XV вѣка . . .» Эврика! эврика! Вотъ открытіе-то! новое, важное открытіе! Вѣдь недоконченная «Исторія Русскаго Народа» г. Полеваго докончена: «Симеонъ Кирдяпа» и «Клятва при Гробѣ Господнемъ» суть не что иное, какъ ея послѣдніе томы,—тѣ самые, которые были обѣщаны публикѣ нашимъ историкомъ, въ числѣ восьмнадцати, но которые, впрочемъ, продавались отдѣльно!... Господа подписчики на *восьмнадцать* томовъ «Исторіи Русскаго Народа», получившие ея только *семь* томовъ! купите «Клятву при Гробѣ Господнемъ», выдерите изъ «Телеграфа» «Симеона Кирдяпу», да и переплетите ихъ подъ одинъ переплетъ съ семью томами исторія — вотъ вы и съ концомъ... Не поскупитесь: «Клятва» стоитъ недорого — гораздо дешевле «Исторіи Русскаго Народа», за которую вы или отцы ваши заплатили впередъ деньги!...

Но наша оцѣнка Марлинскаго, какъ критика, кончена. Выведемъ итогъ изъ всего сказаннаго нами, — а мы, какъ читатели сами могутъ видѣть, говорили не *мнѣніями,* а *фактами,* и, выставляя на видъ ошибки и пристрастіе, не скрывали отъ нихъ, а прямо выставляли на видъ и блестящія, истинныя стороны разбираемаго нами автора. Оставляя въ сторонѣ ложность или поверхностность многихъ мыслей, заключающіяся въ неизбѣжныхъ условіяхъ времени, — мы не будемъ обвинять за нихъ Марлинскаго, тѣмъ болѣе, что ни самъ онъ и никто другой не думалъ выдавать ихъ за непреложныя; пройдемъ молчаніемъ неудачныя и неумѣстныя претензіи на остроуміе и оригинальность выраженія; но скажемъ, что многія свѣтлыя мысли, часто обнаруживающееся вѣрное чувство изящнаго, и все это, высказанное живо, пламенно, увлекательно, оригинально и остроумно, — составляютъ неотъемлемую и важную заслугу Марлинскаго русской литературѣ и литературному образованію русскаго общества. Не забудемъ также, что онъ былъ первый, сказавшій въ нашей литературѣ много новаго, такъ-что все, писавшееся потомъ въ «Телеграфѣ», было повтореніемъ уже сказаннаго имъ въ его литературныхъ обозрѣніяхъ. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ его примѣчательная и, — не смотря на отсутствіе внутренней связи и послѣдовательности, на неумѣстность толковъ о всякой всячинѣ, нейдущей къ дѣлу, не смотря на множество софизмовъ и явное пристрастіе, — прекрасная статья о «Клятвѣ при Гробѣ Господнемъ»; «Телеграфъ» во все время сво-

мо существованія, ни на одну йоту не сказалъ больше сказаннаго Марлинскимъ, и только развѣ отсталъ отъ него, обратившись къ устарѣвшимъ мнѣніямъ, которыя прежде самъ преслѣдовалъ. Да, Марлинскій немного дѣйствовалъ, какъ критикъ, но много сдѣлалъ, — его заслуги въ этомъ отношеніи незабвенны и гораздо существеннѣе, чѣмъ достоинство его препрославленныхъ повѣстей, хотя о первыхъ никто не говоритъ, а отъ послѣднихъ всѣ безъ ума. — Перейдемъ же къ этимъ повѣстямъ . . . .

Художественны ли повѣсти Марлинскаго, т. е. принадлежатъ ли онѣ къ произведеніямъ искусства, или только къ произведеніямъ литературы? Надобно напередъ сказать, что мы полагаемъ большую разность не только между художественнымъ и литературнымъ произведеніемъ, но и художественнымъ и поэтическимъ: литературное произведеніе можетъ быть и поэтическимъ, а поэтическое — и художественнымъ; но есть произведенія литературы, которыхъ нельзя назвать ни поэтическими, ни художественными. Вѣдь и «Танька, разбойница растоянская или Царскіе Терема», и «Черная Женщина», и разныя «поѣздки» и «прогулки», и «Похожденія англійскаго Милорда», и «Похожденія Совѣстдрала большаго носа» — все это, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежитъ къ литературѣ, но не имѣетъ никакого отношенія къ искусству. Мы не будемъ ни опредѣлять значенія слова «художественность», ни подробно разсматривать его, а въ короткихъ словахъ *опишемъ* признаки «художественности».

Художественное произведеніе рѣдко поражаетъ душу читателя сильнымъ впечатлѣніемъ съ перваго раза: чаще оно требуетъ, чтобы въ него постепенно вглядывались и вдумывались; оно открывается не вдругъ, такъ-что чѣмъ больше его перечитываешь, тѣмъ дальше углубляешься въ его организацію, уловляешь новыя, незамѣченныя прежде черты, открываешь новыя красоты, и тѣмъ больше ими наслаждаешься. Прогрессу этого разумѣнія и наслажденія нѣтъ предѣловъ, нѣтъ границъ: онъ безконеченъ... Посему, истинно-художественное недоступно массѣ и толпѣ, какъ все, что ей не по плечу: оно доступно только немногимъ, но избраннымъ, — и когда время сдѣлаетъ свое дѣло, утвердительно рѣшивъ вопросъ о великости художника, толпа съ голоса этихъ избранныхъ кричитъ о его геніальности, но понимаетъ его такъ же плохо, какъ и при его появленіи . . . Кто теперь не убѣжденъ въ громадности генія Шекспира, и много ли людей предпочтутъ его драму какому-нибудь водевилю, или пустой и ничтожной мелодрамѣ, сшитой изъ чувствительныхъ эффектовъ?.. Когда Пушкинъ явился въ свѣтъ съ «Русланомъ и Людмилою», «Кавказскимъ Плѣнникомъ», первою главою «Онѣгина», съ «Андреемъ Шенье», «Наполеономъ», посланіемъ къ «Овидію», къ «Лицинію» и другими дѣйствительно - *поэтическими*, но не *художественными* произведеніями, — масса публики увидѣла въ немъ генія первой величины, а когда онъ представилъ ей «Полтаву», «Бориса Годунова» и «Онѣгина», какъ цѣлое художественное созданіе, а уже не скажу о томъ и о сёмъ, — масса публики рѣшила, что Пушкинъ палъ... И между первыми его произведеніями, *дѣйствительно-поэтическими*, доставившими ему такой огромный успѣхъ, многіе ли и *теперь* еще замѣтили и оцѣнили его *истинно-художественныя* подражанія древнимъ и Корану?... Все, что нехудожественно, но по намѣренію автора должно отно-

ситься къ искусству, съ перваго раза производитъ самое рѣзкое и сильное впечатлѣніе, бросаясь въ глаза и раздражая зрительный нервъ густотою и яркостію красокъ. Такія мнимо-художественныя произведенія скорѣе всего захватываютъ вниманіе массъ, увлекая ихъ своею доступностію, которая возможна даже для ограниченности и невѣжества. Все рѣзкое, блестящее, особенно если оно къ тому же и ново, хотя бы было и странно, и дико-оригинально, имѣетъ, при своемъ началѣ, великій успѣхъ въ толпѣ, и часто увлекаетъ даже и людей съ *эстетическимъ чувствомъ*, но чувствомъ, невозвысившимся чрезъ развитіе, чрезъ изученіе, до *эстетическаго вкуса*. Однакожъ рано или поздно — истина всегда беретъ свое: ей помогаетъ время, этотъ великій и непорѣшительный критикъ. Если у человѣка есть хоть нѣсколько эстетическаго чувства, — произведеніе, восхищавшее его при каждомъ повторительномъ чтеніи, все болѣе и болѣе теряетъ цѣну въ глазахъ его, и наконецъ наскучаетъ ему и дѣлается противно. Сама толпа приглядывается къ нему — и лишь только явится ей другая новость въ этомъ родѣ, она сперва, по привычкѣ и по преданію, будетъ еще, зѣвая, превозносить его, а потомъ и совсѣмъ забудетъ, кинувшись на новинку. Итакъ, художественное произведеніе открывается не вдругъ, а постепенно: чѣмъ болѣе его читаютъ, тѣмъ понятнѣе оно становится, и тѣмъ больше наслажденія доставляютъ, выигрывая такимъ-образомъ съ теченіемъ времени, обновляясь и юнѣя отъ полноты лѣтъ, — между-тѣмъ, какъ мнимо-художественныя произведенія, часто ослѣпляя своею новостію и пріобрѣтая отъ этого всеобщій и громкій успѣхъ, все болѣе и болѣе блѣднѣютъ и тускнутъ отъ каждаго новаго чтенія, а наконецъ гибнутъ отъ старости, которую обыкновенно называютъ *устарѣлостію*. Вѣчность выноситъ на своихъ волнахъ только одно обще-мировое и обще-человѣческое, никогда непроходящее, но вѣчно-юное, и топитъ въ бездонной пропасти своей все частное и ограниченное условіями обстоятельствъ и требованіями мѣстности и современности...

Истинно-художественное произведеніе всегда поражаетъ читателя своею истиною, естественностію, вѣрностію, дѣйствительностію, до того, что, читая его, вы безсознательно, но глубоко убѣждены, что все, разсказываемое или представляемое въ немъ, происходило именно такъ, и совершиться иначе никакъ не могло. Когда вы его окончите, — изображенныя въ немъ лица стоятъ передъ вами какъ живыя, во весь ростъ, со всѣми малѣйшими своими особенностями — съ лицомъ, съ голосомъ, съ поступью, съ своимъ образомъ мышленія; они навсегда и неизгладимо впечатлѣваются въ вашей памяти, такъ-что вы никогда уже не забудете ихъ. Цѣлое пьесы обхватываетъ все существо ваше, проникаетъ его насквозь, а частности ея памятны и живы для васъ только по отношенію къ цѣлому. И чѣмъ больше читаете вы такое художественное созданіе, тѣмъ глубже, ближе и неразрывнѣе совершается въ васъ внутреннее и задушевное освоеніе и сдруженіе съ нимъ. *Простота* есть необходимое условіе художественнаго произведенія, по своей сущности отрицающее всякое внѣшнее украшеніе, всякую изысканность. Простота есть красота истины, — и художественныя произведенія сильны ею, тогда-какъ мнимо-художественныя часто гибнутъ отъ нея, и потому по-необходимости прибѣгаютъ къ изысканности, запутанности и необыкновен-

ности. Отъ-того-то, когда пылкій юноша прочтетъ художественное произведеніе, — онъ готовъ спросить себя: «почему онъ не написалъ его? вѣдь «оно такъ просто и обыкновенно: кажется, только стоило бы присѣсть да написать»,—по мнимо-художественныя произведенія почти всегда, съ перваго раза, возбуждаютъ удивленіе: они кажутся такъ поразительно - новы, такъ неподражаемо - оригинальны, такъ высоко-мудрены, — и юная, неопытная душа не смѣетъ и думать рѣшиться на подвигъ соперничества, и съ суевѣрнымъ благоговѣніемъ смиряется въ сознаніи своего безсилія произвести что - нибудь подобное... Вотъ почему устарѣвшіе юноши, или духовно-малолѣтные люди, въ-слѣдствіе бѣдности, мелкости и ограниченности своей натуры, къ-тому же еще неразвитой ученіемъ и образованіемъ, видятъ, на-примѣръ, въ Гоголѣ «забавнаго писателя, вѣрно списывающаго съ натуры» и какъ-будто ставятъ ему это въ униженіе. Добрые люди,—они не понимаютъ, что вѣрно списывать съ дѣйствительности невозможно, но можно вѣрно возпроизводить дѣйствительность силою творческаго духа, а то, что они называютъ на своемъ простонародномъ нарѣчіи — *вѣрно списывать съ натуры,* значитъ вѣрно творить, и есть не недостатокъ, не порокъ, а высочайшее достоинство и необходимое условіе творческой силы въ поэтѣ. Въ искусствѣ, все, невѣрное дѣйствительности, есть ложь и обличаетъ не талантъ, а бездарность. Искусство есть выраженіе истины, и только одна дѣйствительность есть высочайшая истина, а все внѣ ея, т. е. всякая выдуманная какимъ - нибудь «сочинителемъ» дѣйствительность есть ложь и клевета на истину...

Въ истинно-художественномъ произведеніи всѣ образы новы, оригинальны, ни одинъ не повторяетъ другаго, но каждый живетъ своею особною жизнію. Какъ бы ни были многочисленны и разнообразны творенія художника, — онъ ни въ одномъ изъ нихъ и ни одною чертою не повторитъ себя.

Разсмотрите повѣсти Марлинскаго на основаніи изложенныхъ нами мыслей о художественности въ искусствѣ: что выйдетъ?...

Основныя стихіи повѣстей Марлинскаго, приписываемыя имъ общимъ голосомъ, суть — народность, остроуміе и живопись трагическихъ страстей и положеній. Посмотримъ, справедливо ли это, и если справедливо, то до какой степени. Начнемъ съ «Испытанія» — первой повѣсти въ первомъ томѣ, и перелистуемъ ее. Повѣсть начинается описаніемъ гусарской пирушки на именинахъ эскадроннаго начальника Гремина. Разговоръ началъ *томиться*, и смѣхъ, *эта клеопатрина жемчужина, разтаялъ въ бокалахъ*. Изъ гостей, майоръ Стрѣлинскій завтра ѣдетъ въ Петербургъ, — хозяинъ вызываетъ его на тайное объясненіе и дѣлаетъ ему порученіе, по смыслу котораго названа и повѣсть.

«Послушай, Валеріанъ! сказалъ ему Греминъ; ты, я думаю, помнишь ту черноглазую даму, съ золотыми колосьями на головѣ, которая свела съ ума всю молодежь на балѣ у французскаго посланника, три года тому назадъ, когда мы оба служили въ гвардіи.

— Я скорѣе забуду, съ которой стороны садиться на лошадь! — вспыхнувъ, отвѣчалъ Стрѣлинскій; — она цѣлые двѣ ночи снилась мнѣ, и я въ честь ея проигралъ кучу денегъ на трефовой дамѣ, которая сроду мнѣ не рутировала. Однакожь страсть моя, какъ прилично благородному гусару, выкипѣла въ недѣлю, и съ-тѣхъ-поръ — но далѣе: ты былъ влюбленъ въ нее?

«*Былъ и есмь.*» Подвиги мои наяву простирались далѣе твоихъ сновидѣній. Мнѣ отвѣчали взаимностію, меня ввели въ домъ ея мужа..

— Такъ она за-мужемъ?

«По-несчастію, да. *Разсчетливость родныхъ приковала ее къ живому трупу, къ ветхому надгробію человѣческаго и графскаго достоинства.* Надо было покориться судьбѣ и *питаться искрами взглядовъ и дымомъ надежды.* Но между-тѣмъ, какъ мы вздыхали, семидесятилѣтній супругъ кашлялъ — и наконецъ врачи посовѣтовали ему ѣхать за границу, надѣясь, вѣроятно, минеральными водами выцѣдить изъ его кошелька по-больше золота.

— Да здравствуютъ воды! Я готовъ помириться за это съ водой, хотя календарскій знакъ Водолея на столѣ, вѣчно кидаетъ меня въ лихорадку. Поздравляю, поздравляю, mon cher Nicolas; разумѣется, дѣла твои пошли какъ нельзя лучше! . . .

«*Вложи въ ножны свои поздравленія.* Старикъ взялъ ее съ собою.

— Съ собою? Ахъ онъ чудо-юдо! таскать по-кислымъ ключамъ молодую жену, чтобы золотить ему пилюли — вмѣсто того, чтобы, оставя ее въ столицѣ, украсить свое родословное дерево золотыми яблоками!

— Это *умертвительное* незнаніе жить въ свѣтѣ.

«Скажи лучше, упрямство умереть кстати. Онъ воображалъ, постепенно разрушаясь, что обновитъ себя перемѣною мѣстъ. При разлукѣ мы были неутѣшны, и помѣнялись, какъ водится, кольцами и обѣтами неизмѣнной вѣрности. Съ первой станціи она писала ко мнѣ дважды; съ третьяго ночлега еще одно письмо; съ границы поручила одному встрѣчному знакомцу мнѣ кланяться, а съ-тѣхъ-поръ ни отъ ней, ни объ ней никакого извѣстія: словно въ воду канула!

— Ужели жъ ты не писалъ къ ней? Любовь безъ глупостей на письмѣ и на дѣлѣ все равно, что разводъ безъ музыки. Бумага все терпитъ.

«Да я-то не терплю бумаги. Притомъ, куда бы мнѣ адресовать свои брандскугельныя посланія? *Вѣтеръ плохой проводникъ для нѣжности, а животный магнетизмъ не открылъ мнѣ мѣста ея процвѣтанія.* Потомъ иныя заботы по службѣ и своимъ дѣламъ не давали мнѣ досуга заняться сердцемъ. Признаюсь тебѣ, я ужъ сталъ-было позабывать мою прекрасную Алину. *Время заживляетъ даже ядовитыя раны ненависти:* мудрено ли жъ ему *выдымить фосфорное пламя любви?* Но вчерашняя почта освѣжила вдругъ мою страсть и надежды. *Репетиловъ*, въ числѣ столичныхъ новостей, пишетъ мнѣ, что Алина возвратилась изъ-за границы въ Петербургъ—*мила, какъ сердце, и умна, какъ свѣтъ*, — что она *сверкаетъ звѣздой на модномъ горизонтѣ*, что уже дамы, не смотря на соперничество, переняли у ней какой-то чудесный маверъ ридикюля, а мужчины выучились пришепетывать, страхъ какъ пріятно. Однимъ словомъ, что, начиная отъ нижняго этажа модныхъ магазиновъ, до вѣтрянаго чердака стихокропателей, она привела у нихъ въ движеніе всѣ иглы, языки и перья.»

— Тѣмъ хуже для тебя, любезный Николай! Память прежней привязанности никогда не бывала въ числѣ карманныхъ добродѣтелей у баловницъ большаго свѣта.

«Въ этомъ-то все и дѣло, любезнѣйшій! Отлучка полковаго командира привязала меня къ службѣ; между-тѣмъ, какъ я сижу здѣсь сиднемъ, она, можетъ, измѣняетъ мнѣ. Сомнѣніе для меня тяжеле самой неблагопріятной извѣстности. Послушай, Валеріанъ! я тебя знаю давно, и люблю тебя такъ же давно, какъ знаю. Коротко и просто: *испытай вѣрность Алины.* Ты молодъ и богатъ; ты милъ и ловокъ — однимъ словомъ, никто лучше тебя не умѣетъ проиграть деньги по разсчету, и выиграть сердце безумною пылкостію. Дай слово—и съ Богомъ!»

А, такъ вотъ въ чемъ дѣло, и вотъ что значитъ—«испытаніе»! Разумѣется, Стрѣлинскій отговаривается, а наконецъ соглашается—и ѣдетъ. Разумѣется, что Стрѣлинскій знакомится съ Алиною Александровною Звѣздичъ, сначала волочится за нею по порученію друга, потомъ влюбляется въ нее по-уши, самою высокою *платоническою* страстію, равно какъ и она въ него. Разумѣется, Греминъ приходитъ въ бѣшенство, узнавъ о ихъ близкой свадьбѣ, пріѣзжаетъ, объясняется съ нимъ; они говорятъ другъ другу оскорбительныя остроты и условливаются о мѣстѣ *роковаго* поединка. Разумѣется, что Греминъ, пріѣхавъ на объясненіе къ Стрѣлинскому, увидѣлъ его *прелестную* и *невинную* сестру

которой онъ посылалъ съ братомъ поклонъ въ своемъ дружескомъ съ нимъ разговорѣ, невыписанномъ нами до конца, длинноты его ради. Разумѣется, Греминъ влюбился въ нее, а она влюбилась въ него, смекнула о дуэли и, какъ ангелъ-примиритель, во-время явилась на мѣстѣ поединка,— и повѣсть заключилась двумя свадьбами. Въ произведеніяхъ такого рода по началу можно знать и середину и конецъ, потому-что въ такихъ произведеніяхъ все — общія мѣста и изтертыя пружины. Итакъ, оставимъ въ-сторонѣ подробный разборъ повѣсти, и, вмѣсто его, сдѣлаемъ читателю нѣсколько вопросовъ:

Выписанное нами изъ повѣсти мѣсто есть введеніе въ повѣсть: авторъ васъ знакомитъ съ ея дѣйствующими лицами, и ихъ разговоромъ завязываетъ интригу повѣсти. Спрашиваемъ: если Стрѣлинскій былъ задушевнымъ другомъ Гремину, такъ - что тотъ почиталъ себя въ правѣ сдѣлать ему такое порученіе,—то зачѣмъ же онъ, въ самую минуту порученія, сталъ разсказывать ему о своей любви? Не уже ли его другъ не зналъ о ней прежде? Да для-того,—отвѣчаемъ мы же сами, — чтобы читатели узнали, въ чемъ дѣло: только въ художественныхъ созданіяхъ лица знакомятъ себя читателю дѣйствіемъ, а не разсказами о себѣ въ родѣ слѣдующихъ: «характеръ у меня такой-то, отъ-рода имѣю столько-то лѣтъ, влюбленъ въ такую-то, и вотъ какъ это случилось». Спрашиваемъ: каково бы ни было чувство мужчины, если только въ немъ человѣческая душа и человѣческое сердце,—во всякомъ случаѣ, не должно ли въ его чувствѣ непремѣнно быть хотя сколько-нибудь этого дѣвственнаго цѣломудрія, въ-слѣдствіе уваженія и къ себѣ, и къ достоинству женщины, этого дѣвственнаго цѣломудрія, которое открываетъ свою задушевную тайну нехотя, робко, говоритъ о ней непрямо, а какъ-бы намеками, немногословно, а отрывисто, не громко, а тихо, какъ-бы боясь, чтобы его не подслушали самыя стѣны? Такъ ли объясняется объ этомъ щекотливомъ предметѣ Греминъ?... Боже мой, сколько въ его словахъ претензій на остроуміе, которое, отъ этого самого, такъ натянуто! И это ли языкъ чувства, весь склеенный изъ азбучныхъ афоризмовъ, ходячихъ сентенцій и остротъ, вычитанныхъ изъ плохихъ романовъ! Какая въ разговорѣ Гремина безсердечность, холодность! Какое отсутствіе всякой естественности! И что̀ похожаго на истину въ самомъ порученіи! Оно гораздо приличнѣе школьникамъ, недавно-вышедшимъ изъ пансіона, чѣмъ удалымъ и храбрымъ гусарамъ. Когда вы прочитываете этотъ разговоръ,— западетъ ли вамъ въ душу хотя одно слово изъ него? останется ли въ вашей памяти хотя одна черта этихъ двухъ безличныхъ лицъ и безхарактерныхъ характеровъ?...

А подробности, а краски повѣсти?... У насъ нѣтъ ни мѣста, ни времени, ни охоты выписывать, на-примѣръ, *остроумное* описаніе Сѣнной Площади, наканунѣ Рождества, гдѣ «ощипанные гуси, забывъ капитолійскую гордость, словно выглядываютъ изъ возовъ, ожидая покупщика, чтобы у него погрѣться на вертелѣ; цѣлыя племена свиней всѣхъ поколѣній, на всѣхъ четырехъ ногахъ и съ загнутыми хвостиками, впервые послушные дисциплинѣ, стройными рядами ждутъ ключницъ и дворецкихъ, чтобы у нихъ на запяткахъ совершить смиренный визитъ на поварню, и, кажется, съ гордостію любуясь своею бѣлизною, говорятъ вамъ: «я разительный примѣръ усовершаемости природы: бывъ до смерти упрекомъ неопрятности, становлюсь эм-

блеммою вкуса и чистоты, заслуживаю лавры на свои окорока; сохраняю платья вашимъ модникамъ и зубы вашимъ красавицамъ» и прочее, и прочее. Все въ такомъ же родѣ — и о простосердечномъ баранѣ — *этой четвероногой идилліи*, и объ эгоистахъ телятахъ и т. д.; перечтите сами, и потомъ сами-себѣ отдайте отчетъ, до какой степени все это замысловато, игриво, мило и смѣшно. Перечитывать и отдавать себѣ отчетъ въ перечитанномъ очень-полезно: это избавляетъ отъ многихъ убѣжденій, составленныхъ по первому впечатлѣнію, рѣдко истинныхъ, и поддерживаемыхъ привычкою, памятью, авторитетомъ, общимъ говоромъ. И потому совѣтуемъ вамъ и проси̂мъ васъ повнимательнѣе заглянуть въ «Испытаніе» отъ 34 до 46 страницы, чтобы спросить самихъ-себя, до какой степени описанный въ нихъ разговоръ въ маскарадѣ *свѣтской* женщины съ *свѣтскимъ* мужчиною, отличается «свѣтскостію», и не выхваченъ ли онъ изъ того кружка общества, котораго свѣтскость есть болѣе или менѣе неудачное подражаніе «свѣтскости»?... Право, перечтите, — а мы, чтобы не утомлять васъ длинными выписками, ограничиваемся вотъ этими немногими строками:

«Вы мечтаете»? сказала графиня, возвращаясь на мѣсто.

— И мечтой моей на яву были — вы. Я любовался вами, прекрасная графиня, когда склонивъ очи къ землѣ, будто озаряя порхающіе стопы свои, вы, казалось, готовы были улетѣть въ свою родину — въ небо!

Конечно, любезность близко граничитъ съ свѣтскостію, но ужь, вѣроятно, любезность легкая и вдохновенная, какъ импровизація, простая и естественная, какъ салонный разговоръ, а не книжная, не взятая цѣликомъ на-прокатъ изъ общихъ мѣстъ плохаго романа. Есть разница между пѣхотнымъ прапорщикомъ - мечтателемъ, который слыветъ въ извѣстномъ кружкѣ общества за образованнаго и начитаннаго *кавалера*, и говоритъ *барышнямъ* любезности, взятыя на-прокатъ изъ повѣстей Марлинскаго, и между блестящимъ гусаромъ, принадлежащимъ къ высшему кругу общества... А какъ вамъ покажутся подобныя фразы: «разговоръ склонился на летучія новости, *которыми всегди испещрена столичная атмосфера*»; «амуръ былъ настройщикомъ этого лада»; «между-тѣмъ *очи* обоихъ вели столь сильный перекрестный огонь, что онъ не только имъ, но и стороннимъ могъ казаться потѣшнымъ» (дѣйствительно *потѣшенъ!)*; «возвратить *улитку разговора* на...»

Не знаю, какъ для васъ, — у всякаго свой вкусъ, — но для меня нѣтъ ничего въ мірѣ несноснѣе, какъ читать, въ повѣсти или драмѣ, вмѣсто *разговора* — *рѣчи*, изъ которыхъ сшибались *поэтическими уродами* классическія трагедіи. Поэтъ берется изображать мнѣ людей не на трибунѣ, не на каѳедрѣ, а въ домашнемъ быту ихъ частной жизни, передаетъ мнѣ разговоры, подслушанные имъ у нихъ въ комнатѣ, разговоры, часто оживляемые страстію, которая можетъ измѣнять и самый разговорный языкъ, но которая ни на минуту не должна лишать его разговорности и дѣлать тирадами изъ книгъ, — и я, вмѣсто этого, читаю рѣчи, составленныя по правиламъ старинныхъ реторикъ. Согласитесь, что это просто невыносимо и перечтите въ «Испытаніи» страницы 73 — 74 и 121 — 124: въ первомъ мѣстѣ молоденькая пансіонерка *по книжному* разсуждаетъ о Генрихѣ IV, «отцѣ и другѣ своихъ подданныхъ», и о Петрѣ-Великомъ, «скромномъ въ счастіи и непоколебимомъ въ бѣдѣ» — только видно, что она еще не успѣла забыть «Всеоб-

цей Исторіи» г. Кайданова! а во-втомъ просто является героинею расиновской трагедіи. Послушайте: «Но найте, князь Греминъ, *если ръчь правы и природы недоступна душамъ, ъпитаннымъ кровавыми предразсудами* — то вы не иначе достигните до юего брата — какъ сквозь это сердце: не пожалѣвъ славы — я не пожалѣю жизни!» Скажите, Бога ради, кто, когда и гдѣ говоритъ такимъ языкомъ? е уже ли это натура, дѣйствительность?...

Итакъ: ни характеровъ, ни лицъ, и образовъ, ни истины положеній, ни правдоподобія въ интригѣ, — а между тѣмъ все-таки просвѣчиваетъ какой-то талантъ разсказа, иногда большое умѣніе блеснуть эффектомъ, и сказка, *въ первый разъ*, читается до конца, хотя съ пропусками растянутыхъ мѣстъ и неидущихъ къ дѣлу вставокъ. Что жъ? — и то хорошо:

Для сказки и того довольно,
Коль слушаютъ ее безъ скуки, добровольно!

Перейдемъ отъ «Испытанія» къ «Фрегату Надеждѣ» — повѣсти, пользующейся особенною знаменитостію и славою, и написанную гораздо съ большими претензіями на глубокость и силу изображенныхъ въ ней страстей. Княгиня Вѣра *** пишетъ письма къ своей родственницѣ въ Москву, письма совершенно пансіонскія, безпрестанно блестящія фразами въ родѣ слѣдующихъ: «Я такъ пышно скучала, такъ разсѣянно грустила, такъ *неистово* радовалась, что ты бы сочла меня за Оталянку на парижскомъ балѣ»; «вздуть сравненіе до гиперболы»; «вплетать въ гирлянду разсказа кой-какіе вопросы» и пр. Дѣло, какъ извѣстно всему читающему русскому міру, въ томъ, что Вѣра *** увидѣла на фрегатѣ «Надежда» очень интереснаго капитана, котораго «одно слово, одинъ взглядъ двигали громаду корабля — *эту геніальную мысль, одѣтую въ дубъ и желѣзо, окриленную полотномъ*», и извѣщаетъ о томъ свою пріятельницу, называя ее *милочкою*, *душечкою* и другими пансіонскими нѣжностями. Эта княгиня Вѣра *** не имѣетъ и признака того, что называется въ искусствѣ характеромъ. Она родная сестра всѣмъ женскимъ портретамъ, вышедшимъ изъ-подъ однообразнаго пера Марлинскаго. Впрочемъ, эта безхарактерность есть общій характеръ всей многочисленной семьи лицъ, выдуманныхъ Марлинскимъ, и мужчинъ и женщинъ: самъ ихъ сочинитель не могъ бы различить ихъ одно отъ другаго даже по именамъ, а угадывалъ бы развѣ только по платью. Едва-едва можете вы догадываться, что хотѣлъ онъ изобразить въ томъ или другомъ лицѣ, а когда догадаетесь по его *описаніямъ* (а не *изображеніямъ*), то удивляетесь неглубокости его взгляда на человѣческую природу, который никогда не проникалъ въ ея глубь, но всегда скользилъ по поверхности, зацѣпляясь только за ея неровности и рѣзкости. Во всѣхъ герояхъ и героиняхъ этого плодовитаго нувеллиста только резонёрство и чувственность, но ни малѣйшей тѣни чувства. Женщины его совершенно-чужды того, что должно составлять идею, сущность, ореолъ, кроткое сіяніе ихъ пола; того, въ чемъ заключается и нѣжность, и мягкость ихъ чувства, при самой его глубокости и энергіи, при самой даже страстности, — и прелесть и грація ихъ плѣнительныхъ движеній, соединенныя съ благородствомъ и достоинствомъ, которыя, даже и беззащитныхъ, окружаютъ ихъ хранительнымъ эфиромъ благоговѣнія, непонятною робостію и смущеніемъ, смиряющимъ самую дерзость и наглость; словомъ, того, почему женщина есть представительница на землѣ любви и красоты, и безъ чего она — не женщина: въ

нихъ нѣтъ такъ-называемой Нѣмцами *женственности* (Weiblichkeit). Всѣ мужчины его — какія-то отвлеченныя и безличныя олицетворенія бѣшеныхъ страстей фосфорической натуры, чуждой всякой глубокости, неспособной возвыситься ни до какого чувства... Итакъ, княгиня Вѣра *** ни больше, ни меньше, какъ пансіонерка, рано начитавшаяся романовъ и потому фразёрка въ поступкахъ и словахъ своихъ. Перечтите ея письма къ родственницѣ и найдите въ нихъ хотя слабый пробескъ чувства, хотя одну черту женскаго ума и характера. Нѣтъ, вмѣсто всего этого, вы увидите сатирическія выходки, натянутыя остроты противъ свѣта, фразы, какъ-будто выбранныя изъ ученическихъ упражненій пансіонерки, и ни признака живаго трепета юнаго и женственнаго сердца, радостно и весело - откликающагося на всякое новое для него явленіе въ прекрасномъ Божіемъ мірѣ. Канониръ упалъ за бортъ въ море... но не бойтесь: его спасетъ храбрый капитанъ, вдохновенный любовію къ княгинѣ Вѣрѣ ***, и онъ, въ-самомъ-дѣлѣ, бросился и чуть не утонулъ и самъ. Княгиня, какъ и слѣдуетъ героинѣ повѣсти, падаетъ въ обморокъ, и когда открываетъ глаза, передъ нею — *онъ*... Какая дѣтски-добродушная и, притомъ, устарѣвшая манера завязывать интригу романа и повѣсти! Но вотъ Правинъ на вечерѣ у княгини. Какъ морякъ, онъ не привыкъ къ свѣту, робокъ и застѣнчивъ: вошедъ въ залу, онъ смутился отъ уставленныхъ на него наглыхъ лорнетовъ; но когда — пишетъ онъ къ своему другу — «хозяйка, привставъ съ дивана, такъ ободрительно меня привѣтствовала, что душа моя разпрямилась вдругъ... я гордо поднялъ голову, я окинулъ всѣхъ *свѣтлымъ окомъ:* что значила для меня невзгода (?) всѣхъ *пустоцвѣтовъ* и *пустозвоновъ* гостиной, когда я былъ уже обласканъ тою, чья единственно ласка дорога мнѣ!» Онъ садится подлѣ княгини, окруженной гостьми, и начинаетъ съ ней по-книжному резонёрствовать о постоянствѣ моряковъ и любви къ отечеству, — и всѣ приходятъ отъ него въ возторгъ, какъ-будто салонъ допускаетъ и дѣльныя сужденія взрослыхъ людей, не только заученыя наизусть умствованія школьниковъ... Этимъ умнымъ ребенкомъ такъ возхитились, что кто-то назвалъ его *морскимъ львомъ*, а *левъ*, на свѣтскомъ нарѣчіи, великое титло; но вдругъ одинъ дипломатъ, думая, что «левъ» не знаетъ по-французски, тогда какъ тотъ только изъ патріотизма говорилъ по-русски, сказалъ почти въ-слухъ: «Et cette fois il n'est pas si bête qu'il en a l'air»... Тогда нашъ романическій герой «бросилъ пожирающій взглядъ на наглеца, наклонился къ нему и въ-полголоса *произнесъ* (а не *сказалъ* — потому-что всѣмъ извѣстно: *говорятъ* только въ низкомъ слогѣ, а въ высокомъ *произносятъ*): Si bon vous semble, mr., nous fairons notre assaut d'ésprit demain à 10 heures passées. Libre à vous de choisir telle langue qu'il vous plaira — celles de fer et de plomb y comprises. Vous me saurez gré, j'espère, de m'entendre vous dire en cinq langues européennes, que vous êtes *un lâche*». Итакъ, сперва резонёрство, потомъ ссора, и наконецъ — драка: не доставало только за волоса... Прекрасное общество, истинный салонъ... Разумѣется, дипломатъ оказался на дуэли трусомъ, а Правинъ, порисовавшись и попетушившись передъ нимъ, оставилъ ему жизнь изъ одного презрѣнія... И вотъ мы уже прочли 73 страницы повѣсти, а повѣсти все еще нѣтъ: это пока только введеніе, разтянутое до-нельзя нейдущими къ дѣлу вставками и разсужденіями. Но главное уже сдѣлано, хотя

и слишкомъ-поздно: авторъ свелъ своихъ героевъ и поставилъ ихъ на короткую ногу другъ съ другомъ. Правинъ любитъ, да еще *какъ* любитъ! «Океанъ взлелѣялъ и сохранилъ его дѣвственное сердце, какъ многоцѣнную перлу — и его-то, за милый взглядъ, бросилъ онъ, подобно Клеопатрѣ, въ *уксусъ страсти»*! Въ-слѣдствіе этого, встрѣтившись съ княгинею въ Эрмитажѣ, онъ имѣлъ съ нею разговоръ, столько же длинный, сколько и страстный, *произнесъ* ей нѣсколько витіеватыхъ «рѣчей», изъ которыхъ въ одной сравниваетъ свое сердце съ *Грановитою Палатою*, и говоритъ, что онъ будетъ всѣмъ, чѣмъ ни велитъ она ему быть — и поэтомъ, и музыкантомъ, и живописцемъ, и героемъ, а въ послѣднемъ случаѣ, *сожжетъ ея сердце лучами своей славы* (стр. 122). Затѣмъ они поцаловались и разстались. И все это длинное дѣйствіе, занимающее *восемь* страницъ (118—126), было разъиграно въ *Эрмитажѣ!*... Слѣдствіемъ этой правдоподобной и превосходной сцены было предлинное разсужденіе автора о любви, обнаруживающее его личный взглядъ на это чувство. Онъ называетъ *платонизмъ* (до пошлости изношенное слово!) *милымъ каплуномъ* и *Каліостро*, и совѣтуетъ дамамъ и юношамъ не слишкомъ довѣрять ему, чтобъ не «проснуться отъ угара съ *измятымъ чепчикомъ* и, можетъ быть, съ лишнимъ раскаяніемъ» (стр. 129—130). Далѣе, на нѣсколькихъ страницахъ, слѣдуютъ объясненія автора, почему то̀ и другое, въ его повѣсти, случилось такъ, ка̀къ случилось. Подобныя объясненія всегда бываютъ утомительны и скучны: они — вѣрное ручательство, что повѣсть не создана, а сшита на живую нитку. Въ творчествѣ, дѣйствіе само-за-себя говоритъ и не нуждается въ объясненіяхъ поэта. Въ такой повѣсти или драмѣ говорятъ и дѣйствующія лица, но только не съ читателемъ; а другъ съ другомъ, и каждое для самого-себя и за самого-себя; но тогда-то читатель и понимаетъ ихъ. Прочтите «рѣчь», которую *произнесъ* Правинъ своей Вѣрѣ на цѣлыхъ двухъ страницахъ (148—150), и спросите себя: говорится ли такъ въ дѣйствительности, и для себя, или для читателя продекламировалъ ее герой повѣсти? И есть ли въ этой «рѣчи» хотя одно задушевное выраженіе — отголосокъ взволнованнаго чувства, которое говорило бы чувству? Вотъ нѣсколько строкъ для образчика этой «рѣчи»: «У меня доброе сердце — и можетъ ли быть злобно сердце, полное любовью, любовью къ тебѣ!!... За то у меня буйная кровь... у меня кровь — жидкій пламень: она *бичуетъ змѣями мое воображеніе,* она *палитъ молніями умъ!*... Я ли виноватъ въ этомъ? Я ли создалъ себя? За каждую каплю твоихъ слезъ я бы готовъ отдать послѣднія *песчинки* моего бытія, *послѣднюю перлу* моего счастія! Да; нѣтъ мнѣ отнынѣ счастія! *На одной вѣткѣ распустились сердца наши* — вмѣстѣ должны бъ они цвѣсть; но судьба разрываетъ, розпнитъ насъ! Пускай же океанъ протечетъ между нами — онъ не зальетъ моей любви, лишь бы ты, ты, сокровище души моей, была невредима отъ этого пожара». Скажите, ради самого Бога: не уже ли эти красивыя, щегольскія фразы, эта блестящая реторическая мишура есть голосъ чувства, изліяніе страсти, а не выраженіе затаеннаго желанія рисоваться, кокетничать своимъ чувствомъ, или своею страстію? И добро бы всѣ эти фразы были въ письмѣ, а то въ разгорѣ, въ монологѣ!..: Правинъ оставилъ передъ бурею свой фрегатъ, чтобы провести ночь въ объятіяхъ любви и на-

слажденія, а буря страшно разразилась громомъ и молніями и заставила его проговорить такую рѣчь:

«Ты моя! Вѣра моя! Что жь мнѣ нужды до всего остальнаго — пускай гибнутъ люди, пускай весь свѣтъ разлетится въ дребезги! Я подыму тебя надъ обломками и послѣдній вздохъ мой разрѣшится поцѣлуемъ!... О, какъ пылки, какъ жгучи твои уста въ эту минуту, очаровательница!... Знаешь ли, примолвилъ онъ тише, *сверкая и вращая очами, какъ отъявленый* (какая возмущающая душу и оскорбляющая чувство картина!)—ты должна любить меня, покланяться мнѣ болѣе, чѣмъ когда-нибудь... знаешь ли, что я богаче теперь Ротшильда, самовластнѣе англійскаго короля, что я облеченъ въ гибельную силу, какъ судьба? — Да, я могу сорить головами людей по своей прихоти, и за каждый твой поцѣлуй платить сотнею жизней — не жизнію враговъ — о, нѣтъ! это можетъ всякій разбойникъ. Это слишкомъ обыкновенно ... нѣтъ, говорю тебѣ, я бросаю на вѣтеръ жизнь моихъ любимыхъ товарищей, моихъ друзей и братьевъ — а за нихъ во всякое другое время готовъ бы *я источить кровь по каплѣ, изрѣзать сердце въ лоскутки* (стр. 189).»

И это поэзія, а не реторика? ... И это вдохновеніе таланта? ... Если хотите, тутъ дѣйствительно есть и поэзія, и талантъ, и вдохновеніе: иначе бы это и не могло такъ нравиться большинству публики; но *какая* поэзія, *какой* талантъ, *какое* вдохновеніе? — вотъ вопросъ! Это поэзія, но поэзія не мысли, а блестящихъ словъ, не чувства, но лихорадочной страсти; это талантъ, но талантъ чисто-*внѣшній*, не изъ мысли создающій образы, а изъ матеріи выдѣлывающій красивыя вещи; это вдохновеніе, но не то внутреннее вдохновеніе, которое, неожиданное, безъ воли человѣка, озаряетъ его разумъ внезапнымъ откровеніемъ истины, вдохновеніе тихое и кроткое, широкое и глубокое, какъ море въ ясный и безвѣтренный день, — но вдохновеніе насильственное, мятежное, бурливое, раздражительное, возбужденное волею человѣка, какъ-бы отъ пріема опіума. А между этими вдохновеніями большая разница — такая же, какъ между мелодіею тихаго чувства и ревущими диссонансами страсти, между гармоніею свѣтлаго восторга, и нестройнымъ крикомъ буйной вакханаліи, мутнымъ и нечистымъ упоеніемъ сладострастной оргіи... Переполненное чувство безмолвствуетъ и даетъ себя чувствовать немногими, но многозначащими словами, которыя подсказываются вдохновеніемъ. Самая буря страстей выражается не «рѣчами», а отрывистою рѣчью, похожею на рокотъ грома, — и ревущій потокъ ея отрывистыхъ рѣчей вытекаетъ изъ вдохновенія. Поэтъ можетъ изображать и страсть, потому-что она есть явленіе дѣйствительности; но, изображая страсть, поэтъ не долженъ быть въ страсти: страсть должна быть предметомъ его поэтическаго созерцанія въ минуту творчества, но не имъ-самимъ. Истинное вдохновеніе всегда спокойно-созерцательно: оно вполнѣ обладаетъ своимъ предметомъ, но не даетъ ему овладѣть собою, хотя и видитъ и чувствуетъ его. Изображаемое поэтомъ, оно, разъ овладѣвъ имъ, увлекаетъ его за собою, изъ свободныхъ творческихъ образовъ становится изложеніемъ его личныхъ чувствъ и мнѣній, до которыхъ никому нѣтъ дѣла. И въ такомъ случаѣ, чѣмъ живѣе и ближе къ натурѣ изображеніе страсти, тѣмъ большее возбуждаетъ оно отвращеніе, вмѣсто того, чтобы восхищать и трогать — и нечисты, грѣшны его впечатлѣнія на душу читателя, если только онъ поддается имъ... Сначала чтеніе такихъ блестящихъ и увлекательныхъ произведеній приводитъ душу въ раздражительное состояніе, многими принимаемое за восторженное; но послѣ на душѣ

остается какая-то усталость, какъ-бы послѣ безпокойнаго сна, или тяжелой работы. Чтобъ прочесть во второй разъ, не достанетъ силъ... Подобныя произведенія не удовлетворяютъ разума, потому-что въ нихъ все произвольно, все условно: — вы видите, что это такъ, но видите, что могло бы быть совсѣмъ иначе, и недоумѣваете, почему это представлено такъ, а не иначе. И вотъ откуда происходитъ, въ подобныхъ произведеніяхъ, такое множество отступленій, вставокъ, разглагольствованій и ораторскихъ рѣчей: авторъ говоритъ за свою повѣсть, а не повѣсть говоритъ сама-за-себя. Тутъ автору полная воля, совершенный просторъ, и потому удивительно ли, если у него мужъ княгини Вѣры**, до 191 страницы только ѣвшій и пившій, какъ безсловесное животное, на 191 страницѣ вдругъ дѣлается и гордъ, и благороденъ, и уменъ, и на полутора страницахъ говоритъ экспромтомъ «рѣчь», сочиненіе которой сдѣлало бы честь самому Правину?... Вообще, если вы зажмурите глаза, слушая «рѣчи» дѣйствующихъ лицъ во всѣхъ повѣстяхъ Марлинскаго, то, право, никакъ не разгадаете, кто говоритъ — морской офицеръ, дикій Черкесъ, ливонскій рыцарь, русскій князь временъ междоусобія, русскій бояринъ XV или XVI вѣка, мужчина или женщина, старикъ или юноша, Аммалатъ-Бекъ или будочникъ-ораторъ... А между-тѣмъ, повторяемъ, не только вдохновляться, но и раздражаться не всякій можетъ. Есть разница между рыбьею натурою иного человѣка, который живетъ, какъ дремлетъ, и кипучею, живою, хотя и неглубокою натурою человѣка, котораго жизнь похожа на водоворотъ, неперемѣняющій мѣста, но всегда бурливый и безпокойный. И внѣшній талантъ имѣетъ свое достоинство, потому-что не всякій можетъ имѣть и его. Пишутъ многіе и много, но успѣхомъ, даже и въ толпѣ, пользуются очень немногіе, — и эти пользующіеся всегда цѣлою головою выше тѣхъ, которые имъ удивляются...

Изъ повѣстей Марлинскаго, изображающихъ сильныя страсти, лучшая, безъ всякаго сомнѣнія — «Страшное Гаданіе». Ея идея принадлежитъ не ему: она была уже изтерта многими, но, кажется, на Руси узнали о ней изъ «Ночи на Рождество» Цшокке. Цѣлаго въ «Страшномъ Гаданіи», какъ и во всѣхъ повѣстяхъ Марлинскаго, нѣтъ, но есть мѣста истинно-поэтическія, какъ бы не-въ-примѣръ всему остальному, написанному тѣмъ же авторомъ, — блестящія признаками неподдѣльнаго дарованія. Поѣздка героя повѣсти, сцена въ крестьянской избѣ, многія подробности гаданья, — все это прекрасно и увлекательно. Даже обращеніе къ лунѣ, начинающееся словами: «Тихая сторона мечтаній» (стр. 226), отзывается чувствомъ. Только характеръ дьявола ужь слишкомъ носитъ на себѣ признаки тогдашней моды изображать чертей: теперь онъ не вездѣ страшенъ, и мѣстами смѣшонъ. Но цѣлое повѣсти... Позвольте, начнемъ съ начала.

«...Я былъ тогда влюбленъ, влюбленъ до безумія! О, какъ обманывались тѣ, которые, глядя на мою насмѣшливую улыбку, на мои разсѣянные взоры, на мою небрежность рѣчей въ кругу красавицъ, считали меня равнодушнымъ и хладнокровнымъ. Не вѣдали они, что *глубокія чувства* рѣдко проявляются именно потому, что они глубоки; но если бъ они могли заглянуть въ мою душу и, увидя, понять ее — они бы ужаснулись! *Все*, о чемъ такъ любятъ болтать поэты, чѣмъ такъ легкомысленно играютъ женщины, въ чемъ такъ стараются притворяться любовники, *во мнѣ кипѣло, какъ разтопленная мѣдь, надъ которою и самые пары, не находя истока, зажигались пламенемъ.* Но мнѣ всегда были смѣш-

ны до жалости приторные вздыхатели съ своими пряничными сердцами; мнѣ были жалки до презрѣнія записные волокиты съ своимъ зимнимъ восторгомъ, своими заучеными изъясненіями; и *попасть въ число ихъ для меня казалось всего страшнѣе.*

Нѣтъ, не таковъ былъ я: въ любви моей бывало много страннаго, чудеснаго, даже дикаго; я могу быть понятъ, или непонятенъ, но смѣшонъ никогда. *Пылкая, могучая страсть катится, какъ лава; она увлекаетъ и жжетъ все встрѣчное; разрушаясь сама, разрушаетъ въ пепелъ препоны, и хоть на мигъ, но превращаетъ въ кипучій котелъ даже холодное море.»*

Весь этотъ отрывокъ пародія на одно мѣсто въ «Джяурѣ» Байрона. Но байроновъ джяуръ—сынъ пламеннаго востока, Азіатецъ душою и тѣломъ, а потому и тигръ, слѣдственно животное благородное и поэтическое, хоть тѣмъ не менѣе все-таки животное... Онъ говоритъ о своей кипучей крови и знойныхъ страстяхъ совсѣмъ не для того, чтобы *рисоваться* ими, но на смертномъ одрѣ, исповѣдуясь передъ монахомъ, и для-того, чтобы неистовствомъ звѣрскихъ страстей своихъ хотя нѣсколько оправдать свои кровавые грѣхи. Этотъ джяуръ былъ христіаниъ, и потому не могъ, хотя на краю могилы, не смотрѣть на свои страсти, какъ на несчастіе. Вообще, сила страстей отнюдь не то же самое, что глубокость души; эта сила скорѣе бываетъ признакомъ мелкости натуры при кипучей крови. Потомъ, всякая страсть, хотя дикая, не говоритъ о себѣ, не остритъ надъ пряничными сердцами и не боится попасть въ ихъ число... Какъ въ дѣйствительности, такъ и въ искусствѣ, все говоритъ само за себя, т. е. дѣломъ, а не словами и не увѣреніями. Что не равно своему идеалу, но силится дотянуться до него,—то необходимо натягивается. Вотъ отъ-чего во многихъ повѣстяхъ такъ много бываетъ натяжекъ. Но обратимся къ повѣсти. Хотя герой ея и божится, что его страсть глубока, какъ море, но мы видимъ въ ней одну чувственность, и больше ничего. Вотъ почему ему видѣлся образъ танцующей Полины, и вотъ почему мучила его мысль, что она слушаетъ ласкательства какого-нибудь счастливца, который вертится съ нею, и, можетъ-быть, отвѣчаетъ на нихъ (*стр.* 203): только истинное, высокое чувство чуждо ревности и полно взаимнаго довѣрія. Оно не жжетъ, но грѣетъ; оно не пылаетъ пожаромъ, но теплится кроткимъ свѣтомъ. Въ немъ все одухотворено, и самое желаніе чисто и дѣвственно. Въ немъ нѣтъ громкихъ фразъ, нѣтъ пышнаго многословія: взглядъ, брошенный украдкою, недоговоренное слово, кроткая улыбка замѣняютъ въ немъ «рѣчи», а если оно заговоритъ — его рѣчь будетъ полна глубокой, энергической, но, въ то же время, и свѣтлой, тихой, благоуханной поэзіи, гдѣ все — теплота и свѣтъ, но безъ огня, дыма и чада... Повторяемъ, и страсть имѣетъ свою поэзію и можетъ быть предметомъ поэтическаго изображенія; но только поэтъ долженъ изображать ее, какъ предметъ, внѣ его и самъ-по-себѣ существующій, а не пѣть ей гимны, не выдавать ее, съ божбою и клятвами, за высшій цвѣтъ человѣческаго чувства, и не дѣлать изъ нея апотеоза.—Посмотрите, что это такое:

«Не умѣю описать, что со мною сталось, когда, обвивая тонкій станъ ея рукою, трепетною отъ наслажденія, я пожималъ другой ея прелестную ручку: казалось, кожа перчатокъ приняла жизнь, передавала біеніе каждой фибры... казалось, *весь составъ Полины прыщетъ искрами!* Когда помчались мы въ бѣшеномъ вальсѣ, ея летающіе душистые локоны касались иногда губъ моихъ; я вдыхалъ ароматный *пламень ея дыханія*; *мои блуждающіе взгляды проницали сквозь дымку* — я видѣлъ, какъ бурно вздымались и опадали *бѣлоснѣжные полушары* (!?...), волнуемые моими вздохами, видѣлъ, какъ пылали щеки ея живымъ ка-

ломъ, видѣлъ — нѣтъ, я ничего не видалъ.. полъ исчезалъ подъ ногами; казалось, я лечу по воздуху, съ сладостнымъ замираніемъ сердца (стр. 235).

Чтобы окончательно выразить нашу мысль, сдѣлаемъ въ pendant къ этой выпискѣ другую:

«Испытали ли вы жажду крови? Дай Богъ, чтобы никогда не касалась она сердцамъ вашимъ; но, по несчастію, я зналъ ее во многихъ и самъ извѣдалъ на себѣ. Природа наказала меня неистовыми страстями, которыхъ не могли обуздать ни воспитаніе, ни навыкъ; огненная кровь текла въ жилахъ моихъ. Долго, неимовѣрно долго могъ я хранить хладную умѣренность въ рѣчахъ и поступкахъ при обидѣ, но за то она исчезала мгновенно, и бѣшенство овладѣвало мною Особенно видъ пролитой крови, вмѣсто того, чтобы угасить ярость, былъ масломъ на огнѣ, и я, съ какою-то тигровою жадностію, готовъ былъ источить ее изъ врага капля по каплѣ, подобенъ тигру, вкусившему ненавистнаго напитка» (стр. 246).

Истинный *романтизмъ*, какъ понимали его у насъ назадъ тому лѣтъ пятнадцать! Читаете, и невольно переноситесь въ лѣса, гдѣ живутъ тигры, медвѣди и волки, съ ихъ неистовыми страстями, съ ненасытимою жаждою крови. Геній Виктора Гюго — сего свирѣпаго архиромантика — уже пускался было на изображеніе медвѣжьихъ чувствъ и мыслей, сдѣлавъ бѣлаго медвѣдя героемъ перваго своего романа: его подражатели, не столь смѣлые, ограничились изображеніемъ звѣрей подъ человѣческими именами, съ человѣческими обликами, оставивъ имъ только ихъ животныя страсти, чтобъ выдавать ихъ за глубокія ощущенія глубокихъ, *сатаническихъ* душъ...

Гораздо болѣе былъ въ своей колеѣ талантъ Марлинскаго въ «Лейтенантѣ Бѣлозорѣ» — этомъ живомъ, легкомъ и шутливомъ разсказцѣ, безъ особенныхъ претензій. Это настоящій родъ таланта Марлинскаго, и, — несмотря на то, что въ повѣсти нѣтъ ни лицъ, ни характеровъ, хоть сколько-нибудь художественно-очерченныхъ, а слѣдовательно, нѣтъ и признаковъ голландской народности, — ибо купецъ, кстати и не кстати говорящій при каждомъ словѣ «два аршина съ четвертью», еще не Голландецъ, такъ же какъ купчиха, которой вся жизнь сосредоточена на кухнѣ, еще не Голландка (перемѣните ихъ имена, и они будутъ принадлежать къ какой вамъ угодно націи); несмотря на то, что любовь героевъ повѣсти ужь черезчуръ сладковата и слишкомъ походитъ на канареечную, а представитель французской націи, Монтань Люссакъ, ужь черезчуръ и подлъ, и глупъ, и пошлъ; несмотря на ужасную растянутость и множество ненужныхъ вставокъ и разглагольствованій, — веселенькій разсказецъ читается до конца и не безъ удовольствія. Въ немъ много премиленькихъ подробностей; особенно забавны матросскіе разговоры, и вообще въ тонѣ разсказа много добродушія и непритворной шутливости. Къ числу такихъ же удачныхъ разсказовъ, въ этомъ родѣ, должно отнести «Военный Антикварій» и «Мореходъ Никитинъ».

Собственно-русскія повѣсти Марлинскаго, содержаніе которыхъ онъ бралъ изъ русской старины, не выдержатъ никакой критики, даже самой снисходительной. Таковы суть: «Наѣзды», «Романъ и Ольга», «Измѣнникъ», и пр. Въ нихъ рѣчь, по-видимому, русская, и имена русскія, даже много русскихъ обычаевъ, повѣрій и ссылокъ на исторію; но ни русскаго лица, ни русской души. Это — расиновскія трагедіи въ формѣ разсказовъ. Снимите съ дѣйствующихъ лицъ ихъ охабни и фаты, выбросьте изъ ихъ рѣчей немногое число русскихъ поговорокъ и пословицъ, и передъ вами очутятся тѣ безличные образы, которымъ къ лицу всякое платье и всякое имя, и кото-

рые столько же Русскіе, сколько и Греки, и Нѣмцы, и Англичане, и Татары. То же должно сказать и о рыцарско-ливонскихъ разсказахъ Марлинскаго: его нѣмецкіе рыцари и дамы ничѣмъ не отличаются отъ новогородскихъ молодцовъ и молодицъ, которые ничѣмъ не отличаются отъ его нѣмецкихъ рыцарей и дамъ. Перечтите «Замокъ Эйзенъ», «Замокъ Нейгаузенъ», «Латника», «Замокъ Венденъ» «Ревельскій Турниръ», и вы увидите въ нихъ поразительную бѣдность изобрѣтенія, удивительное однообразіе въ манерѣ разсказывать, и чрезвычайное сходство въ дѣйствующихъ лицахъ, особенно въ ихъ «рѣчахъ», изъ которыхъ сшиты эти разсказы. Лучшій изъ нихъ «Ревельскій Турниръ»: въ немъ мало сильныхъ страстей, много добродушія и веселости, а потому онъ и читается съ удовольствіемъ, какъ занимательная сказка.

Читатели, можетъ-быть, ждутъ отъ насъ подробнаго разбора кавказскихъ повѣстей Марлинскаго, особенно «Аммалатъ-Бека» и «Муллы-Нура»: увы, мы не въ-состояніи выполнить ихъ ожиданія! По праву добросовѣстнаго критика, мы хотѣли прочесть эти повѣсти, принимались нѣсколько разъ, но всякой силѣ есть предѣлы, и мы, послѣ многократныхъ пріемовъ и невѣроятныхъ усилій, принуждены были сознаться въ своемъ безсиліи для свершенія подобнаго подвига. Конечно, въ нихъ,—особенно въ «Аммалатъ-Бекѣ»—есть удачныя страницы, хотя и въ слишкомъ-ограниченномъ числѣ, есть превосходные стихи — переводъ черкесскихъ пѣсенъ; но цѣлое такъ натянуто, такъ перетянуто и въ изобрѣтеніи, и въ изложеніи, что впечатлѣніе, производимое на душу читателя, очень походитъ на давленіе кошемара. Что касается до Муллы-Нура, этого *татарскаго Карла Моора*, то вотъ онъ вамъ весь—извольте любоваться, сколько душѣ угодно:

«Что на свѣтѣ тайнаго кромѣ нашего сердца. Разсвѣтаетъ ночь, крывшая злодѣйство; дремучій лѣсъ находитъ голосъ на обвиненіе; разступается хлябь моря и выдаетъ утопленное хищниками добро. Могилы, самыя могилы не скрываютъ во мракѣ своемъ преступленій, и съ червями зараждаются въ ней мстители. Я видѣлъ: Русскіе узнавали по внутренностямъ тѣлъ прошлое, какъ идолопоклонники предки наши угадывали по нимъ будущее. А когда можно заставить говорить мертвецовъ, кто заставитъ молчать живыхъ?... Тайное скоро становится явнымъ, и базарная молва нерѣдко трубитъ о томъ, что было шопотомъ сказано между двоими. — Нѣтъ, моя жизнь не тайна, мои похожденія можетъ разсказать тебѣ послѣдній мальчикъ въ Кубѣ. — Онъ убилъ своего дядю и бѣжалъ въ горы! Вотъ вся повѣсть обо мнѣ, и она не ложь, но полна ли она? по справедливо ли осудитъ меня по этимъ словамъ всякій, кто ихъ услышитъ? На это могу отвѣчать только я. Пусть отрубятъ мнѣ голову, что жь найдетъ въ этой головѣ судья для объясненія моего преступленія? Пусть вырѣжутъ сердце, какъ отгадаютъ въ немъ пружины, которыя двинули на убійство?... А въ этомъ вся важность для меня! Только это зову я на судъ совѣсти, все остальное дѣло случая, все остальное пусть какъ хотятъ судятъ въ людскомъ диванѣ. Тяжело мнѣ думать объ этомъ, еще тяжелѣе разсказывать, и между-тѣмъ оно меня душитъ!... мучительно вырывать зубчатую стрѣлу изъ раны, но и оставлять въ ней нестерпимо...»

Кто это говоритъ: ливонскій рыцарь, итальянскій разбойникъ, или французскій литераторъ романтической школы?... Нѣтъ, это «рѣчь» кавказскаго Татарина... Умный Татаринъ! ужь и видно, что наукамъ учился, особенно реторикѣ...

Въ послѣднихъ своихъ произведеніяхъ, Марлинскій довелъ до крайности основные элементы своего таланта, т. е. изображеніе неистовыхъ страстей и неистовыхъ положеній, изображеніе высшаго общества, на которое онъ смотрѣлъ изъ-за Кавказа, русскую на-

родность, остроуміе и изъисканность языка. Приведемъ образчики нѣкоторыхъ изъ этихъ элементовъ, доведенныхъ до nec plus ultra.

Если хотите имѣть понятіе о высшемъ обществѣ на балѣ у австрійскаго посланника, — прочтите отрывокъ «Месть»: тутъ вы увидите, какъ «свѣтскій» капитанъ Змѣевъ отпускаетъ лагерныя любезности Надеждѣ Петровнѣ Зоричъ, поминутно называя ее «сударыня», и какъ Надежда Петровна Зоричъ отвѣчаетъ сему храброму капитану любезностями полковой маркитантши, начитавшейся «свѣтскихъ» романовъ русскаго издѣлія. Въ статьѣ «Новый Русскій Языкъ» вы увидите, какъ говорятъ русскіе купцы; впрочемъ, не трудитесь перечитывать этой «юмористической» статейки; довольно для васъ и этого образчика: «Такъ-съ, виноватъ-съ, дѣло дорожное-съ! Я вѣдь впрочемъ не для ради чего инаго прочаго, а такъ изъ компанства, хотѣлъ только утрудивъ, побезпокоя васъ, просить соблаговоленія, чтобы нашему чайнику возъимѣть соединяемое купносообщеніе съ этимъ самоваромъ-съ. По-просту такъ сказать-съ, малую толику водицы-съ!» (т. XII, стр. 76). Такимъ языкомъ проситъ на станціи купецъ у офицера воды изъ самовара для чайника: какая наблюдательность, какъ все это вѣрно подслушано и вѣрно передано, безъ всякаго преувеличенія, безъ всякой натяжки!.. Для образчика остроумія перечтите статьи: «Исторія серебрянаго рубля» и «Исторія знаковъ препинанія»: увѣряемъ васъ, что самъ отчаянный поставщикъ газетнаго мусора позавидовалъ бы, въ своихъ правоописательныхъ и нравственно - сатирическихъ статейкахъ, ихъ остроумію и затѣйливости.... Для выписокъ дикихъ фразъ и натянутаго высокаго и страстнаго слога у насъ не достаетъ ни силъ, ни терпѣнія.. Потрудитесь сами, а мы и безъ того устали.

Такой конецъ авторскаго поприща очень-естественъ: онъ необходимое слѣдствіе его начала. Только истинные таланты зрѣютъ и мужаютъ съ лѣтами, только въ ихъ произведеніяхъ исчезаетъ съ годами дымный юношескій пламень и уступаетъ мѣсто ровной теплотѣ, и не ослѣпительному, но лучезарному свѣту — и конецъ ихъ поприща ознаменовывается твореніями глубокими, какъ море, и величественными, какъ звѣздное небо въ тихую и ясную ночь. Внѣшній талантъ скоро выказывается весь, изтощаетъ бѣдный запасъ своего внутренняго содержанія, и скоро доходитъ до необходимости перебиваться собственными крохами, собственною ветошью, обновляя ихъ бѣлилами и румянами изъисканной фразеологіи дикаго языка. Почти всегда подвергается онъ горькой участи пережить свою славу, умереть послѣ ея кончины, и видѣть въ числѣ своихъ поклонниковъ только людей, которые являются послѣдними участниками въ пирѣ, доканчивая въ заднихъ аппартаментахъ остатки барскаго обѣда.... Но, не смотря на все сказанное, такіе *внѣшніе* таланты необходимы, полезны, а слѣдовательно и достойны всякаго уваженія. Только незаслуженная слава и преувеличенныя похвалы вооружаютъ противъ нихъ, потому-что свидѣтельствуютъ объ испорченности вкуса публики. Но отдавать имъ должное пріятно по чувству человѣческому и полезно для истины. Для массы общества все внѣшнее доступнѣе внутренняго, — и она бросается на внѣшнее, а черезъ это въ ней обращаются идеи и проводится въ нее образованность. Но главная заслуга внѣшнихъ талантовъ состоитъ въ томъ, что они отрицательнымъ - образомъ воспитываютъ

очищают эстетический вкус публики: пресытясь их произведениями, многие обращаются к истинным произведениям искусства, и научаются ценить их. Кто не восхищался романами Радклиф, Дюкре-дю-Мениля, Августа Лафонтена, г-ж Жанлис и Коттен, и даже не предпочитал их сначала романам Вальтера Скотта и Купера? И эти многие потому только и поняли в-последствии достоинство британского и американского романистов, что сперва восхищались романами сих господ и госпож, а через Вальтера Скотта и Купера поняли их истинную цену. Что́ же касается до тех, которые не пошли далее Радклиф и Дюкре-дю-Мениля с братиею — пусть себе читают во здравие! Что́ бы ни читать, все лучше, чем играть в карты или сплетничать. Слуга донашивает платье своего господина: оно и старо и потерто, но все служит ему защитою и от наготы, и от холода...

Мы уже говорили о критических статьях Марлинского и указали на них, как на важную заслугу русской литературы со стороны их автора; с такою же похвалою должны мы упомянуть и о его собственно-литературных статьях, каковы: «Отрывки из рассказов о Сибири», «Шах Гуссейн», «Письмо к доктору Эрдманну», «Сибирские нравы Исых», и пр. Во всех сих статьях видем необыкновенно-умный, блестяще-образованный человек и талантливый писатель, и почти все они отличаются, в противоположность повестям, языком простым, живым и прекрасным без изысканности. Марлинский пробовал свой талант почти во всех родах литературных упражнений, и потому писал и стихи, но впрочем скоро сам признал в себе отсутствие положительного таланта для этого поприща. Мелкия его стихотворения редко отличаются даже плавностию стихов, а переводы из Гете так же мало дают понятия о достоинстве своих оригиналов, как дебелый перевод Кострова «Илиады», или тяжелый перевод Мерзлякова тассова «Освобожденнаго Иерусалима», или разжиженный сахарным сиропом перевод г Раича того же творения и поэмы Ариоста. Марлинский, следуя тогдашнему направлению, написал стихами поэму «Андрей Переяславский»—произведение, не стоющее критики и отвергнутое самим автором, но местами блещущее искорками поэтическаго чувства.

Мы уже говорили о поэтическом достоинстве черкесских пьесн, переведенных в «Аммалат-Беке».

И вот мы кончили наш разбор произведений Марлинскаго: вывести результат из всего сказаннаго нами о нем, как о писателе, предоставляем нашим читателям. Мы говорили откровенно и прямо, sine ira et studio; но пояснять больше не будем, «чтоб гусей не раздразнить»,— а гуси как слышно, уже и без того на нас сердятся за то, что мы видим божий свет не в одном болоте, с муравчатым бережком, на котором они так шумно пасутся всю жизнь свою и добывают себе обычную пищу.

---

1. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

1. РУССКІЯ КНИГИ,

ИЗДАННЫЯ ВЪ ТЕЧЕНІЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ ЯНВАРЯ И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ ФЕВРАЛЯ МѢСЯЦА.

36) Конёкъ-Горбунокъ, *русская сказка, сочиненіе* П. Ершова. *Въ III частяхъ.* Изданіе второе. *Москва. Въ тип. Степанова.* 1840. *Въ 8-ю д. л. 120 стр.*

«Ужъ эти намъ поэты!...» Читаешь, читаешь и не надивишься. Вотъ это какія чудеса придумалъ человѣкъ! Вы помните сказки Пушкина? Вѣрно вы не разъ наслаждались этими игривыми, наивно-граціозными созданіями нашего геніальнаго поэта. Въ его сказкахъ вашъ слухъ прельщался гармоническимъ языкомъ; въ нихъ фантазія народная высказывалась въ прекрасныхъ, живыхъ образахъ, а не въ уродливыхъ представленіяхъ, въ милыхъ выраженіяхъ, а не въ словахъ, которыя вы ежедневно можете услышать передъ «зданіемъ, украшеннымъ ёлкою». Вспомните «Сказку о спящей Царевнѣ и о Семи Богатыряхъ». Какъ естественна завистливая, тщеславная царица, разговаривающая съ зеркальцемъ и слышащая, что есть въ мірѣ женщина ея красивѣе! Какъ хорошъ разговоръ жениха, разспрашивающаго объ утраченной невѣстѣ у солнца, у мѣсяца, у вѣтра, и какъ хороша эта природа, къ которой онъ обращается! Не можемъ удержаться, чтобы не выписать хотя нѣсколько стишковъ:

Елисей, не унывая,
Къ вѣтру кинулся, взывая:
Вѣтеръ, вѣтеръ! ты могучъ,
Ты гоняешь стаи тучъ,
Ты волнуешь сине море,
Всюду вѣешь на просторѣ,
Не боишься никого,
Кромѣ Бога одного!
Аль откажешь мнѣ въ отвѣтѣ?
Не видалъ ли гдѣ на свѣтѣ
Ты царевны молодой?
Я женихъ ея...

Какъ просто это слово: «я женихъ ея», и сколько тоски въ немъ! А какъ хороша пробуждающаяся царевна и ея нарѣченные братья, эти семь богатырей, истинно-Русскіе, мощные, спокойные! Тутъ языкъ народенъ, но не тривіаленъ, шутка милая, но не плоскость; міръ фантастическій имѣетъ свою естественность; люди всѣ живые; движутся, страдаютъ, сердятся, и притомъ всѣ они люди русскіе; «человѣческое» ярко выразилось въ «національномъ»; — вездѣ видна рука художника.

Но, къ-несчастію, Пушкинъ всегда пилъ горькую чашу отъ своихъ подражателей. Его выстраданный стихъ превратился у нихъ въ жестоко-тоскливую мизантропію, его народная сказка въ рифмованныя нелѣпости, выѣзжающія на площадныхъ выраженіяхъ. Да помилуйте, ради Бога, не уже ли народ-

ность состоитъ въ томъ, чтобы говорить по-мужицки? Послѣ этого высочайшая бы народность заключалась въ томъ, чтобъ вывести на сцену двухъ мужиковъ, ругающихся площадною бранью... Не уже ли авторъ, начавшій разсказъ отъ сивки и бурки и вѣщаго коурки, и кончившій тѣмъ, что онъ медъ и пиво пилъ, по усамъ текло, въ ротъ не попало,—можетъ думать, что онъ сдѣлалъ все,—что этимъ-то и стала его сказка народною? Нѣтъ! не такою является сказка Пушкина. Онъ не считаетъ ея за шутку, которую можно писать съ грѣхомъ пополамъ, болтая всякій вздоръ и оскорбляя русское ухо. Въ Пушкинѣ былъ живъ-духъ народный; вотъ отъ-чего онъ и могъ легко сдружиться съ формою народной сказки, не прибѣгая къ повторенію уличнаго идіома; вотъ отъ-чего вымыслъ въ его сказкѣ граціозенъ и вмѣстѣ народенъ, а не рядъ нелѣпостей, изъ которыхъ иногда нельзя составить себѣ представленія.

Что̀ за вымыселъ, на-примѣръ, въ лежащемъ передъ нами «Конькѣ-Горбункѣ»? Мы подозрѣваемъ, что онъ вотъ какъ составился: сначала, какъ должно, авторъ разсказалъ, что жилъ-былъ отецъ, у него было три сына, двое умныхъ, третій дуракъ, а тамъ и пошло и пошло, стихъ за стихомъ, рифма за рифмой; ужь бѣдный конёкъ скакалъ, скакалъ, и по землѣ, и по песку, и по небу (!), наконецъ сдѣлалъ дурака умнымъ, женилъ, пиръ начался, и сказка составилась. Не вѣрите, читатель? Вотъ вамъ примѣры. Рифма *морей*—ну, *сельдей!* Дѣло, на-примѣръ, идетъ о томъ, чтобъ сундучокъ стащить со дна; разумѣется, логически-вѣрно, что слабое существо большой тяжести не подниметъ, а сельди, извѣстное дѣло, народъ малосильный, —ну, и не подняли; надо было, не *тратя словъ, кликнуть осетровъ*, а сказка между-тѣмъ идетъ своимъ чередомъ. Дураку велитъ царь-дѣвица поклониться ея родным: надо же ему *узнать*,

Кто же братецъ, кто же *мать*,

и выходитъ мать ея — *мѣсяцъ*. Странное дѣло! ужь ему гораздо было бы простительнѣе быть отцомъ! Да къ-тому же отецъ г-жи Мѣсяцъ также мѣсяцъ: отсюда она называется *мѣсяцъ мѣсяцовичъ* и величаетъ дурака «Иванушка *Петровичъ*...» Словомъ, рифма является полководцемъ и развиваетъ передъ вами всѣ произшествія. Но, къ-несчастію, она не всегда разбираетъ, правильно или неправильно она ставится: «хо̀дилъ» вмѣсто «ходѝлъ» и «кѝту» вмѣсто «киту̀»—для нея ничего не значитъ. Впрочемъ, вотъ одинъ изъ лучшихъ примѣровъ изящности языка:

Мѣсяцъ ровно также *свѣтилъ*,
Я порядкомъ не примѣтилъ.
Вдругъ приходитъ дьяволъ самъ
Съ бородою и съ *усамъ*;
Рожа словно какъ у кошки,
А глаза такъ что те ложки (стр. 15)

Что̀ же касается до подобныхъ фразъ, то откровенно признаемся, что не понимаемъ:

То есть я изъ огорода
Стану царской воевода (стр. 34)

какъ это сдѣлаться изъ «огорода» — воеводой? не понимаемъ, точно такъ же, какъ не понимаемъ, ка̀къ можно *смотрѣть сквозь рукавицу* (стр. 11), и какъ ёршъ становится на колѣни (стр. 102), хотя это и очень-мило.—Хотите еще что-нибудь милое? извольте. У дурака есть кони съ алмазными копытами, обитыми жемчугомъ,

И подъ пѣсню дурака
Кони пляшутъ трепака;
А конекъ его горбатко
Такъ и ломится въ присядку
Къ удивленью людямъ всѣмъ.

И подлинно, что къ удивленью! Въ самомъ-дѣлѣ, господа, изгоните изъ фантастическаго естественность, возможность, — ужь то-то раздолье будетъ! пиши что̀ хочешь, ни на что не наткнешься, все сбыточное дѣло!

А между-тѣмъ у г. Ершова проглядываетъ и истинно-смѣшное: земскій судъ у рыбъ, городничій — сорвутъ невольную улыбку, такъ же какъ и ёршъ, который не можетъ не додраться съ карасемъ, и говоритъ:

Разпроклятый тотъ карась
Поносилъ меня вчерась,
При честномъ при всемъ собраньи,
Басурманской разной бранью (стр. 101).

Оно, если хотите, глупо-смѣшно, но все же смѣшно. И все же мы должны поставить произведеніе г. Ершова несравненно выше какой-нибудь «Сказки о Нилѣ Царевичѣ и Ивашкѣ бѣлой рубашкѣ» г. Бахтурина, или «Ко̀лдунъ и его Дѣти» г. Мартынова. Удивляемся только одному: ка̀къ этотъ «Горбатко» могъ доскакать до втораго изданія!

37) Сочиненія въ Стихахъ и Прозѣ гр. С. Ѳ. Толстой. *Переводъ съ нѣмецкаго и англійскаго. Часть вторая: Отрывки. Москва. Въ Университетской тип.* 1839. *Въ 8-ю д. л.* 194 *стр.*

Вотъ уже и вторая часть произведеній Сарры Толстой, произведеній, представляющихъ неслыханное и невиданное доселѣ явленіе въ нашей литературѣ, — и что̀ же? ни одинъ еще журналъ, кромѣ нашего, не извѣстилъ о немъ публики. Чѣмъ объяснить это сонное, апатическое состояніе нашихъ журналовъ? Но оставимъ ихъ: этотъ вопросъ не сто̀итъ того, чтобъ имъ долго заниматься. Читатели, можетъ-быть, еще помнятъ нашъ отзывъ объ этомъ чудномъ, объ этомъ свѣтломъ проявленіи глубокаго и прекраснаго таланта. Такое открытіе должно быть праздникомъ для всѣхъ, кому оно доступно, даже по причинѣ самой его необыкновенности. Тайны существа женщины, его святыня, — обыкновенно раскрываются скромно, неслышно и невидно для толпы, въ тиши семейнаго круга, и наслажденіе ими предоставляется только для немногихъ, имѣющихъ непосредственныя права на это наслажденіе. Выйди женщина изъ сферы домашней или вообще частной жизни, выйди она въ сферу общественныхъ дѣйствій, на видъ для толпы, для публики — она утратитъ интересъ женщины, совлечется своей женственной прелести, она можетъ обращать на себя вниманіе, возбуждать къ себѣ удивленіе, — но это вниманіе и это удивленіе будетъ видѣть въ ней не женщину, будетъ проникать не въ тайны ея существа, а во внѣшнія ея дѣйствія. Вся прелесть женщины заключается въ непосредственномъ ея вліяніи, въ ея личности; въ публичной же сферѣ могутъ быть видимы только внѣшнія проявленія, чисто-внѣшнія дѣйствія. Надобно, чтобы необыкновенный случай могъ раскрыть для общаго созерцанія внутренній міръ женщины, ея личность, тайну ея призванія и чарующей силы. Такому необыкновенному случаю обязаны мы чудными откровеніями Сарры; она какъ-будто и родилась только для этого назначенія: она не успѣла еще жить для самой-себя, на радость окружающихъ ее: она разсталась съ жизнію на 17 году; но, одаренная дивною силою духа, она успѣла однакожь въ краткія мгновенія своего земнаго поприща извѣдать *внутри* себя все богатство ощущеній жизни, и, влекомая неодолимою потребностію, безъ всякой другой цѣли, кромѣ облегченія себя отъ тяготящей полноты этихъ ощущеній, ненаходившихъ

для себя внѣшняго проявленія, запечатлѣла ихъ въ безъискусственныхъ стихотвореніяхъ, и такимъ-образомъ содѣлала общимъ достояніемъ. Было бы грѣшно не воспользоваться этимъ необыкновеннымъ случаемъ, не обратить на это явленіе вниманія нашей публики, не отдать ему всѣхъ литературныхъ почестей. Вотъ причины, по которымъ мы не хотимъ удовольствоваться однимъ краткимъ библіографическимъ извѣщеніемъ, и даемъ обѣщаніе представить, въ слѣдующихъ книжкахъ нашего журнала, въ отдѣлѣ критики, полный и подробный отчетъ объ этомъ явленіи.

38) Женщина XIX столѣтія. *Романъ. Сочиненіе* Закамскаго. *Москва. Въ тип. Н. Степанова.* 1839. *Въ 12-ю д. л. Двѣ части: Въ I-й* — 268, *во II-й* — 310 *стр.*

Романъ... а скажите, что сталось у насъ въ послѣднее время съ романомъ? — Мы не говоримъ о томъ, чѣмъ бы долженъ быть романъ въ наше время, мы спрашиваемъ только: то ли теперь романъ у насъ, что былъ онъ назадъ тому лѣтъ пятьдесятъ (не болѣе)? Вы замѣчаете, что съ нѣкотораго времени романы у насъ значительно поумнѣли?... Вотъ то-то и есть, что поумнѣли, то-есть, говоря просто, взялись не за свое дѣло. Бывало, пятьдесятъ лѣтъ назадъ, романъ безъ дальнихъ претензій начнетъ разсказывать вамъ какую-нибудь занимательную исторію или сказку, подробно опишетъ какъ было все дѣло и что при этомъ случаѣ говорили, и, не пускаясь ни въ какія разсужденія, мало-по-малу приведетъ васъ, безъ малѣйшихъ остановокъ, къ вожделѣнному концу; прочтешь романъ — въ головѣ пусто, на сердцѣ также, но за то какъ-то не чувствуешь большой скуки и не жалѣешь много о потерянномъ времени. — Нынѣ не то: нынѣ романистъ хозяйничаетъ въ своемъ романѣ какъ у себя въ домѣ, не отпускаетъ васъ ни на шагъ отъ себя, едва позволитъ другимъ сказать нѣсколько словъ и потомъ снова начинаетъ душить васъ своею умною, разсудительною бесѣдою. Иногда съ перваго взгляда, т. е. первыхъ страницъ романа, кажется, что вы приглашены на балъ, составленный изъ людей довольно порядочныхъ, съ которыми можно бы провести время безъ скуки; но очарованіе скоро исчезаетъ: вы тотчасъ замѣчаете, что о вашемъ удовольствіи здѣсь вовсе не думаютъ, и если не оставите заблаговременно этого бала, т. е. не бросите романа, то вамъ прійдется выслушать нѣсколько длинныхъ-предлинныхъ разсужденій и поученій, изъ которыхъ, можетъ-быть, получите очень-ясныя понятія о домашнихъ обстоятельствахъ хозяина, то-есть автора, соберете достаточныя свѣдѣнія о его образѣ мыслей, мнѣніяхъ, взглядѣ на жизнь и т. п., узнаете, что онъ думаетъ о счастіи и несчастіи, жизни и смерти, снахъ и предчувствіяхъ, любви и ненависти, но за то вѣрно познакомитесь со скукою, и долго-долго будете помнить этотъ несносный, утомительный вечеръ, который вы провели на этомъ балѣ, т. е. за чтеніемъ этого романа. Да, въ наше время романъ много утратилъ своей прежней простоты и занимательности; онъ точно поднялся на нѣсколько градусовъ выше и, — обратился въ депо или складочный магазинъ всего умственнаго достоянія автора, всѣхъ его мыслей, воспоминаній, представленій, понятій и прочая, и уже не столько разсказываетъ, сколько поучаетъ... Нѣкоторыя изъ этихъ поученій, правда, бываютъ довольно-недурны, но всѣ безъ исключенія имѣютъ удивительную сво-

собность — наводить продолжительную зѣвоту. И надобно еще замѣтить, что почтенные наши романисты, вставляя въ ткань романа разныя постороннія фантазіи, ни мало не думають вредить этимъ своему творенію; напротивъ, достолюбезность ихъ въ этомъ отношеніи простирается до такой степени, что напичкать романъ à-propos, т. е. неумѣстными разсужденіями собственнаго изобрѣтенія значить, по ихъ мнѣнію, придать роману особенную важность, особенное достоинство, которое должно возвысить его въ глазахъ всякаго читателя. Можно бы даже указать нѣсколько именитыхъ русскихъ романовъ, вышедшихъ въ послѣднее время, которые, кажется, для того только сочинены и изданы, чтобы подъ широкимъ плащомъ романиста автору удобнѣе было представить на судъ почтеннѣйшей публики свои глубокія мысли на-счетъ того и другаго... Жалкая же участь досталась на долю русскаго романа!...

Признаемся — принимаясь за романъ г. Закамскаго, мы были нѣсколько предубѣждены въ его пользу, и ужь невиноваты, если намъ пришлось послѣ того высказать всѣ эти замѣчанія. Насъ располагали въ пользу новаго романа, во-первыхъ, самая наружность книги, изданной прекрасно, даже роскошно, — такъ, какъ издаются очень - немногія книги въ Москвѣ; во-вторыхъ, самыя лица, дѣйствующія въ романѣ, которыя какъ занимательностію своего положенія, такъ и счастливою игрою характеровъ сначала возбуждаютъ къ себѣ участіе со стороны читателей. Но едва эти лица привязали къ себѣ наше вниманіе, какъ авторъ самъ постарался погубить свои довольно-счастливыя созданія, устранивъ ихъ со сцены дѣйствія и заслонивъ собою или своими представителями, которые, кажется, для-того только являются въ романѣ и ведутъ обширныя, нескончаемыя словопренія, чтобы сообщить читателямъ точку зрѣнія автора на разные предметы. Правда, эти лица, которыя съ перваго раза возбудили ваше вниманіе, являются еще нѣсколько разъ въ-продолженіе романа и, по предположенію автора, все еще должны составлять главный интересъ произведенія; но пока авторъ водилъ васъ за кулисы и разкладывалъ передъ вами великіе результаты своего глубокомыслія или начитанности, вы совершенно потеряли изъ вида эти сначала довольно-живые образы и, встрѣтившись съ ними снова, поневолѣ отвѣчаете имъ одною холодностію. Это даже не лица, а блѣдныя тѣни, едва - сохранившія подобіе прежней выразительности; вы разстаетесь съ ними легко и равнодушно, когда они сходятъ со сцены дѣйствія, и забываете о нихъ, какъ-будто-бы ихъ и вовсе не было. Впрочемъ, какъ увидимъ послѣ, авторъ наконецъ и самъ уже не знаетъ, что съ ними дѣлать, и прибѣгаетъ къ самымъ отчаяннымъ мѣрамъ, чтобы только сбыть ихъ съ рукъ... А между-тѣмъ вы прочитываете цѣлый романъ, и въ результатѣ получаете — одно утомленіе, естественное и необходимое слѣдствіе пустоты и безсмысленности содержанія. — Но, какъ бы то ни было, мы должны познакомить читателей съ этимъ содержаніемъ.

Капитанъ (кажется, капитанъ?) Зоринъ, очень-милый молодой человѣкъ, немножко философъ, а больше мечтатель, и притомъ страстный обожатель Шиллера, командированъ изъ Старой Руссы на шесть мѣсяцевъ въ Москву. Одинъ шагъ человѣка съ такимъ сердцемъ и съ такою головою въ боль-

ной столицѣ — и онъ уже влюбленъ; съ Зоринымъ такъ и случилось: онъ увидѣлъ Адель, дочь Лидиныхъ, прекрасную дѣвушку, съ черными кудрями, съ черными глазами, и полюбилъ ее всею силою страсти. Принятый въ домъ Лидиныхъ, онъ слѣдуетъ за каждымъ движеніемъ Адели и наконецъ убѣждается въ ея расположеніи, даже любви къ нему. Но это заблужденіе: Адель давно уже любитъ графа Валентини, Итальянца, который съ нѣкотораго времени живетъ въ Москвѣ и принятъ въ лучшихъ домахъ, и только уступая его странному желанію, показываетъ Зорину видъ, что она неравнодушна къ нему. Обманутый Зоринъ открыто проситъ руки Адели; добрый Лидинъ, который отъ души полюбилъ Зорина, самъ берется передать это предложеніе женѣ, и вдругъ встрѣчаетъ самый жестокій отпоръ... Надобно замѣтить, что Лидинъ, по своей излишней скромности, весь находится въ повелѣніяхъ своей дражайшей половины, которая изъ видовъ держитъ сторону графа. Итакъ положено отказать Зорину. Но — приходитъ графъ Валентини и настоятельно требуетъ отъ Адели, чтобы она всѣми силами старалась поддержать обманъ и даже обѣщала Зорину руку, въ случаѣ, если бы онъ сталъ просить ея; честолюбіе Лидиной онъ умѣлъ въ то же время успокоить мнимыми связями Зорина и блестящею карьерою, которая будто-бы открывается ему по службѣ. Лидина взяла все это во вниманіе, перемѣнила свое рѣшеніе и передъ отъѣздомъ Зорина изъ Москвы положила дать въ честь его прощальный вечеръ. Этотъ вечеръ превзошелъ всѣ надежды ослѣпленнаго Зорина: Лидина обѣщала ему руку Адели, какъ скоро онъ возвратится въ Москву; Адель обѣщала ему свое сердце и до времени не отказывалась даже тайно переписываться съ нимъ... Въ упоеніи восторга неосторожный Зоринъ высказалъ Адели тайну, что онъ немедленно долженъ отправиться — не въ Русу, а въ походъ противъ Польши. Валентини узнаётъ объ этомъ отъ Адели и тотчасъ скрывается съ бала (въ запискѣ къ Адели онъ говоритъ, что дѣла отзываютъ его въ Италію). На другой день Зоринъ уѣзжаетъ изъ Москвы, унося съ собою сладкія мечты и блестящія надежды; о немъ, разумѣется, тотчасъ забываютъ, но въ одномъ сердцѣ, почти-незамѣченномъ Зоринымъ, глубоко заронился образъ его: это подруга Адели, Вѣринька Мирославская, которая любитъ Зорина тайно и безнадежно... Пока, какъ видите, дѣло идетъ очень-порядочно.

Послѣ того, авторъ переноситъ васъ въ Польшу. Мы не будемъ слѣдовать за нимъ по всѣмъ мѣстамъ и мѣстечкамъ, по которымъ ему угодно въ-продолженіе цѣлой кампаніи таскать своихъ героевъ для-того только, чтобы имѣть случай написать подробную картину каждаго изъ этихъ мѣстечекъ, отличающихся преимущественно обиліемъ грязи. Но кто же эти герои? — Во-первыхъ, самъ Зоринъ; во-вторыхъ, полковникъ Владиславлевъ, отъявленный врагъ женщинъ и усердный поклонникъ философіи и математики (что впрочемъ очень трудно замѣтить изъ рѣчей самого полковника); наконецъ, въ-третьихъ, ротмистръ Красницкій, записной рубака, пьяница и волокита. Зоринъ постоянно находится въ обществѣ этихъ пріятелей и постоянно споритъ до слезъ съ полковникомъ Владиславлевымъ, который не вѣритъ женщинамъ вообще и любви Адели къ Зорину въ-особенности. Между-

тѣмъ, Зоринъ безпрестанно получаетъ новыя доказательства этой любви, т. е. пламенныя письма Адели, которыя ему передаетъ какой-то таинственный Жидъ. Впрочемъ и увѣренность Зорина начинаетъ колебаться: лицо Жида становится ему подозрительнымъ; онъ теряется въ догадкахъ, старается припомнить, и наконецъ останавливается на мысли о графѣ Валентини. Черезъ нѣсколько времени, мнимый Жидъ спасаетъ Зорину жизнь или честь, предостерегая его отъ плѣна, а Владиславлевъ почти въ то же время подаетъ своему другу письмо, писанное имъ къ Адели, которое какъ-то попало въ руки къ генералу. Пошла путаница! — Подозрѣнія Зорина усиливаются. Чтобы угодить другу, Красницкій захватываетъ Жида и приводитъ его къ Зорину: оказывается, что Жидъ въ-самомъ-дѣлѣ не кто иной, какъ таинственный графъ Валентини. Въ разговорѣ съ Зоринымъ онъ сбрасываетъ съ себя маску и торжественно объявляетъ, что законъ и совѣсть для него не существуютъ, и что стихія его—ненависть къ людямъ, а лозунгъ — разрушеніе! . . Наконецъ, какъ истинный бѣсъ-изкуситель, чтобы заманить Зорина въ свои сѣти, онъ говоритъ, что любовь Адели и слѣдственно судьба Зорина — въ его рукахъ. Но Зоринъ остается твердъ, отвергаетъ его посредничество и, чтобы скорѣе развязаться съ такимъ опаснымъ пріятелемъ, отпускаетъ его на волю. Вскорѣ послѣ того Зоринъ получаетъ, уже черезъ генерала, письмо отъ Адели, которая пишетъ ему о смерти Вѣриньки Мирославской, а черезъ нѣсколько времени другое, въ которомъ его извѣщаютъ изъ Петербурга, что Лидинъ умеръ въ Италіи отъ горячки. — Какъ же все это случилось?

Пока Зоринъ справлялся въ Польшѣ съ таинственнымъ Жидомъ и съ своими упрямыми друзьями, въ Москвѣ произходило вотъ что̀: Адель, послѣ нечаяннаго отъѣзда Валентини, начала скучать, сохнуть и проситься въ Италію — для излеченія; почтенная ея матушка отъ нечего-дѣлать вздумала сватать жениха Вѣринькѣ Мирославской; а какъ Вѣринька любила уже Зорина то вышли сцены, которыя кончились тѣмъ, что Лидина поссорилась съ старикомъ Мирославскимъ, горячо-любившимъ дочь свою, и что наконецъ Мирославскій отъ сильныхъ потрясеній слегъ въ постель и умеръ, оставивъ Вѣриньку круглою сиротою. Лидина долго еще продолжала враждовать противъ Вѣриньки, но, уступая просьбамъ Адели, наконецъ примирилась съ нею и даже взяла съ собою въ Италію. — Въ Италію же онѣ поѣхали ужь Богъ-вѣсть за чѣмъ, потому-что Адель изъ писемъ Зорина очень-хорошо знала, что Валентини не въ Италіи, а въ Польшѣ; но, можетъ-быть, автору нуженъ былъ такой случай для-того, чтобы поводить насъ по Неаполю, который, какъ по всему видно, очень-знакомъ ему? . . . И что за дѣло! въ Италію, такъ въ Италію. — Лидинъ, какъ ненужный человѣкъ, вскорѣ по пріѣздѣ въ Италію, умеръ, что уже вамъ и извѣстно. Остались Лидина, Адель и Вѣринька. Но Вѣринька очевидно становится также лишнею, не смотря на то, что характеръ этой дѣвушки одинъ изъ самыхъ удачныхъ въ романѣ: что̀ же теперь дѣлать съ нею?—А вотъ, является въ Неаполѣ Валентини, встрѣчается съ Лидиными и тотчасъ подаетъ Вѣринькѣ листокъ «Инвали-

да», въ которомъ упоминается имя убитаго однофамильца Зорина... Вѣринька не вынесла и умерла. Авторъ также совершенно сбился съ толка. Между Валентини и Аделью начинаются сцены; Валентини, въ качествѣ безбожника, отвергающаго законъ и совѣсть (впрочемъ онъ, видите, всегда стоитъ за слабую сторону — вотъ что̀ и побудило его ѣхать въ Польшу), безъ жалости грабитъ Адель, — Адель съ своей стороны жертвуетъ ему всѣмъ и даже крадетъ у матери послѣдніе алмазы. Наконецъ Валентини затащилъ ее въ свою берлогу, гдѣ Адели готовилась смерть, и требовалъ, чтобы она сняла съ себя крестъ. Адель устояла противъ искушенія и — о чудо! — съ этой минуты Валентини становится самымъ набожнымъ человѣкомъ. Сдѣлавъ это доброе дѣло, Адель съ матерью возвращается на родину. — Въ Россіи новыя удивительныя приключенія: другъ Зорина, Владиславлевъ, какъ нарочно встрѣчается съ Аделью и тотчасъ влюбляется въ нее, нимало не подозрѣвая, что это та самая Адель, о которой цѣлый годъ напѣвалъ ему Зоринъ; этого мало: онъ пишетъ объ Адели къ Зорину, а тотъ опять не понимаетъ, что эта Адель и есть его невѣста... Чудеса да и только! Между-тѣмъ Владиславлевъ проситъ руки Адели, Лидина уже согласна; но вдругъ является Зоринъ и вызываетъ соперника на поединокъ. Впрочемъ, дуэль обошлась очень-счастливо; досталось Богъ знаетъ за что̀ одному Красницкому, который какъ-то тутъ подвернулся подъ пулю. — Валентини еще разъ является въ Россіи уже нищимъ и скоро умираетъ на рукахъ Адели. Адель удаляется въ монастырь и пишетъ оттуда жалостное письмо къ Зорину, который посылаетъ его прочесть Владиславлеву, и прочія образцовыя нелѣпости, которыя доказываютъ, что иногда можно начать за здравіе, а свести — за упокой. Вотъ почему мы и почли долгомъ разсказать подробно содержаніе «Женщины XIX столѣтія», которая, впрочемъ, могла бы жить и въ XVII-мъ и въ XVIII-мъ. На этой канвѣ авторъ постарался нашить тѣ фигурные и хитрые узоры изъ глубокомысленныхъ разсужденій и разныхъ поэтическихъ фантазій собственнаго изобрѣтенія, о которыхъ мы говорили въ началѣ статьи. И, Боже мой, чего только нѣтъ въ романѣ г. Закамскаго! И страшныя картины кровопролитнаго боя вообще, и мысли о Шекспирѣ и Шиллерѣ, и описанія разныхъ городовъ, мѣстечекъ и садовъ, и психологическія разсужденія о любви женщинъ и мужчинъ, и о томъ, какъ незавидно у насъ состояніе первыхъ, и изображеніе страшной судьбы Помпеи, и мысли о мечтахъ, и наконецъ стихи въ прозѣ, — да, стихи въ прозѣ, или проза въ стихахъ, изъ которыхъ и выписываемъ нѣсколько для вящшаго наслажденія читателей: «Но что̀ же въ природѣ на голосъ души отзовется? И что мнѣ родное по сердцу? — То черныя очи. — Прекрасны какъ небо, глубоки какъ море (Помнится, это прямо изъ Марлинскаго). Въ нихъ взоръ устремивши, границъ не отъищешь блаженства. — Высокія думы, кипящія чувства подъ темнымъ покровомъ таятся. — Проникните глубже — откроете душу; она ваше сердце восторгомъ любови наполнитъ!» (Ч. II, стр. 128—29). Что̀ за удивительная прозо-поэзія!

39) Прекрасный Молодой Человѣкъ. *Романъ* Поль-де-Кока. *С. П.-бургъ.* 1840. *Въ тип. К. Вингебера.*

Въ 12-ю д. л. Четыре части. Въ I-й — —141, во II-й—144, въ III-й—151, въ IV-й —147. Съ портретомъ автора, и съ эпиграфомъ: «Nous plaisons plus souvent, dans le commerce de la vie, par nos défauts, que par nos bonnes qualités».

«Прекрасный Молодой Человѣкъ» презанимательный романъ талантливаго парижскаго разскащика, добраго Поль-де-Кока, этого истиннаго Гомера гризетокъ и добрыхъ-малыхъ. Въ последнемъ, т. е. въ новѣйшемъ своемъ произведеніи, Поль-де-Кокъ остался вѣренъ самому-себѣ: въ этомъ романѣ, какъ и въ прежнихъ, то же добродушіе, тотъ же веселый взглядъ на жизнь, то же умѣніе основать интересную интригу на игрѣ характеровъ, завязать и разпутать ее къ удовольствію своихъ читателей; мѣстами тѣ же сальности, списанныя съ натуры; мѣстами то же чувство, обличающее человѣческую душу, уважающую все доброе, а на всё злое смотрящую сквозь пальцы, какъ на слабости. Вообще, талантъ Поль-де-Кока не подлежитъ никакому сомнѣнію, и мы, право, не понимаемъ, чѣмъ онъ ниже препрославленныхъ господъ—Виктора Гюго, Бальзака, Эжена Сю, Александра Дюма, Жакоба Библіофила, Жоржа Занда и другихъ. По нашему мнѣнію, онъ еще и выше ихъ, потому-что на его сторонѣ два великія преимущества передъ ними: тѣ упали въ своей цѣнѣ, а онъ отъ-часа больше и больше дорожаетъ; тѣ натягиваются, приписываютъ себѣ сатаническія страсти и мефистофелевское разочарованіе, клевещутъ на человѣческую природу, каннибальствуютъ и мясничествуютъ, словомъ, выдумываютъ и сочиняютъ свою дѣйствительность, ложную и возмутительную, — а онъ, этотъ добрый Поль-де-Кокъ, смиренно и безъ всякихъ претензій, держится обѣими руками за тотъ маленькій уголокъ дѣйствительности, который не выходитъ за тѣсный кругозоръ его близорукаго взгляда; онъ пишетъ о томъ, что есть и бываетъ. Характеромъ своего таланта онъ очень напоминаетъ русскаго барона Брамбеуса. Это сходство особенно поразительно въ описаніи смѣшныхъ, т. е. «забавныхъ» положеній извѣстнаго рода: сличите всѣ смѣшныя сцены въ романахъ Поль-де-Кока, на-примѣръ, съ сценою въ «Фантастическихъ Путешествіяхъ», въ которой герой *этихъ* путешествій проваливается сквозь Этну и вязнетъ въ . . . не помнимъ, въ чемъ — справьтесь сами. Надо сказать, что Поль-де-Кокъ, какъ плебей, не столь заносчивъ, какъ баронъ: онъ не пускается въ ученость и не остритъ надъ Шампольйонами и Кювье, помня пословицу: «знай сверчокъ свой шестокъ». . .

Переводъ «Прекраснаго Молодаго Человѣка» очень-недуренъ. При первой части приложенъ портретъ *будто-бы* Поль-де-Кока во весь ростъ: какая-то препошлая и преглупая фигура.

40) Библіотека Избранныхъ Романовъ и Повѣстей, и любопытнѣйшихъ Путешествій, *издаваемая книгопродавцемъ* Н. Н. Улитинымъ. *Томъ 19—23. Рейнскіе Пилигриммы. 4 части. Москва. Въ тип. Н. Степанова. Въ 12-ю д. л. Въ 1-й части 130, во 2-й 142, въ 3-й 120, въ 4-й 131 стр.*

Лучше поздно, нежели никогда: лучше что-нибудь, нежели ничего. Девятнадцатый, двадцатый, двадцать-первый, двадцать-второй, двадцать-третій, даже двадцать - четвертый томы *Библіотеки* должны были выйдти въ 1837 году — и выходятъ въ 1840. Что за важность? Разница въ двухъ годахъ съ

чѣмъ-то: много ли значатъ два года съ чѣмъ-то предъ вѣчностью? Въ «Библіотекѣ» должны бы помѣщаться новые романы, новыя повѣсти, любопытнѣйшія путешествія — и помѣщаются *Рейнскіе Пилигриммы*, Больвера, давно уже узрѣвшіе свѣтъ... Что за важность? вспомните, что «Рейнскіе Пилигриммы» соединяютъ въ себѣ и романъ, и повѣсть, и путешествіе. Дѣйствующія лица путешествуютъ для возстановленія здоровья Гертруды: вотъ вамъ путешествіе. Путешествуя, они разсказываютъ повѣсти — вотъ вамъ повѣсти. Эти повѣсти, вмѣстѣ взятыя, образуютъ одно цѣлое — вотъ вамъ и романъ. *Томъ* 19—23 показываетъ намъ, что въ немъ соединены *пять* частей, а въ «Рейнскихъ Пилигриммахъ»—только четыре: что за важность? Старые долги платятся нерѣдко по 10 коп. за рубль. Говорятъ также, что и бумага, и печать, и все... мало ли что говорятъ, почтенные читатели? *On dit* est toujours un sot...

41) **Библіотека избранныхъ Романовъ, Повѣстей и любопытнѣйшихъ Путешествій.** *Издаваемая книгопродавцемъ* Н. Н. Улитинымъ. *Предпослѣднее странствованіе Семилассо по свѣту. Сны и существенность. Извлеченіе изъ бумагъ покойника. Сочиненіе князя Пюклеръ-Мускау. Часть четвертая. Европа. Томъ четвертый. Москва. Въ тип. Н. Степанова.* 1839. *Въ 12-ю д. л.* 183 *стр.*

Наконецъ, прихотливо - странный князь Пюклер - Мускау начинаетъ надоѣдать и русской публикѣ, наскучивъ давно публикамъ иностраннымъ. Мы начали перелистывать *четвертую* часть его довольно - пошлыхъ разсказовъ о Европѣ, и остановились на половинѣ 11-й стр.: такая скука, что и Боже упаси! Конечно, «какъ бы незначителенъ ни былъ человѣкъ, но если онъ выраженъ вѣрно, онъ долженъ возбудить любопытство и участіе своихъ братій» (стр. 119), мы съ этимъ почти согласны; но, посудите сами, нынѣ болтовня, завтра болтовня, цѣлые годы болтовня . . . воля ваша, надобно немножко и ума! Намъ и безъ того нѣтъ житья отъ доморощенныхъ пошлостей . . .

42) **Фантастическія Повѣсти и Разсказы.** Барона Брамеуса. (Дженъ - Ферджани). *Санктпетербургъ.* 1840. *Въ тип. Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи. Три части. Въ 12-ю д. л. Въ I-й* — 139, *во II-й* — 139, *въ III-й* — 73 *стр.*

Есть особенный родъ фантастическаго, очень-легкій и вполнѣ-постигнутый тѣми «сочинителями», произведеній которыхъ нельзя найдти ни въ одной книжной лавкѣ, но которыхъ должно искать, въ Петербургѣ, на Щукиномъ Дворѣ, а въ Москвѣ—на Толкучемъ Рынкѣ, и пр. Это фантастическое состоитъ въ отсутствіи всякой связи въ словахъ, всякаго смысла. Вырѣжьте изъ лексикона всѣ слова, такъ, чтобы каждое приходилось на особенной бумажкѣ, перемѣшайте эти бумажки, потомъ перепишите перемѣшанныя слова въ тетрадь — и у васъ выйдетъ фантастическій романъ и фантастическая повѣсть. Но не здѣсь еще конецъ такому фантастическому: чтобы оно пошло въ ходъ, выставьте на вашемъ романѣ какое-нибудь извѣстное имя, на примѣръ, хоть барона Брамбеуса; а если этого, почему бы то ни было, нельзя будетъ сдѣлать, то выкиньте изъ него букву *б* и выйдетъ *Брамеусъ* . . . Таковы фантастическія повѣсти и разсказы барона *Брамеуса*. Въ нихъ дѣйствующія лица — куколки топорной работы и съ ерлычка-

ми на абу, на которыхъ написано: Юлія, Эдуардъ, Валерія, Злобинъ; эти куколки ходятъ съ завязанными глазами и, размахивая руками, зацѣпляются другъ за друга, падаютъ, встаютъ, толкаются, — и это составляетъ содержаніе повѣстей. Хороши повѣсти!

Наружность «Фантастическихъ Повѣстей и Разсказовъ» барона Брамеуса вполнѣ соотвѣтствуетъ своему содержанію: сѣрая обертка, безъ всякаго заглавія, дурная бумага, безграмотная ороографія.

43) Вторникъ на Ѳоминой Недѣлѣ. *Картина-водевиль въ одномъ дѣйствіи.* Н. С. Соколова. *Москва. Въ тип. Лаз. Ин. В. Яз.* 1839. *Въ 12-ю д. л.* 61 *стр.*

Сколько мы помнимъ, г-нъ Н. С. Соколовъ написалъ уже не одинъ водевиль и, какъ кажется, рѣшительно хочетъ быть записнымъ водевилистомъ. Но мы также рѣшительно утверждаемъ, что водевилистомъ ему не бывать, ибо то, что̀ онъ выдаетъ за водевили, совсѣмъ не водевили, а довольно-грязныя сцены, которыя большею частію повершаются тѣмъ, что на сцену являются квартальный и хожалый, и отправляютъ половину дѣйствующихъ лицъ куда слѣдуетъ. Г-нъ Н. С. Соколовъ, можетъ-быть, глубоко посвященъ во всѣ такого рода происшествія и можетъ до тонкости знать малѣйшія ихъ подробности; но это еще никакъ не даетъ ему права выводить своихъ любимыхъ героевъ на сцену театра и называть свои грязныя копіи, хотя бы онѣ и до невѣроятности были сходны съ оригиналами, картинами-водевилями. Ничто также не мѣшаетъ г-ну Н. С. Соколову находить въ происшествіяхъ этого рода очень-много занимательности и даже поэзіи; но во всякомъ случаѣ онъ не долженъ бы такъ много полагаться на свой собственный вкусъ и подчивать другихъ безъ-исключенія всѣмъ, отъ чего онъ самъ способенъ приходить въ возхищеніе. Вообще мы совѣтовали бы ему не забывать стараго правила, suum cuique, и сколько-нибудь щадить слухъ или зрѣніе тѣхъ, которые такъ снизходительны, что ходятъ смотрѣть или читаютъ его оригинальные водвили.

Послѣдній водвиль г-на Н. С. Соколова особенно изобилуетъ тѣми красотами, о которыхъ мы сейчасъ говорили. Дѣйствіе, правда, происходитъ въ магазинѣ, а не на улицѣ, но это все равно, потому-что удивительное искусство автора и самому магазину умѣло придать значеніе и характеръ улицы. Дѣло вотъ въ чемъ: въ магазинѣ Антипа Михайлова есть много залежавшагося товара, который всего легче сбыть въ видѣ остатковъ въ понедѣльникъ на ѳоминой недѣлѣ; но торговля продолжается и во вторникъ. Рано утромъ открывается магазинъ; въ него являются люди всякаго званія. Во-первыхъ, сынъ хозяина съ пріятелемъ своимъ, Косичкинымъ, который приходитъ сюда для наблюденія (мы полагаемъ, что подъ этимъ лицомъ скрывается самъ авторъ). За нимъ — барыня Хапкина и мѣщанка Акулина Ивановна, у которыхъ изъ-за дешевыхъ товаровъ дѣло доходитъ почти до драки. Далѣе входятъ офицеръ и офицерша; эти два лица̀ также скоро покончили тѣмъ, что поссорились за собаку, и какъ офицерша была крикливѣе, то офицеръ принужденъ былъ тотчасъ убираться вонъ. За симъ слѣдуетъ сцена между Катериной Ѳедоровной, женою приказнаго, и Бакевичемъ, уличнымъ повѣсою; они было-назначили здѣсь другъ-другу свиданіе, но нечаянный приходъ приказна-

го помѣшалъ имъ. Итакъ это въ сторону, а между-тѣмъ готова новая сцена — между-опымъ же приказнымъ и горячечною. Во время ихъ дружественной бесѣды начинается страшная тревога; присутствующіе въ магазинѣ кричать во весь ротъ: «позовите хожалаго сюда». Хожалый является и начинаетъ розыскъ; оказывается, что нѣкто г-нъ Рольтъ и коми. успѣлъ «стянуть» съ прилавка нѣсколько платковъ. Всѣ въ ужасномъ негодованіи на г-на Рольта; но такъ-какъ онъ нимало не боится хожалаго, то позвали «офицера» или квартальнаго-надзирателя. Новый судья рѣшаетъ тѣмъ, что г-на Рольта надобно отправить въ «частный домъ»; приговоръ немедленно исполняется, хожалый тащитъ г-на Рольта въ часть, а купцы въ упоеніи радости кричатъ «у, у, у», каковыми укапьями и оканчивается водвиль. Нѣкоторые забавники разсказываютъ, будто этотъ водвиль данъ былъ на московской сценѣ, но мы этому не вѣримъ.

44) Репертуаръ Русскаго Театра, *издаваемый* И. Песоцкимъ. *Санктпетербургъ. Въ тип. А. Плюшара.* 1840. *Книжки* 1 *и* 2, *за генварь и февраль. Въ 8-ю д. л. Въ двѣ колонны. Въ 1-й книжкѣ* — 48, 19, 4, 8 *и* 22, *во II-й* — 24, 20, 12 *и* 15 *стр.*

45) Пантеонъ русскаго и всѣхъ европейскихъ Театровъ. *Часть I. Изданіе книгопродавца* В. Полякова. *Санктпетербургъ. Въ тип. А. Плюшара.* 1840. *Въ 8-ю д. л. Въ* 2 *колонны,* 161 *стр.*

Хотя «Репертуаръ» и «Пантеонъ» принадлежатъ къ повременнымъ и срочнымъ изданіямъ, но ихъ нельзя отнести къ числу журналовъ, потому-что они составляются изъ цѣлыхъ пьесъ одного рода, а не изъ разныхъ статей, невыходящихъ изъ извѣстнаго объема, допускаемаго журналомъ, и не изъ отрывковъ отъ большихъ сочиненій. Театральная хроника, театральные анекдоты, біографіи артистовъ составляютъ не капитальныя статьи этихъ изданій, а изрѣдка, роскошь, чаще же — балластъ: драматическія сочиненія, цѣликомъ печатаемыя, — вотъ ихъ капитальныя статьи. Посему, оба эти изданія отнюдь не журналы, а развѣ *драматическіе альманахи,* срочно и по подпискѣ издаваемые. Въ - слѣдствіе этого, они и могутъ занимать свое мѣсто въ библіографической хроникѣ «Отечественныхъ Записокъ», въ составъ которой не входитъ и никогда не войдетъ обозрѣніе журналовъ, *современныхъ* «Отечест. Запискамъ».

О «Репертуарѣ» много говорить нечего, во-первыхъ, потому-что онъ успѣлъ уже вполнѣ обозначиться въ-теченіи прошлаго года, выполняя, какъ слѣдуетъ, свои обязанности передъ публикою; во-вторыхъ, потому-что содержаніе его составляютъ большею частію водвили домашней работы, т. е. передѣлки изъ французскихъ водвилей, передѣлки, похожія на кушанья, которыя, при переноскѣ изъ чужой кухни, гдѣ готовились, простыли, и разогрѣваются въ своей, другими поварами. Новаго объ этихъ передѣлкахъ сказать ничего нельзя — о нихъ давно уже все сказано. Конечно, въ «Репертуарѣ» помѣщаются и оригинальныя произведенія; но много ли ихъ и чьи они?... Здѣсь опять новаго ничего не скажешь. Поставщики, или — и это будетъ вѣрнѣе — поставщикъ все тотъ же и отличается все тѣми же красотами, которыми всегда отличаются великіе люди на малыя дѣла, и которыя можно впередъ угадать. Итакъ, о водвиляхъ — изрѣдка, когда-нибудь, а те-

перь — ни слова. «Репертуаръ» издается; слѣдовательно, есть охотники до чтенія этого рода произведеній, — и мы не будемъ имъ мѣшать: пусть себѣ тѣшутся. Да оно и хорошо: что бы ни читать, все лучше, чѣмъ ничего не дѣлать, или играть въ карты, что гораздо хуже, чѣмъ ничего не дѣлать. А объ оригинальныхъ... Кстати: во второй книжкѣ «Репертуара» напечатана «Параша Сибирячка» г. Полеваго, имѣвшая такой блестящій успѣхъ на Александринскомъ Театрѣ. Очень-хорошая пьеска; но какъ много перемѣнилась она въ печати, лишенная помощи гг. Каратыгиныхъ, г-жи Асенковой и прекрасныхъ декорацій! Право, съ трудомъ узнаёте ее! Это обыкновенная участь многихъ театральныхъ пьесъ, даже имѣвшихъ на сценѣ большой успѣхъ: водвили наши особенно подвержены этой горькой участи. Посмотрите, напримѣръ, какъ хороша въ представленіи сцена борьбы дочерней любви, колеблющейся между желаніемъ спасти отца и страхомъ разстаться съ нимъ, — та самая сцена, гдѣ подъ чувствительные звуки мелодраматической музыки г. Болле, г. Каратыгинъ влечетъ г-жу Асенкову къ себѣ, а г. Сосницкій къ себѣ. Но, увы! въ печати нѣтъ эффектной музыки г. Болле, а трогательное мелодраматическое дѣйствіе обозначено въ прописи, и потому не производитъ никакого эффекта. Далѣе, все, что ни слышите вы, со сцены, изъ устъ Каратыгина, кажется вамъ такъ сильно, ново, блестяще, а перечитываете — видите что-то очень похожее на обыкновенныя общія мѣста во всѣхъ старинныхъ мелодрамахъ. Но, во всякомъ случаѣ, «Параша Сибирячка» есть лучшая пьеса г. Полеваго, съ которою нейдетъ ни въ какое сравненіе ни его «Уголино», ни «Ужасный Незнакомецъ». Она переложена на сцены изъ такого анекдота, который и самъ-по-себѣ громко говоритъ душѣ и сердцу, — и въ ней уже одна прекрасная цѣль — тронуть публику зрѣлищемъ торжества дочерней любви, — заслуживаетъ уваженіе и благодарность, и извиняетъ недостатки.

Изъ прочихъ статей въ «Репертуарѣ» укажемъ на «Біографію Рязанцева», прекрасно составленную г. Мундтомъ. Обо всемъ остальномъ нельзя ничего сказать ни новаго, ни стараго. Обозрѣнія театровъ въ «Репертуарѣ» давно уже знамениты отсутствіемъ всякаго мнѣнія, удивленіемъ всему и всѣмъ, и развѣ легкими замѣтками насчетъ самыхъ плохоньнихъ, которыхъ, по русской пословицѣ, только лѣнивый не бьетъ, да еще такимъ изложеніемъ, въ которомъ что ни слово, то и общее мѣсто, какъ бы на-прокатъ взятое изъ забытыхъ журнальныхъ рецензій о спектакляхъ. Театральные анекдоты въ «Репертуарѣ» отличаются особенно тѣмъ, что, прочтя ихъ, вы никакъ не угадаете, въ чемъ состоитъ ихъ острота. Есть во 2-й книжкѣ «Репертуара» статья важная, но къ ней мы обратимся, поговоривъ сперва о «Пантеонѣ».

«Пантеонъ» напрасно почитается соперникомъ «Репертуара»: соперники по назначенію своему, они очень разнятся между собою и обширностію плановъ и исполненіемъ. «Пантеонъ» аристократъ передъ «Репертуаромъ»: онъ и толще и объемистѣе его, онъ обѣщаетъ не водвили, но и драмы Шекспира и Кальдерона, не однѣ игранныя на сценѣ пьесы, но и неигранныя. Въ-самомъ-дѣлѣ, говорятъ: мы скоро прочтемъ въ немъ «Бурю», «Коріолана» и другія произведенія Шекспира. Одно уже это заставляетъ

смотрѣть на «Пантеонъ», какъ на нѣчто дѣльное и достойное вниманія публики. Первая его книжка обѣщаетъ въ будущемъ много хорошаго, — въ добрый часъ! Взглянемъ на нее.

Капитальная пьеса въ ней — «Велизарій», чувствительно-эффектная мелодрама въ нѣмецкомъ вкусѣ, мѣстами порядочно - переведенная г. Ободовскимъ. Своимъ успѣхомъ на сценѣ она обязана превосходному таланту г. Каратыгина; но въ чтеніи наводитъ апатическую скуку. Вообще, г. Ободовскій принадлежитъ къ числу лучшихъ нашихъ драматическихъ переводчиковъ, но ему не достаетъ умѣнья выбирать оригиналы для своихъ переводовъ. Равнымъ-образомъ, онъ не мастеръ и передѣлывать ихъ, что необходимо съ произведеніями въ родѣ «Іоанна Герцога Финляндскаго» и «Велизарія», съ которыми, какъ съ произведеніями дюжинными, не слѣдовало бы слишкомъ церемониться. — Несравненно-выше всѣхъ возможныхъ «Велизаріевъ» вторая драматическая пьеса въ «Пантеонѣ» — «Очерки канцелярской жизни и Торжество Добродѣтели», драматическая фантазія г. П. М. Не представляя собою цѣлаго, въ художественномъ значеніи, она обнаруживаетъ въ авторѣ большую наблюдательность и замѣтный талантъ схватывать черты дѣйствительности. Не знаемъ, что выйдетъ изъ этого таланта, но готовы радушно привѣтствовать его, если онъ развернется и не обманетъ ожиданій, возбуждаемыхъ этимъ опытомъ. — «Грѣшница» разсказъ для драмы, есть отрывокъ изъ романа, который, какъ слышно, скоро долженъ выйдти въ свѣтъ. — «Музыка въ Швеціи» и «Шведскій Театръ», коротенькія статейки г-на Штиглица, интересны въ фактическомъ отношеніи. «Исторія баловъ и маскарадовъ», статья редактора «Пантеона», г. Кони, очень-интересная по фактамъ о труппѣ нѣмецкихъ комедіантовъ, прибывшихъ въ Россію при царѣ Алексіи Михаиловичѣ, и о началѣ баловъ и маскарадовъ въ Россіи. Статья эта, кромѣ того, отличается и хорошимъ изложеніемъ; жаль только, что авторъ иногда увлекается излишнимъ желаніемъ блистать остротами, Богъ - знаетъ - почему называя Платона патетическимъ и мокрою курицею (стр. 123), приписывая искусство женщинъ въ притворствѣ знанію языка страстей, которому онѣ будто бы научились изъ грамматики г-на Греча (стр. 124), гдѣ и мужчины не узнаютъ даже просто русскаго языка, котораго законы такъ запутанно и сбивчиво въ ней излагаются, а ужь не только языка страстей, котораго въ ней такъ же мало, какъ и въ романахъ г. Греча. Въ статьяхъ «Закулисная Хроника» и «Панорама всѣхъ возможныхъ Театровъ» много любопытнаго, веселаго и забавнаго, хотя много и балласта.

Чуть - было мы не проглядѣли въ «Пантеонѣ» очень-интересной статьи г. Булгарина «Театральныя Воспоминанія моей Юности», изъ которой мы сперва узнаемъ нѣсколько подробностей о прежнихъ артистахъ петербуржскаго театра, а потомъ видимъ, что *Дидло былъ Байронъ балета* (стр. 81); что «теперь народъ какъ-то мельчаетъ: не видно ни гигантовъ временъ екатерининскихъ, *ни женщинъ съ формами и ростомъ Афродиты-каллипиги* (*) (стр. 88); что въ то время никто не стыдился, какъ нынѣ, *приносить жертвъ Бахусу*, что въ Красномъ Кабачкѣ, въ Жолтенькомъ, въ Екатерингофѣ, на Крестовскомъ Островѣ, происходили настоящія оргіи; что въ

(*) Слово *каллипиги* по-русски никакъ не можетъ быть переведено печатно.

трактирахъ шампанскаго спрашивали не бутылками, какъ нынѣ, а цѣлыми корзинами; вмѣсто чая, молодцы пили пуншъ мертвою чашею; что это имѣло вредное вліяніе на нравы, но что они понимали свое дѣло и къ нимъ шли стихи Крылова:

По мнѣ, такъ лучше пей,
Да дѣло разумѣй! (стр. 89 и 90).

Кромѣ-того, изъ статьи г. Булгарина узнаёмъ, что Воробьевъ былъ большой острякъ, хотя изъ приложенныхъ остротъ никакой остроты не видно: вѣрно, причина этому та, что есть остроты, которыя въ печати теряются и дѣлаются тупыми. Далѣе узнаемъ, что Шекспиръ долженъ быть для нашего вѣка не *образцомъ*, а только *историческимъ памятникомъ* (стр. 91); что если бы явился новый Коцебу, то онъ, г. Булгаринъ, первый *преклонилъ бы передъ нимъ чело* (стр. 92); что Гоголь «Ревизоромъ» доказалъ, что онъ имѣетъ комическій талантъ (и мы то̀ же думаемъ!), и что еслибы Пушкинъ подчинилъ своего «Бориса Годунова» условіямъ сцены, то могъ бы стать наряду съ Шиллеромъ (конечно!); что, наконецъ, г. Полевой (первый въ драматическомъ тріумвиратѣ, состоящемъ изъ него, г. Полеваго, Пушкина и Гоголя) обезоруживаетъ умную критику тѣмъ, что, изъ любви къ литературѣ и жалости къ безплодію драматической почвы, оживляетъ русскую сцену оригинальными произведеніями (стр. 93—95).

«Театральныя воспоминанія моей юности» г. Булгарина, возбудили «Мои Воспоминанія о русскомъ театрѣ и русской драматургіи» г. Полеваго,— и онъ, по обыкновенію, изложилъ ихъ въ «Письмѣ къ Ѳ. В. Булгарину», напечатанномъ въ «Репертуарѣ». *По обыкновенію,* говоримъ мы, ибо, съ нѣкотораго времени, всѣ мнѣнія и возпоминанія г. Полеваго излагаются не иначе, какъ въ письмахъ къ г. Булгарину. Читатели «Отеч. Записокъ» знаютъ уже о письмѣ г. Полеваго къ г. Булгарину, напечатанномъ въ IV № «Сына Отечества» за прошлый (неокончившійся еще *для него*) 1839 годъ. Въ этомъ достопримѣчательномъ письмѣ, г. Полевой прямо называетъ г. Булгарина единственнымъ русскимъ литераторомъ, съ которымъ ему, г. Полевому, еще можно имѣть дѣло (стр. 118).

Утѣшительное явленіе! Тѣмъ болѣе утѣшительное, что нашу литературу, особенно журнальную, упрекаютъ въ духѣ парціальности и вражды! Письма г. Полеваго къ г. Булгарину, отличающіяся духомъ миролюбія, непамятозлобія и пріязненности, суть важный фактъ противъ несправедливости подобнаго обвиненія. Сколько было чернильныхъ войнъ между этими двумя атлетами нашей литературы, — но миръ, благодатный миръ возторжествовалъ! Невозможно не подивиться, отъ умиленной души и умиленнаго сердца, всякой умилительной гармоніи душъ, которая, говоря философскимъ языкомъ, проистекаетъ изъ родственности *субстанцій.* Да; что̀ соединила природа, того не разторгнутъ ни враждебные люди, ни враждебныя обстоятельства; симпатія, основанная на тождествѣ стремленія и цѣлей, — такая симпатія не только выдерживаетъ всевозможныя *отрицанія,* но еще и болѣе укрѣпляется отъ нихъ. Люди, *такимъ - образомъ* настроенные, могутъ ссориться, но эти ссоры служатъ только къ бо̀льшему укрѣпленію прекраснаго союза. За примѣрами ходить недалеко: оставляя въ покоѣ Орестовъ и Пиладовъ и всю древность, заглянемъ въ исторію нашихъ журнальныхъ переворотовъ, которая всег-

да такъ интересна и назидательна, и которую изучать мы поставили себѣ въ обязанность. Вспомнимъ недавнiя эпохи ея, вспомнимъ, на-примѣръ, о томъ, сколько литературныхъ неудовольствiй, распрей, ссоръ, войнъ, примиренiй и разрывовъ, разрывовъ и примиренiй, было хоть-бы между г. Полевымъ и г. Булгаринымъ, и какъ прекрасны теперешнiя ихъ отношенiя. Въ то время, для неопытнаго, поверхностнаго и особливо для *молодаго* взгляда могло показаться, что гг. Полевой и Булгаринъ враждебно противоположны; но взоръ опытный въ каждой размолвкѣ могъ разсмотрѣть благодатныя и плодотворныя (для обѣихъ сторонъ) сѣмена будущей дружбы, — и всѣ эти несогласiя для него были не что иное, какъ усилiя къ упроченiю вѣчнаго союза, такъ точно, какъ болѣзни молодаго тѣла суть не что иное, какъ стремленiе и усилiя къ его полному и здоровому сформированiю. При самомъ началѣ «Московскаго Телеграфа» можно было провидѣть будущiй союзъ; но скоро возгорѣлась кровопролитная брань. Не говоря о многихъ важныхъ нападкахъ и обвиненiяхъ, устремленныхъ г. Полевымъ на г. Булгарина, не говоря о многихъ сильныхъ пораженiяхъ, претерпѣнныхъ г. Булгаринымъ отъ г. Полеваго, — укажемъ только на одинъ фактъ: кто не помнитъ, что ученый, хотя и враждующiй противъ учености г. Булгаринъ издалъ Горацiя съ *своими* примѣчанiями, и кто не помнитъ, что г. Полевой, по этому случаю, печатно указалъ г. Булгарину, что онъ присвоилъ себѣ чужую собственность — комментарiи г. Ежовскаго, и доказалъ, что изданiе Горацiя г. Булгарина было перепечатка книги г. Ежовскаго? Боже мой! что за кровопролитная брань началась! Сколько остроумiя, ума, силы, а, главное — правды, было потрачено съ обѣихъ сторонъ! Но г. Полевой готовился издавать свою «Исторiю Русскаго Народа», а г. Булгаринъ — своего «Ивана Выжигина»: единовременное появленiе этихъ двухъ великихъ творенiй, изъ которыхъ одно начало собою живую эру исторiи, а другое — романа въ русской литературѣ, само-собою показало *разумную необходимость* согласiя. Помирились, и въ чистой радости примиренiя, осыпали другъ друга всевозможными похвалами и превозносили другъ друга до седьмаго неба. Г. Полевой уже бросилъ исторiю, не кончивъ ея, потому-что его цѣль была — не написать исторiю, а только показать, какъ должно писать исторiю, и доказать, что великiй и безсмертный трудъ Карамзина — неудовлетворителенъ; но изданiя съ обѣихъ сторонъ не прекращались — похвалы и комплименты также, слѣдственно, миръ процвѣталъ. Но вдругъ на горизонтѣ нашей литературы явилось новое великое свѣтило, достойное быть солнцемъ прекрасной планетной системы, которую образовывала собою литературная связь г. Полеваго съ г. Булгаринымъ: я говорю объ авторѣ «Фантастическихъ Путешествiй». Г. Булгаринъ не замедлилъ обнаружить симпатiю къ новому солнцу и войдти въ его сферу. Что же касается до г. Полеваго — если не могло быть недостатка симпатiи къ солнцу съ его стороны, за то «высшiй взглядъ» на себя рѣшительно воспрепятствовалъ ему войдти въ его систему, въ качествѣ планеты. Слѣдствiемъ такого дизгармоническаго положенiя дѣлъ была война. Г. Полевой, послѣ долговременнаго мира, вдругъ объявилъ во всеуслышанiе, что г. Булгаринъ весь вылился въ «ничто»... Это было самымъ злымъ каламбуромъ, потому-что здѣсь

г. Полевой ловко воспользовался замысловатымъ и совершенно-выражающимъ свою идею названіемъ юмористической статейки г. Булгарина — «Ничто». Г. Булгаринъ, разумѣется, не устрашился — и множества остротъ, намёковъ, частію непонятыхъ, а частію незамѣченныхъ публикою, испещрило листки «Пчелы». Вдругъ г. Полевой дѣлается главнымъ сотрудникомъ «Сына Отечества», рѣшившагося на попытку къ возрожденію и оживленію; тогда снова начинается самое крѣпкое согласіе, которое, къ изумленію всего читающаго міра, было прервано браннымъ возгласомъ г. Булгарина противъ г. Полеваго, приплетеннымъ къ оберткѣ «Библіотеки для Чтенія», возгласомъ, въ которомъ г. Булгаринъ доказывалъ, что г. Полевой, играя съ нимъ на бильярдѣ, «сдѣлалъ на себя двѣнадцать очковъ— т. е. положилъ на себя желтый шаръ въ среднюю лузу...» Но это было слабымъ и уже послѣднимъ затмѣніемъ согласія, такъ гармонически настроеннаго. Г. Полевой не возражалъ и, какъ это бывало прежде, за несправедливость г. Булгарина не заплатилъ несправедливостью, лишивъ его всѣхъ достоинствъ, имъ же самимъ ему приданныхъ, но скромно признался, что г. Булгаринъ побѣдилъ его. Вскорѣ послѣ того, г. Булгаринъ такъ вѣрно и истинно оцѣнилъ всего г. Полеваго, а г. Полевой такъ скромно и такъ безобидно для себя и для г. Булгарина возразилъ ему, что согласіе, кажется, уже утверждено на вѣчныхъ и незыблемыхъ основаніяхъ... Теперь, не ясно ли, что неразрывна та дружба, которой основа прочна и истинна? А это и слѣдовало доказать. . . .

Изъ втораго письма г. Полеваго къ г. Булгарину, напечатаннаго въ «Репертуарѣ», можно ясно видѣть, какъ крѣпко то согласіе, о которомъ мы говорили: г. Полевой называетъ г. Булгарина просто по имени и отчеству, иногда любезнѣйшимъ Ѳ. В., а иногда сердитымъ и строгимъ Ѳ. В. (стр. 11), — названія и эпитеты, на которыя право даетъ одна дружба. Кромѣ этого, изъ письма г. Полеваго къ г. Булгарину мы узнаёмъ нѣсколько дѣйствительно интересныхъ подробностей о московскомъ театрѣ съ двѣнадцатаго до двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія; но болѣе всего узнаёмъ мы интересныхъ подробностей о дѣтствѣ и юности самого автора. Потомъ слышимъ тутъ же, что г. Полевой приближается къ старости, но что ему еще не хочется назвать себя вполнѣ старикомъ (стр. 1); что онъ писалъ свои замѣтки *для* лѣтописи минувшаго (ibid); что у него нѣтъ такого таланта разсказывать, какъ у г. Булгарина (ibid); что громъ рукоплесканій, слезы или смѣхъ зрителей суть нѣчто такое, къ чему никогда не сдѣлаешься равнодушнымъ, но что, *свистъ* и *шиканье* страшнѣе всякой критики, и что чѣмъ выше наслажденіе, тѣмъ тяжеле за него разплата, ибо уже такъ ведется на бѣломъ свѣтѣ (стр 1 — 2); что драма есть у всѣхъ народовъ — у Чухонъ и Малайцевъ (ibid); что «Ревизоръ» Гоголя — *фарсъ*, а совсѣмъ не то, что драмы его, г. Полеваго (съ послѣднимъ нельзя не согласиться) (стр. 11); что для нашей литературы нуженъ *высшій взглядъ* (ibid). Замѣчательнѣе всего въ этомъ письмѣ защита Коцебу, котораго, говоритъ г. Полевой, «теперь сбили въ грязь и сбросили съ высокаго пьедестала, на которомъ онъ стоялъ; надъ нимъ смѣются, и *кто* еще смѣется?...» (стр. 4). Замѣтьте, что *кто* напечатано курси-

вомъ. Кто же этотъ таинственный *кто?* Не знаемъ, право, но очень-хорошо помнимъ, что первый началъ нападать на Коцебу г. Полевой въ своемъ «Телеграфѣ», въ которомъ онъ преслѣдовалъ всякій драматическій опытъ — отъ пьесъ кн. Шаховскаго до пьесъ г. Кукольника.

Основная мысль письма г. Полеваго къ г. Булгарину есть та, что Гоголь въ повѣстяхъ своихъ *жиртуетъ*, а въ комедіи фарсёрствуетъ; но что онъ, г. Полевой, самою природою созданъ быть драматическимъ писателемъ. Вѣримъ! И почему не вѣрить, когда самъ авторъ увѣряетъ? Впрочемъ, онъ же увѣрялъ, что рожденъ быть и историкомъ.....

«Пантеонъ» отличается пестрою и затѣйливою, но и красивою оберткою. Изданіе вообще прекрасно; къ нему приложены ноты — «Свѣтлана», баллада Жуковскаго, положенная на музыку г. Арнольдомъ, и картинка — «Странствующіе Музыканты», очень хорошо сдѣланная. Ко 2-й книжкѣ «Репертуара» приложена картинка, изображающая какую-то сцену изъ «Дѣдушки русскаго Флота». На 15-й стр., издатель говоритъ своимъ читателямъ: «Вглядитесь въ эту картинку» — мы вглядывались, — и, кромѣ какихъ-то странныхъ лицъ, ничего не разглядѣли.

46) Исторія Философіи. Архимандрита Гавріила. *Часть I.* Изданіе второе *съ перемѣнами. Казань. Въ университетской тип.* 1839. *Въ 8-ю д. л.* 175 *стр.*

47) Исторія Философіи Древнихъ Временъ. *Сочиненіе* Генриха Риттера, *Экстраорд. Профес. Берлинскаго Университета. Переводъ съ нѣмецкаго. Часть первая. Санктпетербургъ. Въ тип. Ильи Глазунова и К°.* 1839. *Въ 8-ю д. л. XXIV и 584 стр.*

Утѣшительно намъ было встрѣтить второе изданіе замѣчательнаго сочиненія О. Гавріила. Это послужило доказательствомъ, что въ нашемъ отечествѣ, не смотря на увѣренія и возгласы литературныхъ крикуновъ, глубоко коренится потребность великой науки наукъ. Въ самой Германіи не могло бы такъ скоро разойдтись философское сочиненіе: оно вышло въ 1838 году и вторично напечатано въ 1839. Мы назвали это сочиненіе замѣчательнымъ, какъ по высотѣ точки зрѣнія, съ которой авторъ смотритъ на философію, такъ и по отчетливому и добросовѣстному стремленію къ цѣли. Насъ особенно порадовало введеніе, гдѣ авторъ говоритъ о философіи вообще, о необходимости ея, о ея назначеніи. Какой вѣрный, какой глубокій взглядъ! какое благородное, энергическое изложеніе! Что же касается до самой исторіи, то мы во многомъ здѣсь несогласны съ почтеннымъ авторомъ, и особенно въ самой методѣ его. Въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ нашего журнала мы представимъ критическую статью объ этомъ сочиненіи, равно какъ и объ «Исторіи Философіи древнихъ временъ» Риттера, которой вышла теперь только первая часть; всѣхъ частей должно быть четыре.

48) Записки Князя Таллейрана-Перигора, *бывшаго епископа отенскаго, члена національнаго собранія, министра, посланника, владѣтельнаго князя беневентскаго, вице-великаго избирателя и оберъ-камергера имперіи, сенатора, князя, пера, оберъ-камергера Франціи, кавалера орденовъ св. духа, золотаго руна, большаго орла, почетнаго легіона и пр., собранныя и изданныя графинею* С... дю К..., *сочинительницею Записокъ одной знатной дамы. Пер. съ франц. Москва. Въ тип. Лаз. Ин. В. Яз.* 1840. *Въ 8-ю д. л.* 193 *стр.*

Переводчикъ этихъ «Записокъ» человѣкъ очень сметливый. Прослышавъ о смерти знаменитаго французскаго дипломата, который въ продолженіи почти полустолѣтія двигалъ дѣлами большей части европейскихъ кабинетовъ, и зная похвальный обычай Французовъ лгать на всякаго знаменитаго покойника, онъ тотчасъ сталъ прислушиваться, не заговорятъ ли чего французскіе говоруны о своемъ великомъ министрѣ и, схватившись за первыя записки, названныя именемъ Талейрана, поспѣшилъ перевести ихъ и поскорѣе издать—хотя первую часть. Спекуляція могла бы быть очень-выгодною, да жаль—записки, собранныя графинею С..дю К.. рѣшительно никуда не годятся. Это просто французская болтовня о томъ, что было во Франціи въ старыя времена и что вы давно уже очень-хорошо знаете, болтовня, которая не можетъ похвалиться даже обыкновеннымъ достоинствомъ этого рода сочиненій, т. е. нѣкоторою занимательностію и увлекательностію разсказа. Остроумная сочинительница «Записокъ одной знатной дамы» на этотъ разъ только привязалась къ имени Талейрана, чтобы по этому случаю поговорить о разныхъ предметахъ, о которыхъ досихъ-поръ еще не наговорятся Французы, на-примѣръ о графинѣ Дюбарри, Маріи-Антуанетѣ, Дидро, Вольтерѣ, Руссо и другихъ шумныхъ знаменитостяхъ изъ временъ, предшествовавшихъ революціи, или изъ эпохи имперіи, и разсказать о нихъ нѣсколько пустыхъ анекдотовъ, ничего неприбавляющихъ къ характеристикѣ описываемыхъ лицъ. Самъ Талейранъ является только для-того, чтобы представить изъ себя неопытнаго простяка, иногда задорнаго школьника, въ другое время униженнаго поклонника чужихъ талантовъ, или сказать какую-нибудь пошлую остроту въ родѣ «ага» и «ого». Въ самомъ началѣ «Записокъ» онъ, какъ робкій мальчикъ, находитъ для себя нужнымъ сдѣлать скромное вступленіе, въ которомъ сравниваетъ себя съ ремесленникомъ, окончившимъ работу, и, благодаря сочинительницѣ мемуаровъ, принужденъ говоритъ отъ своего лица слѣдующимъ образомъ:

«Всякій ремесленникъ, при окончаніи дѣлъ, чувствуетъ необходимость сдѣлать окончательный разсчетъ, чтобы показать дорогу, по которой онъ шелъ, и причины своего благосостоянія или упадка; онъ гордится, указывая на способы своего обогащенія; онъ оправдывается въ своихъ неудачахъ, если счастіе ему не благопріятствовало. Исполненный этой мысли, онъ размышляетъ, разсчитываетъ, и, довольный тѣмъ, что можетъ похвалиться успѣхами, или сложить на другихъ свои неудачи, оканчиваетъ новымъ трудомъ свое безпокойное поприще.»

Не нужно прибавлять, что все это довольно-пошло. И между-тѣмъ такъ заставляютъ говорить князя Талейрана въ самомъ началѣ его записокъ! Есть ли здѣсь хоть тѣнь правдоподобія?—Надобно быть очень-легковѣрнымъ и терпѣливымъ, чтобы равнодушно читать всѣ подобныя широковѣщанія и разные другіе вздоры, которые влагаются въ уста безотвѣтному покойнику, по милости сочинительницы «Записокъ», названныхъ его именемъ!... Не знаемъ, чѣмъ порадуютъ насъ прочія части; но если судить по первой, которая теперь вышла, то литература наша рѣшительно-ничего не выигрываетъ отъ этого перевода. — Изданіе довольно-хорошо, но наполнено опечатками; переводъ, которымъ, какъ видно, торопились, тяжелъ и невездѣ ровенъ.

49) Маякъ Современнаго Просвѣщенія и Образованности. *Труды ученыхъ и литераторовъ, русскихъ и иностранныхъ. Редакторы:* П. Корсаковъ *и* С. Бурачекъ. *Часть I. Изданіе книгопродавца* В. Полякова. *С.-П. бургъ. Въ тип. А. А. Плюшара.* 1840. *Въ 8-ю д. л., въ двѣ колонны.* *XIV*, 66, 8, 117 *стр.* Съ эпиграфомъ: Luceat lux vestra coram hominibus.

«Маякъ» есть альманахъ, безсрочно-издаваемый. Цѣль его — примиреніе литературы съ ученостію, какъ понятій, ложно и ошибочно почитаемыхъ за противорѣчащія и враждебныя одно другому, тогда-какъ они, по сущности своей, родственны и даже тождественны. Эта мысль прекрасно развита редакторами, въ первой статьѣ альманаха: «Вмѣсто предисловія, программа изданія», статьѣ, отличающейся мыслительностію, взглядомъ, логическою послѣдовательностію и плавнымъ, красивымъ слогомъ. Цѣль прекрасная; душевно желаемъ, чтобъ она была вполнѣ достигнута.

Съ особеннымъ удовольствіемъ прочли мы въ «Маякѣ» первую его ученую статью «Первый изъ Русскихъ членъ Королевской Парижской Академіи Наукъ», статью небольшую, но драгоцѣнную для каждаго Русскаго, по содержащимся въ ней фактамъ о принятіи Парижскою Академіею Наукъ Петра-Великаго въ члены, и о сношеніяхъ съ нею Преобразователя Россіи. За достоинство слѣдующей за нею ученой статьи, переведенной съ французскаго, «Начала аналитической механики» ручается имя ея автора — г. Остроградскаго; о третьей ученой статьѣ: «Очерки корабельной архитектуры» г. Бурачка, знатоки отзываются съ отличными похвалами. Четвертая статья — «О критикѣ» г. Корсакова, очевидно доказываетъ собою возможность полнаго примиренія литературы съ ученостію, потому-что глубокость идей спорить въ ней съ изящесвомъ изложенія. Чтобы не отнимать у ней интереса для читателей «Маяка», выпишемъ изъ нея только нѣсколько строкъ:

«Критика, какъ литературная стража, есть *источникъ* или *причина* порядка и благочинія въ царствѣ истины, добра и красоты. Нѣтъ ей дѣла привязываться къ праздношатающейся безталанности, никому не вредящей своими произведеніями, — пусть она идетъ мимо въ свою пору; но ея дѣло не дозволять ни таланту, ни безталанности нарушать порядокъ и благочиніе, управляться съ ними средствами, приличными ея высокому достоинству стражи въ царствѣ истины. Съ другой стороны, *причины*, побуждающія критиковать что бы то ни было должны быть достойны высокаго назначенія критики. Желаніе остеречь *всѣхъ* отъ ошибокъ *одного*. Приношеніе въ жертву самолюбія одного, не иначе, какъ несомнѣннымъ убѣжденіемъ доставить пользу *всѣмъ*. Молчаніе тамъ и о томъ, что никому не принесетъ пользы, а повредитъ одному. Строгій надзоръ за соблюденіемъ общепринятыхъ законовъ истины, добра и красоты въ произведеніяхъ наукъ, искусствъ, художествъ и словесности. Добрый совѣтъ къ лучшему, предостереженіе отъ худаго, указаніе дальнѣйшихъ путей къ усовершенствованію труда.

«Вотъ нѣсколько изъ главнѣйшихъ причинъ — а ихъ множество — или побужденій для истиннаго критика, въ отправленіи его высокой должности. Онъ не долженъ забывать, что критика его безполезна для книги уже напечатанной, и если не можетъ въ своей критикѣ сообщить больше того, что сообщаетъ книга, то нечего и браться за критику, а когда притомъ книга еще праздношатающаяся, одѣтая, какъ безобразный прохожій, никого впрочемъ нетрогающій, — пусть идетъ съ миромъ. Она недостойна вашего вниманія и разспросовъ.»

За ученымъ отдѣленіемъ слѣдуетъ въ «Маякѣ» — словесность. Тутъ ин-

татели найдутъ нѣсколько прекрасныхъ стихотвореній и оригинальную повѣсть «Лейтенантъ Выцовъ», занимательность которой равна ея величинѣ, а по величинѣ она — чуть не романъ. Хорошо-выбранный и хорошо-переведенный съ англійскаго небольшой разсказъ «Логика Эгоизма» заключаетъ собою *первую* часть «Маяка». Отъ души желаемъ, чтобы слѣдующія части «Маяка» были такъ же хороши, какъ и эта, первая.

50) Дѣянія Петра - Великаго, *мудраго преобразителя Россіи, собранныя изъ достовѣрныхъ источниковъ и расположенныя по годамъ. Сочиненіе* И. И. Голикова. *Томъ одиннадцатый.* Изданіе второе. *Москва. Въ тип. Н. Степанова. Въ 8-ю д. л.* 507, *XVII стр.*

Въ этомъ томѣ подробно изложены исторія Мазепы и полтавская битва; кратко обозрѣны дѣйствія Петра-Великаго послѣ полтавской битвы до пріѣзда его въ Москву; описаны торжества, происходившія по сему случаю, и приложенъ реестръ хранящихся въ кабинетѣ его собственныхъ бумагъ.

51) Лѣченіе Водою для Разслабленныхъ, *или ключевая вода и купанье, какъ цѣлительное и укрѣпляющее лекарство при мужскомъ безсиліи и происходящихъ отъ него болѣзняхъ. Состав.* Д. Христіаномъ Риттеромъ, *практикующимъ врачемъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва. Въ тип. А. Семена. Въ 8-ю д. л.* 58 *стр.*

Полезная книжка, хорошо-написанная, но дурно-переведенная. Описаніе способовъ, какъ лечиться водою, заключается въ одной, послѣдней (десятой) главѣ. Первыя девять трактуютъ о болѣзняхъ, въ которыхъ ключевая вода и купанье служатъ цѣлительными, укрѣпляющими лекарствами. Лѣченіе водою чрезвычайно-просто и можетъ быть выражено тремя односложными предложеніями: *пей, обтирайся, купайся*, то-есть: пей *холодную воду*, обтирайся *ею же*, купайся въ *ней же*.

52) Способъ предохранять себя отъ Апоплексическаго Удара, *испытанный однимъ ученымъ (,) достигшимъ шестидесяти - пятилѣтняго возраста (,) единственно, (?) съ помощію этого средства, продлившаго жизнь его на двадцать пять лѣтъ. Переводъ съ французскаго. Москва. Въ тип. А. Семена.* 1840. *Въ 12-ю д. л.* 40 *стр.*

Сочиненіе не-медика, долго изучавшаго *физическое тѣлосложеніе* (!?) и, вѣроятно, незнавшаго, что *тѣлосложенія нравственнаго* въ природѣ не имѣется. Кантъ удивлялся обѣщанію Гуфланда продлить жизнь человѣка на 10, 20 лѣтъ, если только этотъ человѣкъ станетъ въ точности исполнять предписанія опытнаго врача, въ числѣ которыхъ находилось слѣдующее: *отдыхать* послѣ обѣда часа два. Странное желаніе, — замѣчаетъ кенигсбергскій философъ, — продлить жизнь на 10 лѣтъ, для-того, чтобъ каждыя сутки спать лишніе два часа! Такъ думалъ философъ, для котораго *жить* значило *мыслить*; но не такъ думаютъ люди, для которыхъ *спать* значитъ *жить*, а сколько людей, даже и *во снѣ не мыслящихъ ни о чемъ, кромѣ сна*! Боже мой, сколько такихъ людей.. разъ, два ... имя имъ — *легіонъ*! И вотъ сіи-то люди съ удовольствіемъ купятъ «Способъ предохранять себя отъ Апоплексическаго Удара», съ удовольствіемъ прочтутъ его, и увы! съ неудовольствіемъ вспомнятъ о своихъ пяти рубляхъ. Продлить жизнь свою на двадцать-пять лѣтъ! Человѣку, осужденному на 40-лѣтнее существованіе, дости-

нуть 65-лѣтняго возраста! шутка ли? да это третья часть его бытія! Это ужь не обѣщаніе Гуфеланда прибавить годочковъ десять къ старческимъ годамъ; это—царская награда! Давайте жь драгоцѣнный способъ предохранять себя отъ смерти: апоплексическій ударъ и смерть — синонимы; умрешь такъ, что не успѣешь и вспомнить, когда умеръ; *ученый,* выдумавшій «Способъ», не вдругъ обнаруживаетъ его, хотя во всемъ сочиненіи только 40 страницъ; но на 24 страницахъ описываетъ свою жизнь, болѣзнь и прочія обстоятельства, изъ которыхъ читатель, заплатившій 5 руб., узнаетъ, что онъ ѣлъ съ величайшею скоростію и *разсѣянностію;* что *зрѣніе* его *уставало, глядя* на пестроту предметовъ; что предки наши обязаны долговременною жизнію мячикамъ, ракеткамъ, катанью шаровъ, бѣганью въ запуски, и т. д. На 25 — 28 стр. исчисляются люди, подверженные апоплексіи (дѣло, всѣмъ извѣстное); на 28 и 29 показаны обстоятельства, ускоряющія апоплексію (что также всѣмъ извѣстно). На 30, 31, 32, 33 и 34 описывается жизнь Корнаро, отличавшагося твердостію при соблюденіи діэты. Наконецъ... о, радость, о, восторгъ! На стр. 34 описывается самый способъ. *Ученый* приказываетъ воздерживаться въ пищѣ, не употреблять крѣпкихъ напитковъ, между дѣломъ прохаживаться, имѣть умѣренное движеніе, не предаваться отчаянію, и проч. и проч. Только-то? Только, почтенные читатели! Да кто жь этого не зналъ?... О, промышленость! Пускай бы ты гуляла въ романахъ и повѣстяхъ, расходящихся тысячами: за чѣмъ же ты аттакуешь медицину?— *Шестое правило* предохранять себя отъ апоплексіи весьма-умилительно и удобоисполнимо. Прочтите его, пожалуйста, и вы убѣдитесь, что *жить для* такихъ людей, которыхъ имѣлъ въ виду г. *ученый,* значитъ хуже, нежели *спать.*

53) О Поллюціяхъ, *или сонныхъ грезахъ. Москва.* 1839. *Въ 8-ю д. л.* 43 *стр.*

«Поллюція» говоритъ авторъ: «есть такая *вредность (!?),* которая заслуживаетъ особенное вниманіе.» Посему онъ обратилъ на нее все достодолжное вниманіе, какъ на предметъ, который, *кромѣ вреда никакой пользы не приноситъ* (очень-хорошо!) А обратившъ, взялъ Тиссота и другихъ, писавшихъ объ этомъ предметѣ, выбралъ то, что говоритъ Тиссотъ и другіе, и спѣлъ старую пѣсню даже не на новый ладъ. Приготовивъ такимъ *трудньымъ* образомъ *книжицу въ* 43 *страницы,* онъ назвалъ ее подаркомъ (въ предисловіи) для юношества, которое должно будто-бы знать сущность того, о чемъ разсуждаетъ г. авторъ! Намъ кажется, что этотъ подарокъ приличнѣе поднести бы родителямъ. — Не мѣшаетъ также медицинской книгѣ соблюдать правила грамматики, объясняться языкомъ яснымъ, чистымъ, плавнымъ, хотя бы дѣло шло и о такой *вредности,* каковая заключается въ предметѣ, избранномъ авторомъ для сочиненія книги.

54) Курсъ Чистой Математики, *составленный, по порученію* Белавена, *Профессорами Математики:* Аллезомъ, Билли, Пюиссаномъ и Будро. *Съ Французскаго перевелъ, значительно измѣнилъ и пополнилъ* П. Погорѣльскій. Изданіе четвертое. *Москва. Въ Универ. тип.* 1839. *Въ 8-ю д. л.* 180 *стр.*

Недавно извѣщали мы о выходѣ «Ариѳметики», т. е. 1-й части этого курса, достигшаго уже 4-го изданія, что составляетъ не малую рекомендацію ученой книгѣ; теперь извѣщаемъ

о выходѣ «Алгебры», т. е. 2-й части того же курса. *Четвертое* изданіе ничѣмъ не отличается отъ *третьяго:* тотъ же порядокъ въ разпредѣленіи содержанія, то же количество статей и тотъ же языкъ.

55) Курсъ Чистой Математики. Ч. I. Ариѳметика. *Сочиненіе* Вас. Левтеропуло, *Магистра Математическихъ Наукъ. Одесса.* 1839. *Въ Городской тип. Въ 8-ю д. л.* 108 *стр.*

Небольшая книжечка, составленная очень-хорошо; жаль только, что нѣкоторыя понятія болѣе доступны для учащихъ, нежели для учащихся; а нѣкоторыя неточны и невѣрны, или лучше не нѣкоторыя, а одно—опредѣленіе величины: «Величиною называется все, при чемъ должно составить понятіе о большомъ и маломъ».

Во всей книжкѣ видна и система и отчетливость. Судя по заглавію, это будетъ рядъ книжекъ, и каждая будетъ заключать въ себѣ отдѣльную часть математики.

56) Полный Курсъ Чистой Математики, *сочиненіе* Франкера, *Переведено съ французскаго 4-го изданія, исправленнаго и значительно дополненнаго. Ч. II. С. П. бургъ. Въ тип. Вингебера.* 1840. *Въ 8-ю д. л.* 827 *стр. Съ двумя чертежами.*

Кому неизвѣстно имя Франкёра въ математическомъ мірѣ? Было время, —давно что-то было это время,—но было однакожь время, когда курсъ Франкёра считался *даже хорошимъ* курсомъ. А въ-самомъ-дѣлѣ, тогда Франкёръ былъ и новъ и хорошъ; но между-тѣмъ и время ушло, съ нимъ ушла и наука, а Франкёръ никакъ не захотѣлъ подчиниться ходу времени, но остался тѣмъ же, или почти тѣмъ же старымъ Франкёромъ. Все это неудивительно, все это очень-естественно, но вотъ что странно: кому-то вздумалось подтѣшиться надъ Русскими и перевести огромныя двѣ книги этого почтеннаго старца. За чѣмъ такъ безбожно смѣяться надъ нами, да и старика за чѣмъ выводить на потѣху другимъ? Не издайте въ свѣтъ новаго перевода Франкёра, онъ остался бы въ нашей памяти обставленный всѣми аттрибутами прежняго привычнаго къ нему уваженія, а теперь съ нимъ точно такъ же смѣшно встрѣтиться, какъ слушать безъ улыбки сужденія стараго школьнаго учителя о наукѣ,—того самого учителя, котораго въ дѣтствѣ считали мы оракуломъ. Да хорошъ же и переводъ! если бы позволено было употребить пословицу: «по Сенькѣ и шапка», здѣсь она была бы употреблена очень-кстати. Честь имѣемъ представить тому и законныя свидѣтельства:

«Когда члены составлены изъ одинакихъ или не одинакихъ буквъ (замѣтьте и не одинакихъ буквъ), но различно расположенныхъ, то сіи соединенія называются *перестановками* (?), или *переложеніями;* но если члены различествуютъ одинъ отъ другаго, хотя одною буквою, и не обращается вниманіе на порядокъ, то такіе члены именуются *сочетаніями.*»

Хорошо! право, хорошо! если члены составлены изъ неодинакихъ буквъ —*перестановки* или *переложенія;* если различествуютъ одинъ отъ другаго —*соединенія.* А дѣло-то очень просто: въ переложеніи произведеніе изъ нѣскольких величинъ остается тѣмъ же самымъ, измѣняется только порядокъ ихъ или разположеніе; въ соединеніяхъ берется только по нѣскольку изъ множителей, составляющихъ произведеніе.

Еще, для примѣра стр. 51: «По перенесеніи всѣхъ членовъ въ одну часть, и по приведеніи (?), всякое уравненіе приметъ видъ» и пр.

По приведеніи—это переводъ выра-

женія: après la reduction; можно ли же такъ сказать по-русски?..

На той же страницѣ превосходно опредѣлена *функція*, и то въ выноскѣ,— въ текстѣ она быть не удостоилась.

«Всякое аналитическое выраженіе, содержащее величину x, называется функціею отъ x.»

Поэтому и $a + b x^{n}$, есть функція отъ x, и $a + 1^{x}$ тоже есть функція отъ x. Можно ли допустить такую нелѣпость, особенно теперь, когда вся алгебра и весь чистый анализъ сдѣлались ученіемъ о *функціяхъ*?.. Далѣе: «*Алгебраическія функціи* суть тѣ, которыя допускаютъ только алгебраическія дѣйствія, включая извлеченія корней; *трансцендентныя функціи* содержатъ логариѳмы, показательныя величины (?), дуги круговъ, синусы, косинусы ...» Здѣсь хороши и авторъ и переводчикъ. Авторъ поставилъ нѣсколько точекъ и въ нихъ заключилъ всѣ прочія трансцендентныя функціи, не думая опредѣлить, чѣмъ именно трансцендентная функція отличается отъ алгебраической; переводчикъ выраженіе a^{x} называетъ *показательною величиною*, вмѣсто неопредѣленно-степенной.

Вмѣсто «тожественное выраженіе» вездѣ переводчикъ. употребляетъ *тожественное*—просто безъ всякаго существительнаго.

Какъ изложена теорія уравненій! Особенно намъ очень-кстати читать весь этотъ сбродъ теоремъ, безъ всякаго ихъ развитія, послѣ «Лекцій Остроградскаго» и Сомова «Теоріи уравненій»!

Весьма, на-примѣръ, хорошо начинается статья о дифференціальномъ изчисленіи: «Чѣмъ отрасль познаній болѣе обьемлетъ предметовъ, и (надобно бы сказать такъ: и чѣмъ болѣе она имѣетъ различныхъ приложеній, тѣмъ трудиѣе дать ей точное опредѣленіе, изъ коего бы можно было постигнуть оную во всемъ ея пространствѣ, и которое бы заключало всѣ предметы отъ нея зависящіе.» По-этому, алгебру еще труднѣе опредѣлить, чѣмъ дифференціальное изчисленіе, математику вообще и того еще труднѣе, и слѣдовательно всѣ полныя науки должны оставаться безъ опредѣленія, а опредѣлять можно только ихъ частныя подраздѣленія?..

Нѣтъ, это кажется *несобразно*, переводя этимъ словомъ, какъ переводитъ г. переводчикъ разбираемой нами книги слово *absurde*, именно на стр. 97: «*задача будетъ несообразна*». По-русски нельзя сказать просто «несообразна», а если же онъ непремѣнно хочетъ употребить это слово, пусть скажетъ: «несообразна съ здравымъ смысломъ».

Всѣ, сколько-нибудь прикасающіеся къ міру математическому, особенно всѣ учащіе, такъ хорошо знаютъ Франкёра, что книга эта не можетъ принести никакого вреда ни ходу математическихъ наукъ, ни ихъ преподаванію, потому мы и не можемъ въ этомъ случаѣ жалѣть публику. Но жаль издателя; онъ со своей стороны употребилъ все: прекрасная бумага, хорошая печать, и все это для-того, чтобъ книга пошла на домашній обиходъ, то-есть завертку вещей и разкурку трубокъ.

Допустимъ, что она и не такъ дурно составлена, какъ мы находимъ ее въ-самомъ-дѣлѣ, и тогда нелѣпа была бы мысль составить одному полный курсъ математики. Мы еще согласны, что можно было бы допустить первую часть Франкёра, разумѣется при лучшемъ ея составѣ; но къ чему послужатъ эти поверхностныя свѣдѣнія, это кое-что, приведенное въ кое-какую си-

стему, въ высшей алгебрѣ, въ диференціальномъ, интегральномъ и варіаціонномъ изчисленіи?

Если бы книга была сколько-нибудь лучше, мы охотно бы похвалили ее — не за собственное достоинство, а за гигантскій трудъ, употребленный на переводъ 827 страницъ. Жалѣемъ переводчика и еще болѣе жалѣемъ трудъ его, которому можно было бы дать лучшее направленіе.

57) **Руководство для Родителей** (,) *желающихъ опредѣлять малолѣтныхъ дѣтей въ военно-учебныя заведенія* (,) *составленное по приказанію Его Императорскаго Высочества Главнаго Начальника Пажескаго, всѣхъ Сухопутныхъ Кадетскихъ Корпусовъ и Дворянскаго Полка и изданное по Высочайшему соизволенію.* **Изданіе второе** (,) *дополненное и исправленное согласно распоряженіямъ* (,) *состоявшимся по* 1 *сентября* 1839 *года. Санктпетербургъ. Въ тип. Эдуарда Праца и К°.* 1839. *Въ* 8-*ю д. л.* XXX *и* 316 *стр.*

Изданіе этой книги есть истинная услуга для тѣхъ изъ родителей, которые имѣютъ возможность и желаніе помѣстить дѣтей своихъ въ военно-учебныя заведенія, стоящія нынѣ на такой высокой степени совершенства. Особенно должны быть благодарны за нее жители провинцій, неимѣющіе возможности пріобрѣтать вѣрныя свѣдѣнія о порядкѣ и условіяхъ пріема воспитанниковъ въ военно-учебныя заведенія и получающіе въ этой книгѣ самое полное, вѣрное, на подлинныхъ оффиціальныхъ актахъ основанное руководство для своихъ дѣйствій въ потребномъ случаѣ. Это «Руководство», показывающее условія пріема молодыхъ людей во *всѣ* военно-учебныя заведенія Россіи, и объясняющее какъ права и преимущества, такъ и обязанности воспитанниковъ сихъ заведеній, было издано еще въ 1836 году; но какъ съ того времени, въ - теченіи трехъ лѣтъ, сдѣлано много усовершенствованій въ состояніи военно-учебныхъ заведеній, и какъ эти усовершенствованія повлекли за собою измѣненія и самыхъ правилъ пріема воспитанниковъ, то нынѣ «Руководство» издано вновь съ различными дополненіями и перемѣнами, согласно распоряженіямъ, состоявшимся по 1-е сентября 1839 года. Вотъ въ чемъ состоятъ эти дополненія и перемѣны: 1) правила пріема молодыхъ людей въ Школу Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ и Юнкеровъ, Императорскій Царскосельскій Лицей, Лесной и Межевой Институты, Второй Учебный Морской Экипажъ и другія заведенія, о коихъ въ первомъ изданіи не упоминалось; 2) подробное расписаніе наукъ, преподаваемыхъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ; 3) вѣдомость объ учебныхъ книгахъ, коими должно руководствоваться въ приготовленіи малолѣтныхъ для пріема въ сіи заведенія, и 4) разныя постановленія, относящіяся къ зачисленію малолѣтныхъ въ кандидатскіе списки военно-учебныхъ заведеній, испытанія ихъ въ наукахъ, порядка пріема и т. п., которыя состоялись послѣ перваго изданія «Руководства» и отмѣнили прежнія правила, существовавшія до 1836 года.

58) **Обозрѣніе Учебнаго Курса въ Московской Практической Коммерческой Академіи.** *Москва. Въ тип. А. Семена.* 1840. *Въ* 4-*ю д. л.* 21 *стр.*

Недавно мы представили отчетъ о рѣчахъ, произнесенныхъ на актѣ въ Практической Коммерческой Академіи; теперь извѣщаемъ о выходѣ «Обозрѣнія учебнаго двухгодичнаго кур-

са» въ этомъ полезномъ и болѣе-и-болѣе совершенствующемся заведеніи. Одинъ взглядъ на количество преподаваемыхъ предметовъ поражаетъ всякаго, кто радуется движенію науки, кому дорого отечественное образованіе—образованіе людей, которые со временемъ посвятятъ себя практической коммерціи. Законъ Божій и священная исторія, коммерція, бухгалтерія, техническая механика или машиновѣдѣніе, спеціальная механическая технологія, техническая химія или лабораторное искусство, спеціальная химическая технологія, исторія коммерціи и изобрѣтеній, статистика, исторія политическая, физика, зоологія, фитологія, орнитологія, алгебра, геометрія, купеческая и общая ариѳметика, коммерческая и общая географія, логика, русская словесность, нѣмецкая словесность, французская словесность, англійскій языкъ, ново-греческій языкъ, черченіе, рисованіе, каллиграфія, церковное пѣніе, музыка, танцованіе, — вотъ сколько наукъ и искусствъ проходятся воспитанниками Практической Коммерческой Академіи! Классы дѣлятся на академическіе (4-й и 3-й) и приготовительные (2-й и 1-й); курсы въ каждомъ классѣ двугодичные.

59) Семнадцатый Отчетъ по Школѣ для Бѣдныхъ Дѣтей Иностранцевъ, *находящейся въ Санктпетербургѣ (,) за* 1839 *годъ. Санктпетербургъ. Печатано (?) въ тип. Иверсена.* 1840. *Въ 8-ю д. л.* 16 *стр.*

Въ прошломъ году принято въ это благотворительное заведеніе 113 дѣвочекъ и 128 мальчиковъ. Нынѣ считается въ школѣ всего 416 учащихся (211 учениць и 205 учениковъ); а со времени учрежденія этого заведенія по-нынѣ обучалось въ немъ всего 1075 дѣвочекъ и 1791 мальчикъ. Эта школа можетъ служить лучшимъ доказательствомъ того, какъ много можетъ дѣлать истинное чувство любви къ ближнему даже при самыхъ незначительныхъ вещественныхъ средствахъ.

60) Латинская Этимологія. *Составленная* Густавомъ Вульфомъ, *Москов. 3-й Гимназіи и института оберъ-офицерскихъ дѣтей при Импер. Воспитательномъ Домѣ латинскаго языка старшимъ учителемъ. Съ эпиграфомъ: quidquid praecipies esto brevis.* Изданіе второе. *Москва. Въ тип. Лаз. Ин. В. Я.* 1840. *Въ* 12-ю *д. л.* 92 *стр.*

Въ книжкѣ, *составленной* г. Вульфомъ, все обстоитъ благополучно: буквы раздѣляются на гласныя, согласныя и безгласныя; въ именахъ, какъ и быть должно, различаются три рода — мужескій, женскій и средній; за тѣмъ имена, какъ слѣдуетъ, склоняются, и притомъ очень-правильно, а глаголы спрягаются, тоже очень-правильно, то-есть: amo, amas, amat и т. д., а не какъ-нибудь иначе; потомъ слѣдуютъ нарѣчія, за ними предлоги и союзы, и все заключаютъ междометія. Словомъ, вы найдете здѣсь кратко-изложенную всю аналитическую часть грамматики латинскаго языка, не найдете только отвѣта на вопросъ, который очень-естественно представляется при пересматриваніи книжки, *составленной* г-мъ Вульфомъ, то-есть: съ какою же цѣлію она составлена и издана? Не думалъ ли издатель представить въ своей книжкѣ изложеніе латинской этимологіи по «новой, легчайшей и простѣйшей методѣ», какъ иногда провозглашаютъ о себѣ новые издатели старыхъ учебныхъ книгъ? Но, какъ мы сказали, въ книжкѣ г. Вульфа все обстоитъ обыкновеннымъ порядкомъ и излагается въ томъ же самомъ видѣ, какъ и въ другихъ грамматикахъ. Или, можетъ-быть, не имѣлъ

ли издатель въ виду пособить недостатку въ учебныхъ пособіяхъ по этому предмету? Но, какъ извѣстно, грамматики латинскаго языка у насъ вовсе нерѣдки, и притомъ каждая изъ нихъ навѣрное содержитъ въ себѣ много лишняго противъ «Латинской Этимологіи», составленной г-мъ Вульфомъ, который можетъ похвалиться развѣ только своею краткостію. Итакъ, повторяемъ, вопросъ — съ какою цѣлію г. Вульфъ *составилъ* свою книжку и что̀ прибавляетъ она къ прежнимъ изданіямъ по этому предмету, остается для насъ неразрѣшимымъ.

61) Руководство къ Изученію Испанскаго Языка. Якова Рута (,) *Библіотекаря Императорскаго Санктпетербургскаго Университета. Санктпетербургъ. Печатано(?) въ тип. Христіана Гинце.* 1840. *Въ 8-ю д. л.* 287 *стр.*

Довольно-странно, что мы, имѣя болѣе или менѣе годныя пособія для изученія не только французскаго, нѣмецкаго, англійскаго, итальянскаго, но даже арабскаго, персидскаго, армянскаго, тибетскаго, маньчжурскаго и китайскаго языковъ, до-сихъ-поръ ровно ничего не имѣли для изученія языка, на которомъ писали Лопе-де-Вега, Кальдеронъ, Сервантесъ, — на которомъ столько поэтическихъ легендъ, романсовъ и пѣсень, котораго литература играла такую важную роль въ романтическіе средніе вѣка и, слѣдственно, такое великое вліяніе имѣла на нынѣшнюю европейскую литературу... Но что̀ дѣлать! Мы вообще небогаты учебными пособіями, и бѣдность наша въ этомъ отношеніи начала уменьшаться только съ недавняго времени. Тѣмъ съ бо̀льшею благодарностію должны мы принять новинку, которую дастъ намъ г. Рутъ въ своемъ «Руководствѣ къ Изученію Испанскаго Языка». Въ этой книжкѣ, на которую должно смотрѣть не какъ на лучшее или худшее, но какъ на *единственное* у насъ руководство къ этому дѣлу, помѣщены: грамматика испанскаго языка, слова и разговоры, краткая исторія и литература испанскаго языка, и небольшая хрестоматія, или отрывки для упражненія въ чтеніи, съ необходимымъ для сего словаремъ. Конечно, всѣ эти отдѣлы болѣе похожи на программы испанской грамматики, исторіи языка, его литературы и пр., нежели на самую грамматику, исторію и литературу, но трудъ г. Рута — у насъ *первый*, доселѣ-небывалый; слѣдственно, и рецензентъ, и публика должны только благодарить автора за его доброе намѣреніе и пожелать, чтобъ его книга болѣе и болѣе пріохочивала русскихъ юношей къ изученію испанскаго языка и испанской литературы, знакомство съ которою часъ-отъ-часа дѣлается для насъ необходимѣе.

62) Фразеологія Англійскаго Языка, *или Собраніе употребительнѣйшихъ изрѣченій, изданное* Яковомъ Гердомъ. *Санктпетербургъ. Въ тип. А Плюшара.* 1840. *Въ 12-ю д. л. (in-oblong.) IV и* 218 *стр.*

Г. Гердъ, извѣстный у насъ изданіемъ нѣкоторыхъ руководствъ, къ изученію французскаго, нѣмецкаго и англійскаго языковъ, возъимѣлъ теперь намѣреніе издать «самоучителя» англійскаго языка и составить его изъ четырехъ частей: въ первой помѣстить фразеологію или собраніе употребительнѣйшихъ изрѣченій, во второй — этимологію и словосочиненіе, въ третьей — постепенныя упражненія по всѣмъ частямъ рѣчи для перевода съ русскаго на англійскій, въ четвертой — ключъ къ упражненіямъ и избранные уроки для чтенія. Нынѣ издана пока первая

часть, содержащая въ себѣ *фразеологію*. Въ этой книжкѣ напечатано по двадцати и болѣе фразъ о 218 различныхъ предметахъ, самыхъ обыкновенныхъ въ разговорѣ, и передъ каждымъ рядомъ фразъ помѣщены отдѣльно всѣ слова, составляющія фразу съ переводомъ ихъ на русскій, однакожь не въ начальномъ ихъ видѣ, а въ томъ, измѣненномъ, какой они имѣютъ въ слѣдующихъ за ними фразахъ. Вѣроятно это приноровлено авторомъ къ общему плану и цѣли его самоучителя, о которомъ надѣемся поговорить подробнѣе, когда онъ издастся весь.

63) Живописное Путешествіе по Азіи, *составленное на французскомъ языкѣ подъ руководствомъ* Эйріе (Eyriès), *и украшенное гравюрами. Переводъ* Е. Корша. *Изданіе* А. С. Ширяева. *Томъ III. Москва. Въ тип. Н. Степанова.* 1840. *Въ 8-ю д. л.* 223 *стр.*

Въ девяти главахъ (XXVIII — XXXVI), составляющихъ этотъ томъ, описаны: Китайское Государство, Государство Аннамъ, или Тон-Кинъ, Королевство Сіамъ, Малайскій Полуостровъ, Архипелагъ Мерги и Великобританскія Владѣнія между Полуостровомъ Малаккою и Бирманіей. Переводъ хорошъ. Безостановочный выходъ книжекъ обязываетъ насъ благодарностію къ издателю.

64) Статистическое Описаніе Ямбургскаго Уѣзда, *составленное Членомъ Ямбургскаго Уѣзднаго Статистическаго Комитета* Александромъ Де-ла-Гарде. *Санктпетербургъ. Въ тип. Губернскаго Правленія.* 1840. *Въ 8-ю д. л.* 52 *стр.*

Это «Описаніе» одного изъ уѣздовъ Санктпетербуржской Губерніи, напечатанное съ разрѣшенія г. санктпетербуржскаго гражданскаго губернатора, имѣетъ все достоинство оффиціально-достовѣрныхъ матеріаловъ для статистики Россіи. Въ немъ весьма-подробно, полно и удовлетворительно представлены свѣдѣнія о мѣстоположеніи, лагерныхъ мѣстахъ, почвѣ земли, дорогахъ, рѣкахъ, озерахъ, болотахъ и промышлености Ямбуржскаго Уѣзда. Такія монографіи — истинный кладъ для статистика, и нельзя не пожелать отъ всего сердца, чтобъ число ихъ увеличивалось у насъ съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе.

65) Поѣздка въ Ревель и Гельсингфорсъ *въ* 1839 *году. Съ примѣчаніями для посѣщающихъ эти города и съ историческимъ обозрѣніемъ древностей Ревеля. Санктпетербургъ. Въ тип.* 3-го *Деп. Минист. Госуд. Имуществъ.* 1840. *Въ* 12-ю *д. л.* 114 *стр.*

Эта маленькая, опрятно-изданная книжечка состоитъ изъ шести тоже маленькихъ «главъ», изъ которыхъ въ четырехъ говорится о Ревелѣ, въ одной о Ревелѣ и Гельсингфорсѣ, а въ послѣдней подаются разные коротенькіе совѣты желающимъ посѣтить эти города; т. е. предлагается родъ коротенькаго «путеводителя». Авторъ употребилъ на поѣздку полтора мѣсяца, а на прочтеніе его книжечки много я полутора часа. Новаго въ ней ничего нѣтъ, кромѣ перевода одного мѣста изъ Овидія, которымъ авторъ, какъ говорится, «скуки ради», занялся на пароходѣ и который сдѣлалъ слѣдующими стихами:

Юпитеръ чуть кончилъ разсказъ, и снова печалью и скорбью
Чело бороздится, и гнѣвъ выступаетъ изъ огненныхъ взглядовъ;

да еще разсказывается стихами же, какъ сердитый нарвскій водопадъ ревнуетъ жену свою, рѣку Нарову, которая

. . . кипитъ и быстро катится
Безъ оглядки по песку,
Чтобъ въ объятьяхъ друга милаго,
Въ лонѣ финскихъ береговъ (?)
Отдохнуть волнистой грудію,
Утолить свою любовь (стр. 94)."

Сверхъ-того, автору кажется, — и это ужъ въ прозѣ, — что XIX вѣкъ «несправедливо называютъ вѣкомъ изобрѣтеній», и онъ увѣряетъ, что «XIX вѣкъ есть вѣкъ *путей сообщенія!*» (стр. 80).

Впрочемъ вся книга писана безъ претензій (это единственное ея литературное достоинство), но не говоритъ ничего такого, что̀ было бы неизвѣстно даже и тому, кто никогда не бывалъ ни въ Ревелѣ, ни въ Гельсингфорсѣ, а знаетъ о нихъ только по слуху.

66) **Очерки съ Произведеній Живописи, Гравированія, Ваянія и Зодчества.** *Съ краткимъ описаніемъ и біографіями художниковъ. Москва.* 1840.

То, что̀ мы сказали въ предъидущемъ № нашего журнала о совращеніи съ пути этого изданія, должно бы, по-настоящему, быть повторено и теперь, по случаю этой новой тетрадки. И живопись, и гравированіе, и ваяніе, и зодчество, бросая укорительные взоры на г. Тромонина, отступаются отъ него и отъ его изданія; а онъ, непостоянный, нашелъ себѣ новый предметъ и теперь ему fait la cour, забывъ, въ чье имя сталъ-было онъ дѣйствовать. Въ послѣднихъ тетрадкахъ, — которыя, замѣтимъ мимоходомъ, всѣ-то и съ первыми составляютъ несдишкомъ большое семейство (ихъ очень немного и притомъ онѣ очень тонки) — въ послѣднихъ тетрадкахъ нѣтъ другаго содержанія, кромѣ очерковъ съ предметовъ чисто-археологическихъ, имѣющихъ историческій интересъ, и нисколько художественнаго. Конечно, въ предъидущей тетрадкѣ мы прочли умную и дѣльную статейку г. Снегирева, примѣненную къ очерку родословнаго дерева. Но эта статейка, будучи уже помѣщена до этого въ 2-хъ или 3-хъ повременныхъ изданіяхъ, не имѣетъ уже такого свѣжаго интереса, чтобы могла замѣнить собою другія, недостающія вовсе статьи; притомъ и эта статья, даже при новизнѣ содержанія, могла бы быть терпима въ изданіи г. Тромонина только при другихъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ изящнымъ искусствамъ; эти-то послѣднія статьи должны были бы составлять основу журнала.

Въ нынѣ-вышедшей тетрадкѣ помѣщенъ очеркъ съ изображеній, находящихся въ Новоспасскомъ Монастырѣ, въ преддверіи храма Преображенія, царей и ктиторовъ сего храма Михаила и Алексія (написанныхъ не на сырой штукатурѣ al fresco, но клеевыми красками, на сухомъ растворѣ al secco, въ полный ростъ человѣческій, нѣсколько однакожь преувеличенный, простирающійся до трехъ аршинъ). Къ этому очерку приложена большая, очень-дѣльная, очень-хорошая статья. Послѣ подробнаго описанія портретовъ (лицъ и всѣхъ принадлежностей костюма), опредѣляется стиль, какимъ они написаны; по этому случаю дѣлается краткій, но отчетливый очеркъ живописанія у насъ въ Россіи. Мы помиримся съ издателемъ, если онъ постоянно будетъ помѣщать въ своихъ тетрадяхъ подобныя статьи. Но въ такомъ случаѣ слѣдовало бы нѣсколько измѣнить заглавіе изданія. При выходѣ слѣдующей тетрадки, мы постараемся отдать читателямъ общій отчетъ за все изданіе г. Тромонина.

67) **Начальное Чтеніе для образующагося Юношества.** *Отдѣленіе второе. Москва. Въ тип. Н.*

Степанова. 1839. *Въ 8-ю д. л.* 197 *стр.*

О первомъ отдѣленіи, вышедшемъ, помнится, двумя или тремя изданіями, мы уже говорили. Во второмъ отдѣленіи помѣщены: описанія святыни, святыя мѣста въ Палестинѣ и въ отечествѣ, новый свѣтъ, отечественная исторія, жизнеописанія, нравственныя разсужденія, естественная исторія и повѣствованія. — Г. составитель держался прежней своей цѣли, т. е. «обращалъ особенное вниманіе на выборъ тѣхъ предметовъ, которыхъ значеніе и сущность относится болѣе до канвы познаній, нежели до ихъ подробностей и украшеній.» Цѣль довольно - хорошая! И выполненіе было бы недурно, еслибъ составитель не отступалъ отъ предположенной цѣли на значительное разстояніе; на-прим., мы рѣшительно не понимаемъ, какимъ-образомъ жизнеописаніе Конфуція можетъ относиться до канвы познаній. Чтобъ произнести одно его сокращенное китайское имя *Кхунц-зи*, необходимо имѣть *зубъ со свистомъ*, какъ у Добчинскаго. Видимо увлекаясь горячею любовію къ китаизму, г. составитель сохранилъ даже *драгоцѣнныя* имена достопочтенныхъ родителей философа, описалъ подробно, какъ они были похоронены ихъ покойнымъ сыномъ, какъ хоронили его-самого, какіе стихи написалъ онъ передъ смертію, какъ видѣлся съ другимъ философомъ Лао-цзи, что сей послѣдній говорилъ о немъ, и что онъ говорилъ о семъ послѣднемъ. Геройская хиноманія, удивительная *подробность*, относящаяся до «*подробностей*, украшенія познаній» и экзерциціи въ произношеніи китайскихъ словъ или ломкѣ зубовъ, что одно и то же! Это не канва познаній, а сплошные узоры, изображающіе башенки, колокольчики, бамбуковыя трости и прочія принадлежности небесной имперіи, къ которой особенно благоволитъ «Начальное Чтеніе»: ибо и въ 1-мъ его отдѣленіи извлекались правила изъ китайскихъ же книгъ.

Еще менѣе понимаемъ мы причину, которая понудила г. составителя *сокращать* сочиненіе Карамзина «О любви къ отечеству и народной гордости», — сокращать къ большой невыгодѣ для читателей. Странное дѣло — разпространяться о Конфуціи и дѣлать экстракты изъ сочиненія соотечественника, которое и безъ того недлинно! Положимъ, что Конфуцій великій философъ, выше Сократа, Платона и Аристотеля… да зачѣмъ же *ломать* мысли Карамзина? Даже названіе: *о любви къ отечеству и народной гордости* исчезло, замѣнившись другимъ: *любовь къ родинѣ и любовь къ отечеству*. Вотъ какъ! Карамзинъ не умѣлъ прибрать и надлежащаго заглавія своему разсужденію! Но г. составитель не досмотрѣлъ, вѣроятно, что въ сочиненіи Карамзина говорится о двухъ предметахъ: о любви къ отечеству и о народной гордости; что эти предметы различны, ибо первый относится ко второму, какъ причина къ слѣдствію. Источникъ одного (любви къ отечеству) — въ воспоминаніяхъ о дѣтствѣ, привычкѣ и стремленіи гражданина къ личному счастію; источникъ другаго (народной гордости) — въ любви гражданина къ отечеству, соединенной съ личнымъ самолюбіемъ. А то, что «Начальное Чтеніе» наименовало *любовію къ родинѣ*, есть не что иное, какъ два первые вида любви къ отечеству: физическая и нравственная; третій видъ есть любовь политическая, или патріотизмъ. Да съ этого и начинается разсужденіе: «*Любовь къ отечеству бываетъ физическая, нравственная и политическая*». Дѣло ясное, извѣстное и

тѣмъ, кто читалъ сочиненіе Карамзина, и тѣмъ, кто не читалъ его. Каждое сочиненіе есть выраженіе мыслей приличнымъ словомъ: кто выпускаетъ мысли, искажаетъ ихъ, перефразируетъ, тотъ очевидно доказываетъ, что избранное сочиненіе не можетъ относиться ни до канвы познаній, ни до подробности и украшенія познаній, и что оно, въ то же время, не есть образецъ языка. Давно ли такое мнѣніе сформировалось о Карамзинѣ? Если это мнѣніе принадлежитъ лично г. составителю, — зачѣмъ онъ выбралъ сочиненіе Карамзина? А выбравъ — зачѣмъ сокращалъ? Любопытно, въ этомъ отношеніи, сравнить нѣкоторыя мѣста оригинала съ переводомъ (иначе не умѣемъ назвать передѣлки составителя):

Оригиналъ.

Любовь къ отечеству можетъ быть физическая, нравственная и политическая.

Человѣкъ любитъ мѣсто своего рожденія и воспитанія. Сія привязанность есть общая для всѣхъ людей и народовъ, есть дѣло природы и должна быть названа физическою. Родина мила сердцу не мѣстными красотами, не яснымъ небомъ, не пріятнымъ климатомъ, а плѣнительными воспоминаніями, окружающими, такъ сказать, утро и колыбель человѣчества. Въ свѣтѣ нѣтъ ничего милѣе жизни; она есть первое счастіе — а начало всякаго благополучія имѣетъ для нащего воображенія какую-то особенную прелесть. Такъ нѣжные любовники и друзья освящаютъ въ памяти первый день дружбы своей. Лапландецъ, рожденный почти въ гробѣ природы, не смотря на то, любитъ хладный мракъ земли своей. Переселите его въ счастливую Италію: онъ взоромъ и сердцемъ будетъ обращаться къ сѣверу, подобно магниту; яркое сіяніе солнца не произведетъ такихъ сладкихъ чувствъ въ его душѣ, какъ день сумрачный, какъ свистъ бури, какъ паденіе снѣга. Они напоминаютъ ему отечество! самое расположеніе нервъ, образованныхъ въ человѣкѣ по климату, привязываетъ насъ къ родинѣ. Не даромъ медики совѣтуютъ больнымъ лечиться ея воздухомъ; не даромъ житель Гельвеціи, удаленный отъ снѣжныхъ горъ своихъ, сохнетъ и впадаетъ въ меланхолію, а возвращаясь въ дикій Унтервальденъ, въ суровый Гларисъ, оживаетъ.

Надобно видѣть двухъ единоземцевъ, которые въ чужой землѣ находятъ другъ друга: съ какимъ удовольствіемъ они обнимаются и спѣшатъ изливать душу въ искреннихъ разговорахъ! Они видятся въ первый разъ, но уже знакомы и дружны, утверждая личную связь свою какими-нибудь общими связями отечества! Имъ кажется, что они, говоря даже иностраннымъ языкомъ, лучше разумѣютъ другъ друга, нежели прочихъ: ибо въ характерѣ единоземцевъ есть всегда нѣкоторое сходство, и жители одного государства образуютъ всегда, такъ сказать, электрическую цѣпь, передающую имъ одно впечатлѣніе посредствомъ самыхъ отдаленныхъ колецъ или звеньевъ.

Передѣлка:

Человѣкъ любитъ мѣсто своего рожденія и воспитанія. *Эта* привязанность, общая для всѣхъ людей и народовъ, есть дѣло природы. Родина мила сердцу не мѣстными красотами, не яснымъ небомъ, не пріятнымъ климатомъ, а плѣнительными воспоминаніями, окружающими, такъ сказать, утро и колыбель человѣчества. Въ свѣтѣ нѣтъ ничего милѣе жизни; она есть первое счастіе, а начало всякаго благополучія имѣетъ для нашего воображенія какую-то особенную прелесть. Такъ нѣжные друзья *(за исключеніемъ «любовниковъ»)* освящаютъ въ памяти первый день дружбы своей. Лапландецъ, рожденный посреди оледенѣлой природы *(природа оледенѣлая! природа оттаявшая! мокрая! засохшая!)* не смотря на то любитъ хладный мракъ земли своей, переселите его въ природу Италіи *(«природы и въ природу» — фигура повторенія!)*: онъ взоромъ и сердцемъ будетъ обращаться къ своему сѣверу *(мой сѣверъ, твой сѣверъ, его сѣверъ, нашъ сѣверъ, вашъ сѣверъ, ихъ сѣверъ, свой сѣверъ, — и того семь сѣверовъ)*, какъ *(новое слово вмѣсто стариннаго «подобно»)* магнитъ; яркое сіяніе солнца не произведетъ такихъ сладкихъ чувствъ въ душѣ его, какъ день сумрачный, какъ свистъ бури и *(вмѣсто «какъ», для избѣжанія повторенія—)* паденіе снѣга, которые *(новое слово, вмѣсто стариннаго «ибо»)* напоминаютъ ему родину. *(Здѣсь г.*

сократитель выпустилъ мысль Карамзина о физическомъ устройствѣ человѣка, привязывающемъ его къ родинѣ,—и потому примѣръ Швейцарца лишенъ связи съ предъидущимъ). Житель Швейцаріи (*новое слово вмѣсто стариннаго «Гельвеціецъ»*), удаленный отъ снѣжныхъ горъ своихъ, сохнетъ и впадаетъ въ болѣзненную тоску (*«меланхолія» относится до подробностей и украшенія познаній, а «болѣзненная тоска»—до канвы познаній*), которая можетъ излечиться только возвращеніемъ его на дикую и суровую свою родину.

Надо (*новое слово вмѣсто стариннаго «надобно»*) видѣть двухъ единоземцевъ, которые въ чужой землѣ находятъ другъ друга: сколько радости въ этой встрѣчѣ и изліяніи души (*сколько изліяніи души!*) въ искреннихъ разговорахъ! они видятся въ первый разъ и (*вмѣсто «но»*) уже знакомы и дружны, утверждая личную связь какими-нибудь общими связями отчизны своей (*слово «своего» отнято у «связи» и присоединено къ «отчизнѣ»: тонкая штука!*), они понимаютъ вполнѣ другъ друга, и въ нравахъ ихъ есть свойственное родинѣ и для нихъ взаимное (*«въ нравахъ ихъ свойственное родинѣ и для нихъ взаимное!»* Г. сократитель не понялъ мысли Карамзина — и написалъ не то).

Любопытно посмотрѣть, какъ въ слѣдующихъ отдѣленіяхъ «Начальнаго Чтенія» сочиненія Державина, Жуковскаго, Батюшкова, можетъ-быть, Пушкина, будутъ подскабливаться, подчищаться и сокращаться. Право, интересно знать это!

Достоинство повѣсти: *Кто виноватъ?* для насъ недоступно. Цѣль ея, конечно, нравственная; но избави насъ Богъ отъ нравственныхъ уроковъ, которые заставляютъ зѣвать и взрослыхъ и невзрослыхъ! Сочинитель желалъ доказать, что часто минута промедленія, слова: *успѣю еще* могутъ свернуть всю жизнь съ настоящаго пути въ сторону. Но можно сочинить двадцать повѣстей и доказать, какъ 2×2=4, что часто одна минута ранняго прихода, поспѣшности, слово *поскорѣй,* свертываетъ человѣка съ надлежащаго пути жизни. Причина несчастій дѣйствующаго лица заключается не въ этихъ словахъ: *успѣю еще,* а въ его глупости, природной такъ-сказать, въ слабой его душонкѣ, въ ничтожной его натурѣ. Слава Богу, что такіе люди *не успѣваютъ!* Если бъ они и вставали рано, и кричали: *поскорѣй, поскорѣй...* все-таки надѣлали бы пошлостей: ибо ничтожное остается ничтожнымъ. При главномъ дѣйствующемъ лицѣ есть второе, родъ наперсника, дядька его, весьма удовлетворительно доказывающій, что дядьки—совершенно-лишняя вещь въ свѣтѣ; ибо онъ, не смотря на безпрерывныя свои поученія, не предостерегъ своего *дитяти* ни отъ одной глупости. Вотъ вамъ польза моральныхъ сентенцій! Хорошъ и батюшка героя. Посмотрите:

«Отецъ мой былъ огорченъ безуспѣшностію моего экзамена (въ гимназіи). Отъ чего ты не выдержалъ его? спрашивалъ онъ меня. Это просто несчастіе! отвѣчалъ я.

— Смотри, говорилъ онъ, первая неудача опасна: часто сбиваетъ она насъ съ прямаго пути и заставляетъ искать окольной дороги по своему предназначенію; а на этой дорогѣ много разъ случится обвинить несчастіе.

Этими словами отецъ предсказалъ всю мою будущность.

Не предсказывать будущность долженъ былъ бы почтенный родитель: ему *надлежало* бы схватить сынка за ухо да приговаривать: учись, учись, учись... А поученія, подобныя тѣмъ, которыя произнесъ папенька, *никакой пользы, кромѣ вреда,* не приносятъ.

Выборъ прочихъ статей хорошъ. Языкъ чистъ, правиленъ и легокъ.

68) Подарокъ нашимъ дѣтямъ. *Издали* Александръ и Софья Грены. *Санктпетербургъ. Въ тип. Василья Газенбергера.* 1840. *Въ 16-ю д. л.* 181 *стр.*

Порядочная дѣтская книжка, въ

которой, между-прочимъ перепечатана изъ «Дѣтской книжки для воскресныхъ дней на 1835 годъ» прекрасная статейка *дѣдушки Иринея* «Муравьи».

69) Дѣтскій Мозаикъ, *составленный изъ легкихъ повѣстей, описаній достопримѣчательныхъ мѣстъ и занимательныхъ предметовъ Натуральной Исторіи. Москва. Въ Университ. тип.* 1839. *Въ* 32-*ю д. л.* 94 *стр.*

Благодаримъ автора за выборъ предметовъ для маленькихъ читателей: дѣти найдутъ въ *Мозаикѣ* кое-что полюбопытнѣе пошлыхъ сказокъ, весьма-неостроумныхъ анекдотовъ и описаній домашнихъ животныхъ, которыя имъ очень-хорошо извѣстны безъ описаній и картинокъ, особенно съ тѣхъ-поръ, какъ одинъ почтенный филологъ помѣстилъ въ своей «Географіи» портретъ свиньи. Благодаримъ его — не г. филолога, а издателя «Дѣтскаго Мозаика» — за красивую и четкую печать, о которой вовсе не думали, составляя книги для дѣтей. Благодаримъ его, наконецъ, за чистую бумагу и порядочныя картинки, совершенно-непохожія на тѣ, которыя обыкновенно назначались для дѣтей, и на которыхъ невозможно было отличать носа отъ ноги. Издатель «Дѣтскаго Мозаика» лучше думаетъ о молодомъ поколѣніи, о надеждѣ нашей, — и его книжечка не состоитъ въ родствѣ съ такъ-называющейся «дѣтской литературой», отличительное свойство которой состояло въ томъ, что взрослый, добропорядочный человѣкъ необходимо долженствовалъ, взглянувъ на нее, закрыть глаза.

Но... не благодаримъ автора за то, что онъ, выбравъ хорошіе предметы для разсказа *дѣтямъ*, разсказалъ ихъ *не для дѣтей*. Одно и то же достопримѣчательное мѣсто, одно и то же происшествіе, одно и то же животное должны быть переданы отроку не такъ, какъ юношѣ, юношѣ не такъ, какъ мужу. И качество и количество описаній измѣняются съ перемѣною возраста. Авторъ «Дѣтскаго Мозаика» не съумѣлъ или не захотѣлъ обратить вниманія на это обстоятельство. Онъ просто-на-просто переводилъ или бралъ изъ переведенныхъ книгъ, которыя назначались не для дѣтей, разные предметы. Вся его *придѣлка* или *передѣлка* состоитъ въ обращеніи, при началѣ каждаго разсказа, къ дѣтямъ, въ сладенькихъ словахъ: «пойдемте со мною, *любезныя* дѣти»... «Безъ сомнѣнія, многимъ изъ васъ, *любезные* читатели, неизвѣстно»... «Я думаю, что и вы, *любезныя* дѣти»... и прочія, тому подобныя, любезности. Отъ этого на стр. 19, мы съ удивленіемъ читаемъ: «Двѣ причины разрушенія горъ. Первая происходитъ отъ волканическаго огня. Она *слишкомъ извѣстна*, чтобъ мы сочли за нужное объяснять ее». Какимъ же это любезнымъ дѣтямъ слишкомъ-извѣстна первая причина разрушенія горъ, происходящая отъ волканическаго огня? Гдѣ вы, любезныя дѣти? Дайте мнѣ обнять васъ за столь раннюю ученость!.. Отъ этого же, на стр. 23, мы видимъ: «Безъ сомнѣнія многимъ изъ васъ, любезные читатели, *неизвѣстно* имя Кановы»... Странное понятіе о дѣтскихъ понятіяхъ! Первая причина разрушенія горъ *слишкомъ-извѣстна*, а имя Кановы — *неизвѣстно!* и въ-слѣдъ за симъ неизвѣстнымъ именемъ дитя читаетъ: «Остальное *всѣмъ* извѣстно. *Мы* знаемъ, что Канова имѣлъ многихъ наставниковъ, и перегналъ ихъ всѣхъ» (стр. 39). — Кто жь эти *всѣ*? эти *мы*? Я, пишущій эти строки, вы, составитель «Дѣтскаго Мозаика», они, великіе и малые мужи, но ужь конечно не тѣ, для которыхъ

назначенъ «Дѣтскій Мозаикъ» и которымъ даже *имя* Кановы неизвѣстно.— Не благодаримъ также автора за нѣкоторыя анти-ореографическія подписи внизу картинокъ: *Повѣлитель островов убійства; Параходъ*. Не благодаримъ его, наконецъ, за кой-какіе синтаксическіе промахи, на-прим.: «Она *слишкомъ* извѣстна, *чтобъ* мы сочли за нужное *объяснять* ее» (галлицизмъ, стр. 19). — Не *споря въ* этомъ, и *не заглядывая подъ* завѣсу старины» (стр. 92). Старина лежитъ не внизу, и потому нельзя заглянуть *подъ* завѣсу!

70) **Полная Бухгалтерія или Счетная Наука**, *составленная* Кларкомъ и Нѣмчиновымъ *въ трехъ частяхъ*. **Съ Дополненіемъ**. *Содержащая въ себѣ: правила бухгалтеріи купеческой, мануфактурной, заводской и сельской и основанія канцелярскаго счетоводства; правила купеческаго письмоводства; толкованіе иностранныхъ монетъ, мѣръ и вѣсовъ и вексельнаго курса, съ таблицами вычисленія процентовъ на капиталы— составленная для веденія книгъ на основаніи Высочайше утвержденнаго повсемѣстнаго курса на серебро. С.-П. бургъ. Въ тип. Штаба Отдѣл. Корп. Внутрен. Стражи.* 1840. *Въ 4-ю д. л. Въ I томѣ X и* 327; *во II —XVI и* 156; *въ* 3—*IV и* 274; *въ Дополненіи* 44 *стр.*

Въ заглавіи описано почти все содержаніе этого сочиненія. Мы прибавимъ къ нему слѣдующее пополненіе. Въ первомъ томѣ находится изложеніе правилъ купеческой бухгалтеріи и руководство къ практикѣ, а именно: 1) примѣрное показаніе внутреннихъ оптовыхъ дѣлъ, и книгъ дневной и главной; 2) примѣрное показаніе лавочныхъ дѣлъ и книгъ лавочной, долговой, дневной и главной. Во *второмъ* томѣ наставленіе къ составленію употребительныхъ по торговлѣ документовъ съ примѣрами; наставленіе къ сочиненію писемъ по торговымъ дѣламъ съ примѣрами; описаніе монетъ, мѣръ и вѣсовъ, существующихъ въ Россіи и въ главнѣйшихъ иностранныхъ городахъ; таблицы процентовъ на капиталы съ руководствомъ къ вычисленію. Въ *третьемъ* томѣ находится продолженіе перваго тома, именно: 1) примѣрное показаніе оборотовъ по внутренней и заграничной торговлѣ, и книгъ разсчетной, товарной, кассовой, ручной (или меморіала), дневной и главной; 2) объясненія на примѣрныя показанія дѣлъ и книгъ. Въ *Дополненіи* находятся: 1) Правила для веденія книгъ по счету на серебро, и примѣры подобнаго веденія; 2) объясненіе простой бухгалтеріи, а въ послѣднемъ параграфѣ сдѣлано замѣчаніе о бухгалтеріи канцелярской и сельской.— Вотъ содержаніе книги г. Кларка, которую, не смотря на длинноту поставленнаго на ней заглавія, мы считаемъ лучшею у насъ по этой части. По правиламъ и примѣрамъ ея можно достаточно научиться вести всякія торговыя книги, и вообще весь конторскій письменный порядокъ, по купеческому обыкновенію, съ необходимыми въ этомъ дѣлѣ разсчетами. Но для веденія канцелярскихъ и сельскихъ дѣлъ она недостаточна.

71) **Руководство къ Управленію Имѣніями**. *Соч.* А. Вокляръ-Лярскаго. *Просмотрѣнное* С. М. Усовымъ. *Книга для помѣщиковъ и управителей. Санктпетербургъ.* 1840. *Въ 8-ю д. л. IV и* 156 *стр.*

Въ этой книжкѣ, въ видѣ разговоровъ съ помѣщикомъ и управителемъ, сочинитель объясняетъ ошибочныя понятія, которыя препятствуютъ введенію въ управленіи имѣніями надлежащаго порядка, основы ихъ благосо-

стоянія. Особенно онъ входитъ въ подробности правильной отчетности, и показываетъ вообще, какимъ-образомъ управляющему слѣдуетъ наблюдать ее, и какія отъ-того могутъ въ имѣніи происходить выгоды. Въ предисловіи сочинитель говоритъ: «Наука управленія не имѣетъ у насъ прочнаго основанія. Многіе даже думаютъ, что она не подлежитъ никакимъ правиламъ. И тѣ самые, которые соглашаются, что надобно учиться агрономіи, удивляются, когда имъ скажутъ, что еще нужнѣе учиться управленію. Думаютъ, что можно управлять имѣніемъ по своимъ фантазіямъ.» Далѣе авторъ пишетъ: «я управлялъ собственнымъ хозяйствомъ, и имѣлъ случай заглядывать въ управленіе другихъ заведеній, и чѣмъ болѣе вникаю въ этотъ предметъ тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что для достиженія успѣха въ хозяйствѣ необходимо правильное, вполнѣ отчетливое управленіе.» Соглашаясь съ мнѣніемъ сочинителя, мы прибавимъ, что чтеніе его книжки не только доставитъ многимъ хозяевамъ удовольствіе, но и подастъ инымъ изъ нихъ случай употребить въ свою пользу многіе изъ совѣтовъ, въ ней находящихся. Въ концѣ книжки приложены таблицы для хозяйственныхъ сметъ.

72) Гадательный Альбомъ *для забавнаго препровожденія времени. Москва. Сочин. и рисов.* Иванъ Ларіоновъ Тихоміровъ. *Гравировалъ* Л. Самахинъ.

Насъ могутъ спросить, за-чѣмъ мы иногда довольно-подробно излагаемъ содержаніе книгъ, которыя не стоятъ и двухъ добропорядочныхъ словъ... Какъ за-чѣмъ, милостивые государи? Иногда одно содержаніе книги безъ всякаго суда и сужденія со стороны рецензента, ясно показываетъ, что за птица вознеслась на горизонтъ русской литературы. Случается также, что разсказъ содержанія, купно съ выписками изъ новаго творенія (хотя мы ими пользуемся наименѣе всѣхъ нашихъ братій - журналистовъ) составляетъ такую комическую статейку, что, право, не сочинить подъ-часъ подобной, сколько ни старайся. Мы поступаемъ въ этомъ случаѣ такъ же, какъ смотрители кабинетовъ рѣдкостей: вмѣсто описанія урода, показываемъ самого урода... зрите и судите! Вотъ, передъ нами одно изъ таковыхъ уклоненій отъ нормальнаго состоянія книгъ. Въ нормальномъ состояніи, книга должна имѣть смыслъ и не имѣть грубыхъ орѳографическихъ ошибокъ: въ «Гадательномъ Альбомѣ» перваго совершенно нѣтъ, второе преобладаетъ. На первой страницѣ вы видите *Жилищѣ Ягибабы;* на второй читаете, вверху: Какія, (?) страсть, свойства или *случаи обладаютъ (?)* тою особою (,) о которой думаю, а внизу: *Васильевъ Вѣчеръ;* на 4-й — «исполнится ли мое *желаніе о чемъ я думаю* или нѣтъ». На 6-й вверху: «хорошъ ли *лицемъ мнѣ будетъ* женихъ, хороша ли *лицемъ мнѣ будетъ* невѣста», и на сторонѣ: «Вмѣсто отвѣтовъ подъ *симъ* находятся портреты, *коихъ по* 18 *разныхъ физіономій* (!?), а 19-я цыфра означаетъ: «Особѣ мужескаго пола не быть женатымъ; а *дамскаго (?)* замужемъ». На 7-й и 8-й — «смотри по цыфру каковъ твой будетъ суженый; смотри по цыфру какова твоя будетъ суженая». Послѣ сего стоитъ только передвинуть вырѣзанный кружокъ и явится или смазливое личико, или гнусная рожа... Очень-забавно!

73) Нѣкоторыя изъ Забавъ Отдохновенія или Бесѣда съ Современниками и Потомствомъ, въ 1838 и въ 1839 годх. Николая Назаръевича Муравьева. *Тайная*

Совѣтника. Часть тринадцатая. Санктпетербургъ. Въ тип. Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. 1839 *года. Въ 8-ю д. л.* 376 *стр.*

Со времени открытія книгопечатанія, изъ-подъ типографскихъ станковъ еще не выходило столь удивительной книги, какъ «Нѣкоторыя изъ Забавъ Николая Назарьевича Муравьева». Кто не согласится въ этомъ съ нами, прочтя изъ предисловія къ «Забавамъ» вотъ хоть эти строки:

«Книги мои читать должно *пристовнешись*. Ихъ надобно прочесть и разъ и два, точно *постигнуть, уразумѣть* содержащіяся въ нихъ истины, въ нихъ познакомиться со *мною, и тогда произносить о нихъ и о мнѣ судъ свой*. Для нихъ общія *знаній* предубѣжденія, суть *тусклыя* стекла очковъ. Въ нихъ человѣческое разумѣніе должно прогуливаться объ руки, дружески, *неразлучно* съ разумѣніемъ *здравымъ*. А для *етого* нужны и *знанія* и *позананія здравыя же;* а не тѣ однѣ, которыя преподаются *общими* книгами и учителями. На ето нужно время; а потому-*та* я и отдаю всѣ свои сочиненія любопытству и суду моего *просвѣщеннаго* потомства, какъ моего всегдашняго собесѣдника. Конечно, *етого я* не могъ бы сдѣлать, если бъ *мои времени*, собственно въ Россіи, были такія же, какъ *послѣднія* времена *Сократа* и *Галилея*. И потому-*та* здѣсь изъявляю имъ свою искреннѣйшую признательность. Я знаю, что *потомству* нашему будутъ *понятнѣе наши понятія* и *разумѣнія здравыя* (ибо *етѣ* всѣхъ временъ), чѣмъ всѣ наши красныя слова (ибо *етѣ* временъ текущихъ, какъ каждой другой нарядъ); которыя въ потомствѣ будутъ употреблять въ сказкахъ и для потѣхи *только, какой хотите...*»

Не правда ли, что *удивительно?*

Книга начинается статьею «Вселенная и ея міры». Хотите ли вы узнать что такое вселенная? — Слушайте:

«Веселенная есть собраніе тѣлъ, вѣчно движущихся въ кругавидныхъ путяхъ, тѣлъ и твердыхъ и жидкихъ.

«Міры вселенной суть особыя вселенной части: міръ солнечный, то есть, небесное тѣло солнце съ его планетами и кометами; міръ земный, міръ венеры, міръ юпитера, міръ сатурна и пр., суть особыя части міра солнечнаго, принадлежащія планетамъ *етаго* міра (*стр.* 1).

И глубоко, и высоко, и сильно, и красиво! Мы увѣрены, что *просвѣщенное* потомство непремѣнно пойметъ книгу Николая Назарьевича Муравьева: въ ней все — отъ смысла до языка и орѳографіи — удивительно какъ приноровлено къ понятію *просвѣщеннаго* потомства, но рѣшительно недоступно для нашихъ временъ.

74) Петербургскіе Критики и Русскіе Писатели. *Нѣсколько мыслей о современномъ состояніи русской литературы, въ отношеніи къ критикѣ. Санктпетербургъ.* 1840. *Въ тип. Главнаго Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій. Въ* 12-*ю д. л.* 70 *стр.*

Изъ всѣхъ непріятныхъ и смѣшныхъ положеній въ жизни самое непріятное и самое смѣшное — положеніе плохаго актёра, забывшаго на сценѣ роль свою, и положеніе автора, вынужденнаго защищать свою книгу. Хороша она — ея не убьетъ несправедливость критиковъ; дурна — туда ей и дорога. Вотъ другое дѣло, если критикъ, умышленно или неумышленно, изказилъ содержаніе вашей книги, или приписалъ вамъ то, чего въ ней нѣтъ: тогда возражайте и защищайтесь. Но во всякомъ другомъ случаѣ, имѣйте уваженіе къ своей личности, къ своему человѣческому и авторскому достоинству, — и не выходите на поприще, гдѣ будутъ указывать на васъ пальцами. Судъ надъ книгою принадлежитъ не только не автору, но и не критикамъ, а публикѣ.

Г. Леопольдъ Брантъ судитъ объ этомъ иначе. Онъ издалъ книгу «Воспоминанія и очерки жизни», *повѣсти и разсказы:* всѣ русскіе журналы, всегда неединодушные въ сужденіяхъ

о книгахъ, на этотъ разъ единодушно отозвались о книгѣ г. Леопольда Бранта. Ему это не понравилось, — и вотъ онъ издалъ брошюрку, въ которой грозится, что онъ съ отчаянія зарѣжется (стр. 3 «Предисловія»), и что его книга, не смотря на осужденіе журналистовъ, очень-хороша. Разумѣется, что эта исторія кончится тѣмъ, чѣмъ оканчиваются всѣ подобныя исторіи: г. Леопольдъ Брантъ своею брошюрою подастъ журналистамъ новый случай позабавиться насчетъ его неудачнаго авторства, а публика только изъ ихъ рецензій и узнаетъ о существованіи этой брошюрки. Вольно же было въ другой разъ дѣлать то, чего не должно бъ было дѣлать и въ первый разъ: сами виноваты!...

—

2) КНИГИ, ИЗДАННЫЯ ВЪ РОССІИ НА ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКАХЪ.

5) Notice sur l'Eurypterus de Podolie et le Chiroterium de Livonie, *par* G. Fischer de Waldheim. *Москва. Въ тип. Августа Семена.* 1839. *Въ 4-ю д. л. 29 стр. Съ двумя таблицами.*

Описаніе двухъ изкопаемыхъ тѣлъ, найденныхъ въ Подольской и Лифляндской Губерніяхъ, составляетъ отрывокъ или — какъ назвалъ его самъ г. Фишеръ — отдѣльный нумеръ обширнаго, ученаго сочиненія: «Recherches sur les ossements fossiles de la Russie», которымъ занимался и занимается знаменитый нашъ естествоиспытатель. Одно изъ этихъ изкопаемыхъ тѣлъ: *Eurypterus*, принадлежитъ къ крабникамъ (черепоножнымъ), а другое: *Chirotherium*, есть особенная порода двуутробки, опредѣленная и характеризованная г. Каупомъ.

Подробность и отчетливость въ изложеніи, два неизмѣнные спутника всякаго добросовѣстнаго труда, не оставили нашего ученаго и въ «Извѣстіи» (Notice) о двухъ изкопаемыхъ тѣлахъ. Онъ не ограничился описаніемъ тѣхъ породъ животнаго, къ которымъ принадлежатъ найденныя изкопаемыя, но, обозрѣвъ всѣ породы (виды), образующія родъ, сдѣлалъ указанія библіографическія, такъ-что передъ вами полная исторія описываемаго предмета. Умѣнье осмотрѣть надлежащимъ образомъ каждую частью науки, даже *самую частную*, и явиться предъ публикой съ работой оконченной, чуждой пробѣловъ и промаховъ, свойственно однимъ истиннымъ ученымъ, которые дорожатъ своими понятіями, и не мѣняютъ ихъ на первую встрѣчную отрасль промышлености. Вотъ почему имя г. Фишера почтительно цитовалось и цитуется натуралистами первой величины: Кювье, Ж. С.-Илеромъ, Меккелемъ; вотъ почему и мы гордимся тѣмъ, что имѣемъ у себя ученаго, которому даже *сама скромность* не запретитъ стать на ряду съ извѣстнѣйшими зоологами.

Кстати упомянемъ здѣсь, что профессоры Императорской Московской Медико-Хирургической Академіи и многіе молодые врачи, воспитанники г. Фишера, желая засвидѣтельствовать признательность и чувства дружбы своему бывшему начальнику и наставнику, праздновали его роденъ ждецiя 8-го октября 1839 года, обѣдомъ, который почтили своимъ присутствіемъ московскій генерал-губернаторъ князь Д. В. Голицынъ и другія почетныя лица. Г. Гейманъ, въ русской рѣчи, изобразилъ ученые и административные труды г-на Фишера, который былъ наименованъ вице-президентомъ Академіи въ 1817 году, президентомъ въ 1818, и занималъ это важное мѣсто въ-теченіи 22 лѣтъ.

6) Recueil des principales règles de l'orthographe française par Théodore Courtener, lecteur à l'université Impériale de Moscou. (Собраніе главнѣйшихъ правилъ Французской ороографіи, составленное Өедоромъ Куртнеромъ, лекторомъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ). Второе изданіе, безъ перемѣнъ. Москва. Въ Универ. тип. Въ 8-ю д. л. 148 стр.

Порядокъ статей въ этой книжкѣ, весьма-полезной для учащихся, можно бы нѣсколько измѣнить. Авторъ помѣстилъ прежде всего десять ороографическихъ уроковъ, приложивъ къ нимъ десять упражненій; потомъ изложилъ теорію страдательныхъ причастій, которыя также сопровождаются многими практическими упражненіями; наконецъ напечаталъ дополненіе къ собранію главнѣйшихъ правилъ; по нашему мнѣнію, дополненіе лучше бы отнести къ правиламъ, а статью: *о страдательныхъ причастіяхъ* помѣстить въ концѣ; теперь же она безъ нужды разсѣкаетъ двѣ части, которыя должны быть нераздѣльными. Это легкое съ нашей стороны замѣчаніе касается единственно расположенія; правила же и примѣры, находящіеся въ книгѣ, весьма-полезны по своей отчетливости, ясности и полнотѣ. Всѣ сочиненія г. Куртнера, въ томъ числѣ и это, заслуживаютъ благодарность какъ преподавателей французскаго языка, такъ и учащихся. Умѣнье избрать надлежащій примѣръ, объяснить трудное правило французской грамматики какимъ-нибудь средствомъ, заимствованнымъ изъ грамматики русской, выставить сходство и различіе двухъ языковъ, иностраннаго и отечественнаго, — вотъ главныя заслуги г. Куртнера, и вотъ почему руководства, имъ изданныя, достигаютъ многихъ изданій.

7) De Institutione Grammatica ad normam Emmanuelis Alvari libri duo posteriores, de constructione partium orationis, ac de syllabarum dimensione et poeseos elementis. Edidit I. B. Einerling, auctorum Classicorum latinorum editor. С. Петербургъ. Въ тип. К. Края. 1840. Въ 12 д. л. XII и 327 стр.

Г. Эйнерлингъ, какъ извѣстно, предположилъ издать «Избранную Библіотеку для Юношества, обучающагося Латинскому Языку и Словесности». Девять частей этой «Библіотеки» уже изданы; нынѣ появилась десятая часть, содержащая въ себѣ латинскій синтаксисъ, также правила реторики и піитики, разумѣется, напитанныя духомъ схоластическимъ.

8) Le jeu des fables ou fables de Lafontaine mises en action (Игра въ басни, или Басни Лафонтена, представленныя въ дѣйствіи). Москва. Въ тип. Августа Семена. 1840. Двѣ книжки. Въ 24-ю д. л. Въ І-й 30, во ІІ-й 30 стр.

Не понимаемъ, что за цѣль была у издателя вырвать нѣсколько басенъ изъ Лафонтена и издать ихъ безъ всякаго толка. Впрочемъ, чтобы понять эту цѣль, нужно только обратить вниманіе на заглавіе. Не правда ли, что книжка названа очень-заманчиво? Вы уже вынимаете деньги, чтобъ купить ее въ подарокъ дѣтямъ, воображая, что тутъ въ-самомъ-дѣлѣ придумана какая-нибудь занимательная игра изъ басенъ, представленныхъ въ дѣйствіи. О, не довѣряйте наружности вещей и не довѣряйте заглавію книжекъ: тотчасъ обманетесь! Никакого дѣйствія и никакой игры нѣтъ. Здѣсь просто, безъ всякаго разбора, выбраны басни изъ Лафонтена, просто напечатаны съ подбавкою опечатокъ, да, сверхъ-того, передъ нѣкоторыми, гдѣ дѣло происходитъ въ лѣсу, поставленъ bois. Больше ничего нѣтъ; игра же и дѣйствіе поставлены только въ заглавіи.

II. ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

I. ГЕРМАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Теперь мы намѣрены побесѣдовать съ читателями объ изящной литературѣ Нѣмцевъ; но, слѣдуя принятой нами системѣ, прежде нежели приступимъ къ указанію на новыя книги, должны представить общую характеристику, указать главныя направленія. Это нелегко сдѣлать въ статьѣ краткой, имѣющей другое назначеніе. Вспомнимъ, какія массы книгъ ежегодно представляетъ плодовитая нѣмецкая письменность! Раздѣлить ихъ на роды по внутреннему сродству, раскрыть въ нихъ жизнь и стремленіе народнаго духа, подмѣтить всѣ фазы его развитія, всѣ главныя формы кристаллизаціи народной фантазіи — подвигъ трудный, за который мы отнюдь не беремся, тѣмъ болѣе трудный, что теперь, какъ мы уже замѣтили прежде, литература представляетъ начало чисто демократическое. У нея нѣтъ главы, которая управляла бы ея движеніемъ, нѣтъ фокуса, который собиралъ бы въ себя лучи духовной жизни народа; итакъ, чтобъ ознакомиться съ нею, надобно погрузиться въ массу книгъ, изъ которыхъ только немногія могутъ служить ненадежными маяками, и въ этомъ лабиринтѣ открыть тѣ ключи, изъ коихъ образуется потокъ современной общественной и умственной жизни германскаго народа.

Откуда же это безначальственное положеніе германской литературы? отъ-чего жь нѣтъ у ней теперь главы какъ былъ Гёте и др.? Этотъ вопросъ надобно рѣшить анализомъ всего современнаго быта, потому-что литература всегда находится въ гармоніи съ временемъ, эпохою, къ коей относится, и есть непосредственное произведеніе ея. Наша эпоха все сглаживаетъ подъ одинъ уровень, вездѣ хочетъ общности, не терпитъ монополій и силы ума и фантазіи, сосредоточеніе коихъ такъ же необходимо для образованія великихъ произведеній, какъ скопленіе капитала для важнаго торговаго предпріятія, расточаетъ на тысячи журналовъ, газетъ, брошюровъ и повѣстей, которыя, подобно пару, этому представителю современной цивилизаціи, недающему застаиваться народной производительности, разрываютъ мысль на клочки, и прежде, нежели она созрѣла и окрѣпла, вырываютъ ее изъ души производителя, предоставляя дому цѣлаго народа возрастить ее. Рѣдко, нѣжное растеніе, вырываемое изъ отеческой утробы, достигаетъ красоты и крѣпости; часто оно засыхаетъ совершенно; но за-то никакой цвѣтокъ не укроется въ глуши и безъизвѣстности и умственное поле пестрѣетъ обиліемъ и разнообразіемъ, хотя и не имѣетъ кедровъ, которые осѣняли бы его своею величественною тѣнью. Эта общность труда и мысли, это необыкновенное расшире-

ніе литературной производительности, препятствующее легкому возвышенію индивидуальностей, имѣетъ свое начало въ исторіи XIX вѣка, въ тѣхъ потрясеніяхъ, которыми онъ открылъ свое грозное теченіе. Но теперь, когда борьба кончена, вопросъ рѣшенъ, кому жить — указано гдѣ жить, естественно, возникла рѣчь о томъ, какъ жить. Но это вопросъ уже домашній: онъ можетъ и долженъ быть рѣшенъ спокойнѣе, тише, нежели тѣ вопросы, за которые народы, тридцать лѣтъ тому назадъ, проливали потоки крови. Теперь намъ нечего бояться за наше существованіе: наши нравственныя силы ненапряжены, мы перестали бродить изъ страны въ страну, мы дома, у себя, на свободѣ; каждый ищетъ покоя и удобствъ: народы, великіе во брани, стали наряду съ другими народами, признали ихъ братьями, равными себѣ и принялись за свои дѣла семейныя. Это обращеніе къ самому-себѣ, къ предметамъ ближайшимъ, къ потребностямъ повседневнымъ, въ литературѣ породило такъ - называемую общественную литературу, анализъ потребностей ближайшихъ, чувствованій, стремленій каждодневныхъ, семейныхъ, домашнихъ, а въ жизни развило направленіе промышленное, коммерческое, которому также способствовала нужда, испытанная народами въ смутную эпоху вражды ихъ и брани. Да, у насъ все разсчетъ, все спекуляція; вездѣ господство ближайшаго, непосредственнаго интереса надъ идеями. Правда, онѣ живутъ своею жизнію въ наукѣ; но общественное ихъ развитіе, особенно въ послѣдніе годы, приняло такое направленіе, что онѣ вырабатываются только изъ матеріальныхъ событій вѣка, изъ ближайшихъ, вещественныхъ нуждъ его, изъ его споровъ и тяжебъ за положительныя свои потребности, а не разпоряжаютъ послѣдними, не ведутъ впередъ. Тамъ же, гдѣ господствуетъ ближайшее, положительное, какъ ожидать такого генія, для котораго первымъ условіемъ должна бы быть широта мыслей и дѣйствія, стремленіе за предѣлы существующаго, обыкновеннаго? Одинъ остроумный нѣмецкій писатель по-справедливости замѣчаетъ, что единственные, возможные въ нашу эпоху, геніи суть геніи промышленные и коммерческіе, Джонъ Кокериль и Ротшильдъ. Они управляютъ вѣкомъ; въ ихъ рукахъ пружины, двигающія жизнію народовъ, на ихъ поприщѣ сосредоточились талантъ, изобрѣтательность, отважность, предпріимчивость — а литературѣ, а развитію умственному предоставлена скромная посредственность, движеніе въ колеѣ пробитой, изъѣзженной, работа по-большой-части только en detail. «Наше время» говоритъ нѣмецкій писатель Маргграфъ: «подобно лѣнивому, сонливому животному, которое, разтянувшись на песчаной равнинѣ, держитъ въ зубахъ остатки прежняго тучнаго корма, связку сѣна да травы, пережевываетъ ихъ, переваривает». Таково положеніе литературы въ Германіи; неутѣшительнѣе въ Англіи, во всей Европѣ, включая Францію. Послѣдняя страдаетъ нервами, и потому издаетъ иногда болѣзненные стоны; эти стоны, — очень натуральные у больнаго и дающіе французской литературѣ отпечатокъ особенный предъ прочими литературами, — передразниваются иногда народами съ чистою кровію и здоровою нервною системою, а потому нерѣдко производятъ впечатлѣніе, подобное тому, которое чувствовалъ Іоаннъ Крейслеръ, въ гофмановыхъ фантастическихъ мечтаніяхъ, слушая серенаду, которою угощали его ночью кошки на сосѣдней кровлѣ.

Представляя нашимъ читателямъ

эту неутѣшительную картину, мы разумѣли исключительно изящную нѣмецкую литературу, а не ученую, которая носитъ признаки большой дѣятельности: въ ней работаютъ новыя философскія идеи, расширяются круги всѣхъ отраслей знанія; и то, что вредитъ поэзіи, способствуетъ труду положительному. Но въ литературѣ изящной, увы! въ ней мало творчества. Нѣмцы теперь не творятъ, а разсуждаютъ, у нихъ господствуетъ разлагательный элементъ, а не созидательный, и критицизмъ не только преслѣдуетъ произведенія фантазіи, но и предшествуетъ имъ. Нѣмецкіе писатели жалуются, что въ Германіи теперь каждый школьникъ дѣлается критикомъ, и вмѣсто того, чтобъ развивать свои юныя силы производительностію, пытаетъ ихъ на критикѣ; вмѣсто того, чтобы любить и вѣрить, почитаетъ долгомъ сомнѣваться, осуждать, не даетъ душѣ укрѣпиться ни въ одномъ чувствѣ, не позволяетъ ей привязаться ни къ одному предмету, не ослабивъ перваго сомнѣніемъ, и не охолодивъ привязанность критицизмомъ. Дѣйствительно, пора бы подумать о томъ, что ужъ не слишкомъ ли Нѣмцы преданы этой маніи критицизма! Критика должна помогать таланту, указывать ему прямой путь, когда онъ собьется съ настоящей дороги, а не душить его въ зародышѣ, останавливая свободный полетъ его. На сѣверѣ Германіи, гдѣ преимущественно господствуетъ это критизирующее направленіе, мы видимъ, что большая часть новыхъ литературныхъ произведеній вовсе не носитъ на себѣ печати свободнаго творчества, а кажется диссертаціями въ лицахъ на какой-нибудь вопросъ, который писатель задалъ самъ-себѣ. Читайте повѣсти и романы Гуцкова, Лаубе, Мундта, Мюгге (послѣдній впрочемъ напечаталъ въ прошломъ году очень-занимательный романъ «Tänzerin und Gräfin», даже романы Стефенса и драмы плодовитаго и неутомимаго Раупаха; въ нихъ найдете много занимательнаго, умнаго, даже остроумнаго, но нѣтъ свѣжести фантазіи: она подавлена критицизмомъ. Эти писатели рождаютъ не образы, которые сливались бы въ гармоническую идею, а мысль, вмѣсто своего прямаго выраженія ищущую образовъ, иногда неохотно слѣдующихъ ея призванію. Еще тамъ, гдѣ Нѣмецъ беретъ предметъ фантастическій, или нападаетъ на родную свою тему — сантиментальность, тамъ онъ болѣе свободенъ; но какъ-скоро юные Германцы берутъ предметы свои изъ современной жизни, то непремѣнно вязнутъ въ резонёрствѣ, разложеніи мысли, критицизмѣ; полный и свободный образъ, картина живая, рѣдко ложится подъ перомъ ихъ. Еслибъ югъ и западъ Германіи говорилъ и писалъ не по-нѣмецки, тогда почти не было бы современной германской поэзіи: она поддерживается только югомъ. Тамъ, подъ благословеннымъ небомъ, среди прекрасной природы, Нѣмцы менѣе философствуютъ, менѣе разлагаютъ жизнь, менѣе критизируютъ, а живутъ полнѣе при созерцаніи сѣдыхъ остатковъ поэтической старины. Современные поэты Германіи суть дѣти юга или Рейна. Уландъ, Рюккертъ, Фрейлигратъ, Анастасій Грюнъ, Грильпарцеръ — это натуры южныя, которыя или родились на югѣ и на Рейнѣ, или избрали ихъ своимъ мѣстопребываніемъ, и представляютъ теперь германскую мечту, германскую музу, тогда-какъ сѣверъ весь закутался въ сухую науку, въ теоріи, въ ученыя изслѣдованія старины, въ критицизмъ. Но за исключеніемъ двухъ новыхъ драматическихъ пьесъ Грильпарцера, и нѣсколькихъ лирическихъ произведеній вышеисчисленныхъ поэтовъ, это но-

этическое созвѣздіе Германіи въ срединѣ и послѣднихъ мѣсяцахъ прошлаго года не произвело ничего особенно-замѣчательнаго. Трагедія Вернера: *Hermann der Cherusker,* романъ Кёнига *William's Dichten und Trachten;* романъ Мюгге, о которомъ упомянуто выше; романъ поселившагося въ Веймарѣ Лифляндца Штейнберга «*Kallenfels*», вотъ что новаго. Гейне исписался, Мундтъ, Лаубе, Гуцковъ полемизируютъ въ журналахъ; первый изъ этихъ знаменитостей ѣздилъ къ венгерскимъ Славянамъ запасаться новыми впечатлѣніями и пока напечаталъ только одну статью: «О холмѣ Костюшки». Наиболѣе любопытна изъ этихъ новостей—романъ Кёнига, но о немъ мы будемъ говорить особо; а теперь, такъ какъ мы сказали, что на сѣверѣ Германіи критика преобладаетъ надъ живою фантазіею, то, вмѣсто того, чтобъ угощать читателей нашихъ длиннымъ спискомъ романовъ, повѣстей, драмъ и стихотвореній, мало имѣющихъ поэтическаго достоинства, ознакомимъ ихъ лучше съ замѣчательнѣйшимъ критическимъ сочиненіемъ сѣвера, съ книгою Маргграфа: *Новѣйшая эпоха литературы и просвѣщенія въ Германіи,* книгою, которая имѣетъ для насъ еще ту занимательность, что можетъ поставить читателей нашихъ на точку, съ которой они въ-состояніи будутъ обозрѣвать все поле нѣмецкой поэтической дѣятельности и кромѣ узнаютъ имена и стремленіе современныхъ нѣмецкихъ писателей, о произведеніяхъ коихъ мы обязались извѣщать ихъ. Вотъ титулъ этой книги:

Deutschland's jüngste Literatur und Cultur-Epoche. Characteristiken von Hermann Marggraff. *Leipzig.* 1839. *XX* и 434 стр.

Маргграфъ ѣдко и остроумно смѣется надъ элементами современной общественной жизни Нѣмцевъ, надъ ихъ воспитаніемъ, недостатками и слабостями; но подъ этою насмѣшкою скрыто много чувства. Книга его не есть систематическое развитіе одной мысли, ученое изслѣдованіе современнаго, общественнаго образованія и литературы — а свободныя, блистательныя, остроумныя и колкія бесѣды о всемъ относящемся къ нравственному, умственному и литературному быту Германіи; бесѣды, въ которыхъ онъ съ легкостію и свободою говорливаго Француза переходитъ отъ одного предмета къ другому, но разсматриваетъ ихъ съ глубокомысліемъ Нѣмца и съ юморомъ, въ которомъ видно нѣчто жан-полевское и нѣчто особенное, новое, что еще не получило характеристическаго названія. Юморъ англійскій горько улыбается и, съ наружнымъ спокойствіемъ, скрѣпивъ сердце и закусивъ губу, произноситъ пару словъ, въ которыхъ цѣлый міръ грусти, желчи и насмѣшки, но въ томъ юморѣ, о которомъ мы говоримъ, болѣе страсти, раздражительности, а потому онъ выражается многорѣчиво, цѣлымъ потокомъ словъ, сравненій и уподобленій, одно другаго ярче, рѣзче, неожиданнѣе. Онъ выросъ на почвѣ нѣмецкой, изъ элементовъ народнаго духа — онъ есть Жанъ-Поль и Бёрне вмѣстѣ—а потому въ немъ много ученаго, даже тяжело-ученаго, темнаго. Среди самой сильной страсти, даже въ отчаянныхъ ситуаціяхъ жизни и въ изображеніи ихъ въ литературѣ, Французъ сохраняетъ свою эффектность, свое кокетство, а Нѣмецъ свою ученость, или лучше, свою академическую изысканность, которая становится его второю натурою.

Маргграфъ начинаетъ свою книгу картиною современной общественной жизни въ Германіи, разсматриваетъ отношеніе ея къ историческимъ явленіямъ вѣка, анализируетъ элементы

народнаго духа и безъ пощады нападаетъ па слабыя его стороны. Въ пылу своей полемики, онъ не отличаетъ иногда хорошаго отъ дурнаго, бранитъ и ниспергаетъ все, что несходно съ его планами и желаніями. Но и среди этой заносчивости, этой досады на современныхъ Нѣмцевъ за то, что онп не таковы, какими ему хотѣлось бы ихъ видѣть, онъ съ участіемъ останавливается на основныхъ, истинно-добрыхъ чертахъ нѣмецкаго характера, которыя кажутся ему изкаженными только новѣйшею жизнію, и обрисовываетъ ихъ съ теплотою, любовію. Мы не будемъ излагать мыслей его объ этихъ предметахъ: не будучи сами Нѣмцами, и потому смотря на вещи хладнокровнѣе, мы видимъ, что авторъ во многомъ ошибается; зачѣмъ же намъ вступать въ споръ съ г. Марграфомъ! Обратимся лучше къ тѣмъ главамъ его сочиненія, въ которыхъ онъ обрисовываетъ литературныя лица, что, надо признаться, онъ исполняетъ съ особеннымъ искусствомъ, вѣрностію и занимательностію. Но характеристика лицъ у него такъ тѣсно соединена съ характеристикою всего народа и эпохи, что мы необходимо должны привести здѣсь нѣкоторыя черты изъ сихъ послѣднихъ.

На-примѣръ, рѣчь идетъ о сантиментальности. Показавъ, что это чувство вовсе несвойственно характеру народа нѣмецкаго, а есть плодъ болѣзненнаго состоянія духа, развившагося преимущественно въ XVIII вѣкѣ, онъ обращается къ сродной съ сантиментальностію нѣмецкой вычурности и странности (Wunderlichkeit), которую характеризируетъ такъ:

«Нѣмцы всегда были самымъ страннымъ народомъ: это сфинксъ среди европейскаго міра,—сфинксъ, котораго загадку иностранцы не разгадали еще по-сю-пору, хотя постоянно его изучаютъ. Жаль только, что они обыкновенно ничего болѣе въ насъ не видятъ, кромѣ странностей. Нѣмцы именно тѣмъ странны и чудны, что хотя сами и не вѣрятъ чудесамъ, но стараются ихъ открывать во всемъ. Имъ желалось бы, чтобъ были чудеса; они хотятъ наслаждаться впечатлѣніями сверхъчувственнаго міра, потому-что ихъ собственный, дѣйствительный міръ, лишенный всякой живой дѣятельности, производитъ на нихъ слишкомъ слабыя впечатлѣнія. Сапожникъ неохотно остается за своей колодкой и, какъ Яковъ Бёмъ, углубляется въ мистическія умствованія; Сведенборгъ, Скандинавъ Сведенборгъ, этотъ нравственный Каліостро, могъ родиться только въ племени германскомъ. Только Нѣмцу, каковъ былъ Лафатеръ, могла прійдти въ голову мысль человѣческій носъ принимать за средоточіе мірового порядка... Лафатеръ столь же прилежно читалъ человѣческія лица, какъ другіе читаютъ книги; онъ читалъ лица въ двѣнадцатую долю, въ четверку и лица in-folio — и не пугался никакого переплета. Это былъ истинный Шампольйонъ физіономическихъ іероглифовъ и, подобно шпіону вкрадывался въ мимику, чтобъ послѣ усильныхъ трудовъ уловить щепотку ума и способностей, не смотря на всѣ внутренніе и внѣшніе перевороты въ человѣкѣ, уцѣлѣвшихъ на кончикѣ его носа, на лбу и бровяхъ. Если Лафатеръ былъ Шампольйономъ физіономіи, то Галль былъ Шампольйономъ черепа...»

Въ этомъ отрывкѣ читатели не видятъ ли жан - полевской манеры? Такъ шутя авторъ проводитъ линію нѣмецкой страсти къ чудесамъ чрезъ Месмера, Кернера, Эшенмейера до Гофманна, Тика, или до новой романтической школы, основаніе коей онъ хочетъ показать въ этой основной ха-

рактеристической чертѣ народа нѣмецкаго — въ наклонности ко всему странному, таинственному. Любовь къ природѣ, къ тихой созерцательности и къ страннымъ приключеніямъ, также есть элементъ этого романтическаго направленія. Авторъ говоритъ:

«Мы вовсе не созданы для столичной жизни; нѣтъ, мы народъ, довольствующійся простыми, естественными отношеніями, предназначенный наслаждаться тихою жизнію или пускаться на приключенія куда глаза глядятъ... Взгляните на нашихъ странствующихъ студентовъ, художниковъ, ремесленниковъ, бродящихъ изъ города въ городъ — Германія знаетъ ихъ только въ этомъ видѣ; а потому, Бога ради, не вводите насъ въ салоны, дайте намъ свѣжій воздухъ; поведите насъ въ лѣсъ, въ горы — гдѣ бы пѣснь наша могла на свободѣ соперничествовать съ пѣснію жаворонка. Нѣмецъ перестаетъ быть Нѣмцемъ, когда онъ покидаетъ природу и теряетъ чувство къ ней; а такъ-какъ онъ, по натурѣ своей, лучше всякаго другаго народа, то онъ сдѣлается хуже каждаго изъ нихъ, когда ему навяжутъ изъисканную и дипломатическую жизнь!» Марграфъ раздѣляетъ съ Бёрне и Рахелью Фарнгагенъ фон-Энзе нелюбовь къ дипломатіи и всему дипломатическому. Подъ «дипломатическою жизнію» онъ разумѣетъ здѣсь жизнь съ запутанными сложными отношеніями.»

Далѣе онъ продолжаетъ: «Въ насъ (Нѣмцахъ) есть нѣчто такое, что̀ ставитъ насъ во вражду съ настоящимъ. Да, оно — т. е. настоящее — для Нѣмца есть только введеніе въ то, что̀ должно прійдти, точно такъ, какъ прошедшее есть только предисловіе къ тому, что̀ существуетъ. Когда Нѣмецъ работаетъ — то ему кажется приличнѣе гулять, а когда гуляетъ, то думаетъ, что лучше было бы работать. Такимъ-образомъ онъ perpetuum mobile внутренней тревоги... Вотъ нѣмецкій характеръ: ни минуты спокойствія прежде, нежели не достигнуто желаемое, а тамъ вѣчное опасеніе потерять пріобрѣтенное. Мы всегда думаемъ за десять лѣтъ впередъ, а потому настоящимъ наслаждаемся только въ-половину. Нѣмецкія женщины въ-состояніи плакать при одной мысли о томъ, что дѣти ихъ *могутъ* умереть. Отсюда элегическое и сантиментальное настройство Германцевъ.»

Нельзя не согласиться, что въ этихъ словахъ много истины и душевнаго участія. Изъ сихъ элементовъ авторъ выводитъ романтическую школу, которая обрисована у него прекрасно. «Эта школа» говоритъ онъ: «творила образы только изъ тумана предчувствія, и пластическія, мраморныя фигуры были ей вовсе чужды. Она ничего не хотѣла ограничивать, допускала всему разтекаться въ безконечность — и отъ-того у ней все было безконечнымъ, не будучи колоссальнымъ. Для колоссальнаго потребно нѣкоторое вещественное основаніе — но въ произведеніяхъ, порожденныхъ этимъ направленіемъ, даже не вкрадывалось и понятіе о чемъ-либо вещественномъ. Лица въ ея романахъ, повѣстяхъ и драмахъ дѣйствуютъ, молятся, любятъ какъ-бы во снѣ, въ сомнамбулизмѣ, или, по-крайней-мѣрѣ, какъ-будто руководимыя наивнымъ инстинктомъ врожденной тайной силы природы.»

Авторъ прекрасно опредѣляетъ отношеніе къ этимъ романтикамъ Шиллера и Гёте, къ которому впрочемъ онъ не очень благоволитъ, какъ къ человѣку, и оканчиваетъ очеркъ романтической школы прекраснымъ портретомъ лица, пользующагося теперь большимъ вниманіемъ въ Германіи, и лица, не-незнакомаго и русской

публикѣ, именно Беттины фон-Арнимъ. Читатели вспомнятъ объ оригинальной перепискѣ Гёте съ дитятею. Это умное, страстное и фантастическое дитя — Беттина фон-Арнимъ, урожденная Брентано, сестра извѣстнаго нѣмецкаго поэта Клеменца Брентано. Увы! это милое дитя ужь очень состарѣлось! ему болѣе пятидесяти лѣтъ; но его талантъ, фантазія, всѣ достоинства и недостатки еще свѣжи, живы, и безпрестанно на языкѣ нѣмецкаго общества и нѣмецкой литературы; а потому нашу статью, на этотъ разъ, мы заключимъ выписками тѣхъ мѣстъ изъ книги Маргграфа, въ которыхъ онъ характеризуетъ эту замѣчательную женщину.

«Остаткомъ романтическаго направленія» говоритъ онъ: «его послѣднимъ, столь же страннымъ, какъ и поэтическимъ, столь же ребяческимъ, какъ и глубокомысленнымъ произведеніемъ была переписка Гёте съ дитятею. Беттина, сестра Клеменца Брентано, столь же сумасбродна (extravagante) и чудна, какъ братъ ея. Она справедливо называетъ себя дитятею: благоразумная женщина не могла бы писать такъ причудливо, такъ ребячески, такъ тщеславно, такъ слезливо и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ поэтически, такъ добродушно, увлекательно, съ такою фантазіею и оригинальностію. У ней, какъ у ребенка, слезы мѣшаются съ смѣхомъ, шутка съ важностію, упрямство съ уступчивостію, и кокетство съ простосердечною наивностію. Книга ея имѣла всѣ нужныя свойства, чтобъ надѣлать шума въ литературномъ мірѣ. Главное было то, что она вышла изъ-подъ пера женщины, которая до такой степени «эманципировалась», что рѣшилась напечатать свои сокровеннѣйшія чувства, рѣшилась даже сама перевести ихъ на англійскій языкъ, и таким - образомъ выставить ихъ на поприще всего свѣта». Далѣе, авторъ изчисляетъ всѣ обстоятельства, способствовшія необыкновенному успѣху книги и говоритъ: «должно сознаться, давно не выходило въ свѣтъ ничего, что было бы такъ оригинально, какъ это распутство и оргіи нѣжнѣйшихъ чувствъ и горячей любви. Эти письма не суть созданіе поэзіи, но поэтическое произведеніе — продуктъ гримасничествующей фантазіи, — а извѣстно, что тогдашнее время не очень богато было собственно-поэтическими созданіями.

«Странное явленіе! Рахель (Фаригагенъ фон-Энзе), громоносная мыслительница, новая Делила, бодро ведшая свои бранноносные афоризмы противъ старыхъ, изсохшихъ предразсудковъ; Шарлотта Штиглицъ съ своею трогательною, добровольною смертію, своимъ интереснымъ журналомъ, — и эта Беттина... Да, эти три женщины, необыкновенныя, абнормальныя явленія, если мы будемъ разсматривать ихъ по существовавшимъ до-сихъ-поръ понятіямъ о ихъ полѣ: онѣ возвышаются оригинальностію надъ большинствомъ людей, которые въ литературѣ принимали роль, подобную роли Геркулеса за прялкою Омфалы... Только одного не дано женщинамъ и никогда онѣ не достигнуть того — это даръ творчества. Творчество есть достояніе мужчины. У женщинъ не достаетъ силъ овладѣть предметомъ до такой степени, чтобъ онѣ могли разпоряжать и управлять всѣми частями его; такъ для приведенія ихъ въ единство, имъ не достаетъ логическаго смысла, математически - соображающей силы, которыя, смиренно покоряясь правиламъ, способны выдержать самую сухую работу; имъ не достаетъ дара критическаго разложенія, который онѣ замѣняютъ только тактомъ, тонкостію чувства и вкуса.

Творчество предполагаетъ активность. Мужской полъ еще въ нѣжномъ возрастѣ проходитъ уже всѣ степени женскаго развитія: голосъ мальчика — сопрано, и въ нѣкоторыхъ годахъ мужчина, нравственно, почти не имѣетъ пола,— но дѣвушка всегда сохраняетъ свой; а потому женщина всегда одностороннѣе, понимаетъ только себя, свои чувства, не можетъ выйдти изъ себя самой, и когда размышляетъ объ отдаленнѣйшихъ эпохахъ всемірной исторіи, то дѣлаетъ себя средоточіемъ ихъ. Чувство женщины въ любви и ненависти столь внутренно, столь глубоко, столь изполнено самого-себя, въ себѣ-самомъ погружено и заключено, что съ нимъ ничто не можетъ сравниться; — но мужчина въ состояніи, по-крайней-мѣрѣ постигать это чувство женщины, сочувствовать ему и представлять его въ искусствѣ, потому-что онъ (мужчина) тѣлесно и духовно прошелъ всѣ степени женскаго развитія, и безъ взаимнаго соприкосновенія и смѣшенія женскаго и мужскаго элементовъ невозможно представить себѣ истиннаго поэта...»

Очертивъ такимъ-образомъ кругъ дѣйствія женщины, показавъ ея назначеніе, ея сферу, авторъ обращается къ Беттинѣ и говоритъ: «Я люблю дитя Беттину, это наивное, непринужденное, смѣло смотрящее въ глаза дитя, которое въ пріятныхъ прыжкахъ чувства не думаетъ о томъ, что можетъ упасть; люблю также въ дитяти Беттину-дѣвушку — пламенную, гордо-кипящую, настойчивую, — люблю эту первобытную, насмѣшливую южно-нѣмецкую натуру; но я ненавижу это почти преступно-изнѣженное и потомъ опять вакхически-упоенное любовное бѣшенство, — ненавижу собственно не его, а впечатлѣніе, которое оно производитъ на читателя. Это столь очаровательное, столь мастерски-страстное изображеніе отношеній Беттины къ Гёте и ея дружбы къ несчастной Гюндеродѣ было бы противно, приторно и тогда, когда бъ являлось въ видѣ вымысла, какъ отрывокъ изъ романа; но каково же впечатлѣніе, производимое этою сладко-приторною влюбчивостію, этимъ выхожденіемъ женщины изъ себя-самой, когда должно принимать ихъ за дѣйствительныя событія жизни, за которыя они и выдаются! *Каково должно быть то время, каковъ народъ*, предъ которымъ Беттина называетъ себя сама *гладенькою, черненькою, нѣжно-сложенною козочкою* (glattes, braunes feingegliedertes Rehchen), *кроткою и покорною каждой ласкѣ, но неукротимою въ своихъ наклонностяхъ!* Можно ли играть въ такую кокетную, приторно-сладкую игру, и на старости съ такимъ сладострастіемъ ласкать свою юность предъ степенною націею, предъ націею, которая имѣетъ восьмнадцати-вѣковую исторію и столько кровавыхъ ранъ и рубцовъ на груди и челѣ! Какъ разсказывать о поцалуѣ, который она получаетъ отъ Гердера, и объ оплеухѣ, которую она даетъ ему! Потомъ — какъ она трепещетъ отъ любви въ рукахъ Гёте и какъ, посадивъ къ себѣ въ первый разъ Гюндероду на колѣни и — какъ-будто бы дѣло шло о любовномъ признаніи — напечатлѣвъ поцалуй на губахъ ея, проситъ, чтобъ она сжалилась надъ нею — и сорвавъ съ Гюндероды платье, цалуетъ ее въ открытую грудь... Какую оргію сердечныхъ чувствъ эта женщина представляетъ публично на торжище литературы! невольно вспомнишь о свадьбѣ Мессалины съ ея любовникомъ предъ лицомъ народа римскаго ... Но эта литературная проституція сдѣлалась теперь вседневнымъ явленіемъ... Вре-

ми, въ которое Беттина можетъ такъ чувствовать и такъ выражать свои чувства — больное время; но еще болѣе больно оно, когда мы вспомнимъ, что эта Беттина выставила на показъ такія чувства въ балаганѣ своей книги предъ столь степенными націями, каковы нѣмецкая и англійская. . . За чѣмъ она не представила событій своей жизни, любви и своихъ чувствованій въ романѣ? это было бы прекрасно: художественная форма сгладила бы слишкомъ рѣзкія явленія и поставила бы въ должныя предѣлы ея я; притомъ эта сверхгеніальная страсть въ объективномъ изложеніи романа показалась бы иронією автора на самого-себя.

«Такимъ-образомъ въ Бетинѣ видимъ мы примѣръ того, что крайности, экзажераціи и нервная раздражительность романтиковъ осуществились и наполнили цѣлую жизнь. Странно, но справедливо, что въ эпоху, когда намъ нужны въ поэзіи тиртеевскія бранныя фуріи — она погружается въ тихо-самодовольную стоячую воду художественнаго наслажденія, мистики, внутреннихъ чувствованій.»

Но на этотъ разъ довольно. Мастерская оцѣнка Беттины показываетъ нашимъ читателямъ, что Маргграфъ принадлежитъ къ числу первоклассныхъ критиковъ, что книга его, не смотря на экзажераціи, есть любопытное явленіе въ современной нѣмецкой литературѣ. Мы хотѣли-было дополнить портретъ Бетины, представить ее въ общественныхъ ея отношеніяхъ — но цинизмъ, которымъ она щеголяетъ и въ литературѣ, и въ костюмѣ, и въ обращеніи, не позволилъ бы намъ начертить картины для нея лестной — а послѣ Маргграфа мы не хотѣли наложить ни одного пятна на это замѣчательное лицо, въ которомъ столько свѣтлыхъ, дивныхъ чертъ, столько ума, блеска, остроумія — и столько... пусть читатели припомнятъ слова Маргграфа.

Но мы надѣемся сообщить еще читателямъ болѣе отчетливую статью объ интересной книгѣ Маргграфа въ-послѣдствіи; въ слѣдующей же книжкѣ «Отеч. Записокъ» представимъ обзоромъ упомянутой книги Кёнига — другаго замѣчательнаго явленія современной германской литературы.

Я. НЕВѢРОВЪ.

II. ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Многіе находили, что «Отечественныя Записки» всегда слишкомъ-рѣзко отзывались о французскихъ литераторахъ и о французской литературѣ... Къ этому прибавляли иные, что французскія книги вездѣ, и всюду, и всѣми читаются, тогда-какъ русскіе журналы и книги очень рѣдко удостоиваются этой чести. Бѣдные русскіе журналисты и литераторы! они — въ пріятномъ заблужденіи, что ихъ слушаютъ, что имъ вѣрятъ... Право, это очень-забавно. Да, знаете ли, что ни въ одномъ раззолоченномъ салонѣ, гдѣ такая роскошь и нѣга, такая душистая атмосфера и такое блаженство, куда Божій свѣтъ едва-едва показывается сквозь тройные шелковые занавѣсы, — ни въ

одномъ такомъ салонѣ вы ни за что въ свѣтѣ не найдете русской книги или русскаго журнала... А сколько тамъ, на этихъ чудныхъ, рѣзныхъ столахъ во вкусѣ renaissance, на этихъ художественныхъ произведеніяхъ Гамбса, разбросано изящныхъ англійскихъ кипсековъ и французскихъ романовъ... И объ этихъ-то книгахъ, съ такой завидной участью, мы отзываемся съ такимъ неуваженіемъ? И на эти-то книги, доставляющія всѣмъ, особенно послѣ обѣда и на сонъ грядущій, такое услажденіе, мы изливаемъ всю желчь нашу? И о нихъ-то мы говоримъ такъ серьёзно и съ такою педантскою важностію: «нѣтъ, эта повѣсть, или романъ, или поэма не имѣетъ не только художественнаго, но и поэтическаго достоинства; это клевета на жизнь, оскорбленіе здраваго смысла»... Оскорбленіе! а между-тѣмъ, кромѣ насъ, никто не оскорбляется этой поэмой, повѣстью или романомъ...

Отъ-чего же это?... Отъ-того, что мы привыкли смотрѣть на литературу, какъ на что-то важное, тогда-какъ большая часть занимается ею шутя, отъ бездѣлья или во время отдыха; отъ-того, что для большей части читателей литература—забава, *комфортъ*, а Французы всегда писали и пишутъ забавляясь и забавляя большинство. Они такіе милые, такіе остроумные!... Толпа имъ всегда рукоплещетъ, а они такъ любятъ апплодисманы!...Мы обѣщаемся впередъ никогда не говорить рѣзко и серьёзно о французскихъ книгахъ, относящихся къ такъ-называемой *области изящнаго*:—философствовать можно только о *философскихъ предметахъ*, не правда ли? а разбирать какую-нибудь комедію съ философской точки... на что это похоже?... И точно, мы сдѣлали величайшій промахъ, совершенно забыли, что *искусство* не принадлежитъ къ философскимъ предметамъ...

Какая это безполезная и, главное, неудобопонятная наука философія... нечего о ней толковать много!.. Лучше мы вамъ разскажемъ, какъ великій, обожаемый нами романистъ, г. Бальзакъ, недавно нанесъ себѣ прежесточайшій ударъ. Онъ, изволите видѣть, прежде разсердился за то, что французскіе журналы говорятъ о немъ, а теперь сердится за то, что они молчатъ. Онъ недавно затѣялъ ужасную исторію съ однимъ книгопродавцемъ, который выставилъ у себя въ магазинѣ романы его, перепечатанные въ Брюсселѣ; дѣло дошло до суда, и великій романистъ, въ порывѣ судебнаго краснорѣчія, возвѣстилъ, что въ Парижѣ всего-на-все двѣ книжныя лавки, которыя еще не обанкрутились. Парижская книжная торговля, за которую вступился г. Бальзакъ, возстала за таковую несправедливую выходку и доказала ему, что нынѣ не книжная торговля обанкрутилась, а обанкрутился романъ, т. е. потерялъ вѣсъ и силу свою господинъ де-Бальзакъ съ братіею... Какіе въ Парижѣ дерзкіе книгопродавцы!... Тамъ также въ большомъ ходу афишечная литература, точно какъ у насъ въ Петербургѣ, съ тою только разницею, что у насъ программы и афиши выражаются безъ затѣй, отъ *простоты сердца* и чрезвычайно умилительно, а въ Парижѣ совсѣмъ другое дѣло: тамъ иногда въ объявленіи о книгѣ или какомъ-нибудь изданіи бываетъ ума болѣе, нежели въ самой книгѣ или въ самомъ изданіи.—*Романъ обанкрутился*, говорятъ парижскіе книгопродавцы,—какіе насмѣшники! Правда, что романовъ нѣтъ, нѣтъ даже повѣстей, но за-то есть безконечный рядъ главъ и главокъ, которыя безконечно тянутся въ фёльето-

нахъ газетъ и въ книжкахъ журналовъ.

Повѣсти и романы, тянувшіеся такимъ-образомъ черезъ безконечный рядъ книжекъ, потомъ печатаются отдѣльно. Такого рода книжная промышленость намъ очень нравится. Впрочемъ не всѣ согласны съ нами въ семъ случаѣ, и какое-то общество литераторовъ, Société des Gens de lettres, рѣшилось противодѣйствовать этому фёльетонному направленію романовъ и повѣстей, и издавать ихъ книгами неразрывными. Общее заглавіе этого изданія, *Вавилонъ* (le Babel), въ программѣ этого изданія между именами, еще неполучившими громкой европейской славы, красуются и самыя блестящія имена французскихъ геніальныхъ писателей. Программа написана языкомъ истинно *вавилонскаго столпотворенія*.

Въ пріятномъ состояніи находится французская литература! Хоть бы гг. Гюго, или Дюма разрѣшились чѣмъ-нибудь колоссальнымъ, на-пр. въ родѣ Рюи-Бла или Калигулы! Все было-бы веселѣе. Однако, въ ожиданіи будущихъ поэтическихъ произведеній гг. Гюго и Дюма, долгомъ поставляемъ указать нашимъ читетелямъ на нѣкоторыя ученыя книги, вышедшія во Франціи въ послѣднее время.

Hugues Capet, *par Capefigue*, 4 *vol*, *in*-8. (Гуго Капетъ, соч. Капфига.) Эти 4 *волюма* вооружили противъ себя многихъ критиковъ; въ «Revue des deux Mondes» напечатанъ разборъ ихъ, изъ котораго видно, что сочиненіе Капфига есть не что иное, какъ грубая, наскоро - составленная компиляція, приправленная выходками противъ всего, что сдѣлалось предметомъ общаго уваженія, и противъ прошедшихъ именъ историческихъ, и противъ настоящихъ именъ литературныхъ. Капфигъ напалъ поприще историческихъ разъисканій довольно-скромно: въ 1826 году его *Записки о Филиппѣ - Августѣ* были увѣнчаны Академіей Надписей; но потомъ въ 1829 Капфигъ издалъ четыре тома *о Филиппѣ-Августѣ*, и вдругъ объявилъ во всеуслышаніе, что это сочиненіе увѣнчано академіей; по поводу сего изданія, Дону (Daunou), секретарь Академіи Надписей, замѣчаетъ въ XVIII т. своей «Histoire litteraire de la France» слѣдующее. «Хотя и справедливо, что въ 1825 году Академія Надписей предлагала задачу: разъискать, *какіе во Франціи есть провинціи, города, земли и замки, которые были пріобрѣтены Филиппомъ-Августомъ, и какъ онъ пріобрѣлъ ихъ, завоеваніемъ, покупкою или мѣною;* и хотя въ 1826 году и была присуждена награда Капфигу за его «Записку» о Филиппѣ-Августѣ, но академія вовсе не знала о существованіи въ рукописи четырехъ томовъ, изданныхъ въ 1829 году, и столько отличающихся отъ перваго необширнаго труда, за три года передъ тѣмъ изданнаго, что мы не смѣемъ увѣрять, получилъ ли бы Капфигъ за нихъ въ то время ему присужденную награду.» Изъ этого видно, какой добросовѣстности можно ожидать отъ Капфига, и какъ историка, и какъ критика. Въ книгѣ его больше всѣхъ достается Гизо, Тьери, Мишле, Форьелю, и т. д.

Histoire de la Litterature Hindoui et Hindoustani, *par Garcin de Tassy*. 1 *vol*. (Исторія Литературы Инду и Индустани, соч. Г. де - Тасси). Незабвенный Сильвестръ де-Саси, кромѣ ученыхъ, неоцѣнимыхъ трудовъ своихъ на поприщѣ литературы восточныхъ народовъ, оказалъ важныя заслуги еще и тѣмъ, что оставилъ послѣ себя множество учениковъ, въ которыхъ умѣлъ оцѣнить любовь къ своему предмету, и которые теперь являются достойными продол-

жателями трудовъ своего наставника. Гарсенъ-де-Тасси занимаетъ между ними почетное мѣсто. Сначала занимался онъ арабскимъ и персидскимъ языками, и кромѣ перевода нѣкоторыхъ сочиненій, по предмету мусульманской ѳеологіи, издалъ прелестныя нравственныя аллегоріи Аиц-Эддина-Эльмокадесси, извѣстныя подъ именемъ «Цвѣты и Птицы». Потомъ г. де-Тасси сосредоточился на изученіи языка, мало-знакомаго въ Европѣ, языка Индусовъ. Первыми трудами, на этомъ новомъ его поприщѣ, былъ переводъ твореній поэта *Вала* и «Приключеній Камрупа». Теперь довольно-пространная исторія литературы любимаго имъ языка даетъ ему новое право на уваженіе ученыхъ, и пополняетъ весьма-важный недостатокъ въ исторіи литературы вообще.

Сочиненіе де-Тасси еще не кончено, и неизданная часть его должна быть, по нашему мнѣнію, занимательнѣе этой первой части. До-сихъ-поръ это не болѣе, какъ библіографическія исчисленія и замѣтки, конечно, полезныя, но неимѣющія большой важности. Занимательности книги его вредитъ весьма-много алфавитный порядокъ, принятый имъ, который особенно мѣшаетъ слѣдовать за развитіемъ литературной жизни народа. Если скажутъ, что это гораздо-удобнѣе для справокъ, можно отвѣтить, что еслибъ къ книгѣ прибавить алфавитный указатель, тогда она все также была бы удобна для справокъ. Антологія, которую обѣщаетъ де-Тасси во второмъ томѣ своей книги, отрывки изъ писателей и разборъ ихъ, все бы это было гораздо интереснѣе, *еслибъ* включено было въ самыя біографіи писателей. Какъ бы то ни было, изданіе г. де-Тасси заслуживаетъ уваженіе и благодарность ученыхъ.

Chronique chevaleresque de l'Espagne et du Portugal, *publié par F. Denis, 2 vol.* (Рыцарская Хроника Испаніи и Португаліе, *изд.* Дени). Это любопытная галлерея картинъ, отъ X до XVI вѣка, представляющая самыя поэтическія времена новой исторіи. Г. Дени сдѣлалъ свое дѣло прекрасно: оставаясь вѣрнымъ переводчикомъ, онъ не переставалъ быть изящнымъ. Книга это обогащена весьми возможными примѣчаніями, которыя чрезвычайно облегчаютъ чтеніе ея и придаютъ ему много занимательности.

Théâtre Français *au moyen âge, publié par Monmerque et Michel* (Французскій Театръ *въ средніе вѣка, изд.* Монмерка и Мишеля). Книга, изданная г. Монмеркомъ и Мишелемъ, представляетъ любопытный памятникъ театральнаго генія отъ XI до XIV столѣтія. Тщательно-составленный каталогъ предварительно знакомитъ съ драматическою библіографіею среднихъ вѣковъ; по одному названію пьесъ можно судить уже о достоинствѣ этихъ безобразныхъ произведеній младенчествующей сцены. Въ-самомъ-дѣлѣ, въ то время не нужно было ни тонкаго комизма, ни остроумныхъ замѣчаній, ничего, чтобы возбудить громкій смѣхъ зрителей: довольно было грубой насмѣшки надъ монахами, надъ женщинами, чтобы развеселить этихъ мѣщанъ, которые съ одинаковымъ любопытствомъ смотрѣли на представленіе какого-нибудь фарса и какой-нибудь мистеріи.

Въ книгѣ гг. Монмерка и Мишеля помѣщено нѣсколько мистерій, очень любопытныхъ, и весьма, даже слишкомъ-вѣрно переведенныхъ.

N[illegible]veau Recueil de Contes, Dits et Fabliaux *du XIII et du XIV siècles.* (Новое Собраніе Сказокъ, Преданій и Легендъ *XIII*

и *XIV столѣтій*). Собраній такихъ у Французовъ много; для исторіи французскаго языка и французской литературы они очень-важны; для насъ — просто занимательны.

La Defense et Illustration *de la langue française, par J. Du Bellay, etc.* (Защита и Хвала языка французскаго, *соч.* Дю Белле). Очень-дѣльная книга, имѣющая впрочемъ интересъ слишкомъ-частный: въ ней представлена исторія языка, или лучше сказать, исторія французской литературы, въ сжатой, но живо-написанной картинѣ.

Lettres d'Héloise et d'Abailard, *trad. de M. Oddoul,* 2 *vol.* Письма Элоизы и Абеларда). Переводъ и изданіе, превосходные во всѣхъ отношеніяхъ. Въ началѣ приложено историческое введеніе (о жизни Элоизы и Абеларда), начатое покойною г-жею Гизо, и оконченное ея мужемъ. Сверхъ-того, въ книгѣ находится много замѣчаній и извлеченій, заимствованныхъ изъ Шатобріана, Мишле, Кузена, Э. Кине, и др. Наконецъ превосходныя картинки Жигу, виньетки и пр. дѣлаютъ эту книгу вдвое пріятнѣе и занимательнѣе.

Le Cantique des Cantiques, *traduit en vers français d'après l'hebreu, avec le texte original à la fin, et des interprétations, par A Guillemin,* 1 *vol.* (Пѣснь Пѣсней, *перев. съ еврейскаго и пр).* Переводъ съ еврейскаго одного изъ самыхъ превосходнѣйшихъ памятниковъ священной древности! Гильемень извѣстенъ былъ во Франціи съ выгодной стороны своимъ преложеніемъ псалмовъ, изданномъ въ прошломъ году. Тотъ и другой трудъ его отличается совѣстливымъ изученіемъ и гладкими стихами. — Вотъ и еще трудъ замѣчательный:

Oeuvres complètes d'Hippocrate, *trad. par Littré, Tome* 1. (Полное Собраніе Сочиненій Гиппократа). Переводить Гиппократа не разъ уже пытались во Франціи: въ царствованіе Людовика XIV нѣкто Франсуа Сеннеръ началъ переводъ гиппократовыхъ твореній, который остался однакожь неконченнымъ. Въ теченіе XVIII вѣка было сдѣлано нѣсколько переводовъ, но по частямъ, а полнаго ни одного не было. Въ 1801 Гардель (Gardeil) издалъ переводъ Гиппократа, довольно-вѣрный; въ 1812 году изданъ переводъ де-Мерси, довольно-плохой. Наконецъ Литтрé предпринялъ совершить подвигъ, достойный Газе или Буассонада: болѣе десяти лѣтъ занимался онъ изученіемъ Гиппократа, въ-отношеніи чисто-филологическомъ: онъ сличалъ многочисленные тексты подлинника, хранящіеся въ королевской библіотекѣ, и такимъ-образомъ очистилъ текстъ превосходнымъ образомъ; на каждой страницѣ его перевода встрѣчается двадцать или тридцать варіантовъ; цѣлые отрывки, выпущенные мѣста, были найдены имъ въ этихъ тяжелыхъ работахъ. Для примѣра укажемъ на трактатъ «О недѣляхъ», который считался потеряннымъ, и который найденъ г-мъ Литтрé, хотя въ варварскомъ, но тѣмъ не менѣе драгоцѣнномъ латинскомъ переводѣ. Большую часть этого перваго тома (болѣе 500 стр.) занимаетъ «Введеніе», которое само-по-себѣ есть твореніе превосходное. Авторъ этого «Введенія» говоритъ сперва о медицинѣ до Гиппократа, потомъ разсказываетъ жизнь этого *отца медицины,* и глубокими, остроумными изслѣдованіями разсѣеваетъ тьму нелѣпыхъ сказокъ, затемняющихъ его біографію.

Вообще, отрасль ученой литературы во Франціи съ каждымъ днемъ обогащается болѣе и болѣе замѣчательными сочиненіями или переводами. Кромѣ твореній Гиппократа, недавно о

вышелъ переводъ «*Логики*» Аристотеля, сдѣланный Бартелеми де-Сент-Илеромъ. Лё-Ба (Le Bas) издалъ въ этомъ году пятую тетрадь своего ученаго изданія «Inscriptions grecques et latines, recueillies en Grèce par la commission de Morée» (*Греческія и латинскія надписи, собранныя въ Греціи*). Миллеръ оказалъ весьма-важную услугу географіи изданіемъ такъ-называемыхъ *Малыхъ Географовъ*, по превозходному греческому манускрипту, недавно пріобрѣтенному Королевскою Библіотекой. Баронъ Валькенаэръ, ученѣйшій географъ, приступаетъ къ изданію сочиненія, надъ которымъ трудился онъ болѣе десяти лѣтъ, и которое весьма-важно не только для Франціи, но и для всѣхъ смежныхъ съ нею государствъ: сочиненіе его имѣетъ предметомъ географическое описаніе древней Галліи, по даннымъ, какія представляетъ поверхность земли, сравнительно съ воспоминаніями исторіи, во времена самыя отдаленныя, начиная отъ основанія древняго Мирселя. Въ этихъ изслѣдованіяхъ всякій результатъ будетъ сближеніемъ какого-нибудь древняго заведенія, памятника или какого либо мѣста, упоминаемаго въ исторіи, съ тѣмъ или другимъ пунктомъ современнымъ. Это, слѣдовательно, географія сравнительная, освѣщаемая исторіей и хронологіей.

Весьма-любопытна книга Жомара «Etudes géographiques et Historiques sur l'Arabie» (*Географическое и историческое изученіе Аравіи*), въ которой собрано множество драгоцѣнныхъ свѣдѣній о современномъ Египтѣ и Аравіи, о Мегметъ-Али, и пр.

Поленъ Пари (Paulin Paris) окончилъ изданіе «*Grandes Chroniques de France*», въ послѣднемъ (шестомъ) томѣ котораго заключаются царствованія Іоанна и Карла V, страницы, извлеченныя изъ одной рукописной нанжиской (de Nangis) хроники. Въ-слѣдъ за этимъ томомъ, Пари обѣщаетъ еще одинъ, въ которомъ будетъ помѣщенъ общій систематическій указатель (table raisonnée) и нѣсколько разсужденій объ изданіи лѣтописей, и о достовѣрности ихъ свидѣтельствъ. Важное пособіе для французской исторіи!

Вышелъ переводъ «Исторіи Германіи» Фистера въ 2-хъ томахъ (Histoire d'Allemagne, *depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours, par Pfister, trad. par Paquis.*)

Въ высшей степени любопытная книга:

Manuscrit inédit de Louis XVIII, *précédé d'une introduction, par Martin Doisy* (Неизданная рукопись Людовика XVIII. *Съ введеніемъ*, соч. Дуази). Царствованіе Людовика XVIII, по-видимому, столько извѣстное, столько доступное для изслѣдованія, но сіе время есть не что иное, какъ собраніе неочищенныхъ фактовъ, запутанныхъ происшествій, которыя уяснятся и приведутся въ порядокъ развѣ будущими вѣками. Слишкомъ-свѣжія лѣтописи, слишкомъ-близкія событія ускользаютъ отъ насъ потому именно, что мы не можемъ взглянуть на нихъ съ надлежащей точки зрѣнія и въ надлежащемъ отъ нихъ отдаленіи. Характеръ главнаго героя этой эпохи, Людовика XVIII, можетъ ли быть подверженъ изслѣдованію вѣрному и прямому? Этотъ образъ, столько сложный, и еще совершенно-живой, былъ очерченъ лишь въ профиль, и то, если вѣрить опытности умовъ проницательныхъ, которые одни только могутъ уловить оттѣнки и представить въ цѣлости портретъ историческій.

Книга, которой заглавіе мы списали выше, представляетъ драгоцѣнныя указанія историческія, долженствующія пролить новый свѣтъ на за-

рактеръ, который можетъ уяснить только самъ себя. Въ этой «Неизданной Рукописи Лудовика XVII» объясняются самимъ королемъ причины многихъ его политическихъ дѣяній, до-сихъ-поръ запутанныя и темныя. Извѣстно, что его поступки не всегда согласовались съ его мнѣніями тѣмъ драгоцѣннѣе для исторіи эти указанія, сдѣланныя имъ собственноручно. Рукопись не подлежитъ никакому сомнѣнію, потому-что она представлена въ подлинникѣ въ Королевскую Библіотеку, гдѣ каждый можетъ ее освидѣтельствовать.

Essais d'Histoire Litteraire, par *Gérusez* (Опытъ Исторіи Литературы, соч. Жерюзѐ). Имя Жерюзѐ извѣстно у насъ по его «Исторіи Философіи», переведенной на русскій языкъ въ 1836 году, и вышедшей, кажется, потомъ вторымъ изданіемъ. Жерюзе занимаетъ уже нѣсколько лѣтъ мѣсто Вилльмена, и пользуется уваженіемъ. Духъ его предшественника перешелъ и къ нему, и критика Жерюзѐ какъ-нельзя - болѣе напоминаетъ критику Вилльмена. Въ изданной нынѣ книгѣ начертаны портреты старинныхъ французскихъ писателей: Жоделля, д'Обиньѐ, Малерба, Сарразена, Паскаля, Рошфуко, и др. Живое, легкое изложеніе, множество занимательныхъ анекдотовъ, и блестящія или остроумныя фразы—вотъ отличительныя качества книги Жерюзѐ.

Les Tourelles, par *Leon Gozlan* (Замки, соч. Леона Гозлана). Подъ этимъ названіемъ Леонъ Гозланъ издалъ печатавшіяся прежде отдѣльно въ журналахъ статьи свои *о Старинныхъ Замкахъ во Франціи.* Мысль прекрасная—сохранить историческія и поэтическія преданія объ этихъ памятникахъ старины, которыхъ во Франціи такъ много, и которые, по непостижимому вандализму Французовъ, каждый день, мало-помалу, истребляются. Леонъ Гозланъ хочетъ составить такимъ - образомъ родъ архитектурнаго музеума, разсказать исторію французской архитектуры по самымъ памятникамъ, или, все равно, изучить французскую исторію въ памятникахъ архитектуры. Книга его занимательна для всякаго, а для Француза въ-особенности, тѣмъ болѣе, что Гозланъ—превосходный разсказчикъ: у него все такъ умно, живо, и занимательно, онъ не упускаетъ ни одного случая привязать къ памятнику историческому какую-нибудь поэтическую легенду, какое-нибудь воспоминаніе объ извѣстномъ лицѣ, имѣющемъ отношеніе къ описываемому мѣсту. За одно можно справедливо упрекнуть его, что онъ не связалъ статей своихъ одной общей нитью, и потому между ими нѣтъ никакой связи, нѣтъ постепеннаго перехода, который придалъ бы сочиненію болѣе цѣлости, болѣе логическаго смысла.

— Кромѣ представленныхъ нами здѣсь и вышедшихъ въ послѣднее время сочиненій, принадлежащихъ къ ученой литературѣ, появилось много замѣчательныхъ книгъ, по части науки о финансахъ и собственно наукъ политическихъ, о которыхъ мы не упоминаемъ, боясь наскучить нашимъ читателямъ. Перечень же этихъ книгъ безъ всякихъ замѣтокъ не послужитъ ни къ чему. Но мы очень жалѣемъ, что неполученіе въ Петербургѣ книги, вполнѣ заслуживающей вниманіе, именно *О Жизни, перепискѣ и сочиненіяхъ Вашингтона,* съ введеніемъ, написаннымъ Гизо (Vie, Correspondance et Ecrits de Vashington, avec une introduction par M. Guizot, 1 vol in-8°), не позволяетъ намъ разсмотрѣть ее подробно. Многіе французскіе журналы въ совершенномъ восторгѣ отъ введенія г. Гизо. По ихъ мнѣнію, и

въ одномъ сочиненіи своемъ, онъ такъ вполнѣ не опредѣлился, какъ въ этомъ «введеніи» къ «Жизни Вашингтона». Они жалѣютъ, что эта статья не отпечатана особо и не продается по дешевой цѣнѣ для-того, чтобы служить противоядіемъ тѣмъ пошлымъ революціоннымъ идейкамъ, которыя разпространяются въ массѣ посредствомъ безчисленнаго множества брошюръ, являющихся во Франціи почти ежедневно. «Введеніе» Гизо могло бы показать толпѣ, что̀ такое истинное величіе и ка̀къ должно понимать истинный патріотизмъ.

Г. Виконтъ де-Конни (de Conny) оканчиваетъ свою *Исторію Французской Революціи* (Histoire de la Révolution française). Увѣряютъ, будто véritablement cette œuvre est grande; но Французы вѣдь слегка похвалить не умѣютъ. Будемъ ожидать этого произведенія!

Хвалятъ также 3 и 4 томы *Исторіи Испаніи* г. Россё Сент-Илера (Histoire d'Espagne, 3 et 4 volumes par mr. Rosseun Saint Hilaire) и *Исторію Европы въ XVI столѣтіи*, соч. г. Филона (Histoire d'Espagne au seizième siéle par mr. A. Filon), молодаго университетскаго профессора, подающаго большія надежды. Критикъ «Journal des Débats» замѣчаетъ однако между-прочимъ, что г. Филонъ не изкусился еще въ составленіи блестящихъ реторическихъ фразъ и что вообще онъ не любитъ гоняться за краснорѣчіемъ. Мы полагаемъ, что это дѣлаетъ г. Филону большую честь. *Златоперныя* разсказы часто бываютъ лишены смысла.

Но довольно о книгахъ, относящихся до ученой литературы. Мы и безъ того, вѣрно, утомили нашихъ читателей такою сухою матеріей. Посмотримъ, нѣтъ ли чего-нибудь позабавнѣе. Во Франціи всегда появляется такое неизчислимое количество самыхъ забавныхъ драмъ, повѣстей, романовъ...

Изъ самыхъ забавнѣйшихъ романовъ, въ послѣднее время, мы рекомендуемъ *Жизнь и приключенія Джона Девиса* (Vie et aventures de J. Davis, 3 части, *Капитана Памфила* и *Евину Дочку* Une fille d'Eve). Первыя два сочиненія принадлежатъ геніальному Дюма, который, увы, къ прискорбію нашему, кажется, совсѣмъ перестаиъ свирѣпствовать на сценѣ и, сдѣлавшись романистомъ, вздумалъ соперничать съ геніальнымъ Бальзакомъ, но геніальный Бальзакъ все-таки перещеголялъ его въ своей «Евиной Дочкѣ»!

«Жизнь и Приключенія Джона Девиса» — прелесть! О началѣ этого романа, безконечно тянувшагося въ тощихъ книжкахъ Revue de Paris, мы мимоходомъ говорили уже въ X № «Отечественныхъ Записокъ» 1839 года. Прочитавъ окончаніе его, мы еще болѣе убѣдились въ великости таланта г. Дюма. Хотя въ этомъ новомъ разтянутомъ сочиненіи его нѣтъ рѣшительно никакой связи, хотя въ немъ происшествія громоздятся одно на другомъ безъ всякаго интереса, — но въ этой-то милой безсвязности, въ этой-то безобразной пестротѣ, въ этой-то разтянутости мы видимъ величайшее мастерство... Вообразите, въ «Джонѣ Девисѣ» мы насчитали 10 сценъ трагическихъ (самыхъ страшныхъ), патетическихъ (самыхъ чувствительныхъ) и до 6 комическихъ (юморныхъ); кромѣ того до 40 описаній природы — ночи, утра, полудня, вечера... Между-прочимъ, конечно, нѣкоторыя описанія совсѣмъ не новы, какъ на-пр. описаніе корабельныхъ снарядовъ, описаніе вообще городовъ и особенно Константинополя... ну, да составить 3 ча-

жи, вы сами знаете, дѣло не легкое! Нельзя же все требовать новостей, — ихъ не наберешь и на одну часть! Напримѣръ, что сказать новаго о лордѣ Байронѣ? О немъ уже столько писано, что по-неволѣ, вновь описывая его, будешь повторять старое. Это самое и сдѣлалъ г. Дюма. Интереснѣйшее лицо, между тысячами лицъ въ «Джонѣ Девисѣ» есть, безъ-сомнѣнія, очень-удачно очерченное лицо матроса Борка. Но перейдемъ къ «Памфилу»:

Капитанъ Памфилъ! какое благозвучное, пріятное имя, особенно для русскаго уха! Мы, еще не читавъ всего новаго творенія г. Дюма, совершенно были предубѣждены въ пользу его «Памфила». Въ этомъ романѣ, г. Дюма прежде всего переноситъ читателя въ мастерскую живописца Декампа. У этого живописца есть медвѣдь изъ Канады, и обезьяна изъ Гвинеи. Желая познакомить короче читателей съ своими героями, т. е. съ медвѣдемъ, живописцемъ и обезьяной, знаменитый сочинитель разсказываетъ ихъ исторію, связавъ ее съ исторіею Памфила, которому они прежде того принадлежали. Сколько событій неслыханныхъ, произшествій невиданныхъ разсказываетъ г. Дюма, напоминая безпрестанно то «Тысячу и одну ночь», то Свифта, то Стерна, то Даніеля Фое.

Безконечная болтовня г. Дюма конечно немного утомительна, его безпрестанные эпизоды скучны, а нѣкоторыя сцены могутъ показаться отвратительными и возмутительными; но всѣ эти сцены блѣднѣютъ, слабѣютъ и уничтожаются передъ дивнымъ твореніемъ г. Бальзака, подъ заглавіемъ «Еввина Дочка», или — Une Fille d'Eve. Г. Бальзакъ въ «Еввиной Дочкѣ» превзошелъ самого-себя: хорошо вообще писалъ онъ въ послѣднее время, а лучше этой «Еввиной Дочки» не произвелъ ничего. Не угодно ли выслушать содержаніе? Главныя два лица — во-первыхъ *непризнанный* геній, который пишетъ романы, что съ рукъ нейдутъ, водевили, что въ ходъ нейдутъ, который нуждается въ деньгахъ, потому-что ему нужны и лошадь, и тильбюри, и любовница, и пр.; во-вторыхъ — *непризнанная*, разумѣется, замужняя женщина, у которой очень-добрый мужъ, но которую «свѣтская чернь не понимаетъ». Судьба, рукою г. де-Бальзака, сводитъ ихъ вмѣстѣ: непризнанный гремитъ грозною рѣчью противъ общества, — непризнанная въ восторгѣ отъ его генія, соблазняетъ его рѣчью (по-этому она и *свиная дочка*) и, разумѣется, они заводятъ между собой интрижку; но у непризнаннаго есть другая любовница актрисса; непризнанная узнаетъ объ этомъ — и бросаетъ непризнаннаго, который, промотавъ всѣ деньги, Богъ - знаетъ какъ и гдѣ добытыя, умерщвляетъ самъ себя посредствомъ удушительнаго газа. Выше этого неистовствовать въ литературѣ очень - затруднительно. Честь и слава изобрѣтательному генію г. Бальзака!

Послѣ г. Бальзака слѣдуетъ упомянуть о г. Рожерѣ де-Бовуарѣ (M. Roger de Beauvoir), составившемъ романъ подъ заглавіемъ: *Le Chevalier de Saint George* (Кавалеръ св. Георгія). Лицо, представившееся пылкому воображенію романиста, принадлежитъ къ самымъ блистательнымъ и самымъ страннымъ лицамъ *милаго* XVIII вѣка — de ce siècle charmant, — какъ отзывается о немъ одинъ французскій критикъ. И въ-самомъ-дѣлѣ, M-r le Chevalier de St. George дивный герой для французскаго романиста и стихотворца, такой герой, который не заставитъ г. сочи-

нителя слишкомъ напрягать воображеніе: въ жизни этого любезнаго кавалера столько любви и любовныхъ записочекъ, столько вызововъ и дуэлей, что всего этого, право, достало бы на десять довольно-полновѣсныхъ частей. Онъ современникъ Казановы, представитель всѣхъ будуарныхъ героевъ, первый боецъ въ фехтовальныхъ залахъ. черный Донъ-Жуанъ, Антиной Африканскій, какъ его называли; передъ нимъ разступались всѣ европейскіе Антинои и съ благоговѣніемъ очищали ему дорогу во всѣхъ салонахъ. Милый XVIII вѣкъ! вѣрно *XIX-й, индюстріальный* вѣкъ изъ зависти называетъ тебя развратнымъ вѣкомъ. Мы очень-сожалѣемъ, что г. Рожеръ де Бовуаръ перебилъ такой превозходный сюжетъ у своихъ собратій, французскихъ романистовъ: онъ, сочинитель съ воображеніемъ, долженъ бы уступить его сочинителямъ безъ воображенія, которыхъ такъ много во Франціи. — Кто хочетъ познакомиться съ милымъ XVIII вѣкомъ, тотъ долженъ непремѣнно прочесть «Записки Казановы» и «Кавалера св. Георгія» Рожера де-Бовуара.

Вѣрно уже нашимъ читателямъ извѣстно, что знаменитая *Лелія, значительно исправленная и умноженная противъ прежняго* вышла вторымъ изданіемъ, но, можетъ-быть, не всѣмъ извѣстенъ отзывъ объ ней въ Revue de Paris, по случаю сего втораго изданія. Не угодно ли послушать? Вотъ, что между-прочимъ говоритъ французскій критикъ:

Лелія — это великая и мрачная поэма, колоссальный образъ страданій человѣка проклятаго въ самыхъ источникахъ его жизни, осужденнаго вѣчно желать и никогда не удовлетворяться, человѣка безъ надежды; эпопея неистовыхъ, усиленныхъ желаній, пѣснь отчаянія и агоніи.

Любопытные могутъ видѣть этотъ отзывъ о «Леліи» въ Revue de Paris 1839 года, въ 12 томѣ, въ книжкѣ 4— (22 декабря) на стр. 288. На какой высокой степени находится современная французская критика! Послѣ такого отзыва о «Леліи», мы боимся рекомендовать читателямъ новый романъ г. Поля де-Мюссе *Браслетъ* (Le Bracelet), препрославленный французскими журналистами. Этого «Браслета» мы сами еще не читали.

Съ сокрушеннымъ сердцемъ прочли мы въ одной изъ январскихъ книжекъ того же Revue de Paris на 1840 годъ— драматическую пьеску Генриха Гейне подъ названіемъ *Вильямъ и Марія*— пошлую и отвратительную въ высшей степени, заклейменную возмущающими и истертыми эффектами бульварныхъ французскихъ мелодраммъ... Не уже ли Гейне — этотъ человѣкъ съ поэтическимъ дарованіемъ, игривый и остроумный творецъ «Флорентинскихъ Ночей» (переведенныхъ и на русскій языкъ) — высказался весь и палъ такъ безславно? Не уже ли онъ долженъ потериться въ грудѣ французскихъ книжонокъ, сдружиться съ французскими писаками, и удовлетворяться похвалами гг. французскихъ критиковъ? Или это было только подражаніе, написанное во время оно, когда Гейне еще не сознавалъ самого-себя?

Французское стихотворство въ послѣдніе мѣсяцы находилось въ самомъ жалкомъ состояніи: видно, стишки всѣмъ наскучили — и сочинителямъ ихъ и читателямъ. Въ такую критическую минуту, для спасенія чести французскаго стихотворства, явился г. генерал-лейтенантъ графъ Дюпонъ (le lieutenant-général comte du Pont) съ поэмой въ 10 пѣсняхъ, въ коей 10

тысячь стиховъ! Поэма—и о чемъ бы вы думали? *Sur l'Art de la guerre!*... Такъ и повѣяло на насъ блаженнымъ, классическимъ и моральнымъ XVIII вѣкомъ. Критикъ «Journal des Débats» говоритъ, что г. генерал-лейтенантъ Дюпонъ предложилъ себѣ въ сей поэмѣ развитіе какой-то моральной и философской идеи, и что онъ превосходно достигъ своей цѣли, а по сему заслуживаетъ всякой похвалы!...

Точно, милостивые государи, XVIII вѣкъ былъ несравненно лучше нашего... Въ этомъ насъ также старается увѣрить г. Амедей Помьѐ (Amédée Pommier), издавшій свои стихотворенія *Oceanides et fantaisies*, въ коихъ онъ жестоко нападаетъ на XIX вѣкъ, называя его *индюстріальнымъ*. Вѣрно онъ читаетъ русскіе журналы, и оттуда заимствовалъ сей эпитетъ для нашего вѣка!...

Вотъ покуда и всѣ новости французской литературы. — Да не винятъ же насъ читатели наши, что мы не во всякой книжкѣ нашего журнала говоримъ о ней. — Что-то будетъ далѣе? Хотя-бы г. Поль-де-Кокъ сжалился надъ нами и издалъ новый романчикъ въ четырехъ частичкахъ, въ родѣ «Прекраснаго Молодаго Человѣка»: все было-бы о чемъ поговорить... Поль-де-Кокъ такой забавникъ, о немъ и говорить весело, но о новыхъ романахъ г. Поль-де-Кока ничего не слышно, а, говорятъ, г. Гюго угрожаетъ театру новою драмою. Вотъ это ужь совсѣмъ не забавно, а страшно!

УСТРОЙСТВО ОСОБАГО ПРИ ДЕМИДОВСКОМЪ ДОМѢ ПРИЗРѢНІЯ ТРУДЯЩИХСЯ УЧРЕЖДЕНІЯ ДЛЯ СНАБЖЕНІЯ БѢДНЫХЪ ПИЩЕЮ ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ. — Цѣль сей отрасли благотворенія, возъимѣвшей свое начало съ 1-го января 1839 года, состоитъ въ томъ, чтобы истинно-бѣднымъ семействамъ, угнетаемымъ нуждою и существенными недостатками, доставить возможность получать готовую пищу, которая раздается по билетамъ, продаваемымъ за самую дешевую цѣну—или благотворителямъ, желающимъ купить ихъ для вспомоществованія ближнему, или самимъ бѣднымъ, нуждающимся въ средствахъ къ своему пропитанію, но въ семъ послѣднемъ случаѣ не иначе, какъ по представленію несомнительнаго удостовѣренія о ихъ бѣдности.

Благодѣтельныя послѣдствія сего учрежденія, удовлетворяющаго существенной потребности въ жизни, чрезвычайно-важны во многихъ отношеніяхъ. Сколько бѣдныхъ, пользуясь готовою пищею, вкусною, здоровою, изъ свѣжихъ припасовъ, полученною ими въ даръ отъ благотворителей, или за самую дешевую цѣну, сохранятъ свое здоровье, душевное спокойствіе и время для занятій многими полезными дѣлами! Сколько несчастныхъ матерей, обремененныхъ многочисленнымъ семействомъ, для пропитанія котораго, и притомъ скуднаго и недостаточнаго, онѣ жертвуютъ изнуреніемъ послѣднихъ силъ своихъ, найдутъ облегченіе горькой судьбы своей въ возможности доставить для себя и дѣтей своихъ готовый насущный хлѣбъ, сытный и удовлетворительный! Это истинная помощь ближнему, существенное добро, имѣющее вліяніе на уменьшеніе народныхъ болѣзней и предохраненіе отъ весьма-многихъ нуждъ и крайности.

О приготовленіи пищи. — Пища для снабженія бѣдныхъ приготовляется простая, но здоровая и вкусная, изъ свѣжихъ припасовъ, и состоитъ изъ двухъ кушаньевъ: *щей* или *супа* и *каши.*

Щи или супъ приготовляются въ скоромные дни на бульйонѣ изъ говядины и голяшекъ, а въ постные — со снѣтками.

Каша варится изъ грешневыхъ крупъ и подается въ скоромные дни съ коровьимъ, а въ постные — съ конопляннымъ масломъ.

Оба кушанья дѣлятся на порціи, по равной мѣрѣ.

Къ каждой порціи принадлежитъ одинъ фунтъ ржанаго хлѣба.

Во время обѣда дается квасъ.

О правѣ пользоваться пищею. — Право пользоваться пищею имѣетъ всякій, кто явится въ заведеніе съ билетомъ, для сей цѣли даннымъ.

Билеты выдаются у директора заведенія, у гг. членовъ, старшинъ заведенія и во всѣхъ отдѣленіяхъ.

Каждый билетъ выдается заблаговременно впредь на цѣлый мѣсяцъ, — но въ послѣдствіи будутъ выдаваемы билеты на недѣлю и на всякій день особенно. Явившійся съ билетомъ, даннымъ на мѣсяцъ, послѣ того дня, съ котораго дается онымъ право пользоваться пищею, получаетъ это право со времени своего прихода.

Всѣ порціи, остающіяся за неявкою имѣющихъ билеты, обращаются въ экономію заведенія.

Билеты раздаются всѣмъ вообще благотворительнымъ лицамъ, желающимъ, вмѣсто денежной милостыни, доставить бѣднымъ, нуждающимся къ изъисканію средствъ для дневнаго пропитанія, возможность имѣть всегда готовую пищу.

Бѣдные могутъ получать билеты и сами для собственнаго своего и семействъ своихъ продовольствія, но не-

иначе, какъ по представленіи свидѣтельства отъ членовъ или старшинъ заведенія въ томъ, что они, по обстоятельствамъ своимъ, дѣйствительно достойны покровительства общественнаго.

При выдачѣ билета получается положенная за оный сумма.

О раздачѣ пищи.— Пища раздается въ общей столовой, устроенной при самомъ заведеніи для спабженія оною.

Кромѣ сего, для доставленія удобности пользоваться сею пищею бѣднымъ, живущимъ въ отдаленныхъ отъ заведенія мѣстахъ, открыты особенныя столовыя, въ видѣ отдѣленій: 1) близь Александроневской Лавры въ домѣ чиновника Иванова; 2) у Кокушкина Моста, въ домѣ старшины заведенія Кузьмина; 3) по Обуховскому Проспекту, противъ Училища Гражданскихъ Инженеровъ, а въ послѣдствіи времени, при увеличеніи средствъ, предположено открыть и въ другихъ мѣстахъ столицы.

Въ сіи отдѣльныя столовыя пища возится готовая изъ общей кухни, устроенной при Демидовскомъ Домѣ Призрѣнія Трудящихся, въ нарочно-приготовленныхъ для сей цѣли котлахъ.

Время для полученія пищи назначается отъ 12-ти до 2-хъ часовъ ежедневно.

Всякому дается опредѣленная порція, большаго количества которой никто не имѣетъ права требовать.

По окончаніи своего обѣда, всякій немедленно обязанъ уходить изъ столовой.

При входѣ всякій долженъ предъявить свой билетъ,—иначе не можетъ быть впущенъ въ столовую.

Всѣ сосуды и вещи, потребныя для обѣда, употребляются отъ заведенія.

Желающіе могутъ получить пищу по порціямъ и въ свои жилища, но не иначе, какъ въ своихъ собственныхъ сосудахъ.

Для всякой порціи цѣлаго обѣда долженъ быть особенный билетъ.

О надзорѣ за порядкомъ.— Постоянное и непосредственное наблюденіе за сохраненіемъ порядка, какъ въ приготовленіи, такъ и раздачѣ пищи, возлагается на директора заведенія.

Въ помощь ему, по сей части, ежедневно назначаются дѣйствительные старшины по-очереди.

Дежурные старшины, заблаговременно увѣдомленные отъ конторы о днѣ своего дежурства, принимаютъ на себя обязанность явиться въ столовыя въ назначенный день въ обѣденные часы для надзора за порядкомъ, тишиною и продовольствіемъ собирающихся къ обѣду.

Директоръ и дежурный старшина, по окончаніи обѣда и закрытіи столовой, подписываютъ по данной формѣ рапорты управляющему заведеніемъ.

Почетнымъ старшинамъ предоставляется посѣщать столовыя всегда, по ихъ произволу, и наблюдать за порядкомъ во всѣхъ отношеніяхъ.

О средствахъ къ содержанію заведенія. — Припасы, потребные для приготовленія пищи, покупаются на счетъ суммы, пріобрѣтенной раздачею билетовъ.

Цѣна билета, при возвышенныхъ цѣнахъ на всѣ вообще съѣстные припасы, назначена самая дешевая: въ продолженіи мѣсяца 1 рубль серебромъ, а за обѣдъ 12 коп. мѣдью.

Всѣ прочія нужды по содержанію сего заведенія относятся на - счетъ суммъ, жертвуемыхъ благотворителями въ пользу онаго, независимо отъ покупаемыхъ ими билетовъ. Жертвуемая сумма необходима для покрытія разныхъ расходовъ по содержанію кухни и столовыхъ, именно: на покупку дровъ, свѣчь, обзаведеніе посу-

дою, развозку пищи, жалованье служащимъ и т. п. Кромѣ сего при каждой столовой имѣется кружка для вклада пожертвованій отъ посѣтителей: сумма, высыпаемая изъ кружекъ, употребляется на приготовленіе пищи въ пользу такихъ бѣдныхъ семействъ, которыхъ горестное и крайнее положеніе извѣстно старшинамъ и членамъ заведенія.

Попечительство съ признательностію принимаетъ всѣ пожертвованія, какъ деньгами, такъ и съѣстными припасами въ пользу сего отдѣленія.

Объ отчетности. а) Относительно суммы.—Всѣ суммы, пріобрѣтаемыя продажею билетовъ, записываются раздѣльно подъ N N° въ особо-заведенной для сего приходо-разходной книгѣ, правильное веденіе которой ввѣряется непосредственному наблюденію и отвѣтственности директора, а потомъ, по окончаніи мѣсяца, общимъ числомъ вносятся въ общую отчетную вѣдомость Демидовскаго Дома Призрѣнія Трудящихся, равно и въ приходную книгу онаго.

Выдача суммъ сихъ за припасы производится конторою, по окончаніи мѣсяца, по счетамъ поставщиковъ, на основаніи предварительно-условленныхъ цѣнъ. Счеты должны быть засвидѣтельствованы пріемщикомъ припасовъ, и, по сличеніи съ разходомъ и остаткомъ оныхъ, утверждены директоромъ заведенія.

Всякая передержка, по окончаніи мѣсяца, противъ суммъ, получаемыхъ продажею билетовъ, выдается, по особому разрѣшенію попечителя, какъ разходъ экстренный.

Суммы, получаемыя отъ благотворителей, независимо отъ покупки билетовъ, именно въ пользу учрежденія для снабженія бѣдныхъ пищею, записываются въ общую приходную книгу Дома Трудящихся, съ означеніемъ цѣли, для коей пожертвованы.

Всѣ вообще суммы, принадлежащія учрежденію для снабженія бѣдныхъ пищею, составляютъ особую, отдѣльную часть въ общей кассѣ заведенія, а относительно ихъ прихода и разхода имѣется особенная графа въ общей отчетной вѣдомости.

Разходъ по сей части записывается въ общую разходную книгу, какъ резолюціонную, такъ и кассовую.

б) Относительно припасовъ.—Всѣ припасы получаются отъ поставщиковъ по требованіямъ того, кому поручена отъ попечительства хозяйственная часть заведенія для снабженія бѣдныхъ пищею.

Припасы требуются, если возможно, гуртомъ на цѣлый мѣсяцъ впередъ, судя по числу розданныхъ билетовъ, и выдаются ежедневно для употребленія въ соразмѣрномъ сему числу количествѣ.

Каждый день ведется вѣдомость отпущенныхъ для приготовленія пищи припасовъ, съ означеніемъ па сколько порцій, и показывается экономія.

Попечительство Демидовскаго Домѣ Призрѣнія Трудящихся, долгомъ поставляя объявить во всеобщее извѣстіе о семъ новомъ учрежденіи въ пользу бѣдныхъ, приглашаетъ всѣхъ благотворителей, особенно имѣющихъ благочестивое христіанское обыкновеніе раздавать постоянную денежную милостыню въ извѣстные дни, воспользоваться билетами для снабженія бѣдныхъ готовою пищею, какъ вѣрнѣйшимъ средствомъ сдѣлать истинное благотвореніе, между-тѣмъ, какъ денежная милостыня по-большей - части употребляется во зло, и собирается не столько имѣющими въ ней существенную надобность, сколько праздно-шатающимися и вовсе безполезными для общества людьми. Отъ благомы-

слящей разборчивости самихъ благотворителей заставитъ раздавать билеты только такимъ бѣднымъ, которыхъ таковое великодушное и человѣколюбивое вспоможеніе не могло бы вести къ праздности, тунеядству и вовсе безпечной и безпорядочной жизни.

Заведеніе находится по Мойкѣ, противъ Новой Голландіи.

НѢКОТОРЫЯ ИЗЪ РУССКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЬ. — Мы получили эти пѣсни при слѣдующемъ письмѣ: «М. г. нѣсколько разъ въ вашемъ журналѣ были помѣщаемы народныя русскія пѣсни, при чемъ вы изъявляли готовность съ охотою помѣщать и другія, которыя вамъ будутъ доставляемы. Радуясь столь достойному и счастливому направленію этого журнала, гдѣ находитъ себѣ мѣсто все дорогое русскому сердцу, я беру на себя смѣлость представить вамъ нѣкоторыя изъ собранныхъ мною пѣсень. Если вы помѣстите ихъ въ вашемъ журналѣ, то я буду имѣть удовольствіе доставить вамъ нѣсколько сотень такихъ же. Утѣшительно думать, что «Отечественныя Записки» послужатъ обильнымъ источникомъ для будущаго пѣснесобирателя. На этотъ разъ имѣю честь представить вамъ 15 народныхъ пѣсень безъ варіантовъ, примѣчаній и нотъ, что все можетъ быть вамъ впредь доставлено по вашему желанію и съ вашего согласія (*).»

Къ какому роду должно отнести каждую изъ этихъ пѣсень, очевидно изъ ихъ содержанія.

(*) Редакторъ «Отеч. Записокъ», отъ всего сердца благодаря за доставленіе сихъ пѣсень, покорнѣйше проситъ продолжать подобныя присылки. Онъ былъ бы еще благодарнѣе, если бъ къ этимъ пѣснямъ прилагаемы были и варіанты и напѣвы, подобно тому, какъ это сдѣлано, на-примѣръ, въ сборникѣ Кирши Данилова.

1.

Печальное мое сердце
Во мнѣ все изныло.
На что было того лучше,
Что милой мой ласковъ.
Соколикъ мой ясной!
Высоко соколъ летаетъ;
Милой отъѣзжаетъ.
Оставляетъ меня въ горѣ,
Какъ корабль на морѣ;
Оставляетъ при кручинѣ,
Какъ корабль въ пучинѣ.
Милъ закроется горами —
Зальюсь я слезами.
«При разлукѣ, моя радость,
«Пиши ко мнѣ письма!»
Я сама писать не умѣю,
Писарямъ не вѣрю,
Напишу письмо слезами,
Пошлю со слугами,
Что сы тѣми сы слугами —
Съ буйными вѣтрами.
Ужь ты вѣтеръ, вѣтерочикъ,
Вѣтеръ буйный полуденный!
Повѣй, повѣй, вѣтерочикъ,
Къ милому въ садочикъ!
Повѣй, повѣй, полуденный,
Къ милому въ зеленый.
Милъ по садику гуляетъ,
Письма разбираетъ:
Онъ и сталъ письмо читати —
Не могъ на ногахъ стояти.

2.

Всѣмъ сердцемъ сушусь, крушусь,
Слезою мальчикъ зальюсь
Самъ я знаю для кого —
Кого я вѣрно люблю.
За моремъ глубокіимъ,
Межь горъ крутыхъ высоко,
Тамъ моя любезная
Душа-дѣвушка живетъ.
Выду ль я на рѣченьку,
Посмотрю на быструю;
Съ родимой сторонушки
Пріятенъ воздухъ несетъ:
Тамъ моя любезная
Душа-дѣвушка живетъ!
Скажи, скажи, дѣвушка:
Вѣрно любишь ли меня?
Если любишь ты меня,
Возьму замужъ за себя.
А если не любишь,
Убью мальчикъ самъ себя,
Убью, застрѣлюсь стрѣлой,

Во сыру землю пойду;
Пускай люди скажутъ,
Что я мальчикъ вѣренъ былъ,
Одну Машиньку любилъ,
За то самъ себя убилъ.

3.

Хорошо тому на свѣтѣ жить,
У кого нѣту заботушки,
Въ ретивомъ сердцѣ зазнобушки!
У меня жь младой заботушка
Въ ретивомъ сердцѣ зазнобушка.
По несчастьицу случилося,
Я въ измѣнщичка влюбилася
Показался мнѣ имѣньщичекъ
Милѣй свѣту, милѣй бѣлаго,
Онъ милѣе отца, матери,
И дороже роду, племени.
Зазнобилъ, шельма, повысушилъ
Суше вѣтру, суше вѣшняго,
Суше травушки подкошеной.
Я сама на грѣхъ повыступлю,
Я сама дружка повысушу,
Я ни зельями, ни кореньями —
Высушу его (йго) горючими слезьми.
Не достанься жь онъ, разбестія,
Что ни мнѣ ли, ни родной сестрѣ!

4.

Вечоръ по лугу гуляла,
Злы коренья я копала.
Накопавши злыхъ кореньевъ,
На Дунай рѣку пошла.
Ихъ я мыла, вымывала
Чисто-на-чисто въ рѣкѣ.
А какъ вымывши коренья,
Сухо-на-сухо сушу.
Изсушивши злы коренья,
Мелко-на-мелко сотру.
Изотру я злы коренья;
Съ кофьемъ яду наварю,
Наваривши съ кофьемъ яду,
Дружка въ гости позову,
Стаканъ яду поднесу.
А поднесши стаканъ яду,
Про любовь дружка спрошу.
— «Ты умѣлъ ли, разканалья,
Мою душу осквернить;
Такъ умѣй же, ты, каналья,
Мое тѣло схоронить!
Схорони же мое тѣло
Между трехъ большихъ дорогъ:
Между тульской, петербуржской,
Главной кіевской большой.
Надъ моею надъ могилой
Жалку пѣсенку запой!»

5.

Подъ грушею, подъ зеленою,
Подъ яблоней подъ кудрявою,
Стрыгалъ стружки доброй молодецъ,
Брала стружки красна дѣвица,
Набравъ стружекъ въ огонь клала,
Змѣю пекла, ужа жарила,
Ужа жарила, зелье дѣлала.
Что ждала въ гости братца роднаго.
«Пріѣзжай, братецъ, пріѣзжай, батюшка!»
— Я пріѣду, сестра, пріѣду матушка!
Ѣдетъ братецъ середи поля,
Встрѣчаетъ сестра середи двора.
Наливаетъ рюмку зелья лютаго:
«Ужь выпей, братецъ, выпей батюшка!»
— Ужь ты пей, сестра, напередъ сама!
«Я пила, братецъ, наливаючи,
А тебя въ гости поджидаючи!»
Братъ за рюмку принимается...
Уста кровью запекаются.
Ужь и канула капля коню на гриву,
У коня грива загорается
Добрый молодецъ удивляется:
«По родству — ты мнѣ сестра родная,
По пріязству — мнѣ змѣя лютая!

6.

Полно вамъ, снѣжочки,
На талой землѣ лежать!
Полно вамъ, солдатушки,
Горе горевать.
Оставляй тоску, печаль
Вы темныхъ лѣсахъ!
Станемъ привыкать
Мы къ турецкіимъ степямъ,
Ко французскимъ городамъ.
Забывай, солдатушки
Отца, мать, жену!
Вспомните, служивые,
Тесакъ, ружье, суму!
Съ дѣвками, съ молодками
Полно намъ гулять!
Перяны подушечки
Пора намъ забывать.
Стоять въ караулѣ —
Не надобно дремать,
И ружье съ сумой терять.
Ходя паѣдимся,
Стоя высцимся,
На зарѣ мы встанемъ —
Слезьми умоемся;
Кручиной утремся
Богу помолимся:
«Дай, Боже, солдатушкамъ
Пожить, послужить;

За свою сторонушку
Головку положить!»
Есть ли у васъ, солдатушки
Крупа и мука?
Хлѣбовъ напечемъ,
Густой каши наваримъ.
Сложимся по денежкѣ
Мы купимъ винца.
Выпьемъ мы по рюмочкѣ
Выпьемъ винца,
Выпьемъ по другой
Разгуляемся.
По третьей мы выпьемъ,
Сами пѣсни запоемъ,
Пѣсни запоемъ,
Въ походъ скоро пойдемъ!

7.

Соловей кукушку обманывалъ,
Онъ обманывалъ, подговаривалъ:
«Полетимъ, кукушка, вы темны лѣса,
Вы темны ль лѣса, вы дремучіе,
Совьемъ, кукушка, съ тобой гнѣздышко,
Съ тобой гнѣздышко, съ тобой теплое,
Выведемъ, кукушка, съ тобой дѣтушекъ.»
Молодецъ дѣвицу обманывалъ,
Онъ обманывалъ, уговаривалъ:
— «Поѣдемъ, дѣвица, вы Казань-городъ.
Что Казань-городъ вы красѣ стоитъ,
А Казанка-рѣчка та медомъ протекла,
По лугамъ, лугамъ шелкова трава;
По горамъ, горамъ тамъ все камушки,
Да все камушки разноцвѣтные!»
— «Молодецъ, молодецъ не обманывай,
Не обманывай, не подговаривай!
Я сама знаю, про все вѣдаю.
Что Казань-то городъ во крови стоитъ;
Что Казанка-то рѣчка кровью протекла
Мелкіе ручьи горючими слезьми.
По лугамъ, лугамъ да все волосы,
По горамъ, горамъ да все головы,
Да все головы разноличныя.»

8.

Пишетъ, пишетъ король свейскій
Къ Государынѣ письмо:
«Чтобъ россейская царица
Замирилась бы со мной!
А не хочетъ-де мириться,
Отдай мои города:
Отдай Рыгу, отдай Ливиръ (Ревель)
Отдай славный Кранштанъ!
Моимъ милымъ барабанщикамъ
Квартиры распиши!
Рядовымъ моимъ солдатамъ
По купеческимъ домамъ;
Моимъ штаберъ-офицерамъ
Въ каменной Москвѣ;
А мнѣ королю свейскому
Въ Кремль-городѣ стоять.

—

Теперь на выдержку представляю нѣсколько хороводныхъ.

9.

По обыкновенію хороводовъ, дѣвушки дѣлаютъ кругъ; парень обходитъ снаружи хороводъ. Хоръ поетъ:

«Царинъ сынъ, королевъ
Колъ городу ходитъ,
Царинъ сынъ, королевъ
Въ городъ зазираетъ.
Царинъ сынъ, королевъ
Взойди, сударь, въ городъ.
Царинъ сынъ, королевъ
Выбирай себѣ невѣсту!
Царинъ сынъ, королевъ
Что которую, любую.
Царинъ сынъ, королевъ
Поклонись, сударь, пониже!
Царинъ сынъ, королевъ
Утрись, сударь почище!
Царинъ сынъ, королевъ
Обнимися покрѣпче!
Царинъ сынъ, королевъ
Ты цалуйся помилѣе!»

Парень исполняетъ всѣ требованія горожанокъ.

10.

Кругъ дѣвушекъ; въ кругу одинъ парень играетъ роль свекра, сосѣдка его — свекровь. Подъ ладъ пѣсни кругъ ходитъ, а внутри его мужъ учитъ жгутомъ жену.

Подъ бѣлою подъ березою,
Ой люли, ой люли, подъ березою,
Что подъ грушею, подъ зеленою,
Ой...
Что подъ яблоней, подъ садовою,
Ой...
Учитъ мужъ жену, мужъ угрюмую,
Ой...
Онъ угрюмую, невеселую,
Ой...
Невеселую, непокорную,
Ой...
Непокорную, непоклонную,
Ой...

Хочь поклонится свекру, батюшкѣ:
Ой...
«Свекоръ батюшка, отними меня,
Ой...
Отними меня отъ лиха мужа,
Ой...
Отъ лиха мужа, отъ негоднаго,
Ой..

Хоръ возвышаетъ и усиливаетъ голосъ.

Не отнять хотятъ, больше бить велятъ,
Ой...

Пѣсня начинается снова; недовольная рѣшеніемъ свекра, битая обращается къ свекрови-матушкѣ—отвѣтъ тотъ же. Тогда она бросается къ мужу въ ноги. Хоръ поетъ:

Какъ жена мужу поклонилася,
На колѣночки становилася.
Не давай лазу (потачки), учи мужъ жену!»

—

Вотъ нѣсколько свадебныхъ.

11.

Виноградъ вы саду растетъ,
И ягода во сыромъ бору.
Виноградъ разцвѣтаетъ,
И ягода поспѣваетъ.
Виноградъ-то N. сударь,
А ягода Н. Н-на.
Имъ люди дивовалися,
Что хорошіе такіе уродилися.
Дай же имъ Богъ и совѣтъ и любовь
Во совѣтѣ во любви
Хорошо бы имъ пожить.
Рыбушка полотичунька,
А я млада молодешенька.
Ужь мнѣ ль молодой
Мало можется—
За мужъ хочется,
Батюшкинъ хлѣбъ полынёмъ пахнетъ
Онъ и горькою горьчицей отзывается.
N-на хлѣбъ медомъ пахнетъ,
Онъ и сладкою сытою отзывается.

12.

По садику, садику
По зеленому винограднику.
Тутъ ходилъ, гулялъ молодецъ,
Иванъ, сударь, Николаевичъ.
Онъ чесалъ кудри русые,
Чесалъ, приговаривалъ:
—«Прилегайте, кудри русые
Къ моему лицу бѣлому,
Къ бѣлому, румяному.
Привыкай душа, Танюшка,
Къ моему уму, разуму,
Что къ обычью молодецкому.»
Какъ и мнѣ ли красной дѣвушкѣ
За досаду показалося,
Привыкать-было не хотѣлося.
А ужь знать-то привыкать будетъ;
Спеси, гордости убавити,
Ума, разума прибавити,
Держать голову поклонную,
Ретиво сердце покорнымъ.
Назову я свекра батюшкой,
А свекровь мою матушкой,
А золовушекъ по имени,
А деверьевъ по отечеству,
А Ивану скажу: «милый другъ!»

13.

Какъ сказали Татьянушкѣ,
Что Иванъ-то грозенъ, грозенъ,
Онъ грозенъ, сударь немилостивъ.
Какъ подъѣхалъ онъ къ широкому двору,
Какъ ударилъ онъ копьемъ въ ворота:
«Дома ль тесть иль хоти тещинька?
Дома ли Татьяна Ивановна?
Если въ гостяхъ,—не зовите ее;
Коли спитъ—не будите ее!»
Услыхала Татьянушка-душа,
Побѣжала по новымъ по сѣнямъ:
—«Вы дѣвушки, подружки мои,
Вы берите золоты мои ключи,
Отпирайте полужоные замки,
Вынимайте дорогое вы сукно.
Ужь вы выкройте Ивану-то сертукъ,
Чтобъ не длиненъ, не коротокъ былъ,
Кы бѣлымъ ногамъ разтрубистый,
Къ ретиву сердцу прижимистый!»

14.

По улицѣ, улицѣ
По широкой улицѣ,
Ходилъ, гулялъ молодецъ,
Молодчикъ молоденькій,
Повѣсивъ головушку
На праву сторонушку.
Увидала матушка
Изъ высока терема
«Дитя ль мое, дитятко,
Дитя ль мое милое!
Что ходишь невесело,
Гуляешь нерадостно,
Склонивши головушку
На правое плечико?»
—«Сударыня матушка!

Чему жь быть веселому?
Друзья, братья женятся,
А я неженатъ хожу.»
— «Женись, мое дитятко,
Женись мое милое!
Возьми себѣ, дитятко,
У барина дочерю,
Сы нянькамн, съ мамками,
Со слугами, съ крестьянками?»
— Сударыня матушка
Она мнѣ не ровнюшка!
Возьмемъ, возьмемъ, матушка
Купеческую дочку,
Ровнюшку, ровесницу,
И въ домѣ совѣтницу!»

— въ —

Эмецкій острогъ. — Къ числу историческихъ мѣстъ въ Архангельской Губерніи, по справедливости, должно отнести нынѣшнее Эмецкое Село, въ Холмогорскомъ Уѣздѣ. Оно отстоитъ отъ Архангельска, по московскому тракту, въ 177 верстахъ; лежитъ на лѣвомъ берегѣ Эмцы, которая, протекая здѣсь полукругомъ, послѣ пятиверстнаго разстоянія, впадаетъ въ Двину, подъ деревнею Прилуцкою. Мѣстоположеніе Эмецкаго Села возвышенное и можно сказать единственное въ этомъ уѣздѣ, по красотѣ окрестностей. У подошвы его правый берегъ Эмцы лѣтомъ разстилается Зеленѣющею Долиною, усѣянною небольшими озерами, окаймленными лѣсомъ, и оканчивающеюся предъ зачатьевскою деревнею; она отстоитъ отъ Эмецкаго Села въ 5 верстахъ. Долина эта, съ высотъ эмецкихъ, представляется какъ-бы въ рамахъ отъ побочнаго теченія двухъ рѣчекъ, Шараповой и Сухой (мелководной) Двинки: та и другая, извиваясь почти паралельно одна другой по краямъ долины, впадаютъ въ Эмцу подъ самымъ Эмецкимъ Селомъ.

По неимѣнію историческихъ фактовъ, нельзя съ достовѣрностію опредѣлить, въ какомъ столѣтіи послѣдовало населеніе Эмецка и постоянная осѣдлость жителей, но уже въ половинѣ пятнадцатаго вѣка оно было значительно населено новгородскими выходцами.

Карамзинъ говоритъ (*): «Сынъ новгородскаго посадника Варѳоломея, «Лука, набравъ шайку бродягъ и «разоривъ множество деревень въ Заволочьѣ, по Двинѣ и Вагѣ, основалъ «для своей безопасности городъ Орлецъ на рѣкѣ Эмцѣ. Его умертвили «жители какъ разбойника.» Лѣтописецъ новгородскій говоритъ: (**) «Лука «Варѳоломѣевъ, не послушавъ Новагорода и митрополича благословенія, «скопивъ съ собою холоповъ збоевъ «и пойде за Волокъ на Двину, и постави городокъ Орлецъ, и скопивъ «Эмчанъ и взя по Двинѣ всѣ погосты «на щитъ; а сынъ его Онциѳоръ отходилъ на Вагу, Лука же въ дву сту «выѣха воевать и убиша его Заволочане.»

Противъ Эмецкаго Села дѣйствительно существуетъ и донынѣ одна возвышенность, называемая городокъ; но ни въ преданіяхъ, ни въ лѣтописяхъ не сохранилось имени Орлецъ. Ясно, что Карамзинъ ошибкою поставилъ городокъ Орлецъ на р. Эмцѣ, тогда какъ онъ былъ на Двинѣ, гдѣ нынѣ деревня Орлецы, и разоренъ по взятіи приступомъ. Этотъ случай описанъ въ «Исторіи Гос. Рос.» Томъ V. Издан. 3, на стр. 184.

Эпоха исторически-достовѣрныхъ извѣстій объ Эмецкомъ Селѣ начинается съ 1587 г., когда было измѣреніе и перепись земель въ двинскомъ краѣ (***). Въ это время *въ Эмецкомъ*

(*) И. Госуд. Рос. Изд. 3. Томъ IV, на стр. 296.

(**) Смотр. примѣчаніе 337, къ IV Тому И. Гос. Рос. изданіе 1, стр. 458.

(***) Ист. Гос. Рос. Изд. 4. Томъ X. стр. 239.

Стану у большаго села на рѣкѣ Эмцѣ, были два монастыря: Покровскій мужской, и Ивановскій-дѣвичій. Объ нихъ въ писцовыхъ книгахъ князя Василья Звенигородскаго упоминается: «*На монастырѣ церковь Іоанна Предтечи деревянная вверху, а другая церковь Георія Страстотерпца, деревянная же. Въ церквахъ образа, книги, свѣчи и колокола и всё церковное строеніе прихожанъ и Сійскаго Монастыря; на монастырѣ 12 келлій*».

Въ такомъ состояніи было Эмецкое Село до 1613 г. — Въ этомъ году Россія торжествовала свое освобожденіе возведеніемъ на россійскій престолъ юнаго Михаила Θеодоровича *Романова*. Ляхи, терзавшіе Россію со временъ перваго самозванца, истреблены или разсѣяны; остатки корпуса Лисовскаго (*), отрѣзанные отъ Литвы, устремились къ сѣверу и на Вагѣ образовали болѣе нежели семитысячное полчище для грабежа и разбоя. Появленіе Поляковъ на р. Вагѣ ознаменовалось злодѣйствомъ: они мучили и убивали беззащитныхъ поселянъ изъ видовъ корысти; сопротивленія не было; кто могъ—спасался бѣгствомъ, оставляя домы на произволъ грабителей. Недовольствуясь этими успѣхами, Поляки покушались сдѣлать набѣгъ на двинскіе уѣзды и Заволочье, отправя туда шпіоновъ съ значительнымъ конвоемъ для рекогносцировки. — Холмогорскій воевода и стольникъ, князь Петръ Ивановичъ Пронскій, узнавъ о замыслахъ Поляковъ, предупредилъ ихъ, поставя на пути преграду въ Эмецкомъ Селѣ. По разноряженію его, въ Эмецкѣ уничтожены келліи Ивановскаго дѣвичьяго Монастыря: инокини переведены въ Покровскій мужскій Монастырь на мѣсто монаховъ, которые переселены въ Сійскій Монастырь. Тогда же поставленъ острогъ; онъ окопанъ былъ рвомъ. Углубленія рва, опоясывавшаго съ трехъ сторонъ острогъ, и донынѣ видны по всему пространству Эмецка съ сѣверной стороны, а оттуда обращены были къ югу и соединены съ двумя глубокими оврагами, одинъ выше, а другой ниже Эмецка. Площадь, обнесенная острогомъ, имѣла пространства не болѣе 12 тысячь квадратныхъ саженъ, включая въ это число около 20 сажень набережнаго угора, который въ разныя времена снесло водою. Надъ самымъ обрывомъ угора стояла деревянная церковь (*) св. Николая Чудотворца, одна изъ древнѣйшихъ въ Эмецкѣ; ее перевезли въ Зачатовскую Деревню, гдѣ и нынѣ находится.

На Эмцѣ не ограничились устройствомъ одного Эмецкаго Острога. Въ недальнемъ отъ него разстояніи есть двѣ земляныя возвышенности, на которыхъ въ 1613 г. расположились станомъ архангелогородскіе стрѣльцы, присланные изъ Холмогоръ въ количествѣ 100 человѣкъ подъ начальствомъ сотника Смирнаго-Чертовскаго. Противъ западной оконечности острога, на правомъ берегу Эмцы, уголъ, образовавшійся отъ сліянія рѣкъ Шарановой съ Эмцою, носитъ нынѣ названіе села Шаранова; оно лежитъ на возвышенности почти отвѣсной надъ рѣкою этого имени. Съ сѣвера село Шараново окружено густымъ сосновымъ лѣсомъ, называемымъ и донынѣ *Сотинъ Боръ*, который, нѣсколько понижаясь къ югу, оканчивается утесомъ; у подошвы его

(*) Карамзинъ увѣряетъ, что Лисовскій взялъ Заволочье. Ист. Гос. Рос. изд. 4. Томъ XII. Стр. 327.

(*) Объ этой церкви упоминается въ грамотѣ царя Θеодора Іоанновича, напечатанной въ Исторіи Архангельска соч. Крестинина на стр. 173.

струятся два узкіе продолговатые озера — Задворское и Яфанское. Во времена описываемаго событія, они соединены были, со стороны Эмцы, каналомъ, углубленіе коего видно и нынѣ. Между этими озерами лежитъ природная земляная возвышенность, вокругъ утесистая, опушенная съ сѣвера надъ каналомъ березовою рощицею. Ровная площадь ея имѣетъ паралельно озерамъ 1 версту длины и 50 сажень ширины; а высота ея отъ лѣтняго уровня водъ не болѣе 5 сажень. Эта мѣстность носитъ названіе *Городокъ.*

Сотинъ Боръ и Городокъ служили стрѣльцамъ засадою, которой способствовало гористое мѣстоположеніе, а въ-особенности густой лѣсъ, заслонявшій ихъ со стороны рр. Шарановой и Эмцы. Неизвѣстно, долго ли они находились въ бездѣйствіи, но вѣсть о набѣгѣ Поляковъ вскорѣ оправдалась на-самомъ-дѣлѣ. Изъ шайки этихъ бродягъ появился отрядъ съ двинской стороны, и, разсѣявшись по долинѣ, предался грабежу, убилъ въ-расплохъ многихъ эмецкихъ поселянъ, отлучившихся изъ острога. Замѣтивъ въ Эмецкомъ Селѣ поставленный острогъ, Поляки устремились вверхъ по Эмцѣ мимо острога, и, въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка Ваймуга, за полторы версты выше Эмецка, впадаетъ въ Эмцу, начали переправляться, при самомъ устьѣ Ваймуги, на правый берегъ ея, называвшійся *Наволокъ.*

Тогда стрѣльцы изъ своей засады и крестьяне изъ острога тайно сдѣлали вылазку; соединившись выше переправы ихъ въ лѣсу, ударили соединенными силами на Поляковъ и начали тѣснить въ уголъ наволока, окруженный рѣками. Объ отступленіи нельзя было и думать: гладкое и безлѣсное мѣстоположеніе наволока не принесло бы желаемаго успѣха въ обратной переправѣ. Поляки рѣшились защищаться; завязалась съ стрѣльцами битва (*) и кончилась рѣшительнымъ истребленіемъ Поляковъ; у нихъ отбиты три знамени и взяты въ плѣнъ два шпіона, находившіеся въ отрядѣ. Ихъ отослали къ холмогорскому воеводѣ, которому они признались, что Поляковъ на Вагѣ до семи тысячь, и что они намѣреваются въ-расплохъ напасть на Холмогоры, въ той надеждѣ, что тамъ нѣтъ острога. Это открытіе было поводомъ къ поспѣшнѣйшему устройству въ Холмогорахъ и Архангельскѣ остроговъ. Послѣдствія доказали справедливость извѣстія, полученнаго отъ шпіоновъ: въ томъ же 1613 г., въ декабрѣ, шайка конныхъ Поляковъ окружила холмогорскій острогъ и, чрезъ три дня, разсѣялась частію въ поморскую сторону, частію обратно на Вагу, миновавъ на этотъ разъ Эмецкій Острогъ.

Существующая близь Эмецкаго Села на мѣстѣ битвы деревня, получила названіе *Ратовъ Наволокъ*, а мѣста засады стрѣлецкой *Сотинъ Боръ* и *Городокъ.*

Эмецкаго Острога давно уже нѣтъ въ Эмецкомъ Селѣ: онъ въ 1760 г. сгорѣлъ со всѣми домами, церквами и монастырскими строеніями, а инокини нашли убѣжище въ Холмогорскомъ Успенскомъ дѣвичьемъ Монастырѣ, который существуетъ и нынѣ близь Преображенскаго Собора.

Ф. ВАЛЬНЕВЪ.

Архангельскъ.
1840 г.

(*) Свѣдѣніе о битвѣ извлечено изъ памятныхъ записокъ Сійскаго Монастыря игумена Іоны, хранящихся въ этомъ монастырѣ. Случай сей не вошелъ въ составъ исторіи Архангельска, соч. свящ. Молчанова.

Проектъ воздушнаго путешествія изъ Америки въ Европу черезъ Атлантическій Океанъ. — Г. Гринъ напечаталъ слѣдующее изложеніе оснований, на которыхъ онъ считаетъ возможнымъ переправиться на воздушномъ шарѣ черезъ Атлантическій Океанъ изъ Нью-Йорка въ Европу. Онъ утверждаетъ, что воздушный шаръ, наполненный водородомъ, смѣшаннымъ съ углеродомъ или наполненный обыкновеннымъ чадомъ, можетъ весьма долгое время держаться въ воздухѣ и количество газа уменьшится весьма - незначительно; тогда какъ, напротивъ, чистый водородный газъ способенъ утончаться до такой степени, что можетъ проходить въ самыя непримѣтныя скважинки аэростата. Эти факты суть результатъ наблюденій, сдѣланныхъ въ-продолженіе 275 воздушныхъ путешествій: небольшой аэростатъ, назначенный для путешествій на разстояніи пяти или шести миль, сохранялъ почти то же количество газа въ-теченіе недѣли. Воздухоплаватель пролетѣлъ 2,900 миль съ однимъ запасомъ газа и, если бъ было нужно, могъ бы употреблять его въ-теченіе трехъ мѣсяцевъ. Возможность переправиться на воздушномъ шарѣ изъ Америки въ Европу г. Гринъ доказываетъ слѣдующими фактами: всегда, какъ только аэростатъ подымался выше низшаго потока воздуха, или надземныхъ вѣтровъ, Гринъ и другіе воздухоплаватели встрѣчали однообразное теченіе воздуха, имѣющее направленіе къ W или NW, между-тѣмъ, какъ низшіе вѣтры, отъ различныхъ причинъ, имѣютъ различное и противоположное направленіе; шаръ безъ всякаго труда можетъ достигнуть этого высшаго потока воздуха и съ равною легкостію можетъ держаться на одной и той же высотѣ, такъ долго, какъ угодно будетъ воздухоплавателю. Еще въ 1836 году г. Гринъ, будучи въ Парижѣ, предлагалъ совершить воздушную поѣздку черезъ Атлантическій Океанъ, и въ то же время получилъ письмо отъ адмирала сэра Сиднея Смита, въ которомъ ученый адмиралъ подтверждалъ его наблюденія касательно направленія верхнихъ потоковъ воздуха, доказывалъ совершенную безопасность подобнаго предпріятія и изъявлялъ готовность сопровождать воздухоплавателя изъ Нью-Йорка въ Европу на его аэростатѣ. Надлежитъ принять во вниманіе и то, что воздушный шаръ не можетъ встрѣтить такія затрудненія, какія встрѣчаетъ корабль, гонимый вѣтромъ и принужденный разсѣкать густую массу воды; аэростатъ, будучи легче самого воздуха, по которому плыветъ, несется съ такою же быстротою, съ какою течетъ и воздухъ, какъ-будто онъ составлялъ часть движущагося тѣла. Огромное пространство океана не препятствуетъ изполненію предпріятія, и шаръ такого огромнаго размѣра, какъ нассаускій аэростатъ, легко можетъ быть устроенъ для помѣщенія трехъ человѣкъ и съѣстныхъ припасовъ на три или, если угодно, на четыре мѣсяца. Шаръ можетъ спускаться на землю и снова подыматься по желанію путешественниковъ, при пособіи тѣхъ же самыхъ средствъ, какія употребляемы были во время поѣздки въ Германію. Доказывая фактами постоянное теченіе верхнихъ слоевъ воздуха по направленію къ WNW, доказывая способность аэростата удерживать наполняющій его углеродо - водородный газъ въ-теченіе неопредѣленнаго времени и способность удерживаться весьма долго въ воздухѣ, г. Гринъ берется самъ переправиться изъ Нью - Йорка въ Англію черезъ Атлантическій Океанъ на воздушномъ шарѣ, который

будетъ нарочно устроенъ для этой цѣли.

УСОВЕРШЕНСТВОВАНІЯ ВЪ ИСКУССТВѢ ВОЗДУХОПЛАВАНІЯ. — Недавно былъ произведенъ новый опытъ управленія воздушнымъ шаромъ, но результаты этого опыта ни мало не соотвѣтствовали обѣщаніямъ изобрѣтателя и надеждамъ тѣхъ, которые принимали участіе въ усовершенствованіи искусства воздухоплаванія. Не въ самомъ ли искусствѣ должно искать причину этой неудачи, или не слѣдуетъ ли приписать ее неопытности воздухоплавателя и слабости средствъ, имъ употребляемыхъ? Мы разсмотримъ здѣсь этотъ вопросъ, замѣтивъ однакоже, что никогда погода не могла быть благопріятнѣе для подобнаго опыта, и что при совершенной тишинѣ воздуха, шаръ поднялся почти-перпендикулярно. Г. Эльріо наполнилъ свой шаръ только до двухъ третей его объема, и когда началъ подниматься, то сила, подымавшая его, была такъ слаба, что шаръ едва не упалъ на землю и могъ подняться съ большею быстротою тогда только, когда Эльріо, по совѣту присутствовавшихъ воздухоплавателей, сбросилъ баластъ. Поставленный при подъемѣ противъ вѣтра, онъ полетѣлъ совершенно по одному направленію съ маленькимъ шаромъ, спущеннымъ прежде; сколь ни быстро приводилъ Эльріо въ движеніе снарядъ, долженствовавшій управлять шаромъ, но утомленный напрасными усиліями, остановился прежде, чѣмъ успѣлъ скрыться въ туманѣ, и спустился благополучно въ Гербе, въ шести миляхъ отъ Парижа. Шаръ его имѣлъ овальную форму, большая ось его была едва-длиннѣе маленькой, вся толщина его показалась намъ въ 15 т. кубическихъ футовъ или около этого; лакированная тафта шара окружена сѣткою, которой нижняя часть, оканчиваясь лапами, привязана къ обручу: отъ обруча идутъ веревки, коими привязывается лодка. Снарядъ управленія прикрѣпленъ къ лодочкѣ; онъ состоитъ изъ двухъ помпъ съ четырьмя лопатками, которыми воздухоплаватель управляетъ сидя въ лодкѣ, и изъ двухъ движителей, одинъ впереди, другой сзади, разсѣкающихъ воздухъ снизу вверхъ для облегченія полета шара. Величина лопатокъ имѣетъ около пяти квадратныхъ футовъ; двѣ изъ нихъ разсѣкаютъ воздухъ вдругъ съ скоростью восьми поворотовъ въ минуту. Итакъ сила, которою разполагалъ г. Эльріо, равнялась поверхности десяти квадратныхъ футовъ, движимой съ быстротою одной мили въ часъ; сила эта дѣйствовала въ пятнадцати футахъ ниже шара и была сообщаема ему не упругимъ тѣломъ, а мягкими веревками; отъ-того-то и дѣйствіе было рѣшительно-ничтожно, хотя воздухъ былъ совершенно-тихъ. Всякій, немного свѣдущій въ механикѣ, могъ легко предвидѣть этотъ результатъ; и дѣйствительно, чтобъ получить желанный успѣхъ, надлежало бы устроить управляющій снарядъ при самомъ шарѣ, а не въ 15 футахъ ниже его; сверхъ-того, дѣйствующая поверхность была такъ мала, а быстрота такъ незначительна, что не могла противостать самому слабѣйшему дуновенію вѣтра. Наконецъ, самый механизмъ совершенно-подобенъ тому, который г. Ленокс выставлялъ на Елисейскихъ Поляхъ любопытной толпѣ, стекавшейся въ его мастерскую во время приготовленія его воздушнаго корабля, въ 1834 году,—съ тою только разницею, что г. Эльріо устроилъ свой корабль грубо изъ дерева и въ уменьшенныхъ пропорціяхъ, тогда какъ воздушный корабль г. Ленокса былъ приготовленъ изъ дутаго желѣза въ возможно-совершеннѣйшемъ видѣ г.

Сольніеромъ старшимъ, однимъ изъ искуснѣйшихъ механиковъ Парижа. Кромѣ того, г-нъ Леноксъ никогда не имѣлъ претензіи двигать свой шаръ противъ вѣтра; онъ хотѣлъ только держаться приблизительно въ этомъ направленіи, пользуясь различными теченіями атмосферическихъ слоевъ, и механизмъ его долженъ былъ служить только къ облегченію спуска на землю и къ произвольнымъ поворотамъ шара.

Въ-самомъ-дѣлѣ, если принять въ уваженіе обыкновенную быстроту воздушныхъ теченій, огромную поверхность, представляемую аэростатами, ничтожную плотность воздуха, служащаго точкою опоры, и легкость, какую должны имѣть всѣ аппараты, то управленіе въ воздухѣ шаромъ посредствомъ механическихъ процессовъ должно почитать невозможнымъ въ настоящемъ состояніи науки. Этого можно бы только достигнуть съ изобрѣтеніемъ какого-нибудь движителя, весьма-сильнаго, довольно-легкаго и имѣющаго неизмѣнный вѣсъ; такимъ движителемъ могъ бы быть на-примѣръ движитель электрическій; тогда бы только можно было надѣяться управлять воздушными шарами при умѣренномъ вѣтрѣ. Мы не почитаемъ невозможнымъ горизонтальнаго движенія шара при погодѣ, совершенно-тихой, ибо тогда самая незначительная сила была бы достаточна для сопротивленія упругости воздуха, противопоставленнаго шару; но погода совершенно-тихая случается очень-рѣдко; при малѣйшемъ же дуновеніи вѣтра, шаръ неминуемо будетъ увлеченъ имъ, и силы, коими располагаетъ нынѣ механика, не будутъ въ-состояніи противиться слабѣйшему колебанію воздуха. Итакъ, за неимѣніемъ довольно-сильныхъ механическихъ средствъ, для чего бы, по примѣру Ленокса, не стараться пользоваться различными атмосферическими теченіями, чтобы слѣдовать по предположенному направленію то подымаясь, то опускаясь, смотря по различнымъ слоямъ воздуха, или зачѣмъ бы не дать воздушному шару такой формы, посредствомъ которой онъ могъ бы при возвышеніи и спускѣ представлять наклоненную плоскость? Посредствомъ этого дѣйствія, тяжесть была бы уменьшена сопротивленіемъ воздуха, и шаръ подвигался бы при своемъ возвышеніи и пониженіи вертикально. Но, чтобъ достигнуть такого результата, необходимо, чтобъ водородный газъ, коимъ наполняется шаръ, находился въ оболочкѣ совершенно-непроницаемой и чрезвычайно-простой; наконецъ для этого необходимо также, чтобъ можно было подыматься, спускаться и держаться въ равновѣсіи въ различныхъ слояхъ воздуха, не теряя газа и не бросая баласта, какъ то дѣлаютъ обыкновенно всѣ воздухоплаватели. Послѣ всего этого очевидно, что усилія воздухоплавателей должны быть направляемы не къ соображенію механическихъ средствъ, болѣе или менѣе ложныхъ, безполезность коихъ доказана 50-ти-лѣтнимъ опытомъ, а къ усовершенствованію частей самого аэростата и къ способамъ, наиболѣе-удобнымъ для его возвышенія и пониженія. Приготовленіе въ большомъ размѣрѣ и по весьма-низкимъ цѣнамъ чистаго водороднаго газа посредствомъ разложенія воды есть уже важный шагъ въ искусствѣ аэростатическомъ... Въ Шальи заведена уже для этого особая фабрика, и если результаты будутъ соотвѣтствовать надеждамъ тѣхъ, которые участвуютъ въ этомъ предпріятіи, то нельзя сомнѣваться, что аэростатическое искусство пріобрѣтетъ отъ сего значительную и важную пользу. Совершенство, до коего въ послѣдніе годы достигли при разложеніи и утонченіи

резины (каучука) позволитъ конечно скоро дать воздушнымъ шарамъ оболочку совершенно-непроницаемую, и, доставивъ воздухоплавателямъ возможность оставаться въ воздухѣ нѣсколько дней, дастъ имъ средства къ произведенію рѣшительныхъ опытовъ, которые должны будутъ усовершенствовать это прекрасное открытіе. Основываясь на этомъ, мы можемъ предсказать, что недалеко уже то время, когда искусство воздухоплаванія выйдетъ изъ того неподвижнаго состоянія, въ которомъ оно оставалось со времени Монгольфьера и Шарля.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА, ЧТО ЧЕСТЬ ПЕРВОНАЧАЛЬНАГО ПРОИЗВОДСТВА САХАРА ИЗЪ СВЕКЛОВИЦЫ ПРИНАДЛЕЖИТЪ РОССІИ (*). — Приготовленіе сахара изъ свекловицы достигло наконецъ такого совершенства, что даже самые жесточайшіе противники этой новой отрасли промышлености не могутъ не согласиться въ ея пользѣ. Мы видимъ однакоже, что многіе фабриканты Германіи, Бельгіи и Франціи, принявъ улучшенія, сдѣланныя г. Давыдовымъ, и не думаютъ даже, что приготовленіе сахара изъ свекловицы получило свое начало въ Россіи, и что первоначальное открытіе этой фабрикаціи принадлежитъ одному изъ нашихъ соотечественниковъ — *генералу Бланкенагелю* (изъ Лифляндіи).

Клеветники Россіи судятъ о ней по неосновательнымъ, нелѣпымъ толкамъ авантюристовъ, которые, прибывъ къ намъ на время въ качествѣ ремесленниковъ, а иногда и просто безъ всякаго ремесла, возвращаются назадъ, составивъ себѣ состояніе, но не изучивъ ни страны, пріявшей ихъ гостепріимно, ни ея нравовъ, ни ея гражданскаго устройства. Это однакоже не мѣшаетъ имъ выдавать себя за людей, ознакомившихся хорошо съ бытомъ Россіи и наблюдавшихъ за ходомъ ея просвѣщенія. Эти господа, конечно, будутъ очень удивлены, узнавъ, что мы приписываемъ себѣ честь изобрѣтенія, которое должно избавить современемъ Европу отъ огромнаго налога, платимаго ею Индіи и ея британскимъ колоніямъ. Мало того, не одно только первенство изобрѣтенія совершенно новаго рода промышлености, но даже полное ея развитіе и послѣднія усовершенствованія принадлежатъ нашему отечеству. Вотъ доказательства этого:

Открытіе сладкаго или сахарнаго вещества въ свекловицѣ принадлежитъ Германіи. Это случилось въ XVIII вѣкѣ; но честь перваго приготовленія изъ свекловицы сахара принадлежитъ Россіи, которая достигла до этого въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Маргграфъ, доказавъ, что свекловица содержала въ себѣ точно такой же сахаръ, какой заключается въ сахарномъ тростникѣ, получилъ этотъ сахаръ посредствомъ алкоголя. Но открытіе сіе оставалось безъ всякаго употребленія и было только предметомъ любопытства до-тѣхъ-поръ, пока Ашаръ, во время первой войны Французской Имперіи съ Англіею, не догадался воспользоваться открытіемъ Маргграфа, и замѣнить имъ индійскій сахаръ, сдѣлавшийся чрезвычайно-рѣдкимъ и, слѣдовательно, весьма-высокимъ въ цѣнѣ. Французское правительство доставило ему всѣ средства, которыхъ онъ требовалъ для того, чтобы на европейской почвѣ возрастить этотъ необходимый продуктъ, который, казалось, принадлежалъ только почвѣ Индіи, и открыть

(*) Извлеченіе изъ письма доктора А. Е. Левентайна, члена французской Медицин. Академіи и многихъ другихъ ученыхъ обществъ, между прочимъ московскихъ — Испытателей Природы и Любителей Садоводства.

такимъ - образомъ континентальной промышлености совершенно - новый путь. Но ни Ашаръ и никто другой въ Германіи и Франціи не могъ достигнуть цѣли, которую они предположили себѣ, т. е. приготовлять изъ свекловицы сахаръ для обращенія его въ продажу, на рынкахъ. Весь успѣхъ усилій ихъ ограничился только тѣмъ, что они могли получить изъ свекловицы сиропъ. Справедливость требуетъ однакоже замѣтить, что Ашаръ принесъ большую пользу промышлености, обративъ вниманіе публики на количество сахарнаго вещества, заключавшееся въ свекловицѣ, а также и тѣмъ, что, умолчавъ о трудностяхъ и даже мнимой невозможности превратить это сладкое вещество или сиропъ въ сахаръ, не остановилъ попытокъ другихъ ученыхъ, старавшихся достигнуть этого результата.

Вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ первыхъ сочиненій Ашара (1806), русскій генералъ Бланкенагель дѣятельно сталъ заниматься разрѣшеніемъ заданнаго вопроса. Не имѣя достаточнаго состоянія для производства опытовъ на свой собственный счетъ, онъ обратился къ помощи правительства, которое оказало ему великодушное содѣйствіе, ссудивъ ему 20,000 руб. на устройство фабрики, дало сверхъ того право, согласно его просьбѣ, изъ остатковъ свекловицы, употребленной на производство сахара, добывать пѣнное вино. Генералъ Бланкенагель, на выданныя ему деньги, купилъ въ Тульской Губерніи, въ Чернскомъ Уѣздѣ, деревню Алябьеву, гдѣ устроилъ фабрику; тамъ посѣялъ онъ свекловицу на пространствѣ 20 десятинъ, подвергъ ее процессу, указанному Ашаромъ, но не успѣлъ получить сахара. Послѣ многихъ неуспѣшныхъ опытовъ и попытокъ, онъ рѣшился принять способъ, употребленный сахарными фабрикантами въ Индіи: онъ только замѣнилъ, при отдѣленіи свекловичнаго сока, кислоту жженою известію и подвергнулъ эту смѣсь сильному жару для-того, чтобы очистить свекловичный сокъ отъ слишкомъ-большаго количества водяныхъ частей, содержащихся въ немъ. Этотъ способъ удался ему совершенно и, вмѣсто сиропа, получилъ онъ кристализованный сахаръ. Послѣ этого выписалъ онъ изъ Риги рафинера и такимъ-образомъ первый представилъ Европѣ рафинованный свекловичный сахаръ.

Такое приготовленіе сахара, кромѣ большихъ выгодъ, могло дать коммерціи нѣкоторую независимость; что и заставило генерала Бланкенагеля просить министра внутреннихъ дѣлъ прислать къ нему на фабрику какого-нибудь свѣдущаго чиновника, который могъ бы, по личному осмотру ея, убѣдиться въ успѣхѣ сахародѣланія и той выгодѣ, которая могла бы произойдти отъ заведенія подобнаго рода фабрикъ въ разныхъ пунктахъ обширной имперіи.

Въ-слѣдствіе сего, въ 1807 году было поручено московскому профессору Рейсу осмотрѣть фабрику генерала Бланкенагеля и представить о ней правительству донесеніе. Донесеніе это, заключавшее въ себѣ подробное описаніе разведенія и приготовленія свекловицы, а также и способа полученія изъ нея сахара, съ изчисленіемъ всѣхъ выгодъ, какія могли произойдти отъ этой фабрикаціи, было въ слѣдующемъ году представлено Министерству Внутреннихъ Дѣлъ.

Пѣна, образующаяся при рафинировкѣ, и патока, получаемая, какъ при приготовленіи сахара-бруто, такъ и при дальнѣйшихъ его видоизмѣненіяхъ, были подвергаемы броженію и превращаемы въ винный спиртъ. Спиртъ этотъ генералъ Бланкенагель

приправлялъ разными специями и получалъ изъ него водку, довольно-пріятную для вкуса, которую продавалъ по весьма-высокимъ цѣнамъ.

Разсчетъ, приложенный къ донесенію профессора Рейса, показываетъ, что одна десятина земли, засѣянная свекловицей, окупается съ избыткомъ водкою, которая получается изъ остатковъ этого растенія при полученіи изъ него сахара, такъ-что одна водка цѣнностью своею далеко превозходитъ то, что̀ могла бы дать эта самая десятина, засѣянная хлѣбомъ, и что, за покрытіемъ всѣхъ разходовъ, неизбѣжныхъ при фабрикаціи, количество сахара, получаемаго отъ нея, приходится совершенно-даромъ и составляетъ чистую выгоду фабританта.

Приготовленіе сахара и водки, получаемой изъ остатковъ свекловицы, было продолжаемо тѣмъ же легкимъ и выгоднымъ способомъ до 1813 года, т. е. до времени кончины генерала Бланкенагеля. Многіе помѣщики посылали въ Алябьево людей своихъ учиться, и въ-послѣдствіи основали въ своихъ собственныхъ имѣніяхъ подобныя же фабрики; труды ихъ были всегда вознаграждаемы съ избыткомъ, хотя они и не могли извлекать изъ остатковъ свекловицы водку, ибо привилегія на это была дарована только одному генералу Бланкенагелю. По смерти сего послѣдняго, приготовленіе свекловичнаго сахара было продолжаемо статскимъ совѣтникомъ Герардомъ, который положилъ часть своего капитала на фабрику и усовершенствовалъ во многомъ эту новую отрасль промышлености способами, коимъ слѣдуютъ теперь всѣ наши лучшіе сахарные фабриканты.

Знаменитый Шапталь и другіе французскіе ученые, поддерживаемые Наполеономъ, и вѣроятно незнавшіе объ открытіи генерала Бланкенагеля, достигли до кристаллизаціи свекловичнаго сахара только въ 1813 или 1814 году, настоящее же развитіе этой новой отрасли промышлености утвердилось во Франціи черезъ 8 или 10 лѣтъ, и слѣдовательно только около 1822 года.

Древнѣйшая печатная газета. — Чрезвычайно - трудно опредѣлить время, когда явилось то или другое изобрѣтеніе. Возьмите, на-примѣръ, искусство книгопечатанія; вы и здѣсь найдете, что нельзя съ совершенною точностію показать, кто и когда былъ дѣйствительнымъ изобрѣтателемъ новыхъ способовъ книгопечатанія, начиная съ эпохи открытія этого искусства до нашего времени, когда мы видимъ и стереотипъ и пары. То же самое можно сказать и о произведеніяхъ книгопечатанія. Вотъ примѣръ: нѣтъ сомнѣнія, что большая часть образованныхъ людей до-сихъ-поръ вѣрила съ полнымъ убѣжденіемъ, что, хотя письменныя газеты въ первый разъ вѣроятно появились въ Италіи, но первый печатный журналъ явился въ Англіи въ то время, какъ къ берегамъ ея приближалась страшная испанская армада, и что главный надзоръ надъ этимъ первымъ журналомъ имѣлъ глубокомысленный и проницательный Борлейгъ. Но вотъ, недавно явилась въ Лондонѣ брошюрка, изданная г. Томасомъ Уаттсомъ подъ заглавіемъ: «A Letter to Antonio Panizzi, Esq. Keeper of the printed Books in the British Museum, on the reported Earliest Printed Newspaper», The English Mercurie 1588». Въ этой брошюркѣ авторъ старается доказать, что притязанія Англичанъ на изобрѣтеніе печатныхъ газетъ неосновательны. Факты, представленные имъ, совершенно уничтожаютъ господствовавшее доселѣ мнѣніе и доказываютъ, что образчики «the English Mercurie», хранящіеся въ

Британскомъ Музеумѣ, и до-сихъ-поръ считавшіеся подлинными, — подложны.

Доказательства, представленныя авторомъ, ясны и сильны. Онъ находитъ, что шрифтъ (type) «Меркурія» очень-новъ, и что его никакъ нельзя относить ко времени царствованія Елисаветы; кромѣ-того, онъ открылъ въ томъ же музеумѣ рукопись, съ которой очевидно печатали типографщики, и которая, по выставленному на ней числу, относится къ первой половинѣ минувшаго столѣтія. Наконецъ онъ сравниваетъ газету съ извѣстіями современныхъ лѣтописцевъ, — и «the English Mercurie» не выдерживаетъ сравненія. Кромѣ-того, въ брошюрѣ представлено много другихъ второстепенныхъ доказательствъ, объясняющихъ этотъ подлогъ. Такимъ-образомъ открытъ подлогъ, котораго и не подозрѣвали въ-теченіе цѣлаго полустолѣтія съ того времени, какъ антикварій Джорджъ Чалмерсъ въ первый разъ доказалъ публикѣ древность и подлинность «Меркурія», — подлогъ, который принимается за истину не только въ Англіи, но и во всѣхъ другихъ странахъ. Такъ о древности «Меркурія» упоминается въ «Conversations Lexicon» Брокгауза и въ «Neuestes Conversations Lexicon» Виго, въ словѣ «Zeitung;» то же самое и въ «Encyclopaedia Americana», изданной въ Нью-Йоркѣ, и во многихъ другихъ изданіяхъ. Едва ли, замѣчаетъ г. Уаттсъ, можно найдти въ исторіи литературы другое подобное обстоятельство, которое опиралось бы на такомъ, по-видимому, твердомъ основаніи, какъ древность и подлинность «Меркурія». Мнѣніе первоначально - высказанное извѣстнымъ ученымъ, повторенное многими другими, было подкрѣпляемо ссылкою на документъ, сохранившійся не въ частной какой-либо библіотекѣ, мало-доступной для людей любознательныхъ но въ библіотекѣ публичной, всегда и для всѣхъ открытой. Какое бы ни возникло сомнѣніе или подозрѣніе, оно легко могло быть уничтожено или подтверждено пересмотромъ листковъ, которые ежедневно перелистывались сотнями ученыхъ, какъ англійскихъ, такъ и иностранныхъ. Кто бы могъ подумать, что при всемъ этомъ подлогъ оставался неоткрытымъ почти цѣлое полстолѣтіе, отъ 1796 до 1839?...

Новый способъ добыванія газа. — Въ декабрѣ мѣсяцѣ минувшаго года произведенъ былъ въ Лондонѣ опытъ добыванія газа по новому способу, открытому графомъ Валь-Марино, въ-присутствіи многихъ ученыхъ, кои приглашены были для засвидѣтельствованія результатовъ этого опыта. Для опыта устроенъ былъ небольшой газометръ, который посредствомъ трубъ соединялся съ печью, выложенною изъ кирпича и снабженною тремя ретортами; въ одной была вода, въ другой смола; обѣ реторты помѣщались въ третьей, и заключали въ себѣ весь матеріалъ, изъ котораго надлежало добыть газъ. Процессъ добыванія, какъ увѣряютъ, чрезвычайно простъ; новость изобрѣтенія состоитъ особенно въ томъ, что газъ добывается изъ двухъ самыхъ простыхъ матеріаловъ — воды и смолы; впрочемъ, по мнѣнію изобрѣтателя, всякое смолистое или жирное вещество точно такъ же можетъ быть употребляемо для этой цѣли, какъ и смола. По прошествіи получаса, употребленнаго на опытъ, въ-продолженіе котораго изобрѣтатель объяснялъ обществу процессъ, газъ пущенъ былъ въ лампы и далъ чистый и яркій свѣтъ, непроизводившій ни дыма, ни какого-либо непріятнаго запаха. Чистота и сила свѣта найдены были вполнѣ-удовлетворительными, и присутствовавшіе ...

пытѣ, въ качествѣ свидѣтелей, остались имъ совершенно-довольны. Преимущество этого новаго газа передъ обыкновеннымъ, добываемымъ изъ угля, какъ говорятъ, состоитъ въ дешевизнѣ матеріаловъ, изъ которыхъ онъ добывается, въ легкости и совершенствѣ способа добыванія, при которомъ нѣтъ такихъ утомительныхъ и дорогостоющихъ процессовъ, какъ напримѣръ сжиманіе газовъ (condensatio) и очищеніе ихъ; ибо, какъ скоро, при опытѣ, предварительныя работы были кончены, газъ уже въ совершенномъ видѣ перешелъ въ газометръ, который, не смотря на свой малый объемъ, могъ снабжать свѣтомъ по-крайней-мѣрѣ 100 ламиъ въ-теченіе 10 часовъ. Со введеніемъ этого газа въ употребленіе, издержки на освѣщеніе чрезвычайно-уменьшаются; 1,000 кубическихъ футовъ газа, добытаго по новому способу, могутъ быть доставляемы публикѣ за треть той цѣны, которую берутъ съ нея компаніи угольнаго газа. Новый газъ, какъ увѣряютъ, очень-удобенъ для домашняго употребленія и даже безопаснѣе, чѣмъ обыкновенный, потому-что каждый хозяинъ можетъ съ незначительными издержками устроить въ своемъ домѣ, въ безопасномъ мѣстѣ, небольшой газометръ; добытый здѣсь газъ можно переносить въ какую-угодно часть дома въ каучуковыхъ мѣшкахъ, и симъ можно будетъ предупредить множество несчастныхъ случаевъ, происходящихъ отъ взрыва газопроводовъ и трубъ, или отъ неосторожнаго обращенія съ ними. Графъ Валь-Марино получилъ привилегію на свое изобрѣтеніе; онъ равнымъ-образомъ придумалъ новыя газовыя лампы, чтобы свѣтъ былъ чище и ярче; на это изобрѣтеніе онъ также получилъ привилегію.

РУССКАЯ ПАРОВАЯ БАНЯ, ОПИСАННАЯ АНГЛИЧАНИНОМЪ. — Докторъ Гренвиль, въ изданной имъ недавно книгѣ «St. Petersburg», такъ описываетъ нашу паровую баню:

«Меня ввели въ большую комнату, длиною въ 10 футовъ и шириною въ 6 ф.; эта комната раздѣлена была на двѣ половины деревянною перегородкою, вышиною въ половину высоты всей комнаты; посрединѣ перегородки дверь; первая половина со стороны входа составляла родъ передней, между корридоромъ и настоящею комнатою. Въ послѣдней нашли мы длинный и широкій диванъ, нѣсколько стульевъ, небольшой столикъ и зеркало. Температура этой комнаты отъ 90 до 100 градусовъ (по Фаренг.); чтобы уменьшить ее, стоитъ только отворить дверь, въ которую входятъ, или открыть небольшую форточку въ окнѣ; для-того, чтобы возвысить ее, отворяютъ дверь слѣдующей комнаты, которая есть собственно баня, и такимъ-образомъ впускаютъ извѣстное количество разгоряченнаго воздуха. Слѣдующая комната, собственно-баня, имѣющая деревянный полъ, длиною около 75 фут., шириною около 35 ф.; высота ея также довольно-значительна. Въ одномъ углу большая печь, съ широкимъ отверзтіемъ въ верхней части, обращеннымъ внутрь комнаты. Печь нагрѣвается снизу; жаръ, переходя вверхъ, разгорячаетъ каменья и куски желѣза, которыми наполнено широкое отверзтіе, закрытое дверцою. Отъ печки до противоположной стѣны идутъ три деревянные полка (stages), гладкіе и чистые, различной высоты, которые, вмѣстѣ съ отверзтіемъ, идущимъ подъ прямымъ угломъ съ срединнымъ полкомъ, снабжены деревянными ступеньками. Эти полки или скамьи, длиною около 6 ф., шириною около 2 ф., имѣютъ катки, служащіе изголовьемъ. На полу, противъ двери, низенькій столикъ, на которомъ раз-

ставлены мѣдные и деревянные тазы, содержимые въ величайшей чистотѣ. Подъ широкимъ двойнымъ окномъ находится резервуаръ, съ двумя кранами для теплой и холодной воды; между этими кранами подымается мѣдная трубка на высоту до 10 футовъ; верхняя оконечность горизонтально наклоняется и оканчивается круглою и внутри пустою плоскостью, имѣющею множество дирокъ, чрезъ которыя, если вы повернете небольшой кранъ, въ-минуту польется на васъ теплый или холодный дождь съ значительною силою. Это совершенно одно и то же съ дождевою банею, которую недавно выстроилъ для британской публики какой-то желѣзныхъ дѣлъ мастеръ въ Вигмор - Стритѣ. Температура бани рѣдко бываетъ ниже 120 градусовъ; напротивъ-того, часто простирается отъ 132 до 140 градусовъ.

«Парятся слѣдующимъ образомъ: вы раздѣваетесь въ первой комнатѣ, гдѣ скоро открывается у васъ испарина и жаръ, который съ перваго раза кажется нестерпимымъ, но мало-по-малу становится болѣе и болѣе сноснымъ. За тѣмъ васъ приглашаютъ въ самую баню, гдѣ парильщикъ (parilstchick) уже приготовилъ для васъ мыло и наполнилъ тазы теплой и холодной водой. Температура бани отъ 10 до 20 градусовъ выше температуры первой комнаты, и возвышается, смотря по тому, какъ вы подымаетесь на полки или скамьи. Разумѣется, на первый разъ вы располагаетесь на самомъ низшемъ полку, на которомъ сидите или лежите; за тѣмъ переходите на второй полокъ, гдѣ жаръ уже значительнѣе; наконецъ, если вы хотите испытать еще большую степень жара, то подымаетесь на третій полокъ, который уже недалеко отъ потолка и на которомъ я никакъ не могъ пробыть болѣе минуты. Въ-продолженіе этого времени, атмосфера комнаты вообще бываетъ чиста; лампа, зажженная между внутреннею и наружною рамою окна, освѣщаетъ комнату, и во всѣхъ частяхъ бани свѣтло. Ощущенія въ этотъ періодъ, пока не установится вполнѣ испарина, непріятны; въ головѣ чрезвычайно-тяжело, кожа разгорячается, и жаръ затрудняетъ испарину. Парильщикъ приближается къ вамъ, щупаетъ вашу кожу и, чувствуя, что она еще совершенно-покрыта потомъ, открываетъ заслонку, закрывающую отверзтіе въ верхней части печки и выливаетъ въ это отверзтіе на каменья ведро воды. Изъ отверзтія мгновенно вылетаютъ въ комнату волны пара, густой туманъ разпространяется по всей банѣ, обливаетъ ваше тѣло и производитъ, можно сказать, потопъ испарины; дыханіе ваше становится естественнымъ, головѣ вашей легко, и вы чувствуете такой комфортъ, какого я не въ-силахъ описать. Между-тѣмъ, какъ атмосфера мало-помалу прочищается и пары подымаются въ верхнюю часть комнаты, вы лежите въ состояніи какого-то безчувствія и разслабленія, которыя тѣмъ неменѣе пріятны. За тѣмъ парильщикъ приноситъ тазъ, наполненный разведеннымъ въ водѣ мыломъ, беретъ обѣими руками мочалку, обмакиваетъ ее въ мыло и тихонько третъ всѣ части вашего тѣла, прося по-временамъ повертываться. По окончаніи этой операціи, когда вы еще лежите на полку, парильщикъ обливаетъ васъ теплою или горячею водою, какъ вамъ будетъ угодно; наконецъ вы садитесь, и онъ обливаетъ васъ съ головы до ногъ. Иные для этого сходятъ съ полка и обливаются теплой водой, въ то время, какъ всѣ поры тѣла ихъ открыты, не чувствуя однакожь ничего непріятнаго; но я никогда не рѣшался на этотъ опытъ, и возвращался въ

другую комнату, гдѣ обсуживался на-досугѣ.»

ШЕСТЬ МАЛОРОССІЙСКИХЪ ПРОСТОНАРОДНЫХЪ БАЛЛАДЪ (*)—

I. Двѣ Доли.

Жили два брата родные. У младшаго брата было довольство и счастіе во всемъ; а съ этимъ и почетъ народный, и братство со знатью. А старшій, трудясь дни и ночи, не зналъ излишества, кромѣ насущнаго хлѣба да лихенькой, бѣдной избушки.

Лѣто. Старшій приходитъ къ меньшему—проситъ себѣ въ полѣ работы. Взялся онъ у младшаго жать со снопа. Ни отдыха, бѣдный, ни праздника старшій не знаетъ: въ буднишній день на работѣ; а праздникъ—идетъ сторожить заработокъ свой горькій.

Рано, однажды, въ праздникъ, засталъ онъ на братниномъ полѣ, что бѣдная, въ нищенскомъ рубищѣ, дѣвка ходитъ между копнами и дёргаетъ по колосочку съ сноповъ все старшаго брата, и эти колосья втыкаетъ въ снопы изъ копенъ брата меньшаго.

Тутъ мой бѣднякъ разсердился. Колосъ съ снопа—не бѣда; но съ десятка сноповъ, но десятку... Кто ты? спросилъ онъ у дѣвки. «Я?—Доля брата твоего меньшаго: онъ почиваетъ, а мой долгъ—денно и нощно трудиться, работать на своего господина.»

—Что жъ ты тутъ дѣлаешь?—«За девять нивъ отселѣ кругомъ собираю колосья, какіе крупнѣе, съ сноповъ, да втыкаю ихъ въ копны господскія. Это ему для прибыли. Съ самой минуты рожденья—я его вѣрный слуга, и должна служить по гробъ его—такъ суждено мнѣ!

«Я берегу его жизнь отъ опасностей; нѣжно лелѣю дѣтей его; росой поливаю поля, огородину; рыбу гоню къ его бредень; поѣдетъ ли въ городъ съ зерномъ, съ продажной скотиной—купцовъ я къ нему привожу, набиваю имъ цѣну, даже обманомъ ихъ обсчитать я могу и вѣсомъ, и мѣрой, и счетомъ рублёвыхъ.

Лѣтомъ скотину я холю, храню отъ звѣрей и болѣзней; зимой—кормлю, согрѣваю; гоняю рои ему пчелъ; коровамъ даю молоко; подновляю одежу и обувь; дарю его чуждымъ добромъ, и здоровьемъ, и счастіемъ: такъ съ люльки гляжу я за нимъ—и буду должна я глядѣть до самой могилы»...

—Я же зачѣмъ такъ бѣденъ? Моя куда доля дѣвалась?—«Ты бѣденъ?—не диво: доля твоя—госпожа, бѣлоручка. Цѣлый свой вѣкъ она только знаетъ наряды, да отдыхъ, да пѣсни. Цѣлой свой вѣкъ не она, а ты на нее все работаешь, какъ на свою господиню.»

—Гдѣ жь моя доля?—«Доля твоя гуляетъ въ зеленой дубравѣ, въ прохладной тѣни, разряжена словно дворянская дочка, въ серьгахъ самоцвѣтныхъ, перстняхъ и монистахъ... Я съ ней разсталась давно: она неприступна, какъ барыня,—я ей неровня...»

Нищая доля тутъ указала ту рощу. Бѣднякъ свою долю находитъ—подлинно барыня-барыней! Горе и злоба вскипѣли въ сердцѣ его: хватаетъ онъ за косы долю, впрягаетъ въ тележку, дровецъ наложилъ и ѣдетъ на

(*) Занимаясь постоянно нѣсколько лѣтъ собираніемъ всего, что выражаетъ характеръ, языкъ, бытъ, понятія и суевѣрія Малороссіянъ, я, между прочимъ запасомъ, имѣю нѣсколько народныхъ баладъ и легендъ: представляю здѣсь любознательнымъ читателямъ нѣкоторыя изъ нихъ, по-русски, обѣщаясь, со-временемъ, передать и другое, что есть любопытнаго въ моемъ запасѣ. *А. В.*

Примѣч. Вѣрно, изъ нашихъ читателей найдутся многіе, которые, вмѣстѣ съ нами, будутъ просить г. Боровиковскаго объ исполненіи его обѣщанія. *Ред.*

долѣ домой. И горько той долѣ. Возрыдала она и взмолила:

«Братъ мой! Отецъ мой родной! Я съ этой минуты вѣрной твоею рабою: богатство и счатье польются рѣкою,— только не мучь ты меня, отпусти!»... И пошла она къ долѣ - сестрицѣ, рабынѣ брата меньшаго, и стала она говорить ей:

«Слушай, сестрица! Пестунъ твой счастливъ, богатъ и знатенъ; ты на него потрудилась довольно,—пора бы на отдыхъ!... Вотъ тебѣ полный нарядъ мой: и жемчугъ, и шёлково платье, и кольца златыя—отдай мнѣ въ замѣнъ свое рубище!» Доля меньшаго свой долгъ забываетъ, мѣняетъ: золото долю прельстило.

Конченъ обмѣнъ. Вотъ доля меньшаго—боярыня: сѣла руки сложивши. Пошли у меньшаго утраты, убытки, во всемъ неудача, несчатье. Нѣтъ урожая на полѣ—нѣтъ и въ домѣ покоя... Но онъ еще пышный обѣдъ затѣваетъ. Созвана знать окружныхъ деревень, и братъ лишь забытъ имъ.

Старшій же братъ по-братски приходитъ безъ зова. А гордый богачъ его не принялъ, стыдясь посадить наряду съ именитымъ почетомъ. Отёрши рубахой слезу, отправляется старшій братъ съ пира домой, упившись не мёдомъ—слезами да горемъ.

Минуло лѣто, настало другое, и старшій опять у меньшаго работаетъ въ полѣ,—но ужь не какъ прежде: нажнетъ онъ копну—а другую нажнетъ ему доля. Притомъ же что̀ снопъ—то вѣрная мѣра зерна̀. Припѣваючи въ полѣ работаетъ старшій.

Крѣпко но̀чью онъ спитъ, возходъ просыпая безпечно; а доля—на полѣ, работаетъ: лучшіе въ ко̀пнахъ колосья дёргаетъ, да прибавляетъ всё къ своему заработку. Ни птица на снопъ опуститься не смѣетъ, ни вѣтеръ зерна одного не разсыплетъ!

Рано, меньшой братъ приходитъ на поле и видитъ старшаго долю на этой работѣ. И сталъ онъ жалобу ей говорить на горе свое, на надежъ, на хлѣбъ, на засуху, болѣзнь, безденежье, пропажу долговъ на людяхъ, моръ пчелъ, на утраты, и пр. и пр.

Вотъ ему хитрая доля и молвитъ: «Не ты виноватъ—твоя доля... Возьми-ко ты заступъ; ступай—укажу тебѣ кладъ: ты опять заживешь припѣваючи.» Вотъ повела его въ степь, указала криницу и молвила: «Здѣсь, подъ землею въ котлѣ, колъ ты отыщешь: «Выдерня колъ—и золото прыснетъ фонтаномъ!..» Вотъ принялся за работу—искать богатства безъ трудовъ и заботъ! Можно ли это—увидимъ. Сказано въ умной пословицѣ: «Дай, Боже! робы, небоже!»—Слѣдственно, счастье—въ трудахъ и заботахъ.

Роетъ да роетъ. Вотъ колъ застучалъ, показался: алчной рукою онъ дёрнулъ—и брызнули разомъ фонтаномъ—червонцы?—нѣтъ: *злыдни!*—Остолбенѣлъ мой кладокопатель! Домой прибѣгаетъ—ужь домъ его заняли гости нежданные—«злыдни»!

Что̀ жь эти «злыдни»? А вотъ что̀: людямъ несчастье; стаду—болѣзни; хлѣбу, строенію—мыщи да черви; одёжѣ и утвари—моль; пашнѣ и травамъ—градъ и засуха; семейству—болѣзни; торговлѣ — убытки; запасамъ—гниль да цвѣль; во всемъ и нужда и горе.

Злыдни еще подманули старуху—*журбу*. Журба принесла ему небывалыхъ и списокъ будущихъ бѣдъ, положивъ подъ подушки его изголовья. А злыдни всё съѣли—одинъ лишь мѣшокъ пощадили: съ этого злыдни мѣшка котомку хозяину сшили. Журба отъ постели и сонъ отогнала.

Взялъ онъ котомку, пошелъ просить «христа-ради».—Вотъ и приходитъ онъ къ старшему брату, теперь

богачу. А братъ не забылъ его угощенья на званомъ обѣдѣ... Теперь отказалъ онъ и самъ въ кускѣ насущнаго брату!

Грѣхъ ему тяжкій, старшему; жаль и на младшаго: «Богъ наказуетъ гордыню...» Пока онъ домой воротился — журба да злыдни ему заготовили гробъ и вырыли свѣжую въ полѣ могилу.

II. Хромой Скрипачъ.

Знаете ль Тришку-хромаго? Знаете, ка̀къ онъ играть научился, и какъ онъ играетъ на скрипкѣ? Знаете ль, ка́къ онъ сталъ хромъ? и зачѣмъ не дастъ никому онъ на̀ руки этой волшебницы-скрипки?.. Не знаете? — Я жь вотъ вамъ разскажу всю сущую правду-исторью про стараго хрѣна, про Тришку-хромаго.

Тришка служилъ у людей батракомъ лѣтъ десять. Вѣрною службой хозяевамъ онъ заработывалъ горькую, бѣдный, копейку. Бывало, не съѣстъ не доспитъ за хозяйскимъ добромъ — ужь за это его и любили, хоть былъ, горемыка — простите — глупенекъ и такъ безталанливъ — хоть брось: въ пословицу этимъ вошелъ онъ во всемъ околодкѣ.

Тришка ни выпить, ни лакомо съѣсть не любилъ; а любилъ онъ до крайности — музыку. Эта страстишка сильна было въ немъ при его безталанной натурѣ: поди жь съ нимъ! Бывало свирѣль ли на полѣ заплачетъ, въ бандуру ль костлявый слѣпецъ заиграетъ — у Тришки ужь съ рукъ выпадаетъ работа, ему не до сна, не до пищи.

Часто, послѣ тяжелой работы, выпроситъ онъ гдѣ-нибудь балалайку, забьется въ укромное мѣсто — и цѣлую ночь напролётъ пробрянчитъ; но игра ему не дается, бѣднягѣ. Изъ силъ выбивается; плачетъ — и съ этимъ опять за работу; съ работы опять та же пѣсня — опять съ балалайкой возиться!

Часто (ужь это не смѣхъ, а грѣхъ превеликій) добрые люди въ праздникъ господень сойдутся въ обѣдню, — а Тришка сидитъ себѣ дома съ своей балалайкой проклятой — тѣшитъ нечистую силу, прости меня Господи! Пока жь все нѣту да нѣту съ игры его. Слушайте жь, добрые люди, что̀ съ нимъ однажды случилось:

Разъ (это было подъ самый подъ праздникъ подъ свѣтлый) хозяева изъ дома вышли къ заутрени. Тришка — къ своей балалайкѣ (тогда ужь имѣлъ онъ свою) и вышелъ онъ къ рѣчкѣ (подъ самымъ дворомъ) подъ ивы, гдѣ мо́стикъ: тамъ никто-де меня не увидитъ, не будетъ смѣяться, не будетъ и горю глумиться.

По́лночь прошла чуть; до свѣта далеко. Изъ силъ ужо выбился Тришка: игра нейдетъ — какъ-будто онъ первый разъ только взялъ балалайку отро́да! Доса́дуетъ, плачетъ и молвитъ сквозь слезы: «Когда бы какой-нибудь чортъ взялся меня выучить этой музыкѣ проклятой!..» И вотъ подошелъ къ нему старичокъ: Здорово! — «Здорово!»

— Что̀-это, Тришка, разрюмился, плачешь? — «Да-какъ же не плакать: нѣсколько лѣтъ занимаюсь игрою на этой злой балалайкѣ — успѣха ни на̀ волосъ!» — О, такъ бѣда невелика... Подай-ка... И взялъ старичокъ балалайку, и щепкой онъ началъ пилить ея струны, словно смычкомъ бы по скрипкѣ....

Чудные звуки извлёкъ онъ изъ дерева!. Тришка въ восторгѣ! Тришка не вѣритъ ушамъ, не могъ устоять на ногахъ — и пустился въ присядку... Хохочетъ надъ нимъ старичокъ... Пробился мой Тришка отъ танцевъ до пота... «Братъ, отецъ мой родной! Научи и меня такъ играть! Научи, благодѣтель мой!» Тришка взмолился.

Тришка руки свои протянулъ — не къ крестному знаменью — нѣтъ, къ старику: обнимаетъ его и цалуетъ.... Старикъ балалайкой ударилъ объ иву — и въ щепки она разлетѣлася... Вотъ подалъ Тришкѣ двѣ щепки — и щепки ужь эти не щепки у Тришки въ рукахъ, а чудная скрипка, да хитрый смычокъ, заморской работы.

Только-что Тришка струнъ прикоснулся — и звѣздъ онъ не взвидѣлъ въ восторгѣ, запрыгали искры въ глазахъ у него: игры такой не слыхалъ онъ отъ роду! Играетъ, и пляшетъ, и съ радости плачетъ. А злой старичокъ-то хохочетъ, хохочетъ! а злой старичокъ-то смѣется, смѣется, да тѣшится парнемъ!...

Тришка и молвитъ: «Что жь, старичокъ, тебѣ дать за такую услугу?» — Что? ничего, старичокъ отвѣчаетъ: — пойдёмъ-ка на поле. — Вышли. «Ну, что же?» спросилъ его Тришка. — Тутъ заплати за услугу — услугой, сказалъ старичокъ: я пригнуся въ пол-тѣла, а ты ударь меня крѣпко-накрѣпко сзади колѣномъ, во всю свою силу батрачью.

«Дальше что?» — Дальше? — мы квиты, и скрипка твоя. — И сталъ старичокъ къ нему задомъ — простите — нагнувшись. Тришка долго не думалъ: со всей своей мочи ударилъ колѣномъ, и съ воплемъ и стономъ грянулся о земь — старикъ? — з, нѣтъ — Тришка. Предъ Тришкой стоялъ не старикъ, а пень преогромный: у Тришки не стало ноги — о пень онъ вышибъ колѣно!

Крикнулъ пѣтухъ кукуреку. Люди съ обѣдни шли съ пасхой да съ краснымъ яичкомъ. Подняли бѣднаго Тришку со скрипкой... Кое-какъ онъ переохалъ ушибъ свой, да правой ноги уже не поправилъ: остался колоской, бѣднага. За то жь его скрипка - колдовка при нёмъ; за то жь какой и скрипачь онъ теперь: подъ скрипку его хочь нехочь — потанцуешь!

Случай съ собой разсказалъ онъ подъ-чаркой, на свадьбѣ, товарищу; тотъ другому, другой передалъ десятому: такъ разсказъ разошелся въ народѣ. Всякій мальчишка теперь вамъ разскажетъ про Тришку-хромаго: какъ онъ сталъ хромъ, какъ играть научился онъ, и зачѣмъ не даётъ никому онъ на руки этой волшебницы-скрипки.

III. Великанъ.

Славно, завидно живали прапрадѣды наши! — Да это не чудно: другой тогда свѣтъ былъ. Земля родила — почти безъ посѣва; ручьи текли молокомъ, а рѣки большія — виномъ да патокой; шубъ и морозовъ не знали; болѣзней и горя... ихъ не было даже въ поминѣ.

Славно живали! не знали богатства и роскоши люди, за то же не знали несчастій. Грудь бѣдной земли не терзали за золотомъ; парусъ крылатый надъ моремъ не вѣялъ хоругвью добычи и — смерти; убійство не было потѣхой — войною... Не жизнь была людямъ — приволье.

Насъ старина подарила разсказомъ: Жила-была горе-вдова. Жизнь вдовья, конечно, не радость. Но Богъ даровалъ ей утѣху на сто-сороковомъ году — сыночка, а имя сыночку — Иванька. И былъ въ-старину тотъ Иванька чудомъ чудеснымъ, дивомъ предивнымъ.

Росъ тотъ Иванька не лѣтами — днями, часами. И выросъ Иванька въ два года, какъ выросъ другой бы въ 20; а въ 20 Иванька — на свѣтѣ такой не бывалъ великанъ: и не было крова ему, полотна не было на рубашку.

Вотъ какъ великъ былъ Иванька: однажды приноситъ онъ къ матери въ горсти — плугъ и съ людьми и съ вола-

ни, и молвитъ: «Смотри-ка, родная: мудрёные же есть муравьи-то на свѣтѣ: сцѣпились, связались — и роютъ широкое поле!...»

—Э, отнеси ихъ, гдѣ взялъ—сказала родная; пускъ роютъ ихъ: всяко дыханіе Господа хвалитъ. — И тѣсенъ сталъ свѣтъ для Ивашки.—Вотъ думаетъ онъ: заберусь я на небо!..

Идетъ онъ за тридевять земель, въ десятое царство, въ чужое сударство...

Къ морю подходитъ—море ему по колѣно; къ горамъ — какъ плетень переступитъ. Но вотъ онъ встрѣчаетъ огромную гору: взобрался; а радуга руку ему подаётъ—и вотъ, мой Ивашка близёхонько къ небу; но на небо—Богъ не пущаетъ; а на землю—онъ ужъ не слѣзетъ...

Небо за-жизни намъ не дается. Остался Ивашка межъ небомъ и между землею. Постель и одежа—тучи; товарищи — вѣтры и бури; но—тяжка жизнь безлюдная. Возрыдалъ мой Ивашка, и горькія слезы дождемъ полилися на землю.

Взрыдалъ одинокій Ивашка: и громы всю землю собой всколебали.—Видали ль вы: вихри уносятъ до облакъ добычу, ограбивши землю? Видали ль: орелъ похищаетъ изъ стада барашка?—И вихри и птицы носятъ пищу Ивашкѣ.

Сушитъ ли жажда палящая грудь у Ивашки—онъ радугу шлетъ за водою,—и радуга пьетъ иные море и рѣки... (Кто жъ нашъ Ивашка?—Поэтъ: ему тѣсно здѣсь жить, на землѣ, межъ людьми; а на небо для смертныхъ — нѣтъ въ жизни дороги... Ужасна межъ той и другимъ середина!!..).

IV. Ружьё—совсѣмъ.

Жилъ на Подолѣ охотникъ-стрѣлокъ, по прозванью Безродный. И подлинно, былъ онъ безродный: ни рода, ни племени—словно былинка на полѣ, оставлена счастьемъ—къ несчастью, лютой косою, въ глубокую осень на жертву ненастьямъ и холоду, горю, тоскѣ одинокой.

Въ полѣ и въ лѣсѣ охота за дичью была у него и забавой и горемъ. Злодѣйка ли грусть, какъ свинецъ, ему ляжетъ на сирое сердце; прекрасная ль дѣва невесело юношѣ молвитъ словечко Безродный съ ружьемъ ужъ на полѣ и въ лѣсѣ, — и сердце запрыгало живо, забилося легче.

Были минуты: Безродный знакомъ былъ и съ нуждой и съ голодомъ. Часто ружейныя пули разсчитывалъ онъ на будуще время—и ими онъ мѣрялъ надежды и радости жизни. Безродный подходитъ къ ружью и нерѣдко въ ненастье и выогу, для хлѣба насущнаго, бродитъ по цѣлымъ онъ суткамъ.

Былъ ли онъ счастливъ охотой? Ужъ точно, что счастьемъ онъ былъ обязанъ меткому глазу да твердой рукѣ: едва ль у Безроднаго мимо летѣла и сотая пуля,—и то ужъ въ то время, когда подъ рукою бывала добыча: рука измѣняла. Къ близкому счастью чьи руки не дрогли?..

Сидя однажды съ любезной, такъ онъ ей молвилъ: Зачѣмъ ты такая суровая? Что твои ясныя очи, какъ прежде, не ловятъ моихъ? Зачѣмъ твои губы-кораллы холодны къ моимъ поцалуямъ? Тебѣ ль, сирота я, всей жизни своей не дарю? Не я ли покоемъ и жизнью живу лишь твоею?

«Бѣденъ я, правда; но сердце богато мое...» А дѣва ему отвѣчала сурово: На праздникъ ходила я въ Кіевъ, тамъ юныя дѣвы пестрѣютъ нарядомъ, какъ райскія птицы: имъ милые сердцу дарятъ свои перстни; ихъ бѣлыя груди обвѣшаны пасмами нитокъ бурмицкихъ, уборы блистаютъ парчой золотою да шолкомъ...

— Ты мнѣ купи хоть серёжки въ подарокъ, пускай мнѣ подруги не будутъ смѣяться; пусть юноши смотрятъ

какъ смотрятъ они на других… И тяжко Безродному стало, что сердце дѣвицы — товаръ покупной; что къ сердцу любимому надобно золотомъ выстлать дорогу…

Грустно Безродному. Слушай, Безродный; сотри это сердце пятою! разсудокъ тутъ шепчетъ; но юноши пылкій не слушаетъ этого голоса… къ дѣвичью сердцу тропу проложить онъ подарками хочетъ. Впервые ему показалося слово ужаснѣйшимъ — *бѣдность*.

Что же безродный? къ чему прибѣгаетъ? Къ ружью: беретъ онъ и пули и порохъ, и за городъ вышелъ на берегъ днѣпровскій. Пословица есть: «на ловца и звѣрь бѣжитъ». И подлинно: зайцевъ и дичи различной, что шагъ то находитъ; но бѣдный охотникъ ужь до ночи бьется — все даромъ!

Какъ же? Да также: что выстрѣлъ, осѣчка иль промахъ! Ну-вотъ, изъ-подъ рукъ улетаетъ добыча! Несчастья подобнаго съ рода не помнитъ онъ!.. Ужь на изходѣ заряды; сума жь за спиною пустая. Часъ къ ночи. Весь день проболтался — и даромъ!..

Съ чѣмъ же онъ явится, бѣдный, къ любезной?… Вотъ мѣсяцъ вошелъ и яркія звѣзды, какъ угли горячіе, по небу стали искриться. Въ отчаяньи бѣдный стрѣлокъ сталъ думать опасную думу… Глядь: передъ носомъ рѣка незнакомая: дичь по водѣ стадами играетъ: швыркомъ бы промаха не далъ.

Цѣлитъ охотникъ мой: паф!… и дичь и рѣка — какъ-будто совсѣмъ не бывали! Въ ушахъ у него зашипѣли и хохотъ, насмѣшки, и голосъ, и свисты укора.» Бѣдный представилъ свиданіе съ милой, и звуки вопросовъ, и взоръ укоризны, какъ ножъ ему въ сердце проникли… Чѣмъ онъ задобритъ сердце дѣвицы?..

Горе его почти омрачило. И въ горѣ посылалъ Безродный проклятія градомъ, примолвивъ: «хоть чортъ бы помогъ мнѣ набить этой дичи проклятой!.. и завтра я бы явился къ свиданью съ подаркомъ, и милыя ласки купилъ бы я щедрой рукою…»

Рѣчи не кончилъ, — а чортъ ужь стоялъ передъ нимъ. «А вотъ и, легокъ на поминѣ: къ услугамъ! Я знаю секретецъ для вѣрной охоты: тебѣ передамъ я 3000 пуль самострѣльныхъ; ты гордую дѣву осыплешь жемчугомъ и златомъ… только пуля послѣдняя будетъ — охотнику въ сердце!»

Въ жилахъ Безроднаго кровь застыла отъ условія чорта; но власть надъ дѣвицей привязанность къ жизни на мигъ заглушила. Онъ думалъ: мгновенное счастье дороже столѣтняго горя. И мигомъ сорвалось съ его языка ужасное слово: *«согласенъ!»*

Чортъ тутъ на небо дунулъ, и яркія звѣзды задуты померкли. Охотничей шапкой закрылъ онъ чуть-выплывшій мѣсяцъ, замолвилъ ружьё и сказалъ: «Вотъ пули, 3000 счетомъ; не дастъ ни одна изъ нихъ промаха, пуля послѣдняя будетъ… условіе знаешь?»

«Чуть выстрѣлишь ею — явлюсь за тобой. До того жь не торгомъ въ базарѣ ты будешь барышъ получать за охоту: прійдутъ къ тебѣ сами и дичь твою будутъ на чистое золото вѣсить; бери только деньги — ты ими насыплешь подвалы…» И скрылся.

Скрылся. Шапка съ мѣсяца спала, блеснули звѣзды. Передъ безроднымъ промчались двѣ быстрыя серны. Выстрѣлъ — и обѣ у ногъ… Вновь пуля по стволу скользитъ, и, ночью, огромной станицей утки явились; запрыгали зайцы, лисицы, съ Днѣпра показалось бобровое стадо…

Всѣ Кіевляне дивятся. неслыханы рѣдкія птицы и красные звѣри вкругъ Кіева вдругъ расплодились. Безродный носилъ ихъ, и золото въ руки охотни-

ка ливнемъ лилося. И гордая дѣва павлиномъ въ каменьяхъ какъ жаръ заблистала!

Прежде дика и сурова, теперь она горлинкой жалася къ юноши сердцу; а юноша гордый въ объятіяхъ милой ликуетъ... Блаженъ ли онъ, полно? Нѣтъ: на ложѣ нѣги не знаетъ онъ радости чистой: въ ушахъ отзывается страшное: «пуля послѣдняя — будетъ охотнику въ сердце».

Къ этому жь надо замѣтить — за дѣвой его груститъ и цвѣткомъ увядаетъ товарищъ Безроднаго. Часто видѣлъ самъ, что дѣва дарила счастливца, украдкой, то ласковымъ словомъ, то даже, тайкомъ, поцалуемъ. Продажное сердце и чувство — чести и вѣрности чуждо...

Пуль остается послѣдняя сотня. И вотъ охотникъ замыслилъ: продать «ружье - совсѣмъ» своему сопернику сердца, товарищу дѣтства, сосѣду. Но прочное счастье надежно ли строить на гибели брата? Увидимъ. «Кто ближнему яму копаетъ, самъ въ нее попадаетъ».

Вздумалъ и сдѣлалъ съ ружьемъ и послѣднею сотнею пуль — *послѣдняя* продана пуля. Безродный трепещетъ отъ радости черной! Въ комъ сердце однажды забилось при счастьи порока, тому уже ближняго счастье—ужаснымъ укоромъ и пыткой.

Вызвался самъ товарищъ купцомъ ружья. Безродному на руку: отдалъ его за безцѣнокъ, съ пулями. Оба довольны. Сбывши съ рукъ, безродный думалъ, что сбылъ и условіе чорта съ послѣднею пулей: не я ужь охотникъ, онъ думалъ — не мнѣ и съ послѣднею вѣдаться пулей...

Вотъ новый хозяинъ ружья собрался на охоту; но прежде попробовать хочетъ онъ въ цѣль: начерталъ онъ кружокъ уголькомъ на столбѣ верстовомъ; отмѣрилъ шаговъ полтораста, и выстрѣлилъ купленной пулей...

Дрогнули руки: онъ думаетъ мимо! Анъ нѣтъ: у самой у цѣли — пушистая лежала лисица! Охотничье сердце забилось отъ радости. «Это-вѣдь кладъ не ружье!» въ возхищеніи крикнулъ стрѣлокъ... Невинное сердце обманамъ и чарамъ не вѣритъ...

Онъ заряжаетъ опять. Но, думаетъ: въ первый разъ и этой добычи довольно. Идетъ ужь домой... оступился въ лѣсу... за вѣтку ружейный замокъ зацѣпился—выстрѣлилъ... Онъ дрогнулъ... черезъ секунду—огромный орелъ у охотничьихъ ногъ лежалъ прострѣленъ на вылетъ...

Это ужь вѣрно не случай!.. Но въ счастьи и страсти люди теряютъ разсудокъ: онъ и эту удачу случаю-лишь приписалъ и новую поднялъ добычу, и мчится домой безъ оглядки, не слыша земли подъ собою... Охота была конькомъ его жизни.

Удача, и счастье, и прибыль у ловчаго отняли сонъ: безсонница юношу сушитъ. Такъ, часто, мы счастію рады; но счастіе это часто бываетъ на гибель. Какое жь тутъ счастье охотнику, если нѣтъ основанія счастью — покоя?

Бросимъ въ сторону эти сужденья, —не сбиться бъ съ дороги. Стрѣлокъ въ возхищеньи, сказалъ я. И красные звѣри и рѣдкія птицы нанизывалъ часто охотникъ: онъ зажилъ боярски! толпою друзья его окружали, а красныя дочки богатыхъ купцовъ на него съ улыбкой глядѣли.

Такъ ужь ведется на свѣтѣ: и счастье, и слава, таланты и разумъ — все будетъ, лишь были бы деньги и деньги!... Однажды, онъ поздо шелъ къ дому съ охоты, въ ружьѣ забита была «послѣдняя» пуля. Вотъ онъ на подолѣ проходитъ мимо Безроднаго дома... глядь: филинъ огромный подлѣ воротъ

сидитъ на заборѣ и плачетъ ребенкомъ и стонетъ...

Вотъ онъ въ руки ружье изъ-за плечь: прицѣлилъ... вотъ выстрѣлъ,— и стоны, и хохотъ, и вопли посыпались разомъ... и смолкло кругомъ, какъ въ могилѣ... Подходитъ къ забору и видитъ: подлѣ воротъ, безъ жизни простертый, прострѣленный въ сердце на вылетъ — *Безродный!!*...

V. Лыхо.

Жилъ да былъ человѣкъ, и не зналъ въ своей жизни — что то есть лыхо (горе, бѣда): онъ слышитъ, что люди часто его поминаютъ, но толка о горѣ у нихъ не добился. Вотъ онъ рѣшился, во что бы ни стало, лично увидѣться съ горемъ.

Странно желанье? не правда ли? но люди бываютъ страннѣе... Взялъ онъ сумку на плечи, идетъ отъискивать горе. Долго ль, не долго ль ходилъ онъ— вотъ видитъ въ степи безпредѣльной, подъ лѣсомъ, за̀мокъ желѣзный; кругомъ частоколъ изъ костей человѣческихъ, черепы воткнуты сверху.

Къ за̀мку подходитъ: служитель вышелъ изъ за̀мка, обвѣшанъ разной травой и сухими змѣями (пришлецъ, поглядѣвъ, разсмѣялся), спросилъ искателя горя: чего ему надо? «Лыха!» чудакъ отвѣчаетъ: «я отрода Горя не видѣлъ, ищу и съискать не могу: не знаешь ли ты, смѣховодникъ?»

— Горе здѣсь,—служитель сказалъ. «Паслу! сведи же меня посмотрѣть его.» Можно. — И вводитъ онъ въ за̀мокъ искателя горя. Въ огромной залѣ лежалъ великанъ огромный и тучный: его голова на покутьѣ, ноги на печкѣ.

Ложе — кости людскія; поетъ ему горькія, страшныя пѣсни у изголовья старуха—Журба; Отчаянье съ ядомъ, ножомъ и петлей стоитъ на посылкахъ; Злыдни гостятъ, вокругъ Горя обсѣвши... Вотъ новаго гостя приняло Горе, велитъ ему дать закусить, подкрѣпиться.

Подалъ прислужникъ изъ печки на блюдѣ пришедшему гостю: на блюдѣ лежитъ голова человѣчья! И страшно и холодно гостю!—Боится онъ пищи ужасной—боится ослушаться Горя... Но Горе — слѣпое!

(Вышла прислуга). Снялъ онъ голову съ блюда и тихо подъ лавку кладетъ. А Горе спросило: «что, скушалъ ты?» — Скушалъ.—«А гдѣ ты, головка-мотовка?» Горе слѣпое спросило.—«Подъ лавкою» голосъ ему отвѣчалъ изъ-подъ лавки. Жаромъ и холодомъ обдало гостя.

«Скушай, голубчикъ» Горе гостю опять: «чтобъ самъ ты былъ вкуснѣй для меня; и если не скушаешь, живъ не уйдешь»... и Горе запѣло... Гость голову спряталъ за пазуху. Горе опять тутъ прежній вопросъ повторило:

«Гдѣ ты, головка?»—Подлѣ желудка—отвѣчала ему голова. И Горе подумало: подлѣ желудка — это значитъ, онъ скушалъ. «Теперь твоя очередь, гость мой», Горе сказало. Улучивъ годину, тихонько, гость съ комнаты бѣгомъ!

Дверь заскрипѣла желѣзная: Горе узнало побѣгъ и вскричало: «двери! держите, уйдетъ!»—Но гость уже былъ за дверью — лишь правую руку оставилъ въ дверяхъ — рука его правая въ двери осталась навѣки!...

Лишь раздалось у дверей: «Оце Лыха!» Горе велѣло прислугѣ гостя кормить орѣхами, лучшими разными фруктами юга... но Горю прислуга доноситъ, что гостя ужь нѣтъ. «Возьми у дверей» говоритъ потомъ Горе прислугѣ.

Подана Горю прислугой рука... А Горя искатель страдаетъ всю жизнь безъ руки, калѣка, всегда поминая ужасное Горе. Онъ кается горько; но

поздно раскаянье послѣ прошедшаго дѣла

VI. Кузнецъ.

Праздникъ у Бога. А какъ мы, Украинцы, любимъ эти Божіе дни—эти праздники! Право, на праздникъ и солнце грѣетъ теплѣе, и люди радушнѣй, и міръ весь нарядней, и птицы пѣвистѣе, и Псёлъ веселѣе струится, и каждый листочекъ, и каждая травка привѣтнѣй. Радосно, весело въ праздникъ!

Праздникъ. Люди гуляютъ... Сидятъ на завалинкѣ два старика—вы съ ними знакомы: подъ небомъ чужимъ, между сотнями лицъ, вы бы, увидѣвъ, сказали: это Украинцы! такъ они вѣрны исторіи, краю, быту родному... Старшій началъ разсказъ: хотите ль послушать? Ну, слушайте смирно.

«...Славные были крестьяне у старыхъ пановъ у покойныхъ (разсказывалъ дѣдъ мой): все люди мастеровые, рабочіе, дюжи, худобные. Славный у старыхъ пановъ былъ Ярёмка кузнецъ: бывало, сдѣлаетъ серпъ ли, къ дверямъ рукоятку ль, задвижку, крючокъ ли, завѣски ли къ скрынѣ—ну такъ вѣдь прехитро украситъ рѣзьбой да насѣчкой, что, ей, заглядѣнье! Вотъ — такъ бы сидѣлъ да глядѣлъ бы!

Что тутъ! Бывало Ярёмка починивалъ даже замки съ пружиною хитрой и панскій берлымъ: ужь нечего—удаль была въ кузнецѣ! А, бывало, пѣсенку спѣть, поплясать, поиграть на свирѣли (что твои гусли!)—хватина на все! А пѣть иль читать на клиросѣ—право, заслушаться! Да и красюкъ же какой — картина!..

Ну, а кузница-то у Ярёмки: право, и хата другая не будетъ просторнѣй и краше; а разныхъ-то купшовъ наклеено!—Тутъ и котъ астраханскій везется мышами, и съ пикой Ермакъ, и Палѣй съ мудрено-подписанной виршей вверху и концемъ, подкованнычъ казду шипами изъ жолтыя мѣди, и страшный судъ, и явленья чудесныя—съ женскою грудью, съ звѣриною мордой, гребнемъ и въ перьѣ... много картинокъ!

Подлѣ горнила, на самой на печкѣ, висѣлъ, на холстѣ намалеванный, чортъ, повѣшенный вверху поганкну, да и списанный точно! Кто ни посмотритъ, узнаетъ: чортъ да чортъ тебѣ! черный, съ рогами, съ предлинвымъ хвостомъ, съ бородою, съ калиткою денегъ въ когтяхъ и съ людскими грѣхами...

Чорта Ярёмка повыпачкалъ грязью и дегтемъ, очи проклятыя выжегъ, всего искололъ, исцарапалъ.. Если Ярёмка куётъ—ужь онъ такъ норовитъ, чтобы къ чорту спиной—непремѣнно спиной отвернуться;—въ такомъ положеньи онъ мѣситъ желѣзо... А если Ярёмка и глянетъ, бывало, на чорта—то вѣрно, чтобъ плюнуть на чортову харю.

Чортъ разозлился. Онъ твердо рѣшился отмстить кузнецу жестоко, по-чертовски... Ужь сколько къ Яремкѣ лихой прикидался: и деньги мѣшками сулилъ, и худобу, и панство, и всѣ услуги; но твердый кузнецъ неподкупенъ, и чортъ къ кузнецу не приступенъ.

Вотъ мой кузнецъ перенёсъ еще въ хату поганый портретъ и прибилъ, вверхъ ногами, надъ дверью. Обернется къ двери—нечистому шишъ или плюнетъ. Пуще злой духъ разозлился! Ищетъ онъ средства, какъ повредить бы Ярёмкѣ... Находитъ...

Въ кузницѣ новый явился работникъ, Цыганъ, и работникъ—на славу! Что за работа пошла отъ Ярёмки: скора, красна и прочна! И десять рабочихъ не могутъ сработать противъ Цыгана. Ярёмка лишь смотритъ да деньги считаетъ. Съ другихъ деревень пріѣзжаютъ съ работой: ужь кузницы

двѣ, не одна — и биткомъ какъ набиты народомъ...

Ладно. Пріѣхалъ однажды къ Ярёмкѣ съ работой хромой атаманъ: работа подѣлана, деньги взяты. — Работникъ - Цыганъ предложилъ атаману сковать ему ногу хромую; тотъ, бросивъ костыль, согласился. Цыганъ пригораздилъ къ жаровнѣ ногу хромую; вынулъ, ударилъ молотомъ, спрыснулъ водою, посыпалъ пескомъ... Атаманъ лишь вышелъ изъ рукъ кузнеца — да въ присядку!...

Добре. Слушайте жь. Съ этой поры къ кузнецу приносили — не ломъ да желѣзо — увѣчье, недугъ да калѣчство. Кузнецъ мой во всемъ успѣваетъ, куётъ ихъ да лечитъ, да денежки счетомъ беретъ и безъ счета. Цыганъ перековывалъ ужь стариковъ да старухъ — въ молодцы, въ молодицы; ковалъ безобразныхъ въ красотокъ, калѣкъ ковалъ онъ въ красавцевъ.

Какъ-то работникъ - Цыганъ отлучился; а баринъ ярёмкинъ, дряхлый старикъ, приходитъ къ Ярёмкѣ съ приказомъ — перековать его въ молодцы. Недолго думалъ кузнецъ: завязалъ господина въ мѣшокъ, подложилъ угольковъ на жаровню и, бросивъ въ горнило, самъ принялся раздувать. Отчаянный крикъ и стоны господскіе скоро затихли. Вынулъ Ярёмка съ огня — обгорѣлыя кости: въ дребезги ихъ молоткомъ разбиваетъ... — вотъ всё, что̀ осталось, что̀ было его господиномъ!...

Въ ужасѣ бѣдный кузнецъ! Цыганъ пропалъ безъ-вѣсти... Ужь палачь и Сибирь ожидаютъ Ярёмку. Онъ осужденъ, какъ убійца... Идетъ съ острога̀ онъ въ родимую хату — проститься навѣки. — Вотъ позванъ священникъ съ молитвой: кропитъ онъ святою водою хатнія стѣны — а вмѣстѣ забытый портретъ надъ дверями... Вдругъ въ дверь появился пропавшій работникъ.

Вызвалъ онъ въ сѣнцы Ярёмку: «послушай» онъ молвилъ: «я твой губитель; но я и спасу тебя: только — оставь ты портретъ мой; глумись и ругайся надъ нимъ, но — не кропи хаты святою водою: тотчасъ иду въ твою кузницу — и приведу твоего господина.» — Подлинно: скоро явился въ избѣ кузнеца господинъ — молодецъ, хоть куда!... И Ярёмка прощенъ и отпущенъ... Работникъ сгинулъ безъ вѣсти...

Снялъ мой Ярёмка проклятый портретъ со стѣны, отнесъ его въ кузницу — и швырнулъ на огонь: и чорнымъ дымомъ покрылся огонь весь. Холстъ же сгорѣлъ, — а проклятый метнулся въ трубу... И съ этой поры-то чортъ почернѣлъ еще хуже, его борода обожглась, и любимое мѣсто его осталось — кузнечныя трубы.»

Кончилъ старикъ свой разсказъ; кончаю и я, — не браните!

Левъ Боровиковскій.

Полтава.

Быль, которая можетъ годиться и для романа. — Въ запискахъ одного парижскаго полицейскаго агента прежнихъ временъ находится множество процессовъ, занимательныхъ или по запутанности ихъ, или по неожиданнымъ случаямъ, содѣйствовавшимъ къ открытію истины. Вотъ одинъ изъ такихъ случаевъ.

Маркизъ де-Куси (Соцсу), отдавъ своего старшаго сына кормилицѣ въ Гонессѣ, оставилъ его тамъ на три года, какъ тогда дѣлали обыкновенно. Молодой графъ возвратился послѣ этого срока въ родительскій домъ и сдѣлался любимымъ ребенкомъ. Достигнувъ тѣхъ лѣтъ, когда начиналось образованіе дѣтей, онъ учился у лучшихъ учителей, сдѣлалъ быстрые успѣхи и, шестнадцати лѣтъ, кончилъ

всѣ приуготовительныя науки; тогда онъ вступилъ въ академію.

Однажды, когда онъ прогуливался въ саду академіи съ многими молодыми людьми изъ знатнѣйшихъ домовъ Франціи, явилась старуха, грязная, въ лохмотьяхъ, отвратительная, и предложила веселой молодежи погадать. Нѣкоторые оттолкнули гадальщицу, другіе приняли ея предложеніе, а между-прочими и молодой Куси. Она посмотрѣла на руки четырехъ или пяти изъ нихъ и, насказавъ имъ разнаго вздора, взяла деньги и спрятала въ карманъ.

Всѣ, для потѣхи, даже тѣ, которые не хотѣли лично участвовать въ ворожбѣ, окружили старуху. Пришла очередь молодаго Куси. Старуха гораздо долѣе разсматривала руку его и вдругъ, оттолкнувъ ее съ видомъ презрѣнія, воскликнула: «Прочь, мѣщанское отродье, пойди прочь! Я пришла сюда гадать только дворянамъ, а не крестьянскому сыну.»

При этихъ словахъ поднялся всеобщій хохотъ; одни смѣялись надъ старухою, которая отгадывала такъ удачно, другіе шутили надъ товарищемъ. Куси не зналъ, смѣяться ему или сердиться. Товарищи его растолковали старухѣ, кто онъ такой; но она не переставала божиться и увѣрять, что молодой Куси сынъ крестьянина. Шумъ отъ этого увеличился до того, что начальникъ академіи вмѣшался въ дѣло и, призвавъ конюха, сказалъ: «Выгони эту женщину вонъ!» — Женщину? отвѣчалъ конюхъ: бьюсь объ закладъ, что это переодѣтый мужчина.

Другой конюхъ увѣрялъ, что видѣлъ, какъ одинъ крестьянинъ вошелъ недавно въ кабакъ и, спустя нѣсколько времени, вышелъ переодѣвшись женщиною; онъ утверждалъ, что ворожея, которую прогнали, былъ именно тотъ самый крестьянинъ.

Молодой графъ Куси равнодушно слушалъ эти толки; но какъ они относились къ человѣку, который, по-видимому, хотѣлъ его обидѣть, то не забылъ ихъ.

Прошло шесть мѣсяцевъ... Разъ, утромъ, когда маркизъ и маркиза де-Куси сидѣли въ кабинетѣ, разговаривая о предпамѣреваемомъ бракѣ своего сына съ принцессою изъ лотарингскаго дома, вошелъ слуга и доложилъ, что какой-то молодой человѣкъ, котораго лицо ему нѣсколько-знакомо, проситъ позволенія войдти.

«Впусти» сказалъ графъ. Незнакомецъ вошелъ. Онъ былъ молодъ: ему казалось не болѣе семнадцати лѣтъ; ростъ его былъ строенъ, станъ гибокъ, физіономія выразительна и пріятна; онъ хорошо держался, улыбался пріятно, кланялся ловко. Но вообще тотчасъ замѣтно было, что въ жилахъ его течетъ не благородная кровь: видно, что онъ не былъ воспитанъ при дворѣ.

Вошедшій казался растроганнымъ. Онъ держалъ въ рукахъ письмо, которое подалъ маркизу. Маркизъ принимаетъ письмо и податель падаетъ на колѣни, закрывая лицо свое руками: вы бы сказали, что онъ проситъ прощенія за большой проступокъ. Вотъ, что заключалось въ письмѣ:

«Милостивый государь! сегодня минуло шестнадцать лѣтъ, какъ я, уступая сильнымъ просьбамъ моей жены, совершилъ ужасное преступленіе, въ которомъ сознаюсь и которое постараюсь исправить, частію, признаніемъ. Въ тотъ роковой день законный сынъ вашъ былъ вынутъ изъ колыбели и мой сынъ занялъ его мѣсто. Съ-тѣхъ-поръ этотъ подкидышъ, сынъ Мориса Лесура и Магдалины Ладалль, занимаетъ мѣсто, похищенное у законнаго наслѣдника, а послѣдній занимается въ деревнѣ крестьян-

скими работами. Пока жена моя была жива, я скрывалъ этотъ безчестный подлогъ, но смерть ея не дозволяетъ мнѣ скрываться болѣе, и если кто-нибудь долженъ быть тутъ наказанъ, то, конечно, я; на одного себя призываю всю строгость законовъ. Податель сего письма вашъ родной сынъ; возвратите ему приличное мѣсто, а я пріиму обратно бѣднаго несчастливца, котораго лишаю блестящей будущности. О, если бы я могъ вознаградить своею нѣжностью то, что онъ потеряетъ теперь!

«Я готовъ предъ судомъ подтвердить все теперь сказанное, и надѣюсь, что вы не лишите меня своего покровительства. Имѣю честь быть вашимъ, милостивый государь, всепокорнѣйшимъ, всепочтительнѣйшимъ слугою.

«Морисъ Лесуръ.»

Маркизъ не хотѣлъ вѣрить глазамъ своимъ; жену его до крайности поразило это письмо; но вскорѣ, уступая влеченію природы, г. и г-жа Куси, бросившись къ молодому человѣку, который все еще стоялъ на колѣнахъ, подняли его, и со слезами обняли.

Одно только удивляло маркиза: слогъ письма. Молодой человѣкъ объявилъ, что оно написано зятемъ Лесура, служащимъ въ конторѣ одного парижскаго нотаріуса. — Онъ-то, прибавилъ юноша, и уговорилъ Лесура къ этому поступку; это прекрасный человѣкъ, достойный покровительства господина маркиза...

— Скажи: отца, возразилъ г. Куси. Но его доброе дѣло не останется безъ награды: съ нынѣшняго дня я дѣлаю его своимъ управителемъ, кстати же теперешній управитель просилъ у меня увольненія.

Между-тѣмъ маркиза, успокоившись нѣсколько, начала вспоминать о достоинствахъ того, котораго, по этому открытію, она должна была лишиться, и почувствовала, что для отнятія у него званія нужно было болѣе одной воли маркиза. Послѣдній, съ своей стороны, былъ чрезвычайно-смущенъ, и новопришедшій, считавшій себя уже графомъ, вдругъ остановленъ былъ обстоятельствомъ, силы котораго не разочли довольно: обстоятельство это заключалось въ обладаніи симъ званіемъ въ-теченіе четырнадцати лѣтъ. Какъ, въ-самомъ-дѣлѣ, отнять у молодаго графа званіе его, его положеніе въ свѣтѣ, богатство! какъ изгнать его изъ семейства, котораго членомъ онъ былъ уже такъ долго? Ничто не выражало въ немъ низкаго происхожденія; правда: онъ не былъ похожъ ни на мать, ни на отца, но черты его были совершенно-сходны съ чертами дѣда.

Въ эту самую минуту молодой Куси вошелъ въ комнату. Благородный видъ его, почтительная нѣжность, съ какою онъ обнялъ отца и мать, наконецъ привычка къ откровенности и дружбѣ, существовавшей между всѣми членами этого семейства, — все это повергло въ отчаяніе маркиза и жену его. Имъ казалось, что они поступятъ слишкомъ-жестоко, если увѣдомятъ его тотчасъ о случившемся, и ни маркизъ, ни маркиза не могли рѣшиться начать съ нимъ объясненіе. Между-тѣмъ это объясненіе сдѣлалось необходимымъ. Новопришедшаго отпустили, вручивъ ему значительную сумму и объявивъ, что слѣдствіе начнется тотчасъ.

Маркизъ сообщилъ это происшествіе людямъ опытнымъ, судьямъ, стряпчимъ. Большая часть изъ нихъ объявила, что показаніе мужа кормилицы недостаточно; нѣкоторые были противнаго мнѣнія. Дѣло не могло остаться скрытымъ, и оно обнаружилось. Приверженцы новоявившагося разгласили вездѣ, что однажды въ академіи какая-то ворожея съ презрѣніемъ оттолкнула графа, объявивъ,

что онъ происхожденія самаго низкаго. Присуствовавшіе при томъ дворяне подтверждали справедливость послѣдняго обстоятельства, что̀ и дало ему большой вѣсъ.

Несчастный графъ выходилъ изъ себя отъ всѣхъ этихъ толковъ. Онъ любилъ нѣжно своихъ родителей и содрогался при мысли, что можетъ лишиться любви ихъ. Г. де-ла-Рошфуко̀, его искренній другъ, сообщилъ ему, какой вредъ причинила ему сцена съ Цыганкой. Давно уже графъ забылъ объ этомъ, но, при семъ случаѣ, вспомнилъ всѣ обстоятельства и, по необходимости, прибавлялъ ко всѣмъ толкамъ слова двухъ конюховъ. Послали за ними; одинъ утверждалъ, что эта женщина былъ мужчина, другой говорилъ, что въ кабакѣ «Доброй Воли» въ Улицѣ «Маленькаго Льва», онъ видѣлъ крестьянина, который вошелъ туда, и вскорѣ потомъ вышелъ, переодѣтый женщиною.

Графъ и державшіе его сторону отправились въ кабакъ; имъ немало сто̀ило труда заставить хозяина понять, въ чемъ дѣло; но, собравшись съ мыслями, онъ объявилъ, что одинъ крестьянинъ изъ Гонессы, его знакомый, по имени Лесуръ, попросилъ у него комнату, гдѣ бы онъ, Лесуръ, могъ переодѣться, объявивъ притомъ, что поступаетъ такъ для-того, чтобы лучше смотрѣть за поведеніемъ одного воспитанника въ академіи, порученнаго ему родителями молодаго человѣка, . . .

Это объявленіе произвело большую тревогу. Лесуръ опровергалъ его, говоря, что, дабы еще болѣе наказать себя за безчестный подлогъ, и предуготовить торжество правды, онъ старался заранѣе унизить своего собственнаго сына. Эта причина однакоже не казалась достаточною, и поступокъ не понравился никому. Но неизвѣстность все еще не прекратилась, когда провидѣніе открыло истину однимъ изъ тѣхъ дивныхъ средствъ, которыя оно употребляетъ иногда, чтобъ показать людямъ свою благость.

Мы сказали уже, что по рекомендаціи новаго молодаго графа, зять Лесура, служившій въ конторѣ одного парижскаго нотаріуса, былъ сдѣланъ управляющимъ въ домѣ графа Кусй. Онъ жилъ здѣсь уже нѣсколько недѣль, и всѣми средствами старался чернить первоначальнаго наслѣдника стараго графа, поносл несправедливость тѣхъ, которые не хотѣли признать законности новопришедшаго. У него была болонка, прекрасное животное, умное и милое. Маркиза часто ласкала эту собачку.

Однажды утромъ Романъ (такъ назывался управляющій) работалъ въ кабинетѣ графа; не доставало одной бумаги; послѣ продолжительныхъ поисковъ, управляющій нашелъ ее и по этому случаю сказалъ: «Впрочемъ, Фидель (имя собачки) можетъ отъискать все потерянное, и если бы я не нашелъ этой бумаги, то онъ помогъ бы мнѣ.» Эти слова послужили поводомъ къ испытанію Фиделя. Романъ обошелъ комнату, спряталъ свой бумажникъ подъ стуломъ и потомъ, подошедъ къ Фидели и смотря на нее, началъ искать въ карманахъ, показывая тѣмъ, что потерялъ что̀-то. Собачка поняла движеніе, пустилась искать по комнатѣ и вскорѣ возвратилась, держа въ зубахъ бумажникъ. . . .

Маркизъ де-Кусй любовался смышленостію собаки и, лаская ее, взялъ изъ рта ея бумажникъ; изъ него выпало письмо; маркизъ разкрылъ его, сперва читалъ разсѣянно, но мало-по-малу обращалъ на него болѣе вниманія и наконецъ вышелъ совершенно изъ себя: руки его задрожали, лицо поблѣднѣло; онъ позвонилъ и приказалъ вошедшему человѣку что̀-то на

ухо; спустя нѣсколько минутъ явился коммиссаръ и спросилъ, за чѣмъ его требовали.

— Схватите этого мерзавца, воскликнулъ маркизъ, указывая на управляющаго: и засвидѣтельствуйте это письмо, которое я нашелъ въ его бумажникѣ, и которое прочту вамъ сейчасъ.

Маркиза, увѣдомленная о происходившемъ, прибѣжала: «Богъ умилосердился надъ нашимъ горемъ» сказалъ маркизъ: «и обманъ открытъ. Само небо помогаетъ намъ, послушай:

«Ваше сіятельство!

«Я нахожусь на одрѣ смерти и въ эту страшную минуту обязана открыть вамъ истину. Вы мой благодѣтель; я воспитывалась въ вашемъ домѣ, вы меня выдали замужъ и избрали въ кормилицы вашего сына. Вотъ уже болѣе трехъ лѣтъ, какъ мужъ мой, побуждаемый какою-то недоброю мыслію, уговариваетъ меня выдать нашего сына Пьерро за вашего; но я всегда отказывалась отъ совершенія такого преступленія; между-тѣмъ я боюсь, чтобы, послѣ моей смерти, это злодѣйское намѣреніе не исполнилось. Поэтому я увѣдомляю васъ, чтобы вы могли предупредить и уничтожить злыя козни. Вскорѣ послѣ своего рожденія мой сынъ Пьерро упалъ на огонь. Это приключеніе оставило слѣды на ногахъ и правой рукѣ его. Примѣты послужатъ къ различенію одного отъ другаго. Свидѣтельствую, что вашъ сынъ не имѣетъ на тѣлѣ никакихъ знаковъ ожоги; всѣ сосѣди могутъ сказать то же самое.

« Ввѣряю это письмо моему брату Роману, и поручаю ему передать его вамъ. Коль скоро вы его получите, призовите моего мужа, прочитайте ему письмо при комъ-нибудь, и онъ откажется отъ своихъ дурныхъ намѣреній. Но ради Бога и услуги, которую я вамъ оказываю, простите его и не оставьте бѣднаго Пьерро, моего настоящаго сына.

«Магдалина Ладалль, жена Лесура. Гонесса, 22 мая 1712.»

Нужно ли было болѣе этого письма, чтобы открыть обманъ Лесура и Романа? Послѣдній упалъ къ ногамъ маркиза, прося помилованія и сваливая всю вину на зятя, говоря, что Лесуръ угрозами принудилъ его къ участію. Лесуръ, напротивъ того, объявлялъ, что Романъ всему виноватъ и первый придумалъ подлогъ. Наконецъ они признались, что молодой Пьерро былъ сообщникомъ ихъ.

Полиція скоро окончила это дѣло, присудивъ Лесура и Романа на галеры. Маркиза просила о Пьерро, и его отправили на острова, давъ ему нѣсколько денегъ. Впрочемъ въ закоренѣлости порока онъ и тамъ продолжалъ выдавать себя за графа Куси.

Болонка Фидель сдѣлалась любимицею молодаго графа. Романъ никогда не могъ узнать, какъ попалось письмо сестры его, которое онъ хранилъ тщательно, чтобы всегда имѣть власть надъ своимъ племянникомъ (еслибы ему удалось счастливо совершить обманъ), и оно было заперто у него въ сундукѣ. Онъ не иначе объяснялъ себѣ это, какъ дѣйствіемъ сомнамбулизма, которому былъ подверженъ.

НАПОЛЕОНЪ И КАНОВА. — Часы замка Фонтенебло пробили девять; Наполеонъ, сидя у пылающаго камина вмѣстѣ съ Маріей-Луизой, разговаривалъ съ нею о разныхъ домашнихъ дѣлахъ и хозяйствѣ, которыми любилъ иногда заниматься какъ простой гражданинъ. Никогда еще благородныя, античныя черты лица его не дышали такимъ самодовольствіемъ и такою безпечною радостью; онъ шутилъ, смѣялся, и если бъ кто-нибудь случай-

но вошелъ тогда въ эту комнату, то конечно не узналъ бы въ этомъ маленькомъ, толстенькомъ человѣчкѣ императора, который въ эту минуту, одѣтый въ простой сертукъ темнаго цвѣта, лежалъ развалившись въ широкихъ креслахъ. Концомъ сапога своего поправлялъ онъ дрова въ каминѣ, потиралъ съ замѣтнымъ удовольствіемъ руки, и разными шутками и ужертками заставлялъ Марію-Луизу произносить французскія фразы, съ которыми она была еще мало знакома, и которыя отъ ея нѣмецкаго выговора становились часто очень смѣшны. Императрица, въ угодность супругу своему, не мѣшала его забавѣ, и наконецъ сказала какую-то двусмысленность, заставившую Наполеона захохотать громкимъ гомерическимъ смѣхомъ. Сначала императрица немного разсердилась, но потомъ, разсмѣявшись сама, подошла къ мужу и сѣла къ нему на колѣни, какъ вдругъ отворилась дверь, и изъ-за нее выставилось длинное воинственное лицо Дюрока.

— Государь, сказалъ онъ: пріѣхалъ итальянскій художникъ.

«Приведи его сюда сію минуту» отвѣчалъ императоръ.

И, упершись ногою въ мраморъ камина, онъ отодвинулъ свое кресло, очистивъ такимъ-образомъ между собою и императрицею мѣсто для ожидаемаго ими гостя.

Гость этотъ не замедлилъ явиться, сдѣлалъ низкій поклонъ императору и императрицѣ, и, по знаку Наполеона, сѣлъ съ благородною самонадѣянностію въ кресла, которыя самъ императоръ придвинулъ къ камину.

«Привѣтствую васъ на землѣ Франціи, любезный Канова» сказалъ властитель пол-Европы самымъ ласковымъ тономъ. «Но какъ вы похудѣли и поблѣднѣли съ-тѣхъ-поръ, какъ я не видѣлъ васъ! Вы рѣшительно должны оставить Римъ и поселиться въ Парижѣ; воздухъ столицы искусствъ возвратитъ вамъ здоровье и силы... Посмотрите-ка сюда... видите ли, какъ мы цвѣтемъ здѣсь?» прибавилъ онъ, потрепавъ своею бѣлою маленькою рукою свѣжія, розовыя щеки Маріи-Луизы.

— Государь, не воздухъ моей родины, а плохое мое здоровье и труды сдѣлали меня такимъ, каковъ я теперь... Оставить навсегда Римъ было бы для меня невозможно, скажу больше: это было бы для меня убійственно.

«Парижъ столица міра; вы должны остаться здѣсь — я хочу этого» прибавилъ повелительнымъ голосомъ мужъ ласковый, сдѣлавшійся вдругъ опять императоромъ.

—Вы можете разполагать моею жизнію, государь; но если вашему величеству угодно, чтобъ жизнь эта была посвящена на службу вамъ, то позвольте мнѣ возвратиться въ Италію, когда я кончу бюстъ ея величества императрицы, который вы изволили поручить мнѣ.

«Прошу покорно, онъ не хочетъ оставаться при мнѣ!» воскликнулъ императоръ. Видишь ли ты, Луиза, у него только одно честолюбіе, — онъ хочетъ быть величайшимъ скульпторомъ въ мірѣ и торопится покинуть насъ, чтобъ отправиться въ Римъ тесать свой мраморъ и создавать изъ него какое-нибудь новое чудо, наподобіе Терпсихоры, Париса, Танцовщицы, Венеры.»

Послѣ этого разговоръ сдѣлался общимъ; говорили о разрытіяхъ, предпринятыхъ фамиліею Боргезовъ, объ итальянскихъ художникахъ, о вандамской колонѣ и о тысячи другихъ предметахъ. Ничто не было чуждо Наполеону, и онъ говорилъ обо всемъ съ глубокимъ знаніемъ дѣла. Канова не могъ

скрыть своего удивленія, и сказалъ императору:

— Я, право, не понимаю, гдѣ ваше величество находите время заниматься всѣмъ этимъ?

«У меня 60 мильйоновъ подданныхъ» возразилъ Наполеонъ съ улыбкой: «отъ 800 до 900 тысячь воиновъ; сто тысячь кавалеріи — чего не имѣли даже самые Римляне; я далъ сорокъ сраженій, сдѣлалъ сто тысячь выстрѣловъ въ-продолженіе одной ваграмской битвы, и вотъ эта дама, которая была тогда австрійскою эрцгерцогиней, очень желала въ то время моей смерти.»

И съ этимъ словомъ взглянулъ онъ на Марію-Луизу, которая, придавъ нарочно словамъ своимъ нѣмецкій выговоръ, отвѣчала:

— «Il etre bien frai.»

— Но теперь, замѣтилъ римскій художникъ, дѣла, кажется, нѣсколько перемѣнились.

«О, конечно!» воскликнула на этотъ разъ Марія-Луиза самымъ чистымъ французскимъ нарѣчіемъ, поцаловавъ руку императора, который взялъ молодую супругу свою за талію и заставилъ ее сѣсть къ себѣ на колѣни; но видя, что она противилась, сказалъ съ простодушною веселостію:

«Полно, полно! Канова другъ нашъ, а при друзьяхъ нѣчего церемониться. Къ-тому же его нѣжное, любящее сердце можетъ только радоваться при видѣ счастливаго супружества... Кстати, Луиза, я хочу разсказать тебѣ небольшой романъ; ты легко догадаешься, кто былъ его героемъ, и увидишь должны ли супруги, любящіе другъ друга, причудничать въ присутствіи Кановы.

Императоръ поцаловалъ Марію-Луизу и, оставивъ ее у себя на колѣняхъ, началъ свой разсказъ такимъ образомъ:

«Въ Тревизской Провинціи есть небольшая деревушка, называемая Поссаньйо: тамъ протекло дѣтство сына одного архитектора, умершаго на 27 году отъ рожденія; вдова его вышла во второй разъ за-мужъ за Сарторія де-Креспано. Сыну ея было четыре года; его звали Антоніо, и онъ жилъ у своего дѣда, который, обращаясь съ нимъ довольно-строго, отослалъ его наконецъ на осень въ Падраццо, къ одному изъ своихъ пріятелей, сенатору Фальеро. Фальеро скоро замѣтилъ врожденный умъ и понятливость маленькаго своего гостя, полюбилъ его, и, видя, какъ онъ ловко лѣпилъ изъ глины разныя фигуры, отдалъ его въ ученье къ одному довольно-хорошему скульптору, по имени Торетто.»

— Какъ! воскликнулъ удивленный Канова: вашему величеству извѣстны всѣ эти мелочныя подробности моей частной жизни?...

«Я знаю и еще кое-что» замѣтилъ лукаво Наполеонъ и продолжалъ:

«Торетто былъ человѣкъ строгихъ правилъ; но, не смотря на всю бдительность, съ какою онъ слѣдилъ за своимъ любимымъ ученикомъ, Антонію удавалось иногда ускользать изъ мастерской и вмѣшиваться по праздникамъ въ танцы деревенскихъ жителей. — Ему было тогда 16 лѣтъ. Однажды, во время собиранія винограда, встрѣтилъ онъ толпу крестьянокъ, одѣтыхъ въ праздничныя платья, и скоро дѣла уладились такимъ-образомъ, что одна изъ нихъ, Бетина Біази, подала руку свою Антоніо, и они во весь вечеръ танцовали вмѣстѣ тарантеллу.»

Глубокій вздохъ вырвался изъ груди Кановы; императоръ сжалъ руку Маріи-Луизы и, не прерывая своего разсказа, продолжалъ:

«Бетинѣ было четырнадцать лѣтъ: большие черные глаза ея горѣли какъ два угля; станъ ея былъ строенъ и тонокъ, и никогда еще ни одна женщина не имѣла такихъ чудесныхъ волосъ, которыя въ черныхъ, густыхъ локонахъ разсыпались по ея бѣленькимъ плечикамъ.

«Все это очаровало восторженнаго Антоніо. Что же касается до его дѣда, то ему гораздо болѣе нравилось приданое Бетины, чѣмъ всѣ ея прелести,— приданое довольно значительное для бѣднаго ученика. Итакъ родители молодыхъ людей вошли другъ съ другомъ въ сношенія и положили соединить Антоніо и Бетину. Вѣсть объ этомъ дошла до Фаліеро и Торетто; они поняли, что бракъ этотъ долженъ былъ разрушить всю художническую будущность ихъ любимца и рѣшились во что бы ни стало спасти его. Однажды ночью вошли они вдругъ въ комнату Антоніо, приказали ему слѣдовать за ними и, не смотря на его слезы и отчаяніе, увезли въ Венецію, гдѣ въ-продолженіе цѣлаго года строго за нимъ присматривали. Всякая попытка къ бѣгству и къ возвращенію въ Падраццо была напрасна, и бѣдный молодой человѣкъ долженъ былъ искать утѣшенія въ искусствѣ, которому предался всею душею.

«Скоро дарованія и талантъ молодаго скульптора сдѣлали его извѣстнымъ и богатымъ; всѣ стали ухаживать за нимъ, и граверъ Вальпато умѣлъ распорядиться такъ ловко, что Антоніо сталъ меньше думать о Бетинѣ и больше заниматься синьйорою Доменикой, очень-миленькой кокеткой, которая была дочерью гравёра. Начали поговаривать о свадьбѣ, и какъ Доменикѣ было только 13 лѣтъ, то молодыхъ людей только обручили, отложивъ брачную церемонію до слѣдующаго года. Но, увы! на слѣдующій годъ Доменика была женою Рафаэля Моргена!... Бѣдный Антоніо едва не умеръ отъ отчаянія, въ которое повергла его такая ужасная измѣна.»

Канова погрузился въ глубокую задумчивость и, казалось, не слышалъ того, что говорилъ императоръ.

«Врачи и друзья больнаго совѣтовали ему оставить Венецію и подышать снова, нѣсколько времени, воздухомъ родины. Если бы Корвизанъ былъ теперь съ нами, онъ сказалъ бы, что лекарству этому не вѣрятъ медики, и что оно однакожь всегда удается. Итакъ Антоніо отправился въ Поссаньйо; дорогою воспоминаніе о Бетинѣ Біази, объ этой молоденькой дѣвушкѣ, столь прекрасной, столь любящей, овладѣло всею его душою...О, я неблагодарный! восклицалъ онъ: какъ могъ я забыть ее и измѣнить ей!

И онъ употребилъ всевозможныя усилія, чтобъ позабыть Доменику и думать только объ одной Бетинѣ. Онъ мечталъ о счастіи, которое ожидало его при свиданіи съ этою милою дѣвушкою; сердце его снова дружилось съ надеждами, и онъ твердо рѣшился на другой же день своего прибытія отправиться въ Падраццо... Но вотъ колокольня церкви Позаньйо показалась въ отдаленіи... Сердце Антоніо забилось съ необыкновенною силой; ветурино, въ которомъ онъ ѣхалъ, подвигалось впередъ слишкомъ медленно для его нетерпѣнія; онъ выскочилъ вонъ, пустился по знакомой ему тропинкѣ, въ сторону отъ большой дороги, и скоро былъ уже у воротъ маленькаго городка. Вдругъ толпа молодыхъ людей, которые, притаясь за кустами, ожидали его прибытія, окружаютъ его, сжимаютъ въ своихъ объятіяхъ и оглашаютъ воздухъ радостными кликами. Антоніо останавливается, онъ не можетъ говорить, сердце

сильно бьется въ груди его, глаза полны слезъ... Вся дорога усыпана олеандровыми листьями и иммортелями: всѣ жители Поссаньйо, въ праздничныхъ одеждахъ, женщины, дѣти, старики съ зелеными вѣтвями въ рукахъ стоятъ вдоль дороги и, кланяясь знаменитому художнику, привѣтствуютъ его, восклицая громко «Vivat! Vivat!» Потомъ старый учитель Кановы, почтенный Торетто, выходитъ къ нему на встрѣчу, прижимаетъ къ груди своей милаго ученика и слезы умиленія и радости текутъ по щекамъ его... Вотъ мать Кановы; вотъ его тесть и за ними... какая-то молодая женщина, украдкою отирающая слезы.

«Bettina, mia Bettina! восклицаетъ Канова и, простирая къ ней руку, хочетъ говорить съ нею, но колокола деревенской церкви начинаютъ звонить, имъ отвѣтствуютъ ружейные залпы—и священникъ, сопутствуемый своимъ причетомъ, въ праздничной ризѣ приближается къ толпѣ, становится на колѣни и громкимъ голосомъ воздаетъ хвалу Провидѣнію, давшему Поссаньйо такого славнаго сына, какъ Канова. Потомъ старикъ-священникъ беретъ художника за руку, мать схватываетъ его за другую, и весь кортежъ съ тріумфомъ ведетъ Антоніо къ его дѣду, который отъ дряхлости и болѣзней былъ принужденъ остаться дома.»

— Ахъ, государь! ради Бога, кончите этотъ разсказъ, который пробуждаетъ во мнѣ столько тягостныхъ и вмѣстѣ сладкихъ воспоминаній! воскликнулъ Канова прерывающимся отъ рыданій голосомъ.

Но Наполеонъ былъ доволенъ впечатлѣніемъ, которое произвелъ разсказъ его на слушателей, и не хотѣлъ остановиться. Канова былъ сильно встревоженъ, и Марія-Луиза нѣсколько разъ была принуждена отирать слезы.

«Слушай окончаніе, Луиза» продолжалъ императоръ, обращаясь прямо къ императрицѣ. «Мы приближаемся къ развязкѣ, а она стоитъ всей повѣсти.

«На слѣдующее утро, когда Канова входилъ въ садъ своего дѣда, увидѣлъ онъ подходящую къ нему Бетину Біанзи. Пять лѣтъ ни мало не измѣнили красоты ея, она была только нѣсколько-блѣдна и походила на мраморныя статуи Кановы, у которыхъ какому-нибудь живописцу вздумалось бы расписать черною краскою глаза и волосы.

— «О Бетина! Бетина! воскликнулъ Антоніо: простишь ли ты мнѣ мою неблагодарность и согласишься ли возвратить счастіе, которое я такъ мало заслуживаю. Мнѣ стоило только снова увидѣть тебя и весь пылъ, вся святость прежней любви моей опять воскресли для меня!

«Выслушай меня, Антоніо» сказала Бетина дрожащимъ отъ сильнаго душевнаго волненія голосомъ. «Выслушай меня, Antonio mio; много и жестоко страдала я, когда до меня дошелъ слухъ, что ты хотѣлъ жениться на Доменикѣ, хотя уже въ то время я поняла, что простая крестьянка изъ Падраццо, что невѣста ученика Антоніо не могла уже быть женою знаменитаго художника Кановы. Не смотря на это, я отказывалась однакоже отъ всѣхъ партій и въ-продолженіе пяти лѣтъ жила только воспоминаніемъ о тебѣ. Но когда я узнала, что ты намѣревался возвратиться въ Поссаньйо, когда по собственному сердцу своему почувствовала, что тебѣ нельзя будетъ увидѣть равнодушно ту, которую ты нѣкогда любилъ,—когда я подумала, что можетъ-быть, мы оба будемъ до того слабы, что захотимъ при-

вести въ изполненіе давнишнія желанія, которыя въ настоящемъ твоемъ положеніи были бы безумствомъ — тогда я твердо рѣшилась не только спасти тебя отъ такой бѣды, но и предохранить насъ обоихъ отъ напрасныхъ слезъ и бореній —... тогда я вышла замужъ!...

— Ты замужемъ! замужемъ!

«Да Антоніо, недѣлю тому назадъ отдала я руку свою доброму и честному крестьянину, который четыре года сватался за меня.»

—О! сколько благородства, сколько любви и самоотверженія въ этой бѣдной женщинѣ! возкликнула Марія-Луиза.

Канова вскочилъ съ своего мѣста и, прислонясь головою къ пиластру окна, старался скрыть сильное душевное волненіе, въ которое повергнулъ его разсказъ Наполеона.

Въ эту минуту кто-то тихо стукнулъ въ дверь, и министръ полиціи, герцогъ отрантскій выставилъ изъ-за нее свою безобразную и умную голову.

«Никогда приходъ вашъ, герцогъ, не былъ такъ кстати, какъ теперь» сказалъ Наполеонъ... «Посмотрите, какое впечатлѣніе, какой эффектъ произвелъ я на моихъ слушателей, благодаря тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя вы за недѣлю предъ симъ получили для меня изъ Италіи....

«Прощайте Канова» прибавилъ онъ, ударивъ художника тихонько по плечу. «Займитесь изполненіемъ бюста жены моей, и если по окончаніи его вы все еще будете упорствовать въ намѣреніи своемъ возвратиться въ Италію, то Наполеону пріидется уступить вамъ... Прощайте! Я иду работать съ герцогомъ отрантскимъ... О! тяжка должность императора» прибавилъ онъ: «и я не всегда, какъ нынѣче, имѣю возможность сидѣть у камина между другомъ и женою, и проводить съ ними по нѣсколько пріятныхъ для сердца минутъ! Пойдемте, герцогъ, я къ вашимъ услугамъ.»

И, сказавъ это, императоръ вышелъ изъ комнаты вмѣстѣ съ своимъ министромъ.

Мы едва не забыли сказать, что вечеръ этотъ былъ 11 октября 1810 года, и что императоръ, Марія-Луиза и Канова провели его въ той самой комнатѣ и подлѣ того самого камина, гдѣ 11 апрѣля 1814 года Наполеонъ подписалъ свое отреченіе...
